This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

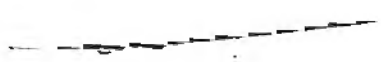
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

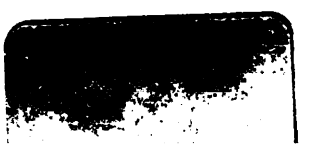
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

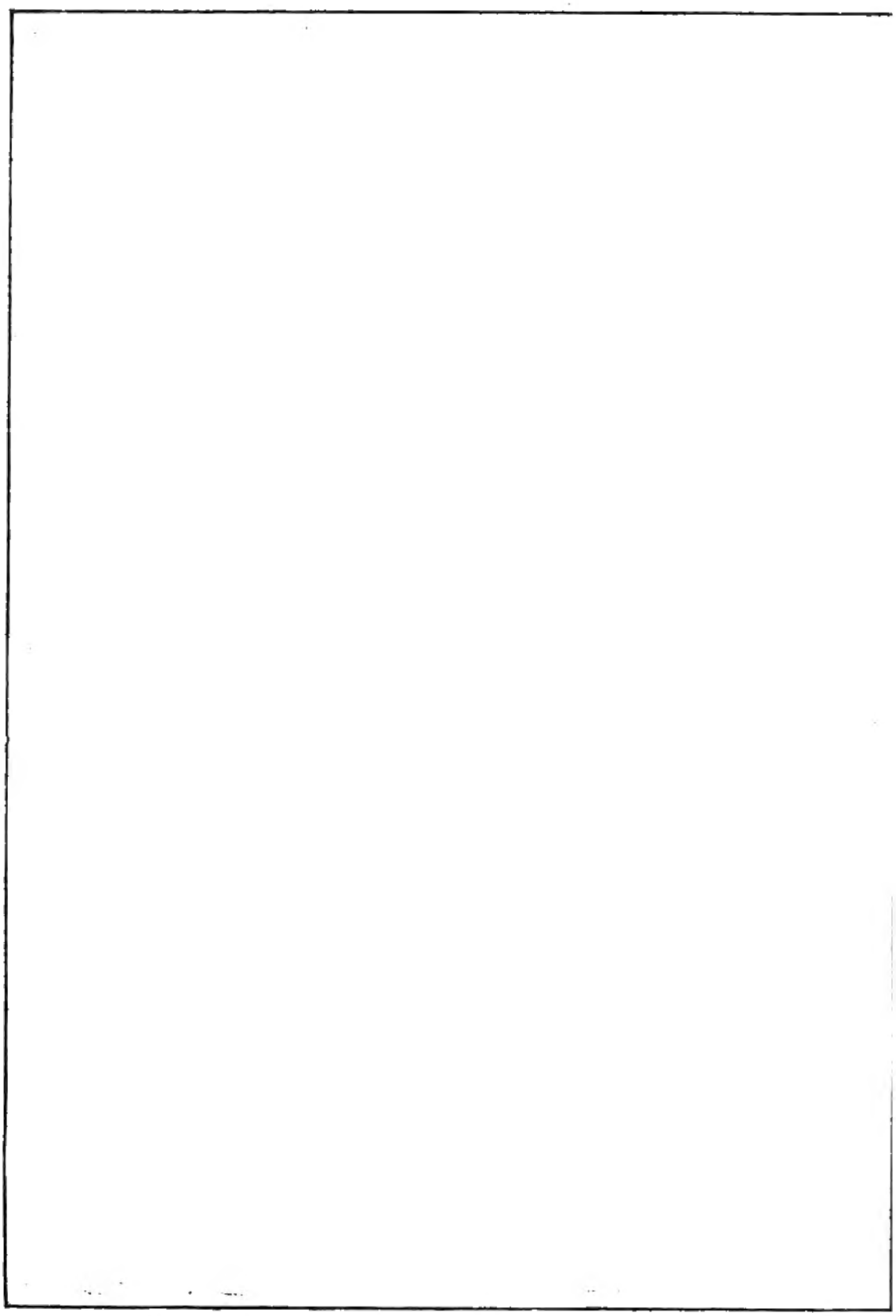
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/







Король Генрихъ VI.

Историческая драма къ послѣднему десятилѣтію царствованія королевы Елизаветы стала вдохновляться патріотическими идеями. „Великая Армада", угрожавшая берегамъ Зеленаго острова, была развѣяна, и „морская дѣва, царствующая на Западѣ", представилась теперь въ ореолѣ непобѣдимой защитницы родины. Національное самосознаніе пробудилось въ англійскомъ обществѣ съ особой силой. Настроеніе стало приподнятымъ, гордымъ, полнымъ увѣренности въ себѣ и вѣры въ свои силы. Изъ всей англійской исторіи, разсказанной Голиншедомъ и Голлемъ, невольно притягивала къ себѣ вниманіе фигура побѣдителя французовъ храбраго короля Генриха Пятаго, о подвигахъ котораго пѣлись народныя баллады. Около 1588 г. неизвѣстный авторъ и доставилъ Лондонской публикѣ удовольствіе увидѣть представленіе „Знаменитыхъ побѣдъ Генриха Пятаго, содержащее въ себѣ славную битву при Азинкурѣ". Пьеса имѣла громкій успѣхъ. Шутовскія сцены, введенныя вѣроятно Тарльтономъ, какъ бы вторили въ ней воинственному лиризму патріотическихъ увлеченій, еще болѣе подчеркивая ихъ чисто народный характеръ. Прошло два—три года и Нашъ еще не можетъ забыть объ этой драмѣ. „Какъ пріятно, восклицаетъ онъ въ одномъ памфлетѣ 1592 года, видѣть на сценѣ Генриха Пятаго, ведущаго плѣнниками французскаго короля и его дофина, чтобы они присягнули ему въ вѣрности".

И воспоминанія о владычествѣ Англіи надъ Франціей не оставляли воображенія патріотически настроенныхъ поэтовъ. Они невольно заняли центральное мѣсто въ англійской исторіи. Почему же это утратила Англія свое ленное владычество надъ Франціей уже при сынѣ Генриха V, Генрихѣ VI? Какъ связать царствующую теперь династію съ славнымъ побѣдителемъ при Азинкурѣ? Отчего возникли всѣ эти внутреннія распри, вся „та кровавая борьба Іоркской и Ланкастерской династій, называемая „войной алой и бѣлой розы"? Вотъ сомнѣнія, которыя хотѣлось невольно какъ нибудь разрѣшить, вотъ вопросы, надъ которыми невольно тянуло призадуматься и поразмыслить.

Этимъ историко-философскимъ интересамъ отвѣтили цѣлыхъ три слѣдовавшія за „Знаменитыми побѣдами Генриха Пятаго" драматическія хроники.

Въ 1594 году вышла „*Первая часть борьбы между двумя знаменитыми домами Іоркскимъ и Ланкастерскимъ, со смертью добраго герцога Гомфри, и съ изгнаніемъ и со смертью герцога Суффолька и трагическимъ концомъ гордаго кардинала Винчестера, съ замѣчательнымъ возмущеніемъ Джека Кеда и съ посягательствомъ герцога Іоркскаго на корону*". Годомъ позже за ней послѣдовала другая пьеса съ такимъ же пространнымъ заглавіемъ: „*Истинная трагедія о Ричардѣ, герцогѣ Іоркскомъ, и о смерти добраго короля Генриха VI, со всей борьбой между Ланкастерскимъ и Іоркскимъ домами, въ томъ видѣ, какъ онѣ сколько разъ была представлена служителями графа Пемброка*". Въ 1600 г. подъ тѣми же заглавіями вновь появились пьесы, въ высшей степени схожія съ только-что названными, и въ новомъ изданіи 1619 г. онѣ уже носятъ одно общее заглавіе: „*Вся борьба между двумя знаменитыми домами Ланкастерскимъ и Іоркскимъ. Съ трагическимъ концомъ добраго герцога Гомфри, герцога Ричарда Іоркскаго и короля Генриха VI. Въ двухъ частяхъ и вновь исправленная и дополненная. Написана Вильямомъ Шекспиромъ*".

Сообразно послѣднему пьесы эти и вошли въ первое изданіе произведеній Шекспира 1623 года. Это — „Вторая и третья части Генриха VI", которымъ предшествуетъ еще и новая книга „Первая часть". Болѣе ранняго изданія этой первой части до насъ не дошло, но несомнѣнно она старше второй и третьей и была разыграна въ театрѣ „Роза" 3 марта 1592 г. Подъ этимъ числомъ помѣщена пьеса „Генрихъ VI" въ извѣстномъ дневникѣ Генсло и это, конечно, и есть наша „Первая часть". Въ томъ же 1592 году Нашъ дѣлаетъ совершенно ясный намекъ на ея главнаго героя Тальбота. „Какъ должна была обрадовать Тальбота, этого устрашителя французовъ,—восклицаетъ онъ,—мысль, что, пролежавъ двѣсти лѣтъ въ могилѣ, онъ опять будетъ одерживать побѣды на сценѣ, что кости его снова будутъ покрыты бальзамомъ слезъ по крайней мѣрѣ десяти тысячъ зри-

телей (въ нѣсколько представленій), которые, видя его передъ собою въ трагедіи, вообразятъ себѣ, что онъ вновь обливается передъ ними свѣжей кровью".

Приблизительно около 1592 года, три трегедіи разсказывали такимъ образомъ событія отъ смерти Генриха V (1422 г.) до воцаренія Іоркской династіи въ лицѣ Эдуарда IV (1461 г.) и до смерти короля Генриха VI (1471 г.). А когда возникнетъ и „Ричардъ III" Шекспира, эти событія уже будутъ доведены до восшествія на престолъ Генриха VII (1485—1509 г.), родного дѣда „царственной дѣвы" Елизаветы.

И всѣ эти шестьдесятъ три года англійской исторіи были объединены однимъ общимъ поэтическимъ замысломъ. Черезъ всѣ разсказанныя здѣсь событія, отъ осады Орлеана и появленія во французскомъ войскѣ Іоанны д'Аркъ, черезъ перипетіи интригъ королевы Маргариты вмѣстѣ съ Суффолькомъ и епископомъ Винчестерскимъ противъ герцога Гомфри, черезъ возмущеніе Джека Кеда и возстаніе Ричарда Плантагенета, герцога Іоркскаго, черезъ битву при Сентъ-Албанѣ, до сватовства Эдуарда Іоркскаго во Франціи и отпаденія отъ него его брата, Кларенса и наконецъ до убійства Ричардомъ Глостеромъ Генриха VI, черезъ всѣ эти разнообразные историческіе факты красной нитью проходитъ одна идея. Въ центрѣ ихъ поставлена личность, либо слабая, робкая, не соотвѣтствующая тому назначенію, какое ей выпало на долю, либо, напротивъ, дерзающая и преступная. Судьба личностей опредѣляетъ собою направленіе событій, а самой этой судьбою личностей управляетъ незыблемый и роковой моральный законъ мірозданія.

Дѣйствительно, уже въ „Первой части", несмотря на хаотичность дѣйствія, совершенно ясно выступаетъ основной, задуманный авторомъ замыселъ.

Генрихъ V, побѣдитель при Азинкурѣ, умеръ, и въ Англіи нѣтъ болѣе короля. Только братъ покойнаго Гомфри Глостеръ, регентъ королевства, еще держитъ кое-какъ бразды правленія. Но онъ не король и далеко не то, что его царственный братъ. А между тѣмъ, вотъ съ континента приходятъ извѣстія о томъ, что дофинъ Карлъ короновался въ Реймсѣ, что почти вся Франція въ возмущеніи. И рядомъ съ этимъ въ самой Англіи начинается смута: Генрихъ Бофоръ, епископъ Винчестерскій, не хочетъ признать регентства Глостера и между ними сразу возникаетъ глухая вражда, а тутъ еще разгорается другая, болѣе страшная, болѣе чреватая послѣдствіями распря: еще живъ старый Мортимеръ, томящійся въ темницѣ за то, что онъ, правнукъ Ліонеля, второго сына Эдуарда III, не призналъ законнымъ королемъ Генриха V. Генрихъ V — сынъ Генриха IV, Болинброка и внукъ лишь третьяго сына Эдуарда III, Джона Гаунтскаго, герцога Ланкастерскаго. Когда Генрихъ IV, Болинброкъ, свергнулъ съ престола своего двоюроднаго брата, слабаго короля Ричарда II, сына Эдуарда, Чернаго принца, онъ прошелъ на тронъ королевства, лишь нарушивъ права Мортимеровъ, потомковъ Ліонеля. Мужество Генриха V заставило забыть вопросъ о престолонаслѣдіи. Сынъ узурпатора, онъ былъ по своимъ личнымъ достоинствамъ законный владыка Англіи. Но теперь его не стало, его сынъ малолѣтенъ, и старый Мортимеръ зоветъ въ свою тюрьму своего племянника, Ричарда Плантагенета, внука четвертаго сына стараго короля Эдуарда III, Эдмунда, герцога Іоркскаго, и напоминаетъ ему, что отецъ его, сынъ этого Эдмунда Іоркскаго, Ричардъ былъ женатъ на его, Мортимера, сестрѣ Аннѣ и что теперь черезъ эту Анну Мортимеръ Ричардъ Плантагенетъ, законный герцогъ Іоркскій, имѣетъ всѣ права и на королевскій престолъ, какъ отпрыскъ по матери старшей линіи королевской династіи.

А короля все нѣтъ. Только въ третьемъ актѣ видимъ мы этого мальчика Генриха VI. Онъ добръ и ласковъ, онъ всѣхъ хочетъ примирить, но у него нѣтъ ни мужества, ни отваги, ни истинной царственной, требующей подчиненія личности. И съ самаго появленія Генриха все понятно: славное время исторія Англіи прошло безвозвратно, утрата Франціи неизбѣжна, „война алой и бѣлой розы" послѣ спора младшей линіи Ланкастеровъ и Ричарда Іоркскаго во дворѣ Темпля неминуемо должна настать.

Правда, если слабость короля и стародавнее преступленіе его дѣда, Болинброка, искупленное только отчасти подвигами Генриха V, должно получить возмездіе, то вѣдь во Франціи борется вообще англійское оружіе, которое, какъ таковое, въ моментъ написанія трагедіи должно было казаться все таки непобѣдимымъ. Успѣхи его вѣдь зависятъ не отъ одного мужества короля. Неужели же французы оказались доблестнѣе англичанъ? Неужели среди англійскихъ рыцарей трусъ и измѣнникъ не одинъ только Джонъ Фастольфъ? Этого, конечно, нельзя было допустить и отсюда

главныя отступленія въ этой драмѣ, отсюда главная ея запутанность. Событія во Франціи надо было охарактеризовать всесторонне и подробно.

Такъ возникъ, какъ выражается нѣмецкая критика, „смежный сюжетъ" трагедіи.

Въ центрѣ его стоятъ англійскій герой Тальботъ и французская дѣвушка-воинъ, Іоанна д'Аркъ. Отвага Тальбота—несокрушима. Подъ Орлеаномъ и подъ Руаномъ онъ всюду остается побѣдителемъ. И, очевидно, не доблесть французовъ могла его погубить. Если онъ потерялъ Руанъ, то только изъ-за хитрости и предательства. Они воплощены въ Іоаннѣ д'Аркъ. Уже въ хроникѣ Голиншеда она изображена колдуньей и недостойной коварной обманщицей. Такою же она появляется и въ нашей трегедіи. Односторонность при ея обрисовкѣ была естественна; особаго вниманія автора она не могла къ себѣ привлечь; этимъ еще нарушилось бы то внутреннее единство, кое-какъ да спаивающее вмѣстѣ всѣ эти сцены, переносящіеся изъ Лондона во Францію, изъ Гаскони въ Руанъ, отъ придворныхъ интригъ, на поле брани. Разъ версія Голиншеда соотвѣтствовала замыслу, ее надо было принять безъ измѣненій.

Но не своими военными хитростями и адскими чарами, не тѣмъ, что она склоняетъ герцога Бургундскаго измѣнить англичанамъ—сильна Орлеанская дѣва. Вѣдь чары ея въ концѣ концовъ становятся безсильны и ей предстоитъ получить возмездіе на кострѣ. Коварство Іоанны только вторитъ и помогаетъ всеобщему распаду. Безсиліе короля передъ спорящими вокругъ его престола пэрами—вотъ въ чемъ главная бѣда. Этимъ основной замыселъ трагедіи сплетается со „смежнымъ сюжетомъ". Тальботъ погибаетъ вмѣстѣ съ сыномъ, потому что Ричардъ Іоркскій не можетъ согласиться съ герцогомъ Соммерсетомъ, принадлежащимъ къ младшей линіи Ланкастерскаго дома. Впрочемъ, и съ гибелью Тальбота еще далеко не все потеряно; самъ Ричардъ Іоркскій, захватившій въ плѣнъ Іоанну д'Аркъ, вѣдь также герой. Какъ претендентъ на англійскую корону, онъ не можетъ не дорожить владѣніями во Франціи и, какъ дѣдъ Елизаветы Іоркской, бабки побѣдительницы „великой Армады", королевы Бетти, онъ долженъ былъ явиться въ ореолѣ воинской доблести. Слабость короля Генриха заставляетъ его подпасть подъ вліяніе Суффолька, влюбленнаго въ Маргариту Анжу. „Французская волчица" становится англійской королевой, и этотъ бракъ съ иноземкой и влечетъ за собой уступку прерогативъ Англіи надъ французской короной.

И женитьба короля на Маргаритѣ Анжу естественно представлялась бѣдствіемъ. Изобразить его такимъ значило высказать косвенное одобреніе самой королевѣ Бетти, отвергшей французское и испанское сватовство.

Бракъ Генриха VI и Маргариты Анжу, заканчивающій „Первую часть" нашей трилогіи, составляетъ какъ бы конецъ перваго акта всего трагическаго замысла. Утрата сузеренитета во Франціи только показатель вящшей слабости короля и грядущаго безславнаго времени. Главная трагическая катастрофа еще впереди; подойти къ ней быстрѣе помѣшали утѣшительныя для національнаго самолюбія сцены подвиговъ Тальбота и коварства Орлеанской дѣвы. И вторая и третья части сплетаются между собою уже тѣснѣе. Дѣйствіе почти не покидаетъ Англіи; содержаніе болѣе не двоится. Все дѣло въ борьбѣ Ланкастерскаго дома съ Іоркскимъ. Даже возмущеніе Кэда, останавливающее насъ на полъ-пути во второй части, только одинъ изъ эпизодовъ этой борьбы. „Французская волчица", отъ которой происходятъ всѣ главныя бѣдствія Ланкастерской династіи, держитъ въ своихъ рукахъ всѣ нити событій. Это по ея винѣ король отнимаетъ регентство у Гомфри Глостера, единственной надежды Англіи. Враждою противъ брата Генриха V королевы Маргариты пользуется и епископъ Венчестерскій. Герцогъ Гомфри свергнутъ и тогда начинается истинная анархія. Ея олицетвореніе этотъ Джекъ Кедъ, изображенный въ нашихъ пьесахъ врагомъ всякаго порядка. Мечты о всеобщемъ равенствѣ ведутъ лишь къ разрушенію, къ убійству, къ разложенію всего государственнаго порядка. Вотъ чего добилась своими интригами „французская волчица", вотъ до чего довела Англію себялюбивая политика враждующихъ между собою пэровъ.

И тутъ среди всего этого замѣшательства впервые рѣшается и Ричардъ Іоркскій перейти отъ словъ къ дѣлу. Ему, конечно, помогъ случай—военное порученіе въ Ирландіи; иначе онъ не оказался бы такъ легко во главѣ войска, но главная причина его дѣйствій противъ короля, главная причина его успѣха во время Сентъ-Албанской битвы, конечно, въ ослабленіи принципа государственности, внесенномъ „французской волчицей".

Если на битвѣ при Сентъ-Албанѣ и заканчивается вторая часть трагедіи, то, какъ трагедія историческая, она составляетъ лишь дальнѣйшее развитіе дѣйствія. Высшимъ моментомъ общаго историческаго замысла трагедіи надо признать эту пятую сцену второго акта „Третьей части", когда король Генрихъ VI сознается, что онъ не призванъ вовсе царствовать, и въ это время рядомъ съ нимъ мучаются въ угрызеніяхъ совѣсти и безпредѣльномъ отчаяніи жертвы допущеннаго имъ междоусобія: отецъ убившій своего сына, сынъ убившій своего отца. Вотъ, чѣмъ была эта „война алой и бѣлой розы", вотъ до чего довелъ свою страну король, ради коварной „французской волчицы" отказавшейся отъ прерогативъ во Франціи купленныхъ англійской кровью. Бѣдствія Англіи дошли теперь до высшаго своего проявленія. Казалось бы, все должно погибнуть, и надежды не чуется ни откуда.

Сцену послѣдней битвы, проигранной Генрихомъ Шестымъ въ „Третьей части" можно признать, такимъ образомъ катастрофой самой національной трагедіи. Но трагедія горестей англійской державы только „смежные сюжеты", только отраженіе трагедіи борьбы за престолонаслѣдіе и за личные выгоды и счеты пэровъ королевства.

Возмездіе должны получить всѣ виновники бѣдствій родины. Согласно тому взгляду на мірозданіе, по которому оно управляется однимъ общимъ моральнымъ закономъ, трагическій конецъ долженъ постигнуть и этого Суффолька, сосватавшаго королю „французскую волчицу", и епископа Винчестерскаго, погубившаго вмѣстѣ съ ними добраго герцога Гомфри Глостера, и Ричарда Іоркскаго, возставшаго противъ сына побѣдителя при Азинкурѣ, и, наконецъ, самого слабаго Генриха Шестого, допустившаго междоусобія. И при нѣсколько хаотическомъ, слишкомъ повѣствовательномъ характерѣ всѣхъ этихъ трехъ драматическихъ хроникъ, въ обѣихъ послѣднихъ частяхъ ея, то тамъ, то сямъ пестрѣютъ частичныя катастрофы, отвлекая вниманіе и не давая всему ходу дѣйствія пріобрѣсти вполнѣ законченную стройность. Оттого такой случайной оказывается смерть Суффолька, оттого такъ неожиданно и какъ бы ненужно врѣзывается коротенькая третья сцена III акта „Второй части", гдѣ мучается на смертномъ одрѣ епископъ Винчестерскій. Случайно и почти ненужно и убійство короля Генриха Шестого въ концѣ „Третьей части".

Изъ-за этого преобладанія повѣствовательнаго элемента и невыдержанности трагическаго дѣйствія почти забытой оказалась и „французская волчица" Маргарита Анжу.

Въ третьей части въ центрѣ дѣйствія стоитъ уже не она. Тутъ впервые развертывается передъ нами фигура главнаго мстителя за всѣ злодѣянія, самаго коварнаго, дерзающаго, сильнаго и страшнаго изъ потомковъ Эдуарда III, неостанавливающагося ни передъ какимъ злодѣйствомъ, Ричарда Глостера, третьяго сына Ричарда Іоркскаго.

Съ его полнымъ трагическимъ воспроизведеніемъ англійская публика ознакомилась нѣсколькими годами позже, когда вышелъ „Ричардъ III" Шекспира, но и теперь, въ „Третьей части Генриха VI", уже чувствуется его сумрачная личность и желѣзная воля. Зритель уже подозрѣваетъ, что этотъ бичъ Ланкастерской династіи погубитъ и свою собственную вѣтвь королевскаго дома. Если ему выпало на долю умертвить Генриха VI, то въ послѣднемъ актѣ онъ уже замышляетъ козни противъ своего брата Кларенса, стоящаго между нимъ и его старшимъ братомъ, первымъ королемъ изъ Іоркской династіи, Эдуардомъ IV. И своему царственному брату онъ вѣренъ лишь до поры до времени. Воспитавшійся въ этой кровопролитной войнѣ ради королевскаго престола, онъ самъ стремится сѣсть на мѣстѣ брата, и никакое преступленіе не остановитъ его; мы невольно ждемъ, что рука его обагрится кровью его племянниковъ Эдуарда и Ричарда, наслѣдниковъ Эдуарда IV.

Трагическая фигура Ричарда III уже ведетъ насъ къ окончательной развязкѣ всей этой трагедіи полувѣка англійской исторіи. Воцарившаяся въ годины смутъ Іоркская династія должна погибнуть въ страшныхъ угрызеніяхъ совѣсти Ричарда, когда онъ наконецъ достигнетъ престола. Преступленія привели ее къ гибели, какъ преступленія имѣли результатомъ и паденіе старшей линіи Ланкастеровъ. Только новая династія можетъ принести миръ и политическое величіе Англіи.

Эта династія взойдетъ на престолъ съ Генрихомъ VII, потомкомъ младшей линіи Ланкастерскаго дома, въ лицѣ Джона Соммерсета боровшейся съ герцогомъ Ричардомъ Іоркскимъ.

Побѣда Генриха VII, Ричмонда, надъ Ричардомъ III и восшествіе его на престолъ изображается въ Шекспировской трагедіи

„Ричардъ III", но уже „Третья часть Генриха VI" забѣгаетъ впередъ и предсказываетъ новую династію. Генрихъ VI пророчествуетъ маленькому Ричмонду, что ему предстоитъ возсоздать новый разцвѣтъ англійской державы, и онъ называетъ этого случайно встрѣченнаго имъ мальчика „надеждой Англіи". Дѣдъ королевы Елизаветы такимъ образомъ какъ бы становится законнымъ наслѣдникомъ и Генриха V, побѣдителя при Азинкурѣ; онъ какъ бы призванъ царствовать надъ сыномъ Генриха V преступно слабымъ, но добрымъ Генрихомъ VI. На самомъ дѣлѣ Генрихъ Ричмондъ пріобрѣтетъ право на корону Англіи тѣмъ, что женится на дочери Эдуарда IV изъ Іоркской династіи, но автору нашей трилогіи очевидно хотѣлось сблизить его потомковъ именно съ той линіей Ланкастерскаго дома, изъ которой вышелъ національный герой, сюзеренный владыка не только Англіи, но и побѣжденной силой англійскаго оружія „прелестной Франціи".

Такъ разрѣшилась историко-философская проблемма о преемственности англійскаго престолонаслѣдія и тѣсно связанная съ нею эпопея національнаго самосознанія Англіи. Но привести даже къ подобному далеко не совершенному трагическому единству событія исторіи Англіи удалось, конечно, не безъ цѣлаго ряда натяжекъ и отступленій. Авторъ нашей трилогіи далеко не придерживается точной исторической правды. Эдмундъ Мортимеръ, томящійся согласно нашей трагедіи въ темницѣ и сообщающій Ричарду Іоркскому о его правахъ на корону, вовсе не былъ въ дѣйствительности дядей Ричарда и умеръ спокойно на свободѣ, вовсе не во враждебныхъ отношеніяхъ ко двору. Еще болѣе отклоняются отъ истины наши драматическія хроники относительно Ричарда Глостера, брата короля Эдуарда IV. Онъ родился въ 1452 году и слѣдовательно въ Сентъ-Албанской битвѣ (1455 г.) никакого участія принимать не могъ. Онъ находился въ то время на континентѣ при дворѣ своей сестры герцогини Бургундской. Въ Англію онъ прибылъ лишь девятнадцати лѣтъ въ 1571 году, когда братъ его, король Эдуардъ IV, вновь вернулся въ Англію, чтобы окончательно утвердиться на престолѣ.

Такое же вольное обращеніе съ историческими фактами позволяетъ себѣ наша трагедія и въ сценахъ возстанія Джэка Кеда. Эта ненависть народной толпы противъ всѣхъ грамотныхъ людей заимствована изъ разсказа того же Голиншеда о болѣе раннемъ возстаніи Уота Тайлора.

И вспомнилась автору нашей трагедіи эта черта движенія 1381 года конечно не спроста. Тутъ, въ произвольномъ обращеніи именно съ этими историческими фактами, мы увидимъ совершенно ясно, по какому направленію стремился авторъ въ интерпретаціи событій, каковы тѣ жернова, которые перемололи ихъ въ его воображеніи.

Джэкъ Кедъ интересовалъ автора нашихъ трагедій не самъ по себѣ. Онъ въ полномъ смыслѣ слова—личность эпизодическая. Обстоятельства этого народнаго возстанія даже не „смежный сюжетъ", какъ борьба Тальбота съ Іоанной д'Аркъ въ „Первой части". Джэкъ Кедъ—только показатель дезорганизаціи, анархіи, наставшей въ Англіи. Сбыточны или нѣтъ мечты о всеобщемъ равенствѣ, которыми онъ увлекаетъ толпу, нащему драматургу было совершенно не важно. Дѣло не въ нихъ, дѣло въ отношеніи ихъ къ государственности, разрушенной виною стоящихъ во главѣ государства личностей. Разрушеніе государственности—главная вина тогдашнихъ недостойныхъ правителей Англіи, и чѣмъ важнѣе для благоденствія родины принципъ государственности, чѣмъ пагубнѣе его разрушеніе для національнаго величія, тѣмъ значительнѣе и ужаснѣе преступленіе правителей. И въ этихъ цѣляхъ государство и встало въ воображеніи автора въ ореолѣ культурности, въ этихъ цѣляхъ Джэкъ Кедъ и его сообщики и задуманы именно разрушителями образованности. Можетъ быть человѣку, увлеченному идеями гуманизма, культурность и образованность и казались гораздо важнѣе и выше всеобщаго блага и всеобщаго равенства, но изобразилъ онъ государственный порядокъ оплотомъ гуманитарныхъ силъ страны для цѣлей своей собственной, исходящей изъ основного собственнаго замысла интерпретаціи историческихъ событій. Въ центрѣ этого замысла стоятъ не народныя массы, какъ это случится гораздо позднѣе въ „Коріоланѣ" Шекспира, въ центрѣ его личности правителей, главная задача которыхъ—поддержаніе государства и главная вина—разрушеніе этого государства.

Если нашъ драматургъ насилуетъ такимъ образомъ историческіе факты, чтобы въ центрѣ дѣйствія еще ярче вырисовались личности его героевъ, то естественно въ тѣхъ же цѣляхъ и самыхъ героевъ сдѣлать

вѣтственная сцена относится на ихъ счетъ. Всѣ перечисленные шекспирологи какъ будто не допускаютъ возможности того, чтобы молодой Шекспиръ подражалъ болѣе старымъ драматургамъ, находился подъ ихъ вліяніемъ, и Гринъ назвалъ его „вороной, украшенной нашими перьями" именно потому, что узналъ въ немъ ученика и подражателя.

Рядомъ съ указаннымъ взглядомъ на происхожденіе нашей трилогіи очень давно была предложена другая гипотеза. Еще Шлегель, Ульрици, Найтъ и Деліусъ приписывали всю нашу трилогію Шекспиру и вышедшія анонимно: „Первую часть" и „Истинную трагедію", а равно и „Двѣ части" считали „воровскими изданіями", наскоро записанными во время представленія и потому дающія намъ не болѣе ранній текстъ этихъ трагедій, а только ихъ извращенный текстъ. И такого взгляда придерживаются многіе современные шекспирологи. Таково мнѣніе Женэ, Охельгаузера и Брандля. Вѣдь и Фэрниваль, считавшій, что въ созданіи „Первой части" и „Истинной трагедіи" Шекспиръ совершенно не участвовалъ, признаетъ однако, что сцены съ Джекомъ Кедомъ возникли подъ его вліяніемъ, а Сидней Ли приписываетъ ему и четвертую сцену II акта „Генриха VI, часть первая", гдѣ изображено зарожденіе спора „бѣлой и алой розы".

Шекспиръ часто передѣлывалъ старыя пьесы. Если его задушевный, столь дорогой ему „Гамлетъ" возникъ изъ передѣлки „Гамлета" Кида, то, конечно, легко предположить, что въ ранней молодости онъ воспользовался уже существовавшими пьесами. И если и „Гамлетъ" нѣсколько разъ передѣлывался Шекспиромъ, то развѣ не надо счесть весьма правдоподобнымъ, что и въ молодости онъ отдѣлывалъ свои пьесы и послѣ того, какъ онѣ были изданы. Сидней Ли справедливо полагаетъ, что принялся за эту работу Шекспиръ для новой постановки на сцену своей трилогіи.

А вѣдь трилогія эта имѣла громкій успѣхъ. Это мы хорошо знаемъ по отзывамъ Наша и Грина. И изъ словъ Грина, мнѣ кажется, нельзя не заключить, что именно это раннее произведеніе Шекспира и выдвинуло его среди прочихъ драматурговъ. Въ сравненіи съ послѣдующими его произведеніями, „Генрихъ VI" кажется, разумѣется, слабымъ, хаотичнымъ, слишкомъ увлекающимся риторикой, грубымъ и подражательнымъ. Онъ неизмѣримо ниже и „Эдуарда II" Марло. Но въ немъ уже содержится зерно истинно-шекспировскаго драматическаго замысла. Своей „Третьей частью" „Генрихъ VI" уже подводитъ насъ къ одной изъ знаменитѣйшихъ историческихъ трагедій великаго сердцевѣда-драматурга.

Я разумѣю фигуру Ричарда Глостера, впослѣдствіи трагическаго злодѣя—узурпатора Ричарда III.

Охельгаузеръ въ своемъ этюдѣ о Ричардѣ III воочію указалъ, что образъ этого героя-дерзателя, такъ сильно поразившаго своеобразностью своего трагизма еще Шиллера, начинаетъ вырисовываться въ „Генрихъ VI". И это не прибавка, не надстройка надъ вышедшими раньше „Второй частью" и „Истинной трагедіей" или „Обѣими частями"—Ричардъ Глостеръ принадлежитъ самому замыслу этихъ трагедій. Ради созданія его авторъ нашей трилогіи насилуетъ факты исторіи, отступаетъ отъ Голиншеда и Голля, которымъ онъ часто слѣпо вѣритъ, и тутъ вдохновляется описаніемъ этого лица у Мура. Тутъ чувствуются личныя художественныя исканія.

И Ричардъ Глостеръ былъ необходимъ автору нашей трилогіи по самому общему историко-философскому запросу, лежащему въ основѣ всей трилогіи. Ричардъ Глостеръ, этотъ бичъ Ланкастерской династіи, это дѣтище междоусобій и борьбы за престолонаслѣдіе, оказывается и змѣенышемъ, выросшимъ на лонѣ Іоркской династіи, погубившимъ и ее самое и своими титаническими преступленіями узаконившій новый государственный переворотъ—появленіе новой королевской династіи—восшествіе на престолъ Генриха VII, Ричмонда, дѣла королевы Елизаветы. Ричардъ III—это тотъ историческій поршень, которымъ приведены въ движеніе событія, опредѣлившія появленіе на престолѣ Англіи „побѣдительницы великой Армады", этой „морской дѣвы, царствующей на Западѣ", какъ назвалъ Елизавету Шекспиръ въ своемъ „Снѣ въ лѣтнюю ночь".

Были или нѣтъ у Шекспира сотрудники при созданіи „Генриха VI", одѣлся ли онъ павлиньими перьями Марло и Грина, не только подражая ихъ манерѣ и на нихъ учась драматическому творчеству, несомнѣнно одно: этой огромной, неуклюжей, но широкозадуманной трилогіей онъ впервые „взлетѣлъ высоко" и взлетѣлъ не какъ воронъ, а какъ орелъ. **Евгеній Аничковъ.**

Дѣйствующія лица:

Король Генрихъ VI.
Герцогъ Глостеръ, дядя короля, протекторъ.
Герцогъ Бедфордъ, дядя короля, французскій регентъ.
Томасъ Бофортъ, герцогъ Экзетеръ, внучатый дядя короля.
Генрихъ Бофортъ, внучатый дядя короля, епископъ Винчестеръ, впослѣдствіи кардиналъ.
Джонъ Бофортъ, графъ Сомерсетъ, впослѣдствіи герцогъ.
Ричардъ Плантагенетъ, сынъ Ричарда, покойнаго графа Кэмбриджа, впослѣдствіи герцогъ Іоркъ.
Графъ Уорикъ (Варвикъ).
Графъ Сольсбери.
Графъ Суффолькъ (Салисбюри).
Лордъ Тальботъ, впослѣдствіи графъ Шрусбери.
Джонъ Тальботъ, сынъ его.
Эдмундъ Мортимеръ, графъ Марчъ.
Сэръ Джонъ Фастольфъ.
Сэръ Вильямъ Льюси.
Сэръ Вильямъ Глэнсдэль.
Сэръ Томасъ Гаргрэвъ.
Мэръ Лондона.
Вудвиль, комендантъ Тоуэра.
Вернонъ, изъ партіи Бѣлой Розы или Іорка.
Боссетъ, изъ партіи Алой Розы или Ланкастера.
Стряпчій.
Стражи Мортимера.
Карлъ, дофинъ, впослѣдствіи король Франціи.
Рене, герцогъ Анжуйскій, носящій титулъ короля Неаполитанскаго.
Герцогъ Бургундскій.
Герцогъ Алансонскій.
Батардъ Орлеанскій.
Парижскій губернаторъ.
Оружейный мастеръ въ городѣ Орлеанѣ.
Сынъ его.
Главнокомандующій французскими войсками въ Бордо.
Французскій сержантъ.
Привратникъ.
Старикъ пастухъ, отецъ Дѣвственницы.
Маргарита, дочь Рене, впослѣдствіи—супруга короля Генриха.
Графиня Оверньская.
Іоанна Дѣвственница, обыкновенно называемая Іоанною д'Аркъ.
Лорды, стражи Тоуэра, герольды, офицеры, солдаты, гонцы, англійская и французская свиты. Злые духи, являющіеся Іоаннѣ.

Дѣйствіе происходитъ частью въ Англіи, а частью во Франціи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Вестминстерское аббатство.

Похоронный маршъ. Тѣло короля Генриха V выносятъ на парадномъ траурномъ ложѣ. Его охраняютъ герцоги Бедфордъ, Глостеръ, Экзетеръ, графъ Уорикъ, епископъ Винчестерскій, герольды и т. д.

Бедфордъ.

Пусть облекутся въ трауръ небеса
И ночью день замѣнится! Кометы,
Что времена и царства измѣняютъ—
Хрустальными косами потрясая,
Враждебныя свѣтила покажите,
Рѣшившія, чтобъ умеръ Генрихъ пятый.
Онъ слишкомъ былъ для долгой жизни славенъ:
Мы короля такого не теряли.

Глостеръ.

Мы до него не знали короля.
Повелѣвать онъ былъ вполнѣ достоинъ,
Поднятый мечъ лучами ослѣплялъ,
Раскинутыя руки были шире
Дракона крылъ, глаза, пылая гнѣвомъ,
Враговъ слѣпили, въ бѣгство обращая,
Сильнѣй, чѣмъ солнце, жегшее ихъ ликъ.
Что мнѣ сказать? Превыше словъ—дѣла,
Былъ каждый взмахъ руки его—побѣдой.

Экзетеръ.

Мы въ траурѣ, зачѣмъ же не въ крови
Скорбимъ о немъ? Нашъ Генрихъ не воскреснетъ.
Мы деревянный гробъ сопровождаемъ,
Торжественнымъ присутствіемъ своимъ
Безчестную побѣду смерти славимъ:
Такъ плѣнники идутъ за колесницей.
Кого намъ клясть? Враждебныя ль свѣтила,
Чей заговоръ низвергнулъ нашу славу,
Иль слѣдуетъ французовъ хитрыхъ счесть
За колдуновъ—изъ страха передъ нимъ
Его убившихъ чарами своими?

ВИНЧЕСТЕРЪ.

Онъ—царь, Царемъ царей благословенный,
И судный день не такъ французамъ страшенъ,
Какъ страшенъ имъ былъ самый видъ его.
Сражался онъ за Бога силъ, и церкви
Молитвами преуспѣвалъ въ бою.

ГЛОСТЕРЪ.

Причемъ тутъ церковь? Если бы ея
Служители такъ много не молились—
Такъ скоро бы не порвалась нить жизни.
Вамъ любъ король изнѣженный: его,
Какъ мальчика, вы застращать могли бы.

ВИНЧЕСТЕРЪ.

Чтобъ ни было намъ любо, ты—протекторъ,
Ты королемъ и царствомъ хочешь править,
Межъ тѣмъ жены боишься ты надменной
Сильнѣй, чѣмъ Бога и духовныхъ лицъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Не говори о церкви, плоть любя.
Ты изрѣдка затѣмъ лишь въ храмъ заходишь,
Чтобъ вымолить враговъ твоихъ погибель.

БЕДФОРДЪ.

Оставьте споръ, и духъ смирите свой,
Всѣ—къ алтарю, герольды—вслѣдъ.—Возложимъ
Не золото, оружье на него.
Что пользы въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Генрихъ?
Потомство, жди печальныхъ дней, когда
Грудныхъ дѣтей питать слезами будутъ
И въ море слезъ нашъ островъ обратится,
Гдѣ жены лишь останутся однѣ—
Оплакивать умершихъ. Генрихъ пятый,
Взываю къ духу твоему: страну
Оберегай отъ войнъ междоусобныхъ,
Съ враждебными свѣтилами борись,
Звѣзда души твоей зажжется ярче,
Чѣмъ Цезаря созвѣздье съ Вероникой.

Входитъ ГОНЕЦЪ.

ГОНЕЦЪ.

Достойнѣйшіе лорды, всѣмъ привѣтъ!
Изъ Франціи привезъ я вѣсть дурную—
О гибели, убійствахъ, пораженьяхъ.
Шампань, Гвіена, Реймсъ и Орлеанъ,
Парижъ, Руанъ и Пуатье—погибли.

БЕДФОРДЪ.

Потише будь предъ прахомъ короля!
Иль при такой утратѣ гробъ свинцовый
Взломаетъ онъ и снова оживетъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Парижъ потерянъ и Руанъ сдался?
О, если бы возсталъ изъ мертвыхъ Генрихъ—
Узнавъ о томъ, онъ испустилъ бы духъ.

ЭКЗЕТЕРЪ.

Измѣна чья была тому виною?

ГОНЕЦЪ.

Измѣны нѣтъ: нужда въ деньгахъ и людяхъ.
Среди солдатъ всѣ шепчутся о томъ,
Что держитесь вы здѣсь различныхъ партій,
И если намъ сраженье нужно дать—
Вы спорите: кого вождемъ назначить?
Одинъ, скупясь, тянуть войну желаетъ,
Другой—летѣть, но у него нѣтъ крыльевъ,
А третій полагаетъ—безъ затратъ
Достигнуть мира льстивыми словами.
О, пробудись, знать Англіи! Пусть лѣность
Не омрачитъ недавней вашей славы!
Въ гербѣ своемъ страна лишилась лилій
И половину поля потеряла.

ЭКЗЕТЕРЪ.

Когда-бъ въ слезахъ здѣсь недостатокъ былъ—
То эта вѣсть исторгла-бъ ихъ потоки!

БЕДФОРДЪ.

Мнѣ—эта вѣсть! Регентъ французскій—я.
Эй, латы мнѣ! За Францію побьюсь я.
Позорныя одежды скорби—прочь!
Французамъ дамъ я раны вмѣсто глазъ,
Что-бъ новую бѣду оплакать кровью.

Входитъ другой ГОНЕЦЪ.

2-Й ГОНЕЦЪ.

Прочтите, лорды, скорбныя посланья.
Вся Франція на англичанъ возстала,
За исключеньемъ мелкихъ городовъ,
И Карлъ дофинъ былъ коронованъ въ Реймсѣ.
Онъ сблизился съ Батардомъ Орлеанскимъ,
Рене, Анжуйскій герцогъ—за него,
Къ нему спѣшитъ и герцогъ Алансонскій.

ЭКЗЕТЕРЪ.

Дофинъ—король, и всѣ спѣшатъ къ нему?
Куда бѣжать отъ этого позора?

ГЛОСТЕРЪ.

Мы побѣжимъ—схватить врага за горло,
Коль ты замедлишь, Бедфордъ, я иду.

БЕДФОРДЪ.

Зачѣмъ во мнѣ ты усомнился, Глостеръ?
Въ умѣ своемъ уже собралъ я войско,
Которое всю Францію покроетъ.

Входитъ 3-й ГОНЕЦЪ.

3-Й ГОНЕЦЪ.

О, лорды, въ добавленье къ тѣмъ слезамъ,

Которыя на гробъ монарха льются—
Я сообщу о злополучной битвѣ
Межъ Тальботомъ достойнымъ и врагами.

Винчестеръ.

Но побѣдилъ въ ней Тальботъ, безъ сомнѣнья?

3-й гонецъ.

Нѣтъ, побѣжденъ въ сраженіи лордъ Тальботъ.
Какъ было все—я разскажу подробно.
Такъ августа десятаго нашъ лордъ
Осаду съ Орлеана снялъ. Имѣя
Шесть тысячъ войска, сталъ онъ отступать,
Но двадцати трехъ тысячнымъ отрядомъ
Французовъ былъ со всѣхъ сторонъ оцѣпленъ.
Онъ не успѣлъ ряды построить; вмѣсто
Копейщиковъ—прикрытья для стрѣлковъ,
Онъ приказалъ взять колья изъ заборовъ,
Которые мы вбили, какъ пришлось,
Чтобъ конницѣ врага не дать прорваться.
Бой продолжался больше трехъ часовъ,
И доблестный Тальботъ въ теченье ихъ
Свершилъ мечомъ такія чудеса,
Какихъ нельзя вообразить: онъ сотни
Отправилъ въ адъ, и устоять предъ нимъ
Никто не могъ—онъ былъ вездѣ и всюду.
Враги кричали:—это дьяволъ въ латахъ!—
И войско все дивилося ему.
А воины, его геройство видя,
Кричатъ:—Тальботъ! Тальботъ!—и съновой силой
Кидаются опять въ средину сѣчи.
Побѣда имъ досталась бы безспорно,
Когда-бъ сэръ Джонъ Фастольфъ не оробѣлъ:
Онъ, будучи въ тылу оставленъ, съ тѣмъ,
Чтобъ выступить на подкрѣпленье нашимъ,
Бѣжалъ, какъ трусъ, до перваго удара.
И началось смятеніе, рѣзня,
Со всѣхъ сторонъ враги ихъ окружили.
Валлонецъ низкій, угождая Карлу,
Нанесъ копьемъ ударъ Тальботу въ спину,
Которому всей Франціи войска
Взглянуть въ лицо ни разу не дерзнули.

Бедфордъ.

Тальботъ убитъ? Такъ я убью себя
За то, что здѣсь я въ роскоши живу,
Межъ тѣмъ какъ онъ, нуждаясь въ подкрѣпленьѣ,
Вождь доблестный — врагамъ трусливымъ преданъ.

3-й гонецъ.

О, нѣтъ, онъ живъ, но плѣнникомъ онъ сталъ.
Съ нимъ—лорды Скэльсъ и Генгерфордъ. Убито
Иль также въ плѣнъ попало большинство.

ГРОБЪ ГЕНРИХА V ВЪ ВЕСТМИНСТЕРСКОМЪ СОБОРѢ.

Рисунокъ Сарджента (Sargent).

Бедфордъ.

Я за него—не кто иной—дамъ выкупъ.
Внизъ головой дофина сброшу съ трона
И выкуплю, цѣной короны, друга.
Ихъ четверыхъ отдамъ за одного.
Простите, лорды, дѣйствовать пора.
Во Франціи потѣшные огни
Зажгу я въ честь Георгія святого.
Съ собой возьму я въ десять тысячъ рать,
Предъ ней должна Европа задрожать.

3-й гонецъ.

Спѣшите же, въ осадѣ—Орлеанъ,
Бойцы упали духомъ, ослабѣли,
Лордъ Сольсбери о подкрѣпленьи проситъ,
Мятежъ въ войскахъ съ трудомъ онъ подавляетъ,
Ихъ горсть должна отъ сотенъ многихъ отбиваться.

Экзетеръ.

Припомните, милорды, поклялись
Вы Генриху дофина уничтожить,
Иль нашей власти подчинить его.

БЕДФОРДЪ.
Я помню все, и потому—простите:
Готовиться къ походу долженъ я.
(Уходитъ).

ГЛОСТЕРЪ.
Пойду я въ Тоуэръ, чтобы осмотрѣть
Снаряды и орудія. Затѣмъ
Я Генриха провозглашу монархомъ.
(Уходитъ).

ЭКЗЕТЕРЪ.
Я отправляюсь въ Эльтэмъ. Я назначенъ
Наставникомъ при юномъ королѣ,
Тамъ обсужу какъ уберечь его.
(Уходитъ).

ВИНЧЕСТЕРЪ.
Для всѣхъ нашлось занятіе и мѣсто,
И на мою лишь долю—ничего.
Но не у дѣлъ недолго я останусь,
Намѣренъ я похитить короля,
И, власть принявъ, я стану у руля.
(Уходитъ).

СЦЕНА II.

Франція. Передъ Орлеаномъ.

Трубы. Входитъ КАРЛЪ *съ войскомъ,* АЛАНСОНЪ, РЕНЕ *и другіе.*

КАРЛЪ.
Ни въ небесахъ, до нынѣшняго дня,
Ни на землѣ—путь Марса неизвѣстенъ.
Онъ только что сіялъ врагамъ, когда же
Мы побѣдили—улыбнулся намъ.
Въ рукахъ у насъ—важнѣйшія твердыни,
Спокойно мы стоимъ предъ Орлеаномъ,
И—блѣдные отъ голода, какъ тѣни—
Враги разъ въ мѣсяцъ безпокоятъ насъ.

АЛАНСОНЪ.
Похлебку имъ и мясо съ жиромъ нужно,
Ихъ надобно откармливать, какъ муловъ,
Мѣшокъ съ овсомъ на морду имъ надѣвъ.
Не то они—подобны мокрымъ крысамъ.

РЕНЕ.
Осаду снимемъ—что намъ дѣлать здѣсь?
Въ плѣну Тальботъ, котораго страшимся,
Лишь Сольсбери безумный остается,
Но можетъ желчь онъ тратить понапрасну:
Нѣтъ у него ни денегъ, ни солдатъ.

КАРЛЪ.
Тревогу бейте, бросимся на нихъ,
Впередъ—за честь униженныхъ французовъ!
И смерть мою тому я отпускаю,
Кто-бъ видѣлъ, что бѣгу иль отступаю.
(Уходятъ).

(Тревога, нападеніе, затѣмъ — отступленіе).
Возвращаются КАРЛЪ, АЛАНСОНЪ, РЕНЕ *и др.*

КАРЛЪ.
Гдѣ видано подобное? Какіе
У насъ бойцы? Мерзавцы, трусы, псы!
Не будь покинутъ—я бы не бѣжалъ.

РЕНЕ.
Лордъ Сольсбери—отчаянный рубака,
Ему какъ будто надоѣла жизнь,
Всѣ лорды ихъ, подобно львамъ голоднымъ,
Насъ разорвать готовы, какъ добычу.

АЛАНСОНЪ.
Землякъ нашъ повѣствуетъ—Фруассаръ,
Что въ Англіи при Эдуардѣ Третьемъ
Рождались лишь Роланды съ Оливье.
Теперь тому явилось подтвержденье,
Шлетъ въ бой она Самсона съ Голіаѳомъ.
Одинъ противъ десятка! Негодяи
Поджарые! Кто-бъ могъ предполагать
Въ нихъ мужество такое и отвагу?

КАРЛЪ.
Оставимъ Орлеанъ! Изголодавшись,
Безмозглые рабы смѣлѣе станутъ.
Я знаю ихъ: скорѣй чѣмъ снять осаду—
Перегрызутъ они зубами стѣны.

РЕНЕ.
Сдается мнѣ, что руки ихъ для боя
Заводятся, какъ мы часы заводимъ:
Иначе имъ не выдержать бы столько.
По мнѣ, оставить ихъ!

АЛАНСОНЪ.
Да будетъ такъ.

Входитъ БАТАРДЪ ОРЛЕАНСКІЙ.

ОРЛЕАНСКІЙ.
Гдѣ принцъ дофинъ? Есть вѣсти для него.

КАРЛЪ.
Батарда Орлеанскаго мы трижды
Привѣтствуемъ.

ОРЛЕАНСКІЙ.
Вы въ горѣ? Пали духомъ?
Все—по винѣ послѣдней неудачи?
Но не печальтесь, помощь не замедлитъ.
Я привожу святую дѣву: ей

Небесное видѣніе внушило
Осаду снять тяжелую, и выгнать
Изъ Франціи предѣловъ—англичанъ.
Сильнѣе духъ пророчества у ней,
Чѣмъ въ Римѣ былъ у девяти сивиллъ,
Прошедшее съ грядущимъ— ей открыто.
Позвать ее? Моимъ словамъ повѣрьте,
Они вполнѣ правдивы и вѣрны.

КАРЛЪ.

Ступай за ней.

(Орлеанскій уходитъ).

Ее мы испытаемъ.
Займи, Ренье, дофина мѣсто, гордо
Разспрашивай ее съ суровымъ взоромъ,
Такъ испытать хочу я мудрость дѣвы.

(Отходитъ въ глубину).

Возвращается ОРЛЕАНСКІЙ *съ* ДѢВОЮ.

РЕНЕ.

Красавица, ты ль чудо совершишь?

ДѢВА.

Меня, Рене, ты ль обмануть задумалъ?
Но гдѣ дофинъ? Пусть выступитъ впередъ,
Тебя я знаю, не видавъ ни разу.
Но не дивись: нѣтъ тайны для меня.
И говорить съ тобой однимъ желаю.
Мессиры, насъ на время вы оставьте.

РЕНЕ.

Она идетъ на первый приступъ храбро.

ДѢВА.

Дофинъ, дочь пастуха я, и въ наукѣ
Не искушенъ мой умъ, но Богоматерь
И небеса благія—озарили
Убогое мое существованье.
Межъ тѣмъ какъ я пасла моихъ овецъ
И жгучій зной мнѣ щеки опалялъ—
Предстала мнѣ въ видѣньи Матерь Божья,
Исполнена величья, и велѣла
Смиренное занятіе оставить
И родину освободить отъ бѣдствій.
Она, суля мнѣ помощь и успѣхъ—
Явилася во всей великой славѣ.
Я смуглою была и некрасивой,
Но свѣтлыми лучами осѣнивъ,
Она меня красой благословила,
Которую ты видишь. Предложи
Вопросъ любой—на все я дамъ отвѣтъ.
Когда дерзнешь—то въ бой вступи со мною,
Увидишь ты, что я—всѣхъ женъ сильнѣй.
Рѣшайся же, ты счастье обрѣтешь,
Когда меня въ сподвижницы возьмешь.

КАРЛЪ.

Меня дивишь ты гордыми рѣчами.

ДѢВА: ПРЕДСТАЛА МНѢ ВЪ ВИДѢНЬИ МАТЕРЬ БОЖЬЯ.

Изъ иллюстрацій къ «Генриху VI» извѣстнаго современ. англ. художника Бэйзиль Шоу (Byam Shaw).

Въ одномъ твою я доблесть испытаю:
Вступи со мной въ единоборство; если
Ты побѣдишь—слова твои правдивы,
А если нѣтъ—не вѣрю ничему.

ДѢВА.

Готова я. Вотъ заостренный мечъ,
Пять линій съ двухъ сторонъ его видны,
Онъ найденъ былъ въ Турени, въ грудѣ хлама,
На кладбищѣ святой Екатерины.

КАРЛЪ.

Такъ съ Богомъ! Я жены не испугаюсь.

ДѢВА.

Пока жива—не побѣгу предъ мужемъ.

(Сражаются).

КАРЛЪ.

Стой! Стой! Ты—амазонка! Мечъ Деборы
Въ рукахъ твоихъ.

ДѢВА.

Мнѣ помощь—Богоматерь,
Безсильною была-бъ я безъ нея.

КАРЛЪ.

Кто-бъ ни помогъ тебѣ—мнѣ помоги.
Сгараю я желаніемъ любви,
Не мечъ одинъ—ты сердце побѣдила.
О, Дѣва, если такъ зовутъ тебя—
Твоимъ слугой, не королемъ я буду.
Тебя о томъ дофинъ французскій проситъ.

ДѢВА.

Любви земной отдаться не должна я,
Дана мнѣ свыше сила неземная;
И лишь враговъ твоихъ успѣвъ изгнать—
Я о наградѣ стану помышлять.

КАРЛЪ.

Будь благосклонной къ твоему рабу.

РЕНЕ.

Сдается мнѣ, бесѣда затянулась.

АЛАНСОНЪ.

Онъ съ истины покровы всѣ снимаетъ,
Не то—къ чему столь долгій разговоръ?

РЕНЕ.

Прерви его, коль онъ не знаетъ мѣры.

АЛАНСОНЪ.

Не большаго ль чѣмъ мы желаетъ онъ?
Вѣдь женщины въ соблазнъ рѣчами вводятъ.

РЕНЕ.

На чемъ же вы рѣшили, государь?
Откажемся иль нѣтъ отъ Орлеана?

ДѢВА.

Нѣтъ, говорю я, люди малой вѣры!
Я—вамъ охрана. Бейтесь до конца.

КАРЛЪ.

Стою на томъ же. До конца сразимся.

ДѢВА.

Бичъ Англіи—вотъ чѣмъ должна я стать.
Навѣрно въ ночь осаду ихъ сниму я.
Для васъ второе лѣто зацвѣтетъ,
Какъ только я приму въ войнѣ участье.
Подобна слава водянымъ кругамъ,
Которые идутъ, все расширяясь,
Пока въ концѣ совсѣмъ не пропадутъ.
Смерть Генриха британскій кругъ кончаетъ
Со славою, что заключалась въ немъ.
И нынѣ я подобна кораблю
Надменному, который разомъ несъ
И Цезаря, и счастіе его.

КАРЛЪ.

Былъ Магометъ голубкой вдохновленъ,
А ты—орломъ. Съ тобою не сравниться
Ни Константина матери Еленѣ,
Ни дочерямъ Филиппа. Снизошла
Ты какъ звѣзда Венеры къ намъ на землю;
Чѣмъ я могу тебя почтить достойно?

АЛАНСОНЪ.

Не медли же. Заставимъ снять осаду.

РЕНЕ.

Возстанови честь нашу; Орлеанъ
Освободи,—и станешь ты безсмертной.

КАРЛЪ.

Немедля попытаемся. Идемъ.
Пророковъ нѣтъ—когда солжетъ она.
(*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Лондонъ. Передъ воротами Тоуэра.

Входитъ ГЛОСТЕРЪ *и его слуги въ синихъ кафтанахъ.*

ГЛОСТЕРЪ.

Явился я, чтобъ Тоуэръ осмотрѣть.
Смерть короля могла хищенья вызвать.
Что жъ сторожей не видно? никого?
Откройте мнѣ! Приказываетъ Глостеръ.

1-ЫЙ СТОРОЖЪ.

Кто такъ стучится?

1-ЫЙ СЛУГА.

Герцогъ Глостеръ.

2-ОЙ СТОРОЖЪ (*изъ башни*).

Кто-бъ ни былъ здѣсь—впустить его нельзя.

1-ЫЙ СЛУГА.

Такъ отвѣчать протектору ты смѣешь?

1-ЫЙ СТОРОЖЪ (*изъ башни*).

Богъ да хранитъ протектора! Но мы
Такъ дѣйствуемъ, какъ приказали намъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Кто приказалъ? Я отдаю приказы
Лишь я одинъ—протекторъ государства.
Ломайте дверь. Отвѣтственность—на мнѣ.
Не дамъ себя на посмѣянье черни.

(*Люди Глостера кидаются къ воротамъ. Къ нимъ извнутри подходитъ комендантъ Вудвиль*).

Вудвиль (*изнутри*).
Какіе здѣсь измѣнники шумятъ?

Глостеръ.
Какъ, комендантъ? Я вашъ ли слышу голосъ?
Откройте мнѣ. Войти желаетъ Глостеръ.

Вудвиль.
Терпѣнье, славный герцогъ, не могу.
Лордъ Винчестеръ мнѣ это запрещаетъ:
Особое онъ отдалъ приказанье —
Сюда ни васъ, ни вашихъ не впускать.

Глостеръ.
Ты, малодушный Вудвиль, выше ставишь
Надменнаго прелата, чѣмъ меня?
Его король покойный не терпѣлъ:
Ты—королю и Богу, значитъ, недругъ.
Открой,—иль самъ ты будешь удаленъ.

1-ый слуга.
Протектору ворота отворите,
Спѣшите же! Не то взломаемъ ихъ.

(*Снова кидаются къ воротамъ*).

Входитъ епископъ Винчестерскій *со слугами въ бурыхъ кафтанахъ.*

Винчестеръ.
Тщеславный Гомфри, что все это значитъ?

Глостеръ.
Меня впустить, попъ бритый, не велѣлъ ты?

Винчестеръ.
Да, не велѣлъ, коварный похититель,
А не протекторъ короля и края.

Глостеръ.
Дорогу дай ты, заговорщикъ явный,
На жизнь монарха ты злоумышлялъ,
Распутницамъ грѣхи ихъ отпускаешь.
Тебя въ твою же шляпу я упрячу,
Коль въ дерзости упорствовать ты станешь.

Винчестеръ.
Ты уходи. На шагъ не отступлю.
Здѣсь—твой Дамаскъ. Будь Каиномъ проклятымъ
И Авеля, коль хочешь, ты убей.

Глостеръ.
Я не убью, но выгоню тебя,
И въ красномъ одѣяніи твоемъ
Я вытащу отсюда, какъ въ пеленкахъ.

Винчестеръ.
Посмѣй! Тебѣ я въ бороду плюю.

Глостеръ.
Какъ? Смѣетъ онъ мнѣ въ бороду плевать?
Впередъ, хотя священно это мѣсто!
Вы, синіе кафтаны противъ бурыхъ!
Попъ, берегись! Тебя я оттаскаю
За бороду и надаю пинковъ
И растопчу пурпуровую шапку;
Тебя, на зло церковникамъ и папѣ,
Примусь трепать и такъ и эдакъ я.

Винчестеръ.
Ты, Глостеръ, въ томъ отвѣтишь передъ папой.

Глостеръ.
Гусь Винчестеръ! Веревку мнѣ, веревку!
Отбросьте ихъ, имъ нечего здѣсь дѣлать.
Ты, гнусный волкъ въ овечьей шкурѣ, вонъ!
Прочь бурые! Прочь, красный лицемѣръ.

(*Глостеръ и его слуги нападаютъ на противниковъ. Во время стычки входитъ мэръ Лондона со свитой*).

Мэръ.
Стыдитесь, лорды! Будучи властями,
Нарушили вы такъ постыдно миръ.

Глостеръ.
Молчи! Ты, мэръ, обидъ моихъ не знаешь.
Бофортъ не чтитъ ни короля, ни Бога,
Осмѣлился занять онъ Тоуэръ самовольно.

Винчестеръ.
Вотъ Глостеръ—врагъ народа. Онъ желаетъ
Не мира, а войны, и кошельки
Свободные обременилъ налогомъ.
Религію онъ хочетъ уничтожить
Затѣмъ, что онъ—протекторъ государства,
И здѣсь добывъ оружіе, вступить
Самъ на престолъ, а принца устранить.

Глостеръ.
Не на словахъ, ударами отвѣчу.

(*Снова дерутся*).

Мэръ.
Одно лишь мнѣ осталось въ этой свалкѣ:
Напомнить имъ закона повелѣнье.
Сюда, герольдъ, читай какъ можно грокче.

Герольдъ (*читаетъ*).
„Люди всѣхъ сословій, явившіеся сюда сегодня съ оружіемъ въ рукахъ, мы объявляемъ и приказываемъ вамъ именемъ его величества разойтись по домамъ, и впредь, подъ страхомъ смерти, не носить и не употреблять никакого меча, оружія или кинжала".

Глостеръ.
Я, кардиналъ, закона не нарушу.
Сочтемся мы съ тобою на свободѣ.

Винчестеръ.
Мы встрѣтимся, и кровью сердца, Глостеръ,
Ты мнѣ тогда за этотъ день заплатишь.

Мэръ.
За палками пошлю я. Расходитесь.
Прелатъ спѣсивѣй чорта самого!

Глостеръ.
Прощай, свой долгъ ты исполняешь, мэръ.

Винчестеръ.
Остерегайся нынѣ, гнусный Глостеръ.
Я голову твою добуду скоро.
(Уходятъ).

Мэръ.
Очистить все, затѣмъ уйдемъ отсюда.
Великій Богъ, вотъ злоба у вельможъ,
Лѣтъ за сорокъ едва-ль хоть разъ я дрался.
(Уходитъ).

СЦЕНА IV.

Франція. Передъ Орлеаномъ.

Входятъ на стѣну оружейный мастеръ *и* сынъ *его.*

Мастеръ.
Ты знаешь, сынъ, что Орлеанъ обложенъ,
Предмѣстья же—во власти англичанъ.

Сынъ.
Я знаю, въ нихъ нерѣдко я стрѣлялъ;
Къ несчастію, давалъ всегда я промахъ.

Мастеръ.
Не промахнешься, слушайся меня,
Здѣсь въ городѣ я—мастеръ оружейный,
И чѣмъ нибудь я долженъ отличиться.
Лазутчики доносятъ, что британцы,
Которые въ предмѣстьѣ укрѣпились,
Изъ башни той, скрываясь за рѣшеткой
Желѣзною—обозрѣваютъ городъ
Съ тѣмъ, чтобъ рѣшить: какъ выгоднѣе имъ—
Стрѣльбою насъ иль вылазкой тревожить?
Чтобъ устранить помѣху, я поставлю
Орудіе насупротивъ рѣшетки.
Три цѣлыхъ дня я ихъ подстерегалъ:
Не явится ли кто? Теперь же ты
Посторожи, я далѣе не въ силахъ.
Коль выслѣдишь — за мною прибѣги,
Меня найдешь у коменданта въ домѣ.
(Уходитъ).

Сынъ.
Покоенъ будь, довѣрься мнѣ, отецъ.
Ихъ выслѣдивъ, тебя не потревожу.

Входятъ въ верхнюю часть башни лорды Сольсбери *и* Тальботъ, сэръ Томасъ Гаргрэвъ *и* сэръ Вильямъ Глэнсдэль *и др.*

Сольсбери.
Вернулся Тальботъ, радость, жизнь моя!
Но какъ въ плѣну съ тобою обращались?
И какъ успѣлъ освободиться ты?
Разсказывай намъ тутъ же наверху.

Тальботъ.
У Бедфорда былъ плѣнникъ. Прозывался
Онъ доблестнымъ Понтакомъ де Сантрайль;
Я выкупленъ былъ за него въ обмѣнъ.
На воина изъ низшихъ пожелали
Меня предъ тѣмъ въ насмѣшку обмѣнить,
Но въ гнѣвѣ отказался я, оцѣнкѣ
Столь низкой смерть предпочитая. Нынѣ
Я выкупленъ, какъ самъ того желалъ,
И лишь Фастольфъ терзаетъ сердце мнѣ:
Предателя я кулакомъ убилъ бы,
Когда бы онъ попался мнѣ во власть.

Сольсбери.
Но какъ враги съ тобою обращались?

Тальботъ.
Съ презрѣніемъ, попреками, насмѣшкой.
Я долженъ былъ посмѣшищемъ служить
Для ихъ толпы на площади базарной.
Вотъ,—молвили они,—гроза французовъ,
Онъ пугало для ребятишекъ нашихъ!—
Тутъ вырвался я у конвойныхъ; камни
Я выкопалъ ногтями изъ земли,
Чтобъ кинуть ими въ зрителей позора.
Мой грозный видъ ихъ въ бѣгство обратилъ.
Не подходилъ никто—изъ страха смерти:
Я грозенъ имъ въ стѣнахъ желѣзныхъ былъ
Такой испугъ мое внушило имя.
Всѣ думали—могу сгибать я сталь
И сокрушать столбы изъ адаманта,
Поэтому я былъ ежеминутно
Отборными стрѣлками окруженъ,
Они, едва я поднимусь съ постели—
Готовились мнѣ сердце пострѣлить.

Сольсбери.
Прискорбно мнѣ о мукахъ вашихъ слышать,
Но за себя вполнѣ мы отомстимъ.
Теперь пора ихъ ужина настала,
Всѣхъ перечесть могу я сквозь рѣшетку

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ VI.

ДѢВА *(отходя)*.

Прощай, Тальботъ, твой часъ еще не пробилъ,
Я въ Орлеанъ съ припасами иду,
Мнѣ помѣшай, коль можешь. Не боюсь я.
Развесели голодныхъ, завѣщанье
Ты Сольсбери составить помоги.
День этотъ—нашъ, такихъ немало будетъ.

(Входитъ въ городъ съ солдатами).

ТАЛЬБОТЪ.

Кружится мысль, подобно колесу;
Не сознаю, гдѣ я и что мнѣ дѣлать?
Какъ Ганнибалъ, не силою, но страхомъ
Колдунья гонитъ насъ и побѣждаетъ.
Такъ дымомъ—пчелъ, а смрадомъ—голубей
Изъ гнѣздъ и ульевъ люди выгоняютъ.
За лютость насъ они прозвали псами,
И, какъ щенки, мы съ визгомъ убѣгаемъ.

(Тревога).

Сограждане, возобновите бой.
Иль вашихъ львовъ сорвите вы съ герба,
Отъ родины отрекшись, замѣните
Овцою—льва. Но даже и овца
Такъ не бѣжитъ трусливо передъ волкомъ,
А конь и волъ—предъ тигромъ, какъ бѣжите
Вы отъ рабовъ, которыхъ побѣждали.

(Тревога, новая стычка).

Не быть тому! Укройтесь за окопы.
Смерть Сольсбери мила вамъ! За него
Никто изъ васъ не отомстилъ ударомъ,
И въ Орлеанъ уже вступила Дѣва—
Намъ вопреки и всѣмъ усильямъ нашимъ.
О, почему я съ Сольсбери не умеръ?
Гдѣ отъ стыда лицо мое я скрою?

(Бой барабановъ, отступленіе. Тальботъ и его отряды уходятъ).

СЦЕНА VI.

Трубятъ побѣду. На стѣнѣ появляются: ДѢВА, КАРЛЪ, АЛАНСОНЪ, РЕНЕ и солдаты.

ДѢВА.

Пускай нашъ стягъ взовьется надъ стѣнами.
Отъ англичанъ свободенъ Орлеанъ.
Такъ держитъ слово Іоанна Дѣва.

КАРЛЪ.

Небесное созданье, дочь Астреи,
Какъ чествовать тебя за твой успѣхъ?
Твои слова—какъ Адонисовъ садъ:
Онъ день цвѣтетъ, заутра плодъ даетъ.
Ликуй въ лицѣ пророчицы великой
Вся Франція: свободенъ Орлеанъ,
Счастливѣйшаго дня мы не знавали.

РЕНЕ.

Зачѣмъ же звонъ не слышенъ колокольный?
Вели зажечь потѣшные огни
И ликовать на улицахъ, дофинъ,
Въ знакъ милости, ниспосланной намъ Богомъ.

АЛАНСОНЪ.

Возрадуется Франція, узнавъ
О мужествѣ, какое мы явили.

КАРЛЪ.

Одержана побѣда Іоанной,
Въ награду съ ней я раздѣлю вѣнецъ.
Въ землѣ моей священники, монахи—
Въ процессіяхъ ей будутъ пѣть хвалы.
Я выше ей воздвигну пирамиду
Чѣмъ памятникъ Родопы изъ Мемфиса,
И Дѣвы прахъ, когда ея не станетъ,
Положенъ въ урну цѣнную, цѣннѣе
Чѣмъ Дарія блистательный ковчегъ—
Предшествовать въ дни ликованій будетъ
Французскимъ королямъ и королевамъ.
Не Сенъ-Дени, но Іоанна Дѣва
Всей Франціи святою нынѣ будетъ.
Войдемъ,—и тамъ отпразднуемъ по царски
Мы этотъ день побѣды золотой.

(Трубы, всѣ удаляются).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Франція. Передъ Орлеаномъ.

Подходятъ къ воротамъ французскій СЕРЖАНТЪ *и двое часовыхъ.*

СЕРЖАНТЪ.

Всѣ по мѣстамъ и не смыкайте глазъ!
Услышавъ шумъ иль увидавъ солдатъ
Вблизи стѣны—сейчасъ замѣтнымъ знакомъ
Намъ дайте знать объ этомъ въ караульню.

1-й ЧАСОВОЙ.

Мы слушаемъ, сержантъ.

(*Сержантъ уходитъ*).

Бѣда солдатамъ;
Пока другіе спятъ себѣ въ постели—
Мы сторожимъ холодной ночью, въ дождь.

Входятъ ТАЛЬБОТЪ, БЕДФОРДЪ, *герцогъ* БУРГУНДСКІЙ, *воины съ штурмовыми лѣстницами. Барабаны бьютъ похоронный маршъ.*

ТАЛЬБОТЪ.

Милордъ регентъ, Бургундскій грозный герцогъ,
Чья близость дружбу намъ пріобрѣла
Валлона, Артуа и Пикардіи—
Безпечны въ ночь ихъ торжества враги,
Они весь день, ликуя, пировали.
Воспользуемся случаемъ удобнымъ,
Чтобъ отомстить за ихъ обманъ коварный,
Подстроенный преступнымъ колдовствомъ.

БЕДФОРДЪ.

Трусливый врагъ свою позоритъ славу,
Въ своей рукѣ извѣрившись, онъ ищетъ
Союза вѣдьмъ и адскихъ силъ поддержки.

БУРГУНДСКІЙ.

Измѣнники лишь съ ними водятъ дружбу.
Но чистая ихъ Дѣва—кто жъ она?

ТАЛЬБОТЪ.

По слухамъ—дѣва.

БЕДФОРДЪ.

Мужественна очень.

БУРГУНДСКІЙ.

Пошли, Господь, чтобъ въ скорости она
Не сдѣлалась совсѣмъ мужеподобной,
Сражаясь подъ знаменами французовъ.

ТАЛЬБОТЪ.

Пускай хитрятъ и знаются съ нечистымъ.
Оплотъ нашъ—Богъ, и Онъ—побѣдоносный—
Поможетъ намъ взойти на укрѣпленья.

БЕДФОРДЪ.

Иди! Мы за тобою, славный Тальботъ.

ТАЛЬБОТЪ.

Не вмѣстѣ всѣ. Я полагаю, лучше
Намъ вторгнуться различными путями.
И если бы одинъ изъ насъ и палъ—
Другіе бы могли сразиться съ ними.

БЕДФОРДЪ.

Согласенъ. Я—оттуда.

БУРГУНДСКІЙ.

Я—отсюда.

ТАЛЬБОТЪ.

А Тальботъ здѣсь ворвется иль падетъ!
Ну, Сольсбери, я за тебя иду,
За Генриха державнаго. Ночь эта
Докажетъ всѣмъ, какъ преданъ я обоимъ.

(*Англичане взбираются на стѣну и съ криками: св. Георгій и Тальботъ! бросаются въ городъ*).

ЧАСОВОЙ.

Къ оружію! Враги идутъ на приступъ!

Французы въ рубашкахъ перепрыгиваютъ черезъ стѣны; входятъ съ разныхъ сторонъ БАТАРДЪ ОРЛЕАНСКІЙ, АЛАНСОНЪ И РЕНЕ *полуодѣтые.*

АЛАНСОНЪ.

Мессиры! какъ? Вы даже не одѣты?

ОРЛЕАНСКІЙ.

Довольны мы, что выбрались и такъ.

РЕНЕ.

Прошлося намъ проснуться и вскочить,
Заслышавши тревогу за дверями.

АЛАНСОНЪ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я оружіемъ владѣю—
Изъ ратныхъ дѣлъ еще не доводилось
О болѣе отчаянномъ мнѣ слышать.

ОРЛЕАНСКІЙ.

Я думаю, Тальботъ—исчадье ада.

РЕНЕ.

Когда не адъ, ему защитой—небо.

АЛАНСОНЪ.
А вотъ и Карлъ! Дивлюсь, что онъ поспѣлъ.

ОРЛЕАНСКІЙ.
Его святая Дѣва оградила.

Входятъ КАРЛЪ *и* ДѢВА.

КАРЛЪ.
Обманщица! Такъ вотъ—твое коварство?
Не для того ль ты легкою побѣдой
Насъ завлекла вначалѣ, чтобъ затѣмъ
Утратили мы вдесятеро больше?

ДѢВА.
Зачѣмъ на друга негодуетъ Карлъ?
Всегда ль мнѣ быть во всеоружьи силы
И побѣждать во снѣ и на яву?
Не то во всемъ я окажусь виновной?
Безпечные бойцы! Будь ваша стража
Исправнѣе—несчастья-бъ не случилось!

КАРЛЪ.
Вы Алансонскій герцогъ, виноваты.
Въ ночь эту вы начальствовали стражей,
Свой долгъ блюсти вамъ лучше-бъ недлежало.

АЛАНСОНЪ.
Когда бы всѣ посты такъ охранялись
Какъ тотъ, который былъ довѣренъ мнѣ—
Съ позоромъ врагъ не захватилъ бы насъ.

ОРЛЕАНСКІЙ.
Мой постъ былъ охраняемъ.

РЕНЕ.
Какъ и мой.

КАРЛЪ.
Что до меня, я повѣрялъ посты
Ея и мой—почти всю эту ночь,
Взадъ и впередъ ходилъ по укрѣпленьямъ
И самъ смѣнялъ повсюду часовыхъ.
Откуда же враги могли ворваться?

ДѢВА.
Напрасные разспросы! Какъ? Откуда?
Не въ этомъ суть. Но отыскалось мѣсто
Доступнее, въ него ворвался врагъ,
И вотъ теперь другого нѣтъ исхода:
Собрать солдатъ, разсѣянныхъ въ бою,
И новый планъ придумать—имъ на гибель.
(Тревога. Входитъ англійскій солдатъ съ крикомъ: Тальботъ! Тальботъ! Они бѣгутъ, бросивъ свое платье).

СОЛДАТЪ.
Я смѣло все, что брошено—беру.
Кличъ: Тальботъ! мнѣ взамѣнъ меча послужитъ.
Я пріобрѣлъ добычу: это имя
Единственнымъ моимъ оружьемъ было.
(Уходитъ).

СЦЕНА II.

Орлеанъ. Внутри города.

ТАЛЬБОТЪ, БЕДФОРДЪ, БУРГУНДСКІЙ, *начальники войскъ и др.*

БЕДФОРДЪ.
Восходитъ день; бѣжала ночь—покровомъ
Глубокой тьмы окутавшая землю.
Трубить отбой! Преслѣдовать довольно.
(Трубятъ отбой).

ТАЛЬБОТЪ.
Несите тѣло старца Сольсбери,
И выставьте на площади торговой,
Здѣсь, въ городѣ проклятомъ, посредине.
Я заплатилъ мой долгъ его душѣ:
За каплю крови каждую его—
Не менѣе пяти французовъ пало.
А для того, чтобъ зналъ и вѣкъ грядущій,
Насколько месть по немъ была грозна—
Воздвигну я во храмѣ ихъ гробницу,
Гдѣ будетъ онъ покоиться. На ней
Изобразить велю я въ назиданье,
Какъ Орлеанъ врагами разгромленъ,
Какъ былъ убитъ измѣнниически вождь,
Какъ наводилъ на Францію онъ ужасъ.
Но, лорды, мы въ бою кровопролитномъ
Не встрѣтили дофина съ Іоанной,
Сподвижницей безгрѣшною его,
А также—ихъ союзниковъ коварныхъ.

БЕДФОРДЪ.
Вначалѣ боя—Тальботъ полагаетъ—
Они, вскочивъ съ постелей, проскользнули
Среди рядовъ и, стѣну перепрыгнувъ,
Спасенія себѣ искали въ полѣ.

БУРГУНДСКІЙ.
Я самъ видалъ, насколько можно было
Сквозь дымъ густой и мглу тумана видѣть,
Что объ руку съ возлюбленной своею
Бѣжалъ дофинъ—какъ пара голубковъ,
Не разстающихся ни днемъ, ни ночью.
Какъ только здѣсь порядокъ водворится—
Идемъ на нихъ со всею нашей силой.

Входитъ ГОНЕЦЪ.

ГОНЕЦЪ.
Привѣтъ милордамъ! Кто въ собраньѣ этомъ
Блистательномъ—воинственный Тальботъ,
Чьи подвиги во Франціи такъ славны?

ТАЛЬБОТЪ и ГРАФИНЯ ОВЕРНСКАЯ.

Картина извѣстнаго англ. живописца Опи (John Opie, 1761—1807). (Большая Бойделевская Галлерея).

Тальботъ.

Вотъ Тальботъ. Кто съ нимъ хочетъ говорить?

Гонецъ.

Достойная Овернская графиня
Въ смиреніи твоей дивится славѣ
И чрезъ меня тебя усердно проситъ
Ея убогій замокъ посѣтить,
Желая похвалиться, что видала
Она того, чьей славой полонъ міръ.

Бургундскій.

Ну, если такъ, то превратятся войны
Въ веселую и мирную потѣху,
Коль скоро дамы ищутъ съ нами встрѣчи.
Откажете-ль, милордъ, въ столь милой просьбѣ?

Тальботъ.

Коль откажу—ни въ чемъ не вѣрьте мнѣ.
Гдѣ краснорѣчье всѣхъ мужчинъ безсильно—
Тамъ женщины вниманье побѣдило.
Скажи, что я благодарю графиню,
За честь почту явиться. Не угодно ль,
Милорды, вамъ сопровождать меня?

Бедфордъ.

Съ приличьемъ это было-бъ несогласно,
И я слыхалъ: непріглашенный гость—
Милѣй всего бываетъ по уходѣ.

Тальботъ.

Что жъ? Если такъ—одинъ я отправляюсь.
Я испытать хочу любезность дамы.
Приблизьтесь, капитанъ.
(Говоритъ шопотомъ).
Что я задумалъ—
Вы поняли?

Капитанъ.

Я понялъ. Все исполню.

СЦЕНА III.

Оверньь. Дворъ замка.

Входятъ ГРАФИНЯ *и ея* ПРИВРАТНИКЪ.

ГРАФИНЯ.

Не позабудь исполнить мой приказъ,
И мнѣ затѣмъ ты принесешь ключи.

ПРИВРАТНИКЪ.

Я слушаю, графиня.

ГРАФИНЯ.

Все готово.
Удастся планъ—и я тогда прославлюсь,
Какъ скиѳская царица—смертью Кира.
Молва о грозномъ вождѣ—велика,
Не менѣе его дѣянья славны.
И я хочу, чтобъ уши и глаза
Провѣрили правдивость этихъ слуховъ.

Входятъ ГОНЕЦЪ *и* ТАЛЬБОТЪ.

ГОНЕЦЪ.

Графиня, я исполнилъ вашу волю,
Мной приглашенъ—явился лордъ Тальботъ.

ГРАФИНЯ.

Привѣтствую его. Но кто же это?

ГОНЕЦЪ.

Самъ лордъ Тальботъ.

ГРАФИНЯ.

Какъ? Это—бичъ французовъ,
Тальботъ, кого настолько здѣсь боятся,
Что именемъ его дѣтей пугаютъ?
Но лживъ и пустъ, я вижу, этотъ слухъ.
Въ немъ Геркулеса думала найти я
Иль Гектора съ суровыми чертами,
Могучаго и ростомъ и сложеньемъ.
А предо мной—дитя, ничтожный карликъ;
Не можетъ быть, чтобъ сморщенный уродецъ
Врагамъ своимъ внушалъ подобный страхъ.

ТАЛЬБОТЪ.

Графиня, васъ я смѣлъ обезпокоить,
Но, вижу я, вамъ недосугъ, и лучше
Я навѣщу въ другое время васъ.
(*Идетъ*).

ГРАФИНЯ.

Что съ нимъ? Спроси, куда уходитъ онъ?

ГОНЕЦЪ.

Милордъ Тальботъ, остановитесь! Хочетъ
Графиня знать, что значитъ вашъ уходъ?

ТАЛЬБОТЪ.

Она воображаетъ, что ошиблась,
Я доказать хочу, что Тальботъ—здѣсь.
(*Возвращается привратникъ съ ключами*).

ГРАФИНЯ.

Коль скоро ты—дѣйствительно Тальботъ,
Ты—плѣнникъ.

ТАЛЬБОТЪ.

Чей?

ГРАФИНЯ.

Мой, кровожадный лордъ.
Тебя затѣмъ въ мой домъ я заманила,
Гдѣ тѣнь твоя—давно уже въ плѣну.
Вонъ тамъ виситъ твое изображенье,
Съ тобой самимъ я такъ же поступлю.
Я по рукамъ и по ногамъ сковать
Велю того, кто былъ въ теченье лѣтъ
Гонителемъ страны, убійцей гражданъ,
И въ плѣнъ мужей бралъ нашихъ и сыновъ.

ТАЛЬБОТЪ.

Ха-ха-ха-ха!

ГРАФИНЯ.

Смѣешься ты? Но смѣхъ твой станетъ воплемъ.

ТАЛЬБОТЪ.

Смѣюсь тому, что радуетесь вы,
Имѣя тѣнь Тальбота предъ собою,
Чтобъ проявить надъ ней жестокость вашу.

ГРАФИНЯ.

Такъ то—не онъ?

ТАЛЬБОТЪ.

Онъ самый.

ГРАФИНЯ.

Но тогда
И тѣломъ ты принадлежишь мнѣ также.

ТАЛЬБОТЪ.

Нѣтъ, самого себя я только тѣнь,
Ошиблись вы, нѣтъ моего здѣсь тѣла—сущности моей.
Что предъ собой вы видите—земного
Мельчайшая, ничтожная частица.
Но еслибъ здѣсь я былъ всѣмъ существомъ—
Такъ велико и такъ оно громадно,
Что этотъ кровь его бы не вмѣстилъ.

ГРАФИНЯ.

Загадками ты видно промышляешь?
То здѣсь Тальботъ, то нѣтъ его! Но какъ же
Противорѣчья эти совмѣстить?

ТАЛЬБОТЪ.

Сейчасъ же вамъ я это покажу.

(*Трубитъ въ рогъ. Барабанный бой, затѣмъ залпъ изъ орудій. Въ разбитыя ворота врываются солдаты*).

Что скажете, графиня? Убѣдились
Въ томъ, что Тальботъ—тѣнь самого себя?
Предъ вами: тѣло, мышцы, руки, сила,

ТАЛЬБОТЪ и ГРАФИНЯ ОВЕРНСКАЯ.

Картина извѣстнаго анг. художника Орчардсона (Orchardson, род. 1835).

Съ чьей помощью, спѣсь вашу принижая,
Онъ рушитъ стѣны, сноситъ города,
Опустошая ихъ въ одно мгновенье.

Графиня.

Прости меня, Тальботъ побѣдоносный.
Твоей великой славы ты—не меньше.
Нѣтъ, болѣе, когда судить по росту!
Не гнѣвайся на дерзость, сожалѣю,
Что съ честью я не встрѣтила тебя—
Такимъ, каковъ ты есть на самомъ дѣлѣ.

Тальботъ.

Прекрасная графиня, не смущайтесь.
Намѣренья мои вѣрнѣй поймите,
Чѣмъ поняли вы тѣла моего
Наружное устройство. Не обиженъ,
И не прошу иного ничего,
Какъ дозволенья винъ отвѣдать вашихъ
И сладкихъ яствъ. Желудки у солдатъ
Готовы имъ всегда служить исправно.

Графиня.

Отъ всей души за честь я почитаю
Столь доблестнаго воина принять.

(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Лондонъ. Садъ Темпля.

Входятъ графы Сомерсетъ, Суффолькъ и Уорикъ, Ричардъ Плантагенетъ, Вернонъ и Стряпчій.

Плантагенетъ.

Милорды, что-жъ молчанье вы храните?
Ужель никто намъ истины не скажетъ?

Суффолькъ.

Мы черезчуръ шумѣли въ залахъ Темпля.
Удобнѣе бесѣдовать въ саду.

Плантагенетъ.

Тогда скажите: я ль стоялъ за правду,
Иль Сомерсетъ былъ правъ, со мною споря?

Суффолькъ.

Я плохъ по части знанія законовъ,
Я подчинить не могъ законамъ волю,
И волѣ я законы подчинилъ.

Сомерсетъ.

Тогда, лордъ Уорикъ, разсудите насъ.

Уорикъ.

Изъ соколовъ —двоихъ—кто выше взмылъ,

Изъ двухъ собакъ—лай громче у которой,
Изъ двухъ клинковъ—закалъ въ которомъ лучше,
Изъ двухъ коней—кто на скаку быстрѣе,
Изъ двухъ дѣвицъ—чьи взоры веселѣе,
Рѣшилъ бы я своимъ разсудкомъ слабымъ,
Но въ тонкостяхъ закона, въ крючкотворствѣ—
Клянусь душой, я не умнѣе галки.

ПЛАНТАГЕНЕТЪ.
Учтивая уклончивость, и—только.
За истину нагую я стою,
Которую видать и близорукимъ.

СОМЕРСЕТЪ.
Со стороны моей она настолько
Блистательна, свѣтла и очевидна,
Что свѣтъ ея блеститъ и для слѣпыхъ.

ПЛАНТАГЕНЕТЪ.
Когда языкъ нашъ связанъ и лѣнивъ—
То вашу мысль вы обнаружьте знакомъ;
Пусть тотъ, кто знатнаго происхожденья
И родовою честью дорожитъ—
Предположивъ, что я—сторонникъ правды,
Сорветъ здѣсь розу бѣлую со мной.

СОМЕРСЕТЪ.
Пусть каждый, кто—не льстецъ и не трусливъ,
И кто стоять за истину дерзаетъ—
Со мною розу алую сорветъ.

УОРИКЪ.
Я не терплю цвѣтного. Безъ цвѣтовъ
Постыдной лести—рву съ Плантагенетомъ
Я эту розу бѣлую съ куста.

СУФФОЛЬКЪ.
Я алую рву съ юнымъ Сомерсетомъ.
Тѣмъ говоря: по моему, онъ правъ.

ВЕРНОНЪ.
Постойте, лорды, не срывайте больше,
Покуда не рѣшите вы, что тотъ,
Чья сторона получитъ меньше розъ—
Соперника признать обязанъ правымъ.

СОМЕРСЕТЪ.
Я признаю Вернона возраженье,
Коль въ меньшинствѣ я буду—покоряюсь.

ПЛАНТАГЕНЕТЪ.
И я.

ВЕРНОНЪ.
За правоту и ясность дѣла—
Срываю блѣдный дѣвственный цвѣтокъ
И сторону беру я бѣлой розы.

СОМЕРСЕТЪ.
Не уколите пальцевъ: алой кровью
Въ бѣлую могли-бъ окрасить розу,
Невольно ставъ сторонникомъ моимъ.

ВЕРНОНЪ.
Когда, милордъ, пролью за убѣжденья
Я кровь свою—они жъ меня излѣчатъ,
И гдѣ стою—помогутъ устоять.

СОМЕРСЕТЪ.
Ну, хорошо! За кѣмъ еще чередъ?

СТРЯПЧІЙ.
Когда не лгутъ познанія и книги—,
Я доводъ вашъ невѣрнымъ признаю
И также розу бѣлую срываю.

ПЛАНТАГЕНЕТЪ.
Ну, Сомерсетъ, гдѣ доводы твои?

СОМЕРСЕТЪ.
Вотъ здѣсь, въ ножнахъ: изъ бѣлой—вашу розу
Окрашу я въ кроваво-алый цвѣтъ.

ПЛАНТАГЕНЕТЪ.
Цвѣтъ щекъ твоихъ подобенъ розѣ нашей:
Онѣ блѣдны отъ страха, въ подтвержденье,
Что мы—за правду.

СОМЕРСЕТЪ.
Нѣтъ, Плантагенетъ,
Не страхомъ блѣдность вызвана, но гнѣвомъ,
Что отъ стыда ты алъ, какъ наша роза,
А твой языкъ сознаться въ томъ не хочетъ.

ПЛАНТАГЕНЕТЪ.
Лордъ Сомерсетъ, червя ль нѣтъ въ вашей розѣ?

СОМЕРСЕТЪ.
Шиповъ ли нѣтъ въ твоей, Плантагенетъ?

ПЛАНТАГЕНЕТЪ.
Есть острые—для охраненья правды,
А твой червякъ неправдой лишь живетъ.

СОМЕРСЕТЪ.
Приверженцевъ найду кровавой розы,
Готовыхъ тамъ отстаивать меня,
Гдѣ не дерзнетъ Плантагенетъ явиться.

ПЛАНТАГЕНЕТЪ.
Клянусь я этимъ дѣвственнымъ цвѣткомъ
Въ рукѣ моей, тебя, мальчишка дерзкій,
И всѣхъ твоихъ друзей я презираю.

СУФФОЛЬКЪ.
Кого нибудь другого презирай.

ПЛАНТАГЕНЕТЪ.
Согласенъ, Поль надменный, васъ обоихъ.

СУФФОЛЬКЪ.
Самъ подавись презрѣніемъ своимъ.

СОМЕРСЕТЪ.
Прочь, благородный Вильямъ де ла Пуль!
Что съ дворяниномъ намъ ничтожнымъ спорить!

УОРИКЪ.
Его срамишь напрасно, Сомерсетъ.
Вѣдь Эдуарда Третьяго сынъ третій,
Былъ герцогъ Кларенсъ, дѣдъ Плантагенета,
И отъ такого корня быть не можетъ
Дворянчиковъ ничтожныхъ безъ герба.

ПЛАНТАГЕНЕТЪ.
Теперь ему благопріятно мѣсто,
Иначе трусъ такъ говорить не смѣлъ бы.

СОМЕРСЕТЪ.
Клянусь Творцомъ, я повторю все это
Сейчасъ въ любой изъ христіанскихъ странъ.
Отецъ, графъ Кембриджъ, не былъ ли казненъ
При королѣ покойномъ за измѣну?
Позоръ его не палъ ли и на сына?
Предательство живетъ въ твоей крови,
Покуда правъ лишенъ, ты—простолюдинъ.

ПЛАНТАГЕНЕТЪ.
Былъ обвиненъ отецъ, не опозоренъ,
Онъ былъ казненъ, измѣнникомъ же не былъ.
Я это лучшимъ людямъ докажу,
Чѣмъ Сомерсетъ, когда пора настанетъ.
Что до тебя и Поля твоего—
Я въ памятную книгу васъ внесу,
Чтобъ за извѣтъ васъ покарать достойно.
Смотрите же, я васъ предупредилъ.

СОМЕРСЕТЪ.
Ты насъ найдешь готовыми всегда.
Своихъ враговъ ты по цвѣтамъ узнаешь,—
На зло тебѣ, носить ихъ будутъ наши.

ПЛАНТАГЕНЕТЪ.
Клянусь душою: блѣдный розанъ гнѣва,
Какъ знакъ вражды моей кровавой къ вамъ,
Я и мои—носить мы будемъ вѣчно,
Пока со мной въ могилѣ не увянетъ
Иль въ славѣ онъ не расцвѣтетъ со мной.

СУФФОЛЬКЪ.
Иди,—и честолюбьемъ подавись,
Итакъ—прости, до предстоящей встрѣчи.
(Уходитъ).

СОМЕРСЕТЪ.
И я съ тобой. Прощай, тщеславный Ричардъ.
(Уходитъ).

ТАЛЬБОТЪ И ГРАФИНЯ ОВЕРНСКАЯ.
Рисунокъ Бэйэмъ Шоу (Byam Shaw).

ПЛАНТАГЕНЕТЪ.
Я оскорбленъ, и долженъ все терпѣть!

УОРИКЪ.
Позоръ, въ которомъ родъ нашъ обвиняютъ,
Онъ будетъ снятъ въ парламентѣ ближайшемъ,
Гдѣ судятся лордъ Винчестеръ и Глостеръ.
И если имя Іорка не вернутъ вамъ—
Пусть Уорикомъ я больше не зовусь.
Покуда, въ знакъ любви моей къ тебѣ,
На зло ла-Пулю съ гордымъ Сомерсетомъ,
Я буду розу бѣлую носить.
Предвижу я, что этотъ споръ въ саду,
На партіи насъ въ Темплѣ раздѣлившій—
Въ войнѣ межъ розой алою и бѣлой,
Жертвъ тысячи въ могильный мракъ пошлетъ.

ПЛАНТАГЕНЕТЪ.
Вернонъ добрѣйшій, вамъ обязанъ я,
Что за меня цвѣтокъ былъ сорванъ вами.

АЛАЯ И БѢЛАЯ РОЗА.

Картина англ. художника Джозіа Бойделя (Josiah Boydel, 1750—1817). (Большая Бойделевская Галлерея).

Вернонъ.
в васъ носить его намѣренъ.

Стряпчій.
же.

Плантагенетъ.
Сэръ, я васъ благодарю;
ь ко мнѣ обѣдать всѣ идемъ.
тъ споръ мы позже кровь прольемъ.
(Уходятъ).

СЦЕНА V.

Покой въ Тоуэрѣ.

имеръ, *котораго вносятъ въ креслѣ двое сторожей.*

Мортимеръ.
рые хранители моихъ
оинныхъ лѣтъ—остановитесь здѣсь.
Пусть Мортимеръ предъ смертью отдохнетъ.
Отъ заточенья долгаго всѣ члены
Мои болятъ какъ будто послѣ пытки.
Предтеча смерти—сѣдина того,
Кто межъ заботъ состарился, какъ Несторъ,—
Вѣщаетъ смерть Эдмунда Мортимера.
Глаза мои, подобныя лампадамъ,
Гдѣ масло догорѣло—потухаютъ.
Согбенныя тяжелымъ горемъ плечи
И руки изможденныя повисли,
Какъ вѣтви лозъ, въ которыхъ соковъ нѣтъ,
А ноги неподвижныя не въ силахъ
Для тѣла бреннаго служить опорой,
Окрылены желаніемъ однимъ:
Скорѣе лечь въ могилу, какъ бы зная,
Что для меня отрады нѣтъ иной.
Скажи мнѣ, другъ, придетъ ли мой племянникъ?

Сторожъ.
Ричардъ Плантагенетъ придетъ, милордъ,

АЛАЯ И БѢЛАЯ РОЗА.

Картина акад. художника Петти (J. Pettie, R. A., 1839—1893).

Въ его покои въ Темпль мы посылали,
И былъ отвѣтъ, что онъ сюда прибудетъ.

МОРТИМЕРЪ.

Тогда душой спокоенъ буду я.
Бѣднякъ! Моей—равна его обида,
Съ тѣхъ поръ, какъ Генрихъ Монмутъ—королемъ,
Томлюсь я здѣсь въ постыломъ заточеньѣ.
Я до него былъ славенъ въ ратномъ полѣ.
Опальнымъ сталъ и Ричардъ съ тѣхъ же поръ,
Равно лишеннымъ чести и наслѣдства.
Теперь, когда—въ отчаяньѣ посредникъ
И всѣхъ земныхъ страданій разрѣшитель—
Смерть справедливая освобожденье
Даруетъ мнѣ, отсюда отпуская,—
Пусть и его окончились бы муки,
И получилъ онъ все, что потерялъ.

Входитъ РИЧАРДЪ ПЛАНТАГЕНЕТЪ.

СТОРОЖЪ.

Вашъ любящій племянникъ здѣсь, милордъ.

МОРТИМЕРЪ.

Мой другъ, Ричардъ Плантагенетъ пришелъ?

ПЛАНТАГЕНЕТЪ.

Да, благородный дядя мой, съ которымъ
Поступлено такъ низко! Вашъ племянникъ,
Недавно опозоренный, пришелъ.

МОРТИМЕРЪ.

Направьте руки, чтобъ его обнявъ,
Я на груди его мой вздохъ послѣдній
Могъ испустить. Въ прощальномъ поцѣлуѣ
Какъ мнѣ прильнуть къ щекамъ его устами?
О, нѣжный отпрыскъ Іоркскаго ствола,
Ты о какомъ упоминалъ позорѣ?

ПЛАНТАГЕНЕТЪ.

Дай обниму твой дряхлый станъ рукой,
Чтобъ выслушалъ въ спокойномъ положеньѣ
Ты легче вѣсть тяжелую мою.
Вопросъ одинъ сегодня обсуждая,
Поспорили мы крупно съ Сомерсетомъ;
Языкъ его, обиды расточавшій—

УМИРАЮЩІЙ МОРТИМЕРЪ И РИЧАРДЪ ПЛАНТАГЕНЕТЪ.

Картина извѣстнаго анл. художника Гамильтона (Wil. Hamilton, R. A., 1751—1801).

Меня отцовской смертью упрекнулъ,
И тотъ упрекъ уста мнѣ заградилъ,
Иначе я отвѣтилъ бы ему.
О, добрый дядя, потому, во имя
Плантагенетовъ, нашего родства—
Повѣдайте причину, по которой
Графъ Кэмбриджъ, мой отецъ, былъ обезглавленъ?

МОРТИМЕРЪ.

Племянникъ милый, то, что привело
Меня въ темницу злую, гдѣ въ томленьи
Я молодость цвѣтущую провелъ—
Орудіемъ его кончины было.

ПЛАНТАГЕНЕТЪ.

Подробнѣе скажите; ни о чемъ
Не знаю я, и угадать не въ силахъ.

МОРТИМЕРЪ.

Скажу, коль скоро хватитъ мнѣ дыханья
И не прерветъ повѣствованья смерть.
Четвертый Генрихъ, нынѣшнему—дѣдъ,
Племянника, Ричарда, низложилъ;
Тотъ Третьему Эдварду приходился

УМИРАЮЩІЙ МОРТИМЕРЪ И РИЧАРДЪ ПЛАНТАГЕНЕТЪ.

Картина извѣстнаго анл. художника Джемса Норскота (James Northcote, R. A., 1746—1838). (Малая Бойделевская Галлерея).

Наслѣдникомъ и первороднымъ сыномъ.
Найдя захватъ престола незаконнымъ,
Тутъ попытались сѣверные Перси
Возвесть меня. Причиной, побудившей
Ихъ къ этому, соображенье было,
Что послѣ низложенія Ричарда,
Лишеннаго наслѣдниковъ прямыхъ—
Я къ трону былъ ближайшимъ по рожденью,
По матери моей происходя
Отъ Кларенса, который третьимъ сыномъ
Былъ Эдуарду Третьему. Джонъ Гаунтъ,
Ихъ предокъ, былъ четвертый въ славномъ родѣ.
Замѣть, межъ тѣмъ какъ въ доблестной попыткѣ
Наслѣдника законнаго вѣнчать,
Они лишились жизни, я—свободы,
Впослѣдствіи, когда—сынъ Болингброка—
Сталъ королемъ англійскимъ Генрихъ V,
Графъ Кэмбриджъ, твой отецъ, происходившій
Отъ славнаго Эдмунда Лэнгли Іорка
И сочетавшись съ матерью твоей—
Сестрой моей, страдая за меня,

Собралъ войска, чтобъ мнѣ вѣнецъ доставить.
Но храбрый графъ казненъ былъ, какъ другіе,
И правъ своихъ лишились Мортимеры...

ПЛАНТАГЕНЕТЪ.

Милордъ, изъ нихъ послѣдній—ваша свѣтлость.

МОРТИМЕРЪ.

Но у меня, ты знаешь, нѣтъ потомства.
Пророчитъ смерть слабѣющій мой голосъ.
Наслѣдникъ—ты, желаю, чтобъ наслѣдство
Ты получилъ, но—остороженъ будь.

ПЛАНТАГЕНЕТЪ.

Послѣдую твоимъ совѣтамъ мудрымъ.
Но думается мнѣ, что казнь отца
Была однимъ насиліемъ кровавымъ.

МОРТИМЕРЪ.

Политика тебя молчанью учитъ.
Упроченъ домъ Ланкастеровъ; горѣ
Подобенъ онъ, которую не сдвинуть.
Но дядя твой ужъ покидаетъ міръ.
Такъ короли мѣняютъ пребыванье,
Коль скоро имъ одинъ дворецъ наскучитъ.

ПЛАНТАГЕНЕТЪ.

О, еслибъ, частью юныхъ лѣтъ моихъ
Пожертвовавъ, продлилъ я вашу жизнь!

МОРТИМЕРЪ.

Убійцею ты былъ бы, что наноситъ
Десятки ранъ, когда одной довольно.
Нѣтъ, не скорби о томъ, что мнѣ—на благо.
Лишь погребеньемъ ты распорядись.
Прости, пускай тебѣ надежда свѣтитъ,
Благословенъ будь въ мирѣ и войнѣ.
(Умираетъ).

ПЛАНТАГЕНЕТЪ.

Да будетъ миръ души твоей удѣломъ.
Паломникомъ ты былъ въ своей темницѣ,
И, какъ отшельникъ, пережилъ свой вѣкъ.
Въ груди моей замкну его завѣты,
И что замыслилъ—тамъ я схороню.
Несите прахъ. О томъ я позабочусь,
Чтобъ лучше смерти было погребенье.
(Стражи уносятъ тѣло Мортимера).
Здѣсь угасаетъ факелъ Мортимера,
Затушенный гнуснѣйшимъ честолюбьемъ.
Что до обидъ и горькихъ оскорбленій,
Которыя нанесъ намъ Сомерсетъ—
Сомнѣнья нѣтъ, я съ честью ихъ заглажу,
А потому въ парламентъ я спѣшу.
Пусть возвратятъ права мнѣ и наслѣдство,
Не то я въ злѣ найду ко благу средство.
(Уходитъ).

АЛАЯ И БѢЛАЯ РОЗА.

Рисунокъ англ. художника Ватсона (J. D. Watson).

ДВОРЕЦЪ ГЕРЦОГА БЕДФОРДСКАГО ВЪ РУАНѢ.
Рисунокъ Сарджента (g. t. Sargent).

ДѢЙОТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Лондонъ. Зала парламента.

Трубы. Входятъ КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ, ЭКЗЕТЕРЪ, ГЛОСТЕРЪ, УОРИКЪ, СОМЕРСЕТЪ, СУФФОЛЬКЪ, ЕПИСКОПЪ ВИНЧЕСТЕРСКІЙ, РИЧАРДЪ ПЛАНТАГЕНЕТЪ *и др.* ГЛОСТЕРЪ *пытается подать бумагу, но* ВИНЧЕСТЕРЪ *вырываетъ ее и разрываетъ.*

ВИНЧЕСТЕРЪ.

Ты съ ябедой, изложенной въ бумагѣ,
Обдуманной и взвѣшенной заранѣе,
Приходишь, Гомфри Глостеръ? Если хочешь
Ты обвинять—безъ подготовки дѣйствуй
Немедленно—какъ самъ на обвиненья
Тебѣ готовъ не медля отвѣчать я.

ГЛОСТЕРЪ.

Надменный попъ! Когдабъ ты не былъ здѣсь—
Отвѣтилъ бы ты за обиду мнѣ.
Не полагай, что если излагаю
Я письменно всю низость дѣлъ твоихъ,
То—вымыселъ они, и не съумѣю
Написанное устно подтвердить!
Нѣтъ, злоба такъ сильна въ тебѣ, прелатъ,
И такъ срамны зловредныя продѣлки,
Что спѣсь твоя извѣстна малымъ дѣтямъ.
Ты—ростовщикъ—врагъ мира, по природѣ
Сварливый, злой; развратникъ ты и мотъ,
На званіе и санъ твой не взирая,
На жизнь мою злоумышлялъ ты дважды:
На Лондонскомъ мосту и въ Тоуэрѣ второй разъ.
И если бы твои просѣять мысли—
Боюсь, что твой король не огражденъ
Отъ зависти, таимой въ сердцѣ гордомъ.

ВИНЧЕСТЕРЪ.

Тебѣ брасаю вызовъ. Удостойте
Вниманіемъ отвѣтъ мой, лорды. Если-бъ
Я жаденъ былъ, честолюбивъ, пороченъ,
Какъ онъ меня рисуетъ—почему же
Такъ бѣденъ я и не стремлюсь къ величью,
Довольствуясь призваніемъ своимъ?
А что до ссоръ—кому, чѣмъ мнѣ, желаннѣй
Бываетъ миръ, когда я не задѣтъ?
Милорды, нѣтъ, не въ этомъ оскорбленье

Гнѣвъ герцога не этимъ распаленъ:
Лишь онъ одинъ стоять у власти хочетъ,
Лишь онъ одинъ—быть близкимъ королю.
Вотъ что грозу въ груди его рождаетъ
И обвиненьями гремитъ онъ. Но его
Не хуже я—пусть знаетъ онъ!

ГЛОСТЕРЪ.

Не хуже!
Ты, дѣда моего побочный сынъ?

ВИНЧЕСТЕРЪ.

Да, гордый лордъ. Но кто же сами вы,
Какъ не чужого трона присвоитель?

ГЛОСТЕРЪ.

Я развѣ не протекторъ, дерзкій попъ?

ВИНЧЕСТЕРЪ.

Я развѣ не прелатъ, сановникъ церкви?

ГЛОСТЕРЪ.

Да, точно такъ живетъ разбойникъ въ замкѣ,
Чтобъ тамъ скрывать добычу грабежа.

ВИНЧЕСТЕРЪ.

О, нечестивый Глостеръ!

ГЛОСТЕРЪ.

У тебя же
Не жизнь твоя—лишь санъ благочестивъ.

ВИНЧЕСТЕРЪ.

Оплотъ мой—Римъ.

УОРИКЪ.

Ну, и ступай туда.

СОМЕРСЕТЪ.

Обязаны вы были воздержаться.

УОРИКЪ.

Боитесь вы: епископа обидятъ.

СОМЕРСЕТЪ.

Сдается мнѣ: милордъ-протекторъ долженъ
Быть набожнѣй, и санъ духовный чтить.

УОРИКЪ.

Скромнѣе быть прелату подобаетъ,
Епископу такъ спорить не пристало.

СОМЕРСЕТЪ.

Когда его священный санъ затронутъ...

УОРИКЪ.

Священный, несвященный—все равно,
Но короля протекторъ—герцогъ Глостеръ.

ПЛАНТАГЕНЕТЪ *(про себя)*.

Помалчивать Плантагенету надо,
Чтобъ не сказали: говорите тамъ,
Гдѣ спросятъ васъ, и смѣлое сужденье
Вамъ нечего высказывать при лордахъ,—
Не то бы я епископа пробралъ.

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ.

О, дяди Винчестеръ и Глостеръ! Оба
Стоите вы на стражѣ государства.
Я васъ молю, когда мольбы не тщетны—
Сердцами слиться въ дружбѣ и любви.
Какой позоръ для нашего вѣнца—
Раздоръ двоихъ столь достославныхъ пэровъ!
И мнѣ въ года столь юные извѣстно,
Что рознь такая—ядовитый червь,
Точащій благо государства въ корнѣ.

(За сценой слышенъ шумъ и крики: долой бурыхъ!)

Что тамъ за шумъ?

УОРИКЪ.

Готовъ я поручиться:
Прелата слуги подняли мятежъ.

(Снова шумъ, крики: камней, камней!)

Входитъ МЭРЪ *Лондона со свитой.*

МЭРЪ.

Достойные милорды, Генрихъ добрый,
О, смилуйтесь надъ Лондономъ и нами.
Епископа и лорда Гомфри слуги
Въ виду носить оружіе запрета—
Каменьями наполнили карманы
И такъ тузятъ по головамъ другъ друга,
Что у иныхъ пустые ихъ мозги
Повытекли. Въ домахъ разбиты окна,
И лавки мы закрыли съ перепугу.

Входятъ въ дракѣ между собою слуги *Глостера и Винчестера съ окровавленными головами.*

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ.

Какъ вашъ король, повелѣваю вамъ
Бой прекратить, и въ мирѣ пребывать.
Прошу тебя, уйми ихъ, дядя Глостеръ.

1-ЫЙ СЛУГА.

Коль драться намъ камнями запретятъ—
То вцѣпимся другъ въ друга мы зубами.

2-ОЙ СЛУГА.

Отважьтесь только, мы не поддадимся.

(Дерутся)

ГЛОСТЕРЪ.

Пускай всѣ тѣ, кто у меня на службѣ—
Воздержатся отъ схватки недостойной.

3-ІЙ СЛУГА.

Мы знаемъ васъ, милордъ, за человѣка
Прямого, справедливаго,—и родомъ
Лишь короля вы ниже одного.
И прежде, чѣмъ потерпимъ, чтобъ такой
Вельможа знатный и отецъ народа

Былъ оскорбленъ чернильною душой—
Мы будемъ биться, жены, дѣти наши,
И предадимъ тѣла на избіенье
Врагамъ твоимъ.

1-ый слуга.

Остатками ногтей
И послѣ смерти имъ вопьемся въ тѣло.

(Снова дерутся).

Глостеръ.

Я говорю вамъ: стойте! Если такъ
Вы любите меня, какъ говорите—
Послушайтесь и прекратите драку.

Король.

Какъ ихъ раздоръ мнѣ душу угнетаетъ!
Лордъ Винчестеръ, ужель вы не смягчитесь?
Вы скорбь мою и слезы видѣть въ силахъ?
Гдѣ жалости искать, какъ не у васъ?
Кто соблюдать захочетъ миръ, когда
Служитель церкви тѣшится раздоромъ?

Уорикъ.

Епископъ! Лордъ-протекторъ, уступите,
Когда убить отказомъ не хотите
Вы короля и погубить страну.
Вы видите послѣдствія вражды—
Несчастія, убійства. Примиритесь,
Коль скоро жажда крови вамъ чужда.

Винчестеръ.

Не уступлю, когда онъ не смирится.

Глостеръ.

Изъ состраданья къ королю—смиряюсь.
Не то скорѣе сердце у попа
Я вырвалъ бы, чѣмъ уступилъ ему.

Уорикъ.

Лордъ Винчестеръ, смотрите. Недовольство
И злобу герцогъ Глостеръ подавилъ
И у него разгладилось чело.
Зачѣмъ же вы глядите такъ сурово?

Глостеръ.

Вотъ я тебѣ протягиваю руку.

Король Генрихъ.

Не стыдно ль, дядя? Въ проповѣди сами
Учили вы, что злоба—грѣхъ великій,
И, своему не слѣдуя ученью,
Вы первый же нарушили его.

Уорикъ.

О, дорогой король! Чрезмѣрно ласковъ
Былъ выговоръ. Лордъ Винчестеръ, стыдитесь!...
Ужель дитя должно учить васъ долгу?

Винчестеръ.

Такъ, герцогъ. Я пожатьемъ на пожатье
Отвѣчу вамъ, любовью—на любовь.

Глостеръ *(про себя)*.

Увы, боюсь: тутъ сердце не причемъ.
Друзья мои и земляки! Да будетъ
Вотъ этотъ знакъ залогомъ перемирья
Для нашихъ всѣхъ приверженцевъ и насъ.
Свидѣтель Богъ—по правдѣ мыслю я.

Винчестеръ.

Прости мнѣ Богъ, коль не по правдѣ мыслю.

Король Генрихъ.

О, милый дядя, добрый герцогъ Глостеръ,
Какъ радуетъ меня согласье ваше.
Ступайте люди, не тревожьте насъ,
И, по примѣру лордовъ, примиритесь.

1-ый слуга.

Ну, хорошо. Я—къ лѣкарю.

2-й слуга.

Я тоже.

3-ій слуга.

А я пойду въ таверну за лѣкарствомъ.

(Уходятъ слуги, мэръ и проч.).

Уорикъ.

Вотъ, государь, бумагу посмотрите,
Мы вашему величеству рѣшили
Въ ней изложить Плантагенета дѣло.

Глостеръ.

Добро, лордъ Уорикъ. Милый государь,
Изъ обстоятельствъ дѣла будетъ ясно:
Имѣются у васъ всѣ основанья
Чтобъ должное воздать Плантагенету,
Въ вину причинъ особыхъ, о которыхъ
Самъ въ Эльтемѣ докладывалъ я вамъ.

Король Генрихъ.

Онѣ имѣютъ силу. Потому
Желанье наше, лорды, таково,
Чтобъ Ричарду вернуть его права.

Уорикъ.

Пусть Ричарду вернутъ его права;
Тѣмъ предъ отцомъ его вину загладятъ.

Винчестеръ.

Какъ прочіе—такъ Винчестеръ рѣшаетъ.

Король Генрихъ.

Коль скоро вѣренъ Ричардъ будетъ намъ—
Не это лишь, я возвращу ему
Наслѣдье дома Іоркскаго. Вѣдь вы
По линіи прямой—его потомокъ.

ПЛАНТАГЕНЕТЪ.
Даетъ обѣтъ смиренный твой слуга
Тебѣ служить до самой смерти вѣрно.

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ.
Тогда склони колѣна предо мной,
Въ награду же за это опояшу
Тебя мечомъ изъ дома Іорковъ я.
Встань истиннымъ Плантагенетомъ, Ричардъ.
Отнынѣ ты—свѣтлѣйшій герцогъ Іоркъ.

ПЛАНТАГЕНЕТЪ.
Пусть, мой успѣхъ враговъ твоихъ низвергнетъ,
Тебѣ служу пусть я на гибель имъ,
Да сгинутъ всѣ, кто на тебя помыслитъ!

ВСѢ.
Привѣтъ тебѣ, могучій герцогъ Іоркъ!

СОМЕРСЕТЪ.
Сгинь, гнусный принцъ, безславный герцогъ Іоркъ!

ГЛОСТЕРЪ.
Для вашего величества—пора
Во Францію отплыть, къ коронованью.
Присутствіе монарха возбуждаетъ
Любовь друзей и подданныхъ, межъ тѣмъ
Враговъ его въ смущеніе приводитъ.

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ.
Коль ты сказалъ—рѣшусь на этотъ шагъ.
Гдѣ съ нами другъ—тамъ не опасенъ врагъ.
(Трубы).

ГЛОСТЕРЪ.
Твои суда къ отплытію готовы.
(Уходятъ всѣ кромѣ Экзетера).

ЭКЗЕТЕРЪ.
Во Франціи иль въ Англіи мы будемъ—
Предугадать грядущаго нельзя.
Межъ пэрами раздоръ послѣдній тлѣетъ
Подъ пепломъ дружбы мнимой, и наружу
Въ концѣ концовъ онъ пламенемъ прорвется.
Какъ постепенно въ членахъ зараженныхъ
Гніютъ ихъ мясо, мускулы и кости—
Такъ будетъ распря эта развиваться.
И я боюсь, свершится предсказанье,
Которое, когда былъ Генрихъ Пятый
Властителемъ, и дѣти даже знали:
Что Генриха того завоеванья,
Который въ Монмутѣ рожденъ,—утратитъ Генрихъ,
Рожденный въ Виндзорѣ, и для меня
Теперь оно такъ ясно, что желалъ бы
Я не дожить до тѣхъ временъ несчастныхъ.
(Уходитъ).

ГЕРЦОГЪ ГЛОСТЕРЪ (HUMPHREY GLOUCESTER).

Старинный портретъ изъ коллекціи Горація Вальполя (Horace Walpole).

СЦЕНА II.

Франція. Передъ Руаномъ.

Входитъ ДѢВА, *переодѣтая, и* СОЛДАТЫ, *одѣтые крестьянами, съ мѣшками за спиною.*

ДѢВА.
Руанскія ворота—передъ нами.
Мы хитростью должны проникнуть въ нихъ.
Внимательны къ своимъ словамъ вы будьте,
Ведите рѣчь, какъ продавцы простые,
Пришедшіе, чтобъ торговать зерномъ.
Коль впустятъ насъ—на это я надѣюсь,
И мы найдемъ, что стража ихъ слаба—
Я извѣщу друзей условнымъ знакомъ,
Чтобъ Карлъ дофинъ готовилъ нападенье.

1-ЫЙ СОЛДАТЪ.
Мы, взявъ мѣшки, въ мѣшокъ посадимъ городъ,
И станетъ здѣсь хозяйничать въ Руанѣ.
Поэтому—стучимся.
(Стучится).

Сторожъ *(изнутри)*.
Qui va là?

Дѣва.
Paysans, pauvres gens de France. Торговцы—мы,
Пришедшіе продать свое зерно.

Сторожъ (*открываетъ ворота*).
Входите же. Къ базару прозвонили.

Дѣва.
Теперь, Руанъ, падутъ твои твердыни.
(Дѣва и солдаты входятъ въ городъ).

Карлъ, Орлеанскій, Алансонскій, Рене *и войска.*

Карлъ.
Пусть въ хитрости святой Денисъ поможетъ,
И вновь мы спать въ Руанѣ мирно будемъ.

Орлеанскій.
Съ солдатами туда вступила Дѣва,
Но способомъ какимъ она укажетъ,
Откуда намъ ударить безопаснѣй?

Рене.
Она зажжетъ на этой башнѣ факелъ,
Какъ знакъ того, что мѣсто, гдѣ она
Прошла сама—защищено слабѣе.

Дѣва *(поднимается на укрѣпленіе съ зажженнымъ факеломъ въ рукѣ).*
Смотрите! Вотъ счастливый факелъ брачный.
Онъ съ Франціей соединитъ Руанъ,
Но гибелью грозитъ войскамъ Тальбота.

Орлеанскій.
Сигналъ друзей ты видишь, славный Карлъ?
На башнѣ той зажженный факелъ свѣтитъ.

Карлъ.
Пусть блещетъ онъ кометою возмездья,
Паденіе враговъ предвозвѣщая.

Рене.
Не медли же, опасны проволочки,
Идемъ впередъ при возгласахъ: Дофинъ!
И поскорѣй со стражею покончимъ.
(Входятъ въ Руанъ).

Тальботъ *и англійскіе солдаты.*

Тальботъ.
О, Франція, оплачешь ты измѣну,
Коль скоро я ее переживу!
Проклятая колдунья эта Дѣва
Такъ быстро дѣло адское свершила,
Что отъ враговъ съ трудомъ лишь мы спаслись.
Тревога, битва. Изъ города выносятъ въ креслахъ больного Бедфорда, *съ нимъ*—Тальботъ, Бургундскій *и англійскія войска.*

На стѣнахъ появляются Дѣва, Карлъ, Орлеанскій, Алансонскій *и* Рене.

Дѣва.
День добрый! Хлѣба не угодно ль вамъ?
Бургундскій герцогъ предпочтетъ поститься,
Чѣмъ вновь его купить за ту же цѣну.
Тамъ куколь былъ. По вкусу ли онъ вамъ?

Бургундскій.
Распутница, колдунья, смѣйся! Хлѣбомъ
Тебя твоимъ заставлю подавиться:
Ты проклянешь день жатвы.

Карлъ.
Ваше свѣтлость,
До той поры вы съ голоду умрете.

Бедфордъ.
Мы отомстимъ не словомъ, а дѣлами.

Дѣва.
Что, добрая сѣдая борода,
Не хочешь ли переломить копье,
Со смертью здѣсь сразиться, сидя въ креслахъ?

Тальботъ.
Французская чертовка, злая вѣдьма!
Тебѣ ль, среди любовниковъ твоихъ,
Надъ доблестною старостью глумиться,
Полуживого трусомъ называть?
Когда съ тобой я снова не побьюсь—
Пусть суждено погибнуть мнѣ безславно.

Дѣва.
Такъ пылки вы? Но—осторожнѣй, Дѣва:
Тальботъ гремитъ — такъ значитъ быть дождю.
(Тальботъ и другіе совѣщаются).
Парламенту привѣтъ! За кѣмъ же слово?

Тальботъ.
Рѣшитесь ли вы съ нами выйти въ поле?

Дѣва.
Ужель, милордъ, настолько мы—глупцы,
Чтобъ взятое пытаться взять вторично?

Тальботъ.
Я говорю не съ дерзкою Гекатой,
Съ тобою, Алансонъ, и всѣми вами.
Хотите-ль вы сразиться, какъ бойцы?

Алансонъ.
О, нѣтъ, сеньоръ.

ФРАНЦУЗСКІЕ СОЛДАТЫ И ДѢВА ПЕРЕОДѢТЫЕ КРЕСТЬЯНАМИ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Тальботъ.

Чортъ побери, сеньоръ!
Французскіе погонщики муловъ!
Попрятались за стѣны, какъ мальчишки,
И въ бой итти, какъ рыцари, не смѣютъ.

Дѣва.

Начальники, уйдемъ со стѣнъ. Я вижу
Недоброе во взорѣ у Тальбота.
Богъ съ вами, лордъ! Мы приходили только
Вамъ объявить, что здѣсь мы.

(Дѣва и прочіе сходятъ со стѣнъ).

Тальботъ.

И скоро мы послѣдуемъ за вами,
Иль славу я смѣняю на позоръ!
Бургундскій! Честью рода поклянись,
Во Франціи задѣтой всенародно,
Что возвратишь ты городъ иль падешь!
А я клянусь, и это такъ же вѣрно,
Какъ то, что Генрихъ здравствуетъ, и здѣсь
Отецъ его завоеватель былъ,
А въ городѣ измѣннически взятомъ—
Могила Сердца-Львинаго Ричарда,—
Клянусь: верну я городъ иль умру!

Бургундскій.

Такой же клятвой вторю я твоей.

Тальботъ.

На умирающаго герцога взгляни,
На доблестнаго Бедфорда сначала.
Милордъ, мы васъ устроимъ въ лучшемъ мѣстѣ,
Какъ требуетъ недугъ и возрастъ вашъ.

Бедфордъ.

Лордъ Тальботъ, не позорь меня. Сидѣть
Я здѣсь хочу, предъ стѣнами Руана,
И раздѣлить печаль иль радость съ вами

Бургундскій.

Дай, храбрый Бедфордъ, убѣдить себя...

Бедфордъ.

Меня уйти не убѣдишь. Читалъ я,
Что Нендрагонъ больной, въ своихъ носилкахъ
Явился въ бой и погубилъ враговъ.
Одушевилъ бы я сердца солдатъ.
Они всегда со мною схожи были.

Тальботъ.

Неустрашимый духъ въ груди безсильной!
Пусть будетъ такъ. Храни его, Творецъ.
Теперь, отважный герцогъ, не замедлимъ
Собрать свое разсѣянное войско
И на врага хвастливаго ударимъ.

(Бургундскій, Тальботъ и войско входятъ въ городъ, оставивъ Бедфорда и др.).

Тревога, битва; во время одной изъ стычекъ входятъ сэръ Джонъ Фастольфъ *и* капитанъ.

Капитанъ.

Куда спѣшите вы, сэръ Джонъ Фастольфъ?

ФАСТОЛЬФЪ.
Куда спѣшу? Спасаюсь бѣгствомъ я.
Мы, кажется, отбиты будемъ снова.

КАПИТАНЪ.
Какъ? Тальбота покинувъ, вы бѣжите?

ФАСТОЛЬФЪ.
Всѣхъ Тальботовъ, спасти бы только жизнь!
(Уходитъ).

КАПИТАНЪ.
Трусливый воинъ! гибель на тебя.
(Входитъ въ городъ).

(Отбой, битва. Дѣва, Алансонъ, Карлъ бѣгутъ изъ города).

БЕДФОРДЪ.
Лети, душа, коль небу такъ угодно:
Теперь враговъ я видѣлъ пораженье.
Что сила, что увѣренность безумцевъ?
Дерзавшіе надъ нами насмѣхаться—
Они теперь бѣжать съ позоромъ рады.
(Умираетъ, его уносятъ въ городъ).

Тревога. Возвращаются ТАЛЬБОТЪ, БУРГУНДСКІЙ *и др.*

ТАЛЬБОТЪ.
Потеряно, и въ тотъ же день отбито—
Двойная честь! Но слава той побѣды,
Бургунскій герцогъ—небу, а не намъ.

БУРГУНДСКІЙ.
Воинственный, неустрашимый Тальботъ!
Тебя носить отнынѣ въ сердцѣ буду,
Гдѣ памятникъ тебѣ—твои дѣянья.

ТАЛЬБОТЪ.
Благодарю васъ, герцогъ. Гдѣ же Дѣва?
Сдается мнѣ, что духъ ея заснулъ.
Гдѣ вызовы Батарда, Карла смѣхъ?
Затихло все. Главой поникъ Руанъ,
Столькихъ лишась защитниковъ отважныхъ.
Мы въ городѣ порядокъ возстановимъ
И, опытныхъ назначивъ офицеровъ,
Отправимся въ Парижъ, гдѣ пребываетъ
Съ вельможами нашъ молодой король.

БУРГУНДСКІЙ.
Во всемъ Бургундскій съ Тальботомъ согласенъ.

ТАЛЬБОТЪ.
Но прежде погребенія обрядъ
Надъ Бедфордомъ покойнымъ совершимъ.
Да будетъ онъ землѣ въ Руанѣ преданъ.
Храбрѣйшаго героя не бывало,
И при дворѣ—достойнѣйшаго сердца.
Но всѣ умрутъ—владыки, короли,
Таковъ конецъ всѣхъ горестей земныхъ.
(Уходитъ).

СЦЕНА III.

Равнина близъ Руана.

Входятъ КАРЛЪ, ОРЛЕАНСКІЙ, АЛАНСОНЪ, ДѢВА *и войска.*

ДѢВА.
Случайнымъ пораженьемъ не смущайтесь
И не скорбите, что Руанъ отбитъ.
Забота—ядъ, а не лѣкарство тамъ,
Гдѣ болѣе уже нельзя помочь,
Пускай Тальботъ безумный торжествуетъ,
И, какъ павлинъ, свой распускаетъ хвостъ—
Мы выщиплемъ уборъ его, коль скоро
Съ дофиномъ всѣ довѣритесь вы мнѣ.

КАРЛЪ.
Ты ранѣе руководила нами,
Мы вѣрили въ тебя: одна случайность
Несчастная не подорветъ довѣрья.

ОРЛЕАНСКІЙ.
Въ умѣ своемъ еще измысли хитрость,
И мы тебя на цѣлый міръ прославимъ.

АЛАНСОНЪ.
Мы статую твою поставимъ въ храмѣ,
И какъ святой тебѣ молиться будемъ,
Лишь въ этотъ разъ намъ, Дѣва, помоги.

ДѢВА.
Итакъ, вотъ что рѣшаетъ Іоанна:
Медовыми рѣчами, уговоромъ—
Мы герцога Бургундскаго принудимъ,
Покинувши Тальбота, къ намъ пристать.

КАРЛЪ.
Когда бъ, дружокъ, мы этого добились—
Тутъ Генриха войскамъ не стало-бъ мѣста.
Кичиться такъ не смѣлъ бы ихъ народъ,
Но былъ бы онъ изъ всѣхъ провинцій изгнанъ.

АЛАНСОНЪ.
Бѣжали бы изъ Франціи они,
Не сохранивъ здѣсь права и на графство.

ДѢВА.
Увидите, какъ дѣйствовать я стану,
Чтобъ все привесть къ желанному концу.
(Барабанный бой за сценой).

Вы слышите по звуку барабановъ,
Что двинулись къ Парижу ихъ войска.

(Англійскій маршъ. Входятъ и проходятъ на нѣкоторомъ разстояніи войска съ Тальботомъ во главѣ).

Тальботъ идетъ, знамена распустивъ,
И всѣ войска англійскія—за нимъ.

(Французскій маршъ. Входитъ герцогъ Бургундскій и его войска).

А вотъ въ тылу Бургундскій герцогъ съ войскомъ.
На счастье, онъ отсталъ. Къ переговорамъ
Трубить сейчасъ! Мы съ нимъ поговоримъ.
(Трубятъ).

КАРЛЪ.

Переговоры съ герцогомъ Бургундскимъ!

БУРГУНДСКІЙ.

Кто съ герцогомъ желаетъ говорить?

ДѢВА.

Державный Карлъ, французъ онъ, какъ и ты.

БУРГУНДСКІЙ.

Что скажешь Карлъ? Отсюда ухожу я.

КАРЛЪ *(Дѣвѣ).*

Ты говори. Плѣни его рѣчами.

ДѢВА.

Надежда всѣхъ французовъ, славный герцогъ,
Слугѣ твоей дозволь промолвить слово.

БУРГУНДСКІЙ.

Не слишкомъ лишь пространно говори.

ДѢВА.

На Францію богатую взгляни—
Страну твою! Селенья, города
Жестокій врагъ въ ней предалъ разрушенью.
Какъ мать глядитъ на милое дитя,
Чей нѣжный взоръ на вѣки смерть смежаетъ—
На Франціи недугъ ты погляди,
На тяжкія, чудовищныя раны,
Которыя нанесъ ея груди.
Мечъ обрати ты въ сторону другую,
И ранящихъ рази, а не цѣлящихъ.
Вѣдь капля крови изъ груди отчизны—
Должна-бъ сильнѣй, чѣмъ рѣки чуждой крови,
Тебя страшить. Вернись же къ намъ. Съ отчизны
Слезами смой кровавое пятно.

БУРГУНДСКІЙ.

Ея рѣчами околдованъ я,
Иль говоритъ во мнѣ сама природа?

ДѢВА.

Вся Франція, французы всѣ дивятся,
Въ твоемъ происхожденьѣ усомнясь.
Вступилъ въ союзъ съ народомъ гордымъ ты?—
Изъ выгоды тебѣ онъ довѣряетъ.
Когда жъ Тальботъ здѣсь прочно оснуется
И сдѣлаетъ тебя орудьемъ зла—
Кто властелинъ здѣсь будетъ, какъ не Генрихъ?
И, какъ бѣглецъ, изгнанникомъ ты будешь.
Припомни—въ томъ найдешь ты подтвержденье—
Твоимъ врагомъ былъ герцогъ Орлеанскій,
И плѣнникомъ онъ былъ у англичанъ.
Межъ тѣмъ, узнавъ, что недругъ онъ тебѣ—
Безъ выкупа его освободили,
На зло тебѣ и всѣмъ твоимъ друзьямъ!
Ты на своихъ согражданъ ополчился,
Соединясь съ убійцами твоими.
Приди же къ намъ, о герцогъ, возвратись!
Съ друзьями Карлъ тебя въ объятья приметъ.

БУРГУНДСКІЙ *(въ сторону).*

Я побѣжденъ. Какъ громомъ изъ орудій,
Возвышенною рѣчью я разбитъ,
Почти готовъ я преклонить колѣни.

(Громко).

Ты, родина, и вы, друзья, простите,
Позвольте васъ отъ всей души обнять.
Мои войска, могущество—все ваше.
Прощай, Тальботъ, тебѣ не вѣрю я.

ДѢВА.

Какъ истинный французъ, вы поступили.

(Про себя).

Вертится такъ и эдакъ.

КАРЛЪ.

Храбрый герцогъ,
Ты воскресилъ насъ дружбою твоей.

ОРЛЕАНСКІЙ.

Ты снова мужество вселяешь въ насъ.

АЛАНСОНСКІЙ.

На славу роль сыграла въ этомъ Дѣва,
Она вѣнца достойна золотого.

КАРЛЪ.

Соединимъ войска и сообща
Придумаемъ, какъ повредить врагу.
(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Парижъ. Покой во дворцѣ.

Входятъ КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ, ГЛОСТЕРЪ, ВИНЧЕСТЕРЪ, ІОРКЪ, СУФФОЛЬКЪ, СОМЕРСЕТЪ, УОРИКЪ, ЭКЗЕТЕРЪ, ВЕРНОНЪ, БАССЕТЪ *и др. Къ нимъ на встрѣчу идутъ* ТАЛЬБОТЪ *и нѣкоторые изъ его офицеровъ.*

ТАЛЬБОТЪ.

Мой государь, достойнѣйшіе пэры,
Когда узналъ я о прибытьѣ вашемъ—
Въ сраженіяхъ я сдѣлалъ перерывъ,
Дабы мой долгъ исполнить предъ монархомъ.
И въ знакъ того рукою, покорившей
Подъ вашу власть полсотни крѣпостей,
Семь городовъ, двѣнадцать укрѣпленій
Да именитыхъ плѣнниковъ пятьсотъ—
Я этотъ мечъ у вашихъ ногъ слагаю.
(*Становится на колѣни*).
И въ преданности сердца моего,
Всю честь побѣдъ приписываю Богу
Сначала я, а послѣ—королю.

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ.

Такъ, значитъ, лорда Тальбота я вижу,
Пробывшаго во Франціи такъ долго?

ГЛОСТЕРЪ.

Да, государь мой, это онъ.

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ.

Добро
Пожаловать, побѣдоносный вождь.
Въ дни юности моей,—хотя не старъ
И нынче я,—отецъ мнѣ говорилъ,
Что воина отважнѣй не бывало.
Давно ужъ намъ извѣстны ваша вѣрность,
Усердіе, военные труды,
Но вы отъ насъ награды не имѣли,
Благодарить мы не могли васъ даже,
Затѣмъ, что васъ не видѣли въ лицо.
Но встаньте, лордъ. За ратныя заслуги
Мы жалуемъ васъ графомъ Шрусбери.
Присутствуйте вы при вѣнчаньѣ нашемъ.
(*Трубы. Уходятъ всѣ, исключая Вернона и Бассета*).

ВЕРНОНЪ.

Ну, что же, сэръ? Такъ сильно горячились
Вы на морѣ, позоря тѣ цвѣта,
Что въ славу Іорка герцога ношу я?
Рѣшишься ль ты тѣ рѣчи подтвердить?

БАССЕТЪ.

Да, сэръ, коль скоро дерзкимъ языкомъ
Завистливо рѣшитесь лаять вы
На герцога, милорда Сомерсета.

ВЕРНОНЪ.

Я чту его такимъ, каковъ онъ есть.

БАССЕТЪ.

Ну, а какимъ? Вѣдь Іорка онъ не хуже?

ВЕРНОНЪ.

Не хуже? Какъ же! Вотъ тебѣ за то!
(*Бьетъ его*).

БАССЕТЪ.

Тебѣ законъ извѣстенъ, негодяй!
Кто обнажитъ оружіе—смерть тому,
Не то бы мнѣ ты кровью заплатилъ.
Но я къ его величеству отправлюсь—
Чтобъ испросить на битву дозволенье,
И мы сразимся на бѣду твою.

ВЕРНОНЪ.

Туда съ тобой поспѣю заодно:
Мы свидимся скорѣй, чѣмъ пожелаешь.
(*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Парижъ. Дворецъ.

Входятъ КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ, ГЛОСТЕРЪ, ЭКЗЕТЕРЪ, ІОРКЪ, СУФФОЛЬКЪ, СОМЕРСЕТЪ, ВИНЧЕСТЕРЪ, УОРКЪ, ТАЛЬБОТЪ, КОМЕНДАНТЪ ПАРИЖА *и др.*

ГЛОСТЕРЪ.

Главу его вѣнчайте, лордъ-епископъ.

ВИНЧЕСТЕРЪ.

Помилуй, Боже, Генриха монарха
И государя—именемъ Шестого.

ГЛОСТЕРЪ.

Клянитесь вы, парижскій губернаторъ
(*комендантъ преклоняетъ колѣни*)
Не избирать другого государя.
Да будутъ вамъ его друзья—друзьями,
И только тѣ врагами станутъ вамъ,
Кто на его престолъ злоумышляетъ.
Такъ дѣйствуйте, и Богъ вамъ да поможетъ.
(*Уходятъ комендантъ и свита*).

Входитъ СЭРЪ ДЖОНЪ ФАСТОЛЬФЪ.

ФАСТОЛЬФЪ.

Мой государь, покуда изъ Калэ
На ваше я спѣшилъ корованье—
Отъ герцога Бургундскаго вручили

Мнѣ къ вашему величеству письмо.
(Подаетъ его).

Тальботъ.
Позоръ тебѣ и герцогу позоръ!
Я поклялся сорвать, презрѣнный воинъ,
Съ ноги твоей Подвязку при свиданьѣ
(срываетъ орденъ)
И сдѣлалъ такъ—затѣмъ, что недостойно
Отличьемъ ты пожалованъ высокимъ.
Простите, Генрихъ царственный, и лорды,
Но въ битвѣ при Патэ, гдѣ у меня
Шесть тысячъ войска было, а французовъ—
По десяти на одного, трусъ этотъ,
Какъ подъ охрану вѣрную, бѣжалъ
До первыхъ же ударовъ, раньше боя.
Теперь судите, лорды, поступилъ ли
Я правильно, и трусъ такой достоинъ
Носить отличье рыцарства иль нѣтъ?

Глостеръ.
Воистинѣ такой поступокъ гнусенъ
И для простого воина, не только
Для рыцаря, вождя и капитана.

Тальботъ.
Когда, милорды, орденъ основался,
То рыцарямъ Подвязки благороднымъ
Присущи были храбрость, добродѣтель
И мужество въ бояхъ, гдѣ, не страшась
Опасностей и смерти, все они
И въ крайности рѣшимость сохраняли.
И тотъ, кому такія свойства чужды—
Тотъ рыцаремъ зовется незаконно
И оскверняетъ высшій этотъ орденъ.
Когда-бъ я смѣлъ судьею быть—сравнялъ бы
Его въ правахъ съ холопомъ подзаборнымъ,
Который сталъ дворянствомъ похваляться.

Король Генрихъ.
Позоръ отчизны, слышалъ приговоръ?
Ты болѣе не рыцарь, удались,
Тебя подъ страхомъ смерти изгоняемъ.
(Фастольфъ уходитъ).
Теперь, милордъ-протекторъ, прочитайте,
О чемъ Бургундскій герцогъ пишетъ намъ?

Глостеръ.
Что это значитъ? Измѣнился слогъ
У герцога?
(Смотритъ надпись).
Какъ кратко: королю.
Забылъ ли онъ, что вы—его властитель,
Иль означаетъ грубый заголовокъ,
Что въ чувствахъ онъ перемѣнился къ вамъ?
Что жъ пишетъ онъ?
(Читаетъ). „Въ виду причинъ особыхъ,
„Исполненъ состраданья къ разоренью
„Страны моей и къ жалобамъ народа,
„Который вы тѣсните, я покинулъ
„Зловредный вашъ союзъ, соединясь
„Съ законнымъ королемъ—французскимъ Карломъ".
Ужасная измѣна! Неужели
Въ союзахъ, дружбѣ, клятвахъ—заключаться
Такая ложь и вѣроломство могутъ?

Король Генрихъ.
Какъ? Дядя нашъ Бургундскій возмутился?

Глостеръ.
Да, государь, онъ вашимъ сталъ врагомъ.

Король Генрихъ.
И худшее въ его посланьѣ—это?

Глостеръ
И худшее, и лучшее—тутъ все.

Король Генрихъ.
Пускай же съ нимъ поговоритъ лордъ Тальботъ.
И должную воздастъ за это кару.
Что скажете, милордъ? Довольны вы?

Тальботъ.
Доволенъ я: предупрежденъ я вами,
Объ этомъ самъ я долженъ былъ просить.

Король Генрихъ.
Войска собравъ, идите на него:
Пусть видитъ, какъ предательства не терпимъ
И какъ друзьямъ преступно измѣнять.

Тальботъ.
Иду, всѣмъ сердцемъ, государь, желаю
Увидѣть вамъ враговъ уничиженье.
(Уходитъ).

Входятъ Вернонъ *и* Бассетъ.

Вернонъ.
Дозвольте мнѣ съ нимъ биться, государь.

Бассетъ.
Мнѣ, государь, дозвольте съ нимъ сразиться.

Іоркъ.
Онъ—мой слуга, ему внемлите, принцъ.

Сомерсетъ.
За моего прошу я, милый Генрихъ.

Король Генрихъ.
Терпѣнье, лорды. Пусть ихъ объяснятся.
Что значатъ ваши крики, господа?
Зачѣмъ и съ кѣмъ хотите вы сразиться?

Былъ
Мы
И
Е

ГОМФРИ ГЛОСТЕРЪ (Humphrey Gloucester).

Портретъ его, кисти французскаго или фламандскаго живописца, видимо XVI вѣка, въ библіотекѣ города Арраса въ сѣв. Франціи.

СЦЕНА III.

Равнина въ Гаскони.

Іоркъ *съ войсками, къ нему*—гонецъ.

Іоркъ.

Ужель все нѣтъ развѣдчиковъ, слѣдившихъ
За арміей могучею дофина?

Гонецъ.

Милордъ, они вернулись съ донесеньемъ,
Что онъ къ Бордо ведетъ войска, затѣмъ.
Чтобъ съ Тальботомъ сразиться. На пути
Лазутчики открыли два отряда—
Значительнѣй дофина войскъ, и, съ ними
Соединясь, идетъ онъ на Бордо.

Іоркъ.

Пусть Сомерсетъ негодный будетъ проклятъ!
Что жъ конницу задерживаетъ онъ,
Которая участіе въ осадѣ
Должна принять? Подмоги Тальботъ ждетъ;
Предателемъ межъ тѣмъ я одураченъ,
И рыцарю помочь не въ силахъ я.
Да подкрѣпитъ Господь его, не то
Во Франціи намъ безъ него не биться!

Входитъ сэръ Вильямъ Льюси.

Льюси.

Вождь царственный англійскихъ войскъ, въ которыхъ
Ни разу такъ досель мы не нуждались—
Спѣши на помощь славному Тальботу!
Герой кольцомъ желѣзнымъ опоясанъ
И гибелью зловѣщей окруженъ.
Спѣши въ Бордо, неустрашимый герцогъ,
Не то—прости Тальботъ и наша честь.

Іоркъ.

На мѣстѣ Тальбота будь Сомерсетъ,
Войска мои задерживать посмѣвшій—
Предателя и труса потерявъ,
Мы тѣмъ спасли-бъ отважнаго героя.
Отъ ярости и гнѣва плачу я,
Что гибнетъ все, покуда спитъ измѣнникъ.

Льюси.

Пошли ему какую нибудь помощь.

Іоркъ.

Съ нимъ все падетъ, и слово я нарушу!
Мы—въ горѣ, врагъ ликуетъ; мы теряемъ,
А онъ пріобрѣтаетъ съ каждымъ днемъ,
И Сомерсетъ предатель—тутъ виновникъ.

Льюси.

Такъ пусть Господь спасетъ Тальбота душу,
А также сына юнаго его:
Онъ встрѣтился мнѣ на пути къ отцу,
Семь лѣтъ они не видѣлись, и вотъ
Найдутъ конецъ они при встрѣчѣ оба.

Іоркъ.

Увы, тебѣ на радость ли, Тальботъ,
Привѣтствовать дитя свое у гроба?
Прочь уходи! Стѣснилась грудь моя...
Встрѣчаются друзья передъ кончиной.
Помочь не въ состояньи, въ силахъ я
Лишь клясть того, кто этому причиной.
Нѣтъ Тура, Пуатье, Блуа и Мэна:
Въ томъ Сомерсетъ виной—его измѣна.
(Уходитъ съ войсками).

Льюси.

Итакъ, межъ тѣмъ, какъ злой раздора коршунъ
Живетъ въ груди великихъ полководцевъ—
Мы, вслѣдствіе небрежности, теряемъ
Все; что добылъ, едва остыть успѣвшій
Въ гробу своемъ—безсмертный Генрихъ Пятый.
Пока идутъ межъ ними пререканья—
Все гибнетъ: жизни, честь, завоеванья.
(Уходитъ).

СЦЕНА IV.

Другая равнина въ Гаскони.

Сомерсетъ, *свита его*, одинъ изъ офицеровъ *Тальбота*.

Сомерсетъ.

Теперь уже послать подмогу поздно.
Предприняли походъ свой Іоркъ и Тальботъ
Съ поспѣшностью чрезмѣрной. Нашихъ силъ
Для отраженья вылазокъ не хватитъ.
Былъ черезчуръ самонадѣянъ Тальботъ
И омрачилъ онъ прежней славы блескъ
Такимъ безумно дерзкимъ предпріятьемъ.
Іоркъ шлетъ его на смерть въ бою безславномъ,
Чтобъ самому великимъ Іоркомъ стать.

Офицеръ.

Является сюда сэръ Вильямъ Льюси.
Со мной отъ войскъ за помощью онъ присланъ.

Входитъ сэръ Вильямъ Льюси.

Сомерсетъ.

Что, сэръ Вильямъ? откуда вы явились?

Льюси.

Отъ Тальбота, который выданъ, проданъ!
Онъ борется съ бѣдою неминучей,

И молитъ славныхъ Іорка съ Сомерсетомъ
Смерть отразить—его отрядамъ слабымъ
Грозящую. Покуда съ полководца
Великаго кровавый потъ струится,
И помощи, едва держась, онъ ждетъ—
Вы, Англіи опора, на которыхъ
Надѣялся онъ ложно—въ сторонѣ
Соперничествомъ заняты ничтожнымъ.
Пусть помощи спасительной присылку
Не замедляетъ личный вашъ раздоръ,
Межъ тѣмъ, какъ жизни славнаго борца
Опасностей міръ цѣлый угрожаетъ.
Карлъ, герцоги Бургундскій съ Орлеанскимъ,
И Алансонъ съ Рене—его тѣснятъ,
И черезъ васъ погибнуть долженъ Тальботъ.

Сомерсетъ.

Іоркъ шлетъ его, пусть помогаетъ Іоркъ.

Льюси.

А Іоркъ винитъ открыто вашу свѣтлость,
Что конницу его вы задержали,
Готовую къ походу.

Сомерсетъ.

Іоркъ солгалъ!
Онъ могъ прислать за нею. Не обязанъ
Ему я ни почтеньемъ, ни любовью
И не хочу присылкой подольщаться.

Льюси.

Не силами враговъ—коварствомъ близкихъ
Теперь опутанъ Тальботъ благородный.
Онъ въ Англію живымъ не возвратится,
Но здѣсь падетъ, раздоромъ вашимъ сгубленъ.

Сомерсетъ.

Идемъ. Сейчасъ я конницу отправлю,
Чрезъ шесть часовъ она къ нему прибудетъ.

Льюси.

Ужъ поздно. Онъ захваченъ иль убитъ,
Бѣжать не могъ онъ, если-бъ и хотѣлъ,
А если-бъ могъ—то не бѣжалъ бы Тальботъ.

Сомерсетъ.

Прости, Тальботъ, когда пробилъ твой часъ.

Льюси.

Съ нимъ—честь его; позоръ его—на васъ.
(Уходитъ).

СЦЕНА V.

Англійскій лагерь близъ Бордо.

Входятъ Тальботъ *и сынъ его* Джонъ.

Тальботъ.

Джонъ Тальботъ юный, я призвалъ тебя
Съ тѣмъ, чтобы здѣсь наставить въ ратномъ дѣлѣ
И воскресить въ тебѣ Тальбота имя,
Когда лѣта преклонныя и хилость—
Меня къ одру навѣки прикуютъ.
Коварныя, зловѣщія свѣтила!
Приходишь ты сюда на праздникъ смерти,
Къ опасности неотвратимо грозной.
Бери, мой сынъ, быстрѣйшаго коня,
Я научу сейчасъ тебя, какъ можешь
Спастись поспѣшнымъ бѣгствомъ. Но не медли.

Джонъ.

Но развѣ я не Тальботъ, вамъ не сынъ?
И мнѣ бѣжать? Коль скоро мать мою
Вы любите—безчестья не кладите
Теперь на имя честное ея,
Пусть не славу я сыномъ незаконнымъ.
Всѣ скажутъ: въ немъ не кровь Тальбота, если
Бѣжалъ онъ тамъ, гдѣ Тальботъ устоялъ.

Тальботъ.

Бѣги,—отмстишь, когда падетъ отецъ.

Джонъ.

Для бѣглеца не можетъ быть возврата.

Тальботъ.

Останемся—обоихъ ждетъ конецъ.

Джонъ.

Останусь я. Въ твоемъ лицѣ утрата
Была-бъ тяжка; себя побереги.
Безвѣстенъ я, значенья не имѣю,
Убивъ меня, не побѣдятъ враги,
Но все погибнетъ съ гибелью твоею.
Тебѣ, герою, бѣгство—не укоръ,
Я не герой, и мнѣ оно—позоръ.
Коль ты бѣжишь—разсчетъ увидятъ явный,
А я бѣгу—всѣ скажутъ: трусъ безславный.
И самъ едва ль позднѣе устою,
Когда бѣгу я въ первомъ же бою.
Молю тебя: о, лучше пасть въ сраженьѣ,
Чѣмъ жизнь купить цѣною униженья!

Тальботъ.

И погребешь въ могилѣ ты одной
Всѣ упованья матери родной?

Джонъ.
Не осраилю инѣ давшую рожденье.

Тальботъ.
Иди—таковъ отцовскій мой завѣтъ.

Джонъ.
Въ сраженье—да. Бѣжать постыдно—нѣтъ!

Тальботъ.
Въ тебѣ отецъ спасенъ отчасти будетъ.

Джонъ.
И сынъ отца тѣмъ на позоръ осудитъ.

Тальботъ.
Не славенъ ты. Стыда не можешь знать.

Джонъ.
Могу я ваше имя запятнать.

Тальботъ.
Приказъ отца пятно позора смоетъ.

Джонъ.
Падете вы—кто истину откроетъ?
Бѣжимъ вдвоемъ, когда спасенья нѣтъ.

Тальботъ.
Мои войска на злую смерть покину,
И стыдъ узнаю я на склонѣ лѣтъ?

Джонъ.
И въ юности инѣ знать его не слѣдъ.
Какъ собственнаго тѣла половину
Мы отдѣлить не можемъ отъ другой—
Такъ и тебя, отецъ, я не покину.
Иди, останься,—всюду я съ тобой.
Умретъ отецъ—тогда не жить и сыну.

Тальботъ.
Такъ, милый сынъ, съ тобой прощаюсь я,
Съ закатомъ дня затмится жизнь твоя.
Сразимся рядомъ, вмѣстѣ съ поля брани
Да отлетитъ нашъ духъ къ небесной грани.
(Уходятъ).

СЦЕНА VI.

Поле сраженія.

Тревога, вылазки, битва. Тальбота сынъ окруженъ, отецъ выручаетъ его.

Тальботъ.
Смѣлѣй! Святой Георгій и побѣда!
Смѣлѣй! Регентъ не держитъ данныхъ словъ.
Свой мечъ обрекъ онъ ярости враговъ.
Гдѣ Джонъ? Постой! Передохни въ бою.
Тебѣ вторично нынѣ жизнь даю,
Которую я далъ тебѣ однажды.

Джонъ.
Я дважды сынъ, и ты отецъ мнѣ дважды.
Жизнь первую пресѣчь стремился рокъ;
Твой славный мечъ продлилъ мнѣ данный срокъ.

Тальботъ.
Когда огонь изъ шлема у дофина
Изсѣченъ былъ въ бою ударомъ сына—
Я вспыхнулъ гордой жаждою побѣдъ.
Какъ въ юности, воинственнаго пыла
Исполнился я вновь на склонѣ лѣтъ.
Рука моя Бургундскаго отбила,
Батарда, Алансона, цвѣтъ бойцовъ,—
И ты спасенъ отъ галльскихъ гордецовъ.
Свирѣпый Орлеанъ, съ которымъ въ сѣчѣ
Мечъ дѣвственный пришлось тебѣ скрестить,
Кому досталось кровь твою пролить—
Попался мнѣ, и раненъ былъ при встрѣчѣ.
Воскликнулъ я: кровь гнусную твою,
Нечистую, таящую заразу
И подлую—въ отмщенье я пролью
За чистую кровь Тальбота!—Въ бою
Готовился я съ нимъ покончить сразу,
Но съ помощью прибывшихъ спасся онъ.
Но мнѣ скажи, усталъ ты, милый Джонъ?
И рыцарской себя отмѣтивъ славой,
Согласенъ ли покинуть бой кровавый?
Бѣги, отисти врагамъ за смерть мою.
Въ одномъ бойцѣ здѣсь пользы будетъ мало.
Безумна мысль, мнѣ очевидно стало—
Судьбу всѣхъ насъ вмѣстить въ одну ладью.
Когда враговъ избѣгну изступленныхъ,
То завтра же умру отъ лѣтъ преклонныхъ.
Останусь я—какой разсчетъ врагу
Въ томъ, что я лишній день прожить могу.
Съ тобой же гибнуть: имя родовое,
И мать твоя, и мщеніе святое,
Отчизны честь. Ты смерти ихъ обрекъ;
Рѣшась бѣжать, ты все спасти бъ могъ.

Джонъ.
Я не страдалъ отъ стали Орлеана,
Отъ словъ твоихъ раскрылась въ сердцѣ рана.
Въ стыдѣ какая польза можетъ быть:
Жизнь жалкую спасти и честь убить?
Нѣтъ, прежде чѣмъ я Тальбота оставлю—
Пусть подо мной трусливый конь падетъ.
Пускай тогда себя я обезславлю,
Съ французской чернью наравнѣ поставлю,
Предметомъ ставъ глумленій и невзгодъ.
Клянусь я вашей славой: если поле
Покину я, отецъ мой—не Тальботъ.
О бѣгствѣ не упоминайте болѣ,
Сынъ Тальбота у ногъ отца умретъ.

Тальботъ.

Тогда—за мной, и будь моимъ Икаромъ.
Жизнь юная твоя мнѣ дорога.
Бокъ о бокъ мы ударимъ на врага,
И честь добывъ, падемъ въ бою не даромъ.
(Уходятъ).

СЦЕНА VII.

Другая часть поля.

Тревога, битва, входитъ раненый Тальботъ, *поддерживаемый служителемъ.*

Тальботъ.

Гдѣ жизнь моя вторая? Пораженъ
Я на смерть самъ. Гдѣ Тальботъ, смѣлый Джонъ?
О, смерть—пятномъ отмѣченная плача,
Встрѣчаю, видя мужество его,
Съ улыбкою твое я торжество.
Онъ, увидавъ, что палъ я на колѣно,
Взмахнулъ мечомъ и, какъ голодный левъ,
Сталъ истреблять враговъ, освирѣпѣвъ.
Когда же онъ, мой грозный охранитель,
Одинъ со мной остался—гнѣвъ слѣпой
Зажегся въ немъ, и гдѣ враги толпой
Тѣснилися, помчался онъ, какъ мститель—
Туда, гдѣ былъ сраженія разгаръ.
Онъ утолилъ свой духъ въ кровавомъ морѣ,
Онъ тамъ погибъ—мой отпрыскъ, мой Икаръ!

Служитель.

Сюда, милордъ, несутъ его. О горе!

(Входятъ солдаты съ тѣломъ Джона Тальбота).

Тальботъ.

Смерть древняя, какъ зло ты шутишь въ мірѣ!
Но оба мы, позорный сбросивъ гнетъ
И въ вѣчности соединясь—полетъ
Направимъ свой въ сіяющемъ эоирѣ.
Ты, раны чьи прекрасны предъ лицомъ
Жестокой смерти, говори съ отцомъ,
И этимъ смерти вырази презрѣнье:
Представь ее французомъ и врагомъ!
Сынъ бѣдный мой! Читаю въ выраженьѣ
Его улыбки ясно я слова:
—Будь смерть врагомъ, она была-бъ мертва!—
Въ объятія отца его кладите.
Страдать не въ силахъ дольше я... Простите.
Исполнилось,—и юный мой Тальботъ
Въ объятіяхъ старца гробъ себѣ найдетъ.
(Умираетъ).

Тревога. Солдаты и служитель уходятъ, оставивъ на мѣстѣ оба тѣла. Входятъ Карлъ, Алансонъ, Бургундскій, Орлеанскій, Рене, Дѣва *и* войска.

Карлъ.

Приди къ нимъ Іоркъ и Сомерсетъ на помощь—
Намъ этотъ день кровавымъ былъ бы днемъ.

Орлеанскій.

А какъ Тальбота бѣшеный щенокъ
Купалъ въ крови французской свой клинокъ!

Дѣва.

Сказала я: пусть верхъ одержитъ Дѣва
Надъ юношею дѣвственнымъ!—Но онъ
Отвѣтилъ мнѣ, преисполняясь гнѣва
И гордости:—я не затѣмъ рожденъ,
Чтобъ былъ женой распутной побѣжденъ!—
Такъ, вызова принять не удостоя,
Онъ отъ меня бѣжалъ въ средину боя.

Бургундскій.

Въ своемъ лицѣ явилъ бы онъ героя.
Вотъ онъ лежитъ въ объятьяхъ у того,
Кѣмъ рождены всѣ бѣдствія его.

Орлеанскій.

Рубите ихъ—прославленныхъ въ отчизнѣ,
Давившихъ здѣсь! Тѣла ихъ—на куски!

Карлъ.

О, нѣтъ! Поднять да не дерзнемъ руки
На прахъ того, кто страшенъ былъ при жизни.

Входитъ сэръ Вильямъ Льюси, *предшествуемый французскимъ герольдомъ.*

Льюси.

Герольдъ, веди меня къ шатру дофина—
Узнать за кѣмъ сегодня слава дня?

Дофинъ.

Съ какою ты повинною явился?

Льюси.

Съ повинною, дофинъ? Нѣтъ, это слово
Французское, невѣдомое намъ.
Явился я узнать, кто въ плѣнъ захваченъ?
И осмотрѣть тѣла въ бою убитыхъ.

Дофинъ.

Для плѣнниковъ у насъ темница—адъ.
Но, отвѣчай, кого же здѣсь ты ищешь?

Льюси.

Гдѣ онъ—Алкидъ великій поля брани,
Лордъ Тальботъ нашъ—за рѣдкія заслуги
Пожалованный графомъ Шрусбери,
Графъ доблестный Вашфорда, Ватерфорда,
Валенсіи, лордъ Гудригъ, Эрчинфильдъ,

Лордъ Стрэнджъ Блэкмиръ, лордъ Верденъ изъ Альтона,
Лордъ Кромвель Вингфильдъ, Фёрнивэль и Шеффильдъ,
Побѣдоносный трижды Фальконбриджъ,
Георгія святого кавалеръ.
И Михаила съ Золотымъ Руномъ,
Великій маршалъ Генриха Шестого
Во всѣхъ французскихъ войнахъ короля.

Дѣва.

Напыщенный и глупый слогъ! Владѣтель
Пятидесяти двухъ земель, султанъ—
Пространнѣе не пишетъ титулъ свой.
Но тотъ, кого такъ пышно величаешь—
У нашихъ ногъ лежитъ онъ, разлагаясь.

Льюси.

Тальботъ убитъ—французовъ бичъ единый,
Онъ—Немезида ваша и гроза?
О, если-бъ стали ядрами глаза
И вамъ въ лицо я выстрѣлилъ бы ими!
Когда бы могъ призвать я мертвыхъ къ жизни,
Вся Франція затрепетала-бъ снова!
Останься здѣсь его изображенье—
Смутились бы храбрѣйшіе изъ васъ.
Отдайте мнѣ тѣла ихъ, чтобъ могли
Мы прахъ почтить достойнымъ погребеньемъ.

Дѣва.

Мнѣ кажется: возсталъ Тальбота призракъ—
Такой въ немъ духъ надменный говоритъ.
Ему тѣла отдайте, Бога ради
Они собой лишь воздухъ заразятъ.

Карлъ.

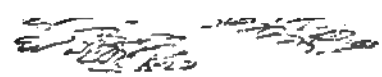
Возьми тѣла.

Льюси.

Я ихъ возьму отсюда,
Но фениксомъ изъ пепла духъ возстанетъ
И, какъ гроза, на Францію онъ грянетъ.

Карлъ.

Какъ знаешь тамъ, лишь убери ихъ прочь.
Теперь—въ Парижъ, покуда побуждаемъ.
Тальбота нѣтъ, мы завладѣемъ краемъ.



ТАЛЬБОТЪ—СТАРЫЙ И ТАЛЬБОТЪ—МЛАДШІЙ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Лондонъ. Покой во дворцѣ.

Король Генрихъ, Глостеръ, Экзетеръ.

Король Генрихъ.

Прочли ли вы, что пишутъ императоръ
И папа римскій намъ, и Арманьякъ?

Глостеръ.

Да, государь, и вотъ желанье ихъ:
О заключеньи мира между вами
И Франціей они усердно просятъ.

Король Генрихъ.

Что думаетъ объ этомъ ваша свѣтлость?

Глостеръ.

Единственное средство вижу въ немъ—
Пролитье нашей крови христіанской
Остановитъ, порядокъ водворивъ.

Король Генрихъ.

Конечно, дядя. И доселѣ я
Чудовищнымъ считалъ и нечестивымъ,
Что межъ собой ведутъ единовѣрцы
Такой жестокій и кровавый споръ.

Глостеръ.

Затѣмъ, милордъ, чтобъ завязать скорѣй
И закрѣпить прочнѣе узы дружбы,
Графъ Арманьякъ — онъ родственникъ дофина,
Вліятельный во Франціи вельможа—
Единственную дочь съ большимъ приданымъ
Вамъ, государь, въ супруги предлагаетъ.

Король Генрихъ.

Супружество? Настолько юнъ я, дядя,
Что книги мнѣ пристойнѣй и наука,
Чѣмъ съ милою утѣхъ любовныхъ нѣга.
Но пусть войдутъ посланники; дадите
Вы имъ отвѣтъ, какой угодно. Выборъ
Мнѣ каждый милъ, когда ведетъ онъ къ славѣ
Всевышняго и къ благу государства.

Входятъ папскій легатъ, два посла, епископъ Винчестеръ, *нынѣ* кардиналъ Бофортъ, *въ облаченіи.*

Экзетеръ.

Лордъ Винчестеръ уже повышенъ въ званьи?
Пожалованъ онъ саномъ кардинальскимъ?
Предсказывалъ не даромъ Генрихъ Пятый,
Что сдѣлайся лишь кардиналомъ онъ—
Съ короной онъ свою сравняетъ шапку.

Король Генрихъ.

Послы и лорды! Разсмотрѣли мы
И обсудили ваши предложенья,
Найдя ихъ цѣль достойной и разумной,
Рѣшаемся мы дружескаго мира
Установить условья. Ихъ немедля
Лордъ Винчестеръ во Францію доставитъ.

Глостеръ.

Касательно же предложенья графа—
Я доложилъ величеству его.
Цѣня красу графини, добродѣтель,
Значительность приданаго—ее
Онъ сдѣлаетъ англійской королевой.

Король Генрихъ *(послу).*

И въ знакъ союза, эту драгоцѣнность
Свезите ей—залогомъ нѣжныхъ чувствъ.
Милордъ-протекторъ, пусть пословъ доставятъ
Сохранно въ Дувръ, гдѣ, сѣвъ на корабли,
Они судьбу свою довѣрятъ морю.

(Уходятъ король Генрихъ, Глостеръ, Экзетеръ и послы).

Винчестеръ.

Милордъ легатъ! Постойте, получите
Отъ имени святѣйшества его
Обѣщанную сумму за отличье,
Которымъ онъ пожаловалъ меня.

Легатъ.

Я ждать готовъ, преосвященство ваше.

(Уходитъ).

Винчестеръ.

Нѣтъ, Винчестеръ не покорится нынѣ,
Не ниже онъ надменнѣйшихъ изъ пэровъ.
Ты, Гомфри Глостеръ, больше не осилишь
Епископа могуществомъ и родомъ.
Тебя заставлю на колѣна пасть,
Иль край предамъ я мятежу во власть.

(Уходитъ).

СЦЕНА II.

Франція. Равнина въ Анжу.

Карлъ, Бургундскій, Алансонскій, Орлеанскій, Рене, Дѣва *и войска — вступаютъ.*

Карлъ.

Такая вѣсть унылый духъ бодритъ,
Мнѣ говорятъ: возстали парижане,
Въ воинственныхъ французовъ превратясь.

Алансонъ.

Такъ шествуй же къ Парижу, Карлъ французскій,
И нѣжиться не дозволяй войскамъ.

Дѣва.

Миръ имъ—когда они вернутся къ намъ.
Не то—предай дворцы ихъ разрушенью.
(Входитъ гонецъ).

Гонецъ.

Успѣха я желаю полководцу,
И счастія—сподвижникамъ его!

Карлъ.

Что новаго узнали? Говори.

Гонецъ.

Войска враговъ, что раньше состояли
Изъ двухъ частей—теперь соединились
И съ вами въ бой хотятъ вступить немедля.

Карлъ.

Нежданное для насъ предупрежденье,
Но мы сейчасъ имъ встрѣчу приготовимъ.

Бургундскій.

Надѣюсь я, Тальбота духъ—не съ ними,
А нѣтъ его—такъ нечего страшиться.

Дѣва.

Страхъ—низшая изъ всѣхъ дурныхъ страстей.
Карлъ, повели: твоей побѣда будетъ
И Генриху, и міру—всѣмъ на зло.

Карлъ.

Впередъ! Будь намъ, судьба, благопріятной!
(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Передъ Анжеромъ.

Тревога, битва. Входитъ Дѣва.

Дѣва.

Регентъ одолѣваетъ, мы бѣжимъ.
О, помогите, чары, талисманы.
Наставники, вы, избранные духи,
Откройте мнѣ грядущія событья.
Помощники проворные мои
И властелина сѣвера рабы—
Ко мнѣ на помощь въ этомъ предпріятьѣ!
(Громъ. Являются злые духи).
Столь быстрое явленье знаменуетъ
Обычное ко мнѣ усердье ваше.
О, близкіе мнѣ духи—изъ подземныхъ
Могучихъ силъ избранные, побѣду
Еще одну вы Франціи доставьте.
(Духи ходятъ вокругъ нея и молчатъ).
Меня молчаньемъ долгимъ не томите.
Какъ въ пищу вамъ давала кровь свою,
Такъ отрублю теперь любой изъ членовъ
Я въ чаяньѣ грядущаго успѣха,
Лишь удостойте нынѣ мнѣ помочь.
(Они опускаютъ головы).
Надежды нѣтъ? За исполненье просьбы
Я тѣло вамъ отдать свое готова.
(Они качаютъ головами).
Ужели тѣломъ, жертвою кровавой—
Я помощи не вымолю обычной?
Возьмите душу, тѣло, все,—
Пусть Франція и нынѣ одолѣетъ.
(Они исчезаютъ).
Уходятъ прочь. Для Франціи настала
Пора склонить свой оперенный шлемъ
И пасть на лоно Англіи главою.
Безсильны всѣ мои былыя чары,
Съ могучимъ адомъ не тягаться мнѣ:
Честь Франціи, теперь падешь ты прахомъ.

Тревога. Входятъ сражаясь французы и англичане. Іоркъ *и* Дѣва *вступаютъ въ бой. Дѣва взята въ плѣнъ, французы бѣгутъ.*

Іоркъ.

Попалась мнѣ, французская красотка!
Заклятьями теперь дай волю духамъ,
И пусть они тебя освободятъ,
Достойная добыча сатаны.
Такъ хмурится уродливая вѣдьма,
Какъ будто бы, Цирцеѣ въ подражанье,
Она мой образъ хочетъ измѣнить.

Дѣва.

Онъ къ худшему не можетъ измѣниться.

ІОАННА Д'АРКЪ и ЗЛЫЕ ДУХИ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

ІОРКЪ.

Да, Карлъ дофинъ тебѣ подходитъ больше.
Для глазъ твоихъ его лишь образъ милъ.

ДѢВА.

Проклятье, гибель—Карлу и тебѣ.
Пускай бы васъ кровавыми руками
Во снѣ обоихъ сразу придушило!

ІОРКЪ.

Сгинь, гнустная колдунья, замолчи.

ДѢВА.

Дай волю мнѣ излить мои проклятья.

ІОРКЪ.

Ты на кострѣ проклятья будешь слать.
(Уходятъ).

Тревога. Входитъ СУФФОЛЬКЪ, *ведя* МАРГАРИТУ.

СУФФОЛЬКЪ.

Кто-бъ ни была, ты—плѣнница моя.
(Смотритъ на нее).
О, не бѣги, красавица, не бойся:
Тебя коснусь благоговѣйно я.
Въ знакъ мира, я твою цѣлую руку
И бережно вдоль стана опускаю.
Скажи, кто ты, затѣмъ чтобы тебя
Привѣтствовать я могъ, какъ подобаетъ.

МАРГАРИТА.

Кто-бъ ни былъ ты—зовусь я Маргарита,
И мой отецъ—Неаполя король.

СУФФОЛЬКЪ.

Я—графъ Суффолькъ, О, диво красоты,

Не оскорбляйся. Было мнѣ судьбою
Назначено—тобою овладѣть.
Такъ лебеди хранятъ птенцовъ пушистыхъ,
Держа въ плѣну подъ крыльями своими.
Но если плѣнъ считаешь ты обидой—
Прими свободу, какъ Суффолька другъ.
(Она поворачивается, чтобы уйти).
Постой! Ее не въ силахъ отпустить я,
Рука даетъ свободу, но не сердце.
Какъ солнце, въ зеркалѣ рѣки играя,
Дробится въ ней сіяньемъ отраженнымъ—
Такъ и во мнѣ—роскошная краса.
Плѣнить хочу, а говорить не смѣю.
Спрошу чернилъ, перо, и—напишу.
Стыдись, ла-Поль, не унижай себя!
Ужель ты нѣмъ предъ плѣнницей твоею?
Видъ женщины ужель тебя страшитъ?
Да, таково величье красоты,
Что пораженъ и мой языкъ и чувство.

МАРГАРИТА.
Графъ Суффолькъ, если такъ зовутъ тебя,
Скажи, какой съ меня возьмешь ты выкупъ?
Я—плѣнница твоя, какъ вижу я.

СУФФОЛЬКЪ *(про себя)*.
Какъ можешь знать, покуда о любви
Не говорилъ—что будешь ты отвергнутъ?

МАРГАРИТА.
Что жъ ты молчишь? Какой внести мнѣ выкупъ?

СУФФОЛЬКЪ *(про себя)*.
Она прекрасна, значитъ побѣдить
Должно ее, и женщина—она,
А потому быть можетъ побѣжденной.

МАРГАРИТА.
Ты принимаешь выкупъ; да иль нѣтъ?

СУФФОЛЬКЪ *(про себя)*.
Безумецъ ты! Есть у тебя жена,—
Любовницей какъ будетъ Маргарита?

МАРГАРИТА.
Не слушаетъ, мнѣ лучше удалиться.

СУФФОЛЬКЪ *(про себя)*.
Погибло все, легла дурная карта.

МАРГАРИТА.
Вздоръ говоритъ, онъ не въ своемъ умѣ.

СУФФОЛЬКЪ *(про себя)*.
И все жъ достать возможно разрѣшенье.

МАРГАРИТА.
И все жъ хожу услышать я отвѣтъ.

СУФФОЛЬКЪ.
Я завоюю лэди Маргариту.
А для кого? Хотя-бъ для короля!
Нѣтъ, эта мысль глупѣе, чѣмъ бревно.

МАРГАРИТА.
Онъ о бревнѣ толкуетъ; вѣрно плотникъ.

СУФФОЛЬКЪ *(про себя)*.
Однако такъ въ любви достигну цѣли
И примирю два государства я.
Но есть еще препятствіе: хотя
Отецъ ея—Неаполя король,
Анжу и Мэна герцогъ, но—бѣднякъ,
И наша знать такой союзъ отвергнетъ.

МАРГАРИТА.
Послушайте, вы заняты должно быть?

СУФФОЛЬКЪ *(про себя)*.
Пусть сердятся—а такъ оно и будетъ.
Король нашъ юнъ, и онъ поддастся скоро.
Миледи, вамъ хочу открыть я тайну.

МАРГАРИТА *(про себя)*.
Что жъ если буду плѣнницей? Онъ—рыцарь,
И честь мою ничѣмъ не оскорбитъ.

СУФФОЛЬКЪ.
Благоволите выслушать, миледи.

МАРГАРИТА *(про себя)*.
Меня, быть можетъ, выручатъ французы,
Тогда просить о милости не надо.

СУФФОЛЬКЪ.
Прошу вниманье, дорогая лэди,
Мнѣ удѣлить по дѣлу одному.

МАРГАРИТА *(про себя)*.
Не первая изъ женщинъ я въ плѣну.

СУФФОЛЬКЪ.
О чемъ съ собой вы говорите, лэди?

МАРГАРИТА.
Прошу прощенья, это—qui pro quo.

СУФФОЛЬКЪ.
Миледи, плѣнъ бы вы сочли за счастье,
Когда бы васъ онъ сдѣлалъ королевой?

МАРГАРИТА.
Позорнѣе для королевы плѣнъ,
Чѣмъ рабство для рабы. Должны быть принцы
Свободными.

СУФФОЛЬКЪ.
Вы будете свободной,
Когда свободенъ самъ король британскій.

МАРГАРИТА.
Не до его свободы—что же мнѣ?
СУФФОЛЬКЪ.
Тебя стремлюсь его супругой сдѣлать,
И въ руку скипетръ золотой вложить
И увѣнчать чело твое короной,
Лишь будь моею...

МАРГАРИТА.
Что?

СУФФОЛЬКЪ.
Его любовью.

МАРГАРИТА.
Я недостойна стать его женой.

СУФФОЛЬКЪ.
Нѣтъ, это я обязанъ недостойный
Добыть ему столь дивную невѣсту
И въ выборѣ не получу я доли.
Что скажете, миледи, вы согласны?

МАРГАРИТА.
Когда отецъ согласенъ—то и я.

СУФФОЛЬКЪ.
Начальниковъ—сюда! Впередъ, знамена!
Здѣсь, передъ замкомъ вашего отца
Мы поведемъ переговоры, лэди.

Трубятъ къ переговорамъ. На стѣнѣ появляется РЕНЕ.

СУФФОЛЬКЪ.
Въ плѣнъ дочь твоя захвачена, Рене.

РЕНЕ.
Кѣмъ?
СУФФОЛЬКЪ.
Мною?

РЕНЕ.
Суффолькъ, что же дѣлать мнѣ?
Вѣдь воинъ я, и не могу я плакать,
Иль проклинать измѣнчивое счастье.

СУФФОЛЬКЪ.
Помочь легко, лишь согласитесь, графъ,
Для собственной же чести дать согласье
На бракъ ея съ британскимъ королемъ.
Ее съ трудомъ на это я склонилъ.
Такимъ путемъ къ свободѣ царской долженъ
Дочь вашу плѣнъ нетягостный привесть.

РЕНЕ.
Ты говоришь что думаешь?

СУФФОЛЬКЪ.
Извѣстно

ІОАННА Д'АРКЪ и ЗЛЫЕ ДУХИ.

Картина Гамильтона (W. Hamilton, R. A.) (Малая Бойделевская Галлерея).

Прекрасной Маргаритѣ, что Суффолькъ
Не лицемѣръ, не льстецъ и не притворщикъ.

РЕНЕ.
На графское твое надѣясь слово,
Сойду, чтобъ дать отвѣтъ на предложенье.

СУФФОЛЬКЪ.
Здѣсь твоего прихода ожидаю.
(Рене сходитъ со стѣны. Трубы. Рене появляется внизу).

РЕНЕ.
Привѣтъ въ моихъ владѣньяхъ, славный графъ.
Располагай Анжу по усмотрѣнью.

СУФФОЛЬКЪ.
Благодарю. Какъ счастливъ ты, Рене,
Имѣя дочь, достойную короны.
Какой отвѣтъ даетъ мнѣ ваша свѣтлость?

РЕНЕ.
Когда ее, ничтожную, ты сватать
Благоволишь такому королю—

То, подъ однимъ условьемъ, чтобъ спокойно,
Не вѣдая насилій, ни войны,
Я могъ владѣть моимъ Анжу и Мэномъ—
За Генриха я дочь свою отдамъ.

Суффолькъ.

Вотъ выкупъ за нее. Она свободна.
А что до тѣхъ земель—я постараюсь,
Чтобъ мирно ими вы могли владѣть.

Рене.

А въ свой чередъ—въ знакъ вѣрности вручаю
Тебѣ я руку дочери моей
Для короля, которымъ посланъ ты.

Суффолькъ.

Благодарю отъ имени монарха,
Котораго я представляю здѣсь.
(Про себя). Сдается мнѣ, что былъ бы въ этомъ дѣлѣ
Я собственнымъ ходатаемъ охотнѣй.
(Громко). Итакъ спѣшу я въ Англію съ вѣстями,
Чтобъ настоять на заключеньѣ брака.
Прощай, Рене, и свой алмазъ храни,
Какъ слѣдуетъ, что въ золотой оправѣ.

Рене.

Какъ царственнаго Генриха бы обнялъ,
Будь здѣсь король—тебя я обнимаю.

Маргарита.

Прощайте, лордъ. Молитвы, благодарность—
Всегда найдетъ Суффолькъ у Маргариты.

Суффолькъ (*хочетъ итти*).

Прощайте, лэди. Что же Маргарита
Свой княжескій привѣтъ не шлетъ монарху?

Маргарита.

Привѣтъ—какой для дѣвушки умѣстенъ,
Слуги его—снесите отъ меня.

Суффолькъ.

Вотъ милыя и скромныя слова.
Но васъ рѣшусь еще тревожить, лэди.
Залогъ любви ужель вы не пошлете?

Маргарита.

Любовью незапятнанное сердце
И чистое—шлю королю, милордъ.

Суффолькъ.

И также это? (*Цѣлуетъ ее*).

Маргарита.

Это для тебя.
Дерзну ль ему послать такую малость?

(Рене и Маргарита уходятъ).

Суффолькъ.

О, если-бъ ты была моею! Суффолькъ,
Остановись, нейди въ тотъ лабиринтъ:
Съ измѣной тамъ таятся минотавры.
Хвалою ей ты Генриха плѣни.
Припоминай всѣ качества, всѣ чары
Природныя, затмившія искусство,
И въ плаваньѣ себѣ ихъ представляй,
Дабы, когда предъ нимъ колѣна склонишь—
Ты Генриха съумѣлъ обворожить.

(Уходитъ).

СЦЕНА IV.

Лагерь герцога Іорка въ Анжу.

Іоркъ, Уорикъ *и др.*

Іоркъ.

Колдунью ввесть. Ее сожженье ждетъ.

Входятъ Дѣва *подъ стражею и* пастухъ.

Пастухъ.

Отца разишь ты въ сердце, Іоанна.
Тебя искалъ вблизи и вдалекѣ я,
И здѣсь найдя, свидѣтелемъ я буду,
Безвременной твоей жестокой смерти.
Ахъ, Іоанна я умру съ тобой.

Дѣва.

О, дряхлый нищій, жалкое созданье!
Отъ лучшей крови я происхожу.
Ты не отецъ, не другъ мнѣ.

Пастухъ.

Замолчи!
Но ей-же-ей, не такъ оно, милорды.
Что я отецъ—въ приходѣ всемъ извѣстно,
И мать жива: удостовѣрить можетъ,
Что первый плодъ женитьбы—Іоанна.

Уорикъ.

Безстыдница! Отречься отъ родства!

Іоркъ.

Вотъ жизни злой и низкой подтвержденье,
И смерть ея такой же точно будетъ.

Пастухъ.

Стыдись, не будь упрямой, Іоанна,
Свидѣтель Богъ, ты плоть и кровь моя,
Изъ-за тебя я пролилъ слезъ не мало;
Не отрекайся, дочка, отъ меня.

Дѣва.

Прочь, простолюдинъ! Вами онъ подкупленъ,
Чтобъ скрыть мой гербъ съ дворянскою короной.

ПАСТУХЪ.
Священнику въ то утро далъ я крону,
Когда вѣнчался съ матерью ея.
Склони колѣна, я благословлю
Тебя, дитя. Не хочешь ты склониться?
Будь проклятъ день рожденья твоего!
Пусть молоко отравою бы стало,
Которымъ мать твоя тебя вскормила.
Пускай тебя пожралъ бы хищный волкъ
Въ тѣ дни, когда овецъ пасла ты въ полѣ.
Въ огонь ее! Ее повѣсить мало!
(Уходитъ).

ІОРКЪ.
Увесть ее! Пороками дивя,
Она жила на свѣтѣ слишкомъ долго.

ДѢВА.
Сперва скажу—кого вы осудили.
Не пастуха простого порожденье,
Но царскаго я рода. Я—святая
И чистая, я свыше избрана
Внушеніемъ небесной благодати,
Чтобъ на землѣ творить здѣсь чудеса.
Я съ духами нечистыми не зналась,
Но вамъ, погрязшимъ въ похотяхъ своихъ,
Запятнаннымъ безвинной кровью жертвъ
И тысячью пороковъ оскверненнымъ,
Вамъ, чуждымъ благодати—непонятно,
Чтобъ на землѣ свершались чудеса
Безъ помощи злыхъ духовъ. Вы ошиблись.
Была съ дней дѣтства Іоанна д'Аркъ
Невинною и чистой—даже въ мысляхъ.
И дѣвственная кровь ея, такъ грубо
Пролитая здѣсь вами—объ отмщеньѣ
Возопіетъ передъ вратами Неба.

ІОРКЪ.
Пусть будетъ такъ. Вести ее на казнь!

УОРИКЪ.
Въ виду того, что дѣва передъ нами—
Побольше дровъ! Вязанокъ не жалѣйте.
Поставьте бочки со смолой у плахи,
Чтобъ сократить мученія ея.

ДѢВА.
Ничто сердецъ не тронетъ безпощадныхъ?
Откройся, Дѣва, въ слабости твоей:
Она тебѣ—защита предъ закономъ.
Беременна я, злобные убійцы;
Въ утробѣ вы плода не умерщвляйте,
Хотя меня влечете вы на смерть.

ІОРКЪ.
Спаси, Господь! Беременна святая.

УОРИКЪ.
Вотъ большее изъ всѣхъ твоихъ чудесъ:
Послѣдствіе воздержности строжайшей.

ГЕНРИХЪ VI и ЕГО ДВОРЪ.

Изъ иллюстрацій Бэйзиля Шоу (Bayat Shaw).

ІОРКЪ.
Она съ дофиномъ пошалила тамъ.
Я могъ бы знать, на что она сошлется.

УОРИКЪ.
Ну, все равно. Дѣтей намъ незаконныхъ
Ненадобно, особенно—отъ Карла.

ДѢВА.
Ошиблась я: не отъ него ребенокъ,
Былъ Алансонъ возлюбленнымъ моимъ.

ІОРКЪ.
Какъ? Алансонъ? Макіавелли этотъ?
Дитя умретъ—будь у него сто жизней.

ДѢВА.
Позвольте, васъ ввела я въ заблужденье,
Не герцогъ и не Карлъ: мою любовь
Завоевалъ Неаполя король.

УОРИКЪ.
Женатый онъ. Недопустимо это.

Іоркъ.
Вотъ дѣвушка! Сама она не знаетъ,
Кого винить—такъ много было ихъ.

Уорикъ.
Она была свободною и щедрой.

Іоркъ.
И все же—дѣва чистая она.
Распутница, себя съ твоимъ отродьемъ
Ты осудила. Тщетно не моли.

Дѣва.
Ведите же! Мое проклятье—съ вами.
Пусть никогда сіяющее солнце
Не свѣтитъ тамъ, гдѣ будете вы жить,
Но окружаютъ мракъ и тѣни смерти
Покуда вы съ тоски не захотите
Повѣситься иль голову сломить.
(*Уходитъ подъ стражею*).

Іоркъ.
Разсыпься прахомъ иль сгори до тла,
Служительница гнусная геенны!

Входитъ кардиналъ Бьюфортъ *со свитою*.

Кардиналъ.
Милордъ регентъ, посланьемъ полномочнымъ
Отъ короля—встрѣчаю вашу свѣтлость.
Милорды, христіанскія державы,
Раскаяньемъ при видѣ войнъ терзаясь,
Усердно просятъ миръ установить
Межъ Франціей надменною и нами.
Со свитою дофинъ сюда подходитъ
Съ тѣмъ, чтобъ вопросъ о мирѣ обсудить.

Іоркъ.
Ужель къ тому приводятъ всѣ труды?
И послѣ избіенья столькихъ пэровъ,
Дворянъ, вождей и воиновъ, погибшихъ
Среди раздоровъ тягостныхъ и жизнь
Принесшихъ въ жертву благу государства—
Мы подъ конецъ миръ жалкій заключимъ?
Не вслѣдствіе ль измѣны и обмана
Мы большинства лишились городовъ,
Которые завоевали предки?
О, мой Уорикъ! Полную утрату
Всей Франціи съ печалью я предвижу.

Уорикъ.
Терпѣнье, Іоркъ, вѣдь если будетъ миръ,
То—на такихъ стѣснительныхъ условьяхъ,
Что отъ него французъ не поживится.

Входятъ Карлъ *со свитою*, Алансонскій, Орлеанскій, Рене *и другіе*.

Карлъ.
Въ виду того, что перемирье, лорды,
Вы объявить во Франціи рѣшили—
Являемся мы съ тѣмъ, чтобы узнать
Отъ васъ самыхъ условія союза.

Іоркъ.
Ты, Винчестеръ, отвѣть. Кипучій гнѣвъ
Для голоса пути мнѣ загрождаетъ,
При видѣ ихъ—враговъ заклятыхъ нашихъ.

Кардиналъ.
Внимай же, Карлъ, и прочіе, рѣшенью.
Въ виду того, что Генрихъ, нашъ король,
Изъ жалости и снисхожденья только
Отъ бѣдственной войны освободить
Согласенъ васъ, и въ мирѣ плодоносномъ
Дать вамъ вздохнуть свободно—вы должны
Быть вѣрными вассалами ему.
Съ условьемъ, Карлъ, что поклянешься дань
Ему платить и выразить покорность—
Подъ нимъ ты будешь вицекоролемъ
И государя санъ ты сохранишь.

Алансонскій.
Какъ? Самого себя онъ будетъ тѣнью?
Чело свое короною украсивъ,
По существу и власти будетъ онъ
Простымъ лишь гражданиномъ? Предложенье
Подобное нелѣпо, безразсудно.

Карлъ.
Всѣмъ вѣдомо, что я владѣю больше
Чѣмъ половиной Галліи, гдѣ чтутъ
Какъ короля законнаго—меня.
А для того, чтобъ пріобрѣсть другую,
Ужели я постыдно отступлюсь
Отъ правъ моихъ, чтобъ стать надъ всей страною
Лишь вицекоролемъ? Нѣтъ, лордъ посолъ,
То, что имѣю—лучше сохраню я,
Чѣмъ, пожелавши большаго, утрачу
Возможность я—все пріобрѣсть потомъ.

Іоркъ.
О, дерзкій Карлъ! Не скрытыми ль путями,
Черезъ другихъ, союза ты искалъ?
И вотъ, когда дошло до соглашенья—
Ты отстранить переговоры хочешь?
Похищенный тобою титулъ—нынѣ
Прими, какъ даръ, отъ нашего монарха:
Не по правамъ законнымъ. Иль тебя
Войною мы замучимъ непрерывной.

Рене.
Упрямитесь вы, государь, напрасно
По поводу условій договора.
Бьюсь на десять я противъ одного—
Что вновь такого случая не будетъ.

Алансонъ *(въ сторону Карла)*.
По истинѣ обязаны спасти
Вы подданныхъ, отъ бойни и рѣзни
Безжалостныхъ, какія ежедневно
Бываютъ здѣсь, пока идетъ война.
Примите же условья перемирья,
Его всегда нарушить вы вольны.

Уорикъ.
Что скажешь, Карлъ? Условья принимаешь?

Карлъ.
Да, съ тѣмъ, чтобъ вы не предъявляли правъ
Ни на одно изъ нашихъ укрѣпленій.

Іоркъ.
Такъ присягни величеству его,
Какъ рыцарь, ты хранить повиновенье,
И вѣрнымъ быть британскому престолу.
Тѣ и твои вассалы въ томъ клянитесь.
(*Карлъ и его вельможи выражаютъ знаками свое вѣрноподданство*).
Теперь войска вы распустите. Знамя
Пускай свернутъ и смолкнутъ барабаны!
Торжественно мы водворяемъ миръ.
(*Уходятъ*).

СЦЕНА V.

Входитъ король Генрихъ *въ бесѣдѣ съ* Суффолькомъ, *за ними* Глостеръ *и* Экзетеръ.

Король Генрихъ.
Графъ, я чудеснымъ вашимъ описаньемъ
Прекрасной Маргариты—пораженъ.
И качества души ея, дарами
Наружными украшенныя, въ сердцѣ
Моемъ любовь глубокую зажгли.
Какъ ураганъ наперекоръ теченью
Порой корабль сильнѣйшій направляетъ,
Такъ слухъ о ней влечетъ меня. Крушенье
Я потерплю иль гавани достигну,
Гдѣ ждетъ меня ея любви блаженство.

Суффолькъ.
О, государь! Разсказъ мой—предисловье
Къ той похвалѣ, что подобаетъ ей.
Главнѣйшія принцессы совершенства,
Когда-бъ съумѣлъ я ихъ изобразить—
Составили-бъ волшебныхъ строчекъ книгу,
Плѣнить могущихъ даже грубый умъ.
Но что важнѣй—не такъ она горда
И предана избраннымъ наслажденьямъ,
Какъ скромностью исполнена, смиренья,
И будетъ вамъ повиноваться рада.
Сказать точнѣе: въ чистотѣ душевной,
Какъ властелина, чтить васъ и любить,

СУФФОЛЬКЪ и МАРГАРИТА.

Изъ иллюстрацій къ «Генриху VI» Бэйзилъ Шоу (Byatt Shaw).

Король Генрихъ.
Иного я во вѣкъ не пожелаю.
Итакъ, милордъ-протекторъ, согласитесь,
Чтобъ королевой стала Маргарита.

Глостеръ.
Потворствовалъ бы этимъ я грѣху:
Извѣстно государю, что помолвленъ
Съ другою онъ достойною принцессой.
Какъ можно намъ нарушить договоръ
И не навлечь на честь свою позоръ?

Суффолькъ.
Какъ поступаютъ съ клятвой незаконной
Властители, иль тотъ, кто думалъ биться,
Но покидаетъ поле, увидавъ
Неравенство соперника. Не ровня
И королю—дочь графа-бѣдняка,
А потому въ разрывѣ нѣтъ обиды.

Глостеръ.
Скажи: ея чѣмъ выше Маргарита?

Такой же графъ—отецъ ея. Другихъ
Лишь титуломъ онъ пышнымъ превосходитъ.

Суффолькъ.

О, да, милордъ! Неаполя король—
Отецъ ея, король Іерусалима.
Во Франціи настолько онъ силенъ,
Что съ нимъ союзъ упрочитъ миръ, а также
Намъ подданство французовъ обезпечитъ.

Глостеръ.

Но то же намъ доставитъ Арманьякъ,
Онъ родственникъ дофину.

Экзетеръ.

Онъ богатъ
И наградить приданымъ щедро можетъ.

Суффолькъ.

Приданое! Не унижайте, лорды,
Вы короля! Ужели такъ ничтоженъ,
Такъ жалокъ онъ и бѣденъ, чтобъ невѣсту
Изъ выгоды, не по любви избрать?
Обогатить онъ можетъ королеву,
Не чрезъ нея искать обогащенья.
Крестьяне женъ торгуютъ, какъ скотину:
Овецъ, коней—на рынкѣ продавцы.
Настолько важенъ бракъ, что невозможно
Повѣреннымъ рѣшать такое дѣло.
Не та, кого желаемъ, но кого
Желаетъ онъ—должна дѣлить съ нимъ ложе;
Когда ему она милѣе всѣхъ—
Важнѣй всего подобная причина,
Чтобъ предпочли ее другимъ и мы.
Не адъ ли—бракъ насильственныхъ: всегдашній
Раздоръ въ семьѣ, радъ безконечныхъ ссоръ?
Бракъ по любви подобьемъ служитъ мира
Небеснаго, блаженство онъ даруетъ.
Дочь короля, кто жъ, какъ не Маргарита
Для Генриха, для короля—чета?
Красою несревненною и родомъ—
Лишь короля достойна одного.
Ея неустрашимый духъ и смѣлость,
Столь рѣдкіе у женщинъ—въ томъ порукой,
Что можно ждать отъ короля потомства.
Какъ сынъ завоевателя, нашъ Генрихъ
Другихъ завоевателей намъ дастъ,
Когда въ любви соединится онъ
Съ женою сильной духомъ, какъ она.
Рѣшайте же, милорды,—Маргарита—
Никто иная—будетъ королевой.

Король Генрихъ.

Тому причиной сила-ль описанья,
Милордъ Суффолькъ, иль потому, что юность
Столь нѣжную мою—еще не тронулъ
Огонь страстей любовныхъ, не могу я
И самъ рѣшить, но чувствую одно:
Такой разладъ болѣзненный въ груди,
Такой порывъ и страха, и надежды,
Что отъ наплыва мыслей боленъ я.
Итакъ, милордъ, во Францію плывите,
Примите всѣ условья и добейтесь,
Чтобъ въ Англію отплыть благоволила
Къ намъ лэди Маргарита—для того,
Чтобъ здѣсь короноваться и супругой
Стать Генриху—помазанной и вѣрной.
Для нужныхъ вамъ издержекъ и расходовъ
Съ земли налогъ сберите десятинный.
Спѣшите же; пока не возвратитесь,
Терзаться буду тысячью заботъ.
(Глостеру).

Не оскорбляйтесь вы, любезный дядя,
И обо мнѣ судите вы какъ въ прошломъ
Судили бы, не такъ какъ въ настоящемъ.
Тогда вы мнѣ простите ту поспѣшность,
Съ какой стремлюсь мою исполнить волю.
Идемъ туда, гдѣ вдалекѣ отъ всѣхъ
Могу я весь моей предаться скорби.
(Уходитъ).

Глостеръ.

Боюсь, что скорбь съ тобою будетъ вѣчно.
(Уходитъ Экзетеръ и Глостеръ).

Суффолькъ.

За Суффолькомъ побѣда! Онъ стремится,
Какъ въ Грецію—Парисъ, надѣясь такъ же
Стяжать любовь, но съ большею удачей,
Чѣмъ выпало троянцу. Маргарита,
Какъ королева, будетъ править мужемъ,
А ею, имъ и государствомъ—я.
(Уходитъ).

Король Генрихъ VI.

Часть II.

Дѣйствующія лица:

Король Генрихъ VI.
Гомфри, герцогъ Глостеръ, дядя его.
Кардиналъ Бо(бью)фортъ, епископъ Винчестерскій, внучатый дядя короля.
Ричардъ Плантагенетъ, герцогъ Іоркъ.
Эдуардъ } его сыновья
Ричардъ }
Герцогъ Сомерсетъ.
Герцогъ Суффолькъ.
Герцогъ Букингамъ.
Лордъ Клиффордъ.
Молодой Клиффордъ, сынъ его.
Графъ Сольсбери.
Графъ Уорикъ.
Лордъ Скэльсъ.
Лордъ Сей.
Сэръ Гомфри Сдаффордъ.
Сэръ Вильямъ Стаффордъ, братъ его.
Сэръ Джонъ Стэнли.
Во.
Мэтью Гау.
Капитанъ судна.
Шкиперъ.
Штурманъ.
Вальтеръ Уайтморъ.
Двое дворянъ, взятые въ плѣнъ вмѣстѣ съ Суффолькомъ.
Александръ Айденъ, кентскій дворянинъ.
Джонъ Юмъ.
Соутвель.
Роджеръ Болингброкъ, заклинатель.
Томасъ Хорнеръ, оружейникъ.
Питеръ, его подмастерье.
Клеркъ въ Чэтэмѣ.
Мэръ Сентъ-Альбана.
Саундеръ Симпкоксъ, притворщикъ.
Джэнъ Кэдъ, бунтовщикъ.
Джорджъ Бевисъ.
Джонъ Голлэндъ.
Дикъ, мясникъ.
Смитъ, ткачъ.
Майкель и др. приверженцы Кэда.
Двое убійцъ.
Маргарита, супруга короля Генриха.
Элинора, герцогиня Глостеръ.
Марджери Джурдэнъ, колдунья.
Жена Симпкокса.
Лорды, лэди, свита, просители, члены городского совѣта, герольдъ, стражникъ, шерифъ, офицеры, граждане, подмастерья, сокольничьи, стражи, солдаты, духъ.

Дѣйствіе—въ разныхъ частяхъ Англіи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Лондонъ. Покой во дворцѣ.

Трубы, затѣмъ—гобои. Входятъ съ одной стороны: КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ, ГЛОСТЕРЪ, СОЛЬСБЕРИ, УОРИКЪ *и* КАРДИНАЛЪ БЬЮФОРТЪ; *съ другой*—КОРОЛЕВА МАРГАРИТА, *которую ведетъ* СУФФОЛЬКЪ. *За ними*—ІОРКЪ, СОМЕРСЕТЪ, БУКИНГАМЪ *и др.*

СУФФОЛЬКЪ.

Согласно королевскому приказу,
Мнѣ при отплытьи данному—особу
Монаршую собою замѣняя,
Я долженъ былъ съ принцессой Маргаритой
За короля во Франціи вѣнчаться.
И въ городѣ старинномъ, славномъ Турѣ,
При короляхъ Французскомъ, Сицилійскомъ,
При герцогахъ могучихъ Орлеана,
Калабріи, Бретани, Алансона,
При графахъ семерыхъ, при двадцати
Епископахъ, двѣнадцати баронахъ—
Обязанность исполнивъ, я вѣнчался.
Въ смиреніи теперь склонивъ колѣни,
Передъ лицомъ всей Англіи и пэровъ—
Вручаю я права на королеву
Тому, кто суть той тѣни величавой,
Которую я представлялъ собой.
Вотъ лучшій даръ, маркизомъ поднесенный
И болѣе прекрасной королевы
Не принималъ изъ рукъ его король.

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ.

Лордъ Суффолькъ, встань. Привѣтъ мой королевѣ.
Любовь мою не выразить нѣжнѣй,

Глостеръ.

Казалось мнѣ, что званья моего
Эмблема—жезлъ былъ сломанъ пополамъ,
Не помню: кѣмъ? какъ будто кардиналомъ,
И на концахъ двухъ герцоговъ увидѣлъ
Я головы: Эдмунда Сомерсета
И Суффолька, Вильяма де-ла-Поль.
Таковъ мой сонъ. Богъ вѣсть, что онъ про-
рочитъ.

Герцогиня.

Ну, только! Онъ одно лишь означаетъ:
Кто сломитъ вѣтвь у Глостера въ дубравѣ—
Поплатится за дерзость головой.
Но слушай, Гомфри, дорогой мой герцогъ,
Приснилось мнѣ: въ Вестминстерскомъ со-
борѣ
На тронѣ я сижу, гдѣ королевы
И короли вѣнчаются на царство,
А Генрихъ съ Маргаритой, предо мною
Склонивъ колѣна, мнѣ вѣнецъ подносятъ.

Глостеръ.

Нѣтъ, Элиноръ, тебя бранить я долженъ,
Тщеславная и злая Элиноръ!
Ты не вторая ль въ цѣломъ королевствѣ,
Протектора любимая супруга?
И не въ твоей ли власти всѣ утѣхи—
Превыше всѣхъ желаній и разсчетовъ?
А ты куешь измѣну, чтобъ низвергнуть
Себя и мужа съ высоты величья
Къ подножію стыда! Прочь отъ меня,
Тебя я дольше слушать не желаю.

Герцогиня.

На Элиноръ лишь за простой разсказъ
О снѣ ея вы сердитесь, милордъ?
Я этому въ другой разъ не подвергнусь
И сны свои оставлю при себѣ.

Глостеръ.

Ну, не гнѣвись. Прошла моя досада.

Входитъ гонецъ.

Гонецъ.

Угодно королю, милордъ протекторъ,
Васъ видѣть въ Сентъ-Альбанѣ. Съ соколами
Охотятся тамъ онъ и королева.

Глостеръ.

Иду я. Нелль, вѣдь ты со мной поѣдешь?

Герцогиня.

Я слѣдую, мой добрый лордъ, за вами.
(*Глостеръ и гонецъ уходятъ*).
Да, слѣдовать! Предшествовать нельзя,
Покуда Глостеръ такъ смиренно мыслитъ.
Будь мужемъ я, ближайшимъ по родству,
И герцогомъ—сломила-бъ я преграды,
По шеямъ обезглавленнымъ пройдя.
Но и женою будучи, сыграю
Я роль свою въ блестящемъ представленьи,
Которое фортуна намъ даетъ.
Гдѣ вы, сэръ Джонъ? Не бойтесь же, входите,
Лишь ты и я—съ тобой мы здѣсь одни.

Входитъ Юмъ.

Юмъ.

Будь вашему величеству Богъ въ помощь!

Герцогиня.

Величеству? Высочество я только.

Юмъ.

Но милостью Творца, совѣтомъ Юма—
Высочества повышенъ будетъ титулъ.

Герцогиня.

Что скажешь ты? Имѣли ль совѣщанье
Съ тобой колдунья Марджери Джурденъ
И заклинатель—Роджеръ Болингброкъ?
Хотятъ они прійти ко мнѣ на помощь?

Юмъ.

Для вашего высочества они
Изъ нѣдръ земли согласны вызвать духа,
И онъ отвѣтъ на всѣ вопросы дастъ,
Которые предложитъ ваша свѣтлость.

Герцогиня.

Довольно! Я рѣшу насчетъ вопросовъ,
Когда изъ Сентъ-Альбана возвратимся—
Мы въ исполненье дѣло приведемъ.
Вотъ, Юмъ, тебѣ награда. Веселись
Съ участниками въ важномъ предпріятьѣ.
(*Уходитъ*).

Юмъ.

На деньги герцогини веселиться
Юмъ долженъ. Что жъ? Повеселюсь! Но
только
Ни слова, Юмъ, и говори лишь: тсс!
Вѣдь здѣсь нужны молчаніе и тайна.
Мнѣ для колдуньи золото дано,
Но будь она дьяволомъ—оно
Не лишнее. А золотыя мухи
Летятъ ко мнѣ и съ берега другого.
Я не дерзну сказать: отъ кардинала
Богатаго, и славнаго Суффолька,
Но это такъ. По правдѣ говоря:
Духъ честолюбья герцогини зная,
Подвесть ее—они меня купили
И нашептать про заговоры ей.
Я слышалъ такъ: зачѣмъ посредникъ плуту?
А я—посредникъ Суффолька съ Бьюфортомъ.

Юмъ, берегись! Ты близокъ отъ того,
Чтобъ обозвать плутами ихъ обоихъ.
Но какъ ни какъ, а Юма плутовство
Погибелью для герцогини будетъ,
А стыдъ ея—и герцога паденьемъ.
Что тамъ ни будь—за все дадутъ мнѣ плату.
(Уходитъ).

СЦЕНА III.

Пріемная во дворцѣ.

Входитъ Питеръ *и другіе просители.*

1-ый проситель. Становитесь ближе, милордъ протекторъ скоро пройдетъ здѣсь и тогда намъ будетъ можно подать ему наши прошенія.

2-ой проситель. Храни его Господь! Онъ добрый человѣкъ, да благословитъ его Іисусъ.

1-ой проситель. Вотъ онъ, кажется, и съ нимъ королева. Я первымъ подойду.
Входятъ Суффолькъ *и* королева Маргарита.

2-ой проситель. Назадъ, глупецъ. Это герцогъ Суффолькъ, а не милордъ протекторъ.

Суффолькъ. Что тебѣ, пріятель? У тебя есть дѣло до меня?

1-ый проситель. Прошу прощенья, милордъ. Я принялъ васъ за лорда протектора.

Королева Маргарита. За лорда протектора? Такъ вы подаете прошенія ему? Дайте мнѣ взглянуть. О чемъ ты просишь?

1-ый проситель. Я съ позволенія вашего величества жалуюсь на слугу кардинала Джона Гудмана, отнявшаго у меня домъ, землю, жену, все.

Суффолькъ. Какъ? И жену? Это дѣйствительно несправедливо. А ты о чемъ просишь? (*Читаетъ*). „Жалоба на герцога Суффолька за то, что онъ огородилъ Мельфордскіе выгоны". Это что еще такое, негодяй?

2-ой проситель. Увы, милордъ, я не болѣе какъ бѣдный проситель отъ лица всѣхъ нашихъ горожанъ.

Питеръ (*подавая просьбу*). Жалоба на моего хозяина Томаса Хорнера за то, что онъ говорилъ будто герцогъ Іоркъ законный наслѣдникъ престола.

Королева Маргарита. Что ты говоришь? Развѣ герцогъ Іоркъ сказалъ, будто онъ—законный наслѣдникъ престола?

Питеръ. Мой то хозяинъ? Нѣтъ, хозяинъ говорилъ, что герцогъ Іоркъ наслѣдникъ и еще онъ говорилъ, что король—похититель престола.

Суффолькъ. Эй, кто тамъ есть! (*Входятъ слуги*). Возьмите этого молодца и сейчасъ же пошлите за его хозяиномъ. Мы разберемъ подробно это дѣло въ присутствіи короля.
(*Слуги съ Питеромъ уходятъ*).

Королева Маргарита.
А что до васъ—протекціи искать
Подъ крылышкомъ протектора вамъ любо,
Такъ съизнова къ нему строчите просьбы.
(*Разрываетъ ихъ*).
Вонъ, негодяи! Убери ихъ, Суффолькъ.

Всѣ.
Идемъ.
(*Просители уходятъ*).

Королева Маргарита.
Таковъ ли, лордъ Суффолькъ, обычай,
Порядки здѣсь при англійскомъ дворѣ
И таково ль въ Британіи правленье?
Власть такова ль владыки Альбіона?
Ужель король ребенкомъ будетъ вѣчно
Подъ Глостера опекою, а я—
По титулу и жизни королева,
Быть подданною герцога должна?
Послушай, Поль, когда переломилъ
Копье свое ты въ честь моей любви
И побѣдилъ сердца красавицъ въ Турѣ—
Я думала, что видомъ, обхожденьемъ
И мужествомъ—съ тобою Генрихъ схожъ.
Но умъ его лишь къ богомолью склоненъ,
Читаетъ онъ свои Ave-Maria,
Ведя имъ счетъ по четкамъ. Для него
Апостолы, пророки—вотъ герои.
Оружіе его—Писаній строки,
Ристалище—науки, дамы сердца—
Изображенья мѣдныя святыхъ.
Пускай конклавъ его избралъ бы папой
И въ Римъ отвезъ, чтобъ увѣнчать тіарой:
Для святости его—пристойный санъ.

Суффолькъ.
Терпѣнье, королева. Я—причиной,
Что въ Англію вы прибыли, и я
Все сдѣлаю, чтобъ вы довольны были.

Королева Маргарита.
Но не одинъ протекторъ, есть еще
Надменный кардиналъ, и Сомерсетъ,
И Букингамъ, ворчливый Іоркъ. Слабѣйшій
Изъ нихъ въ странѣ имѣетъ больше власти,
Чѣмъ самъ король.

Суффолькъ.

Сильнѣйшій же изъ нихъ
Имѣетъ власти меньше, чѣмъ Невили:
И Уорикъ съ Сольсбери—не просто пэры.

Королева Маргарита.

Но вдвое больше ихъ мнѣ досаждаетъ
Спѣсивая протектора супруга,
Которая, являясь при дворѣ
Съ толпою дамъ, глядитъ императрицей—
Не герцога женою. Иностранцы
Ее за королеву принимаютъ,
И съ герцогства доходъ—въ ея нарядахъ,
А насъ она за бѣдность презираетъ.
Ужели же я ей не отомщу?
Происхожденья низкаго трещетка—
Она среди любимцевъ похвалялась,
Что худшаго ея наряда шлейфъ—
Цѣннѣй, чѣмъ всѣ отца владѣнья были,
Пока за дочь два графства не далъ Суффолькъ.

Суффолькъ.

Разставилъ я силки ей, королева,
И птицъ такихъ приманкой посадилъ,
Что пѣсенъ ихъ она сойдетъ послушать
И больше вамъ не станетъ докучать.
Оставьте же ее; внимайте мнѣ,
Коль скоро я давать совѣты смѣю,
Хотя не по душѣ намъ кардиналъ,
Но съ лордами и съ нимъ соединиться
Намъ слѣдуетъ, чтобъ герцогъ впалъ въ немилость.
А что до Іорка—жалоба такая
Ему немного пользы принесетъ.
Такъ выполемъ ихъ всѣхъ поочередно,
И станете рулемъ вы сами править.

Входитъ король Генрихъ, герцогъ *и* герцогиня Глостеръ, кардиналъ Бьюфортъ, Букингамъ, Іоркъ, Сомерсетъ, Сольсбери *и* Уорикъ.

Король Генрихъ.

Мнѣ все равно: изъ двухъ который, лорды.
Іоркъ, Сомерсетъ—едино для меня.

Іоркъ.

Коль скоро Іоркъ страною дурно правилъ—
Пускай его отставятъ отъ регентства.

Сомерсетъ.

Коль скоро недостоинъ я—регентомъ
Пусть будетъ Іоркъ. Я уступлю ему.

Уорикъ.

Достойна ваша свѣтлость или нѣтъ,
Одно неоспоримо: Іоркъ достойнѣй.

Кардиналъ.

За высшимъ рѣчь, честолюбивый Уорикъ.

Уорикъ.

Въ сраженьяхъ мнѣ—не высшій кардиналъ.

Букингамъ.

Въ собраніи тебя всѣ выше, Уорикъ.

Уорикъ.

Но можетъ стать и Уорикъ выше всѣхъ.

Сольсбери.

Сынъ, тише! Молви, Букингамъ, гдѣ поводъ
Чтобъ предпочли мы Іорку—Сомерсета?

Королева Маргарита.

А потому, что такъ король желаетъ.

Глостеръ.

Онъ—не дитя, и можетъ, королева,
Самъ говорить. Не женское тутъ дѣло.

Королева Маргарита.

А если не дитя онъ, то надъ нимъ
Протекторомъ зачѣмъ же ваша свѣтлость?

Глостеръ.

Я, королева, Англіи протекторъ.
Захочетъ онъ—и я свой постъ оставлю.

Суффолькъ.

Оставь его, и вмѣстѣ съ нимъ—и дерзость.
Съ тѣхъ поръ какъ ты—а кто жъ иной?—король,
Къ погибели съ днемъ каждымъ все идетъ,
Мы за моремъ побѣждены дофиномъ,
А пэры всѣ и государства знать—
Величья твоего рабами стали.

Кардиналъ.

Ты разорилъ народъ, и отъ поборовъ
Церковная казна у насъ тощаетъ.

Сомерсетъ.

И дорого обходятся казнѣ
Дворцы твои, жены. твоей уборы.

Букингамъ.

Виновныхъ ты караешь такъ жестоко,
Что превзошелъ всѣ строгости законовъ,
И жертвою законовъ станешь самъ.

Королева Маргарита.

За торгъ же городами и мѣстами
Во Франціи, откройся только онъ,
А въ немъ тебя подозрѣваютъ сильно—
Ты скоро бы безъ головы остался.
(*Глостеръ уходитъ. Королева роняетъ вѣеръ*).
Дай вѣеръ мнѣ. Что, милая, не можешь?
(*Даетъ герцогинѣ пощечину*).

ПРОСИТЕЛИ, ЖДУЩІЕ ВЫХОДА КОРОЛЯ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Простите, герцогиня, это вы?

Герцогиня.
Я ль, гордая француженка? Сама я.
И еслибъ до твоей красы ногтями
Добраться мнѣ, то заповѣди всѣ
Я написала-бъ у тебя на кожѣ.

Король Генрихъ.
Ахъ, тетушка, нечаянно она!

Герцогиня.
Нечаянно? Смотри, король мой милый,
Она тебя въ пеленкахъ будетъ няньчить.
Но все жъ, хотя и юбка править здѣсь—
Ей не пройдетъ моя обида даромъ.

Букингамъ.
Лордъ кардиналъ, пойду за герцогиней:
Прислушаюсь, что станетъ дѣлать Гомфри?
Затронута она, ее не нужно
И подстрекать: сама на гибель мчится.
(Уходитъ).

Глостеръ *возвращается.*

Глостеръ.
Мой гнѣвъ остылъ, покуда обошелъ я
Вокругъ дворца, и я вернулся, лорды,
Чтобъ намъ дѣла текущія рѣшить.
Касательно же злобныхъ нареканій,
Взводимыхъ вами—докажите ихъ,
И я готовъ закону подлежать.
Но будь ко мнѣ такъ милостивъ Господь,
Какъ преданъ я странѣ и государю.
По поводу же даннаго вопроса
Я, государь, скажу: какъ вашъ регентъ
Во Франціи—всего пригоднѣй Іоркъ.

Суффолькъ.
Но ранѣе избранія позвольте
Мнѣ вѣскою причиной доказать,
Что будетъ Іоркъ всѣхъ менѣе пригоденъ.

Іоркъ.
Я самъ скажу, чѣмъ непригоденъ я:
Во первыхъ, льстить я Суффольку не стану,
А во вторыхъ, когда-бъ я былъ назначенъ—
Лордъ Сомерсетъ меня задержитъ здѣсь
Безъ отпуска, безъ войска и снарядовъ,
Пока доффинъ не овладѣетъ краемъ.
Не по его ли дудкѣ я плясалъ
Прошедшій разъ, покуда—осажденный—
Парижъ у насъ изморомъ не былъ взятъ.

Уорикъ.
Свидѣтель я, что ни одинъ измѣнникъ
Не совершалъ столь гнуснаго поступка.

Суффолькъ.
Молчи, неукротимый Уорикъ.

Уорикъ.
Спѣсь

Ходячая! Зачѣмъ молчать я стану?
(Слуги Суффолька вводятъ Хорнера и Питера).

Суффолькъ.
Затѣмъ что вотъ—въ измѣнѣ обвиненный,
Дай Богъ, чтобъ герцогъ Іоркскій оправдался.

Іоркъ.
Но кто же здѣсь винитъ въ измѣнѣ Іорка?

Король Генрихъ.
Что говоришь ты, Суффолькъ? кто они?

Суффолькъ.
Здѣсь, государь, предъ вами подмастерье,
Хозяина винитъ въ измѣнѣ онъ:
Тотъ говорилъ, что Ричардъ, герцогъ Іоркъ—
Прямой наслѣдникъ англійской короны,
Межъ тѣмъ какъ вы—престола похититель.

Король Генрихъ.
Скажи, слова ты эти говорилъ?

Хорнеръ. Помилуйте, ваше величество, я никогда не думалъ и не говорилъ ничего подобнаго; Богъ мнѣ свидѣтель: я ложно обвиненъ негодяемъ.

Питеръ. Клянусь, милорды, этими десятью костяками, онъ говорилъ мнѣ это однажды на чердакѣ, въ то время, какъ мы чистили латы милорда Іорка.

Іоркъ.
Ты, мусорщикъ презрѣнный! За такую
Предательскую рѣчь съ тебя велю я
Снять голову! Молю васъ, государь,
Предать его всей строгости закона.

Хорнеръ. Вы, милордъ, повѣсьте меня, если я когда либо говорилъ подобныя слова. Мой обвинитель—подмастерье мой, и когда на дняхъ я поучилъ его за провинность, онъ поклялся на колѣняхъ, что сочтется со мною, у меня есть къ тому свидѣтели. Поэтому я умоляю ваше величество, не губите честнаго человѣка по наговору негодяя.

Король Генрихъ.
Какъ, дядюшка, законъ о томъ гласитъ?

Глостеръ.
Коль мнѣ судить—то вотъ мое рѣшенье:
Пусть Сомерсетъ регентъ французскій будетъ,
Коль скоро Іоркъ покуда въ подозрѣньѣ.
А имъ пускай для поединка мѣсто
И день опредѣлятъ, затѣмъ что мастеръ
Свидѣтельство слуги опровергаетъ.
Таковъ законъ и Гомфри приговоръ.

Король.
Да будетъ такъ. Во Франціи регентомъ,
Лордъ Сомерсетъ, мы назначаемъ васъ.

Сомерсетъ.
Благодарю смиренно государя.

Хорнеръ.
А вызовъ я охотно принимаю.

Питеръ. Но, милордъ, я не могу биться. Ради Господа Бога, пожалѣйте меня. Злоба людская меня одолѣла. О, Господи, смилуйся надо мною! Я не смогу нанести ни одного удара. Господь, сердце мое...

Глостеръ.
Бездѣльникъ, бейся! иль повѣшенъ будешь.

Король Генрихъ.
Ведите ихъ въ тюрьму. Единоборство
Въ томъ мѣсяцѣ, въ послѣдній день назначимъ.
Идемте же—проводимъ Сомерсета.

СЦЕНА IV.

Садъ герцога Глостера.

Входятъ Марджери Джурдэнъ, Юмъ, Соутвель *и* Болингброкъ.

Юмъ. Идите, любезные. Говорю вамъ, герцогиня ожидаетъ исполненія вашихъ обѣщаній.

Болингброкъ. Мы къ этому приготовились, мистеръ Юмъ. Желаетъ ли ея свѣтлость видѣть и слышать наши заклинанія?

Юмъ. Какъ же иначе? Не безпокойтесь относительно ея мужества.

Болингброкъ. Я слышалъ о ней, какъ о женщинѣ съ непобѣдимою силою духа, но, мистеръ Юмъ, вамъ слѣдуетъ быть при ней наверху, покуда мы будемъ заняты здѣсь внизу. Прошу васъ, идите съ Богомъ и оставьте насъ. *(Юмъ уходитъ).* Ну, тетушка Джурдэнъ, ложись ницъ, прильни лицомъ къ землѣ. Джонъ Соутвель, ты читай, и примемся за дѣло.

Герцогиня *и* Юмъ *выходятъ на балконъ.*

Герцогиня. Хорошо сказано, любезные. Добро пожаловать... Итакъ, за дѣло,—
Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

Болингброкъ.
Кудесникамъ ихъ часъ извѣстенъ, лэди.
Ночь темная, глубокая, глухая,

ВЫЗЫВАНІЕ ДУХА.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Тотъ часъ ночной, когда зажглася Троя,
Тотъ часъ ночной, когда кричитъ сова
И воютъ псы, когда блуждаютъ духи,
А призраки могилы разверзаютъ—
Для дѣла намъ благопріятный часъ.
Садитесь и не бойтесь, лэди. Мы
Замкнемъ въ кругу того, кто будетъ вызванъ.

Они исполняютъ обычные обряды и проводятъ кругъ. Болингброкъ и Соутвель *читаютъ: conjuro te и т. д. Страшный громъ и молнія, затѣмъ появляется духъ.*

Духъ.

Adsum.

Марджери Джурданъ.

Асматъ!
Во имя Бога вѣчнаго, предъ чьимъ
Ты именемъ и властью такъ трепещешь—
Отвѣть на то, что я спрошу. Пока
Не скажешь все—не выйдешь ты отсюда.

Духъ.

Спроси, что хочешь? Кончить бы скорѣй!

Болингвброкъ *(читаетъ по бумагѣ).*
Сперва король. Что будетъ съ нимъ?

Духъ.
Тотъ герцогъ
Еще живетъ, что Генриха смѣститъ,
Но онъ переживетъ его, и самъ
Умретъ потомъ насильственною смертью.

Соутвель *записываетъ отвѣты духа.*

Болингвброкъ.
„Что герцогу Суффольку суждено?"

Духъ.
Онъ отъ воды свою кончину приметъ.

Болингвброкъ.
„Что ожидаетъ лорда Сомерсета?"

Духъ.
Пусть бережется замковъ. Безопаснѣй
Среди равнинъ песчаныхъ для него,
Чѣмъ тамъ, гдѣ замка высятся громады.
Кончай! Терпѣть я дольше не могу.

Болингвброкъ.
Ступай же въ тьму, въ пылающее море!
Духъ злой, иди!
(Громъ и молнія, духъ исчезаетъ).

Входятъ поспѣшно Іоркъ *и* Букингамъ *въ сопровожденіи стражи.*

Іоркъ.
Измѣнниковъ забрать со скарбомъ всѣмъ!
Мы по пятамъ тебя слѣдили, вѣдьма.
Вы, лэди, здѣсь? Король и государство
Глубоко вамъ обязаны за трудъ.
Сомнѣнья нѣтъ: за добрыя дѣла
Васъ наградитъ достойно лордъ протекторъ.

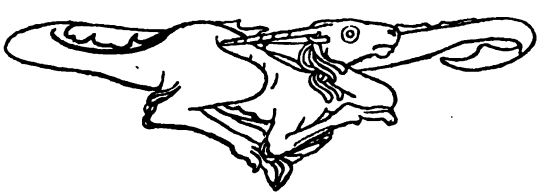
Герцогиня.
Они не такъ дурны и вполовину,
Какъ то, что ты на короля умыслилъ,
Безъ повода грозящій, дерзкій герцогъ!

Букингамъ.
Безъ повода, милэди? Что же это?
(Показываетъ ей бумагу).
Возьмите ихъ и, крѣпко засадивъ,
Держите врозь. А вы, милэди, съ нами.
Ты, Стаффордъ, будь при ней. А этотъ хламъ
Съ собой мы взять намѣрены. Ступайте.
(Герцогиня и Юмъ подъ стражею уходятъ сверху; снизу уходятъ Болингброкъ, Соутвель и др. подъ стражею).

Іоркъ.
Лордъ Букингамъ, вы ловко ихъ словили.
Прекрасный планъ, удобный для развитья.
Но чортовы писанья поглядимъ:
Что въ нихъ, милордъ?
(читаетъ).
„Живъ герцогъ тотъ, что Генриха смѣститъ,
Но онъ переживетъ его, и самъ
Умретъ позднѣй насильственною смертью".
Оно точь въ точь:
Aio te Aeacide, Romanos vincere posse.
Ну, а конецъ?
—Что герцогу Суффольку суждено?—
„Онъ отъ воды свою кончину приметъ".
—Что ожидаетъ лорда Сомерсета?—
„Пусть бережется замковъ. Безопаснѣй
Среди равнинъ песчаныхъ для него,
Чѣмъ тамъ, гдѣ замка высятся громады".
Милордъ, идемъ. И сбыться очень трудно
Пророчествамъ, и трудно ихъ понять.
Теперь король—въ дорогѣ къ Сентъ-Альбану,
А съ нимъ—супругъ прелестной этой лэди.
Со скоростью коня домчится вѣсть:
Протектору—плохое угощенье.

Букингамъ.
Лордъ Іоркъ, пускай дозволитъ ваша свѣтлость
Мнѣ быть гонцомъ—въ надеждѣ на награду.

Іоркъ.
Извольте, милый лордъ. Эй, кто тамъ есть?
(Входитъ служитель).
Просить сегодня лордовъ Сольсбери
И Уорика—поужинать со мною.
(Уходятъ).



МАРДЖЕРИ ДЖУРДЭНЪ ВЫЗЫВАЕТЪ ДУХА.
Картина извѣстнаго англ. художника Джона Опи (John Opie, R. A., 1761—1807). (Большая Бойделевская Галлерея).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Сентъ-Альбанъ.

Входятъ КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ, КОРОЛЕВА МАРГАРИТА, ГЛОСТЕРЪ, КАРДИНАЛЪ и СУФФОЛЬКЪ. *Сокольничіе перекликаются.*

КОРОЛЕВА.
Повѣрьте мнѣ, милорды, за семь лѣтъ
Не видѣла я столь удачной ловли.
Но вѣтрено межъ тѣмъ, а можно было
Поставить десять противъ одного,
Что соколу сегодня не подняться.

КОРОЛЬ.
Но что за взмахъ у вашего, милордъ,
Насколько онъ всѣхъ выше поднялся!
Всегда Господь въ своемъ твореньи виденъ:
Стремятся въ высь и человѣкъ, и птица.

СУФФОЛЬКЪ.
Я не дивлюсь, что сокола милорда
Протектора такъ рѣютъ высоко:
Имъ вѣдомо, что высоту онъ любитъ
И мыслью выше сокола паритъ.

ГЛОСТЕРЪ.
Лишь низкій духъ паритъ не выше птицы.

КАРДИНАЛЪ.
Вотъ именно: за облака онъ рвется.

ГЛОСТЕРЪ.
Да, кардиналъ. А было бы недурно,
Когда бы вы на небо улетѣли?

КОРОЛЬ.
Сокровищница вѣчнаго блаженства!

КАРДИНАЛЪ.
Ты на землѣ находишь небо. Взоры

И мысль твоя—прикованы къ вѣнцу,
Сокровищу души твоей! Протекторъ
Зловредный ты, опасный пэръ, который,
Лишь ластится къ странѣ и государю.

Глостеръ.
Вы, кардиналъ, становитесь такъ рѣзки?
Tantaene animis coelestibus irae?
Въ прелатѣ пылъ подобный? Добрый дядя!
Подъ святостью могли-бъ вы злобу скрыть.

Суффолькъ.
Не болѣе тутъ злобы, чѣмъ пристало
Въ хорошей ссорѣ съ пэромъ столь негодным.

Глостеръ.
Какъ кто, милордъ?

Суффолькъ.
Какъ вы, милордъ, носящій
Протектора высокій титулъ.

Глостеръ.
Суффолькъ,
Всей Англіи твоя знакома дерзость.

Королева.
И честолюбье Глостера.

Король.
Прошу я,
Не подстрекай ты пэровъ разъяренныхъ,
Блаженны миротворцы на землѣ.

Кардиналъ.
Да, буду я блаженъ за миръ, который
Съ протекторомъ я заключу мечомъ.

Глостеръ *(тихо кардиналу)*.
Я-бъ этого желалъ, святѣйшій дядя.

Кардиналъ (*Глостеру*).
И будетъ такъ, коль скоро ты посмѣешь.

Глостеръ.
Не вмѣшивай сюда лишь подставныхъ,
И лично мнѣ отвѣть за оскорбленье.

Кардиналъ.
Придти туда дерзнешь ли? Если—да,
То вечеромъ, въ краю восточномъ рощи.

Король.
О чемъ вы, лорды?

Кардиналъ *(громко)*.
Еслибъ соколъ вашъ
Не спущенъ былъ такъ сразу, удалась бы
Охота лучше. *(Тихо)*.
Мечъ возьми двуручный.

Глостеръ.
Такъ, дядюшка.

Кардиналъ.
Ты понялъ? На востокѣ?

Глостеръ.
Я буду, кардиналъ.

Король.
Что, дядя Глостеръ?

Глостеръ.
О ловлѣ мы толкуемъ, государь.
(Тихо кардиналу).
Ну, попъ, клянусь, тебѣ макушку сбрѣю,
Когда мечомъ еще могу владѣть.

Кардиналъ.
Medice, te ipsum.
Себя, милордъ-хранитель, охраняй.

Король.
Какъ вѣтеръ здѣсь—вашъ гнѣвъ крѣпчаетъ, лорды.
Докучная мнѣ музыка! При звонѣ
Подобныхъ струнъ—возможно ли созвучье?
Позвольте мнѣ уладить вашу ссору.

Входитъ гражданинъ *Сентъ-Альбана, съ крикомъ*:
Чудо!

Глостеръ.
Что тутъ за шумъ? Какое это чудо
Провозглашаешь ты, любезный?

Горожанинъ.
Чудо!

Суффолькъ.
Вотъ королю о чудѣ разскажи.

Горожанинъ.
Клянусь, прозрѣлъ у гроба Сентъ-Альбана
Одинъ слѣпецъ лишь полчаса назадъ
Не видѣвшій, слѣпой со дня рожденья.

Король.
Хвала Творцу! Даетъ онъ тѣмъ, кто вѣритъ,
Во мракѣ—свѣтъ, въ печали—утѣшенье.

Входятъ мэръ Сентъ-Альбана, *со всей братіей*. Симпкоксъ, *котораго двое несутъ въ креслѣ*, жена его, *за ними слѣдуетъ толпа*.

Кардиналъ.
Идутъ сюда гурьбою горожане,
Чтобъ вамъ его представить, государь.

АНГЛО-ФРАНЦУЗСКІЕ ПРИДВОРНЫЕ КОСТЮМЫ XV ВѢКА.

(Средневѣковой рисунокъ).

Король.
Великая ему отрада въ мірѣ,
Хотя грѣшить онъ больше станетъ зрячій.

Глостеръ.
Пускай его поближе принесутъ;
Съ нимъ говорить угодно государю.

Король.
Скажи намъ, другъ, какъ все произошло,
Чтобъ за тебя прославили мы Бога.
Ты былъ слѣпымъ и нынѣ исцѣлился?

Симпкоксъ.
Я, ваша милость, родился слѣпымъ.

Жена.
Такъ, такъ.

Суффолькъ.
А кто она?

Жена.
Я, ваша свѣтлость,
Жена его.

Глостеръ.
Вѣрнѣй бы мать сказала.

Король.
Гдѣ ты рожденъ?

Симпкоксъ.
На сѣверѣ Бервика.

Король.
Тебѣ Господь явилъ большую милость.
Ни дня, ни ночи ты не пропускай,
Чтобъ Господа не восхвалить за благость.

Королева.
Скажи мнѣ, другъ, пришелъ ли ты случайно
Къ угоднику, иль приведенъ усердьемъ?

Симпкоксъ.
Свидѣтель Богъ: изъ чистаго усердья.
Меня сто разъ иль чаще звалъ во снѣ
Святой Альбанъ: „Приди къ моей ты ракѣ,
„Симпкоксъ,
Я исцѣлю тебя тогда вполнѣ".

Жена.
Все правда сущая. Сама слыхала
Я голосъ тотъ, что призывалъ его.

Кардиналъ.
Ты хромоногъ?

Симпкоксъ.
Да, помоги мнѣ, Боже!

Суффолькъ.
Какъ охромѣлъ?

Симпкоксъ.
Я съ дерева свалился.

Жена.
Со сливы, господинъ.

Глостеръ.
А слѣпъ давно ли?

Симпкоксъ.
Съ рожденія.

Глостеръ.
И влѣзть хотѣлъ на сливу?

Симпкоксъ.
Одинъ разокъ, лишь въ юности моей.

Жена.
За лазанье онъ крѣпко поплатился.

Глостеръ.
Должно быть, сливы очень ты любилъ!

Симпкоксъ.
Женѣ моей, милордъ, ихъ захотѣлось,
Съ опасностью для жизни я и влѣзъ.

Глостеръ.
Онъ—тонкій плутъ, но пользы мало въ этомъ.
Дай посмотрѣть глаза: мигни, открой ихъ.
По мнѣ, ты все же плохо видишь.

Симпкоксъ.
Ясно,
Какъ Божій день, хвала Его святому!

Глостеръ.
Ужели такъ? какого цвѣта плащъ?

Симпкоксъ.
Онъ красенъ, словно кровь.

Глостеръ.
Ну, хорошо!
Какъ назовешь ты цвѣтъ моей одежды?

Симпкоксъ.
Она черна, какъ уголь иль агатъ.

Король.
Итакъ, тебѣ извѣстенъ цвѣтъ агата?

Суффолькъ.
Его межъ тѣмъ онъ никогда не видѣлъ.

Глостеръ.
Плащей, одеждъ—видалъ онъ прежде много?

Жена.
Ни одного до нынѣшняго дня.

Глостеръ.
Скажи, мошенникъ, какъ зовутъ меня?

Симпкоксъ.
Не знаю, господинъ.

Глостеръ.
А вотъ его?

Симпкоксъ.
Не знаю также.

Глостеръ.
И его?

Симпкоксъ.
Не знаю.

Глостеръ.
А какъ тебя зовутъ?

Симпкоксъ.
Я Саундеръ Симпкоксъ.

Глостеръ. Ну, Саундеръ Симпкоксъ, въ лицѣ твоемъ здѣсь сидитъ самый лживый плутъ во всей землѣ христіанской. Если бы ты родился слѣпымъ, ты могъ бы такъ же хорошо знать наши имена, какъ и назвать различные цвѣта нашихъ одеждъ. Возможно различить цвѣта посредствомъ зрѣнія, но сразу назвать ихъ всѣ—невозможно. Милорды! Святой Альбанъ совершилъ чудо, но не будетъ ли великимъ искусникомъ тотъ, кто поставитъ на ноги этого калѣку?

Симпкоксъ. О, еслибъ вы могли сдѣлать это, господинъ!

Глостеръ. Граждане Сентъ-Альбана, нѣтъ ли у васъ въ городѣ стражниковъ и тѣхъ штукъ, которыя называются плетьми?

Мэръ. Есть, милордъ, къ вашимъ услугамъ.

Глостеръ. Тогда пошлите сейчасъ же за однимъ изъ нихъ!

Мэръ. Эй, малый, живо приведи сюда стражника.

(Служитель уходитъ).

Глостеръ. Теперь принесите мнѣ скамью. (*Подаютъ скамью*). Ну, мошенникъ, если желаешь избѣжать плетей, прыгай черезъ эту скамью и бѣги.

Симпкоксъ. Увы, господинъ, я не могу стоять на ногахъ безъ помощи, вы понапрасну станете мучить меня.

(Возвращается служитель съ палачемъ).

Глостеръ. Ну, сэръ, мы должны возвратить вамъ ноги. Стражникъ, стегай его, покуда онъ не перескочитъ черезъ скамью.

Палачъ. Слушаю, милордъ. Эй ты, бездѣльникъ, долой камзолъ, живо!

Симпкоксъ. Увы, господинъ, что мнѣ дѣлать? Я не могу стоять.

(Послѣ перваго удара Симпкоксъ перепрыгиваетъ черезъ скамью и убѣгаютъ, а народъ слѣдуетъ за нимъ крича:—Чудо!).

Король.
Ты видишь все и терпишь это, Боже!

АББАТСТВО СЕНТЪ АЛЬБАНЪ (St. Albans).
Рисунокъ Сарджента (Sargent).

Королева.
А мнѣ смѣшно, какъ этотъ плутъ бѣжалъ.

Глостеръ.
Слѣдить за нимъ, забрать и эту шлюху.

Жена.
По бѣдности мы поступали такъ.

Глостеръ. Пусть ихъ стегаютъ плетью на каждой базарной площади, пока они не вернутся въ Бервикъ, откуда пришли.
(Уходятъ палачъ, жена и др.).

Кардиналъ.
Сегодня герцогъ чудо совершилъ.

Суффолькъ.
О, да! Бѣжать заставилъ онъ хромого.

Глостеръ.
Вы бо́льшія свершали иногда:
У васъ бѣжали даже города.

Входитъ Букингамъ.

Король.
Какую вѣсть приносишь, Букингамъ?

Букингамъ.
Такую вѣсть, что страшно и сказать.
Какая-то людей порочныхъ шайка
Въ сообществѣ милэди Элиноръ,
Протектора супруги, ихъ главы,
Вокругъ себя собравшей этотъ сбродъ—
На васъ злоумышляла, государь,
При помощи кудесниковъ и вѣдьмъ,
Захваченныхъ на мѣстѣ преступленья,
Когда они злыхъ духовъ вызывали,
О смерти вашей вопрошая ихъ
И о судьбѣ другихъ особъ, вамъ близкихъ,
Какъ это вы узнаете потомъ.

Кардиналъ.
Теперь, милордъ протекторъ, вѣроятно,
Пожалуетъ супруга ваша въ Лондонъ.
(Тихо).
Такая вѣсть иное направленье
Дастъ твоему оружью, ты едва-ль
Придешь туда.

Глостеръ.
Прелатъ честолюбивый,
Мнѣ уязвлять ты сердце перестань.

Тоска и скорбь мою сломили силу,
И, побѣжденъ, тебѣ я уступаю,
Какъ уступилъ бы худшему рабу.

Король.

О, сколько бѣдъ—отъ злыхъ людей навлекшихъ
На собственную голову позоръ.

Королева.

Въ гнѣздѣ твоемъ пятно явилось, Глостеръ,
Смотри, чтобъ ты остался безъ пятна.

Глостеръ.

Свидѣтельствую небомъ, королева,
Какъ я люблю страну и государя.
Что до жены—не вѣдаю, въ чемъ дѣло,
Но съ грустью слышу то, что слышалъ я.
Чиста она, но если добродѣтель
И честь забывъ, она со сбродомъ зналась,
Марающимъ дворянство, словно сажа—
Отъ ложа и общенья моего
Ее изгнавъ, я предаю на жертву
Законовъ и стыда, который имя,
Честь Глостера впервые запятналъ.

Король.

Ночь эту здѣсь мы отдохнемъ, а завтра
Вернемся въ Лондонъ, гдѣ разсмотримъ дѣло
Въ подробности. Преступниковъ презрѣнныхъ
Потребовавъ къ отвѣту, взвѣсимъ все
На тѣхъ вѣсахъ священныхъ правосудья,
Чей перевѣсъ—на правой сторонѣ.
(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Лондонъ. Садъ герцога Іорка.

Іоркъ, Сольсбери, Уорикъ.

Іоркъ.

Теперь, милорды, Сольсбери и Уорикъ,
Нашъ скромный ужинъ кончился, и здѣсь
Въ укромномъ мѣстѣ вамъ на разсмотрѣнье
Дозвольте мнѣ мои права представить—
Безспорныя на англійскій престолъ.

Сольсбери.

Я жажду все, милордъ, подробно слышать.

Уорикъ.

Да, милый Іоркъ, когда въ своемъ ты правѣ,
То вѣрныхъ слугъ въ Невиляхъ ты найдешь.

Іоркъ.

Такъ слушайте. Семь сыновей, милорды,
Отъ Эдуарда Третьяго родились.
Принцъ Черный, принцъ Уэльскій, первымъ былъ,
Вторымъ же—Вильямъ Гэтфильдъ; третьимъ сыномъ
Былъ Ліонель, Кларенскій герцогъ, дальше
Четвертымъ въ родѣ — Гаунтъ, Джонъ Ланкастеръ,
А пятымъ—Эдмундъ Лэнгли, герцогъ Іоркъ,
Шестымъ былъ Томасъ Вудстокъ, герцогъ Глостеръ,
Послѣднимъ и седьмымъ — Виндзорскій Вильямъ.
Но при отцѣ скончался Черный Принцъ,
И Ричарда наслѣдникомъ оставилъ,
Который послѣ смерти Эдуарда
Былъ королемъ, покуда старшій сынъ
Ланкастера, тотъ Генрихъ Болингброкъ,
Что Генрихомъ Четвертымъ именуемъ,
Не захватилъ правленья и не свергнулъ
Законнаго монарха, отославъ
Жену его во Францію обратно,
Его же—въ Помфретъ, гдѣ, какъ всѣмъ извѣстно,
Предателемъ былъ Ричардъ умерщвленъ.

Уорикъ.

Лишь истину, отецъ, сказалъ намъ герцогъ.
Такъ былъ вѣнецъ Ланкастеромъ добыть.

Іоркъ.

И силою, не правомъ онъ удержанъ.
Когда скончался Ричардъ—старшій въ родѣ,
Онъ перейти былъ долженъ въ родъ второго.

Сольсбери.

У Гэтфильда потомства не осталось.

Іоркъ.

Но третій сынъ, Кларенскій герцогъ, въ силу
Чьихъ правъ себѣ я требую вѣнца,
Оставилъ дочь—Филиппу; ей супругомъ
Былъ Мортимеръ, графъ Марчъ, имѣвшій сына,
Что Роджеромъ былъ названъ, у того
Былъ Эдмундъ сынъ и Анна съ Леонорой.

Сольсбери.

Про Эдмунда я этого читалъ:
При Болингброкѣ право предъявилъ
Онъ на престолъ, и былъ бы государемъ,
Когда-бъ его Глендауръ въ заточеньи
Не продержалъ до смерти. Но—кончай.

Іоркъ.

Сестра Эдмунда, Анна, мать моя,

КОРОЛЕВСКАЯ ОХОТА.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Наслѣдница престола, вышла замужъ
За Ричарда Кембриджа, чьимъ отцомъ
Былъ Эдмундъ Іоркъ, сынъ пятый Эдуарда.
По ней себѣ я требую престолъ.
Ей былъ отцомъ графъ Марчъ, сынъ Мортимера,
Вступившаго съ Филиппою въ союзъ,
Единственною дочерью Кларенса.
Итакъ, когда наслѣдуетъ не младшихъ,
Но старшаго потомство, я—король.

Уорикъ.

Что можетъ быть яснѣй и проще? Генрихъ
Наслѣдуетъ по Гаунту, который—
Четвертый сынъ, а Іоркъ—поЛіонелю,
Что третьимъ былъ. Потомство Ліонеля
Должно царить, покуда не изсякнетъ:
Оно цвѣтетъ въ тебѣ, въ твоихъ сынахъ—
Могучаго ствола вѣтвяхъ прекрасныхъ.
Отецъ мой, Сольсбери, склони колѣни;
Пусть первые въ уединенномъ мѣстѣ
Здѣсь королю законному ту почесть
Мы воздадимъ, что слѣдуетъ ему.

Оба.

Да здравствуетъ король британскій, Ричардъ.

Іоркъ.

Благодаримъ васъ, лорды, но еще
Я не король, покуда не вѣнчался
И своего меча не обагрилъ
Въ Ланкастерской крови. Того достигнуть
Возможно лишь обдуманно и втайнѣ.
А въ эти дни примѣръ съ меня берите,
Закрывъ глаза, на дерзости Суффолька,
Бьюфорта спѣсь, тщеславье Сомерсета
И Букингама, дерзость всей ихъ шайки,
Покуда пастырь стада не затравленъ—
Достойный принцъ, добрѣйшій герцогъ Гомфри.
Они хотятъ сгубить его, и сами
Погибнутъ съ нимъ—предсказываетъ Іоркъ.

Сольсбери.

Мы поняли, милордъ, оставимъ это.

Уорикъ.

Я чую сердцемъ: въ будущемъ графъ Уорикъ
Доставитъ Іорку герцогу престолъ.

Іоркъ.

А я, Невиль, вполнѣ увѣренъ въ томъ,
Что въ Англіи при Ричардѣ графъ Уорикъ
Первѣйшимъ будетъ послѣ короля.

(Уходятъ).

———

ХРОМОЙ СИМПКОКСЪ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

СЦЕНА III.

Лондонъ. Зала суда.

Трубы. *Входятъ* король Генрихъ, королева Маргарита, Глостеръ, Іоркъ, Суффолькъ, Сольсбери. *Подъ стражею:* герцогиня Глостеръ, Марджери Джорданъ, Соутвель, Юмъ и Болингброкъ.

Король.

Приблизьтесь вы, Элеонора Кобгэмъ,
Супруга лорда Глостера. Предъ Богомъ
И королемъ тяжка твоя вина.
Вотъ приговоръ за грѣхъ, который смертью
Писаніе карать повелѣваетъ.

(Марджери и другимъ).

Васъ четверыхъ въ тюрьму сведутъ; оттуда—
На мѣсто казни. Въ Смитфильдѣ сожгутъ
Колдунью въ пепелъ; васъ троихъ повѣсятъ.
Вы, будучи рожденьемъ благородны,
Теряете не жизнь, а честь, милэди,
И послѣ покаянья предъ народомъ
Трехдневнаго, отправитесь въ изгнанье
На островъ Мэнъ, подъ стражей Джона Стэнли.

Герцогиня.

Изгнанію привѣтъ—привѣтъ и смерти.

Глостеръ.

Тебя законъ судилъ, и не могу я
Тѣхъ оправдать, кто осужденъ закономъ.
(Герцогиня и прочіе уходятъ подъ стражею).
Полны слезами очи, сердце—скорбью.
Безславіе въ такіе годы, Гомфри,
Чело твое къ землѣ отъ горя склонитъ.
Молю меня уволить, государь.
Для горести моей—уединенье,
Для лѣтъ моихъ—спокойствіе мнѣ нужно.

Король.

Стой, Гомфри герцогъ Глостеръ! Предъ уходомъ
Отдай мнѣ жезлъ: протекторомъ своимъ
Я буду самъ, Господь—моей надеждой,
Моимъ вождемъ и свѣточемъ въ пути,
Иди же съ миромъ, Гомфри, мой любимый
Не меньше, чѣмъ когда ты былъ протекторъ.

Королева.

Причины нѣтъ, чтобъ взрослый государь
Нуждался въ покровительствѣ, какъ мальчикъ.
Богъ и король страною будутъ править.
Отдайте жезлъ и королю—державу.

Глостеръ.

Мой жезлъ? О, Генрихъ благородный. Вотъ онъ!

ПЛЕТЬ ИЗЛѢЧИВАЕТЪ ХРОМОТУ СИМПКОКСА.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Тебѣ охотно отдаю его,
Какъ мнѣ отцомъ твоимъ онъ данъ охотно.
У ногъ твоихъ я радъ его сложить,
Какъ съ радостью другимъ онъ былъ бы взятъ.
Прощай, король! когда прощусь я съ міромъ,
Цари въ странѣ со славою и миромъ.
(*Уходитъ*).

Королева.
Отнынѣ сталъ нашъ Генрихъ королемъ,
И королевой—Маргарита. Глостеръ—
Лишь тѣнь себя, сраженъ такимъ ударомъ...
О, нѣтъ, двумя. Въ изгнаніи—жена,
Отсѣчена часть тѣла—жезлъ почетный.
Онъ тамъ, гдѣ долженъ быть—у короля!

Суффолькъ.
Какъ мощная сосна склоняетъ вѣтви—
Въ зародышѣ спѣсь Леоноры гибнетъ.

Іоркъ.
О нихъ довольно, лорды! Государь,
Назначенъ этотъ день для поединка;
Съ отвѣтчикомъ истецъ готовы къ битвѣ:
И оружейникъ самъ и подмастерье.
Угодно-ль вамъ взглянуть на поединокъ?

Королева.
О, да, милордъ, оставила дворецъ я,
Чтобъ увидать рѣшенье спора ихъ.

Король.
Во имя Бога, все ли тамъ въ порядкѣ?
Рѣшится споръ; за праваго—Господь.

Іоркъ.
Милорды, я не видывалъ бойца
Трусливѣе, чѣмъ этотъ подмастерье,
И менѣе готоваго для битвы.

Входятъ съ одной стороны Хорнеръ *и его* сосѣди, *которые столько пьютъ за его здоровье, что онъ уже пьянъ; онъ входитъ съ дубинкой, на которой повѣшенъ мѣшокъ съ пескомъ, передъ нимъ идетъ барабанщикъ. Съ другой стороны* Питеръ *тоже съ барабанщикомъ и подобною же дубиной, съ нимъ—* подмастерья, *пьющіе за его здоровье.*

1-ый сосѣдъ. Вотъ, сосѣдъ Хорнеръ, пью за ваше здоровье чарку хереса. Не бойтесь, сосѣдъ, вы отлично справитесь.

2-ой сосѣдъ. А я, сосѣдъ, пью чарку лиссабонскаго.

3-ій сосѣдъ. А вотъ чарка добраго крѣпкаго пива. Пейте, сосѣдъ, и не бойтесь противника.

Хорнеръ. Пусть начинаютъ, не посрамлюсь передъ вами, клянусь честью, а Питеру—фига.

1-ый подмастерье. Вотъ, Питеръ, пью за твое здоровье, не трусь.

2-ой подмастерье. Веселѣй, Питеръ

не бойся хозяина. Дерись во славу подмастерьевъ.

Питеръ. Спасибо вамъ всѣмъ. Пейте и пожалуйста молитесь за меня; сдается мнѣ, что я уже сдѣлалъ свой послѣдній глотокъ на землѣ. Вотъ, Робинъ, если я умру, тебѣ оставлю мой фартукъ, тебѣ, Вилль — молотокъ мой, а тебѣ оставлю, Томъ, всѣ мои деньги. Помоги мнѣ, Господи! Обращаюсь къ Богу, такъ какъ ни за что не справиться мнѣ съ хозяиномъ, онъ уже много обучался фехтованью.

Сольсбери. Будетъ вамъ пить, пора биться. Какъ твое имя, молодецъ?

Питеръ. Питеръ.

Сольсбери. Питеръ, а дальше какъ?

Питеръ. Валяй.

Сольсбери. Валяй? Ну, смотри, валяй хорошенько своего хозяина.

Хорнеръ. Господа, я пришелъ сюда, такъ сказать, по наговору моего подмастерья, чтобы доказать, что онъ—мошенникъ, а я—честный человѣкъ. Что же касается герцога Іорка, пусть мнѣ умереть, если я желалъ зла ему или королевѣ. А потому, Питеръ, готовься получить заправскій ударъ.

Іоркъ. Начинайте, у этого плута языкъ начинаетъ заплетаться. Трубачи, играйте наступленіе.

(*Тревога. Бой. Питеръ поражаетъ хозяина наповалъ*).

Хорнеръ. Стой, Питеръ, стой! Я сознаюсь, сознаюсь въ измѣнѣ. (*Умираетъ*).

Іоркъ. Возьмите у него орудіе драки, Благодари Бога, молодецъ, и доброе вино, помѣшавшее твоему хозяину.

Питеръ. Господи, неужели я одолѣлъ врага передъ такимъ собраніемъ? Ну, Питеръ, ты побѣдилъ по праву!

Король.

Измѣнника прочь уберите съ глазъ!
Вину его доказываетъ смерть,
И нашъ Господь являетъ правосудный
Вотъ этого бѣдняги неповинность,
Котораго убить онъ былъ намѣренъ.
Иди же, другъ, получишь ты награду.

(*Трубы. Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Улица въ Лондонѣ.

Входятъ Глостеръ *и* слуги *въ траурныхъ плащахъ.*

Глостеръ.

Такъ тучами день свѣтлый омраченъ
И такъ всегда во слѣдъ приходитъ лѣту
Суровая зима съ морозомъ жгучимъ;
Смѣняются какъ года времена
И радость, и печаль. Который часъ?

Слуга.

Милордъ, пробило десять.

Глостеръ.

Это часъ,
Который мнѣ назначенъ для свиданья
Съ наказанной моею герцогиней.
Какъ тяжело по уличнымъ каменьямъ
Ступать ея изнуреннымъ ногамъ!
Нелль милая! Душою горделивой
Страдаешь ты при видѣ подлой черни,
Глазѣющей смѣясь на твой позоръ
И за тобою бѣгавшей, когда
По улицамъ ты гордо проѣзжала.
Но чу! Она идетъ. Готовъ мой взоръ
Сквозь дымку слезъ узрѣть ея позоръ.

Входятъ герцогиня *въ бѣломъ саванѣ съ бумагою на спинѣ, босая, держа въ рукѣ зажженную свѣчу,* сэръ Джонъ Стэнли *и* шерифъ.

Слуга.

Дозвольте, ваша свѣтлость, мы ее
Отнимемъ у шерифа.

Глостеръ.

Стой, ни съ мѣста,
Коль скоро жизнь мила вамъ! Пусть проходитъ.

Герцогиня.

Вы здѣсь, милордъ, чтобъ стыдъ мой лицезрѣть?
И ты его несешь. Гляди, какъ смотрятъ,
Какъ пальцами указываютъ всѣ,
И какъ въ толпѣ качаютъ головами.
Бѣги отъ ненавистныхъ взоровъ, Глостеръ,
Оплакивай мой стыдъ въ уединеньѣ
И общихъ намъ ты проклинай враговъ.

Глостеръ.

Нелль добрая, забудь твою обиду.

Герцогиня.

Такъ научи меня забыть себя.

Какъ вспомню я, что я—твоя жена,
Что самъ ты—принцъ, протекторъ госу-
дарства,
Мнѣ кажется, что такъ не подобаетъ,
Съ наклееннымъ на спину ярлыкомъ,
Вести меня покрытую стыдомъ—
Передъ толпой, смѣющейся слезамъ,
Внимающей моимъ тяжелымъ стонамъ.
Для нѣжныхъ ногъ ступать по камнямъ
больно,
А вздрогну я—завистливая чернь
Совѣтуетъ ступать мнѣ осторожнѣй.
Ахъ, Гомфри мой, снесу-ли гнетъ позора?
Смогу-ли я взглянуть на міръ? Сочту-ли
Счастливыми я тѣхъ, кто видитъ солнце?
Мнѣ сумракъ будетъ свѣтомъ, ночи—днями
И память прежняго величья—адомъ.
Порой скажу: я Глостера жена,
А самъ онъ герцогъ и правитель края,
Но правилъ такъ и принцемъ былъ такимъ,
Что въ сторонѣ стоялъ, покуда мнѣ—
Злосчастной герцогинѣ—приходилось
Посмѣшищемъ для тунеядцевъ быть.
Но кротокъ будь, за стыдъ мой не краснѣй,
Не двигайся, покуда не взмахнетъ
Надъ головой твоей сѣкира смерти!
Недолго ждать. Всесильный Суффолькъ съ
тою,
Которая всѣхъ ненавидитъ насъ,
А также Іоркъ съ Бьюфортомъ нечестивымъ—
Разставили тебѣ повсюду сѣти.
Какъ ни взлети—опутанъ будешь ты.
Но не страшись, пока въ силкахъ не будешь,
И не пытайся упредить враговъ.

Глостеръ.

Ахъ полно, Нелль, ошибочно ты мѣтишь!
Чтобъ жертвою я сталъ—нужна вина,
И въ двадцать разъ враговъ имѣй я больше,
И въ двадцать разъ будь каждый врагъ
сильнѣй—
Они вреда мнѣ причинить не могутъ,
Пока я чистъ и вѣренъ, и невиненъ.
Хотѣла ты, чтобъ спасъ тебя отъ срама,
Но этимъ я не могъ бы смыть его
И лишь законъ нарушилъ бы. Тебѣ
Спокойствіе одно поможетъ, Нелль,
Прошу тебя, склони къ терпѣнью сердце.
Ужаснымъ днямъ конецъ настанетъ скоро.

Входитъ герольдъ.

Герольдъ. Призываю вашу свѣтлость въ парламентъ его величества, созванный въ Бюри на первое число будущаго мѣсяца.

Глостеръ.

А моего согласія не спросили.
И втайнѣ все рѣшили.

УОРИКЪ И СОЛЬСБЕРИ ПРИЗНАЮТЪ ГЕРЦОГА ІОРКСКАГО КОРОЛЕМЪ.

Картина Гамильтона (Wil Hamilton, R. A.). (Малая Бойделевская Галлерея).

(Герольду).
Я прибуду.
Съ тобою, Нелль, прощаюсь я. Шерифъ,
Пусть воли короля не превышаетъ
Назначенная кара.

Шерифъ.

Ваша свѣтлость,
Здѣсь кончилась обязанность моя,
Назначено отсюда Джону Стэнли
Препроводить ее на островъ Мэнъ.

Глостеръ.

Такъ вамъ, сэръ Джонъ, надзоръ за ней
довѣренъ?

Сэръ Джонъ Стэнли.

Да, ваша свѣтлость, мнѣ онъ порученъ.

Глостеръ.

Изъ-за того не будьте съ нею строже,
Что я прошу быть мягче. Посмѣется
Быть можетъ свѣтъ, и вамъ я за добро,
Оказанное ей, добромъ отвѣчу.
Итакъ, сэръ Джонъ, прощайте.

Герцогиня.

Какъ, милордъ,
Идете вы, со мною не прощаясь?

Глостеръ.

Ты видишь: плачу. Говорить не въ силахъ.

Уходятъ Глостеръ *и слуги.*

Герцогиня.

И ты ушелъ? Съ тобой—все утѣшенье!
Нѣтъ ничего. Моя отрада—смерть,
Смерть, имени которой я пугалась.
Хотѣла я, чтобъ жизнь продлилась вѣчно.
Веди, прошу, меня отсюда, Стэнли,
Куда нибудь; не милости прошу я,
Куда тебѣ приказано — веди.

Стэнли.

На островъ Мэнъ, чтобъ тамъ, милэди, жить,
Какъ подобаетъ въ положеньи вашемъ.

Герцогиня.

Въ позорномъ положеньи я теперь.
Позорное ли встрѣчу обхожденье?

Стэнли.

Какъ съ Глостера женой и герцогиней,
Милэди, съ вами обойдутся тамъ.

Герцогиня.

Прощай, шерифъ, счастливѣй будь, чѣмъ я,
Хотя меня водилъ на поруганье.

Шерифъ.

Простите, лэди, долгъ я исполнялъ.

Герцогиня.

Такъ, такъ. Прощай, твой долгъ исполненъ.
Стэнли,
Идемъ скорѣй.

Стэнли.

Милэди, наказанье
Окончилось, одежду эту сбросьте,
Вамъ слѣдуетъ въ дорогу снарядиться.

Герцогиня.

Съ одеждою не сброшу я стыда,
Пристанетъ онъ къ нарядамъ богатѣйшимъ
И выступитъ—какъ ни одѣнься я.
Впередъ! Тюрьму свою я жажду видѣть.
(Уходятъ).

ПИТЕРЪ.

Англійская гравюра XVIII вѣка.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Аббатство Бюри. Сэнтъ-Эдмундъ.

Трубы. Входятъ въ залу парламента король, королева, кардиналъ Бьюфортъ, Суффолькъ, Іоркъ, Букингамъ *и другіе.*

Король.

Дивлюсь тому, что Глостеръ не явился.
Онъ не привыкъ послѣднимъ приходить,
Случайностью навѣрно онъ задержанъ.

Королева.

Не видите, замѣтить не хотите
Вы, государь, въ немъ странной перемѣны.
Съ величіемъ, какимъ себя онъ держитъ,
Какъ дерзокъ сталъ за это время онъ,
Какъ рѣзокъ, гордъ, совсѣмъ не узнаваемъ!
Онъ, помню, былъ и кротокъ, и привѣтливъ;
Лишь издали мы кинемъ взоръ ему—
И онъ сейчасъ колѣна преклоняетъ;
Покорности его дивился дворъ.
Межъ тѣмъ теперь и съ наступленьемъ дня
Онъ добраго утра не пожелаетъ.

ПОКАЯНЬЕ ГЕРЦОГИНИ ГЛОСТЕРЪ.

Рисунокъ извѣстнаго современнаго англ. художника Чарльза Грина (Ch. Green).

Нахмуривъ бровь, пройдетъ съ угрюмымъ взоромъ,
Своихъ колѣнъ упрямыхъ не сгибая,
И долгъ презрѣвъ, что подобаетъ намъ.
Намъ нужды нѣтъ, когда ворчатъ щенята,
Но львиный ревъ пугаетъ и великихъ,
А Гомфри здѣсь—не малый человѣкъ.
Начать съ того: ближайшій онъ по крови,
Падете вы—возвысится онъ первый.
И я, въ виду того, что такъ враждебно
Настроенъ онъ и ваша смерть на пользу
Была-бъ ему—считаю неразумнымъ
Его терпѣть вблизи особы вашей
И допускать въ монаршій вашъ совѣтъ.
Народныя сердца плѣнилъ онъ лестью,
И еслибъ онъ поднять мятежъ задумалъ,
За нимъ, боюсь, послѣдуетъ народъ.
Теперь весна; бурьяна корни—малы,
Оставьте ихъ—онъ садъ переростетъ
И заглушитъ растенья безъ расчистки.
О королѣ пекусь благоговѣйно,
И потому такимъ опаснымъ герцогъ

Мнѣ кажется. Зовите страхъ мой женскимъ,
Докажите, что страхъ такой напрасенъ—
Покаюсь я, признавъ, что неправа.
Милорды Суффолькъ, Іоркъ и Букингамъ,
Иль доводы отвергните мои,
Иль ихъ примите вы въ соображенье.

Суффолькъ.

Да, королевою онъ понятъ вѣрно,
И еслибъ я высказывался первый—
Съ ея величествомъ я согласился-бы.
Клянуся въ томъ, что самъ онъ герцогиню
На адскія продѣлки подстрекнулъ,
А если въ нихъ и не замѣшанъ онъ,
То всетаки хвалясь высокимъ родомъ
И на престолъ правами—похвальбой
Внушилъ онъ мысль безумной герцогинѣ
Преступно государя извести.
Теченіе въ водахъ глубокихъ—тихо,
И съ виду тихъ, измѣну онъ таитъ.
Ягненка скрасть—идетъ лиса безмолвно.
Нѣтъ, государь, мы Глостера не знаемъ,
Глубокаго притворства онъ исполненъ.

Кардиналъ.

Онъ смертью злой, закону вопреки,
Ничтожные проступки не каралъ ли?

Іоркъ.

Во времена протекторства громадныхъ
Онъ не сбиралъ ли суммъ для платы войску
Во Франціи? но ихъ не отсылалъ,
Чѣмъ вызывалъ возстанья въ городахъ.

Букингамъ.

Ничтожные грѣхи въ сравненьи съ тѣми,
Которые таятся въ льстивомъ Гомфри,
И время лишь ихъ вызоветъ на свѣтъ.

Король.

Забота ваша устранить шипы
Отъ нашихъ ногъ—весьма похвальна, лорды.
Но молвить ли по совѣсти? Лордъ Глостеръ
Предъ королемъ въ измѣнѣ такъ же чистъ,
Какъ кроткій голубь иль ягненокъ малый.
Онъ слишкомъ добръ и мягокъ, чтобъ желать
Дурного намъ и гибель намъ готовить.

Королева.

Такъ довѣрять—опаснѣе всего.
Онъ голубь? Да,—своимъ наружнымъ видомъ,
Но внутренно онъ—воронъ ненавистный.
Ягненокъ онъ? Его надѣлъ онъ шкуру,
Но склонностью онъ—кровожадный волкъ.
Обманщику легко носить личину.
Остерегайтесь! Наша безопасность
Его коварство намъ велитъ пресѣчь.

Входитъ Сомерсетъ.

Сомерсетъ.

Да здравствуетъ мой славный повелитель!

Король.

Привѣтъ, лордъ Сомерсетъ. Какія вѣсти
Изъ Франціи?

Сомерсетъ.

Погибло наше дѣло,
Все отнято у насъ.

Король.

Плохая вѣсть,
Но, Сомерсетъ, да будетъ воля Божья!

Іоркъ (*про себя*).

И для меня—плохая вѣсть. Я такъ же,
На Францію надежды возлагалъ,
Какъ на мою цвѣтущую отчизну.
Листву мою улитки поѣдаютъ.
Но я бѣду поправлю, или вскорѣ
Мой санъ продамъ за славную могилу.

Входитъ Глостеръ.

Глостеръ.

Привѣтствую монарха моего.
Мнѣ, государь, простите запозданье.

Суффолькъ.

Нѣтъ, Глостеръ, ты явился слишкомъ рано,
Когда не сталъ ты преданнѣй, чѣмъ былъ.
Подъ стражу взятъ ты мною за измѣну.

Глостеръ.

Чтожъ, Суффолькъ, я не измѣнюсь въ лицѣ,
Не вспыхну я—и будучи задержанъ.
Кто безъ пятна—тотъ не легко страшится.
Прозрачный ключъ не такъ отъ грязи чистъ,
Какъ чистъ я отъ измѣны государю.
Но кто винитъ и въ чемъ вина моя?

Іоркъ.

Слухъ есть, что васъ французы подкупили.
Вы, будучи протекторомъ, войскамъ
Задерживали плату—потому
И Франціи лишился государь.

Глостеръ.

Слухъ есть о томъ? Но кто ему повѣритъ?
Не отбиралъ я платы у солдатъ
И съ Франціи не получилъ полушки.
И такъ же мнѣ пускай Господь поможетъ,
Какъ проводилъ я ночи напролетъ,
О благѣ Англіи родной радѣя.
Да будетъ каждый грошъ,—у короля
Исторгнутый, присвоенный себѣ—

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ VI ВЪ СОБРАНІИ ПАРЛАМЕНТА.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Предъявленъ мнѣ въ день страшнаго суда.
Нѣтъ, золото изъ собственной казны,
Дабы народъ избавить отъ налоговъ,
Истратилъ я въ уплату гарнизонамъ,
Не требуя возврата никогда.

Кардиналъ.

Удобно вамъ такъ много говорить.

Глостеръ.

Свидѣтель Богъ, я говорю по правдѣ.

Іоркъ.

Какъ говорятъ, вы обвиненныхъ пыткамъ
Неслыханнымъ и страшнымъ подвергали,
И Англію винили всѣ въ тиранствѣ.

Глостеръ.

Когда я былъ протекторомъ—всѣ знаютъ:
Имѣлъ одинъ я недостатокъ—жалость.
Меня смягчалъ слезами обвиненный,
И покаяньемъ искупалъ онъ грѣхъ.
И если только не былъ онъ виновенъ
Въ убійствѣ кровожадномъ иль въ жестокомъ
Грабительствѣ—смягчалъ я наказанье,
Убійство, грѣхъ кровавый—я каралъ
Суровѣй, чѣмъ разбой и все другое.

Суффолькъ.

Милордъ, легки вина и оправданье.
Но васъ винятъ и въ бо́льшихъ преступленьяхъ.
Не такъ легко очиститься отъ нихъ.
Я, именемъ величества его,
Подъ стражу васъ беру и до разбора
Вручаю васъ охранѣ кардинала.

Король.

Лордъ Глостеръ, я особенно надѣюсь,
Что сможете вы подозрѣнье смыть.
Невинны вы—такъ говоритъ мнѣ совѣсть.

Глостеръ.

О, государь, опасны эти дни.
Все доброе—здѣсь честолюбье душитъ,
А злобою гонимо милосердье,
Преобладаетъ всюду гнусный подкупъ
И справедливость изгнана изъ края.
Ихъ умыселъ на жизнь мою—мнѣ вѣдомъ

И еслибъ смертью счастіе принесъ
Я родинѣ и положилъ конецъ
Тиранству ихъ—я умеръ бы охотно.
Но смерть моя—въ игрѣ ихъ—лишь прологъ;
Со смертью тысячъ—нынѣ чуждыхъ горю,
Не будетъ ихъ трагедіи конецъ.
Бьюфорта взоръ, сверкающій и кровью
Налитый весь—духъ злобы выдаетъ,
А Суффолька чело—всю бурю гнѣва.
Злой Букингамъ рѣчами облегчаетъ
Гнетъ зависти, ему давящей сердце,
Угрюмый Іоркъ, луну достать хотѣвшій,
Чью дерзостную руку я отвелъ—
Онъ клеветою цѣлитъ въ жизнь мою.
Вы также, королева, безпричинно
Немилости меня подвергли вашей,
Старанья всѣ употребили вы,
Чтобъ государь мнѣ сдѣлался врагомъ.
Да, межъ собой вы сговорились всѣ
(Извѣстны мнѣ собранья ваши были),
Чтобъ жизнь мою безвинную отнять.
Свидѣтелей не надо будетъ ложныхъ
И происковъ различныхъ для того,
Чтобъ обвинить меня, вину умноживъ,
Пословица старинная гласитъ:
—Собаку бить—всегда найдется палка!—

Кардиналъ.

Ругательства его невыносимы.
И если тѣхъ, кто короля особу
Предохранить стремится отъ ножа
И ярости измѣнниковъ—такъ будутъ
Здѣсь поносить, ругать и издѣваться,
Обидчикъ же—свободно говорить,
То къ королю ихъ рвенье охладится.

Суффолькъ.

Не оскорбилъ ли онъ и королеву,
Хотя въ рѣчахъ, составленныхъ искусно:
Что будтобъ, ей въ угоду, ложной клятвой
Онъ обнесенъ и сана тѣмъ лишенъ?

Королева.

Кто проигралъ—тотъ вправѣ и браниться.

Глостеръ.

Вѣрнѣе вы, чѣмъ думали, сказали
Я проигралъ: проклятіе надъ тѣми,
Кто выигралъ посредствомъ плутовства!
И вправѣ я дѣйствительно браниться.

Букингамъ.

Весь день онъ будетъ, искажая смыслъ,
Держать насъ. Онъ—вашъ плѣнникъ, кардиналъ.

Кардиналъ.

Взять герцога и сторожить его!

Глостеръ.

Такъ, ранѣе чѣмъ на ноги онъ сталъ—
Отбрасываетъ Генрихъ посохъ свой.
Такъ отъ тебя твой пастырь отстраненъ,
И жертвою волковъ ты станешь первый.
О, еслибы мой страхъ напрасенъ былъ!
Погибнешь ты, боюсь я, добрый Генрихъ!
(Глостеръ подъ стражею уходитъ).

Король.

Все дѣлайте, что вы сочтете лучшимъ,
Какъ еслибы мы сами были здѣсь.

Король.

Покинуть вы желаете парламентъ?

Королева.

Да, Маргарита, сердце затопила
Мое тоска и хлынула къ глазамъ,
Меня всего охватываетъ ужасъ:
Что можетъ быть страшнѣе недовольства?
Ахъ, дядя Гомфри, на лицѣ твоемъ
Начертаны правдивость, доблесть, честь.
Межъ тѣмъ, о добрый Гомфри, не насталъ ли
Часъ для меня—твою провѣрить вѣрность?
Какой звѣздѣ завистливой обязанъ
Ты тѣмъ, что лорды съ нашей королевой—
Погибели безвинной жизни ищутъ?
Не дѣлалъ зла ты имъ и никому.
И какъ мясникъ несчастнаго теленка
Ведетъ, связавъ и бьетъ его, когда
Упрется тотъ въ пути своемъ на бойню—
Такъ уведенъ безжалостно и онъ.
Я, словно мать, что мечется тоскливо,
Вслѣдъ дѣтищу безвинному смотря,
И тосковать лишь можетъ объ утратѣ—
Оплакиваю Глостера судьбу
Безсильными слезами, взоромъ скорбнымъ
Гляжу во слѣдъ, помочь ему не властенъ:
Заклятые враги его такъ сильны.
Скажу въ слезахъ со вздохами: кто-бъ ни былъ
Предателемъ, но Глостеръ не былъ имъ.
(Уходитъ).

Королева.

Милорды! Снѣгъ подъ жгучимъ солнцемъ таетъ,
И холоденъ къ дѣламъ властитель мой,
Но жалостливъ безмѣрно. Околдованъ
Онъ Глостера притворствомъ. Крокодиломъ
Рыдающимъ такъ путникъ завлеченъ,
Такъ, межъ цвѣтовъ на берегу свернувшись,
Блестящій, пестрый змѣй ребенка жалитъ,
Прельщеннаго красивой чешуей.
И еслибъ даже не было другихъ
Умнѣй меня (а въ этомъ я умна)—

Отъ Глостера освободился-бъ міръ.
И отъ боязни передъ нимъ—мы сами.

Кардиналъ.

Чтобъ умеръ онъ—того достигнуть дóлжно.
Но все жъ предлогъ для смерти этой нуженъ.
Онъ долженъ быть законовъ осужденъ.

Суффолькъ.

Плохое средство, чтобъ достигнуть цѣли.
Спасти его король пытаться будетъ,
Народъ возстанетъ, чтобъ его спасти.
Уликами пустыми, подозрѣньемъ—
Какъ доказать, что смерти онъ повиненъ?

Іоркъ.

Итакъ, ему вы не желали-бъ смерти?

Суффолькъ.

Ахъ, Іоркъ, никто такъ пламенно, какъ я!

Іоркъ (*про себя*).

Желать ея—причинъ у Іорка больше.
(*Громко*).
Скажите, лорды кардиналъ и Суффолькъ,
Мнѣ по душѣ: оставить лорда Гомфри
Протекторомъ—не то же ль, что орлу
Поджарому цыпленка поручить,
Чтобъ охранялъ отъ коршуновъ голодныхъ?

Маргарита.

Навѣрно бы цыпленка смерть постигла.

Суффолькъ.

Да, королева, было бы безумнымъ
Лисѣ надзоръ за стадомъ поручить.
И если кто въ убійствѣ обвиняемъ,
Ужель ему простить лишь потому,
Что умыселъ онъ не успѣлъ исполнить?
Пусть ранѣе умретъ—на то лиса онъ
И врагъ стадамъ заклятый по природѣ—
Не обагривъ невинной кровью пасть,
Какъ поступилъ бы Гомфри съ королемъ.
Что разбирать, какъ умертвить его?
Въ силки поймать иль хитростью опутать,
Во снѣ иль на яву (намъ безразлично),
Лишь умеръ бы. Обманъ дозволенъ каждый
Съ тѣмъ, кто хотѣлъ насъ первый обмануть.

Королева.

Рѣчь смѣлая, о, трижды славный Суффолькъ.

Суффолькъ.

Да смѣлая, когда исполнить дѣло.
Что говорится—рѣдко выполняютъ,
Но въ знакъ, что сердце съ рѣчью—заодно,
И оградить монарха отъ врага
Я подвигомъ считаю, молви слово—
И герцогу духовникомъ я буду.

Кардиналъ.

Его, милордъ, желалъ бы видѣтъ мертвымъ
Я раньше, чѣмъ вы примете священство.
Согласіе на дѣло изъявите,
И будетъ мной доставленъ исполнитель:
Такъ дорого мнѣ короля спасенье.

Суффолькъ.

Вотъ вамъ рука. Исполнить это стоитъ.

Королева.

Я то же говорю.

Іоркъ.

И также я!
Когда втроемъ произнесли мы судъ
Вмѣшательство другихъ не много значитъ.

Входитъ гонецъ.

Гонецъ.

Милорды, изъ Ирландіи я прямо
Съ вѣстями къ вамъ: мятежники возстали
И подняли на англичанъ оружье.
Доставьте помощь, лорды, ярость ихъ
Остановите во-время, покуда
Не сдѣлалась неизлѣчимой рана;
Вначалѣ ей помочь еще возможно.

Кардиналъ.

Тутъ скорыя необходимы мѣры.
Какой совѣтъ дадите въ важномъ дѣлѣ?

Іоркъ.

Назначьте тамъ регентомъ Сомерсета—
Искуснаго правителя; успѣхи
Во Франціи—свидѣтельствомъ тому.

Сомерсетъ.

Когда-бъ не я, а дальновидный Іоркъ
Регентомъ былъ во Франціи, такъ долго
Навѣрно-бъ онъ не продержался тамъ.

Іоркъ.

Нѣтъ, для того, чтобъ все, какъ ты, утратить.
Я лучше-бъ тамъ оставилъ жизнь мою,
Чѣмъ принести съ собой позора бремя,
Оставшись тамъ—до гибели конечной.
Гдѣ у тебя хотя царапинъ слѣдъ?
На гладкой кожѣ—не видать побѣдъ.

Королева.

Нѣтъ, искра эта въ пламя обратится,
Когда дрова и вѣтеръ будутъ пищу
Давать ему. Довольно, добрый Іоркъ,
И Сомерсетъ любезный! Будь регентомъ
Ты, Іоркъ, могло-бъ окончиться и хуже.

Іоркъ.
Какъ? Хуже, чѣмъ ничто? Позоръ на всѣхъ!

Сомерсетъ.
И на тебя, что пожелалъ позора.

Кардиналъ.
Попробуйте, лордъ Іоркъ, удачу вашу.
Въ Ирландіи вооружились керны,
Кровь англичанъ съ землей мѣшаютъ.
Хотите ли идти съ отборнымъ войскомъ:
По нѣскольку бойцовъ отъ всѣхъ земель,
И попытать съ ирландцами удачи?

Іоркъ.
Да, если такъ угодно государю.

Суффолькъ.
Его согласье въ нашей власти. Все
Что мы рѣшимъ — онъ утвердитъ. Возьмись же
За это дѣло, благородный Іоркъ.

Іоркъ.
Согласенъ я. Доставьте войско, лорды,
Пока свои окончу я дѣла.

Суффолькъ.
О томъ, лордъ Іоркъ, я сильно позабочусь.
Займемся же теперь коварнымъ Гомфри.

Кардиналъ.
О немъ довольно. Съ нимъ управлюсь я,
И больше онъ тревожить васъ не будетъ.
Пора идти, уже на склонѣ день.
Лордъ Суффолькъ, намъ уговориться надо.

Іоркъ.
Лордъ Суффолькъ, жду чрезъ двѣ недѣли я
Моихъ солдатъ въ Бристолѣ, и оттуда
Въ Ирландію ихъ переправлю моремъ.

Суффолькъ.
Всѣмъ въ точности распоряжусь, лордъ Іоркъ.

(*Входятъ всѣ, кромѣ Іорка*).

Іоркъ.
Теперь иль никогда духъ закали,
Рѣшимостью смѣни сомнѣнья, Іоркъ!
Стань, чѣмъ желалъ, иль смерти обреки
То, что ты есть—такимъ и жить не стоитъ.
Да будетъ блѣдный страхъ удѣломъ черни!
Ему нѣтъ мѣста въ сердцѣ короля.
Какъ вешній дождь, бѣжитъ за думой—дума,
И всѣ онѣ направлены къ величью,
Межъ тѣмъ какъ мозгъ—прилежнѣй, чѣмъ паукъ,
Ткетъ злую сѣть, чтобъ уловить враговъ.
Хитро, милорды, поступили вы,
Меня отсюда съ войскомъ отсылая;
Голодную змѣю вы отогрѣли
И васъ, боюсь, она ужалитъ въ сердце.
Нуждался я въ бойцахъ, вы дали ихъ.
Я принимаю все, но только, знайте,
Безумцу вы оружье дали въ руки.
Въ Ирландіи пока съ войсками буду,
Здѣсь грозную я бурю подниму
И десять тысячъ душъ умчитъ она
Въ рай или адъ. Гнѣвъ бури не утихнетъ,
Пока вѣнецъ на головѣ моей
Незаблеститъ, какъ лучъ прозрачный солнца,
Порывъ мятежный бури усмиривъ.
Я замысла орудіе нашелъ;
Крѣпкоголовый кентскій уроженецъ—
Изъ Ашфорда Джонъ Кэдъ мятежъ подниметъ,
Онъ титулъ Джона Мортимера приметъ.
Въ Ирландіи я видѣлъ, какъ смѣльчакъ
Противился одинъ отряду керновъ
И стрѣлами враговъ онъ утыканъ,
Торчавшими, какъ иглы у ежа.
А будучи спасенъ, подпрыгнулъ онъ,
Подобно мавру, стрѣлами звеня,
Какъ тотъ гремитъ своими бубенцами.
Нерѣдко онъ, одѣтъ косматымъ керномъ,
Съ лукавыми врагами повидавшись,
Не узнанный, опять ко мнѣ являлся
И открывалъ ихъ ковы. Этотъ чортъ
Меня замѣнитъ здѣсь. На Мортимера
Похожъ лицомъ, походкой онъ и рѣчью.
Такъ буду знать, что думаютъ въ народѣ
О домѣ Іорка и правахъ его.
Возьмутъ его, начнутъ пытать, допустимъ,
Но нѣтъ такихъ мученій, чтобъ сказалъ онъ,
Кто побудилъ его вооружиться.
Успѣетъ онъ, весьма на то похоже.
Ирландію тогда покинувъ съ войскомъ,
Посѣянное имъ вернусь пожать.
Со смертью лорда Гомфри (онъ умретъ)
И Генриха паденьемъ—мой чередъ.

(*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Аббатство Бюри. Королевскіе покои.

Поспѣшно входятъ нѣсколько убійцъ.

1-ый убійца.
Бѣги къ милорду Суффольку, скажи:
Спроваженъ герцогъ, по его велѣнью.

2-ой убійца.
О, еслибъ нѣтъ! Что совершили мы!
Ты ранѣе кого нибудь видалъ ли,
Кто каялся бы такъ?

1-ый УБІЙЦА.
А вотъ милордъ.

Входитъ СУФФОЛЬКЪ.

СУФФОЛЬКЪ.
Что, молодцы? Готово дѣло?

1-ый УБІЙЦА.
Да,
Онъ мертвъ, милордъ.

СУФФОЛЬКЪ.
Хорошее извѣстье.
Идите же ко мнѣ. За подвигъ смѣлый
Я награжу. Король и пэры близко.
Оправили вы ложе, привели
Въ порядокъ все, согласно приказаньямъ?

1-ый УБІЙЦА.
Все сдѣлано, милордъ.

СУФФОЛЬКЪ.
Ступайте прочь.
(Убійцы уходятъ).

Трубы. Входятъ КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, СОМЕРСЕТЪ, ЛОРДЫ *и проч.*

КОРОЛЬ.
Пусть дядя нашъ сейчасъ предстанетъ намъ,
Мы учинимъ допросъ ему: настолько ль
Виновенъ онъ, какъ это разглашаютъ?

СУФФОЛЬКЪ.
За нимъ иду немедля, государь.

КОРОЛЬ.
Мѣста займите, лорды, я прошу васъ,
Не принимайте строгихъ мѣръ иначе,
Какъ вслѣдствіе уликъ безспорно явныхъ,
Что доказали-бъ намъ вину его.

КОРОЛЕВА.
Храни Господь, чтобъ злоба одолѣла
И осужденъ безвинно былъ вельможа!
Молю Творца, чтобъ Глостеръ оправдался.

КОРОЛЬ.
Благодарю за это слово, Мэгъ.
(Суффолькъ возвращается).

Но что съ тобой? Ты блѣденъ? Ты дрожишь?
Гдѣ дядя нашъ и что случилось, Суффолькъ?

СУФФОЛЬКЪ.
Найденъ въ постели мертвымъ! Глостеръ умеръ.

КОРОЛЕВА.
Помилуй Богъ!

КАРДИНАЛЪ.
Судъ Божій! Снилось мнѣ,
Что герцогъ нѣмъ,—не могъ онъ молвить слова.
(Король лишается чувствъ).

КОРОЛЕВА.
Что съ королемъ? О, лорды! Онъ скончался.

СОМЕРСЕТЪ.
Поднять его, тереть виски.

КОРОЛЕВА.
Бѣгите
За помощью! Открой глаза, мой Генрихъ!

СУФФОЛЬКЪ.
Онъ оживетъ. Терпѣнье, королева.

КОРОЛЬ.
Великій Богъ!

КОРОЛЕВА.
Вамъ лучше ль, государь?

СУФФОЛЬКЪ.
Утѣшьтесь, государь, нашъ добрый Генрихъ.

КОРОЛЬ.
Ужель меня лордъ Суффолькъ утѣшаетъ?
Не ворономъ ли онъ сейчасъ прокаркалъ,
Лишивъ меня сознанія и силъ,
Иль хочетъ щебетаньемъ королька,
Что изъ груди исходитъ безсердечной—
Прогнать онъ звукъ первоначальной пѣсни?
Ядъ не скрывай подъ сладкими рѣчами.
Не тронь меня, оставь, я говорю!
Страшнѣй змѣи—твое прикосновенье.
Жестокостью сверкаютъ смертоносной
Глаза твои, пугая цѣлый міръ,
О, не смотри, твой взоръ наноситъ раны,
Но впрочемъ—нѣтъ, приблизься, василискъ,
Того, кто былъ лишь зрителемъ—сразу.
Подъ сѣнью смерти я найду отраду.
Со смертью Гомфри жизнь—двойная смерть.

КОРОЛЕВА.
За что лордъ Суффолькъ вами унижаемъ?
Хотя ему и недругомъ былъ герцогъ,
Но онъ скорбитъ о немъ по христіански,
А я, хотя и мнѣ онъ былъ врагомъ,
Когда-бъ слезами, вздохами, стенаньемъ—
Вернуть его возможно было къ жизни,
Ослѣпла бы отъ слезъ и заболѣла
Отъ вздоховъ, ставъ подснѣжника блѣднѣй—
Чтобъ только ожилъ герцогъ благородный.
Что обо мнѣ подумать могутъ люди?
Всѣмъ вѣдомо, что мы дружили плохо;
Подумаютъ: онъ мною устраненъ,

И клевета язвить меня начнетъ,
Я при дворахъ подвергнусь поруганью.
Вотъ что даетъ мнѣ смерть его. Увы!
Меня позоръ вѣнчаетъ, королеву!

Король.

О, горе мнѣ! О Глостеръ мой несчастный!

Королева.

Нѣтъ, горе мнѣ! Его несчастнѣй я.
Какъ? Отъ меня лицо ты отвращаешь?
Но я не прокаженная: взгляни.
Иль, какъ ехидна, слуха ты лишенъ?
Будь такъ же ядовитъ и королеву
Несчастную свою ты умертви.
Иль съ Глостеромъ всѣхъ радостей лишился?
Но значитъ ты не зналъ ихъ съ Маргаритой?
Ему воздвигни статую во храмѣ
И вывѣской пивныхъ портретъ мой сдѣлай.
Для этого ль грозило мнѣ крушенье
И дважды вихрь отъ береговъ британскихъ
Меня къ землѣ родной обратно гналъ?
Предостеречь меня желали вѣтры:
—О не стремись въ гнѣздо ты къ скорпіонамъ
И на берегъ враждебный не вступай.—
А я, межъ тѣмъ, кляла ихъ дуновенье,
Кляла того, кто имъ даетъ свободу,
Молила въ край благословенный твой
Нести корабль иль раздробить о скалы.
Не захотѣлъ убійцей стать Эолъ,
Ты за него исполнишь злое дѣло.
Полно красы вздымавшееся море
Топить меня не захотѣло, зная,
Что жестокостью на сушѣ ты утопишь
Меня въ слезахъ соленыхъ, словно море.
Въ пескѣ утесы скрылись, не желая
Разбить меня объ остріе камней,
Съ тѣмъ чтобы жертвой каменнаго сердца
Здѣсь во дворцѣ погибла Маргарита.
Пока утесъ виднѣлся мѣловой,
Въ тотъ часъ, какъ мчалъ отъ берега насъ вѣтеръ—
На палубѣ стояла въ бурю я.
Когда жъ твой край за мутнымъ небосклономъ
Скрываться сталъ отъ напряженныхъ взоровъ,
Уборъ сняла я съ шеи драгоцѣнный—
Алмазами оправленное сердце,
И кинула его по направленью
Къ твоей землѣ, желая, чтобы такъ же
Ты принялъ въ даръ мое живое сердце.
Я, потерявъ Британію изъ виду,
За сердцемъ вслѣдъ—и очи посылала,
И тусклыми очами ихъ звала,
Не различая береговъ Альбіона.
И Суффолька просила часто я
Плѣнить мой слухъ рѣчами, что служили
Орудьемъ твоего непостоянства,
Какъ нѣкогда, сводя съ ума Дидону,
Повѣствовалъ Асканій передъ ней
О подвигахъ отца съ пожаромъ Трои.
Не такъ же ль околдованъ и я?
Не такъ же ль ты коваренъ, какъ Эней?
Умри скорѣе, Маргарита, Генрихъ
О томъ скорбитъ, что долго ты живешь.

Шумъ за сценой. Входятъ Уорикъ *и* Сольсбери. *Народъ тѣснится у дверей.*

Уорикъ.

Разнесся слухъ, великій государь,
Что умерщвленъ предательски лордъ Глостеръ—
Стараньемъ Суффолька и кардинала.
Какъ рой пчелиный, матку потерявшій,
Снуетъ народъ разгнѣванный; изъ мести
Онъ жалить всѣхъ готовъ, не разбирая.
Я временно смирилъ мятежъ, покуда
Не разъяснятъ причину смерти имъ.

Король.

Что умеръ онъ, мой добрый Уорикъ,—вѣрно,
Но какъ? Творцу, не Генриху извѣстно.
Пойди къ нему, трупъ осмотри и смерти
Внезапной ты опредѣли причину.

Уорикъ.

Исполню все. Ты, Сольсбери, народъ
Удерживай, покуда не вернусь я.

(Уорикъ идетъ во внутреннія покои, Сольсбери къ толпѣ у входа).

Король.

Судья Всевышній, мысли отгони,
Внушающія сердцу, что просѣклась
Насилія рукой Гомфри жизнь.
Прости, коль скоро подозрѣнье ложно,
Затѣмъ что судъ Тебѣ принадлежитъ.
Согрѣть хотѣлъ бы блѣдныя уста
Я тысячу горячихъ поцѣлуевъ,
И моремъ слезъ горючихъ оросить
Лицо его и высказать любовь
Безмолвному, глухому трупу; сжать
Въ рукахъ моихъ безчувственную руку.
Но тщетны-бъ были скорби выраженья.
Когда земной увижу образъ
Безжизненнымъ—умножится печаль.

(Створчатыя двери внутреннихъ покоевъ отворяются и виденъ Глостеръ, лежащій въ постели. Уорикъ и другіе стоятъ рядомъ).

Уорикъ.

Приблизьтесь, государь, взглянуть на тѣло.

У ПОСТЕЛИ УБИТАГО ГЛОСТЕРА.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Король.

Измѣрить глубь моей могилы? Съ нимъ,
Съ его душой—отрада отлетѣла
Земная вся: я въ жизни вижу смерть.

Уорикъ.

Такъ истинно, какъ то, что я душою
Стремлюсь къ Царю, принявшему нашъ образъ,
Чтобъ снять съ людей проклятіе Отца—
Я убѣжденъ, что трижды славный герцогъ
Палъ жертвою насильственной руки.

Суффолькъ.

Торжественно далъ страшную ты клятву,
Но чѣмъ ее лордъ Уорикъ подтвердитъ?

Уорикъ.

Смотрите: кровь прихлынула къ лицу.
Умершихъ своевременно—видалъ я:
Они блѣдны, безкровны, исхудалы,
Къ усиленно работавшему сердцу
Кровь отлила; оно, борясь со смертью,
Ее къ себѣ на помощь призывало,
И, съ нимъ остывъ, она ужъ не отхлынетъ

Опять къ лицу, чтобъ зарумянить щеки.
Но здѣсь лицо налито кровью, черно,
Глаза его выходятъ изъ орбитъ,
Какъ будто онъ удавленъ. Встали дыбомъ
Всѣ волосы, въ борьбѣ раздулись ноздри,
И руки онъ раскинулъ широко,
Какъ будто бы за жизнь свою боролся
И побѣжденъ лишь силой. Посмотрите,
На простынѣ остались волоса,
А борода прекрасная его
Вся спутана, какъ жатва—лѣтней бурей;
Сомнѣнья нѣтъ, что здѣсь онъ умерщвленъ,
Малѣйшаго изъ признаковъ—довольно.

Суффолькъ.

Но кѣмъ же, Уорикъ, герцогъ умерщвленъ?
Съ Бьюфортомъ мы его оберегали,
Надѣюсь, сэръ, что не убійцы мы?

Уорикъ.

Но оба вы ему врагами были,
И вамъ же былъ надзоръ за нимъ довѣренъ,
Едва ль о немъ вы хорошо пеклись,
И здѣсь врага нашелъ онъ, очевидно.

Королева.

Вы взводите на лордовъ подозрѣнье
Въ безвременной кончинѣ лорда Гомфри?

Уорикъ.

Кто жъ, увидавъ дымящагося кровью
Убитаго тельца и мясника
Съ ножемъ въ рукѣ поблизости, не скажетъ,
Что онъ убійство совершилъ?
И кто, въ гнѣздѣ увидѣвъ куропатку
И коршуна, не заподозритъ—кѣмъ
Убита птица, еслибъ даже клювъ
У ястреба парящаго былъ чистъ?
Такъ эта смерть внушаетъ подозрѣнье.

Королева.

Но гдѣ жъ твой ножъ, когда мясникъ ты, Суффолькъ?
Гдѣ когти Бьюфорта, когда онъ ястребъ?

Суффолькъ.

Я не ношу ножа, чтобъ рѣзать спящихъ,
Но мщенья мечъ въ бездѣйствіи заржавѣлъ,
Его отчищу въ сердцѣ у того,
Кто заклеймилъ меня пятномъ убійства.
Коль смѣешь ты, скажи надменный Уорикъ,
Что я въ кончинѣ Глостера виновенъ.
(Уходятъ кардиналъ, Сомерсетъ и др.).

Уорикъ.

На что же Уорикъ не дерзнетъ, когда
Ему бросаетъ вызовъ лживый Суффолькъ?

Королева.

Онъ не дерзнетъ духъ злобы утолить
И вмѣшиваться дерзко, еслибъ вызванъ
Былъ Суффолькомъ и двадцать тысячъ разъ.

Уорикъ.

Молчите, королева, если это
Почтительно я смѣю вамъ сказать,
Вѣдь каждое въ его защиту слово
Достоинство пятняетъ королевы.

Суффолькъ.

Тупоголовый лордъ и грубіянъ!
Когда жена, когда либо супруга
Безчестила, такъ это—мать твоя,
Которая, дѣля позорно ложе
Съ невѣжею, мужланомъ—привила
Къ старинному стволу—дичка побѣгъ:
Не отпрыскъ ты Невилей благородныхъ.

Уорикъ.

Тебя лишь грѣхъ убійства ограждаетъ.
Когда-бъ не страхъ, то отниму я плату
У палача и тѣмъ освобожу
Тебя отъ посрамленія, и еслибъ
Не уважалъ присутствіе монарха—
Я здѣсь тебя, трусъ лживый и убійца,
Заставилъ бы сознаться на колѣняхъ,
Что собственную мать ты разумѣлъ,
Что самъ рожденъ ты незаконнымъ сыномъ.
А вслѣдъ за покаяньемъ, по заслугамъ
Воздалъ бы я, тебя отправивъ въ адъ,
Вампиръ ночной, у спящихъ кровь сосущій!

Суффолькъ.

Не будешь спать, когда твоя прольется.
Дерзнешь ли ты со мной отсюда выйти?

Уорикъ.

Иди скорѣй, иль вытащу тебя!
Съ тобой побьюсь, хоть ты и недостоинъ,
За упокой души милорда Гомфри.
(Уходятъ Суффолькъ и Уорикъ).

Король.

Всѣхъ латъ надежнѣй—сердца чистота,
Вооруженъ втройнѣ—боецъ за правду.
Но совѣсть чья запятнана неправдой—
Тотъ обнаженъ, будь онъ закованъ въ сталь.
(За сценой шумъ).

Королева.

Что тамъ за шумъ?
(Возвращаются Суффолькъ и Уорикъ съ обнаженными мечами).

Король.

Какъ, лорды? Вы посмѣли обнажить
Мечи при насъ? Что значитъ дерзость эта
И что за буйный гулъ несется къ намъ?

КАРДИНАЛЪ БЬЮФОРТЪ (Beaufort).

Суффолькъ.

Великій государь, коварный Уорикъ
Съ бюрійцами напали на меня.

Сольсбери *(народу у дверей)*.

Стой! Государь узнаетъ ваше мнѣнье.
(Подходитъ). Король могучій, присланъ я народомъ
Вамъ передать, что если лживый Суффолькъ
Казненъ не будетъ тотчасъ же иль высланъ
Изъ Англіи прекрасной, то народъ
Его отниметъ силой и замучитъ
Медлительной и безпощадной казнью.
Всѣ говорятъ, что добрый герцогъ Гомфри
Загубленъ имъ, что и за васъ боятся.
Лишь преданность и вѣрность—далеки
Отъ замысловъ противныхъ вашей волѣ
И вашему влеченью—побуждаютъ
Ихъ требовать его изгнанья смѣло.
Такъ говорятъ они въ своей заботѣ
О царственной особѣ короля:
Что если бы предъ сномъ вы повелѣли
Не нарушать покой вашъ, подъ угрозой
Опалы или смерти, а межъ тѣмъ
Всѣ видѣли-бъ, что къ вамъ, раздвоивъ жало,
Ползетъ змѣя, то вопреки запрету,
Пришлось бы васъ немедля разбудить,
Чтобъ смертоносный гадъ не обратилъ
Въ сонъ вѣчности—безпечную дремоту.
Поэтому—указу вопреки—
Они кричатъ, что будутъ охранять
Насильно васъ отъ змѣй такихъ, какъ Суффолькъ,
Чьимъ ядовитымъ жаломъ дядя вашъ,
Стократъ его достойнѣйшій, убитъ.

Народъ *(за сценой)*.

Отъ короля отвѣтъ, лордъ Сольсбери!

Суффолькъ.

Я не дивлюсь, что грубая толпа
Шлетъ королю такое обращенье.
А вы, милордъ, ей рады услужить
И выказать все краснорѣчье ваше.
Но честь не велика для Сольсбери—
Быть къ королю посломъ рабочей черни.

Народъ *(за сценой)*.

Отвѣтъ! Иль мы ворвемся къ государю!

Король.

Ступай, скажи имъ, Сольсбери, что я
Благодарю ихъ всѣхъ за попеченья.

КАРДИНАЛЪ БЬЮФОРТЪ ПЕРЕДЪ СМЕРТЬЮ.

Картина знаменитаго англ. живописца сэра Джошуа Рейнольдса (Joshua Reynolds, P. R. A. 1723—1792). (Малая Бойделевская галлерея).

Вдали—мученье худшее, чѣмъ смерть.
Дозволь не уходить и—будь, что будетъ!

Королева.

Иди! Разлука—ѣдкое лѣкарство,
Но въ случаяхъ смертельныхъ—примѣнима.
Во Францію, мой Суффолькъ! О себѣ
Подай мнѣ вѣсть. Гдѣ-бъ ты ни находился—
Но вѣстница моя тебя найдетъ.

Суффолькъ.

Иду.

Королева.

Съ собой мое уносишь сердце.

Суффолькъ.

Въ хранилищѣ столь жалкомъ не бывало
Подобнаго алмаза. Разойдемся
Какъ на-двое разбитая ладья:
Въ ту сторону я—къ смерти.

Королева.

Въ эту—я.

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Лондонъ. Спальня кардинала Бьюфорта.

Входятъ король, Сольсбери, Уорикъ *и др.* Кардиналъ *лежитъ въ постели, при немъ—его слуги.*

Король.

Что съ вами, лордъ? Скажите государю.

КАРДИНАЛЪ.
Ты смерть? Возьми всей Англіи казну,
Ты на нее такой же купишь островъ,
Но дай мнѣ жить, не чувствуя страданій.

КОРОЛЬ.
Вотъ признакъ жизни злой, когда настолько
Ужасно намъ кончины приближенье.

УОРИКЪ.
Король съ тобою, Бьюфортъ, говоритъ.

КАРДИНАЛЪ.
Угодно вамъ—суду меня предайте.
Въ постели — гдѣ-жъ онъ умеръ, какъ не тамъ?
Могу-ль кого заставить жить насильно?
О, не пытайте больше! Я сознаюсь!
Какъ? Онъ воскресъ? Его мнѣ покажите
Дамъ сотни кронъ, чтобъ на него взглянуть.
Не вижу глазъ, ихъ засорило прахомъ...
Но волосы пригладьте, посмотрите,
Они торчатъ, какъ вѣтви смоляныя,
Чтобъ уловить мой окрыленный духъ.
Пить дайте мнѣ, пусть принесетъ аптекарь
Тотъ сильный ядъ, который я купилъ.

КОРОЛЬ.
О Двигатель вселенной! Погляди
На грѣшника Ты милостивымъ окомъ,
Упорнаго Ты отгони врага,
Что гибнущую душу осуждаетъ,
Отъ сердца же—отчаянія мракъ.

УОРИКЪ.
Смотрите! Онъ скрежещетъ въ смертной мукѣ.

СОЛЬСБЕРИ.
Оставьте. Пусть отходитъ съ миромъ...

КОРОЛЬ.
Миръ
Душѣ твоей, коль Господу угодно!
Лордъ-кардиналъ, когда о небѣ помнишь —
Хоть руку, въ знакъ надежды, подними.
Кончается... Прости ему, о Боже!

УОРИКЪ.
Столь злая смерть — злодѣйской жизни признакъ.

КОРОЛЬ.
Не осуждай. Всѣ грѣшны на землѣ.
Закрыть ему глаза, задернуть пологъ.
А мы идемъ предаться размышленьямъ.
(Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Кентъ. Берегъ моря близъ Дувра.

На морѣ пальба. Затѣмъ выходятъ изъ шлюпки КАПИТАНЪ, ШКИПЕРЪ, ШТУРМАНЪ, ВАЛЬТЕРЪ УАЙТМОРЪ *и др. Съ ними переодѣтый* СУФФОЛЬКЪ *и* ДРУГІЕ ДВОРЯНЕ—*плѣнники.*

КАПИТАНЪ.
Болтливый, пестрый, полный сожалѣній—
Спустился день въ пучину водъ морскихъ,
И завывая волки будятъ клячъ,
Влекущихъ ночь, исполненную грусти,
Ласкающихъ могилы мертвецовъ
Отвисшими и сонными крылами,
Изъ пасти же туманной ихъ клубится
Пропитанный заразой гнусный мракъ.
Сейчасъ привесть сюда военноплѣнныхъ.
Пока стоитъ на якорѣ галера—
Пусть на пескахъ намъ выкупъ отдадутъ,
Иль расцвѣтятъ безцвѣтный берегъ кровью.
Пусть шкиперу достанется вотъ этотъ
Изъ плѣнниковъ; помощнику—другой,
А тотъ—твоя добыча, Вальтеръ Уайтморъ.
(Указываетъ на Суффолька).

1-ЫЙ ДВОРЯНИНЪ.
Какой съ меня возьмешь ты выкупъ, шкиперъ?

ШКИПЕРЪ.
Кронъ тысячу иль голову долой.

ШТУРМАНЪ.
Я столько же иль со своей простись.

КАПИТАНЪ.
Жалѣете двухъ тысячъ, а еще
Дворяне вы—по имени и виду.
Эй! Перерѣзать горло негодяямъ!
Не выкупимъ такой ничтожной суммой
Мы жизни тѣхъ, кого лишились въ битвѣ.

1-ЫЙ ДВОРЯНИНЪ.
Я заплачу, лишь пощадите жизнь.

2-ой дворянинъ.
И я. Сейчасъ о томъ пишу домой.

Уайтморъ.
Лишился я на абордажѣ глаза,
А потому въ отмщенье ты умрешь. *(Къ Суффольку).*
Да и они, когда-бъ моя здѣсь воля.

Капитанъ.
Не торопись, пускай живетъ за выкупъ.

Суффолькъ.
Подвязки орденъ видишь ты на мнѣ?
Я дворянинъ и дамъ тебѣ, что хочешь.

Уайтморъ.
Я изъ дворянъ. Мнѣ имя—Вальтеръ Уайтморъ.
Что вздрогнулъ ты? Иль смерти испугался?

Суффолькъ.
Нѣтъ, имени, въ немъ слышу смерти звукъ.
Мнѣ предсказалъ кудесникъ въ гороскопѣ,
Что смертью мнѣ грозитъ *вода* иль *море,*
Но отъ того не стань ты кровожаднымъ.

Уайтморъ.
На имени Уайтморовъ нѣтъ пятенъ:
Обиды всѣ они смывали кровью.
И если месть продамъ я, какъ торгашъ—
Сломись мой мечъ и будь запятнанъ гербъ,
Пусть прослыву я всюду негодяемъ!
(Хватаетъ Суффолька).

Суффолькъ.
Стой! Плѣнникъ твой происхожденіемъ — принцъ.
Я герцогъ Суффолькъ, Вильямъ де-ла-Поль.

Уайтморъ.
Укутанный въ лохмотья — герцогъ Суффолькъ?

Суффолькъ.
Но съ герцогомъ лохмотья не срослись,
Переодѣтъ, подобно Зевсу, я.

Капитанъ.
Но не былъ Зевсъ убитъ, какъ будешь ты.

Суффолькъ.
Отродье черни! Доблестная кровь
Ланкастеровъ, кровь Генриха—не можетъ
Пролитой быть такимъ рабомъ позорно!
Ты не держалъ-ли стремя у меня
И за моимъ—въ попонѣ пышной—муломъ
Не бѣгалъ-ли съ открытой головой,
И счастливъ былъ, когда тебѣ кивну я?
Ты за столомъ служилъ мнѣ на колѣняхъ,
Питался ты объѣдками моими,
Когда я съ королевой пировалъ.
Припомни все, и предо мной склонись,
И укроти пустую гордость. Вспомни,
Какъ выхода ждалъ моего въ пріемной;
Руки моей тебѣ на пользу подпись
Была не разъ, такъ удержи языкъ.

Уайтморъ.
Что? Молодца не проколоть-ли мнѣ?

Капитанъ.
Какъ онъ меня—сперва кольну словами.

Суффолькъ.
Слова твои, о рабъ ничтожный, низки.

Капитанъ.
Увесть его на бортъ галеры нашей
И голову отсѣчь.

Суффолькъ.
Ты не дерзнешь
Изъ страха за свою.

Капитанъ.
Нѣтъ, Поль, дерзну я.

Суффолькъ.
Поль?

Капитанъ.
Да, сэръ Поль, милордъ. Не даромъ лужу
То имя означаетъ. Лужа—ты,
Стокъ нечистотъ, чей смрадъ и грязь мутятъ
Прозрачный ключъ, всю Англію поившій.
Теперь зажму разинутый твой ротъ,
Что поглощалъ богатства края. Губы,
Которыя лобзали королеву,
Пускай теперь лобзаютъ землю: ты же,
Смѣявшійся при смерти лорда Гомфри —
Зубами здѣсь ты будешь скрежетать
И вѣтра свистъ презрительный услышишь.
Пусть адскихъ вѣдьмъ супругомъ будешь ты
За то, что короля дерзнулъ вѣнчать
Ты съ дочерью ничтожнаго владыки—
Безъ подданныхъ, имѣній и короны.
Возвысившись лукавствомъ сатанинскимъ,
Пресытился, какъ честолюбецъ Силла,
Ты матери окровавленнымъ сердцемъ:
Анжу и Мэнъ французамъ продалъ ты.
Изъ-за тебя мятежники нормандцы
Не признаютъ власть нашу; пикардійцы
Правителей убили, захватили
Всѣ крѣпости, а раненыхъ бойцовъ,
Оборванныхъ—отправили домой,
Вельможный Уорикъ, прочіе Невили,
Чей грозный мечъ не обнажался даромъ—

СХВАЧЕННЫЙ МЯТЕЖНИКАМИ СУФФОЛЬКЪ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Всѣ изъ вражды къ тебѣ вооружились.
А Іорковъ домъ, отторгнутъ отъ престола
Безвиннаго монарха убіеньемъ
И хищной, злой и гордой тираніей,—
Горитъ теперь возмездія огнемъ.
И на своихъ знаменахъ полу-солнце
Возноситъ онъ, что засіять стремится
Надъ изреченьемъ: Invitis nullibus.
Вездѣ народъ вооружился въ Кентѣ,
А въ заключенье: нищенство и срамъ
И во дворецъ проникли королевскій—
Все чрезъ тебя. Увесть его скорѣй!

Суффолькъ.

О, еслибъ я былъ богомъ—для того,
Чтобъ поразить громами подлый сбродъ!
Лишь низкій людъ гордится мелочами.
Тотъ негодяй—галеры капитанъ,
Межъ тѣмъ сильнѣй грозитъ онъ, чѣмъ Даргулъ—
Прославленный Иллиріи пиратъ.
Шмель не сосетъ орлиной крови, грабя
Лишь ульи пчелъ. Невыносимо, чтобъ умеръ
Я отъ руки столь подлаго вассала.
Ты вызвалъ гнѣвъ, не совѣсти укоръ:
Во Францію я посланъ королевой,
Меня туда доставишь моремъ ты.

Капитанъ.

Уайтморъ!

Уайтморъ.

Идемъ. Тебя доставлю къ смерти.

Суффолькъ.

Gelidus timor occupat artus
Тебя лишь я боюсь.

Уайтморъ.

Не безъ причины.
Смутился ты? Не хочешь-ли смириться?

1-ый дворянинъ.

Простите, герцогъ, мягче обойдитесь.

Суффолькъ.

Суровъ и властенъ Суффолька языкъ,
Онъ не просить—повелѣвать привыкъ.
Такихъ людей смиренною мольбою

Тѣмъ болѣе мы не почтимъ. Скорѣй
Я голову мою склоню на плаху,
Чѣмъ преклоню предъ кѣмъ-нибудь колѣни,
За исключеніемъ Бога и монарха.
Пусть голову на шестъ посадятъ лучше,
Чѣмъ обнажу ее передъ рабомъ.
Невѣдомъ страхъ для истинныхъ вельможъ:
Вы сдѣлаете меньше, чѣмъ снесу я.

КАПИТАНЪ.
Убрать его. Пусть больше не болтаетъ.

СУФФОЛЬКЪ.
Явите же, бойцы, жестокость вашу
И памятной да будетъ смерть моя!
Отъ низости не разъ величье гибло,
Разбойникомъ, рабомъ убитъ былъ Туллій,
Рожденный въ прелюбодѣяньи Брутъ—
Былъ Цезаря убійцею. Помпей
Отъ дикихъ палъ, и отъ пиратовъ — Суффолькъ.
(Уайтморъ и др. уходятъ съ Суффолькомъ).

КАПИТАНЪ.
А что до тѣхъ, чей выкупъ ужъ назначенъ—
Намъ одного угоднò отпустить,
Пусть онъ идетъ. Вы слѣдуйте за нами.
(Уходятъ всѣ, кромѣ 1-го дворянина).

УАЙТМОРЪ *возвращается съ тѣломъ Суффолька.*

УАЙТМОРЪ.
Пускай лежитъ и голова и тѣло,
Покуда онъ похороненъ не будетъ
Любовницей своею, королевой!

1-ЫЙ ДВОРЯНИНЪ.
О, страшная, кровавая картина!
Трупъ герцога свезу я королю.
Когда не онъ, то отомстятъ друзья
И тѣ, кому онъ дорогъ былъ при жизни.
(Уходитъ съ тѣломъ Суффолька).

СЦЕНА II.

Блэкхизъ.

Входятъ ДЖОРЖЪ БЕВИСЪ *и* ДЖОНЪ ГОЛЛАНДЪ.

ДЖОРЖЪ. Скорѣй достать себѣ мечъ, хотя бы деревянный: они вотъ уже два дня, какъ на ногахъ.

ДЖОНЪ. Тѣмъ нужнѣе имъ теперь лечь спать.

ДЖОРЖЪ. Я тебѣ говорю — портной Джэкъ Кэдъ собирается сшить платье государству, перелицевать старое и навести на него новый ворсъ.

ДЖОНЪ. Пора—старое износилось. Всякое веселье исчезло въ Англіи съ тѣхъ поръ, какъ дворяне стали командовать.

ДЖОРЖЪ. Горькія настали времена! Никакія заслуги не цѣнятся въ рабочихъ людяхъ.

ДЖОНЪ. Знатные съ презрѣніемъ глядятъ на тѣхъ, кто носятъ кожаные передники.

ДЖОРЖЪ. Къ тому же королевскіе совѣтчики плохіе работники.

ДЖОНЪ. Правда. А вѣдь сказано—трудись, исполняя свое дѣло. Это значитъ, что правители должны быть людьми трудящимися — а поэтому и мы должны быть правителями.

ДЖОРЖЪ. Вѣрно — ты прямо въ точку попалъ. Крѣпкая рука—вѣрный знакъ, что душа честная.

ДЖОНЪ. Вотъ они идутъ! Я всѣхъ вижу! Вотъ сынъ Беста, Вингэмскій кожевникъ.

ДЖОРЖЪ. Дадимъ ему кожу нашихъ враговъ—онъ выдубитъ изъ нея лайку.

ДЖОНЪ. И мясникъ Дикъ...

ДЖОРЖЪ. Онъ повалитъ грѣхъ, какъ быка, и перерѣжетъ горло несправедливости, какъ теленку.

ДЖОНЪ. И ткачъ Смисъ...

ДЖОРЖЪ. Ergo, нить ихъ жизни спрядена.

ДЖОНЪ. Идемъ соединиться съ ними.

Барабанный бой. Входятъ КЭДЪ, ДИКЪ *мясникъ*, СМИСЪ *ткачъ и другіе, въ большомъ числѣ.*

КЭДЪ. Мы, Джонъ Кэдъ, по прозванію, данному нашимъ мнимымъ отцомъ...

ДИКЪ *(въ сторону)*. Прозванъ ты такъ, кажется, потому, что укралъ кадку сельдей.

КЭДЪ. Наши враги падутъ сраженные нами... Одушевленные духомъ избіенія королей и принцевъ... Вели замолчать!

ДИКЪ. Молчать!

КЭДЪ. Отецъ мой былъ Мортимеръ...

ДИКЪ *(въ сторону)*. Онъ былъ честный человѣкъ и хорошій каменьщикъ.

КЭДЪ. Мать моя изъ рода Плантагенетовъ...

ДИКЪ *(въ сторону)*. Я хорошо ее зналъ. Она была повивальной бабкой.

КЭДЪ. Жена моя изъ семьи Лэсовъ...

ДИКЪ *(въ сторону)*. Да, она дочь разносчика—и продала не мало лентъ на своемъ вѣку.

СМИСЪ *(въ сторону)*. Но теперь она уже не въ состояніи разъѣзжать съ коробомъ и занимается дома стиркой бѣлья.

КЭДЪ. Такимъ образомъ, я благороднаго происхожденія.

Дикъ (*въ сторону*). Конечно, чортъ возьми, всякое поле благородно,—а въ полѣ онъ и родился подъ заборомъ. Отецъ его другого дома не имѣлъ, кромѣ тюрьмы.

Кэдъ. Я смѣлъ.

Смисъ (*въ сторону*). Еще бы! Нищему смѣлость необходима.

Кэдъ. Я очень выносливъ.

Дикъ (*въ сторону*). Это не подлежитъ сомнѣнію: я самъ видѣлъ, какъ его били кнутомъ на базарѣ три дня кряду.

Кэдъ. Я не боюсь ни меча, ни огня.

Смисъ (*въ сторону*). Меча то ему нечего бояться—одежда у него испытанная.

Дикъ (*въ сторону*). Но огня то ему слѣдовало бы опасаться—послѣ того какъ у него выжгли клеймо на рукѣ за кражу овецъ.

Кэдъ. Такъ будьте же храбры. Вашъ начальникъ храбръ и клянется измѣнить всѣ порядки. Въ Англіи будутъ продавать за одинъ пенсъ семь полупенсовыхъ булокъ; кружки пива будутъ въ десять мѣрокъ, а не въ три, какъ теперь. Я объявлю предателями пьющихъ плохое пиво. Все въ государствѣ будетъ общимъ; мой конь будетъ пастись въ Чипсэйдѣ. И когда я стану королемъ—а я имъ стану...

Всѣ. Да здравствуетъ ваше величество!

Кэдъ. Благодарю васъ, добрый народъ. —Тогда денегъ не будетъ. Всѣ будутъ ѣсть и пить на мой счетъ. Я всѣхъ одѣну въ одинаковую ливрею, чтобы всѣ жили согласно, какъ братья, и поклонялись мнѣ, какъ ихъ властелину.

Дикъ. Первымъ дѣломъ мы убьемъ всѣхъ законниковъ.

Кэдъ. Да, это я и намѣренъ сдѣлать. Не истинная ли это жалость, чтобы изъ шкуры невинной овечки изготовляли пергаментъ? Чтобы этотъ пергаментъ, когда его сплошь испишутъ, могъ погубить человѣка? Говорятъ, что пчела жалитъ—а я говорю, что жалитъ воскъ. Я одинъ только разъ приложилъ воскомъ печать къ одному дѣлу—и съ тѣхъ поръ не могу успокоиться.—Эй! Кто тамъ?

Входятъ нѣсколько людей и вводятъ ЧЭТГЭМСКАГО КЛЕРКА.

Смисъ. Это клэркъ изъ Чэтгэма: онъ умѣетъ писать, читать и считать.

Кэдъ. Чудовище!

Смисъ. Мы застали его за просмотромъ тетрадей учениковъ.

Кэдъ. Онъ негодяй!

Смисъ. У него въ карманѣ книга съ красными буквами.

Кэдъ. А, такъ онъ, значитъ, колдунъ.

Дикъ. Да онъ можетъ сочинять обязательства и писать судейскимъ языкомъ.

Кэдъ. Очень жаль. Онъ человѣкъ хорошій, клянусь честью. Если я не признаю его виновнымъ, онъ не будетъ казненъ. Подойди сюда, молодецъ, я хочу разглядѣть тебя. Какъ твое имя?

Клеркъ. Эмануэль.

Дикъ. Это имя и пишутъ на заголовкахъ писемъ—тебѣ плохо придется.

Кэдъ. Оставь меня въ покоѣ. Ты подписываешь свое имя буквами, или имѣешь свой знакъ, какъ подобаетъ честному простому человѣку?

Клеркъ. Сэръ, я, слава Богу, достаточно образованъ, чтобы написать свое имя.

Всѣ. Онъ сознался. Взять его! Онъ негодяй и предатель!

Кэдъ. Взять его, говорю! Вздернуть его, повѣсивъ ему чернильницу и перо на шею.

(*Уходятъ нѣсколько человѣкъ, уводя съ собой клерка*).

Входитъ МИХАИЛЪ.

Михаилъ. Гдѣ нашъ генералъ?

Кэдъ. Вотъ я, подчиненный.

Михаилъ. Бѣги, бѣги, бѣги! Сэръ Гомфри Стаффордъ и его братъ подступаютъ съ королевскимъ войскомъ.

Кэдъ. Стой, негодяй, стой, или я тебя повалю. Со Стаффордомъ сразится—человѣкъ равный ему. Вѣдь онъ только рыцарь, не больше?

Михаилъ. Нѣтъ.

Кэдъ. Чтобы сравниться съ нимъ, я сейчасъ же произведу себя въ рыцари. (*Становится на колѣни*): Встань, сэръ Джонъ Мортимеръ (*Встаетъ*). Теперь впередъ ему на встрѣчу.

Входитъ СЭРЪ ГОМФРИ СТАФФОРДЪ *и его братъ* ВИЛЬЯМЪ *съ войскомъ и барабаннымъ боемъ.*

СТАФФОРДЪ.

Мятежниковъ и висѣльниковъ сбродъ,
Осадокъ грязный Кента, прочь оружье
И по домамъ! Оставьте негодяя:
Король проститъ, коль бросите его.

ВИЛЬЯМЪ СТАФФОРДЪ.

Не то прольетъ онъ въ гнѣвѣ вашу кровь,
Поэтому смиритесь иль умрите.

Кэдъ.

Не къ тѣмъ рабамъ, что разодѣты въ шелкъ—
Къ тебѣ, народъ мой добрый, обращаюсь,
Надъ кѣмъ царить я въ будущемъ надѣюсь,
Такъ какъ наслѣдникъ государства—я.

Стаффордъ.

Мошенникъ! Былъ отецъ твой штукатуромъ,
Ты стригъ овецъ, не такъ-ли?

Кэдъ.

Что же? Адамъ Садовникъ былъ.

Вильямъ Стаффордъ.

Такъ что же изъ того?

Кэдъ.

А вотъ что: Эдмундъ Мортимеръ, графъ Марчъ,
Дочь Кларенса въ супруги взялъ себѣ.

Стаффордъ.

Такъ.

Кэдъ.

И она ему родила двойни.

Вильямъ Стаффордъ.

Врешь.

Кэдъ.

Въ томъ и суть. Я говорю, что правда.
Кормилицѣ изъ нихъ былъ старшій отданъ,
И нищенкой украденный, не зная,
Кто онъ такой—онъ каменьщикомъ сталъ,
Я—сынъ его; оспаривай, коль можешь.

Дикъ.

Все истина, онъ будетъ королемъ.

Смитъ. Сэръ, онъ сложилъ трубу въ домѣ отца моего и кирпичи по сей день цѣлы, поэтому вы лучше не спорьте.

Стаффордъ.

Вы вѣрите подобному плуту?
Что говоритъ—онъ самъ не знаетъ.

Кэдъ.

Вѣримъ, Конечно, мы и лучше вамъ убраться.

Стаффордъ.

Джонъ Кэдъ, подъученъ герцогомъ ты Іоркскимъ?

Кэдъ *(про себя)*. Онъ лжетъ. Я самъ все это сочинилъ. Ступай, любезный, скажи отъ меня королю, что ради отца его, Генриха V, въ чье царствованіе ребятишки играли французскими кронами, я согласенъ, чтобы онъ царствовалъ, но пусть я буду надъ нимъ протекторомъ.

Дикъ. И кромѣ того мы требуемъ головы лорда Сэя за то, что онъ продалъ Мэнское герцогство.

Кэдъ. И вполнѣ правильно. Англія изуродована имъ, и ей пришлось бы ходить съ палкою, если-бы я не поддержалъ ее моимъ могуществомъ. Собратья короли! Говорю вамъ, что лордъ Сэй обрѣзалъ государство и превратилъ его въ евнуха. Мало того: онъ умѣетъ говорить по французски и слѣдовательно онъ—предатель.

Стаффордъ. О, что за грубое, презрѣнное невѣжество!

Кэдъ. Нѣтъ, отвѣть, если можешь; французы враги намъ, ну хорошо, такъ я вотъ о чемъ спрашиваю: тотъ, кто говоритъ на языкѣ врага, можетъ-ли быть добрымъ совѣтчикомъ: да или нѣтъ?

Всѣ. Нѣтъ, нѣтъ! Поэтому мы требуемъ его головы.

Вильямъ Стаффордъ.

Коль скоро словъ не слушаютъ они,
Иди на нихъ съ войсками короля.

Стаффордъ.

Ступай, герольдъ, провозгласи повсюду
Измѣнниками всѣхъ—приставшихъ къ Кэду,
Всѣхъ до конца сраженія бѣжавшихъ
Передъ глазами женъ ихъ и дѣтей
У ихъ воротъ повѣсятъ для примѣра.
За мною тѣ—кто преданъ королю.

(Оба Стаффорда съ войскомъ уходятъ).

Кэдъ.

А кто народу преданъ—всѣ за мною!
И съ мужествомъ сразитесь за свободу.
Мы всѣхъ дворянъ и лордовъ перебьемъ.
Тѣ, у кого въ заплатахъ башмаки—
Пускай живутъ, все это—честный людъ,
И къ намъ они пристали-бъ, еслибъ смѣли.

Дикъ.

Построились. Идутъ на насъ въ порядкѣ.

Кэдъ. Ну, а мы тогда въ порядкѣ, чѣмъ больше у насъ безпорядка.

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Другая часть Блэкхиза.

Тревога. Отряды входятъ и сражаются между собою, оба Стаффорда убиты.

Кэдъ. Гдѣ Дикъ, мясникъ изъ Ашфорда?

Дикъ. Здѣсь, сэръ.

Кэдъ. Враги падали передъ тобой, какъ овцы и быки, а ты распоряжался такъ, какъ если-бы ты былъ у себя на бойнѣ, поэтому я хочу наградить тебя: пусть будетъ постъ вдвое длиннѣе, чѣмъ теперь и ты получишь разрѣшенье бить еженедѣльно по сотнѣ безъ одного.

Дикъ. Я большаго не желаю.

Кэдъ. И, говоря по правдѣ, ты не заслуживаешь меньшаго. Этотъ памятникъ побѣды я буду носить *(надѣваетъ часть вооруженія Стаффорда)*, а тѣла пусть влачатся за копытами моей лошади, покуда я не дойду до Лондона, гдѣ передъ нами понесутъ мечъ лорда мэра.

Дикъ. Если мы намѣрены преуспѣвать и дѣлать добро—отворимъ темницы и выпустимъ заключенныхъ.

Кэдъ. Не безпокойся, за это я тебѣ ручаюсь. Итакъ, идемъ на Лондонъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Лондонъ. Покой во дворцѣ.

Король *читаетъ прошеніе, съ нимъ* Букингамъ *и* лордъ Сэй, *поодаль* королева *плачетъ надъ головой Суффолька.*

Королева.

Я слышала, что скорбь смягчаетъ духъ,
Становится слабѣй онъ, боязливѣй.
Такъ думай же о мести. Слезъ довольно!
Но кто бы могъ не лить ихъ, видя это?
Лишь голову его я обнимаю,
Но тѣло гдѣ, чтобъ къ сердцу мнѣ прижать?

Букингамъ. Ваше величество, какой отвѣтъ дадите вы на прошеніе бунтовщиковъ?

Король.

Епископа какого нибудь къ нимъ
Намѣренъ я отправить съ увѣщаньемъ.
Не дай Господь, чтобъ отъ меча погибло
Такъ много душъ. Не проливая крови,
Поговорю съ вождемъ ихъ, Джономъ Кэдомъ.
Но подожди, прошенье перечту.

Королева.

О, варвары презрѣнные! Ужели
Прекрасный ликъ, звѣздою путеводной
Сіявшій мнѣ—въ тѣхъ жалости не вызвалъ,
Кто созерцать его былъ недостоинъ?

Король.

Лордъ Сей, тебя Кэдъ обезглавить хочетъ.

Сэй.

Онъ ранѣе самъ будетъ обезглавленъ.

Король.

Какъ? Все еще грустите, королева,
По Суффолькѣ? Я, милая, боюсь,
Что если бы я умеръ—обо мнѣ
Ты горевать не стала-бъ такъ.

Королева.

Нѣтъ, милый,
Я-бъ не грустила, я бы умерла.

Входитъ гонецъ.

Король.

Какая вѣсть? Зачѣмъ ты такъ спѣшишь?

Гонецъ.

Мятежники вступили въ Соутуоркъ,
Бѣгите, государь. Себя Джонъ Кэдъ
Провозглашаетъ лордомъ Мортимеромъ,
И герцога Кларенскаго потомкомъ,
Крича, что вы престола похититель,
Въ Вестминстерѣ короноваться хочетъ.
Войска его: сбродъ всякихъ оборванцевъ—
Слугъ, мужичья — безжалостныхъ и грубыхъ;
Смерть Стаффордовъ обоихъ придала
Имъ храбрости идти впередъ. Ученыхъ,
Законниковъ, дворянъ, они считаютъ
За гусеницъ и обрекли ихъ смерти.

Король.

Жестокіе! Что дѣлаютъ—не знаютъ.

Букингамъ.

Мой государь, спѣшите въ Киллингвортъ,
Пока на нихъ мы соберемъ войска.

Королева.

О, еслибы въ живыхъ былъ герцогъ Суффолькъ,—
Онъ скоро бы смирилъ мятежныхъ кентцевъ!

Король.

Лордъ Сэй, тебя измѣнникъ ненавидитъ,
Отправишься ты съ нами въ Киллингвортъ.

Сэй.

Тогда-бъ я васъ опасности подвергъ.

Мой видъ имъ ненавистенъ, потому
Я въ городѣ останусь и намѣренъ
Скрываться здѣсь, насколько это можно.

Входитъ ДРУГОЙ ГОНЕЦЪ.

2-ОЙ ГОНЕЦЪ.
Кэдъ овладѣлъ и Лондонскимъ мостомъ;
Всѣ жители бѣгутъ, дома бросая,
Чернь, жадная къ наживѣ, пристаетъ
Къ измѣннику; всѣ сообща клянутся,
Что городъ весь и вашъ дворецъ разграбятъ.

БУКИНГАМЪ.
Не медлите и—на коня!

КОРОЛЬ.
Идемъ;
На Господа—надежда, Маргарита.

КОРОЛЕВА.
Нѣтъ Суффолька! Конецъ моей надеждѣ.

КОРОЛЬ.
Прощайте, лордъ. Мятежникамъ не вѣрьте.

БУКИНГАМЪ.
И никому—изъ страха предъ измѣной.

СЭЙ.
Я на мою невинность полагаюсь,
А потому рѣшителенъ и храбръ.

СЦЕНА V.

Тоуэръ.

ЛОРДЪ СКЭЛЬСЪ *и другіе—на стѣнѣ, внизу нѣсколько горожанъ.*

СКЭЛЬСЪ. Ну, что, убитъ Джонъ Кэдъ?

1-Й ГОРОЖАНИНЪ. Нѣтъ, милордъ, и не похоже на то, что онъ будетъ убитъ; они овладѣли мостомъ, всѣхъ перебивъ, кто имъ сопротивлялся; лордъ мэръ проситъ вашу милость прислать ему изъ Тоуэра подкрѣпленіе для защиты города отъ мятежниковъ.

СКЭЛЬСЪ.
Берите то, что уступить могу.
Мятежники тревожатъ и меня,
И Тоуэръ ужъ они пытались взять.
Сберите войско въ Смитфильдѣ, туда же
Я Мэтью Гау вамъ пришлю. Сразитесь
За короля, отечество и жизнь.
Простите же. Я долженъ возвратиться.
(Уходитъ).

СЦЕНА VI.

Кэннонъ-стритъ.

Входятъ Джонъ Кэдъ *и его приверженцы. Онъ ударяетъ жезломъ о лондонскій камень.*

КЭДЪ. Теперь Мортимеръ хозяинъ города. И вотъ, сидя здѣсь, на лондонскомъ камнѣ, я приказываю и повелѣваю, чтобы на счетъ города въ сточныхъ трубахъ текло одно красное вино—во весь первый годъ нашего царствованія. И отнынѣ всякій, кто не назоветъ меня лордомъ Мортимеромъ—будетъ считаться измѣнникомъ.

Вбѣгаетъ СОЛДАТЪ.

СОЛДАТЪ. Джонъ Кэдъ! Джонъ Кэдъ!

КЭДЪ.
Положить его на мѣстѣ! *(Солдата убиваютъ).*

СМИТЪ. Если у этого малаго есть здравый смыслъ, онъ никогда уже больше не назоветъ васъ Джономъ Кэдомъ: онъ получилъ достаточно вѣское предупрежденіе.

ДИКЪ. Милордъ, въ Смитфильдѣ собраны войска.

КЭДЪ. Ну, тогда идемъ сразиться съ ними, но прежде ступайте и подожгите лондонскій мостъ, а если можно, то и—Тоуэръ. Идемъ. (*Уходятъ*).

СЦЕНА VII.

Смитфильдъ.

Тревога. Входятъ съ одной стороны Кэдъ *и его* ОТРЯДЪ, *съ другой—граждане и королевскія войска подъ начальствомъ* МЭТЬЮ ГАУ. *Они сражаются.* МЭТЬЮ ГАУ *убитъ.*

КЭДЪ. Вотъ такъ, господа. А теперь пусть нѣсколько человѣкъ отправятся и разнесутъ Савойскій дворецъ, а другіе пусть возьмутся за суды. Долой все!

ДИКЪ. У меня просьба къ вашей свѣтлости.

КЭДЪ. За это слово все исполню—даже если попросишь сдѣлать тебя лордомъ.

ДИКЪ. Я прошу только, чтобы законы Англіи исходили изъ вашихъ устъ.

ДЖОНЪ (*въ сторону*). Но такъ это будутъ больные законы, потому что ему ткнули копьемъ въ ротъ и рана еще не зажила.

СМИСЪ (*въ сторону*). Нѣтъ, Джонъ, это будетъ вонючій законъ; у него несетъ изо рта поджареннымъ сыромъ.

КЭДЪ. Я объ этомъ думалъ, и такъ оно и будетъ. Впередъ, сожгите всѣ государственные акты. Мой ротъ будетъ англійскимъ парламентомъ.

ДЖОНЪ КЭДЪ ВЪ ЛОНДОНѢ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Джонъ *(въ сторону)*. Значитъ, у насъ будутъ кусающіе законы, пока у него не выбьютъ зубовъ.

Кэдъ. И отнынѣ все будетъ общимъ.

Входитъ гонецъ.

Гонецъ. Милордъ—добыча у насъ, добыча! Вотъ лордъ Сэй, который продалъ города Франціи и заставилъ насъ платить двадцать одинъ разъ по пятнадцатой и по шилингу съ фунта, собирая подать на послѣднюю войну.

Входитъ Джоржъ Бевисъ *съ* лордомъ Сэй.

Кэдъ. За это ему десять разъ снесутъ голову. Ахъ ты, Сэй, кисейный лордъ! теперь ты попался нашему королевскому суду. Какъ ты оправдаешься передъ моимъ величествомъ въ томъ, что отдалъ Нормандію Monsieur Basimecu, дофину Франціи? Да будетъ тебѣ объявлено отъ имени моего, лорда Мортимера, что я метла, которая должна вымести со двора такой соръ, какъ ты. Ты предательски развратилъ молодежь королевства тѣмъ, что завелъ школы. Наши предки не знали другихъ книгъ, кромѣ бирки, ты же ввелъ книгопечатаніе. Во вредъ королю, его коронѣ и достоинству, ты выстроилъ бумажную фабрику. Тебѣ будетъ доказано въ лицо, что около тебя есть люди, говорящіе зачастую о существительныхъ и глаголахъ и употребляющихъ такія отвратительныя слова, какимъ христіанину не въ моготу и слушать. Ты назначилъ мировыхъ судей, призывающихъ къ отвѣту бѣдныхъ людей по дѣламъ, по которымъ они не въ состояніи что либо отвѣтить. Мало того, ты ихъ сажалъ въ тюрьмы, а такъ какъ они не умѣли читать, то ты вѣшалъ ихъ. А между тѣмъ, этимъ они больше всего были достойны жизни. Ты ѣздишь на лошади, покрытой попоной, не правда-ли?

Сэй. Что же изъ этого?

Кэдъ. А то, что тебѣ не слѣдовало прикрывать лошадь плащемъ, когда люди, болѣе достойные чѣмъ ты, ходятъ въ штанахъ и курткѣ.

Дикъ. И работаютъ просто въ рубашкѣ, какъ напримѣръ я, мясникъ.

Сэй. Послушайте, жители Кента...

Дикъ. Что ты скажешь про Кентъ?

Сэй. Только одно: это *bona terra, mala gens.*

Кэдъ. Прочь его, прочь. Онъ говоритъ по латыни.

Лордъ Сэй.

Послушайте, а тамъ, куда хотите,
Вы можете меня отправить. Цезарь
Въ своихъ запискахъ говоритъ о Кентѣ,
Что—это самый просвѣщенный край
На островѣ британскомъ, живописный,
Зажиточный. Народъ—великодушенъ,
Богатъ и смѣлъ, а потому, надѣюсь,
Что свойственно и состраданье вамъ.
Не продавалъ Нормандіи я съ Мэномъ,
Но далъ бы жизнь за возвращенье ихъ.
Мой судъ всегда былъ милостивъ, и слезы—
Но не дары—могли меня смягчить.
И подати взималъ я лишь на пользу
Страны и короля, и васъ самихъ,
Я одарялъ ученыхъ, потому что
Самъ отличенъ монархомъ за науку.
Невѣжество—Господня кара, знанья—
Вотъ крылья тѣ, что къ небесамъ возносятъ.
Когда не одержимы духомъ злобы—
Вы убивать не станете меня.
Для вашего же блага, съ королями
Чужихъ земель я велъ переговоры...

Кэдъ.

Молчи! Въ бою нанесъ ли ты ударъ?

Сэй.

У сильныхъ руки длинныя, и часто
Я поражалъ враговъ незримыхъ на смерть.

Джорджъ.

О, низкій трусъ! Ты сзади нападалъ?

Сэй.

Я блѣденъ сталъ, трудясь на вашу пользу.

Кэдъ.

Дай по уху ему, чтобъ покраснѣлъ.

Сэй.

Я, разбирая тяжбы неимущихъ,
Самъ захирѣлъ и вѣчно я болѣю.

Кэдъ. Мы угостимъ тебя пеньковымъ вервіемъ, а затѣмъ полѣчимъ топоромъ.

Дикъ. Ты чего же дрожишь?

Сэй.

Дрожь вызвана не страхомъ, а недугомъ.

Кэдъ. Нѣтъ, онъ киваетъ головою, какъ будто хочетъ сказать: я съ вами расквитаюсь. Посмотримъ, будетъ ли она тверже держаться на шестѣ? Увесть его и обезглавить!

Сэй.

Скажите мнѣ: въ чемъ больше я виновенъ?
Почета я иль денегъ добивался?
Набилъ сундукъ награбленной казной?
Иль роскошью нарядъ мой поражаетъ?
Кого обидѣлъ я, что вы хотите
Убить меня? Отъ крови руки чисты,
Отъ помысловъ лукавыхъ—грудь моя.
Оставьте же мнѣ жизнь.

Кэдъ *(про себя)*. Слова его пробуждаютъ во мнѣ укоръ совѣсти, но я подавлю его. Онъ умретъ, хотя бы изъ-за того, что такъ хорошо защищаетъ свою жизнь. Ведите его. У него подъ языкомъ нечистый, онъ говоритъ не отъ имени Господа. Взять его, говорю я, и отрубить ему голову. Затѣмъ вломитесь въ домъ къ его зятю, сэръ Джемсу Кромеру, обезглавьте его, и принесите сюда на шестахъ головы обоихъ.

Всѣ. Будетъ исполнено.

Сэй.

Сограждане! Что еслибъ и Господь
Мольбы не принялъ вашей—каково
Въ предсмертный часъ пришлось бы вашимъ душамъ?
Смягчитесь же, и жизнь оставьте мнѣ.

Кэдъ. Уведите его и сдѣлайте, какъ я приказалъ. *(Нѣсколько человѣкъ уводятъ лорда Сэя).* Самый гордый пэръ во всемъ королевствѣ не сноситъ голову на плечахъ, если не заплатитъ мнѣ дани, ни одна дѣвушка не выйдетъ замужъ, не заплативъ мнѣ своею дѣвственностью, мужчины будутъ зависѣть отъ меня in capite и мы приказываемъ и повелѣваемъ, чтобы жены ихъ были такъ свободны, какъ только сердце можетъ пожелать, а языкъ—выразить.

Дикъ. Милордъ, когда же мы пойдемъ въ Чипсайдъ и расквитаемся за товары—оружіемъ?

Кэдъ. Понятно, сейчасъ же.

Всѣ. Вотъ отлично!

(Возвращаются мятежники, неся головы лорда Сэя и его зятя).

МЯТЕЖНИКИ НЕСУТЪ НА ШЕСТАХЪ ГОЛОВЫ ЛОРДА СЭЯ И ЕГО ЗЯТЯ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Кэдъ. А развѣ это и еще того не лучше? Пусть поцѣлуются, вѣдь они любили другъ друга при жизни. А теперь—разлучите ихъ, не то они сговорятся отдать Франціи еще другіе города. Солдаты, отложите грабежъ города до ночи; предшествуемые этими головами вмѣсто жезловъ—мы хотимъ проѣхать по улицамъ и заставить ихъ цѣловаться на каждомъ перекресткѣ. *(Уходятъ).*

СЦЕНА VIII.

Тревога. Входитъ Кэдъ *съ шайкою.*

Кэдъ. Вверхъ по Рыбной улицѣ! Внизъ къ углу святого Магнуса! Бейте, валите ихъ, бросайте ихъ въ Темзу! *(Трубятъ къ переговорамъ, затѣмъ отбой).* Что это я слышу за шумъ? Кто настолько дерзокъ, что осмѣливается трубить отбой или къ переговорамъ, когда я приказываю бить?

Входятъ Букингамъ *и старый* Клиффордъ *съ войсками.*

Букингамъ.

Препятствовать тебѣ хотимъ и смѣемъ;
Знай, Кэдъ, что мы—послы отъ государя
Къ введенному тобою въ соблазнъ народу—
Прощенье всѣмъ здѣсь объявляемъ, кто,
Покинувши тебя, вернется въ домъ свой.

Клиффордъ.

Что скажете, сограждане? Смягчитесь
И примете предложенную милость,
Иль поведетъ мятежникъ васъ на смерть?
Тѣ, кто, любя монарха, милость примутъ,
Пусть кинутъ шапки вверхъ и закричатъ:
—Да здравствуетъ король! Кто врагъ ему,
И кѣмъ не почитаемъ Генрихъ Пятый,
Передъ которымъ Франція дрожала—
Мечомъ взмахнувъ, пускай проходитъ мимо.

Всѣ.

Да здравствуетъ король! bis).

Кэдъ. Какъ, Букингамъ и Клиффордъ, неужели вы такъ храбры? А вы, низкое мужичье, неужели вы вѣрите имъ? Или вы хотите, чтобъ васъ повѣсили съ вашими прошеніями на шеѣ? Для того-ли мечъ мой прорубился сквозь лондонскія ворота, чтобы вы оставили меня у Бѣлаго Оленя, въ Соутуоркѣ? Я думалъ, что вы не положите оружія до тѣхъ поръ, пока не вернете свою

прежнюю свободу. Но всѣ вы трусы и мямли, вамъ нравится жизнь въ рабствѣ у дворянъ. Пусть они тяжелыми ношами ломятъ вамъ спины, пусть отнимаютъ у васъ изъ-подъ носу ваши дома, похищаютъ у васъ на глазахъ вашихъ женъ и дочерей. Что касается меня, то я самъ постою за себя. Итакъ, да будетъ вамъ Божье проклятье легкою ношей.

Всѣ. Мы пойдемъ за Кэдомъ (bis).

КЛИФФОРДЪ.

Не Генриху-ли Пятому онъ сынъ,
Что криками такими заявили
Готовность всѣ послѣдовать за Кэдомъ?
Иль поведетъ во Францію онъ васъ
И въ герцоги произведетъ и въ графы?
Нѣтъ у него ни дома, ни пріюта,
И самъ живетъ лишь тѣмъ, что обираетъ
Онъ вашихъ же друзей и насъ. Не стыдно-ль,
Что между тѣмъ какъ вы чините смуты—
Тѣ самые трусливые французы,
Которыхъ вы бивали такъ недавно,
Изъ-за моря нахлынувъ, васъ побьютъ?
Мнѣ кажется среди междоусобій,
Что вижу здѣсь хозяевами ихъ,
И встрѣчнымъ всѣмъ кричатъ они:—мужикъ!
Пусть лучше гибнутъ десять тысячъ Кэдовъ,
Чѣмъ вы подъ власть французовъ попадете!
Во Францію! Вернемъ свои потери!
Но Англію родную пожалѣйте.
Король богатъ, вы сильны и храбры.
Господь за насъ! Побѣда несомнѣнна!

Всѣ. Да здравствуетъ Клиффордъ! Идемъ за королемъ и Клиффордомъ.

Кэдъ. Перо, которое вѣтеръ носитъ взадъ и впередъ, не такъ легко мѣняетъ направленіе, какъ эта толпа. Имя Генриха Пятаго влечетъ ихъ за сотни бѣдъ и заставляетъ покинуть меня. Я вижу, какъ они сговариваются, чтобы меня захватить. Мечъ мой проложитъ мнѣ дорогу, такъ какъ здѣсь нечего оставаться. На зло аду и чертямъ, пробьюсь сквозь самую вашу середину. Пусть небо и честь будутъ мнѣ свидѣтелями, что не недостатокъ рѣшимости съ моей стороны, а низкая и безстыдная измѣна моихъ приверженцевъ заставляетъ меня бѣжать. *(Уходитъ).*

БУКИНГАМЪ.

Какъ, онъ бѣжалъ? Скорѣй за нимъ въ погоню
Кто голову измѣнника доставитъ
Самъ королю—кронъ тысячу получитъ.
(Нѣкоторые уходятъ).
За мной, бойцы, и средство мы измыслимъ
Для примиренья всѣхъ васъ съ королемъ.
(Уходятъ).

СЦЕНА IX.

Замокъ Киллингвортъ.

Трубы. На террасу замка входятъ КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА *и* СОМЕРСЕТЪ.

КОРОЛЬ.

Бывалъ ли въ цѣломъ мірѣ государь,
Что менѣе бы радовался власти?
Едва изъ колыбели—коронованъ
Я девяти лишь мѣсяцевъ отъ роду.
Стать королемъ такъ подданный не хочетъ,
Какъ сдѣлаться я подданнымъ хочу.

Входятъ БУКИНГАМЪ *и* СТАРЫЙ КЛИФФОРДЪ.

БУКИНГАМЪ.

Привѣтъ и вѣсть счастливая монарху!

КОРОЛЬ.

Какъ Букингамъ? Ужели взятъ измѣнникъ?
Иль отступилъ затѣмъ, чтобъ укрѣпиться?
(Внизу появляется толпа сторонниковъ Кэда съ веревками на шеѣ).

КЛИФФОРДЪ.

Онъ самъ бѣжалъ, войска его сдались,
Съ петлей на шеѣ, ждутъ они смиренно
Отъ васъ рѣшенья жизни или смерти.

КОРОЛЬ.

Отверзи небо вѣчныя врата—
Прими хвалу мою и благодарность.
Бойцы! Спасли вы нынѣ вашу жизнь,
Явивъ любовь странѣ и государю.
Останьтесь же вы на пути добра,
И Генрихъ, какъ бы ни былъ онъ несчастливъ—
Увѣрьтесь въ томъ—немилостивъ не будетъ.
Дарую вамъ признательность, прощенье—
На родину пускай вернутся всѣ.

Всѣ.

Да здравствуетъ король нашъ!

Входитъ ГОНЕЦЪ.

ГОНЕЦЪ.

Государь,
Дозвольте доложить, что герцогъ Іоркъ
Вернулся отъ ирландцевъ съ сильнымъ войскомъ

КЭДЪ ВО ГЛАВѢ МЯТЕЖНИКОВЪ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Изъ галлогласовъ дикихъ, мощныхъ керновъ,
И шествуетъ сюда въ порядкѣ стройномъ.
Онъ говоритъ, что съ тѣмъ лишь взялъ оружье,
Чтобъ устранить милорда Сомерсета,
Котораго измѣнникомъ зоветъ.

Король.

Межъ Кэдомъ и межъ Іоркомъ государство
Подобно кораблю: избѣгнувъ бурь,
Въ затишьѣ онъ—пиратомъ осаждаемъ.
Отброшенъ Кэдъ, отрядъ его разсѣянъ—
И чтожъ? его смѣняетъ герцогъ Іоркъ!
Прошу, къ нему отправься, Букингамъ,
Спроси его: зачѣмъ вооружился?
Скажи ему, что въ Тоуэръ Сомерсета
Отправилъ я, онъ тамъ пробудетъ,
Покуда войско не распуститъ Іоркъ.

Сомерсетъ.

Я, государь, для блага государства
На смерть пойду, нетолько въ заточенье.

Король.

Чтобъ ни было—не говори съ нимъ рѣзко,
Вѣдь онъ горячъ и грубыхъ словъ не стерпитъ.

Букингамъ.

Я, государь, вести съумѣю дѣло,
Чтобъ кончилось оно на благо вамъ.

Король.

Правленію, жена, идемъ учиться,
Его пока лишь могутъ проклинать.
(Уходятъ).

СЦЕНА X.

Кентъ. Садъ Айдона.

Входитъ Кэдъ.

Кэдъ. Позоръ честолюбью! Позоръ мнѣ самому! Имѣя при себѣ мечъ, я готовъ умереть съ голоду. Послѣдніе пять дней я прятался въ этихъ лѣсахъ и не смѣлъ выглянуть оттуда, такъ какъ во всемъ краю меня ищутъ, но теперь я ужъ такъ изголодался, что дольше не могу выдержать, хотя бы даже получилъ обѣщаніе прожить еще тысячу лѣтъ. Поэтому я перелѣзъ черезъ кирпичную стѣну въ этотъ садъ, чтобы посмотрѣть, не найду ли я поѣсть какой-нибудь травы или салата, оно недурно для прохлажденія желудка въ жаркую погоду. Мнѣ кажется, что самое слово: салатъ, какъ будто рождено мнѣ на благо. Какъ часто, когда меня томила жажда, а я бодро шелъ впередъ, листъ салата служилъ мнѣ вмѣсто кружки для того, чтобы напиться, а теперь онъ послужилъ мнѣ пищею.

Входитъ Айденъ. *Позади—*слуги.

Айденъ.

Ну, кто живя въ придворной суетѣ,
Подобною прогулкой насладится?
Покойнаго отца наслѣдствомъ малымъ
Доволенъ я; оно державы стоитъ.
Въ чужомъ паденьѣ не ищу величья,

И съ завистью богатства не коплю
Довольно мнѣ, чтобъ содержать имѣнье
И всѣмъ помочь, кто проситъ у воротъ.

Кэдъ. Вотъ хозяинъ, онъ пришелъ схватить меня какъ бродягу за то, что я ступилъ безъ спросу на его землю. А, негодяй! Ты хочешь выдать меня и получить отъ короля тысячу кронъ за мою голову? Но прежде чѣмъ мы разстанемся, я заставлю тебя съѣсть желѣзо подобно страусу и ты проглотишь мой мечъ, какъ булавку.

Айденъ.

Я, грубіянъ, совсѣмъ тебя не знаю,
Съ какой же стати я тебя предамъ?
Достаточно, что ты ворвался въ садъ—
Владѣнія мои, подобно вору,
И перелѣзъ безъ спроса чрезъ заборъ,
А ты еще мнѣ угрожаешь дерзко?

Кэдъ. Угрожаю тебѣ? Да, клянусь самой благородной кровью, какая когда либо была пролита, я еще вцѣплюсь тебѣ въ бороду. Посмотри-ка на меня хорошенько, я уже пять дней не ѣлъ мяса и тѣмъ не менѣе подойди-ка ты и пятеро твоихъ слугъ, и пусть Господь Богъ не дастъ мнѣ больше ѣсть травы, если я не прибью васъ замертво, какъ дверные гвозди.

Айденъ.

Пока стоитъ Британія—не скажутъ,
Что сквайръ изъ Кента, Айденъ Александръ,
Со слугами—голоднаго осилилъ.
Въ глаза мои ты пристально смотри
И взорами помѣряйся; съ собою
Сравни меня—за членомъ членъ. Ты—мельче,
Рука твоя передъ моею—палецъ,
Нога—лишь палка предъ такимъ бревномъ,
Ступня моя равна съ тобою силой,
И если я рукою замахнусь,
То для тебя въ землѣ готова яма.
Что до рѣчей, что требуютъ отвѣта,—
Пусть скажетъ мечъ—о чемъ смолчалъ языкъ.

Кэдъ. Клянусь моей доблестью! Вотъ самый совершенный воинъ, о какомъ я когда-либо слыхалъ! Клинокъ, если остріе твое согнется, или ты не изрѣжешь этого дюжаго болвана на ломти мяса прежде чѣмъ вернешься въ свои ножны, я на колѣняхъ умоляю Творца, чтобы онъ обратилъ тебя въ гвоздь для подковы. *(Они бьются. Кэдъ падаетъ).* О, я убитъ! Голодъ и не кто иной убилъ меня. Выпустите противъ меня десять тысячъ чертей и дайте мнѣ съѣсть тѣ десять обѣдовъ, которыхъ я былъ лишенъ, и я справлюсь со всѣми ими. Садъ, увянь и будь отнынѣ могилою для всѣхъ живущихъ въ этомъ домѣ, такъ какъ здѣсь отлетѣла непобѣдимая душа Кэда.

Айденъ.

Что? Кэдъ убитъ? Чудовищный измѣнникъ?
Тебя, мой мечъ, за то благословляю,
Пусть надъ моей могилой ты висишь.
Я съ лезвія не смою крови. Въ ней
Красуйся, какъ герольдъ въ своемъ уборѣ,
И возвѣщай о славѣ господина.

Кэдъ. Прощай, Айденъ, гордись своей побѣдой. Скажи отъ меня Кенту, что онъ лишился лучшаго изъ своихъ сыновъ и убѣди людей быть трусами, такъ какъ я, никогда ничего не боявшійся, побѣжденъ не мужествомъ, но голодомъ. *(Умираетъ).*

Айденъ.

Суди насъ Богъ, меня ты оскорбляешь!
Умри, злодѣй, ты—матери проклятье!
Какъ погрузилъ тебѣ я въ тѣло мечъ,
Такъ душу въ адъ хотѣлъ бы погрузить я.
Я за ноги теперь до ямы сорной
Стащу тебя, ты въ ней найдешь могилу.
А голову безстыдную срубивъ,
Ее снесу монарху съ торжествомъ
И воронамъ въ добычу брошу тѣло.

(Уходятъ Айденъ, волочащій тѣло, и слуги).

АЙДЕНЪ ПРИНОСИТЪ ГЕНРИХУ VI ГОЛОВУ КЭДА.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Поле между Дартфордомъ и Блэкхизомъ.

Лагерь короля съ одной стороны. Съ другой входитъ Іоркъ, *окруженный свитой, на разстояніи—его войска.*

Іоркъ.

Вернулся Іоркъ, чтобъ право предъявить
И съ Генриха сорвать его корону.
Колокола звоните и пылайте
Вездѣ огни—во славу короля
Законнаго всей Англіи великой!
О, sancta majestas! Кто за тебя
И дорогой цѣною не заплатитъ?
Тотъ покорись, кто властвовать не зналъ!
Лишь золото къ моей рукѣ пристало,
Осуществить могу свои слова,
Держи въ рукѣ лишь скипетръ или мечъ.
Клянусь душой, что скипетръ я добуду
И лиліи французскія на немъ
Подбрасывать я стану. *(Входитъ Букингамъ).*
Кто же это?
(Про себя). Ко мнѣ врасплохъ явился Букингамъ.
Отъ короля онъ присланъ. Притворимся.

Букингамъ.

Коль ты съ добромъ—привѣтъ мой добрый Іорку.

Іоркъ.

Его я принимаю, Букингамъ.
Ты здѣсь посломъ иль просто отъ себя?

Букингамъ.

Отъ государя нашего посломъ,

Чтобъ знать, зачѣмъ ты мирною порою
Оружье взялъ и—подданный, какъ я,
Ты, вопреки присягѣ и обѣту,
Безъ разрѣшенья эту рать собралъ
И ко двору подвелъ ее такъ близко?

Іоркъ (*про себя*).

Едва могу отъ гнѣва говорить.
Разбивъ скалу, ея обломкомъ биться
Могу теперь—взбѣшенный рѣчью низкой;
Какъ въ древности Аяксъ, я на барановъ
И на волковъ обрушить гнѣвъ способенъ!
Я короля знатнѣе; по осанкѣ
И помысламъ я—болѣе король.
Но долженъ покоряться я, покуда
Не станетъ онъ слабѣе, я—сильнѣй!
(*Громко*). О, Букингамъ, прости меня, прошу,
Что долго такъ я не давалъ отвѣта.
Душа моя полна глубокой скорбью.
Войска привелъ я съ тѣмъ, чтобъ Сомерсета,
Зловреднаго для короля и царства,
Отъ близости къ монарху устранить.

Букингамъ.

Ты черезчуръ самонадѣянъ. Если
Для этого вооружился ты—
Король и такъ твою исполнилъ просьбу,
Онъ въ Тоуэръ ужъ отправилъ Сомерсета.

Іоркъ.

Ты честью поклянешься: онъ въ тюрьмѣ?

Букингамъ.

Что онъ въ тюрьмѣ—я честью поклянусь.

Іоркъ.

Тогда войска я распущу. Солдаты,
Всѣхъ васъ благодарю я. Расходитесь.
Въ Сенъ-Джорджъ ко мнѣ придите завтра въ поле—
За платою и за наградой вашей.
Пусть первенца, нѣтъ—всѣхъ моихъ сыновъ
Потребуетъ нашъ милостивый Генрихъ—
Любви моей и вѣрности залогомъ,—
Я всѣхъ пришлю—такъ вѣрно, какъ живу.
Коней, оружье, земли—все ему,
Лишь только-бъ умеръ Сомерсетъ — отдамъ я.

Букингамъ.

Хвалю тебя за добрую покорность.
Идемъ же вмѣстѣ къ королю въ шатеръ.

Входитъ король *со свитою.*

Король.

Но развѣ зла намъ не желаетъ Іоркъ,
Что объ руку идетъ онъ съ Букингамомъ?

Іоркъ.

Въ смиреніи, съ покорностью полнѣйшей,
Является передъ государемъ Іоркъ.

Король.

Зачѣмъ же ты привелъ сюда войска!

Іоркъ.

Предателя хотѣлъ я, Сомерсета,
Изгнать отъ васъ и биться съ дерзкимъ Кэдомъ,
Но слышу я, что бунтовщикъ разбитъ.

Входитъ Айденъ *съ головою Кэда.*

Айденъ.

Когда дерзаетъ человѣкъ простой
Предъ королемъ явиться—то въ подарокъ
Я голову измѣнника принесъ.
Вотъ голова убитаго мной Кэда.

Король.

Что? Кэда голова? О правый Боже,
На мертвое лицо того взгляну я,
Кто, будучи живымъ, тревожилъ насъ.
Скажи мнѣ, другъ, ты умертвилъ его?

Айденъ.

Я, государь.

Король.

А какъ зовешься? Званья
Какого ты?

Айденъ.

Я Айденъ, бѣдный сквайръ
Изъ Кента я и преданъ государю.

Букингамъ.

Быть можетъ, вамъ угодно, государь,
Въ санъ рыцаря возвесть его за подвигъ?

Король.

Склони колѣна!

(*Айденъ преклоняетъ колѣна*).

Рыцарь Айденъ, встань!

(*Айденъ встаетъ*).

Въ награду марокъ тысячу получишь.
Тебя хотимъ на службу нашу взять.

Айденъ.

Пусть я живу, чтобъ милость заслужить
И до конца быть вѣрнымъ государю.

Король.

Вотъ Сомерсетъ идетъ къ намъ съ королевой.
Скажи ему, чтобъ онъ отъ Іорка скрылся.

Входятъ КОРОЛЕВА *и* СОМЕРСЕТЪ.

КОРОЛЕВА.

Не скроется отъ тысячи онъ Іорковъ,
Но смѣло станетъ съ нимъ лицомъ къ лицу.

ІОРКЪ.

Какъ? Сомерсетъ свободенъ? Дай же волю
Ты помысламъ, столь долго заключеннымъ,
И съ сердцемъ пусть сравняется языкъ:
Перенесу ль я Сомерсета видъ?
Король лукавый, ты нарушилъ слово,
Хотя и зналъ, что не стерплю обиды.
Я королемъ зову тебя? Но, нѣтъ,
Ты не король, страной не можетъ править
Тотъ, кто смирить измѣнника не смѣетъ.
Тебѣ корона не пристала; посохъ
Паломника рукѣ твоей держать,
Не украшать монарха грозный скипетръ!
Пускай вѣнецъ мнѣ осѣнитъ чело.
Сіяніе его или угрюмость,
Подобно Ахиллесову копью,
Цѣлить и ранить могутъ перемѣнно.
Моя рука возвысить можетъ скипетръ
И имъ внушить къ закону уваженье.
Мнѣ уступи ты мѣсто. Я клянусь:
Ты больше тѣмъ повелѣвать не будешь,
Кто созданъ, чтобъ тобой повелѣвать.

СОМЕРСЕТЪ.

Чудовищный предатель! За измѣну
Странѣ и государю, герцогъ Іоркъ,
Беру тебя подъ стражу. Повинуйся,
О милости проси, склонивъ колѣна.

ІОРКЪ.

Мнѣ преклонить колѣна? У дѣтей
Спрошу сперва, потерпятъ ли они,
Чтобъ я склонилъ колѣни передъ смертнымъ?
Зовите сыновей! Они—порукой;
Мечи свои скорѣй они заложатъ,
Чѣмъ допустить, чтобы я задержанъ былъ.

КОРОЛЕВА.

За Клиффордомъ послать. Пускай рѣшитъ,
Принять ли незаконныхъ сыновей
За ихъ отца измѣнника залогомъ?

ІОРКЪ.

Запятнанная кровью чужеземка,
Измѣнница Неаполя и бичъ
Британіи кровавый! Дѣти Іорка,
Которыя тебя рожденьемъ выше,
Порукою послужатъ за отца.
Проклятье тѣмъ, кто ихъ въ залогъ не приметъ.
Но вотъ они и все теперь уладятъ.

КОРОЛЕВА.

Вотъ Клиффордъ. Онъ отвергнетъ ихъ поруку.

Входятъ съ одной стороны ЭДУАРДЪ *и* РИЧАРДЪ ПЛАНТАГЕНЕТЪ *съ войсками. Съ другой стороны*—КЛИФФОРДЪ *съ сыномъ, также въ сопровожденіи войска.*

СТАРЫЙ КЛИФФОРДЪ.

Да здравствуетъ король, мой повелитель!
(Преклоняетъ колѣна).

ІОРКЪ.

Благодарю. Какія вѣсти, Клиффордъ?
Насъ не пугай такимъ суровымъ взоромъ,
Мы—твой король. Склони опять колѣна
И мы тебѣ ошибку извинимъ.

СТАРЫЙ КЛИФФОРДЪ.

Вотъ мой король, я не ошибся, Іоркъ.
Ошибся ты, меня въ томъ заподозривъ.
Въ Бедламъ его! Онъ вѣрно обезумѣлъ.

КОРОЛЬ.

Да, Клиффордъ! Духъ безумный честолюбья
Его возстановляетъ противъ насъ.

СТАРЫЙ КЛИФФОРДЪ.

Измѣнникъ онъ. Отправить въ Тоуэръ
И голову мятежную долой.

КОРОЛЕВА.

Задержанъ онъ, но слушаться не хочетъ.
И сыновей поруку предлагаетъ.

ІОРКЪ.

Вы за меня готовы поручиться?

ЭДУАРДЪ.

Да, если слово пользу принесетъ.

РИЧАРДЪ.

А если нѣтъ—мечи на пользу будутъ.

СТАРЫЙ КЛИФФОРДЪ.

Тутъ цѣлое измѣнниковъ гнѣздо.

ІОРКЪ.

Такъ въ зеркалѣ свой образъ назови.
Я—твой король, а ты предатель лживый.
Позвать сюда моихъ медвѣдей храбрыхъ,
Они однимъ побрякиваньемъ цѣпи
Всѣхъ этихъ злыхъ щенковъ перепугаютъ.
Я Уорика и Сольсбери прошу.

Входятъ УОРИКЪ *и* СОЛЬСБЕРИ *съ войсками.*

СТАРЫЙ КЛИФФОРДЪ.

Такъ вотъ твои медвѣди! Ихъ затравимъ,

А вожака въ ихъ цѣпи закуемъ,
Когда дерзнетъ ихъ вывести на травлю.

Ричардъ.
Горячихъ псовъ я видѣлъ зачастую,
Что лаяли и съ привязи рвались,
Но съ лапою медвѣжьей познакомясь,
Поджавъ хвосты, бѣжали съ визгомъ прочь.
Такую жъ вы окажете услугу,
Коль съ Уорикомъ помѣряться дерзнете.

Старый Клиффордъ.
Скопленье злобы, непереваренный
Желудкомъ комъ! Уродъ душой и тѣломъ!

Іоркъ.
Ну, скоро мы вамъ жару зададимъ.

Старый Клиффордъ.
Смотри: на немъ не обожгитесь сами.

Король.
Что, Уорикъ, ты склоняться разучился?
О, Сольсбери, позоръ твоимъ сѣдинамъ!
Безумный вождь помѣшаннаго сына!
Ты, глядя въ гробъ, возстанье затѣваешь
И чрезъ очки высматриваешь бѣды.
Но гдѣ жъ искать намъ вѣрности и чести?
Когда ихъ нѣтъ подъ сѣдиной морозной—
Гдѣ въ мірѣ есть убѣжище для нихъ?
Иль въ гробѣ ты искать войну желаешь,
Почтенный возрастъ кровью запятнавъ?
Неопытенъ ты развѣ? Если нѣтъ,
Зачѣмъ во зло употребляешь опытъ?
Стыдись! Склони колѣна предо мной,
Склонившійся подъ гнетомъ лѣтъ къ могилѣ.

Сольсбери.
Милордъ!—права стоящаго предъ нами
Прославленнаго Іорка—взвѣсилъ я.
По совѣсти я герцога считаю
Наслѣдникомъ законнѣйшимъ престола.

Король.
Ты въ вѣрности клялся мнѣ?

Сольсбери.
Да, клялся.

Король.
Предъ Господомъ ужель не сдержишь клятву?

Сольсбери.
Да, присягать грѣху—великій грѣхъ,
Но большій грѣхъ—сдержать обѣтъ грѣховный.
Кого возможно клятвой обязать:
Убійцей стать, ограбить человѣка,
И дѣвушку невинности лишить,
У сироты отнять его наслѣдство,
И у вдовы—законныя права,
И совершить все это безъ причины,
Но въ силу лишь обѣта одного?

Королева.
Предатель не нуждается въ софистѣ.

Король.
Пусть Букингамъ возьмется за оружье.

Іоркъ.
Зови его и всѣхъ твоихъ друзей.
Достигну я иль смерти или власти.

Клиффордъ.
Да, перваго, когда правдивы сны.

Уорикъ.
Ложись въ постель, чтобы сны увидѣть снова
И въ ратномъ полѣ бури избѣжать.

Клиффордъ.
Рѣшился я такую вынесть бурю,
Какой тебѣ сегодня не поднять.
О ней впишу я на твоемъ же шлемѣ,
Когда тебя узнаю по гербу.

Уорикъ.
Клянусь тебѣ гербомъ Невилей древнимъ,
Отца гербомъ: медвѣдь на заднихъ лапахъ
Прикованный къ дубинѣ суковатой—
Его на шлемъ я вздѣну—такъ высоко,
Какъ виденъ кедръ на горной высотѣ,
Листву свою и въ бурѣ сохранившій,—
Чтобъ видъ его въ испугъ тебя повергъ.

Старый Клиффордъ.
А я сорву медвѣдя твоего
И растопчу съ презрѣніемъ ногами,
Хотя-бъ его и охранялъ вожакъ.

Молодой Клиффордъ.
Къ оружію, мой доблестный отецъ,
Мятежниковъ и ихъ друзей раздавимъ.

Ричардъ.
Фи, будь добрѣй, не оскверняй уста.
Сегодня ждетъ васъ ужинъ у Христа.

Старый Клиффордъ.
Тебѣ ль, уродъ, о волѣ знать Господней?

Ричардъ.
Ну, не въ раю—такъ значитъ въ преисподней.
(*Расходятся въ разныя стороны*).

КЛИФФОРДЪ УНОСИТЪ ТРУПЪ СВОЕГО ОТЦА.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

СЦЕНА II.

Сентъ-Альбанъ.

Тревога, битва. Входитъ Уорикъ.

Уорикъ.
Гдѣ Клиффордъ Кумберлэндскій? Уорикъ ждетъ!
И если ты не скрылся отъ медвѣдя
Теперь, когда трубятъ тревогу трубы
И стонъ предсмертный въ воздухѣ звучитъ—
Тебя на бой я вызываю, Клиффордъ,
Лордъ Кумберлэндскій, сѣвера властитель,
До хрипоты тебя лордъ Уорикъ кличетъ.

Входитъ Іоркъ.

Уорикъ.
Какъ! вы пѣшкомъ, мой благородный лордъ?

Іоркъ.
Рукою грозной Клиффорда убитъ
Мой конь въ бою, но тою же монетой
Я отплатилъ: его любимый конь
Сталъ вороновъ и коршуновъ добычей.

Входитъ старый Клиффордъ.

Уорикъ.
Одинъ изъ насъ иль оба—пасть должны.

Іоркъ.
Стой, Уорикъ! Ты ищи другой добычи:
Я этого оленя самъ травлю.

Уорикъ.
Да, Іоркъ. Сразись со славой за корону.
Какъ вѣрно то, что нынче жду побѣды—
Скорблю о томъ, что съ Клиффордомъ не бьюсь.

(Уходитъ).

Старый Клиффордъ.
Что медлишь ты? Во мнѣ что видишь, Іоркъ?

Іоркъ.

Плѣнился-бъ я осанкою твоею,
Не будь моимъ врагомъ заклятымъ ты.

Старый Клиффордъ.

И мужество твое бы я почтилъ,
Не проявись оно въ измѣнѣ гнусной.

Іоркъ.

Въ бою съ тобой—пускай оно поможетъ,
За истинное право проявясь.

Старый Клиффордъ.

Такъ дѣйствуйте—духъ съ тѣломъ заодно.

Іоркъ.

Ужасна эта ставка. Защищайся.

Старый Клиффордъ.

La fin couronne les eouvres.

(*Сражаются. Старый Клиффордъ падаетъ и умираетъ*).

Іоркъ.

Ты миръ нашелъ въ войнѣ, на ратномъ полѣ;
Будь миръ душѣ, коль это въ Божьей волѣ.

(*Уходитъ*).

Входитъ молодой Клиффордъ.

Молодой Клиффордъ.

Позоръ и срамъ! Вездѣ поражены!
Рождаетъ страхъ смятенье, а оно
Разитъ и бьетъ, гдѣ защищать должно!
Война исчадье ада и орудье
Разгнѣванныхъ небесъ—углями мести
У воиновъ ты нашихъ распали
Остывшія сердца и удержи
Отъ бѣгства ихъ. Вѣдь настоящій воинъ—
Чуждъ себялюбья, а себялюбивый—
Случайно лишь пріобрѣтаетъ славу.

(*Замѣтивъ трупъ отца*).

О, да погибнетъ этотъ гнусный міръ,
Пусть пламя страшнаго суда до срока
Сольетъ въ одно и небеса и землю!
Да прогремитъ послѣдній трубный гласъ
И жалкіе земные звуки—смолкнутъ!
Къ тому ль, отецъ, былъ предназначенъ ты,
Чтобъ юности года растратить въ мирѣ,
Достигнувъ же сребристаго убора
Преклонныхъ лѣтъ и заслуживъ почетъ,
Погибнуть такъ—съ мятежниками въ битвѣ?
При видѣ томъ окаменѣло сердце,
И каменнымъ останется—покуда
Оно во мнѣ. Іоркъ старцевъ не щадитъ,
Не пощажу дѣтей ихъ, слезы дѣвы
Росою будутъ мнѣ, а красота,
Которая смягчаетъ и тирановъ,
Гнѣвъ распалитъ во мнѣ какъ масло—пламень.
И съ этихъ поръ мнѣ чуждой будетъ жалость.
Я встрѣчу ли дитя изъ дома Іорка—
То изрублю на столько же кусковъ,
Какъ былъ Абсиртъ Медеею разрубленъ.
Въ жестокости искать я стану славы.
Пойдемъ, величья Клиффордовъ обломокъ!

(*Беретъ трупъ отца*).

Какъ въ древности Эней Анхиза несъ—
Тебя снесу я на плечахъ могучихъ,
Но только онъ живое бремя несъ,
А моего—нѣтъ въ мірѣ тяжелѣе.

(*Уходитъ*).

Входятъ Сомерсетъ *и* Ричардъ Плантагенетъ *сражаясь*. Сомерсетъ *убитъ*.

Ричардъ.

Лежи же здѣсь подъ вывѣской харчевни
Носящей имя „Замокъ Сентъ-Альбанъ.“
Прославилъ смертью Сомерсетъ колдунью.
Рубись мой мечъ, и гнѣвъ пылай! Молитвы—
Священниковъ удѣлъ, а принцевъ—битвы.

(*Уходитъ*).

Тревога, битва. Входятъ король, королева *и др., они отступаютъ*.

Королева.

Не медлите, бѣгите, государь.

Король.

Не убѣжать отъ неба, Маргарита.

Королева.

Но изъ чего вы созданы? Ни биться,
Ни отступать! И мужество, и разумъ,
Все требуетъ—врагу дорогу давъ,
Спастись самимъ! Спасенье жъ—только въ бѣгствѣ.

(*Вдали слышится тревога*).

Захватятъ васъ—тогда погибли мы,
Но если мы спасемся, что возможно,
Безъ вашей нерѣшимости—достигнемъ
Мы Лондона, гдѣ любятъ васъ и гдѣ
Несчастіе поправить можно вскорѣ.

Возвращается молодой Клиффордъ.

Клиффордъ.

Не замышляй расплаты я въ грядущемъ—
Хулу бы я скорѣе извергалъ,
Чѣмъ убѣждалъ бѣжать васъ. Но теперь
Бѣжать необходимо: то разстройство,
Что царствуетъ у насъ—непоправимо.

Бѣгите же, спасайтесь. День придетъ
И для враговъ настанетъ ихъ чередъ.
Спасайтесь-же, бѣгите, государь.

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Тревога. Отбой. Трубы. Затѣмъ входятъ Іоркъ, Ричардъ Плантагенетъ, Уорикъ *и* солдаты *съ барабанами и знаменами.*

Іоркъ.

Кто скажетъ мнѣ, что сталось съ Сольсбери,
Со старымъ львомъ, что въ гнѣвѣ забываетъ
Боль прежнихъ ранъ и времени печать,
Опасностью самою подкрѣпляясь,
Какъ юноша цвѣтущій? День счастливый
Имъ не былъ бы; съ утратой Сольсбери—
Побѣды нѣтъ.

Ричардъ.

Отецъ мой благородный,
Я трижды помогалъ ему сегодня
Сѣсть на коня и трижды отбивалъ
И убѣждалъ оставить битву трижды,
Но гдѣ была опасность—мы встрѣчались.
Какъ дивные ковры въ смиренномъ домѣ—
Былъ духъ его въ ослабшемъ старомъ тѣлѣ.
Но славный вождь и самъ идетъ. Смотри

Входитъ Сольсбери.

Сольсбери.

Клянусь мечомъ, ты славно бился нынче
И также всѣ. Благодарю васъ, Ричардъ.
Богъ вѣсть, какъ долго мнѣ осталось жить,
Но видно такъ Ему угодно было,
Чтобъ трижды ты меня отъ смерти спасъ.
Но не всего, милорды, мы достигли.
Что врагъ бѣжалъ сегодня—не довольно;
Оправиться весьма способенъ онъ.

Іоркъ.

Повелѣваетъ наша безопасность
Преслѣдовать враговъ. Бѣжалъ король
И въ Лондонѣ онъ созоветъ парламентъ.
Догонимъ ихъ, покуда предписаній
Не разошлютъ. Какъ думаетъ лордъ Уорикъ?

Уорикъ.

Преслѣдовать? О, нѣтъ! Предупредить ихъ!
Клянусь, милорды, это—славный день!
Побѣда Іорка, Сентъ-Альбанскій бой—
Всѣмъ памятны останутся навѣки.
Трубите трубы! Въ Лондонъ! Всѣ—на нихъ,
И дай намъ Богъ побольше дней такихъ!

(Уходятъ).

МИХАИЛЪ де-ла ПОЛЬ.

Основатель графскаго и герцогскаго дома Суффольковъ, отецъ любимца Генриха VI и Маргариты.
(Древняя статуя въ Суффольской церкви).

Король Генрихъ VI.

Часть III.

Дѣйствующія лица:

Король Генрихъ VI.
Эдуардъ, принцъ Уэльскій, его сынъ.
Людовикъ VI, король французскій.
Герцогъ Сомерсетъ, } Сторонники короля Генриха.
Герцогъ Экзетеръ, }
Графъ Оксфордъ, }
Графъ Нортумберлэндъ, }
Графъ Вестморлэндъ, }
Лордъ Клиффордъ. }
Ричардъ Плантагенетъ, герцогъ Іоркъ.
Эдуардъ, графъ Марчъ, впослѣдствіи Эдуардъ IV, } его сыновья.
Джорджъ, впослѣдствіи герцогъ Кларенсъ, }
Ричардъ, впослѣдствіи герцогъ Глостеръ, }
Эдмондъ, графъ Рутлэндъ. }
Герцогъ Норфолькъ, } Сторонники герцога Іорка.
Маркизъ Монтэгю, }
Графъ Уорикъ, }
Графъ Пемброкъ, }
Лордъ Гастингсъ, }
Лордъ Стаффордъ. }
Сэръ Джонъ Мортимеръ, } Дядя герцога Іорка.
Сэръ Гюгъ Мортимеръ. }
Генрихъ, графъ Ричмондъ, юноша.
Лордъ Райверсъ, братъ лэди Грей.
Сэръ Вильямъ Стэнли.
Сэръ Джонъ Монгомери.
Сэръ Джонъ Сомервиль.
Наставникъ графа Рутлэндъ.
Мэръ города Іоркъ.
Комендантъ Тоуэра.
Дворянинъ, два сторожа, охотникъ.
Сынъ, убившій своего отца.
Королева Маргарита.
Лэди Грэй, впослѣдствіи супруга Эдуарда IV, и королева.
Бонна, сестра французской королевы.
Солдаты, свита короля Генриха и короля Эдуарда, вѣстники, стража и проч.

Дѣйствіе происходитъ въ 3 актѣ частью во Франціи; въ продолженіе остального времени въ Англіи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Лондонъ. Зала парламента.

Барабаны. Врывается часть войска Іорка, затѣмъ входятъ ГЕРЦОГЪ ІОРКЪ, ЭДУАРДЪ, РИЧАРДЪ, НОРФОЛЬКЪ, МОНТЭГЮ, УОРИКЪ *и др. съ бѣлыми розами на шляпахъ.*

УОРИКЪ.

Дивлюсь, что Генрихъ нашихъ рукъ избѣгнулъ.

ІОРКЪ.

За конницею сѣверной покуда
Гнались мы—онъ бѣжалъ, войска покинувъ,
И тутъ великій лордъ Нортумберлэндскій,
Котораго воинственное ухо
Отбоя не выноситъ—войско ихъ
Ободрилъ вновь, онъ самъ и лорды Клиффордъ
Со Стаффордомъ—ударили въ нашъ центръ,
И отъ меча простыхъ бойцовъ погибли.

ЭДУАРДЪ.

А Стаффорда отецъ—лордъ Букингамъ
Убитъ иль раненъ сильно. Я съ размаха
Разсѣкъ ему забрало. Въ подтвержденье
Вотъ кровь его здѣсь видишь ты, отецъ.
(*Показываетъ окровавленный мечъ*).

МОНТЭГЮ (*Іорку показывая свой*).
Братъ, я въ бою кровь Вильтштайра пролилъ,
Мы встрѣтились при столкновеньи войскъ.

РИЧАРДЪ (*бросая голову Сомерсета*).
Что сдѣлалъ я—ты за меня скажи.

ІОРКЪ.

За Ричардомъ—важнѣйшая заслуга.
Ужели, ваша свѣтлость, вы мертвы?

НОРФОЛЬКЪ.

Да будетъ такъ всѣмъ Гаунтовымъ потомкамъ.

РИЧАРДЪ.

Такъ съ королемъ надѣюсь поступить.

Уорикъ.
И я. Принцъ Іоркъ, побѣдоносный, прежде
Чѣмъ на престолъ ты не взойдешь, которымъ
Ланкастеры владѣютъ не по праву—
Клянуся небомъ, не сомкну очей.
Вотъ короля трусливаго палаты,
Престолъ его. Владѣй же имъ, Іоркъ.
Они—твои, не Генриха потомковъ.

Іоркъ.
Мнѣ помоги того добиться, Уорикъ,
Вѣдь мы сюда лишь силой ворвались.

Норфолькъ.
Поможемъ всѣ, и гибель бѣглецамъ.

Іоркъ.
Благодарю, лордъ Норфолькъ. Будьте, лорды,
Вы здѣсь при мнѣ. Пусть на ночь и солдаты
Останутся.

Уорикъ.
Когда король прибудетъ—
Не нападать, покуда васъ не тронутъ.
(Солдаты уходятъ).

Іоркъ.
Здѣсь созвала парламентъ королева,
Не думая, что мы въ совѣтѣ будемъ.
Добьемся правъ—словами иль мечомъ.

Ричардъ.
Останемся—у насъ оружье есть.

Уорикъ.
Кровавымъ тотъ парламентъ назовется,
Когда не станетъ государемъ Іоркъ
И не падетъ король, трусливость чья
Насъ предаетъ врагамъ на посмѣянье.

Іоркъ.
Такъ будьте же со мной, милорды, смѣло,
Въ права мои хочу вступить я нынѣ.

Уорикъ.
Ни самъ король, ни лучшій другъ его,
Ланкастеровъ надменнѣйшій сторонникъ—
При Уорикѣ не шевельнетъ крыломъ.
Здѣсь посажу Плантагенета я,
Пускай его исторгнетъ, кто посмѣетъ
Рѣшайся же, корону требуй, Ричардъ.
(Уорикъ подводитъ къ престолу Іорка, который садится).

Трубы. Входятъ король, Клиффордъ, Нортумберлэндъ, Вестморлэндъ, Экзетеръ *и др. съ алыми розами на шляпахъ.*

Король.
Смотрите же, милорды, гдѣ мятежникъ
Дерзнулъ возсѣсть на тронѣ короля!
И Уорикомъ поддержанъ вѣроломнымъ,
Онъ захватить вѣнецъ и царство хочетъ.
Нортумберлэндъ, имъ твой отецъ убитъ,
И также твой, лордъ Клиффордъ. Вы клялись
Отмстить ему и сыновьямъ, и близкимъ.

Нортумберлэндъ.
Иначе небо мнѣ да отомститъ.

Клиффордъ.
Въ надеждѣ той ношу я трауръ сталью.

Вестморлэндъ.
Ужели мы потерпимъ? Прочь его!
Душа пылаетъ гнѣвомъ. Не могу я
Того сносить.

Король.
Лордъ Вестморлэндъ, терпѣнье!

Клиффордъ.
Для трусовъ лишь, такихъ какъ онъ, терпѣнье!
Не сѣлъ бы здѣсь при вашемъ онъ отцѣ.
Дозвольте намъ, высокій повелитель,
На Іоркскій родъ въ парламентѣ напасть.

Нортумберлэндъ.
Ты правъ, кузенъ: пусть такъ оно и будетъ.

Король.
Ужели вамъ невѣдомо: къ нимъ городъ
Благоволитъ и войско—къ ихъ услугамъ.

Экзетеръ.
Но герцога убьемъ—всѣ разбѣгутся.

Король.
Пусть чуждою останется мнѣ мысль—
Въ парламентѣ устроить бойню. Нѣтъ,
Братъ Экзетеръ, моимъ орудьемъ будутъ:
Суровый взоръ, угрозы и слова.
(Онъ подходитъ къ герцогу).
Мятежный герцогъ Іоркъ, сойди съ престола
И на колѣняхъ милости проси.
Я—твой король.

Іоркъ.
Ошибся ты, я—твой.

Экзетеръ.
Стыдись! Тебя онъ въ герцоги возвелъ.

Іоркъ.
Мое наслѣдье—герцогство и графство.

Экзетеръ.
Но твой отецъ престолу измѣнилъ.

Уорикъ.
Ты, Экзетеръ, престолу измѣнилъ,
Ставъ за того, кто похититель трона.

Клиффордъ.
Намъ долгъ велитъ стоять за короля.

Уорикъ.
Да, но король вотъ — Ричардъ, герцогъ Іоркскій.

Король.
Я—предъ тобой, ты—на моемъ престолѣ?

Іоркъ.
Такъ быть должно, и будетъ. Примирись.

Уорикъ.
Будь герцогомъ Ланкастерскимъ, пусть будетъ
Онъ королемъ.

Вестморлэндъ.
Ланкастерскій онъ герцогъ,
Но также и король, такъ утверждаетъ
Лордъ Вестморлэндъ.

Уорикъ.
И отрицаетъ Уорикъ.
Забыли вы, что мы прогнали васъ,
Отцовъ у васъ убили и чрезъ городъ
Прошли къ дворцу, знамена распустивъ?

Нортумберлэндъ.
Нѣтъ, Уорикъ, все я помню и клянусь,
Ты и твой родъ поплатитесь за это.

Вестморлэндъ.
Плантагенетъ, возьму я у тебя
Сыновъ твоихъ и близкихъ—больше жизней,
Чѣмъ капель крови было у отца.

Клиффордъ.
Довольно словъ! Не то отправлю, Уорикъ,
Къ тебѣ посла, который отомститъ
За смерть отца скорѣй, чѣмъ тронусь съ мѣста.

Уорикъ.
Презрѣніе—пустымъ угрозамъ, Клиффордъ!

Іоркъ.
Хотите ль, мы докажемъ наше право?
Не то его мечами отстоимъ.

Король.
Гдѣ на престолъ права твои, измѣнникъ?
Отецъ твой былъ, какъ ты, лишь герцогъ Іоркъ,
Дѣдъ—Мортимеръ, графъ Марчъ; а Генрихъ Пятый
Былъ мнѣ отцомъ; дофина покорилъ онъ
И Францію, взявъ области ея.

Уорикъ.
О Франціи молчи, ее утративъ.

Король.
Не я, а лордъ протекторъ все утратилъ.
Не девяти ли мѣсяцевъ отъ роду
Вѣнчался я?

Ричардъ.
Съ тѣхъ поръ вы постарѣли,
Но кажется теряете, какъ прежде?
Сорви, отецъ, корону съ самозванца.

Эдуардъ.
И на себя надѣнь ее, отецъ.

Монтэгю *(Іорку)*.
Ты, добрый братъ, оружье почитаешь.
Рѣшимъ въ бою, не кляузами, споръ.

Ричардъ.
Король бѣжитъ, когда услышитъ трубы.

Іоркъ.
Молчите, сыновья.

Король.
Молчи и ты.
И королю ты слово предоставь.

Уорикъ.
Плантагенетъ пусть первый говоритъ.
Въ молчаніи ему внимайте, лорды,
Кто перебьетъ его—тому не жить.

Король.
Ты думаешь: покину я престолъ,
Гдѣ мой отецъ и дѣдъ мой возсѣдали?
Скорѣй война пусть царство обезлюдитъ,
Пусть этотъ стягъ, который развѣвался
Во Франціи, а нынѣ, къ сокрушенью—
Лишь въ Англіи, мнѣ саваномъ послужитъ!
Чтожъ, лорды, вы колеблетесь? Законнѣй
Мои права и тверже правъ его.

Уорикъ.
Такъ докажи—и будешь государемъ.

Король.
Побѣдою мой дѣдъ стяжалъ корону.

Іоркъ.
Нѣтъ, возмущеньемъ противъ короля.

Король.
Что мнѣ сказать? Права мои слабѣй!
(*Іоржу*) Наслѣдника король назначить можетъ?

Іоркъ.
Ну что жъ?

Король.
Тогда законный я король.
Вѣдь Генриху Четвертому корону
При многихъ лордахъ Ричардъ уступилъ.
Наслѣдники ея—отецъ и я.

Іоркъ.
На короля возсталъ онъ своего
И вынудилъ насильемъ отреченье.

Уорикъ.
Но еслибъ тотъ и самъ отрекся, лорды,
Наслѣдственной корона остается.

Экзетеръ.
Онъ могъ лишь съ тѣмъ корону уступить,
Чтобъ царствовалъ затѣмъ его наслѣдникъ.

Король.
Какъ, Экзетеръ? Ты также противъ насъ?

Экзетеръ.
За нимъ права, а потому—прости.

Іоркъ.
Вы шепчетесь, отвѣта не давая?

Экзетеръ.
Мнѣ совѣсть говоритъ, что онъ—король.

Король (*про себя*).
Покинутъ я, къ нему всѣ перейдутъ.

Нортумберлэндъ.
Плантагенетъ, что ты ни заявляй—
Не думай ты, что Генриха низложатъ.

Уорикъ.
Всѣмъ вопреки—низложенъ будетъ онъ.

Нортумберлэндъ.
Ошибся ты. И несмотря на все
Могущество твое на югѣ: въ Кентѣ,
И въ Суффолькѣ, въ Норфолькѣ и въ Эссексѣ,
Которымъ тамъ гордишься—ты не сможешь—
Мнѣ вопреки—престолъ доставить Іорку.

Клиффордъ.
Ты въ правѣ ли своемъ иль нѣтъ, король,
Но за тебя стоять намѣренъ Клиффордъ,
Пусть тамъ земля меня живьемъ поглотитъ—
Гдѣ присягну отца убійцѣ я.

Король.
Твои слова живятъ мнѣ сердце, Клиффордъ.

Іоркъ.
Ланкастеръ Генрихъ, уступи вѣнецъ,
Что въ тайнѣ вы рѣшаете, милорды?

Уорикъ.
Пусть должное получитъ герцогъ Іоркъ,
Иль весь дворецъ наполню я войсками
И на его престолѣ начертаю
Его права я кровью самозванца!
(*Топаетъ ногою. Появляются солдаты*).

Король.
Лордъ Уорикъ, стой! Одно лишь только слово:
Пожизненно пусть буду королемъ.

Іоркъ.
Мнѣ и моимъ корону завѣщай,
И съ миромъ ты царить до смерти будешь.

Король.
Согласенъ я. Ричардъ Плантагенетъ,
Правленье ты съ моей кончиной примешь.

Клиффордъ.
Какой ущербъ вы сыну нанесли!

Уорикъ.
Но Англіи, себѣ—какое благо!

Вестморлэндъ.
Трусливый, низкій, малодушный Генрихъ!

Клиффордъ.
Намъ и себѣ нанесъ ты оскорбленье.

Вестморлэндъ.
Я договоръ такой не въ силахъ слышать.

Нортумберлэндъ.
И я.

Клиффордъ.
Снесемъ вѣсть эту королевѣ..

Вестморлэндъ.
Прости, трусливый выродокъ король,
Въ крови твоей не вспыхнетъ искра чести.

Нортумберлэндъ.
Останься же добычей Іорковъ! Въ узахъ
Умри за свой поступокъ малодушный!

Клиффордъ.
Пади въ борьбѣ жестокой иль живи
Въ спокойствіи—забытый и презрѣнный.
(*Уходятъ Нортумберлэндъ, Вестморлэндъ и Клиффордъ*).

Уорикъ.
Сюда, а не на нихъ гляди ты, Генрихъ.

Экзетеръ.
Ихъ месть влечетъ, уступки воспрещая.

Король.
Ахъ, Экзетеръ!

Уорикъ.
О чемъ вздыхать, милордъ?

Король.
Не о себѣ, лордъ Уорикъ, но о сынѣ,
Чудовищно наслѣдства мной лишенномъ.
(*Іорку*). Но—будь, что будетъ! Я передаю
Тебѣ въ твой родъ корону навсегда,
Съ условіемъ, что здѣсь даешь ты клятву
Междоусобье это прекратить
И чтить меня, какъ твоего монарха,
Измѣной и насильемъ не пытаясь
Известь меня, чтобъ самому вѣнчаться.

Іоркъ.
Охотно дамъ я клятву и сдержу.
(*Сходитъ съ престола*).

Уорикъ.
Да здравствуетъ король! Плантагенетъ,
Съ нимъ обнимись.

Король.
Я здравствовать желаю
Тебѣ и имъ—твоимъ сынамъ отважнымъ.
(*Трубы. Лорды выступаютъ впередъ*).

Іоркъ.
Простите, государь, спѣшу въ мой замокъ.

Уорикъ.
Намѣренъ я занять войсками Лондонъ.

Норфолькъ.
Я удалюсь съ моимъ отрядомъ въ Норфолькъ.

Монтегю.
А я вернусь, откуда прибылъ—къ морю.

(*Уходятъ Іоркъ съ сыновьями, Уорикъ, Норфолькъ съ Монтегю, солдаты и свита*).

Король.
Я во дворецъ иду съ моей печалью.

Экзетеръ.
Вотъ королева. Гнѣвъ читаю я
Въ ея чертахъ. Я удалюсь.

Король.
Я также.
Входятъ королева *и* принцъ Уэльскій.

Королева.
Не уходи, я—за тобою вслѣдъ.

Король.
Спокойнѣе лишь будь, и я останусь.

Королева.
Но въ крайности кто можетъ быть спокойнымъ?
Несчастный! Лучше-бъ дѣвой умерла я,
Тебя не зная, сына не родивъ,
Затѣмъ, что ты—отецъ безчеловѣчный.
За что лишенъ онъ прирожденныхъ правъ?
Когда-бъ его любилъ ты вполовину,
Какъ я люблю, и за него страдалъ,
Какъ я въ быломъ, когда-бъ своею кровью
Вскормилъ его, какъ я—всю кровь свою
Скорѣе бы ты отдалъ, чѣмъ назначилъ
Ты герцога наслѣдникомъ своимъ,
И правъ лишилъ единственнаго сына.

Принцъ.
Меня лишить наслѣдья ты не можешь,
Вѣдь ты король, а я—наслѣдникъ твой.

Король.
Простите мнѣ, сынъ милый, Маргарита,
Я принужденъ былъ Уорикомъ и Іоркомъ.

Королева.
Ты принужденъ? Принудить короля!
Стыдись же словъ подобныхъ, жалкій трусъ!
Ты погубилъ себя, меня и сына,
И Іоркамъ далъ такое превосходство,
Что будешь самъ изъ милости царить.
За родомъ ихъ корону закрѣпить—
Не значитъ-ли себѣ могилу вырыть
И лечь въ нее до времени? Лордъ Уорикъ—
Сталъ канцлеромъ, правителемъ Калэ,
Начальствуетъ судами Фальконбриджъ,
А герцогъ Іоркъ—протекторъ государства
И думаешь, что уцѣлѣешь ты?
Такъ въ цѣлости среди волковъ ягненокъ.
Я—женщина, но будь я здѣсь—на копья
Меня-бъ солдаты подняли скорѣй,
Чѣмъ снизошла-бъ я до такого дѣла!
Но жизнь свою ты ставишь выше чести,
И потому дѣлить стола и ложа
Не стану я съ тобой, покуда актъ
Парламента не будетъ уничтоженъ,
Въ которомъ ты лишилъ наслѣдья сына.
Пусть сѣверные лорды отреклись
Отъ стяга твоего, но за моимъ
Пойдутъ они, его поднятымъ видя.
Я подниму его—на стыдъ тебѣ,
На полную погибель дома Іорковъ!
Итакъ, прощай. Мой сынъ, идемъ. Готовы
Въ походъ войска, соединимся съ ними.

Король.
Стой, Маргарита, выслушай меня.

Королева.
Я слушала тебя довольно. Прочь!

Король.
Мой Эдуардъ, останься ты со мною.

Королева.
Затѣмъ, чтобъ здѣсь врагами быть убитымъ?

Принцъ.
Когда вернусь съ побѣдой, государь—
Мы свидимся, теперь иду за нею.

Королева.
Мой сынъ, идемъ. Не нужно медлить намъ.
(Королева и принцъ уходятъ).

Король.
Несчастная! Любовь ко мнѣ и къ сыну
У ней исторгла гнѣвныя слова!
Пусть герцога возмездіе постигнетъ,
Чей духъ высокомѣрья, окрыленный
Желаніемъ—грозитъ моей коронѣ,
И, какъ орелъ голодный, растерзать
Готовится онъ плоть мою и сына!
Уходъ трехъ лордовъ сердце мнѣ терзаетъ;
Къ нимъ напишу, прося ихъ возвратиться.
Идемъ же, братъ, моимъ посломъ ты будешь.

Экзетеръ.
И ихъ надѣюсь умиротворить.
(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Покой въ замкѣ Сэндаль, близъ Векфильда въ Іоркшайрѣ.

Входятъ Эдуардъ, Ричардъ *и* Монтэгю.

Ричардъ.
Дозволь мнѣ, братъ, хотя и младшій я.

Эдуардъ.
Нѣтъ, я съумѣю быть краснорѣчивѣй.

Монтэгю.
А у меня сильнѣйшій доводъ есть.

Входитъ Іоркъ.

Іоркъ.
Какъ? ссорятся мой братъ и сыновья?
О чемъ вашъ споръ и какъ возникнулъ онъ?

Эдуардъ.
Не ссора здѣсь, а легкій споръ.

Іоркъ.
О чемъ?

Ричардъ.
О близкомъ вашей свѣтлости и намъ:
Объ англійской коронѣ—вашей нынѣ.

Іоркъ.
Моей? Нѣтъ, сынъ, пока не умеръ Генрихъ.

Ричардъ.
Что смерть его иль жизнь для вашихъ правъ?

Эдуардъ.
Наслѣдникъ вы, берите же ее.
Ланкастерамъ вздохнуть вы не давайте,
Не то они въ концѣ обгонятъ васъ.

Іоркъ.
Я поклялся вѣнецъ ему оставить.

Эдуардъ.
Изъ-за вѣнца нарушить можно клятву.
Чтобъ годъ царить—я сотни ихъ нарушу.

Ричардъ.
Избави Богъ клятвопреступнымъ стать.

Іоркъ.
Я сталъ бы имъ, когда-бъ я взялъ оружье.

Ричардъ.
Обратное вамъ доказать дозвольте.

Іоркъ.
Не можешь, сынъ, немыслимо оно.

Ричардъ.
Всѣ клятвы недѣйствительны, когда
Даны они не предъ судьей законнымъ,
Имѣющимъ надъ тѣмъ, кто клялся, власть.
А Генрихъ власть захватомъ пріобрѣлъ,
И такъ какъ онъ принудилъ васъ дать клятву—
Она, милордъ, значенья лишена.
И потому—къ оружію! Подумай,
Какъ сладостно, отецъ, носить корону!
Въ ея кольцѣ—рай заключенъ: все счастье,
Всѣ радости, что грезились поэтамъ.
Что медлить намъ? Покоя знать не буду,
Покуда бѣлой розы не окрашу
Холодной кровью Генрихова сердца!

Іоркъ.
Довольно, Ричардъ, смерть или вѣнецъ!
Братъ поспѣшимъ же въ Лондонъ и склони
Ты Уорика на это предпріятье,
А къ Норфольку отправишься ты, Ричардъ,
И втайнѣ самъ оповѣстишь его.
Ты къ Кобгэму поѣдешь, Эдуардъ,
За лордомъ ихъ пойдутъ съ охотой кентцы;
Я вѣрю въ нихъ, всѣ—воины они,
Умны, отважны, благородны духомъ.
Покуда вы займетесь этимъ—буду

Подыскивать предлогъ къ возстанью я,
Такъ, чтобъ король и прочіе изъ дома
Ланкастеровъ объ этомъ не узнали.

(Входитъ гонецъ).

Съ какою вѣстью такъ спѣшишь сюда?

Гонецъ.

Здѣсь съ королевой сѣверные лорды
Намѣрены вашъ замокъ осадить,
Приблизились они, ихъ двадцать тысячъ,
Поэтому, милордъ, вы укрѣпитесь.

Іоркъ.

Моимъ мечомъ! Ужель бояться ихъ?
Вы, Эдуардъ и Ричардъ, здѣсь останьтесь,
Братъ Монтэгю, спѣши немедля въ Лондонъ.
Пусть лорды Кобгэмъ, Уорикъ благородный
И прочіе, оставленные нами,
Чтобъ охранять особу короля—
Тамъ хитростью и силой укрѣпятся,
Но Генриху и клятвамъ пусть не вѣрятъ.

Монтэгю.

Братъ, я готовъ, не бойся, я склоню ихъ.
Почтительно откланяться спѣшу. *(Уходитъ).*

Входятъ сэръ Гюгъ *и* сэръ Джонъ Мортимеръ.

Іоркъ.

Сэръ Джонъ, сэръ Гюгъ, дядья мои! Явились
Въ удачный часъ вы нынѣ въ замокъ Сэндаль:
Насъ королева хочетъ осадить.

Сэръ Джонъ.

Напрасный трудъ. Ее мы встрѣтимъ въ полѣ.

Іоркъ.

Возможно-ли? У насъ пять тысячъ войска.

Ричардъ.

Хотя-бъ пятьсотъ! Не все ль равно, отецъ?
Тамъ женщина вождемъ. Чего жъ бояться?

(Издали слышны звуки марша).

Эдуардъ.

Ихъ барабаны слышу. Поспѣшимъ
Войска свои построить, и—впередъ!
Дадимъ врагу немедленно сраженье.

Іоркъ.

Пять противъ двадцати! Пусть наши силы
Такъ не равны—въ побѣдѣ нѣтъ сомнѣнья!
Ихъ одержалъ во Франціи я много,
Когда сильнѣй былъ вдесятеро врагъ;
Такъ почему-жъ не побѣдить и нынѣ?
(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Равнина близъ замка Сэндаль.

Тревога. Входитъ Рутлэндъ *и его* воспитатель.

Рутлэндъ.

Гдѣ скроюсь я, чтобъ рукъ ихъ избѣжать?
Наставникъ! вотъ идетъ кровавый Клиффордъ!

Входитъ Клиффордъ *и* солдаты.

Клиффордъ.

Прось, капелланъ! Твой санъ тебя спасаетъ,
Проклятаго же герцога отродье,
Которымъ мой отецъ убитъ—умретъ.

Воспитатель.

И я, милордъ, съ нимъ участь раздѣлю.

Клиффордъ.

Солдаты, взять его отсюда.

Воспитатель.

Клиффордъ!
Не умерщвляй невиннаго ребенка,
Иль будешь ты людьми и Богомъ проклятъ!

(Уходитъ, увлекаемый солдатами).

Клиффордъ.

Какъ? Мертвъ уже? Иль это онъ отъ страха.
Сомкнулъ глаза? Ну, я открою ихъ?

Рутлэндъ.

Такъ заключенный левъ глядитъ на жертву,
Которая трепещетъ въ хищныхъ лапахъ.
Такъ ходитъ онъ, глумяся надъ добычей,
Такъ растерзать готовится ее.
О, добрый Клиффордъ, порази мечомъ,
Но не такимъ жестокимъ, грознымъ взоромъ.
О, милый Клиффордъ, выслушай предъ смертью:
Ничтоженъ я для ярости твоей,
Оставь мнѣ жизнь и отомсти мужамъ.

Клиффордъ.

Напрасныя мольбы, несчастный мальчикъ;
Мнѣ кровь отца для нихъ закрыла путь.

Рутлэндъ.

Пускай его кровь моего отца
Откроетъ вновь. Онъ—мужъ, сражайся съ нимъ.

Клиффордъ.

Будь братья здѣсь—ихъ жизней и твоей
Мнѣ было бы для мести недовольно.
Когда-бъ разрылъ могилы вашихъ предковъ
И гробы ихъ истлѣвшіе повѣсилъ—
И это бы не утолило гнѣва

РУТЛЭНДЪ МОЛИТЪ О ПОЩАДѢ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

И сердца бы не облегчило инѣ.
Видъ каждаго, кто носитъ имя Іорка—
Какъ фурія, мою терзаетъ душу.
Покуда родъ не изведу проклятый,
Всѣхъ не убью, живу я, какъ въ аду.
Поэтому.... (*Заноситъ руку*).

Рутлэндъ.
Дай помолиться инѣ,
Тебя молю, о сжалься, добрый Клиффордъ!

Клиффордъ.
Насколько мечъ мой къ жалости способенъ.

Рутлэндъ.
Тебѣ я зла не сдѣлалъ, такъ за что же
Убьешь меня?

Клиффордъ.
Отецъ твой сдѣлалъ зло.

Рутлэндъ.
До моего рожденья. У тебя
Есть также сынъ. Изъ-за него ты сжалься,
Не то ему—вѣдь правосуденъ Богъ—
Такая жъ смерть печальная пошлется.
Пусть проведу всю жизнь мою въ тюрьмѣ,
И если далъ я поводъ къ недовольству—
Пускай умру. Нѣтъ повода теперь.

Клиффордъ.
Нѣтъ повода? Твоимъ отцомъ убитъ
Былъ мой отецъ. Поэтому умри.
(*Закалываетъ его*).

Рутлэндъ.
Di faciant laudis summa sit ista tuae.
(*Умираетъ*).

Клиффордъ.
Плантагенетъ, иду, Плантагенетъ!
Пускай въ крови ребенка твоего
Мечъ ржавѣетъ, покуда не смѣшаю
Ее съ твоей и смою обѣ сразу.
(*Уходитъ*).

КЛИФФОРДЪ, РУТЛЭНДЪ И ЕГО ВОСПИТАТЕЛЬ.

Картина извѣстнаго англ. живописца Джемса Норскота (James Northcoth, R. A., 1746—1838). (Большая Бойделевская Галлерея).

СЦЕНА IV.

Другая часть равнины близъ замка Сэндаль.

Тревога. Входитъ Іоркъ.

Іоркъ.

Насъ побѣждаетъ войско королевы.
Дядья мои, меня спасая, пали,
Приверженцы бѣгутъ передъ врагомъ,
Какъ по вѣтру суда, иль какъ ягнята,
Гонимыя голодными волками.
Сыны мои—Богъ вѣсть, что ихъ постигло?
Я знаю лишь, они дрались, какъ люди,
Которыхъ жизнь прославитъ иль смерть.
Мнѣ пробивалъ дорогу трижды Ричардъ,
И трижды онъ кричалъ:—Смѣлѣй, отецъ!—
И столько жъ разъ я видѣлъ Эдуарда
Съ пурпуровымъ мечомъ—по рукоятку
Окрашеннымъ въ крови. Когда бойцы
Храбрѣйшіе въ сраженьѣ отступили,
Воскликнулъ Ричардъ:—„Пяди не уступимъ!
Впередъ! Вѣнецъ иль славная могила!
Покой въ гробу иль скипетръ короля!"—
Ударили мы снова, но—напрасно.
Такъ борется порой съ теченьемъ лебедь,
Могучими волнами побѣждаемъ.
(Шумъ битвы за сценой).
Чу, вотъ она, погоня роковая!
Межъ тѣмъ я слабъ, не въ силахъ я бѣжать.
И будь сильнѣй—я также не бѣжалъ-бы.
Сосчитаны песчинки этой жизни,
Останусь тутъ и тутъ окончу жизнь.

Входятъ королева, Клиффордъ, Нортумберлэндъ и войско.

Іоркъ.

Кровавый Клиффордъ, злой Нортумберлэндъ,
Я вызовомъ въ васъ ярость разжигаю,
Я—ваша цѣль, разите же меня.

Нортумберлэндъ.

Надменный Іоркъ, на милость нашу сдайся.

Клиффордъ.

Такую же, какъ моему отцу
Онъ оказалъ, рукою безпощадной
Сведя съ нимъ счетъ. Но съ колесницы палъ
Здѣсь Фаэтонъ, и полдень ночь смѣнила.

Іоркъ.

Но можетъ быть изъ праха моего—
На мщенье вамъ—возникнетъ новый фениксъ.
Въ надеждѣ той возвелъ я очи къ небу,
И все, чѣмъ вы грозите—презираю.
Что жъ медлите? Васъ много и—боитесь?

Клиффордъ.

Такъ бьется трусъ, когда бѣжать не въ силахъ,
Такъ ястребу клюетъ голубка когти,
Грабители, отчаявшись въ спасеньи,
На стражниковъ такъ изрыгаютъ брань.

Іоркъ.

Одумайся, и мысленно, о Клиффордъ,
Прошедшее мое ты пробѣги,
Въ лицо взгляни, коль можешь, не краснѣя,
И прикуси языкъ, назвавшій трусомъ
Того, предъ кѣмъ блѣднѣлъ и бѣгалъ ты.

Клиффордъ.

Что отвѣчать словами на слова?
Но за ударъ—четыре нанесу я.
(Обнажаетъ мечъ).

Королева.

Стой, славный Клиффордъ! Многія причины
Велятъ намъ жизнь измѣнника продлить.
Отъ гнѣва глухъ! Скажи, Нортумберлэндъ.

Нортумберлэндъ.

Стой, Клиффордъ, стой! Ему не долженъ мстить
Ты отказать, себѣ поранивъ палецъ,
Хотя ему ты сердце бы пронзилъ.
Вѣдь если песъ оскалился—какая

МАРГАРИТА ИЗДѢВАЕТСЯ НАДЪ ІОРКОМЪ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Заслуга въ томъ, чтобъ сунуть руку въ пасть,
Когда его ногой откинутъ можно?
Все на войнѣ дозволено. Насъ больше,
Но въ этомъ нѣтъ для доблести урона.
(*Хватаютъ Іорка, который отбивается*).

Клиффордъ.

Такъ тетеревъ въ сѣтяхъ порою бьется.

Нортумберлэндъ.

Такъ мечется, въ силки попавшись, кроликъ.
(*Іоркъ взятъ въ плѣнъ*).

Іоркъ.

Такъ торжествуютъ воры надъ добычей,
Разбойники осиливаютъ честныхъ.

Нортумберлэндъ.

Что дѣлать съ нимъ прикажете теперь?

Королева.

Достойный Клиффордъ и Нортумберлэндъ,
Того на холмъ ничтожный возведите,
Кто охватить хотѣлъ руками горы,
Но призракъ лишь въ рукахъ его остался.

Такъ это ты хотѣлъ быть королемъ,
Въ парламентѣ ты нашемъ красовался,
Своимъ высокимъ родомъ похваляясь?
Чтожъ сыновья тебя не выручаютъ?
Распутный Эдуардъ и рослый Джорджъ?
Что жъ доблестнаго чудо-горбуна
Не вижу я! Вѣдь онъ своимъ рычаньемъ
Родителя къ возстанью возбуждалъ,
Гдѣ всѣ они и твой любимецъ Рутлэндъ?
Іоркъ, погляди. Платокъ смочила я
Въ крови его, которую изъ сердца
Исторгъ мечомъ любѣдоносный Клиффордъ.
И если ты способенъ слезы лить—
Возьми его, чтобъ щеки утереть.
О, бѣдный Іоркъ, не будь ты ненавистенъ
Смертельно мнѣ—тебя-бъ я пожалѣла,
Печалься же мнѣ на утѣху, Іоркъ.
Рычи, рыдай и топай, чтобъ могла я
Пѣть и плясать! Ужели сердца жаръ
Такъ изсушилъ тебя, что не нашлось
Одной слезы, чтобъ Рутлэнда оплакать?
Ты терпѣливъ. Съ ума сходить ты долженъ,
Насмѣшками тебя свожу съ ума.
Иль платы ждешь въ награду за потѣху?
Іоркъ говорить не можетъ безъ короны.
Вѣнецъ ему! Склоняйтесь ниже, лорды.
Держите же, пока его вѣнчаю.

(Надѣваетъ ему на голову корону).

Вотъ онъ теперь похожъ на короля!
Не онъ ли занялъ Генриха престолъ
И былъ его наслѣдникомъ пріемнымъ?
Но отчего Плантагенетъ великій
Короновался рано и нарушилъ
Торжественный обѣтъ? Насколько помню,
Должны вступить вы были на престолъ
Не раньше, чѣмъ глаза закроетъ Генрихъ.
Вѣнцомъ его себя вы осѣнили,
Съ его чела корону сняли вы,
Пока онъ живъ, на клятву не взирая?
О, вотъ вина, которой нѣтъ прощенья.
Долой—вѣнецъ и голову долой!
Скорѣй! Пока вздохнуть едва успѣемъ.

Клиффордъ.

Мой это долгъ—въ возмездье за отца.

Королева.

Послушаемъ сперва его молитву.

Іоркъ.

Ты злѣй волковъ, французская волчица!
И твой языкъ—ехидны ядовитѣй.
Какъ не пристало полу твоему,
Развратной амазонкѣ уподобясь,
Тамъ ликовать, гдѣ поражаетъ рокъ!
Не будь твой ликъ, въ злодѣйствахъ закаленный,
Столь неподвижно гладкимъ, какъ забрало,
Я, можетъ быть, на немъ бы вызвалъ краску!
Разсказъ о томъ, откуда происходишь—
Достаточно постыденъ для того,
Чтобъ пристыдить, не будь постыдной ты.
Отецъ твой носитъ титулъ короля
Неаполя и Іерусалима,
Но онъ бѣднѣй, чѣмъ наши поселяне.
Не у него ль ты оскорблять училась?
Но, королева, гордая, повѣрь,
Тебѣ оно нисколько не пристало.
Иль оправдать пословицу ты хочешь,
Что, сѣвъ верхомъ, коня загонитъ нищій.
Гордятся часто женщины красой,
Но видитъ Богъ, въ тебѣ ея не много;
Высоко ихъ за добродѣтель чтутъ,
Въ тебѣ какъ разъ обратному дивятся,
Въ нихъ кажется божественною скромность,
Безстыдствомъ ты внушаешь отвращенье.
Тебѣ добро такъ чуждо и далеко,
Какъ антиподы—намъ, а сѣверъ—югу,
О сердце тигра въ женской оболочкѣ!
Отцу платокъ, залитый кровью сына,
Ты подаешь, чтобъ слезы утереть,
И женщины ты обликъ сохраняешь?
Онѣ добры, уступчивы и кротки,
А ты груба, жестока, безпощадна.
Ты возбудить во мнѣ хотѣла ярость?
Исполнилось желаніе твое.
Ты слезъ ждала? Исполнилось и это.
Такъ ураганъ свирѣпый гонитъ ливни,
Утихнетъ онъ—тогда польется дождь.
Я Рутлэнда слезами поминаю,
И каждая ихъ капля вопіетъ
О мщеніи за смерть обоимъ вамъ,
Ты, лживая француженка, и Клиффордъ.

Нортумберлэндъ.

Клянусь, я такъ его страданьемъ тронутъ
Что самъ едва я подавляю слезы.

Іоркъ.

Лица его не запятналъ бы кровью,
Не тронулъ бы и людоѣдъ голодный,
Но въ десять разъ безчеловѣчнѣй вы,
Неумолимѣй вы гирканскихъ тигровъ!
Безчувственная королева, слезы
Несчастнаго отца здѣсь видишь ты:
Въ крови ребенка милаго смочила
Ты эту ткань—я кровь слезами смылъ.
Возьми ее, ступай и похваляйся,

(Отдаетъ ей платокъ).

И если все правдиво передашь,
Клянусь, прольютъ всѣ слушатели слезы.
Враги мои и тѣ не сдержатъ слезъ,
Но скажутъ всѣ:—печальное дѣянье!
Возьми вѣнецъ, а съ нимъ—мое проклятье.

(Отдаетъ бумажную корону).

Найди въ бѣдѣ такое жъ утѣшенье,
Какое ты въ жестокости чрезмѣрной
Являешь мнѣ. О, безсердечный Клиффордъ,
Убей меня скорѣй! Пусть отлетаетъ
Духъ—въ небеса, а кровь падетъ—на васъ.

НОРТУМБЕРЛЭНДЪ.

Будь палачемъ онъ всей родни моей—
Не могъ бы съ нимъ я не заплакать вмѣстѣ,
Весь гнетъ тоски его душевной видя.

КОРОЛЕВА.

Заплакать ты готовъ, Нортумберлэндъ?
Припомни зло, имъ сдѣланное намъ,—
И высохнутъ мгновенно эти слезы.

КЛИФФОРДЪ.

За смерть отца, за данную мной клятву.
(Закалываетъ его).

КОРОЛЕВА.

За кроткаго душою короля.
(Тоже наноситъ ударъ).

ІОРКЪ.

Отверзи двери милосердья, Боже!
Изъ этихъ ранъ мой духъ летитъ къ Тебѣ.
(Умираетъ).

КОРОЛЕВА.

Снять голову, и—на ворота Іорка!
Пускай взираетъ Іоркъ на городъ Іоркъ.
(Трубы. Всѣ уходятъ)

ГОЛОВА ІОРКА НА ШЕСТѢ.

Концовка Джильберта (Gilbert).

ВОЙСКО ІОРКОВЪ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Равнина близъ креста Мортимера въ Герфордшайрѣ. *Барабанный бой. Входятъ* Эдуардъ *и* Ричардъ *съ войсками.*

Эдуардъ.

Какъ спасся онъ, нашъ царственный отецъ?
Нортумберлэнда съ Клиффордомъ погони
Успѣлъ-ли онъ избѣгнуть или нѣтъ?
Будь онъ въ плѣну—до насъ дошли бы вѣсти,
Будь онъ убитъ—и это-бъ мы узнали.
А если бы онъ спасся—мы-бъ имѣли
Счастливое извѣстье о спасеньи.
Но что съ тобой? Ты такъ печаленъ, братъ.

Ричардъ.

Я не могу веселымъ быть, не зная,
Что сталось съ нашимъ доблестнымъ отцомъ?
Я видѣлъ, какъ носился онъ въ сраженьи
И Клиффорда искалъ. Казалось мнѣ,—
Онъ врѣзался туда, гдѣ гуще схватка,
Какъ левъ среди рогатаго скота,
Иль какъ медвѣдь, собаками травимый:
Однѣ визжатъ, которыхъ онъ помялъ,
А прочія—лишь лаютъ издалека.
Такимъ же былъ среди враговъ отецъ
И такъ враги передъ отцомъ бѣжали.
Большая слава—сыномъ быть ему.
Смотри: врата открывши золотыя,
Прощается съ блестящимъ солнцемъ утро.
На юности расцвѣтъ оно похоже,
На юношу наряднаго, когда онъ
Красуется передъ своею милой.

Эдуардъ.

Мнѣ чудится, иль вижу я три солнца?

Ричардъ.

Три свѣтлыхъ дня, блистательныхъ три солнца,
Не отдѣленныхъ дымкой облаковъ,
Но блещущихъ отдѣльно въ блѣдномъ небѣ.
Гляди! Они въ объятіяхъ слились,
Какъ бы даютъ обѣтъ ненарушимый;
Теперь всѣ три единымъ свѣтомъ стали,
Лучомъ единымъ и единымъ солнцемъ.
Тѣмъ предвѣщаютъ что-то небеса.

Эдуардъ.

Я ни о чемъ столь чудномъ не слыхалъ.
То знаменье насъ въ битву призываетъ.
Отважнаго Плантагенета дѣти—
Мы доблестно блистаемъ каждый порознь,
Но слить лучи должны мы воедино
И землю озарить, какъ солнце—міръ.
Что-бъ ни было—отнынѣ на щитѣ
Изобразить велю три свѣтлыхъ солнца.

РИЧАРДЪ ГЛОСТЕРЪ (впослѣдствіи Ричардъ III).
Портретъ его въ Лондонской національной портретной галлереѣ.

Ричардъ.

Дозволь сказать: ужъ лучше три луны,
Вѣдь женскій полъ тебѣ милѣй мужского.

Входитъ гонецъ.

Но кто же ты? Пророчитъ мрачный взоръ
Печали вѣсть, что рвется съ устъ твоихъ.

Гонецъ.

Присутствовалъ я съ горестью при томъ,
Какъ былъ убитъ великій герцогъ Іоркскій,
Вашъ царственный отецъ и господинъ мой.

Эдуардъ.

О, замолчи! Я слышалъ слишкомъ много.

Ричардъ.

Какъ умеръ онъ? Я все желаю знать.

Гонецъ.

Держался противъ множества враговъ
Онъ словно тотъ, кто былъ надеждой Трои,
Когда въ нее войти хотѣли греки.
Но численность и Геркулеса сломитъ,
Пусть малъ топоръ, но частые удары
Свалить должны и крѣпкоствольный дубъ.
Онъ многими руками былъ захваченъ.
Но умерщвленъ лишь Клиффорда злодѣя
Безжалостной рукой и—королевы,
На герцога свѣтлѣйшаго надѣвшей
Съ глумленіемъ вѣнецъ. Она смѣялась
Ему въ лицо; когда же онъ заплакалъ—
Дала ему, чтобъ слезы утереть,
Она платокъ, залитый кровью сына.
Невинной кровью Рутлэнда, который
Былъ Клиффордомъ суровымъ умерщвленъ.
И послѣ злыхъ ругательствъ и обидъ
Ему отсѣкли голову, поставивъ
Надъ Іоркскими воротами и тамъ—
Она досель: нѣтъ зрѣлища печальнѣй.

Эдуардъ.

О, герцогъ дорогой, опора наша,
Оградой намъ и посохомъ ты былъ!
О, Клиффордъ, буйный Клиффордъ умертвилъ
Ты рыцарства Европы лучшій цвѣтъ.
Предательствомъ ты одержалъ побѣду:
Ты былъ-бы имъ сраженъ въ единоборствѣ.
Тюрьмою сталъ чертогъ души моей,
О, еслибы ей вырваться оттуда,
А плоть нашла-бъ въ землѣ успокоенье!
Всѣхъ радостей отнынѣ я лишенъ,
Ихъ никогда не буду знать вовѣки.

Ричардъ.

Я не могу лить слезъ; ихъ недовольно,
Чтобъ утолить палящій сердца жаръ,
И гнетъ души не облегчитъ словами:
Дыханіе лишь уголья раздуетъ,
Горящіе въ груди моей, спалитъ
Меня огнемъ, который гасятъ слезы.
Плачъ облегчаетъ горя глубину,
Пусть плачутъ дѣти, я же стану мстить.
Какъ ты, зовусь я Ричардъ, смерть твою
Отмщу я иль паду въ попыткѣ славной.

Эдуардъ.

Отъ герцога ты имя получилъ,
Но герцогство и титулъ мнѣ остались.

Ричардъ.

Коль ты птенецъ державнаго орла—
Родъ докажи, взглянувъ на солнце прямо:
Не *герцогство* скажи, а *королевство*.
Оно—твое, иль ты не сынъ его.

Маршъ. Входятъ Уорикъ *и* Монтэгю *съ войсками.*

Уорикъ.

Милорды, какъ дѣла! Какія вѣсти?

Ричардъ.

Великій Уорикъ, ихъ передавая,
Когда-бъ себя, пока разсказъ не конченъ,
Кололи мы клинкомъ при каждомъ словѣ—
Больнѣй ударовъ были бы слова.
О, храбрый лордъ, вѣдь герцогъ Іоркъ убитъ.

Эдуардъ.

О, Уорикъ, Уорикъ, тотъ Плантагенетъ,
Кому ты былъ милѣй души спасенья—
Злымъ Клиффордомъ смертельно пораженъ.

Уорикъ.

Ужъ десять дней, какъ потопилъ въ слезахъ
Я эту вѣсть, но горе я усилю,
Сказавъ о томъ, что съ той поры случилось
За битвою у Вэкфильда кровавой,
Гдѣ славный герцогъ духъ свой испустилъ—
О пораженьи и его кончинѣ
Немедленно ко мнѣ домчалась вѣсть.
Я въ Лондонѣ, какъ короля хранитель,
Собралъ солдатъ, друзей, и полагая,
Что мы сильны достаточно—пошелъ
На Сентъ-Альбанъ, чтобъ королевѣ путь
Тамъ пересѣчь, и Генриха я взялъ,
Такъ какъ меня шпіоны извѣстили,
Что уничтожить думаетъ она
Послѣдній актъ парламента о вашихъ
Правахъ на тронъ, скрѣпленный королемъ.
Короче говоря—близъ Сентъ-Альбана
Сошлись войска, сражались оба храбро,
Но равнодушье-ль Генриха, который
Воинственной супругой любовался,
Въ бойцахъ моихъ такъ охладило пылъ,
Побѣда-ли ея, иль страхъ особый,

Что Клиффорда жестокость имъ внушила
(Всѣмъ плѣнникамъ, гремѣлъ онъ:—смерть и кровь!)
Не знаю, что тому причиной было—
Но мечъ враговъ какъ молнія сверкалъ,
У нашихъ же онъ дѣйствовалъ такъ вяло,
Какъ крылья совъ иль цѣпъ въ рукахъ лѣнивыхъ;
Казалось: бьютъ пріятелей слегка.
Ихъ ободрялъ я правотою дѣла,
Посулами большихъ наградъ и платы—
Напрасно все. Имъ не хотѣлось биться.
И выиграть сраженье не надѣясь,
Бѣжали мы, король—къ своей супругѣ,
А Джорджъ—вашъ братъ, я самъ и герцогъ Норфолькъ—
Съ возможною спѣшили быстротой
Соединиться съ вами, услыхавъ,
Что вы опять готовитесь къ сраженью.

Эдуардъ.

А гдѣ же Норфолькъ, Уорикъ дорогой?
Бургундію когда покинулъ Джорджъ?

Уорикъ.

Въ шести лишь миляхъ герцога войска,
Межъ тѣмъ отъ тетки вашей, герцогини
Бургундской, Джорджъ является съ войсками
На помощь вамъ въ столь бѣдственной войнѣ.

Ричардъ.

Бѣда сильна, когда бѣжитъ самъ Уорикъ.
Слыхалъ не разъ: враговъ онъ славно гналъ,
Но не слыхалъ, чтобъ онъ бѣжалъ безславно.

Уорикъ.

Безславнаго и нынѣ, Ричардъ, нѣтъ!
Увидишь: этой мощною рукою
У Генриха безвольнаго корону
Сорву съ чела и вырву грозный скипетръ—
Будь онъ въ бою отвагой такъ же славенъ,
Какъ мягкостью и благочестьемъ въ мирѣ.

Ричардъ.

Я знаю, Уорикъ, не брани меня:
Сказалъ я изъ любви къ твоей же славѣ.
Но въ эти дни тревожные—какъ быть?
Мы сбросимъ-ли сейчасъ стальныя латы
И, въ трауръ облеченные, по четкамъ
Начнемъ читать свои Ave Maria?
Иль мстительнымъ оружьемъ начертаемъ
Молитвы мы на шлемѣ у враговъ?
Коль быть тому—скажите: да, и—къ дѣлу.

Уорикъ.

Для этого и отыскалъ васъ Уорикъ,
За тѣмъ пришелъ и братъ мой Монтэгю.
Теперь вниманье, лорды! Королева
Надменная и дерзкая—въ союзѣ
Съ Нортумберлэндомъ, Клиффордомъ, а также
И съ птицами другими ихъ породы—
Изъ короля все лѣпитъ, какъ изъ воска.
Онъ поклялся вамъ передать престолъ,
Что внесено въ парламентскіе списки;
Теперь они спѣшатъ толпою въ Лондонъ
Для нарушенья акта клятвы и всего,
Что повредитъ Ланкастерскому дому.
Я думаю, ихъ силы—тысячъ тридцать,
И если войско Норфолька, мое,
Друзья, которыхъ доблестный графъ Марчскій,
Межъ преданныхъ уэльцевъ ты найдешь—
Достигнутъ тысячъ двадцати пяти,
Тогда—впередъ, идемъ на Лондонъ прямо.
Вновь сядемъ здѣсь на взмыленныхъ коней,
Воскликнемъ вновь:—Рази врага!—Но въ бѣгствѣ
Мы тыла вновь къ врагу не обратимъ.

Ричардъ.

Вновь Уорика великаго я слышу.
Пусть тотъ зари не видитъ золотой,
Кто побѣжитъ, коль скажетъ Уорикъ: стой!

Эдуардъ.

Твое плечо—опора мнѣ, лордъ Уорикъ.
Погибнешь ты, чего не дай Господь—
И я паду, но да спасетъ насъ небо.

Уорикъ.

Не Марчскій графъ, ты нынѣ — герцогъ Іоркъ.
Ближайшая ступень—престолъ англійскій,
Ты королемъ объявленъ всюду будешь,
Гдѣ мы пройдемъ. Кто шапку не подброситъ
Отъ радости—заплатитъ головой.
Король нашъ Эдуардъ, отважный Ричардъ
И Монтэгю—мечтать о славѣ полно!
Трубить походъ и къ дѣлу мы приступимъ.

Ричардъ.

Будь у тебя стальное сердце, Клиффордъ,
Какъ ты его кремневымъ показалъ
Въ дѣлахъ твоихъ—я все же и тогда
Пронжу его, иль дамъ свое въ обмѣнъ.

Эдуардъ.

Трубите сборъ! Богъ и святой Георгій!

Входитъ гонецъ.

Уорикъ.

Какая вѣсть?

Гонецъ.

Лордъ Норфолькъ извѣщаетъ,
Что королева съ сильнымъ войскомъ близко.
Онъ проситъ васъ скорѣй принять рѣшенье.

Уорикъ.

Какъ подошло! Итакъ, бойцы, впередъ!
(Уходятъ).

МАРГАРИТА УКАЗЫВАЕТЪ ГЕНРИХУ VI НА ГОЛОВУ ІОРКА.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

СЦЕНА II.

Передъ Іоркомъ.

Трубы. *Входятъ* КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, ПРИНЦЪ УЭЛЬСКІЙ, КЛИФФОРДЪ и НОРТУМБЕРЛЭНДЪ *съ войсками.*

КОРОЛЕВА.

Привѣтствуемъ васъ въ Іоркѣ, государь.
Вотъ голова заклятаго врага,
Желавшаго надѣть корону вашу;
Вамъ этотъ видъ не веселитъ-ли сердце?

КОРОЛЬ.

Какъ видъ скалы—пловца передъ крушеньемъ,
Онъ угнетаетъ душу. Удержи
Возмездіе, о Боже! Я невиненъ,
Безъ умысла я клятву преступилъ.

КЛИФФОРДЪ.

Тутъ, государь, избытокъ снисхожденья
И жалости опасной—неумѣстенъ.
Взоръ ласковый кому бросаютъ львы?
Тому-ли, кто ихъ гонитъ изъ пещеры?

Медвѣдь чью руку лижетъ? Вѣдь не ту,
Что медвѣжатъ открыто похищаетъ.
Кого змѣя смертельно не ужалитъ?
Не тѣхъ, кто на нее ступилъ ногой.
Малѣйшій червь, обороняясь, вьется,
И голуби изъ-за птенцовъ дерутся.
Іоркъ въ честолюбьи мѣтилъ на вѣнецъ.
Ты улыбался, онъ же брови хмурилъ,
Онъ—герцогъ—прочилъ сына въ короли,
Любя свой родъ, хотѣлъ его возвысить,
А ты—король, благословенный сыномъ,
Его лишить наслѣдства согласился,
Явивъ себя нелюбящимъ отцомъ.
Тварь несмышленная дѣтей питаетъ;
Хотя страшитъ ихъ обликъ человѣка—
Кто не видалъ, какъ птицы защищаютъ
Птенцовъ своихъ при помощи тѣхъ крыльевъ,
Которыя для бѣгства служатъ имъ,
И бьются съ тѣмъ, кто лѣзетъ въ ихъ гнѣздо,
Жизнь отдаютъ дѣтенышей спасая.
Стыдись! Бери въ примѣръ ихъ, государь.
Не грустно-ль, еслибъ юноша достойный—
Виной отца, лишенный правъ наслѣдства,
Сказалъ потомъ ребенку своему:—
Что прадѣдъ твой и дѣдъ пріобрѣли—
Отецъ мой все миролюбиво отдалъ.
Какой позоръ! На юношу взгляните,
Пусть мужественный ликъ его, сулящій
Ему успѣхъ—вамъ сердце укрѣпитъ,
Чтобъ для него спасли вы достоянье.

Король.

Ты рѣчь держалъ краснорѣчиво, Клиффордъ,
И доводомъ ее скрѣпляешь сильнымъ,
Но ты ужели, Клиффордъ, не слыхалъ,
Что въ прокъ нейдетъ—нажитое неправдой?
И счастливъ ли бываетъ сынъ, коль скоро
Идетъ отецъ наживы ради въ адъ?
Я добрыя дѣла оставлю сыну.
Когда-бъ лишь ихъ мнѣ завѣщалъ отецъ!
За прочее мы слишкомъ много платимъ,
Хранить его—заботы большей стоитъ,
Чѣмъ радости приноситъ обладанье.
Братъ Іоркъ! Друзья твои не знаютъ, какъ
Здѣсь голову твою мнѣ видѣть горько!

Королева.

Воспряньте духомъ! Близокъ непріятель,
Сторонниковъ смутитъ такая слабость.
Вы доблестному сыну обѣщали
Дать рыцарство. Такъ обнажите мечъ.
Принцъ, преклони колѣна.

Король.

Эдуардъ
Плантагенетъ, встань рыцаремъ, и помни:
Мечъ обнажай за правду лишь одну.

Принцъ.

Съ соизволенья вашего, родитель
Державный мой, я, какъ наслѣдникъ трона,
Мечъ обнажу, чтобъ на смерть биться имъ.

Клиффордъ.

Такая рѣчь приличествуетъ принцу.

Входитъ гонецъ.

Гонецъ.

Державные вожди, готовьтесь къ бою.
Съ отрядомъ въ тридцать тысячъ человѣкъ—
Чтобъ Іорка поддержать—подходитъ Уорикъ,
И въ городахъ его провозглашаетъ
Онъ королемъ на всемъ пути. Примкнули
Къ нимъ многіе. Готовьтесь. Близокъ врагъ.

Клиффордъ.

Вы, государь, оставьте поле. Въ ваше
Отсутствіе счастливѣй королева.

Королева.

Насъ предоставь ты нашей же судьбѣ.

Король.

Но—общая она, и я останусь.

Нортумберлэндъ.

Тогда въ бою участіе примите.

Принцъ.

Мой царственный отецъ, ободри лордовъ,
Одушеви все войско и воскликни,
Мечъ обнаживъ: Святой Георгій! въ бой!

Маршъ. Входятъ Эдуардъ, Джорджъ, Ричардъ, Уорикъ, Норфолькъ, Монтэгю *и войско.*

Эдуардъ.

Клятвопреступный Генрихъ, на колѣняхъ
О милости моли, отдай корону.
Иль испытать судьбу ты хочешь въ битвѣ?

Королева.

Своихъ позорь, заносчивый мальчишка!
Пристало ли такъ нагло говорить
Тебѣ съ твоимъ законнымъ государемъ?

Эдуардъ.

Я—государь и онъ склониться долженъ,
Меня онъ самъ наслѣдникомъ назначилъ.
Нарушена та клятва, я слыхалъ
Вы—истинный король, хотя корону
И носитъ онъ—заставили его
Составить актъ въ парламентѣ, которымъ
Я вычеркнутъ и вписанъ сынъ его.

Клиффордъ.

Такъ слѣдуетъ: вѣдь сынъ—отцу наслѣдникъ.

Ричардъ.
Ты здѣсь, мясникъ? Я говорить не въ силахъ!

Клиффордъ.
Я здѣсь, горбунъ, готовъ я дать отвѣтъ
Тебѣ и всѣмъ подобнымъ наглецамъ.

Ричардъ.
Тобою, да? убитъ былъ юный Рутлэндъ?

Клиффордъ.
И старый Іоркъ, но недоволенъ я.

Ричардъ.
Скорѣе въ бой, во имя Бога, лорды.

Уорикъ.
Чтожъ, Генрихъ? Ты корону уступаешь?

Королева.
Туда же ты, длиноязычный Уорикъ?
Въ сраженіи при Сентъ-Альбанѣ ноги
Ты въ ходъ пустилъ успѣшнѣе, чѣмъ руки.

Уорикъ.
Тамъ я бѣжалъ, а нынѣ—твой чередъ.

Клиффордъ.
Такъ говорилъ ты раньше, но бѣжалъ.

Уорикъ.
Тому виной—не Клиффорда отвага.

Нортумберлэндъ.
И не твоя. Не то бы ты остался.

Ричардъ.
Нортумберлэндъ, тебя я почитаю;
Оставь переговоры, въ сердцѣ мщенье
Едва сдержать могу, чтобъ не постигло
Дѣтоубійцу Клиффорда оно.

Клиффордъ.
Иль твой отецъ, убитый мной—дитя?

Ричардъ.
Его убилъ предательски, трусливо,
Какъ Рутлэнда ты юнаго убилъ.
Но каяться въ томъ будешь до заката.

Король.
Довольно; слово предоставьте мнѣ.

Королева.
Имъ вызовъ брось, не то—сомкни уста.

Король.
Мнѣ говорить, прошу я, не препятствуй,
Я, какъ король, на то имѣю право.

Клиффордъ.
Но вызвавшей собранье это ранѣ
Рѣчами не помочь, молчите лучше.

Ричардъ.
Тогда, палачъ, оружье обнажи!
Создателемъ клянусь, я убѣжденъ,
Что на словахъ—все Клиффорда геройство.

Эдуардъ.
Вернешь права мнѣ, Генрихъ, или нѣтъ?
Вѣдь тысячамъ людей, поѣвшихъ утромъ,
Отвѣдать пищи больше не придется,
Когда вѣнецъ ты не уступишь мнѣ.

Уорикъ.
На голову твою падетъ ихъ кровь.
За справедливость Іоркъ вооружился.

Принцъ.
Коль правда все, что правдой ты считаешь,—
Неправды нѣтъ: все въ мірѣ—справедливость.

Ричардъ.
Кому бы ты не приходился сыномъ,
Мать на лицо. Языкъ твой—материнскій.

Королева.
Ты ни съ отцомъ, ни съ матерью не схожъ,
Чудовищный уродъ; отмѣченъ рокомъ,
Чтобъ сторонились люди, какъ отъ жабы,
Иль ящерицъ зловредныхъ—отъ тебя.

Ричардъ.
Прикрытое англійской позолотой,
Неаполя желѣзо! Твой отецъ
Король такой же, какъ проливы—море.
Не стыдно ль, зная родъ свой—выдавать
Въ рѣчахъ своихъ низкорожденность сердца?

Эдуардъ.
Кронъ тысячу я дамъ за жгутъ соломы,
Чтобъ привести къ сознанью эту тварь.
Прекраснѣе, чѣмъ ты, была Елена,
Хотя твой мужъ быть можетъ Менелай,
Но братъ Агамемнона вѣроломной
Женой своей такъ не былъ оскорбленъ,
Какъ Генрихъ, нашъ король—тобою.
Отецъ его среди земли французской
Торжествовалъ побѣду, усмирилъ
Онъ короля и побѣдилъ дофина;
И заключи твой мужъ союзъ достойный—
Донынѣ бы онъ славу сохранилъ.
Но нищую когда онъ взялъ на ложе,
Лишь бѣдняка отца ея почтивъ,
То изъ-за солнца ливень разразился,
Унесшій всѣ французскія побѣды
И вызвавшій мятежъ противъ него.
Не гордость ли твоя рождаетъ смуту?
Будь мягче ты—дремало-бъ наше право,
И кроткаго монарха сожалѣя,
Отсрочили-бъ мы наши притязанья.

Джорджъ.

Весну твою подъ нашимъ солнцемъ видя,
Отъ лѣта же не получивъ плодовъ—
Подсѣкли мы твой корень чужеядный.
Хотя топоръ поранилъ также насъ,
Но знай, что мы не прекратимъ ударовъ,
Пока тебя не срубимъ или кровью
Своею мы твой ростъ не оросимъ.

Эдуардъ.

Рѣшился я: тебѣ бросаю вызовъ,
Переговоровъ слушать не желаю,
Ты говорить мѣшаешь королю.
Трубите сборъ! И взвейте стягъ кровавый,
Мы побѣдимъ или падемъ со славой.

Королева.

Стой, Эдуардъ!

Эдуардъ.

Ждать не хочу я долѣ,
Пусть тысячи падутъ сегодня въ полѣ.
(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Поле сраженія между Тоутомъ и Сакстономъ въ Іоркшайрѣ.

Тревога. Битва. Входитъ Уорикъ.

Уорикъ.

Измученный, какъ скороходъ отъ бѣга,
Прилягу здѣсь, чтобъ перевесть дыханье.
Удары нанося и получая,
Растратилъ я всю крѣпость мышцъ моихъ,
И мщенью вопреки—мнѣ отдыхъ нуженъ.

Вбѣгаетъ Эдуардъ.

Эдуардъ.

Смерть, порази, иль, небо, улыбнись!
Мрачна земля, мое затмилось солнце!

Уорикъ.

Ну, что, милордъ? Какъ дѣло? Есть надежда?

Входитъ Джорджъ.

Джорджъ.

Погибло дѣло и надежда наша—
Отчаянье. Разстроены ряды,
Насъ гибель ждетъ. Куда бѣжать, скажите?

Эдуардъ.

Зачѣмъ бѣжать? Они на крыльяхъ мчатся;
Мы, ослабѣвъ, погони не избѣгнемъ.

Входитъ Ричардъ.

Ричардъ.

О, почему ты удалился, Уорикъ?
Своею кровью землю напоилъ
Твой братъ, сраженный Клиффорда мечомъ,
И посреди предсмертныхъ мукъ взывалъ онъ—
Такъ издали зловѣщій стонъ мы слышимъ:
—Отмщенье, Уорикъ, смерть мою отмсти!—
И подъ ногами вражескихъ коней,
Окрасившихъ въ его крови копыта,
Духъ испустилъ нашъ рыцарь благородный.

Уорикъ.

Пускай земля упьется нашей кровью!
Убью коня, я не хочу бѣжать.
Чтожъ мы стоимъ и плачемъ, словно жены,
Покуда врагъ свирѣпствуетъ вокругъ,
И смотримъ такъ, какъ будто для забавы
Трагедію актеры представляютъ?
Здѣсь на колѣняхъ Господу клянусь—
Не отдохну, не успокоюсь я,
Покуда смерть мнѣ очи не закроетъ,
Иль полной мѣрой я не отомщу.

Эдуардъ.

И я съ тобой склоню колѣна, Уорикъ.
Я въ клятвѣ духъ съ твоимъ соединю.
И прежде чѣмъ съ лица земли холодной
Я поднимусь,—къ Тебѣ съ мольбою руки
И взоры я и сердце обращаю.
Ты королей возносишь и свергаешь.
Когда на то Твоя Святая воля,
Чтобъ сталъ мой прахъ добычею враговъ—
Отверзи мнѣ небесныя врата
И съ милостью мой грѣшный духъ прими.
Простимся же до новой встрѣчи, лорды.
Гдѣ ни случись—тутъ на землѣ иль въ небѣ.

Ричардъ.

Дай руку, братъ! Тебя, о милый Уорикъ,
Дозволь обнять усталыми руками.
Не знавшій слезъ—и я скорблю, что губитъ
Безвременно зима нашъ цвѣтъ весенній.

Уорикъ.

Впередъ! Впередъ! Привѣтъ послѣдній лорды!

Джорджъ.

Итакъ идемъ къ отрядамъ нашимъ вмѣстѣ.
Пускай бѣгутъ—кто не желаетъ биться;
Оставшихся опорой будемъ звать
И въ случаѣ побѣды наградимъ ихъ
Мы, какъ героевъ олимпійскихъ игръ.
Пусть это всѣхъ упавшій духъ подниметъ.
Надежда есть на жизнь и на побѣду,
Не медлите и съизнова ударимъ.
(Уходятъ).

РИЧАРДЪ, СЫНЪ ІОРКА (впослѣдствіи Ричардъ III).

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

СЦЕНА IV.

Другая часть поля.

Входятъ Ричардъ *и* Клиффордъ.

Ричардъ.

Ты, Клиффордъ, здѣсь одинъ передо мной,
Вотъ этою рукою—мстить за Іорка,
За Рутлэнда—другою я готовъ,
Будь защищенъ ты мѣдною стѣною.

Клиффордъ.

Да, Ричардъ, я одинъ передъ тобой,
Вотъ та рука, что Іорка поразила,
А Рутлэнда другою я убилъ,
И сердце вотъ—счастливое ихъ смертью;
Оно рукамъ, убившимъ у тебя
Отца и брата—мужество внушаетъ
Покончить и съ тобою. Берегись.

Сражаются. Входитъ Уорикъ, Клиффордъ *бѣжитъ.*

Ричардъ.

Нѣтъ, Уорикъ, звѣря ты намѣтъ другого,
А этотъ волкъ затравленъ будетъ мной.
(Уходитъ).

СЦЕНА V.

Другая часть поля.

Тревога. Входитъ король.

Король.

Подходитъ бой на утреннюю битву,
Гдѣ тающая мгла ведетъ борьбу
Съ сіяньемъ дня, которое ростетъ.
Въ подобный часъ пастухъ, на пальцы дуя,
Не назоветъ его ни днемъ, ни ночью.
То мчится бой въ ту сторону, какъ море,
Гонимое приливомъ противъ вѣтра,
То въ эту мчится, словно то же море,
Когда его обратно гонитъ вѣтеръ.
Порой—волна, порой осилитъ вѣтеръ.
То перевѣсъ за тѣмъ, то за другимъ,
И грудь о грудь изъ-за побѣды бьются
Тотъ и другой, а все жъ не побѣдилъ
Еще и никто и не былъ побѣжденнымъ:
Такъ въ битвѣ злой равны обоихъ силы.
На холмикѣ присяду здѣсь. Кому
Судилъ Господь—за тѣмъ побѣда будетъ
Я Клиффордомъ и Маргаритой прогнанъ

Былъ изъ рядовъ; они клянутся оба,
Что безъ меня удачнѣй ихъ дѣла.
О, еслибъ мнѣ Господь послалъ кончину!
Здѣсь на землѣ—одна печаль и горе.
О, Господи, вотъ счастье было-бъ въ жизни
Быть пастухомъ простымъ! И сидя здѣсь,
По солнечнымъ часамъ, что если-бъ мною
Устроены—я съ точностью слѣдилъ бы,
Какъ слѣдуютъ минуты за минутой,
И сколько ихъ составятъ полный часъ,
И сколько день въ себѣ часовъ вмѣщаетъ
И сколько дней заключено въ году,
И сколько лѣтъ для жизни нужно людямъ.
А счетъ сведя, я раздѣлилъ бы время:
Вотъ столько-то часовъ пасу я стадо,
Вотъ столько-то часовъ я отдыхаю,
Вотъ столько-то часовъ—на созерцанье,
Вотъ столько-то часовъ—мнѣ для забавы,
Вотъ столько дней какъ въ тягости овечки,
Чрезъ столько-то недѣль онѣ ягнятся;
И столько ждать до стрижки ихъ ягнятъ.
Такъ протекли-бъ дни, мѣсяцы и годы,
Согласно цѣли имъ опредѣленной,
И привели-бъ къ могилѣ сѣдину.
Какъ сладостна была бы эта жизнь!
Не слаще ли боярышника тѣнь
Для пастуховъ, стада свои пасущихъ,
Чѣмъ балдахинъ расшитый—для монарховъ,
Страшащихся ихъ подданныхъ измѣны?
Пріятнѣе тысячу кратъ она.
И пища пастуха—тревогъ домашній,
И жидкое питье изъ фляги прямо,
Въ тѣни деревъ его обычный сонъ,
Все, чѣмъ спокойно пользуется онъ—
Не выше ли всѣхъ лакомствъ королевскихъ,
И винъ, разлитыхъ въ кубки золотые?
Затѣйливаго ложа, гдѣ заботы
Съ измѣною и недовѣрьемъ—стражи?

Тревога. Входитъ сынъ, *убившій своего отца. Онъ несетъ трупъ его.*

Сынъ.

Плохъ вѣтеръ тотъ, что безполезенъ людямъ.
Вотъ человѣкъ, убитый мною въ схваткѣ,
Онъ можетъ быть имѣетъ кронъ запасъ?
Я, оборвавъ его благополучно,
До вечера отдамъ, пожалуй, деньги
И жизнь мою кому-нибудь другому,
Какъ отдалъ мнѣ ихъ мертвый. Кто же онъ?
Черты отца! О, Боже, я случайно
Убилъ отца! Тѣ дни, что порождаютъ
Дѣла такія—намъ они ужасны!
Изъ Лондона ведетъ меня король,
Отецъ же мой, какъ Уорику подвластный,
За Іорка сталъ, по волѣ господина,
И я, кому онъ жизнь когда-то далъ—
Лишилъ его моей рукою жизни!
Прости, Господь, вѣдь я не зналъ, что дѣлалъ;
Прости, отецъ, я не узналъ тебя.
Кровавый слѣдъ пусть эти слезы смоютъ,
Я замолчу и дамъ излиться имъ.

Король.

Ужасный видъ! Кровавая година!
Покуда львы за логовище бьются,
Отъ ихъ вражды бѣда невиннымъ овцамъ.
Несчастный, плачь, заплачу я съ тобой.
Какъ отъ войны междоусобной—очи
Пускай ослѣпнутъ, сердце разорвется!

Входитъ отецъ, *убившій сына, неся трупъ его.*

Отецъ.

Упорно мнѣ сопротивлялся ты;
Есть золото, тогда отдай его,
Его купилъ я сотнею ударовъ.
Но погляжу: врага-ли это ликъ?
Нѣтъ, нѣтъ, о нѣтъ! Единственный мой сынъ!
О, если жизнь въ тебѣ еще осталась—
Открой глаза, смотри какой потокъ,
Гонимый бурей сердца—изливаю
На раны я, смертельныя для сердца
И глазъ моихъ. Будь милостивъ, о Боже,
Къ злосчастнымъ днямъ. Какія злодѣянья,
Чудовищно кровавыя ошибки—
Вседневно споръ смертельный порождаетъ!
Мой сынъ, тебѣ далъ жизнь я слишкомъ рано,
И отнялъ жизнь я эту слишкомъ поздно.

Король.

За скорбью—скорбь, она превыше мѣры.
О, смерть моя, имъ положи конецъ.
О, сжальтесь, сжальтесь, небеса благія!
Въ лицѣ его—цвѣта обѣихъ розъ,
Цвѣта домовъ враждебныхъ роковые.
Одна изъ нихъ подобна алой крови,
Другая—блѣдность щекъ напоминаетъ.
Увянь одна, чтобъ разцвѣла другая.
Продлится споръ—увянетъ много жизней.

Сынъ.

Какъ мать моя на смерть отца посмотритъ?
Съ ней никогда она не примирится.

Отецъ.

Какъ будетъ лить потоки слезъ жена,
Со смертью сына ей не примириться.

Король.

Какъ проклянетъ монарха вся страна!
Съ нимъ никогда она не примирится.

Сынъ.

Когда же сынъ такъ объ отцѣ грустилъ?

ОТЕЦЪ, УБИВШІЙ СЫНА и СЫНЪ УБИВШІЙ ОТЦА.

Картина Джозіи Бойделя (Josiah Boydell, 1750—1817) (Большая Бойделевская Галлерея).

Отецъ.

Когда отецъ такъ горевалъ о сынѣ?

Король.

Когда король такъ за народъ скорбѣлъ?
Ужасна ваша скорбь, моя—ужаснѣй.

Сынъ.

Возьму тебя, чтобъ выплакаться вволю.
(Уноситъ тѣло).

Отецъ.

Мои объятья—саванъ для тебя,
А сердце это—для тебя могила,
Гдѣ образъ твой навѣки сохранится,
Мой вздохъ тяжелый—погребальный звонъ.
Оплачу я единственнаго сына
И совершу поминки, какъ Пріамъ,
Утратившій всѣхъ доблестныхъ сыновъ.
Возьму тебя. Пускай другіе бьются.
Кого не долженъ былъ—я умертвилъ.
(Уходитъ, унося тѣло).

Король.

Несчастные, удручены вы горемъ,
Но здѣсь король еще несчастнѣй васъ.

Тревога. Битва. Входятъ КОРОЛЕВА, ПРИНЦЪ *и* ЭКЗЕТЕРЪ.

Принцъ.

Бѣги, отецъ! Бѣжали всѣ друзья.
Свирѣпствуетъ, какъ дикій быкъ, лордъ Уорикъ.
Смерть гонится за нами по-пятамъ.

Королева.

Сѣвъ на коня, во весь опоръ поскачемъ
Мы къ Бервику. Здѣсь Эдуардъ и Ричардъ,
Подобные борзымъ, травящимъ зайца,
Со взорами, сверкающими гнѣвомъ,
Сжимая мечъ въ рукахъ окровавленныхъ—
Ужъ настигаютъ насъ. Итакъ, бѣжимъ.

Экзетеръ.

Бѣжимъ скорѣй! Отмщенье—съ ними вмѣстѣ.
Нѣтъ, возражать не время, поспѣшите.
Иль слѣдуйте за мной. Иду впередъ.

Король.

Нѣтъ, Экзетеръ, возьми меня съ собой,
Не страшно мнѣ остаться, но люблю я
За королевой слѣдовать. Идемъ.
(Уходятъ).

СЦЕНА VI.

Другая часть поля.

Громкій барабанный бой. Входитъ КЛИФФОРДЪ *раненый.*

Клиффордъ.

Здѣсь догораетъ свѣточъ мой... Конецъ!
Пока горѣлъ—онъ Генриху свѣтилъ.
Ланкастеръ, мнѣ страшнѣй твое паденье,
Чѣмъ разставанье съ тѣломъ—для души.
Моя любовь и страхъ—къ тебѣ немало
Друзей влекли, теперь звено распалось;
Всѣ Генриха покинутъ чтобъ усилить
Могущество заносчиваго Іорка.
Роится чернь, подобно лѣтнимъ мухамъ,
Всегда летятъ на солнце комары.
А Генриха враги подобны солнцу.
О еслибъ, Фебъ, ты огненныхъ коней
Не ввѣрилъ Фаэтону—колесница
Твоя огнемъ не опалила-бъ землю.
И еслибъ, Генрихъ правилъ ты по царски
Какъ правили отецъ и дѣдъ твои,
Не уступая почвы дому Іорку—
Послѣ меня и многихъ тысячъ павшихъ
Въ странѣ бы вдовъ печальныхъ не осталось,
И мирно ты престоломъ бы владѣлъ.
Но плевелы въ теплѣ растутъ сильнѣй,
Разбойники—смѣлѣй отъ снисхожденья.
Безсильна скорбь, неисцѣлимы раны,
Для бѣгства нѣтъ ни силы, ни путей,
Неумолимый врагъ не пощадитъ,
И отъ него не жду пощады. Воздухъ
Въ смертельныя мнѣ раны проникаетъ,
Я отъ потери крови ослабѣлъ.
Іоркъ, Ричардъ, Уорикъ, всѣ сюда! Я вашихъ
Отцовъ убилъ, разите грудь мою.
(Лишается чувствъ).

Тревога, отбой. Входятъ ЭДУАРДЪ, РИЧАРДЪ, ДЖОРДЖЪ, МОНТЭГЮ, УОРИКЪ *и солдаты.*

Эдуардъ.

Милорды, отдохнемъ. Даруетъ отдыхъ
Удача намъ, да смѣнитъ ясный взоръ
Воинственно нахмуренныя брови.
Отрядовъ часть отправлена въ погоню
За королевой, алчущею крови.
И несмотря на то, что онъ—король,
И кроткій Генрихъ ею увлеченъ.
Такъ, паруса вздувая, буйный вѣтеръ
Влечетъ корабль наперекоръ теченью.
Какъ скажете, бѣжалъ-ли съ ними Клиффордъ?

УОРИКЪ.
Не можетъ быть, чтобъ онъ успѣлъ спастись.
Онъ вашимъ братомъ Ричардомъ—я это
При немъ скажу—отмѣченъ для могилы.
И гдѣ бы ни былъ,—онъ навѣрно мертвъ.
(Клиффордъ стонетъ и умираетъ).

ЭДУАРДЪ.
Чей духъ такъ тяжко съ тѣломъ разстается?

РИЧАРДЪ.
Предсмертный стонъ—какъ при разлукѣ съ жизнью.

ЭДУАРДЪ.
Взгляни:—кто онъ? Оконченъ бой; будь другомъ
Онъ иль врагомъ—ему окажемъ жалость.

РИЧАРДЪ.
Возьми обратно жалость: это Клиффордъ.
Тѣмъ не довольствуясь, что срѣзалъ вѣтвь
И Рутлэнда сгубилъ въ его расцвѣтѣ,
Убійственнымъ ножемъ подсѣкъ онъ корень,
Откуда отпрыскъ нѣжный исходилъ:
Имъ нашъ отецъ, державный Іоркъ, убитъ.

УОРИКЪ.
Съ воротъ снимите голову отца,
Которую туда поставилъ Клиффордъ,
И голову его взамѣнъ поставьте.
Мы воздадимъ за мѣру той же мѣрой.

ЭДУАРДЪ.
Сюда принесть зловѣщаго сыча,
Пророчившаго смерть и намъ, и близкимъ!
Его угрозы кончатся со смертью,
Языкъ его, вѣщавшій горе, смолкнетъ.
(Солдаты выносятъ тѣло).

УОРИКЪ.
Я думаю, сознанья онъ лишенъ.
Отвѣть, ты видишь: кто передъ тобою?
Нѣтъ, смерти мгла затмила жизни лучъ,
Не можетъ онъ ни видѣть насъ, ни слышать.

РИЧАРДЪ.
О, еслибъ могъ! Пожалуй можетъ онъ,
Изъ хитрости онъ только притворился,
Чтобъ избѣжать тѣхъ горькихъ издѣвательствъ,
Какимъ отца подвергъ онъ въ смертный часъ.

ДЖОРДЖЪ.
Но если такъ,—язви его словами.

РИЧАРДЪ.
О милости проси, но—тщетно, Клиффордъ.

ЭДУАРДЪ.
Напраснымъ покаяньемъ кайся, Клиффордъ.

УОРИКЪ.
Грѣхамъ своимъ придумай оправданья.

ДЖОРДЖЪ.
А пытки мы придумали для нихъ.

РИЧАРДЪ.
Любилъ ты Іорка, я же сынъ его.

ЭДУАРДЪ.
Ты Рутлэнда жалѣлъ, а я—тебя.

ДЖОРДЖЪ.
Гдѣ воинъ Маргаретъ—твоя защита?

УОРИКЪ.
Они смѣются, Клиффордъ, проклинай.

РИЧАРДЪ.
Ни одного проклятья? Плохо дѣло,
Когда друзей не можетъ Клиффордъ клясть,
Онъ, значитъ, мертвъ. Клянусь я, будь возможно
Цѣной руки его вернуть мнѣ къ жизни
На два часа, чтобъ насмѣяться вволю—
Одной рукой отсѣкъ бы я другую,
Чтобъ хлынувшею кровью задушило
Презрѣннаго, чьей жажды ненасытной
Не могъ ни Іоркъ, ни Рутлэндъ утолить.

УОРИКЪ.
Да, умеръ онъ. Снять голову: поставить
Ее туда, гдѣ Іорка голова.
Теперь идемъ торжественно на Лондонъ,
Гдѣ Англіи корону примешь ты.
Во Францію затѣмъ поѣдетъ Уорикъ,
Чтобъ лэди Бону сватать для тебя.
Такъ свяжешь ты два эти государства,
А съ Франціей въ союзѣ—намъ враги
Съ попытками оправиться—не страшны,
Боль сильную не причинитъ ихъ жало,
Но ихъ жужжанье оскорбляетъ слухъ.
Сперва хочу коронованье видѣть,
Затѣмъ въ Бретань отправлюсь моремъ я,
Чтобъ вашъ союзъ устроить, государь.

ЭДУАРДЪ.
Да будетъ все, какъ ты желаешь, Уорикъ.
Ты—основанье моего престола,
Не предприму я дѣла никакого
Безъ твоего согласья и совѣта:
Братъ Ричардъ, вы—отнынѣ герцогъ Глостеръ,
Вы—Кларенсъ, Джорджъ. Со мною наравнѣ
Графъ Уорикъ всѣмъ распоряжаться будетъ.

РИЧАРДЪ.

Я—Кларенсомъ," пусть Глостеромъ онъ будетъ.
То герцогство—ужъ слишкомъ роковое.

УОРИКЪ.

Пустое разсужденье. Будешь, Ричардъ,
Ты Глостеромъ. Теперь скорѣе въ Лондонъ,
Чтобъ наконецъ вступить въ свои права.
(Уходятъ).

Концовка Джильберта (Gilbert).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Мѣсто для охоты на сѣверѣ Англіи.

Входятъ ДВА ЛѢСНЫХЪ СТОРОЖА *съ самострѣлами въ рукахъ.*

1-ЫЙ СТОРОЖЪ.

Постережемъ въ кустарникѣ густомъ,
Черезъ поляну здѣсь пройдутъ олени,
И главнаго изъ стада мы намѣтимъ
Укрывшись въ чащѣ.

2-ОЙ СТОРОЖЪ.

Я взойду на холмъ,
Тогда стрѣлять обоимъ будетъ можно.

1-ЫЙ СТОРОЖЪ.

Нельзя. Звукъ самострѣла твоего
Спугнетъ ихъ всѣхъ и пропадетъ мой выстрѣлъ.
Мы въ лучшаго прицѣлимся отсюда,
А для того, чтобъ время шло скорѣй,
Я разскажу о томъ, что приключилось
Со мною здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ.

2-ОЙ СТОРОЖЪ.

Тамъ кто-то есть. Пусть прежде удалится.

Входитъ КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ *переодѣтый, съ молитвенникомъ.*

КОРОЛЬ.

Шотландію тайкомъ покинулъ я,
Чтобъ увидать страну мою съ любовью.
О, Генрихъ, Генрихъ, не твоя она.
Престолъ твой занятъ, скипетръ твой исторгнутъ,
И на челѣ святого мура нѣтъ.
Никто тебя не назоветъ монархомъ.
Просить о правосудіи не станетъ,

ЛѢСНЫЕ СТОРОЖА и ПЕРЕОДѢТЫЙ ГЕНРИХЪ VI

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Никто къ твоей защитѣ не прибѣгнетъ.
Имъ помогу-ль, себѣ помочь не властный?

1-ый сторожъ.

Вотъ звѣрь, чья шкура—сторожу находка,
То бывшій нашъ король. Возьмемъ его.

Король.

Тебѣ, о скорбь, объятья раскрываю:
По мнѣнью мудрецовъ—исходъ мудрѣйшій.

2-ой сторожъ.

Чтожъ медлить намъ? Возьмемъ его сейчасъ.

1-ый сторожъ.

Повремени. Послушаемъ немного.

Король.

Во Францію мой сынъ и королева
За помощью отправились. Туда-же
Отплылъ всесильный Уорикъ, чтобъ въ жены
Эдварду сватать короля сестру.
О королева бѣдная, и сынъ мой,
Вѣдь если такъ—усилья ваши тщетны!
Краснорѣчивъ лордъ Уорикъ, а Людовикъ
На добрыя слова весьма податливъ.
Зато его и Маргарита можетъ,
Какъ жалости достойная, растрогать
И вздохами путь къ сердцу проложить,
Смягчить слезами каменное сердце.
Смягчится тигръ, ея страданья видя;
При жалобахъ ея, слезахъ горючихъ—
И самъ Неронъ почувствуетъ укоръ.
Но Уорикъ—дать, она—просить явилась,
Для Генриха вымаливая милость.
Межъ тѣмъ невѣсту ищетъ онъ Эдварду.
Она въ слезахъ промолвитъ: Генрихъ палъ!
А онъ съ улыбкой: Эдуардъ на царствѣ!
Несчастная тогда умолкнетъ въ горѣ,
Межъ тѣмъ какъ онъ изложитъ ихъ права,
Неправду сгладитъ, доводы найдетъ
Сильнѣйшіе и, короля съумѣвъ
Привлечь къ себѣ, руки сестры добьется
И помощи для короля Эдварда.
Такъ будетъ, Маргарита. Ты, бѣдняжка,
Останешься ни съ чѣмъ, какъ и была.

2-ой сторожъ.

Кто ты—о короляхъ и королевахъ
Толкующій?

Король.

Я больше, чѣмъ кажусь,
И менѣе того—чѣмъ я рожденъ.
Я—человѣкъ, быть меньше не могу;
Какъ люди всѣ, о короляхъ толкую.

2-ой сторожъ.

Ты говоришь, какъ будто ты—король.

Король.

Да—мысленно, и этого довольно.

2-ой сторожъ.

Но если ты король—гдѣ твой вѣнецъ?

Король.

Не на челѣ, но въ сердцѣ, онъ не блещетъ
Алмазами индійскими; вѣнецъ мой—
Невидимый, довольствомъ онъ зовется,
И короли имъ рѣдко обладаютъ.

2-ой сторожъ.

Но если вы увѣнчаны довольствомъ,
То со своимъ вѣнцомъ довольны будьте
Послѣдовать за нами. Полагаю,
Что вы—король, низложенный Эдвардомъ.
А мы ему на вѣрность присягали
И задержать васъ, какъ врага, должны.

Король.

А нарушать вамъ клятву не случалось?

2-ой сторожъ.

Подобной—нѣтъ. И впредь того не будетъ.

Король.

Гдѣ жили вы, когда я былъ король?

2-ой сторожъ.

Здѣсь, въ той странѣ, гдѣ и теперь живемъ.

Король.

Я девяти лишь мѣсяцевъ отъ роду
Помазанъ былъ, и были королями
Отецъ и дѣдъ; вы присягали мнѣ
И вы не нарушали клятву?

1-ый сторожъ.

Нѣтъ,
Мы подданными были вамъ, покуда
Вы—королемъ.

Король.

Но развѣ умеръ я,
И развѣ не дышу я? Простаки!
Не знаете вы сами, въ чемъ клянетесь.
Смотрите: какъ пушинку я сдуваю
И вѣтеръ вновь несетъ ее ко мнѣ,
Послушную то моему дыханью,
То дуновенью вѣтра, уступить
Сильнѣйшему готовую всегда—
Такъ легковѣсны и простые люди.
Не нарушайте клятвы. Пусть во грѣхъ
Васъ не введу моей мольбою скромной.
Идемте же. Король покоренъ вамъ,
Вы будьте королями. Подчиняюсь.

1-ый сторожъ.

Мы—подданные короля Эдварда.

Король.

Для Генриха вы также-бъ ими стали—
Займи онъ снова мѣсто Эдуарда.

1-ый сторожъ.

Къ начальникамъ итти—во имя Бога
И короля—мы приглашаемъ васъ.

Король.

Иду во имя Бога, королю
Я вашему готовъ повиноваться;
Пусть Божью волю вашъ король творитъ.
Я этому смиренно покоряюсь
(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Лондонъ. Покой во дворцѣ.

Король Эдуардъ, Глостеръ, Кларенсъ, лэди Грэй.

Король Эдуардъ.

Братъ Глостеръ, въ битвѣ возлѣ Сентъ-Альбана
Мужъ этой лэди, сэръ Джонъ Грэй, убитъ.
Его помѣстья отнялъ побѣдитель,
Она же проситъ, чтобъ вернули ихъ,
Въ чемъ отказать по правдѣ мы не можемъ
Затѣмъ, что палъ ея супругъ достойный
За Іоркскій домъ сражаясь.

Глостеръ.

Государь,
Вамъ слѣдуетъ уважить эту просьбу,
Безчестно въ томъ ей было-бъ отказать.

Король Эдуардъ.

Конечно такъ. Но обождемъ.

Глостеръ *(Кларенсу)*.

Вотъ какъ!
Ей кое-что исполнить надо будетъ
Покуда онъ ея исполнитъ просьбу.

КЛАРЕНСЪ (*Глостеру тихо*).
Охотникъ ловкій! Что за нюхъ!

ГЛОСТЕРЪ.
Молчи!

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.
Вдова, мы просьбу вашу разберемъ.
Зайдите вновь—узнать рѣшенье наше.

ЛЭДИ ГРЭЙ.
Нельзя мнѣ ждать, великій государь.
Прошу, теперь же дѣло разсудите.
Со всѣмъ, что вамъ постановить угодно—
Согласна я.

ГЛОСТЕРЪ (*про себя*).
Ну, вдовушка, коль скоро
Тебѣ угодно то же, что ему—
Я за возвратъ земель тебѣ ручаюсь.
Держись, не то—удара ожидай.

КЛАРЕНСЪ (*ему*).
Ей нечего бояться: лишь паденья.

ГЛОСТЕРЪ (*ему*).
Избави Богъ, ему оно на пользу.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.
Вдова, а сколько у тебя дѣтей?

КЛАРЕНСЪ (*Глостеру*).
Онъ у нея просить ребенка хочетъ.

ГЛОСТЕРЪ.
Побей меня, коль ей не дастъ онъ двухъ.

ЛЭДИ ГРЭЙ.
Ихъ трое у меня, мой государь!

ГЛОСТЕРЪ (*въ сторону*).
Послушаешь его—четыре будетъ.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.
Жаль было-бъ ихъ лишить земель отцовскихъ.

ЛЭДИ ГРЭЙ.
Такъ сжальтесь, государь, верните земли.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.
Оставьте насъ, милорды. Испытаю
Я умъ вдовы.

ГЛОСТЕРЪ (*про себя*).
Свободенъ оставайся
До той поры, какъ молодостью будешь
Оставленъ ты—на жертву костылямъ.
(*Отходитъ съ Кларенсомъ*).

ЭДУАРДЪ IV ЛЭДИ ГРЕЙ.

Рисунокъ Гамильтона (W. Hamilton, R. A).
(Малая Бойделевская Галлерея).

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.
Дѣтей своихъ вы любите, миледи?

ЛЭДИ ГРЭЙ.
Люблю я такъ же, какъ люблю себя.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.
Для блага ихъ вы сдѣлали бы много?

ЛЭДИ ГРЭЙ.
Для блага ихъ перенесу страданье.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.
Добудьте имъ, для блага ихъ, помѣстья.

ЛЭДИ ГРЭЙ.
За этимъ я къ вамъ, государь, явилась.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.
Я вамъ скажу, какъ можно ихъ добыть.

ЛЭДИ ГРЭЙ.
Слугою вашей буду я навѣки.

Король Эдуардъ.
Чѣмъ ты послужишь, если возвращу ихъ?

Лэди Грэй.
Что повелите—все исполню я.

Король Эдуардъ.
Откажешься мою исполнить просьбу.

Лэди Грэй.
Не откажу, когда могу исполнить.

Король Эдуардъ.
Что попрошу—исполнить можешь ты.

Лэди Грэй.
Все сдѣлаю, что скажетъ ваша милость.

Глостеръ *(Кларенсу)*.
Тѣснить ее, а дождь пробьетъ и мраморъ.

Кларенсъ *(Глостеру)*.
Онъ—что огонь; она, какъ воскъ, растаетъ.

Лэди Грэй.
Чтожъ, государь, моя задача въ чемъ?

Король Эдуардъ.
Она легка: лишь короля любить.

Лэди Грэй.
Какъ подданной, тѣмъ легче мнѣ задача.

Король Эдуардъ.
Тогда тебѣ я земли возвращу.

Лэди Грэй.
Признательно откланяться спѣшу.

Глостеръ *(Кларенсу)*.
Торгъ заключенъ. Поклонъ его скрѣпляетъ.

Король Эдуардъ.
Постой! Я разумѣлъ: плоды любви.

Лэди Грэй.
И также я, мой добрый повелитель.

Король Эдуардъ.
Въ другомъ лишь смыслѣ, опасаюсь я.
Какъ думаешь, какой любви я жажду?

Лэди Грэй.
Любви по смерть, признательности скромной,
Молитвъ моихъ, такой любви, какую
Желаетъ и даруетъ добродѣтель.

Король Эдуардъ.
Клянусь, не ту любовь я разумѣлъ.

Лэди Грэй.
Тогда не то, что я, вы разумѣли.

Король Эдуардъ.
Но мысль мою вы поняли отчасти?

Лэди Грэй.
Коль поняла я вѣрно—то по мысли
Мнѣ ваша цѣль не будетъ никогда.

Король Эдуардъ.
Такъ знай: хочу взойти къ тебѣ на ложе.

Лэди Грэй.
Такъ знайте: я скорѣй пойду въ тюрьму.

Король Эдуардъ.
Тогда земель супруга не получишь.

Лэди Грэй.
Пусть вдовья честь мнѣ будетъ достояньемъ,
Ея цѣной ихъ не хочу купить.

Король Эдуардъ.
Но дѣтямъ ты обиду нанесешь.

Лэди Грэй.
Вы имъ и мнѣ наносите обиду.
Но, государь, наклонность ваша къ шуткамъ
Не вяжется съ моей печальной просьбой,
Скажите мнѣ рѣшенье: да иль нѣтъ.

Король Эдуардъ.
Да, если ты отвѣтишь: *да* на просьбу,
Нѣтъ, если ты на просьбу скажешь: *нѣтъ*.

Лэди Грэй.
Нѣтъ, государь; ходатайству конецъ.

Глостеръ. *(Кларенсу)*.
Не по сердцу вдовѣ онъ. Хмуритъ брови.

Кларенсъ *(Глостеру)*.
Ухаживалъ ли кто столь неумѣло?

Король Эдуардъ.
О скромности весь обликъ говоритъ,
Въ рѣчахъ ея умъ вижу несравненный,
Вѣнца достойны эти совершенства.
Такъ иль иначе королю она
Возлюбленной иль королевой будетъ.
Что еслибъ въ жены взялъ тебя король?

Лэди Грэй.
Оно труднѣй на дѣлѣ, государь,
Чѣмъ на словахъ. Годна я для забавы,
Но въ королевы не гожусь совсѣмъ.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ IV и ЛЭДИ ГРЕЙ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Король Эдуардъ.
Я говорю не болѣе того,
Что думаю: моею будешь ты.

Лэди Грэй.
И это—больше, чѣмъ я дать могу:
Стою для королевы слишкомъ низко,
Наложницей же быть—постыдно мнѣ.

Король Эдуардъ.
Ты не лукавь. Сказалъ я: королевой.

Лэди Грэй.
Вамъ, государь, покажется обиднымъ,
Когда мой сынъ васъ назоветъ отцомъ.

Король Эдуардъ.
Не болѣе, чѣмъ еслибъ услыхала
Отъ дочерей моихъ ты слово: мать!
Вѣдь ты вдова и у тебя есть дѣти,
Я холостой, но также волей Божьей
Имѣю ихъ. Такъ что же? Это счастье—
Быть многихъ сыновей отцомъ. Ни слова
Не возражай. Ты будешь королевой.

Глостеръ (*Кларенсу*).
Вотъ исповѣдь окончилъ духовникъ.

Кларенсъ.
Духовникомъ изъ хитрости онъ сталъ.

Король Эдуардъ.
Дивитесь вы бесѣдѣ нашей, братья?

Глостеръ.
Онъ не плѣнилъ вдову. Она грустна.

Король Эдуардъ.
Вы изумитесь, что ее я сватал?.

КЛАРЕНСЪ.

Кому, милордъ?

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.

Да самому себѣ.

ГЛОСТЕРЪ.

Вотъ было бы десятидневнымъ чудомъ.

КЛАРЕНСЪ.

Днемъ долѣе, чѣмъ длятся чудеса.

ГЛОСТЕРЪ.

Но это чудо было бы особымъ.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.

Ну, смѣйтесь, братья, говорю обоимъ,
Что просьбу о помѣстьяхъ я уважилъ.

Входитъ ДВОРЯНИНЪ.

ДВОРЯНИНЪ.

Мой государь, захваченъ врагъ вашъ Генрихъ,
И приведенъ къ воротамъ онъ, какъ плѣнникъ.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.

Препроводить его тотчасъ же въ Тоуэръ!
Идемте, братья, разспросить того,
Кѣмъ былъ онъ взятъ—о томъ, какъ все случилось?
(Лэди Грэй). Идемъ. Почетъ ей окажите, лорды.

(Всѣ уходятъ, кромѣ Глостера).

ГЛОСТЕРЪ.

Для женщины онъ требуетъ почтенья!
Когда-бъ свой мозгъ и кости истощилъ онъ,
И произвесть не могъ вѣтвей надежныхъ,
Что станутъ между мной и золотымъ
Тѣмъ временемъ, котораго я жажду!
Но между мною и души желаньемъ—
(Распутный Эдуардъ въ счетъ не идетъ)
Еще есть Кларенсъ, Генрихъ, сынъ его,
А также—ихъ возможное потомство;
Всѣ ранѣе меня займутъ мѣста.
Мой замыселъ мысль эта охлаждаетъ!
Но значитъ я о царствѣ лишь мечтаю;
Такъ человѣкъ стоитъ на мысѣ; рвется
Онъ къ берегамъ далекимъ и желаетъ,
Чтобъ могъ поспѣть за взоромъ—шагъ его,
Онъ проклинаетъ море, какъ преграду,
И чтобъ пройти—его исчерпать хочетъ.
Такъ о вѣнцѣ далекомъ я мечтаю,
Такъ я кляну преграды на пути;
Такъ говорю, что уничтожу ихъ,
Несбыточнымъ себя я обольщаю.
Взоръ слишкомъ быстръ и духъ самонадѣянъ,
Рука моя и силы—имъ не равны.
Для Ричарда коль скоро царства нѣтъ—
Какую радость міръ ему доставитъ?
Найду ли рай въ объятьяхъ у красавицъ,
Украшу ль станъ одеждой дорогой,
Наружностью и рѣчью ихъ плѣняя?
Мысль жалкая! Несбыточнѣй она,
Чѣмъ достиженье двадцати коронъ.
Еще въ утробѣ матери любовью
Отвергнутъ я и съ тѣмъ, чтобъ сталъ я чуждъ
Ея законамъ нѣжнымъ, подкупила
Она природу слабую, чтобъ та
Свела мнѣ руку, словно вѣтвь сухую,
Уродливую гору взгромоздила
На спину мнѣ—посмѣшище надъ тѣломъ,
Длины неровной ноги создала
И сдѣлала во всемъ несоразмѣрнымъ.
Я хаосу подобенъ,—медвѣженку,
Что не умытъ и съ матерью не схожъ.
Ужели же любить меня возможно?
Чудовищно питать такую мысль.
Но если нѣтъ мнѣ радостей иныхъ
Какъ усмирять, господствовать надъ тѣми,
Которые красивѣе, чѣмъ я—
Найду я рай въ мечтаньяхъ о коронѣ.
Въ теченье жизни міръ мнѣ будетъ адомъ,
Покуда эту голову на тѣлѣ
Уродливомъ—корона не вѣнчаетъ.
Но я не знаю, какъ добыть вѣнецъ?
Межъ нимъ и мною — слишкомъ много жизней.
Въ лѣсу терновомъ такъ блуждаетъ путникъ:
Рветъ терніи и самъ истерзанъ ими,
Дороги ищетъ и теряетъ путь.
Не знаетъ онъ, какъ выйти на просторъ,
Но выхода отчаянно онъ ищетъ.
Такъ мучусь я, чтобъ захватить корону.
Но отъ мученій я освобожусь,
Иль топоромъ кровавымъ путь прочищу.
Я убивать съ улыбкою могу
И радость выражать при огорченьѣ,
Притворными слезами заливаться
И принимать любое выраженье.
Я погублю жертвъ больше, чѣмъ сирены,
И больше ихъ, чѣмъ василискъ, убью.
Я съ Несторомъ сравняюсь краснорѣчьемъ,
Удачнѣе схитрю я, чѣмъ Улиссъ,
Возьму другую Трою, какъ Синонъ,
Хамелеона превзойду цвѣтами,
Измѣнчивѣй Протея окажусь,
Маккіавель—школяръ передъ мною.
Ужели съ этимъ не добыть вѣнца?
Будь дальше онъ—я всежъ его добуду.
(Уходитъ).

— —

СЦЕНА III.

Франція. Покой во дворцѣ.

Трубы. Входятъ Людовикъ, французскій король, *сестра его* Бона *со свитой.* Людовикъ *занимаетъ мѣсто, затѣмъ входятъ* Маргарита, принцъ Эдуардъ *и* графъ Оксфордъ.

Король Людовикъ *(вставая).*

Достойнѣйшая королева, съ нами
Займи ты мѣсто рядомъ. Непристойно
По сану и рожденью твоему
Тебѣ стоять, когда сидитъ Людовикъ.

Маргарита.

Нѣтъ, Франціи могучій государь,
Спустить должна свой парусъ Маргарита
И научиться тамъ повиноваться,
Гдѣ короли повелѣваютъ. Правда,
Была я королевой Альбіона
Въ дни золотые въ прошломъ, но злосчастье
Права мои попрало и меня
Низвергло въ прахъ, гдѣ пребывать должна я,
Мирясь съ моимъ смиреннымъ положеньемъ.

Король Людовикъ.

Чѣмъ, королева, вызвано такое
Глубокое отчаянье?

Маргарита.

Причиной,
Которая мнѣ взоръ слезой туманитъ,
Мѣшаетъ рѣчи, сердце мнѣ гнететъ.

Король Людовикъ.

Чтобъ ни было—собою оставайся.
Сядь рядомъ съ нами, не склоняй чела

(сажаетъ ее съ собою)

Передъ ярмомъ фортуны. Да одержитъ
Безстрашный духъ побѣду надъ несчастьемъ.
Повѣдай, королева, скорбь твою:
Когда возможно—облегчимъ ее.

Маргарита.

Упавшій духъ мой милостивымъ словомъ
Ты оживилъ и рѣчи далъ свободу.
Узнай, Людовикъ доблестный,—мой Генрихъ,
Единственный, кого любила я—
Не государь онъ больше, но изгнанникъ,
Въ Шотландіи живущій. Эдуардъ,
Честолюбивый, гордый герцогъ Іоркскій,
Межъ тѣмъ престолъ и титулъ захватилъ,
Помазанника Божья, короля.
Вотъ почему въ печали Маргарита
И Генриха наслѣдникъ, принцъ Эдвардъ
Твоей защиты правосудной ищутъ.
Откажешься помочь—конецъ надеждѣ,
Шотландія хотѣла-бъ, но не можетъ,
Совращены съ пути народъ и пэры,
Захвачена казна, войска бѣжали,
И насъ въ печальномъ положеньи видишь.

Король Людовикъ.

О королева славная, снеси
Ты бурю терпѣливо, а покуда
Обдумаемъ, какъ укротить ее.

Маргарита.

Чѣмъ дольше ждемъ—тѣмъ врагъ сильнѣе станетъ.

Король Людовикъ.

Чѣмъ дольше жду—тѣмъ больше помогу я.

Маргарита.

Нетерпѣлива истинная скорбь,
А вотъ сюда идетъ виновникъ скорби.

Входитъ Уорикъ *со свитой.*

Король Людовикъ.

Кто смѣло такъ является предъ нами?

Маргарита.

Графъ Уорикъ нашъ. Другъ лучшій Эдуарда.

Король Людовикъ.

Добро пожаловать, отважный Уорикъ,
Что привело во Францію тебя?
(Сходитъ съ трона, Маргарита поднимается).

Маргарита *(про себя).*

Вотъ поднялась вторая буря. Онъ
Повелѣваетъ вѣтромъ и теченьемъ.

Уорикъ.

Король англійскій, славный Эдуардъ,
Мой государь и преданный твой другъ,
Черезъ меня съ любовью неподдѣльной
Шлетъ свой привѣтъ особѣ короля,
Затѣмъ съ тобой союза дружбы ищетъ,
И дружбу эту хочетъ онъ скрѣпить
Союзомъ брачнымъ, если удостоишь
Принцессу Бону, славную красой
И скромностью, сестру твою,—отдать
Ты королю въ законныя супруги.

Маргарита *(про себя).*

Удастся это—нѣтъ надежды намъ.

Уорикъ *(Бонѣ).*

Прекрасная принцесса, мой король
Мнѣ поручилъ—коль скоро разрѣшите—
Поцѣловать смиренно вашу руку
И выразить любовь его словами.
Молва о васъ, черезъ посредство слуха,

Къ нему проникла въ сердце, водворивъ
Тамъ образъ вашъ и ваши совершенства.

МАРГАРИТА.

Король Людовикъ, лэди Бона, раньше,
Чѣмъ Уорику отвѣтить—мнѣ внимайте.
Не истинной любовью Эдуарда
Ихъ предложенье вызвано—притворствомъ,
Которое исходитъ изъ нужды.
Нельзя тирану въ мирѣ править дома,
Союзниковъ могучихъ не имѣя
Въ чужихъ краяхъ. Что онъ тиранъ, понятно
Вотъ изъ того, что Генрихъ живъ еще,
А еслибъ онъ и умеръ—предъ тобою
Принцъ Эдуардъ, наслѣдникъ короля.
Людовикъ, бракомъ этимъ и союзомъ
Не навлеки позора и бѣды.
Случается, что правятъ самозванцы,
Но правосуденъ Богъ и ихъ караетъ.

УОРИКЪ.

О Маргарита злая!

ПРИНЦЪ.

Почему
Не королева?

УОРИКЪ.

Потому что Генрихъ—
Престола похититель и она—
Не королева, какъ и ты—не принцъ.

ОКСФОРДЪ.

Итакъ, графъ Уорикъ отрицаетъ также
Великаго Джонъ Гаунта, которымъ
Испаніи часть большая добыта,
И Генриха Четвертаго, чья мудрость
Служила для мудрѣйшихъ образцомъ.
Не признанъ имъ тогда и Генрихъ Пятый,
Всю Францію отважно покорившій.
А Генрихъ нашъ—наслѣдникъ ихъ прямой.

УОРИКЪ.

Рѣчь плавная, но что же не сказалъ ты,
Что съ Генрихомъ Шестымъ мы потеряли
Все то, что Генрихъ Пятый пріобрѣлъ?
Здѣсь предстоящихъ Франціи вельможъ
Ты насмѣшилъ бы. Что до родословной,
То шестьдесятъ два года—краткій срокъ,
Чтобъ на престолъ права опредѣлились.

ОКСФОРДЪ.

Какъ? противъ государя ты идешь,
Которому тридцать шесть лѣтъ служилъ,
И даже не краснѣешь при измѣнѣ?

УОРИКЪ.

Ты, Оксфордъ, лишь за истину стоявшій,
Щитъ дѣлаешь для лжи изъ родословной?
Брось Генриха, за Эдуарда стань!

ОКСФОРДЪ.

Стать за того, кѣмъ былъ несправедливо
Казненъ мой старшій братъ, лордъ Обрей Веръ?
И кѣмъ отецъ на склонѣ лѣтъ загубленъ,
Когда онъ былъ уже къ могилѣ близокъ?
Нѣтъ, Уорикъ, нѣтъ! Пока рукой владѣю,
Ланкастерамъ она поддержкой будетъ.

ІОРИКЪ.

Моя же—Уоркамъ.

ЛЮДОВИКЪ.

Королева, принцъ,
И Оксфордъ, просьбу нашу исполняя,
Благоволите отойти, покуда
Я съ Уорикомъ бесѣды не закончу.

МАРГАРИТА.

Дай Богъ, чтобъ не былъ Уорика рѣчами
Онъ обольщенъ.

(Отходитъ съ принцемъ и Оксфордомъ).

КОРОЛЬ ЛЮДОВИКЪ.

По совѣсти скажи мнѣ:
Законный-ли король вашъ Эдуардъ?
Иначе мнѣ такой союзъ—на гибель.

УОРИКЪ.

Я именемъ и честью въ томъ ручаюсь.

КОРОЛЬ ЛЮДОВИКЪ.

Любезенъ-ли онъ вашему народу?

УОРИКЪ.

Тѣмъ болѣе, что Генрихъ былъ несчастливъ.

КОРОЛЬ ЛЮДОВИКЪ.

Затѣмъ, оставя всякое притворство,
Скажи, насколько Бону любитъ онъ?

УОРИКЪ.

Какъ подобаетъ королю такому;
Я слышалъ самъ: онъ говорилъ и клялся,
Что вѣчное растенье—та любовь.
Питаетъ корень страсти—добродѣтель,
Цвѣты и листья—солнце красоты.
Не зависти, но только сожалѣнья
Достоинъ онъ, когда принцесса Бона
Не утолитъ страданія любви.

КОРОЛЬ ЛЮДОВИКЪ.

Теперь, сестра, скажи твое рѣшенье.

БОНА.

Рѣшенье ваше будетъ и моимъ.

КОРОЛЬ ЛЮДОВИКЪ и УОРИКЪ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

(Уорику). Но сознаюсь: о вашемъ королѣ,
О подвигахъ его слыхала я,
И этотъ слухъ склоняетъ умъ къ согласью.

Король Людовикъ.

Тогда сестру отдамъ за Эдуарда.
Мы договоръ сейчасъ составимъ, Уорикъ,
И вдовью часть опредѣлимъ; она
Приданому ея должна равняться.
Приблизься, королева Маргарита,
Свидѣтельницей будь, что лэди Бону
Беретъ въ супруги Англіи король.

Принцъ.

Нѣтъ, не король, а просто Эдуардъ.

Маргарита.

Лукавый Уорикъ! Ты союзъ задумалъ,
Разстроившій ходатайство мое,
Людовикъ раньше Генриху былъ другъ.

Король Людовикъ.

Онъ все же другъ ему и Маргаритѣ,
Но такъ какъ Эдуарда торжество
Доказываетъ слабость вашихъ правъ,
То не сдержать я вправѣ обѣщанье
О помощи—вамъ данное сейчасъ,
Хотя готовъ я всякое вниманье
Вамъ оказать, какое въ вашемъ санѣ
Вамъ подобаетъ и съ моимъ—совмѣстно.

Уорикъ.

Въ Шотландіи живетъ спокойно Генрихъ,
Ничѣмъ онъ не владѣетъ, потому
И потерять онъ ничего не можетъ.
А что до васъ, въ прошедшемъ—королевы,
Васъ поддержать способенъ вашъ отецъ,
Его бы вамъ, не Францію, тревожить.

Маргарита.

Молчи, безстыдный Уорикъ! Горделиво
Ты королей возводишь и свергаешь.
Я не уйду, пока не обличу
Правдивыми слезами и рѣчами
Предъ королемъ твой замыселъ лукавый
И Эдуарда лживую любовь,
Вы оба съ нимъ—одной породы птицы.

(За сценою звуки трубы).

Король Людовикъ.

Тебѣ посланье, Уорикъ, или намъ.

Входитъ ГОНЕЦЪ.

ГОНЕЦЪ *(Уорику)*.
Милордъ посолъ, вотъ письма вашимъ братомъ
Вамъ присланы, маркизомъ Монтэгю.
(Людовику). Вамъ, государь, отъ короля посланье.
(Маргаритѣ). Милэди,—вамъ не знаю отъ кого.
(Всѣ читаютъ письма).

ОКСФОРДЪ.
Я радъ, что королева улыбнулась,
Межъ тѣмъ какъ Уорикъ хмурится.

ПРИНЦЪ.
Людовикъ
Ногою топнулъ, словно обожгло
Его огнемъ. Все къ лучшему, надѣюсь.

КОРОЛЬ ЛЮДОВИКЪ.
Какія вѣсти, Уорикъ? Королева?

МАРГАРИТА.
Мои—несутъ нежданно радость сердцу.

УОРИКЪ.
Мои — печаль и сердца недовольство.

КОРОЛЬ ЛЮДОВИКЪ.
Какъ? Вашъ король обвѣнчанъ съ лэди Грей?
И съ тѣмъ, чтобъ свой и вашъ обманъ загладить,
Мнѣ шлетъ письмо, стараясь успокоить!
Такъ съ Франціей союза ищетъ онъ?
Какъ онъ посмѣлъ надъ нами такъ глумиться?

МАРГАРИТА.
Я васъ предупреждала; таковы:
Въ любви—Эдвардъ, а въ честности лордъ Уорикъ.

УОРИКЪ.
Король французскій! Небомъ я клянусь,
Надеждою на райское блаженство —
Невиненъ я въ проступкѣ Эдуарда.
Онъ не король мнѣ болѣе: меня
Позоритъ онъ, себя — еще сильнѣе,
Когда позоръ способенъ сознавать.
Забылъ-ли я, что ради дома Іорковъ,
Безвременно скончался мой отецъ?
Что онъ мою племянницу обидѣлъ?
Я Генриха лишилъ законныхъ правъ.
И вотъ за все вознагражденъ стыдомъ?
Позоръ—ему; лишь чести я достоинъ.
Чтобъ честь вернуть, запятнанную имъ—
Его покинувъ, къ Генриху вернусь.
Прошедшее забудьте, королева,
Я вѣрный вамъ слуга отнынѣ буду,
Я отомщу обиду лэди Боны
И Генриху верну его престолъ.

МАРГАРИТА.
Отъ словъ такихъ вражда любовью стала
Я прежнія обиды забываю
И радуюсь, что Генриху ты другъ.

УОРИКЪ.
Я—другъ ему, настолько вѣрный другъ,
Что если дать король намъ удостоитъ
Лишь небольшой, но избранный отрядъ—
Я высадиться въ Англіи берусь
И силою тирана низложить.
Не у жены себѣ найдетъ онъ помощь.
А Кларенсъ—какъ я вижу изъ письма,
Готовъ отпасть отъ Эдуарда также
Зато, что похоть выше ставитъ тотъ,
Чѣмъ безопасность родины и силу.

БОНА.
Братъ, можешь ты за Бону отомстить
Лишь помощью несчастной королевѣ.

МАРГАРИТА.
Прославленный король, какъ будетъ жить
Мой бѣдный Генрихъ, если ты ему
Въ отчаяньѣ глубокомъ не поможешь?

БОНА.
Обижена я съ королевой вмѣстѣ.

УОРИКЪ.
И также я, прекрасная принцесса.

КОРОЛЬ ЛЮДОВИКЪ.
И я—съ тобой, и съ ней, и съ Маргаритой.
Но твердо я рѣшился вамъ помочь.

МАРГАРИТА.
За все я васъ благодарю смиренно.

КОРОЛЬ ЛЮДОВИКЪ.
Спѣши обратно, англійскій гонецъ,
И лживый Эдуардъ, король вашъ мнимый,
Пусть отъ тебя узнаетъ, что Людовикъ
Шлетъ къ новобрачнымъ ряженыхъ на пиръ
Что видѣлъ здѣсь—ему на страхъ повѣдай.

БОНА.
Скажи: ношу я ивовый вѣнокъ,
Его вдовцомъ надѣясь видѣть вскорѣ.

МАРГАРИТА.
Скажи ему, что трауръ я сняла
И вновь надѣть доспѣхи я готовлюсь.

УОРИКЪ.
Скажи ему: онъ оскорбилъ меня

И вскорѣ мной за то низложенъ будетъ.
(*Даетъ кошелекъ гонцу*).
Возьми награду. Отправляйся.
(*Гонецъ уходитъ*).

Король Людовикъ.

Уорикъ,
Ты, Оксфордъ, и пять тысячъ человѣкъ
Переплывите море и сразитесь
Съ коварнымъ Эдуардомъ. Если жъ надо,
То королева славная и принцъ
Послѣдуютъ со свѣжимъ подкрѣпленьемъ.
Но разрѣши сомнѣнье предъ уходомъ.
Какой залогъ ты въ вѣрности даешь?

Уорикъ.

Вотъ вѣрности незаблемый залогъ:
Когда согласны принцъ и королева—
Дочь старшую, мою отраду, съ нимъ
Соединю сейчасъ священнымъ бракомъ.

Королева.

Согласна я и благодарна вамъ.
Сынъ Эдуардъ, чиста она, прекрасна,
А потому ты Уорикъ дай руку
И вмѣстѣ съ ней—незыблемую клятву,
Что только дочь его твоею будетъ.

Принцъ.

Согласенъ я, она того достойна,
И въ подтвержденье клятвы—вотъ рука.
(*Подаетъ руку Уорику*).

Король Людовикъ.

Чего жъ мы ждемъ? Пора сбирать солдатъ,
Ты, лордъ Бурбонъ, нашъ главный адмиралъ;
Ихъ на судахъ отправишь королевскихъ.
Желаю я, чтобъ жертвою войны
Палъ Эдуардъ за то, что въ видѣ шутки
Посваталъ онъ французскую принцессу.
(*Уходятъ всѣ, кромѣ Уорика*).

Уорикъ.

Явился я посломъ отъ Эдуарда,
Врагомъ его смертельнымъ я вернусь.
Онъ поручилъ мнѣ брачный договоръ,
Ужасная война отвѣтомъ будетъ.
Меня изъ всѣхъ посмѣшищемъ избралъ онъ,
Я обращу его насмѣшку—въ горе.
Я первымъ былъ—его на тронъ возведшимъ,
Я первымъ буду, кто его низвергнетъ.
Не къ Генриху питаю сожалѣнье,
Но Эдуарду мщу за униженье.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Лондонъ. Покой во дворцѣ.

Входятъ Глостеръ, Кларенсъ, Сомерсетъ *и* Монтегю.

Глостеръ.

Скажи, какого мнѣнья ты, братъ Кларенсъ
Объ этомъ новомъ бракѣ съ лэди Грэй?
Не сдѣлалъ-ли нашъ братъ достойный выборъ?

Кларенсъ.

Увы, отъ насъ до Франціи—не близко,
И какъ же могъ онъ Уорика дождаться?

Сомерсетъ.

Милорды, замолчите. Вотъ король.

Глостеръ.

А съ нимъ—его достойная супруга.

Входятъ Эдуардъ *со свитой*, лэди Грэй *уже королевою*, Пемброкъ, Стаффордъ *и* Гастингсъ.

Кларенсъ.

Что думаю—я выскажу открыто.

Король Эдуардъ.

О выборѣ моемъ, что скажешь, Кларенсъ?
Задумчивъ ты и словно недоволенъ?

Кларенсъ.

Не больше, чѣмъ Людовикъ и графъ Уорикъ,
Столь слабые и духомъ и разсудкомъ,
Что ихъ совсѣмъ не оскорбитъ обида.

Король Эдуардъ.

Пусть безъ причинъ обидятся они,
Они вѣдь только—Уорикъ и Людовикъ.
И я король для Уорика и васъ,
А поступать воленъ, какъ пожелаю.

ГЛОСТЕРЪ.
Вольны затѣмъ, что вы для насъ король,
Но спѣшный бракъ—удаченъ очень рѣдко.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.
И ты, братъ Ричардъ, также оскорбленъ?

ГЛОСТЕРЪ.
О, нѣтъ, помилуй Боже, чтобъ желалъ
Я разлучить соединенныхъ Богомъ.
Разрознить пару славную—мнѣ жаль.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.
Оставивъ недовольства и насмѣшки,
Причину приведите, по которой
Не можетъ лэди Грэй быть королевой
И мнѣ женой? Вы также, Сомерсетъ
И Монтэгю, скажите ваше мнѣнье.

КЛАРЕНСЪ.
Мое—такое, что король французскій
Вамъ сталъ врагомъ за то, что къ лэди Бонѣ
Посватавшись—надъ нимъ вы посмѣялись.

ГЛОСТЕРЪ.
А ведшій съ нимъ переговоры Уорикъ—
Союзомъ вашимъ нынѣ обезчещенъ.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.
Но еслибъ я съумѣлъ измыслить средство
Людовика и Уорика смягчить?

МОНТЭГЮ.
Но съ Франціей такой союзъ надежнѣй
Отъ внѣшнихъ бурь отчизну-бъ оградилъ,
Чѣмъ всякій бракъ, здѣсь дома заключенный.

ГАСТИНГСЪ.
Но Англіи—ужель о томъ не знаешь? —
И такъ страшиться нечего, коль скоро
Внутри ея мы вѣрность сохранимъ.

МОНТЭГЮ.
А Франціи опора—все-жъ вѣрнѣе.

ГАСТИНГСЪ.
Но Франціей намъ пользоваться лучше,
Чѣмъ вѣрить ей. Оградой неприступной—
Намъ даровалъ Господь пучины моря,
Съ ихъ помощью одной мы защитимся,
Въ нихъ, въ насъ самихъ—вся наша безопасность.

КЛАРЕНСЪ.
За эту рѣчь достоинъ Гастингсъ брака
Съ наслѣдницею лорда Генгерфорда.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.
Такъ что-жъ, мое согласье тутъ и воля,
На этотъ разъ она была закономъ.

ГЛОСТЕРЪ.
Все-жъ, государь, вы дѣлаете дурно,
Наслѣдницу дочь Скэльса уступая
Возлюбленной супруги вашей брату.
И Кларенсу и мнѣ—она-бъ годилась,
Но вамъ жена дороже братьевъ стала.

КЛАРЕНСЪ.
Иначе вы наслѣдницу Бонвиля
Не отдали-бъ супруги вашей сыну,
Намъ предоставивъ счастія искать
Въ другихъ мѣстахъ.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.
Изъ-за невѣсты, Кларенсъ,
Ты огорченъ? Тебѣ ее найду я.

КЛАРЕНСЪ.
Умѣнье ваше выборъ доказалъ:
Онъ неудаченъ, потому дозвольте,
Самъ о себѣ теперь я позабочусь.
Для этого я вскорѣ васъ покину.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.
Покинь иль оставайся—королемъ
Останусь я, не связанъ волей брата.

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА.
Признайте, лорды, будьте справедливы,
Что ранѣе, чѣмъ государю было
Меня угодно сдѣлать королевой —
Я не была простого рода. Званьемъ
И низшія, чѣмъ я, вѣнецъ носили;
Насколько-жъ этотъ санъ приноситъ честь
Мнѣ и моимъ, настолько-жъ непріязнь
Всѣхъ васъ, кому я угодить желала,
Предчувствіемъ опасности и скорби
Мое блаженство нынѣ омрачаетъ.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.
Любимая, не обращай вниманья
На хмурость ихъ. Тебѣ-ль бояться скорби
И бѣдъ—пока я вѣрный другъ тебѣ,
А имъ—король, кому должны и будутъ
Они повиноваться, и тебя
Полюбятъ также, если не хотятъ
Навлечь мой гнѣвъ. Тебя я защищу,
Но ихъ вражда моя постигнетъ местью.

ГЛОСТЕРЪ (*про себя*).
Я слушаю; не много говорю я,
Но думаю я много.

Входитъ ГОНЕЦЪ.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.
Ну гонецъ,
Изъ Франціи какая вѣсть иль письма?

ГОНЕЦЪ.
Великій государь, я вмѣсто писемъ

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ IV ВЪ ЛОНДОНСКОМЪ ДВОРЦѢ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Слова привезъ, ихъ—мало, но не смѣю
Безъ вашего согласья передать ихъ.

Король Эдуардъ.
Начни, мы разрѣшаемъ. Передай
Мнѣ вкратцѣ ихъ, насколько можешь—точно.
Какой отвѣтъ на письма далъ Людовикъ?

Гонецъ.
Такъ при моемъ уходѣ онъ сказалъ:
„Коварный Эдуардъ, король вашъ мнимый,
Пусть отъ тебя узнаетъ, что Людовикъ
Шлетъ къ новобрачнымъ ряженыхъ на пиръ".

Король Эдуардъ.
Какой храбрецъ! Онъ думаетъ, я—Генрихъ.
Что говоритъ о бракѣ лэди Бона?

Гонецъ.
Промолвила она съ презрѣньемъ тихимъ:
Скажи ему: „ношу вѣнокъ изъ ивы,
Его вдовцомъ надѣясь видѣть вскорѣ".

Король Эдуардъ.
Ея не осуждаю: ей обида
Нанесена. А что же королева?
Мы слышали, что и она у нихъ.

Гонецъ.
Она сказала: „передай ему:
Мой трауръ снятъ, я латы надѣваю".

Король Эдуардъ.
Она играть желаетъ въ амазонки.
Но что сказалъ на ихъ обиды Уорикъ?

Гонецъ.
Онъ, государь, всѣхъ болѣе разгнѣванъ
И молвилъ такъ: „онъ оскорбилъ меня
И вскорѣ мной за то развѣнчанъ будетъ".

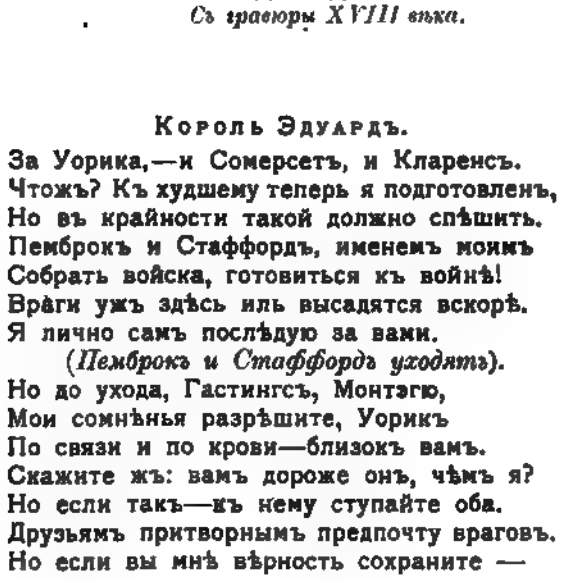
Король Эдуардъ.
Столь гордыя слова сказалъ измѣнникъ?
Но я предупрежденъ: вооружусь;
Поплатятся войной они за дерзость.
Скажи мнѣ: Уорикъ Маргаритѣ другъ?

Гонецъ.
Настолько другъ, мой славный повелитель,
Что принцъ беретъ дочь Уорика въ супруги.

Кларенсъ.
Да, старшую; возьметъ другую Кларенсъ.
Простите, братъ-король, держитесь крѣпче.
Дочь Уорика вторую взять спѣшу.
Хотя я не владѣю королевствомъ,
Но въ бракѣ ниже васъ не окажусь.
Всѣ, кто мнѣ другъ и Уорику—за мною.

(*Уходитъ, за нимъ Сомерсетъ*).

Глостеръ.
Не я. Въ умѣ я выше цѣль намѣтилъ.
Не ради брата—для вѣнца останусь.



ЭДУАРДЪ IV.
Съ гравюры XVIII вѣка.

Король Эдуардъ.
За Уорика,—и Сомерсетъ, и Кларенсъ.
Чтожъ? Къ худшему теперь я подготовленъ,
Но въ крайности такой должно спѣшить.
Пемброкъ и Стаффордъ, именемъ моимъ
Собрать войска, готовиться къ войнѣ!
Враги ужъ здѣсь иль высадятся вскорѣ.
Я лично самъ послѣдую за вами.
(*Пемброкъ и Стаффордъ уходятъ*).
Но до ухода, Гастингсъ, Монтэгю,
Мои сомнѣнья разрѣшите, Уорикъ
По связи и по крови—близокъ вамъ.
Скажите жъ: вамъ дороже онъ, чѣмъ я?
Но если такъ—къ нему ступайте оба.
Друзьямъ притворнымъ предпочту враговъ.
Но если вы мнѣ вѣрность сохраните —
По дружески мнѣ поклянитесь въ томъ,
Съ тѣмъ, чтобы въ васъ не могъ я усомниться.

Монтэгю.
Воздай мнѣ Богъ—поскольку вѣренъ буду.

Гастингсъ.
И мнѣ—поскольку постою за васъ.

Король Эдуардъ.
Братъ, Ричардъ, ты останешься-ли съ нами?

Глостеръ.
Всѣмъ вопреки, кто будетъ противъ васъ.

Король Эдуардъ.
Ну, если такъ—увѣренъ я въ побѣдѣ
Впередъ,—и часу не промедля, встрѣ-
тимъ
Мы Уорика съ его французскимъ войскомъ. (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Равнина въ Іоркшайрѣ.

Входятъ Уорикъ, Оксфордъ *съ французскими и англійскими войсками.*

Уорикъ.
Милордъ, повѣрьте, все идетъ отлично,
Простой народъ бѣжитъ толпою къ
намъ.

Входятъ Кларенсъ *и* Сомерсетъ.

Уорикъ.
Скажите сразу, лорды, мы—друзья?

Кларенсъ.
На этотъ счетъ, милордъ, покойны будьте.

Уорикъ.
Тогда привѣтъ тебѣ, любезный Кларенсъ,
Вамъ, Сомерсетъ. Считаю недостойнымъ
Подозрѣвать того, кто благородно
Протягиваетъ руку въ знакъ любви.
Иначе я подумалъ бы, что Кларенсъ,
Братъ Эдуарда—намъ притворный другъ,
Но дочь моя твоею будетъ, Кларенсъ.
Теперь же, пользуясь покровомъ ночи,
И тѣмъ, что станъ расположенъ небрежно,
По городамъ солдаты разошлись
И охраняемъ братъ твой только стражей—
Его могли-бъ мы захватить врасплохъ.
Развѣдчики находятъ дѣло легкимъ.
Какъ сильный Діомедъ съ Улисомъ—храбро

ЛЭДИ ГРЕЙ.

Рисунокъ англо-русскаго художника Степанова (Francis Philipp Stepanow, 1788—1860).
Изъ англ. галлереи женскихъ типовъ Шекспира 1840-хъ гг.

И съ ловкостью въ шатеръ проникликъ Резу,
Чтобъ роковыхъ коней ѳракійскихъ вывесть—
Покрытые покровомъ чернымъ ночи,
Могли-бъ и мы снять стражу Эдуарда
И взять его, не говорю: убитъ.
Хочу лишь захватить его нежданно.
Всѣ, кто со мной участвуетъ въ попыткѣ—
Провозгласите: Генрихъ! вслѣдъ за мной.

(Всѣ кричатъ: Генрихъ!)

Идемъ безмолвно! За друзей его,
За Уорика—Богъ и святой Георгій.

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Лагерь Эдуарда, близъ Іорка.

Входятъ нѣсколько ЧАСОВЫХЪ *для караула при королевскомъ шатрѣ.*

1-ый ЧАСОВОЙ.

Ступайте каждый къ своему посту,
Король уже ко сну расположился.

2-ой ЧАСОВОЙ.

Но развѣ онъ не ляжетъ?

1-ый ЧАСОВОЙ.

Онъ поклялся
Торжественно не спать въ своей постели
Покуда онъ иль Уорикъ не умрутъ.

2-ой часовой.
Должно быть, завтра будетъ этотъ день,
Коль вѣренъ слухъ, что Уорикъ недалеко.

3-ій часовой.
Скажи, прошу тебя: кто этотъ лордъ,
Что съ королемъ въ его шатрѣ остался?

1-ый часовой.
Лордъ Гастингсъ, другъ ближайшій короля.

3-ій часовой.
Вотъ какъ! Но почему велитъ король,
Чтобъ въ городахъ начальники стояли,
А самъ живетъ въ открытомъ полѣ, въ стужу?

2-ой часовой.
Опаснѣе оно, зато—почетнѣй.

3-ій часовой.
Когда бы мнѣ покой да уваженье,
Я предпочелъ бы ихъ опасной чести.
Знай только Уорикъ положенье дѣлъ—
Онъ разбудилъ бы короля, пожалуй.

1-ый часовой.
Помѣхой будутъ наши аллебарды.

2-ой часовой.
Затѣмъ и сторожимъ, чтобъ охранять
Его особу отъ ночныхъ враговъ.

Входятъ Уорикъ, Кларенсъ, Оксфордъ, Сомерсетъ *и войска.*

Уорикъ.
Его шатеръ, а вотъ и часовые.
Смѣлѣй! Теперь иль никогда—намъ честь!
За мной,—и въ нашей власти Эдуардъ.

1-ый часовой.
Стой! Кто идетъ?

2-ой часовой.
Стой, или ты умрешь!

(Уорикъ и прочіе съ криками: Уорикъ! Уорикъ! бросаются на стражу, которая разбѣгается, крича: къ оружію! Уорикъ и прочіе преслѣдуютъ ихъ. Трубы и барабаны. Возвращаются Уорикъ и прочіе, неся въ креслѣ короля, который не одѣтъ. Глостеръ и Гастингсъ, бѣгутъ).

Сомерсетъ.
Но кто бѣжалъ тамъ?

Уорикъ.
Ричардъ и лордъ Гастингсъ.
Пускай. Вотъ герцогъ.

Король Эдуардъ.
Герцогъ? ксролемъ
Ты звалъ меня, прощаясь!

Уорикъ.
Это—прежде.
Посольскій санъ во мнѣ вы оскорбили,
Санъ короля тогда жъ у васъ я отнялъ.
И мнѣ благодаря, вы—герцогъ Іоркъ.
И можете-ль вы королевствомъ править,
Когда не знали какъ почтить посла,
Какъ лишь съ одной женою повѣнчаться,
Какъ съ братьями вести себя по братски,
Какъ обезпечить благо государства,
Какъ отъ враговъ себя обезопасить?

Король Эдуардъ.
Ты также здѣсь, братъ Кларенсъ? Вижу я,
Что Эдуардъ безпорно долженъ пасть.
Но вопреки всѣмъ неудачамъ, Уорикъ,
Тебѣ и всѣмъ сторонникамъ твоимъ—
Я навсегда останусь королемъ.
Враждебный рокъ низвергнулъ мой престолъ,
Но духъ мой—шире колеса фортуны.

Уорикъ.
Будь, Эдуардъ, ты королемъ въ душѣ.
(Снимаетъ съ него корону).
Но Англіи вѣнецъ пусть носитъ Генрихъ.
Онъ будетъ королемъ, а ты—лишь тѣнью.
Лордъ Сомерсетъ, прошу васъ наблюдите:
Пусть герцога архіепископъ Іоркскій,
Мой братъ, немедля приметъ подъ надзоръ.
Когда сражусь съ отрядомъ я Пемброка—
Прибуду самъ и сообщу ему
Людовика отвѣтъ и лэди Боны.
Прощай покуда, добрый герцогъ Іоркъ.

Король Эдуардъ.
Судьба велитъ, повиноваться надо,
Къ чему бороться съ вѣтромъ и теченьемъ?
(Уходитъ подъ стражею, съ нимъ Сомерсетъ).

Оксфордъ.
Ну, чтожъ теперь, милорды, остается,
Какъ не идти съ отрядами на Лондонъ?

Уорикъ.
Вотъ первое: должны изъ заключенья
Мы короля освободить немедля
И возвести на королевскій тронъ.

(Уходятъ).

УОРИКЪ СНИМАЕТЪ КОРОНУ СЪ ЭДУАРДА.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

СЦЕНА IV.

Лондонъ. Покой во дворцѣ.

Входятъ Елизавета *и* Райверсъ.

Райверсъ.

Что, королева, такъ тревожитъ васъ?

Королева Елизавета.

Ужели вамъ, братъ Райверсъ, неизвѣстно
Несчастіе, что короля постигло?

Райверсъ.

Онъ важное сраженье потерялъ?

Королева Елизавета.

Нѣтъ, самого его мы потеряли.

Райверсъ.

Король убитъ?

Королева Елизавета.

Почти убитъ: онъ—плѣнникъ.
Иль стражей измѣнившею онъ преданъ,

Иль былъ врагомъ захваченъ онъ врасплохъ.
А далѣе, насколько я узнала,
Его епископъ Іоркскій охраняетъ,
Братъ Уорика свирѣпаго, нашъ врагъ.

РАЙВЕРСЪ.

Вѣсть грустная, но все же, королева,
Не унывайте. Уорикъ можетъ битву
И проиграть, какъ выигралъ ее.

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА.

До той поры жизнь поддержу надеждой,
Отчаянье должна я побороть
Изъ нѣжности къ ребенку Эдуарда,
Котораго ношу подъ сердцемъ нынѣ.
Вотъ что во мнѣ обуздываетъ гнѣвъ
И крестъ нести покорно заставляетъ,
Вотъ почему я сдерживаю слезы
И вздохи, кровь сосущіе, чтобъ ими
Не затопить, не задушить того,
Кто отпрыскъ Эдуарда и по праву
Наслѣдникомъ престола долженъ быть.

РАЙВЕРСЪ.

Но съ Уорикомъ что сталось, королева?

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА.

Извѣстно мнѣ, что онъ идетъ на Лондонъ,
Чтобъ Генриха вѣнчать короной снова,
Итакъ, должны друзья Эдварда пасть.
Предупредивъ насиліе тирана—
(Повѣрю-ли тому, кто измѣнилъ?),
Немедленно въ святилищѣ укроюсь,
Чтобъ мнѣ спасти наслѣдника престола,
Избѣгну тамъ обмана и насилья.
Идемъ туда, пока возможно бѣгство,
Захватитъ Уорикъ насъ—тогда умремъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА V.

Паркъ близъ замка Миддльгемъ въ Іоркшайрѣ.

Входятъ ГЛОСТЕРЪ, ГАСТИНГСЪ, СЭРЪ ВИЛЬЯМЪ СТЭНЛИ *и др.*

ГЛОСТЕРЪ.

Теперь, лордъ Гастингсъ и сэръ Вильямъ Стэнли,
Не удивляйтесь болѣе, что васъ
Я въ чащу парка самую завелъ.
Вотъ дѣло въ чемъ: король, какъ вамъ извѣстно,
Здѣсь—плѣнникомъ епископа, но тотъ
Съ нимъ хорошо обходится, свободу
Ему даетъ большую. Часто здѣсь
Охотится подъ слабымъ онъ надзоромъ,
И тайно я увѣдомилъ его,
Что если онъ, подъ видомъ развлеченья
Обычнаго, направится сюда—
То въ этотъ часъ друзей найдетъ и помощь
Съ тѣмъ, чтобъ его освободить изъ плѣна.

Входятъ КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ *и* ОХОТНИКЪ.

ОХОТНИКЪ.

Сюда́, милордъ, здѣсь мы найдемъ добычу.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.

Нѣтъ, вотъ сюда; охотники насъ ждутъ.
Братъ Глостеръ, Гастингсъ, вы сюда пришли
За тѣмъ, чтобъ красть епископскихъ оленей?

ГЛОСТЕРЪ.

И часъ, и дѣло—намъ велятъ спѣшить.
Конь приготовленъ на опушкѣ парка.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.

Куда же мы?

ГАСТИНГСЪ.

Въ Линнъ, государь, оттуда—
Во Фландрію на корабляхъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Отлично
Придумано. Я такъ же полагалъ.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.

Я награжу тебя за смѣлость, Стэнли.

ГЛОСТЕРЪ.

Что медлимъ здѣсь? Не время для бесѣды.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.

Что скажешь ты, охотникъ? Хочешь съ нами?

ОХОТНИКЪ.

Да, лучше такъ, вѣдь здѣсь меня повѣсятъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Тогда идемъ безъ дальнихъ разговоровъ.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.

Прости, прелатъ. Нахмуритъ Уорикъ бровь;
Молись, чтобъ я здѣсь воцарился вновь.

(Уходятъ).

СЦЕНА VI.

Лондонъ. Покой въ Тоуэрѣ.

Входятъ КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ, КЛАРЕНСЪ, УОРИКЪ, СОМЕРСЕТЪ, МОЛОДОЙ РИЧМОНДЪ, ОКСФОРДЪ, МОНТЭГЮ, КОМЕНДАНТЪ *Тоуэра и свита.*

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ.

Ну, комендантъ, когда помогъ Всевышній
Моимъ друзьямъ Эдварда низложить,
И плѣнъ мой сталъ—свободой, опасенье—
Надеждою, и радостью—печали,
Чѣмъ награжу тебя, освободясь?

КОМЕНДАНТЪ.

Я—подданный и требовать не вправѣ,
Но еслибъ могъ просить я, то прошу
У вашего величества прощенья.

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ.

Въ чемъ, комендантъ? Въ хорошемъ обращеньѣ?
За доброту я отплачу тебѣ.
Она мой плѣнъ въ отраду превратила,
Знакомую порою птицамъ въ клѣткѣ,
Когда они, натосковавшись вволю,
При звукахъ пѣсенъ, о своей свободѣ
Утраченной готовы позабыть.
За Богомъ вслѣдъ, ты, Уорикъ, мой спаситель;
Я Бога и тебя благодарю,
Онъ повелѣлъ, а ты исполнилъ волю.
Съ тѣмъ, чтобъ гоненья рока побѣдить,
Я буду жить вдали отъ всякой власти,
И чтобъ народъ страны благословенной
Не пострадалъ отъ звѣздъ, враждебныхъ мнѣ—
Хотя вѣнецъ носить какъ прежде буду,
Тебѣ передаю правленье, Уорикъ,
Затѣмъ, что счастливъ ты во всѣхъ дѣлахъ.

УОРИКЪ.

Васъ, государь, за добродѣтель славятъ,
Но мудрость вы не меньшую явили,
Предвидя рокъ, съумѣвъ его избѣгнуть.
Не многіе смягчать умѣютъ звѣзды.
Но за одно дозвольте осудить васъ,
Что вы меня при Кларенсѣ избрали.

КЛАРЕНСЪ.

Нѣтъ, Уорикъ, ты достоинъ управлять,
Ты получилъ отъ неба при рожденьѣ
Оливковую вѣтвь съ вѣнкомъ лавровымъ,
Благословенъ равно въ войнѣ и въ мирѣ.
Я съ выборомъ такимъ вполнѣ согласенъ.

УОРИКЪ.

Протекторомъ я Кларенса избралъ.

УОРИКЪ ВЪ ИСПОЛНЕНІИ АНГЛІЙСКИХЪ АКТЕРОВЪ XVIII ВѢКА.

(Изъ изд. Бэля 1780-хъ гг.).

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ.

Вы оба, Кларенсъ, Уорикъ, дайте руки.
Соедините руки и сердца;
Чтобъ не было раздора въ управленьи,
Протекторами края будьте оба.
Я стану жить какъ частный человѣкъ,
Остатокъ дней молитвѣ посвятивъ,
Хвалѣ Творцу, раскаянью въ грѣхахъ.

УОРИКЪ.

На волю короля что скажешь, Кларенсъ?

КЛАРЕНСЪ.

Согласенъ онъ, когда согласенъ Уорикъ,
На счастіе твое я полагаюсь.

УОРИКЪ.

Согласенъ я, хотя и поневолѣ.
Какъ тѣнь двойная Генриха, впряжемся
Въ одно ярмо, чтобъ замѣстить его—
Лишь въ тяжести правленія, конечно,—
Ему покой съ почетомъ предоставивъ.
Теперь всего нужнѣе: Эдуарда
Измѣнникомъ немедля объявить
И взять въ казну имущество и земли.

КЛАРЕНСЪ.

А что еще? Опредѣлить наслѣдство.

УОРИКЪ.
И Кларенсъ въ немъ свою получитъ долю.

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ.
Да будетъ первымъ изъ важнѣйшихъ дѣлъ—
Прошу о томъ, приказывать не смѣю—
Послать за королевою и сыномъ,
Чтобъ ихъ скорѣй изъ Франціи вернуть.
Пока не вижу ихъ—сомнѣній страхъ
Во мнѣ свободы радость омрачаетъ.

КЛАРЕНСЪ.
Съ поспѣшностью исполнимъ, государь.

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ.
Лордъ Сомерсетъ, тотъ юноша, о комъ
Вы съ нѣжностью заботитесь—онъ кто-же?

СОМЕРСЕТЪ.
Графъ юный Генрихъ Ричмондъ, государь.

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ.
Надежда Англіи, поди ко мнѣ.

(*Кладетъ руку ему на голову*).

Коль истину велѣньемъ тайныхъ силъ
Я прозрѣваю—будетъ для отчизны
Благословеннымъ юноша прекрасный.
Въ его чертахъ—спокойное величье,
И создано чело—носить вѣнецъ,
Для скипетра—рука его, а самъ онъ—
Съ тѣмъ, чтобъ престолъ современемъ украсить.
О немъ пекитесь, лорды, онъ поможетъ
Вамъ болѣе, чѣмъ повредилъ я вамъ.

Входитъ ГОНЕЦЪ.

УОРИКЪ.
Какая вѣсть?

ГОНЕЦЪ.
Что скрылся Эдуардъ.
Въ Бургундію поспѣшно онъ бѣжалъ.

УОРИКЪ.
Нерадостная вѣсть! Но какъ бѣжалъ онъ?

ГОНЕЦЪ.
Онъ Глостеромъ и Гастингсомъ, что втайнѣ
Устроили засаду въ чащѣ лѣса—
У егерей епископа отбитъ.
Онъ каждый день охотой развлекался.

УОРИКЪ.
Мой братъ свой долгъ небрежно исполнялъ.
Идемъ же, государь, измыслимъ средство
Предотвратить возможную бѣду.

(*Всѣ уходятъ, кромѣ Сомерсета, Ричмонда и Оксфорда*).

СОМЕРСЕТЪ.
Не по душѣ мнѣ бѣгство Эдуарда,
Бургундія ему окажетъ помощь,
И вскорѣ намъ опять грозитъ война.
Какъ Генриха пророческое слово
О Ричмондѣ—порадовало сердце,
Такъ сжалось сердце опасеньемъ бѣдъ,
Ему и намъ грозящихъ въ столкновеньи.
Чтобъ худшее предотвратить, лордъ Оксфордъ,
Пошлемъ его въ Бретань, покуда буря
Войны междоусобной не утихнетъ.

ОКСФОРДЪ.
Да, если Эдуардъ захватитъ власть—
То съ прочими и Ричмондъ долженъ пасть.

СОМЕРСЕТЪ.
Да будетъ такъ. Въ Бретань его отправимъ.
Идемъ, чтобъ все устроить поскорѣй.
(*Уходятъ*).

СЦЕНА VII.

Передъ Іоркомъ.

Трубы. Входятъ КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ, ГЛОСТЕРЪ, ГАСТИНГСЪ *и войска*.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.
Итакъ, братъ Ричардъ, Гастингсъ и другіе,
За прежнее судьба вознаграждаетъ
Покуда насъ. Она пророчитъ мнѣ,
Что снова я возвышусь до короны
Изъ глубины паденья моего.
Успѣшно море дважды переплыли
И помощь мы въ Бургундіи достали.
Изъ Равенспургской гавани прибывшимъ
Къ воротамъ Іорка—остается намъ
Вступить въ него, какъ въ герцогство свое.

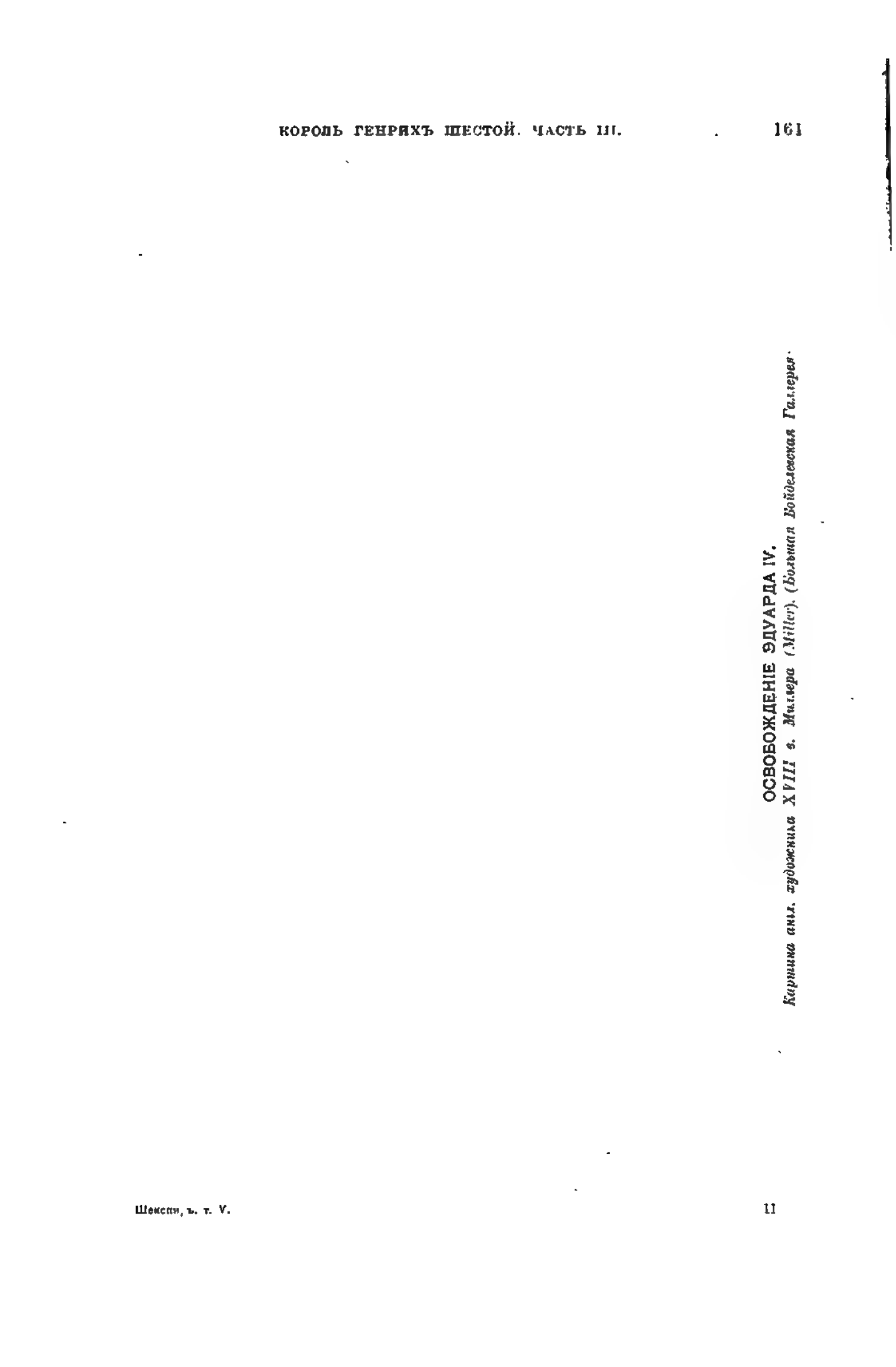
ГЛОСТЕРЪ.
Ворота на затворѣ. Знакъ плохой!
Когда споткнешься на порогѣ—значитъ.
Тебѣ въ стѣнахъ опасность угрожаетъ.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.
Ну, полно, братъ! Не намъ примѣтъ бояться.
Прямымъ или кривымъ путемъ, но мы
Должны войти и ожидать друзей.

ГАСТИНГСЪ.
Я постучусь еще разъ, государь.

На стѣны входятъ МЭРЪ ГОРОДА ІОРКА *и члены совѣта*.

МЭРЪ.
Намъ вѣдомо прибытье ваше, лорды,



ОСВОБОЖДЕНІЕ ЭДУАРДА IV.

Картина англ. художника XVIII в. Миллера (Miller). (Большая Бойделевская Галерея.

Мы заперлись себя оберегая:
Вѣдь Генриху мы въ подданствѣ клялись.

Король Эдуардъ.
Но, мэръ, вѣдь если Генрихъ—вашъ король,
Не меньше Эдуардъ, чѣмъ герцогъ Іоркскій.

Мэръ.
За меньшаго я васъ не почитаю.

Король Эдуардъ.
Я требую лишь герцогство мое,
Котораго съ меня вполнѣ довольно.

Глостеръ *(въ сторону)*.
Куда лиса просунетъ носъ одинъ—
Туда и вся пролѣзть она съумѣетъ.

Гастингсъ.
Ну, что же, мэръ, стоите вы въ сомнѣньи?
Откройте намъ, мы Генриху друзья.

Мэръ.
Чтожъ? Если такъ—ворота мы откроемъ.

(Сходятъ со стѣны).

Глостеръ.
Начальникъ мудрый, скоро убѣдился.

Гастингсъ.
Вѣдь старику желательно, чтобъ все
Шло хорошо, но стоитъ намъ войти,
Сомнѣнья нѣтъ, его мы образумимъ,
А также—всѣхъ товарищей его.
(Внизу показывается мэръ и члены совѣта).

Король Эдуардъ.
Ворота, мэръ, въ военное лишь время
Иль только на ночь надо запирать,
Не бойся же и мнѣ отдай ключи.

(Беретъ ключи).
А Эдуардъ вашъ городъ защититъ,
Тебя, и всѣхъ, кто за него стоитъ.

Барабанный бой. Входятъ Монгомери *и войска.*

Глостеръ.
Братъ! Вотъ идетъ и сэръ Джонъ Монгомери.
Нашъ вѣрный другъ, когда я не ошибся?

Король Эдуардъ.
Привѣтъ сэръ Джонъ! Зачѣмъ собрали войско?

Монгомери.
На помощь королю Эдварду въ бурю,
Вѣдь это долгъ всѣхъ подданныхъ его.

Король Эдуардъ.
Благодарю, мой добрый Монгомери,
Но не вѣнца, лишь герцогства прошу я,
Пока Господь намъ большее пошлетъ.

Монгомери.
Такъ я уйду, счастливо оставаться!
Не герцогу, а королю служу.
Бей въ барабанъ! Сейчасъ идемъ отсюда.
(Начинается маршъ).

Король Эдуардъ.
Постой, сэръ Джонъ, и сообща обсудимъ,
Какъ возвратить вѣрнѣй себѣ корону.

Монгомери.
Что обсуждать? Скажу я прямо: если
Не станете вы требовать короны—
Судьбѣ васъ предоставивъ, я уйду,
Чтобъ задержать идущихъ къ вамъ на помощь.
Не для вѣнца—тогда зачѣмъ же биться?

Глостеръ.
Онъ правъ. Что пользы въ тонкостяхъ подобныхъ?

Король Эдуардъ.
Усилимся,—тогда права предъявимъ,
Пока мудрѣй—нашъ замыселъ таить.

Гастингсъ.
Сомнѣнья—прочь! Пускай рѣшитъ оружье.

Глостеръ.
И тотъ, кто смѣлъ—скорѣй вѣнца достигнетъ.
Братъ, мы тебя объявимъ королемъ;
Молва о томъ къ намъ привлечетъ друзей,

Король Эдуардъ.
По вашему пусть будетъ. Правъ своихъ
Я требую, а Генрихъ—самозванецъ.

Монгомери.
Теперь я слышу государя рѣчь,
И биться я готовъ за Эдуарда.

Гастингсъ.
Трубить! Сейчасъ его превозгласимъ.
Ты, братъ солдатъ, читай провозглашенье.

(Даетъ ему бумагу. Трубы).

Солдатъ *(читаетъ)*. Мы, Эдуардъ Четвертый, милостью Божіей, король Англіи и Франціи, владѣтель Ирландіи и прочее.

МОНГОМЕРИ. Кто Эдуарда правъ не признаетъ—
Того зову со мной въ единоборство.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

МОНГОМЕРИ.

Кто Эдуарда правъ не признаетъ—
Того зову со мной въ единоборство.
(Бросаетъ перчатку).

ВСѢ. Да здравствуетъ король Эдуардъ Четвертый!

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.

Благодарю, мой храбрый Монгомери,
Благодарю всѣхъ васъ. И если счастье
Поможетъ мнѣ—я съ вами расквитаюсь.
На эту ночь мы пріютимся въ Іоркѣ,
Когда же утромъ солнца колесница
Появится надъ краемъ горизонта—
На Уорика и на друзей его
Идемъ впередъ. Самъ Генрихъ—не боецъ.
Строптивый Кларенсъ, какъ тебѣ не стыдно
Льстить Генриху и брата оставлять?
Вы встрѣтитесь намъ оба: ты и Уорикъ.
Ну, храбрецы, въ побѣдѣ нѣтъ сомнѣнья,
А побѣдивъ, не сомнѣвайтесь въ платѣ.
(Уходятъ).

СЦЕНА VIII.

Лондонъ. Покой во дворцѣ.

Трубы. Входятъ КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ, УОРИКЪ, КЛАРЕНСЪ, МОНТЭГЮ, ЭКЗЕТЕРЪ и ОКСФОРДЪ.

УОРИКЪ.

Что предпринять, милорды? Эдуардъ
Изъ Бельгіи съ голландцами тупыми
И нѣмцами ретивыми вернулся,
Проливъ благополучно переплывъ.
Съ войсками онъ идетъ на Лондонъ прямо
И простаки толпой бѣгутъ къ нему.

ОКСФОРДЪ.

Войска собравъ, назадъ его отбросимъ.

КЛАРЕНСЪ.

Огонь въ началѣ—затоптать легко,
А разгорится—не зальешь рѣкою.

УОРИКЪ.

Есть въ Уорикшайрѣ вѣрные друзья,
Миролюбивы, но въ сраженьѣ храбры;
Ихъ подниму. Сынъ Кларенсъ, ты дворянъ
И рыцарей изъ Суффолька и Кента
И Норфолька съ собою увлечешь.
Братъ Монтэгю, найдешь ты въ Букингамѣ,

Нортгэмптонѣ, Лейчестершайрѣ многихъ,
Которые послушаютъ тебя
Ты, храбрый Оксфордъ, горячо любимый
Оксфордцами—сберешь своихъ друзей.
А государь въ кругу достойныхъ гражданъ,
Какъ островъ нашъ, морями окруженный,
Какъ скромная Діана между нимфъ—
Здѣсь въ Лондонѣ насъ будетъ ожидать.
Откланяйтесь безъ возраженій, лорды,
Прощайте, государь.

Король Генрихъ.
Прощай, мой Гекторъ и надежда Трои.

Кларенсъ.
Въ знакъ вѣрности—цѣлую вашу руку.

Король Генрихъ.
Тебѣ желаю счастья, добрый Кларенсъ.

Монтэгю.
Утѣшьтесь, государь, итакъ —прощайте.

ГЕНРИХА VI УВОДЯТЪ ВЪ ТОУЭРЪ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Оксфордъ (*цѣлуя руку Генриха*).[1]
Свидѣтельствую вѣрность и—прощаюсь.

Король Генрихъ.
Любезный Оксфордъ, милый Монтэгю,
Вамъ всѣмъ желаю счастья на прощанье.

Уорикъ.
Прощайте, лорды. Встрѣча—въ Ковентри.

(*Уходятъ Уорикъ, Кларенсъ, Оксфордъ и Монтэгю*).

Король Генрихъ.
Здѣсь во дворцѣ останусь я покуда.
Братъ Экзетеръ, что скажетъ ваша свѣтлость?
Мнѣ кажется, что войско Эдуарда
Не можетъ въ полѣ одолѣть мое?

Экзетеръ.
Лишь только бы онъ прочихъ не сманилъ.

Король Генрихъ.
Я не боюсь. Прославленъ я за строгость.
Ни къ чьей мольбѣ глухимъ я не бывалъ,
Не допускалъ я долгихъ проволочекъ,
Я состраданьемъ раны врачевалъ,
Я кротостью ихъ утѣшалъ въ печали,
Я милостью ихъ слезы осушалъ.
Я не желалъ отнять у нихъ богатства,
Не отягчалъ налогами большими,
Не мстилъ и тѣмъ, кто много согрѣшилъ.
За что жъ любитъ имъ Эдуарда больше?
Нѣтъ, Экзетеръ, отвѣтъ на милость—милость,
И если левъ ягненка приласкаетъ,
За нимъ всегда послѣдуетъ ягненокъ.

(*За сценой крики: Іоркъ! Іоркъ!*).

Экзетеръ.
Чу! Государь! Что значатъ эти крики?

Входятъ Король Эдуардъ, Глостеръ и *солдаты.*

Король Эдуардъ.
Взять Генриха смущеннаго отсюда!
Насъ королемъ провозгласите вновь.

Источникъ ты для мелкихъ ручейковъ
Остановлю тебя, и втянетъ море
Мое въ себя ихъ до суха, разлившись
Отъ нихъ полнѣй. Его возьмите въ Тоуэръ
И говорить ему не дозволяйте.

(*Нѣсколько человѣкъ уходятъ съ королемъ Генрихомъ*).

Мы въ Ковентри отправимся, милорды,
Гдѣ пребываетъ нынѣ дерзкій Уорикъ.

Сіяетъ солнце, если жъ мы замедлимъ—
Намъ холода испортятъ сѣнокосъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Спѣшимъ—пока всѣхъ войскъ онъ не собралъ.
Застанемъ тамъ измѣнника врасплохъ.
Ну, храбрецы, идемъ на Ковентри.

(*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Ковентри.

На стѣну входятъ УОРИКЪ, МЭРЪ КОВЕНТРИ, ДВА ГОНЦА *и др.*

УОРИКЪ.

Гдѣ жъ доблестнаго Оксфорда гонецъ?
Далеко-ли твой лордъ отсюда, другъ?

1-ЫЙ ГОНЕЦЪ.

Онъ въ Денсморѣ, теперь идетъ сюда.

УОРИКЪ.

А какъ далеко братъ нашъ Монтэгю?
Гдѣ тотъ гонецъ, что присланъ Монтэгю?

2-ОЙ ГОНЕЦЪ.

Съ могучимъ войскомъ въ Дэнтри онъ остался.

Входитъ СЭРЪ ДЖОНЪ СОМЕРВИЛЬ.

УОРИКЪ.

Ну, Сомервиль, что любящій мой сынъ?
По твоему, отъ насъ какъ близко Кларенсъ?

СОМЕРВИЛЬ.

Въ Соутэмѣ я его оставилъ съ войскомъ
И жду, что онъ чрезъ два часа прибудетъ.

(*Слышенъ барабанный бой*).

УОРИКЪ.

Такъ это онъ; я слышу барабаны.

СОМЕРВИЛЬ.

Не онъ, милордъ, вѣдь Соутэмъ здѣсь лежитъ,
А слышенъ бой съ той стороны, гдѣ Уорикъ.

УОРИКЪ.

Но кто жъ идетъ? Нежданные друзья?

СОМЕРВИЛЬ.

Узнаете сейчасъ. Они ужъ тутъ.

(*Входятъ въ городъ*).

Трубы. Маршъ. Входятъ КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ, ГЛОСТЕРЪ *и войско.*

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.

Ступай, трубачъ, труби къ переговорамъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Людей вдоль стѣнъ разставилъ хмурый Уорикъ.

УОРИКЪ.

Незванный гость! Разгульный Эдуардъ
Ужели здѣсь? Подкуплены иль спали
Развѣдчики, что мы о томъ не знаемъ?

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.

Не хочешь-ли открыть ворота, Уорикъ?
Привѣтствовать насъ кротко и, колѣна
Склонивъ предъ Эдуардомъ, королемъ
Назвать его, о милости прося?
Тогда тебѣ проститъ онъ оскорбленья.

УОРИКЪ.

Не лучше-ли тебѣ уйти съ войсками?
Сознавшись:кто возвелъ тебя и свергнулъ,
Съ раскаяньемъ признать мое главенство?
Ты герцогомъ останешься, какъ прежде.

ГЛОСТЕРЪ.

Я ожидалъ, что скажетъ онъ: король!
Иль невзначай, быть можетъ, пошутилъ онъ?

УОРИКЪ.

Но герцогство—ужели даръ плохой?

ГЛОСТЕРЪ.

Богатый даръ—отъ графа бѣдняка.
Тебѣ взамѣнъ я окажу услугу.

Уорикъ.

Я далъ корону брату твоему.

Король Эдуардъ.

Она моя, хотя и твой подарокъ.

Уорикъ.

Не Атласъ ты для столь великой ноши.
Ты слабъ и Уорикъ даръ свой отнимаетъ.
Король мой—Генрихъ, я его вассалъ.

Король Эдуардъ.

Но Уорика король—Эдварда плѣнникъ
Скажи мнѣ, Уорикъ доблестный, одно:
Безъ головы куда годится тѣло?

Глостеръ.

Какъ жаль, что Уорикъ не былъ прозорливѣй.
Пока тащилъ простую онъ десятку—
Былъ изъ колоды выкраденъ король.
Ты Генриха оставилъ во дворцѣ
Епископа, а въ Тоуэрѣ онъ нынче.

Король Эдуардъ.

Да, это такъ. Но все жъ ты—Уорикъ.

Глостеръ.

Уорикъ,
Лови минуту, преклони колѣна,
Желѣзо куй, покуда не остыло.

Уорикъ.

Скорѣй я руку отрублю и брошу
Ее тебѣ другой рукой въ лицо,
Чѣмъ опущу мой флагъ передъ тобою.

Король Эдуардъ.

Плыви! Да будутъ вѣтеръ и теченье—
Тебѣ друзья. За кудри смоляныя
Тебя возьму, покуда не остыла
Отрубленная голова твоя,
И на пескѣ впишу твоею кровью:
„Измѣнчивый, подобно вѣтру, Уорикъ—
Теперь уже не станетъ измѣнять".

Входитъ Оксфордъ *съ войсками, барабаннымъ боемъ и знаменами.*

Уорикъ.

Отрадные цвѣта! Подходитъ Оксфордъ,
Оксфордъ. Оксфордъ. Ланкастеръ!
(*Входитъ съ войсками въ городъ*).

Глостеръ.

Войдемъ и мы, когда ворота настежъ.

Король Эдуардъ.

Въ нашъ тылъ зайти враги другіе могутъ.
Въ порядкѣ ждать ихъ будемъ. Безъ сомнѣнья,
Появятся они, чтобъ дать намъ битву.
А если нѣтъ—ихъ укрѣпленья слабы,
И скоро мы измѣнниковъ прогонимъ.

Уорикъ.

Привѣтъ тебѣ! Подходишь кстати, Оксфордъ.

Входитъ Монтэгю *съ войсками, барабаннымъ боемъ и знаменами.*

Монтэгю.

Ланкастеръ! Монтэгю!
(*Входитъ съ войсками въ городъ*).

Глостеръ.

Ты и твой братъ, вы скоро за измѣну
Заплатите цѣннѣйшей вашей кровью.

Король Эдуардъ.

Чѣмъ бой труднѣе, тѣмъ славнѣй побѣда.
Мой духъ сулитъ успѣхъ и одолѣнье.

Входитъ Сомерсетъ *съ войсками, барабаннымъ боемъ и знаменами.*

Сомерсетъ.

Ланкастеръ! Сомерсетъ!
(*Входитъ съ войсками въ городъ*).

Глостеръ.

Два герцога, носившихъ это имя,
Своею жизнью Іоркамъ заплатили,
Коль выдержитъ мой мечъ, ты будешь
третьимъ.

Входитъ Кларенсъ *съ войсками, барабаннымъ боемъ и знаменами.*

Уорикъ.

Вотъ шествуетъ Джорджъ Кларенсъ. У него
Довольно войскъ, чтобъ брату дать сраженье.
Стремленіе за правду постоять—
Сильнѣе въ немъ любви къ родному брату.
Зовъ Уорика всегда услышитъ Кларенсъ.

Кларенсъ.

Отецъ мой Уорикъ, это знаешь ты?
(*Срываетъ алую розу со шляпы*).
Смотри, тебѣ я мой позоръ бросаю.
Я не хочу разрушить домъ отца,
Скрѣпившаго своею кровью камни,
И возвышать Ланкастера. Ты думалъ,
Что Кларенсъ такъ жестокъ, безчеловѣченъ,
Такъ неразуменъ, что направитъ онъ
Орудіе зловѣщее войны
На короля законнаго и брата?
Ты упрекнешь меня священной клятвой?
Ее сдержавъ, я былъ бы нечестивѣй
Чѣмъ Іевѳай, принесшій въ жертву дочь.

УОРИКЪ ВЪ КОВЕНТРИ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Нѣтъ, я своимъ проступкомъ опечаленъ
И съ тѣмъ, чтобъ милость брата заслужить—
Являюсь я твоимъ врагомъ смертельнымъ,
Съ рѣшимостью, гдѣ бъ я тебя ни встрѣтилъ
Отомстить за то, что ты меня завлекъ;
Тебя, надменный Уорикъ, вызываю,
И къ брату я, краснѣя, обращаюсь:
Прости мнѣ, Эдуардъ, вину заглажу,
Не гнѣвайся ты, Ричардъ, за былое.
Не буду больше я непостояннымъ.

Король Эдуардъ.

Привѣтъ! Ты мнѣ милѣе въ десять разъ,
Чѣмъ еслибъ ты не навлекалъ нашъ гнѣвъ.

Глостеръ.

Ты поступилъ по братски, добрый Кларенсъ.

Уорикъ.

Предатель ты, клятвопреступникъ гнусный!

Король Эдуардъ.

Изъ города для битвы выйдешь, Уорикъ,
Иль должно на тебя обрушить стѣны?

Уорикъ.

Не заперся я здѣсь для обороны,
Я въ Барнетѣ даиъ битву Эдуарду,
Коль вызовъ мой посмѣетъ онъ принять.

Король Эдуардъ.

Посмѣю Уорикъ. Первымъ я иду.
Впередъ! Святой Георгій и побѣда.

(Уходитъ король Эдуардъ съ войсками; Уорикъ и его войско слѣдуетъ за ними).

СЦЕНА II.

Поле сраженія близъ Барнета.

Тревога. Битва. Входитъ король Эдуардъ, *ведя раненаго* Уорика.

Король Эдуардъ.

Лежи и умирай! Пускай съ тобою
Умретъ нашъ страхъ. Страшилищемъ былъ Уорикъ.
Ну, Монтэгю, держись! Ищу тебя,
Чтобъ съ Уорикомъ сложилъ ты рядомъ кости.

(Уходитъ).

Уорикъ.

Кто здѣсь? Приди ко мнѣ, другъ или недругъ!
Скажи, кто побѣдитель? Іоркъ иль Уорикъ?
Что спрашивать? Истерзанное тѣло,

И кровь, и слабость, страждущее сердце
Все говоритъ, что тѣло отдаю
Свое—землѣ, а недругамъ побѣду.
Подъ топоромъ такъ падаетъ и кедръ:
Въ его вѣтвяхъ жилъ царственный орелъ,
Въ тѣни его львы находили отдыхъ,
Его вершина выше поднималась
Чѣмъ дерево Юпитера, отъ вѣтра
Холоднаго кустарникъ защищая.
Мой взоръ, покровомъ смерти затемненный,
Какъ солнце въ часъ полудня ясенъ былъ
И проникалъ всѣ тайныя измѣны.
Кровавыя теперь чела морщины—
Гробницами монарховъ звали прежде,
И не было такого короля,
Кому бы я не могъ могилу вырыть.
Нахмурься я—кто смѣлъ бы улыбнуться?
Въ крови и прахѣ—нынѣ эта слава.
Уже теперь уходятъ отъ меня
Мои лѣса и замки. Изъ земель
Осталась мнѣ лишь та, гдѣ ляжетъ тѣло.
Все тлѣнъ и прахъ: власть царская, почетъ!
Какъ ни живи—но всѣхъ могила ждетъ.

Входятъ Оксфордъ *и* Сомерсетъ.

Сомерсетъ.

Лордъ Уорикъ, Уорикъ! Будь здоровъ и ты—
Могли бы мы вернуть свои утраты.
Вернулась королева съ сильнымъ войскомъ
Изъ Франціи! Когда-бъ ты могъ бѣжать!

Уорикъ.

Я все же не бѣжалъ бы. Монтэгю,
Когда ты здѣсь—дай, милый братъ, мнѣ руку.
Мой духъ, прильнувъ къ моимъ устамъ
устами,
Ты задержи. Но ты меня не любишь.
Когда бъ любилъ—омылъ бы ты слезами
Холодную запекшуюся кровь,
Которая раскрыть уста мѣшаетъ.
Спѣши же, Монтэгю, не то умру.

Сомерсетъ.

О, горе, Уорикъ! Умеръ Монтэгю.
Онъ Уорика съ послѣднимъ вздохомъ звалъ,
Сказавъ: привѣтъ мой доблестному брату!
Еще пытался что-то онъ сказать
И говорилъ, но рѣчь звучала глухо,
Какъ смутный гулъ подъ сводомъ, и едва
Я подъ конецъ разслышалъ, какъ со стономъ
Онъ произнесъ:—Прости навѣки, Уорикъ.

Уорикъ.

Будь миръ душѣ его. Спасайтесь, лорды,
Со всѣми Уорикъ свидится на небѣ.

(Умираетъ).

Оксфордъ.

Идемъ на встрѣчу войску королевы.

(Уходятъ, унося тѣло Уорика).

СЦЕНА III.

Другая часть поля.

Трубы. Входятъ торжественно король Эдуардъ *съ* Глостеромъ, Кларенсомъ *и др.*

Король Эдуардъ.

До этихъ поръ ведетъ насъ счастье въ тору,
Побѣдными вѣнками одаряя.
Но и теперь при яркомъ блескѣ дня
Вдали я вижу тучу грозовую,
Что встрѣтится съ блестящимъ солнцемъ
раньше,
Чѣмъ ложа своего оно достигнетъ.
Я разумѣю войско королевы,
Изъ Галліи прибывшее сюда;
Оно идетъ, чтобы сразиться съ нами.

Кларенсъ.

Но вѣтерокъ разсѣетъ эту тучу
И за море опять ее прогонитъ;
Въ лучахъ твоихъ растаятъ облака:
Не каждое изъ нихъ рождаетъ бурю.

Глостеръ.

У королевы тридцать тысячъ войска,
И Сомерсетъ и Оксфордъ къ ней бѣжали.
И если ей дадимъ передохнуть—
Намъ равною она по силамъ будетъ.

Король Эдуардъ.

Насъ извѣщаютъ вѣрные друзья,
Что къ Тьюксбёри направились они.
При Барнетѣ побѣду одержавъ,
Спѣшимъ туда; когда идти желаешь—
Не труденъ путь, и съ каждою страною
Пройденною мы увеличимъ войско.
Бей въ барабанъ, кричи: смѣлѣй! Впередъ!

(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Равнина близъ Тьюксбёри.

Маршъ. Входятъ королева Маргарита, принцъ, Сомерсетъ, Оксфордъ *и войска.*

Маргарита.

Прославленные лорды, объ утратахъ
Мудрецъ не тужитъ, бодро онъ спѣшитъ
Помочь бѣдѣ. Мы потеряли мачту,

Канатъ оборванъ, якорь оторвался,
Изъ моряковъ погибла половина,
Но кормчій живъ. Пристойно-ли, чтобъ онъ,
Покинувь руль, какъ струсившій мальчишка,
Сталъ слезы лить, воды прибавивъ въ море,
И сильнаго врага усиливъ этимъ,
Дозволилъ онъ разбиться кораблю,
Что смѣлостью и знаньемъ могъ спасти?
Ошибкою, позоромъ было-бъ это!
Пусть якоремъ былъ Уорикъ, главной мачтой—
Былъ Монтэгю, надежными снастями—
Убитые друзья. Что изъ того?
Но развѣ Оксфордъ—не такой же якорь?
А Сомерсетъ—не мачта, а друзья
Изъ Франціи—не паруса и снасти?
А съ принцемъ я, хоть мы и не искусны,
За кормчаго не можетъ постоять?
Руль не покинетъ для того, чтобъ плакать,
Но поплывемъ—на зло враждебнымъ вѣтрамъ,
Межъ скалъ и мелей, гибелью грозящихъ.
Нѣтъ пользы въ томъ, хулить иль славить волны?
Что Эдуардъ, когда не злое море?
Что какъ не мель обманчивая Кларенсъ?
Что Ричардъ, какъ не роковой утесъ?
И всѣ они—враги ладьи несчастной.
Пуститься вплавь?—недолго проплывете,
Стать на песокъ?—провалитесь въ него,
Влѣзть на утесъ?—проливъ оттуда смоетъ,
Иль съ голоду умрете. Смерть тройная.
Все это, лорды, говорю на случай,
Что еслибъ вы насъ вздумали покинуть.
Отъ братьевъ ждать вы можете пощады
Такой же, какъ отъ моря, скалъ и мелей.
Итакъ, смѣлѣй! Ребяческая слабость—
Предъ неизбѣжнымъ плакать и дрожать.

Принцъ.

Да, женщина съ такимъ отважнымъ духомъ
Могла и въ труса, еслибъ онъ услышалъ
Слова ея—вдохнуть такую храбрость,
Что безоружнымъ онъ пошелъ бы въ бой.
Ни въ комъ изъ васъ не сомнѣваюсь я,
Но еслибъ трусъ межъ вами оказался,
Я-бъ отпустилъ заранѣе его
Чтобъ онъ въ бѣдѣ не заразилъ другихъ,
Подобными себѣ по духу сдѣлавъ.
Когда—избави Боже—есть такой,
Пускай уйдетъ, пока въ немъ нѣтъ нужды.

Оксфордъ.

У женщинъ и дѣтей—такая доблесть!
И воинамъ слабѣть! О, вѣчный стыдъ!
Безстрашный юный принцъ! Твой дѣдъ великій
Въ тебѣ ожилъ. Живи же много лѣтъ,
Явивъ его подобіе и славу!

Сомерсетъ.

И кто въ такой надеждѣ не сразится—
Средь бѣла дня пусть какъ сова заснетъ.
Проснувшись же, осмѣянъ будетъ всѣми.

Маргарита.

Благодарю васъ, Сомерсетъ и Оксфордъ.

Принцъ.

Примите благодарность отъ того,
Кто ничего иного дать не можетъ.

Входитъ гонецъ.

Гонецъ.

Готовьтесь, лорды, близко Эдуардъ,
Желающій сразиться. Стойте твердо.

Оксфордъ.

Я такъ и ждалъ: разсчетъ его—спѣшить,
Чтобъ насъ застать, пока мы не готовы.

Сомерсетъ.

Ошибся онъ. Въ готовности мы полной.

Маргарита.

Отвага ваша радуетъ мнѣ сердце.

Оксфордъ.

Здѣсь примемъ бой, не двинемся отсюда.

Трубы. Маршъ. Показываются вдали король Эдуардъ, Кларенсъ, Глостеръ *и войска.*

Король Эдуардъ.

Отважные друзья, вотъ лѣсъ терновый,
Что съ помощью небесъ и вашей силы—
До вечера мы съ корнемъ истребимъ.
Въ васъ разжигать не стану пылъ напрасно:
Горите вы желаньемъ сжечь его.
Подайте знакъ и въ бой идемте, лорды.

Маргарита.

Милорды, рыцари, дворяне! Слезы—
Словамъ помѣха—и при каждомъ словѣ
Струятся слезы изъ моихъ очей.
Скажу одно: король вашъ Генрихъ—плѣнникъ
Своихъ враговъ, престолъ его захваченъ,
А царство—бойня, гражданъ убиваютъ,
Поправъ его законъ, казну разграбивъ.
А вотъ и волкъ, виновный въ томъ разбоѣ.
За правду вы стоите, съ Богомъ, лорды,
Смѣлѣе же—къ сраженью дайте знакъ.

(Оба войска уходятъ).

СЦЕНА V.

Другая часть поля.

Тревога, битва, затѣмъ—отступленіе. Входятъ КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ, КЛАРЕНСЪ, ГЛОСТЕРЪ *и войска. Плѣнные* КОРОЛЕВА МАРГАРИТА, ОКСФОРДЪ *и* СОМЕРСЕТЪ.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.

Теперь—конецъ раздорамъ и волненьямъ.
Пусть Оксфорда отправятъ въ замокъ Хэмсъ,
А Сомерсету голову срубить.
Взять ихъ. Рѣчей ихъ слышать не желаю.

ОКСФОРДЪ.

Рѣчами я тебя не потревожу.

СОМЕРСЕТЪ.

И я. Своей судьбѣ я покоряюсь.
(Сомерсетъ и Оксфордъ уходятъ по стражею).

МАРГАРИТА.

Такъ съ грустью мы простимся въ этомъ мірѣ,
Чтобъ свидѣться въ Іерусалимѣ свѣтломъ.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.

Объявлено-ль: что взявшій Эдуарда
Награду получаетъ, плѣнникъ—жизнь?

ГЛОСТЕРЪ.

Все сдѣлаю. Вотъ юный Эдуардъ.

Входятъ солдаты съ ПРИНЦЕМЪ.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.

Къ намъ храбреца пусть подведутъ! Что скажешь?
Столь юный тернъ уже колоться сталъ!
Чѣмъ, Эдуардъ, загладишь ты, что поднялъ
Оружіе, и мой народъ смутилъ,
И причинилъ такую намъ тревогу?

ПРИНЦЪ.

Какъ подданный со мною говори,
Честолюбивый, гордый Іоркъ. Устами
Моими говоритъ съ тобой отецъ.
Встань передъ нимъ и тамъ склони колѣни,
Гдѣ я стою! Тебя спрошу, измѣнникъ,
О томъ же я, на что отвѣта просишь.

МАРГАРИТА.

Когда-бъ отецъ былъ такъ же смѣлъ, какъ ты!

ГЛОСТЕРЪ.

Могла-бы ты носить и нынѣ юбки
И у Ланкастера не красть штановъ.

ПРИНЦЪ.

Для зимнихъ вечеровъ—Эзопа басни,
Не мѣсто здѣсь подобнымъ грубымъ притчамъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Клянусь, щенокъ, тебя я уморю.

МАРГАРИТА.

Да, для людей ты—язва моровая.

ГЛОСТЕРЪ.

Пусть уберутъ ругательницу злую.

ПРИНЦЪ.

Пусть лучше злого горбуна возьмутъ.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.

Молчи; языкъ тебѣ укорочу я.

КЛАРЕНСЪ.

Держать себя, мальчишка, не умѣешь.

ПРИНЦЪ.

Я знаю какъ держаться, вы—забыли.
Развратный Эдуардъ, предатель Джорджъ,
Уродецъ Дикъ, всѣмъ вамъ я говорю:
Я лучше васъ, измѣнники! вы всѣ
Права отца, мои вы захватили...

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.

Такъ вотъ тебѣ ругательницы сынъ.
(Закалываетъ его).

ГЛОСТЕРЪ.

Ты корчишься? Такъ вотъ! Умри скорѣе.
(Закалываетъ его).

КЛАРЕНСЪ.

А вотъ тебѣ за твой упрекъ въ измѣнѣ.
(Закалываетъ его).

МАРГАРИТА.

Убейте и меня.

ГЛОСТЕРЪ.

Изволь. Готовъ.
(Хочетъ убить его).

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.

Стой! Мы и такъ свершили слишкомъ много.

ГЛОСТЕРЪ.

Къ чему ей жить? Міръ наполнять словами?

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.

Лишилась чувствъ? Привесть ее въ сознанье.

ГЛАСТЕРЪ *(Кларенсу)*.

Пусть извинятъ меня король и братъ.

Спѣшу сейчасъ за важнымъ дѣломъ въ Лондонъ.
Къ вамъ до прибытья вѣсти долетятъ.

КЛАРЕНСЪ.
Что? Что? Какія?

ГЛОСТЕРЪ.
Тоуэръ! Тоуэръ!
(Уходитъ).

МАРГАРИТА.
Нэдъ, милый Нэдъ! Скажи хоть слово, мальчикъ!
Не можешь ты? Измѣнники! Убійцы!
Кто Цезаря убилъ—не пролилъ крови,
Не согрѣшилъ, не заслужилъ упрекъ,
Когда сравнить его дѣянья—съ этимъ.
Тотъ мужемъ былъ, а тутъ—почти ребенокъ.
На дѣтяхъ мужъ не вымещаетъ ярость.
И есть ли слово хуже, чѣмъ убійца,
Чтобъ я могла назвать васъ этимъ словомъ?
Заговорю—и сердце разорвется;
Пусть разорвется—стану говорить!
О, мясники, злодѣи, людоѣды,
Безвременно какой вы цвѣтъ скосили!
Вы, мясники, бездѣтны, а не то
О дѣтяхъ мысль могла-бъ внушить вамъ жалость.
А будете имѣть ихъ—берегитесь,
Чтобъ въ юности ихъ такъ же не убили,
Какъ вами, палачи, загубленъ принцъ.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.
Убрать ее! Насильно уведите!

МАРГАРИТА.
Оставьте! Здѣсь покончите со мной.
Сюди вонзи свой мечъ, и смерть мою
Тебѣ прощу. Нѣтъ? Ты исполни, Кларенсъ.

КЛАРЕНСЪ.
Клянусь: тебѣ я милости такой
Не окажу.

МАРГАРИТА.
О, добрый, милый Кларенсъ!

КЛАРЕНСЪ.
Я поклялся, что этого не будетъ.

МАРГАРИТА.
Да, но привыкъ ты клятвы нарушать.
То—грѣхъ въ быломъ, теперь же это—милость.
Не хочешь? Гдѣ же дьявольскій рѣзникъ,
Жестокій Ричардъ? Ричардъ, гдѣ же ты?
Въ твоихъ глазахъ убійство—подаянье.
Ты не откажешь тѣмъ, кто проситъ крови.

ПРИНЦЪ ЭДУАРДЪ ПЕРЕДЪ КОРОЛЕМЪ ЭДУАРДОМЪ IV.

Картина Гамильтона (W. Hamilton, R., A.). (Малая Бойделевская Галлерея).

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.
Убрать ее! Приказываю вамъ.

МАРГАРИТА.
Тебѣ, твоимъ—да будетъ такъ, какъ принцу.
(Ее уводятъ силой).

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.
Гдѣ Ричардъ?

КЛАРЕНСЪ.
Онъ отбылъ поспѣшно въ Лондонъ,
Чтобъ въ Тоуэрѣ кровавый ужинъ сдѣлать.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.
Онъ скоръ, когда онъ что-нибудь задумалъ.
Идемъ на Лондонъ, а простой народъ—
Благодарить и съ платой отпустить.
Тамъ свидимся мы съ нашей королевой,
Она мнѣ вѣрно сына подарила.
(Уходятъ).

———

СЦЕНА VI.

Лондонъ. Покой во дворцѣ.

Король Генрихъ *сидитъ съ книгою въ рукѣ, передъ нимъ* комендантъ. *Входитъ* Глостеръ.

Глостеръ.

Привѣтъ, милордъ. Вы погрузились въ чтенье?

Король Генрихъ.

Да, добрый лордъ. Нѣтъ, лучше ужъ: милордъ.
Лесть—это грѣхъ, а слово добрый—лесть.
Вѣдь „добрый Глостеръ"—то, что добрый дьяволъ.
Немыслимы какъ тотъ, такъ и другой.

Глостеръ.

Оставьте насъ, поговорить намъ нужно.

(*Комендантъ уходитъ*).

Король Генрихъ.

Пастухъ безпечный такъ бѣжитъ отъ волка,
Свое руно такъ подставляютъ овцы
И вслѣдъ затѣмъ—и горло мяснику.
Какой родъ смерти Росціи разыграетъ?

Глостеръ.

Виновный духъ смущаютъ подозрѣнья,
И за кустами стражей видитъ воръ.

Король Генрихъ.

Но пойманной въ кустахъ однажды птицѣ—
Сомнѣніе внушаетъ каждый кустъ,
И отъ него летитъ она пугливо.
Такъ предъ собой — отецъ несчастный — вижу
Теперь того, кѣмъ бѣдный мой птенецъ
Былъ заманенъ, захваченъ и убитъ.

Глостеръ.

Какимъ глупцомъ былъ критскій царь, что сына
Хотѣлъ какъ птицу научить летать,
Но съ крыльями безумецъ утонулъ.

Король Генрихъ.

Да, я—Дедалъ; Икаръ—мой бѣдный мальчикъ;
Миносъ, летѣть мѣшавшій—твой отецъ,
А солнце то,—что крылья растопило
У сына моего—твой братъ Эдвардъ.
Ты—море, чьей завистливой пучиной
Поглощена жизнь сына моего.
Убей меня оружьемъ, не словами.
Груди отраднѣй лезвіе кинжала,
Чѣмъ слуху моему—разсказъ ужасный.
Зачѣмъ пришелъ ты? За моею жизнью?

Глостеръ.

Считаешь ты меня за палача?

Король Генрихъ.

Гонитель ты, я въ этомъ убѣжденъ,
И если убивающій невинныхъ
Свершаетъ казнь, конечно ты—палачъ.

Глостеръ.

Твой сынъ за дерзость мною былъ убитъ.

Король Генрихъ.

Будь ты убитъ за первую же дерзость—
Ты не убилъ бы сына моего.
Я предрекаю: тысячи людей,
Которымъ страхъ мой нынѣ неизвѣстенъ,
Тоскующіе старцы и вдовицы,
И сироты, чьи взоры полны слезъ,
Отцы, дѣтей лишенные, и жены—
Мужей своихъ, безвременно жестоко
Родителей утратившія дѣти—
Всѣ проклянутъ часъ твоего рожденья.
Тогда сова кричала—знакъ плохой!
Смѣялся филинъ, предвѣщая бѣды,
И выли псы, и вихрь ломалъ деревья,
А на трубѣ усѣлся воронъ. Хоромъ
Болтливыя сороки стрекотали;
Страдала мать отъ материнскихъ мукъ
Сильнѣй другихъ, но меньше всѣхъ имѣла
Утѣхи материнской: ты родился
Уродливымъ комкомъ, не походившимъ
На плодъ такого гордаго ствола.
Родился ты съ зубами въ знакъ того,
Что міръ кусать явился ты, и если
Все прочее, что говорилось—вѣрно,
Явился съ тѣмъ...

Глостеръ.

Не стану больше слушать.
Умри, пророкъ, среди твоихъ пророчествъ.

(*Закалываетъ его*).

Вотъ для чего я также призванъ былъ.

Король Генрихъ.

Для множества другихъ еще убійствъ;
Меня помилуй, Боже, и его.

(*Умираетъ*).

Глостеръ.

Какъ? Гордая Ланкастерская кровь
Не брызжетъ вверхъ, она впиталась въ землю!
Какъ плачетъ мечъ о смерти короля!
Пусть плачутъ всѣ кровавыми слезами,
Кто пожелалъ паденья дому Іорковъ!
Когда въ тебѣ осталась искра жизни—
Скажи въ аду, что я тебя послалъ.

(*Снова колетъ его*).

Я—чуждый страха, жалости, любви.
Все истина, что Генрихъ мнѣ сказалъ:
Отъ матери я слышалъ зачастую,
Что въ міръ явился я впередъ ногами.

Не нужно ли мнѣ было торопиться
Тѣхъ погубить, кто захватилъ вѣнецъ?
Дивилась бабка, женщины кричали:
—Спаси, Христосъ! Онъ родился съ зубами!—
И то былъ знакъ, что долженъ я собаку
Изображать, кусаться и рычать.
Но если небо станъ мой искривило—
Пусть также адъ мнѣ душу искривитъ.
Нѣтъ братскихъ чувствъ, нѣтъ братьевъ у меня,
И та любовь, которую священной
Зовутъ сѣдые старцы—пусть живетъ
Она въ другихъ, похожихъ другъ на друга,
Но не во мнѣ: съ собой я одинокъ.
Ты заграждаешь свѣтъ мнѣ; бойся, Кларенсъ!
Я черный день устрою для тебя;
Распространю такія предсказанья,
Что Эдуардъ за жизнь страшиться станетъ.
Чтобъ страхъ прогнать — явлюсь твоею смертью.
Ни Генриха, ни принца нѣтъ въ живыхъ,
Теперь—тебѣ, затѣмъ—другимъ чередъ.
Пусть низшій я, пока не стану высшимъ.
Въ другой покой я тѣло отнесу;
Ликую я въ день гибели твоей.

(Уходитъ, унося тѣло).

РИЧАРДЪ У ТРУПА ЗАКОЛОТОГО ИМЪ ГЕНРИХА VI.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Которыми былъ левъ державный скованъ.
Отъ рева ихъ въ быломъ лѣса дрожали!
Устранены отъ трона подозрѣнья,
Подножіемъ намъ служитъ безопасность.
Поди сюда, Елизавета. Сына
Поцѣловать хочу я. Нэдъ малютка.
Дядья твои и твой отецъ зимою
Ночной порою бодрствовали въ латахъ,
Пѣшкомъ ходили въ жгучій лѣтній зной,
Съ тѣмъ, чтобы ты владѣлъ короной мирно,
Пожавъ плоды отъ нашихъ же трудовъ.

Глостеръ *(про себя)*.
Когда умрешь,—я жатву уничтожу,
На свѣтѣ я пока не много значу,
Но создано плечо мое для груза;
Взвалю его, иль спину я сломаю.
Ты проложи мнѣ путь, а ты исполни.

Король Эдуардъ.
Любите королеву, Кларенсъ, Глостеръ!
Племянника вы поцѣлуйте оба.

Кларенсъ.
Долгъ вѣрности предъ вами, государь,
Запечатлѣлъ я на устахъ младенца.

Королева Елизавета.
Благодарю, братъ Кларенсъ благородный!

Глостеръ.
Любви къ стволу, котораго ты—отпрыскъ,
Залогомъ будетъ нѣжный поцѣлуй.
(Про себя). Такъ лобызалъ Учителя Іуда
И за словами:—Благо!—зло таилъ.

Король Эдуардъ.
Блаженствую на царствѣ, наслаждаюсь
Спокойствіемъ въ странѣ, любовью братьевъ.

Кларенсъ.
Какъ, государь, рѣшили съ Маргаритой?
Рене, отецъ ея, французамъ отдалъ
Въ залогъ Сицилію съ Іерусалимомъ
И за нее онъ присылаетъ выкупъ.

Король Эдуардъ.
Во Францію ее вы отошлите!
Осталось намъ устроить рядъ пировъ
Блистательныхъ, забавныхъ представленій,
Которыми увеселяютъ дворъ.
Трубите трубы! Горестямъ—прости,
Открылись къ долгимъ радостямъ пути!

О. Чюмина.

Эдуардъ IV и его новорожденный сынъ.

Картина извѣстнаго художника Норжота (James Northcote R., A., 1746—1838). (Большая Бойделевская Галлерея).

СЦЕНА VII.

Покой во дворцѣ.

Трубы. Король Эдуардъ *сидитъ на престолѣ,* королева Елизавета. Няня *съ маленькимъ* принцемъ *на рукахъ.* Кларенсъ, Глостеръ, Гастингсъ *и др.*

Король Эдуардъ.
Возсѣли мы опять на царскомъ тронѣ,
Онъ вражескою кровью купленъ вновь.
На высотѣ гордыни ихъ, скосили
Не мало мы противниковъ отважныхъ,
Какъ осенью созрѣвшій колосъ жнутъ.
Три Сомерсета трижды именитыхъ,
Какъ храбрые и смѣлые бойцы,
Два Клиффорда и два Нортумберлэнда,—
Среди бойцовъ, во весь опоръ летѣвшихъ
При звукѣ трубъ—храбрѣйшихъ не бывало!
И два медвѣдя: Уорикъ съ Монтэгю,

Книжная рамка эпохи Ренесанса (Мастерская Іеронима Сонцино въ итальянскомъ городѣ Фано; 1507, по рисунку Florio Varassore).

РИМЪ ВЪ КОНЦѢ ИМПЕРАТОРСКОЙ ЭПОХИ.

Реконструкція нѣмец. архитектора Релендера (Rehlender, p. 1845).

Титъ Андроникъ.

Вѣроятно, нѣтъ пьесы, принадлежность которой тому или иному автору возбуждала бы больше сомнѣній, чѣмъ „Титъ Андроникъ". Въ извѣстномъ дневникѣ Генсло, который является главнымъ источникомъ относительно пьесъ ранняго періода Шекспировскаго творчества, упоминается о драмѣ „Титъ и Веспасіанъ", представленной актерами лорда Стренджа (а не труппою Адмирала, какъ утверждаетъ профессоръ Уордъ) 11 апрѣля 1592 года. Это, вѣроятно, та пьеса, которая дошла до насъ въ нѣмецкой версіи и извѣстна по книгѣ Кона „Шекспиръ въ Германіи". Пьеса называлась „Титомъ Андроникомъ", но въ ней выступаетъ Веспасіанъ, хотя въ началѣ не въ качествѣ сына Андроника.

Въ существенныхъ чертахъ фабула этой пьесы совпадаетъ съ „Титомъ Андроникомъ" Шекспира. Но сходство ограничивается только дѣйствіемъ. Веспасіанъ, вначалѣ появляющійся только какъ приверженецъ Андроника, въ заключеніе оказывается его сыномъ и мстителемъ за него— и коронуется императоромъ. Пьеса не имѣетъ литературныхъ достоинствъ; точно такъ же она не помогаетъ въ установленіи даты, такъ какъ она была сначала напечатана въ Германіи въ 1620 году, хотя давалась на сценѣ уже въ 1600 году. Въ февралѣ 1593 года въ официальные книгопродавческіе перечни (такъ наз. Stationers Registers) внесена книга подъ заглавіемъ „Благородная римская исторія Тита Андроника", вмѣстѣ съ балладою на тотъ же самый сюжетъ. Ни одного экземпляра этой пьесы не сохранилось.

По дневнику Генсло пьеса подъ названіемъ „Андроникъ" была дана на сценѣ 5 іюня 1594 года, и въ пьесѣ „Какъ узнать плута", данной въ томъ же году, есть намеки на нашу драму.

Въ 1598 году „Титъ Андроникъ" упомянутъ какъ пьеса Шекспира въ Palladis Tamia, Фрэнсиса Мереса. Старѣйшее quarto, экземпляръ котораго сохранился до нашего времени, относится къ 1600 году. На его заглавномъ листѣ обозначено, что „Тита Андроника" играли „слуги" герцога Пемброка, графа Дэрби, герцога Сусекса и лорда Камергера; по всей вѣроятности всѣ эти четыре труппы пріобрѣли право на представленіе драмы. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ указаній на „Тита Андроника" въ книгопродавческихъ спискахъ, а также нѣсколько изданій пьесы. Она значится въ спискахъ 1602 года; въ 1611 году Эдуардъ Уайтъ издалъ второе quarto. Затѣмъ „Титъ Андроникъ" былъ включенъ въ Folio 1623 г., и есть еще дальнѣйшія указанія на эту драму въ 1624, 1626 и 1630 гг.

Первое сомнѣніе въ принадлежности „Тита Андроника" Шекспиру высказано было драматургомъ Рэвенскрофтомъ въ 1687 г. Онъ утверждалъ, что „Титъ Андроникъ" старая пьеса, которую Шекспиръ только передѣлалъ. Многіе изъ новѣйшихъ критиковъ примыкаютъ къ этому мнѣнію, но имъ слѣдовало-бы подкрѣплять его болѣе существенными доказательствами, чѣмъ ссылкой на Рэвенскрофта: онъ не былъ современникомъ Шекспира, и потому его свидѣтельство никакого значенія не имѣетъ. Обстоятельства, при которыхъ Рэвенскрофтъ высказалъ свои предположенія, окончательно подрываютъ довѣріе къ нему: прежде, чѣмъ отрицать подлинность „Тита Андроника", онъ написалъ въ 1687 г. пьесу подъ тѣмъ же названіемъ, и въ прологѣ самъ заявилъ, что драма всецѣло принадлежитъ Шекспиру, что онъ извиняется за передѣлку шекспировскаго произведенія и въ оправданіе свое можетъ только сказать, что всѣ его прибавки заимствованы исключительно изъ другихъ произведеній великаго поэта. Но въ 1687 г. онъ напечаталъ свою передѣлку безъ пролога, который будто-бы затерялся. Во введеніи къ печатному изданію онъ заявилъ, что по имѣющимся у него свѣдѣніямъ отъ человѣка, близко стоявшаго къ театру еще при жизни Шекспира, „Титъ Андроникъ" произведеніе не Шекспира, а другого автора, передавшаго ему эту драму для представленія на его сценѣ; Шекспиръ же только въ нѣсколькихъ главнѣйшихъ сценахъ сдѣлалъ кое-какія добавки и измѣненія. Только четыре года послѣ появленія передѣлки Рэвенскрофта историкъ театра Лангбенъ обличилъ Рэвенскрофта въ обманѣ, и предложилъ ему экземпляръ будто бы потерянаго пролога; въ доказательство того, что прологъ дѣйствительно у него имѣется, Лангбенъ процитировалъ изъ него восемь строкъ. Несмотря, однако, на это изобличеніе Рэвенскрофта многіе изъ новѣйшихъ критиковъ продолжаютъ держаться его теоріи, расходясь между собой только въ томъ, что приписываютъ авторство драмы различнымъ поэтамъ; одни считаютъ „Тита Андроника" произведеніемъ Грина, другіе—Марло, иные утверждаютъ, что ее написалъ Пиль, и есть еще мнѣніе, что названные три автора написали „Тита Андроника" сообща. Всѣ эти предположенія, однако, какъ мы увидимъ, разбиваются объ то, что первое представленіе „Тита Андроника" относится къ 5 января 1594 года. Называли также Нэша и Кида въ качествѣ возможныхъ авторовъ „Тита Андроника",—но никакихъ вѣскихъ доказательствъ не было приведено въ подкрѣпленіе такой гипотезы. О сотрудничествѣ Шекспира съ Гриномъ, Марло и Пилемъ не можетъ быть и рѣчи уже потому, что Гринъ открыто обвинялъ Шекспира отъ своего имени, и отъ имени своихъ двухъ товарищей въ томъ, что онъ украшаетъ себя ихъ перьями. Нельзя, конечно, отрицать, что есть много мѣстъ въ „Титѣ Андроникѣ", взятыхъ изъ Марло, Грина и Пиля, также какъ въ трехъ частяхъ „Генриха VI-го" и въ другихъ раннихъ произведеніяхъ Шекспира. Но заимствованія у своихъ современниковъ и предшественниковъ такое постоянное явленіе въ исторіи творчества Шекспира, что изъ него не слѣдуетъ дѣлать распространительныхъ выводовъ. Между заимствованіемъ нѣсколькихъ или даже многихъ стиховъ у разныхъ авторовъ, и сотрудничествомъ съ ними очень большая разница, и нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что въ данномъ случаѣ было именно сотрудничество.

Мнѣніе критиковъ относительно „Тита Андроника" очень расходятся. Теобальдъ, Фармеръ, Стивенсъ, Дрэкъ, Зингеръ, Дайсъ, Галамъ, Р. Кольриджъ и В. С. Уокеръ, отказываются признать какое-либо участіе Шекспира въ этой пьесѣ. Мэлонъ и Стаунтонъ считаютъ, что не будучи вполнѣ авторомъ „Тита Андроника", Шекспиръ однако внесъ въ него много своего. Кэпель, Найтъ, Гервинусъ, Ульрици и многіе другіе нѣмецкіе критики приписываютъ „Тита Андроника" цѣликомъ Шекспиру.

Наиболѣе рѣзко, но вполнѣ неосно-

вательно, оспариваетъ авторство Шекспира Флэй. Онъ говоритъ слѣдующее въ „Shakespeare Manual“ (стр. 44): „Титъ Андроникъ“ былъ представленъ сначала „слугами“ Сусекса, Пемброка и Дэрби, и въ первомъ печатномъ изданіи упоминаются только эти три труппы; слѣдовательно, драма пріобрѣтена была труппой Лорда Камергера уже послѣ напечатанія, — и этотъ фактъ имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ упоминаніе о „Титѣ Андроникѣ“ у Мерэса, или то, что „Титъ Андроникъ“ вошелъ въ Folio 1623 г.; при жизни Шекспира не было печатнаго изданія „Тита Андроника“ съ его печатью“. Нельзя не признать, что Флэй очень неудачно пытается ослабить авторитетъ Мерэса и Folio. Онъ забываетъ, что „Титъ Андроникъ“ былъ пріобрѣтенъ прежде всего Генсло, который могъ уступить его какой угодно труппѣ, можетъ быть даже раньше, чѣмъ Шекспиръ вступилъ самъ въ соглашеніе съ какой-нибудь отдѣльной труппой. Кромѣ того Флэй совершенно не считается съ Джонсономъ, который говоритъ слѣдующее въ своемъ предисловіи къ „Варѳоломѣевской ярмаркѣ“ въ 1614 г.: „Тотъ, кто поклянется, что „Іеронимъ“ или „Андроникъ“ самыя лучшія пьесы, выкажетъ себя человѣкомъ твердымъ въ своихъ сужденіяхъ и не сдвинувшимся съ мѣста за послѣдніе 25 или 30 лѣтъ“. Въ „Cynthia's Revels“ 1600 г. упоминается о „СтаромъІеронимѣ“, представленномъ „лѣтъ двѣнадцать тому назадъ“. И такъ какъ въ „Варѳоломѣевской ярмаркѣ“ Джонсона встрѣчается нѣсколько не очень лестныхъ намековъ на Шекспира, то приведенныя нами слова принимаются многими какъ доказательство того, что „Титъ Андроникъ“ Шекспира появился на сценѣ между 1584—1589 годами. Но мы теперь вполнѣ твердо знаемъ, что „Титъ Андроникъ“ былъ представленъ на сценѣ не ранѣе 1594 г. и поэтому не можемъ принять въ буквальномъ смыслѣ слова Джонсона о 25 или 30 годахъ. Прибавимъ также, что Джонсонъ былъ лично заинтересованъ въ пьесѣ „Старый Іеронимъ“, такъ какъ получилъ плату за добавленія къ ней.

Перейдемъ теперь къ даннымъ, устанавливающимъ время появленія на сценѣ „Тита Андроника“. Поэма Пиля „The Honour of the Garter“ написана была къ празднеству, состоявшемуся 26 іюня 1593 года, и въ прологѣ къ ней упоминается о трагической смерти Марло, заколотаго во время драки въ тавернѣ, 1 іюня 1593 г. Сидней Ли доказываетъ въ своей біографіи Шекспира (стр. 377), что поэма Пиля не могла быть написана ранѣе, чѣмъ 3 мая 1593 г. Булэнъ, въ своемъ предисловіи къ поэмѣ, приводитъ слѣдующую выписку изъ „Historical (Mss) Commissions Report“, VI, стр. 227: „Поручено м-ру Варнеру, служащему у милорда, передать Георгу Пилю, поэту, изъ щедротъ милорда три фунта стерлинговъ“. Милордъ, о которомъ здѣсь говорится — герцогъ Нортумберлэндскій. Поэма Пиля слѣдовательно была написана между 3 мая и 23 іюня 1593 г. Въ „Титѣ Андроникѣ“, много заимствованій изъ этой поэмы, и несомнѣнно поэтому, что эта драма написана была послѣ 26 іюня 1593 г.— и до 22 января 1594 г., когда Генсло отмѣтилъ ее какъ новую пьесу въ своемъ дневникѣ. Въ книгопродавческіе списки (Stationer's Registers) она была внесена только 6 февраля 1594 г. Всѣ эти факты вполнѣ устанавливаютъ время появленія „Тита Андроника“, которое должно быть отнесено къ началу января 1594 г.

Доказательства, что въ „Титѣ Андроникѣ“ много заимствованій изъ поэмы Пиля, слишкомъ многочисленны, чтобы можно было воспроизвести ихъ всѣ здѣсь. Отсылаемъ читателя къ помѣщенной въ Shakespeare's Jahrbücher, т. 36 (1900 года) статьѣ Чарльса Кроуфорда (стр. 109—121); изъ этой статьи мы приводимъ лишь нѣсколько наиболѣе поражающихъ сопоставленій поэмы Пиля съ „Титомъ Адроникомъ“. Вотъ, напримѣръ, одно мѣсто изъ поэмы Пиля:

— «Hail, Windsor! Where I sometimes took delight
— In my return from France —
Lo, from the House of Fame, with princely trains
Accompanied, and Kings, and conquerors,
And Knights of proof, loyal and valorous,
I re-salute thee here and gratulate» и т. д.

т. е.:

Привѣтъ тебѣ, Виндзоръ, гдѣ я иногда находилъ отраду
По возвращеніи изъ Франціи.
Смотри, изъ дома славы, выходятъ съ царственнымъ блескомъ
Окруженные свитой, и короли и завоеватели
И доблестные рыцари, вѣрные и мужественные.
Я вновь привѣтствую тебя и поздравляю. и т. д.

Слѣдующее мѣсто въ „Титѣ Андроникѣ“ явное подражаніе приведеннымъ стихамъ:

— «Hail, Rome, victorious in thy mourning weeds!
Lo! as the bark, that hath discharged her fraught,
Returns with precious lading to the bay,

Cometh Andronicus, bound with laurel boughs
To re-salute his country with his tears,
Tears of true joy for his return to Rome».

т. е.:

Привѣтъ тебѣ, о Римъ—побѣдоносный
И въ траурѣ! Подобно кораблю,
Когда, освободясь отъ груза, входитъ
Онъ съ цѣнными товарами въ ту гавань,
Гдѣ якоря онъ поднялъ—такъ Андроникъ,
Вѣнчанный лавромъ родину свою
Привѣтствуетъ счастливыми слезами,
Вернувшись въ Римъ...
(Дѣйствіе I, сц. 3-я, ст. 7—13).

Сходство дѣйствительно очевидное, и странно, что никто не воспользовался этимъ до Кроуфорда для опредѣленія времени созданія „Тита Андроника". Кроуфордъ приводитъ девять цитатъ изъ „Тита Андроника", сопоставляя ихъ съ соотвѣтствующими мѣстами въ поэмѣ Пиля; эти сопоставленія доказываютъ совершенно неопровержимо, что Шекспиръ пользовался поэмой Пиля. Слѣдуетъ отмѣтить еще слѣдующіе обращенные къ Саутгемптону стихи въ „Honour of the Garter":

Then the brave Earls of Stafford and Southampton;
To whose successors, for his sake that lives
And now survives in honour of that name
To whom my thoughts are humble and devote,
Gentle Wriothesly, Southampton's star,
I wish all fortune, that in Cynthia's eye,
Cynthia the glory of the western world,
With all the stars in her fair firmament.
Bright may he rise and shine immortally и т. д.
(The Garter, стихи 209—217).

т. е.:

Тогда явились доблестные герцоги Стафордскій
и Саутгемптонскій;
Его пріемнику, во имя того, который живетъ
Посмертной жизнью въ славѣ своего рода,
Тому, кому смиренно и преданно поклоняется мой умъ,
Любезный Райотсли, звѣзда Саутгемптона,
Тебѣ я желаю все счастье, заключенное во взорѣ Цинтіи,
Цинтіи, красы востока,
И всѣхъ звѣздъ на свѣтломъ небосклонѣ.
Да взойдетъ онъ въ сіяніи и блистаетъ безсмертно.

Въ „Титѣ Андроникѣ" мы встрѣчаемъ въ рѣчи Басціана буквальныя совпаденія съ этимъ обращеніемъ:

Bass.—Marcus Andronicus, so I do affy,
In thy uprightness and integrity,
And so I love and honour thee and thine,
Thy noble brother Titus and his sons,
And her to whom my thoughts are humbled all,
Gracious Lavinia, Rome's rich ornament.
(«Титъ Андроникъ», l. l. ст. 47—52).

т. е.:

Я вѣрю, Маркъ Андроникъ, въ прямоту
И честь твою. Настолько мной любимы
И чтимы мы, и братъ твой съ сыновьями,
Титъ доблестный, и украшенье Рима
Лавинія, *предъ кѣмъ смиряюсь духомъ.*
(«Титъ Андроникъ», Дѣйствіе I, сц. 1, ст. 47—52).

Кроуфордъ прибавляетъ, что слова „украшенье Рима" (Rome's rich ornament), которыми Шекспиръ замѣнилъ выраженіе „звѣзда Саутгемптона", взяты изъ пролога къ поэмѣ Пиля (And clothest Mathesis in richt ornaments). Заимствованія изъ поэмы Пиля въ „Титѣ Андроникѣ" представляютъ большой интересъ; они, быть можетъ, прольютъ нѣкоторый свѣтъ на неразрѣшенный до сихъ поръ вопросъ о соперникѣ Шекспира, упоминаемомъ столь часто въ сонетахъ. Многіе принимали Чапмана за соперника Шекспира въ милостяхъ Саутгемптона, но въ виду данныхъ, открытыхъ Кроуфордомъ, становится весьма вѣроятнымъ, что этимъ соперникомъ былъ Пиль. Рѣшеннымъ этотъ вопросъ нельзя считать, потому что теорія Кроуфорда возникла очень недавно, и не подвергалась еще тщательной провѣркѣ, которая привела бы къ вполнѣ опредѣленнымъ выводамъ. Но во всякомъ случаѣ, изъ сопоставленныхъ имъ датъ вполнѣ выясняются два факта: во 1-хъ,—ни Пиль, ни Гринъ, ни Марло не имѣли никакого отношенія къ „Титу Андронику". Грина и Марло уже не было въ живыхъ въ то время, а что касается Пиля, то годъ его смерти хотя не установленъ, но все что осталось изъ его произведеній, написано до 1594 г. Во 2-хъ, отголоски произведеній Грина, Пиля и Марло въ „Титѣ Андроникѣ" (и по всей вѣроятности также въ „Генрихѣ VI-мъ), прямыя подражанія или заимствованія у нихъ; это объясняетъ также нападки Грина, повторенные потомъ въ прологѣ къ „Honour of the Garter". Одинъ изъ издателей „Shakespere's Jahrbücher", Вольфгангъ Келлеръ весьма рѣшительно утверждаетъ въ примѣчаніи къ статьѣ Кроуфорда, что нападки Грина и Пиля относились къ Шекспиру какъ къ актеру, но ничѣмъ не доказываетъ этого предположенія.

Такимъ образомъ время появленія „Тита Андроника", можно считать вполнѣ установленнымъ. Драма эта относится къ началу

1594 г. Извѣстно, что въ 1596 г. уже появился на сценѣ „Венеціанскій купецъ", въ которомъ Шекспиръ проявилъ полную зрѣлость своего генія. Удивительно поэтому, что только два года раздѣляютъ такое мастерское произведеніе отъ столь грубой, кровожадной пьесы, какъ „Титъ Андроникъ". Но вѣкъ Елисаветы былъ временемъ самыхъ странныхъ контрастовъ. Нѣжная лирическая поэзія этой эпохи увлекла даже суровыхъ воиновъ и искателей приключеній, проводившихъ всю жизнь въ кровавыхъ подвигахъ. И та же публика, которая умилялась и плакала надъ нѣжными любовными сценами, одинаково восторгалась дикими сценами въ „Испанской трагедіи" Кида, или „Іеронимѣ", или въ „Титѣ Андроникѣ". Любовь къ грубому и жестокому—одна изъ характерныхъ чертъ того времени, и какъ это ни прискорбно, нужно признать и Шекспира сыномъ своего времени. Его современники любили кровь на сценѣ, и Шекспиръ, изображающій съ такою нѣжностью и поэтичностью фей въ „Снѣ въ лѣтнюю ночь", и уже готовившійся создать нѣжные образы Джульетты и Порціи, написалъ „Тита Андроника", удовлетворяющаго грубымъ вкусамъ публики. Не слѣдуетъ безразсудно восторгаться всѣмъ, что писалъ Шекспиръ,—эти восторги болѣе повредили славѣ великаго поэта, чѣмъ всѣ нападки его враговъ, и въ значительной степени способствовали нарожденію и развитію такихъ безсмысленныхъ походовъ противъ Шекспира, какова, напримѣръ пресловутая „Бэконовская теорія".

Если безпристрастно вглядѣться во всѣ пьесы Шекспира ранняго періода, то во всѣхъ нихъ отыщутся явные слѣды грубости вкуса. Вся „Комедія ошибокъ" написана въ очень грубомъ тонѣ. Столь же грубы проклятія и ругань Маргариты и другихъ женщинъ въ „Генрихѣ VI-мъ", а также ухаживанія Ричарда III-го за Анной, и весь духъ трагедіи „Ричардъ III-й". „Укрощеніе строптивой", „Виндзорскія кумушки", „Все хорошо, что хорошо кончается",—всѣ эти пьесы, первоначальные наброски которыхъ относятся къ раннему періоду творчества Шекспира, сохраняютъ даже сквозь позднѣйшія переработки неизгладимые слѣды грубости. Даже въ такой пьесѣ, какъ „Два Веронца", первой, въ которой Шекспиръ занялся тонкой психологической разработкой характеровъ,—есть слѣды грубости въ концѣ, гдѣ Валентинъ предлагаетъ уступить Сильвію своему невѣрному другу Протею.

Въ раннихъ пьесахъ Шекспира психологическая разработка характеровъ почти совершенно отсутствуетъ. Поэтъ старается заинтересовать читателей главнымъ образомъ увлекательностью фабулы. Въ „Двухъ Веронцахъ", Шекспиръ пользуется для выясненія характеровъ главныхъ героевъ методомъ контрастовъ, противопоставляя другъ другу рѣзко отличающихся по натурѣ людей. Этотъ пріемъ сохраняетъ болѣе или менѣе во всѣхъ пьесахъ Шекспира, относящихся къ первому или второму періоду, т. е. до „Юлія Цезаря" включительно. Въ „Двухъ Веронцахъ" противопоставлены нетолько Валентинъ и Протей, но также Сильвія и Юлія, и даже Лаунсъ и Спидъ. Но въ „Титѣ Андроникѣ" нѣтъ намека на психологическій анализъ. Въ характерѣ самого героя „Тита Андроника" нѣтъ никакой цѣльности и послѣдовательности. Онъ отомстилъ за своихъ сыновей, убитыхъ на войнѣ, убійствомъ Аларба, сына готской царицы Таморы, и ея отчаянныя мольбы о пощадѣ не умилостивили его. А потомъ, когда она, безъ его помощи, сдѣлалась императрицей, женой Сатурнина, онъ почему-то разсчитываетъ на ея благодарность за то, что онъ возвысилъ ее, плѣнницу, до такого почетнаго положенія:

Но не въ долгу-ль она у человѣка,
Что издали привезъ ее къ величью?
(Дѣйствіе I. сц. 2).

Поступки и чувства Тита не вытекаютъ изъ внутреннихъ психологическихъ причинъ, а вполнѣ зависятъ отъ обстоятельствъ, въ которыя его ставитъ поэтъ. У него нѣтъ характера, и онъ весь во власти внѣшнихъ вліяній. Отсутствіе какой-либо опредѣленности характера еще болѣе поражаетъ въ Таморѣ. Когда опастность угрожаетъ ея сыну, она трогательно молитъ о пощадѣ. Но когда два другихъ ея сына довѣряютъ ей свое намѣреніе обезчестить Лавинію, она совѣтуетъ имъ вырвать языкъ у ихъ жертвы, для того, чтобы она не могла выдать своихъ оскорбленій. Очевидно, что такая безчеловѣчность не совмѣстима съ нѣжнымъ материнскимъ чувствомъ, проявляющимся въ ея мольбахъ о пощадѣ сына. Но Шекспиръ совершенно не заботился о психологической выдержанности характера Таморы, какъ и другихъ дѣйствующихъ лицъ кровавой драмы, разсчитанной на кровожадный вкусъ зрителей. Ааронъ созданъ явно по образцу „Мальтійскаго жида" Марло. Въ драмахъ Марло,

вплоть до „Эдуарда II-го", нѣтъ и намека на разработку характеровъ. Его герои, подобно героямъ стараго французскаго театра, дѣйствуютъ подъ вліяніемъ одной владѣющей ими страсти. Варара, мальтійскій жидъ, и Ааронъ въ „Титѣ Андроникѣ" имѣютъ одну общую черту: ненависть ко всему человѣчеству, и выражаютъ ее почти одними и тѣми же словами. Вотъ слова Аарона:

Подобное проклятье
Къ немногимъ днямъ относится, когда я
Не совершалъ значительнаго зла,
Не убивалъ, не замышлялъ убійства,
Не совершалъ насилья, иль другого
Не подъучалъ къ нему.
(Дѣйствіе V, сц. 2).

И почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, изливаетъ свои чувства Варара въ „Мальтійскомъ жидѣ" (Дѣйствіе II, сц. 2).

Что касается меня, то я выхожу по ночамъ
И убиваю больныхъ, стонущихъ у городскихъ стѣнъ
Иногда я хожу и отравляю колодцы;
А иногда, чтобъ угодить христіанамъ ворамъ
Я готовъ потерять часть моихъ червонцевъ,
Чтобы гуляя по террасѣ моего дома
Смотрѣть, какъ ихъ ведутъ связанными мимо моихъ
дверей.

И Ааронъ и Варава, раскрываютъ свои души передъ зрителями, и съ трогательной наивностью, подобно Ричарду III-му, признаются въ своей низости.

Лавинія представлена въ двухъ совершенно различныхъ видахъ: во 1-хъ, какъ добрая, любящая дочь и жена, а во 2-хъ, въ несравненно менѣе привлекательномъ образѣ, въ сценѣ между ея мужемъ и Таморой гдѣ она напоминаетъ сварливыхъ женщинъ изъ „Ричарда III-го". Шекспиръ и не пытается придать какую-либо цѣльность ея характеру, также, какъ и характерамъ другихъ дѣйствующихъ лицъ „Тита Андроника".

Было бы ошибочно, однако, приписать отсутствіе характеровъ въ „Титѣ Андроникѣ" исключительно молодости Шекспира. Ему было 30 лѣтъ, когда „Титъ Андроникъ" появился на сценѣ. Въ „Ромео и Джульеттѣ", относящейся, по всей вѣроятности, къ позднѣйшимъ мѣсяцамъ того-же 1594 года, характеры разработаны уже съ геніальнымъ мастерствомъ. Въ комедіи „Все хорошо, что хорошо кончается", которую я считаю позднѣйшей разработкой упомянутой Мересомъ въ 1598 году Шекспировской же комедіи „Вознагражденныя усилія любви", есть отголоски прежней грубости: перерабатывая первый набросокъ, Шекспиръ не смогъ вполнѣ уничтожить въ характерѣ Елены, грубость первообраза ея въ ранней пьесѣ. „Титъ Андроникъ", представленный въ 1594 г., быть можетъ тоже былъ переработкой написанной раньше трагедіи. Въ первомъ наброскѣ Люцій былъ Веспасіаномъ, сыномъ Тита Андроника, выбраннымъ потомъ въ римскіе императоры; Тамора, готская царица, была эфіопской царицей, захваченной въ плѣнъ Андроникомъ и привезенной имъ въ Римъ, вмѣстѣ съ ея любовникомъ Ааономъ и ея сыновьями. Лавинія носила имя Андроники. Эта первоначальная версія „Тита Андроника", на которую указываетъ нѣмецкая пьеса, вѣроятно, какъ и первая версія „Вознагражденныхъ усилій любви", повредила разработкѣ характеровъ въ позднѣйшей, окончательной передѣлкѣ трагедіи. Но весьма возможно, что Шекспиръ даже не пытался создать характеры въ „Титѣ Андроникѣ". Выбравъ такой сюжетъ какъ кровавая исторія Тита Андроника, онъ по всей вѣроятности считалъ лишнимъ удѣлять вниманіе разработкѣ характеровъ.

Источникъ, изъ котораго Шекспиръ могъ почерпнуть фабулу „Тита Андроника", пока еще не открытъ.

Мы думаемъ, что „Титъ Андроникъ" всецѣло, отъ начала и до конца, принадлежитъ Шекспиру. Это явствуетъ изъ многихъ общихъ чертъ этой драмы съ другими ранними произведеніями Шекспира. На нѣкоторыя изъ нихъ можно указать. Мы уже сказали, что „Титъ Андроникъ" отдѣленъ отъ „Венеціанскаго купца" всего двумя годами. Но, если сравнить нѣкоторыя характерныя мѣста въ обѣихъ пьесахъ, то передъ нами, какъ бы съ одной стороны робкія попытки неопытнаго юноши, а съ другой — легкость мастера, увѣреннаго въ своихъ силахъ и умудреннаго долгимъ опытомъ. Тамора говоритъ:

Ты хочешь ли бегоподобнымъ стать?
Ты станешь имъ, явивъ мнѣ милосердье.
Лишь въ немъ души величіе.
(Дѣйствіе I, сц. 2).

Какъ это слабо въ сравненіи со словами Порціи въ „Венеціанскомъ купцѣ", но мысль та же.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что приведенное мѣсто, связывающее „Тита" съ „Венеціанскимъ купцомъ" отнюдь не одиноко въ своемъ шекспировскомъ тонѣ. Какъ

хорошо говоритъ Титъ о своихъ сыновьяхъ, спящихъ въ могилѣ:

«Repose you here
Secure from worldly chances and mishaps!
Here lurks no treason, here no envy swells,
Here grow no damned grudges here no storms,
No noise but silence and eternal sleep».

Т. е.: „Покойтесь тутъ. Въ безопасности отъ земныхъ случайностей
И злоключеній вы найдете себѣ здѣсь отдыхъ.
Здѣсь не стережетъ васъ измѣна и не разгорается зависть;
Здѣсь не выростаетъ проклятая злоба, нѣтъ ни бурь, ни шума—только молчаніе и вѣчный сонъ".

Это и многія другія мѣста показываютъ, что „Титъ Андроникъ" носитъ на себѣ такіе слѣды шекспировской руки, въ которыхъ нельзя ошибиться. Даже такіе стихи, какъ:

«My Lord, what I have done, as best I may
Answer I must, and shall do with my life»—

Я, государь, за то, что совершилъ,
Отвѣчу, какъ могу: моею жизнью.
(Дѣйствіе I, сц. 1).

звучатъ для уха привычно, какъ что-то давно нами читанное у Шекспира. Такъ, первый же актъ, состоящій только изъ одной сцены, сразу дѣлаетъ яснымъ, что мы имѣемъ дѣло съ великимъ поэтомъ. Луцій говоритъ въ концѣ акта:

«That what we did was mildly as we might»

Т. е. „То, что мы сдѣлали, было настолько кротко, насколько для насъ возможно".

Это чисто шекспировскій стиль, и онъ выдержанъ во всей пьесѣ, доказывая несомнѣнную связь автора „Тита Андроника" съ мастеромъ, создавшимъ „Венеціанскаго купца", и другими произведеніями ранняго періода Шекспира.

Начало II акта связано общими чертами съ первой частью „Генриха VI-го". Все что Аароиъ говоритъ Таморѣ, вполнѣ напоминаетъ слова Суссекса, обращенныя къ королевѣ Маргаритѣ въ „Генрихѣ VI-мъ". Нѣсколько дальше Деметрій говоритъ:

She is woman, therefore may be wooed;
She is woman, therefore may be won.

Т. е.: „Она женщина, слѣдовательно ее можно желать; она женщина, слѣдовательно, ею можно завладѣть".

Та же мысль встрѣчается въ сонетахъ въ „Генрихѣ VI" и въ „Ричардѣ III". Въ послѣднемъ форма немного измѣнена:

«Was ever woman in this humour wooed?
Was ever woman in this humour won?»

Была-ль когда такъ ведена любовь?
Была-ль когда такъ женщина добыта?
(Дѣйствіе I, сц. 2).

Во второй и третьей сценахъ II акта, въ сценѣ охоты, такъ много истинно шекспировскаго, что даже тѣ, которые отрицаютъ принадлежность „Тита Андроника" Шекспиру, допускаютъ, что эти сцены имъ написаны. Это наиболѣе поэтичныя мѣста во всей пьесѣ, но въ драмѣ есть и помимо нихъ много прекрасныхъ отдѣльныхъ мѣстъ. Такъ какъ 1594 г. составляетъ средину періода Сонетовъ, то неудивительно, что въ „Титѣ Андроникѣ" встрѣчается много отголосковъ шекспировскихъ сонетовъ. Слѣдующіе стихи, напримѣръ, вполнѣ напоминаютъ извѣстное мѣсто въ „Сонетахъ".

O had the monster seen those lily hands
Tremble, like aspen leaves, upon a lute
And make the silken strings delight to kiss them»

Т. е.: „О, если бы чудовище видѣло, какъ эти лилейныя руки
Дрожатъ на лютнѣ, какъ листва осины,
И шелковыя струны въ восторгѣ цѣлуютъ ихъ".
(Актъ II, стр. 4).

Въ третьемъ актѣ есть мѣсто, напоминающее ту сцену „Юлія Цезаря", гдѣ трибуны предлагаютъ Римлянамъ собрать всѣхъ бѣдняковъ и привести ихъ на берегъ рѣки оплакивать смерть Помпея. Приблизительно также въ первой сценѣ III акта Титъ говоритъ:

«And in the fountain shall we gaze so long
Till the fresh taste be taken from that clearness,
And made a brine—pit with our bitter tears»

И будемъ всѣ глядѣть въ него (т. е. въ ручей)
покуда
Свой сладкій вкусъ струи не потеряютъ,
Въ разсолъ—отъ слезъ горячихъ превратясь.

Въ VI актѣ, стихъ

«But let her rest in her unrest awhile—

Но пусть она покоится въ тревогѣ (сц. 2).

первоначально взятый изъ „Іеронима", повторяется въ нѣсколькихъ шекспировскихъ пьесахъ. А слова:

«Although my seal be stamped in his face».

«Хотя моей печатью онъ отмѣченъ».

напоминаютъ одно мѣсто въ „Эдуардѣ III-мъ" (дѣйствіе II сцена I).

«He, that doth clip or counterfeit your stamp,
Shall die, my lord: and will your sacred self
Commit high treason gainst the King of Heaven,
To stamp his image in forbidden metal».

Тотъ, кто урѣзываетъ или поддѣлываетъ вашу печать,
Подвергается казни, государь, а ваша священная особа хочетъ
Свершать предательство Небеснаго Царя,
Отпечатлѣвъ его образъ на недостойномъ металлѣ.

Кромѣ того, въ послѣднихъ актахъ есть много истинно поэтическихъ мѣстъ, которыхъ нельзя привести въ прямую связь съ той или другой опредѣленной пьесой Шекспира.

И вотъ почему, съ какой бы радостью мы ни были готовы переложить отвѣтственность за „Тита Андроника" на какого-нибудь современнаго драматурга,— невозможно отрицать, что рука Шекспира видна во всей пьесѣ. Мы уже знаемъ, что вкусъ одновременно и къ кровавому и къ нѣжному присущъ многимъ изъ современниковъ Шекспира, но такъ какъ такое сочетаніе противоположныхъ качествъ нынѣ для насъ непостижимо, то мы лишь съ большой неохотою соглашаемся приписывать ее Шекспиру. Эта-то неохота и была матерью попытки отрицать авторство его въ нашей пьесѣ. Неблагоразумно, однакоже, смотрѣть на Шекспира, какъ на какую-то литературную Минерву, которая выскочила изъ головы Юпитера зрѣлая и въ полномъ вооруженіи. Такое шекспиропоклонство приноситъ болѣе вреда, чѣмъ добра. Въ дѣйствительности, если мы пустимъ въ ходъ всѣ средства, которыя шекспирологія нашихъ дней даетъ намъ въ руки, для изслѣдованія произведеній нашего поэта, то многое изъ того, что не принадлежитъ его личному генію, отпадетъ, но за то остальное только выиграетъ отъ этого процесса. „Титъ Андроникъ" пропитанъ кровожаднымъ вкусомъ того времени, но въ немъ есть отдѣльныя мѣста большой поэтической красоты, которыя связываютъ его съ прочими произведеніями поэта.

Робертъ Бойль [1]).

---

[1]) Переводъ съ рукописи. См. т. IV, стр. . прим. 2.

ТИТЪ АНДРОНИКЪ.

Дѣйствующія лица:

Сатурнинъ, сынъ послѣдняго римскаго императора.

Вассіанъ, братъ Сатурнина.

Титъ Андроникъ, благородный римлянинъ.

Маркъ Андроникъ, братъ Тита.

Луцій, Квинтъ, Муцій, Марцій — сыновья Тита Андроника.

Публій, сынъ Марка Андроника.

Эмилій, благородный римлянинъ.

Аларбъ, Деметрій, Хиронъ — сыновья Таморы.

Ааронъ, мавръ.

Военачальникъ, трибунъ, вѣстникъ шутъ, римляне.

Тамора, царица готовъ.

Лавинія, дочь Тита Андроника.

Кормилица и черный ребенокъ.

Родственники Тита, трибуны, сенаторы, вожди, воины, служители.

Мѣсто дѣйствія—Римъ и окрестности Рима.

ДѢЙОТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Трубы. Трибуны и сенаторы на верху. Входятъ съ одной стороны Сатурнинъ *и его приверженцы, съ другой*—Вассіанъ *и его приверженцы. Развѣвающіяся знамена, барабанный бой.*

Сатурнинъ.

Достойные патриціи и правъ
Моихъ оплотъ. Сограждане, друзья,
Доставьте мнѣ мечомъ своимъ наслѣдье.
Я—первородный сынъ того, кто въ Римѣ
Носилъ послѣднимъ цезарскій вѣнецъ.
Во мнѣ отца величья оживете,
Правъ старшинства постыдно не поправъ.

Вассіанъ.

О, римляне, приверженцы, друзья,—
Коль скоро взору царственнаго Рима
Былъ Вассіанъ, сынъ цезаря, любезенъ—
Храните здѣсь вы въ Капитолій входъ,
Не потерпѣвъ, чтобъ къ цезарскому трону,
Что посвященъ добру и благородству,
И правотѣ—приблизилось безчестье.
Пусть выборомъ заслуги озарятся,
Сразитесь же за вашъ свободный выборъ.

Наверху показывается Маркъ Андроникъ *съ короною въ рукахъ.*

Маркъ Андроникъ.

Вы, съ помощью друзей и партій, принцы,
Стремящіеся къ власти и вѣнцу,
Узнайте: римскимъ цезаремъ народъ,
Что представляемъ нами—избираетъ
Андроника того единогласно,
Кѣмъ за его великія заслуги
Получено отъ римлянъ имя Пія.
Достойнѣйшаго мужа, и бойца
Храбрѣйшаго—нѣтъ въ городскихъ стѣнахъ.
Сенатомъ онъ съ войны отозванъ трудной,
Которую ведетъ онъ противъ готовъ.
Онъ съ сыновьями—ужасомъ враговъ—

РѢЧЬ САТУРНИНА.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Смирилъ народъ воинственный и сильный,
И десять лѣтъ минуло, какъ защитой
Онъ Риму сталъ, казня враговъ гордыню
Оружіемъ. Пять разъ онъ возвращался
Израненный, и привозилъ въ гробу
Онъ сыновей отважныхъ съ поля брани.
Обремененный почестями, нынѣ
Вернулся въ Римъ Андроникъ добрый, Титъ
Прославленный—въ разцвѣтѣ славы ратной.
Итакъ, молю отъ имени того,
Кому бы вы преемника желали
Достойнаго, во имя правъ сената
И Капитолія, цѣнимыхъ вами—
Васъ разойтись и, положивъ оружье,
И распустивъ друзей, заслуги ваши
Отстаивать, какъ подобаетъ
Простителямъ, въ смиреніи и мирѣ.

САТУРНИНЪ.

Какъ мой порывъ смиряетъ рѣчь трибуна!

ВАССІАНЪ.

Я вѣрю, Маркъ Андроникъ, въ прямоту
И честь твою. Настолько мной любимы

И чтимы ты и братъ твой съ сыновьями—
Титъ доблестный, и украшенье Рима—
Лавинія, предъ кѣмъ смиряюсь духомъ,
Что преданныхъ друзей я распущу
И возложу я на вѣсы народной
Ко мнѣ любви и счастья—выборъ мой.
(Приверженцы Вассіана уходятъ).

САТУРНИНЪ.

Благодарю, стоявшіе за право
Мое, друзья. Я распускаю васъ.
Любви и благосклонности отчизны—
Себя ввѣряю и мои права.

(Приверженцы Сатурнина уходятъ).

Будь милостивъ и справедливъ, о Римъ,
Какъ я тебѣ почтительно довѣрчивъ.
Откройте же ворота мнѣ.

ВАССІАНЪ.

Трибуны,
Пусть я взойду, какъ скромный соискатель.

Вассіанъ и Сатурнинъ входятъ въ сенатъ и Капитолій.

СЦЕНА II.

Тамъ-же.

Входятъ ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ *и другіе.*

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Дорогу, римляне! Андроникъ добрый,
Охрана добродѣтели и лучшій
Воитель нашъ, побѣдоносный въ битвахъ,
Со славою изъ тѣхъ вернулся странъ,
Гдѣ онъ провелъ мечомъ своимъ границу
И наложилъ на недруговъ ярмо.

Трубы и барабаны. Входятъ два сына ТИТА *за ними люди, несущіе гробъ, покрытый чернымъ. За гробомъ* ТИТЪ АНДРОНИКЪ, *потомъ* ТАМОРА *съ* АЛАРВОМЪ, ХИРОНОМЪ, ДЕМЕТРІЕМЪ, ААРОНОМЪ *и другими плѣнными готами, воины и народъ. Гробъ ставятъ на землю.*

ТИТЪ АНДРОНИКЪ.

Привѣтъ тебѣ, о Римъ—побѣдоносный
И въ траурѣ! Подобно кораблю,
Когда, освобождясь отъ груза, входитъ
Онъ съ цѣнными товарами въ ту гавань,
Гдѣ якоря онъ поднялъ—такъ Андроникъ,
Вѣнчанный лавромъ—родину свою
Привѣтствуетъ счастливыми слезами,
Вернувшись въ Римъ. Присутствіемъ почти,
Защитникъ Капитолія великій,
Обрядъ, что здѣсь готовится. О Римъ,
Изъ двадцати пяти сыновъ отважныхъ—
(Пріамъ имѣлъ ихъ вдвое)—вотъ остатки
Живыхъ и мертвыхъ. Тѣхъ, кто уцѣлѣлъ—
Пусть Римъ родной вознаградитъ любовью,
А тѣхъ, кого везу въ пріютъ послѣдній—
Могилами среди ихъ предковъ. Готы
Позволили оружье мнѣ сложить.
Жестокій Титъ, безчувственный къ ближайшимъ,
Допустишь ли сыновъ непогребенныхъ
Блуждать вдоль грозныхъ Стикса береговъ?
Съ ихъ братьями ихъ положите рядомъ.

(Склепъ открываютъ).

Привѣтъ безмолвный мертвымъ подобаетъ!
За родину вы пали, спите съ миромъ.
Всѣхъ радостей вмѣстилище святое,
И доблести, и благородства храмъ—
Сколькихъ сыновъ берешь ты у меня
Съ тѣмъ, чтобы ихъ не возвратить во вѣки.

ЛУЦІЙ.

Дай плѣнника знатнѣйшаго изъ готовъ,
Чтобы мы его, на части изрубивъ,
Ad manes fratrum на кострѣ сожгли
Передъ земной темницей ихъ костей,
И тѣни ихъ, найдя успокоенье,
Не стали-бъ насъ тревожить на землѣ.

ТИТЪ.

Знатнѣйшаго даю изъ всѣхъ живущихъ,
Онъ—старшій сынъ царицы злополучной.

ТАМОРА.

Постойте, братья римляне! О, Титъ,
Великій побѣдитель, надъ слезами,
Которыя льетъ мать о сынѣ—сжалься.
Когда любилъ ты сыновей,—подумай,
Что своего не меньше я люблю.
Ужели не довольно, что подвластнымъ
Тебѣ и гнету римскому—ведутъ
Насъ въ Римъ за тѣмъ, чтобы твой тріумфъ украсить?
Но сверхъ того на улицѣ падетъ
Мой сынъ за то, что защищалъ отчизну?
Когда стоять за власть и государство
Священный долгъ, онъ и для насъ таковъ.
Титъ, не пятнай своей могилы кровью!
Ты хочешь ли богоподобнымъ стать?
Ты станешь имъ, явивъ мнѣ милосердье.
Лишь въ немъ—души величіе. О, трижды
Великій Титъ, надъ первенцемъ ты сжалься.

ТИТЪ.

Смирись, царица, и прости меня.
Предъ вами здѣсь—живые братья тѣхъ,
Которыхъ готы мертвыми видали,

И требуютъ благочестиво жертвы
За умерщвленныхъ братьевъ. Обреченъ
Твой первенецъ и умереть онъ долженъ,
Чтобъ страждущія тѣни успокоить.

Луцій.

Увесть его! И тѣло на кострѣ
Мечомъ рубить до той поры мы будемъ,
Пока оно не обратится въ пепелъ.

(*Уходятъ съ Аларбомъ Луцій, Квинтъ, Марцій и Муцій*).

Тамора.

Какой обрядъ безбожный и жестокій.

Хиронъ.

И Скиѳія бывала ль вполовину
Столь варварской.

Деметрій.

Съ честолюбивымъ Римомъ
Не сравнивай ее. Покой—Аларбу,
А мы въ живыхъ останемся затѣмъ,
Чтобъ трепетать предъ грознымъ взоромъ Тита.
Будь твердою, царица, уповай,
Что боги тѣ, при помощи которыхъ
Троянская царица отомстила
Въ его шатрѣ фракійскому тирану—
Дадутъ возможность и царицѣ готовъ
(Когда была царицею Тамора,
А готы были готами),—съ врагомъ
За кровныя обиды расплатиться.

Возвращаются Луцій, Квинтъ, Марцій *и* Муцій *съ окровавленными мечами.*

Луцій.

Отецъ и вождь! Мы римскій нашъ обычай
Исполнили. Изрубленные члены
И внутренность Аларба—служатъ пищей
Для пламени, чей дымъ восходитъ къ небу,
Какъ фиміамъ. Теперь схоронимъ братьевъ,
Привѣтствуя ихъ въ Римѣ звукомъ трубъ.

Титъ.

Да будетъ такъ. И къ душамъ ихъ Андроникъ
Здѣсь обратитъ послѣднее прости.

(*Трубы. Тѣли вносятъ въ склепъ*).

Сыны мои, со славой спите въ мирѣ.
Покойтесь, Рима лучшіе бойцы,
Вдали отъ всѣхъ случайностей и бѣдствій!
Не сторожитъ измѣна здѣсь, и зависть
Съ проклятою враждою—не растетъ.
Нѣтъ шума, бурь, но—вѣчный сонъ, безмслвье!
Сыны мои, со славой спите въ мирѣ.

Входитъ Лавинія.

Лавинія.

Титъ доблестный, живи съ почетомъ, въ мірѣ
Ты много лѣтъ! Отецъ и повелитель,
Живи со славой. На могилу братьевъ
Обычную дань слезъ я приношу;
У ногъ твоихъ я проливаю слезы
Отъ счастія, что ты вернулся въ Римъ.
Благослови меня рукой побѣдной,
Которую цвѣтъ римскихъ гражданъ славитъ.

Титъ.

Съ любовью, Римъ, чтобъ радовать мнѣ сердце—
Ты старости утѣху сохранилъ.
Лавинія, переживи отца,
Твоя же добродѣтель—вѣчность славы.

Входятъ Маркъ Андроникъ, Вассіанъ, Сатурнинъ *и др.*

Маркъ.

Да здравствуетъ мой братъ любимый Титъ,
Любезный взорамъ римлянъ побѣдитель!

Титъ.

Благодарю, трибунъ, мой братъ достойный!

Маркъ.

Племянники, съ побѣдами и васъ
Привѣтствую: живыхъ и спящихъ въ славѣ.
Патриціи, что обнажали мечъ
За родину—вы счастіемъ сравнялись,
Но торжество вѣрнѣйшее—посмертно:
Съ нимъ счастія Солона вы достигли,
На ложѣ смерти восторжествовавъ
Надъ каждою случайностью. Андроникъ,
Народъ, кому ты вѣрнымъ другомъ былъ,
Черезъ посредство своего трибуна,
Шлетъ палліумъ, что непорочно бѣлъ,
Тебя въ число наслѣдниковъ престола
Съ наслѣдниками цезаря включивъ.
Надѣнь его—и помоги главу
Ты Риму дать, который обезглавленъ.

Титъ.

Нужна для тѣла славнаго глава
Получше той, которая трясется
Отъ слабости и лѣтъ. Уборъ надѣну,
Чтобъ васъ смутить? Сегодня буду избранъ
Я съ кликами, а завтра же сложу
Я власть и жизнь, вамъ снова давъ заботу?
Римъ, за тебя я бился сорокъ лѣтъ
И счастливо военной силой правилъ,
И витязями ставшихъ въ полѣ ратномъ,
Съ оружіемъ за Римъ погибшихъ съ честью—
Изъ сыновей я двадцать одного
Похоронилъ. Почетный посохъ дайте,

Не скипетръ мнѣ—чтобъ міромъ управлять:
Его держалъ послѣдній цезарь твердо.

Маркъ.
Потребуй, Титъ, и царство ты получишь.

Сатурнинъ.
Что знаешь ты, трибунъ честолюбивый?

Титъ.
Терпѣнье, принцъ.

Сатурнинъ.
Явите справедливость
Мнѣ, римляне. Мечи вы обнажите,
Патриціи, и не влагайте ихъ,
Покуда я не буду императоръ.
О, лучше бы сошелъ Андроникъ въ адъ
Чѣмъ у меня отнять сердца народа.

Луцій.
Принцъ гордый! Титъ великодушный хочетъ
Тебѣ добра, а ты ему мѣшаешь..

Титъ.
Они къ тебѣ вернутся, еслибъ даже
Отъ нихъ самихъ отторгнулъ я сердца.

Бассіанъ.
Андроникъ, я не льщу тебѣ, но буду
Тебя до смерти чтить. Когда своими
Друзей моихъ захочешь подкрѣпить —
Признателенъ тебѣ я буду вѣчно,
Для славныхъ же признательность—награда.

Титъ.
Народъ, и вы, достойные трибуны!
Свои права и голоса, къ другу,
Андронику хотите ли вручить?

Трибуны.
Чтобъ добраго Андроника почтить,
Вернувшагося въ Римъ благополучно—
Народъ ему предоставляетъ выборъ.

Титъ.
Благодарю, трибуны, и прошу,
Чтобъ избранъ былъ принцъ Сатурнинъ.
Онъ старшій
Сынъ цезаря, и доблести его
Римъ озарятъ, какъ лучъ Титана—землю;
При немъ въ странѣ созрѣетъ правосудье.
Вѣнчайте же его при восклицаньяхъ:
— Да здравствуетъ нашъ цезарь Сатурнинъ.

Маркъ.
По выбору, съ согласья всѣхъ сословій:
Плебеевъ и патриціевъ—возводимъ
Въ санъ цезаря мы принца Сатурнина.
Да здравствуетъ нашъ цезарь Сатурнинъ!
(Трубы).

Сатурнинъ.
Въ награду, Титъ Андроникъ, за услуги,
Оказанныя при избраньѣ намъ—
Благодарю тебя и докажу
Признательность на дѣлѣ. Чтобъ возвысить
Твой славный родъ—намѣреваюсь, Титъ,
Лавинію императрицей сдѣлать,
Владычицей души моей и Рима,
Бракъ заключивъ въ священномъ Пантеонѣ.
Такая мысль—по сердцу ли тебѣ?

Титъ.
Да, государь. Такой союзъ считаю
Высокою я честью для себя.
И здѣсь, въ виду у Рима, посвящаю
Я Сатурнину, цезарю, главѣ
Имперіи и властелину міра—
Мой мечъ и плѣнныхъ съ колесницей: даръ,
Что цезаря великаго достоинъ.
Прими, какъ дань, трофеи нашей славы,
Которыя несу къ твоимъ ногамъ.

Сатурнинъ.
Благодарю, Титъ благородный, жизни
Моей отецъ! Горжусь тобой и даромъ,
Свидѣтель—Римъ. И если я забуду
Малѣйшую изъ тѣхъ заслугъ безцѣнныхъ—
Вы, римляне, забудьте вѣрность мнѣ.

Титъ *(Таморѣ)*.
Царица, вы—у цезаря въ плѣну.
Согласно сану вашему, онъ съ вами
И вашими—поступитъ благородно.

Сатурнинъ.
Красавица, какую я избралъ бы,
Когда бы могъ я снова избирать
Прекрасная царица, проясни
Ликъ сумрачный. Хотя войны случайность—
Причиною подобной перемѣны,
Являешься ты въ Римъ не на позоръ,
И всѣ въ тебѣ царицу будутъ видѣть.
Довѣрься мнѣ, да не спугнетъ печаль
Надеждъ твоихъ. Кто нынѣ утѣшаетъ—
Тотъ болѣе, чѣмъ готскою царицей
Тамору можетъ сдѣлать. На меня
Лавинія за это не въ обидѣ?

Лавинія.
Нѣтъ, государь. Порукой—благородство,
Что эта рѣчь—лишь цезаря учтивость.

Сатурнинъ.
Благодарю, Лавинія. Идемъ.
Безъ выкупа мы плѣнныхъ отпускаемъ.
Да возвѣстятъ избранье звукомъ трубъ.

Бассіанъ *(схватываетъ Лавинію)*.
Титъ доблестный, дозволь! Она—моя.

Титъ.
Какъ, принцъ? Ты вправду это говоришь?

Вассіанъ.
Да, славный Титъ, я право отстою,
И окажу себѣ я правосудье.

Маркъ.
Suum cuique—въ римскомъ правѣ есть.
И собственность беретъ нашъ принцъ по праву.

Луцій.
И сохранитъ—покуда Луцій живъ.

Титъ.
Измѣнники! Гдѣ стража государя?
Похищена Лавинія, о цезарь!

Сатурнинъ.
Похищена? Кѣмъ?.

Вассіанъ.
Кто по праву можетъ
У каждаго отнять свою невѣсту.

(Уходятъ Маркъ и Вассіанъ съ Лавиніей).

Муцій.
Увесть ее мнѣ помогите, братья,
Я у дверей съ мечомъ посторожу.

(Уходятъ Луцій, Квинтъ и Марцій).

Титъ.
За мною, цезарь! Я верну ее!

Муцій.
Ты не пройдешь, отецъ!

Титъ.
Мальчишка дерзкій!
Путь преграждать мнѣ въ Римѣ!

Муцій.
Помогите!

(Титъ убиваетъ Муція).

Луцій *(возвращается)*.
Отецъ, ты больше, чѣмъ несправедливъ.
Ты умертвилъ въ неправомъ спорѣ сына.

Титъ.
Ни ты, ни онъ—не сыновья мнѣ больше,
Позора мнѣ не нанесли-бъ они.
Верни, измѣнникъ, цезарю невѣсту.

Сатурнинъ.
Нѣтъ, Титъ, ни въ ней, а также ни въ тебѣ,
Ни въ комъ изъ васъ я—цезарь—не нуждаюсь.
Я вѣру дамъ тому, кѣмъ одураченъ
Однажды былъ, но не тебѣ съ твоими
Измѣнниками сыновьями: вы
Мнѣ нанести безчестье сговорились.
Иль не нашли, помимо Сатурнина,
Вы никого другого на потѣху?
Твои поступки съ похвальбой согласны
Отродья твоего. Онъ говорилъ,
Что я тебѣ моимъ вѣнцомъ обязанъ.

Титъ.
Чудовищно! Упрекъ подобный—мнѣ?

Сатурнинъ.
Ступай своей дорогою. Свободно
Отдай тому ты вѣтреницу эту,
Кто за нее размахивалъ мечомъ.
Достойный зять, способный въ стачкѣ быть
Съ мятежными твоими сыновьями,
Чтобъ затѣвать въ предѣлахъ Рима смуты

Титъ.
Такая рѣчь для раны въ сердцѣ—ножъ.

Сатурнинъ.
Царица готовъ, милая Тамора!
Какъ свѣтлая Діана—нимфъ своихъ,
Прекраснѣйшихъ ты римлянокъ затмила.
Когда тебѣ внезапный выборъ милъ—
Тебя своей невѣстой избираю
И дѣлаю императрицей Рима.
Одобришь ли, царица, выборъ мой?
Клянусь богами римскими: затѣмъ,
Что близко жрецъ, священная вода,
Пылаютъ ярко свѣчи и готово
Для Гименея все—что улицъ Рима
Я не хочу увидѣть, не вступлю
Я въ свой дворецъ, покуда, обвѣнчавшись,
Не приведу съ собой моей супруги.

Тамора.
Когда почтитъ царицу готовъ цезарь—
Передъ лицомъ небесъ клянусь я Риму
Рабою быть его желаній, нянькой
И матерью для юныхъ лѣтъ его.

Сатурнинъ.
Вступи, царица, въ Пантеонъ; идете,
Патриціи, за вашимъ государемъ
И славною невѣстою его,
Что Сатурнину небо шлетъ, премудро
Надъ долей злой побѣду одержавъ.
Тамъ нашъ обрядъ вѣнчальный совершится.

(Уходятъ Сатурнинъ и его свита, Тамора, ея сыновья, Ааронъ и готы).

Титъ.
Я не былъ званъ сопутствовать невѣстѣ.
Когда бывалъ столь одинокимъ Титъ,
Несчастіемъ подавленъ и позоромъ?

Входятъ Маркъ, Луцій, Квинтъ *и* Марцій.

Маркъ.
Что сдѣлалъ ты, о Титъ? Въ неправомъ спорѣ
Ты доблестнаго сына умертвилъ.

Титъ.
Не сына моего, глупецъ трибунъ.
Въ тебѣ и въ нихъ—участникахъ дѣянья,
Которое нашъ родъ позоритъ—вижу
Я сыновей и братьевъ недостойныхъ.

Луцій.
Дозволь его намъ съ честью схоронить,
Пусть съ братьями своими ляжетъ Муцій.

Титъ.
Измѣнники, назадъ! Онъ здѣсь не ляжетъ.
Гробница эта пять вѣковъ стоитъ,
Я памятникъ возобновилъ богато,
Гдѣ лишь бойцы и слуги Рима съ честью
Покоятся, не тѣ, кто жертвой распри
Постыдно палъ. Его похороните,
Гдѣ можете: онъ не войдетъ сюда.

Маркъ.
Безбожно это, братъ мой. Говорятъ
За Муція его дѣянья. Долженъ
Быть съ братьями онъ вмѣстѣ погребенъ.

Квинтъ.
И будетъ онъ, иль мы пойдемъ за братомъ.

Титъ.
И будетъ? Кто былъ негодяй, сказавшій
Такое слово?

Квинтъ.
И его готовъ
Онъ подтвердить повсюду, но не здѣсь.

Титъ.
Вы мнѣ на зло внести его хотите?

Маркъ.
Нѣтъ, славный Титъ, тебя мы умоляемъ
Его простить и здѣсь похоронить.

Титъ.
Маркъ, даже ты въ мой шлемъ ударилъ!
Вмѣстѣ
Съ мальчишками—ты ранилъ честь мою,
И всѣхъ я васъ врагами почитаю.
Ступайте прочь! Меня вы не тревожьте.

Маркъ.
Онъ—внѣ себя. Уйдемъ.

Квинтъ.
Я не уйду,
Пока похороненъ не будетъ Муцій.
(*Маркъ и сыновья Тита преклоняютъ колѣни*).

Маркъ.
Братъ, именемъ его природа молитъ.

Квинтъ.
Въ немъ говоритъ она съ тобой, отецъ.

Титъ.
Умолкни ты, иль прочимъ будетъ хуже.

Маркъ.
Титъ доблестный! Въ тебѣ души моей—
Часть большая...

Луцій.
Отецъ, душа и тѣло
Всѣхъ насъ...

Маркъ.
Дозволь, чтобъ здѣсь, гдѣ добродѣтель
Свила гнѣздо, твой братъ похоронилъ
Племянника достойнаго, который
За честь свою и за сестру погибъ.
Ты—римлянинъ, и варваромъ не будешь.
Вѣдь греками по обсужденьи былъ
Похороненъ Аяксъ самоубійца,
О чемъ просилъ Лаэрта мудрый сынъ.
Утѣхою твоей былъ юный Муцій,
Не заграждай же входъ ему сюда.

Титъ.
Встань, Маркъ, я дня ужаснѣй не знавалъ:
Я сыновьями въ Римѣ опозоренъ.
Пускай—его, затѣмъ—меня схоронятъ.
(*Муція опускаютъ въ могилу*).

Луцій.
Съ друзьями здѣсь покойся, милый Муцій,
Пока трофеемъ не украсимъ гробъ.

Всѣ.
О Муціѣ достойномъ пусть не плачутъ:
Кто съ честью палъ—со славою живетъ.

Маркъ.
Великій Титъ—чтобъ мысли намъ отвлечь
Отъ страшныхъ бѣдъ, скажи, какъ удалось
Возвыситься царицѣ хитрой готовъ?

Титъ.
Не знаю, Маркъ, но знаю: это такъ.
Лукавство или нѣтъ—извѣстно небу.
Но не въ долгу ль она у человѣка,
Что издали привезъ ее къ величью?
Его она вознаградитъ достойно.

Трубы. Входятъ съ одной стороны Сатурнинъ, Тамора, Хиронъ, Деметрій *и* Аарон; *съ другой*—Вассіанъ, Лавинія *и другіе.*

Сатурнинъ.
Ну, Вассіанъ, ты выигралъ. Дай Богъ,
Чтобъ ты нашелъ съ супругой милой счастье.

Вассіанъ.
А ты—съ твоей. Ни меньшихъ пожеланій,
Ни большихъ словъ нѣтъ, цезарь, у меня.
И съ тѣмъ тебя оставлю я.

Сатурнинъ.
Измѣнникъ!
Когда законъ есть въ Римѣ, а у насъ—
Могущество, ты съ партіей твоею
Поплатишься за это похищенье.

Вассіанъ.
Взять собственность—ужели похищенье?
Любовь мою, теперь—мою жену?
Пусть римскій нашъ законъ рѣшаетъ дѣло,
Пока—беру, что мнѣ принадлежитъ.

Сатурнинъ.
Ты съ нами грубъ и если будемъ живы—
Не менѣе съ тобой поступимъ рѣзко.

Вассіанъ.
Я, государь, за то, что совершилъ—
Отвѣчу, какъ могу: моею жизнью,
Но я, во имя долга передъ Римомъ,
Скажу тебя одно лишь: благородный
Патрицій Титъ—былъ въ чести оскорбленъ
И доброй славѣ. Возвратить желая
Лавинію тебѣ, своей рукою
Онъ младшаго изъ сыновей убилъ—
Въ усердіи къ тебѣ, разгнѣванъ тѣмъ,
Что даръ его свободный отнимаютъ.
Верни ему ты милость, Сатурнинъ,
Во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ отцомъ
И другомъ былъ онъ для тебя и Рима.

Титъ.
Принцъ Вассіанъ, не защищай меня,
Я былъ тобой и ими опозоренъ.
Мнѣ Римъ—судья и праведное небо,
Въ томъ, какъ любилъ и чтилъ я Сатурнина.

Тамора.
О, государь, для царственныхъ очей
Когда была любезною Тамора—
Дозволь мнѣ быть судьею безпристрастнымъ,
Молю тебя все прошлое простить.

Сатурнинъ.
Какъ? Претерпѣть открыто поруганье
И низкимъ быть, врагу не отомстивъ?

Тамора.
Да не допустятъ боги Рима, цезарь,
Чтобъ на тебя я навлекла позоръ!
Но собственною честью отвѣчаю
Я за невинность доблестнаго Тита:
Гнѣвъ искренній его—порука въ томъ.
Прошу тебя, будь къ Титу благосклоненъ,
Столь доблестнаго друга не теряй
Лишь въ силу подозрѣній. Хмурымъ взоромъ
Ты преданное сердце не язви.
(Тихо Сатурнину).
Послушайся меня, его помилуй,
Мой государь. Скрой гнѣвъ и недовольство:
Ты только что вступилъ на свой престолъ,
Народъ, а съ нимъ—патриціи, по правдѣ
Все обсудивъ, за Тита могутъ встать,
Тебя низвергнувъ за неблагодарность,
Которая для римлянъ—худшій грѣхъ.
Склонись къ мольбѣ, мнѣ предоставь свободу:
День выберу, чтобъ всѣхъ ихъ перерѣзать,
Стереть съ земли весь родъ ихъ и друзей,
Жестокаго отца, сыновъ коварныхъ.
О жизни сына я молила ихъ,
Пусть вѣдаютъ, что значитъ—заставлять
На площади царицу на колѣняхъ
Напрасно ихъ о милости молить.
(Громко). Ну, государь, Андроникъ добрый, полно.
Ты старца подними, ободри сердце,
Застывшее подъ тою бурей гнѣва,
Что вызвалъ ты нахмуреннымъ челомъ.

Сатурнинъ.
Встань, Титъ, побѣда—за императрицей.

Титъ.
Васъ, государь, благодарю обоихъ.
Отъ этихъ словъ и взоровъ я ожилъ.

Тамора.
Титъ, съ Римомъ я слилась. Себѣ на счастье—
Я римлянкою стала, и должна
Давать совѣты цезарю благіе.
Сегодня—смерть раздорамъ всѣмъ, Андроникъ.
Дозволь же мнѣ гордиться, добрый Титъ
Что я тебя съ друзьями примирила.
А за тебя, принцъ Вассіанъ, я слово
И обѣщанье цезарю дала,
Что станешь ты уступчивѣй и мягче.
Патриціи, Лавинія, не бойтесь:
Совѣтую смиренно на колѣняхъ
У цезаря прощенье испросить.

Луцій.
Готовы мы. Клянемся передъ Богомъ

И цезаремъ: насколько лишь могли,
Мы дѣйствовали мирно, охраняя
И честь сестры, и собственную нашу.

МАРКЪ.
Въ томъ завѣряю честью.

САТУРНИНЪ.
Прочь отсюда!
Довольно словъ. Не докучайте намъ.

ТАМОРА.
Нѣтъ, добрый цезарь. Будемъ всѣ друзьями.
Они прощенья просятъ на колѣняхъ.
Я не хочу отказа. Оглянись.

САТУРНИНЪ.
Маркъ, для тебя и брата твоего
И ради просьбъ возлюбленной Таморы—
Проступки ихъ, безбожные простить
Я юношамъ согласенъ. Встаньте всѣ.
Лавинія, хотя меня коварно
Ты бросила—подругу я нашелъ
И клятву далъ я вѣрную, какъ смерть,
Что не уйду изъ храма неженатымъ.
Когда нашъ дворъ двухъ новобрачныхъ приметъ,
Лавинія съ друзьями—наша гостья.
День нынѣшній, Тамора,—день любви.

ТИТЪ.
А завтра, если цезарю угодно
Травить со мной оленя и пантеру,
Привѣтствовать мы будемъ съ добрымъ утромъ
Васъ лаемъ псовъ и звуками роговъ.

САТУРНИНЪ.
Пусть будетъ такъ. Благодаримъ тебя.
(Трубы. Всѣ уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Тамъ же. Передъ дворцомъ.

Входитъ ААРОНЪ.

ААРОНЪ.
Достигнута Таморой высь Олимпа.
Возсѣла тамъ она—защищена
Отъ стрѣлъ судьбы, ударовъ грома, молній,
И блѣдная тамъ не грозитъ ей зависть.
Какъ солнце въ часъ, когда, встрѣчая утро,
И океанъ лучами золотя,
По зодіаку въ свѣтлой колесницѣ
Оно летитъ поверхъ высокихъ горъ—
Тамора такова.
Земной почетъ—дань мудрости ея,
Нахмуритъ бровь—предъ ней трепещетъ доблесть.
Настрой же духъ и сердце, Ааронъ,
Чтобъ съ царственной любовницею вмѣстѣ
Возвыситься. Ты плѣнницею долго
Въ цѣпяхъ любви ее съ тріумфомъ велъ,
Прикованной къ очамъ твоимъ прекраснымъ
Надежнѣе, чѣмъ Прометей—къ скалѣ.
Прочь, рабскій духъ и рабскія одежды!
Хочу блистать я въ жемчугахъ и златѣ,
Съ тѣмъ, чтобъ служить императрицѣ новой.
Служить? О, нѣтъ! Съ царицей наслаждаться,
Съ богинею, Семирамидой, нимфой,
Сиреною, плѣнившей Сатурнина,
Несущей гибель Риму и ему.
Что тамъ за шумъ?

Входятъ ДЕМЕТРІЙ *и* ХИРОНЪ, *ссорясь.*

ДЕМЕТРІЙ.
Не достаетъ ума
Годамъ твоимъ, уму же—остроты.
Ты ломишься туда, гдѣ благосклонность,
А можетъ быть— и склонность я встрѣчаю.

ХИРОНЪ.
Деметрій, ты во всемъ самодѣянъ
И хвастовствомъ смутить меня желаешь.
Не разница въ одномъ иль въ двухъ годахъ
Меня лишитъ пріятности, даруя
Тебѣ успѣхъ. Способенъ я, какъ ты,
Служить моей возлюбленной и милость
Тѣмъ заслужить. Пусть докажу оружьемъ
Я на любовь Лавиніи права.

ААРОНЪ.
Плетей сюда, чтобъ помирить влюбленныхъ!

ДЕМЕТРІЙ.
Эй, мальчуганъ, затѣмъ, что нацѣпила
Напрасно мать тебѣ игрушку мечъ—

ААРОНЪ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Ты сталъ грозить отчаянно друзьямъ?
Вложи въ ножны свой дѣтскій мечъ, покуда
Не выучишься лучше имъ владѣть.

ХИРОНЪ.

До той поры и съ маленькимъ умѣньемъ
Я покажу тебѣ, на что гожусь.

ДЕМЕТРІЙ.

Храбришься ты, мальчишка!
(Обнажаютъ мечи).

ААРОНЪ.

Что жъ это?
Вблизи дворца мечи въ подобной ссорѣ
Открыто вы рѣшаетесь извлечь?
Мнѣ поводъ къ ней извѣстенъ, и милльона
Не взялъ бы я, чтобъ тѣмъ онъ сталъ извѣстенъ,
Кому всего онъ ближе. Ваша мать
Достойная и больше не взяла бы,
Чтобъ при дворѣ покрыть себя позоромъ!
Стыдитесь, мечъ вложите.

ДЕМЕТРІЙ.

Нѣтъ, покуда
Не погружу я въ грудь ему меча
И тѣхъ рѣчей назадъ не втисну въ глотку,
Которыми онъ здѣсь меня порочилъ

Хиронъ.
Я жду тебя, безчестный трусъ-ругатель.
Лишь языкомъ перуны сыплешь ты,
Но въ дѣло мечъ пустить ты не дерзаешь.

Аароиъ.
Стой, говорю я вамъ! Клянусь богами,
Которыхъ чтутъ воинственные готы:
Погубитъ васъ пустая эта распря.
Иль посягать на право Васcіана —
Опаснымъ вамъ не кажется? Иль стала
Лавинія настолько развращенной,
И низкимъ—Вассіанъ, что но страшась
Вмѣшательства за правду и возмездья—
Вы ссоритесь изъ-за ея любви?
Въ чемъ суть игры—узнай императрица,
Ей музыка не по душѣ придется.

Хиронъ.
Пускай она и цѣлый міръ узнаютъ!
Лавинія дороже мнѣ, чѣмъ міръ.

Деметрій.
Молокососъ, будь въ выборѣ скромнѣе:
Она—надежда брата твоего.

Аароиъ.
Безумны вы? Не знаете, насколько
Нетерпѣливы римляне и пылки?
Соперниковъ въ любви не терпятъ здѣсь.
Готовите себѣ такимъ поступкомъ
Вы тысячу смертей.

Хиронъ.
На нихъ пойду я,
Чтобъ овладѣть возлюбленной моею.

Аароиъ.
Какъ овладѣть?

Деметрій.
Вѣдь женщина она,
Ухаживать за нею, значитъ, можно,
А женщиной и овладѣть возможно.
Лавинія—она, и значитъ надо
Ее любить. На мельницѣ воды
Побольше утечетъ, чѣмъ знаетъ мельникъ...
Разрѣзанъ хлѣбъ—стащить кусокъ легко.
Пусть Вассіанъ—братъ цезаря: носили
Вулкановъ знакъ и лучшіе, чѣмъ онъ.

Аароиъ *(про себя)*.
Да. Равные быть можетъ Сатурнину.

Деметрій.
Что жъ приходить въ отчаянье, когда,
При помощи рѣчей и нѣжныхъ взоровъ
И щедрости—ухаживать умѣешь?
Иль не умѣлъ ты, серну подстрѣливъ,
Ее унесть у стража изъ-подъ носу?

Аароиъ.
Сдается мнѣ: была бы въ похищеньи
Удача вамъ?

Хиронъ.
Да, если-бъ удалось.

Деметрій.
Ты въ цѣль попалъ.

Аароиъ.
Да, вы-то не попали,
Не то шумѣть не стали-бъ попустому.
Послушайте, ужели вы такъ глупы,
Чтобъ ссориться? Досадно ль будетъ вамъ,
Когда обоимъ повезетъ?

Хиронъ.
Нисколько.

Деметрій.
Ничуть—когда однимъ изъ нихъ я буду.

Аароиъ.
Стыдитесь же! Дружнѣй! Соединитесь
Изъ-за того, что разлучаетъ васъ.
Лишь ловкостью и хитростью добьетесь
Вы своего. Рѣшиться вы должны.
Нельзя достичь путемъ желаннымъ цѣли,
Добейтесь же ее путемъ возможнымъ.
Лукреція сама была не чище
Лавиніи, подруги Вассіана.
Чѣмъ безъ пути томиться и вздыхать—
Кратчайшій путь намъ слѣдуетъ избрать.
Готовится блестящая охота
Въ присутствіи красавицъ римскихъ, принцы.
Удобныя въ лѣсу тропинки есть,
Безлюдные глухіе уголки,
Что созданы природой для насилій.
Лань нѣжную, сманивъ туда, добейтесь
Вы своего—не словомъ, такъ насильемъ.
Такъ, иль никакъ. Императрицѣ нашей,
Что посвятила мести и насилью
Священный умъ—разскажемъ обо всемъ.
Она совѣтъ въ орудье наше вложитъ,
И ссориться онъ не допуститъ васъ,
Но вознесетъ на высоту желаній.
Дворъ цезаря—подобенъ храму славы,
Онъ полонъ глазъ, ушей и языковъ;
Безжалостны—лѣса, зловѣщи, глухи.
Кричите тамъ, разите, храбрецы,
И случаемъ для утоленья страсти
Воспользуйтесь. Вдали отъ взоровъ неба—
Лавиніи красою насладитесь.

Хиронъ.
Трусливостью не пахнетъ твой совѣтъ.

ДЕМИТРІЙ.
Sit fas aut nefas впредь до нахожденья
Источника, чтобъ жажду утолить,
Иль чаръ такихъ, что украшаютъ страсти.
(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Лѣсъ.

(Рога и лай собакъ).

Входятъ ТИТЪ АНДРОНИКЪ *съ охотниками,* МАРКЪ, ЛУЦІЙ, КВИНТЪ *и* МАРЦІЙ.

ТИТЪ.
Охота начата, лазурно утро
И зеленъ лѣсъ, поля благоухаютъ.
Спустить собакъ, чтобъ цезаря съ прекрасной
Его супругой лай ихъ разбудилъ
И поднялъ принца. Затрубите въ рогъ
Такъ, чтобъ ему отвѣтомъ было эхо.
Вашъ долгъ, сыны, а также нашъ—усердно
Здѣсь цезаря особу охранять.
Сегодня въ ночь я былъ во снѣ встревоженъ,
Но юный день отрадой вѣетъ вновь.

Рога трубятъ. Входятъ САТУРНИНЪ, ТАМОРА, ВАССІАНЪ, ЛАВИНІЯ, ХИРОНЪ, ДЕМЕТРІЙ *и свита.*

ТИТЪ.
Рядъ добрыхъ дней желаю государю,
И столько же, императрица, вамъ.
Охотничій привѣтъ вамъ обѣщалъ я.

САТУРНИНЪ.
Патриціи, онъ весело звучалъ,
Но можетъ быть для новобрачныхъ—рано?

ВАССІАНЪ.
Что скажешь ты, Лавинія?

ЛАВИНІЯ.
О, нѣтъ!
Ужъ большедвухъ часовъ, какъя проснулась.

САТУРНИНЪ.
Подайте же коней и колесницы,
И—въ путь! Томара, римскую охоту
Увидишь ты.

МАРКЪ.
Мои собаки, цезарь,
Сильнѣйшую изъ всѣхъ пантеръ поднимутъ,
На высшую изъ горъ онѣ взбѣгутъ.

ТИТЪ.
Погонится мой конь за звѣремъ всюду
И по полямъ онъ ласточкой летитъ.

АНГЛ. АКТРИСА XVIII ВѢКА УЭЛЬСЪ (M-rs Wells) ВЪ РОЛИ ЛАВИНІИ.

Рисунокъ извѣстнаго англ. художника Гамильтона (W. Hamilton, R. A., 1751—1801).

ДЕМЕТРІЙ.
Охотимся мы безъ коней и своры,
Въ надеждѣ лань-красотку затравить.
(Уходятъ).

СЦЕНА III.

ААРОНЪ *входитъ съ мѣшкомъ золота.*

ААРОНЪ.
Въ комъ разумъ есть—сочтетъ меня безумнымъ
За то, что столько золота зарылъ я
Подъ деревомъ, лишась его навѣкъ.
Но обо мнѣ судящій недостойно—
Пусть вѣдаетъ, что хитрость я кую
Изъ золота: подведена искусно,
Она родитъ прекраснѣйшую гнусность.
О, золото любезное, покойся
На безпокойство тѣмъ, кто изъ шкатулки
Царицыной—получитъ эту помощь.
(Зарываетъ въ землю золото подъ деревомъ).

Входитъ Тамора.

Тамора.

Мой Ааронъ, что жъ такъ печаленъ ты
Межъ тѣмъ, какъ все такъ радостно ликуетъ?
На каждомъ изъ кустовъ щебечутъ птицы,
Въ сіяньѣ солнца грѣется змѣя,
Дрожатъ листы отъ дуновенья вѣтра
И пятнами отъ нихъ ложится тѣнь.
Въ тѣни отрадной сядемъ, Ааронъ.
Покуда псовъ болтливо дразнитъ эхо,
На звукъ роговъ визгливо отзываясь,
Какъ будто бы мы двѣ охоты слышимъ—
Присядемъ здѣсь, внимая лаю псовъ.
За схваткою такой же вслѣдъ, какою
Скиталецъ-принцъ съ Дидоной наслаждались,
Когда, грозой застигнуты счастливой,
Укрылися они въ глухой пещерѣ—
Забудемся въ объятіяхъ другъ друга
Сномъ золотымъ, пока рога и псы,
И птицы сладкозвучныя—намъ будутъ
Той пѣсенкой, какую напѣваетъ
Кормилица, чтобъ усыпить дитя.

Ааронъ.

Царица, ты въ желаніяхъ своихъ
Подчинена Венерѣ, я—Сатурну.
Что значитъ взоръ мой, мертвенно недвижный,
Молчаніе мое и мрачный видъ?
Зачѣмъ мои развившіяся кудри—
Подобье змѣй, что кольца развернули,
Готовясь казнь ужасную свершить?
Царица, нѣтъ! То не Венеры знаки.
Въ рукѣ моей и въ сердцѣ—только мщенье,
Отмщенье, кровь—стучатъ въ мозгу моемъ.
Тамора, ты души моей царица,
Въ тебѣ одной себѣ нашелъ я небо.
Погибнетъ принцъ, его же Филомела
Лишится языка, и непорочность
Ея ограбивъ, сыновья твои
Омоютъ руки кровью Вассіана.
Вотъ здѣсь письмо, возьми его, прошу,
И цезарю отдай зловѣщій свитокъ.
Не спрашивай. За ними наблюдаютъ.
Но вотъ идетъ добычи нашей часть,
Не вѣдая о гибели грозящей.

Тамора.

О, милый мавръ! Ты жизни мнѣ милѣй!

Ааронъ.

Молчи, императрица! Съ Вассіаномъ
Ты споръ затѣй. О чемъ бы рѣчь ни шла—
Но сыновья твои тебя поддержатъ.
(*Уходитъ*).

Входятъ Вассіанъ *и* Лавинія.

Вассіанъ.

Кто это? какъ? Императрица Рима
Безъ свиты царской? Можетъ быть—Діана,
Которая, подобно ей одѣта,
Покинула священной рощи сѣнь,
Чтобъ цезаря охоту здѣсь увидѣть?

Тамора.

Поступковъ нашихъ дерзкій соглядатай!
Будь у меня Діаны власть—немедля
Рогами я вѣнчала бы твой лобъ,
Какъ было съ Актеономъ, и собаки
Твои преобразившіеся члены
На части разорвали бы, наглецъ!

Лавинія.

Прекрасная императрица, слышно—
Умѣешь ты рогами надѣлять.
И для того уединилась съ мавромъ
Конечно ты, чтобъ опытъ произвесть.
Юпитеромъ хранимъ да будетъ цезарь,
Не то сочтутъ его оленемъ псы.

Вассіанъ.

Царица, вѣдь, твой черный киммеріецъ
И честь твою запачкаетъ въ противный
И грязный цвѣтъ, цвѣтъ тѣла своего.
Зачѣмъ теперь, всю свиту отпустивъ,
Сошла ты съ бѣлоснѣжнаго коня,
И, взявъ съ собой лишь варварскаго мавра,
Являешься въ лѣсную глушь, когда
Не гнусная тебя приводитъ похоть?

Лавинія.

И потому, что ей мѣшалъ въ забавахъ—
За дерзость былъ супругъ мой благородный
Здѣсь поносимъ! Уйдемъ! Пусть насладится
Она любовью—черною, какъ воронъ.
Для этого пригоднѣй мѣста нѣтъ.

Вассіанъ.

Но цезарю оно извѣстно будетъ.

Лавинія.

Оно уже дало ему извѣстность.
О, добрый государь! Такой обманъ?

Тамора.

Какъ я сносить все это въ состояньи!

Входятъ Деметрій *и* Хиронъ.

Деметрій.

О, наша мать, любезная царица,
Что жъ такъ блѣдна и такъ печальна ты?

Тамора.

Но какъ не быть мнѣ блѣдною, скажите?
Меня сюда тѣ двое затащили,

Въ глухія дебри дикія. Деревья
Здѣсь высохли, заглохли—даже лѣтомъ,
И поросли омелой вредной, мхомъ...
Здѣсь солнца нѣтъ, и нѣтъ живущихъ: только
Съ полночною совой зловѣщій филинъ.
И показавъ мнѣ этотъ гнусный ровъ,
Они сказали, что глухою ночью
Здѣсь тысячи бѣсовъ и змѣй шипучихъ
Должны поднять такой ужасный крикъ,
Что слышавшій его любой изъ смертныхъ—
Сойдетъ съ ума, иль въ тотъ же мигъ умретъ.
Вслѣдъ за разсказомъ, привязать меня
Къ зловѣщему они хотѣли тису,
Чтобъ смертью я ужасною погибла,
И подлою прелюбодѣйкой звали,
Распутной готкой, всякими словами,
Какія уху слышать довелось.
И если-бъ вы чудесно не явились—
Исполнили-бъ они свою угрозу.
Коль скоро мать вамъ дорога—отмстите,
Иль васъ дѣтьми не буду я считать.

ДЕМЕТРІЙ.

Что я—твой сынъ, доказываетъ это.
(*Закалываетъ Басціана*).

ХИРОНЪ.

И также я, чтобъ силу показать.
(*Тоже наноситъ ударъ Басціану*).

ЛАВИНІЯ.

И ты ударь, Семирамида! Нѣтъ,
Вѣрнѣй: Тамора варварская! Имя
Одно твое—вполнѣ тебя достойно.

ТАМОРА.

Дай мнѣ кинжалъ, и за свою обиду
Ей ваша мать своей рукой воздастъ.

ДЕМЕТРІЙ.

Царица, стой! Ей мало смерти: зерна
Обмолоти, потомъ солому жги...
Супружескою вѣрностью своею
И чистотой красавица кичится
Всѣмъ на показъ, и, положась на нихъ,
Она бросаетъ вашей мощи вызовъ,
Ужель она сойдетъ въ могилу съ ними?

ХИРОНЪ.

Когда сойдетъ—пусть евнухъ буду я!
Стащи скорѣй ея супруга въ ровъ:
Пусть трупъ его намъ служитъ изголовьемъ.

ТАМОРА.

Желанный медъ отвѣдайте, но жить
Нельзя пчелѣ—она ужалить можетъ.

ДЕМЕТРІЙ.

Клянусь, что мы себя обезопасимъ.

ПОХИЩЕНІЕ ЛАВИНІИ.

Картина англійскаго художника Вудфорда (S. Woodforde, R. A., 1764–1817). (Малая Бойделевская Галерея).

Красавица, идемъ. Той чистотой,
Что ты блюла—мы насладимся нынѣ.

ЛАВИНІЯ.

Вѣдь обликомъ ты—женщина, Тамора!

ТАМОРА.

Я не хочу внимать ей. Взять ее!

ЛАВИНІЯ.

Просите, принцы милые, чтобъ слово
Она одно дозволила сказать!

ДЕМЕТРІЙ.

Дозволь, царица, и ея слезами
Потѣшь себя, но твердой, какъ кремень
Предъ каплями дождя—ты оставайся.

ЛАВИНІЯ.

Гдѣ видано, чтобъ мать училъ тигренокъ?
Она тебя жестокости учила,
И ты сосалъ не молоко, а мраморъ,
Ты у груди ея позналъ жестокость,
Но не всегда на мать походитъ сынъ.
(*Хирону*).
Пусть женскую у ней найду я жалость.

ХИРОНЪ.
Какъ? Незаконнымъ сыномъ буду я?

ЛАВИНІЯ.
Да. Ласточку не высидитъ ворона!
Но знаю я—о, если-бъ такъ случилось!—
Дозволила растроганная львица
Себѣ обрѣзать царственные когти,
А брошенныхъ птенцовъ ворона кормитъ,
Забывъ своихъ голодныхъ воронятъ.
О, будь ко мнѣ ты, сердцу вопреки,
Не столь добра, но только милосердна.

ТАМОРА.
Не знаю я, что это значитъ. Прочь!

ЛАВИНІЯ.
Дай научить тебя! Во имя Тита,
Что могъ убить и пощадилъ тебя—
Молю: смягчись и слухъ открой къ моленьямъ.

ТАМОРА.
Не будь тобой оскорблена я даже—
Изъ-за него тебя не пощажу.
Сыны мои, лила я тщетно слезы,
Чтобъ жертвою не сдѣлался вашъ братъ,
Свирѣпый же Андроникъ не смягчился.
Увесть ее! И чѣмъ вы хуже съ нею
Поступите—тѣмъ вы милѣе мнѣ!

ЛАВИНІЯ.
Будь доброю царицей, о Тамора,
Убей меня своей рукой на мѣстѣ!
Молю тебя такъ долго не о жизни.
Я съ Вассіаномъ вмѣстѣ умерла.

ТАМОРА.
Безумная! О чемъ ты молишь? Прочь!

ЛАВИНІЯ.
Молю я смерти, и еще другого,
Что женственность моя назвать мѣшаетъ.
Спаси меня отъ ихъ желаній: смерти
Они страшнѣй, и въ яму сбрось меня,
Гдѣ не найдутъ мой трупъ людскіе взоры,—
И будешь ты—убійцей милосердной.

ТАМОРА.
Утѣху ихъ отнять у сыновей?
Пусть на тебѣ ихъ похоть утолится.

ДЕМЕТРІЙ.
Впередъ! И такъ ты долго держишь насъ.

ЛАВИНІЯ.
Нѣтъ жалости, нѣтъ женственности тоже!
Звѣриное отродье! Ты—позоръ
И врагъ всему, что женщиной зовется...
Проклятіе!

ХИРОНЪ.
Тебѣ заткну я ротъ! *(Увлекаетъ ее).*
Тащи ея супруга. Вотъ та яма,
Гдѣ Ааронъ велѣлъ его зарыть.
(Уходитъ съ Лавиніей).

ТАМОРА.
Прощайте же. Себя обезопасьте.
Пусть радости я сердцемъ не узнаю,
Пока живетъ хотя одинъ Андроникъ.
Пусть въ раздраженьи сыновья мои
Невинности лишаютъ эту тварь—
Иду искать плѣнительнаго мавра.
(Уходитъ).

СЦЕНА IV.

Входятъ ААРОНЪ, КВИНТЪ *и* МАРЦІЙ.

ААРОНЪ.
Сюда! Скорѣй! Прибавьте шагу. Прямо
Къ ужасному я рву васъ приведу,
Гдѣ подстерегъ я спящую пантеру.

КВИНТЪ.
Затмился взоръ..! Что это означаетъ?

МАРЦІЙ.
И у меня. Когда бы не стыдился—
Я бросилъ бы охоту и заснулъ.
(Падаетъ въ ровъ).

КВИНТЪ.
Какъ? Ты упалъ? Предательская яма,
Прикрытая терновникомъ густымъ,
А на листахъ—пролитой крови капли,
Столь свѣжія, какъ на цвѣтахъ—роса.
Но, падая, ты не расшибся, братъ?

МАРЦІЙ.
О, братъ, разбилось сердце у меня
Отъ зрѣлища, котораго ужаснѣй
Не видѣлъ взоръ, чтобъ сердце сокрушить!

ААРОНЪ *(про себя).*
За цезаремъ иду. Найдя ихъ здѣсь,
Весьма легко предположить онъ можетъ,
Что братъ его былъ ими умерщвленъ.
(Уходитъ).

МАРЦІЙ.
Что жъ не ободришь? Не поможешь мнѣ
Изъ ямы выйти—оскверненной кровью?

КВИНТЪ.
Мной овладѣлъ какой то странный ужасъ.
Я весь дрожу, холодный потъ... И сердце
Мнѣ больше говоритъ, чѣмъ видитъ взоръ.

Марцій.
Чтобъ доказать, какъ сердце правду чуетъ—
Ты съ Аарономъ въ яму загляни,
Гдѣ смерть и кровь глазамъ твоимъ предстанутъ.

Квинтъ.
Его здѣсь нѣтъ, а состраданье въ сердцѣ
Очамъ глядѣть на то не дозволяетъ,
Предчувствіе чего ввергаетъ въ дрожь.
Скажи, что это? Раньше, какъ ребенокъ,
Я не дрожалъ предъ тѣмъ, чего не знаю.

[Марцій.
Принцъ Вассіанъ—зарѣзанъ, какъ овца,
Лежитъ въ крови, подобно мертвой грудѣ—
Въ проклятомъ, темномъ, полномъ крови рву.

Квинтъ.
Но въ темнотѣ какъ узнаешь ты принца?

Марцій.
На пальцѣ окровавленномъ надѣто
Кольцо, чей блескъ пещеру озаряетъ
И—факелу подобно въ темномъ склепѣ—
Землистыя ланиты мертвеца
И рытвины пещеры освѣщаетъ.
Такъ озаренъ луною былъ Пирамъ,
Когда лежалъ, залитый кровью дѣвы.
Братъ, помоги мнѣ слабою рукой,
Когда ее ослабилъ ужасъ—выйти
Изъ жаднаго вмѣстилища: противно
Оно, какъ пасть туманнаго Коцита.

Квинтъ.
Дай руку мнѣ, я помогу тебѣ,
А если силъ не хватитъ—упаду я
Въ прожорливыя нѣдра этой ямы,
Гдѣ схороненъ несчастный Вассіанъ.
Не въ силахъ я помочь тебѣ подняться.

Марцій.
А безъ тебя подняться я не въ силахъ.

Квинтъ.
Дай руку мнѣ, иль выйти помогу я
Тебѣ наверхъ, иль внизъ я упаду.
Не можешь выйти? Я иду къ тебѣ!
(Падаетъ въ яму).

Входятъ Сатурнинъ *и* Ааронъ.

Сатурнинъ.
Впередъ, за мной! Какая это яма—
Хочу я знать, и кто упалъ въ нее?
Скажи, кто ты—спустившійся недавно
Въ зіяющую впадину земли?

Марцій.
Несчастный сынъ Андроника! Сюда я
Въ недобрый часъ попалъ, чтобъ видѣть мертвымъ
Здѣсь Вассіана, брата твоего.

Сатурнинъ.
Онъ мертвъ? Но нѣтъ, ты пошутилъ? Съ женою
Онъ въ хижинѣ охотничьей, стоящей
На сѣверѣ густого лѣса, былъ
Лишь часъ тому назадъ оставленъ нами.

Марцій.
Гдѣ онъ живымъ оставленъ былъ—не знаю,
Но мертвымъ здѣсь онъ мною былъ найденъ.

Входятъ Тамора, Титъ Андроникъ *и* Луцій.

Тамора.
Гдѣ цезарь—мой супругъ?

Сатурнинъ.
Онъ здѣсь, Тамора,
Но горестью смертельной пораженъ.

Тамора.
А гдѣ твой братъ?

Сатурнинъ.
Ты проникаешь въ рану
До глубины... Онъ здѣсь лежитъ убитый.

Тамора.
Итакъ, зловѣщій свитокъ опоздалъ!
(Отдаетъ письмо).
Тамъ рѣчь идетъ объ этой ранней смерти.
Дивлюсь тому, какъ можетъ быть улыбка
Убійственной жестокости личиной!

Сатурнинъ *(читаетъ)*.
„А если-бъ мы его, охотникъ милый,
„Не встрѣтили достойно—(Вассіана:
„Хочу сказать)—ему могилу вырой.
„Ты понялъ насъ? Ищи свою награду
„Въ крапивѣ ты, у корня бузины,
„Отверстіе пещеры осѣнившей,
„Гдѣ мы зарыть рѣшили Вассіана.
„Сверши,—и въ насъ друзей найдешь навѣкъ".
Гдѣ слыхано подобное, Тамора?
Вотъ яма здѣсь, а вотъ и бузина.
Ищите! Здѣсь охотникъ не найдется ль,
Что Вассіана долженъ былъ убить?

Ааронъ.
Вотъ съ золотомъ мѣшокъ, о цезарь!
(Показываетъ мѣшокъ).

САТУРНИНЪ *(Титу)*.

Двое
Твоихъ щенковъ породы кровожадной
Жизнь отняли у брата моего.
Въ темницу ихъ! Пускай они томятся,
Пока для нихъ не выдумаютъ казни,
Какой еще на свѣтѣ не бывало.

ТАМОРА.

Какъ? Здѣсь во рву они? О, чудеса!
И какъ легко открылось злодѣянье!

ТИТЪ.

Великій цезарь! На колѣняхъ слабыхъ
Молю въ слезахъ, что льются не легко—
Сыновъ моихъ проклятыхъ преступленье,
Проклятыхъ, если доказать его...

САТУРНИНЪ.

Какъ—доказать? Но это очевидно.
Кѣмъ поднято письмо? Тобой, Тамора?

ТАМОРА.

Нѣтъ, поднято Андроникомъ оно.

ТИТЪ.

Да, Цезарь. Все жъ прими мою поруку.
Клянусь тебѣ отцовъ гробницей чтимой:
Ты повелишь—и головой отвѣтятъ
Они за то, въ чемъ обвиняютъ ихъ.

САТУРНИНЪ.

Поруки не приму. Иди за нами.
Убитаго съ убійцами возьмите.
Пускай молчатъ, вина ихъ очевидна.
Клянусь душою: существуй конецъ
Грознѣй, чѣмъ смерть—я такъ бы съ ними
кончилъ.

ТАМОРА.

Андроникъ, буду цезаря просить.
Не сдѣлаютъ дурного имъ. Не бойся.

ТИТЪ.

Не обращайся, Луцій, къ нимъ. Идемъ.
(Уходятъ въ разныя стороны).

СЦЕНА V.

Входятъ ДЕМЕТРІЙ *и* ХИРОНЪ *съ* ЛАВИНІЕЙ, *надъ которою совершено насиліе, Кисти рукъ ея отрублены и языкъ отрѣзанъ.*

ДЕМЕТРІЙ.

Ступай теперь. Пусть твой языкъ разска-
жетъ,
Кто языка лишилъ тебя, и чести!

ХИРОНЪ.

Что думаешь—пиши, когда дозволятъ
Тебѣ твои обрубки стать писакой.

ДЕМЕТРІЙ.

Смотри, она каракулекъ наставитъ.

ХИРОНЪ.

Ступай омыть водой душистой руки.

ДЕМЕТРІЙ.

Нѣтъ языка—спросить воды, и рукъ—
Чтобъ ихъ омыть. Пускай гуляетъ молча.

ХИРОНЪ.

Будь такъ со мной—повѣсился бы я.

ДЕМЕТРІЙ.

Будь руки у тебя, чтобъ сдѣлать петлю.
(Деметрій и Хиронъ уходятъ).

Входитъ МАРКЪ.

МАРКЪ.

Кто тутъ? Ужель поспѣшно убѣгаетъ
Племянница? Постой! Гдѣ твой супругъ?
О, если сплю, все дамъ я, чтобъ проснуться,
А если я не сплю—пускай свѣтило
Сразитъ меня, чтобъ вѣчнымъ сномъ заснулъ!
Племянница, какой рукой жестокой
Обрублены у стана твоего
Краса его, прелестныя двѣ вѣтки?
Подъ сѣнью ихъ цари почить желали,
Но не могли любви твоей блаженства
Они достичь. Что жъ ты не говоришь?
Увы, струя горячей алой крови,
Подобная ручью, что пѣнитъ вѣтеръ—
Межъ алыхъ губъ твоихъ то выступаетъ,
То пропадаетъ, вмѣстѣ поднимаясь
И падая съ твоимъ дыханьемъ нѣжнымъ.
Тебя Терей новѣйшій опозорилъ
И вырѣзалъ языкъ—чтобъ скрыть слѣды.
Ахъ, отъ стыда ты отвращаешь ликъ,
И несмотря на всю потерю крови,
Струящейся изъ трехъ отверзтыхъ ранъ—
Оно какъ ликъ Титана пламенѣетъ,
Когда предъ нимъ клубятся облака.
Я за тебя отвѣчу ль:—это такъ?
Знай истину, и звѣря знай я также —
Его убивъ, я снялъ бы съ сердца гнетъ.
Скорбь тайная—съ закрытой печью схожа:
Сжигаетъ въ пепелъ сердце, гдѣ таится.
Лишь языка лишилась Филомела,
И вышиваньемъ выразила мысль;
Отрѣзано тебѣ и это средство:
Ты встрѣтила хитрѣйшаго Терея.
Вѣдь не отрѣжь онъ нѣжные персты—
Ты вышила-бъ искуснѣй Филомелы.

При видѣ рукъ лилейныхъ, трепетавшихъ
Какъ листья тополей, касаясь лютни,
Чьи струны ихъ съ восторгомъ цѣловали,
Чудовище—чтобъ жизнь свою спасти—
Не тронуло бы ихъ. Услышь оно
Твоихъ рѣчей гармонію святую,
Ножъ выронивъ, оно, какъ раньше Церберъ
У ногъ пѣвца—у ногъ твоихъ заснуло-бъ.
Пойдемъ, и пусть ослѣпнетъ твой отецъ—
При зрѣлищѣ такомъ отецъ ослѣпнетъ.
Лишь часъ грозы—затоплены луга;
За мѣсяцъ слезъ что жъ станется съ глазами?
Не уходи, мы будемъ плакать вмѣстѣ.
О, если-бъ скорбь я облегчилъ твою!
(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Римъ. Улица.

Входятъ СЕНАТОРЫ *и* СУДЬИ *съ* МАРЦІЕМЪ *и* КВИНТОМЪ *связанными. Ихъ ведутъ къ мѣсту казни.* ТИТЪ *идетъ впереди, умоляя.*

ТИТЪ.

Послушайте, о мудрые отцы!
Трибуны благородные, постойте
Изъ жалости къ годамъ того, чья юность
Прошла среди опасныхъ войнъ, покуда
Вы безопасность знали и покой.
Во имя всей за Римъ пролитой крови,
И всѣхъ ночей безъ сна и на морозѣ,
Во имя этихъ горькихъ слезъ, текущихъ
Межъ старческихъ морщинъ—явите жалость
Моимъ приговореннымъ сыновьямъ!
Не такъ они испорчены, какъ судятъ.
О двадцати двухъ первыхъ я не плакалъ:
На ложѣ чести умерли они.
Объ этомъ же, трибуны, начертаю
Я здѣсь въ пыли скорбь сердца со слезами
Души моей.
(Бросается на землю).
Пусть жаждущую землю
Онѣ польютъ. Кровь чистая сыновъ
Ее краснѣть заставитъ отъ стыда.
(Сенаторы, трибуны и др. уходятъ съ осужденными).
Земля, дождемъ, струящимся изъ этихъ
Двухъ старыхъ урнъ—полезнѣй буду
Всѣхъ ливней я апрѣля молодого.
Тебя кропить я стану въ лѣтній зной;
Снѣгъ растопивъ слезой горючей въ зиму,
Твой ликъ я подарю весною вѣчной,
Не пей лишь крови сыновей моихъ.
Входитъ ЛУЦІЙ *съ обнаженнымъ мечомъ.*

ТИТЪ.

О, старцы, сердцемъ кроткіе, трибуны
Почтенные! Съ сыновъ снимите узы
И отмѣните смертный приговоръ.
Пусть—никогда не плакавшій—скажу я,
Что слезы—всѣхъ ораторовъ сильнѣй.

ЛУЦІЙ.

О, доблестный отецъ, напрасно плачешь.
Трибуновъ нѣтъ, никто тебя не слышитъ,
Ты скорбь свою разсказываешь камнямъ.

ТИТЪ.

О, Луцій, дай за сыновей молить.
Я вновь прошу, о мудрые трибуны...

ЛУЦІЙ.

Тебя, отецъ, никто изъ нихъ не слышитъ.

ТИТЪ.

Не все ль равно? Услышь они—внимать
Не стали-бъ мнѣ, а если бы и вняли,
Не захотѣли-бъ сжалиться, но долженъ,
Будь это тщетнымъ, я молить, и вотъ—
Я скорбь мою разсказываю камнямъ.
Хотя на скорбь не могутъ отозваться,
Но всетаки они трибуновъ лучше
Затѣмъ, что рѣчь мою не прерываютъ.
У ногъ моихъ они, сбирая слезы,
Какъ будто бы со мною вмѣстѣ плачутъ.
И будь они въ одеждахъ пышныхъ—въ Римѣ
Имъ равныхъ бы трибуновъ не нашлось.
Вѣдь камень—воскъ, трибуны—жестче камня:
Безмолвствуетъ, не оскорбляетъ камень,
Въ словахъ трибуна—смертный приговоръ.
(Встаетъ).
Но почему свой мечъ ты обнажилъ?

ЛУЦІЙ.

Отъ смерти я хотѣлъ избавить братьевъ,
И—вѣчному изгнанью осужденъ.

ТИТЪ.

Счастливецъ ты! Тебѣ явили милость.

О, глупый Луцій! Иль не видишь ты,
Что Римъ—скопленье тигровъ, и добыча
Нужна для нихъ, а нѣтъ помимо насъ
Добычи имъ. Какъ счастливъ ты, что изгнанъ
Отъ хищниковъ. Но съ Маркомъ кто идетъ?

Входятъ Маркъ и Лавинія.

Маркъ.

Титъ! Слезы лей изъ старческихъ очей,
А если нѣтъ—пусть сердце разорвется:
Несу тебѣ губительное горе.

Титъ.

Оно меня погубитъ? Гдѣ жъ оно?

Маркъ.

Вотъ это—дочь была твоя.

Титъ.

И есть.

Луцій.

О, страшный видъ! Меня онъ убиваетъ.

Титъ.

Ребенокъ малодушный! Встань, гляди.
Лавинія, скажи: рукой проклятой
Въ глазахъ отца кто рукъ тебя лишилъ?
Подлилъ воды какой безумецъ въ море?
Въ пылающую Трою дровъ подбросилъ?
До твоего прихода скорбь моя
Достигла высоты. Подобно Нилу,
Теперь она изъ береговъ выходитъ.
Дай мечъ, себѣ я руки отрублю,
За Римъ они сражалися напрасно,
Меня кормя, вскормили эту скорбь,
И съ тщетною мольбою простирались,
Для цѣли мнѣ служили безполезной.
Одной отъ нихъ услуги жду: одна
Пусть отрубить другую мнѣ поможетъ.
Лавинія, счастливѣй ты безъ рукъ:
На службѣ Риму руки безполезны.

Луцій.

Скажи, сестра, тебя кто изувѣчилъ?

Маркъ.

Орудье мыслей дивное, которымъ
Она съ такимъ чудеснымъ краснорѣчьемъ
Ихъ выражала—вырвано теперь
Изъ опустѣвшей клѣтки, гдѣ оно,
Какъ птица сладкогласная, плѣняло
Мелодіей разнообразной слухъ.

Луцій.

Отвѣть же за нее: чье это дѣло?

Маркъ.

Ее въ лѣсу блуждающей я встрѣтилъ,
Убѣжища она искала, словно
Неизцѣлимо раненая лань.

Титъ.

О, лань моя! Онъ—ранившій ее—
Разитъ меня больнѣй, чѣмъ ножъ убійцы.
Я—словно тотъ, что стоя на скалѣ,
Пустыней моря окруженный, видитъ,
Какъ за волной волна—растетъ приливъ,
И ждетъ, что валъ завистливый поглотитъ
И закрутитъ его въ соленыхъ нѣдрахъ.
Вотъ здѣсь на казнь прошли мои сыны,
Вотъ сынъ другой, изгнанью обреченный,
Вотъ плачущій о нашемъ горѣ братъ,
Но та, чей видъ меня сильнѣе ранитъ—
Лавинія, что мнѣ души дороже.
Предстань ты мнѣ такой въ изображеньи—
Я обезумѣлъ бы. Какъ поступлю,
Когда тебя такою въ жизни вижу?
Рукъ лишена, чтобъ слезы утереть,
И языка—чтобъ палача намъ выдать.
Твой мужъ убитъ, а братьевъ осужденныхъ
За эту смерть—теперь уже казнили.
Смотрите, Маркъ и Луцій! Какъ только
Назвалъ я братьевъ—на ея щекахъ
Вновь заблистали слезы, какъ роса
Медовая на лиліи увядшей.

Маркъ.

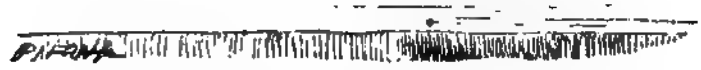
О томъ ли плачетъ, что рукою ихъ
Убитъ супругъ, иль—зная ихъ невинность?

Титъ.

Когда убитъ онъ ими—торжествуй:
Законъ свершилъ онъ возмездіе надъ ними.
Но, нѣтъ, они невинны въ гнусномъ дѣлѣ:
Порукою—печаль сестры. Дозволь
Тебя въ уста поцѣловать, знакъ сдѣлай:
Чѣмъ облегчить печаль твою могу?
Желаешь ты, чтобъ дядя твой и Луцій
И ты, и я—мы сѣли у ручья,
Потупя взоръ, чтобъ видѣть наши щеки
Запятнанными, словно непросохшій
Отъ ила послѣ наводненья лугъ?
И будемъ всѣ глядѣть въ него, покуда
Свой сладкій вкусъ струи не потеряютъ,
Въ разсолъ—отъ слезъ горячихъ превратясь.
Иль отрубить, какъ у тебя, намъ руки?
Иль откусить языкъ, чтобъ въ нѣмотѣ
Намъ провести остатки дней проклятыхъ?
Что дѣлать намъ? Пусть, языкомъ владѣя,
Такое дѣло страшное замыслимъ,
Что изумитъ грядущія вѣка.

Луцій.

Не плачь, отецъ. Несчастная сестра
При видѣ скорби плачетъ и рыдаетъ.



ТИТЪ АНДРОНИКЪ и ЛИШЕННАЯ ЯЗЫКА ЛАВИНІЯ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Маркъ.

Племянница, терпѣнье! Добрый Титъ,
Не надо слезъ.

Титъ.

О, Маркъ, мой братъ, я знаю,
Не твой платокъ мои осушитъ слезы.
Ты самъ его слезами затопилъ.

Луцій.

Лавинія, тебѣ отру я щеки.

Титъ.

Маркъ, посмотри. Я понимаю знаки.
Имѣй языкъ—она сказала-бъ то же,
Что я тебѣ: не можетъ скорбныхъ щекъ
Братъ осушить платкомъ отъ слезъ намокшимъ.
Единодушье въ скорби, утѣшенью
Столь чуждое, какъ небу—мрачный Лимбъ!

Входитъ Аарон.

Аарон.

Мой повелитель цезарь, Титъ Андроникъ,
Велѣлъ сказать; когда сыновъ ты любишь—
Пусть Луцій, Маркъ, иль самъ ты, старый Титъ,
Любой изъ васъ себѣ отрубитъ руку
И цезарю пошлетъ ее. Взамѣнъ
Онъ отошлетъ сыновъ твоихъ живыми.
Въ томъ состоитъ за преступленье выкупъ.

Титъ.

О, добрый цезарь! Кроткій Ааронъ!
Какъ жаворонокъ на восходѣ солнца—
Когда либо пѣвалъ ли черный воронъ?
Отъ всей души готовъ послать я руку;
Будь добръ, ее мнѣ помоги отсѣчь.

Луцій.

Отецъ, постой! Ту доблестную руку,
Которая столькихъ враговъ сразила,
Нельзя рубить. Пусть отсѣкутъ мою,
Мнѣ въ юности потеря крови—легче.
Пусть кровь моя спасаетъ братьямъ жизнь.

Маркъ.

Которая изъ вашихъ рукъ, въ защиту

Усердно не читала, какъ тебѣ—
Она стихи и Туллія „Ораторъ".

Маркъ.
Зачѣмъ она такъ пристаетъ къ тебѣ?

Мальчикъ.
Я не пойму и угадать не въ силахъ.
Быть можетъ съ ней—безумія припадокъ?
Дѣдъ говорилъ мнѣ часто, что предѣлъ
Страданія—къ безумію приводитъ.
Я самъ читалъ: троянская Гекуба
Отъ скорби помѣшалась, потому
Смутился я, хотя и знаю, дядя,
Что тетей былъ я болѣе любимъ,
Чѣмъ матерью, и не лишись разсудка—
Меня пугать не стала бы она.
Но въ ужасѣ, быть можетъ безпричинномъ.
Я бросилъ книги и бѣжалъ. Прости
Мнѣ, дорогая тетя. Если дядя
И дѣдъ пойдутъ—послѣдовать я радъ
За милостью твоей.

Маркъ.
Иду я, Луцій.

(Лавинія перевертываетъ книги, которыя уронилъ мальчикъ).

Титъ.
Чего тебѣ, Лавинія? Что значитъ
Все это, Маркъ? Ей нужно видѣть книгу.
Какую же? Открой ихъ всѣ, дитя.
Но ты его начитаннѣй, ученѣй,
Возьми изъ библіотеки моей
Любую ты, ища забвенья въ горѣ,
Покуда небо не откроетъ намъ
Проклятаго виновника злодѣйства.
Какую же? Зачѣмъ обрубки рукъ
Она поочередно поднимаетъ?

Маркъ.
Сказать она не хочетъ ли, что былъ
Виновный не одинъ? Ихъ было больше!
Иль небеса она о мщеньѣ молитъ?

Титъ.
Какую книгу такъ она толкаетъ?

Мальчикъ.
Овидія „Метаморфозы", дѣдъ.
Даръ матери.

Маркъ.
Не изъ любви ль къ умершей
Она межъ всѣхъ избрала эту книгу?

Титъ.
О[illegible] листы перевернуть спѣшитъ.
[illegible]омощь ей придите. Что ты ищешь,
Лавинія? Желаешь, я прочту?
Трагическій разсказъ о Филомелѣ,
Насиліи коварнаго Терея?
Въ насильѣ—корень бѣдъ твоихъ, боюсь.

Маркъ.
О, какъ она впивается въ страницы!

Титъ.
Лавинія, подобно Филомелѣ,
Подверглась ли насилію и ты—
Въ глухомъ лѣсу, безжалостномъ и темномъ?
Смотри, смотри! Такое жъ точно мѣсто
Какъ то, гдѣ мы охитились—(о, если-бъ
Охотиться не привелося тамъ!)—
Описано поэтомъ: для насилья
И злыхъ убійствъ—назначено природой.

Маркъ.
Ужасное не будь богамъ желанно—
Не создали-бъ они подобныхъ дебрей.

Титъ.
Тутъ—лишь свои. О, дочь моя, дай знакъ:
Кто изъ вельможъ—виновникъ злодѣянья?
Иль Сатурнинъ подкрался, какъ Тарквиній,
Покинувшій войска, затѣмъ чтобъ ложе
Лукреціи позоромъ запятнать?

Маркъ.
Племянница, и ты, мой братъ, садитесь,
Меня вы осѣните, о Юпитеръ,
Паллада, Аполлонъ, иль ты, Меркурій,
Чтобъ я открылъ злодѣйство. Братъ, смотри,
Лавинія, смотри. Песокъ тутъ ровенъ,

(Пишетъ на пескѣ свое имя тростью, которую держитъ въ зубахъ).

Води, какъ я, ты тростью, если можешь.
Смотри сюда. Безъ помощи руки
Я имя написалъ. Тому проклятье,
Кто къ выдумкамъ подобнымъ насъ принудилъ!
Племянница, пиши, и наконецъ
Открой намъ то, что волей божества
Для мщенія должно открыться. Небо
Руководи перомъ твоимъ, чтобъ ясно
Намъ скорбь твою оно изобразило,
Предателей и правду всю открывъ.

(Лавинія беретъ трость въ зубы и пишетъ, поддерживая ее остатками рукъ).

Титъ.
Прочелъ ли ты, о братъ, ея писанье?

Маркъ.
Какъ? Сыновья развратные Таморы—
Виновники кроваваго дѣянья?

Ты цезарю. Вотъ головы достойныхъ
Твоихъ сыновъ, а вотъ твоя рука
Отослана съ презрѣніемъ обратно.
Смѣшна имъ скорбь, смѣшна твоя рѣшимость.
Мысль о твоихъ страданьяхъ—мнѣ больнѣй,
Чѣмъ о родномъ отцѣ воспоминанье.
(Уходитъ).

Маркъ.

Въ Сициліи пускай остынетъ Этна
И пламенной гееной станетъ сердце!
Нѣтъ, больше—скорбь, чѣмъ это можно снесть!
Лишь слезы съ тѣмъ, кто льетъ ихъ—облегченье,
Насмѣшка же надъ горемъ—смерть вдвойнѣ.

Луцій.

Какъ? Этотъ видъ глубоко ранитъ сердце,
А ненавистной жизни нѣтъ конца?
Дозволитъ смерть, чтобъ жизнью звали жизнь,
Когда одно есть благо въ ней—дыханье?
(Лавинія цѣлуетъ Тита).

Маркъ.

Отрады нѣтъ, увы, въ томъ поцѣлуѣ:
Холодная вода—змѣѣ замершей.

Титъ.

Когда жъ конецъ мучительному сну?

Маркъ.

Прощай, самообманъ! Умри, Андроникъ.
Нѣтъ, ты не спишь. Вотъ головы сыновъ
И храбрая рука твоя, и дочь
Страдалица, и третій сынъ изгнанникъ,
Что пораженъ такимъ ужаснымъ видомъ,
Безкровенъ сталъ и блѣденъ, вотъ и я,
Какъ статуя—холодный и безгласный.
Нѣтъ, скорбь твою я сдерживать не стану.
Рви сѣдину сребристую, зубами
Грызи другую руку, и пускай
На томъ смежимъ очей несчастныхъ взоры.
Для бури—вотъ пора. Ты что же стихъ?

Титъ.

Ха, ха, ха, ха!

Маркъ.

Смѣешься ты? Но время не для смѣха.

Титъ.

Нѣтъ больше слезъ, притомъ же горе—врагъ
И захватить обильные слезами
Глаза мои желаетъ для того,
Чтобъ данью слезъ ихъ ослѣпить. Но какъ же
Тогда найду въ пещеру мщенья путь?
Мнѣ кажется, что говорятъ мнѣ эти
Двѣ головы, грозятъ, что не найду
Блаженства я, покуда не воздамъ
Я ужасомъ за ужасъ—всѣмъ виновнымъ.
Я обсужу, что сдѣлать предстоитъ.
Несчастные, вокругъ меня вы станьте,
Чтобъ каждому поклялся я душою:
За всѣ его страданья отомстить.
Поклялся я! Брать, голову бери,
Въ моей рукѣ я понесу другую.
Лавинія, дамъ дѣло и тебѣ:
Дочь милая, отрубленную руку
Неси въ зубахъ. Ты, сынъ мой, удались.
Изгнанникъ ты, и здѣсь не долженъ медлить,
Отправься къ готамъ, войско собери,
Когда отца, какъ думаю, ты любишь—
Обнимемся, иди. Намъ много дѣла.
(Уходятъ Титъ, Лавинія и Маркъ).

Луцій.

Прости, отецъ мой, доблестный Андроникъ,
Несчастнѣйшій изъ всѣхъ, кто въ Римѣ жилъ.
Прости, Римъ гордый. Оставляетъ Луцій
Заложниковъ—любимыхъ больше жизни.
Лавинія, сестра моя, прости.
О, если-бъ ты была такой, какъ прежде!
Но Луцій и Лавинія живутъ
Въ забвеніи теперь, въ скорбяхъ жестокихъ,
И если буду живъ—я отомщу,
И Сатурнинъ съ его императрицей
Придутъ просить подачки у воротъ,
Какъ нѣкогда съ супругою Тарквиній.
Теперь иду, сберу войска у готовъ,
И Сатурнину съ Римомъ отомщу.
(Уходитъ).

СЦЕНА II.

Комната въ домѣ Тита съ накрытымъ столомъ.

Входятъ Титъ, Маркъ, Лавинія *и юный* Луцій, *сынъ Луція.*

Титъ.

Теперь—за столъ, и будемъ ѣсть не больше,
Чѣмъ слѣдуетъ, чтобъ силы сохранить
Для мщенія за горькія обиды.
Маркъ, развяжи ты узелъ, что затянутъ
Отчаяньемъ. Плѣнница твоя
И я—созданья жалкія—безруки,
И выразить сложеньемъ рукъ не можемъ
Скорбь—въ десять разъ сильнѣйшую всѣхъ въ мірѣ.
Лишь правая рука осталась мнѣ,
Чтобъ грудь терзать. Отъ горя обезумѣвъ,
Когда стучитъ въ тѣлесной клѣткѣ сердце—
Бью въ грудь себя, чтобъ усмирить его.
(Лавиніи). А ты—картина бѣдствій, скорбь твою

ДЕМЕТРІЙ.

Что это? Свитокъ съ надписью. Прочтемъ.
Integer vitae scelerisque purus,
Non eget Mauri jaculis nec arcu.

ХИРОНЪ.

О, это стихъ Горація, я знаю.
Давно его въ грамматикѣ читалъ.

ААРОНЪ.

Ну, да, стихи Горація, вы правы.
(Про себя). Что значитъ быть ослами! Шутки плохи.
Вину открывъ, старикъ оружье шлетъ
Въ оберткѣ изъ стиховъ, что ранятъ больно.
Межъ тѣмъ они не ощущаютъ боли.
Будь на ногахъ императрица наша—
Одобрила-бъ она затѣю Тита.
Но пусть она покоится въ тревогѣ!
(Деметрію и Хирону). Что, принцы, не счастливой ли звѣздой
Возведены ли въ Римѣ—иноземцы,
Нѣтъ—плѣнники на эту высоту?
Я радуюсь, что у воротъ дворца
Трибуну вызовъ передъ Титомъ бросилъ.

ДЕМЕТРІЙ.

Мнѣ радостнѣй, что, подло унижаясь,
Намъ доблестный патрицій шлетъ подарки,

ААРОНЪ.

Не правъ ли онъ? не дружески ли, принцъ,
Вы съ дочерью его здѣсь поступили?

ДЕМЕТРІЙ.

На тысячѣ красавицъ римскихъ такъ же
Я утолить бы страсть мою хотѣлъ.

ХИРОНЪ.

Въ желаньѣ томъ—любовь и милосердье.

ААРОНЪ.

И ваша мать сказала бы: аминь.

ХИРОНЪ.

Будь двадцать ихъ—она сказала-бъ то же.

ДЕМЕТРІЙ.

Помолимся, чтобъ матери любезной
Въ ея страданьяхъ боги помогли!

ААРОНЪ *(про себя).*

Скорѣе—чортъ. Насъ позабыли боги. *(Трубы).*

ДЕМЕТРІЙ.

Что цезарскія трубы такъ гремятъ?

ХИРОНЪ.

Наслѣдника рожденье возвѣщая.

ДЕМЕТРІЙ.

Молчи. Кто тамъ идетъ?

Входитъ КОРМИЛИЦА *съ чернокожимъ ребенкомъ.*

КОРМИЛИЦА.

День добрый, принцы.
Вы Аарона-мавра не видали?

ААРОНЪ.

Да, больше иль меньше иль совсѣмъ
Не видѣли. Здѣсь Ааронъ. Что нужно?

КОРМИЛИЦА.

Погибли мы, о добрый Ааронъ.
Спасай теперь, иль ты погибъ навѣки.

ААРОНЪ.

Чего трещишь? Что комкаешь и прячешь
Ты въ рукахъ?

КОРМИЛИЦА.

Что отъ очей небесныхъ
Желала-бъ скрыть: позоръ императрицы
И также—Рима города позоръ.
Царица разрѣшилась, разрѣшилась...

ААРОНЪ.

Но отъ чего?

КОРМИЛИЦА.

Ну, словомъ родила.

ААРОНЪ.

Да ниспошлютъ спокойствіе ей боги.
Кого они ей даровали?

КОРМИЛИЦА.

Чорта.

ААРОНЪ.

Мать чортова? Вотъ радостный приплодъ.

КОРМИЛИЦА.

Не радостный приплодъ, ужасный, черный!
Вотъ мальчуганъ; какъ жаба—мерзокъ онъ
Среди дѣтей прекраснѣйшихъ отчизны.
Императрица шлетъ твою печать,
Твой оттискъ—съ тѣмъ, чтобъ остріемъ кинжала
Ты окрестилъ его.

ААРОНЪ.

Прочь, потаскуха!
Чѣмъ черный цвѣтъ позоренъ? Мой пузанъ!
Прекраснѣйшій ты отпрыскъ!

ДЕМЕТРІЙ.

О, бездѣльникъ,
Что сдѣлалъ ты?

ЛАВИНІЯ ПРИ ЧТЕНІИ ЭНЕИДЫ.

Картина англ. художника Кирка (Thomas Kirk, 1797). (Большая Бойделевская Галлерея).

Аарон ъ.

Чего не передѣлать.

Хирон ъ.

Ты нашу мать сгубилъ.

Аарон ъ.

Нѣтъ, усугубилъ.

Демет рій.

И тѣмъ ее, песъ адскій, загубилъ.
Да будетъ проклятъ этотъ новый выборъ!
Проклятіе чертовскому отродью!

Хирон ъ.

Онъ жить не будетъ.

Аарон ъ.

Нѣтъ, онъ не умретъ.

Кормилиц а.

Онъ долженъ умереть. Такъ мать желаетъ.

Аарон ъ.

Онъ долженъ? Пусть надъ кровью и надъ плотью
Моими—самъ исполню приговоръ.

Демет рій.

На остріе меча охотно будетъ
Посаженъ мною этотъ головастикъ.
Дай мнѣ его. Мой мечъ покончитъ съ нимъ.

Аарон ъ.

Я распорю животъ тебѣ скорѣе.
(Беретъ ребенка у кормилицы и обнажаетъ оружіе).
Негодные убійцы, прочь! Хотите
Вы брата умертвить? Но поклянусь

Я свѣточами неба, что сіяли
Такъ ярко въ часъ зачатія его:
Отъ остраго меча погибнетъ каждый,
Кто первенца коснется моего,
Наслѣдника! Молокососы знайте:
Ни Энцекладъ съ ордой Тифона грозной,
Алкидъ великій, или богъ войны—
Изъ рукъ отца добычи не отнимутъ.
Жестокіе, бездушные юнцы,
Покрытыя известкой бѣлой стѣны
И вывѣски трактировъ росписныя!
Цвѣтъ самый черный—лучшій изъ цвѣтовъ,
Такъ какъ другихъ цвѣтовъ не принимаетъ.
Не обѣлятъ всѣ воды океана
Лапъ лебедя, хотя и ежечасно
Онъ омываетъ ихъ въ его волнахъ.
Скажи императрицѣ: я настолько
Уже въ годахъ, чтобъ уберечь свое.
Пускай она пріищетъ оправданье.

ДЕМЕТРІЙ.
Какъ? Славную ты госпожу предашь?

ААРОНЪ.
Мнѣ госпожа и будетъ госпожею,
А это—я, мое подобье въ дѣтствѣ
По облику и мощи. Мнѣ милѣй
Вселенной онъ, и міру вопреки—
Спасу его, иль кто нибудь изъ васъ
Поплатится своею кровью въ Римѣ.

ДЕМЕТРІЙ.
Изъ-за него—стыдъ матери навѣки.

ХИРОНЪ.
За черную ошибку ей воздастъ
Презрѣньемъ Римъ.

КОРМИЛИЦА.
Казнить прикажетъ цезарь.

ХИРОНЪ.
Краснѣю я при мысли о позорѣ.

ААРОНЪ.
Одно изъ преимуществъ красоты!
Предательскій оттѣнокъ! Тайны сердца
И помысловъ—онъ краской выдаетъ.
Вотъ мальчуганъ иного цвѣта! Смотритъ
Плутишка черный на отца съ улыбкой,
Мнѣ говорящей:—Старина, я твой!—
Вѣдь онъ—вашъ братъ, и той же самой кровью,
Которая вамъ жизнь дала—питался;
Изъ той утробы, гдѣ сидѣли вы,
Освободясь, и онъ на свѣтъ явился.
Нѣтъ, онъ вашъ братъ съ вѣрнѣйшей стороны,
Хотя моей печатью онъ отъ отмѣченъ.

КОРМИЛИЦА.
Что жъ, Ааронъ, скажу императрицѣ?

ДЕМЕТРІЙ.
Совѣтуй намъ: что дѣлать, Ааронъ?
Послѣдуемъ мы твоему совѣту.
Спаси дитя, но такъ, чтобъ мы спаслись.

ААРОНЪ.
Присядемъ же и станемъ совѣщаться.
Мой сынъ и я—гдѣ понадежнѣй сядемъ.
Останьтесь тамъ. Теперь поговоримъ.
(Садятся).

ДЕМЕТРІЙ.
А сколько женщинъ видѣли ребенка?

ААРОНЪ.
Вотъ, принцы, такъ. Коль скоро—мы въ ладу,
Ягненокъ я, но лишь затроньте мавра—
Ни разъяренный вихрь, ни львица горъ,
Ни океанъ—такъ бушевать не могутъ,
Какъ Ааронъ. Но сколько женщинъ было?

КОРМИЛИЦА.
Корнелія—такъ имя бабки, я
Съ родильницей, самой императрицей.

ААРОНЪ.
Царица, ты и бабка! Могутъ тайну
Двѣ сохранить, когда не будетъ третьей
Ступай, скажи о томъ императрицѣ.
(Закалываетъ ее).
Вотъ такъ свинья предъ вертеломъ визжитъ.

ДЕМЕТРІЙ.
Что значитъ, Ааронъ, такой поступокъ?

ААРОНЪ.
Его рождаетъ осторожность, принцъ.
Ей жить за тѣмъ, чтобъ выдать преступленье?
Такой болтуньѣ съ длиннымъ языкомъ?
Нѣтъ, принцы, нѣтъ. Вотъ что я замышляю.
По близости живетъ Мулей, землякъ мой.
Жена его вчера лишь разрѣшилась,
Дитя—въ нее, и бѣлое, какъ вы.
Столкуйтесь съ нимъ и матери отсыпьте
Вы золота, подробно разъяснивъ,
Какъ сынъ ихъ возвеличится и будетъ
Онъ цезаря наслѣдникомъ сочтенъ,
Когда собой онъ моего замѣнитъ—
Чтобъ при дворѣ предотвратить грозу,
И цезарь сталъ его, какъ сына, няньчить.
Такъ, принцы. Ей лѣкарство я нашелъ.
(Указываетъ на трупъ).
Вы объ ея похоронахъ заботьтесь:
Поля вблизи, вы оба—молодцы.

ААРОНЪ ЗАЩИЩАЕТЪ СВОЕГО РЕБЕНКА.
Картина Т. Кирка (Th. Kirk).
(Малая Бойделевская Галлерея).

Покончивъ съ ней, пришлите повитуху.
Кормилицу и повитуху сплавлю,
И пусть, бабье болтаютъ, что хотятъ.

Хиронъ.
Какъ вижу, ты не выдашь тайну вѣтрамъ.

Демегрій.
И за твои заботы о Таморѣ
Она и мы признательны тебѣ.
(Демегрій и Хиронъ уходятъ, унося тѣло кормилицы).

Аарон.
Теперь лечу, какъ ласточка, я къ готамъ.
Сокровище, что я держу въ объятьяхъ—
Укрою тамъ, къ друзьямъ императрицы
Найду пути. Впередъ, губастый плутъ:
Изъ-за тебя къ уловкамъ прибѣгаю.
Велю тебя кореньями кормить
И ягодой, и простоквашей. Будешь
Сосать козу, въ пещерѣ жить—за тѣмъ,
Чтобъ воиномъ ты сталъ и полководцемъ.
(Уходитъ съ ребенкомъ).

СЦЕНА III.

Площадь.

Входятъ Титъ, *несущій стрѣлы, къ концамъ которыхъ прикрѣплены письма. За нимъ* Маркъ, *юный* Луцій *и другіе патриціи со стрѣлами.*

Титъ.
Идемъ же, Маркъ. Вотъ, родичи, дорога.
Ну, покажи свою стрѣльбу мнѣ мальчикъ.
Вѣрнѣе цѣль, и попадетъ стрѣла.
Terras Astrea reliquit.
Запомни, Маркъ: она упала, скрылась.
Орудія, друзья, берите. Вы
Измѣрьте океанъ, забросивъ сѣти,
И можетъ быть ее найдете въ морѣ.
Но правды въ немъ, какъ и на сушѣ—нѣтъ.
Исполнить это, Публій и Семпроній,
Вамъ надлежитъ. До средоточья земли
Проройте всю лопатою и ломомъ,
Въ странѣ его Плутону передайте
Мольбу мою, сказавъ ему, что эта
О помощи и правосудьи просьба—
Отъ стараго Андроника идетъ,
Что страждетъ здѣсь, въ неблагодарномъ Римѣ.
О, Римъ! Ну, да, ему принесъ я горе
Въ тотъ день, какъ далъ народа голоса
Тому, кѣмъ я такъ нынѣ угнетаемъ.
Идите же. Внимательнѣе будьте,
Военныя суда всѣ осмотрите.
Злой цезарь могъ услать его туда,
И гдѣ тогда искать намъ правосудья?

Маркъ.
Не страшно ли, что славный дядя твой
Является въ такомъ разстройствѣ, Публій?

Публій.
Вотъ почему должны мы днемъ и ночью
Заботливо присматривать за нимъ,
Причудамъ потакать, покуда время
Цѣлительнаго средства не пошлетъ.

Маркъ.
Для горестей его нѣтъ исцѣленья.
Соединимся съ готами войною
Губительной. Неблагодарный Римъ
И Сатурнинъ-предатель да погибнутъ!

Титъ.
Ну, Публій, что? Нашли его, друзья?

Публій.
Нѣтъ, но Плутонъ такъ извѣщаетъ, дядя,
Что если ты въ аду возмездья ищешь,
То за тебя отмстятъ, а правосудье

Такъ занято съ Юпитеромъ на небѣ,
Иль гдѣ нибудь еще въ иныхъ мѣстахъ,
Что обождать придется противъ воли.

Титъ.

Но подчуя отсрочкой—онъ не правъ.
Я въ озеро кипящее геенны
Самъ погружусь и вытащу за пятки
Возмездіе изъ ахеронскихъ волнъ.
Маркъ, мы—кусты, не кедры, не подобье
Циклоповъ-исполиновъ, но металлъ.
Изъ стали мы вплоть до спины, и все же
Страданій гнетъ не выдержитъ спина.
Когда въ аду и здѣсь нѣтъ правосудья —
Боговъ небесныхъ станемъ умолять:
Послать его на землю для отмщенья.
Ну, примемся. Ты, Маркъ — стрѣлокъ, искусный *(даетъ стрѣлы)*.
Ad lovem—для тебя. Ad Apollonem,
Ad Martem—это будетъ для меня.
Тебѣ, дитя, къ Палладѣ, вотъ другая—
Къ Меркурію. Тебѣ—къ Сатурну, когда
Не къ Сатурнину, такъ какъ было-бъ это—
Пусканьемъ стрѣлъ на воздухъ. Ну, дитя,
И также Маркъ, когда скажу—стрѣляйте.
Повѣрьте, я писалъ не наобумъ,
Ко всѣмъ богамъ я съ просьбой обратился.

Маркъ.

Друзья, пускайте стрѣлы во дворецъ,
Пусть въ гордости униженъ будетъ цезарь.

Титъ.

Теперь стрѣляй!

(Они пускаютъ стрѣлы).

Чудесно, мальчикъ! Въ лоно
Попалъ ты Дѣвѣ. Передай Палладѣ.

Маркъ.

Братъ, цѣлюсь я на милю за луну.
Письмо твое теперь Юпитеръ принялъ.

Титъ.

Что сдѣлалъ ты, о Публій? У Тельца
Ты рогъ одинъ отбилъ своей стрѣлою.

Маркъ.

Въ томъ и потѣха! Публіемъ задѣтъ,
Телецъ отшибъ у Овна оба рога,
Которые упали во дворецъ.
Кто жъ ихъ нашелъ? Царицынъ негодяй?
Захохотавъ, она ему сказала,
Чтобъ цезарю онъ ихъ поднесъ, какъ даръ.

Титъ.

И поѣломъ. Пусть радуется цезарь!

(Входитъ поселянинъ, несущій корзину съ парою голубей).

Вѣсть! Съ неба вѣсть! Приходитъ почта, Маркъ!
Что новаго? Есть письма? Правосудье
Окажутъ мнѣ? Что говоритъ Юпитеръ?

Поселянинъ. Поставщикъ висѣлицъ? Онъ говоритъ, что снялъ висѣлицу, такъ какъ осужденный не будетъ повѣшенъ ранѣе будущей недѣли.

Титъ. Хочу я знать: что говоритъ Юпитеръ.

Поселянинъ. Не знаю Джо Питера, никогда въ жизни съ нимъ не пивалъ.

Титъ. Какъ, негодяй? Ты значитъ не разнощикъ?

Поселянинъ. Лишь голубей, и ничего другого.

Титъ. Но развѣ ты явился не съ небесъ?

Поселянинъ. Съ небесъ? Отродясь не бывалъ тамъ, господинъ. Боже упаси чтобы я сталъ туда торопиться, будучи въ молодыхъ годахъ! Я иду съ голубями къ трибуну плебеевъ, чтобы онъ уладилъ ссору между моимъ дядей и однимъ изъ слугъ императора.

Маркъ. Это очень кстати, братъ. Онъ передастъ императору твою рѣчь. Пусть онъ поднесетъ ему голубей отъ твоего имени.

Титъ. Можешь ли ты достойно передать порученіе?

Поселянинъ. Ни разу въ жизни не могъ проговорить „Достойно".

Титъ.

Поди сюда, довольно разсужденій,
Но цезарю ты голубей отдай,
И чрезъ меня получишь правосудье.
Пока возьми. Вотъ деньги за труды.
Чернила и перо сюда подайте.
Ты можешь ли исполнить все достойно?

Поселянинъ. Могу, господинъ.

Титъ. Такъ вотъ тебѣ мое прошеніе. Когда предстанешь цезарю, прежде всего ты долженъ стать на колѣни, потомъ поцѣловать его ногу, затѣмъ—передать голубей и наконецъ — ожидать награды. Я буду поблизости. Смотри, исполни все, какъ слѣдуетъ.

Поселянинъ. Ручаюсь, господинъ. Положитесь на меня.

Титъ.

Есть ножъ съ тобою? Покажи его.
Ты, Маркъ, вложи его въ мое прошенье,
Что писано просителемъ смиреннымъ.
Когда ты его цезарю вручишь,
Зайди ко мнѣ сказать, что онъ отвѣтилъ?

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Поселянинъ.

Да сохранятъ васъ боги. Я приду.

Титъ.

Маркъ, мы идемъ. За нами слѣдуй, Публій.
(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Передъ дворцомъ.

Входятъ Сатурнинъ, Тамора, Деметрій, Хиронъ, патриціи *и проч. У* Сатурнина *въ рукахъ стрѣлы, пущенныя Титомъ.*

Сатурнинъ.

Патриціи, не оскорбленье ль въ этомъ?
Когда либо дерзали ль приставать
Такъ къ цезарю, за безпристрастный судъ
Съ презрѣньемъ ему бросая вызовъ?
Извѣстно вамъ, какъ и богамъ могучимъ
(Что-бъ ни жужжали тѣ народу въ уши,
Кѣмъ нашъ покой нарушенъ)—по закону
Поступлено здѣсь было съ сыновьями
Мятежными Андроника. И въ немъ
Коль скоро скорбь разсудокъ помутила—
Ужель должны мы выносить безумье,
Нападки, желчь, всѣ выходки его?
Онъ къ небесамъ о правдѣ шлетъ возванья:
Къ Юпитеру, къ Меркурію и къ Марсу
И къ Аполлону; кстати ль, чтобъ летали
По улицамъ такія письма въ Римѣ?
Вѣдь ими онъ клевещетъ на сенатъ,
Кричитъ вездѣ, что мы неправосудны.
Патриціи, не дерзкая ли шутка?
Не значитъ ли она, что правосудья
Здѣсь, въ Римѣ, нѣтъ? Но если буду живъ—
Безумiемъ притворнымъ прикрывать
Онъ дерзости не станетъ. Онъ узнаетъ
И родъ его, что правосудье—живо,
Какъ цезарь самъ. Но онъ его разбудитъ
И въ ярости сотретъ оно съ земли
Того, кто всѣхъ мятежниковъ надменнѣй.

Тамора.

О, государь, мой Сатурнинъ, надъ жизнью
Моею господинъ, властитель думъ,
Смири свой гнѣвъ и снизойди къ проступкамъ
Ты старческимъ, что вызваны тоской
О храбрыхъ сыновьяхъ. Вѣдь ихъ утратой
Глубоко былъ онъ въ сердце пораженъ.
Его утѣшь скорѣй ты въ горькой долѣ,

ДРЕВНЕ-ГЕРМАНСКАЯ ЖЕНЩИНА.
(По типу подходитъ къ царицѣ Готовъ).
Античная статуя въ Флоренціи (Loggia dei Lanzi); такъ называемая «Туснельда».

Чѣмъ лучшихъ или худшихъ за обиды
Преслѣдовать.
(Про себя). Таморѣ хитроумной
Такъ дѣйствовать со всѣми надлежитъ.
Но мною, Титъ, задѣть ты за заживое,
И льется кровь. Будь мудрымъ, Ааронъ—
Все спасено, и мы бросаемъ якорь.

(Входитъ поселянинъ).

Ты, молодецъ, имѣешь дѣло къ намъ?

Поселянинъ.

Да, если ваша милость—императоръ.

Тамора.

Императрица я, вотъ императоръ.

Поселянинъ. А, это онъ. Да пошлютъ тебѣ удачу Богъ и св. Стефанъ. Приношу тебѣ письмо и пару голубей.

Сатурнинъ *(прочитавъ письмо)*.
Увесть его, пускай его повѣсятъ.

Поселянинъ.

А? Золота мнѣ сколько же отвѣсятъ?

Тамора.

Ступай! Сейчасъ повѣшенъ будешь ты.

Поселянинъ. Повѣшенъ? Клянусь Богоматерью, къ хорошему концу привелъ я свою шею!

(Уходитъ подъ стражей).

Сатурнинъ.

Жестокая несносная обида!
Стерпѣть ли мнѣ чудовищную гнусность?
Мнѣ вѣдомо, откуда все идетъ.
Могу ль ее перенести? Какъ будто
Измѣнники, сыны его, закономъ
Казненные за гибель Басціана—
Умерщвлены не правосудно были?
За волосы тащить его сюда!
Не охранятъ его ни санъ, ни годы.
Тебя казню за дерзкую насмѣшку,
Безумецъ вѣроломный, мнѣ помогшій
Возвыситься—чтобъ мной и Римомъ править!

(Входитъ Эмилій).

Какую вѣсть, Эмилій, ты несешь?

Эмилій.

Къ оружію, патриціи! Въ защитѣ
Римъ никогда такъ сильно не нуждался.
Вновь готы поднялись и съ цѣлымъ войскомъ
Рѣшительныхъ людей, къ добычѣ жадныхъ—
Идутъ сюда. Андроника сынъ, Луцій—
Вождемъ у нихъ; изъ мести угрожаетъ
Свершить онъ то же, что Коріоланъ.

Сатурнинъ.

Вождемъ у готовъ мужественный Луцій?
Вѣсть эта леденитъ меня, и никну
Я головою, какъ цвѣты въ морозы
Иль бурею побитая трава
Бѣда близка, вѣдь онъ любимъ народомъ.
Неузнаннымъ гуляя, слышалъ я,
Что Луцій былъ несправедливо изгнанъ,
И цезаремъ имѣть его хотятъ.

Тамора.

Къ чему боязнь? Не защищенъ ли городъ?

Сатурнинъ.

Но граждане такъ Луція всѣ любятъ.
Они возстанутъ, чтобъ ему помочь.

Тамора.

Будь въ помыслахъ ты царственныхъ, о цезарь.
Не комарамъ затмить сіянье солнца,

Орелъ даетъ и малымъ птицамъ пѣть—
Увѣренный, что можетъ по желанью
Онъ тѣнью крылъ напѣвъ ихъ заглушить.
И ты глупцамъ здѣсь предпиши молчанье.
Развеселись; знай, цезарь, очарую
Я стараго Андроника рѣчами,
Что сладостнѣй и вмѣстѣ съ тѣмъ—опаснѣй,
Чѣмъ дятлина—овцѣ приманка—рыбѣ,
Когда овца отъ сладкой пищи мретъ.
И ранена крючкомъ приманки рыба.

САТУРНИНЪ.

Но Титъ за насъ просить не станетъ сына.

ТАМОРА.

Когда его я упрошу—попроситъ.
Слухъ старческій его смягчить съумѣю
Посредствомъ обѣщаній золотыхъ
И будь онъ глухъ и сердцемъ неприступенъ—
Языкъ мой покоритъ и слухъ, и сердце.
(Эмилію). Ступай впередъ — посломъ отъ насъ, скажи,
Что съ Луціемъ воинственнымъ желаетъ
Переговоровъ цезарь. Въ домѣ старца
Андроника—свиданье онъ назначилъ.

САТУРНИНЪ.

Исполни все, какъ надлежитъ, Эмилій.
И если онъ заложниковъ захочетъ—
Скажи: пусть онъ ихъ выбираетъ самъ.

ЭМИЛІЙ.

Я въ точности исполню порученье.
(Уходитъ).

ТАМОРА.

Я къ старому Андронику иду.
Употреблю я все мое искусство,
Чтобъ Луція надменнаго отвлечь
Отъ мужественныхъ готовъ. Милый цезарь
Развеселись скорѣй, и схорони
Ты въ ловкости моей свою тревогу.

САТУРНИНЪ.

Проси его, съ успѣхомъ возвратись.
(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Равнина близъ Рима.

Входятъ ЛУЦІЙ *и* ГОТЫ, *съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами.*

ЛУЦІЙ.

Испытанные воины, друзья
Мнѣ вѣрные! Великій Римъ шлетъ письма,
Которыя гласятъ, какъ ненавидятъ
Тамъ цезаря и жаждутъ видѣть насъ.
Итакъ, вожди, по праву будьте грозны,
Спѣшите мстить; за каждую обиду,
Которую вамъ Римъ нанесъ—тройного
Потребуйте себѣ вознагражденья.

1-й ГОТЪ.

Андроника-героя славный отпрыскъ,
Ты, имя чье грозою было намъ
И сдѣлалось надеждой, чьи дѣянья
Великія и подвиги—презрѣньемъ
Вознаградилъ неблагодарный Римъ,—
Довѣрься намъ. Пойдемъ съ тобою всюду,
Какъ въ жаркій полдень жалящія пчелы
За маткою летятъ на лугъ цвѣтущій.
Таморѣ мы проклятой отомстимъ.

ГОТЫ.

Его слова мы повторить готовы.

ЛУЦІЙ.

Васъ и его благодарю усердно.
Но къ намъ кого приводитъ статный готъ?

Входитъ ГОТЪ, *ведя* ААРОНА *съ ребенкомъ на рукахъ.*

2-й ГОТЪ.

Я отошелъ отъ войска, славный Луцій,
Монастыря развалины смотрѣть.
Покуда я разглядывалъ подробно
Пустынную обитель—крикъ ребенка
Я у стѣны услышалъ и пошелъ
На этотъ крикъ, но голосъ услыхалъ я:
„Молчи, рабъ черный—мой наполовину,
Наполовину—матери твоей!
Не выдай цвѣтъ твое происхожденье,
Будь созданъ ты похожимъ лишь на мать—
Ты цезаремъ, бездѣльникъ, могъ бы стать.
Но если быкъ съ коровой—столь же бѣлы,
Какъ молоко, то чернаго, какъ уголь,
Они во вѣкъ теленка не зачнутъ.
Плутъ, замолчи!" Такъ онъ журилъ ребенка.
„Тебя снесу я къ преданному готу;

Узнавъ, что ты—дитя императрицы,
Онъ для нея любовь тебѣ окажетъ".
Мечъ обнаживъ, тутъ кинулся къ нему я,
Напалъ врасплохъ и привожу сюда,
Чтобъ ты рѣшилъ, какъ поступить съ нимъ надо?

Луцій.

Достойный готъ, вотъ воплощенный дьяволъ,
Андроника руки его лишившій,
Жемчужина очей императрицы!
Вотъ гнусный плодъ ихъ похоти постыдной.
Стой, бѣлоглазый рабъ! Куда несешь
Ты дьявольскаго лика своего
Подобіе живое? Что жъ молчишь ты?
Иль ты оглохъ? Ни слова! Эй, веревку!
На деревѣ сейчасъ его повѣсить,
А рядомъ съ нимъ—прелюбодѣйства плодъ!

Ааронъ.

Не трогайте его. Онъ—царской крови.

Луцій.

Онъ черезчуръ походитъ на отца,
Чтобъ отъ него добра намъ ждать. Повѣсьте
Его сперва, отецъ на корчи сына
Пусть поглядитъ: душѣ отцовской пытка.
Эй, лѣстницу!

(Приноситъ лѣстницу. Аарона заставляютъ подняться на нее).

Ааронъ.

Спаси ребенка, Луцій,
И отъ меня снеси императрицѣ.
Исполнишь это—многое, что очень
Полезно знать и чудное—открою.
Не хочешь—будь, что будетъ. Не скажу
Ни слова я, и да сразитъ васъ мщенье!

Луцій.

Ну, говори. Доволенъ буду я—
Ребенка пощажу и воспитаю.

Ааронъ.

Доволенъ ли? Будь, Луцій, въ томъ увѣренъ,
То, что скажу—всю душу растерзаетъ.
Заговорить я долженъ о рѣзнѣ,
Насиліяхъ, дѣяньяхъ ночи темныхъ,
О злыхъ дѣлахъ, о замыслахъ злодѣйскихъ,
Предательскихъ, что возмущаютъ слухъ
И свершены безъ жалости. Все это
Схоронено въ моей могилѣ будетъ,
Лишь поклянись, что не умретъ дитя.

Луцій.

Все говори. Живъ твой ребенокъ будетъ.

Ааронъ.

Ты поклянись, и я начну разсказъ.

Луцій.

Чѣмъ поклянусь? Вѣдь ты въ боговъ не вѣришь,
Такъ какъ же ты моей повѣришь клятвѣ?

Ааронъ.

А еслибъ и не вѣрилъ? Да, не вѣрю.
Но знаю я: ты вѣришь, у тебя
Та штука есть, что совѣстью зовется.
Ты разные поповскіе обряды
И фокусы, я видѣлъ, исполняешь.
Вотъ почему и клятвы я хочу.
Вѣдь идола глупцы считаютъ богомъ
И клятву держатъ, данную предъ нимъ.
Клянись же мнѣ вотъ этимъ самымъ богомъ,
Кто бъ ни былъ онъ, которому ты служишь.
И чтишь его—спасти мое дитя,
Кормить его и выростить. Иначе
Не разскажу тебѣ я ничего.

Луцій.

Клянусь тѣмъ самымъ богомъ—все исполню.

Ааронъ.

Ребенокъ мой—прижитъ съ императрицей.

Луцій.

О, женщина, чья похоть ненасытна!

Ааронъ.

На это—дѣло доброе въ сравненьѣ
Съ тѣмъ что сейчасъ тебѣ скажу, Луцій.
Убитъ ея сынами Вассіанъ,
Сестрѣ твоей отрѣзали языкъ,
Насилія надъ ней они свершили,
Ей отрубили руки, разукрасивъ
Какъ видишь ты.

Луцій.

Презрѣнный негодяй!
Ты называешь это: разукрасить?

Ааронъ.

Ну, да, ее подрѣзали, умыли,
Подкрасили. Для тѣхъ, кто потрудился
Надъ нею такъ—прекрасная потѣха!

Луцій.

Чудовища и варвары, какъ ты!

Ааронъ.

Я именно—наставникъ ихъ, а похоть
Въ наслѣдство имъ отъ матери досталась.
Такъ вѣрно, какъ и то, что картой взятку
Берутъ въ игрѣ. Свою же кровожадность
Они пожалуй взяли у меня.
И это—вновь такъ вѣрно, какъ и то,
Что кровный песъ всегда за грудь хватаетъ.
Заслугъ моихъ свидѣтельство—дѣла,

ЛУЦІЙ ВО ГЛАВѢ ГОТОВЪ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Къ той ямѣ злой, могилѣ Басciана,
Я заманилъ твоихъ обоихъ братьевъ,
Я написалъ найденное отцомъ
Твоимъ письмо, и золото я спряталъ,
Которое въ письмѣ упоминалось.
Съ Таморой и ея сынами вмѣстѣ
Я дѣйствовалъ. Хотя одна изъ бѣдъ
Случилась ли безъ моего участья?
Обманомъ я у Тита отнялъ руку;
Добывъ ее, я скрылся и едва
Отъ хохота не разорвалось сердце.
Сквозь щель стѣны глядѣлъ я, какъ взамѣнъ
Руки своей—лишь головы сыновъ
Онъ получилъ. Я видѣлъ какъ онъ плакалъ,
И хохоталъ я громко, такъ что слезы,
Какъ у него, затмили мнѣ глаза.
Когда жъ Таморѣ шутку разсказалъ я—
То, выслушавъ забавный мой разсказъ,
Она едва сознанья не лишилась,
И двадцать разъ меня поцѣловала.

Готъ.

Такъ говорить ты можешь не краснѣя?

Аарон ъ.

Пословица гласитъ: какъ черный песъ.

Луцій.

Не каешься въ своихъ дѣяньяхъ гнусныхъ?

Аарон ъ.

Что въ тысячу разъ больше не грѣшилъ!
Кляну я день—подобное проклятье
Къ немногимъ днямъ относится, когда я
Не совершилъ значительнаго зла:
Не убивалъ, не замышлялъ убійства,
Не совершалъ насилья, иль другого
Не подъучалъ къ нему, не обвинялъ
Невиннаго и ложно я не клялся,
Не поселялъ межъ двухъ друзей вражды,
Не поломалъ скоту бѣдняги шею,
Не поджигалъ въ ночи стоговъ и житницъ.
Выкапывалъ я трупы изъ могилъ,
И ставилъ ихъ предъ дверью ихъ друзей,
Когда печаль утраты утихала;
На кожѣ мертвецовъ, какъ на корѣ,
Латинскія вырѣзывалъ я буквы:
„Хотя я мертвъ—да не умретъ печаль".
Я тысячи другихъ дѣяній гнусныхъ
Свершалъ легко, какъ муху убиваютъ,
И мнѣ всего прискорбнѣе, что больше
Ихъ въ десять тысячъ разъ не совершу.

Луцій.
Взять дьявола! Нѣтъ, умереть отъ петли
Не долженъ онъ—такою легкой смертью!

Аароиъ.
Пусть дьяволомъ, коль скоро дьяволъ есть—
Живу, горю въ огнѣ неугасимомъ,
Лишь только бы мнѣ съ вами быть въ аду
И языкомъ васъ жалить ядовитымъ.

Луцій.
Зажмите ротъ ему, пускай молчитъ.

Входитъ готъ.

Готъ.
Вождь, вотъ посолъ изъ Рима, онъ желаетъ
Явиться предъ тобою.

Луцій.
Пусть войдетъ.

Входитъ Эмилій.
Привѣтъ, Эмилій. Что за вѣсть изъ Рима?

Эмилій.
Достойный Луцій, готскіе вельможи,
Черезъ меня привѣтствуетъ васъ цезарь,
Узнавъ, что вы оружье взяли—хочетъ
Онъ въ домѣ твоего отца въ переговоры
Вступить съ тобой. Заложниковъ отъ насъ
Потребуй лишь—ихъ выдадутъ немедля.

1-й готъ.
Что говоритъ нашъ вождь?

Луцій.
Пускай отцу
И дядѣ Марку цезарь передастъ
Заложниковъ, и мы придемъ. Ступайте.
(Уходитъ).

СЦЕНА II.

Римъ. Передъ домомъ Тита.

Входятъ переодѣтые: Тамора, Хиронъ и Деметрій.

Тамора.
Въ одеждѣ этой странной и печальной
Андронику предстану, назовусь
Я посланной изъ преисподней Местью,
Что отомститъ, съ нимъ сблизясь, за него.
Стучитесь въ дверь той комнаты, гдѣ онъ,
Не выходя, злоумышляетъ мщенье
Жестокое. Скажите: Месть пришла
Соединиться съ нимъ—врагамъ на гибель.
(Они стучатся).

(Титъ открываетъ дверь своей комнаты).

Титъ.
Кто здѣсь меня тревожитъ въ размышленьяхъ?
Изъ хитрости заставить дверь открыть,
Чтобъ скорбныя рѣшенья разлетѣлись,
И замыслы мои пропали даромъ?
Ошиблись вы, все то, что совершу—
Здѣсь я вписалъ кровавыми чертами.
Написанное будетъ свершено.

Тамора.
Титъ, я пришла поговорить съ тобою.

Титъ.
Ни слова. Рѣчь сопровождать могу ль я
Движеньями? Нѣтъ у меня руки.
Ты предо мною—въ выгодѣ. Довольно.

Тамора.
Узнай кто я—ты сталъ бы говорить.

Титъ.
Не сумасшедшій я, тебя я знаю,
Порукой въ томъ—обрубки и черты
Кровавыя, порукою—морщины,
Что провели—заботы и печаль.
Вся скорбь моя—порукой въ томъ, что знаю
За гордую тебя императрицу,
Тамору всемогущую. Быть можетъ
Ты за другой рукой моей пришла.

Тамора.
Несчастный, знай, я вовсе не Тамора.
Она—твой врагъ, я—другъ тебѣ. Я—Месть,
И послана за тѣмъ я царствомъ ада,
Чтобъ коршуна грызущихъ думъ насытить
Возмездіемъ ужаснымъ надъ врагами.
Сойди ко мнѣ, меня привѣтствуй въ мірѣ,
Поговоримъ о смерти и убійствахъ.
Ущелій нѣтъ иль потаенныхъ мѣстъ,
Огромной тьмы, такой долины мглистой,
Гдѣ гнусное насилье иль убійство
Кровавое—укрылись бы, дрожа.
Ихъ отыщу, имъ на ухо шепну я
Зловѣщее мое прозванье: Месть,
Что трепетать обидчика заставитъ.

Титъ.
Ты месть? ко мнѣ ты послана затѣмъ,
Чтобъ сдѣлаться враговъ моихъ мученьемъ?

Тамора.
Да, потому на встрѣчу мнѣ сойди.

Титъ.
Нѣтъ, ранѣе мнѣ окажи услугу.
Съ тобой стоятъ Убійство и Насилье,
Такъ докажи, что ты—и вправду Месть,

Ихъ заколи, иль брось подъ колесницу,
И я сойду, и ею буду править,
Вокругъ свѣтилъ съ тобою я помчусь.
Найди коней ты черныхъ, словно смоль,
Несущихъ быстро колесницу мести,
Открой убійцъ въ злодѣйскихъ ихъ притонахъ.
Когда ихъ головами колесницу
Наполнишь ты—на землю я сойду,
И у колесъ, какъ рабъ погонщикъ, буду
Бѣжать за ней день цѣлый—отъ восхода
Гиперіона на востокъ и вплоть
До самого его заката въ море.
Я, день за днемъ, готовъ на тяжкій трудъ,
Лишь умертви Насилье и Убійство.

ТАМОРА.
Они—мои помощники, со мною
Пришли они.

ТИТЪ.
Помощники твои?
Какъ ихъ зовутъ?

ТАМОРА.
Насилье и Убійство,
Такъ какъ они виновныхъ въ томъ казнятъ.

ТИТЪ.
Какъ на сыновъ императрицы оба
Они похожи! Ты же—на нее.
Но взоръ земной въ обманъ безумный вводитъ
И жалокъ онъ! О, сладостная Месть,
Иду къ тебѣ! Когда съ тебя довольно
Одной руки—я обниму тебя.
(Уходитъ).

ТАМОРА.
Такой союзъ ему въ безумьѣ милъ.
И чѣмъ бы въ немъ безумія припадки
Ни поощряла я—помочь рѣчами
Старайтесь мнѣ. Меня считаетъ Местью
Отнынѣ онъ. Внушивъ ему такую
Мысль дикую, его уговорю
За Луціемъ послать. Покуда мною
На пиршествѣ задержанъ будетъ Луцій,
Изобрѣту я вмигъ такое средство,
Чтобъ разогнать непостоянныхъ готовъ,
Иль поселить въ нихъ къ Луцію вражду,
Но онъ идетъ. Игру я продолжаю.

Входитъ ТИТЪ.

ТИТЪ.
Изъ-за тебя я долго одинокимъ
Здѣсь жилъ. О злая фурія, тебя
Привѣтствую въ моемъ несчастномъ домѣ.
Насиліе, Убійство, вамъ привѣтъ.
Съ императрицей и ея сынами—
Какъ схожи вы! Недостаетъ лишь мавра!
Ужель въ аду нѣтъ дьявола такого?
Извѣстно мнѣ: императрица съ мавромъ
Является вездѣ; для сходства съ ней—
Необходимъ тебѣ подобный дьяволъ.
Но каковы бъ вы ни были—я васъ
Привѣтствую. Мы что же станемъ дѣлать?

ТАМОРА.
Чего отъ насъ желаешь ты, Андроникъ?

ДЕМЕТРІЙ.
Убійцу укажи—я справлюсь съ нимъ.

ХИРОНЪ.
Мнѣ укажи свершившаго насилье
Бездѣльника, я отомщу ему.

ТИТЪ.
Ищи среди проклятыхъ улицъ Рима,
Найдешь двойникъ свой, доброе Убійство—
Ударь его: убійца—онъ. Насилье
Любезное, двойникъ свой увидавъ—
Ударь его, за тѣмъ что онъ—насильникъ.
Иди и ты. Здѣсь есть императрица,
Которая бываетъ всюду съ мавромъ.
Ее легко узнать: вѣдь на тебя
Отъ головы до ногъ она похожа.
Прошу тебя, сразу ихъ лютой смертью,
Къ моимъ, ко мнѣ они жестоки были.

ТАМОРА.
Ты указалъ прекрасно. Все исполнимъ.
Но ранѣе пошли, Андроникъ добрый,
За трижды храбрымъ Луціемъ твоимъ,
Который въ Римъ ведетъ отважныхъ готовъ.
Проси его придти къ тебѣ на пиръ.
На этотъ пиръ торжественный—съ сынами
Я приведу сюда императрицу,
И цезаря, и всѣхъ твоихъ враговъ,
Тебя молить всѣ будутъ на колѣняхъ,
И здѣсь на нихъ ты сердце отведешь.
Что говоритъ на мысль мою Андроникъ?

ТИТЪ.
Братъ Маркъ! Тебя зоветъ несчастный Титъ.

(Входитъ Маркъ).

Ты къ Луцію, мой добрый Маркъ, отправься.
Его найдешь у готовъ. Пусть ко мнѣ
Онъ съ первыми вельможами изъ готовъ
Придетъ сюда, не взявъ съ собою войскъ.
Скажи ему: съ императрицей цезарь
Пируютъ здѣсь, пускай придетъ и онъ.
Ты изъ любви ко мнѣ исполни просьбу,
Пускай и онъ исполнитъ, если жизнью
Онъ старческой моею дорожитъ.

МАРКЪ.
Все сдѣлаю, и возвращусь немедля.
(Уходитъ).

ТАМОРА.
Теперь иду—твоимъ заняться дѣломъ.
Помощниковъ моихъ беру съ собой.

ТИТЪ.
Нѣтъ, пусть со мной Убійство и Насилье
Останутся, иль брата я верну
И месть мою лишь Луцію довѣрю.

ТАМОРА *(тихо сыновьямъ).*
Что скажете? Согласны съ нимъ остаться,
Пока пойду сказать я государю
Какъ заговоръ устроенъ шутовской?
Его причудамъ льстите, потакайте,
Возитесь съ нимъ, покуда не вернусь.

ТИТЪ *(про себя).*
Всѣхъ знаю я, хотя слыву безумнымъ.
Въ ихъ собственный капканъ поймаю пару
Я адскихъ псовъ проклятыхъ вмѣстѣ съ маткой.

ДЕМЕТРІЙ.
Оставь насъ тутъ, царица, уходи.

ТАМОРА.
Прости, Андроникъ. Месть уходитъ съ тѣмъ,
Чтобъ для враговъ твоихъ разставить сѣти.

ТИТЪ.
Я знаю, Месть любезная. Прости.
(Тамора уходитъ).

ХИРОНЪ.
Скажи, старикъ, что слѣдуетъ намъ дѣлать?

ТИТЪ.
Есть у меня для васъ довольно дѣла.
Эй, Публій, Кай и Валентинъ, сюда!

Входитъ ПУБЛІЙ *и др.*

ПУБЛІЙ.
Что ты прикажешь?

ТИТЪ.
Знаешь тѣхъ двоихъ?

ПУБЛІЙ.
Я принялъ ихъ за сыновей царицы—
Деметрія съ Хирономъ.

ТИТЪ.
Ты ошибся.
Одинъ изъ нихъ—Убійство, тотъ Насилье.
А потому свяжи ихъ, добрый Публій.
Кай, Валентинъ, берите ихъ! Не разъ,
Вы знаете, я ждалъ такого часа,
И онъ насталъ. Вяжите ихъ покрѣпче;
Заткните рты, коль вздумаютъ кричать.
(Титъ уходитъ, Публій и др. хватаютъ Хирона и Деметрія).

ХИРОНЪ.
Мы—сыновья императрицы. Стойте!

ПУБЛІЙ.
Затѣмъ то мы и дѣлаемъ, что надо.
Заткнуть имъ рты, чтобъ слова не сказали.
Связали хорошо? Вяжите крѣпче!

Возвращается ТИТЪ *съ* ЛАВИНІЕЙ. *Она несетъ тазъ, онъ—ножъ.*

ТИТЪ.
Лавинія, опутаны враги.
Заткните имъ уста, пусть будутъ нѣмы,
Но грозныя слова мои услышатъ,
Презрѣнные Деметрій и Хиронъ,
Вы тиною источникъ замутили,
Ея весну съ зимой смѣшали вашей,
Супругъ ея убитъ былъ вами, братья—
За преступленье ваше казнены.
Лишивъ меня руки, вы забавлялись.
У ней языкъ и руки, и другое,
Что этого дороже: непорочность
Чистѣйшую—безчеловѣчно взяли.
Вы палачи! Чтобъ вы могли сказать,
Будь говорить дозволено? Злодѣи!
Просить пощады—стыдно было бъ вамъ.
Вотъ какъ пытать я васъ намѣренъ, твари:
Одной рукой вамъ перерѣжу горло,
А тазъ, куда преступныхъ кровь стечетъ—
Лавинія въ остаткахъ рукъ подержитъ.
Вы знаете, мать ваша здѣсь пируетъ,
Она зовется Местью, я безумцемъ
Слыву у ней. Такъ слушайте, злодѣи!
Я ваши кости въ порошокъ сотру,
Смѣшаю съ кровью вашею, какъ тѣсто,
И сдѣлаю пирогъ—подобье гроба—
Съ начинкою изъ гнусныхъ двухъ головъ.
Имъ угощу я шлюху, вашу мать
Проклятую; пускай, землѣ подобно—
Она пожретъ, что ею рождено.
Вотъ пиръ, что ей готовится, вотъ блюдо
Что ждетъ ее. Гнуснѣй, чѣмъ съ Филомелой,
Вы съ дочерью моею обошлись,
И отомщу ужаснѣй я, чѣмъ Прогна.
Ну, протяните шеи!
(Рѣжетъ имъ горло). Подойди,
Лавинія, сбери ихъ кровь. Когда же
Они умрутъ—ихъ кости истолку,

И съ жидкостью смѣшаю ненавистной,
А головы я въ тѣстѣ запеку.
Идемте всѣ—готовить пиръ кровавый,
Ужаснѣйшій, чѣмъ пиршество центавровъ.
Тащите ихъ, а поваръ буду я,
Чтобъ къ матери приходу ихъ сготовить.
(Уходятъ, унося мертвыхъ).

СЦЕНА III.

Тамъ же. Бесѣдка.

Входятъ Луцій, Маркъ *и* готы *со связаннымъ* Ааономъ.

Луцій.
Когда отецъ мой, дядя Маркъ, желаетъ,
Чтобъ я былъ здѣсь—я радуюсь тому.

1-ый готъ.
И также мы, чтобъ изъ того не вышло.

Луцій.
Возьми подъ стражу варварскаго мавра.
Онъ—хищный звѣрь, проклятый дьяволъ.
Пищи
Ты не давай ему, держи въ цѣпяхъ
Пока лицомъ къ лицу съ императрицей
Не будетъ онъ сведенъ, чтобъ уличить
Ее въ дѣлахъ позорныхъ. А въ засаду
Побольше спрячь намъ преданныхъ друзей:
Недоброе, боюсь, замыслилъ цезарь.

Ааронъ.
Проклятья мнѣ нашептываетъ чортъ,
Чтобъ мой языкъ отравленную злобу
Всю изливалъ, которой сердце полно.

Луцій.
Прочь, гнусный рабъ, безчеловѣчный песъ!
Его увесть вы помогите дядѣ.
(Готы уходятъ съ Ааономъ. Слышны трубы).
Намъ цезаря приходъ вѣщаютъ трубы.

Входятъ Сатурнинъ, Тамора *съ трибунами и свитой.*

Сатурнинъ.
Ужели въ небѣ солнце не одно?

Луцій.
Какая цѣль тебѣ назваться солнцемъ?

Маркъ.
Вамъ, императоръ, и тебѣ, племянникъ,
Вступить скорѣй въ переговоры надо,
Пусть этотъ споръ спокойно мы обсудимъ.
Стараньемъ Тита приготовленъ пиръ
Съ почтенной цѣлью: въ Римѣ водворить
Миръ и любовь, добро и единенье.
Приблизьтесь же. Прошу занять мѣста.

Сатурнинъ.
Согласны, Маркъ. *(Гобои).*

Входитъ Титъ, *одѣтый поваромъ,* Лавинія *подъ покрываломъ, юный* Луцій *и др.* Титъ *ставитъ блюда на столъ.*

Титъ.
Привѣтъ мой вамъ, о добрый государь,
Съ императрицей грозной! Храбрымъ готамъ
И Луцію, и всѣмъ. Пиръ не богатъ,
Но сытымъ быть возможно. Угощайтесь.

Сатурнинъ.
Ты почему одѣлся такъ, Андроникъ?

Титъ.
Слѣдилъ я самъ, чтобъ здѣсь императрицу
И цезаря какъ должно угостили.

Тамора.
Признательны тебѣ, Андроникъ добрый.

Титъ.
Да, были бъ вы, когда бъ читали въ сердцѣ!
Но, цезарь, мнѣ отвѣть: Виргиній пылкій—
Онъ хорошо ли сдѣлалъ, умертвивъ
Самъ дочь свою за то, что стала жертвой
Она стыда, насилья и позора?

Сатурнинъ.
Да, хорошо.

Титъ.
Но почему, о цезарь?

Сатурнинъ.
Ей пережить свой стыдъ не подобало
И растравлять страданія отца.

Титъ.
Дѣйствительный и вѣскій, сильный доводъ.
Примѣръ того, живое указанье—
Какъ поступить несчастнѣйшему мнѣ.
Умри, умри, Лавинія! Съ тобою—
Умретъ позоръ, съ позоромъ—скорбь отца.
(Убиваетъ Лавинію).

Сатурнинъ.
Что сдѣлалъ ты, отецъ безчеловѣчный?

Титъ.
Я ту убилъ, по комъ я слезы лилъ
До слѣпоты. Несчастенъ какъ Виргиній,
Я въ тысячу разъ болѣе имѣю

Причинъ, чѣмъ онъ, чтобъ дѣло совершить
Ужасное. И я свершилъ его.

САТУРНИНЪ.

Насилію ее подвергли? Кто же?

ТИТЪ.

Покушайте, прошу васъ. Подкрѣпитесь.

ТАМОРА.

Единственную дочь за что убилъ ты?

ТИТЪ.

Не я убилъ: Деметрій и Хиронъ,
Они надъ ней насилье совершили,
Отрѣзали языкъ, подвергли пыткамъ.

САТУРНИНЪ.

Пускай сейчасъ предстанутъ здѣсь они!

ТИТЪ.

Но здѣсь они—въ томъ пирогѣ, которымъ
Полакомилась мать ихъ, поѣдая
Плоть отъ нея рожденную. Все правда.
И остріе ножа тому порукой.
(Убиваетъ Тамору).

САТУРНИНЪ.

Умри, злодѣй, за свой проклятый грѣхъ!
(Убиваетъ Тита).

ЛУЦІЙ.

Сынъ кровь отца ужели въ силахъ видѣть?
Нѣтъ, даръ—за даръ, за смерть возмездье—смерть!
(Убиваетъ Сатурнина. Сильное смятеніе, толпа разбѣгается. Маркъ, Луцій и ихъ приверженцы поднимаются на террасу дома Тита).

МАРКЪ.

О, граждане, сыны родного Рима!
Печальны вы—разсѣянные смутой,
Какъ стаи птицъ, что разгоняетъ вихрь.
Васъ научу какъ слѣдуетъ собрать
Въ единый снопъ разбитыя колосья,
Разрозненные члены—сдѣлать тѣломъ,
Дабы не сталъ себѣ отравой Римъ,
И онъ, предъ кѣмъ склоняются державы
Могучія, отверженцу подобно,
Самъ не подвергъ себя позорной казни.
Но если видъ моихъ сѣдинъ морозныхъ
И старческихъ морщинъ, что говорятъ
О многолѣтнемъ опытѣ суровомъ—
Васъ не заставитъ выслушать меня,—

(Луцію).

Ты говори, испытанный другъ Рима,
Какъ предокъ нашъ, когда Дидонѣ скорбно
Внимающей и отъ любви больной,
Торжественно передавалъ онъ повѣсть
Той грозной ночи огненной, когда
Взялъ хитрый грекъ царя Пріама Трою.
Скажи, какой Синопъ околдовалъ
Нашъ слухъ, кто внесъ орудье роковое.
Что Риму—нашей Троѣ нанесло
Междоусобья рану. Не стальное,
Не каменное сердце у меня,
И не могу о горькихъ нашихъ бѣдахъ
Повѣствовать я безъ того, чтобъ слезы
Не затопили краснорѣчья словъ
Въ тотъ мигъ, когда они должны сильнѣе
Васъ захватить и вызвать состраданье.
Разскажетъ вождь,—и отъ его рѣчей
Сердца у васъ заплачутъ и застонутъ.

ЛУЦІЙ.

Вы, доблестные слушатели, знайте:
Проклятые Деметріи и Хиронъ
Убили брата цезаря, и нашей
Сестрѣ они безчестье нанесли.
За ихъ вину казнили нашихъ братьевъ,
Презрѣли слезы нашего отца
И доблестной руки лишили гнусно,
Сражавшейся за Римъ и посылавшей
Его враговъ въ могилу. Наконецъ
И самъ я былъ несправедливо изгнанъ,
За мной врата закрылись, я рыдая,
Пошелъ искать пріюта у враговъ.
Въ моихъ слезахъ вражда ихъ потонула,
Объятья ихъ раскрылись мнѣ, какъ другу.
Вамъ вѣдомо, что я, изгнанникъ, кровью
Римъ охранялъ, и отъ его груди
Я отстранялъ мечъ вражій, чтобъ направить
Его въ мою отчаянную грудь.
Я—не хвастунъ, вы знаете; вотъ эти
Рубцы отъ ранъ, хотя они безмолвны—
Порукой въ томъ, что правду я сказалъ.
Но—будетъ! Я увлекся похвалою
Не должною себѣ. Простите мнѣ.
Не хвалитъ другъ—себя мы сами хвалимъ.

МАРКЪ.

Теперь и я заговорю. Ребенка
Вы видите? Таморой онъ рожденъ
Отъ мавра нечестиваго, что главный
Всѣхъ этихъ золъ—зачинщикъ и создатель.
Находится презрѣнный въ домѣ Тита,
И подтвердитъ, какъ онъ ни гнусенъ, можетъ,
Что правда все. Судите, былъ ли поводъ
У Тита мстить за цѣлый рядъ злодѣйствъ
Неслыханныхъ, невыносимыхъ, большихъ,
Чѣмъ смертному возможно претерпѣть?
Что, римляне, вы скажете на правду?
Неправы мы? Тогда скажите: въ чемъ?

ТРУПЪ ТАМОРЫ ОТДАЕТСЯ НА РАСТЕРЗАНІЕ ЗВѢРЯМЪ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

И объ руку отсюда вмѣстѣ оба—
Андроникова печальные остатки—
Мы ринемся внизъ головой затѣмъ,
Чтобъ мозгъ разбить объ острыя каменья
И сразу здѣсь покончить съ нашимъ родомъ.
Скажите слово, римляне, и оба
Мы объ руку низвергнемся сейчасъ.

Эмилій.

Сойди, достойный римлянинъ, съ тобою
Пусть объ руку сойдетъ нашъ императоръ,
Нашъ императоръ Луцій: общій голосъ
Народный такъ, я знаю, возвѣститъ.

Маркъ.

Да, здравствуетъ нашъ римскій цезарь Луцій.
(Свитѣ). Ступайте въ домъ Андроника печальный,
Безбожнаго сюда ведите мавра,
Чтобъ осудить его на злую смерть—
За жизнь его преступную въ возмездье.
(Луцій сходитъ внизъ).
Привѣтъ тебѣ, правитель Рима, Луцій!

Луцій.

Благодарю васъ, римляне. Да правлю
Я такъ, чтобъ язвы Рима исцѣлить
И устранить печали. Но собраться
Мнѣ съ силами дозволь, народъ мой добрый.
Тяжелый долгъ природой мнѣ назначенъ.
Посторонитесь. Дядя, подойди,
Трупъ ороси прощальною слезою.
Холодныя и блѣдныя уста (*цѣлуетъ Тита*)
Я горячо цѣлую. На твоемъ
Лицѣ окровавленномъ эти слезы—
Послѣдній долгъ любви моей сыновней.

Маркъ.

Пускай твой братъ слезою—за слезу,
За поцѣлуй заплатитъ поцѣлуемъ.
Будь эта дань несчетна, безконечна—
Я и тогда ее бы уплатилъ.

Луцій.

Дитя мое, поди сюда, учись,
Какъ слезы лить. Твой дѣдъ тебя любилъ,
Тебя сажалъ къ себѣ онъ на колѣни
И пѣсенкой баюкалъ на груди,
Разсказывалъ о многомъ, подходящемъ
Къ твоимъ годамъ и для тебя занятномъ.
А потому, внукъ любящій, пролей
Ты нѣсколько слезинокъ на зарѣ
Весны твоей: такъ доброю природой
Назначенъ. Друзья должны съ друзьями
Быть заодно въ несчастьѣ и бѣдѣ.
Простись же съ нимъ и проводи въ могилу,
И давъ любви залогъ, разстанься съ нимъ.

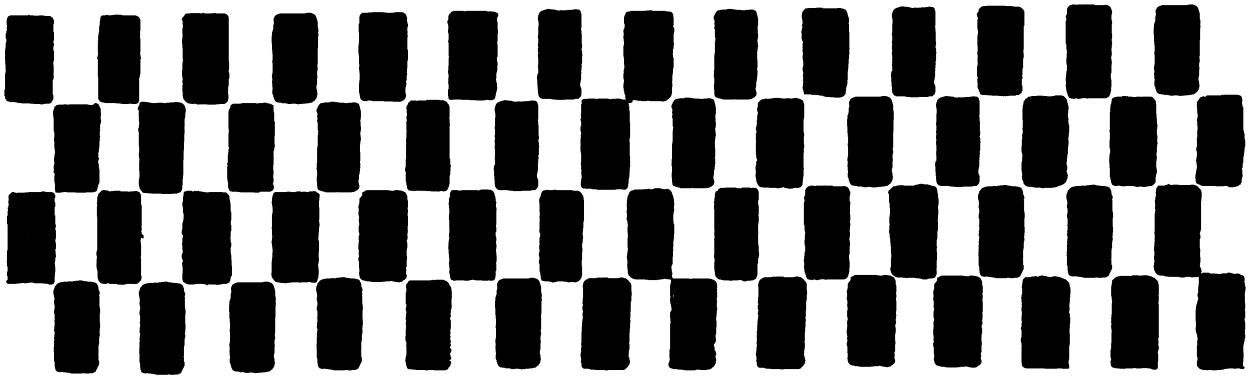
ДВА ЗНАТНЫХЪ РОДИЧА

Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ

ПРИПИСЫВАЕМАЯ ШЕКСПИРУ.

переводъ Н. А. ХОЛОДКОВСКАГО.

съ предисловіемъ Р. И. БОЙЛЯ.



Мотивъ занавѣси въ древне греческомъ стилѣ Л. С. Бакста (Постановка «Эдипа» Софокла, въ Александринскомъ Театрѣ, январь 1904 г.).

ДВА ЗНАТНЫХЪ РОДИЧА.

Эта драма впервые напечатана въ 1634 г. (in 4°) подъ такимъ заглавіемъ:

The Two Noble Kinsmen
Presented at the Blackfriers...
by the King's Majesties Servants,
with great applause.
Written by the memorable worthies
of their time:
Mr. John Fletcher, and
Mr. William Shakespeare
Gentl.

Printed at London by Jho. Cotes for John Waterson: and are to be sold at the sign of the Crown in Pauls Church-yard 1634, (т. е.— „Два знатныхъ родича". Представлена въ Блэкфрайерсѣ слугами его королевскаго величества, съ великимъ успѣхомъ. Написана знаменитостями того времени: мистеромъ Джономъ Флетчеромъ и мистеромъ Вильямомъ Шекспиромъ, джентльменами. Напечатана въ Лондонѣ Дж. Котсомъ для Джона Уотерсона. Продается подъ вывѣской Короны въ градѣ церкви Св. Павла. 1634 г.).

Затѣмъ, пьеса появилась во второмъ изданіи (in folio) соч. Бьюмонта и Флетчера 1679 года; въ этомъ изданіи было напечатано 52 пьесы, на 17 болѣе, чѣмъ содержало 1-е изданіе in folio соч. Бьюмонта и Флетчера, выпущенное въ 1647 г. Текстъ пьесы для второго изданія in folio былъ взятъ изъ изданія in quarto 1634 года, какъ это очевидно изъ ошибокъ и опечатокъ, которыя перенесены сюда изъ этого изданія.

Затѣмъ пьеса появилась въ 1711 г. въ Тоусоновскомъ изданіи Бьюмонта и Флетчера и въ 1750 въ семитомномъ Тоусоновскомъ изданіи, съ критическими примѣчаніями Теобальда, Сьюарда и Симпсона.

Въ 1778 г. вышло изданіе соч. Бьюмонта и Флетчера въ 10 томахъ (изд. Кольмана Рида и др.); въ изданіи этомъ нашла мѣсто и наша пьеса.

Въ 1812 г. соч. Бьюмонта и Флетчера были изданы въ 14 томахъ Веберомъ. Это изданіе было перепечатано позднѣе Рутледжемъ въ двухъ томахъ (1839).

Въ „Иллюстрированномъ Шекспирѣ" Найта (Kinght's Pictorial Shakespeare, 8 томовъ 1839—1841) пьеса наша была напечатана съ очень небрежнымъ текстомъ. Въ слѣдующихъ изданіяхъ Найтъ воспользовался прекраснымъ текстомъ Дайса, который между 1843 и 1846 г. выпустилъ образцовое изданіе соч. Бьюмонта и Флетчера въ 11 томахъ. Наша пьеса была также издана Тирреломъ въ его собраніи сомнительныхъ пьесъ Шекспира и Скетомъ въ 1876 г. въ школьномъ изданіи Шекспира. Но въ томъ же 1876 году появилось другое изданіе нашей пьесы, имѣющее большее значеніе. Это была перепечатка изданія in quarto 1634 г. „Новымъ Шекспировскимъ Обществомъ" (изд. Гарольда Литльдэля). Въ немъ старательно свѣрены разночтенія изданій in quarto и второго in folio.

Сюжетъ „Двухъ знатныхъ родичей" заимствованъ изъ „Паламона и Аркита" Чосера, который въ свою очередь заимствовалъ его изъ „Тезеиды" Боккаціо. Сюжетъ этотъ значительно менѣе измѣненъ, чѣмъ въ другихъ шекспировскихъ заимствованіяхъ изъ Чосера. Повѣствовательный элементъ въ нашей драмѣ получилъ гораздо больше развитія, чѣмъ драматическій. Длинныя описанія замѣняютъ дѣйствіе. Характеры столь же мало развиты, какъ въ самыхъ раннихъ пьесахъ Шекспира. Въ этомъ отношеніи интересно сравнить характеры Тезея въ комедіи „Сонъ въ Иванову ночь" и въ нашей пьесѣ. Въ „Снѣ въ Иванову ночь" мы находимъ опредѣленную концепцію характеровъ, и, конечно, было бы странно, если бы Шекспиръ, къ концу своей жизни, принимаясь за характеръ, очерченный имъ много лѣтъ тому назадъ, сталъ изображать его въ совершенно другомъ свѣтѣ. И, все же, именно это насъ поражаетъ въ двухъ знатныхъ родичахъ". Тезей изображенъ здѣсь такъ, какъ описываетъ его Чосеръ,—тираномъ, не знающимъ иного закона, кромѣ собственной воли. Онъ постоянно либо въ крайнемъ гнѣвѣ, либо въ крайней степени восторга,

и его приближенные безъ зазрѣнія совѣсти пользуются своимъ знаніемъ его настроеній, чтобы заставить его дѣйствовать сообразно своимъ видамъ. Ипполита, Эмилія и три царицы на колѣняхъ умоляютъ его выступить войной противъ Ѳивъ, наказать Креона и похоронить трехъ царей, погребенія которыхъ не допускалъ этотъ тиранъ. Тезей, прежде, чѣмъ уступить ихъ желанію, проявляетъ доходящій до комизма недостатокъ рѣшительности. И повсюду въ другихъ мѣстахъ пьесы мы видимъ то же самое; насиліе съ одной стороны и колебанія съ другой, разъ является необходимость составить или измѣнить какое нибудь рѣшеніе. И онъ никогда не ссылается на законъ, какъ на силу, равную или высшую его воли. Въ „Снѣ въ Иванову ночь" мы встрѣчаемся съ совершенно иной постановкой дѣла. Здѣсь Эгей приводитъ къ Тезею свою дочь Гермію и обвиняетъ ее въ неповиновеніи. Она отказывается выйти замужъ за человѣка, котораго отецъ избралъ для нея въ мужья. Тезей и не думаетъ разрѣшить вопросъ по своему личному усмотрѣнію.

Когда Эгей ссылается на древній аѳинскій законъ (дѣйствіе I, сц. 1, ст. 42) и говоритъ: „Такъ какъ она моя, то я вправѣ располагать ею. Она должна или принадлежать этому человѣку, или умереть, согласно нашему закону, безъ промедленія прилагаемому въ этомъ случаѣ", то Тезей съ своей стороны говоритъ Герміи: „Знай, прекрасная дѣвушка: для тебя отецъ твой долженъ быть какъ богъ; онъ тотъ, кто породилъ твою красоту; для котораго ты была только восковой формой, на которой онъ запечатлѣлъ свое изображеніе; и въ его волѣ оставить жить сотворенный имъ образъ, или разрушить его". Послѣ длиннаго разговора, который совѣтуемъ читателю просмотрѣть и сравнить со сценой упрашиванія въ нашей пьесѣ, Тезей говоритъ: „Ты же, прекрасная Гермія, должна склонить свои мечты предъ волею родителя. Иначе законъ Аѳинъ— который мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ отмѣнить, — присуждаетъ тебя къ смерти или къ обѣту дѣвственной жизни".

Въ „Снѣ въ Иванову ночь" Тезей изображенъ конституціоннымъ правителемъ, чѣмъ, несмотря на всѣ свои недостатки, была для своихъ подданныхъ Елизавета. Въ „Двухъ знатныхъ родичахъ" мы имѣемъ дѣло съ деспотомъ, отъ пароксизмовъ бѣшенства переходящимъ къ состоянію разслабленности, когда окружающіе беззастѣнчиво начинаютъ играть имъ. Возможно ли, спрашиваю я, чтобы Шекспиръ—если онъ авторъ „Двухъ знатныхъ родичей"— отказался отъ своей первой тонкой концепціи характера Тезея, чтобы замѣнить ее образомъ слабаго, вѣчно колеблющагося тирана? Какъ это ни странно, мысль сравнить Тезея нашей комедіи съ тѣмъ же самымъ лицомъ комедіи „Сонъ въ Иванову ночь" съ указанной сейчасъ точки зрѣнія не пришла въ голову никому изъ тѣхъ, кто принималъ участіе въ пререканіяхъ за и противъ участія Шекспира въ созданіи разсматриваемой пьесы.

Эти пререканія начинаются съ соображеній, высказанныхъ Спеддингомъ въ 1833 г. Его воззрѣнія ожили въ „Трудахъ Новаго Шекспировскаго Общества" за 1876 г. вмѣстѣ съ теоріей, что Шекспиру въ „Генрихѣ VIII" помогалъ Флетчеръ (см. предисловіе къ „Генриху VIII"). Его увѣренность, что „Два знатныхъ родича" могутъ быть приписаны Шекспиру, главнымъ образомъ основана на замѣчательной поэтической красотѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстъ пьесы, но онъ не пытался указать проявленіе важнѣйшей черты шекспировскаго творчества — развитіе характеровъ изображенныхъ въ пьесѣ лицъ. Къ воззрѣніямъ Спеддинга примкнули профессоръ Спальдингъ и Гиксонъ, оба позднѣе получившіе поддержку со стороны „Новаго Шекспировскаго Общества". Иной взглядъ высказалъ профессоръ Деліусъ въ статьѣ своей, напечатанной въ 13 томѣ „Shakespeare Jahrbuch" („Die angebliche Shakespeare-Fletcher'sche Authorshaft des Dramas The Two Noble Kinsmen"). Онъ того мнѣнія, что Шекспиръ не принималъ никакого участія въ созданіи пьесы. Деліусъ указываетъ на отсутствіе въ ней всякихъ слѣдовъ развитія характера, а такъ какъ по времени появленія пьесы она относится къ послѣднимъ годамъ жизни Шекспира, то мысль объ его участіи становится недопустимой. Эта часть доводовъ Деліуса была безъ сомнѣнія удачна. Но когда онъ сталъ доказывать, что комедія была написана неизвѣстнымъ авторомъ, который умѣлъ съ внѣшней стороны подражать стилю одновременно и Шекспира и Флетчера, то этимъ онъ доказалъ только одно: что онъ не имѣетъ достаточныхъ познаній въ области драмы того времени. Вотъ почему эта часть его статьи была подвергнута въ Англіи весьма неблагосклонной критикѣ Фэрниваллемъ, Флэйемъ и почти всею фалангой „Новаго Шекспировскаго Общества".

Трудность вопроса заключается въ томъ, чтобы указать автора, котораго можно было было считать способнымъ написать такое произведеніе, какъ приписываемая Шекспиру часть пьесы. Авторъ настоящей статьи былъ тогда въ перепискѣ съ Фэрниваллемъ, предсѣдателемъ „Новаго Шекспировскаго Общества", и сообщилъ ему свое убѣжденіе, что искомымъ авторомъ былъ Мэсинджеръ (см. предисл. къ „Генриху VIII" и „Троилу и Крессидѣ"). По приглашенію Фэрнивалля я изложилъ свои взгляды въ запискѣ и передалъ ее для обнародованія въ „Трудахъ Новаго Шекспировскаго Общества". Докладъ былъ напечатанъ и прочитанъ членамъ Общества 8-го декабря 1882 года. Онъ былъ принятъ благосклонно, но такъ какъ интересъ къ предмету между 1876 и 1882 г. очень ослабѣлъ, то докладъ не былъ подвергнутъ обстоятельному обсужденію. Знаменитый поэтъ Броунингъ, избранный въ это время президентомъ Общества, написалъ автору благодарственное письмо за удовлетворительное разъясненіе вопроса. Александръ Шмидтъ (составитель „Шекспировскаго лексикона") также заявилъ, что онъ присоединяется къ мнѣнію объ участіи Мэсинджера. Фэрнивалль и Флэй приняли новый взглядъ—второй изъ нихъ однако только на короткое время. Впослѣдствіи онъ предложилъ другого драматурга того времени—Чепмена вмѣсто Мэсинджера, но не встрѣтилъ поддержки.

Есть много важныхъ основаній для утвержденія, что сотрудникомъ Флетчера въ разсматриваемой пьесѣ былъ именно Мэсинджеръ. У Мэсинджера есть излюбленныя типическія фигуры, о которыхъ мы всегда впередъ знаемъ, что онѣ скажутъ въ каждомъ данномъ положеніи. Но все же нѣкоторые изъ этихъ типовъ получаютъ у Мэсинджера дальнѣйшее развитіе, чего никакъ нельзя сказать о лишенныхъ всякаго движенія типахъ Флетчера.

Имена Бьюмонта и Флетчера такъ тѣсно сплетены между собою въ исторіи англійской драматической литературы, что соединеніе Мэссинджера и Флетчера напугало многихъ изъ тѣхъ, кто безъ большихъ затрудненій усвоилъ идею о сотрудничествѣ Шекспира и Флетчера. Но мы имѣемъ, однако, свидѣтельство современника, друга обоихъ драматурговъ — сэра Астона Кокэнья, что Мэссинджеръ и Флетчеръ работали вмѣстѣ столь же часто, какъ Бьюмонтъ и Флетчеръ, и онъ упрекаетъ издателей перваго in folio Бьюмонта и Флетчера за то, что они не отдали должнаго Мэссинджеру. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что литературное сотрудничество существовало не только между Бьюмонтомъ и Флетчеромъ, но также между Мэссинджеромъ и Флетчеромъ.

Было потрачено не мало усилій, чтобы выяснить, въ какихъ именно пьесахъ Флетчера сотрудничалъ Мэссинджеръ. Но усилія эти не приводили къ яснымъ результатамъ, пока Клэй, изслѣдуя собственныя имена, встрѣчающіяся въ одной изъ 52 написанныхъ сообща пьесъ,—„Маленькомъ французскомъ законникѣ" (The little french Lawyer),—не замѣтилъ, что въ ней имя „Динантъ" произносится съ ударепіемъ на первомъ слогѣ въ однѣхъ сценахъ и съ ударепіемъ на второмъ слогѣ— въ другихъ. Дальнѣйшее изслѣдованіе показало ему, что каждая изъ этихъ двухъ группъ сценъ имѣетъ свой особый размѣръ. Такъ какъ размѣръ Флетчера извѣстенъ по такимъ пьесамъ, какъ „Бондука", „Валентиніанъ" и другія, которыя онъ написалъ одинъ, то явилась также возможность установить по размѣру пьесъ несомнѣнно принадлежащихъ одному Мэссинджеру („The Bondman", „The great Duke of Florence, „The Duke of Milan" и др.)., какія части Флетчеръ-Мэссинджеровскихъ пьесъ принадлежатъ Мэссинджеру.

Такимъ образомъ былъ найденъ надлежащій путь, и трудный вопросъ, кто является сотрудникомъ Флетчера, въ цѣломъ рядѣ пьесъ,—былъ приблизительно разрѣшенъ. Кромѣ метра, однимъ изъ средствъ распознаванія является въ данномъ случаѣ и то, что Мэссинджеръ и Флетчеръ никогда не произносятъ собственныхъ именъ одинаковымъ образомъ. Въ „Испанскомъ Викаріи" лицо, называемое въ части Мессинджера Бартоломъ съ ударепіемъ на первомъ слогѣ, въ части Флетчера называется Бартоломъ—съ ударепіемъ на второмъ слогѣ. Въ „Двухъ знатныхъ родичахъ" въ одномъ мѣстѣ Флетчеръ произноситъ „The-se-us" и „Pir-ith-o-us" (т.-е. 3 и 4 слога), а Мэсинджеръ произноситъ The-seus и Pir-ith-ous, т.-е. дѣлая только два или три слога.

Это—конечно, мелочи, но въ такомъ трудно разрѣшаемомъ вопросѣ нельзя пренебрегать даже и пустяками.

Между размѣромъ „Двухъ знатныхъ родичей" въ части, не принадлежащей Флетчеру, и размѣромъ Шекспира въ его послѣднихъ произведеніяхъ существуетъ столь очевидное сходство, что оно послужило силь-

нѣйшимъ аргументомъ въ глазахъ членовъ „Новаго Шекспировскаго Общества" въ пользу авторства Шекспира. Въ виду этого я по просьбѣ Фэрнивалля составилъ вторую записку, которая была обнародована въ апрѣлѣ 1886 подъ заглавіемъ „Бьюмонтъ, Флетчеръ и Мэссинджеръ", также въ трудахъ „Новаго Шекспировскаго Общества". Въ этой запискѣ, объемомъ около 50 печатныхъ страницъ, приведено 1000 параллельныхъ мѣстъ, связывающихъ между собою пьесы, принадлежащія одному Мэссинджеру, съ пьесами Бьюмонтъ-Флетчера посредствомъ мѣстъ, общихъ и тѣмъ и другимъ. Однимъ изъ важныхъ выводовъ этого сопоставленія являются повторенія, столь характерныя для Мэссинджера. Уже Джиффордъ, тщательно издавшій многихъ старыхъ драматурговъ, и въ томъ числѣ Мэссинджера, замѣчаетъ о немъ: „Ни одинъ драматургъ не повторяетъ самъ себя чаще и съ такою безцеремонностью какъ Мэссинджеръ". Но Мэссинджеръ повторяетъ не только самого себя: онъ повторяетъ безпрестанно также Шекспира и очень любитъ уснащать рѣчь классическимъ аппаратомъ. Эта послѣдняя черта сама по себѣ, конечно, не имѣетъ рѣшающаго значенія для установленія авторства Мэссинджера въ каждомъ данномъ случаѣ, но она не безъ значенія въ связи съ другими его особенностями. Одинъ изъ доводовъ Деліуса, въ вышеуказанной статьѣ его, противъ участія въ нашей пьесѣ Шекспира, состоитъ въ частыхъ классическихъ цитатахъ и многихъ намекахъ на пьесы Шекспира и заимствованіяхъ изъ нихъ, чего самъ Шекспиръ никогда-бы не сталъ дѣлать.

А для Мэссинджера повторенія чрезвычайно характерны. Въ упомянутомъ выше второмъ докладѣ моемъ, гдѣ даны параллельныя мѣста изъ пьесъ Мэссинджера, есть около 30 такихъ мѣстъ, связывающихъ пьесы, написанныя имъ однимъ, съ его другими пьесами, и около 15,—связывающихъ такимъ же образомъ комедіи, въ которыхъ онъ былъ сотрудникомъ. Для нашей пьесы я указалъ 25 мѣстъ, вязывающихъ ее съ другими пьесами Мэссинджера. Нѣкоторыя изъ этихъ мѣстъ чрезвычайно характерны. Такъ напримѣръ, въ принадлежащей Мэссинджеру части пьесы „Судьба честнаго человѣка" есть такое мѣсто (актъ III, сцена I):

„Cunning calamity,
That others'gross wits uses to refine,
When J most need it, dulls the edge of mine".

„Лукавая напасть, изощряющая тяжелые умы, притупляетъ острые углы моего ума, когда я всего болѣе нуждаюсь въ этомъ (изощреніи)".

Въ „Двухъ знатныхъ родичахъ" (I. I. 119) мы находимъ эту-же мысль и то же сопоставленіе:

Extremity that sharpens sundry
Wits, Makes me a fool"

т.-е.: Опасность, изощряющая умы другихъ, меня дѣлаетъ глупымъ".

Мэссинджеръ, повторяя свои собственныя мысли, не всегда измѣняетъ и улучшаетъ ихъ, но здѣсь, безъ сомнѣнія, дѣло было именно такъ; и это заставляетъ меня думать, что пьеса была написана позже „Судьбы честнаго человѣка", написанной, какъ извѣстно, въ 1612—1613 г. Такое-же художественное совершенствованіе мы наблюдаемъ еще нѣсколько разъ. Такъ въ „Двухъ знатныхъ родичахъ" (I. I. 153) мы читаемъ: The heates are gone to-morrow (приблизительный переводъ: пылъ прошелъ завтра),— что въ томъ видѣ, какъ оно стоитъ передъ нами, едва понятно (фраза взята изъ того мѣста гдѣ Тезей обѣщаетъ выступить противъ Ѳивъ послѣ своей свадьбы, между тѣмъ какъ три царицы настаиваютъ, чтобы онъ выступилъ немедленно). Но эта мысль ясна сразу, когда мы сравнимъ малопонятную фразу съ однимъ мѣстомъ изъ пьесы Мэссинджера „Императоръ Востока" (II. I.): The resolution which grows cold to day will freeze to-morrow т.-е.: Рѣшительность, которая начинаетъ холодѣть сегодня, на утро замерзнетъ.

Тутъ мы прямо имѣемъ комментарій къ неясности перваго выраженія одной и той-же мысли, родившейся, конечно, въ одномъ и томъ-же творческомъ мозгу.

Переходя къ языку „Двухъ знатныхъ родичей", мы должны помнить, что по живописности языка Шекспиръ стоитъ одиноко среди поэтовъ своего вѣка. До него и при его жизни, въ теченіе всей его писательской карьеры, ни одинъ изъ поэтовъ въ метафорической рѣчи не достигъ степени живописи. Другіе писатели того времени умственно созерцаемую картину отбрасывали, такъ сказать, на объективное полотно, откуда читатель или слушатель получалъ представленіе о той умственной картинѣ, которая стояла передъ духовными очами поэта и была оригиналомъ созерцаемой читателемъ и слушателемъ объективной картины. Шекспиръ сталъ выше этого процесса

онъ передаетъ своимъ слушателямъ и читателямъ умственные образы свои какъ бы электрическимъ токомъ, безъ всякой посредствующей среды. Другими словами, онъ былъ первый, доставившій картинамъ драматургіи полную самостоятельность. И вотъ почему повѣрить, что Шекспиръ принималъ какое нибудь участіе въ созданіи „Двухъ знатныхъ родичей" или „Генриха VIII", для меня представляется невозможнымъ; такъ какъ только въ этихъ двухъ пьесахъ, между всѣми произведеніями того періода творчества Шекспира, который начинается „Гамлетомъ", нѣтъ ни одной изъ этихъ сверкающихъ электрическими искрами картинъ, буквально ни одной. Я собралъ въ упомянутыхъ выше двухъ докладахъ моихъ наиболѣе яркія картины изъ „Двухъ знатныхъ родичей", и всякій можетъ убѣдиться, что ни одна изъ нихъ даже приблизительно не можетъ сравниться съ изображеніемъ Гамлета въ комнатѣ его матери, когда онъ видитъ тѣнь своего отца, или съ тѣмъ ужасающимъ впечатлѣніемъ, которое производитъ на насъ безумный король Лиръ въ степи или воображаемый кинжалъ Макбета.

Изъ отсутствія характеризаціи, отличающаго всю пьесу, Деліусъ, какъ указано выше, извлекъ самый важный аргументъ свой противъ авторства Шекспира.

Благодаря недостаточному знакомству съ драматургами того времени, онъ не замѣтилъ факта, который одинъ стоитъ всѣхъ остальныхъ имъ приведенныхъ, взятыхъ вмѣстѣ.

Ничто такъ рѣшительно не ставитъ Шекспира выше его современниковъ, какъ чудная нѣжность и чистота его женскихъ образовъ. Морина, Имогена, Пердитта, Миранда едва ли представляются намъ, какъ простыя смертныя женщины. Изабеллу сжигаетъ огонь поруганной въ ней чистоты, который гонитъ прочь нечистыя мысли и заставляетъ даже брошенную куртизанку Люцію сказать, что она смотритъ на нее, какъ на „небесное и святое" существо.

Если Шекспиръ дѣйствительно написалъ какую нибудь часть нашей пьесы, то Ипполиту и Эмилію слѣдуетъ сравнить съ этими чистыми, лучезарными созданіями. Посмотримъ, что получится при такомъ сравненіи. Въ актѣ I (сц. 1 ст. 82) первая царица говоритъ:

«When her armes
Able to lock Iove from a synod, shall
By warranting moon-light corslet thee; O, when
Her twining cherries shal their swetness fall
Upon thy tastefull lips, what wilt thou thinke
Of rotten kings or blubber'd queens? What care
For what thou feelst not, what thou feelst being able
To make Mars spurn his drom? O, if thou couch
But one night with her, every hour in't shall
Take hostage of thee for a hundred, and
Thou shalt remember nothing more than what
That banket bids theo to».

(„Когда ея руки, способныя самого Юпитера увлечь изъ сонма боговъ, при свѣтѣ луны-покровительницы обнимутъ тебя, когда ея губы, какъ пара вишенъ, изольютъ свою сладость на твои жадныя губы, о, неужели станешь ты думать тогда о гніющихъ въ могилѣ короляхъ и рыдающихъ царицахъ? какая тебѣ забота о томъ, чего ты не чувствуешь? А то, что ты самъ чувствуешь, способно даже Марса заставить отказаться отъ барабана (войны). О, если бы ты провелъ съ нею только одну ночь, то каждый часъ въ ней сдѣлалъ бы тебя заложникомъ на сотню часовъ и ты не сталъ бы помнить ни о чемъ иномъ, кромѣ того, что повелѣваетъ тебѣ этотъ пиръ").

Одно это мѣсто уже достаточно характеризуетъ манеру Мэссинджера относиться къ своимъ женскимъ типамъ. Въ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ журналѣ „Englische Studien", въ числѣ тысячи собранныхъ мною параллельныхъ мѣстъ, 62 точь-въ-точь такого характера, какъ приведенное выше. Значительное число ихъ повторятъ слова приведеннаго мѣста почти буквально. Чувственность есть общая черта всѣхъ женскихъ типовъ нашей пьесы. Такъ Ипполита говоритъ (I. I. 190):

«Did I not by the abstaining of my joy,
Which breeds a deeper longing, cure their surfeit
That craves a present medicine, I should plucke
All ladies'scandall on me».

(„Если бы воздержаніемъ отъ моей радости, которая порождаетъ еще болѣе глубокое желаніе, я не излѣчила ихъ пресыщенія, требующаго такого лѣкарства, то вызвала бы по отношенію къ себѣ злословіе всѣхъ дамъ").

Эмилія въ актѣ I. 3. 66 такъ говоритъ о своихъ собственныхъ прелестяхъ:

«My breasts, o, then but beginning
To swell about the blossom».

(„О, мои груди тогда только начинали вздыматься вокругъ сосца").

Напомнимъ также, что дочь тюремщика въ нашей пьесѣ сходитъ съ ума отъ разочарованія въ любви. Другими словами, всѣ

женщины нашей пьесы имѣютъ грубую чувственную натуру, которая дѣлаетъ невозможнымъ ни на одинъ мигъ допустить, что онѣ—созданія Шекспира.

Эмилія пробуетъ убѣдить и себя, и насъ, что она такъ сильно любитъ Паламона и Аркита, что не знаетъ, кого изъ нихъ выбрать. Единственное чувство, которое она выражаетъ относительно поединка, въ которомъ рѣшается, кто изъ нихъ долженъ быть ея мужемъ, заключается въ опасеніи, какъ бы кому либо изъ нихъ не испортили лица. Въ принадлежащей Мэссинджеру части пьесы „Lover's Progress" Олинда также любитъ сразу двоихъ, такъ что не можетъ рѣшиться, кого выбрать.

Она выражается при этомъ такимъ образомъ, что довольно самаго малаго знакомства съ Мэссинджеромъ, чтобы придти къ заключенію, что творецъ Олинды есть также творецъ Эмиліи. Единственный слѣдъ характеризаціи его женскихъ образовъ, это—чрезвычайно развитая чувственность.

Между мужскими образами мы видѣли, что Тезей является однимъ изъ многочисленныхъ типическихъ тирановъ Мэссинджера. Паламонъ и Аркитъ въ началѣ пьесы въ рукахъ Мэссинджера различаются нѣкоторыми индивидуальными чертами. Но различія скоро исчезаютъ, и то, что говоритъ одинъ, можетъ быть приписано другому, такъ что читатель этого и не замѣтитъ. Словомъ, тутъ нѣтъ и слѣда развитія характеровъ, столь замѣчательнаго у Шекспира.

Въ своихъ попыткахъ привлечь интересъ зрителя, авторъ „Двухъ знатныхъ родичей", будь то Флетчеръ или Мэссинджеръ, вполнѣ полагается на однѣ только внѣшнія приключенія. Шекспиръ, конечно, тоже прибѣгаетъ къ занимательной фабулѣ, когда желаетъ привлечь къ пьесѣ интересъ, но главныя усилія свои онъ посвящаетъ развитію характеровъ.

Не взирая на все сказанное, слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что въ нашей пьесѣ встрѣчаются мѣста высокой поэтической красоты, что и дало нѣкоторымъ изъ нашихъ главныхъ авторитетовъ основаніе настойчиво высказываться за авторство Шекспира. Это было для нихъ тѣмъ легче, что въ подавляющемъ числѣ случаевъ они почти ничего не знали о Мэссинджерѣ. Удивительно, какъ мало подчасъ требуется научнаго багажа, чтобы сойти за ученаго шекспиролога.

Теперь необходимо дать нѣсколько свѣдѣній о Мэссинджерѣ въ добавленіе къ тому, что сказано въ предисловіи къ „Генриху VIII". Онъ родился въ 1583 г. (а не въ 1584 г., какъ это обыкновенно полагаютъ); первой пьесой, въ созданіи которой онъ участвовалъ, была, насколько это возможно установить, драма „The Honest Man's Fortune" (около 1612 года). Сотрудниками его въ этой пьесѣ были Бьюмонтъ и Флетчеръ. Вмѣстѣ съ тѣми же Бьюмонтомъ и Флетчеромъ онъ написалъ четыре другихъ пьесы около того же самаго времени. Вмѣстѣ съ однимъ только Флетчеромъ онъ написалъ семнадцать пьесъ; пять въ сотрудничествѣ съ какимъ то другимъ авторомъ, двѣ въ сотрудничествѣ съ двумя неизвѣстными драматургами, три совмѣстно съ Фильдомъ и Деккеромъ, и наконецъ, четырнадцать пьесъ — одинъ, самостоятельно. Такимъ образомъ онъ былъ частью единственнымъ авторомъ, частью дѣятельнымъ сотрудникомъ въ созданіи сорока восьми драмъ.

Изъ того, что было сказано относительно характеризаціи въ нашей пьесѣ, можетъ показаться страннымъ, что многіе и между ними даровитые критики приняли произведенія Мэссинджера за созданія Шекспира. Но такова сила предвзятости, и исходя изъ того, что пьеса шекспировская, непремѣнно найдешь доказательства этому. Удивительнаго тутъ ничего нѣтъ; многочисленныя подражанія творческимъ пріемамъ Шекспира, столь характерныя для Мэссинджера легко становятся подтвержденіемъ того, что пьеса написана Шекспиромъ. Затѣмъ приверженцы этой теоріи никогда не пытались разобраться въ вопросѣ, почему въ мнимо-шекспировской пьесѣ нѣтъ шекспировской характеризаціи. Для нихъ было достаточно, что въ пьесѣ встрѣчаются высоко поэтическія мѣста. Кромѣ того даже для природнаго англичанина невозможно отличить размѣръ Мэссинджера отъ размѣра Шекспира только на слухъ. Мэссинджеръ продолжилъ драматическое стихосложеніе съ того мѣста, гдѣ Шекспиръ оставилъ его, и развилъ его дальше въ томъ-же самомъ направленіи. Въ метрѣ Шекспира,—за исключеніемъ по моему не Шекспировскаго „Генриха VIII",—такъ называемыхъ run-on-lines, т.-е. стиховъ, въ которыхъ мысль не закончена, но переносится въ слѣдующую строку, встрѣчается въ крайнемъ случаѣ ото 20 до 30%. Между тѣмъ Мэссинджеръ началъ съ 31 процента такихъ стиховъ въ своей части пьесы „The Honest Man's Fortune" и дошелъ постепенно до 49. Точно такъ же онъ постепенно уве-

личивалъ число двусложныхъ окончаній (прибавленіемъ лишняго, одиннадцатаго неударяемаго слога), хотя не заходилъ въ этомъ такъ далеко, какъ Флетчеръ, въ нѣкоторыхъ драмахъ котораго круглымъ счетомъ 4 стиха изъ каждыхъ пяти имѣютъ двусложное окончаніе. Однако Мэссинджеръ любилъ также оканчивать стихъ частицей, мѣстоименіемъ, вспомогательнымъ глаголомъ (такъ называемое легкое окончаніе), предлогомъ или союзомъ (такъ называемое слабое окончаніе). Онъ, Бьюмонтъ и Шекспиръ въ своемъ метрѣ очень походятъ одинъ на другого. И какъ ни восхищался Мэссинджеръ Шекспиромъ—что мы можемъ видѣть изъ всѣхъ его произведеній — онъ усвоилъ себѣ манеру Бьюмонта изображать тираномъ и страстные характеры, самымъ яркимъ примѣромъ которыхъ является Тезей въ нашей пьесѣ. Кто сравнитъ Тезея съ Тьерри въ пьесѣ „Thierry and Theodoret" или съ Филастеромъ, Арбасесомъ или какимъ либо другимъ типическимъ героемъ Бьюмонта, тотъ увидитъ, что Мэссинджеръ усвоилъ себѣ манеру Бьюмонта, а не Шекспира. Къ тому-же, въ этомъ, благодаря избраннымъ имъ сюжетамъ, была своего рода необходимость. Поэты младшаго, чѣмъ Шекспиръ, поколѣнія умышленно предпочитали полагаться больше на изысканный вымыселъ фабулы, чѣмъ на трудный и опасный путь тонкой обрисовки характеровъ. Сознаніе этой важной особенности постепенно проникло въ новѣйшую шекспирологію и теперь уже мало кто рѣшается защищать участіе Шекспира въ созданіи „Двухъ знатныхъ родичей".

Въ заключеніе, сформулируемъ въ 2—3 словахъ pro и contra вопроса. Противъ— недостаточность переработки сырыхъ матеріаловъ источника. Они являются въ драмѣ почти совершенно въ такомъ же видѣ, какъ въ разсказѣ Чосера. Во-вторыхъ, нѣтъ развитія характеровъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Тѣ черты характера, которыя мы замѣчаемъ у дѣйствующихъ лицъ драмы,—не что иное, какъ результатъ ситуаціи, и онѣ измѣняются по мѣрѣ того, какъ мѣняется ситуація.

Въ третьихъ, въ разсматриваемой пьесѣ нѣтъ картинъ, сообщающихся непосредственно уму читателя какъ бы электрическимъ токомъ. Всѣ картины тщательно разработаны въ своихъ подробностяхъ, какъ отдѣлывалъ ихъ Шекспиръ только въ самыхъ первыхъ своихъ произведеніяхъ.

Съ другой стороны, за участіе въ этой пьесѣ Шекспира мы имѣемъ только два существенныхъ довода. Во-первыхъ, чрезвычайное сходство размѣра нашей пьесы съ размѣромъ послѣднихъ драмъ Шекспира— доводъ, который имѣлъ бы гораздо большее значеніе, если бы этотъ размѣръ не имѣлъ еще большаго сходства съ обычнымъ метрическимъ стилемъ Мэссинджера. Во-вторыхъ, истинная красота отдѣльныхъ мѣстъ нашей пьесы. Но въ пьесахъ, безспорно принадлежащихъ Мэссинджеру, мы встрѣчаемъ мѣста, столь же прекрасныя и съ замѣчательнымъ фамильнымъ сходствомъ въ тонѣ мысли и художественности выраженій съ самыми лучшими мѣстами разбираемой нами пьесы.

Роберт Бойль *).

*) Переводъ съ рукописи *Е. А. Егорова*. См. т. IV, стр. 68, прим. 2.

ДВА ЗНАТНЫХЪ РОДИЧА.

Дѣйствующія лица:

Тезей, герцогъ Аѳинскій.
Пиритой, аѳинскій генералъ.
Артезій, аѳинскій капитанъ.
Паламонъ, } племянники Креона, короля
Аркитъ, } Ѳивскаго.
Валерій, ѳивскій дворянинъ.
Шесть рыцарей.
Герольдъ.
Тюремщикъ.
Женихъ дочери тюремщика.
Докторъ.
Братъ и друзья тюремщика.
Дворяне.
Джеррольдъ, школьный учитель.
Ипполита, амазонка, невѣста Тезея.
Эмилія, ея сестра.
Три королевы.
Дочь тюремщика.
Служанка Эмиліи.
Крестьяне, гонцы, лицо, изображающее Гименея, мальчикъ, палачъ, стража, свита, дѣвушки-поселянки, женщины, изображающія нимфъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Аѳинахъ и окрестностяхъ Аѳинъ, кромѣ части перваго акта, гдѣ дѣйствіе происходитъ въ Ѳивахъ и ихъ окрестностяхъ.

ПРОЛОГЪ.

(Трубы).

Судьба дѣвицъ и новыхъ пьесъ сходна:
Поклонники и деньги къ нимъ стремятся,
Пока завѣты чести въ нихъ хранятся;
Такъ, если пьеса дѣльная скромна,—
То въ брачный день—въ день первый представленья—
Она полна невольнаго смущенья,
Дрожитъ за честь свою, подобно той,
Кто, бракъ святой свершивъ и первой ночи
Страхъ переживъ, стыдливо клонитъ очи
И кажется дѣвицей, не женой.
И съ нашей пьесой, если вамъ угодно,
Пусть будетъ такъ; прекрасно, благородно
Ея рожденье: авторъ былъ—поэтъ,
Какого знаменитѣй въ мірѣ нѣтъ
Отъ тѣхъ краевъ, гдѣ вьется По, какъ лента,
До береговъ серебрянаго Трента.
Тотъ авторъ—Чосеръ; онъ намъ тему далъ
И всѣмъ вѣкамъ въ наслѣдье завѣщалъ.
И если мы съ наслѣдьемъ этимъ чистымъ
Не справимся, и встрѣтите вы свистомъ
Дитя усилій нашихъ, чуть на свѣтъ
Оно родится,—то въ гробу поэтъ
Невольно содрогнется и застонетъ:
„О, кто мнѣ дастъ защиту, кто прогонитъ
Пустую эту болтовню писакъ,
Испортившихъ мои творенья такъ,
Что Робинъ Гудъ серьезнѣй ихъ стократно"!
Вотъ что намъ страшно! Было бы превратно
И безнадежно намъ мечтать о томъ,
Чтобъ съ нимъ сравняться собственнымъ трудомъ,
И можетъ быть, что на свое лишь горе
Отважились отплыть мы въ это море;
Но протяните руку намъ: тогда
Мы выплывемъ, быть можетъ, безъ вреда,—
Дадимъ рядъ сценъ, хоть и не превосходныхъ,
Какъ далъ бы Чосеръ, но вполнѣ пригодныхъ,
Чтобъ часъ—другой занять васъ. Миръ костямъ
Поэта! Радость и веселье—вамъ!
Но если васъ развлечь мы не съумѣемъ,
То докучать вамъ долго не посмѣемъ.

(Трубы).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Аѳины, передъ храмомъ.

Входитъ Гименей *съ горящимъ факеломъ; передъ нимъ мальчикъ въ бѣломъ платьѣ, разбрасывающій цвѣты; за Гименеемъ нимфа съ распущенными волосами и въ вѣнкѣ изъ колосьевъ; за нею* Тезей *между двумя нимфами въ вѣнкахъ изъ колосьевъ; затѣмъ* Ипполита, *невѣста, съ распущенными волосами, въ сопровожденіи* Пиритоя *и другого лица, держащаго надъ нею вѣнокъ; позади ея* Эмилія, *поддерживающая ея шлейфъ,* Артезій *и свита.*

Хоръ *(подъ музыку).*

Ароматнѣйшія розы,
Безъ шиповъ и безъ занозы,—
По красѣ имъ равныхъ нѣтъ;
Маргаритки, видомъ скромны,
И гвоздики, нѣжно-томны,
И тимьянной травки цвѣтъ;

Первоцвѣтъ, весны рожденье,
Ранній вѣстникъ наслажденья,—
Колокольчиковъ пучокъ;
Бѣлыхъ буквицъ цвѣтъ и почки,
Ноготки—могилъ цвѣточки,—
Синій шпорника цвѣтокъ,—

Всѣ, природы милой дѣти,
Собирайтесь въ пышномъ цвѣтѣ
Предъ невѣстой съ женихомъ!
(*Хоръ разбрасываетъ цвѣты*).
Хоръ воздушныхъ духовъ—птички,
Сладкогласныя пѣвички,
Всѣ слетайтесь здѣсь кругомъ!

Но ни воронъ, ни сорока,
Ни кукушка—вѣстникъ рока,—
Пусть не жалуютъ сюда,
Не грозятъ четѣ прекрасной,
Не тревожатъ миръ согласный,
Но бѣгутъ отсель всегда!

Входятъ три королевы, *въ траурѣ, съ черными вуалями, въ коронахъ. Первая королева падаетъ къ ногамъ* Тезея, *вторая—къ ногамъ* Ипполиты, *а третья—передъ* Эмиліей.

Первая королева.

Во имя милосердія и чести
Ты выслушай и пожалѣй меня!

Вторая королева.

Во имя матери твоей, во имя
Дѣтей, которыхъ ты зачнешь во чревѣ,—
Ты выслушай и пожалѣй меня!

Третья королева.

О, заклинаю суженымъ, который
Съ тобой раздѣлитъ ложе,—заклинаю
Твоею чистой дѣвственностью: будь
Заступницей въ тяжеломъ нашемъ горѣ!
Все, въ чемъ ты только погрѣшить могла бъ,
За добрый подвигъ тотъ тебѣ простится.

Тезей.

Встань, грустная жена.

Ипполита.

Прошу я, встань.

Эмилія.

Не преклоняй колѣнъ передо мною:
Когда я вижу женщину въ бѣдѣ,—
Сама невольно сердцемъ къ ней склоняюсь.

Тезей.

Въ чемъ ваша просьба, разскажите намъ!

Первая королева.

Предъ вами здѣсь три скорбныхъ королевы,
Мужья которыхъ пали жертвой злобы
Жестокаго Креона,—ихъ тѣла
Лежатъ добычей коршуновъ когтистыхъ
И пищею слетѣвшихся воронъ
Въ поляхъ нечистыхъ Ѳивъ. Тиранъ свирѣпый
Не позволяетъ намъ ихъ трупы сжечь
И въ урны пепелъ ихъ собрать, чтобъ вѣтеръ
Зловонье ихъ окрестъ не разносилъ,
Чтобъ свѣтлый Фебъ благословеннымъ окомъ
Не созерцалъ бы тлѣнья мертвыхъ тѣлъ.
О, сжалься, герцогъ! Міра очиститель,
Ты извлеки за насъ твой грозный мечъ,
Которымъ столько благъ ты сдѣлалъ міру!
Намъ возврати тѣла супруговъ нашихъ,
Чтобъ мы могли гробницамъ ихъ отдать!
И, въ благости своей неизреченной,
Воззри на то, что мы, нося короны,
Увы, иного крова лишены,
Какъ сводъ небесный, кровлею служащій
Медвѣдю, льву,—и общій тварямъ всѣмъ!

Тезей.

Прошу, колѣнъ своихъ не преклоняйте!

Услышавъ вашу рѣчь, я возмущенъ;
Мнѣ вашихъ жаль колѣнъ, во прахъ склоненныхъ.
Супруговъ вашихъ гибель мнѣ извѣстна,
И столько же о ней я сожалѣлъ,
Насколько воспылалъ я жаждой мести.
(*Къ первой королевѣ*).
Твой мужъ—король былъ славный Капаней:
Въ тотъ день, когда съ тобою въ бракъ вступалъ онъ,—
Въ такое жъ время года, какъ теперь,—
Предъ Марса алтаремъ его я встрѣтилъ.
Какъ ты была прекрасна! Плащъ Юноны
Былъ не пышнѣй кудрей твоихъ роскошныхъ!
Въ тотъ день колосья брачнаго вѣнца
Разсыпаться, увянуть не грозили;
Фортуна сладко улыбалась вамъ;
Самъ Геркулесъ, мой родственникъ,—столь слабый
Предъ взорами очей твоихъ прекрасныхъ,—
Покорно булаву свою сложилъ
И, шкурой льва Немейскаго прикрывшись,
Свою вамъ кротко клятву приносилъ.
О, грозная печаль и злое время,
Какъ жадно вы готовы все пожрать!

Первая королева.

О, кажется, что нѣкій богъ внушаетъ
Тебѣ, герою, милосерднымъ быть!
Тебѣ онъ силу дастъ, чтобъ былъ ты нашимъ
Заступникомъ.

Тезей.

О, встань, вдова, прошу!
Молись у ногъ Беллоны шлемоносной
Ты обо мнѣ, о воинѣ своемъ!
О, какъ смущенъ мой духъ!
(*Отворачивается*).

Вторая королева.

О, Ипполита!
Ты, амазонка грозная, чьей силой
Сраженъ клыкастый вепрь; ты, чья рука
Настолько же сверкаетъ бѣлизною,
Насколько мощной силою полна;
Ты, чья отвага подчинить грозила
Полъ сильный слабому, и подчинила бъ,
Когда бъ тебя властитель твой,—который
Рожденъ на то, чтобъ всюду водворять
Все естество въ природныя границы,—
Вновь не заставилъ подчиниться узамъ,
Которыя ты сбросить порывалась,
Плѣнивъ тебя и силой, и любовью;
Воительница смѣлая, чей гнѣвъ
Настолько жъ страшенъ, какъ прекрасна милость;
Ты, кто теперь,—я знаю,—больше власти
Имѣешь надъ властителемъ своимъ,
Чѣмъ надъ тобой когда либо имѣлъ онъ,—
Онъ радъ служить по слову твоему,
О женственности чистое зеркало!
Проси его, чтобъ мы, огнемъ войны
Жестоко опаленныя, подъ сѣнью
Меча его, простертаго надъ нами,
Могли бъ прохладу сладкую найти!
Моли его, какъ женщина лишь можетъ
Молить, такая жъ, какъ одна изъ насъ!
Плачь передъ нимъ, склони предъ нимъ колѣна,—
Хоть не на долго, хоть на краткій мигъ,
Достаточный, чтобъ встрепенулся голубь,
Которому головку отрываютъ;
Скажи ему, что сдѣлала бы ты,
Когда бы онъ лежалъ въ кровавомъ полѣ,
Оскаливъ мертвый ротъ навстрѣчу солнцу,
Осклабившись недвижно на луну!

Ипполита.

Несчастная, умолкни, успокойся!
Настолько же охотно я пойду
За вами вслѣдъ, какъ шла въ тотъ путь который
Прервали вы,—а въ этотъ путь я шла
Всего охотнѣй въ жизни. Мой властитель
Глубоко тронутъ вашимъ горемъ. Дайте
Ему обдумать; послѣ я за васъ
Замолвлю слово.

Третья королева (*къ Эмиліи*).

О, я вижу, просьба
Моя была подобна льду, который,
Не растопленный жгучею печалью,
Лишь слабо каплетъ. Скорбь въ моей груди
Безформенною массою сдавилась.

Эмилія.

Встань, встань, прошу я! На твоихъ щекахъ
Начертаны слѣды твоей печали.

Третья королева.

На нихъ ея не можешь ты прочесть;
Она едва-едва видна сквозь слезы;
Такъ камни дна кремнистаго ручья
Виднѣются сквозь струйки волнъ прозрачныхъ.
Кто хочетъ знать земли всѣ тайны,—долженъ
Въ ея проникнуть нѣдра; тотъ, кто хочетъ
Хоть малую рыбешку въ мірѣ скорби
Моей поймать,—тотъ пусть свою уду
Въ пучину сердца моего заброситъ.
Жестокая лишь крайность побуждаетъ
Меня къ сравненьямъ страннымъ прибѣгать.
Я, кажется, съ ума сойти готова.

Эмилія.

Умолкни же! Я чувствую все это;
Кто подъ дождемъ не чувствуетъ дождя,
Тотъ понимать, конечно, не способенъ
Различья между мокрымъ и сухимъ.
Повѣрь мнѣ: еслибъ ты была картиной,
У живописца я бъ тебя купила,
Чтобъ сердце тяжкимъ зрѣлищемъ терзать
И упражнять его въ борьбѣ со скорбью;
Но я слаба, какъ женщинѣ обычно
Быть слабою, и грустный твой разсказъ
Меня такъ больно въ сердце ударяетъ,
Что, отразясь, ударъ тотъ сердцу брата,
Конечно, передается и заставитъ
Его невольно жалость ощутить,
Хотя бъ то сердце было тверже камня.
Утѣшься жъ, успокойся.

Тезей.

Поспѣшимъ
Скорѣе въ храмъ! Ни іоты не пропустимъ
Въ священной церемоніи.

Первая королева.

Увы!
Всѣ эти торжества продлятся дольше
И стоятъ вамъ дороже той войны,
Которую начать теперь мы молимъ!
О, вспомните, что имя ваше славно,
Что скоро поступить—для васъ не значитъ
Быть опрометчивымъ, что ваши думы
Сильнѣй вполнѣ обдуманныхъ рѣшеній
Другихъ всѣхъ смертныхъ; что рѣшенья ваши
Могучѣе, чѣмъ дѣйствія другихъ;
Дѣянья жъ ваши,—о клянусь Зевесомъ,—
Быстрѣй орла, хватающаго рыбу,
Едва возникнутъ,—къ цѣли ужъ придутъ.
О вспомни, герцогъ, вспомни, что за ложе
Дано убитымъ нашимъ королямъ!

Вторая королева.

Какъ грустно наше ложе, на которомъ
Супруговъ нашихъ нѣтъ!

Третья королева.

И даже ложа,
Приличнаго для мертвыхъ, нѣтъ у нихъ!
О, даже тѣ, кому свѣтъ милый солнца
Наскучилъ, кто ужасной умеръ смертью,
Убивъ себя веревкою, кинжаломъ
Иль ядомъ, или бросившись съ горы,—
И тѣ имѣютъ миръ и тѣнь могилы,
Не лишены гробовъ!

Первая королева.

Супруги жъ наши
Лежатъ, подъ жгучимъ солнцемъ разлагаясь,
При жизни жъ это были короли!

Тезей.

Вы правы; я исполню вашу просьбу
И дамъ могилы вашимъ королямъ,
Для этого имѣть придется дѣло
Съ Креономъ.

Первая королева.

И немедленно теперь
Свершить тебѣ удобно это дѣло;
До завтра зной улегся; трудъ усталый
Испариной себя вознаграждаетъ
И въ полной безопасности себя
Тиранъ считаетъ; онъ далекъ отъ мысли,
Что мы стоимъ здѣсь предъ тобой, стараясь,
Чтобъ ты прочелъ мольбу у насъ въ очахъ.

Вторая королева.

Онъ упоенъ теперь своей побѣдой.

Третья королева.

Насытясь, отдыхаетъ вражья рать.

Тезей.

Артезій, ты всѣхъ лучше понимаешь,
Что нужно дѣлать въ этомъ предпріятьи,—
Съ чего начать и сколько войскъ собрать;
Устрой же это все, какъ можно лучше,
А мы скорѣй приступимъ къ исполненью
Торжественнаго акта нашей жизни,—
Въ супружество свершимъ мы смѣлый шагъ.

Первая королева.

Подруги вдовы, дайте руки: будемъ
Оплакивать втроемъ свое вдовство;
Отсрочка насъ томиться осуждаетъ
Голодною надеждою.

Всѣ королевы.

Прощай!

Вторая королева.

Не во-время явились мы; но развѣ
Печаль способна разсуждать спокойно,
Какъ умъ, ничѣмъ не мучимый,—когда
О помощи просить всего удобнѣй?

Тезей.

Какъ, что вы говорите? Актъ священный,
Къ которому хочу я приступить,
Серьезнѣй всякихъ войнъ; онъ мнѣ важнѣе
Всѣхъ дѣлъ, какія прежде я свершилъ,
И всѣхъ, какія совершу въ грядущемъ.

Первая королева.

Я знаю: какъ бы ни молили мы,
Всѣ наши просьбы будутъ безуспѣшны.
Когда она лилейными руками,
Которыя увлечь могли бы Зевса

Съ высотъ Олимпа, шею обовьетъ
Тебѣ въ ночной тиши, при лунномъ свѣтѣ,—
Когда двѣ вишни этихъ алыхъ губъ
Къ устамъ твоимъ, любовью опьяненнымъ,
Прильнутъ,—ужели будешь думать ты
О короляхъ гніющихъ, королевахъ
Заплаканныхъ? Какъ можешь думать ты
О томъ, чего не чувствуешь? Кто можетъ
Вновь пробудить воинственнаго Марса,
Чтобъ онъ ударилъ въ барабанъ войны?
О, если съ нею проведешь ты сладко
Одну лишь ночь,—то часъ одинъ той ночи
Залогомъ будетъ ста такихъ ночей!
И съ той поры ты будешь думать только
О новыхъ наслажденьяхъ!

ИППОЛИТА.

Нѣтъ, о, нѣтъ! *(Преклоняетъ колѣна).*
О государь! Быть можетъ прогнѣвлю я
Тебя печальной просьбою своей;
Но еслибъ я отсрочить отказалась
Тотъ сладкій часъ, къ которому всѣмъ сердцемъ
Стремлюсь я, чтобы тѣмъ уврачевать
Скорбь этихъ вдовъ несчастныхъ, — навлекла бы
Я на себя проклятія всѣхъ женщинъ.
Итакъ, теперь рѣшаюсь испытать,
Имѣютъ ли немного силы просьбы
Мои передъ тобой, иль можетъ быть,
Отъ просьбъ должна навѣкъ я отказаться.
Отложимъ наше дѣло! Подыми
Свой щитъ, надѣнь сверкающія латы
На плечи, дорогія мнѣ! Охотно
Готова я ихъ отложить для дѣла
Несчастныхъ этихъ королевъ.

ВСѢ КОРОЛЕВЫ (*къ Эмиліи*).

Проси,
Проси за насъ! Обида наша проситъ
Колѣнопреклоненья твоего!

ЭМИЛІЯ (*преклоняя колѣна*).

О повелитель, если не исполнишь
Того, о чемъ сестра моя просила,
Съ готовностью и смѣлой быстротой,—
То никогда и ни о чемъ не буду
Тебя просить я; даже не отважусь
Себѣ супруга выбрать.

ТЕЗЕЙ.

Встаньте, встаньте!
Я самъ рѣшилъ исполнить то, о чемъ
Вы просите такъ слезно. Пиритой!
Сопровождай невѣсту! Помолитесь
Богамъ прилежно о побѣдѣ нашей
И скоромъ возвращеньи. Торжества
Свершить всѣ безъ изъятья! Королевы,
Идите вслѣдъ за воиномъ своимъ!
Артезій, какъ тебѣ велѣлъ я раньше,
Сбирай войска; у береговъ Авлиды
Меня ты встрѣтишь съ половиной рати,
Достаточной и для труднѣйшихъ дѣлъ.
Итакъ, спѣшу! Дозволь же, дорогая,
Запечатлѣть мнѣ на устахъ румяныхъ
Прощальный поцѣлуй! *(Цѣлуетъ Ипполиту)*
Храни его,
Какъ мой завѣтъ. Скорѣе же въ дорогу,
Скорѣй! *(Артезій уходитъ).* Прощай, красавица сестра!
Ты жъ, Пиритой, заботься, чтобы праздникъ
Своимъ порядкомъ шелъ и ни на часъ
Не сократился бъ.

ПИРИТОЙ.

Государь, дозволь мнѣ
Идти съ тобой; не въ праздникъ будетъ праздникъ,
Пока ты не вернешься.

ТЕЗЕЙ.

Нѣтъ, кузенъ!
Прошу не дѣлать изъ Аѳинъ ни шагу.
Надѣюсь я, что мы вернемся раньше,
Чѣмъ кончится вашъ пиръ; прошу его
Не сокращать. Еще разъ, всѣ прощайте!

ПЕРВАЯ КОРОЛЕВА.

Весь міръ тебя возславитъ!

ВТОРАЯ КОРОЛЕВА.

Равнымъ Марсу
Ты станешь божествомъ!

ТРЕТЬЯ КОРОЛЕВА.

Быть можетъ, выше:
Затѣмъ, что ты, хоть смертный, но смиряешь
Любовь передъ божественною честью.
Какъ говорятъ, такое испытанье
Едва выносятъ даже боги.

ТЕЗЕЙ.

Мы же,
Какъ люди, это выдержать должны.
Когда своимъ страстямъ мы уступаемъ,
Мы недостойны имени людей.
Прощайте же; иду за васъ на битву.
(Трубы. Всѣ уходятъ).

СЦЕНА II.

Ѳивы. Дворъ передъ дворцомъ.

Входятъ ПАЛАМОНЪ *и* АРКИТЪ.

АРКИТЪ.

О, Паламонъ, другъ милый, мнѣ родной

По сердцу даже больше, чѣмъ по крови,
Съ невинной, неиспорченной душой!
Кузенъ, покинемъ этотъ городъ—Ѳивы
Со всѣми ихъ соблазнами, пока
Еще чиста, безъ пятенъ наша юность!
Оставшись здѣсь, обречены мы оба
На стыдъ, когда останемся воздержны,
И также—если бросимся въ развратъ.
Не плыть съ теченьемъ—значитъ погрузиться
И потонуть въ борьбѣ безплодной съ нимъ;
А если мы теченью подчинимся,
Оно насъ унесетъ въ водоворотъ,
Въ которомъ мы погибнемъ иль насилу
Лишь выбьемся, ослаблены навѣкъ.

Паламонъ.

Ты правъ; примѣры привести не трудно.
Съ тѣхъ поръ, какъ мы съ тобой учились въ школѣ,
Какъ измѣнился городъ нашъ родной,
Какое всюду видно разоренье!
Вездѣ вокругъ—лишь камни да трава;
Вотъ все, что пріобрѣлъ завоеватель,
Поставившій своею гордой цѣлью
Почетъ и слитки золота; и вотъ—
Того ужъ нѣтъ, за что борьба кипѣла!
И кто же смѣетъ Марсу предложить
Такой алтарь позорный? Право, кровью
Все сердце обливается, когда
Я вижу это. О, какъ я хотѣлъ бы,
Чтобы опять великая Юнона
Прониклась прежней ревностью своей,
Чтобъ воинъ снова получилъ работу,
Очистилъ бы презрѣнный этотъ міръ
Отъ гнуснаго обжорства, чтобы снова
Его смягчилось сердце, въ эти годы
Сильнѣе загрубѣвшее, чѣмъ было
Среди войны и тяжкихъ битвъ.

Аркитъ.

И только?
Не видишь ты иного разоренья,
Какъ лишь паденье въ Ѳивахъ духа войнъ?
Когда ты началъ говорить, казалось,
Что и въ другомъ упадокъ видишь ты.
Ужель, жалѣть намъ не о чемъ, какъ только
О томъ, что духъ военный здѣсь въ упадкѣ?

Паламонъ.

Мнѣ жаль всего, что здѣсь въ пренебреженьи,
Но болѣе всего жаль тѣхъ, кому,
За жаркій пылъ труда ихъ ради чести,
Здѣсь платятъ льдомъ, чтобъ пылъ тотъ охладить.

Аркитъ.

Я не объ этомъ говорилъ, а только
О томъ, что добродѣтель въ нашихъ Ѳивахъ
Не цѣнится; я говорилъ о томъ,
Какъ было бъ намъ опасно здѣсь остаться,
Когда хотимъ мы честность сохранить.
Здѣсь зло имѣетъ видъ добра, добро же
Считается за зло; не быть мерзавцемъ
Здѣсь значитъ быть чужимъ, а быть такимъ,
Какъ всѣ другіе—значитъ быть уродомъ.

Паламонъ.

Все это такъ; но, право, въ нашей власти—
Вести себя, какъ надо; стоитъ только
Не брать примѣра съ обезьянъ. Кто можетъ
Меня принудить, чтобы я пошелъ
Чужимъ путемъ, идущимъ мимо чести?
Кто бъ могъ меня заставить перенять
Чужой языкъ, когда своею рѣчью
Могу я все, что нужно, изъяснить?
Чѣмъ связанъ я, чтобъ слѣдовать безумцу,
Слѣдящему прилежно за портнымъ,
Пока портной за нимъ слѣдить не станетъ?
Чѣмъ худъ мой брадобрей, а вмѣстѣ съ нимъ
Мой бѣдный подбородокъ, если брѣюсь
Я не предъ моднымъ зеркаломъ? Какой
Законъ меня заставитъ, снявши шпагу
Съ бедра, къ рукѣ ее привѣсить? Я
Хочу быть первой лошадью въ упряжкѣ,
Иль вовсе не везти. Всѣ эти вещи
Такъ вздорны, такъ ничтожны, маловажны,—
Что стоитъ ли заботиться о нихъ?
Другая мысль меня терзаетъ, мучитъ
Мнѣ сердце; это...

Аркитъ.

Дядя нашъ Креонъ.

Паламонъ.

Да, онъ, тиранъ забывшій честь и мѣру!
Его успѣхи повели къ тому,
Что гнѣвъ небесъ сталъ никому не страшенъ;
Всѣ негодяи думаютъ, что нѣтъ
Могущества сильнѣй ихъ гнусной власти;
Онъ даже вѣру подорвать готовъ,
Боготворя лишь гнусную удачу:
Чужія силы, умъ чужой онъ цѣнитъ
Своихъ лишь ради прихотей и цѣлей;
Добычу, почесть, славу,—все себѣ
Онъ радъ присвоить; зла онъ не боится,
Добро жъ творить не смѣетъ. Всю ту кровь,
Какая есть во мнѣ ему родная,
Хотѣлъ бы я, чтобъ высосали пьявки
Изъ жилъ моихъ, освободивъ меня
Отъ этой злой заразы!

Аркитъ.

Умъ твой ясенъ,
Мой дорогой кузенъ; уйдемъ отсель,
Чтобъ не дѣлить безчестья со злодѣемъ!
Вѣдь можетъ наше молоко принять

Вкусъ пастбища; придется подчиниться
Всѣмъ гнусностямъ, иль отказать ему
Въ покорности; не можемъ быть родными
Ему мы ни по крови, ни по духу.

ПАЛАМОНЪ.

Да, это такъ; согласенъ я съ тобой.
Мнѣ кажется, что оглушилъ онъ небо
Злодѣйствами своими, такъ что боги
Не слышатъ вопля вдовъ. Но вотъ Валерій!

ВАЛЕРІЙ.

Король къ себѣ зоветъ васъ; но идти
Къ нему не торопитесь: пусть немного
Его утихнетъ ярость. Крики Феба,
Которыми онъ погонялъ коней
На лучезарной колесницѣ солнца,
Сломавши бичъ свой, эти крики—шепотъ
Въ сравненьи съ ревомъ гнѣва короля.

ПАЛАМОНЪ.

Его и слабый вѣтеръ потрясаетъ!
Но что жъ могло случиться съ нимъ?

ВАЛЕРІЙ.

Тезей,
Котораго угрозы не напрасны,
Ему прислалъ сегодня грозный вызовъ
И обѣщаетъ Ѳивы разорить.
Онъ двинулся въ походъ ужъ, чтобъ исполнить
Свои слова.

АРКИТЪ.

Пускай себѣ идетъ;
Лишь гнѣвъ боговъ въ немъ страшенъ намъ, а самъ онъ
Нимало насъ не можетъ испугать.
Но какъ стоять за честь свою,—а это,
Конечно, неизбѣжно,—если ясно,
Что право не на нашей сторонѣ?

ПАЛАМОНЪ.

Теперь объ этомъ разсуждать не время:
Не за Креона мы стоимъ,—за Ѳивы.
Держаться въ сторонѣ—безчестно было бъ,
Сопротивляться—было бъ мятежомъ.
А потому должны мы быть съ нимъ вмѣстѣ
И покориться случаю, который
Засталъ насъ въ это время вмѣстѣ съ нимъ.

АРКИТЪ.

Да, это вѣрно. Что же, началась ли
Уже война, иль, можетъ быть, начнется,
Когда Креонъ условій не исполнитъ,
Поставленныхъ противникомъ?

ВАЛЕРІЙ.

Война
Ужъ началась; гонецъ принесъ извѣстье
Объ этомъ вмѣстѣ съ вызовомъ.

ПАЛАМОНЪ.

Итакъ,
Идемте жъ къ королю. О, еслибъ чести
Хоть четверть было въ немъ, въ сравненьи съ честью
Врага его, то кровь свою съ отрадой
Могли бъ пролить мы! Жертвой нашей жизни
Мы принесли бы пользу. Но увы!
Теперь сражаться будутъ наши руки,
А сердце будетъ чуждо имъ; смерть наша
Не принесетъ ни пользы, ни вреда.

АРКИТЪ.

Пусть будетъ рокъ судьею; онъ единый
Не дѣлаетъ ошибокъ никогда.
Мы знаемъ только, что велитъ намъ совѣсть,
Судьба же пусть творитъ, что суждено.
(*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Передъ воротами Аѳинъ.

Входятъ ПИРИТОЙ, ИППОЛИТА *и* ЭМИЛІЯ.

ПИРИТОЙ.

Прошу васъ дальше не идти.

ИППОЛИТА.

Прощай же
И государю передай привѣтъ нашъ.
Не смѣю я питать сомнѣній робкихъ
Въ его успѣхѣ; буду лишь желать
Ему избытка мужества и силы
Въ опасностяхъ. Спѣши къ нему скорѣй:
Какъ ни искусенъ полководецъ,—помощь
Излишнею не будетъ никогда.

ПИРИТОЙ.

Хоть океанъ его могучей силы
Въ содѣйствіи моихъ немногихъ капель,
Конечно, не нуждается, но все же
Я дань свою обязанъ принести.
(*Къ Эмиліи*).
Достойнѣйшая дѣва! Все, что небо
Даетъ своимъ созданьямъ лучшимъ въ даръ,—
Всѣ тѣ дары царятъ на пышномъ тронѣ
Въ прекрасномъ сердцѣ дѣвственномъ твоемъ!

ЭМИЛІЯ.

Благодарю, и царственному брату
Прошу привѣтъ мой передать. Я буду

Великую Беллону умолять
Помочь ему, и, такъ какъ просьбы смертных
Безъ жертвы не доходятъ до боговъ,—
Я поспѣшу узнать, какая жертва
Пріятна ей. Душой мы съ государемъ
Въ бою, въ его палаткѣ.

Ипполита.

Въ немъ самомъ!
Мы сами были воины; не станемъ
Мы плакать, если въ шлемахъ на войну
Идутъ друзья, иль въ море отплываютъ;
Мы слезъ не льемъ, услышавъ о младенцах,
На копья воткнутыхъ. о матеряхъ,
Которыя дѣтей своихъ варили
И, съѣвъ ихъ, горько плакали о нихъ;
Будь мы такими пряхами простыми,—
Мы бъ васъ не отпустили отъ себя.

Пиритой.

Пошли вамъ небо миръ, пока я буду
Тамъ, на войнѣ: надѣюсь, что тогда
Исходъ ея вамъ не внушитъ сомнѣній.
(Уходитъ).

Эмилія.

Какъ онъ стремится къ другу своему!
Съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ Тезея съ нами,—
въ играхъ
Хотя, какъ прежде, ловокъ Пиритой,
Но мало къ нимъ внимателенъ; удача
Не льститъ ему, а промахъ—безразличенъ;
Руками совершаетъ онъ одно,
А на умѣ его—совсѣмъ другое;
Такъ принужденъ онъ думать о вещахъ,
Несходныхъ межъ собою. Наблюдала ль
Его ты въ это время?

Ипполита.

Да, конечно;
И мнѣ онъ дорогъ сталъ. Они съ Тезеемъ
Вдвоемъ живали въ дикихъ захолустьяхъ,
Неся нужду, рискуя каждый мигъ
Своею жизнью; бурные потоки,
Изъ коихъ наименьшій былъ ужасенъ
Неистовою силою своей—
Они вдвоемъ переплывали; вмѣстѣ
Они сражались тамъ, гдѣ смерть гдѣздилась,
И вмѣстѣ грозный рокъ ихъ пощадилъ.
Ихъ прочная любовь узлу подобна,
Который и завязанъ и запутанъ
Искуснѣйшими пальцами такъ сложно,
Что можетъ быть разрубленъ, но нельзя
Его ослабить. Кажется мнѣ даже,
Что самъ Тезей, когда бъ онъ могъ раздвоить
Свое сознанье и затѣмъ сравнить
Ту и другую часть,—рѣшить не могъ бы,
Которую онъ любитъ больше.

Эмилія.

Правда!
Но нѣкто есть, кого онъ любитъ больше,
И это—ты, конечно. Я сама
Была дружна съ одной подругой дѣтства;
Ты на войнѣ была, когда она—
Увы, такъ рано—въ гробъ легла печальный,
Въ роскошную, но грустную постель,
Простившись съ милымъ мѣсяцемъ, который,
Казалось, отъ разлуки поблѣднѣлъ.
Одиннадцать ей было лѣтъ, мнѣ также.

Ипполита.

Я помню: то была Флавина.

Эмилія.

Да.
О дружбѣ Пиритоя и Тезея
Ты говорила; эта ихъ любовь
Взаимная—серьезна и разумна,
Возникла въ зрѣломъ возрастѣ она;
Ее могла бы я сравнить съ водою,
Повсюду пропитавшей развѣтвленья
Корней ихъ дружбы, тѣсно межъ собою
Сплетенныхъ. Наша жъ дѣтская любовь—
Любовь моя и той, о комъ, вздыхая,
Сейчасъ съ тобою говорила я,—
Была едва сознательна, невинна
И всетаки сильна и глубока;
Какъ дѣйствуютъ стихіи,—безъ разсудка,
Не зная, что, и какъ, и почему,—
И все жъ творятъ великое,—такъ точно
Стремились сердцемъ мы одна къ другой.
Что любо было ей,—мнѣ было любо
Безъ разсужденья; если я срывала
Цвѣтокъ, чтобъ межъ грудей моихъ воткнуть,—
Тогда еще едва лишь припухавшихъ
Вокругъ сосцовъ,—старалась и она
Найти цвѣтокъ такой же и спѣшила
Вложить его въ такую жъ колыбель
Невинную, гдѣ сладко умиралъ онъ,
Благоухая, фениксу подобный.
Любила ль я уборы головные,—
Они и ей служили образцомъ;
Любила ли она покрой одежды,—
Всегда изящный, хоть порой небрежный,—
И мнѣ покрой тотъ нравился всегда;
Когда я чуткимъ уловляла ухомъ
Мотивъ и напѣвала что нибудь,—
Старалась и она его запомнить,
И тотъ напѣвъ ея не покидалъ:
Сквозь сонъ его Флавина напѣвала.
Вся эта рѣчь, столь длинная,—какъ это

Легко понятно всѣмъ, кто чистъ душой,—
Лишь плодъ побочный сладкаго былого,
И цѣль ея лишь въ томъ, чтобъ показать,
Что и любовь простая дѣвы къ дѣвѣ
Порой сильнѣй, чѣмъ зрѣлая любовь.

Ипполита.

Ты—внѣ себя. Ты хочешь этой рѣчью,
Столь быстрою и страстною,—сказать,
Что никогда не будешь ты мужчину
Любить такъ нѣжно, съ силою такой,
Какъ дѣвочку Флавину ты любила.

Эмилія.

Да, въ этомъ я увѣрена.

Ипполита.

Увы,
Сестренка, въ этомъ я тебѣ не вѣрю,
Какъ не повѣрю, чтобы аппетитъ
Могъ быть совмѣстенъ съ отвращеньемъ къ пищѣ.
Но еслибъ я могла тебѣ повѣрить,
Меня ты отшатнула бъ отъ руки
Героя благороднаго—Тезея,
О счастіи котораго теперь
Готова я молиться, твердо вѣря,
Что царствую я въ сердцѣ у него
Прочнѣй, чѣмъ Пиритой.

Эмилія.

Не стану спорить,
Но при своемъ я мнѣньи остаюсь.
(*Звуки рожковъ. Ипполита и Эмилія уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Поле близъ Ѳивъ.

За сценой шумъ битвы. Отбой. Трубы. Входятъ Тезей, *одержавшій побѣду*, герольдъ *и* свита. Три королевы *встрѣчаютъ* Тезея *и падаютъ передъ нимъ ницъ.*

Первая королева.

Звѣзда твоя вовѣкъ да не затмится!

Вторая королева.

Земля и небо да благословятъ
Тебя на вѣки!

Третья королева.

Кто ни пожелалъ бы
Тебѣ всѣхъ благъ,—воскликну я: аминь!

Тезей.

Съ высотъ небесныхъ боги безпристрастно
На смертныхъ насъ взираютъ и творятъ
Свой правый судъ, карая по заслугамъ.
Идите же теперь, чтобъ разыскать
Тѣла супруговъ вашихъ; погребенье
Имъ воздадимъ мы съ торжествомъ тройнымъ.
Пусть въ пышности скорѣй избытокъ будетъ,
Чѣмъ недостатокъ. Мы пошлемъ людей,
Которые въ правахъ законныхъ вашихъ
Васъ водворятъ и все устроятъ вамъ,
Чѣмъ лично мы заняться здѣсь не можемъ
По недостатку времени. Прощайте жъ
И да хранятъ васъ небеса!
(*Королевы уходятъ*).

Вносятъ Паламона *и* Аркита, *въ безчувственномъ состояніи, на носилкахъ.*

Тезей.

Кто это?

Герольдъ.

Судя по ихъ значенью въ войскѣ,—лица
Высокія. Я слышалъ, что они
Изъ знати Ѳивъ, двоюродные братья
И короля племянники.

Тезей.

Клянусь
Шеломомъ Марса: я въ бою ихъ видѣлъ!
Какъ пара львовъ, добычу жадно рвущихъ,
Они себѣ прокладывали путь
Въ рядахъ враждебныхъ, всѣмъ вселяя ужасъ.
Я не сводилъ съ нихъ глазъ: они являли
Мнѣ зрѣлище, достойное боговъ.
Что плѣнникъ мнѣ сказалъ, когда спросилъ я,
Какъ ихъ зовутъ?

Герольдъ.

Зовутъ ихъ, сколько помню,—
Аркитъ и Паламонъ.

Тезей.

Такъ, это вѣрно;
Припоминаю. Живы ли они?

Герольдъ.

Не живы и не мертвы; если взяты
Они въ то время, какъ нанесть сбирались
Послѣдніе удары,—можетъ быть,
Они еще очнутся. Оба дышатъ
И сохраняютъ званіе людей.

Тезей.

Тогда прошу я съ ними обращаться
Какъ съ честными людьми. Во много разъ
Такія дрожжи лучше и цѣннѣе,
Чѣмъ зрѣлое вино въ лицѣ другихъ.
Пусть наши всѣ хирурги имъ помогутъ;
Цѣлительныхъ бальзамовъ—не жалѣть!
Жизнь этихъ двухъ—дороже намъ, чѣмъ Ѳивы.

Конечно, еслибъ, полные здоровья
И силъ, они остались на свободѣ,—
Я предпочелъ бы мертвыми ихъ видѣть;
Но въ сорокъ тысячъ разъ пріятнѣй мнѣ
Теперь въ плѣну ихъ сохранить живыми,
Несите жъ ихъ отсюда прочь скорѣе,
Отъ нашего лица: хотя мы къ нимъ
И благосклонны,—намъ они враждебны.
Служите имъ, какъ люди могутъ людямъ
Служить, и даже больше—для меня!
Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ всѣ ужасы знакомы,—
Гнѣвъ, ярость, заклинанія друзей,
Свободы жажда, бѣшенства порывы,
Любовь и ревность и супруги просьбы,—
Все это наложило на меня
Свою печать,—природа не могла бы
Ее безъ принужденья наложить:
Я мягче сталъ въ своихъ велѣньяхъ; больше
Разсудокъ съ волей борется во мнѣ.
Итакъ, во имя Аполлона, ради
Любви моей,—что лучшаго есть въ насъ,—
Пусть это все сослужитъ службу лучшимъ
Ихъ качествамъ!
Теперь пойдемте въ Ѳивы;
Исполнивъ тамъ, что нужно, мы обратно
Пойдемъ въ Аѳины во главѣ полковъ.
(*Трубы. Всѣ уходятъ. Свита уноситъ Паламона и Аркита*).

СЦЕНА V.

Другая часть того-же поля, далѣе отъ Ѳивъ.

Торжественная похоронная процессія. Входятъ королевы, сопровождая носилки съ тѣлами королей.

Хоръ.

Всѣ урны, всѣ благоуханья
Пусть унесутъ отсюда прочь!
Пусть стоны, плачъ и воздыханья
День ясный превращаютъ въ ночь!

Мрачнѣе смерти скорби наши,
Мы погребальный льемъ бальзамъ,
Слезами наполняемъ чаши
И шлемъ стенанья къ небесамъ!

Прочь, быстроокая отрада!
Печаль, веселья врагъ, приди!
Прочь утѣшенья,—ихъ не надо:
Лишь скорбь лелѣемъ мы въ груди!

Третья королева.

Здѣсь къ нашимъ усыпальницамъ дороги
Расходятся. Пусть снова радость къ вамъ
Придетъ, а къ мертвымъ—тихій миръ.

Вторая королева *(первой)*.

Вотъ тамъ
Твоя дорога.

Первая королева *(второй)*.

Тамъ—твоя.

Вторая королева.

Хоть боги
Ведутъ всегда по разнымъ насъ путямъ,
Но всѣхъ къ концу приводятъ роковому.

Третья королева.

Нашъ міръ подобенъ городу большому,
Гдѣ много улицъ къ площади ведутъ:
Та площадь—смерть, и всѣ туда придутъ.
(*Расходятся*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Аѳины; садъ; на заднемъ планѣ—тюрьма.

Входятъ тюремщикъ *и* женихъ *его дочери.*

Тюремщикъ. На мой вѣкъ мнѣ довольно малаго; кое что я оставлю вамъ, но немного. Что дѣлать! Я служу при тюрьмѣ, назначенной для важныхъ узниковъ, но такіе здѣсь рѣдко бываютъ: пока попадется семга, наловишь множество пискарей. Обо мнѣ ходятъ слухи, что я богаче, чѣмъ это есть на дѣлѣ; мнѣ хотѣлось бы, чтобы я былъ такимъ, какъ обо мнѣ разсказываютъ. Какъ бы то ни было, я клянусь, что завѣщаю моей дочери все имущество послѣ моей смерти.

Женихъ. Я ничего не требую, кромѣ того, что вы сами обѣщаете, и съ своей стороны исполню все, что обѣщалъ вашей дочери.

Тюремщикъ. Ладно, мы поговоримъ объ этомъ подробнѣе, когда всѣ торжества окончатся. Но имѣете ли вы согласіе моей дочери? Если да, то я согласенъ.

Женихъ. Я имѣю ея согласіе. Вотъ идетъ она сама.

Входитъ дочь *тюремщика.*

Тюремщикъ. Мы съ твоимъ другомъ говорили здѣсь объ извѣстномъ тебѣ дѣлѣ. Теперь не будемъ больше говорить объ этомъ, пока суматоха при дворѣ не пройдетъ; тогда мы побесѣдуемъ окончательно. Будь внимательна къ узникамъ: я слышалъ, что это принцы.

Дочь. Вотъ эти покрывала назначены для ихъ комнаты. Право, жаль, что они въ тюрьмѣ; впрочемъ я пожалѣла бы тоже, еслибы ихъ здѣсь не было. Мнѣ кажется, что своимъ терпѣніемъ они могутъ посрамить всякое несчастіе; сама тюрьма гордится ими, а они въ своей комнатѣ вмѣщаютъ цѣлый міръ.

Тюремщикъ. Говорятъ, что они оба—просто совершенство.

Дочь тюремщика. Я готова поклясться, что всякая слава мала для нихъ: они стоятъ гораздо выше всякихъ розсказней.

Тюремщикъ. Я слышалъ, что въ битвѣ они одни только и сражались храбро.

Дочь тюремщика. Весьма вѣроятно; это благородные страдальцы. Воображаю, какъ прекрасны были бы они, если бы остались побѣдителями, — съ такимъ благородствомъ они остаются свободными, не смотря на тюрьму, превращая свое горе въ веселье и подшучивая надъ своимъ несчастьемъ.

Тюремщикъ. Неужели?

Дочь тюремщика. У нихъ такой видъ, какъ будто они такъ же мало знаютъ о своей неволѣ, какъ я объ аѳинскомъ правительствѣ. Они хороши ѣдятъ, смотрятъ весело и разговариваютъ обо всемъ, кромѣ своего плѣна и своей бѣды. Лишь изрѣдка у одного изъ нихъ вырывается вздохъ, какъ бы рожденный въ мукахъ; тогда другой сейчасъ же упрекаетъ товарища, но такъ нѣжно, что мнѣ самой хотѣлось бы вздохнуть, чтобы быть такъ наказанной, или, вѣрнѣе сказать, чтобы вздохъ принесъ мнѣ такое утѣшеніе.

Женихъ. Я никогда не видалъ ихъ.

Тюремщикъ. Ночью самъ герцогъ тайно приходилъ сюда и они вели себя точно такъ же. Не знаю, что это значитъ. (*Въ окнѣ тюремной башни показываются Паламонъ и Аркитъ*).
Смотрите: вонъ они; это выглядываетъ Аркитъ.

Дочь тюремщика. Нѣтъ, это Паламонъ; Аркитъ пониже ростомъ и его почти не видно.

Тюремщикъ. Довольно, не показывайте на нихъ пальцами; не нужно, чтобы они насъ видѣли. Уйдемъ отсюда.

Дочь тюремщика. Смотрѣть на нихъ—просто праздникъ. О боги! Какъ люди бываютъ различны! (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Тамъ же.

Паламонъ *и* Аркитъ.

Паламонъ.
Какъ поживаешь, дорогой кузенъ?

Аркитъ.
Какъ ты живешь?

Паламонъ.
Во мнѣ осталось силы
Довольно, чтобъ смѣяться надъ несчастьемъ
И жребій несть, войною данный намъ.
Мы узники, кузенъ,—боюсь—навѣки.

Аркитъ.
Да, кажется, что такъ; и я готовъ
Покорно ждать велѣній злой судьбины.

Паламонъ.
О, дорогой Аркитъ мой! Что то Ѳивы?
Что съ нашими друзьями и родными?
Какъ грустно знать, что родины прекрасной
Мы больше не увидимъ никогда;
Не будемъ мы на играхъ благородныхъ
Смотрѣть на смѣлыхъ юношей ѳивянъ,
Несущихъ гордо бантъ отъ дамы сердца
И мчащихся, подобно кораблямъ
На парусахъ; не будемъ становиться
Мы съ ними въ рядъ, чтобъ ринуться впередъ
Быстрѣе, чѣмъ восточный буйный вѣтеръ,
И за собой соперниковъ оставить,
Какъ стаю тучъ, и въ бѣгѣ быстрыхъ ногъ
При возгласахъ восторженныхъ народа
Добыть вѣнцы побѣдные скорѣй,
Чѣмъ пожелать побѣды намъ успѣютъ!
Не будемъ мы, какъ чести близнецы,
Въ бою съ врагомъ отважно биться рядомъ;
Не будутъ кони гордые подъ нами,
Какъ море, волноваться и кипѣть!
Увы, мечи сверкающіе наши,—
Самъ богъ войны кровавыми очами
Меча грознѣй и лучше не видалъ,—
Мы ихъ лишились! Ихъ судьба—заржавѣть,
Состарившись; они украсятъ храмы
Боговъ, которымъ ненавистны мы!
Извлечь ихъ намъ не суждено, чтобъ въ битвѣ
Толпу враговъ, какъ молніей, разить!

Аркитъ.

Нѣтъ, Паламонъ; увы, надежды эти—
Въ плѣну, какъ мы; увянетъ наша юность
Въ тюрьмѣ, какъ слишкомъ ранняя весна.
Насъ старость здѣсь застанетъ, Паламонъ,
И, что всего ужаснѣе,—безбрачныхъ.
Объятій сладкихъ любящей жены,
Вооруженныхъ чарами Амура,—
Увы, не будутъ шеи наши знать;
Потомства не оставимъ мы; не будемъ
Смотрѣть на повторенье нашихъ лицъ
Въ утѣху нашей старости, не будемъ
Учить своихъ прекрасныхъ сыновей,
Какъ молодыхъ орлятъ, безстрашнымъ окомъ
Смотрѣть на блескъ мечей: „не забывайте,
Кто вашъ отецъ; старайтесь побѣдить!“
Оплачутъ насъ прекраснѣйшія дѣвы
И будутъ въ грустныхъ пѣсняхъ проклинать
Судьбу слѣпую, чтобы устыдилась
Она несправедливости своей,
Сгубившей нашу радостную юность.
Вотъ весь нашъ міръ! Здѣсь будемъ видѣть мы
Другъ друга лишь; о горѣ нашемъ тяжкомъ
Лишь бой часовъ разсказывать намъ будетъ;
Не суждено намъ видѣть, какъ на волѣ
Созрѣетъ виноградъ; настанетъ лѣто
И принесетъ всѣмъ радости,—а здѣсь
Царить зима въ жилищѣ нашемъ будетъ.

Паламонъ.

Ты правъ, Аркитъ, Ѳиванскихъ вѣрныхъ псовъ,
Лѣса родные оглашавшихъ лаемъ,
Не будемъ мы, какъ прежде, громко звать;
Метать не будемъ острыхъ копій нашихъ
Въ свирѣпыхъ вепрей, въ ужасѣ предъ нами
Бѣгущихъ, какъ Парфянскіе стрѣлки,
Не поразимъ ихъ нашей острой сталью!
Вся мужества отрада, всѣ утѣхи
Отважныхъ душъ—умрутъ для насъ навѣкъ
И, что всего ужаснѣе для чести,
Угаснемъ мы въ бездѣйствіи пустомъ,
Какъ дѣти плѣна, грустно и безвѣстно.

Аркитъ.

Все это такъ. Но все же я скажу,
Что даже въ этой безднѣ злого горя
Изъ этихъ всѣхъ ударовъ злой судьбы,
Двѣ выгоды большія происходятъ:
Во первыхъ, если боги соизволятъ,
Свою мы твердость можемъ показать,
А во вторыхъ—мы здѣсь вдвоемъ съ тобою.
Пусть пропаду я, если эти стѣны
Считать я буду за тюрьму, пока
Мой Паламонъ со мною!

Паламонъ.

Да, конечно,
Мы счастливы, что насъ судьба связала.
Двѣ честныя, высокія души,
Два благородныхъ тѣла оживляя,
Съумѣютъ злобѣ случая слѣпого
Противостать, предъ горемъ не падутъ,—
Пасть не должны, хоть, право, и могли бы;
Лишь стоитъ умереть,—конецъ всему!

Аркитъ.

Не можемъ ли найти мы долю счастья
Средь этихъ стѣнъ, столь ненавистныхъ всѣмъ?

Паламонъ.

Но какъ, кузенъ?

Аркитъ.

Вообразимъ себѣ,
Что мы живемъ въ святилищѣ, чтобъ скрыться
Отъ злыхъ людей, которые могли бы
Испортить насъ вліяніемъ своимъ;
Мы молоды, идемъ путями чести,
Свобода же и разговоръ пустой—
Ядъ чистыхъ душъ; они могли бъ, пожалуй,
Насъ соблазнить, какъ женщины,—и вотъ
Мы сбились бы съ пути. А здѣсь—чего
Воображеньемъ мы достичь не можемъ?
Мы безъ конца принадлежимъ другъ другу;
Ты для меня жена,—я для тебя,
И оба мы все вновь и вновь рождаемъ
Дѣтей любви; другъ другу мы—отецъ,
Друзья, семья, знакомство; мы другъ другу
Наслѣдники, наслѣдство-жъ—эти стѣны;
Ихъ никакой насильникъ не отниметъ;
Вооружась терпѣньемъ, можемъ
Здѣсь долго жить, любовью наслаждаясь;
Отъ пресыщенья здѣсь изъяты мы;
Намъ не грозитъ война, и волны моря
Не поглотятъ насъ. Будь мы на свободѣ,—
Должны бъ мы были время раздѣлять
Съ женой, съ дѣлами; нашего знакомства
Искали бы дурные люди; могъ бы
Я захворать, а ты бы могъ не знать,
Что боленъ я; и я бы умеръ, ты же
Своею благородною рукой
Мнѣ не закрылъ бы глазъ, не помолился бъ
Богамъ при этомъ. Тысяча причинъ
Внѣ этихъ стѣнъ могла бы разлучить насъ!

Паламонъ.

Благодарю, Аркитъ! Твои слова
Мнѣ сдѣлали мой плѣнъ—почти отрадой!
Какъ грустно было бъ жить мнѣ гдѣ нибудь
Внѣ этихъ стѣнъ: я бъ походилъ на звѣря!
Тюрьма—дворцомъ прекраснымъ стала мнѣ;
Всѣ развлеченья суеты блестящей,
Весь міръ—я вижу—только тѣнь пустая;

Которую уноситъ, проходя,
Сѣдое время. Что бы сталось съ нами,
Когда бъ мы жили при дворѣ Креона,
Гдѣ грѣхъ—законъ, а прихоть и развратъ—
Всей знати доблесть! О Аркитъ мой милый!
Когда бы боги насъ не привели
Сюда, въ темницу,—мы, въ грѣхѣ состарясь,
Какъ всѣ другіе, умерли бъ; никто бы
Насъ не оплакалъ; надписью надгробной
Проклятіе народа было бъ намъ!
Сказать еще?

Аркитъ.

Я слушаю.

Паламонъ.

Возможно ль,
Скажи, чтобъ были гдѣ нибудь два друга,
Которыхъ дружба пламеннѣй была бъ,
Чѣмъ наша?

Аркитъ.

Нѣтъ, конечно, невозможно.

Паламонъ.

Нѣтъ ничего на свѣтѣ, что бъ могло
Разрушить нашъ союзъ.

Аркитъ.

Пока мы живы,
Онъ будетъ жить, а послѣ нашей смерти
Туда придемъ мы, гдѣ любовь вѣчна.

Внизу въ садъ передъ тюрьмой входитъ Эмилія *въ сопровожденіи* служанки.

Эмилія.

Прекрасный садъ! Здѣсь цѣлый міръ отрады!
Какъ этотъ называется цвѣтокъ?

Служанка.

Сударыня, его зовутъ нарциссомъ.

Эмилія.

Нарциссъ... Прекрасный юноша онъ былъ,
Но такъ безуменъ, что въ себя влюбился.
Иль мало было дѣвушекъ тогда?

Аркитъ (*стараясь заглянуть въ окно, въ которое смотритъ Паламонъ*).

Пусти, кузенъ.

Паламонъ.

Сейчасъ.

Эмилія.

Иль, можетъ быть,
Онѣ жестоки были всѣ?

Служанка.

Возможно ль
Жестокой быть передъ такимъ красавцемъ?

Эмилія.

Ты не могла бъ?

Служанка.

И даже не должна бы.

Эмилія.

Хорошая дѣвица! Постыдись,
Немного хоть припрячь свою готовность!

Служанка.

Но почему жъ?

Эмилія.

Мужчины намъ опасны.

Аркитъ.

Пусти жъ меня, кузенъ!

Эмилія.

Умѣешь ты
Цвѣты такіе вышивать шелками?

Служанка.

Умѣю, госпожа.

Эмилія.

Такъ я хочу,
Чтобъ ими было вышито все платье,—
Вотъ этими,—и эти такъ красивы!
Неправда ли, какъ славно будетъ ими
Весь бортъ украсить?

Служанка.

Дивно, госпожа!

Аркитъ.

Кузенъ, кузенъ мой, Паламонъ: что скажешь?

Паламонъ.

Теперь лишь вижу, что въ темницѣ я!

Аркитъ.

Нѣтъ, какова она, скажи?

Паламонъ.

Прелестна!
Клянусь я небомъ,—это божество!

Аркитъ.

А!

Паламонъ.

Будь, Аркитъ, почтителенъ и сдержанъ:
Богиня предъ тобой!

Эмилія.

Изъ всѣхъ цвѣтовъ,
Мнѣ кажется, прекраснѣе всѣхъ—роза.

Служанка.

Осмѣлюсь ли спросить я: почему?

Эмилія.
Она—эмблема дѣвственности чистой:
Когда ее Зефиръ ласкаетъ нѣжно,
Она цвѣтетъ такъ скромно, распускаясь,
Румяная, подъ солнцемъ золотымъ;
Когда жь Борей нетерпѣливый грубо
Касается ея,—она стыдливо
Сжимается, скрывая всю красу
Въ зеленой почкѣ: пусть Борей ласкаетъ
Простой терновникъ.

Служанка.
Право, госпожа,
Такая скромность иногда чрезмѣрна:
Не гибнуть же изъ-за нея цвѣтамъ!
Мнѣ кажется, порядочной дѣвицѣ
Совсѣмъ не стоитъ съ розы брать примѣръ.

Эмилія.
Безстыдница!

Аркитъ.
О, какъ она прекрасна!

Паламонъ.
Вся красота соединилась въ ней!

Эмилія.
Ужъ солнце высоко,—пора домой.
Возьми цвѣты: посмотримъ мы, насколько
Искусство можетъ подражать ихъ краскамъ.
Не знаю, отчего мнѣ такъ легко,
Такъ весело, такъ хочется смѣяться!

Служанка.
А я не прочь бы лечь.

Эмилія.
И положить
Кого нибудь съ собой?

Служанка.
Пожалуй, если
Мы сговоримся.

Эмилія.
Что же, сговорись! *(Уходятъ).*

Паламонъ.
Что скажешь ты объ этой красотѣ?

Аркитъ.
Она на рѣдкость хороша.

Паламонъ.
На рѣдкость?
И только!?

Аркитъ.
Да, прекрасна, несравненна.

Паламонъ.
Вѣдь голову возможно потерять,
Въ нее влюбившись?

Аркитъ.
Право, я не знаю,
Что ты бы сдѣлалъ,—я жъ готовъ поклясться,
Что голову уже я потерялъ.

Паламонъ.
Ее ты любишь?

Аркитъ.
Можно ль не любить?

Паламонъ.
Владѣть ты ею хочешь?

Аркитъ.
Да! Свободы
Дороже мнѣ она!

Паламонъ.
Но всежъ я первый
Ее увидѣлъ.

Аркитъ.
Что же изъ того?

Паламонъ.
Нѣтъ, это важно.

Аркитъ.
Но я тоже видѣлъ
Ее!

Паламонъ.
Не долженъ ты ее любить!

Аркитъ.
Да, я не буду на нее молиться,
Какъ ты, не буду называть богиней
Небесною: хочу ее любить,
Какъ женщину, чтобъ ею наслаждаться.
Такъ оба можемъ мы любить.

Паламонъ.
Не смѣй
Любить ее совсѣмъ!

Аркитъ.
Какъ? Чтобъ не смѣлъ я
Любить ее? Но кто жъ мнѣ запретитъ?

Паламонъ.
Я запрещу! Ее я видѣлъ первый;
Мой глазъ впервые завладѣлъ красою,
Которую въ ней небеса открыли
Для смертныхъ! Если будешь ты, Аркитъ,
Любить ее и тѣмъ грозить надеждамъ

Любви моей,—тогда измѣнникъ ты,
Ты такъ же лживъ, какъ не имѣешь права
Любить ее! Отъ дружбы, отъ родства,
Отъ всякой нашей связи отрекусь я,
Когда посмѣешь думать ты о ней!

Аркитъ.

Да, я ее люблю, и всею жизнью
Своей готовъ я это доказать!
Люблю ее душой, любить я долженъ!
И если это поведетъ къ разрыву
Между тобой и мною, Паламонъ,—
Тогда прощай! Люблю я, повторяю!
И утверждаю, что ея любви
Достоинъ я, и что любить я воленъ
И столько жъ правъ имѣю на нее,
Какъ Паламонъ какой нибудь, какъ всякій,
Кого мужчины сыномъ мы зовемъ!

Паламонъ.

Тебя ль я другомъ звалъ?

Аркитъ.

И былъ я другомъ!
Зачѣмъ ты такъ волнуешься? Позволь
Поговорить съ тобою хладнокровно:
Не я ль—часть плоти и души твоей?
Не самъ ли ты твердилъ еще недавно,
Что ты—Аркитъ, я жъ—Паламонъ?

Паламонъ.

Такъ, такъ!

Аркитъ.

А если такъ, то развѣ не могу я
Участіе принять въ твоей любви,
Въ твоихъ печаляхъ, радостяхъ и страхѣ,
Во всѣхъ страданьяхъ?

Паламонъ.

Да, ты это можешь.

Аркитъ.

Такъ почему жъ такъ злобно, такъ коварно
Ты смотришь, точно ты мнѣ сталъ чужимъ
И не въ родствѣ со мною благородномъ?
Ее одинъ желаешь ты любить!
Скажи мнѣ прямо: развѣ недостоинъ
Я на нее смотрѣть?

Паламонъ.

Достоинъ ты,
Но ты неправъ, стремясь ее увидѣть.

Аркитъ.

Какъ? Потому, что кто нибудь замѣтитъ
Врага скорѣй, чѣмъ я,—обязанъ я
Спокойно ждать, о чести забывая,
Не нападать?

Паламонъ.

Да, если врагъ одинъ.

Аркитъ.

А если врагъ грозитъ мнѣ нападеньемъ?

Паламонъ.

Пусть самъ онъ скажетъ это,—и тогда
Свободенъ ты; теперь же, если станешь
Преслѣдовать ее,—будь проклятъ ты,
Какъ врагъ страны, какъ негодяй клейменый.

Аркитъ.

Ты сумасшедшій.

Паламонъ.

Буду сумасшедшимъ,
Пока ты стоишь этого, Аркитъ,
И если въ этомъ бѣшенствѣ удастся
Мнѣ погубить тебя,—я буду правъ.

Аркитъ.

Фуй, фуй! Себя ведешь ты, какъ ребенокъ.
Ее любить я буду, смѣю, долженъ,
Имѣю право!

Паламонъ.

О, когда бъ судьба
Намъ даровала только часъ свободы
И наши добрые мечи, чтобъ могъ
Ты, лживый другъ, сойтись со мной, грудь съ грудью!
Тебѣ тогда я скоро бъ показалъ,
Что значитъ похищать любовь у друга!
Ты сердцемъ ниже, чѣмъ презрѣнный воръ!
Посмѣй хоть разъ лишь выглянуть въ окошко:
Клянусь, тебя къ нему я пригвожу!

Аркитъ.

Ты этого не смѣешь, полоумный!
Ты этого не можешь, ты безсиленъ!
Я выгляну не только головой,
А высунусь всѣмъ тѣломъ; въ садъ я прыгну,
Когда ее увижу,—отдохну
Въ ея объятьяхъ для твоей досады!

Паламонъ.

Молчи пока: сюда идетъ тюремщикъ;
Живи, чтобъ могъ я черепъ раздробить
Тебѣ вотъ цѣпью этою.

Аркитъ.

Попробуй!

Входитъ тюремщикъ.

Тюремщикъ.

Прошу прощенья, господа.

ПАЛАМОНЪ.

Что нужно,
Почтеннѣйшій тюремщикъ?

ТЮРЕМЩИКЪ.

Принцъ Аркитъ,
Къ себѣ васъ герцогъ требуетъ,—причина
Мнѣ неизвѣстна.

АРКИТЪ.

Я готовъ, тюремщикъ.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Принцъ Паламонъ, я принужденъ лишить
Васъ общества прекраснаго кузена.

ПАЛАМОНЪ.

Лиши меня хоть жизни,—все равно!
(Тюремщикъ и Аркитъ уходятъ).
Зачѣмъ его отсюда отозвали?
Возможно, что онъ женится на ней:
Быть можетъ, герцогъ о происхожденьи
Его, о красотѣ его узналъ...
Но до чего коваренъ онъ! Возможно ль,
Чтобъ другъ такъ друга предавалъ? О, если
Такую благородную жену,
Красавицу такую онъ получитъ,—
То честному не стоитъ и любить!
О, если бы хоть разъ еще единый
Увидѣть мнѣ ее! *(Смотритъ въ окно).* Счастливый садъ!
Твои цвѣты блаженствуютъ въ сіяньи
Очей ея прекрасныхъ! О, когда бы,—
Хотя бъ цѣною будущей всей жизни,—
Я могъ стать этимъ малымъ деревцомъ,
Цвѣтущимъ абрикосомъ! Какъ я росъ бы,
Какъ жадно вѣтви простиралъ бы я
Къ ея окну! Плоды я приносилъ бы,
Достойные стола самихъ боговъ;
Отвѣдавъ ихъ, она цвѣсти бы стала
Еще пышнѣй, еще прекраснѣй вдвое,
И, если эта дѣва не богиня,
Она подобна стала бы богамъ
Настолько, что они бы устрашились.
Навѣрное за это все она
Меня бы полюбила! *(Входитъ тюремщикъ).*
А, тюремщикъ!
Что, гдѣ Аркитъ?

ТЮРЕМЩИКЪ.

Онъ изгнанъ изъ страны.
Принцъ Пиритой ему освобожденье
Доставилъ, но съ условіемъ однимъ,—
Чтобы онъ поклялся жизнію своею,
Что никогда ногой онъ не коснется
Земли аѳинской.

ПАЛАМОНЪ *(въ сторону).*

Онъ счастливецъ! Ѳивы
Увидитъ онъ опять, собрать онъ можетъ
Опять, какъ прежде, юношей отважныхъ,
Которые, когда прикажетъ онъ,
Сражаться будутъ пламенно; возможно,
Что онъ войну начнетъ изъ-за нея,
И, если онъ тогда не овладѣетъ
Красавицей—онъ будетъ жалкимъ трусомъ;
А если точно благороденъ онъ,—
Онъ тысячу найдетъ путей отважныхъ,
Чтобъ ею завладѣть. О, если бъ я
Былъ на свободѣ,—подвиговъ великихъ
Я совершилъ бы столько, что она,
Сама она, прекраснѣйшая дѣва,
Въ мужчину превратиться пожелала бъ,
Чтобъ покорить меня!

ТЮРЕМЩИКЪ.

Достойный принцъ!
Я дѣло къ вамъ имѣю.

ПАЛАМОНЪ.

Дѣло? Чтобы
Отдѣлаться на вѣки отъ меня?..
Убить меня?

ТЮРЕМЩИКЪ.

О, нѣтъ; но вашу свѣтлость
Приказано отсюда удалить:
Окно здѣсь слишкомъ велико.

ПАЛАМОНЪ.

Чтобъ черти
Побрали всѣхъ завистниковъ! Прошу:
Убей меня!

ТЮРЕМЩИКЪ.

Тогда меня повѣсятъ.

ПАЛАМОНЪ.

Клянусь сіяньемъ солнца, если бы мечъ
Мнѣ дали, я бъ убилъ тебя!

ТЮРЕМЩИКЪ.

За что же?

ПАЛАМОНЪ.

Ты все такія вѣсти мнѣ приносишь,
Что жизни, право, не достоинъ ты.
Я не пойду.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Пойдемте, принцъ: такъ надо.

ПАЛАМОНЪ.

Я буду видѣть садъ оттуда?

ТЮРЕМЩИКЪ.

Нѣтъ.

ПАЛАМОНЪ.

Такъ ни за что я не пойду.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Я долженъ
Принудить васъ, а такъ какъ вы опасны,—
Оковъ я долженъ больше наложить.

ПАЛАМОНЪ.

Что жъ, наложи, любезный; ими стану
Я такъ трясти, что спать я вамъ не дамъ:
То будетъ новый мавританскій танецъ!
Такъ долженъ я итти?

ТЮРЕМЩИКЪ.

Увы, должны!

ПАЛАМОНЪ *(въ сторону).*

Итакъ, прощай же, милое окошко!
Пусть никогда тебя не сметъ вѣтеръ
Захлопнуть! О, красавица моя!
Знавала ль ты когда нибудь, что значитъ
Тоска? И если знала, то пойми,
Какъ горько мучусь я въ своей печали!
(Тюремщику).
Ну, чтожъ, идемъ: похорони меня.
(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Мѣстность близъ Аѳинъ.

Входитъ АРКИТЪ.

АРКИТЪ.

Я изгнанъ изъ Аѳинъ. Конечно,—это
Благодѣянье мнѣ,—благодарю!
Но жить въ изгнаньи, чтобъ не видѣть вѣчно
Той, для кого я радъ бы жизнь отдать,—
О, это казнь изысканная, гибель
Ужаснѣй смерти, это—злая кара,
Какую я не могъ бы заслужить,
Будь даже я преступный, старый грѣшникъ!
Передъ тобою, Паламонъ, открыто
Ристалище; быть можетъ, каждый день
Встрѣчать ты будешь взоръ ея блестящій
Въ окнѣ своемъ, и жить ты будешь имъ!
Ты можешь наслаждаться красотою,
Которой нѣтъ подобной и не будетъ!
О, какъ богами взысканъ Паламонъ!
Бьюсь объ закладъ: заговоритъ онъ съ нею,
И, если сердце нѣжно у нея
Настолько жъ, какъ ея прекрасенъ образъ,—
Клянусь, она достанется ему!
Его языкъ смирить способенъ бурю,
Способенъ онъ очаровать скалу!...
Но будь, что будетъ: смерть всего ужаснѣй;
Я изъ страны аѳинской не уйду;
Въ развалинахъ страна моя родная,
И, если я уйду, то все погибло:
Онъ ею овладѣетъ. Рѣшено:
Я видъ иной приму, переодѣнусь
И попытаю счастья иль погибну.
Такъ или нѣтъ,—хочу счастливымъ быть,
Жить близъ нея, иль болѣе не жить.

Входятъ четыре крестьянина; пятый идетъ впереди и несетъ вѣнокъ.

ПЕРВЫЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Товарищи! Туда пойду я, право!

ВТОРОЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

И я иду туда!

ТРЕТІЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

И я туда!

ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Эхъ, парни! Ужъ куда ни шло: за вами
Пущусь и я! Ну, что мнѣ брань жены?
Пускай сегодня этотъ плугъ попашетъ,
А завтра я отлично изъ него
Клячъ выпрягу.

ПЕРВЫЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Сужу я точно также:
Моя жена ревнива, какъ индюкъ;
А мнѣ то что? Пускай себѣ бормочетъ!

ВТОРОЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Бортъ къ борту съ нею слѣдующей ночью
Сойдешься ты и тѣмъ поправишь все!

ТРЕТІЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Да не забудь указку дать ей въ руку:
Взявъ тотъ урокъ,—увидишь ты,—она
Исправится и славной бабой станетъ.
Участвовать мы будемъ въ танцѣ?

ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Будемъ!
Что помѣшаетъ намъ?

ТРЕТІЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Придетъ Аркасъ.

ВТОРОЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Придутъ Рикасъ и Сенноисъ,—танцоры,
Какихъ не можетъ лучше быть для пляски!
А что за дѣвки будутъ тамъ,—ого!
Не знаете ль, придетъ ли нашъ учитель?

Онъ обѣщалъ придти. На всѣ вѣдь руки
У насъ онъ мастеръ: всѣ мы это знаемъ.

Третій крестьянинъ.
Скорѣе съѣстъ онъ свой букварь, чѣмъ насъ
Обманетъ: онъ навѣрное тамъ будетъ.
Ужъ завязалось дѣло между нимъ
И дочерью кожевника такъ прочно,
Что не развяжешь. И она придетъ;
Она желаетъ герцога увидѣть
И вмѣстѣ съ нами будетъ танцовать.

Четвертый крестьянинъ.
Достаточно ли будемъ мы проворны?

Второй крестьянинъ.
Пусть дуютъ всѣ аеинскіе мальчишки
Намъ въ задъ, какъ вѣтеръ! Буду здѣсь и тамъ,
И снова здѣсь, и снова тамъ—знай нашихъ!
Да здравствуютъ ткачи!

Первый крестьянинъ.
Въ лѣсу удобно
Устроить это.

Четвертый крестьянинъ.
Вотъ еще!

Второй крестьянинъ.
Не спорь:
Такъ нашъ учитель сказывалъ; съумѣетъ
Онъ герцога весьма краснорѣчиво
Уговорить для нашей общей пользы.
Въ лѣсу ему привычно; на равнинѣ
Его наука будетъ ни къ чему.

Третій крестьянинъ.
Посмотримъ игры, а потомъ—за дѣло!
Сперва одни продѣлаемъ все это,
Покуда дамы не видали насъ,—
А тамъ—старайся, кто какъ лучше можетъ...
Кто знаетъ, что за это намъ дадутъ!

Четвертый крестьянинъ.
Отлично! Пусть они кончаютъ игры,—
А тамъ—свое исполнимъ мы. Впередъ!

Аркитъ.
Позвольте васъ спросить, друзья: куда вы
Идете?

Четвертый крестьянинъ.
Какъ куда? Что за вопросъ?

Аркитъ.
Когда бъ я зналъ, то спрашивать не сталъ бы.

Третій крестьянинъ.
На игры, другъ!

Второй крестьянинъ.
Да гдѣ же ты родился,
Что этого не знаешь?

Аркитъ.
Недалеко.
Сегодня игры здѣсь?

Первый крестьянинъ.
Такія игры,
Какихъ ты въ жизнь не видывалъ: самъ герцогъ
Присутствовать на нихъ намѣренъ лично!

Аркитъ.
Какія жъ будутъ состязанья тамъ?

Второй крестьянинъ.
Бѣгъ и борьба. *(Въ сторону).* А право, онъ красавчикъ,
Не хочешь ли пойти ты съ нами?

Аркитъ.
Нѣтъ.

Четвертый крестьянинъ.
Ну, нѣтъ, такъ нѣтъ; ступай своей дорогой.
Товарищи, идемъ!

Первый крестьянинъ.
Подозрѣваю,
Что это парень дошлый: посмотрите,
Какъ онъ сложенъ.

Второй крестьянинъ.
Пускай меня повѣсятъ
Когда рѣшится онъ бороться! Онъ?
Чтобъ онъ боролся? Этакая каша!
Яичница! Не медлите жъ, идемъ!
(Крестьяне уходятъ).

Аркитъ.
Является такой удобный случай,
Какого я не смѣлъ и ожидать.
Мнѣ приходилось много разъ бороться
И говорили знатоки, что я
Борюсь прекрасно; точно такъ же въ бѣгѣ
Я отличался: вѣтеръ, вдоль по нивѣ
Несущійся, колосья нагибая,
Не могъ летѣть быстрѣй, чѣмъ я летѣлъ.
И такъ рѣшаюсь: въ бѣдную одежду
Одѣнусь я, чтобъ узнаннымъ не быть;
Какъ знать: быть можетъ, мнѣ вѣнокъ украситъ
Чело; быть можетъ, счастье приведетъ
Къ тому, что буду жить я близко къ милой!
(Уходитъ).

СЦЕНА IV.

Аѳины. Комната въ тюрьмѣ. Входитъ дочь тюремщика.

Дочь тюремщика.

Какъ мнѣ любить такого человѣка?
Мы такъ различны: родомъ я ничтожна,—
Простой тюремщикъ мой отецъ, а онъ—
Онъ знатный принцъ! Чтобъ онъ на мнѣ женился,—
О томъ, конечно, нечего мечтать,
А быть его любовницей—безумно.
Прочь эти мысли! Что за испытанья
Готовятся намъ, дѣвушкамъ несчастнымъ,
Какъ только минетъ намъ пятнадцать лѣтъ!
Его увидѣвъ въ первый разъ, нашла я
Его красивымъ,— въ немъ такъ много есть,
Что женщинамъ понравиться могло бы,
Когда бъ желалъ онъ нравиться; потомъ
Жалѣть его я стала, и понятно,—
Какая же изъ дѣвушекъ, мечтавшихъ
Когда либо о женихѣ красивомъ,
Чтобъ дѣвственность свою ему вручить,
Его не пожалѣла бы! А послѣ
Его я полюбила,—полюбила
Безумно, безпредѣльно! У него
Вѣдь есть кузенъ,—какъ онъ, красавецъ тоже,—
Но въ сердцѣ у меня царитъ одинъ
Лишь Паламонъ,—царитъ тамъ безраздѣльно!
Какъ слушать я люблю по вечерамъ,
Какъ онъ поетъ, хоть пѣсни эти грустны!
А какъ онъ говоритъ! Нѣтъ дворянина,
Который бы изящнѣй говорилъ!
Когда я утромъ прихожу, чтобъ воду
Подать ему,—свой благородный станъ
Сгибаетъ онъ и такъ меня учтивой
Привѣтствуетъ онъ рѣчью: „съ добрымъ утромъ,
Прекрасная дѣвица! Пусть тебѣ
За доброту твою даруетъ небо
Хорошаго супруга!“ Онъ однажды
Меня поцѣловалъ—и десять дней
Съ тѣхъ поръ свои я обожала губы;
О, если-бъ такъ онъ дѣлалъ каждый день!
Но вѣчно онъ груститъ и этой грустью
Мое терзаетъ сердце. Чѣмъ могла бы
Я доказать, что я его люблю?
Какъ я его обрадовать хотѣла бъ!
Попробовать его освободить?
Что скажетъ правосудье? Иль я слишкомъ
Забочусь о законѣ, о родныхъ?
Такъ, рѣшено; я дамъ свободу
И въ эту ночь иль завтра, можетъ быть,
Добьюсь того, что онъ меня полюбитъ!
(Уходитъ).

СЦЕНА V.

Площадь въ Аѳинахъ.

Короткіе звуки рожковъ и крики народа за сценой. Входятъ Тезей, Ипполита Пиритой, Эмилія *и* Аркитъ *въ крестьянской одеждѣ, въ вѣнкѣ; за ними народъ.*

Тезей.

Ты дѣйствовалъ прекрасно; я не видѣлъ
Съ тѣхъ поръ, какъ съ нами Геркулеса нѣтъ
Такихъ могучихъ мускуловъ; ты въ бѣгѣ
Былъ первымъ, и въ борьбѣ ты отличился,
Насколько лишь возможно въ наше время.

Аркитъ.

Я очень гордъ, что угодить съумѣлъ.

Тезей.

Въ какой странѣ родился ты?

Аркитъ.

Въ Элладѣ,
Но очень далеко отъ этихъ мѣстъ.

Тезей.

Ты дворянинъ?

Аркитъ.

Такъ говорилъ отецъ мой:
Онъ далъ мнѣ жизнь для благородныхъ дѣлъ.

Тезей.

И ты его наслѣдникъ?

Аркитъ.

Нѣтъ, я младшій
Изъ сыновей.

Тезей.

Счастливецъ твой отецъ.
Что жъ ты умѣешь дѣлать?

Аркитъ.

Понемногу
Изъ всѣхъ занятій благородныхъ: могъ бы
Я сокола держать; люблю въ охотѣ
Скликать я громкимъ зовомъ вѣрныхъ псовъ;
Хоть не могу похвастаться я слишкомъ
Своимъ искусствомъ въ верховой ѣздѣ,
Но тѣ, кто зналъ меня, всегда твердили,
Что въ этомъ дѣлѣ я всего искуснѣй.
Но болѣе всего хотѣлъ бы я
Быть воиномъ.

Тезей.

Ты, право, совершенство!

Пиритой.

Клянусь душой, онъ бравый молодецъ!

Эмилія.
Да, это такъ.

Пиритой.
Что скажетъ герцогиня?

Ипполита.
Я восхищаюсь имъ: мнѣ не случалось
Такого благородства видѣть въ людяхъ
Столь молодыхъ и въ этомъ званьи,—если
Онъ званья настоящаго не скрылъ.

Эмилія.
Должно быть, мать его была красива
И отъ нея онъ получилъ въ наслѣдство
Лицо свое.

Ипполита.
А смѣлый, гордый нравъ
И мощное его тѣлосложенье
Въ немъ обличаютъ браваго отца.

Пиритой.
Замѣтьте, какъ-изъ подъ одежды скромной,
Какъ будто солнце изъ-за сѣрыхъ тучъ,
Сквозитъ въ немъ доблесть!

Ипполита.
Да, онъ бравый малый.

Тезей.
Скажи, чего жъ ты для себя желаешь?

Аркитъ.
Тезей свѣтлѣйшій, я хочу себѣ
Составить имя на достойной службѣ
Тебѣ, героевъ образецъ прекрасный,
Затѣмъ, что здѣсь лишь, при твоемъ дворѣ,—
Тронъ и жилище свѣтлоокой чести.

Пиритой.
Прекрасны всѣ его слова!

Тезей.
Твой подвигъ
Пріятенъ намъ, и мы твое желанье
Исполнимъ. Пиритой, располагай
Прекраснымъ этимъ юнымъ дворяниномъ.

Пиритой.
Благодарю, Тезей. *(Къ Аркиту).* Кто бъ ни былъ ты,
Теперь ты мой, и я тебя приставлю
Къ прекраснѣйшей изъ службъ: вотъ къ этой юной
Принцессѣ, дѣвѣ чудной красоты.
Храни ее! Ты подвигомъ высокимъ
Почтилъ прекрасный день ея рожденья,—
Такъ будь слугой ей. Поцѣлуй ей руку!

Аркитъ.
Ты столь же щедръ, какъ благороденъ, принцъ!
(Къ Эмиліи).
Красавица божественная! Клятву
Позвольте вамъ принесть отъ сердца! *(Цѣлуетъ ей руку).*
Если
Слуга вашъ,—это жалкое созданье
Въ сравненьи съ вами,—васъ когда нибудь
Обидитъ или огорчитъ, велите,
Чтобъ умеръ онъ,—и тутъ же онъ умретъ!

Эмилія.
Нѣтъ, это слишкомъ было бы жестоко.
Когда ты будешь вѣрно мнѣ служить,
Вознаградить тебя я не замедлю;
Съ тобой я буду обращаться лучше,
Чѣмъ могъ бы ты по званью ожидать.

Пиритой.
Тебя снабдимъ мы всѣмъ необходимымъ;
И, такъ какъ ты сказалъ, что ты наѣздникъ,
То къ вечеру на скачку приходи,
Хотя, предупреждаю, эта скачка
Сурова будетъ.

Аркитъ.
Тѣмъ она пріятнѣй:
Я не озябну на своемъ сѣдлѣ.

Тезей *(Ипполитѣ).*
Прошу я, дорогая, приготовься;
Эмилія, и ты,—*(къ Пиритою)* и ты, мой другъ,—
И всѣ вы: завтра мы съ восходомъ солнца
Отправиться предполагаемъ въ рощу
Діанину—встрѣчать веселый май.
Ты, новый пажъ, ступай за госпожею.
Надѣюсь, что пойдетъ онъ не пѣшкомъ?

Эмилія.
Мнѣ было бъ это стыдно: я имѣю
Коней довольно. *(Аркиту).* Выбери коня
И вообще проси всего, въ чемъ будешь
Нуждаться: если вѣренъ будешь мнѣ,
Всегда я буду доброй госпожею.

Аркитъ.
А если дурно буду я служить,
То пусть меня постигнутъ всѣ несчастья,
Которыя отецъ мой ненавидѣлъ,—
Немилость и удары.

Тезей.
Ты вступаешь
На путь, который самъ ты заслужилъ.
Всегда получишь ты вознагражденье

Достойное за подвиги свои;
Не дать его—несправедливо было бъ.
Клянусь, сестра, слуга тебѣ достался,
Который, если бъ женщиной я былъ,
Пожалуй, превратился бъ въ господина.
Но ты умна.

Эмилія.

На этотъ разъ надѣюсь,
Я буду даже черезчуръ умна.
(Трубы. Уходятъ).

СЦЕНА VI.

Улица передъ тюрьмою.

Входитъ дочь тюремщика.

Дочь тюремщика.

Пусть бѣсятся всѣ герцоги, всѣ черти,—
Онъ на свободѣ: выпущенъ онъ мною!
Его я въ рощу отвела, за милю
Отсюда, гдѣ ростетъ высокій кедръ,
Вокругъ свои распростирая вѣтви,
У самаго ручья; скрываясь тамъ,
Онъ будетъ ждать, пока пилу и пищу
Я принесу: желѣзные браслеты
Еще съ него не сняты. О Амуръ,
Безстрашное дитя, какъ ты отваженъ!
Отецъ мой самъ скорѣй надѣлъ бы цѣпи,
Чѣмъ сдѣлалъ бы, что совершила я!
Его люблю я безъ ума, безъ мѣры,
Безъ робкихъ думъ, безъ страха за себя,
И къ прочему всему я равнодушна.
О, пусть я рукъ закона не избѣгну,
Пускай меня осудятъ и казнятъ,
Но всетаки,—увѣрена я въ этомъ,—
Всегда найдутся женскія сердца,
Сердца невинныхъ, чистыхъ дѣвъ, которымъ
Внушу я жалость; пѣснью погребальной
Онѣ меня почтятъ; онѣ разскажутъ,
Что благородна смерть моя была,
Что я, почти какъ мученица, въ жертву
Жизнь отдала за страстную любовь.
Какую изберетъ себѣ дорогу
Возлюбленный, по той и я пойду:
Не можетъ быть, чтобъ онъ меня покинулъ!
А если броситъ онъ меня, мужчинамъ
Не будутъ вѣрить дѣвушки совсѣмъ!
Однако, онъ, принявъ мою услугу,
За то мнѣ даже не сказалъ „спасибо“;
Меня онъ даже не поцѣловалъ.
Да, это знакъ дурной; притомъ же, трудно
Мнѣ было убѣдить его бѣжать:
Онъ все боялся причинить несчастье
Мнѣ и отцу. Но все же я надѣюсь,
Что, убѣдясь вполнѣ въ любви моей,
Онъ, наконецъ, и самъ меня полюбитъ.
Пускай со мной онъ дѣлаетъ, что хочетъ,
Но долженъ онъ со мною ласковъ быть;
Онъ будетъ ласковъ, иль ему скажу я,
Скажу въ лицо, что не мужчина онъ!
Итакъ, спѣшу я; всѣмъ необходимымъ
Снабжу его, возьму свои всѣ платья,—
А тамъ,—куда бъ судьба ни занесла,—
Я буду съ нимъ, его сопровождая
Вездѣ, какъ тѣнь. И пусть здѣсь черезъ часъ
Пойдутъ по всей тюрьмѣ и шумъ, и крики:
Я въ это время буду цѣловать
Того, кого искать напрасно будутъ!
Прощай, отецъ! Имѣй побольше только
Ты узниковъ такихъ и дочерей—
И самъ себя въ тюрьму посадишь скоро!
Итакъ, бѣгу! Скорѣй, скорѣй къ нему!
(Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Лѣсъ близъ Аѳинъ.

Съ разныхъ сторонъ раздаются звуки роговъ. За сценой шумъ и перекликающіеся голоса народа, встрѣчающаго майскій праздникъ.

Входитъ Аркитъ.

Аркитъ.

Разстался герцогъ съ Ипполитой; каждый
Отправился одинъ: таковъ обычай,
Которымъ здѣсь встрѣчаютъ свѣтлый май;
Его въ Аѳинахъ свято соблюдаютъ.
Эмилія, красавица принцесса!
Милѣе ты, чѣмъ майская краса,
Прекраснѣе весеннихъ нѣжныхъ почекъ,
Роскошнѣй, чѣмъ цвѣточный весь коверъ
Полей, луговъ, садовъ! Мы величаемъ
По именамъ прекрасныхъ нимфъ лѣсныхъ
Ручьи въ ихъ чудныхъ берегахъ цвѣтистыхъ,—
А ты, краса лѣсовъ, краса вселенной,
Однимъ лишь посѣщеніемъ своимъ
Всю эту мѣстность обоготворила!
О, какъ бы я блаженъ былъ, недостойный,
Когда бы въ размышленіяхъ своихъ
Хоть изрѣдка меня ты вспоминала,
Хоть равнодушной мыслію меня

Касалась бы! Благословенъ мой жребій,
Меня приведшій стать ея слугой,
О чемъ не смѣлъ я и мечтать! Скажи мнѣ,
Судьба, моя владычица вторая
Вслѣдъ за моей Эмиліей: насколько
Могу мечты я гордыя питать?
Ко мнѣ всегда внимательна принцесса,
Къ себѣ меня приблизила она;
Сегодня, въ это радостное утро,
Въ день лучшій года,—подарила мнѣ
Она коней прекраснѣйшую пару:
Такихъ коней, что сѣсть на нихъ могли бъ
Два короля, когда бъ на полѣ чести
Корону имъ отстаивать пришлось!
А Паламонъ? Увы, кузенъ мой бѣдный,
Несчастный узникъ! Ты такъ мало грезишь
О счастьи, мнѣ доставшемся на долю,
Что ты себя счастливѣе считаешь,
Чѣмъ я, мечтая, что ты ближе къ ней!
Ты думаешь, что я блуждаю въ Ѳивахъ,
А потому несчастенъ, хоть свободенъ;
О, если бы ты только зналъ, что я
Еще недавно пилъ ея дыханье,
Внималъ ея рѣчамъ, смотрѣлъ ей въ очи,—
Какъ страшно разгорѣлся бы твой гнѣвъ!

Изъ-за куста выходитъ Паламонъ *въ цѣпяхъ и грозитъ Аркиту кулакомъ.*

Паламонъ.

А, родственникъ измѣнникъ! Ты узналъ бы,
Каковъ мой гнѣвъ, когда бъ отъ этихъ узъ
Свободенъ былъ я и мечомъ владѣлъ бы!
Клянусь я всѣми клятвами и правдой
Любви моей,—заклятый ты злодѣй!
Ты вѣроломнѣйшій изъ всѣхъ на свѣтѣ,
Имѣвшихъ внѣшность доблестную; худшій,
Безчестнѣйшій изъ всѣхъ рожденныхъ честно!
Ты лживѣйшій изъ родственниковъ кровныхъ!
Итакъ, своею ты ее зовешь?
Такъ знай, злодѣй, что, даже не снимая
Оковъ своихъ, вотъ этими руками,
Безъ всякаго оружья, докажу я,
Что ты солгалъ, что ты лишь воръ любви,
Презрѣнное ничтожество, что даже
Названья негодяя ты не стоишь!
Когда бъ не эти путы, если бъ мечъ
Въ рукахъ имѣлъ я...

Аркитъ.

Дорогой кузенъ мой...

Паламонъ.

Кузенъ, на козни быстрый *), рѣчь держи
Такую же, какъ всѣ твои поступки!

*) Въ подлинникѣ игра словъ coz: cousin (кузенъ) и cozener (предатель).
Примѣч. переводчика.

Аркитъ.

Не нахожу я въ сердцѣ у себя
Той грубости, какою полнъ твой окрикъ,
А потому тебѣ отвѣчу такъ,
Какъ мнѣ велитъ отвѣтить благородство.
Твой гнѣвъ тебя ввергаетъ въ заблужденье:
Онъ врагъ тебѣ, и мнѣ не можетъ онъ
Быть другомъ. Честь и честность сохраняю
Я всюду и во всемъ намѣренъ ими,
Кузенъ, руководиться я и впредь.
А потому прошу тебя спокойно
Сказать мнѣ, въ чемъ твоя печаль, и знай:
Я говорю съ тобой, какъ равный съ равнымъ,
Какъ благородный человѣкъ, который
Всегда себя съумѣетъ защищать
Мечомъ и вѣскимъ словомъ.

Паламонъ.

Полно, такъ ли?
На это ты способенъ ли, Аркитъ?

Аркитъ.

Кузенъ, кузенъ! Не разъ имѣлъ ты случай
Узнать, довольно ль смѣлости во мнѣ;
Ты видѣлъ самъ, какъ отражать угрозы
Умѣю я мечомъ! Никто другой
Во мнѣ не усомнится; ты жъ не могъ бы
Смолчать, хотя бъ ты даже въ храмѣ былъ.

Паламонъ.

Все это такъ; тебя я въ битвахъ видѣлъ,
Гдѣ мужество свое ты доказалъ;
Тебя зовутъ всѣ рыцаремъ отважнымъ;
Но если разъ въ недѣлю дождь идетъ,—
Нельзя уже сказать, что всю недѣлю
Хорошая погода простоитъ.
Разъ измѣнивъ, теряютъ люди храбрость
И бьются слабо, какъ ручной медвѣдь,
Который радъ бы обратиться въ бѣгство,
Когда его бы не держала цѣпь.

Аркитъ.

Кузенъ, ты можешь говорить все это
Предъ зеркаломъ себѣ же самому;
Не мнѣ бы это слышать, мнѣ, который
Тебя за это презираетъ.

Паламонъ.

Стой:
Сперва сними съ меня вотъ эти путы,
Дай въ руки мнѣ хотя бы ржавый мечъ
И дай мнѣ ѣсть, чтобъ утолилъ я голодъ;
Затѣмъ съ мечомъ на битву выходи
И смѣй назвать Эмилію своею:
Тогда клянусь обиду всю забыть,
Которую ты мнѣ нанесъ, и если
Тебѣ удастся жизнь мою отнять,—
Тогда въ загробномъ мірѣ душамъ храбрыхъ,

Въ бою умершихъ мужественной смертью,
Которыя спросили бы меня,
Что на землѣ творится,—разскажу я
Одно: что благороденъ ты и храбръ.

АРКИТЪ.

Спокоенъ будь; опять въ кусты укройся
И жди меня: на утро я приду
Съ запасомъ пищи, распилю оковы
И свѣжія тебѣ одежды дамъ;
Я принесу тебѣ благоуханья,
Чтобъ заглушить темницы запахъ; послѣ,
Когда вполнѣ оправишься, скажи:
„Аркитъ, готовъ я"—и тебѣ на выборъ
Я предложу тогда и мечъ, и латы.

ПАЛАМОНЪ.

О небеса! Кто, если не Аркитъ,
Имѣя на душѣ дурное дѣло,
Такъ благороденъ можетъ быть! Кто можетъ
При этомъ быть столь смѣлымъ, какъ Аркитъ?

АРКИТЪ.

Другъ Паламонъ...

ПАЛАМОНЪ.

Готовъ тебя обнять я
За это предложенье! Но замѣть:
За это лишь тебя я обнимаю,
Безъ этого тебя я не коснулся бъ
Иначе, какъ мечомъ.

(Слышенъ звукъ рожковъ).

АРКИТЪ.

Чу! Слышишь ты?
Въ убѣжище свое скорѣе скройся,
Чтобъ состоялся поединокъ нашъ
И не былъ прерванъ раньше, чѣмъ начнется.
Прощай же! Дай мнѣ руку: будь спокоенъ;
Все нужное тебѣ я принесу,
Чтобъ былъ ты крѣпокъ.

ПАЛАМОНЪ.

Такъ сдержи же слово,
Приди сюда и безпощадно бейся.
Навѣрное не любишь ты меня,—
Такъ будь же грубъ со мною, не старайся
Слова свои подмаслить. Я готовъ
За каждое изъ словъ тебя ударить:
Желудокъ мой рѣчами не уймешь.

АРКИТЪ.

По крайней мѣрѣ это откровенно!
Такъ извини жъ за грубыя слова:
Когда коня я шпорю,—не ругаюсь;
Доволенъ ли, сердитъ ли я, лицо
Мое одно и то же *(Звуки роговъ)*.
Слышишь зовъ?
Къ обѣду всѣхъ сзываютъ; ты, конечно,
Поймешь, что я обязанъ поспѣшить.

ПАЛАМОНЪ.

Едва ль твое присутствіе при этомъ
Богамъ угодно: ты путемъ неправымъ
Ту пріобрѣлъ обязанность.

АРКИТЪ.

Я знаю,
Что я имѣю право на нее.
Вопросъ объ этомъ разрѣшится кровью.
За эти рѣчи взыскивать я буду
И долженъ будешь ты отвѣтъ держать.
О томъ ни слова болѣе.

ПАЛАМОНЪ.

Одно лишь
Позволь сказать: сейчасъ ты видѣть будешь
Владычицу мою,—она моя,
А не твоя...

АРКИТЪ.

О, нѣтъ!

ПАЛАМОНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Ты хочешь
Мнѣ пищу дать, чтобъ подкрѣпить меня,
А самъ идешь теперь смотрѣть на солнце,
Котораго блестящіе лучи
Еще гораздо больше укрѣпляютъ,
И въ этомъ ты имѣешь предо мной
Большое преимущество. Что дѣлать:
Воспользуйся, пока не соберу
Я силъ своихъ для мести. До свиданья.

(Уходятъ въ разныя стороны).

СЦЕНА II.

Другая часть того же лѣса.

Входитъ ДОЧЬ ТЮРЕМЩИКА.

ДОЧЬ ТЮРЕМЩИКА.

Оставилъ онъ кусты, гдѣ я ему
Велѣла ждать,—ушелъ куда то. Утро
Ужъ близко, но мнѣ это все равно:
Пускай бы вѣчно длилась ночь, покрыла бъ
Весь міръ своею тьмой! Чу—это волкъ!
Я не боюсь; меня тревожить можетъ
Одна лишь мысль: мысль эта—Паламонъ.
Пускай меня бы волки растерзали,—
Лишь передать бы мнѣ ему пилу!
Не крикнуть ли? Нѣтъ, крикнуть я не смѣю:

Онъ можетъ не откликнуться, и только
Своимъ я крикомъ привлеку волковъ
И окажу ему услугу злую.
Въ ночь эту безконечную не разъ
Я слышала ужасный вой: быть можетъ,
Давно ужъ волки овладѣли имъ?
Онъ безоруженъ, онъ бѣжать не въ силахъ;
Быть можетъ, звонъ цѣпей его привлекъ
Звѣрей свирѣпыхъ: эти звѣри чуютъ,
Кто беззащитенъ, кто не можетъ имъ
Сопротивляться. Вѣрно, такъ и было!
Я слышала, какъ нѣсколько волковъ
Завыли громко: въ это время, вѣрно,
Онъ ими былъ разорванъ на клочки!
Не позвонить ли въ колоколъ, тревогу
Забить? Но что же станется со мной?
Все кончено: ужъ онъ ушелъ. Нѣтъ лгу я:
За тотъ побѣгъ несчастный мой отецъ
Повѣшенъ будетъ; для себя спасенья
Искать ли? Жизнь я столько не цѣню,
Чтобъ отъ поступка своего отречься:
Нѣтъ, лучше я двѣнадцать разъ умру!
Я вся разбита; цѣлыхъ двое сутокъ
Не ѣла я, лишь нѣсколько глотковъ
Воды я пропустила; глазъ ни разу
Я не смыкала,—развѣ лишь тогда,
Когда потоки слезъ я утирала.
Увы, увы! Разрушься, жизнь моя,
Чтобъ не сойти съ ума мнѣ! Утопиться ль,
Повѣситься? Вонзить ли въ грудь кинжалъ?
Пусть рухнетъ жизнь: опоры расшатались.
Куда идти? Одна дорога: въ гробъ;
Всѣ прочіе пути—лишь заблужденье.
Луна зашла, кузнечики трещатъ,
Сова кричитъ передъ восходомъ солнца;
Свершилось все,—лишь не достигла я
Того, чего желала всей душою.
Все кончено: погибла я навѣкъ!
(Уходитъ).

СЦЕНА III.

Та же часть лѣса, какъ и въ сценѣ I.

Входитъ Аркитъ, *неся пилу, провизію, вино и проч.*

Аркитъ.

Должно быть, это здѣсь. Гей, Паламонъ!

Входитъ Паламонъ.

Паламонъ.

Аркитъ?

Аркитъ.

Онъ самый. Вотъ, принесъ я пищу,
А также и пилу. Иди сюда,
Не бойся, здѣсь Тезея нѣтъ.

Паламонъ.

А также
Здѣсь нѣтъ по чести равнаго ему.

Аркитъ.

Не въ этомъ дѣло; мы объ этомъ послѣ
Поговоримъ. Иди жъ и подкрѣпись;
Нельзя, чтобъ ты, какъ звѣрь, голодный умеръ.
Вотъ здѣсь вино; пей: ты, я вижу, слабъ.
Потомъ съ тобой бесѣдовать мы будемъ.

Паламонъ.

Аркитъ, меня ты можешь отравить.

Аркитъ.

Я могъ бы это сдѣлать; только нужно
Сперва, чтобъ я тебя боялся. Сядь,
Не будемъ время тратить по пустому;
Другъ друга зная, каковы мы были,
Оставимъ рѣчи вздорныя теперь
Глупцамъ и трусамъ. За твое здоровье!
(Пьетъ).

Паламонъ.

Отлично.

Аркитъ.

Сядь же; и прошу тебя
И заклинаю всей твоей честью—
Пока ни слова здѣсь не говорить
Объ этой женщинѣ: еще успѣемъ
Наговориться мы о ней.

Паламонъ.

Согласенъ.
Пью за твое здоровье. *(Пьетъ).*

Аркитъ.

Пей еще:
Тебѣ вино согрѣетъ кровь. Не правда ль,
Себя ты лучше чувствуешь?

Паламонъ.

Постой,
Тебѣ объ этомъ разскажу я послѣ
Глотка другого.

Аркитъ.

Больше, больше пей:
У герцога, кузенъ, вина довольно.
Поѣшь теперь.

Паламонъ.

Охотно. *(Ѣстъ).*

Аркитъ.
Радъ я видѣть,
Что аппетитъ твой такъ хорошъ.

Паламонъ.
А я
Доволенъ, что обѣдаю такъ славно.

Аркитъ.
Неправда ль, не спокойно жить въ лѣсу?

Паламонъ.
Да, для того, въ комъ совѣсть не спокойна.

Аркитъ.
Вкусна ли пища? Голодъ твой, я вижу,
Въ приправахъ не нуждается.

Паламонъ.
Пожалуй;
Но если бъ въ нихъ нуждался онъ, была бъ
Твоя, кузенъ, приправа—слишкомъ кислой.
Что это здѣсь?

Аркитъ.
Дичина.

Паламонъ.
Это вкусно.
Дай мнѣ, Аркитъ, еще вина, и выпьемъ
За женщинъ тѣхъ, какихъ мы знали прежде.
Дочь стольника ты помнишь?

Аркитъ.
Да, теперь,
Когда о ней напомнилъ ты.

Паламонъ.
Любила
Она когда то одного брюнета.

Аркитъ.
Любила; что же изъ того?

Паламонъ.
Его
Аркитомъ звали, кажется?

Аркитъ.
Довольно
Объ этомъ, право.

Паламонъ.
Завлекла она
Его въ бесѣдку; что же въ той бесѣдкѣ
Съ нимъ дѣлала она? не проиграла ль
Дѣвичества?

Аркитъ.
Что дѣлала она—
О томъ, кузенъ, мы говорить не будемъ.

Паламонъ.
Она страдала мѣсяцъ или два,
Иль три, иль десять...

Аркитъ.
Съ маршала сестрою
Случилось тоже что то, говорятъ,—
По крайней мѣрѣ много было слуховъ.
Мы выпьемъ за ея здоровье?

Паламонъ.
Выпьемъ.

Аркитъ.
Она была красавица брюнетка.
Охоты помню я веселый шумъ,
Толпу веселой, бодрой молодежи,
Зеленый лѣсъ, тѣнистый старый букъ,—
Подъ этимъ букомъ разыгралась сказка.

Паламонъ.
Ну, выпьемъ за Эмилію теперь!
Довольно намъ притворнаго веселья.
Ты слышишь: за Эмилію! Осмѣлься,
Кузенъ безчестный, выпить за нее!

Аркитъ.
Ты черезъ край хватилъ.

Паламонъ.
Землей и небомъ
Клянусь: въ тебѣ ни капли чести нѣтъ!

Аркитъ.
Я ухожу: ты сталъ теперь животнымъ.

Паламонъ.
Благодаря, измѣнникъ, лишь тебѣ!

Аркитъ.
Вотъ здѣсь найти ты можешь все, что нужно:
Пилу, бѣлье, духи. Я возвращусь
Чрезъ два часа и принесу тѣ вещи,
Которыя однѣ намъ могутъ дать
Покой и миръ.

Паламонъ.
Конечно, мечъ и латы?

Аркитъ.
Не бойся: все тебѣ доставлю, все.
Теперь ты слишкомъ гадокъ. До свиданья,
Сними свои брелоки.

Паламонъ.
Эй, слуга!

Аркитъ (*уходя*).
Я болѣе не слушаю.

ПАЛАМОНЪ.

За это,—
Сдержи онъ только слово,—онъ умретъ.
(Уходитъ).

СЦЕНА IV.

Другая часть лѣса.

Входитъ ДОЧЬ ТЮРЕМЩИКА.

ДОЧЬ ТЮРЕМЩИКА.

Мнѣ холодно! Ужъ всѣ погасли звѣзды;
Потухли эти маленькія блестки.
При свѣтѣ солнца я сошла съ ума.
Эй, Паламонъ! Напрасно: онъ на небѣ!
Но гдѣ же я? Вонъ тамъ бушуетъ море;
На немъ корабль; о, какъ его качаетъ!
А вонъ на днѣ подводный камень ждетъ.
Вотъ, вотъ сейчасъ онъ на него наткнется:
Вотъ, вотъ, наткнулся! Течь уже явилась!
О, какъ они кричатъ! Скорѣй по вѣтру
Впередъ плывите, иль погибли вы!
Впередъ, впередъ, а послѣ поверните.
Умчались! Доброй ночи, доброй ночи!
Я очень голодна. Хотѣла бъ я
Найти лягушку: мнѣ бы разсказала
Она про все, что новаго есть въ мірѣ.
Еще хотѣла бъ раковину я
Имѣть и сдѣлать изъ нея корабликъ;
Какъ сѣверный иль сѣверовосточный
Подуетъ вѣтеръ,—къ королю пигмеевъ
Я быстро понеслась бы: онъ отлично
Умѣетъ всѣмъ предсказывать судьбу.
Бьюсь объ закладъ, что завтра рано утромъ
Повѣшенъ будетъ мигомъ мой отецъ;
Но я не буду говорить ни слова.
(Поетъ).
Я юбочку зеленую поверхъ колѣнъ какъ разъ
На цѣлый футъ обрѣжу: такъ должна я!
Я срѣжу кудри желтые на дюймъ пониже глазъ,—
Я дурочка, я дурочка простая!
Онъ бѣлый мнѣ костюмъ сошьетъ, чтобъ ѣздить мнѣ верхомъ,
И цѣлый міръ обрыщу я, блуждая.
Повсюду буду я искать свиданья съ женихомъ,—
Я дурочка, я дурочка простая!
Теперь хотѣла бъ я, какъ соловей,
На шипъ своею грудью наколоться:
Безъ этого засну я мертвымъ сномъ.
(Уходитъ).

СЦЕНА V.

Другая часть лѣса.

Входитъ ДЖЕРРОЛЬДЪ, *четыре крестьянина-танцора, крестьянинъ, исполняющій роль* БАВІАНА, *пять дѣвушекъ, крестьянинъ съ тамбуриномъ.*

ДЖЕРРОЛЬДЪ.

Фуй, фуй!
Какая тупость, что за безтолковость!
Ужель моей науки элементы,
Подобно млеку, не всосались въ васъ?
А, кажется, я долго съ вами бился
И даже, выражаясь фигурально,
Наваръ изъ сливъ науки, мозгъ ученья
Вамъ всячески старался преподать
А вы еще и до сихъ поръ кричите:
„Гдѣ?“ „Какъ?“ „Куда?“ „Зачѣмъ?“ и „Почему?“
Ахъ вы, тупицы! Ахъ вы, остолопы!
Вѣдь сказано: вотъ это—такъ, а это—
Вотъ такъ, а это—такъ и такъ! Напрасно!
Никакъ меня никто понять не могъ!
Proh Deum, medius fidius!
Ну, словомъ, всѣ вы олухи, и только!
Смотрите же: я буду здѣсь стоять,
А здѣсь вотъ—герцогъ. Я его встрѣчаю
И говорю ученѣйшія вещи
Съ различными фигурами. Онъ внемлетъ,
Киваетъ одобрительно, потомъ
Онъ восклицаетъ „браво!“ Ободренный,
Сейчасъ же я бросаю шапку вверхъ,—
И въ этотъ мигъ,—замѣтьте хорошенько!—
Вы выскочить предъ герцогомъ должны,
Какъ калидонскій вепрь предъ Мелеагромъ,
И, нѣжно, какъ влюбленные, обнявшись,
Прилично и какъ можно граціознѣй
Старайтесь танецъ свой протанцовать.

ПЕРВЫЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

На диво спляшемъ, господинъ учитель.

ВТОРОЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Провѣримъ, вся ль компанія явилась.
Гдѣ тамбуринъ?

ТРЕТІЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Эй, Тимовей!

КРЕСТЬЯНИНЪ СЪ ТАМБУРИНОМЪ.

Я здѣсь!
Вотъ на лицо!

ДЖЕРРОЛЬДЪ.

А женщины то всѣ ли?

Четвертый крестьянинъ.
Вотъ Фредерика, вотъ и Магдалина!

Второй крестьянинъ.
Вотъ Люція малютка бѣлоножка!
И толстая Варвара на лицо!

Первый крестьянинъ.
Вотъ Нелли весноватая: на эту
Всегда учитель можетъ положиться.

Джеррольдъ.
Гдѣ ваши ленты, дѣвушки? Смотрите жъ,
Чтобъ плавно, граціозно танцовать,
Все дѣлать съ толкомъ, не жалѣть улыбокъ,
Ни рѣзвыхъ жестовъ!

Нелли.
Будьте ужъ спокойны!

Джеррольдъ.
А гдѣ же остальные музыканты?

Третій крестьянинъ.
Разсѣялись, какъ сказано, въ лѣсу.

Джеррольдъ.
Такъ надобно собрать ихъ и провѣрить,
Всѣ ль на лицо. А гдѣ же Бавіанъ?
Мой другъ, прошу носить свой хвостъ прилично,
Чтобъ дамы не обидѣлись; надѣюсь,
Что прыгать ловко будешь ты и смѣло.
Когда же будетъ надобно залаять,
То дѣлай это съ толкомъ.

Бавіанъ.
Точно такъ.

Джеррольдъ.
Quo usque tandem? Здѣсь одной изъ женщинъ,
Я вижу, не хватаетъ.

Четвертый крестьянинъ.
Ну, теперь
Ищи—свищи! Все, что пригодно къ дѣлу,—
У насъ ужъ въ дѣло пущено!

Джеррольдъ.
Итакъ,
Толкли мы воду,—говоря словами
Ученыхъ авторовъ. Погибло все;
Я fatuus, и всѣ труды напрасны.

Второй крестьянинъ.
Тварь подлая, презрѣнная трусиха!
Вѣдь какъ она божилась, что придетъ!
Цецилія,—дочь нашего портного.
За это, право, ей я подарю
Собачью шкуру. Ты, Аркасъ, вѣдь, слышалъ
Она клялась и хлѣбомъ и виномъ,
Что не надуетъ.

Джеррольдъ.
Женщина и угорь,—
Какъ говоритъ ученѣйшій поэтъ,—
Такія вещи, что держать ихъ надо
За хвостъ зубами, чтобы не ушли:
Здѣсь можно было ожидать обмана.

Первый крестьянинъ.
Ахъ, чтобъ ее! Ни дна ей, ни покрышки!

Третій крестьянинъ.
Что жъ дѣлать намъ, учитель?

Джеррольдъ.
Ничего:
Весь трудъ нашъ превратился въ нуль ничтожный,
Прегорестный и препечальный нуль.

Четвертый крестьянинъ.
Какъ, въ этотъ день, когда ребромъ поставленъ
Вопросъ о чести нашего села,—
Отлынивать, слоняться, бить баклуши!
Ну, погоди жъ! Расправлюсь я съ тобой!

Входитъ дочь тюремщика.

Дочь тюремщика *(поетъ)*.
Голла! Георгъ пріѣхалъ съ юга,
Отъ варварскихъ береговъ,—
И не одинъ,—съ нимъ два—три друга
Военныхъ, бравыхъ молодцовъ.

Привѣтъ красавцамъ, честь и слава!
Куда жъ теперь лежитъ вашъ путь?
Меня съ собой возьмите, право,—
На Зундъ хотѣла бъ я взглянуть.

Вокругъ совы три дурня
Вступили въ жаркій споръ;
Одинъ сказалъ: вотъ филинъ;
Другой сказалъ: вотъ вздоръ!
А третій молвилъ: соколъ
Предъ вами, господа:
Бубенчиковъ хоть нѣту,—
Ихъ срѣзать нѣтъ труда!

Третій крестьянинъ.
Вотъ мысль! Смотрите, господинъ учитель!
Здѣсь дѣвка сумасшедшая: она
Совсѣмъ взбѣсилась, точно заяцъ въ мартѣ.
Когда бъ ее на танцы залучить,
У насъ бы снова дѣло было въ шляпѣ:

Она такіе сдѣлаетъ прыжки,
Что все отдай, да мало!

Первый крестьянинъ.
Превосходно!
Давайте сумасшедшую сюда!
Чего же лучше! Дѣло въ шляпѣ, парни!

Джеррольдъ.
Какъ, дѣвушка? Лишилась ты ума?

Дочь тюремщика.
Безъ этого мнѣ слишкомъ было бъ грустно.
Дай руку мнѣ.

Джеррольдъ.
Зачѣмъ?

Дочь тюремщика.
Твою судьбу
Я предскажу. Ты—дурень. Сосчитай ка
До десяти. Ну, что? Небось смутился?
Пріятель, хлѣба бѣлаго не ѣшь:
Кровь изъ зубовъ пойдетъ. Плясать мы будемъ?
Тебя я знаю: ты, вѣдь, мѣдникъ, да?
Запаивай не больше дыръ, чѣмъ нужно.

Джеррольдъ.
Dii boni!
Вотъ какъ я, мѣдникъ?

Дочь тюремщика.
Или заклинатель.
Не вызовешь ли чорта для меня?
Пусть на костяхъ и бубенцахъ сыграетъ
Qui passa.

Джеррольдъ.
Ну, возьмите же ее
И усмирить немного постарайтесь,
А послѣ покажите ей, что нужно.
Et opus exegi, quod nec Jovis ira, nec ignis...

Второй крестьянинъ.
Пойдемъ со мной, дѣвчонка, да живѣй!

Дочь тюремщика.
Впередъ идти хочу я.

Третій крестьянинъ.
Ладно, ладно!

(За сценой слышенъ звукъ роговъ).

Джеррольдъ.
Съумѣйте убѣдить, перехитрить!
Ну, прочь пошли! Трубятъ уже, я слышу,
Такъ дайте же немножко мнѣ подумать.
Да роли не забудьте!

(Всѣ, кромѣ учителя, уходятъ).

Вдохнови
Меня, Паллада!

Входятъ Тезей, Пиритой, Ипполита, Эмилія, Аркитъ *и свита.*

Тезей.
Вотъ сюда направилъ
Олень свой бѣгъ.

Джеррольдъ.
Прошу: остановись
И выслушай.

Тезей.
Что это?

Пиритой.
Сельскій праздникъ
Какой нибудь, должно быть.

Тезей.
Хорошо,
Послушаемъ. Прошу садиться, дамы:
Придется намъ остановиться здѣсь.

Джеррольдъ.
Привѣтъ тебѣ, могущественный герцогъ!
Прекраснѣйшія дамы,—вамъ привѣтъ!

Тезей.
Достаточно холодное начало.

Джеррольдъ.
Благоволите праздникъ нашъ принять!
Принадлежимъ мы къ тѣмъ, чья рѣчь простая
Изобличаетъ грубыхъ поселянъ;
Сказать по правдѣ,—здѣсь предъ вами стая,
Компанія, иль сборище крестьянъ,
Иль такъ сказать, веселый хоръ крестьянскій,
Который хочетъ танецъ мавританскій,
Предъ господами здѣсь протанцовать.
Я между ними, долженъ вамъ сказать,
Присутствую во званьи педагога;
Я розгою караю младшихъ строго,
А старшимъ я линейкою грожу
И плодъ своихъ трудовъ вамъ покажу.
О грозный вождь, чья слава возсіяла
Во всѣхъ краяхъ, отъ Диса до Дедала,
Вдоль всѣхъ дорогъ,—отъ тумбы до столба,—
Ты поддержи покорнаго раба!
Молю, воззри пресвѣтлыми очами
На то, какъ здѣсь предъ всѣми господами
Искусно „хора“ совершу я „водъ“,—
Соедини—и выйдетъ „хороводъ“.
Мы для того здѣсь предъ тобой собрались

И разучить свой танецъ постарались.
Я первымъ здѣсь, хоть грубъ и неуклюжъ,
Передъ тобой являюсь, славный мужъ,
Къ твоимъ ногамъ кладу свои я рѣчи
И исполняю этимъ роль предтечи;
За мной „Князь мая“ слѣдуетъ съ женой,
Съ „Лакеемъ“ и „Служанкой“; въ часъ ночной
Они пріюта ищутъ; ихъ съ услугой
„Хозяинъ“ встрѣтитъ съ толстою супругой;
Принявъ гостей, которыхъ долгій путь
Порядочно измучилъ,—подмигнуть
Спѣшатъ они буфетчику, въ заботѣ
Побольше сумму написать на счетѣ;
За ними „Клоунъ“ плотоядный, „Шутъ“
И „Бавіанъ“ съ большимъ хвостомъ придутъ;
Весь хоръ, cum multis aliis, сберется,—
Скажи лишь „да,“—и танецъ вмигъ начнется.

ТЕЗЕЙ.

Да, да, любезный domine, зови
Скорѣй своихъ актеровъ.

ПИРИТОЙ.

Начинайте.

ДЖЕРРОЛЬДЪ.

Intrate, filii!
Войдите же, исполните вашъ танецъ.

(*Входятъ ученики школы. Бавіанъ, пять дѣвушекъ, крестьянинъ съ тамбуриномъ, дочь тюремщика и прочіе. Они танцуютъ мавританскій танецъ*).

ХОРЪ.

Мы ликуемъ и поемъ,
Вьемся въ танцѣ круговомъ;
Если танцемъ этимъ самымъ
Угодимъ мы знатнымъ дамамъ,—
Пусть признаетъ каждый тутъ,
Что учитель нашъ—не шутъ!
Герцогъ, если въ ладъ мы пѣли
И понравиться съумѣли,—
Намъ бревно для мачты дай,
Чтобъ игрою встрѣтить май.
Не пройдетъ тогда и года,
Какъ опять толпа народа
Насмѣшитъ, составивъ хоръ,
И тебя, и весь твой дворъ!

ТЕЗЕЙ.

Возьми хоть двадцать, domine. Что скажетъ
Мой другъ, царица сердца моего?

ИППОЛИТА.

Ни разу въ жизни такъ не веселилась.

ЭМИЛІЯ.

Ихъ танецъ былъ исполненъ превосходно;
А что до предисловья,—никогда
Я не слыхала лучшаго.

ТЕЗЕЙ.

Учитель,
Благодарю тебя. Велю я всѣмъ
Награды выдать.

ПИРИТОЙ (*давая деньги*).

Это вотъ возьмите,
Чтобъ вашу мачту выкрасить.

ТЕЗЕЙ.

Теперь
Мы будемъ нашу продолжать охоту.

ДЖЕРРОЛЬДЪ.

Пускай олень дастъ ловъ обильный,
Собаки будутъ быстры, сильны,
Его изловятъ безъ преградъ,
И дамы окорокъ съѣдятъ.

ТЕЗЕЙ, ПИРИТОЙ, ИППОЛИТА, ЭМИЛІЯ, АРКИТЪ *и свита уходятъ подъ звуки роговъ за сценой.*

ДЖЕРРОЛЬДЪ.

Ну, парни, все отлично удалось.
Dii deaeque omnes!
Вы, дѣвушки, чудесно танцовали!

СЦЕНА VI.

Та же часть лѣса, какъ въ сценѣ III.

ПАЛАМОНЪ *выходитъ изъ-за кустовъ.*

ПАЛАМОНЪ.

Кузенъ мой обѣщалъ мнѣ въ этотъ часъ
Придти сюда и принести съ собою
Два добрые меча и пару латъ,
И, если онъ теперь не сдержитъ слова,—
Тогда не воинъ, не мужчина онъ!
Когда недавно онъ меня оставилъ
Въ лѣсу,—я думалъ, что недѣли мало,
Чтобъ силы всѣ мои возстановить:
Такъ низко палъ я, такъ я былъ разслабленъ.
Благодарю тебя, кузенъ Аркитъ:
Ты честный врагъ! Теперь я подкрѣпился
И вновь гляжу опасности въ глаза.
Откладывать не должно нашу битву:
Подумали бы люди, услыхавъ
Объ этомъ, что я нѣжусь, точно боровъ
На сытномъ кормѣ; пусть же это утро
Послѣднимъ будетъ! Если же Аркитъ

Откажется мнѣ мечъ дать,—мечъ я вырву
Изъ рукъ его и вмигъ его убью;
Конечно, это будетъ справедливо.
Фортуна и любовь мнѣ да помогутъ!

Входитъ Аркитъ, *неся вооруженіе.*

Паламонъ.

А, съ добрымъ утромъ!

Аркитъ.

Съ добрымъ утромъ, другъ.

Паламонъ.

Тебѣ хлопотъ надѣлалъ я не мало.

Аркитъ.

Пустое! Эти хлопоты—мой долгъ,
Святое дѣло чести.

Паламонъ.

Если бъ такъ же
Ты поступалъ во всемъ! Хотѣлъ бы я,
Чтобъ былъ ты мнѣ настолько жъ добрымъ братомъ,
Насколько вынуждаешь ты меня
Признать тебя врагомъ великодушнымъ.
Хотѣлъ бы я тебя благодарить
Объятьями, а не ударовъ градомъ.

Аркитъ.

То и другое я бы возвратилъ.

Паламонъ.

А я съ тобою щедро расквитался бъ.

Аркитъ.

Словами благородства вызывай
Меня на бой; тогда цѣнить я буду
Слова твои еще превыше словъ
Возлюбленной. Зачѣмъ намъ препираться,
Когда мы оба любимъ то, что честно?
И не для словъ пустыхъ мы рождены;
Вооружась и ставъ на стражѣ чести,
Пусть изольемъ мы свой взаимный гнѣвъ,
Какъ бурныхъ два ручья, стремглавъ навстрѣчу
Несущихся другъ другу,—и тогда
Безъ всякихъ сваръ, попрековъ, поношеній,—
Приличныхъ развѣ дѣвушкамъ простымъ
Иль школьникамъ, никакъ не намъ,—рѣшится
Легко и скоро нашъ тяжелый споръ:
Кому владѣть красавицею нашей,—
Тебѣ, иль мнѣ? Желаешь ли сейчасъ
Вооружиться? Если же донынѣ
Себя еще считаешь ты больнымъ,
Не возвративъ своей всей прежней силы,—
Тогда, кузенъ, готовъ я подождать
И каждый день, когда свободенъ буду,
Приду сюда бесѣдовать съ тобой,
Пока ты не поправишься. За друга
Считаю я тебя; ты дорогъ мнѣ!
Пусть лучше бы тебѣ я не открылся,
Что я влюбленъ, пусть лучше бы я умеръ;
Но, полюбивъ красавицу такую
И высказавъ тебѣ свою любовь,—
Я не могу отъ словъ своихъ отречься.

Паламонъ.

Аркитъ, такой ты благородный врагъ,
Что твой кузенъ одинъ имѣетъ право
Убить тебя. Вполнѣ я бодръ и крѣпокъ;
Прошу: оружье выбери себѣ.

Аркитъ.

Ты первый выбирай.

Паламонъ.

Себя считаешь
Во всемъ ты выше? Или, можетъ быть,
Ты хочешь, чтобъ въ бою тебя щадилъ я?

Аркитъ.

Когда ты это думаешь, кузенъ,
То сильно ты ошибся: я, какъ воинъ,
Щадить тебя не буду.

Паламонъ.

Справедливо.

Аркитъ.

Ты въ этомъ убѣдишься.

Паламонъ.

Такъ и я,
Какъ честный человѣкъ, притомъ же правый
Въ любви своей, охотно отплачу
Тебѣ за все. Вотъ это мнѣ.

Аркитъ.

А это
Пусть будетъ мнѣ. Позволь тебѣ сперва
Надѣть твой панцырь.

(*Надѣваетъ ему латы*).

Паламонъ.

Но скажи, откуда
Прекрасныя ты латы эти взялъ?

Аркитъ.

У герцога; сказать тебѣ по правдѣ,
Я тайно взялъ ихъ. Кажется, тебя
Я ущипнулъ?

Паламонъ.

О, нѣтъ.

Аркитъ.

Ты не находишь,
Что тяжелы онѣ?

Паламонъ.

Мои, пожалуй,
Полегче были, но и эти также
Годятся.

Аркитъ.

Я ихъ плотно застегну.

Паламонъ.

Пожалуйста.

Аркитъ.

Коней не нужно будетъ?

Паламонъ.

Нѣтъ, будемъ мы сражаться безъ коней.
Ты, можетъ быть, бой конный предпочелъ бы?

Аркитъ.

Мнѣ это все равно.

Паламонъ.

Повѣрь, и мнѣ.
Прошу, подвинь какъ можно дальше пряжку.

Аркитъ.

Я сдѣлалъ это.

Паламонъ.

Шлемъ теперь мнѣ нуженъ.

Аркитъ.

Не лучше ли безъ шлемовъ намъ сражаться,
Съ открытой головою?

Паламонъ.

Что жъ, пожалуй:
Такъ будетъ легче.

Аркитъ.

Но надѣнь перчатки:
Онѣ, по крайней мѣрѣ, здѣсь найдутся.
Возьми мои.

Паламонъ.

Благодарю, Аркитъ.
Каковъ мой видъ? Не слишкомъ похудѣлъ я?

Аркитъ.

Нѣтъ, очень незначительно. Любовь
Тебя щадила.

Паламонъ.

Я тебѣ ручаюсь,
Что сильно буду наносить удары.

Аркитъ.

Отлично; не жалѣй меня; я самъ
Стараться буду.

Паламонъ.

Надѣвай же латы.
Мнѣ кажутся похожими онѣ
На тѣ, въ которыхъ, помнишь, ты сражался
Въ тотъ день, когда погибли въ битвѣ съ нами
Три короля; тѣ были только легче.

Аркитъ.

Тѣ латы были очень хороши.
Ты въ этой битвѣ очень отличился,
Кузенъ,—гораздо болѣе, чѣмъ я:
Такой мнѣ силы не случалось видѣть.
Когда помчался ты на лѣвый флангъ
Врага,—едва поспѣлъ я за тобою,
Хоть подо мною былъ прекрасный конь.

Паламонъ.

То былъ гнѣдой скакунъ великолѣпный.

Аркитъ.

Да, но напрасно я спѣшилъ на немъ:
Предупредилъ ты всѣ мои желанья,—
Мнѣ оставалось только подражать.

Паламонъ.

Ты доблестью своею больше сдѣлалъ,
Кузенъ! Ты слишкомъ скроменъ.

Аркитъ.

Натискъ твой
Былъ такъ могучъ и страшенъ, что, казалось,
Ударъ ужасный грома разразился
Надъ вражьей ратью.

Паламонъ.

Ранѣе того,
Какъ молнія, ты засверкалъ надъ нею.
Постой немного: здѣсь тебѣ не третъ?

Аркитъ.

Нѣтъ, ничего.

Паламонъ.

Я не хотѣлъ бы ранить
Тебя иначе, какъ мечомъ: синякъ ли,
Царапина ль—меня бъ осрамили.

Аркитъ.

Ну, я готовъ.

ПАЛАМОНЪ.
Тогда начнемъ же бой.

АРКИТЪ.
Возьми мой мечъ, мнѣ кажется онъ лучшимъ.

ПАЛАМОНЪ.
Благодарю: оставь его себѣ;
Вѣдь жизнь твоя отъ этого зависитъ.
А я возьму вотъ этотъ, и не надо
Мнѣ лучшаго. Да защитятъ меня
И честь, и право!

АРКИТЪ.
А меня—любовь.
(Они расходятся, затѣмъ идутъ другъ другу навстрѣчу и останавливаются).
Ты, кажется, сказать мнѣ что то хочешь?

ПАЛАМОНЪ.
Еще одно: ты тетки сынъ моей,
Родная кровь струится въ нашихъ жилахъ;
Твою ль я кровь пролью иль ты мою,—
Ея источникъ общій. Мечъ мой смертью
Грозитъ тебѣ, а если суждено
Тебѣ меня убить, то я прощаю
Тебѣ,—и боги пусть тебѣ простятъ,
И если мѣсто есть, гдѣ души храбрыхъ
Найдутъ покой,—туда да воспаритъ
Печальный духъ убитаго. Сражайся жъ
Храбрѣй, кузенъ! Дай руку мнѣ свою.

АРКИТЪ.
Дай мнѣ свою. Въ послѣдній разъ сжимаю,
Какъ другъ, твою я руку, Паламонъ.

ПАЛАМОНЪ.
Благодарю тебя.

АРКИТЪ.
И если буду
Я побѣжденъ, то прокляни меня,
Какъ труса: только трусъ погибнуть можетъ
Въ такомъ правдивомъ дѣлѣ. Ну прощай же,
Въ послѣдній разъ прощай!

ПАЛАМОНЪ.
Прощай, кузенъ!
(Они сражаются. За сценой раздаются звуки роговъ).

АРКИТЪ.
Кузенъ, безумье наше насъ сгубило!

ПАЛАМОНЪ.
Какъ?

АРКИТЪ.
Это—герцогъ! Слышишь,—это онъ
Охотится! И если онъ застанетъ
Меня съ тобой,—погибли оба мы!
О, ради чести и спасенья ради,
Въ кусты опять укройся поскорѣе:
Еще найдемъ мы время умереть!
Кузенъ мой милый, если насъ увидятъ,—
Погибнешь ты за то, что изъ тюрьмы
Бѣжалъ, а я,—когда меня ты выдашь,—
За то, что клятвы данной не сдержалъ.
Весь міръ тогда осудитъ насъ; всѣ скажутъ,
Что споръ нашъ благороденъ былъ, но средства,
Къ которымъ мы прибѣгли, были низки.

ПАЛАМОНЪ.
Нѣтъ, нѣтъ, кузенъ! Я больше не хочу
Скрываться здѣсь; счастливый этотъ случай
Не упущу! Твою я вижу хитрость,
И цѣль твоя понятна для меня.
Кто оробѣлъ, тому да будетъ стыдно!
Ну, защищайся жъ!

АРКИТЪ.
Ты съ ума сошелъ!

ПАЛАМОНЪ.
Часъ этотъ—мой, и я извлечь намѣренъ
Всю пользу изъ него. Что будетъ послѣ,—
Того боюсь я меньше, чѣмъ судьбы.
Я говорю тебѣ, кузенъ трусливый:
Эмилію люблю я! Для того
Убью тебя и всѣ мои несчастья.

АРКИТЪ.
Ну, будь, что будетъ! Ты, кузенъ, увидишь,
Что умереть—мнѣ столь же легкій трудъ,
Какъ говорить иль спать. Я опасаюсь
Лишь одного: что насъ законъ лишитъ
Возможности честь нашу обезпечить.
Ну, берегись!

ПАЛАМОНЪ.
Самъ берегись, Аркитъ!

Они сражаются. Снова раздаются звуки роговъ. Входятъ ТЕЗЕЙ, ИППОЛИТА, ЭМИЛІЯ, ПИРИТОЙ *и свита.*

ТЕЗЕЙ.
Что за глупцы, невѣжды и злодѣи
Осмѣлились, нарушивъ мой законъ,
Вступить здѣсь въ битву въ рыцарской одеждѣ
Безъ разрѣшенья моего и даже
Безъ секундантовъ? Касторомъ клянусь я,
Что оба вы умрете!

ПАЛАМОНЪ.
О, Тезей!
Сдержи ты это слово! Мы злодѣи

Дѣйствительно: пренебрегли мы оба
Тобою и твоею добротой.
Я—Паламонъ; къ тебѣ любви, конечно,
Я не питаю, такъ какъ убѣжалъ я
Изъ стѣнъ твоей тюрьмы; подумай только,
Какой преступникъ я! А онъ—Аркитъ,
Измѣнникъ самый дерзкій, самый смѣлый
Изъ всѣхъ, въ странѣ встрѣчавшихся твоей,
И лживѣйшій изъ всѣхъ друзей притворныхъ.
Онъ былъ тобой помилованъ и изгнанъ,
Но, вопреки велѣнью твоему,
Остался здѣсь, и вотъ, переодѣтый,
Онъ за твоею слѣдуетъ сестрой,
Звѣздой изъ звѣздъ, Эмиліей прекрасной,
Которой я быть долженъ былъ слугой,
Затѣмъ, что первый я ее увидѣлъ
И сердцу дивный образъ завѣщалъ.
Аркитъ же хочетъ дерзостно своею
Ее считать; за это вѣроломство
Его сюда къ отвѣту я призвалъ,
Въ защиту правъ любви моей высокой.
И если точно ты, какъ говорятъ,
Великъ и добродѣтеленъ и всюду
Съ собой приносишь правды торжество,—
То повели, чтобъ мы опять сражались;
Тогда, Тезей, увидишь ты, что я
Дѣла такія совершу, что зависть
Въ самомъ тебѣ проснется. Послѣ жъ битвы
Казни меня: готовъ я умереть.

Пиритой.

Что за величье духа!

Тезей.

Я далъ клятву.

Аркитъ.

Мы милости твоей, Тезей, не просимъ;
Настолько же легко мнѣ умереть,
Какъ для тебя—приговорить насъ къ смерти.
Измѣнникомъ кузенъ меня зоветъ;
На то отвѣчу: если есть измѣна
Въ любви, въ служеньи дивной красотѣ,
Въ томъ, что готовъ я за нее погибнуть,
Въ томъ, что сюда на битву я пришелъ,
Чтобъ оправдать любовь цѣною жизни,
И въ томъ, что ей достойно я служилъ,
И въ томъ, что я готовъ убить кузена,
Который это отрицаетъ,—пусть
Тогда меня измѣнникомъ считаютъ:
Я буду радъ! А если твой приказъ
Нарушилъ я,—то посмотри, какъ дивно
Сестра твоя прекрасна, какъ велитъ
Непобѣдимо взоръ ея блестящій
Стремиться къ ней, любовью къ ней пылать!
Спроси ее: и если я измѣнникъ
Въ ея глазахъ, то пусть, какъ негодяй,
Умру и буду гнить безъ погребенья!

Паламонъ.

Тезей, обоимъ милость ты окажешь,
Когда велишь обоихъ насъ казнить.
Ты благороденъ, чистъ и безупреченъ,—
Не слушай насъ! Прошу и заклинаю
Тебя душой кузена твоего,
Чью доблестную память увѣнчали
Двѣнадцать славныхъ подвиговъ,—вели
Казнить насъ вмѣстѣ! Лишь немного раньше
Пускай умретъ соперникъ мой, чѣмъ я:
Тогда душа моя спокойна будетъ,
Что дѣва не достанется ему.

Тезей.

Твое желанье я готовъ исполнить.
Поистинѣ, кузенъ твой въ десять разъ
Виновнѣе тебя: ему я сдѣлалъ
Добра гораздо больше, чѣмъ тебѣ,
Проступки жъ ваши были равносильны.
И пусть никто не проситъ въ пользу ихъ:
До вечера уснутъ на вѣки оба.

Ипполита.

О, какъ ихъ жаль! Теперь иль никогда,—
Сестра, проси и вымоли пощаду;
Иначе всѣ грядущіе вѣка
Лицо твое отяготятъ проклятьемъ
За гибель двухъ кузеновъ.

Эмилія.

О, сестра,—
Въ лицѣ моемъ нѣтъ ничего, что гибель
Иль бѣдствіе имъ принести могло бы:
Ихъ губятъ взоры собственныхъ очей.
Но ихъ жалѣть, какъ женщина, должна я,
И пусть къ землѣ колѣна приростутъ,
Но я не встану прежде, чѣмъ прощенье
Имъ испрошу я. Милая сестра,
Мнѣ помоги! Въ прекрасномъ этомъ дѣлѣ
Соединить должны свои усилья
Всѣ женщины.

(Становится на колѣни, вмѣстѣ съ Ипполитой).

О царственный мой братъ!

Ипполита.

Во имя брака нашего!

Эмилія.

Во имя
Твоей ничѣмъ не помраченной чести!

Ипполита.

Во имя клятвы, давшей мнѣ и руку
Геройскую, и доблестное сердце!

Эмилія.

Во имя милосердья твоего,
Во имя доблести твоей безмѣрной!

Ипполита.

Во имя силы мышцъ твоихъ, во имя
Ночей всѣхъ цѣломудренныхъ, когда
Ты ласками моими наслаждался!

Тезей.

Вотъ странный заговоръ!

Пиритой.

Позволь и мнѣ
Вмѣшаться. *(Преклоняетъ колѣни).* Заклинаю нашей дружбой,
Опасностями общими,—всѣмъ тѣмъ,
Что любишь ты: войною и супругой
Прекрасною!

Эмилія.

И добротой твоей,
Съ которою ты отказать не можешь
Цвѣтущей дѣвѣ!

Ипполита.

Свѣтлыми очами
Твоими, тою силою, съ которой
Ты клялся мнѣ, что я сильнѣй всѣхъ женъ,
Почти сильнѣе всѣхъ мужей,—и все же
Тебѣ, Тезей, я уступила!..

Пиритой.

Чтобы
Намъ увѣнчать всѣ просьбы,—заклинаю
Твоею благородною душой,
Которая богата милосердьемъ!
Тебя прошу я первый ..

Ипполита.

Я вторая...

Эмилія.

И я прошу, послѣдняя...

Пиротой.

Яви
Ты милость!

Ипполита.

Милость!

Эмилія.

Милость этимъ принцамъ!

Тезей.

Поколебали вы меня. Но если
Равно мнѣ жаль обоихъ,—что мнѣ дѣлать?

Эмилія.

Оставь имъ жизнь, пошли ихъ лишь въ изгнанье!

Тезей.

Ты истинная женщина, сестра!
Ты сожалѣть и сострадать умѣешь,
Но какъ помочь,—не понимаешь ты!
Когда спасти ихъ хочешь, то придумай
Иное средство,—лучше, чѣмъ изгнанье.
Ужели оба будутъ жить, страдая
Изъ-за любви къ тебѣ, и не убьютъ
Другъ друга? Вѣрь, что будутъ ежедневно
Они сражаться, будутъ ежечасно
Испытывать мечомъ вопросъ о чести
Твоей предъ цѣлымъ міромъ. Будь умна:
Забудь о нихъ; задѣто дѣло чести
Твоей, сестра, и данной мною клятвы
Я ихъ обрекъ на смерть: пускай же лучше
Они убиты будутъ правосудьемъ,
Чѣмъ другъ отъ друга примутъ смерть.
Оставь
Мое рѣшенье въ силѣ.

Эмилія.

Благородный
Мой братъ! Ту клятву дать ты поспѣшилъ,
Затѣмъ, что былъ разгнѣванъ; но разсудокъ
Велитъ тебѣ отъ клятвы отступить.
Подумай: если бъ вѣчно исполнялись
Такія клятвы,—весь бы міръ погибъ!
Притомъ напомню я иную клятву,
Мнѣ данную тобою: въ клятвѣ той
И силы, и любви, конечно, больше,
Чѣмъ въ этой: ты ее не въ гнѣвѣ далъ,
А въ полномъ разумѣньи!

Тезей.

Что за клятва,
Сестра моя?

Пиротой.

Настойчивѣе будь,
Отважная дѣвица!

Эмилія.

Ты сказалъ мнѣ,
Что не откажешь никогда ни въ чемъ,
Достойномъ скромности моей, а также
Твоей свободной воли; и теперь
Ловлю тебя на словѣ: если слова
Не сдержишь ты, тогда свою ты честь
Унизишь. Я прошу и умоляю,
И ко всему глуха я буду, кромѣ
Согласья твоего: подумай только,
Какъ страшно отзовется гибель ихъ
На имени моемъ и доброй славѣ!
Какъ, гибнетъ тотъ, кто полюбилъ меня?
Нѣтъ, это слишкомъ было бы жестоко!
Зеленый кустъ, усыпанный цвѣтами,
Ужель срубить за то, что есть на немъ

Больныя вѣтви? О Тезей могучій!
Ихъ матери, страдавшія для нихъ,
Всѣ дѣвушки, мечтающія нѣжно
О сладостной любви,—готовы будутъ
Проклясть меня и красоту мою
И въ честь погибшихъ двухъ кузеновъ сложатъ
Гимнъ погребальный, а меня—меня
Всѣ назовутъ жестокой, ненавистной,
Достойной всякихъ бѣдъ, и стану я
Для женщинъ всѣхъ предметомъ отвращенья!
О, ради неба, сохрани имъ жизнь,—
Карай ихъ лишь изгнаньемъ!

Тезей.

На какихъ же
Условьяхъ?

Эмилія.

Клятву пусть они дадутъ,
Что никогда искать меня не будутъ,
Откажутся навѣки знать меня,
Страны твоей ногою не коснутся
И, гдѣ бъ имъ повстрѣчаться ни пришлось,—
Другъ другу быть должны они чужими.

Паламонъ.

Пускай меня разрѣжутъ на куски,
Но никогда не дамъ я этой клятвы!
Какъ? Мнѣ забыть любовь мою? Пусть боги
Тогда меня возненавидятъ! Герцогъ,
Изгнанью подчиниться я готовъ,
Но мы носить мечи, какъ прежде, будемъ,
И весь нашъ споръ останется при насъ;
А если нѣтъ—то праздныхъ разговоровъ
Довольно намъ: скорѣе насъ казни!
Ее любить я и хочу, и смѣю,
И за любовь могу убить кузена,
Гдѣ бъ я его ни встрѣтилъ!

Тезей.

Ты, Аркитъ,
Согласенъ ли принять ея условье?

Паламонъ.

Тогда онъ будетъ негодяй!

Пиритой.

Вотъ люди!

Аркитъ.

Нѣтъ, герцогъ: это хуже нищеты.
И не могу купить своей я жизни
Такой цѣной постыдною. Хотя
Я думаю, что никогда не будетъ
Она моею,—все же сохраню я
Почетную любовь и умереть
Радъ за нее, хоть самой страшной смертью.

Тезей.

Что жъ дѣлать намъ? Сочувствіе теперь
Во мнѣ самомъ проснулось.

Пиритой.

Не давай же
Заснуть ему, мой благородный другъ!

Тезей.

Эмилія, скажи: когда бы умеръ
Одинъ изъ нихъ,—согласна ли тогда
Другого ты назвать своимъ супругомъ?
Владѣть тобой они не могутъ вмѣстѣ;
Тотъ и другой—прекраснѣйшіе принцы
И по дѣламъ своимъ они такъ славны,
Какъ лишь возможно. Посмотри жъ на нихъ
И, если можешь полюбить,—покончи
Весь этотъ споръ: я дамъ свое согласье.
Согласны ли вы, принцы?

Паламонъ и Аркитъ.

Всей душой!

Тезей.

Кого она отвергнетъ,—долженъ будетъ
Тотъ умереть.

Паламонъ и Аркитъ.

Какою хочешь смертью!

Паламонъ.

Пусть я паду отъ милыхъ устъ: съ отрадой
Умру я; всѣ любовники,—тѣ даже,
Которые еще не рождены,—
Благословятъ безжизненный мой пепелъ.

Аркитъ.

Пусть буду я отринутъ: хладный гробъ
Мнѣ станетъ милъ; надгробною хвалою
Мнѣ будутъ пѣсни воиновъ звучать.

Тезей.

Что жъ, выбирай, сестра!

Эмилія.

Нѣтъ, я не въ силахъ!
Равно прекрасны оба; я бъ хотѣла,
Чтобъ ни одинъ съ нихъ волосъ не упалъ!

Ипполита.

Чтожъ будетъ съ ними?

Тезей.

Вотъ что я рѣшаю;
И честью я клянусь, что будетъ такъ,
Иль оба пусть умрутъ: вы, принцы, оба
Въ свою страну вернетесь; черезъ мѣсяцъ
Пусть каждый вновь придетъ, въ сопровожденьи

Трехъ рыцарей, сюда, на это мѣсто;
Здѣсь пирамиду я поставлю: тотъ
Изъ васъ, кто можетъ рыцарскою силой
Соперника заставить прикоснуться
Къ той пирамидѣ,—будетъ обладать
Принцессою, другой—повиненъ смерти,
И съ нимъ его друзья; и пусть не ропщетъ
Онъ на судьбу; пусть не помыслитъ онъ,
Что умираетъ съ правомъ на невѣсту.
Согласны ль вы?

ПАЛАМОНЪ.

О, да! Кузенъ Аркитъ,
До той поры мы будемъ вновь друзьями.

АРКИТЪ.

Я радъ тебя обнять.

ТЕЗЕЙ.

А ты, сестра,
Довольна ли?

ЭМИЛІЯ.

Должна я быть довольна:
Иначе бы они погибли оба.

ТЕЗЕЙ.

Другъ другу дайте жъ руку, позабудьте
Свой споръ, пока завѣтный часъ рѣшенья
Къ вамъ не придетъ, и въ путь отправьтесь свой.

ПАЛАМОНЪ.

Вѣрь намъ, Тезей: тебя мы не обманемъ.

ТЕЗЕЙ.

Теперь же васъ прошу идти за мною:
Мы примемъ васъ, какъ принцевъ и друзей.
Кто побѣдитъ,—супругомъ ей назначимъ,
А кто падетъ,—того мы смерть оплачемъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Аѳины. Комната въ тюрьмѣ.

Входитъ ТЮРЕМЩИКЪ *и первый изъ его друзей.*

ТЮРЕМЩИКЪ.

Итакъ, другихъ вѣстей ты не имѣешь?
Не слышно ли чего нибудь еще
О бѣгствѣ Паламона?

ПЕРВЫЙ ДРУГЪ.

Нѣтъ, не слышалъ
Я ничего: я ранѣе ушелъ,
Чѣмъ кончилось ихъ дѣло; но, насколько
Я могъ понять, есть много вѣроятья.
Что оба принца будутъ прощены:
Съ колѣнопреклоненьемъ Ипполита
Съ прекрасною Эмиліей просили
За нихъ такъ нѣжно, съ граціей такой,
Между своей поспѣшно данной клятвой
Что герцогъ, мнѣ казалось, колебался
И просьбами прекрасныхъ этихъ дамъ.
Чтобъ имъ помочь, принцъ Пиритой отважный,—
Который для Тезея—часть души,—
Къ ихъ просьбамъ также присоединился;
Поэтому надѣюсь я, что все
Окончится вполнѣ благополучно.
А о тебѣ иль бѣгствѣ Паламона
Никто не говорилъ.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Пошли, о небо,
Спасенье мнѣ!

ВТОРОЙ ДРУГЪ (*входя*).

Спокоенъ будь, мой другъ!
Тебѣ принесъ я радостныя вѣсти.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Заранѣе я радъ имъ.

ВТОРОЙ ДРУГЪ.

Паламонъ
Все разъяснилъ: получишь ты прощенье!
Онъ разсказалъ, какъ дочь твоя его
Освободила: ей прощенье также
Дано уже. Великодушный плѣнникъ,
Ее желая отблагодарить,
Ей жалуетъ большую сумму денегъ
Въ приданое.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Ты добрый человѣкъ
И добрыя всегда приносишь вѣсти!

ПЕРВЫЙ ДРУГЪ.

Но чѣмъ все это кончилось?

ВТОРОЙ ДРУГЪ.

Какъ чѣмъ?
Конечно, тѣ, что никогда не просятъ,

А требуютъ,—всегда получатъ все:
Жить будутъ оба.

Первый другъ.
Ну, я такъ и думалъ!

Второй другъ.
Но только имъ поставлены условья,
Которыя вы какъ нибудь потомъ
Узнаете.

Тюремщикъ
Хорошія, надѣюсь!

Второй другъ.
Почетныя, конечно; хороши ль
Условья эти,—послѣ будетъ видно.

Первый другъ.
Что жъ, поживемъ—увидимъ.

Входитъ женихъ *дочери тюремщика.*

Женихъ.
Горе, горе!
Гдѣ ваша дочь?

Тюремщикъ.
Что за вопросъ!

Женихъ.
Когда
Вы видѣли дочь вашу?

Первый другъ.
Какъ онъ смотритъ!

Тюремщикъ.
Сегодня утромъ.

Женихъ.
Чтожъ, была ль она
Здорова? какъ спала?

Первый другъ.
Вопросы эти
Довольно странны.

Тюремщикъ.
Кажется, она
Была какъ будто не вполнѣ здорова.
Теперь я вспоминаю; ей вопросы
Я задавалъ: она мнѣ отвѣчала
На все по дѣтски, какъ то невпопадъ,
Безсмысленно, какъ маленькій ребенокъ
Иль человѣкъ въ безумьи. Я сердился.
Чтожъ новаго о ней?

Женихъ.
Да ничего
Хорошаго: жалѣть ее должны мы.
Я долженъ все сказать вамъ; пусть же лучше
Узнаете вы это отъ меня,
Чѣмъ отъ другого, кто не столько любитъ
Ее, какъ я.

Тюремщикъ.
Что съ нею?

Первый другъ.
Все ли ладно?

Второй другъ.
Не ладно съ нею?

Женихъ.
Да, не очень ладно?
Увы, она совсѣмъ сошла съ ума.

Первый другъ.
Не можетъ быть!

Женихъ.
Къ несчастью, это вѣрно.

Тюремщикъ.
Я видѣлъ ужъ изъ словъ твоихъ, какъ только
Вошелъ ты, что случилась съ ней бѣда.
О боги, помогите ей! Причина
Была здѣсь или та, что въ Паламона
Она влюбилась, или та, что казни
Моей боялась,—или, можетъ быть,
То и другое,

Женихъ.
Очень вѣроятно.

Тюремщикъ.
Но какъ же это скоро такъ случилось?

Женихъ.
Сейчасъ я разскажу. Ловилъ я рыбу
Въ большомъ пруду, что позади дворца.
На дальній берегъ, камышомъ съ осокой
Заросшій, я забрался и стоялъ,
Слѣдя за поплавкомъ. Вдругъ звонкій голосъ
Услышалъ я. Прислушиваюсь: пѣсню
Поетъ тамъ кто то,—женщина иль мальчикъ
Тогда я бросилъ удочку свою,
Пошелъ на голосъ; но довольно долго
Никакъ не удавалось мнѣ узнать,
Кто пѣлъ: густой камышъ мѣшалъ мнѣ видѣть.
Прилегъ я, чтобы вслушаться,—и вдругъ,
Направивъ взоръ свой вдоль тропинки узкой,
Прорубленной недавно рыбаками,
Увидѣлъ вашу дочь.

Тюремщикъ.
О, продолжай!

Женихъ.

Она стояла тамъ и пѣла; смысла
Въ той пѣснѣ было мало. Повторялось
Одно въ ней часто, „Паламонъ ушелъ,—
Въ лѣсу онъ ищетъ ягодъ шелковицы,
Но завтра я найду его".

Первый другъ.

Бѣдняжка!

Женихъ.

„Его узнаютъ по его цѣпямъ,
Онъ будетъ схваченъ! Что я буду дѣлать?
Сто дѣвушекъ тогда я созову,
Красивыхъ, черноглазыхъ, — все влюбленныхъ,
Какъ я: у нихъ вѣнки изъ златоцвѣта
На головахъ, ихъ губы—точно вишни,
А щеки ихъ краснѣй дамасскихъ розъ.
Мы всѣ потѣшный танецъ потанцуемъ
Предъ герцогомъ, чтобъ онъ его простилъ".
Затѣмъ о васъ бѣдняжка все твердила,
Что завтра утромъ будутъ васъ казнить,
Что надо ей набрать къ дню погребенья
Цвѣтовъ и послѣ домъ украсить ими.
Потомъ она все пѣла „ива, ива",
Да „ивушка", а также повторяла:
„Мой Паламонъ, мой Паламонъ красавецъ"
И „Паламонъ былъ рослый молодецъ".
Въ водѣ она стояла по колѣна;
На головѣ вѣнокъ изъ камыша
Лежалъ у ней, а кудри распустились;
Вокругъ болотныхъ множество цвѣтовъ
Торчало,—самыхъ пестрыхъ,разноцвѣтныхъ;
Средь нихъ казалось нимфою она,
Одной изъ тѣхъ, что охраняютъ воды,
Иль свѣтлою Иридой, къ намъ съ небесъ
Слетѣвшею. Вѣнки изъ травъ окрестныхъ
Она плела и къ каждому вѣнку
Премило приговаривала: „это
Союзъ любви нашъ нѣжный", или „можно
Вотъ это раздѣлить, но насъ—нельзя",
И многое другое. То заплачетъ,
То запоетъ, то вдругъ вздохнетъ печально,
То засмѣется,—и цѣлуетъ руки
Сама себѣ.

Второй другъ.

О боги, что за жалость!

Женихъ.

Я къ ней пошелъ; она, меня завидѣвъ,
Вмигъ въ воду бросилась; ее я спасъ,
Схватилъ и вынесъ на сухое мѣсто;
Но тутъ она вдругъ вырвалась изъ рукъ
И съ громкимъ крикомъ прочь бѣжать пустилась
По направленью къ городу,—такъ быстро
Что я совсѣмъ отсталъ. Потомъ я видѣлъ,
Что трое или четверо людей
Ей бросились на перерѣзъ; межъ ними
Одинъ былъ братъ вашъ. Ихъ увидѣвъ, сразу
Она остановилась и упала;
Поднявъ, ее насилу увели.
Я съ нею ихъ оставилъ и скорѣе
Направился сюда. Да вотъ они.

Входятъ братъ тюремщика, дочь его *и другіе.*

Дочь тюремщика *(поетъ).*

О, не смотрѣть бы вамъ на бѣлый свѣтъ...
Неправда ль, пѣсня хороша?

Братъ тюремщика.

Прекрасна.

Дочь тюремщика.

Могу я двадцать спѣть другихъ.

Братъ тюремщика.

Я вѣрю.

Дочь тюремщика.

Вотъ, напримѣръ, есть пѣсня „добрый Робинъ",
Иль пѣсня „о метлѣ". Ты не портной ли?

Братъ тюремщика.

Портной.

Дочь тюремщика.

А гдѣ жъ мой свадебный нарядъ?

Братъ тюремщика.

Я завтра принесу его.

Дочь тюремщика.

Смотри же!
Да постарайся! Я теперь пойду
Созвать дѣвицъ, да музыкантовъ надо
Нанять; вѣдь завтра утромъ я лишусь
Дѣвичества; а то, вѣдь, не удастся.
(Поетъ) О милый другъ, красавецъ мой!...

Братъ тюремщика.

Съ ней надо терпѣливымъ быть.

Тюремщикъ.

Конечно.

Дочь тюремщика.

А, добрый вечеръ, господа! Скажите,
Не слышали ль о Паламонѣ вы?

Тюремщикъ.

Да, дѣвушка, его мы знаемъ.

Дочь тюремщика.
Правда?
Вѣдь онъ—прекрасный кавалеръ?

Тюремщикъ.
Еще бы!

Братъ тюремщика.
Не возражайте ей, а то она
Разстроится еще гораздо хуже.

Первый другъ.
Да, онъ прекрасный юноша.

Дочь тюремщика.
Не такъ ли?
Не правда ли? А есть у васъ сестра?

Первый другъ.
Да, есть.

Дочь тюремщика.
Скажите ей, что ей не будетъ
Принадлежать онъ никогда: я знаю
Такое слово. За сестрой смотрите:
Его увидѣвъ, въ тотъ же часъ она
Погибнетъ. Влюблены, вѣдь, въ Паламона
Всѣ дѣвушки, что въ городѣ живутъ.
Но я смѣюсь надъ ними, оставляю
Ихъ безъ вниманья. Правда, это ловко?

Первый другъ.
Да.

Дочь тюремщика.
Между ними двѣсти отъ него
Беременны: четыреста ихъ будетъ,
Но это я держу въ строжайшей тайнѣ.
И все родятся мальчики: онъ знаетъ
Какъ это все устроить. Какъ настанетъ
Имъ десять лѣтъ,—то въ этотъ самый день
Ихъ оскопятъ и сдѣлаютъ пѣвцами,
Чтобъ подвиги Тезея воспѣвать.

Второй другъ.
Вотъ это странно.

Дочь тюремщика.
Даже очень странно,
Но я прошу не говорить объ этомъ.

Первый другъ.
Не будемъ говорить.

Дочь тюремщика.
Къ нему приходятъ
Всѣ дѣвушки, со всѣхъ концовъ страны.
Повѣрьте мнѣ, что въ эту ночь ихъ двадцать
Онъ обработалъ: если онъ захочетъ,
То можетъ сдѣлать это въ два часа.

Тюремщикъ.
Она погибла!

Братъ тюремщика.
Сохрани насъ, небо!

Дочь тюремщика.
Поди сюда: ты умный человѣкъ.

Первый другъ.
Она его узнала?

Второй другъ.
Нѣтъ. О, если бъ
Она могла его узнать!

Дочь тюремщика.
Вѣдь ты—
Хозяинъ корабля?

Тюремщикъ.
Да.

Дочь тюремщика.
Гдѣ компасъ твой?

Тюремщикъ.
Вотъ здѣсь.

Дочь тюремщика.
Направь на сѣверъ свой корабль,
Въ тотъ лѣсъ, гдѣ Паламонъ лежитъ, тоскуя,
И ждетъ меня; сама я буду править.
Ну, поднимайте же якорь, да живѣй

Всѣ.
Уфъ, уфъ! Вотъ якорь поднятъ, вѣтеръ дуетъ
Благопріятный; поднимите реи
Да распустите парусъ. Эй, хозяинъ,
Гдѣ твой свистокъ?

Братъ тюремщика.
Пусть будетъ онъ у ней.

Тюремщикъ.
На мачту, мальчикъ!

Братъ тюремщика.
Гдѣ же рулъ?

Первый другъ.
Вотъ здѣсь онъ.

Дочь тюремщика.
Что видишь ты?

Второй другъ.
Прекрасный лѣсъ.

Дочь тюремщика.
Ну, правь же

Туда, да поворачивай скорѣй! *(Поетъ).*
Луна, занявъ у солнца свѣтъ...
(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Аѳины. Комната во дворцѣ.

Входитъ Эмилія, *держа два портрета.*

Эмилія.

Нѣтъ, раны я должна уврачевать,
Которыя готовы ужъ открыться
И кровь излить изъ-за меня; должна
Я сдѣлать выборъ, чтобы не погибли
Изъ-за меня два юные красавца,
Чтобъ матери не прокляли рыдая,
Идя въ слезахъ за гробомъ сыновей,
Мою жестокость. Боги, какъ прекрасенъ
Аркитъ! Сама премудрая природа
Съ ея дарами, съ дивной красотой,
Которую она съ такой любовью
Влагаетъ въ благородныя тѣла,—
Сама она, когда бы превратилась
Вдругъ въ женщину, въ застѣнчивую дѣву,
Съ ума сошла бы отъ любви къ нему!
Какія очи, что за взоръ прекрасный,
Какъ пламя, искры мечущій, и сладкій
Въ одно и тоже время, у него!
Самъ Купидонъ въ очахъ его смѣется!
Такъ рѣзвый и прекрасный Ганимедъ
Воспламенилъ любовной страстью Зевса,
И богъ похитилъ юнаго красавца
И рядомъ посадилъ его съ собою
Въ созвѣздіи блестящемъ. Что за лобъ
Возвышенный, красивый, величавый,
Какъ Гера волоокая! Нѣжнѣе
Онъ округленъ, чѣмъ Пелопса плечо!
Отсюда честь и слава, какъ съ утеса,
Вознесшаго вершину къ небесамъ,
Слетаютъ въ міръ, внизу лежащій, съ пѣснью
О подвигахъ и о любви боговъ
И близкихъ къ нимъ людей. Передъ Аркитомъ
Что Паламонъ? Лишь призракъ, только тѣнь!
Онъ смуглъ и худъ, и взоръ его такъ мраченъ,
Какъ будто мать онъ потерялъ свою;
Онъ какъ то вялъ, въ немъ живости не видно,
Нѣтъ остроумья, рѣзвости веселой,
Не хочетъ улыбнуться онъ. Но есть
Въ немъ то, что мы считаемъ заблужденьемъ
И крайностью; такъ нѣкогда Нарциссъ
Былъ мраченъ и печаленъ, хоть божественъ.
О, нѣтъ! Кто женской прихоти изгибы
Способенъ всѣ извѣдать и понять?
Утратила я, право, свой разсудокъ.
Я выбрать не могу, и вотъ я лгу
Безсовѣстно, и, право, я достойна,
Чтобъ женщины меня побили. Нѣтъ!
О Паламонъ! Прошу я на колѣняхъ
Прощенья у тебя; ты, ты одинъ
Прекрасенъ! Эти очи въ дивномъ блескѣ
Грозятъ и смѣло требуютъ любви:
Какая дѣва имъ не покорится?
Серьезности какой, какой отваги
Полны его черты, и какъ влекутъ
Онѣ меня къ себѣ! Амуръ, отнынѣ
Лишь онъ меня тревожитъ! Прочь, Аркитъ!
Ты передъ нимъ—подкидышъ, цыганенокъ,
А благороденъ только онъ одинъ!
Ахъ я совсѣмъ безумна! Я погибла,
Честь дѣвичью готова я забыть.
Спроси меня мой братъ, кого люблю я,—
И отъ Аркита я схожу съ ума;
Спроси сестра—мнѣ Паламонъ милѣе.
Вотъ оба рядомъ; братъ, спроси: кто лучше?
Не знаю я! Спроси сестра,—нѣтъ, я
Хочу подумать! Точно такъ ребенокъ,
Увидѣвъ двѣ игрушки драгоцѣнныхъ,
Какую предпочесть изъ нихъ,—не знаетъ
И плачетъ онъ о той и о другой!

(Входитъ дворянинъ).

Что новаго?

Дворянинъ.

Меня прислалъ къ вамъ герцогъ,
Вашъ братъ. Для васъ извѣстье я принесъ:
Всѣ рыцари ужъ здѣсь.

Эмилія.

Чтобъ споръ окончить?

Дворянинъ.

Да.

Эмилія.

Лучше бы покончить мнѣ съ собой!
Въ чемъ я грѣшна, о чистая Діана,
Что молодость невинная моя
Окроплена должна быть кровью принцевъ!
Въ чемъ я грѣшна, что чистота моя
Послужитъ алтаремъ, гдѣ два влюбленныхъ,
Прекраснѣйшихъ, достойнѣйшихъ изъ всѣхъ,
Когда либо отрадой веселившихъ
Сердца своихъ счастливыхъ матерей,—
Падутъ безвинно жертвою кровавой
Моей несчастной красотѣ!

Входятъ Тезей, Ипполита, Пиритой *и свита.*

Тезей.

Прошу
Скорѣй привѣсть ихъ: я желаю страстно

Увидѣть ихъ. Красавица сестра,
Поклонники твои вернулись оба
И рыцарей съ собою привели.
Теперь должна ты одного изъ принцевъ,
Какъ друга сердца, выбрать для себя.

Эмилія.

Хотѣла бъ лучше я обоихъ выбрать,
Чтобъ за меня никто не погибалъ
Безвременно.

Тезей.

Кто видѣлъ ихъ?

Пиритой.

Я видѣлъ.

Дворянинъ.

А также я.

Входитъ вѣстникъ.

Тезей.

Откуда ты пришелъ?

Вѣстникъ.

Отъ рыцарей.

Тезей.

Скажи намъ, каковы же
Они?

Вѣстникъ.

Свои охотно впечатлѣнья
Я передамъ. По внѣшности судя,
Такихъ шести бойцовъ, отваги полныхъ,
Донынѣ я не видывалъ еще,
Да про такихъ не читывалъ и въ книгахъ.
Тотъ рыцарь, что стоитъ на первомъ мѣстѣ
Съ Аркитомъ,—крѣпкій сильный человѣкъ;
Судя по виду, это принцъ природный,
Не очень смуглъ, но и не бѣлъ,—суровый,
Но благородный; смѣлый и безстрашный,
Опасность онъ умѣетъ презирать;
Въ глазахъ его огонь таится грозный,
Какъ будто скрытъ въ немъ разъяренный
левъ.
До плечъ висятъ его густые кудри,
Они черны, какъ ворона крыло;
Въ плечахъ широкъ онъ, а вооруженье
Его богато; при бедрѣ виситъ
Тяжелый мечъ на поясѣ роскошномъ,
И кажется, что въ каждый мигъ готовъ
Запечатлѣть мечомъ свою онъ волю.
Ну, словомъ, я увѣренъ: лучше друга
Для воина нельзя и пожелать.

Тезей.

Ты славно описалъ его.

Пиритой.

Но трудно
Въ словахъ короткихъ описать того,
Который первымъ возлѣ Паламона
Стоитъ.

Тезей.

Скажи намъ что нибудь о немъ.

Пиритой.

Мнѣ кажется, онъ также принцъ природный,
Пожалуй, даже перваго знатнѣй.
Тѣлосложеньемъ онъ его полнѣе,
Лицо жъ его пріятнѣй; онъ румянъ,
Какъ зрѣлый виноградъ. Сознанье видно
Въ его глазахъ, за что онъ будетъ биться,
И тѣмъ, конечно, лучше онъ съумѣетъ
Съ отвагой дѣло друга отстоять.
Въ лицѣ его увѣренность въ побѣдѣ
Сквозитъ; когда жъ разгнѣвается онъ,
Сумѣетъ, вѣрно, онъ владѣть собою,
Чтобъ, не боясь опасности, свершить
Великій подвигъ; страха онъ не знаетъ,
Хоть, можетъ быть, его и мягокъ нравъ.
Онъ бѣлокуръ, курчавъ; густыя кудри
Свиваются, плющу подобно, въ пряди,
Которыхъ не распуталъ бы и громъ;
Лицомъ же онъ—воинственная дѣва,
Кровь съ молокомъ, совсѣмъ безъ бороды;
Въ глазахъ его живетъ сама Побѣда,
Какъ бы ласкаясь къ доблести его.
Горбатый носъ—отваги гордой признакъ,
Румяныя же губы, послѣ битвъ,
Для дамъ прекрасныхъ какъ нельзя пріятнѣй.

Эмилія.

Ужель и эти люди всѣ умрутъ.

Пиритой.

Когда онъ говоритъ, то раздается
Его могучій голосъ, какъ труба;
Черты его всѣ правильны и рѣзки;
Оружіе его—стальной топоръ
Съ роскошной золотою рукоятью,
А лѣтъ ему, примѣрно, двадцать пять.

Вѣстникъ.

Тамъ есть другой,—не очень крупенъ ростомъ,
Но духомъ, видно, крѣпокъ и могучъ;
Едва ли онъ кому нибудь уступитъ.
Донынѣ мнѣ не приходилось видѣть,
Кто такъ бы много обѣщалъ, какъ онъ.

Пиритой.

Не тотъ ли это, чье лицо въ веснушкахъ?

Вѣстникъ.

Да, это онъ; не правда ли, онѣ
Къ нему идутъ?

ПИРИТОЙ.
Пожалуй, я согласенъ.

ВѢСТНИКЪ.
Веснушекъ очень мало у него,
Притомъ расположенье ихъ удачно:
Онѣ ему рѣшительно къ лицу.
Не теменъ цвѣтъ его волосъ, но также
Не слишкомъ свѣтелъ,—мужественъ, съ оттѣнкомъ
Каштановымъ; а самъ подвиженъ онъ,
Въ немъ дѣятельный духъ замѣтенъ сразу.
Онъ мускулистъ, его могучи руки,
Ихъ мышцы очень выпуклы, у плечъ
Онѣ немного пухлы, какъ у женщинъ,
Впервые плодъ зачавшихъ; нѣтъ сомнѣнья,
Что очень онъ выносливъ; бремя латъ
Ему не тяжело; онъ тихъ, спокоенъ,
Но въ гнѣвѣ будетъ онъ свирѣпъ, какъ тигръ.
Взоръ сѣрыхъ глазъ грозитъ и побѣждаетъ
И, вмѣстѣ съ тѣмъ, сочувствіе сулитъ;
Онъ зорко видитъ выгоду и всюду
Умѣетъ ею быстро овладѣть;
Онъ не обидитъ, но обидъ не стерпитъ.
Лицо его довольно кругло; если
Улыбкою оно освѣщено,
Онъ кажется влюбленнымъ, а нахмурясь—
Какъ самый грозный воинъ онъ глядитъ.
На головѣ его вѣнокъ дубовый,—
Побѣды знакъ,—въ немъ дамы сердца бантъ.
На видъ ему лѣтъ тридцать шесть; онъ держитъ
Въ рукѣ своей большую булаву
Тяжелую, въ серебряной оправѣ.

ТЕЗЕЙ.
И всѣ они настолько жъ хороши?

ВѢСТНИКЪ.
Ихъ можно всѣхъ назвать сынами чести.

ТЕЗЕЙ.
Ну, такъ клянусь душою: я хочу
Скорѣй ихъ видѣть. Милая супруга,
И ты должна смотрѣть на бой.

ИППОЛИТА.
Охотно;
Но самый споръ не такъ мнѣ интересенъ,
Какъ случай видѣть витязей двухъ странъ.
Какъ жаль, что такъ жестокъ Амуръ! Что скажешь,
Сестра мягкосердечная? Не плачь
И слезъ не лей, пока ихъ кровь не льется.

ТЕЗЕЙ.
Ты мужество своею красотой
Въ нихъ возвышаешь. (*Пиритою*). Другъ мой благородный,
Тебѣ устроить поручаю я
Арену, чтобъ она была достойна
Тѣхъ, кто сражаться будетъ.

ПИРИТОЙ.
Я готовъ.

ТЕЗЕЙ.
Я къ нимъ пойду; терпѣнья не хватаетъ
Дождаться ихъ,—такъ я воспламененъ
Разсказами. Такъ постарайся жъ, другъ мой.

ПИРИТОЙ.
Все сдѣлаю, чтобъ ихъ принять роскошно.

ЭМИЛІЯ.
Плачь, плачь, бѣдняжка: кто бъ ни побѣдилъ,—
Твой грѣхъ кузена знатнаго сгубилъ.
(*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Аѳины. Комната въ тюрьмѣ.

Входятъ ТЮРЕМЩИКЪ, ЖЕНИХЪ ЕГО ДОЧЕРИ *и* ДОКТОРЪ.

ДОКТОРЪ. Не правда ли, ея разстройство особенно усиливается въ нѣкоторые дни мѣсяца?

ТЮРЕМЩИКЪ. Она постоянно разстроена, но въ безобидномъ родѣ: она мало спитъ, очень плохо ѣстъ и только часто пьетъ. Она все грезитъ о другомъ, лучшемъ мірѣ; ко всякой мелочи, которую она видитъ вокругъ себя, она привязываетъ имя Паламона, вмѣшиваетъ его во всякое занятіе, прицѣпляетъ его къ каждому вопросу. Вотъ она идетъ: посмотрите, и вы увидите, какъ она ведетъ себя.

Входитъ ДОЧЬ ТЮРЕМЩИКА.

ДОЧЬ ТЮРЕМЩИКА. Я совсѣмъ забыла это; припѣвъ былъ „радость, радость"; сочинилъ эту пѣсню не кто иной, какъ Джерольдъ, учитель Эмиліи. Онъ очень страненъ, страннѣй чѣмъ кто либо, ходившій на ногахъ. Въ другомъ мірѣ Дидона увидитъ Паламона и тогда разлюбитъ Энея.

ДОКТОРЪ. Что за безсмыслица! Вотъ бѣдняжка.

ТЮРЕМЩИКЪ. И такъ постоянно, цѣлыми днями.

ДОЧЬ ТЮРЕМЩИКА. Теперь поговоримте о колдовствѣ, о которомъ я вамъ разсказывала. Вы должны принести серебряную монету на кончикѣ языка, а то васъ не

перевезутъ. Тогда, если вы такъ счастливы, что попадете въ страну блаженныхъ духовъ,— будемъ на это надѣяться,—то мы, дѣвушки, которыхъ жизнь погибла, разбита въ куски любовью, всѣ придемъ туда и будемъ заниматься только срываніемъ цвѣтовъ для Паламона. Я наберу для него букетъ, и тогда, замѣтьте, тогда...

Докторъ. Какой у нея милый бредъ! Посмотримъ, что будетъ дальше.

Дочь тюремщика. Право, я разскажу вамъ все. Иногда мы, блаженныя души, будемъ тамъ играть, бѣгать взапуски. А для тѣхъ, которыя живутъ въ другомъ мѣстѣ,—увы, жизнь будетъ скорбная; онѣ горятъ, мерзнутъ, кипятъ, визжатъ, воютъ, скрежещутъ зубами, проклинаютъ! О, имъ тяжко приходится! Берегитесь: если кто нибудь сойдетъ съ ума, повѣсится, утопится,— всѣ они попадутъ туда. Спаси насъ, Юпитеръ! Тамъ ихъ бросятъ въ котелъ съ расплавленнымъ свинцомъ и кипящимъ жиромъ ростовщиковъ и они будутъ безъ конца вариться тамъ, какъ свиной окорокъ.

Докторъ. Чего только не выдумываетъ ея мозгъ!

Дочь тюремщика. Знатные люди и царедворцы, обольстившіе дѣвушекъ, попадутъ именно въ это мѣсто. Они будутъ стоять въ огнѣ до пупка, а на сердцѣ у нихъ будетъ ледъ; такимъ образомъ тѣ части тѣла, которыя нанесли обиду, будутъ горѣть, а тѣ части, которыя обманули, — будутъ мерзнуть. Право, это очень жестокое наказаніе за такіе пустяки; повѣрьте мнѣ, для того, чтобы избавиться отъ этого, многіе согласились бы жениться на прокаженной колдуньѣ.

Докторъ. Какъ она фантазируетъ! Это не закоренѣлое сумасшествіе, а тяжелая и глубокая меланхолія.

Дочь тюремщика. Если бы вы слышали, какъ гордая дама и простая городская женщина воютъ вмѣстѣ! Я была бы скотиной, если бы нашла это забавнымъ. Одна кричитъ: „о, какой дымъ“! а другая: „о, какой огонь!“ Одна кричитъ: „о, зачѣмъ я дѣлала это за занавѣской!“ и громко воетъ, а другая проклинаетъ своего возлюбленнаго и садовую бесѣдку. (*Поетъ*):

Вѣрна я буду звѣздамъ и судьбѣ...

(*Уходитъ*).

Тюремщикъ. Что вы скажете о ней, господинъ докторъ?

Докторъ. Мнѣ кажется, что она совсѣмъ помѣшалась, и я не могу ей помочь.

Тюремщикъ. Увы, что же намъ дѣлать?

Докторъ. Не знаете ли, не любила ли она кого нибудь раньше, чѣмъ увидѣла Паламона?

Тюремщикъ. Прежде я очень надѣялся, что она отдастъ свое сердце вотъ этому господину, моему другу.

Женихъ. Мнѣ тоже такъ казалось, и я готовъ многое отдать, хоть половину моего состоянія въ доказательство того, что какъ я, такъ и она до сего времени откровенно были расположены другъ къ другу.

Докторъ. Взоръ ея былъ пораженъ и это повело къ разстройству другихъ чувствъ. Можетъ быть разумъ къ ней вернется и всѣ чувства снова будутъ дѣйствовать, какъ должно; но въ настоящее время они въ полномъ заблужденьи. Вотъ что слѣдуетъ вамъ сдѣлать: помѣстите ее въ комнату, куда едва проникалъ бы свѣтъ. Вы, молодой человѣкъ, другъ ея, назовитесь Паламономъ; скажите ей, что пришли пообѣдать вмѣстѣ съ нею и поговорить о любви; это привлечетъ ея вниманіе, такъ какъ она только объ этомъ и думаетъ: прочіе предметы, попадающіе между ея духовнымъ и тѣлеснымъ взоромъ, лишь помогаютъ ей разнообразить и украшать свое безуміе. Пойте ей нѣжныя пѣсни любви, которыя, по ея словамъ, Паламонъ пѣлъ въ тюрьмѣ. Принесите ей самыхъ лучшихъ цвѣтовъ, которые можно найти въ это время года, и прибавьте къ нимъ еще разные духи, благопріятно дѣйствующіе на чувства. Все это будетъ соединяться съ представленіемъ о Паламонѣ, такъ какъ Паламонъ умѣетъ пѣть, Паламонъ любезенъ и воплощаетъ въ себѣ все хорошее. Предлагайте ей обѣдать вмѣстѣ съ нею, угощайте ее, пейте за ея здоровье и въ это время старайтесь снискать ея расположеніе. Узнайте, какія дѣвушки были ея знакомыми и подругами въ играхъ: пускай онѣ придутъ къ ней разговаривать о Паламонѣ, а вы въ это время явитесь подъ его личиною. Она создаетъ себѣ лживыя представленія и ложью надо бороться съ ними. Такимъ образомъ вы заставите ее и ѣсть и спать и приведете въ прежній порядокъ то, что теперь вышло изъ колеи. Мнѣ такое лѣченіе удавалось, не знаю, сколько разъ; и я надѣюсь, что этотъ случай увеличитъ число моихъ успѣховъ. Примитесь за исполненіе этого, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ: повѣрьте, мы все уладимъ.

(*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Аѳины. Три жертвенника, изъ которыхъ одинъ посвященъ Марсу, другой Венерѣ, третій Діанѣ.

Трубы. Входятъ Тезей, Пиритой, Ипполита *и свита.*

Тезей.

Пускай войдутъ и здѣсь передъ богами
Мольбы свои повергнутъ. Пусть весь храмъ
Священными огнями озарится,
Пусть облака святого ѳиміама
Надъ алтарями вознесутся къ тѣмъ,
Кто выше насъ; свершите всѣ обряды,
Затѣмъ, что дѣло важности высокой
Въ рукахъ боговъ: они почтутъ того,
Кто, мощный тѣломъ, съ вѣрною любовью
Имъ служитъ.

Пиритой.

Государь, они идутъ.

Раздаются звуки рожковъ. Входятъ Паламонъ *и* Аркитъ *со своими рыцарями.*

Тезей.

Вы, славные соперники-герои,
Вы, царственные кровные враги!
Насталъ тотъ день, который пламя дружбы
И близости, пылавшее межъ васъ,
Потушитъ. Позабудьте же на время
Раздоръ свой предъ священнымъ алтаремъ
И съ голубиной кротостью, съ мольбою
Къ богамъ, которыхъ каждый смертный чтитъ,
Свой непреклонный станъ вы преклоните.
Вашъ споръ важнѣй, чѣмъ споры прочихъ смертныхъ:
Безсмертная вамъ помощь тѣмъ нужнѣй.
Итакъ, по чистой совѣсти сражайтесь
И помните: вы на глазахъ боговъ!
Я ухожу, молитесь; я побѣды
Равно желаю каждому изъ васъ.

Пиритой.

Достойнѣйшій почтенъ да будетъ небомъ!

(Тезей и его дворъ удаляются).

Паламонъ.

Часы бѣгутъ и бѣгъ ихъ не прервется,
Пока одинъ изъ насъ не будетъ мертвъ.
Одно скажу тебѣ, Аркитъ: когда бы
Во мнѣ нашлось хоть что нибудь, что стало бъ
Сопротивляться исполненью дѣла,
Которое я долженъ совершить,—
Будь это глазъ, возставшій противъ глаза,
Или рука, другой моей рукѣ
Помочь не пожелавшая,—ихъ мигомъ
Я уничтожилъ бы. И если я
Часть самого себя убить способенъ,—
Пойми, что долженъ сдѣлать я съ тобой!

Аркитъ.

Что до меня,—я приложу всѣ силы,
Чтобъ позабыть объ имени твоемъ,
О нашей дружбѣ, нашей кровной связи,
Вообразивъ тебя враждебной силой,
Которую я долженъ поразить.
Итакъ, свои мы паруса распустимъ,
Куда жъ корабль примчится,—пусть рѣшаютъ
Небесные вершители судебъ.

Паламонъ.

Слова твои прекрасны. Предъ разлукой
Позволь же мнѣ обнять тебя, кузенъ.
Въ послѣдній разъ тебя я обнимаю.

Аркитъ.

Прости, кузенъ!

Паламонъ.

Прости въ послѣдній разъ.

(Они обнимаются; Паламонъ и его рыцари уходятъ).

Аркитъ.

Вы, родственные рыцари, вы жертвы
Любви моей, влюбленные и сами,
Вы, Марса слуги вѣрные, чей духъ
Избавилъ васъ отъ чувства страха, даже
Отъ мысли о возможности робѣть,—
Приблизьтесь вы со мною вмѣстѣ къ богу,
Которому привыкли мы служить!
Попросимъ, чтобы въ битвѣ предстоящей
Онъ далъ намъ сердце львовъ, отвагу тигровъ
И быстроту великую, чтобъ мы
Не медлили, улиткамъ уподобясь.
Вы знаете, что призъ мой въ этой битвѣ
Извлечь я долженъ изъ потоковъ крови;
Вы знаете, что мы должны свершить
Великій подвигъ мужества и силы,
Чтобъ мнѣ добыть вѣнокъ побѣды славной,
Въ который мнѣ красавица воткнетъ
Цвѣтовъ царицу, и должны мы будемъ
Все поле битвы кровью окропить.
Прошу васъ поддержать меня! Теперь же

Съ молитвой жаркой къ Марсу припадемъ.

(Они подходятъ къ алтарю Марса, падаютъ предъ нимъ ницъ, а потомъ становятся на колѣни).

О ты, великій, грозный богъ, чья сила
Зеленый цвѣтъ Нептуна превращаетъ
Въ багровый; ты, котораго кометы
Страшатся; ты, который на поляхъ
Опустошенныхъ оставляешь груды
Непогребенныхъ мертвыхъ череповъ,
Сдуваешь яства со стола Цереры,
Рукою, въ сталь закованной, срываешь
Вершины башенъ изъ-подъ облаковъ,
Изъ камня твердый поясъ созидаешь
Вкругъ городовъ и разрушаешь вновь,—
О, помоги мнѣ, твоему питомцу,
Наперсника грозы твоей наставь,
Дай силу мнѣ и ловкость, чтобы гордо
Свое я поднялъ знамя въ честь твою
И сталъ героемъ дня. О Марсъ великій!
Тебя молю я знаменье послать,
Угодна ли тебѣ моя молитва!

(Они снова простираются ницъ. Слышится стукъ оружія, затѣмъ короткій громъ, какъ бы отъ шума битвы. Они встаютъ и кланяются алтарю).

О ты, великій, мощный исправитель
Сѣдыхъ временъ работы вѣковой,
Рѣшитель чести имени и сана,
Покрытыхъ пылью славною вѣковъ;
О ты, который кровью исцѣляешь
Болѣзнь земли и охраняешь міръ
Отъ лишняго избытка населенья,
Позволь же мнѣ считать благопріятнымъ
То знаменье, которое ты далъ,
И дѣйствовать съ отвагою во имя
Твое, великій! Рыцари, пойдемъ.

(Уходятъ).

Входятъ Паламонъ *и его рыцари.*

Паламонъ.

Должны теперь зажечься наши звѣзды
Сіяньемъ новымъ, или же навѣки
Онѣ погаснутъ. Нашъ девизъ—любовь,
И если тотъ девизъ любви богинѣ
Угоденъ,—намъ побѣду дастъ она.
Итакъ, соедините жъ ваши души
Съ моею; дѣло сердца моего
Пусть будетъ также личнымъ дѣломъ чести
Для вашихъ чистыхъ, доблестныхъ сердецъ!
Венерѣ весь нашъ подвигъ посвящая,
О помощи помолимся мы ей.

(Они подходятъ къ алтарю Венеры, простираются передъ нимъ и затѣмъ становятся на колѣни).

Привѣтствую тебя, богиня тайнъ!
Ты можешь нѣжной силою своею
Тирана злого ярость укротить,
Какъ дѣвушку, его заставивъ плакать;
Единымъ взглядомъ ты заставить можешь
Умолкнуть Марса грозный барабанъ,
Шумъ битвы въ сладкій шопотъ превращая.
Калѣка жалкій силою твоей
Способенъ вдохновиться: вмѣсто флейты
Сыграетъ онъ на костылѣ своемъ
Любовной нѣги сладостную пѣсню
И предъ очами Феба исцѣлится.
Захочешь ты—и, покорясь тебѣ,
Король вассаломъ подданнаго станетъ;
Закоренѣлый холостякъ, чья юность
Перескочила чрезъ твои огни,
Какъ прыгаютъ веселые ребята
Чрезъ праздничный костеръ,—попавшись въ сѣти
Твои, поетъ, на зло охрипшей глоткѣ,
Любовные романсы. Что тебѣ,
Богиня, недоступно? Даже Феба
Ты согрѣваешь жарче, чѣмъ онъ самъ
Лучами грѣетъ; смертнаго онъ сына
Сожегъ, а твой огонь сжигаетъ бога!
Холодная Охотница сама,
Какъ говорятъ, была, готова бросить
Свой лукъ для вздоховъ сладостной любви.
Молю тебя, какъ воинъ твой усердный:
Ко мнѣ, богиня, милостива будь!
Всегда готовъ носить твое я иго
Безпрекословно, какъ вѣнецъ изъ розъ,
Хоть тяжелѣй оно, чѣмъ грузъ свинцовый,
И сердце жжетъ больнѣй крапивы злой.
Всегда я вѣренъ былъ твоимъ законамъ,
Священныхъ тайнъ твоихъ не раскрывалъ,
Да и не зналъ; но если бъ всѣ ихъ зналъ я,
То и тогда я не открылъ бы ихъ.
Я женъ чужихъ не увлекалъ любовью,
Нескромныхъ книгъ читать я не любилъ;
На пиршествахъ я гнусными рѣчами
Не увлекалъ красавицъ, но краснѣлъ,
Когда другіе гнусно поступали.
Развратниковъ сурово я бранилъ,
Имъ говоря: „ужели позабыли
Вы мать свою?“ А самъ, имѣя мать,
Какъ женщину, ее не оскорблялъ я,
Увѣренный, что женщину обидѣть
Простительно лишь женщинѣ. И вотъ
Разсказывалъ я имъ, что зналъ однажды
Я старика восьмидесяти лѣтъ,
Который на четырнадцатилѣтней
Красавицѣ женился: ты, богиня,
Огонь любви вселила въ этотъ прахъ!

То былъ калѣка старый, кривоногій;
Отъ ревматизма пальцы всѣ въ узлахъ;
Глаза его, изъ впадинъ вылѣзая,
Готовились какъ будто выпасть; жизнь
Была ему, казалось, лишь мученьемъ.
И что жъ? Несчастный этотъ полутрупъ
Имѣлъ ребенка отъ жены прекрасной!
Ребенокъ былъ его: она сама
Мнѣ въ томъ клялась,—и кто бъ ей не повѣрилъ?
Ну, словомъ, я для гнусныхъ болтуновъ,
Всегда грѣшить готовыхъ,—не товарищъ;
Отъ хвастуновъ, еще не согрѣшившихъ,
Съ презрѣньемъ отворачиваюсь я;
За тѣхъ, кто согрѣшилъ бы, но не встрѣтилъ
Возможности,—я радуюсь; того,
Кто повѣствуетъ о дѣлахъ безстыдныхъ,
Свершенныхъ тайно,—также и того,
Кто дерзко всѣ притоны называетъ,—
Я ненавижу. Я клянусь, что нѣтъ
Любовника вѣрнѣй меня! И нынѣ
Твоей, богиня помощи прошу я:
Дай мнѣ побѣду въ битвѣ роковой,—
Я заслужилъ ее любовью вѣрной!
Пошли, богиня, знаменье свое,
Чтобъ я увѣренъ былъ, что ты довольна!
(Слышится музыка; появляются голубки, порхающіе надъ алтаремъ; Паламонъ и рыцари падаютъ ницъ, затѣмъ становятся на колѣни).
Великая, прекрасная богиня,
У смертныхъ отъ одиннадцати лѣтъ
Царящая въ сердцахъ до девяноста,—
Ты, чьей охоты поле—цѣлый міръ,
А мы—лишь дичь, гонимая тобою,—
Благодарю за знаменье твое!
Имъ сердце ты мое вооружаешь
Невинное, чтобъ смѣло шелъ я въ бой!
Вставайте же: богонѣ поклонившись,
Пойдемъ отсюда: время истекло.

(Они кланяются алтарю и уходятъ).

Раздается тихая музыка; входитъ Эмилія *въ бѣломъ платьѣ съ волосами, распущенными по плечамъ, и въ вѣнкѣ изъ колосьевъ; одна изъ дѣвушекъ, въ бѣломъ платьѣ, несетъ ея шлейфъ; волосы ея убраны цвѣтами; другая несетъ впереди серебряный сосудъ съ ладаномъ и благовоніями и ставитъ его передъ алтаремъ Діаны. Дѣвушки становятся поодаль, а одна изъ нихъ зажигаетъ огонь на алтарѣ. Онѣ дѣлаютъ реверансъ передъ алтаремъ и становятся на колѣни.*

Эмилія.

О ты, богиня хладная, святая,
Царица ночи, въ гордомъ постоянствѣ
Отъ всѣхъ страстей свободная, нѣмая,—
Одна царишь ты въ сладкой тишинѣ
И въ молчаливомъ созерцаньи міра,
Чиста, какъ цѣломудріе само,
Бѣла, какъ снѣгъ, носимый легкимъ вѣтромъ;
И даже въ дѣвахъ, воинахъ твоихъ,
Ты допускаешь крови лишь настолько,
Насколько нужно для румянца щекъ,
Который есть знакъ ордена Діаны.
Какъ дѣвственная жрица, предъ тобой,
Богиня, я колѣна преклоняю;
О, удостой взглянуть зеленымъ окомъ,
Которое не зрѣло никогда
Нечистыхъ дѣлъ, на трепетную дѣву
Твою; склони, сребристая богиня,
Свой слухъ, который былъ всегда закрытъ
Для грубыхъ словъ и для нескромныхъ звуковъ,
Къ мольбѣ моей, которую теперь
Я приношу тебѣ въ священномъ страхѣ.
Въ послѣдній разъ, какъ дѣвственница, я
Молюсь тебѣ; одѣта я невѣстой,
Но сердцемъ—дѣва; выхожу я замужъ,
Но за кого,—не знаю; одного
Изъ двухъ должна я выбрать и побѣду
Послать ему молю тебя, но выборъ
Пусть не зависитъ отъ меня; когда бы
Рѣшала я сама, то я сказала бъ:
Равны они: Губить ни одного
Я не хочу, и если кто погибнетъ,—
Пусть будетъ онъ не мною осужденъ!
А потому, о скромная богиня,
Побѣду дай тому, кто больше любитъ
Меня и больше правъ имѣетъ: пусть
Съ меня снимаетъ онъ вѣнецъ мой брачный,—
Иль повели мнѣ до скончанья дней
Продлить безбрачья нить, остаться дѣвой,
Какъ предъ тобой я дѣвой предстою.

(Серебряный сосудъ исчезаетъ подъ алтаремъ; на его мѣстѣ появляется дерево съ розою на вершинѣ).

Такъ вотъ каковъ, владычица благая
Приливовъ и отливовъ, твой отвѣтъ,
Изъ нѣдръ святого алтаря возставшій!
Одна лишь только роза! Если вѣрно
Я поняла, отвѣтъ твой означаетъ,
Что въ битвѣ оба витязя падутъ,
И я одна останусь, безъ супруга,
Какъ дѣвственный, не сорванный цвѣтокъ!

(Раздаются внезапные звуки инструментовъ и роза падаетъ съ дерева, которое исчезаетъ подъ алтаремъ).

Цвѣтокъ упалъ, за нимъ исчезло древо.
Богиня, облегчаешь ты меня!
Я вижу, что супруга получу я,

Но воли все жъ не знаю я твоей:
Она покрыта тайной. (*Встаетъ*). Я надѣюсь,
Что угодила я своей молитвой:
Ко мнѣ богини милостивъ отвѣтъ.
(*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Аѳины. Комната въ тюрьмѣ.

Входятъ ДОКТОРЪ, ТЮРЕМЩИКЪ *и* ЖЕНИХЪ *въ одеждѣ Паламона.*

ДОКТОРЪ.
Ну, что жъ, помогъ ли мой совѣтъ?

ЖЕНИХЪ.
Да, очень:
Знакомыя дѣвицы, къ ней придя,
Ее почти совсѣмъ ужъ убѣдили,
Что я—самъ Паламонъ; чрезъ полчаса
Она пришла ко мнѣ и, улыбаясь,
Спросила, что я ѣмъ, и не хочу ли
Поцѣловать ее. На это я
Отвѣтилъ ей: „хочу, мой другъ“, и дважды
Поцѣловалъ.

ДОКТОРЪ.
Отлично! Двадцать разъ—
Еще бы лучше: въ этомъ все лѣченье.

ЖЕНИХЪ.
Затѣмъ она сказала мнѣ, что будетъ
Безъ сна всю ночь, чтобъ уловить тотъ часъ,
Когда я къ ней почувствую влеченье.

ДОКТОРЪ.
Пускай; когда влеченье то придетъ,—
Его сейчасъ же удовлетворяйте.

ЖЕНИХЪ.
Зачѣмъ она меня просила спѣть.

ДОКТОРЪ.
Что жъ, пѣли вы?

ЖЕНИХЪ.
О, нѣтъ!

ДОКТОРЪ.
Ну, это плохо:
Во всемъ ей надо угождать.

ЖЕНИХЪ.
Увы!
Вѣдь голоса я, докторъ, не имѣю!

ДОКТОРЪ.
Ну, все равно: какой нибудь хоть звукъ
Издайте; все, чего бъ ни попросила,
Ей дѣлайте; захочетъ,—ляжте съ нею.

ТЮРЕМЩИКЪ.
Ну, докторъ.

ДОКТОРЪ.
Да; такъ требуетъ лѣченье.

ТЮРЕМЩИКЪ.
Но прежде надо помнить то, чего
Честь требуетъ.

ДОКТОРЪ.
Вотъ нѣжности пустыя!
Иль честь дороже вамъ, чѣмъ ваша дочь?
Сперва ее намъ величать вы дайте,
А послѣ, если ваша дочь честна,
Она пойдетъ впередъ!

ТЮРЕМЩИКЪ.
Спасибо, докторъ.

ДОКТОРЪ.
Нельзя ль позвать ее сюда? Хочу
Ее я видѣть.

ТЮРЕМЩИКЪ.
Я схожу за нею,
Скажу, что Паламонъ ее зоветъ;
Но, докторъ, не опасно ль (*Уходитъ*).

ДОКТОРЪ.
Ладно, ладно!
Вы всѣ, отцы, порядочные дурни;
Скажите: честь ея ему нужна!
Вотъ мы дадимъ лѣкарство, такъ увидимъ...

ЖЕНИХЪ.
Какъ докторъ, развѣ думаете вы,
Что не честна она?

ДОКТОРЪ.
А сколько лѣтъ ей?

ЖЕНИХЪ.
Ей—восемнадцать.

ДОКТОРЪ.
Можетъ быть, честна;
Но это все равно для нашей цѣли,
И, чтобъ ея отецъ ни говорилъ,
Какъ только вы замѣтите, что мысли
Ея наклонны,—знаете, къ тому,
Videlicet,—ну, словомъ, къ дѣлу плоти,—
Надѣюсь я, вы поняли мёня?

ЖЕНИХЪ.
Да, докторъ, понялъ.

Докторъ.

Удовлетворите
Вы аппетитъ ея, да хорошенько:
Тогда вся меланхолія ея
Излѣчится сейчасъ же, ipso facto.

Женихъ.

Да, я согласенъ, докторъ.

Докторъ.

Ужъ повѣрьте,
Что будетъ такъ. Но вотъ она идетъ:
Развеселить ее вы постарайтесь.

Входятъ тюремщикъ, дочь *его и* служанка.

Тюремщикъ.

Иди, дитя; твой Паламонъ здѣсь ждетъ
Ужъ цѣлый часъ: тебя онъ хочетъ видѣть.

Дочь тюремщика.

Его благодарю я за терпѣнье;
Онъ добръ; я такъ обязана ему!
Вы видѣли, онъ подарилъ мнѣ лошадь?

Тюремщикъ.

Да.

Дочь тюремщика.

Правда, конь хорошъ?

Тюремщикъ.

Великолѣпенъ.

Дочь тюремщика.

Вы видѣли, какъ этотъ конь танцуетъ?

Тюремщикъ.

Нѣтъ.

Дочь тюремщика.

Я видала; ахъ, какъ онъ красивъ!
Особенно онъ быстръ и ловокъ въ джигѣ:
Совсѣмъ волчокъ!

Тюремщикъ.

Да, это хорошо.

Дочь тюремщика.

Пройти онъ можетъ мавританскимъ танцемъ
Въ часъ двадцать миль,—а это утомитъ
Любую деревянную лошадку,
Хоть лучшую во всемъ приходѣ нашемъ.
Къ тому же онъ танцуетъ подъ мотивъ
Извѣстной пѣсни „Свѣтъ любви". Неправда ль,
Чудный конь?

Тюремщикъ.

Пожалуй, онъ уменъ
Настолько, что и въ мячъ сыграть онъ можетъ?

Дочь тюремщика.

Ахъ, нѣтъ!

Тюремщикъ.

Читать, писать умѣетъ онъ?

Дочь тюремщика.

Отлично пишетъ: превосходный почеркъ!
Онъ самъ ведетъ счетъ сѣна и овса,
И конюху, который захотѣлъ бы
Его надуть, пришлось бы не легко.
Не знаете ль кобылу вы гнѣдую
На герцогской конюшнѣ?

Тюремщикъ.

Да.

Дочь тюремщика.

Она
Въ него ужасно влюблена, бѣдняжка;
Но онъ, какъ господинъ его, суровъ
И скроменъ.

Тюремщикъ.

Есть приданое за нею?

Дочь тюремщика.

За нею сѣна двѣсти есть возовъ
И двадцать мѣръ овса. Но онъ не хочетъ
И знать о ней: онъ сладострастно ржетъ,
Когда завидитъ мельника кобылу,
Которую готовъ онъ соблазнить.

Докторъ.

Что за ужасный вздоръ она болтаетъ!

Тюремщикъ.

Ну, что же, сдѣлай реверансъ: вѣдь вотъ
Возлюбленный твой здѣсь.

Женихъ.

Какъ поживаешь,
Красавица? Вотъ милая дѣвица!
И какъ прекрасно сдѣланъ реверансъ!

Дочь тюремщика.

Къ услугамъ вашимъ, сколько честь позволитъ.
Не можете ль сказать мнѣ, господа,
Далеко ли отъ этихъ мѣстъ край свѣта?

Докторъ.

Пожалуй, цѣлый день пути.

Дочь тюремщика.
Хотите
Со мной идти туда?

Женихъ.
Но что же будемъ
Мы дѣлать тамъ?

Дочь тюремщика.
Что? Мы сыграемъ въ мячъ.
Чего же больше дѣлать тамъ?

Женихъ.
Отлично;
Нельзя ли нашу свадьбу тамъ сыграть?

Дочь тюремщика.
Да, это вѣрно. Тамъ найти мы можемъ
Священника слѣпого, чтобы насъ
Онъ обвѣнчалъ; а здѣшніе всѣ глупы
И слишкомъ привередливы; къ тому же
Повѣсятъ завтра моего отца,
И это можетъ намъ испортить дѣло.
Вы—Паламонъ.

Женихъ.
Вѣдь, знаешь ты меня?

Дочь тюремщика.
Да, но меня вы знать не захотите;
Вѣдь, у меня нѣтъ ничего: вотъ эта
Лишь юбочка, да двѣ плохихъ рубашки.

Женихъ.
Мнѣ все равно: хочу владѣть тобою.

Дочь тюремщика.
Серьезно?

Женихъ.
Да, клянусь твоей рукой.

Дочь тюремщика.
Ну, такъ пойдемъ въ постель.

Женихъ (*цѣлуя ее*).
Когда угодно.

Дочь тюремщика.
О, какъ охотно лакомитесь вы!

Женихъ.
Зачѣмъ же ты мой поцѣлуй стираешь?

Дочь тюремщика.
Онъ очень сладокъ; какъ меня прекрасно
Онъ къ нашей свадьбѣ надушитъ! А это,
Вѣдь, вашъ кузенъ Аркитъ?

Докторъ.
Да, дорогая.
Какъ радъ я, что кузенъ мой Паламонъ
Такой прекрасный выборъ сдѣлалъ!

Дочь тюремщика.
Правда?
Онъ женится на мнѣ?

Докторъ.
Ну, да, конечно.

Дочь тюремщика.
И вы того же мнѣнья?

Тюремщикъ.
Да.

Дочь тюремщика.
У насъ
Дѣтей родится много. Ахъ, какъ сильно
Вы выросли! И другъ мой Паламонъ,
Надѣюсь, тоже выростетъ: вѣдь снова
Свободенъ онъ. Ахъ, онъ, голубчикъ мой,
Такъ долго не имѣлъ ѣды хорошей
И даже крова былъ лишенъ! Но я
Поправлю все, его цѣлуя нѣжно.

Входитъ вѣстникъ.

Вѣстникъ.
Что дѣлаете вы? Вѣдь, вы лишитесь
Прекраснѣйшаго зрѣлища.

Тюремщикъ.
Бойцы
Ужъ на аренѣ?

Вѣстникъ.
Да; и вамъ тамъ надо
Быть непремѣнно.

Тюремщикъ.
Я сейчасъ иду. (*Къ доктору*).
Я долженъ васъ покинуть.

Докторъ.
Вмѣстѣ съ вами
И я пойду; и я хочу смотрѣть.

Тюремщикъ.
Какъ вы ее находите?

Докторъ.
Ручаюсь,
Что въ два-три дня мы все поправимъ вамъ.
(*Жениху*). Смотрите жъ, отъ нея не отходите
И не давайте ей сходить съ пути.

Женихъ.
Согласенъ.

Докторъ.
Пусть она свое получитъ.

Женихъ.
Душа моя, пойдемъ теперь обѣдать,
А послѣ въ карты будемъ мы играть.

Дочь тюремщика.
И будемъ цѣловаться?

Женихъ.
О, конечно,
Хоть сотню разъ.

Дочь тюремщика.
И двадцать?

Женихъ.
Да, и двадцать.

Дочь тюремщика.
А послѣ мы и спать пойдемъ вдвоемъ?

Докторъ.
Скорѣе принимайте предложенье.

Женихъ.
Охотно.

Дочь тюремщика.
Но не сдѣлайте мнѣ больно.

Женихъ.
Спокойна будь.

Дочь тюремщика.
А то я закричу!
(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Часть лѣса близъ Аѳинъ, недалеко отъ мѣста назначеннаго для битвы.

Трубы. Входятъ Тезей, Ипполита, Эмилія, Пиритой *и свита.*

Эмилія.
Я дальше не пойду.

Пиритой.
Какъ, развѣ можно
Себя такого зрѣлища лишать?

Эмилія.
Пожалуй, я охотно бы смотрѣла,
Какъ ловко ловить муху королекъ,
Но не хочу смотрѣть на эту битву,
Гдѣ каждый изъ ударовъ угрожаетъ
Сгубить навѣки доблестную жизнь,
Гдѣ каждый взмахъ грозитъ тяжелой раной,
Гдѣ лязгъ мечей есть похоронный звонъ.
Довольно, что мой слухъ терзаться будетъ;
Когда услышитъ горестную вѣсть,
Къ которой не могу я быть глухою.
Такъ пусть же хоть глаза мои не видятъ
Того, что имъ ужасно.

Пиритой.
Государь,
Сестра твоя идти не хочетъ дальше.

Тезей.
Она должна идти, чтобъ лицезрѣть
Великія дѣла отважной чести
Въ прекрасномъ исполненьи; здѣсь сама
Природа намъ исторію напишетъ;
Такъ пусть же слухъ и зрѣнье закрѣпятъ
Объ этой битвѣ доблестную память.
И ты должна присутствовать, сестра:
Вѣдь ты награда, призъ, вѣнецъ побѣды,—
Твой долгъ судьбы рѣшенье увѣнчать.

Эмилія.
Прости, мой братъ: но если бъ тамъ была я,—
Глаза бы я закрыла.

Тезей.
Этотъ бой
Есть ночь, гдѣ ты одна звѣздой быть можешь.

Эмилія.
Затмилась та звѣзда; имъ нуженъ свѣтъ
Лишь для того, чтобъ отыскать другъ друга;
Такъ пусть же Тьма, мать Ужаса, проклятье
Несущая милльонамъ смертныхъ, нынѣ
Свой черный плащъ наброситъ на обоихъ,
Чтобъ другъ отъ друга скрыть ихъ; пусть она
Хоть этимъ имя доброе заслужитъ
И оправдаетъ нѣсколько убійцъ
Въ томъ, въ чемъ она сама одна виновна.

Тезей.
Но ты должна идти.

Эмилія.
О нѣтъ, клянусь
Я не пойду.

Тезей.
Своимъ прекраснымъ взоромъ
Ты мужество у рыцарей зажжешь.
Подумай: ты—предметъ войны; конечно,
При ней ты и присутствовать должна.

Эмилія.
Нѣтъ, государь, прости: война за царство
И внѣ его быть можетъ ведена.

Любовь своихъ теряетъ сыновей;
Пусть это намъ послужитъ утѣшеньемъ.
Мы здѣсь умремъ, но будутъ насъ жалѣть:
Хотѣли бъ люди, чтобъ мы долго жили;
Мы смертію своей предупредимъ
Всѣ огорченья старости унылой,
Подагры злой, одышки избѣжимъ,
Которыя встрѣчаютъ посѣдѣвшихъ.
Мы юными и чистыми придемъ
Къ богамъ, не отягченные грѣхами;
Богамъ пріятенъ будетъ нашъ приходъ
И нектаръ, вѣрно, намъ они предложатъ,
Какъ чистымъ душамъ. Милые собратья,
Чѣмъ я могу еще утѣшить васъ
За то, что вы сейчасъ лишитесь жизни?
Такъ дешево вы продали ее.

ПЕРВЫЙ РЫЦАРЬ.

О, нѣтъ; исходомъ мы вполнѣ довольны.
Какое преимущество надъ нами
Имѣютъ побѣдители? Лишь счастье!
Мгновенна эта выгода, а смерть
Всѣмъ людямъ неизбѣжна; что жъ до чести,
То въ насъ ея ни на волосъ не меньше,
Чѣмъ въ нихъ.

ВТОРОЙ РЫЦАРЬ.

Итакъ, „прости“ другъ другу скажемъ
И досадимъ своимъ терпѣньемъ стойкимъ
Измѣнчивой Фортунѣ, чьи пути
Невѣрны даже въ самомъ вѣрномъ дѣлѣ.

ТРЕТІЙ РЫЦАРЬ.

Кто жъ первый начинаетъ?

ПАЛАМОНЪ.

Тотъ, конечно,
Кто пригласилъ васъ всѣхъ на этотъ пиръ.
(Тюремщику). А, другъ мой, и тебя я здѣсь
встрѣчаю!
Когда то дочь красавица твоя
Меня освободила, а сегодня.
Какъ видишь, я навѣкъ освобожусь!
Какъ поживаетъ дочь твоя? Я слышалъ,
Что не совсѣмъ она здорова: это
Мнѣ было грустно.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Принцъ, теперь она
Поправилась и скоро выйдетъ замужъ.

ПАЛАМОНЪ.

Клянусь остаткомъ жизни: очень радъ!
И ей прошу сказать, что эта радость
Моей послѣдней радостью была.
Ей передай поклонъ мой, а вотъ это
Ты приложи къ приданому ея.
(Даетъ кошелекъ).

ПЕРВЫЙ РЫЦАРЬ.

Позволь намъ всѣмъ участвовать.

ВТОРОЙ РЫЦАРЬ.

Вѣдь это Дѣвица?

ПАЛАМОНЪ.

Да, добрѣйшее созданье,
Которому обязанъ я такъ много,
Что никогда не могъ бы заплатить.

ВСѢ РЫЦАРИ *(давая кошельки).*

Привѣтъ нашъ передай ей.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Пусть васъ боги
Всѣхъ наградятъ и пусть велятъ, чтобъ
вѣчно
Она благодарила васъ!

ПАЛАМОНЪ.

Прощай;
Пусть жизнь мою теперь возьмутъ такъ скоро,
Какъ скоро я простился.

РЫЦАРИ.

Начинай,
Кузенъ отважный! Всѣ мы за тобою
Пойдемъ на смерть съ отрадой.

(Паламонъ кладетъ свою голову на плаху. За сценой раздается сильный шумъ и крики. «бѣгите, спасите, остановите!»).

ВѢСТНИКЪ *(вбѣгая).*

Стойте, стойте!

ПИРИТОЙ *(входя).*

Стой, стой, стой, стой! Будь проклята поспѣшность,
Остановитесь!.. Храбрый Паламонъ,
Знай: въ жизни той, которую ты снова
Теперь начнешь, желаютъ боги славу
Свою явить.

ПАЛАМОНЪ.

Какъ можетъ это быть?
Вѣдь я сказалъ, что не права Венера.
Что тамъ случилось?

ПИРИТОЙ.

Встань, великій принцъ,
И выслушай извѣстье, сердцу вмѣстѣ
И сладкое, и горькое.

ПАЛАМОНЪ *(вставая).*

Въ чемъ дѣло?
Что будитъ насъ отъ сна?

ПИРИТОЙ.

Аркитъ, кузенъ твой,
Сѣлъ на коня, котораго ему
Эмилія когда то подарила.
Конь этотъ черенъ; бѣлаго на немъ
Нѣтъ волоска; поэтому онъ многимъ
Не нравится; они бы ни за что
Себѣ такую лошадь не купили,—
И оправдалось суевѣрье ихъ!
Сѣвъ на коня, Аркитъ на немъ поѣхалъ,
Не торопясь, по улицамъ Аѳинъ;
Конь смирно шелъ, копытами своими
Какъ бы считая камни мостовой,—
Онъ милю въ мигъ бы за собой оставилъ,
Когда бъ сѣдокъ его поторопилъ.
Такъ подвигался онъ впередъ, гарцуя,
Какъ бы внимая музыкѣ подковъ,
Которыхъ звонъ былъ, точно, музыкаленъ.
Какъ вдругъ одинъ завистливый кремень,
Холодный, какъ Сатурнъ, и затаившій
Въ себѣ, какъ онъ, пылающую злобу,
Далъ искру, или вдругъ изъ-подъ подковъ
Откуда то огонь явился сѣрный;
Горячій конь, самъ пылкій, какъ огонь,
Взбѣсился, сталъ неистово метаться,
То прыгалъ, то взвивался на дыбы,
И позабылъ свою всю дрессировку,
Хоть выѣзженъ былъ очень хорошо;
Какъ поросенокъ, онъ визжалъ, свирѣпо
Грызъ удила, стараясь ихъ сломать,
И ничего не слушался; всѣ силы
Упрямства злого, бѣшенства, коварства—
Онъ въ ходъ пустилъ, чтобъ сбросить сѣдока,
Державшаго узду рукою крѣпкой;
Когда жъ ничто не помогло,—узда
Не порвалась, не лопнула подпруга.
И бѣшенымъ прыжкомъ не удалось
Ослабить силу всадника, который
Приросъ къ сѣдлу, держа коня въ ногахъ,—
То быстро конь на заднія всталъ ноги,
Такъ круто, что Аркитъ внизъ головой
Повисъ, и съ головы его свалился
Вѣнокъ побѣдный; вслѣдъ затѣмъ назадъ
Упала лошадь, тяжестью своею
Обрушась на Аркита. Онъ покамѣстъ
Не умеръ, но подобенъ кораблю,
Который только ждетъ волны ближайшей,
Чтобъ потонуть. Онъ хочетъ говорить
Съ тобой. Но вотъ онъ самъ сюда явился.

Входятъ ТЕЗЕЙ, ИППОЛИТА, ЭМИЛІЯ; АРКИТА *вносятъ на креслѣ.*

ПАЛАМОНЪ.

Какъ грустно нашъ кончается союзъ!
О боги, вы могучи! Если силы
Тебѣ еще позволятъ другъ, Аркитъ,
Скажи свое послѣднее мнѣ слово!
Я Паламонъ; люблю тебя душою
Въ послѣдній часъ твой!

АРКИТЪ.

Паламонъ, возьми
Эмилію и съ ней всю радость міра.
Подай свою мнѣ руку—и прости.
Я былъ направъ, но не измѣнникъ дружбѣ.
Прости меня, кузенъ. Теперь одинъ
Лишь поцѣлуй Эмиліи прекрасной
(Цѣлуетъ ее).

Возьми ее, мой другъ. Я умираю.
(Умираетъ).

ПАЛАМОНЪ.

Твой храбрый духъ въ Элизіумъ помчится!

ЭМИЛІЯ.

Глаза твои я закрываю, принцъ;
Среди блаженныхъ душъ да поселится
Душа твоя! Прекраснымъ человѣкомъ
Ты былъ, и этотъ день, пока жива,
Я посвящу слезамъ.

ПАЛАМОНЪ.

И я всѣмъ сердцемъ
Тотъ день чтить буду.

ТЕЗЕЙ.

Здѣсь, на этомъ мѣстѣ
Сражались вы, и я прервалъ вашъ бой.
О Паламонъ, богамъ благодаренье
Воздай за то, что жизнь ты сохранилъ!
Аркитъ, кузенъ твой, роль свою окончилъ;
Хоть коротка была она, но славно
Исполнилъ онъ ее; твои же дни
Должны продлиться: ихъ благословила
Роса небесъ. Могучая Венера
Присутствіемъ почтила свой алтарь
И дивный даръ любви тебѣ вручила;
Владыка Марсъ Аркиту показалъ
Благоволенье, давъ ему побѣду;
Такъ справедливость оба божества
Явили намъ. Несите трупъ отсюда.

ПАЛАМОНЪ.

О дорогой кузенъ мой! Отчего
Стремимся мы всегда къ тому, что снова
Приноситъ намъ потерю! Почему
Нельзя владѣть безцѣнною любовью,
Не потерявъ безцѣнную любовь!

ТЕЗЕЙ.

На этотъ разъ была игра Фортуны
Изысканно тонка, какъ никогда.
Кто побѣжденъ,—побѣду торжествуетъ,
Кто побѣдилъ,—лишенъ ея плодовъ;

Тотъ и другой равно почтенъ богами.
О Паламонъ, кузенъ твой самъ призналъ,
Что право на невѣсту—за тобою;
Ее ты первый увидалъ, ты первый
Провозгласилъ, что любишь ты ее;
Завоевавъ ее, онъ драгоцѣнность
Твою похитилъ, умирая жъ—вновь
Ее тебѣ онъ возвратилъ, желая
Уйти въ тотъ міръ съ прощеньемъ отъ тебя.
Такъ боги судъ изъ рукъ моихъ изъяли,
Желая сами должное воздать.
Итакъ, возьми, веди свою невѣсту
И отъ порога смерти призови
Друзей своихъ, которые моими
Друзьями станутъ. Будемъ мы скорбѣть
День или два до похоронъ Аркита,
А послѣ, свѣтлый брачный видъ принявъ,
Мы возликуемъ вмѣстѣ съ Паламономъ,
Котораго всего лишь часъ назадъ
Мнѣ было жаль, какъ жаль теперь Аркита.
О чародѣи вышніе небесъ,
Что вы творите съ нами! Мы ликуемъ
О томъ, что суждено намъ потерять,
Скорбимъ о томъ, что будетъ намъ на радость!
Мы дѣти передъ вами! Благодарность
Примите же отъ насъ и намъ простите
Сужденія о томъ, что выше насъ!
Итакъ, пойдемъ же и свой долгъ исполнимъ.

(Уходятъ).

ЭПИЛОГЪ.

Нельзя ль узнать о пьесѣ ваше мнѣнье?
Признаться, ваше выслушать сужденье,
Какъ школьникъ, я боюсь. Позвольте мнѣ
Взглянуть на васъ. Никто не улыбнется?
Ну, если такъ, то плохо намъ придется.
Пусть кто нибудь, въ сердечной глубинѣ
Въ красавицу влюбленный,—здѣсь найдется
Такой, конечно,—вставъ, освищетъ насъ
И этимъ насъ погубитъ въ тотъ же часъ,
Хотя бы противъ совѣсти. Но тщетно
Я жду рѣшенья. Ну, куда ни шло:
Все выслушать готовъ я безотвѣтно,
Но я не смѣлъ и наше ремесло
Нуждается въ поддержкѣ. Если пьеса,
Которая была сейчасъ дана,—
А цѣль ея похвальна и честна,—
Для васъ имѣетъ хоть немного вѣса,—
Мы цѣль свою достигнутой сочтемъ
И лучшія надѣемся потомъ
Мы сочинить и дать вамъ представленье,
Чтобъ ваше къ намъ продлить расположенье;
Къ услугамъ вашимъ будемъ мы всегда.
Итакъ, спокойной ночи, господа!

Н. Холодковскій.

Книжная рамка эпохи Ренесанса.

ЭДУАРДЪ III

и его мѣсто въ ряду сомнительныхъ пьесъ Шекспира.

Въ отличіе отъ многихъ другихъ сомнительныхъ пьесъ, „Эдуарда III“ никогда не приписывали Шекспиру при его жизни. Первый, кто обратилъ вниманіе на нее, какъ на пьесу, относительно которой было основаніе утверждать, что въ ней участвовалъ Шекспиръ, былъ Кепель, который въ своихъ „Prolusions or select pieces of Ancient Poetry“ (1760) напечаталъ ее съ такимъ замѣчаніемъ на заглавномъ листѣ: „Полагаютъ, что написана Шекспиромъ“. Стивенсъ принялъ это мнѣніе Кепеля такъ холодно, что о немъ не было рѣчи вплоть до 1836 года, когда Людвигъ Тикъ перевелъ „Эдуарда III“ въ числѣ „Четырехъ драмъ Шекспира“, обнародованныхъ имъ въ этомъ году.

Пьеса первоначально появилась въ изданіи in quarto въ 1596 г. безъ имени автора, и хотя въ 1599 г. было напечатано уже второе in quarto, установить имя автора пьесы никто не счелъ нужнымъ.

Велико число относительно слабыхъ пьесъ, беззастѣнчиво приписываемыхъ Шекспиру, но наша пьеса въ ряду ихъ занимаетъ мѣсто исключительное. Какъ извѣстно, цѣлыхъ 15 пьесъ въ разное время было приписано Шекспиру:

1) „Судъ Париса“. 2) „Арденъ Фивершэмъ“. 3) „Джорджъ Зеленый“. 4) „Локринъ“. 5) „Король Эдуардъ III“. 6) „Муседоръ“. 7) „Сэръ Джонъ Ольдкестль“. 8) Томасъ лордъ Кромвель“. 9) „Веселый Эдмонтонскій чортъ“. 10) „Лондонскій блудный сынъ.“ 11) „Пуританинъ или вдова съ Ватлинговой улицы“. 12) „Іоркширская трагедія“. 13) „Прекрасная Эмма“. 14) „Два знатныхъ родича“. 15) „Рожденіе Мерлина“.

Нѣкоторыя изъ названныхъ пьесъ приписывались съ большею или меньшею вѣроятностью различнымъ авторамъ; относительно же многихъ не было найдено никакихъ данныхъ для опредѣленія того, кому ихъ приписать. „Судъ Париса“ можетъ быть приписанъ Пилю и принадлежитъ къ до-шекспировскому періоду. „Арденъ Фивершэмъ“, въ которомъ изображается исторія убійства жены мужемъ при помощи наемныхъ убійцъ, представляетъ полную одушевленія и страсти пьесу, безъ лишняго пафоса. Пьеса написана, очевидно, мало-опытнымъ писателемъ; однако этотъ писатель былъ, безъ сомнѣнія, человѣкъ, который имѣлъ шансы занять одно изъ первыхъ мѣстъ между драматургами своего времени. Такъ какъ мы не знаемъ другихъ произведеній того же самаго пера, то естественно предположить, что онъ не дѣлалъ дальнѣйшихъ попытокъ на драматическомъ поприщѣ. „Джорджа Зеленаго“ можно приписать Грину. „Локринъ“ по всей вѣроятности принадлежитъ Пилю. Во всѣхъ этихъ пьесахъ нѣтъ ничего, что изслѣдователь нашихъ дней, когда на вопросы шекспировскаго творчества пролито столько свѣта, могъ бы хоть на минуту приписать Шекспиру. Иное дѣло „Эдуардъ III“. Какъ будетъ показано въ настоящемъ этюдѣ, есть большое основаніе приписать Шекспиру эпизодъ съ графиней Сольсбери. „Муседора“ нельзя приписать хотя бы и съ малой степенью вѣроятности какому либо опредѣленному автору. То же самое можно сказать о „Сэръ Джонѣ Ольдкестлѣ“ и „Лордѣ Томасѣ“. Авторомъ „Веселаго эдмонтонскаго чорта“ можно считать съ значительной степенью достовѣрности Деккера — быть можетъ, въ сотрудничествѣ съ Гейвудомъ. „Лондонскій блудный сынъ“ — болѣе зрѣлое произведеніе, чѣмъ остальная масса сомнительныхъ пьесъ — напоминаетъ намъ временами о Вилькинсѣ въ его „Бѣдѣ отъ брака поневолѣ“. Для установленія авторства „Пуританина или вдовы изъ Ватлинговой улицы“ нѣтъ никакихъ данныхъ. Очень короткая „Іоркширская трагедія“ — разрабатываетъ ту-же самую тему, которую Вилькинсъ въ болѣе распространенномъ видѣ даетъ намъ въ своей „Бѣдѣ отъ брака поневолѣ“ (Miseries of Enforced Marriage). Ближайшее сравненіе обѣихъ пьесъ убѣдило меня, что авторомъ „Іоркширской трагедіи“ былъ Вилькинсъ. Относительно большій литературный интересъ этой короткой пьесы можетъ быть приписанъ въ значительной степени именно ея краткости. Въ своей попыткѣ развить тотъ-же сюжетъ въ „Бѣдѣ отъ брака по неволѣ“ Вилькинсъ значительно ослабилъ впечатлѣніе. Кто могъ бы быть авторомъ „Прекрасной Эммы“ до сихъ поръ совершенно неустановлено. О „Двухъ знат-

ныхъ родичахъ" уже говорилось подробнѣе въ настоящемъ изданіи. „Рожденіе Мерлина" приписываютъ Шекспиру и Роулею; однако слѣдуетъ сказать, что въ ней нѣтъ ни одной черты творчества ни того, ни другого автора. Роулей работалъ въ сотрудничествѣ со многими драматургами своего времени. Первыя пьесы свои онъ написалъ вмѣстѣ съ Вилькинсомъ и Дэемъ. Вмѣстѣ съ первымъ онъ, видимо, написалъ окончаніе Шекспировскаго „Перикла". Вилькинсъ, какъ мнѣ думается, написалъ весь I-й и II-й актъ, а Роулей 2, 5 и 6 сцены четвертаго акта; неуклюжій хоръ написанъ ими пополамъ, а остальное принадлежитъ Шекспиру. Того грубаго, хромающаго стиха, которымъ отличался Роулей, мы совсѣмъ не находимъ въ „Рожденіи Мерлина". Но то обстоятельство, что Роулей дѣйствительно участвовалъ въ „Периклѣ" Шекспира, давало серьезную опору мнѣнію, что „Рожденіе Мерлина"—пьеса сама по себѣ весьма малоцѣнная—можетъ быть приписана Шекспиру и ему.

Разъ существуетъ столько пьесъ, которыя ошибочно приписывали Шекспиру, то нѣтъ ничего удивительнаго, если есть и такая пьеса, въ которой онъ дѣйствительно принималъ участіе и которую какъ при его жизни, такъ и долгое время послѣ его смерти, тѣмъ не менѣе, приписывали не ему. А между тѣмъ яркая печать шекспировскаго творчества лежитъ на второй сценѣ перваго акта и 1 и 2 сценѣ II-го акта „Эдуарда III". Это сцены, заключающія въ себѣ весь эпизодъ волокитства Эдуарда за графиней Сольсбери. Эпизодъ параллельными пассажами связывается съ другими шекспировскими драмами. Остальная часть пьесы, представляющая разсказъ о войнѣ Эдуарда во Франціи, не представляетъ такой связи. Въ вопросѣ о томъ, кто написалъ „Двухъ знатныхъ родичей" мы были вынуждены смотрѣть на многочисленныя черты сходства съ шекспировскими драмами, какъ на аргументъ *противъ* авторства Шекспира. Иначе обстоитъ дѣло съ „Эдуардомъ III". Схожія мѣста не на столько многочисленны, чтобы сдѣлать сомнительной возможность того, что Шекспиръ повторялъ самого себя, или предвосхитилъ мысли, которыя мы находимъ въ его драмахъ позднѣйшаго происхожденія. Лица, дѣйствующія въ названномъ выше эпизодѣ въ остальной части пьесы являются въ совершенно иномъ свѣтѣ. Эдуардъ дѣйствуетъ на протяженіи всей пьесы, но въ эпизодѣ съ графиней онъ совсѣмъ особенный. Графиня, Лодовикъ и Варвикъ, отецъ графини, появляются только въ обсуждаемомъ эпизодѣ. Стиль пьесы, за исключеніемъ эпизода, сухъ и лишенъ красоты. Если въ немъ даже и встрѣчаются поэтическія выраженія, которыя—подъ перомъ Шекспира—естественно вызвали бы воспоминаніе о какой нибудь другой пьесѣ, гдѣ онъ высказалъ подобныя же мысли, то здѣсь они не вызываютъ ничего подобнаго. Такъ напр., Одлей говоритъ:

The one in choice, the other holds in chase:
For from the instant we begin to live,
We do pursue and hunt the time to die:
First bud we, then we blow, and after seed;
Then, presently, we fall, and, as a shade
Follows the body, so we follow death.

Жизнь достается
Намъ случаемъ, а смерть гоньбой усердной:
Чуть начали мы жить, за смертнымъ часомъ
Ужъ началась гоньба. Сперва мы—почки
Потомъ цвѣты и напослѣдокъ сѣмя;
Тогда мы отпадаемъ и за нею—смертью
Идемъ во слѣдъ, какъ тѣнь идетъ за тѣломъ.

Если бы эти строки написалъ Шекспиръ, мы имѣли бы право ожидать встрѣтить въ нихъ отзвукъ мыслей о смерти, неоднократно встрѣчающихся въ разныхъ мѣстахъ его пьесъ. Но этого то въ нихъ и нѣтъ.

Въ 1 сц. 5 акта мы читаемъ:

And Kings approach the nearest unto God,
By giving life and safety unto men.

«И цари тогда ближе всего къ Богу,
Когда даруютъ людямъ жизнь и безопасность».

Мы напрасно ожидаемъ здѣсь услышать откликъ словъ Порціи въ ея знаменитой рѣчи о милосердіи.

Очень характеристичное мѣсто встрѣчается въ сценѣ 4-го акта:

A sudden darkness hath defaced the sky,
The winds are crept into their caves for fear,
The leaves move not, the wood is hustled and still,
The birds cease singing and the wandering brooks
Murmur no wonted greeting to the shores».

«Внезапная тьма покрыла небо.
Вѣтры отъ страха вползли въ свои пещеры;
Листья не шелохнутся, лѣсъ недвижимъ и молчаливъ;

Птицы перестали пѣть, и бѣгучіе ручейки
Не журчатъ желаннаго привѣта берегамъ».

Это не шекспировскій стиль; во всякомъ случаѣ не стиль его раннихъ пьесъ. Здѣсь простота рѣчи доходитъ почти до суровости, и эти лишенные всякихъ украшеній стихи отличаются отъ стиля Шекспира, какъ день отъ ночи.

Въ 1 актѣ Артуа говоритъ объ Изабеллѣ, дочери Филиппа, короля Франціи, матери Эдуарда III:

«And from the fragrant garden of her womb
Your gracious self, the flower of Europe's hope,
Derived is inheritor to France».

«И изъ благоуханнаго сада ея лона
Произошла ваша всемилостивѣйшая особа, цвѣтъ надежды Европы.
Чтобы унаслѣдовать Францію».

Это мѣсто напоминаетъ слѣдующія строки въ „Ричардѣ III." (Актъ IV, сцена 4):

But in your daughter's womb I bury them:
Where in that nest of spicery thall breed
Selves of themselves to your recomforture.

«Но я похороню ихъ въ лонѣ вашей дочери:
И въ этомъ благоуханномъ питомникѣ они выростутъ
Вамъ на утѣшеніе».

Сходство бросается въ глаза; но не менѣе велико и различіе. Въ той же самой сценѣ Варвикъ говоритъ:

Bid him leave off the lion's case he wears;
Lest meeting with the lion in the field,
He chance to tear him piece-meal for his pride.

«Вели ему снять львиную шкуру, которую онъ носитъ
Чтобы встрѣтясь со львомъ въ пустынѣ,
Онъ изъ гордыни не разорвалъ его въ куски».

Эти стихи напоминаютъ намъ слова Фоконбриджа, сказанныя герцогу Австрійскому въ „Королѣ Джонѣ" (III. I. 129):

Thou wear a lion's hide! doff it for shame
And hang a calf's-skin on these recreant limbs.

«Ты носишь львиную шкуру! Срамъ! Скинь ее
И одѣнь на эти малодушные члены телячью кожу».

Разница не велика, повидимому. Но замѣна поэтическаго „lions hide" (львиный покровъ) чисто охотничьимъ терминомъ „lions case" опять таки характерна для той суровой простоты второго автора, на которую я обращалъ вниманіе раньше. За то въ эпизодѣ, приписываемомъ Шекспиру, совершенно другой и несравненно болѣе богатый поэтическій языкъ.

Флэй, придающій въ данномъ случаѣ вопросу о стилѣ особенное значеніе, сопоставляетъ слѣдующія 4 мѣста, характерныхъ съ одной стороны для Шекспира, съ другой—для другого поэта, его сотрудника:

1) When she would talk of peace, methinks her tongue
Commanded war to prison; when oi war,
It wakened Caesar from his Roman grave
To hear war beautified by her discourse.
Wisdom is foolishness but in her tongue;
Beauty a slander but in her fair face;
There is no summer but in her cheerful looks
No fresty winter, but in her disdain.

«Когда она говоритъ о мирѣ, мнѣ кажется, что ея языкъ
Повелѣваетъ наложить оковы на войну; когда она говоритъ о войнѣ,
То можетъ пробудить Цезаря въ его римской гробницѣ,—
Встать и слушать, какъ ея словами украшена война.
Мудрость оказывается лишь глупостью, благодаря языку ея;
Благодаря ея молодому лицу, чужая красота становится насмѣшкой;
Лѣто настаетъ только тогда, когда она весело смотритъ
И холодная зима-когда она выражаетъ пренебреженіе къ вамъ».

(Шекспиръ, актъ II, сцена 1).

2) At sea we are as puissant as the force
Of Agamemnon in the haven of Troy:
By land with Xerxes we compare of strength;
Whose soldiers drank up rivers in their thirst:
Then, Bayard-like, blind overweening Ned
To reach at our imperial diadem,
Is either to be swallowed in the waves,
Or hackt apieces when thou comst ashore».

«На морѣ мы такъ же могущественны, какъ сила
Агамемнона въ Троянской гавани;
На сушѣ мы сравниваемся мощью съ Ксерксомъ,
Солдаты котораго въ своей жаждѣ выпивали цѣлыя рѣки:
И вотъ, отважный, какъ Баярдъ, ослѣпленный самомнѣніемъ Нэдъ,
Ради того, чтобы взять нашу царскую діадему,
Будетъ либо поглощенъ волнами,
Либо изрубленъ въ куски, когда выйдетъ на берегъ».

Другой авторъ: Актъ III, сцена I).

3) For where the golden ore doth buried lie,
The ground undeckt with nature's tapestry
Seems barren, sere, unfertile, fruitless, dry,
And where the upper turf of earth doth boast
His pied perfumes and party coloured cost,
Delve there and find this issue and their pride
To spring from ordure and corruption's side.

Тамъ, гдѣ лежитъ погребенной золотая руда,
Почва, не покрытая природнымъ ковромъ,
Кажется безплодной, выжженной, неплодоносной, бѣдной, изсушенной;
А тамъ, гдѣ верхній слой земли блистаетъ
Разнообразіемъ своихъ запаховъ и пестротой цвѣтовъ,—
Копни тамъ, и ты найдешь, что все это великолѣпіе
Получаетъ начало изъ гнили и тлѣнія».

(Актъ I, сцена 2, Шекспиръ).

4) The sun, dread lords, that in the western fall,
Beholds us now low brought through misery,
Did in the orientpurple of the morn
Salute our coming forth, when were known:
Or may our portion do with damned fiends.

«Солнце, почтенные лорды, при вечернемъ закатѣ
Видитъ, какъ мы влачимся среди бѣдствій;
А утромъ, при пурпурѣ восхода
Оно привѣтствовало наше появленіе, когда увидѣло насъ.
Или нашъ удѣлъ быть съ проклятыми злыми духами?...»

(Актъ V, сцена 1 — не принадлежитъ Шекспиру).

Приводя эти отрывки, Флэй заявляетъ, что первый и третій изъ нихъ точно соотвѣтствуютъ шекспировскому размѣру перваго періода его творчества, между тѣмъ, какъ второй и четвертый не соотвѣтствуютъ. Я долженъ прибавить сверхъ того, что второй и четвертый отрывокъ сухо-дѣловиты, какъ и отрывки, приведенные раньше; первый же и третій, напротивъ того, написаны со всѣмъ богатствомъ стихотворной рѣчи. Въ этихъ двухъ выдержкахъ не встрѣчается схожихъ мѣстъ съ пьесами Шекспира, но общее впечатлѣніе, остающееся въ умѣ читателя, вполнѣ Шекспировское. Флэй основываетъ свое мнѣніе о принадлежности эпизода Шекспиру исключительно на одномъ стихосложеніи. И дѣйствительно, въ стихосложеніи обѣихъ частей пьесы замѣчается явное различіе. Въ части, приписываемой Шекспиру, рифмы постоянно попадаются между бѣлыхъ стиховъ, другой же авторъ, повидимому, еще болѣе приверженъ къ системѣ бѣлыхъ стиховъ, введенныхъ Марло, чѣмъ самъ Марло. Марло часто употребляетъ рифмы посреди бѣлыхъ стиховъ; этотъ же авторъ еле тащится въ своемъ утомленномъ монотонномъ движеніи, не пытаясь освѣтить свой путь хотя бы случайною рифмой. Въ то время какъ въ нешекспировской части на каждую сотню стиховъ, круглымъ счетомъ, приходится четыре рифмованныхъ строки, — въ эпизодѣ, принадлежащемъ Шекспиру, мы находимъ на каждыя семь строкъ одну рифму, — пятнадцать рифмованныхъ строкъ на сотню, — то есть, число рифмованныхъ стиховъ въ эпизодѣ въ четыре раза больше, чѣмъ въ остальной драмѣ. Принявъ во вниманіе это крупное различіе стихотворнаго стиля, а также изысканную простоту и умѣренность языка второго автора, столь отличныя отъ приверженности Шекспира къ поэтическимъ украшеніямъ, я полагаю, что мы имѣемъ достаточное основаніе утверждать, что эпизодъ написанъ Шекспиромъ. Точно такъ же эпизодъ является единственной не исторической частью всей драмы. Эпизодъ заимствованъ у Боккачіо, но Шекспиръ, вѣроятно, заимствовалъ его не прямо, а изъ „Palace of Pleasure“ Пэйнтера.

Мы оспаривали принадлежность Шекспиру какой либо части „Двухъ знатныхъ родичей“ на основаніи встрѣчающихся въ этой драмѣ безчисленныхъ заимствованій изъ шекспировскихъ пьесъ. Но съ „Эдуардомъ III“ дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Черты сходства, связывающія трудъ Шекспира съ его другими драмами, не болѣе и не менѣе многочисленны, чѣмъ въ другихъ его драмахъ, но онѣ въ настоящемъ случаѣ очень характеристичны. А кромѣ мѣстъ, находящихся въ прямой связи съ той или иной пьесой, здѣсь встрѣчается много мѣстъ, не находящихся въ такой связи, но тѣмъ не менѣе носящихъ явно шекспировскій характеръ. Мы сразу чувствуемъ Шекспира; когда послѣ холодной наготы языка первой сцены переходимъ, напримѣръ ко второй сценѣ 1-го акта:

Warwick:

Even she, my liege; whose beauty tyrant fear,
As a may-blossom with pernicious winds,
Hath sully'd, urthered, overcast and done.

Варквикъ: „Даже и она, государь, какъ майскій цвѣтокъ передъ губительнымъ вѣтромъ, зачахла, поблекла, поникла и завяла“.

Эти стихи невольно напоминаютъ о Шекспирѣ тѣмъ контрастомъ, который они представляютъ съ бѣдностью стиля другихъ мѣстъ пьесы. Нижеслѣдующее двухстишіе, имѣющее характеръ каламбура, напоминаетъ намъ о многихъ подобныхъ мѣстахъ въ „Безплодныхъ усиліяхъ любви“ и во „Снѣ въ лѣтнюю ночь“:

For sin, though sin, would not be so esteemed;
But rather virtue sin, sin virtue deemed.

Но самый яркій примѣръ погони за каламбуромъ мы встрѣчаемъ во 2-й сценѣ II-го акта. Эдуардъ говоритъ:

The quarrel, that J have, requires no arms,
But this of mine.

Здѣсь слово „arms“ (оружіе, а также объятіе) употреблено въ томъ же самомъ двойномъ смыслѣ, какъ въ пьесѣ „Троилъ и Кресида“ (Актъ I, сц. 3 ст. 271):

And dare avow her beauty and her worth
In other arms than hers.

Тамъ этотъ каламбуръ признается за доказательство, что это мѣсто принадлежитъ Марстону, а не Шекспиру, такъ какъ послѣдній могъ бы прибѣгнуть къ такому элементарному каламбуру только въ первый періодъ своего творчества.

Естественно является мысль о Шекспирѣ также въ слѣдующихъ случаяхъ. Словомъ „sun“ (солнце) оканчиваются девять послѣдовательныхъ стиховъ въ актѣ 2-мъ сц. 1:

And let me have her likened to the sun;
Say she hath thrice more splendour than the sun,
That her perfect win emulates the sun,h
That age breeds sweets as plenteous as hte sun,
That she doth thaw cold winter like the sun
That she doth cheer fresh summer like the sun,
That she doth dazzle gazers like the sun,
And, in this application to the sun,
Bid her be free and general as the sun,
Who smiles upon the basest weed that grows,
As lovingly as on the fragrant rose».

«Позвольте мнѣ уподобить ее солнцу,
Сказать, что она блещетъ трижды ярче, чѣмъ солнце,
Что ея совершенная прелесть соперничаетъ съ солнцемъ,
Что она порождаетъ радость такъ же обильно, какъ солнце,
Что отъ нея таетъ холодная зима такъ же, какъ отъ солнца,
Что отъ нея веселѣетъ ясное лѣто,-какъ отъ солнца,
Что она ослѣпляетъ тѣхъ, кто смотритъ на нее, какъ солнце;
Пусть же въ своемъ уподобленіи солнцу
Она будетъ свободна и велика, какъ солнце,
Которое улыбается самому жалкому плевелу
Съ такой же любовью, какъ благоуханной розѣ».

Въ 1596 году, въ „Венеціанскомъ купцѣ“ (актъ V, ст. 193—202) мы находимъ такую же игру со словомъ „ring“ у Бассаніо и Порціи, какъ здѣсь со словомъ „sun“. Эта погоня за созвучіями очень характеристична для Шекспира перваго періода его творчества. Характеристично также для Шекспира возвращаться къ мыслямъ, разъ выраженнымъ имъ въ какой либо изъ его пьесъ,—но возвращаться въ новой формѣ или съ инымъ значеніемъ. И вотъ примѣры такого возвращенія къ мыслямъ, затронутымъ въ „Эдуардѣ III“, мы находимъ въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ, уже доподлинныхъ Шекспировскихъ пьесахъ, напр. въ „Мѣрѣ за мѣру“ (Актъ II-й, сцена 4).

Графиня говоритъ въ нашей пьесѣ (Актъ II-й, сцена 1):

He that doth clip or counterfeit your stamp,
Shall die, my lord: and will your sacred self
Commit high treason gainst the King of Heaven
To stamp his image in forbidden metal.

«Тотъ, кто поддѣлаетъ вашу печать,
Долженъ умереть, милордъ, и неужели ваша священная особа
Рѣшится на измѣну противъ Царя небесъ,
Чтобы отчеканить свое изображеніе на воспрещенномъ металлѣ?»

Въ „Мѣрѣ за мѣру“ эта же мысль выражена въ такихъ словахъ:

To pardon him that hath from natu e stolen
A man already made. as to remit
Their saucy sweetness that do coin heaven's image
In stamps that are forbid.

„Это было бы такъ же хорошо, какъ помиловать того, кто похитилъ у природы живого человѣка, или пощадить тѣхъ, кто чеканитъ небесныя изображенія запретнымъ клеймомъ“.

Далѣе мы встрѣчаемъ въ нашей пьесѣ слѣдующее мѣсто:

The poets write that great Achilles'spear
Could heal the wound it made.

«Поэты пишутъ, что копье Ахилла
Могло исцѣлять раны, которыя оно наносило».

Подобное же мѣсто встрѣчается въ „Генрихѣ VI“ (часть II. 5. 100).

Whose smile and frown like to Achilles'spear
Is able urth the change to kill and cure.

«Чья улыбка и нахмуренный видъ, подобно Ахиллову копью,
Непеременно убиваютъ и исцѣляютъ».

Находимъ мы такія же совпаденія между нашей пьесой и „Гамлетомъ“ (Актъ II-й сцена 2):

For if the sun breed maggots in a dead day being a god kissing carrion. Have you a daughter? Pol. I. have, my lord. Hamlet. Let her not walk in the sun. Conception is a blessing, but not as your daughter may conceive.

„Потому что, если солнце, богъ, порождаетъ червей, коснувшись падали.., есть ли у тебя дочь?—Полоній: Есть, милордъ.—Гамлетъ: „Не пускай ее на солнце. Зачатіе есть благодать; но если эта благодать коснется твоей дочери?“

Шекспиръ заимствовалъ образъ солнца, цѣлующаго падаль, у Лили, который повидимому пересталъ писать для сцены еще до Шекспира. Связь между Лили и приведеннымъ мѣстомъ въ „Гамлетѣ“ можно найти въ слѣдующемъ мѣстѣ нашей пьесы (II. 1):

The freshest summer's day doth soonest taint
The loathed carrion that it seems to kiss.

«Ясный солнечный день заставляетъ издавать зловоніе
Отвратительную падаль, которую онъ, повидимому, цѣлуетъ».

Стихъ изъ нашей пьесы встрѣчается также въ той же самой формѣ въ 14-мъ стихѣ 94-го сонета. Онъ находится въ томъ мѣстѣ, гдѣ Варвикъ, отецъ графини, убѣждаетъ ее твердо стоять противъ домогательствъ короля:

Deep are the blows made with a mighty axe:
That sin doth ten times aggravate itself
That is committed in a holy place:
An evil deed, done by authority,
Is sin and subornation: deck an ape
In tissue and the beauty of the robe
Adds but the greater scorn unto the beast.
A spacious field of reasons could I urge,
Between his glory, doughter, and thy shame:
That poison shows worst in a golden cup;
Dark night seems darker by the lightning's flash
Lilies, that fester smell far worse than weeds.

«Глубоки раны, наносимыя мощной сѣкирой:
Такъ грѣхъ отягчается десятикратно,
Если онъ совершенъ въ священномъ мѣстѣ.
Злое дѣло, совершенное властью,
Является грѣхомъ и преступленіемъ.
Одѣнь обезьяну въ пышныя одежды,—
Отъ этого она станетъ еще смѣшнѣе.
Я могъ бы привести огромный рядъ сравненій,
Дочь моя, между его славою и твоимъ позоромъ:
Такъ ядъ кажется ужаснѣе въ золотомъ кубкѣ,
Темная ночь кажется чернѣе при мерцаніи факела.
Лиліи, испортившись, пахнутъ отвратительнѣе плевелъ.

Въ 94-мъ сонетѣ мы встрѣчаемъ слѣдующія строки:

They that have power to hurt and will do none,
That do not do the things they most do show,
Who, moving others are themselves as stone,
Unmoved, cold and to temptation slow.
They rightly do inherit heaven's graces
And husband nature's riches from expense;
They are the lords and owners of their faces
Others but stewards of their excellence.
The summer flower is to the summer sweet,
Though to itself it only live and die,
But if that flower with base infection meet,
The basest weed outbraves his dignity:
For sweetest things turn sourest by their deeds
Lilies, that fester smell far worse than weeds:

„Тотъ, кто имѣетъ возможность вредить и не вредитъ, кто, вліяя на другихъ, самъ остается непоколебимымъ и холоднымъ, какъ камень, кто не поддается искушенію,—тѣ справедливо наслѣдуютъ милости неба и оберегаютъ богатства природы отъ расхищенія. Они сами свои собственные господа и владыки, а прочіе только слуги ихъ превосходства. Лѣтній цвѣтокъ милъ лѣту, хотя лишь для самого себя онъ живетъ и умираетъ. Но если этотъ цвѣтокъ подвергся гніенію, то самый жалкій плевелъ становится выше его по своему достоинству: ибо самое сладкое можетъ стать горчайшимъ по дѣламъ своимъ; *лиліи, подвергшіяся порчѣ, пахнутъ хуже, чѣмъ плевелы*“.

Сравненіе этихъ двухъ мѣстъ едва-ли можетъ оставить сомнѣніе относительно того, что они родились въ одномъ и томъ же творческомъ мозгу.

Какъ мы уже сказали, Шекспиръ часто развиваетъ мысли, уже разъ выраженныя имъ. Правда, въ этихъ случаяхъ онъ обыкновенно измѣняетъ форму выраженія, но иногда, какъ въ настоящемъ случаѣ, онъ повторяетъ ее безъ перемѣны, или только съ незначительнымъ измѣненіемъ.

Фризенъ, помѣстившій во второмъ томѣ „Shakespeare Jahrbuch“ статью, направленную противъ предположенія, что Шекспиръ участвовалъ въ составленіи нашей пьесы, допускаетъ за приведеннымъ нами мѣстомъ значеніе серьезнаго аргумента въ пользу авторства Шекспира. Но онъ утверждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что авторъ нашей пьесы, кто бы онъ ни былъ, могъ видѣть это мѣсто въ рукописи. Однако, не болѣе ли естественно предположить, что самъ поэтъ воспользовался здѣсь своею собственностью?

Мѣста, на которыя мы указали, за исключеніемъ тѣхъ, которыя имѣютъ связь съ „Гамлетомъ“ и „Мѣрой за мѣру“ относятся къ болѣе раннимъ пьесамъ. Какъ установлено раньше, „Эдуардъ III“ занесенъ въ книгопродавческіе списки въ декабрѣ 1595 года, напечатана же пьеса была въ 1596 году Кедбертомъ Берли. Хотя пьесы нерѣдко пишутся много раньше своего обнародованія, однако если у насъ нѣтъ достаточныхъ основаній, мы не вправѣ утверждать, что пьеса была написана и представлена за долго до своего обнародованія. Въ настоящемъ случаѣ нѣтъ этихъ доказательствъ, а установленныя выше черты сходства съ сонетами вмѣстѣ съ чертами сродства, которыя мы сейчасъ приведемъ по отношенію къ „Лукреціи“, даютъ основаніе признать 1596 годъ, т. е. дату обнародованія, за моментъ, недалекій отъ времени написанія пьесы.

Сродство съ „Лукреціей“, о которомъ сейчасъ была рѣчь, нельзя не усмотрѣть въ концѣ эпизода съ графиней Сольсбери. Здѣсь добродѣтель торжествуетъ въ груди Эдварда надъ любовью, и авторъ только что написавшій Лукрецію, вкладываетъ въ его уста такую рѣчь:

«Even by that power, I swear, that gives me now
The power to be ashamed of myself,
I never mean to part my lips again
In any word that tends to such a suit.
Arise, true English lady; whom our isle
May better boast of, than e'er Roman might
Of her, whose ransacked treasury hath taskep
The vain endeavour of so many pens.

«Клянусь той силой, которая даетъ мнѣ нынѣ
Силу устыдиться самого себя,—
Я никогда не сложу своихъ губъ опять,
Чтобы произнести хоть одно слово для такой просьбы.
Встань, истинно британская женщина: нашъ островъ
Можетъ гордиться тобой больше, чѣмъ римляне гордились той,
Чье похищенное сокровище задало столько напраснаго труда
Цѣлому сонму писателей».

Въ шекспировской части „Эдуарда III“ еще нѣтъ характеризаціи въ точномъ смыслѣ этого слова. Но во всякомъ случаѣ бурный любовникъ эпизода съ графиней, не разбирающій средствъ для достиженія своихъ желаній, не имѣетъ ничего общаго съ деревяностью Эдуарда-короля, когда онъ во главѣ своего войска сражается во Франціи.

Въ графинѣ точно также слишкомъ мало индивидуальности. Онъ — слишкомъ однотонное воплощеніе чистоты и обязана значительной долей своей привлекательности только тому поэтическому ореолу, который придалъ ей поэтъ. Лодовикъ просто на просто манекенъ, а Варвикъ — лицо слишкомъ надуманное. Фигуры исторической части пьесы не вызываютъ въ насъ ни малѣйшаго интереса. Мы, конечно, симпатизируемъ Черному Принцу, но въ сущности въ основаніи этого чувства лежитъ историческая ассоціація, т. е. процессъ, какъ разъ обратный тому, который такъ характеренъ для историческихъ пьесъ Шекспира. Тамъ мы безсознательно переносимъ его образы на страницы исторіи. Здѣсь же наше представленіе о Черномъ Принцѣ, составленное по исторіи, мы переносимъ на пьесу.

Робертъ Бойль [1]).

---

[1]) Переводъ съ рукописи *Е. А. Егорова*.

ЭДУАРДЪ III

[illegible]

Король Эдуардъ III.

Эдуардъ III, король Англіи.
Эдуардъ, принцъ Уэ(Ве)льскій, его сынъ.
Графъ Варвикъ.
Графъ Дерби.
Графъ Салисбэри (Сольсбери).
Лордъ Одлей.
Лордъ Перси.
Лодовикъ, наперсникъ Эдуарда.
Сэръ Вильямъ Монтегью.
Сэръ Джонъ Коплендъ.
Два щитоносца и четыре герольда, англичане.
Робертъ, именующій себя графомъ Артуа.
Графъ Монфоръ.
Гобинъ де-Грей.
Іоаннъ, король Франціи.
Карлъ и Филиппъ, его сыновья.
Герцогъ Лотарингскій.
Вильеръ, французскій вельможа.
Король Богеміи и Польскій военачальникъ } союзники короля Іоанна.
Шесть гражданъ Кале.
Французскій военачальникъ и нѣсколько бѣдныхъ жителей того же города.
Другой военачальникъ; матросъ.
Три французскіе герольда.
Давидъ, король Шотландіи.
Графъ Дугласъ и два шотландскіе вѣстника.
Филиппа, жена короля Эдуарда.
Графиня Салисбэри (Сольсбери).
Французская женщина и двое дѣтей.
Лорды и другіе придворные; герольды, офицеры, солдаты и пр.

Дѣйствіе происходитъ то въ Англіи, то во Фландріи, то во Франціи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Лондонъ. Зала во дворцѣ.

Трубы. Входитъ король Эдуардъ *со свитой*, принцъ Вельскій, Варвикъ, Дерби, Одлей, Артуа *и другіе.*

Эдуардъ.

Робертъ, графъ Артуа, хотя ты изгнанъ
Изъ Франціи, страны твоей родной,
Но вотчину достаточно большую
Получишь ты отъ насъ: тебя мы графомъ
Ричмондскимъ повелимъ именовать.
Теперь мы рѣчь о нашей родословной
Продолжимъ. Кто наслѣдовалъ Филиппу
Красивому?

Артуа.

Три сына; другъ за другомъ
Они престолъ отцовскій занимали,
Потомства жъ не оставилъ ни одинъ.

Эдуардъ.

Но наша мать сестрой имъ доводилась?

Артуа.

Конечно, государь; она была
Единственною дочерью Филиппа—
И послѣ вашъ отецъ на ней женился.
Плодомъ ея утробы цвѣтоносной
Явилась ваша милость, для Европы
Желанный вождь французскаго народа.
Но злобу душъ крамольныхъ вы замѣтьте!
Когда угасъ Филипповъ родъ, французы
О правѣ вашей матери, ближайшей
Наслѣдницы, смолчавши,—возложили
Вѣнецъ на Іоанна Валуа.
Во Франціи, они толкуютъ, много
Владѣтельныхъ особъ—и ею править
Мужская вѣтвь должна лишь—не иначе;
Вотъ по какой причинѣ, государь,
И вы устранены несправедливо.
Ихъ доводы, однако, не прочнѣе,
Чѣмъ насыпи изъ рыхлаго песку,—
Въ чемъ скоро имъ придется убѣдиться.
Сочтете вы предательствомъ, быть можетъ,
Что я, французъ, разоблачаю это;
Но небо мнѣ свидѣтелемъ пусть будетъ,

Что не враждой развязанъ мой языкъ
И не обидой личной, а любовью
Къ отечеству и совѣстью моею.
Вы—нашего покоя стражъ законный,
А Валуа, какъ тать, къ вѣнцу подкрался.
Не долгъ ли вѣрноподданныхъ открыто
Стоять за государя своего?
Не нашъ ли долгъ угомонить спесивца
И подлиннаго пастыня дать стаду?

Эдуардъ.

Пока тебя я слушалъ, Артуа,—
Какъ нива предъ дождемъ, мой санъ воспрянулъ.
Зажегъ ты рѣчью пламенной отвагу
Въ душѣ моей; блуждавшая во тьмѣ,
Теперь, на златозарныхъ крыльяхъ славы,
Она дастъ мощь потомку Изабеллы
Согнуть крутыя спины тѣхъ французовъ,
Которые противятся его
Державной власти. *(Слышенъ рожокъ).*
Вѣстникъ? Лордъ Одлей!
Узнай, откуда.

(Одлей уходитъ и возвращается).

Одлей.

Герцогъ Лотаргинскій,
Прибывшій моремъ, съ вами объясниться
Желаетъ, государь.

Эдуардъ.

Впустите, лорды.
Какія то мы новости услышимъ!

(Лорды уходятъ. Король занимаетъ свое мѣсто. Лорды возвращаются съ герцогомъ Лотаринскимъ и его свитой).

Скажи, что привело тебя къ намъ, герцогъ?

Герцогъ.

Славнѣйшій изъ властителей, король
Французскій Іоаннъ, меня съ привѣтомъ
Послалъ къ тебѣ и съ требованьемъ также
Присягу принести ему за то,
Что герцогствомъ Гіенскимъ ты владѣешь
Съ его соизволенія; явиться
Обязанъ ты въ сорокадневный срокъ
И данникомъ французскаго престола
Признать тебя торжественно; иначе
Владѣнныхъ правъ лишишься ты—и область
Останется за нашимъ королемъ.

Эдуардъ.

Однако, мнѣ везетъ на удивленье:
Едва я переплыть проливъ надумалъ,
Какъ тутъ и зовъ—не приглашенье даже,
А прямо приказанье, подъ угрозой!
Отказываться было бъ сумасбродствомъ—
И вотъ отвѣтъ мой Іоанну, герцогъ:
Явиться не замедлю я—но какъ?—
Не на поклонъ къ нему, какъ рабъ смиренный,
А требуя поклона отъ него,
Какъ мощный побѣдитель. Измышленья
Убогія его насквозь я вижу;
Личины нѣтъ—и наглость вся открыта.
Такъ отъ меня онъ вправду ждетъ присяги?
Скажи ему, что мой вѣнецъ онъ носитъ
И долженъ гнуть колѣни, гдѣ ни ступитъ.
Не герцогство ничтожное мнѣ нужно,
А всѣ его владѣнья; если жъ въ этомъ
Онъ вздумаетъ упорствовать—тѣмъ хуже:
Всѣ перья оборву тогда на немъ
И на просторъ спроважу нагишомъ.

Герцогъ.

Такъ слушай, Эдуардъ: я передъ всѣми
Тебѣ въ лицо бросаю вызовъ.

Принцъ Вельскій.

Вызовъ?
Возьми его назадъ—заткни имъ глотку
Владыкѣ своему. Съ почтеньемъ должнымъ
Къ отцу и королю и къ нашимъ лордамъ,
Скажу тебѣ, французъ: твое посольство
Считаю я лишь выходкой грубѣйшей,
Пославшаго жъ тебя—негоднымъ трутнемъ,
Въ орлинное гнѣздо хитро заползшимъ;
Но такъ его мы вытряхнемъ оттуда,
Что и другихъ примѣръ его проучитъ.

Варвикъ.

И львиную бы шкуру снялъ онъ кстати:
Какъ въ полѣ съ настоящимъ львомъ столкнется—
Тотъ въ клочья разорветъ его за дерзость.

Артуа.

Совѣтъ бы я далъ герцогу разумный:
Откланяться, пока не попросили.
Чѣмъ меньше мы противимся обидѣ,
Тѣмъ меньше въ ней для насъ и униженья.

Герцогъ.

А, гнусное отродье! перебѣжчикъ!
Змѣя страны—кормилицы твоей!
(Обнажая мечъ).
И ты туда же?

Эдуардъ.

Герцогъ Лотарингскій!
Взгляни на мечъ, какъ тонко онъ отточенъ.
(Обнажаетъ мечъ).
Души моей горячее желанье
Куда острѣй, чѣмъ это лезвіе!
И, какъ нельзя отъ пѣсни соловьиной
Забыться сномъ, такъ отъ его уколовъ

Не буду знать я отдыха, пока
Знаменъ своихъ не распущу по вѣтру
Во Франціи. Довольно—уходи.

ГЕРЦОГЪ.

Не такъ я удрученъ угрозой здѣшней,
Какъ видомъ гада этого: весь міръ
Стань истиной—онъ въ немъ остался бъ ложью.

(Уходитъ со своей свитой).

ЭДУАРДЪ.

Возврата нѣтъ. Война начнется скоро—
Не скоро лишь окончится.

Входитъ сэръ Вильямъ Монтегью.

ЭДУАРДЪ.

Нежданный
Къ намъ гость—сэръ Монтегью. Ну, какъ идетъ
Союзъ, что заключили мы съ шотландцемъ?

МОНТЕГЬЮ.

Далъ щели и распался, государь.
Едва король-клятвопреступникъ свѣдалъ,
Что отбыли отъ войска вы обратно,
Какъ все забылъ и принялся нещадно
Окрестности громить: сперва взялъ Бервикъ,
Потомъ Ньюкестль опустошилъ и отнялъ
И наконецъ добрался, кровопійца,
До замка Роксборо, гдѣ угрожаетъ
Погибелью графинѣ Салисбэри.

ЭДУАРДЪ.

Вѣдь это дочь твоя—не такъ ли, Варвикъ?
А мужъ ея служитъ въ Бретани долго,
Владычество Монфора укрѣпляя?

ВАРВИКЪ.

Да, государь.

ЭДУАРДЪ.

Давидъ! какая подлость!
Иль, кромѣ глупыхъ бабъ, тебѣ стращать
Оружіемъ ужъ некого? Но скоро
Улиточьи рога твои примну я.
Начнемте же! Одлей, ты набирай
Пѣхоту, чтобъ хватило для вторженья
Во Францію. Ты, Нэдъ, ступай по графствамъ
И составляй особые отряды;
Чтобъ наподборъ все были молодцы
И лишь пятна безчестія боялись:
Война вѣдь не на шутку—и противникъ
Не шуточный у насъ,—запомни это.
Поможетъ намъ и тесть нашъ, князь Голштинскій:
Посломъ къ нему ты, Дерби, отправляйся—
О нашемъ начинаніи повѣдай
Да попроси, чтобъ онъ, уговорившись
Съ союзниками фландрскими, привлекъ
Властителя Германіи къ союзу.
А я васъ ждать не стану: сколько рати
Собрать сейчасъ удастся, съ той и двинусь
Отбросить вновь шотландцевъ двоедушныхъ.
Но, господа, глядѣть ужъ надо въ оба:
Враги кругомъ. Прощайся, Нэдъ, надолго
Съ наукою и съ книгами—и плечи
Къ увѣсистымъ доспѣхамъ пріучай!

ПРИНЦЪ ВЕЛЬСКІЙ.

Для юноши военная тревога
Звучитъ такой же музыкой, какой
Звучатъ нововѣнчаннымъ государямъ
Ликующіе крики: „ave caesar!“
Я въ этой школѣ чести научусь,
Какъ смерти обрекать враговъ отчизны
Иль жертвовать собой безъ укоризны.
Смѣлѣй впередъ! У каждаго изъ насъ
Особый путь—и дорогъ каждый часъ.

СЦЕНА II.

Роксборо. Передъ замкомъ.

ГРАФИНЯ САЛИСБЭРИ *и часть населенія появляются на стѣнахъ.*

ГРАФИНЯ.

О бѣдные глаза мои! напрасно
Глядите вы, не видно ли подмоги
Отъ короля. Боюсь я, Монтегью,
Боюсь, мой братъ, что не съумѣлъ ты тронуть
Горячими мольбами государя.
Ты не сказалъ, что ждетъ меня въ позорномъ
Плѣну, когда шотландецъ грубый станетъ
Въ любезностяхъ мужичьихъ изощряться
Иль чванство приправлять мерзѣйшей бранью;
Ты не сказалъ, какъ сѣверяне на смѣхъ
Поднимутъ насъ, когда восторжествуютъ,
И какъ въ весельи дикомъ о своей
Побѣдѣ и о нашемъ пораженьи
Пролаютъ, всколыхнувши мертвый воздухъ.

Входитъ король Давидъ, *съ войскомъ; его сопровождаютъ* Дугласъ, герцогъ Лотарингскій *и другіе.*

Скорѣй уйти—мой лютый врагъ подходитъ.
Но спрячусь я поближе, что послушать
Ихъ наглую, тупую болтовню.

(Отходитъ за укрѣпленія).

ДАВИДЪ.

Привѣтъ отъ насъ любезнѣйшему брату,
Котораго мы чтимъ изъ христіанскихъ

Правителей превыше всѣхъ. О томъ же,
На что король отвѣта ждетъ, скажите,
Что съ Англіей вести переговоры
И сдѣлки заключать мы не желаемъ;
Напротивъ, будемъ жечь ихъ города
Сосѣдніе до Іорка и за Іоркомъ.
Не скоро наши конники уймутся;
Ни удиламъ, ни шпорамъ молодецкимъ
Въ бездѣйствіи заржавѣть не дадутъ,
Позолоченныхъ панцырей не сложатъ
И вязовыхъ упругихъ копій мирно
На стѣны городскія не повѣсятъ;
Изъ перевязей кожаныхъ не рынутъ
Своихъ мечей-кусакъ, пока не скажетъ
Вашъ государь: Довольно! пощадите!"
Счастливаго пути. Еще добавьте,
Что съ нами вы простились передъ замкомъ,
Котораго послѣдній часъ ужъ пробилъ.

Герцогъ Лотарингскій.

Отвѣтъ вашъ, столь пріязненный, его
Величеству я передамъ дословно.

(*Уходитъ*).

Давидъ.

Теперь, Дугласъ, нашъ разговоръ продолжимъ:
Какъ вѣрную добычу подѣлить.

Дугласъ.

Мнѣ, государь, хозяйку—и довольно.

Давидъ.

Полегче, сэръ. Я первый выбираю—
И ужъ она не въ счетъ.

Дугласъ.

Тогда ея
Уборы драгоцѣнные возьму я.

Давидъ.

Уборы ей принадлежатъ и, значитъ,
Владѣльцу вмѣстѣ съ нею достаются.

Поспѣшно входитъ вѣстникъ.

Вѣстникъ.

Отправились мы въ горы, государь,
Кой-чѣмъ на пропитаніе разжиться—
И видимъ вдругъ, что много-много войска
Идетъ сюда. На копьяхъ и кольчугахъ
Такъ солнце и горитъ: кольчугъ не счесть,
А копій цѣлый лѣсъ. Не вышло бъ худа!
Часа черезъ четыре навѣрно
Послѣдніе ряды ихъ подоспѣютъ

Давидъ.

Скорѣе прочь! То англійскій король.

Дугласъ.

Эй, Джемми! эй! Буланаго мнѣ—живо!

Давидъ.

Ты въ бой, Дугласъ? Намъ ихъ не одолѣть.

Дугласъ.

Я знаю, государь,—и удираю.

Графиня (*выходя изъ-за прикрытія*).

Чѣмъ угощать прикажете васъ, лорды?

Давидъ.

Глумится вѣдь, Дугласъ! Я не стерплю.

Графиня.

Такъ кто же, господа, беретъ хозяйку
И кто—ея уборы? Вы отсюда
Не подѣлясь, надѣюсь, не уйдете.

Давидъ.

Все слышала она—и вотъ теперь
Злорадствовать изволитъ.

Входитъ другой вѣстникъ.

Вѣстникъ.

Государь,
Къ оружію! Врасплохъ на насъ напали.

Графиня.

Велите, государь, догнать француза—
Сказать ему, что вамъ ужъ не до Іорка:
Конь захромалъ—какъ быть!

Давидъ.

И это знаетъ
Проклятая! Ну, женщина, прощай.
Теперь спѣшить я долженъ...

Графиня.

Не со страху,—
Конечно, нѣтъ,—но все-жъ вы убѣжали.

(*Шумъ битвы. Шотландцы уходятъ*).

О, будь благословенна эта помощь!
Хвастунъ самоувѣренный, что клялся
У этихъ стѣнъ не отступать, хотя бы
Возстало на него все государство—
Ужъ не лицомъ, спиною къ намъ, навстрѣчу
Полуночному вѣтру поскакалъ,
Едва призывъ къ оружію раздался.

Входятъ Монтегью *и другіе.*

Графиня.

И Монтегью? Вотъ праздникъ мнѣ сегодня

Монтегью.

Какъ тетушки здоровье? Что же это?
Ворота на замкѣ! Мы не шотландцы.

ГРАФИНЯ.
Ужъ мнѣ ли не привѣтствовать того,
Кто во-время спасти меня явился!

МОНТЕГЬЮ.
Здѣсь, тетя, самъ король: сойди его
Величество съ прибытіемъ поздравить.

ГРАФИНЯ.
Какими же словами государю
Я выразить могу почетъ и вѣрность!
(Сходитъ со стѣны. Трубы).

Входятъ КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ, ВАРВИКЪ, АРТУА *и другіе.*

ЭДУАРДЪ.
Не дождались блудливыя лисицы,
Чтобъ мы на нихъ спустили гончихъ.

ВАРВИКЪ.
Правда;
Но чончія ретивы, государь,
И вихремъ за лисицами несутся.
(Снова входитъ графиня со свитою).

ЭДУАРДЪ.
Графиня Салисбэри это, Варвикъ?

ВАРВИКЪ.
Да, государь. Тиранъ ея красу,
Какъ майскій цвѣтъ губительные вѣтры,
Развѣялъ, изсушилъ и обездолилъ.

ЭДУАРДЪ.
Ужель она была еще прекраснѣй?

ВАРВИКЪ.
Ахъ, государь! красавицей навѣрно
Ее вы не назвали бы, увидѣвъ
Съ ней рядомъ ту, какую зналъ я прежде.

ЭДУАРДЪ.
Какихъ чаръ неотразимыхъ были
Полны ея чудесныя глаза,
Когда на нихъ, теперь ужъ потускнѣвшихъ,
Въ величіи державномъ я смотрю,
Какъ поданный, съ восторгомъ несказаннымъ.

ГРАФИНЯ.
Земля мнѣ не даетъ склонить колѣни,
Какъ долгъ велитъ, и я склоняю сердце,
Чтобъ изъявить вамъ, государь, хоть долю
Безмѣрной благодарности моей
За то, что вѣсть о вашемъ приближеньи
Отъ бѣдъ войны избавила мой замокъ.

ЭДУАРДЪ.
Встань, лэди. Я къ тебѣ явился съ миромъ,
Но нажилъ неожиданно войну.

ГРАФИНЯ.
Войну? О, государь! не для себя же?
Шотландцевъ нѣтъ—имъ только бы укрыться.

ЭДУАРДЪ.
Томиться здѣсь въ постыдной страсти? Полно!
Въ погоню за шатландцами—впередъ!

ГРАФИНЯ.
Прошу тебя, мой государь, помедли
И соизволь, чтобъ мощный повелитель
Почтилъ нашъ кровъ. Супругъ мой навойнѣ—
Какъ счастливъ будетъ онъ, узнавъ объэтомъ!
Не поскупись своимъ высокимъ саномъ
И, будучи у стѣнъ, войди въ ворота.

ЭДУАРДЪ.
Не гнѣвайтесь, графиня,—не войду я:
Измѣна снилась мнѣ—боюсь.

ГРАФИНЯ.
Измѣна,
Есть или нѣтъ,—отъ этихъ стѣнъ далеко.

ЭДУАРДЪ *(въ сторону).*
Не дальше, чѣмъ въ глазахъ, которыхъ стрѣлы
Напоены отравой; ни разсудокъ,
Ни врачъ ее изъ сердца не изгонятъ.
Свѣтъ отнимать у смертныхъ глазъ дано
Не солнцу одному. Вотъ двѣ дневныя
Звѣзды передо мной: отъ нихъ ослѣпнуть
Мнѣ радостнѣе было бъ, чѣмъ отъ солнца.
Хочу я любоваться! а любуясь—
Хочу любить!—Эй, Варвикъ! Артуа!
Садитесь на коней—мы ѣдемъ дальше!

ГРАФИНЯ.
Что мнѣ сказать, чтобъ государь остался?

ЭДУАРДЪ.
Къ чему языкъ такимъ глазамъ, въ которыхъ
Вся сила краснорѣчія земного!

ГРАФИНЯ.
Не будь же, государь, апрѣльскимъ солнцемъ,
Что землю приласкаетъ и исчезнетъ!
Наружныхъ стѣнъ коснулся отблескъ твой—
Такъ пусть же онъ и внутреннихъ коснется
Нашъ домъ на простолюдина похожъ:
Подъ грубой, неприглядной оболочкой,
Такъ мало обѣщающей, таится
Сокровищница доблестной завѣтной.
Гдѣ золото въ землѣ погребено,
Тамъ почва лишена красы природной,
И кажется засохшей и безплодной;
А гдѣ благоуханной пестротой
Тщеславится земля—снимите слой:

Увидите, что все ея цвѣтенье—
Гніющихъ нечистотъ произведенье.
Безъ дальнихъ словъ, по виду стѣнъ моихъ
Нельзя судить о внутренности ихъ;
Какъ въ непогоду плащъ, онѣ защитой
Лишь служатъ для красы, за ними скрытой.
Такъ помоги же мнѣ, властитель мой,
клонить тебя, чтобъ побылъ ты со мной!

Эдуардъ (*въ сторону*).

Умъ равенъ красотѣ. Онъ—сторожъ вѣрный:
Зачѣмъ же мнѣ еще о долгѣ помнить?
Хотя и ждутъ меня дѣла, графиня,
Но мнѣ до нихъ, пока я здѣсь, нѣтъ дѣла.
Ночую въ замкѣ я—за мною, лорды!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Роксборо. Сады при замкѣ.

Входитъ Лодовикъ.

Лодовикъ.

Я вижу, что глаза ея своими
Онъ такъ и ѣстъ и съ губъ, какъ медъ, впиваетъ
Ея слова; лицо жъ его подобно
Тѣмъ облакамъ, что по вѣтру несутся
И таютъ, очертанія мѣняя.
Когда она краснѣетъ, онъ блѣднѣетъ,
Какъ будто кровь его волшебной силой
Влечетъ она къ себѣ; а поблѣднѣть
Случится ей въ почтительной боязни—
Онъ вспыхнетъ весь красой своей багряной,
Похожей на ея румянецъ чистый,
Какъ на кораллъ кирпичъ, какъ смерть на жизнь.
Чѣмъ объяснить такое состязанье?
Ее вгоняетъ въ краску скромный стыдъ
Отъ близости особы вѣнценосной;
Его же—стыдъ нескромный, отъ сознанья,
Что онъ, король, глядитъ куда не надо.
Она при немъ, какъ женщина, блѣднѣетъ,
Невинный страхъ къ величію питая;
А онъ—переживая страхъ вины
Передъ своимъ достоинствомъ державнымъ.
Прощай, война! Придется намъ, пожалуй,
Въ осадѣ сердца стойкаго завязнуть.
Вотъ и король, бродящій одиноко.

Входитъ король Эдуардъ.

Эдуардъ.

При мнѣ она еще прекраснѣй стала;
Что слово у нея—то гибче умъ
И серебристѣй голосъ. Какъ забавно
Давида и шотландцевъ представляетъ!
„Вотъ, что онъ мнѣ сказалъ“,—такой же говоръ
И обороты всѣ такіе жъ, но выходитъ
Получше, чѣмъ шотландцы говорятъ.
„А вотъ, что я ему сказала“.
И кто жъ подобно ей сказалъ бы это!
Когда враговъ она въ глаза хулила,
Не ангельскій ли кличъ со стѣнъ былъ слышенъ?
Заговоритъ о мирѣ—посылаетъ
Войну въ темницу словно; о войнѣ—
Воскресъ бы Цезарь самъ, чтобъ съ нею слиться
Въ воинственномъ восторгѣ. Мудрость только
Въ ея рѣчахъ не глупостью звучитъ—
И лишь въ ея наружности прекрасной
На красоту природа не клевещетъ.
Привѣтлива она—нѣтъ лѣта жарче;
Сурова—холоднѣе нѣтъ зимы.
Мнѣ ль осуждать шотландца за осаду
Цѣннѣйшаго изъ всѣхъ сокровищъ края!
Но трусомъ онъ себя явилъ безспорно,
Покинувши добычу такъ позорно.
Лодовикъ здѣсь? Чернила и перо!

Лодовикъ.

Несу, мой повелитель.

Эдуардъ.

Да скажи
Тамъ лордамъ, чтобы въ шахматы играли
Спокойно: я одинъ хочу остаться.

Лодовикъ.

Исполню, государь.
(*Уходятъ*).

Эдуардъ.

Молодчикъ этотъ
Порядочно въ поэзіи начитанъ
И шустръ умомъ. Я страсть ему свою

Хочу открыть: пусть онъ ее завѣситъ
Покровомъ изъ батиста, сквозь который
Царица надъ царицами красы
Увидѣла бъ свое изображенье.
(Лодовикъ возвращается).
Все есть? перо, чернила и бумага?

Лодовикъ.
Все, государь.

Эдуардъ.
Тогда садись со мною
Подъ эту сѣнь. Вообразимъ, что въ залѣ
Совѣта мы. Совѣтъ нашъ будетъ зеленъ,
Какъ мысли наши зелены; когда жъ
Мы снимемъ бремя съ нихъ, намъ станетъ легче.
Теперь нужна мнѣ золотая муза:
Зови ее сюда съ перомъ волшебнымъ.
Начнешь вздыхать—должны быть вздохи слышны;
Скорбѣть начнешь—должны быть слышны стоны;
А гдѣ дойдетъ до слезъ—должна быть рѣчь
Мольбами такъ окутана, чтобъ очи
Татарина увлажились, и жалость
Кремневымъ сердцемъ скиѳа овладѣла.
На это власть дана перу поэта—
И, если ты поэтъ, будь властенъ такъ же,
Любовью государя вдохновившись.
Созвучье струнъ налаженныхъ способно
Вооружить вниманьемъ уши ада:
Тѣмъ болѣе душа поэта можетъ
Привлечь къ себѣ отзывчивое сердце.

Лодовикъ.
Къ кому же рѣчь держать, милордъ?

Эдуардъ.
Къ тому,
Что въ силахъ пристыдить красу любую
И мудрость въ глупость превратить; чье тѣло—
Всѣхъ женскихъ чаръ сіяніе, прекраснѣй
Прекраснѣйшаго: вотъ тебѣ начало.
Красивому названье дай еще
Красивѣе и, имъ же восторгаясь,
Превозноси его, какъ можно, выше.
За льстивость осужденія не бойся:
Будь твой восторгъ хоть вдесятеро больше,
Все-жъ вдесятеро десять тысячъ разъ
Дѣйствительность окажется цѣннѣе.
Пиши, а я предамся созерцанью.
Не позабудь сказать, что отъ ея
Красы я изнываю въ мукахъ страсти.

Лодовикъ.
Такъ, значитъ, это женщина?

Эдуардъ.
Какой же
Иной красѣ я покориться могъ бы?
Кому же, какъ не женщинамъ, поемъ
Мы о любви? Иль думалъ ты, что лошадь
Я воспѣвать хочу?

Лодовикъ.
Необходимо
Еще мнѣ знать сословіе иль санъ.

Эдуардъ.
Престолъ—вотъ санъ ея; а мой—скамейка,
Которую она небрежно топчетъ.
По этому могуществу ты можешь
Судить и о сословіи. Пиши,
Пока я размышляю. Не сказать ли,
Что голосъ у нея, какъ соловей?
Но каждый вѣдь пастухъ весной про то же
Твердитъ своей зазнобѣ черномазой;
И къ мѣсту ли тутъ соловей, поющій
О горестяхъ супружеской измѣны?
Нѣтъ, прочь его! Хоть грѣхъ—все грѣхъ,—но слыть
Грѣхомъ не хочетъ онъ: ему пріятно
Слыть доблестью, какъ доблести—обратно.
О волосахъ сказать, что мягче шелка
И янтаря желтѣе въ отраженьи
Угодливаго зеркала. Нѣтъ, лучше
Я съ зеркаломъ сравню ея глаза:
Они, скажу, въ себя вбираютъ солнце,
Горячими его лучами брызжутъ
На грудь мою и зажигаютъ сердце.
О, сколько варіацій порождаетъ
Въ моей душѣ мелодія любви!
Что жъ, превратилъ ты въ золото свои
Чернила? Нѣтъ? Моей богинѣ имя
Лишь крупно напиши: позолотитъ
Оно бумагу въ мигъ. Читай скорѣе!
Давно открылъ я уши, чтобы звуки
Твоей поэзіи ловить.

Лодовикъ
Еще
Періода хвалы я не закончилъ.

Эдуардъ.
Хвалѣ, какъ и любви моей, нѣтъ мѣры;
Онѣ такъ бурны обѣ, что въ періодъ
Законченный вмѣщаться не желаютъ.
Краса ея равна моей лишь страсти:
Тамъ—цѣлый міръ, здѣсь—тотъ же міръ съ прибавкой;
Ее хвалить труднѣй, чѣмъ въ морѣ капли
Пересчитать,—чѣмъ обратить въ песчинки
Огромный холмъ и каждую запомнить.
Такъ что же ты съ періодомъ суешься,
Когда о восхваленьи безконечномъ
Идетъ вопросъ? Я слушаю, читай.

Лодовикъ.

„Прекраснѣй и скромнѣй царицы ночи...“

Эдуардъ.

И сразу же двѣ грубыя ошибки.
Сравнилъ ее ты съ тою, чье сіянье
Во мракѣ лишь мы свѣтомъ почитаемъ;
При солнцѣ же она огаркомъ жалкимъ
Намъ кажется. Моя любовь и въ полдень
Передъ небеснымъ окомъ устоитъ:
Сними съ нея покровъ—затмитъ и солнце.

Лодовикъ.

Еще ошибка въ чемъ, мой повелитель?

Эдуардъ.

Перечитай.

Лодовикъ.

„Прекраснѣй и скромнѣй...“

Эдуардъ.

Скромнѣй! Я не велѣлъ тебѣ копаться
Въ ея душѣ. Мнѣ было бы пріятнѣй
Скоромницу, чѣмъ скромницу въ ней видѣть.
Все вычеркни—луны я не желаю.
Уподоби ее ты лучше солнцу;
Скажи: она въ три раза ярче солнца,
Соперничаетъ качествами съ солнцемъ,
Родить благоуханія, какъ солнце,
Смягчаетъ стужу зимнюю, какъ солнце,
Пестритъ убранство лѣтнее, какъ солнце,
Смотрящихъ на не слѣпитъ, какъ солнце,—
И, такъ во всемъ ее равняя съ солнцемъ,
Проси и щедрой быть подобно солнцу,
Которое къ ничтожной травкѣ такъ же
Благоволитъ, какъ и къ пахучей розѣ.
Теперь, что за луной идетъ, посмотримъ.

Лодовикъ.

„Прекраснѣй и скромнѣй царицы ночи
И въ твердости отважнѣй“...

Эдуардъ.

Ну, отважнѣй?
Чѣмъ кто?

Лодовикъ.

„Отважнѣй, чѣмъ Юдиѳь“...

Эдуардъ.

Вотъ стихъ
Чудовищный! Недостатокъ меча:
Тогда бы я ей голову подставилъ.
Долой! долой! Послушаемъ, что дальше.

Лодовикъ.

Я дальше ничего пока не сдѣлалъ.

Эдуардъ.

Спасибо, что, хоть плохо, да немного,—
Плохого же довольно за глаза.
Нѣтъ, пусть ужъ о войнѣ боецъ толкуетъ,
О тягостяхъ неволи—заключенный;
Страданья лучше всѣхъ больной опишетъ,
Голодный—сладость пиршества, прозябшій—
Живительное дѣйствіе огня
И каждый горемыка—прелесть счастья.
Ужъ попытаюсь самъ, давай-ка.
(Входитъ графиня).
Тсссъ!
Сокровище души моей идетъ.
Негоденъ никуда твой планъ, Лодовикъ,—
И неучъ ты изрядный въ этомъ дѣлѣ.
Развѣдчики, летучіе отряды—
Все, все не тамъ, гдѣ слѣдуетъ.

Графиня.

Простите
За смѣлость, повелитель: изъ одной
Лишь преданности я пришла провѣдать,
Какъ добрый государь мой поживаетъ.

Эдуардъ.

Ступай и передѣлай все.

Лодовикъ.

Иду.
(Уходитъ).

Графиня.

Мнѣ больно, что король нашъ такъ печаленъ:
Чѣмъ подданная вѣрная могла бы
Тоску, къ тебѣ приставшую, прогнать?

Эдуардъ.

Ахъ, лэди! не способенъ я, тупица,
Стыдъ прикрывать цвѣтами утѣшенья.
Здѣсь не живу, а мучусь я, графиня.

Графиня.

Чтобъ здѣсь могли тебѣ не угодить—
Избави Богъ! О государь мой добрый,
Скажи, скажи мнѣ, чѣмъ ты недоволенъ?

Эдуардъ.

Приближусь ли тогда я къ исцѣленью?

Графиня.

Настолько же, властитель мой, насколько
Могу ручаться въ томъ я женской властью.

Эдуардъ.

Ну, если это вѣрно, я спасенъ.
Лишь поручись, что ты вернешь мнѣ радость,
И радостенъ я буду вновь, графиня;
Иначе—смерть.

ГРАФИНЯ.
Все сдѣлать я готова.

ЭДУАРДЪ.
Клянись.

ГРАФИНЯ.
Клянусь святыми небесами.

ЭДУАРДЪ.
Теперь поговори сама съ собою;
Шепни, что есть король, въ тебя влюбленный,
Что ты властна его счастливымъ сдѣлать,
Что поклялась ты радость мнѣ вернуть
Своею женской властью,—сдѣлай это
И объяви: когда я буду счастливъ?

ГРАФИНЯ.
Все сдѣлано, мой грозный государь.
Что изъ любви моей отдать я вправѣ,
То получилъ ты съ преданностью вмѣстѣ:
Приказывай—тебѣ я повинуюсь.

ЭДУАРДЪ.
Вѣдь я сказалъ, что я тебя люблю.

ГРАФИНЯ.
Нужна тебѣ краса? Бери, коль можешь:
Хотя она и очень мало стоитъ,
Ее цѣню я вдесятеро меньше.
Иль честь тебѣ нужна? Бери, коль можешь:
Въ расходѣ честь растетъ. Что дать я въ силахъ
И что ты въ силахъ взять—бери.

ЭДУАРДЪ.
Хочу
Я взять красу твою.

ГРАФИНЯ.
О, будь она
Личиной разрисованной, охотно
Я стерла бы ее и отдала бы;
Но, государь, она съ моею жизнью
Такъ спаяна, что брать ужъ надо обѣ:
Краса моя—лишь тѣнь отъ солнца жизни.

ЭДУАРДЪ.
Но ты ее взаймы, для наслажденья,
Могла бы дать.

ГРАФИНЯ.
Какъ невозможно душу,
Живымъ оставить тѣло, дать взаймы,
Такъ невозможно дать въ займы и тѣло,
Сберегши въ немъ живую душу. Тѣло—
Обитель, храмъ, престолъ души; она же—
Божественный, безплотный, чистый ангелъ:
Тебя впустить въ ея жилище—значитъ
Убить ее и быть убитой ею.

ЭДУАРДЪ.
Но ты клялась мнѣ дать, что захочу я.

ГРАФИНЯ.
Дать, что могу, клялась я, государь.

ЭДУАРДЪ.
Мнѣ нужно только то, что дать ты можешь;
Я не прошу: скорѣе—покупаю.
Любви твоей хочу и за нее
Плачу цѣной своей любви безмѣрной.

ГРАФИНЯ.
Изъ устъ, не столь священныхъ, осквернила бъ
Такая рѣчь любви святое чувство.
Любовь, что вы судите мнѣ,—не ваша:
У цезаря есть цезаря супруга;
И я своей любви не госпожа:
У Сарры есть владыка. За поддѣлку
Печати вашей смертью вы казните;
Дерзнете ль долгъ и клятву преступить
Вы, царь земной, передъ царемъ Небеснымъ?
Дерзнете ль на металлѣ запрещенномъ
Подобіе Его вы отчеканить?
Священныхъ брачныхъ узъ не признавая,
Вы большему величію, чѣмъ ваше,
Наносите ударъ: санъ мужа старше,
Чѣмъ короля,—вашъ праотецъ Адамъ,
Единственный тогда владыка міра,
Былъ Богомъ возведенъ въ мужья, но не былъ
Имъ въ короли помазанъ. Нарушитель
Не вами даже изданныхъ законовъ
Считается преступникомъ: насколько жъ
Преступнѣе попрать законъ, скрѣпленный
Десницею Господнею! Я знаю,
Что государь испытываетъ только
Жену того, кто честно исполняетъ
Свой долгъ въ рядахъ бойцовъ: къ словамъ любви
Преклонитъ слухъ она иль не преклонитъ?
Отъ этихъ словъ и удаляюсь я:
Не государь мнѣ страшенъ, а судья.
(Уходитъ).

ЭДУАРДЪ.
Краса ль ея отъ словъ небесной стала?
Слова ль ея красу смиренно славятъ?
Какъ прелесть придаетъ вѣтрилу вѣтеръ,
Вѣтрило же намъ вѣтра прелесть кажетъ,—
Такъ и она себя словами краситъ,
Слова—собой. Завистливый паукъ,
Вбирающій смертельный ядъ порока,
О, почему я не пчела, чтобъ медомъ
Душевной чистоты ея питаться!
Но для красы столь нѣжной—долгъ суровый

Не черезчуръ ли строгій надзиратель?
Ахъ, будь она моей, какъ этотъ воздухъ!
Да такъ и есть: хочу ее обнять —
И самого себя лишь обнимаю.
Добьюсь я своего—заставитъ смолкнуть
Любовь моя и разумъ и разсудокъ.
(Входитъ Варвикъ).
Ея отецъ! Подговорю его,
Чтобъ сталъ моей любви онъ знаменосцемъ.

ВАРВИКЪ.

Что моего властителя печалитъ?
Дозволено ли будетъ мнѣ узнать,
Чтобъ могъ я мракъ души его разсѣять,
Коль старыхъ силъ моихъ на это хватитъ?

ЭДУАРДЪ.

По добротѣ ты мнѣ сулишь въ подарокъ
То самое, что выпросить хотѣлъ я;
Но для чего—о міръ, кормилецъ лести!—
Ты золотишь языкъ нашъ, а поступки
Свинцомъ отягощаешь и ко лживымъ
Обѣтамъ насъ неволишь? Еслибъ мы
Могли читать въ закрытой книгѣ сердца,
Чтобъ сдерживать языкъ, когда онъ хочетъ
Сказать не то, что тамъ!

ВАРВИКЪ.

Не доведись
Мнѣ, государь, въ лѣтахъ моихъ преклонныхъ
За золото платить свинцомъ! Мой возрастъ
Скорѣе грубъ, чѣмъ льстивъ,—и повторяю:
Лишь зналъ бы я причину вашей грусти
Да силы бы мои не измѣнили—
На муки самъ пойду, чтобъ васъ утѣшить.

ЭДУАРДЪ.

Обманщиковъ знакомая повадка:
Что словомъ задолжали—не платить.
Ты мнѣ и клятву дашь, не сомнѣваюсь;
Когда жъ узнаешь правду,—какъ отрыжку,
Проглотишь необдуманное слово
И въ помощи навѣрное откажешь.

ВАРВИКЪ.

Клянусь вамъ, государь: подставьте мечъ—
Готовъ на немъ я жизнь свою пресѣчь!

ЭДУАРДЪ.

А для того, чтобъ мнѣ помочь, рѣшился бъ
Ты на потерю чести?

ВАРВИКЪ.

Если средства
Иного нѣтъ у васъ, потерю эту
Я прибылью считалъ бы для себя.

ЭДУАРДЪ.

Не можешь ты поклясться и отречься?

ВАРВИКЪ.

Нѣтъ, не могу; а могъ бы—не хотѣлъ бы.

ЭДУАРДЪ.

Возможно все. Что мнѣ тогда сказать?

ВАРВИКЪ.

Что говорятъ обычно негодяю,
Который святость клятвы нарушаетъ.

ЭДУАРДЪ.

Что ты ему сказалъ бы?

ВАРВИКЪ.

Я сказалъ бы,
Что измѣнилъ и Богу онъ и людямъ,
И отметенъ и Богомъ и людьми.

ЭДУАРДЪ.

Уговорить кого-нибудь нарушить
Святой обѣтъ—кто могъ бы это сдѣлать?

ВАРВИКЪ.

Не человѣкъ, а дьяволъ только могъ бы.

ЭДУАРДЪ.

Такъ сослужи мнѣ дьявольскую службу
Иль стань клятвопреступникомъ—порви
Всѣ узы между мною и собою.
Коль господинъ ты и себѣ и клятвѣ,
Ступай сейчасъ же къ дочери своей
И прикажи, уговори, какъ хочешь—
Заставь, чтобъ на любовь мою любовью
Отвѣтила она. Безъ возраженій!
Пусть твой обѣтъ ея обѣтъ убьетъ—
Иначе знай, что твой король умретъ.
(Уходитъ).

ВАРВИКЪ.

О, подлый долгъ предъ королемъ безумнымъ!
Великъ соблазнъ: вѣдь онъ меня заставилъ
Поклясться Божьимъ именемъ—обѣтъ,
Во имя Бога данный, уничтожить.
Поклялся бы я правою рукою
Отрѣзать руку правую! Не лучше ль
Святыню осквернить, чѣмъ ниспровергнуть?
Ни то, ни это, нѣтъ. Сдержу я клятву
И отрекусь предъ дочерью моей
Отъ всѣхъ благочестивыхъ наставленій:
Скажу, что позабыть супруга надо
И королю объятія открыть;
Скажу, что преступить обѣтъ не трудно,
Но трудно получить потомъ прощенье;
Скажу, что вправду добръ лишь тотъ, кто любитъ

Но доброта не есть еще любовь;
Скажу, что санъ ея безчестье смоетъ,
Но отъ грѣха все царство не избавитъ;
Скажу, что я обязанъ убѣждать,
Но ей вольно со мной не соглашаться.

(Входитъ графиня).

Вотъ и она. Найдется ли другой
Злодѣй, какъ я, для дочери родной?

ГРАФИНЯ.

Я васъ ищу, отецъ. И мать, и пэры
Меня послали къ вамъ съ усердной просьбой,
Чтобъ вы его величество старались
Отъ мрачныхъ размышленій отвлекать.

ВАРВИКЪ *(въ сторону).*

Какъ быть мнѣ съ порученьемъ злополучнымъ?
Начать: „мое дитя"? Хорошъ отецъ,
Склоняющій дитя свое къ соблазну!
Женою Салисбэри не назвать ли?
Но мы друзья: хорошъ и другъ, что дружбу
Способенъ обокрасть!—Ты мнѣ не дочь
И моему испытанному другу
Ты не жена. Не Варвика ты видишь,
А стряпчаго по дьявольскимъ дѣламъ:
Я въ Варвика преобразился только,
Чтобъ короля исполнить порученье.
Великій нашъ король въ тебя влюбленъ;
Онъ властенъ у тебя взять жизнь, какъ властенъ
Отнять и честь,—такъ соглашайся лучше
Въ залогъ оставить честь, чѣмъ жизнь: изъ чести
Что потеряешь—вновь найти ты можешь,
А жизни мы лишаемся навѣки.
Отъ солнца сохнетъ сѣно, но траву
Оно живитъ; король, позоря, славитъ.
Ахиллъ своимъ копьемъ цѣлилъ тѣ раны,
Что наносилъ: для сильныхъ міра, ясно,
Зло исправлять добромъ легко. Мы знаемъ,
Какъ съ подданными кротокъ сытый левъ;
Поэтому-то онъ для насъ прекрасенъ
И съ пастью окровавленной. Король
Величіемъ своимъ твой стыдъ покроетъ:
Кто высмотрѣть тебя за нимъ захочетъ,
Тотъ зрѣнія лишится, какъ отъ солнца;
И что за вредъ отъ капли яда морю,
Когда оно въ своихъ пучинахъ можетъ
Все утопить и сдѣлать ядъ безвреднымъ?
Священнѣйшее имя государя
Смягчить твой грѣхъ и горькому напитку
Упрековъ дастъ пріятнѣйшую сладость;
И нѣтъ грѣха въ дѣяніи, когда
Его не совершить намъ безъ позора.
Такъ, моему властителю радѣя,
Одѣлъ я добродѣтелью порокъ
И отъ тебя отвѣта ожидаю.

ГРАФИНЯ.

Въ осаду изъ осады! Для того ли
Я отъ враговъ напасти избѣжала,
Чтобъ вдесятеро горшую напасть
Извѣдать отъ друзей? Иль опорочить
Не могъ онъ кровь мою, не совращая
На грѣхъ того, чья кровь во мнѣ течетъ?
Не диво, что полны заразой вѣтви,
Когда и корень зараженъ; не диво,
Что гибнетъ прокаженное дитя,
Когда въ сосцахъ у матери отрава.
А если такъ—пусть будетъ грѣхъ свободенъ;
Пусть молодость живетъ, узды не зная:
Долой всѣ запрещенія закона!
Долой законъ Господень, воздающій
Стыдомъ за стыдъ и карою за грѣхъ!
Нѣтъ, лучше умереть, чѣмъ согласиться
Стать жертвою нечистыхъ вожделѣній!

ВАРВИКЪ.

Вотъ это рѣчь желанная; теперь
И я могу отъ словъ своихъ отречься.
Почетная могила стоитъ больше
Срамной опочивальни короля;
Чѣмъ выше человѣкъ, тѣмъ всѣ поступки
Его виднѣй—хорошіе ль, дурные ль;
На солнцѣ и ничтожная пылинка—
Для насъ какъ бы существенное нѣчто;
Чѣмъ жарче день, тѣмъ, будто бы цѣлуя,
Скорѣй онъ разлагаетъ мертвечину;
Могучъ топоръ—могучи и удары;
Тяжеле въ десять разъ тотъ грѣхъ, который
Въ священномъ мѣстѣ совершенъ; дурное
Дѣяніе особы властной вводитъ
Въ соблазнъ другихъ; одѣнь ты обезьяну:
Отъ красоты наряда станетъ только
Уродливѣй она. Я много могъ бы
Сравненій привести, соизмѣряя
Величье короля съ твоимъ позоромъ:
Такъ, въ губкѣ золотомъ отрава гаже,
При молніи чернѣй ночная тьма,
Гніющія лилеи сорныхъ травъ
Зловоннѣе,—и честь, къ грѣху склонясь,
Втройнѣ свое сіяніе безславитъ.
Я ухожу—пока съ благословеньемъ,—
Но можетъ стать оно проклятьемъ, если
Ты чистотой пожертвуешь своей
Тому, чего на свѣтѣ нѣтъ грязнѣй.

(Уходитъ).

ГРАФИНЯ.

Я за тобой—и обрекаю душу
На вѣчный адъ, когда свой долгъ нарушу!

(Уходитъ).

СЦЕНА II.

Тамъ же. Комната въ замкѣ.

Входятъ Дерби *и* Одлей, *встрѣчаясь.*

Дерби.

Какъ радъ я съ благороднѣйшимъ Одлеемъ
Здѣсь встрѣтиться! Что—государь и пэры?

Одлей.

Не видѣлъ государя я съ тѣхъ поръ,
Какъ онъ меня отправилъ на вербовку;
Приказъ его исполнилъ я—доставилъ
Ему солдатъ, прекрасно снаряженныхъ,
А ладно ль съ императоромъ у насъ?

Дерби.

Такъ ладно, какъ не можетъ быть ладнѣе:
Помочь его величеству готовый,
Онъ всѣхъ своихъ владѣній назначаетъ
Намѣстникомъ его. Итакъ—впередъ,
Во Францію великую!

Одлей.

И что же?
Обрадовался очень государь?

Дерби.

Онъ ничего пока еще не знаетъ:
Сидитъ въ своихъ покояхъ, огорченный,
А чѣмъ—Богъ вѣсть!—и приказалъ себя
До самаго обѣда не тревожить.
И на кого ни взглянешь—на графиню,
На Варвика, на Артуа,—всѣ хмуры.

Одлей.

Ужъ что-нибудь здѣсь кроется навѣрно.
(*За сценой трубы*).

Дерби.

Ага, трубятъ! Теперь онъ вышелъ, значитъ.

Входитъ Эдуардъ.

Одлей.

Сюда его величество идетъ.

Дерби.

Да будетъ все по волѣ государя.

Эдуардъ.

Ахъ, если бъ ты владѣлъ волшебнымъ словомъ!

Дерби.

Привѣтъ отъ императора сердечный.
(*Подаетъ письма*).

Эдуардъ (*въ сторону*).

Не отъ нея!

Дерби.

Исполнены теперь
Всѣ вашего величества желанья.

Эдуардъ (*въ сторону*).

Неправда, не исполнены. Но если бъ!

Одлей.

Владыкѣ моему—любовь и вѣрность.

Эдуардъ (*въ сторону*).

Что мнѣ въ твоей любви!—Какія вѣсти?

Одлей.

По вашему приказу, и пѣхота
И конница готовы, государь.

Эдуардъ.

По нашему отказу, пусть пѣхота
На четырехъ ногахъ обратно скачетъ.
Взгляну, что мнѣ графиня пишетъ, Дерби.

Дерби.

Графиня, государь?

Эдуардъ.

Ну, императоръ.
Оставь меня.

Одлей.

Что въ мысляхъ у него?

Дерби.

Уйдемъ, пока въ такомъ онъ настроеньи.
(*Уходятъ*).

Эдуардъ.

Такъ отъ избытка чувствъ уста глаголятъ:
Вдругъ, вмѣсто императора, графиня!
Ну, что жъ? Она и есть мой императоръ,
А я—вассалъ колѣнопреклоненный,
Обязанный по взгляду понимать,
Довольна ли она, иль недовольна.
(*Входитъ Лодовикъ*).
Что цезарю сказать велѣла та,
Съ которой не сравняться Клеопатрѣ?

Лодовикъ.

Что нынче же отвѣтитъ государю.
(*За сценой барабаны*).

Эдуардъ.

Съ чего тамъ растрещался барабанъ,
Въ моей груди пугая Купидона?
Вотъ шкурѣ то несчастной достается!
Поди, избавь бѣдняжку отъ злодѣя;
Я нѣжными строками устелю
По ней дорогу въ грудь небесной нимфы:
Бумагой писчей мнѣ она послужитъ—

И барабанъ сварливый превратится
Въ глашатая, въ любезнаго посла
Отъ мощнаго властителя къ богинѣ.
Невѣжду поучи играть на лютнѣ
Иль удави ремнемъ отъ барабана:
Сдается мнѣ, сегодня непристойно
Нескладной трескотней тревожить небо.
Ступай. *(Людовикъ уходитъ).*
Въ бою, къ которому я рвусь,
Себя своимъ рукамъ лишь поручаю:
Пусть моему врагу спѣшатъ навстрѣчу
Подъ бурный маршъ проникновенныхъ стоновъ;
Глаза мнѣ будутъ стрѣлами, а вздохи
Сослужатъ службу вѣтра и до цѣли
Всѣ выстрѣлы изъ сердца донесутъ.
Но солнца для меня ужъ нѣтъ: вѣдь солнце—
Она сама! Вотъ почему поэты
Зовутъ слѣпымъ крылатаго буяна:
Любовь — нашъ вождь, пока отъ страсти зрѣнья
Не лишена.
(Людовикъ возвращается).
Ну, что тамъ?

Лодовикъ.
Государь,
Веселый трексъ о вашемъ храбромъ сынѣ,
О принцѣ Эдуардѣ, возвѣщаетъ.

Входитъ принцъ Вельскій. *Лодовикъ отходитъ къ двери.*

Эдуардъ *(въ сторону).*
Вотъ онъ—весь въ мать! Ея черты зовутъ
На правый путь, увѣщеваютъ сердце
И глазъ журятъ за алчность: ужъ смотрѣлъ бы
На то, что есть, не зарясь на чужое!
Гнуснѣе всѣхъ тотъ воръ, который даже
Не можетъ и на бѣдность-то сослаться.—
Ну, мальчикъ мой, что скажешь?

Принцъ.
Дорогой
Отецъ и повелитель! Я собралъ
Все лучшее, что Англія вскормила,
Для нашего похода и явился
Принять отъ государя указанья.

Эдуардъ *(въ сторону).*
Какъ ни гляжу, все матери лицо
Въ немъ вижу. Да, глаза ея какъ будто
Впились въ меня—и а уже краснѣю;
Укрыться грѣхъ не можетъ: страсть—огонь,
А люди, словно фонари, свѣтъ страсти,
Зажженный въ нихъ, наружу пропускаютъ.
Прочь, суетности шелковыя путы!
Не мнѣ ли суждено расширить грани
Британіи прекрасной? и въ клѣтушку
Души моей владыкой не войду я?—
Подайте панцырь мнѣ изъ вѣчной стали:
Иду на королей! Чтобъ добровольно
Склонился я и недруга сталъ другомъ?
Немыслимо. Впередъ, мой Нэдъ! Пусть наши
Знамена воздухъ Франціи полощатъ.

Лодовикъ *(подойдя къ королю и шепча ему на ухо).*
Съ улыбкою привѣтливою проситъ
Къ вамъ доступа графиня, государь.

Эдуардъ.
Вотъ и пропало все! Одна улыбка
Освобождаетъ Францію изъ плѣна
И намъ даритъ свободу.—Милый мальчикъ,
Оставь меня—иди, пируй съ друзьями.
(Принцъ уходитъ. Въ сторону).
Что въ матери твоей? Черна—и только;
А ты напоминаешь мнѣ объ этомъ.
Введи сюда графиню—пусть разсѣетъ
Надъ нами тучи зимнія: покорны
Ея красѣ и небо и земля.
(Лодовикъ уходитъ).
Грѣшнѣе бѣдный людъ рубить и рѣзать,
Чѣмъ обнимать въ любодѣйномъ ложѣ
Сосудъ сокровищъ рѣдкостныхъ: поднесь
Отъ ветхаго Адама такъ ведется.
(Лодовикъ возвращается съ графиней).
Иди, залѣзь въ мой кошелекъ, Лодовикъ:
Мотай, швыряй, играй, безчинствуй—дѣлай,
Что хочешь, лишь оставь меня на время.
(Лодовикъ уходитъ).
Души моей подруга! Ты явилась
Откликнуться небеснымъ словомъ „да“
На жалобы любви моей нѣжнѣйшей?

Графиня.
Отецъ благословилъ меня...

Эдуардъ.
Чтобъ ты
Мнѣ уступила?

Графиня.
То, что вамъ по праву
Принадлежитъ, возлюбленный властитель.

Эдуардъ.
Не меньше, значитъ, чѣмъ за право—право
И за любовь—любовь.

Графиня.
Чѣмъ зло за зло

И ненависть за ненависть. Но вижу:
Ни мой отказъ, ни мужняя любовь,
Ни вашъ высокій санъ, ничто святое
Не властно мнѣ помочь въ борьбѣ съ величьемъ,
Святого ничего не признающимъ;
И потому должна я несогласье
Въ согласье обратить и не „не желаю"
Заставить быть „желаю",— если только
Вы сами тѣ препоны удалите,
Что стали между нашею любовью.

Эдуардъ.

Лишь назови: клянусь, что ихъ не будетъ!

Графиня.

Хотѣла бъ уничтожить я тѣ жизни,
Что стали между нами, мой властитель.

Эдуардъ.

Чьи жизни, лэди?

Графиня.

Вашей королевы
И графа моего: пока они
Въ живыхъ, распоряжаться мы не смѣемъ
Ихъ собственностью—нашею любовью.

Эдуардъ.

Ты хочешь преступленья!

Графиня.

Какъ и вы:
Ужъ если строгій вашъ законъ исполнить
Мѣшаетъ вамъ одно, то пусть онъ также
Вамъ запретитъ другого домогаться;
Могу ли я любви повѣрить вашей,
Когда не соблюдаете вы клятвы?

Эдуардъ.

Довольно! и она и онъ—умрутъ.
Ты превзошла красою Геро, я же
Сильнѣе безбородаго Леандра:
Онъ перепрылъ проливъ пустячный,—я же,
Чужую кровь проливъ, достигну Сеста,
Гдѣ ждетъ меня возлюбленная Геро.

Графиня.

Вы сдѣлаете больше: создадите
Рѣку изъ крови сердца двухъ супруговъ,
Разлучниковъ двухъ любящихъ сердецъ.

Эдуардъ.

Въ твоей красѣ—вина супруговъ этихъ,
И въ ней же—смерть обоихъ; ихъ судья,
Имъ смертный приговоръ я объявляю.

Графиня.

Преступная краса! судья неправый!
Когда въ палату звѣздная надъ нами
Всемірный судъ насъ призоветъ къ отвѣту
За это зло—мы оба затрепещемъ.

Эдуардъ.

Что говоритъ моя любовь? Рѣшилась?

Графиня.

Рѣшилась—кончено.—Сдержи лишь слово,
Великій государь, и я—твоя.
Стой, гдѣ стоишь, я отступлю немного—
И посмотри, какъ буду отдаваться.
(Быстро поворачивается къ нему и показываетъ два кинжала, висящіе у пояса).
Вотъ два ножа вѣнчальные—ты видишь?
Возьми одинъ, убей имъ королеву,
А гдѣ ее найти—сейчасъ узнаешь;
Другимъ покончу я съ любимымъ мужемъ,
Который спитъ спокойно въ этомъ сердцѣ.
Свершится—полюблю тебя. Ни съ мѣста,
Державный похотникъ! Моя рѣшимость
Проворнѣй, чѣмъ усердіе твое
Меня спасти,—и, сдѣлай лишь движенье,
Вонжу я ножъ; поэтому стой смирно
И слушай, что даю тебѣ на выборъ:
Иль поклянись отъ мысли нечестивой
И отъ меня навѣки отказаться,
Иль, вотъ клянусь,—
(на колѣняхъ).
—той кровью, что хотѣлъ
Ты запятнать, въ мгновенье запятнится
Твоя земля. Клянись, король, клянись—
Иль здѣсь же я умру! Не шевелись!

Эдуардъ.

Клянусь той высшей силой, что даетъ
Мнѣ силу пристыдить себя,—навѣки
Уста мои для просьбъ такихъ замкнуты!
Встань, истинная англійская лэди:
Тобой гордиться можетъ островъ больше,
Чѣмъ древній Римъ гордился той, чей кладъ
Утраченный столькихъ стараній вздорныхъ
И множества такого перьевъ стоилъ.
Встань, лэди,—добродѣтели твоей
Мой тяжкій грѣхъ грядущей славой будетъ:
Отъ суетнаго сна я пробудился.
Нэдъ, Варвикъ, Дерби, Артуа, Одлей,—
Куда вы, удальцы, запропастились?
(Входятъ принцъ и лорды).
Ты, Варвикъ, будешь сѣверъ сторожить;
Ты, принцъ, и ты, Одлей,—скорѣе къ морю:
Въ Нью-Гевенѣ часть войска мнѣ оставьте;
Мы жъ трое черезъ Фландрію проѣдемъ
И дружескую помощь обезпечимъ.
Едва лишь этой ночи хватитъ мнѣ
Прощеніе снискать въ моей винѣ:
Походъ нашъ такъ привѣтствовать мы будемъ
Что солнце раньше времени разбудимъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Фландрія. Французскій лагерь.

Входятъ КОРОЛЬ ФРАНЦУЗСКІЙ Іоаннъ, ДВА ЕГО СЫНА, Карлъ *и* Филиппъ, ГЕРЦОГЪ Лотарингскій *и другіе.*

Іоаннъ.

Пока нашъ флотъ изъ тысячи судовъ
Подноситъ непріятелю гостинцы,
Дождемся мы здѣсь вѣсти о побѣдѣ.
Что слышалъ ты объ Эдуардѣ, герцогъ?
Въ достаточной ли мѣрѣ онъ снабженъ
Оружіемъ и войскомъ для похода?

Герцогъ.

Скажу вамъ безъ утайки, государь,
Не обольщая васъ надеждой ложной,
Что онъ, какъ мнѣ доподлинно извѣстно,
Явился къ намъ, прекрасно снаряженный:
Вся Англія стремится на войну,
Какъ на веселый праздникъ.

Карлъ.

Этотъ островъ
Всегда пріютомъ былъ для недовольныхъ,
Мятежныхъ, кровожадныхъ Катилинъ,
Для мотовъ и для тѣхъ, кому бы только
Мутить да совершать перевороты:
Такъ можетъ ли на нихъ онъ положиться?

Герцогъ.

На всѣхъ, за исключеніемъ шотландцевъ:
Какъ вашему высочеству извѣстно,
Тѣ поклялись торжественно не класть
Меча и не вступать въ переговоры.

Іоаннъ.

Вотъ на кого надежда остается!
Зато, какъ вспомню я о Нидерландахъ,
Гдѣ Эдуардъ нашелъ себѣ друзей,
Объ этихъ, пивомъ налитыхъ, голландцахъ,
Всегда съ губами, мокрыми отъ пѣны,
Готовыхъ пить безъ отдыха,—какъ вспомню,
Такъ все и закипитъ во мнѣ. Его
Поддерживаетъ также императоръ:
Толкуютъ, что намѣстникомъ онъ будетъ.
Ну, что жъ! чѣмъ многочисленнѣй противникъ,
Тѣмъ большая и слава отъ побѣды.
Мы не одни: суровые поляки,
Отважные датчане, короли
Богеміи, Сициліи—все это
Союзники завѣдомые наши
И къ намъ теперь торопятся навѣрно.
(За сценой барабаны).
Да вотъ и барабаны ихъ я слышу:
Они ужъ здѣсь—я не ошибся, значитъ.

Входитъ КОРОЛЬ БОГЕМСКІЙ *съ войскомъ и съ подкрѣпленіями изъ датчанъ, поляковъ и русскихъ.*

Король Богемскій.

Король французскій Іоаннъ! По долгу
Союза и сосѣдства, я съ войсками
Своими поспѣшилъ къ тебѣ на помощь.

Польскій военачальникъ.

Я также изъ великой, страшной туркамъ
Московіи и благородной Польши
Привелъ съ собой усердныхъ слугъ, готовыхъ
Сражаться за тебя.

Іоаннъ.

Привѣтъ сердечный
Тебѣ, король, и прочимъ всѣмъ. Столь важной
Услуги я не позабуду. Кромѣ
Тѣхъ кронъ, что вы получите въ избыткѣ,
Васъ ждетъ еще награда: намъ грозитъ
Народъ, прикрывшій спесью трусость зайца,
И отъ него втройнѣ мы поживимся.
Исполнилась теперь моя надежда:
Мы на морѣ могучи, какъ подъ Троей
Войска Агамемнона, а на сушѣ
Равны мы рати Ксеркса, для которой
Понадобились рѣки, чтобъ напиться;
И, стало-быть, съ Баярдомъ самозваннымъ
Покончено у насъ: пойдетъ на дно
Иль будетъ на куски разрубленъ, если
На высадку рѣшится.

Входитъ МАТРОСЪ.

Матросъ.

Государь!
На вахтѣ находясь, я видѣлъ близко
Кичливую армаду Эдуарда.
Сперва она была подобна рощѣ
Засохшихъ старыхъ сосенъ; но, когда
Приблизилась,—по блеску кораблей,
По пестрымъ развѣвающимся флагамъ,
Мнѣ лугомъ показалась разноцвѣтнымъ,
Скрывающимъ нагую грудь земли.
Суда идутъ величественнымъ строемъ,
Рогатый полумѣсяцъ представляя;

На кораблѣ подъ адмиральскимъ флагомъ,
А также и на тѣхъ, что образуютъ
Какъ бы его почетную охрану,—
Красуются обоихъ королевствъ
Гербы соединенные. И, бодро
Пучину бороздя, подъ свѣжимъ вѣтромъ
Армада надвигается на насъ.

Іоаннъ.

До золотыхъ ужъ лилій онъ добрался?
Медъ высосанъ изъ нихъ—и въ листьяхъ только
Для паука остался ядъ, надѣюсь.
А нашъ-то флотъ? Готовы ли суда
Навстрѣчу стаѣ вороновъ подняться?

Матросъ.

Объ этомъ извѣщенные, они
Снялись тотчасъ же съ якоря и, словно
Не вѣтромъ вздувши паруса, а гнѣвомъ,—
Вперетъ рванулись: такъ орелъ голодный
Кидается на первую добычу.

Іоаннъ.

Вотъ, получи за вѣсти. Воротись
Теперь на свой корабль и, если цѣлъ
Останешься, приди сюда обратно
Отдать отчетъ подробный о сраженьи.

(Матросъ уходитъ).

Слѣдить намъ лучше порознь, господа,
Чтобъ высадки не сдѣлалъ непріятель.
Немедленно, мой братъ, расположите
Богемцевъ вашихъ по равнинѣ; герцогъ
Нормандскій, старшій сынъ мой, на высоты
Взойдетъ съ противной стороны; мы оба—
Я и Филиппъ, мой младшій сынъ,—займемъ
Средину побережья, между вами.
Итакъ, друзья, на стражу—въ добрый часъ:
Всей Франціи судьба въ рукахъ у васъ!

(Карлъ, герцогъ Лотарингскій, король Богемскій и войско уходятъ).

Что скажешь ты, Филиппъ, о притязаньяхъ
Противника?

Филиппъ.

Скажу я, государь:
Чего бы Эдуардъ ни домогался,
Откуда бы свой родъ ни выводилъ онъ,
Вѣнецъ на васъ—и этого довольно,
Чтобъ имъ владѣть; а хоть бы и не такъ,
Я все-жъ не покорюсь ему: иль кровью
Самъ изойду, иль проходимцевъ наглыхъ
Въ обратный путь спроважу.

Іоаннъ.

Молодчина!
Вели-ка дать намъ хлѣба и вина:
Когда мы подкрѣпимъ свои желудки,
Тогда въ лицо врагу смѣлѣе взглянемъ.
(Вносятъ накрытый столъ: король съ сыномъ садятся за него. Вдали слышна стрѣльба).
Сегодня морю будетъ жарко. Бейтесь,
Французы, бейтесь—какъ въ берлогѣ бьются
За медвѣжатъ медвѣдицы! а ты,
О Немезида, правь кормиломъ такъ,
Чтобъ вражій флотъ огнемъ смертельной злобы
Былъ безъ слѣда разметанъ и потопленъ!
(Снова стрѣльба).

Филиппъ.

Отецъ, какая музыка! и какъ
Она пищеваренью помогаетъ!

Іоаннъ.

Теперь ты, мальчикъ, слышишь самъ весь ужасъ
Борьбы за власть державную. Земной
Утробы сокрушительные вздохи
Иль въ небесахъ сверкающіе взрывы
Скопившихся паровъ страшны не меньше,
Чѣмъ распря королей, излить готовыхъ
Взаимный гнѣвъ.

(Трубятъ отступленіе).

Вотъ и конецъ—одинъ
Противникъ пораженъ: что если это
Французы? О! поворитись къ намъ, счастье,
И вѣтру такъ вели поворотиться,
Чтобъ небо даровало намъ побѣду,
Враговъ же нашихъ въ бѣгство обратило.

(Входитъ матросъ).

Недоброе предчувствую. Скажи
Намъ, блѣдной смерти зеркало, за кѣмъ
Сегодня честь? О тяжкомъ пораженьи,
Прошу тебя, повѣдай, если хватитъ
Дыханья у тебя.

Матросъ.

Да, государь.
Бѣда на долю Франціи досталась:
Бахвалу Эдуарду удалось
Побѣду одержать. Пылая гнѣвомъ,
Надеждою и страхомъ, оба ряда
Судовъ желѣзногрудыхъ поспѣшили
Построиться одинъ передъ другимъ.
Корабль ихъ адмиральскій сразу началъ
По нашему стрѣлять безъ перерыва;
Тогда всѣ остальные, увидавъ,
Что этимъ двумъ погибель угрожаетъ,—
Какъ ярые драконы, другъ на друга
Величественно ринулись, о смерти
Гонцами скоролетными вѣщая.
И ясный день смѣнился ночью темной:

Окуталъ мракъ могильный и живыхъ.
И тѣхъ, что перестали быть живыми;
Друзья не успѣвали попрощаться,
А кто и успѣвалъ—таковъ былъ грохотъ!—
Уподоблялся тотъ глухонѣмому.
Кругомъ отъ крови раненыхъ все море
Окрасилось въ багряный цвѣтъ такъ быстро,
Какъ будто кровь широкими ручьями
Изъ кораблей прострѣленныхъ лилась.
Здѣсь голова оторванная, тамъ
Поломанныя руки, ноги, словно
Сухая пыль, подхваченная вихремъ,—
По воздуху летѣли и кружились.
Вы наблюдать могли бы, какъ суда
Расщепленныя въ волны погружались,
Пока не исчезали ихъ верхушки.
Всѣ средства нападенья и защиты,
Всѣ проявленья храбрости и страха,
Рѣшимости и трусости,—все было
Въ ходу и на виду: одни сражались
Для славы, а другіе поневолѣ.
Не мало „Nonpareil“ нашъ отличился,
А также и булонскій „Черный Змій“,
Которому изъ кораблей нѣтъ равныхъ.
Но тщетно! Вѣтеръ, волны, вся природа
Возстала противъ насъ, врагамъ на счастье—
И къ берегу пришлось открыть имъ путь.
Тутъ и конецъ. Моргнуть мы не успѣли,
Какъ разгромили насъ и одолѣли.

Іоаннъ.

Теперь одно спасенье намъ: собрать
Остатки силъ и на враговъ ударить,
Пока они не выстроились къ бою.
Уйдемъ, Филиппъ! Уйдемъ скорѣе прочь!
Сердечной боли мнѣ не перемочь.

СЦЕНА II.

Пикардія. Поля около Кресси.

Входитъ ФРАНЦУЗЪ; *навстрѣчу ему другіе, въ томъ числѣ* ЖЕНЩИНА *съ двумя дѣтьми, нагруженные домашнимъ скарбомъ, какъ бѣглецы.*

1-ый ФРАНЦУЗЪ.

Здорово, господа. Какія вѣсти?
И почему вы такъ нагружены
Пожитками? Иль нынче день завѣтный —
Изъ дома въ домъ обычный переѣздъ?

2-ой ФРАНЦУЗЪ.

Да, переѣздъ! Боюсь, не переѣлъ бы
Насъ лютый Эдуардъ, какъ волкъ барановъ.
Вы новости-то слышали?

1-ый ФРАНЦУЗЪ.

Какія?

3-ій ФРАНЦУЗЪ.

Французскій флотъ разбитъ—и англичане
Ужъ высадились на берегъ.

1-ый ФРАНЦУЗЪ.

Такъ что жъ
Изъ этого?

2-ой ФРАНЦУЗЪ.

Вы говорите: что жъ?
Да развѣ не пора бѣжать, когда
И врагъ и смерть такъ близко?

1-ый ФРАНЦУЗЪ.

Успокойтесь,
Пріятель: врагъ еще не такъ-то близко—
И, прежде чѣмъ онъ въ глубь страны проникнетъ,
Себѣ онъ сломитъ голову, ручаюсь.

2-ой ФРАНЦУЗЪ.

Да, такъ и стрекоза живетъ безпечно,
Пока зима не стала; а щипнетъ
Ее морозецъ—все отдать готова,
Чтобъ воротить потерянное время.
Кто о плащѣ заботится, когда
Ужъ видитъ, что некрапываетъ дождикъ,
Тому немудрено промокнуть раньше,
Чѣмъ спохватиться онъ успѣетъ. Намъ,
И скарбомъ и семьей обремененнымъ,
Зѣвать нельзя: понадобится помощь,
А мы ее, глядишь, и упустили.

1-ый ФРАНЦУЗЪ.

Въ удачу вы извѣрились, я вижу,
И ждете пораженія.

3-ій ФРАНЦУЗЪ.

Кто знаетъ!
На худшее разсчитывать-то лучше.

1-ый ФРАНЦУЗЪ.

Нѣтъ, лучше биться, чѣмъ бросать въ бѣдѣ
Родной очагъ, забывши долгъ сыновній.

2-ой ФРАНЦУЗЪ.

Да что жъ! у насъ и такъ довольно войска
Въ сравненьи съ жалкой горсточкой враговъ,
Но правда не на нашей сторонѣ—
Не намъ и побѣждать: вѣдь по родству
Всѣхъ ближе Эдуардъ, родной племянникъ;
А Іоаннъ—изъ третьяго колѣна.

ЖЕНЩИНА.

И много о пророчествѣ толкуютъ,
Что сказано однимъ монахомъ бывшимъ,—

А ужъ не разъ предсказывалъ онъ вѣрно;
Пророчество такое: скоро, скоро
Съ заката левъ появится у насъ
И лилію французскую утащитъ.

Поспѣшно входитъ еще ФРАНЦУЗЪ.

4-ЫЙ ФРАНЦУЗЪ.

Бѣгите, земляки мои, французы!
Цвѣтущій міръ, счастливой жизни корень,
Покинутъ и совсѣмъ изъ края изгнанъ:
Взамѣнъ его разбойница-война,
Какъ воронье, на крышахъ примостилась;
Убійство и грабежъ, все разрушая,
По улицамъ гуляютъ невозбранно,—
Въ чемъ я сейчасъ наглядно убѣдился
На этой вотъ горѣ. Насколько взора
Хватило моего, огнемъ объятыхъ
Пять городовъ увидѣлъ я,—какъ печь,
Поля и виноградники пылали;
А тамъ, гдѣ дымъ разсѣивался вѣтромъ,
Я различалъ и жителей несчастныхъ,
Хоть отъ огня и спасшихся, но тутъ же
На англійскія пики попадавшихъ.
Бичи судьбы разгнѣванной тремя
Дорогами несутъ намъ страхъ и гибель:
Правѣй идетъ король побѣдоносный,
Лѣвѣй—неудержимо-пылкій принцъ,
А посрединѣ—цвѣтъ англійской рати;
Всѣ врозь еще пока, но за собою
Вездѣ опустошенье оставляютъ.
Бѣгите же, коль вы благоразумны,
Подальше укрывайтесь, чтобъ сквозь слезы
Не увидать, какъ вашихъ женъ подвергнутъ
Безчестію, а васъ самыхъ ограбятъ.
Ужъ буря надвигается—спѣшите!
Скорѣй! скорѣй! я слышу барабаны.
Боюсь—я о несчастная страна!—
Что рухнешь ты, какъ шаткая стѣна.
(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Тамъ же.

Барабаны. Входятъ КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ, ДЕРБИ *и другіе, во главѣ маршрующаго войска и,*—ГОВЕНЪ ДЕ-ГРЕЙ.

ЭДУАРДЪ.

Гдѣ тотъ французъ, который такъ искусно
Насъ бродомъ черезъ рѣчку переправилъ
И показалъ, какъ переѣхать море?

ГОВЕНЪ.

Здѣсь, государь.

ЭДУАРДЪ.

А какъ тебя зовутъ?

ГОВЕНЪ.

Гобенъ де-Грей зовусь я, ваша милость.

ЭДУАРДЪ.

Такъ вотъ, Гобенъ, за важную услугу
Тебя мы на свободу отпускаемъ—
И, кромѣ этого, еще въ награду
Отъ насъ пятьсотъ червонцевъ ты получишь.
Но почему мы съ сыномъ до сихъ поръ
Не встрѣтились? Его я жажду видѣть.

Входитъ АРТУА.

АРТУА.

Я съ доброй вѣстью, государь: за мною—
И принцъ, и лордъ Одлей, и всѣ другіе,
Съ кѣмъ намъ сойтись никакъ не удавалось.

Барабаны. Входятъ ПРИНЦЪ ВЕЛЬСКІЙ, ОДЛЕЙ *и войска.*

ЭДУАРДЪ.

Здорово, милый принцъ. Какъ шли дѣла
Съ тѣхъ поръ, какъ ты на берегу французскомъ?

ПРИНЦЪ.

Благодаря Всевышняго, успѣшно.
Достались намъ столь сильныя твердыни,
Какъ Ло, Гарфлэръ, Кротажъ и Карентанъ;
И прочихъ городовъ мы не щадили,
Повсюду оставляя за собою
Широкое для разоренья поле.
Покорность изъявившихъ мы, конечно,
Прощали—но упорныхъ и строптивыхъ
Обуздывали карой безпощадной.

ЭДУАРДЪ.

О Франція! зачѣмъ ты отвергаешь
Объятія друзей своихъ? Какъ нѣжно
Хотѣли мы груди твоей коснуться—
Ступить на землю мягкую твою!
А ты, въ своей заносчивой гордынѣ,
Какъ жеребецъ, уздою не смиренный,—
Отпрянувъ, насъ лягнула. Нэдъ, скажи-ка:
Французскаго престола похититель
Не встрѣтился ль тебѣ?

ПРИНЦЪ.

Да, государь,
Часа лишь два тому назадъ, не больше,
Я съ берега рѣки его увидѣлъ
На противоположномъ берегу—
И до ста тысячъ воиновъ съ нимъ было.
Боялся я, что нашей слабой рати

Пришелъ конецъ; но онъ, лишь насъ примѣтилъ,
Тотчасъ же отступилъ къ полямъ Кресси,
Гдѣ видимо, судя по строю войска,
Намъ хочетъ дать сраженіе.

Эдуардъ.

Добро
Пожаловать: мы ждемъ нетерпѣливо.

Барабаны. Входятъ король Іоаннъ, Карлъ *и* Филиппъ, *его сыновья*, король Богемскій, герцогъ Лотарингскій *и войска.*

Іоаннъ.

Знай, Эдуардъ, что истинный король
Французскій, Іоаннъ, съ негодованьемъ
Взирая на твое къ нему вторженье,
На грабежи твои и на убійства,—
Плюетъ тебѣ въ лицо; а дальше слушай,
Что на словахъ онъ къ этому прибавитъ.
Начну съ того, что назову тебя
Разбойникомъ, бродягой, оборванцемъ,
Которому приткнуться даже негдѣ,
А ежели и есть, то на землѣ,
Лишенный травъ и злаковъ,—и который
Живетъ лишь воровствомъ; потомъ скажу,
Что, вмѣстѣ съ долгомъ вѣрности, нарушивъ
Нашъ договоръ, ты поступилъ, какъ самый
Послѣдній негодяй; а напослѣдокъ,
Хоть и постыдно мнѣ съ такою мразью
Въ сношеніе входить,—но, такъ какъ ты
За золотомъ лишь гонишься, стремишься
Лишь страхъ внушить, а не любовь, то вѣдай:
Чтобъ накормить вдвойнѣ твою утробу,
Принесъ съ собой я множество сокровищъ—
И жемчуга и денегъ. Прекрати же
Преслѣдованье слабыхъ, покажи,
Оружіе съ оружіемъ скрестивши,
Что ты, по мелочамъ воруя, можешь
И честно завоевывать добычу.

Эдуардъ.

О, если бы полынь иль желчь имѣли
Пріятный вкусъ, была бы слаще меда
Мнѣ рѣчь твоя; но, такъ какъ вкусъ ихъ гадокъ,
То и твои слова полны отравой—
И вотъ тебѣ отвѣтъ на бранный лепетъ.
Коль честь мою хотѣлъ ты запятнать
Иль омрачить мой родъ блестящій—вѣдай:
Я посмѣюсь надъ этимъ волчьимъ воемъ.
Коль ты хотѣлъ снискать людскую милость
И жалкими румянами блудницы
Прикрыть свое презрѣнное дѣянье—
Слиняютъ краски скоро, будь увѣренъ,
И грязь твоей души наружу выйдетъ;
Но, если раздразнить меня ты думалъ,
Считая, что имѣешь дѣло съ трусомъ
Иль съ байбакомъ, нуждающимся въ шпорахъ,—
Сообрази, какъ на морѣ я медлилъ,
Какъ города не разгромлялъ на сушѣ
И какъ, остановившись на прибрежьи,
Безпечному покою предавался.
Вѣдь, если я тебѣ не подражаю,
Не ясно ль, что ищу я не добычи?
Далъ клятву я сорвать съ тебя вѣнецъ—
Иначе одному изъ насъ конецъ!

Принцъ.

Не ожидай отъ насъ отвѣтной брани
Иль злобнаго глумленья и проклятій:
Пусть жалятъ языками между скалъ
Таящіяся змѣи—за себя же
Мы говорить мечи свои заставимъ.
Но вотъ, что съ позволенія отца
Скажу тебѣ: какъ у тебя изъ глотки
Выходитъ только ложь и клевета,
А мы стоимъ за правду,—такъ сегодня
Окончиться должна и наша битва;
Одинъ торжествовать побѣду будетъ,
Другой стяжаетъ вѣчное безчестье.

Эдуардъ.

Пустыя пререканія! я знаю,
Что совѣсть говорить ему иное.
Готовъ ли ты отречься, Валуа,
Покуда серпъ не тронулъ ржи иль въ пламя
Не превратилась вспыхнувшая ярость?

Іоаннъ.

Я знаю, Эдуардъ, твои права;
Но, прежде чѣмъ я отрекусь постыдно,
Равнина станетъ озеромъ кровавымъ
И въ бойню вся окрестность превратится.

Принцъ.

Теперь ты весь намъ виденъ: не отецъ,
Не государь, не пастырь ты, а извергъ
Родной страны,—какъ лютый тигръ, ее
Терзающій и кровь ее сосущій.

Одлей.

И вы, вельможи Франціи, идете
За тѣмъ, кто вашу жизнь ни въ грошъ не ставитъ!

Карлъ.

За кѣмъ же имъ идти, мозглякъ несчастный,
Какъ не за ихъ законнымъ государемъ?

Эдуардъ.

Ужель его коришь ты тѣмъ, что время
Лицо ему избороздило? Знай,

Позволь мнѣ поспѣшить съ отрядомъ къ
принцу,
Которому погибель угрожаетъ!
Подобно муравьямъ, кишатъ французы
Вокругъ него; а онъ, какъ левъ, попавшій
Во вражескія сѣти, изступленно
Ихъ дергаетъ, грызетъ,—но все напрасно:
Не вырваться ему!

ЭДУАРДЪ.

Одлей, довольно!
Ты жизнью отвѣчаешь, если къ принцу
Пошлешь хоть одного солдата. Нынче
Его отвагѣ юной суждено
Созрѣть и закалиться: проживи
Онъ столько же, какъ Несторъ,—будетъ
помнить
Всю жизнь о славномъ подвигѣ.

ДЕРВИ.

Увы!
Не проживетъ.

ЭДУАРДЪ.

Тогда его прославимъ
Мы надписью надгробною.

ОДЛЕЙ.

Отдать
На жертву кровь его, когда возможно
Ее сберечь,—не произволъ ли это,
Добрѣйшій государь?

ЭДУАРДЪ.

Молчи! Кто скажетъ
Навѣрняка, что мы ему поможемъ?
Что онъ ужъ не убитъ иль не въ плѣну?
Спугните-ка вы сокола на взлетѣ—
Въ какую онъ ворону обратится!
Удастся намъ спасти его, допустимъ,—
Такъ и впередъ онъ станетъ ждать того же;
Спасется жъ самъ—бояться смерти будетъ
Не больше, чѣмъ ребенка иль раба.

ОДЛЕЙ.

Безжалостный отецъ! Прощай, нашъ принцъ!

ДЕРВИ.

Прощай, надежда рыцарства!

АРТУА.

О, если бъ
Я жизнью могъ купить его у смерти!

ЭДУАРДЪ.

Постойте! Я, какъ будто, слышу трубы—
Зловѣщій звукъ отбоя. Вѣдь не всѣ же,
Надѣюсь, тамъ погибли: кто-нибудь
Съ хорошей иль дурной вернется вѣстью.

Трубы. Торжественно входитъ ПРИНЦЪ ЭДУАРДЪ, *держа въ рукѣ разбитое копье; передъ нимъ несутъ его мечъ и погнувшіяся латы, а за нимъ—тѣло Богемскаго короля, завернутое въ знамена. Лорды спѣшатъ къ принцу съ объятіями.*

ОДЛЕЙ.

Живъ побѣдитель! живъ!

ДЕРВИ.

О принцъ отважный!
Привѣтъ тебѣ.

ЭДУАРДЪ.

Привѣтъ Плантагенету.
(Обнимаетъ его).

ПРИНЦЪ.

Сначала долгъ исполню я.
(Преклоняетъ колѣни и цѣлуетъ руку отца).
Привѣтъ
И благодарность вамъ отъ сердца, лорды.
Преодолѣвъ и зимнія невзгоды
И ярость волнъ морскихъ, уйдя отъ безднъ
Зіяющихъ, отъ скалъ вооруженныхъ,—
Привелъ корабль я къ пристани желанной,
Гдѣ всѣ мои надежды и награда;
И вотъ я здѣсь, колѣнопреклоненный,
А вотъ и жатва первая меча,
Которую я снялъ въ предверьи смерти,—
Король Богемскій, мной самимъ сраженный.
Его войска меня кругомъ тѣснили:
Для ихъ мечей, какъ молоты тяжелыхъ,
Мой шлемъ былъ наковальней, — но под-
держку
Я въ мраморной своей отвагѣ черпалъ;
Когда же утомившіяся руки
Мнѣ стали измѣнять, какъ дровосѣку
Топоръ передъ громадою дубовъ,
Тогда я тутъ же всполнилъ и о вашихъ
Дарахъ и о своемъ обѣтѣ пылкомъ:
Отвага мнѣ вернула бодрость духа,
Я силой прорубилъ себѣ дорогу—
И врагъ бѣжалъ. Десница Эдуарда,
Какъ видите, свершила то, что ей
Велѣли вы и долгъ.

ЭДУАРДЪ.

Да, Нэдъ, безспорно
Ты рыцарское званье заслужилъ.
Твоимъ мечомъ, еще донынѣ теплымъ
(взявъ мечъ у солдата и коснувшись имъ колѣнопреклоненнаго принца)
Отъ крови тѣхъ, кто смерть тебѣ готовилъ,—
Тебя я посвящаю. Встань же, рыцарь!
Сегодня праздникъ мнѣ: въ тебѣ обрѣлъ я
Достойнаго наслѣдника престола.

ПРИНЦЪ.

Вотъ перечень подробный, государь,
И принцевъ именитыхъ, и бароновъ,
И рыцарей французской рати: двѣсти
Одиннадцать легло въ сраженьи, всѣхъ же
Убито тридцать тысячъ—въ тридцать разъ
Потеря больше нашей.

ЭДУАРДЪ.

Слава Богу!
Теперь ты, Іоаннъ, едва ли скажешь,
Что Эдуардъ—пьянчуга, похотникъ
Разслабленный, собравшій подъ знамена
Не воиновъ, а клячъ. Куда жъ король
Укрылся?

ПРИНЦЪ.

Въ Пуатье—со всѣмъ потомствомъ.

ЭДУАРДЪ.

Ты, Нэдъ, и ты, Одлей,—за нимъ вдогонку;
А я и Дерби—прямо на Калэ:
Осадѣ мы подвергнемъ этотъ городъ.
Недалека развязка, бейте звѣря,
Пока онъ на бѣгу. Скажите, что
Изображаетъ это?

(*Указываетъ на знамя*).

ПРИНЦЪ.

Пеликана.
Онъ клювомъ раздираетъ грудь и кровью,
Изъ сердца исходящею, питаетъ
Дѣтенышей; девизъ же: „sic et vos",—
По-нашему: „Вы такъ же поступайте".

(Трубы. Всѣ торжественно уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Бретань. Лагерь англичанъ. Палатка Салисбэри.

Войска Салисбэри. Входитъ Салисбэри; *къ нему подходитъ* Монфоръ, *со свитой,—въ рукахъ у него герцогская корона.*

МОНФОРЪ.

Я вамъ обязанъ тѣмъ, лордъ Салисбэри,
Что недругъ мой Карлъ де-Блуа сраженъ
И герцогствомъ Бургундскимъ я владѣю
Попрежнему. Въ признательность и вамъ
И государю вашему за помощь,
Рѣшился я стать подданнымъ его
Величества: прошу васъ передать
Ему корону эту вмѣстѣ съ клятвой
Быть преданнымъ слугою Эдуарда.

САЛИСБЭРИ.

Беру, Монфоръ. Недолго ужъ, надѣюсь,
Намъ ждать, чтобъ всѣ французскія владѣнья
Его рукѣ побѣдной подчинились.

(Монфоръ и свита уходятъ).

Не знаю, какъ пробраться безопаснѣй
Въ Калэ, чтобъ государя повидать:
Мнѣ въ письмахъ сообщаютъ, что съ войсками
Туда теперь онъ двинуться намѣренъ.
Пожалуй, такъ; да, это лучшій способъ.
Эй, кто тамъ! Привести ко мнѣ Вильера.

Входитъ Вильеръ.

САЛИСБЭРИ.

Вильеръ, тебѣ извѣстно, что отнынѣ
Ты плѣнникъ мой—и отъ меня зависитъ
На волю отпустить тебя за выкупъ
Въ сто тысячъ франковъ иль въ плѣну оставить.
Но такъ теперь выходитъ, что свободу
Купить за плату меньшую ты можешь;
А именно: добудь мнѣ только пропускъ
Отъ герцога Нормандскаго, чтобъ я
Черезъ его владѣнья до Калэ
Доѣхалъ безпрепятственно (нетрудно,
Я думаю, тебѣ устроить это:
Ты говорилъ вѣдь, помнится, что съ Карломъ
Учились вмѣстѣ вы); добудешь пропускъ—
На всѣ четыре стороны. Что скажешь?
Берешься ли?

ВИЛЬЕРЪ.

Берусь, милордъ; но долженъ
Для этого я герцога увидѣть.

САЛИСБЭРИ.

Само собой. Такъ на коня скорѣе—
И въ путь,—съ условіемъ, однако: честью
Мнѣ поклянись, что, если неудачу
Потерпишь,—въ плѣнъ немедленно вернешься;
Мнѣ большаго ручательства не надо.

ВИЛЬЕРЪ.

Согласенъ на условіе, милордъ,
И выполню его безъ отступленья.

САЛИСБЭРИ.

Тогда—прощай, Вильеръ.

(Вильеръ уходитъ).

Хочу разъ въ жизни
Надъ вѣрностью француза сдѣлать опытъ.

СЦЕНА II.

Пикардія. Англійскій лагерь передъ Калэ.

Входятъ КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ *и* ДЕРБИ, *съ солдатами.*

ЭДУАРДЪ.

Они не принимаютъ нашихъ мирныхъ
Условій и воротъ не отпираютъ;
Поэтому должны мы осадить
Проклятый городъ, чтобы ни припасы
Ни войско не могли въ него проникнуть:
Мечамъ покой—и пусть воюетъ голодъ.

ДЕРБИ.

Имъ помощи не будетъ: подкрѣпленья
Другимъ путемъ направлены—и скоро
Раскаются они въ своемъ упорствѣ.
(Входитъ нѣсколько бѣдныхъ французовъ).
Кто эти оборванцы, государь?

ЭДУАРДЪ.

Спроси; должно быть, горожане.

ДЭРБИ.

Кто вы,
Носители отчаянья и горя?
Живые ли вы люди, или тѣни,
Что выползли на землю изъ могилъ?

1-Й ФРАНЦУЗЪ.

Не тѣни мы, милордъ: мы дышемъ жизнью
Тягчайшею, чѣмъ тихій смертный сонъ;
Мы—бѣдные, больные горожане,
Въ отчаяніе впавшіе калѣки.
Къ военной службѣ мы негодны стали—
И выгналъ насъ изъ города начальникъ,
Припасами съѣстными дорожа.

ЭДУАРДЪ.

Вполнѣ и милосердно, и похвально.
Но что жъ теперь вы думаете дѣлать?
Мы съ вами во враждѣ—и нѣтъ иного
Намъ выбора, какъ васъ казнить: зачѣмъ
Вы мирныя условія отвергли!

1-Й ФРАНЦУЗЪ.

Коль ваша милость такъ рѣшить изволитъ—
Мы примемъ смерть, какъ приняли бы жизнь.

ЭДУАРДЪ.

Имъ горше отъ бѣды, чѣмъ отъ обиды!
Займись-ка, Дерби, этими глупцами:
Вели снабдить ихъ пищей, а потомъ
Дай каждому пять кронъ.

(Дерби и французы уходятъ).

Такой добычи,
Что въ ротъ сама суется, льву не надо—
И Эдуардовъ мечъ питаться долженъ
Лишь тѣми, чье упорство принуждаетъ
Къ насилію.

Входитъ ПЕРСИ, *прибывшій изъ Англіи.*

ЭДУАРДЪ.

А Перси! Что привезъ?

ПЕРСИ.

Поклонъ вамъ, государь, отъ королевы
И отъ нея же, съ вице-королемъ,
Отрадное извѣстье о побѣдѣ:
Возставшій противъ васъ Давидъ Шотландскій
(Разсчитывалъ онъ пользу, вѣроятно,
Изъ вашего отсутствія извлечь),
Благодаря усердной службѣ пэровъ
И личному участью королевы.
Беременностью даже пренебрегшей,—
Ужъ не король, а вашъ военноплѣнный.

ЭДУАРДЪ.

Сердечное спасибо за такое
Извѣстье. Кто жъ взялъ въ плѣнъ его?

ПЕРСИ.

Эсквайръ
Сэръ Джонъ Коплендъ; на просьбы королевы
Рѣшительнымъ отказомъ отвѣчая,
Онъ лично вашей милости намѣренъ
Свою добычу выдать, чѣмъ ея
Величество огорчено не мало.

ЭДУАРДЪ.

Тогда сейчасъ же мы гонца отправимъ
И вызовемъ Копленда: пусть съ собою
И плѣнника прихватитъ.

ПЕРСИ.

Королева
Сама теперь ужъ въ морѣ, государь:
Она въ Калэ сойти предполагаетъ,
Чуть вѣтра лишь попутнаго дождется.

ЭДУАРДЪ.

Я буду очень радъ—и въ ожиданьи
Велю шатеръ на берегу раскинутъ.

Входитъ ФРАНЦУЗСКІЙ ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Король всевластный! Граждане Калэ
Рѣшили на совѣтѣ добровольномъ
Сдать городъ вамъ и крѣпость, съ тѣмъ, однако,

Условіемъ, что государь изволитъ
Имъ даровать и жизнь, и достоянье.

Эдуардъ.

Вотъ какъ! Тогда пускай мнѣ шлютъ указы,
Рѣшаютъ всѣ дѣла и правятъ сами.
Нѣтъ молодецъ! скажи имъ, что, отвергнувъ
Предложенную милость, навсегда
Они ее лишились: въ ходъ отнынѣ
Огонь и мечъ пущу я—развѣ только
Въ теченіе двухъ сутокъ шестерыхъ,
Изъ самыхъ именитыхъ гражданъ вышлютъ
Ко мнѣ въ однѣхъ рубашкахъ полотняныхъ,
Съ веревкою у каждаго на шеѣ,
Чтобъ, распростершись ницъ, готовы были
Принять побои, смерть—что пожелаю.
Такъ ихъ степенствамъ и скажи.

(*Эдуардъ и Перси уходятъ*).

Военачальникъ.

Что значитъ
На сломанный-то посохъ опираться!
Не будь мы такъ увѣрены, что помощь
Окажетъ намъ король, не стали бъ такъ
Упорствовать. Но каяться ужъ поздно:
На жертву отдавая шестерыхъ.
Отъ смерти мы спасаемъ остальныхъ.

СЦЕНА III.

Пуату. Поля близъ Пуатье. Французскій лагерь. Палатка герцога Нормандскаго.

Входятъ Карлъ *и* Вильеръ.

Карлъ.

Дивлюсь, Вильеръ, что ты мнѣ докучаешь.
Радѣя о врагѣ смертельномъ нашемъ.

Вильеръ.

Не за него, великодушный принцъ,
Являюсь я ходатаемъ усерднымъ:
Свой выкупъ я уплачиваю этимъ.

Карлъ.

Твой выкупъ? Да зачѣмъ же онъ тебѣ?
Ты развѣ не свободенъ? Не должны ли
За шиворотъ хватать мы каждый случай,
Намъ первенство дающій надъ врагами?

Вильеръ.

Не каждый, добрый принцъ, а лишь на правѣ
Основанный; иначе это будетъ
Ужъ низостью. Но споръ завелъ бы насъ
Далеко. Соизволите ли ваше
Высочество пожаловать мнѣ подпись?

Карлъ.

И не хочу и не могу, Вильеръ
Нельзя дать столько воли Салисбэри,
Чтобъ требовать онъ пропуска былъ вправѣ.

Вильеръ.

Тогда одинъ мнѣ путь: опять въ тюрьму
Отправиться, откуда я къ вамъ прибылъ.

Карлъ.

Опять въ тюрьму? Ты этого, надѣюсь,
Не сдѣлаешь, Вильеръ? Какая жъ птица,
Случайно изъ сѣтей освободившись,
Не станетъ ихъ впередъ остерегаться?
Какой же человѣкъ, едва избѣгнувъ
Опасности, въ нее полѣзетъ снова?

Вильеръ.

Но я далъ клятву, принцъ; ее нарушить
Не позволяетъ совѣсть мнѣ—иначе
Меня назадъ и царство не сманило бъ.

Карлъ.

А развѣ ты во всемъ повиноваться
Не клялся государю своему?

Вильеръ.

Повиноваться въ томъ, что справедливо;
Когда же убѣжденьемъ иль насильемъ
Меня неволятъ слову измѣнить—
Тогда повиноваться я не долженъ.

Карлъ.

Такъ ближняго убить—проступокъ меньшій,
Чѣмъ данную врагу нарушить клятву?

Карлъ.

Когда мы убиваемъ на войнѣ,
Мы мстимъ за нанесенныя обиды—
И нѣтъ въ такомъ убійствѣ преступленья,
Добрѣйшій принцъ; но клясться мы должны
Обдуманно, а разъ ужъ дали клятву—
Блюсти ее хотя бъ цѣною жизни.
По этому въ тюрьму я отправляюсь
Съ такою же охотою, какъ въ рай.

(*Хочетъ идти*).

Вильеръ.

Остановись, Вильеръ. Твоя душа
Высокая достойна преклоненья.
Просить тебя ужъ больше не придется;
Давай сюда бумагу—подпишу.

(*Подписываетъ и возвращаетъ*).

Я до сихъ поръ любилъ въ тебѣ Вильера—
Теперь себя второго обнимаю.
Останься же подъ кровомъ благосклоннымъ!

Вильеръ.

Благодарю смиренно вашу милость

Немедленно отправлю къ графу пропускъ—
И въ вашу власть предамъ себя.
(Уходитъ).

Карлъ.

Ступай.—
Съ такими молодцами Карлу можно
Глядѣть въ лицо всѣмъ бѣдамъ безтревожно.

Входитъ король Іоаннъ.

Іоаннъ.

Впередъ! впередъ! попался Эдуардъ:
Принцъ Вельскій окруженъсовсѣмъ вплотную
И вырваться ему ужъ не удастся.

Карлъ.

Какъ, государь? вторичный бой сегодня?

Іоаннъ.

Еще бы, Карлъ! У нихъ лишь тысячъ восемь,
У насъ же мало-мало шестьдесятъ.

Карлъ.

Я, государь, прочту вамъ предсказанье,
О томъ, какая предстоитъ удача
Намъ въ этой омерзительной войнѣ:
Мнѣ далъ его въ Кресси, на полѣ битвы,
Живущій тамъ отшельникъ престарѣлый.
(Читаетъ).
„Какъ только рать твоя отъ птицъ вся задрожитъ
И градомъ на нее посыплются каменья,
Такъ вспомни ты о томъ, кто правды не таитъ:
То будетъ страшный день стенанья и смятенья;
Но въ сердце Англіи и ты—настанетъ мигъ—
Проникнешь, какъ твой врагъ во Францію проникъ".

Іоаннъ.

Да, это намъ побѣду предвѣщаетъ.
Какъ допустить немыслимо, чтобъ камни
Побили наше войско или птицы
Вогнали въ дрожь его, такъ допустимо
Вполнѣ, что мы избѣгнемъ пораженья;
А если нѣтъ, то все же напослѣдокъ
Прогонимъ мы врага и разоримъ
Его страну, какъ разорилъ онъ нашу;
Въ потеряхъ насъ утѣшитъ месть. Однако,
Все это—вздоръ, мечты; лишь вѣрно то,
Что сынъ сидитъ въ тенетахъ нашихъ прочно
Теперь отца поймать бы такъ же точно.

СЦЕНА IV.

Тамъ же. Англійскій лагерь.

Входятъ принцъ Эдуардъ, Одлей *и другіе.*

Принцъ.

Повсюду мы, Одлей, въ объятьяхъ смерти:
Одна утѣха намъ, что тяжкой данью
Мы доступъ къ лучшей жизни покупаемъ.
На полѣ у Кресси французскихъ мошекъ
Разсѣяли мы дымомъ боевымъ;
Теперь же ихъ мильоны закрываютъ
Прекрасное пылающее солнце,
Не оставляя намъ иной надежды,
Какъ на слѣпую тьму зловѣщей ночи.

Одлей.

На диво, принцъ, въ такой короткій срокъ
Они собраться съ силами съумѣли.
Король стоитъ въ долинѣ передъ нами:
Въ рукахъ его вся мощь земли и неба—
Одинъ отрядъ всей нашей рати больше.
Его наслѣдникъ храбрый, Карлъ Нормандскій
Украсилъ холмъ, отъ насъ лежащій вправо,
Броней блестящей такъ, что онъ подобенъ
Серебряному шару, а поверхъ
Знамена и безчисленные флаги
Отъ вѣтра отбиваются, который,
Ихъ пестрядью нарядною прельстившись,
Все льнетъ къ нимъ съ поцѣлуями. Налѣво
Расположился младшій сынъ, Филиппъ—
И холмъ его уже въ иномъ убранствѣ:
Прямыя позолоченныя копья
Похожи на деревья золотыя,
Знамена же—на листья между ними
Красуются гербы, какъ въ гесперидскихъ
Садахъ плоды диковинные. Холмъ,
Что за спиной у насъ (вѣдь мы объяты
Рогатымъ полумѣсяцемъ, открытымъ
Съ одной лишь стороны), тотъ холмъ унизанъ
Стрѣлками смертоносными—и боемъ
Тамъ Шатильонъ свирѣпый руководитъ.
Вотъ наше положеніе: долину
Король намъ замыкаетъ, по бокамъ
Насъ оба сына стерегутъ, а сзади
Мы подъ дозоромъ смерти неминучей,
Наемницы усердной Шатильона.

Принцъ.

Страшнѣе слово „смерть", чѣмъ смерть на дѣлѣ,
И, сосчитавъ подробно вражьи силы,
Ты ихъ преувеличилъ. Какъ ни много
Въ моей рукѣ песчинокъ, все же это
Лишь пригоршня, которую легко мнѣ
Подбросить вверхъ и по вѣтру пустить;
Но, если я песчинку за песчинкой

Начну считать, то затуманю память
И тысячу мильоновъ насчитаю
Того, что для меня лишь единица.
Всѣ лагери, полки и эскадроны,
За нами, передъ нами и съ боковъ,—
Одна лишь только рать. У человѣка
Есть сила въ головѣ, въ рукѣ, въ ногѣ:
Какъ будто бы и много силъ, а вмѣстѣ
Все взятое, Одлей, для насъ не больше,
Какъ сила человѣка одного;
Пускаясь въ дальній путь, считаешь мили,
А сосчитай шаги—впадешь въ унынье;
Числа нѣтъ каплямъ, падающимъ съ неба,
А это что такое?—дождь. Одна
Есть Франція, и у нея одинъ же
Единственный король,—другихъ не знаемъ;
Одинъ король—и рать одна; мы тоже
Имѣемъ рать: тутъ сила противъ силы—
И, стало-быть, мы силами равны.
(Входитъ герольдъ).
Что, вѣстникъ, скажешь? Коротко и ясно.

Герольдъ.

Мой государь привѣтъ свой посылаетъ
Черезъ меня тебѣ, врагу, принцъ Вельскій:
Коль отберешь ты сто особъ знатнѣйшихъ,
Сто лордовъ, сквайровъ, рыцарей и прочихъ,
И съ ними самъ падешь къ его ногамъ,—
То сложитъ онъ кровавыя знамена
И выкупъ лишь возьметъ съ тебя, за павшихъ,
Иначе вы прольете крови больше,
Чѣмъ вашей всей землей поглощено.
Какъ отзовешься ты на эту милосердость.

Принцъ.

Лишь небо, что надъ Франціей простерлось,
Смиренно я о милости молю;
Но, чтобъ у человѣка я постыдно
Вымаливалъ ее,—избави Боже!
Скажи ты государю своему
Что у меня языкъ стальной будетъ
О милости просить, стуча по шлему.
Что и у насъ знамена такъ же красны,
И такъ же смѣлы воины, и крѣпко
Оружіе. Неси обратно вызовъ—
Ступай.

Герольдъ.

Иду.
(Уходитъ. Входитъ еще герольдъ).

Принцъ.

Ты съ чѣмъ явился?

Герольдъ.

Герцогъ
Нормандскій, господинъ мой, сожалѣя
Объ юности, на гибель обреченной,
Тебѣ шлетъ быстроногаго коня,
Каково подъ тобою не бывало;
Его совѣтъ—немедленно бѣжать:
Смерть поклялась тебя не выпускать.

Принцъ.

Животное—животному обратно.
Не сяду я, скажи, на клячу труса;
Пусть скачетъ самъ, а я пущусь вдогонку
Искровяну коня и кровью шпоры
Вдвойнѣ позолочу: такъ и скажи
Задорному мальчишкѣ. Убирайся.
(Герольдъ уходитъ. Входитъ еще герольдъ).

Герольдъ.

Принцъ Эдуардъ! второй сынъ короля
Державнѣйшаго Франціи, Филиппъ,
Увѣренный, что смертный часъ твой близокъ,
И движимый любовью христіанской,
Молитвословъ тебѣ вручаетъ—съ тѣмъ,
Чтобъ ты благочестивымъ размышленьямъ
Остатокъ жизни посвятилъ и душу
Къ переселенью въ вѣчность подготовилъ.
Исполнилъ я приказъ—и возвращаюсь.

Принцъ.

Снеси же отъ меня поклонъ Филиппу:
Все доброе приму я отъ него;
Но, обо мнѣ заботясь, бѣдный мальчикъ,
Пожалуй, самаго себя обидѣлъ?
Сдается, онъ иначе, какъ по книжкѣ,
Молиться не умѣетъ. Возврати
Молитвенникъ ему, чтобъ въ часъ невзгоды
Былъ подъ рукой; моихъ грѣховъ, къ тому же
Не знаетъ онъ и потому не можетъ
Рѣшать, какія мнѣ нужны молитвы.
Пока еще свѣтло, пусть молитъ Бога,
Чтобъ слухъ мой преклонилъ къ его моленьямъ.
Такъ наглецу скажи. Ступай.

Герольдъ.

Иду.
(Уходитъ).

Принцъ.

Что значитъ много ихъ! Вотъ и зазнались.
Теперь, Одлей, спроси свои сѣдины;
Пусть мудрость убѣленная свой опытъ
Повѣдаетъ намъ въ этотъ часъ тяжелый.
Не мало битвъ ты въ жизни перенесъ—
И на твоемъ челѣ перомъ желѣзнымъ
Записаны минувшихъ лѣтъ уроки.
Съ бѣдой повѣнчанъ ты; меня же искусъ
Пугаетъ, какъ стыдливую невѣсту:
Какъ быть мнѣ, научи.

Одлей.

И жизнь и смерть
Естественны равно; жизнь достается
Намъ случаемъ, а смерть гоньбой усердной:
Чуть начали мы жить, за смертнымъ часомъ
Ужъ началась гоньба. Сперва мы—почки,
Потомъ—цвѣты и напослѣдокъ—сѣмя;
Тогда мы отпадаемъ и за смертью
Идемъ вослѣдъ, какъ тѣнь идетъ за тѣломъ.
Но почему, боясь, ее мы ловимъ?
Иль почему, ловя ее боимся?
Боязнью вѣдь мы помогаемъ только
Тому, чего боимся, насъ поймать;
А если нѣтъ боязни, то судьбы
Предѣльной грани намъ ничѣмъ не сдвинуть:
Созрѣвъ иль перезрѣвъ, мы отпадаемъ
По жребію—не позже и не раньше.

Принцъ.

А, старина! Я тысячи кольчугъ
Отъ словъ твоихъ почувствовалъ на тѣлѣ.
Какъ жизнь глупа въ твоемъ изображеньи:
Искать, чего боишься! Да и смерть
Съ ея побѣдой царственной не лучше:
Когда за нею гонятся всѣ жизни,
А не она за ними,—что за слава!
За жизнь гроша не дамъ я, а за то,
Чтобъ смерти избѣжать—не дамъ полушки:
Коль жизнь—гоньба за смертью лишь, а смерть—
Начало новой жизни, то пускай же
Придетъ мой часъ, когда Господь захочетъ:
Что жить, что умереть мнѣ все равно.
(Уходитъ).

СЦЕНА V.

Тамъ-же. Французскій лагерь.

Входятъ король Іоаннъ *и* Карлъ.

Іоаннъ.

Внезапный мракъ окуталъ небо, вѣтры
Отъ страха залегли въ свои пещеры,
Не шелохнутся листья, лѣсъ притихъ,
Не слышно птицъ и ласково не шепчутъ
Привѣта берегамъ ручьи живые.
Молчаніе намъ чудо предвѣщаетъ
И, словно, ждетъ пророчества отъ неба:
Въ чемъ, Карлъ, иль въ комъ молчанія причина?

Карлъ.

Разинувъ рты и выпучивъ глаза,
Солдаты наши другъ на друга смотрятъ
И ничего не говорятъ другъ другу:
Отъ ужаса нѣмого день сталъ ночью—
И рѣчи спятъ, когда вокругъ природа
Вся бодрствуетъ.

Іоаннъ.

Чуть выглянуло солнце
На міръ изъ колесницы золотой—
И спряталось опять. Земля похожа
Теперь на гробъ; темна, мертва, безмолвна—
И вся полна какой-то жутью.

(Слышенъ крикъ воронова).

Слышишь?
Что за зловѣщій крикъ?

Карлъ.

Вотъ братъ Филиппъ
Спѣшитъ сюда.

Іоаннъ.

И въ ужасѣ, я вижу.

Входитъ Филиппъ.

Іоаннъ.

Какую вѣсть убійственную ты,
Встревоженный, приносишь?

Филиппъ.

Гибель! гибель!

Іоаннъ.

Что это значитъ, трусъ? не намъ ли гибель?
Ты лжешь: погибнуть мы не можемъ.

Филиппъ.

Гибель!

Іоаннъ.

Приди въ себя, воспрянь упавшимъ духомъ
И объясни, откуда этотъ страхъ,
Тебя уподобляющій видѣнью.
Ну, въ чемъ же дѣло?

Филиппъ.

Гибель воронья
Летаетъ, гнусно каркая, надъ войскомъ
То треугольной, то квадратной стаей,
Смотря по строю части; въ то же время
Густой туманъ поднялся отъ земли,
Завѣсивъ пеленой тяжелой небо
И полдень превративъ въ глухую полночь,
Повисшую надъ міромъ устрашеннымъ.
Оружіе солдаты побросали,
Стоятъ, какъ истуканы, неподвижно
И, блѣдные, лишь смотрятъ другъ на друга.

Іоаннъ.

Сбывается пророчество, но страху
Не долженъ поддаваться я.—Вернись
И ободри смятенныя ихъ души,
Скажи, что воронье ихъ увидало,

Готовыми разить бродягъ голодныхъ,
И, падалью обильною прельстившись,
Заранѣе слетѣлось на обѣдъ.
Мы видимъ умирающую лошадь:
Она еще жива, но, въ ожиданьи,
На ней ужъ птицы хищныя усѣлись.
И это воронье летаетъ такъ же
Надъ нашими несчастными врагами,
Добычу неотъемлемую чуя;
А каркаютъ—поторопиться просятъ.
Ступай, воспламени моихъ солдатъ,
Вели трубить погромче и невиннымъ
Обманомъ сотвори большое дѣло.

Филиппъ уходитъ. Шумъ снаружи. Входитъ ФРАНЦУЗСКІЙ ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ *со взятымъ въ плѣнъ* САЛИСБЭРИ.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.
Вотъ этотъ рыцарь, государь, и сорокъ
Другихъ, то убѣжавшихъ, то убитыхъ,—
Насильно проложить себѣ дорогу
Хотѣли къ одѣпленному ихъ принцу:
Теперь въ твоей онъ власти, повелитель.

ІОАННЪ.
Ступай—и первый сукъ, что попадется,—
Имъ опогань: для англійскаго вора
Считаю я великой честью быть
Повѣшеннымъ на деревѣ французскомъ,

САЛИСБЭРИ.
Но у меня отъ герцога есть пропускъ,
Мнѣ всюду открывающій дорогу.

КАРЛЪ.
Вильеръ тебѣ досталъ, не такъ ли?

САЛИСБЭРИ.
Да.

КАРЛЪ.
Такъ, значитъ, можешь ты идти свободно.

ІОАННЪ.
Да, можешь, безъ помѣхи и задержки—
На висѣлицу прямо. Увести!

КАРЛЪ.
Надѣюсь, государь не опозоритъ
И силы не лишитъ мою печать!
Онъ можетъ предъявить вамъ обѣщанье,
Подписанное этою рукою,—
И лучше мнѣ не называться принцемъ,
Чѣмъ слово, принцемъ данное, нарушить.

ІОАННЪ.
Какъ, сынъ мой, ты подвластенъ мнѣ со всѣми
Своими обѣщаньями; не вправѣ-ль
Я всякое нарушить? Что постыднѣй:
Ослушаться отца иль обѣщанья
Не выполнить? Въ извѣстныхъ лишь предѣлахъ
Имѣетъ силу слово, только тотъ
Довѣріе обманываетъ наше,
Кто слово нарушаетъ добровольно,
Но не обманщикъ тотъ, кого неволятъ.
Повѣсьте же его. Я отмѣняю
Твое распоряженье—и это
Вполнѣ съ тебя отвѣтственность снимаетъ.

КАРЛЪ.
Какой же я тогда солдатъ! Прощай,
Оружіе,—борьба пойдетъ иная:
Могу ли я снять поясъ или долженъ
Спросить опекуна, который властенъ
Мнѣ это запретить и разрѣшить?
Когда бъ всѣмъ нашимъ рыцарямъ далъ пропускъ
Принцъ Вельскій черезъ англійскія земли,
Отецъ его—я въ томъ готовъ поклясться—
Не только бъ не препятствовалъ проходу,
Но, сына уважая, угостилъ бы
И рыцарей и свиту ихъ по-царски.

ІОАННЪ.
Примѣрами корить меня ты вздумалъ?
Да будетъ такъ.—Ты кто же, англичанинъ?

САЛИСБЭРИ.
Въ отчизнѣ графъ, здѣсь плѣнникъ, а для тѣхъ,
Кому извѣстенъ лично,—Салисбэри.

ІОАННЪ.
Куда жъ ты, Салисбэри, держишь путь?

САЛИСБЭРИ.
Въ Калэ, гдѣ Эдуардъ, мой повелитель.

ІОАННЪ.
Въ Калэ? Такъ убирайся, Салисбэри,
А королю скажи, чтобъ рылъ могилу
Для царственнаго сына своего.
На западѣ ты встрѣтишь холмъ высокій,
Какъ будто, безъ вершины—потому,
Что на груди небесъ она сокрыта;
Когда твоя нога вершины этой
Коснется, на невѣдомую раньше,
Отнынѣ жъ знаменитую, долину
Брось бѣглый взглядъ: увидишь, какъ желѣзнымъ
Кольцомъ охваченъ бѣдный принцъ. Оттуда
Спѣши въ Калэ, къ отцу,—пусть знаетъ онъ,
Что сынъ расплющенъ мной, а не сраженъ,
И что надъ нимъ еще бѣда витаетъ:

Явлюсь къ нему, когда онъ и не чаетъ.
Ступай! Враговъ мы дымомъ уморимъ,
Коль ядрами не попадемъ по нимъ.

СЦЕНА VI.

Тамъ же. Часть боевого поля. Шумъ битвы.

Входятъ ПРИНЦЪ ЭДУАРДЪ И АРТУА.

АРТУА.

Не ранены вы, принцъ.

ПРИНЦЪ.

Нѣтъ, Артуа;
Я просто здѣсь отъ пыли и отъ дыма
Передохнуть хочу.

АРТУА.

Передохните—
И въ бой опять! Французы растерялись,
Глазѣя на воронъ—и, если бъ наши
Колчаны вновь наполнились стрѣлами,
То сталъ бы этотъ день для насъ днемъ славы:
Побольше стрѣлъ, милордъ, — вотъ, что намъ нужно!

ПРИНЦЪ.

Кой чортъ намъ, Артуа, въ стрѣлахъ пернатыхъ.
Когда у насъ пернатыхъ тварей столько!
Къ чему намъ въ потъ вгонять себя, сражаясь,
Когда враговъ пугаетъ крикъ вороній!
Сама земля вооружаетъ насъ
Кремнями огненосными; вели же
Стрѣлкамъ изъ тиса гибкаго французовъ
Каменьями разить. Смѣлѣй—впередъ!
Душа моя побѣды нынче ждетъ.
(*Уходятъ. Шумъ битвы; отдѣльныя стычки*).

Входитъ КОРОЛЬ ІОАННЪ.

ІОАННЪ.

Средь нашихъ войскъ само собой возникло
Смятеніе; боязнь грядущихъ бѣдъ
Распространила вдругъ холодный ужасъ—
И низменныя души ищутъ въ бѣгствѣ
Защиты отъ малѣйшей неудачи.
Какъ сталь передъ свинцомъ, я передъ ними;
Но, помня предсказаніе и видя
Изъ вражьихъ рукъ летящіе на насъ
Родные наши камни,—самъ поддался
Я страху малодушному невольно.

Входитъ КАРЛЪ.

КАРЛЪ.

Бѣги, отецъ! Французы бьютъ французовъ—
И стойкіе преслѣдуютъ бѣгущихъ:
Отъ барабановъ лишь растетъ унынье,
А трубы о безчестіи вѣщаютъ;
Духъ страха, передъ смертью лишь дрожащій,
Торопится навстрѣчу смерти самъ.

Входитъ ФИЛИППЪ.

ФИЛИППЪ.

Глаза намъ надо вырвать, чтобъ не видѣть
Позора дня! Одинъ Давидъ убогій
Прикончилъ двадцать мощныхъ Голіаѳовъ:
Кремнями двадцать тощихъ проходимцевъ
Смутили и разстроили ряды
Бойцовъ, на удивленье снаряженныхъ.

ІОАННЪ.

Mordieu, они швыряютъ въ насъ каменья—
И сорока холопами побиты
Отборныхъ сорокъ тысячъ копьеносцевъ!

КАРЛЪ.

Зачѣмъ я не въ иной странѣ родился!
Французы опозорены сегодня—
Теперь надъ ними всѣ глумиться будутъ.

ІОАННЪ.

Ужель надежды нѣтъ?

ФИЛИППЪ.

Одна надежда
На то, что смерть нашъ стыдъ въ землѣ схоронитъ.

ІОАННЪ.

Тогда—продолжимъ бой! Двадцатой доли
Оставшихся въ живыхъ у насъ довольно
На горсть враговъ.

КАРЛЪ.

Идемъ же! Если небо
Не противъ насъ—мы счастье отвоюемъ.

ІОАННЪ.

За мной! за мной!
(*Уходятъ*).

Шумъ битвы. Входятъ раненный ОДЛЕЙ *и* ДВА, *освободившіе его*, ЩИТОНОСЦА.

1-Й ЩИТОНОСЕЦЪ.

Какъ чувствуете вы
Себя, милордъ?

ОДЛЕЙ.

Какъ чувствуетъ себя
На пиршествѣ кровавомъ побывавшій.

2-Й ЩИТОНОСЕЦЪ.

Надѣюсь, не смертельна ваша рана?

Одлей.

А хоть бы и смертельна! На худой
Конецъ однимъ лишь смертнымъ станетъ меньше.
Теперь меня вы къ принцу Эдуарду
Сведите, чтобы я, въ вѣнцѣ кровавомъ,
Отъ сердца могъ привѣтствовать его
И весело сказать, что эта рана—
Послѣдній плодъ изъ жатвы ветерана.
(Уходятъ. Шумъ новыхъ стычекъ; потомъ—отступленіе).

СЦЕНА VII.

Тамъ же. Англійскій лагерь.

Трубы. Торжественно входитъ Принцъ Эдуардъ, *ведя за собою взятыхъ въ плѣнъ* короля Іоанна *и сына его* Карла; *офицеры, солдаты и прочіе съ распущенными знаменами.*

Принцъ.

Ну, гдѣ жъ твои знамена, Іоаннъ,
Во Франціи ужъ ставшій не Французскимъ?
Давно ль и ты, надменный Карлъ Норманд-скій,
Мнѣ присылалъ коня для бѣгства? Оба
Вы милости моей теперь подвластны.
Ахъ, господа! не стыдно ли, что вамъ
Чужіе безбородые мальчишки
На вашей же землѣ, одинъ на двадцать,
Такое пораженіе наносятъ!

Іоаннъ.

Не мощь твоя, а счастье побѣдило.

Принцъ.

Кто правъ, тому и небо помогаетъ.

Входятъ Артуа *съ* Филиппомъ.

Принцъ.

Смотрите: Артуа—и съ нимъ усердный
Печальникъ о душѣ моей! Добро
Пожаловать. Кому жъ изъ насъ, Филиппъ,—
Тебѣ иль мнѣ нужны теперь молитвы?
По нашей-то пословицѣ и вышло:
День вечеромъ, а утро днемъ хвали.

Входитъ Одлей, *котораго ведутъ два щитоносца.*

Принцъ.

А это что за призракъ мрачной скорби?
О, сколько тысячъ рукъ лицо Одлея
Отмѣтили печатью роковою?
Ты, смерть свою встрѣчающій съ улыбкой
И радостно смотрящій въ глубь могилы,
Какъ бы въ глаза возлюбленной,—скажи мнѣ,
Чей алчный мечъ впился въ твое лицо
И друга отъ души моей отторгнулъ?

Одлей.

О принцъ! въ твоей отъ сердца рѣчи слышу
Я погребальный звонъ передъ кончиной.

Принцъ.

Коль мой языкъ вѣщаетъ смерть Одлею,
Могилой пусть мои объятья будутъ.
Какъ мнѣ спасти тебя? твоимъ убійцамъ
Чѣмъ отомстить? Ты крови королевской
Не жаждешь ли? иль мнѣ испить прикажешь?
Я здравицу провозглашу тотчасъ же.
Иль, можетъ быть, почетъ тебя излѣчитъ?
Тогда всю славу нынѣшняго дня
Возьми себѣ—и самъ въ живыхъ останься.

Одлей.

Побѣдоносный принцъ,—да, короля
Плѣнивъ, какъ Цезарь, ты побѣдоносенъ!—
Когда бъ свой смертный часъ я могъ отсрочить,
Чтобъ на землѣ проститься съ государемъ,
Душа моя безропотно и мраку,
И тлѣну, и червямъ сдала бы эти
Развалины моей твердыни плотской.

Принцъ.

Бодрись, храбрецъ! Ты слишкомъ гордъ душою,
Чтобъ изъ-за вздорной бреши сдать твердыню:
Небесную жену земного мужа
Способенъ ли прогнать французскій мечъ?
Прими же отъ меня, мой другъ, лѣкарство—
Три тысячи земельнаго дохода.

Одлей.

Приму, чтобъ долгъ священный уплатить:
Рискуя жизнью, эти щитоносцы
Меня освободили отъ французовъ;
И, если, принцъ, меня ты правду любишь—
Да подтвердитъ согласіе твое
Послѣднее желаніе мое.

Принцъ.

Живи, Одлей мой благородный: вдвое
Дарю тебѣ—для нихъ и для тебя,—
И, что ты отдаешь имъ, то навѣки
Закрѣплено за ихъ потомствомъ будетъ.
Теперь—идемъ: испытаннаго друга
Положимъ на удобныя носилки
И двинемся торжественно въ Калэ,
Къ державному отцу, съ трофеемъ славнымъ—
Прекраснѣйшей страны вождемъ державнымъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Пикардія. Англійскій лагерь близъ Кале.

Входятъ КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ *съ* КОРОЛЕВОЙ ФИЛИППОЙ *и* ДЕРБИ; *офицеры, солдаты и прочіе.*

ЭДУАРДЪ.

Довольно, королева успокойся;
Кеплендъ, коль оправдаться не съумѣетъ,
Прочтетъ неодобренье въ нашемъ взорѣ.
Теперь должны мы взять упрямый городъ:
Впередъ! я больше медлить не хочу
И лживымъ проволочкамъ не поддамся;
Рубите все и всѣхъ—добыча ваша!

(Сигналъ къ наступленію. Изъ города выходятъ шесть гражданъ, въ однихъ рубашкахъ, босикомъ, съ веревками на шеяхъ).

ГРАЖДАНЕ.

Пощады, милосердный государь!

ЭДУАРДЪ.

Пощады запросили, негодяи?
Я глухъ къ моленьямъ вашимъ. Барабаны!
(Барабаны бьютъ наступленіе).
Мечи долой!

1-ЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Могучій повелитель,
Повремени и выслушай, что скажемъ!
Мы къ слову королевскому взываемъ:
Двухдневный срокъ еще не миновалъ—
И мы пришли, готовые подвергнуть
Себя и карамъ всяческимъ, и мукамъ,
Народъ бы лишь трепещущій спасти.

ЭДУАРДЪ.

Двухдневный срокъ? Да, я его назначилъ,
Но требовалъ при этомъ, чтобъ съ повинной
Ко мнѣ явились шесть знатнѣйшихъ гражданъ.
А вы-то кто? холопы можетъ статься?
Преступники, грабители морскіе,
Которыхъ, еслибъ строгость въ насъ умолкла,
На казнь бы, все равно, пришлось вести?
Нѣтъ, нѣтъ! вамъ ложью насъ не оплести.

2-ОЙ ГРАЖДАНИНЪ.

То солнце, грозный государь, что гаснетъ
На западѣ сейчасъ, насъ видитъ горемъ
Униженныхъ; но въ утреннемъ багрянцѣ
Оно сіяло намъ, какъ знатнымъ людямъ.
Когда мы лжемъ, пусть насъ Господь накажетъ.

ЭДУАРДЪ.

Коль такъ, то обѣщанье наше въ силѣ
Останется: займемъ мы городъ мирно;
Но вы на снисхожденье не надѣйтесь.
Какъ наше правосудіе рѣшило,
Вкругъ стѣнъ тѣла проволокутся ваши
И будутъ четвертованы мечомъ.
Нашъ приговоръ, солдаты, исполняйте!

КОРОЛЕВА.

Ахъ, сжалься надъ явившими тебѣ
Покорность! Сѣять миръ—благое дѣло,—
И къ Богу приближаются цари,
Даруя жизнь и безопасность людямъ.
Желаешь ты быть королемъ французскимъ—
Такъ береги же подданныхъ своихъ:
Что мечъ сразилъ иль пламя истребило,
То нашимъ достояньемъ ужъ не будетъ.

ЭДУАРДЪ.

Хотя и учитъ опытъ насъ, что миръ
Тогда лишь благоденствіе приноситъ,
Когда въ конецъ истреблено все злое;
Но для того, чтобъ стало всѣмъ извѣстно,
Какъ силою меча другихъ смиряя,
Мы и въ себѣ смирять умѣемъ страсти,—
Да будетъ, какъ желаешь ты, Филиппа:
Пускай живутъ и славятъ нашу милость,
Тиранство же пускай грозитъ тиранству.

ГРАЖДАНЕ.

Пошли Господь вамъ счастья, государь!

ЭДУАРДЪ.

Вы можете вернуться: если вашу
Любовь снискалъ я этимъ добрымъ дѣломъ,
То докажите мнѣ и вашу вѣрность.
(Граждане уходятъ).
Теперь бы намъ узнать о положеньи
Военныхъ дѣлъ: тогда бы мы войска
Не зимнюю стоянку размѣстили.
Кто это къ намъ идетъ?

Входятъ КЕПЛЕНДЪ *и* КОРОЛЬ ДАВИДЪ.

ДЕРБИ.

Кеплендъ, милордъ,
И съ нимъ Давидъ, король шотландскій.

ЭДУАРДЪ.

Это ль
Тотъ сѣверный спесивый, дерзкій—сквайръ,
Что плѣнника не выдалъ королевѣ?

КЕПЛЕНДЪ.

Я сквайръ, милордъ,—но дерзкимъ и спесивымъ,
Сдается мнѣ, я не былъ никогда.

ЭДУАРДЪ.

Такъ почему же ты съ такимъ упорствомъ
Противился желанью королевы?

КЕПЛЕНДЪ.

Тутъ не было упорства, повелитель,
А дѣйствовали право и законъ:
Я короля плѣнилъ въ единоборствѣ
И, какъ солдатъ, ни съ кѣмъ не пожелалъ
Заслуженнымъ отличіемъ дѣлиться.
По вашему жъ приказу не замедлилъ
Кеплендъ прибыть во Францію и вамъ
Отдать поклонъ плодомъ своей побѣды.
Прими же, государь высокочтимый,
Усердныхъ рукъ моихъ пріобрѣтенье,
Которое давно ты получилъ бы,
Когда бъ изволилъ дома находиться.

ЭДУАРДЪ.

Но, все-же, повелѣнья государя
Отъ имени его ты не исполнилъ.

КЕПЛЕНДЪ.

Я имя чту, но больше чту лицо:
Во всемъ покорный имени, смиренно
Передъ лицомъ колѣни я склоняю.

ЭДУАРДЪ.

Ужъ положи, Филиппа, гнѣвъ на милость:
И онъ и рѣчь его мнѣ по душѣ;
Кто, совершая подвиги, отъ славы,
Ему принадлежащей, отречется?
Какъ рѣки всѣ стремятся къ морю, такъ
Стремится къ королю Кепленда вѣрность.
Склонись же, сквайръ, и рыцаремъ возстань;
А чтобъ свой санъ ты соблюдалъ достойно,
Дарю тебѣ пять тысячъ марокъ въ годъ.
(Входитъ Салисбэри).
Здорово, лордъ. Что новаго въ Бретани?

САЛИСБЭРИ.

Бретань—твоя, великій государь:
Графъ Іоаннъ Монфоръ, ея правитель,
Твоей державной власти подчиняясь,
Тебѣ свою корону посылаетъ.

ЭДУАРДЪ.

Благодаримъ за службу, храбрый лордъ;
Мы у тебя въ долгу.

САЛИСБЭРИ.

Но послѣ этой
Отрадной вѣсти, государь, я долженъ,
На скорбный ладъ свой голосъ перестроивъ:
О горестныхъ событіяхъ вѣщать.

ЭДУАРДЪ.

При Паутье разбиты? или принцу
Не устоять передъ врагомъ сильнѣйшимъ?

САЛИСБЭРИ.

Да, именно. Когда я съ сорока
Сподвижниками вѣрными своими
И съ грамотой охранной отъ дофина
На поле битвы къ принцу пробирался,
Отрядомъ копьеносцевъ были взяты
Мы въ плѣнъ и къ королю приведены.
Добычею довольный, приказалъ онъ
Намъ головы снести, долой тотчасъ же—
И всѣмъ бы намъ конецъ, когда бъ отъ казни
Насъ не избавилъ герцогъ, благородствомъ
Значительно отца превосходящій.
А Іоаннъ промолвилъ намъ вдогонку:
Пусть вашъ король, что нужно, приготовитъ
Для погребенья принца; мечъ надъ нимъ
Ужъ занесенъ—да и съ отцомъ скорѣе
Сочтемся мы, чѣмъ онъ предполагаетъ.
Мы молча удалились, унося
Отчаянье въ сердцахъ и взорахъ. Быстро
Достигли мы высокаго холма—
И наша скорбь, хотя она и раньше
Была сильна, сильнѣе втрое стала,
Чуть въ истинѣ пришлось намъ убѣдиться;
Тамъ, государь,—о, тамъ расположенье
Обѣихъ армій намъ предстало ясно.
Кольцомъ идутъ французскія траншеи,
А каждое открытое мѣстечко
Заполнено орудіями густо.
Вотъ десять тысячъ конницы ретивой,
За нею вдвое больше копьеносцевъ,
Подалѣе—изъ луковъ смертоносныхъ
Искусные стрѣлки, а по срединѣ,
Какъ бѣлая на небосклонѣ точка,
Какъ пузырекъ, на океанѣ всплывшій,
Какъ лиственная вѣтвь въ лѣсу сосновомъ,
Какъ на цѣпи медвѣдь,—нашъ принцъ прекрасный,
Готовый каждый мигъ къ тому, что будетъ
Французскими собаками растерзанъ.
И начался вдругъ смертный перезвонъ:
Пальба пошла такая, что подъ нами
Съ протяжнымъ гуломъ холмъ заколыхался.
Вотъ и труба: за ней другая, третья;
Войска сошлись; когда же мы не въ силахъ
Ужъ были различать, гдѣ другъ, гдѣ недругъ
(Такъ все перемѣшалось и слилось),—
Тогда застлала взоры намъ слезами
Мрачнѣе дыма чернаго кручина.
Боюсь, чтобъ не былъ мой разсказъ—разсказомъ
О полномъ пораженіи Эдуарда.

ФИЛИППА.

Таковъ-то мнѣ отъ Франціи привѣтъ!

Зачѣмъ же я о встрѣчѣ съ милымъ сыномъ
Лелѣяла мечту! О Нэдъ безцѣнный!
Ужъ лучше бъ матери твоей лежать
На днѣ морскомъ, не зная тяжкой скорби!

Эдуардъ.

Филиппа, успокойся: не слезами
Вернуть намъ сына, если онъ погибнетъ.
Утѣшься, милая, какъ я, надеждой
На адское, неслыханное мщенье.
Да, я о погребеньи позабочусь:
Всей Франціи вельможи облекутся
Въ печальныя одежды и до капли
Кровавыми слезами изойдутъ;
На ихъ костяхъ воздвигнется гробница,
Отъ городовъ ихъ пепелъ путь усыплетъ,
Въ колокола ихъ глотки превратятся
И, вмѣсто факеловъ могильныхъ, будутъ
Сто пятьдесятъ ихъ башенъ пламенѣть,
Пока не перестанемъ мы скорбѣть.

Трубы снаружи. Входитъ герольдъ.

Герольдъ.

Возрадуйся и царствуй, государь!
Несокрушимый Эдуардъ, принцъ Вельскій,
Наперсникъ мощный Марса въ ратномъ дѣлѣ,
Гроза французовъ и отчизны слава,
Сюда, какъ тріумфаторъ римскій, ѣдетъ,
А у стремянъ его идетъ смиренно
Плѣненный Іоаннъ Французскій съ сыномъ:
Корону принцъ тебѣ везетъ, чтобъ ею
Вѣнчался ты, какъ Франціи король.

Эдуардъ.

Довольно: осуши глаза, Филиппа!
Привѣтствуйте Плантагенета, трубы!

Громкія трубы. Входятъ принцъ, Одлей, Артура *съ* королемъ Іоанномъ *и* Филиппъ.

Эдуардъ.

Какъ снова обрѣтенная утрата,
Мой сынъ живитъ родительское сердце,
Лишь мигъ назадъ скорбѣвшее по немъ.
(Спѣшитъ къ принцу и обнимаетъ его).

Королева.

Вотъ все, что въ силахъ сдѣлать я.
(Цѣлуетъ принца).
Восторгъ
Моей души меня лишаетъ рѣчи.

Принцъ.

Вручаю даръ тебѣ, отецъ державный.
(Передаетъ ему корону короля Іоанна).
Пусть эта драгоцѣнная награда,
Добытая съ опасностью не меньшей,
Чѣмъ что-либо донынѣ добывалось,—
Тебя въ правахъ законныхъ возстановитъ;
Двухъ плѣнниковъ тебѣ вручаю также,
Виновниковъ главнѣйшихъ нашей распри.

Эдуардъ.

Вы, Іоаннъ Французскій, вѣрны слову:
Сказали, что прибудете скорѣе,
Чѣмъ мы предполагаемъ,—такъ и вышло;
А сдѣлали бы раньше это—сколько
Въ сохранности стояло бъ городовъ,
Теперь до тла разрушенныхъ! и сколько
Спасли бы человѣческихъ вы жизней,
Безвременно погибшихъ!

Іоаннъ.

Эдуардъ!
Чего нельзя вернуть—о томъ ни слова;
Скажи, какой ты выкупъ назначаешь?

Эдуардъ.

О выкупѣ рѣчь впереди; сначала
Ты въ Англію отправишься, чтобъ видѣть,
Какая тамъ насъ встрѣча ожидаетъ:
Навѣрно ужъ она не будетъ хуже
Того, что мы во Франціи нашли.

Іоаннъ.

Проклятый человѣкъ! Вотъ—предсказанье:
Я далъ ему иное толкованье.

Принцъ.

Склонись, отецъ, на просьбу Эдуарда.
(Преклоняетъ колѣни).
Тебя, чья милость мнѣ была охраной,
Чьей волей избранъ я всю нашу силу
Явить врагамъ,—тебя я умоляю:
Дозволь, чтобъ и другіе также принцы,
На островѣ увидѣвшіе свѣтъ,
Могли себя побѣдами прославить,
А что меня касается, пускай бы
И этихъ ранъ кровавыхъ, и тяжелыхъ,
Безъ отдыха, ночей, и ярыхъ стычекъ,
Мнѣ гибелью грозившихъ непрестанно,
И холода, и зноя было больше
Хоть въ двадцать разъ—въ примѣръ моимъ потомкамъ.
Чтобъ ихъ сердца исполнились отвагой
И чтобъ они не Франціи одной,
А всѣмъ, какія есть на свѣтѣ, странамъ,
Которымъ на себя навлечь пришлось бы
Нашъ справедливый гнѣвъ,—лишь смертоноснымъ
Оружіемъ блеснувъ на ихъ глазахъ,
Могли внушить неодолимый страхъ.

Эдуардъ.

Итакъ, война окончена, милорды:
Вложите мечъ въ ножны, передохните,
Оправьтесь, осмотритесь, посчитайте
Военную добычу: день иль два
Здѣсь проживемъ и съ помощью Господней,
Направимся домой, куда надѣюсь,
Мы пятеро—два короля, два принца
И королева—счастливо прибудемъ.

В. Лихачовъ.

VENVS
AND ADONIS

Vilia miretur vulgus: mihi flauus Apollo
Pocula Caſtalia plena miniſtret aqua.

LONDON
Imprinted by Richard Field, and are to be ſold at
the ſigne of the white Greyhound in
Paules Church-yard.
1593.

Заглавная страница перваго изданія «Венеры и Адониса» (оригинальная величина).

ВЕНЕРА и АДОНИСЪ.

I.

Поэмы Шекспира и спеціально „Венера и Адонисъ“ въ настоящее время находятъ себѣ мало почитателей—не то было въ современную поэту эпоху, какъ это доказываютъ приводимыя ниже данныя. Это значитъ, что литературно-историческій ихъ интересъ значительно выше литературно-художественнаго; чтобы заинтересовать современнаго читателя и внушить ему симпатію къ „Венерѣ и Адонису“, слѣдуетъ показать ему литературно-историческія достоинства и особенности этой поэмы, что мы и попытаемся сдѣлать въ нижеслѣдующихъ строкахъ.

Относительно общей схемы анализа сомнѣній быть не можетъ. У нашей поэмы два корня: одинъ покоится въ античности, другой—въ предшествовавшей поэту и современной ему западно-европейской аллегорической поэзіи. Съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія мы и отнесемся къ ней.

II.

„Историки литературы“, говоритъ Чишвицъ въ посвященной поэмамъ Шекспира статьѣ*) „обыкновенно выставляютъ на видъ, что содержаніе этой поэмы заимствовано изъ X книги „Превращеній“ Овидія, но въ дѣйствительности ничего не заимствовано кромѣ именъ и происхожденія цвѣтка изъ крови Адониса. Во всемъ прочемъ стихотвореніе—свободная композиція Шекспира...“ Посмотримъ, такъ ли это; а для того чтобы получить объ этомъ правильное представленіе, познакомимся прежде всего съ самимъ миѳомъ, какимъ его знала древность и какимъ его передалъ новому міру Овидій.

Первоначальный миѳъ объ Адонисѣ—не греческаго, а семитскаго происхожденія; на это указываетъ самое имя героя Адонисъ или Адонъ (ср. еврейское Адонаи)—„Господь“. Въ его основу легла особенность южной природы: роскошно цвѣтущая во время краткой весны, она затѣмъ умираетъ на все знойное лѣто, въ продолженіе котораго происходитъ медленное созрѣваніе зачатыхъ весною плодовъ. Отсюда глубокомысленная метафизическая концепція: оплодотвореніе, т. е. удѣленіе собственнаго естества, есть причина смерти. „Господь“ природы представляется подъ видомъ цвѣтущаго юноши; онъ силенъ и божественъ, онъ могъ бы быть безсмертнымъ, если бы скрылъ въ себѣ самомъ производительную силу своего естества. Но именно этого не можетъ допустить божество разлитаго по всей природѣ стремленія къ бытію и передачѣ бытія, богиня любви и оплодотворенія, Иштарь: своими чарами она плѣняетъ юношу.. Сопротивлялся ли онъ? Это было бы естественно, и Шекспиръ, введшій эту черту въ свою поэму, дѣйствовалъ совершенно въ духѣ древности. Спеціально объ Адонисѣ намъ этого не говорится; зато это говорится о другомъ юношѣ, одномъ изъ многочисленныхъ двойниковъ Адониса въ греческой миѳологіи—но объ этомъ ниже. Какъ бы тамъ не было, Адонисъ поддается искушеніямъ Иштари; послѣдствіемъ должна быть его смерть. Но неутѣшная Иштарь не хочетъ оставить своего любимца во власти свирѣпой богини смерти: она спускается за нимъ въ преисподнюю и возвращаетъ его—воскрешеніе Адониса символизируетъ оживленіе природы осенью.

Смерть Адониса, какъ одно изъ величайшихъ таинствъ природы, была содержаніемъ праздника, который уже въ раннее время перешелъ въ Грецію и правился преимущественно женщинами подъ именемъ Adonia; его лучшее описаніе сохранилось намъ въ знаменитѣйшей идилліи Ѳеокрита „Сиракузянки“. Кумиръ убитаго юноши покоился на драгоцѣнныхъ коврахъ, оплакиваемый женщинами при громкихъ крикахъ „o ton Adonin“; по истеченіи дней скорби праздновалось его воскрешеніе. А

*) Ueber die Stellung der epischen Dichtungen Shakespeares in der englischen Literatur. Jahrbuch der deutschen Shakespeare-Gesellschaft, VIII 32 и сл.

праздникъ въ свою очередь поддерживалъ память о миѳѣ, который въ сжатомъ видѣ гласилъ такъ (мы беремъ изъ его многочисленныхъ варіантовъ тотъ, который былъ принятъ Овидіемъ). Адонисъ былъ плодомъ кровосмѣсительной связи кипрскаго царя Кинера съ собственной дочерью Миррой—эта несимпатичная для насъ подробность, по очень распространенному символизму, знаменуетъ Адониса именно какъ „Господина". Преступная Мирра—дѣйствительно преступная, такъ какъ починъ исходилъ отъ нея, и своей цѣли она добилась путемъ обмана—была превращена въ одноименное дерево и уже въ качествѣ такового родила Адониса. Послѣдній выросъ въ лѣсу и сталъ лихимъ охотникомъ; имъ плѣнилась Афродита-Венера, естественно занявшая мѣсто семитской Иштари. По греческому повѣрію (Овидій о немъ не упоминаетъ, но это—важное звено въ цѣпи событій), любовь богини разслабляетъ смертнаго; послѣ нея Адонисъ уже не тотъ, что былъ прежде. Венера его предупреждаетъ: „охоться за зайцами и ланями—не трогай вепрей и львовъ!". Но Адонисъ ея не слушается: столкновеніе съ вепремъ дѣлается для него роковымъ, и изъ его крови выростаетъ алый цвѣтокъ—символъ его самого, его роскошной, но быстротечной юности:

Недолго цвѣтетъ онъ;
Слабо въ немъ держится вѣнчикъ, и рядъ лепестковъ его легкихъ
Быстро уносятъ тѣ вѣтры, что дали и имя цвѣточку.

Это—„вѣтренница" (по гречески Anemone—отъ Anemos=„вѣтеръ").

III.

Таково, вкратцѣ, развитіе нашего миѳа вплоть до Овидія. Подлинно ли ничего изъ него не заимствовалъ Шекспиръ кромѣ указанныхъ Чишвицемъ внѣшностей?

Прежде всего обращаемъ вниманіе на слѣдующую подробность. Венера учитъ своего любимца:

Искать безопасной добычи,
Робкаго зайца ловить, за красавцемъ гоняться оленемъ,
Иль быстроногою ланью

и избѣгать вепрей и львовъ. У Овидія эти наставленія подготовляютъ разсказъ Венеры о томъ, почему ей особенно ненавистны львы—разсказъ о неблагодарной четѣ Гиппоменѣ и Аталантѣ, превращенныхъ во львовъ, вставленный, согласно принципу композиціи „Превращеній", въ разсказъ объ Адонисѣ. У Шекспира этого разсказа нѣтъ; тѣмъ не менѣе совѣты Венеры относительно „безопасной добычи" онъ заимствовалъ и развилъ въ обстоятельной картинѣ (строфы 113 и сл.), при отдѣлкѣ которой ему, видимо, пригодилось его собственное прошлое, какъ бывшаго стратфордскаго браконьера. Но это мелочь; важнѣе слѣдующее.

Разсказъ объ Адонисѣ вообще не принадлежитъ къ лучшимъ у Овидія; онъ кратокъ и шаблоненъ. Причина заключается въ томъ, что въ немъ нѣтъ такихъ мотивовъ, которые бы не были такъ или иначе предвосхищены въ болѣе раннихъ книгахъ—не забудемъ, что имъ оканчивается десятая. Такъ, напримѣръ, катастрофа—появленіе вепря, стычка съ нимъ Адониса, смерть послѣдняго—была сама по себѣ благодарнымъ мотивомъ; но поэтъ его уже использовалъ въ разсказѣ о калидонской охотѣ (кн. VIII. 260 и сл.). Тамъ его прочелъ Шекспиръ и довольно точно воспроизвелъ въ своемъ описаніи вепря, какъ это замѣтилъ еще Мэлонъ.—Затѣмъ: о любви Венеры къ Адонису Овидій разсказываетъ вкратцѣ:

Ужъ и Венерѣ онъ милъ—материнскаго пламени мститель;

о томъ, что онъ ей сопротивлялся, у него не сказано—между тѣмъ, какъ у Шекспира это главное. Однако, Овидій предвосхитилъ эту черту въ своемъ разсказѣ о Нарциссѣ, этомъ двойникѣ Адониса (кн. III, 33 сл.). И Нарциссъ охотникъ, и онъ послѣ смерти былъ превращенъ въ цвѣтокъ, и его любила богиня—нимфа Эхо; и вотъ ея то любовь онъ надменно отвергъ. Его презрительныя слова (III, 390):

Удали ненавистныя ласки!
Раньше, онъ молвитъ, умру я, чѣмъ дамъ тебѣ мигъ наслажденія—

основная тема всей поэмы Шекспира. А что этотъ послѣдній зналъ Овидіева Нарцисса—это доказываетъ упоминаніе о немъ въ строфѣ 27.

Вообще шекспировѣды грѣшатъ недостаточнымъ знакомствомъ съ античной литературой: бѣгло сличивъ поэму своего автора съ Адонисомъ Овидія, они рѣшаютъ, что все, чего нѣтъ тамъ, составляетъ либо

собственность Шекспира, либо Лоджа, изъ поэмы котораго „Scillaes Metamorphosis“ Шекспиръ многое заимствовалъ въ своей поэмѣ. Они забываютъ, съ какой любовью поэты Возрожденія изучали античность, поскольку она была имъ доступна, и старались отовсюду заимствовать изъ нея краски для собственныхъ произведеній. Приведу еще примѣръ. Сохранилось намъ изъ древности—довольно слащавое на нашъ вкусъ—„анакреонтическое“ стихотвореніе, посвященное смерти того же Адониса; читается оно въ сборникѣ идиллій Ѳеокрита. Венера въ отчаяніи; по ея приказанію эроты приводятъ связаннымъ того вепря, который былъ причиной его смерти. „Зачѣмъ ты это сдѣлалъ?“ строго допрашиваетъ его богиня. Вепрь оправдывается: онъ вовсе не хотѣлъ его убить—прельщенный его красотой, онъ хотѣлъ лишь запечатлѣть поцѣлуй на его бѣломъ тѣлѣ... Читатель согласился, что Шекспиръ и его источники только отсюда и могли заимствовать подробности, развитыя имъ въ строфѣ 186.

Но это не все. Если оставить въ сторонѣ бѣдное дѣйствіе поэмы Шекспира—она представится намъ долгимъ словопреніемъ между обоими героями на тему „слѣдуетъ ли любить?“ Венера множествомъ соображеній доказываетъ, что да; Адонисъ доказываетъ противное, выставляя противъ чувственной любви Венеры свой идеалъ чистой, небесной любви (стр. 129 сл.). Словомъ, передъ нами настоящая античная „контроверсія“, плодъ столь любимой Овидіемъ риторики,—контроверсія, знаменитый образецъ которой онъ оставилъ новому міру въ подражаніе въ началѣ XIII книги „Превращеній“, тамъ, гдѣ устами Аянта и Одиссея сила физическая и сила умственная ведутъ споръ о преимуществѣ.

Впрочемъ, тутъ античное вліяніе сталкивается съ національнымъ—или, точнѣе говоря, съ античнымъ же, но производнымъ и поэтому болѣе не ощущаемымъ, какъ таковое. Мы говоримъ о вліяніи на нашу поэму средневѣковой и спеціально англійской аллегорической поэзіи.

IV.

Оплодотворителями художественной поэзіи новой Европы были, какъ извѣстно, главнымъ образомъ, Виргилій и Овидій. Первый въ своихъ „эклогахъ“ вводитъ оригинальную поэтическую форму, которой средневѣковая поэзія не замедлила воспользоваться — лирическій споръ двухъ пастуховъ, разрѣшаемый третьимъ. Эта форма была зародышемъ провансальской „тенцоны“; но такъ какъ преимущественной темой трубадуровъ была любовь, то и тенцона получила эротическое содержаніе, причемъ вдохновителемъ сталъ поэтъ-классикъ и верховный судья средневѣковыхъ „дворовъ любви“ Овидій. Современный читатель, незнакомый съ этимъ давно отжившимъ поэтическимъ направленіемъ, можетъ составить себѣ представленіе о немъ по той трагической тенцонѣ, которую Вагнеръ вставилъ во II актъ своего Тангейзера.—Понятно, что ядромъ тенцоны было развитіе отвлеченныхъ представленій—цѣломудріе и сладострастіе, довѣрчивость и ревность, любовь молодая и любовь зрѣлая, любовь знатной и любовь простушки и т. д.; этимъ тенцона сближается съ богатой литературой такъ называемыхъ „контрастовъ“. Сама форма была, разумѣется, діалогическая, т. е. почти что драматическая; для превращенія этой драматической лирики въ настоящую драму нужны были дѣйствующія лица. Таковыми естественнѣе всего было сдѣлать тѣ самыя представленія, о которыхъ шла рѣчь, путемъ ихъ олицетворенія—т. е. аллегоріи.

Аллегорія была тоже античнымъ произведеніемъ—не столько, впрочемъ, греческимъ, сколько римскимъ, настоящимъ порожденіемъ отвлеченной римской религіи. Но ея собственный расцвѣтъ начался въ христіанскую эпоху, что и понятно: античная миѳологія, эта основа античной поэзіи, могла быть спасена для христіанства только подъ условіемъ аллегорическаго ея толкованія. Въ средневѣковой поэзіи аллегорія играла громадную роль; достаточно вспомнить о Данте и послѣднихъ пѣсняхъ его „Чистилища“; при такихъ условіяхъ превращеніе, о которомъ идетъ рѣчь, не было затруднительно. Спеціально въ Англіи „моралитеты“, явившіеся на смѣну библейскимъ драмамъ, пользовались громадной популярностью. Ихъ историко-литературная заслуга очень велика: они были мостомъ между духовной и свѣтской драмой.

Параллелью къ маралитету или аллегорической драмѣ былъ аллегорическій эпосъ; разница заключается, однако, въ томъ, что онъ явился на смѣну не духовному, а свѣтскому, рыцарскому эпосу. Въ немъ продолжала держаться традиція эпической поэзіи, въ то время какъ рыцарскій эпосъ, окончательно опошлившійся, долженъ былъ

стушеваться передъ романомъ. Спеціально въ Англіи онъ прилежно воздѣлывался въ 14 вѣкѣ; въ елизаветинскую эпоху онъ далъ своего главнаго представителя, Спенсера, который въ своей нѣкогда знаменитой „Царицѣ фей" (Fairy queen) тонко, на почвѣ чисто фантастическаго дѣйствія, изобразилъ и прославилъ дѣвственную правительницу своей страны. Къ этому направленію примыкаетъ и Шекспиръ въ нашей поэмѣ; не трудно убѣдиться, что мы имѣетъ тутъ передъ собою преимущественно аллегорическую поэму. Мы смѣло могли бы ее озаглавить „сладострастье и цѣломудріе". Венера уже въ средніе вѣка превратилась въ аллегорическое лицо, какимъ и осталась вплоть до „Телемака" Фенелона и его многочисленныхъ послѣдователей; что же касается Адониса, то на его мѣстѣ—по правильному замѣчанію вышеназваннаго Чишвица—былъ бы точно также возможенъ какой нибудь принцъ Pudor de Castus или другой герой аллегоріи.

Таковы оба корня нашей поэмы.

V.

Объ ея вліяніи на послѣдующую литературу будетъ умѣстнѣе сказать по поводу второй поэмы Шекспира, которая представляетъ прогрессъ въ сравненіи съ ней, здѣсь мы попытаемся дать ея литературную оцѣнку—вкратцѣ, такъ какъ это, согласно сказанному, въ данномъ случаѣ второстепенное соображеніе.

Современники Шекспира восхищались нашей поэмой—она въ короткое время (13 лѣтъ) выдержала шесть изданій, между тѣмъ, какъ „Ромео и Джульетта" въ то же время должна была ограничиться двумя. Спрашивается, что могло ихъ такъ плѣнить?

Прежде всего не глубокомысліе концепціи, въ которую они и не вдумались. Современный читатель подъ часъ поражается, соприкасаясь съ этой, можно сказать, космической этикой любви въ стилѣ Эсхила которую мы имѣемъ въ строфѣ 29; ужъ не уловилъ ли поэтъ таинственнаго смысла древняго миѳа? Адонисъ, „господинъ природы", не желающій удѣлять своего естества, чтобы за вѣчность рода не заплатить собственной, индивидуальной гибелью; Венера, богиня любви, требующая отъ него этой жертвы... Но нѣтъ; поэтъ лишь коснулся невзначай этой концепціи, онъ не воспроизвелъ ея. Его Адонисъ остается непреклоннымъ и всетаки гибнетъ, при чемъ его гибель не исходитъ отъ оскорбленной имъ Венеры (какъ въ миѳѣ объ Ипполитѣ), а является дѣломъ случая — тутъ никакого смысла нѣтъ. Смыслъ возстановляется въ послѣднихъ строфахъ (190 сл.); Венера, у которой „рокъ" отнялъ ея любимца, отравляетъ любовь на всѣ времена, она мститъ міру такъ же, какъ Церера, которая, потерявъ свою любимую дочь, „отравляетъ сѣмена хлѣба" — все это взято у того же Овидія (V 480: vitiataque semina fecit). Вотъ галантный отвѣтъ на галантный вопросъ, отчего въ любви сладость приправлена горечью — мы въ придворной атмосферѣ, тамъ, гдѣ растетъ извѣстный намъ изъ „Сна въ лѣтнюю ночь" цвѣтокъ: „любовь въ праздности".

Могущественные покровители Шекспира любили этотъ цвѣтокъ; и это была одна изъ причинъ, почему имъ должна была понравиться наша поэма... Въ ней господствуетъ одна сладострастная картина: картина Венеры, обнимающей Адониса, расточающей передъ нимъ и въ словахъ, и въ ласкахъ всѣ соблазны и упоенія исключительно чувственной, полной нѣги и забвенія, любви. Передъ нами излюбленная тема итальянской живописи 16 вѣка, Венеры и другія прекрасныя грѣшницы Тиціановъ и Корреджіо, до того воплотившія въ себѣ физическую красоту, что при видѣ ихъ царственно горделивыхъ формъ мы забываемъ ставить вопросъ объ ихъ душѣ. Шекспиръ—тотъ же Тиціанъ или Корреджіо въ стихахъ; его палитра неистощима, все новыми и новыми красками расписываетъ онъ подробности своей картины, нанизывая метафоры, сравненія, гиперболы... Современному читателю врядъ ли понравится этотъ ароматичный до удушливости стиль, приправленный всѣми снадобьями тогдашней поэтической косметики — изъ коихъ многія, къ слову сказать, не отличались благовоніемъ: у Шекспира Венера и восхищается потной рукой Адониса (стр. 5) и сама потѣетъ (стр. 30), а Адонисъ жметъ ей носъ (стр. 80), не говоря уже о томъ мѣстѣ, гдѣ Адонисъ падаетъ Венерѣ на животъ (стр. 99). И не слѣдуетъ приписывать всѣ эти излишества духу времени: кое въ чемъ сказалась молодость самого поэта, какъ мы это увидимъ ниже. Но въ общемъ, наша поэма все-таки —торжество того „драгоцѣннаго стиля", до котораго была такъ охоча вся та поэзія.

Итакъ, эротизмъ въ содержаніи, эротизмъ въ формѣ, этомъ экстрактѣ итальянскихъ concetti періода Возрожденія—вотъ первое, что должно было понравиться читателямъ Шекспира; но это не все. Графъ Соутгемптонъ и его сверстники—были не только галантные по понятіямъ того времени кавалеры, это были и лихіе наѣздники, и смѣлые охотники. Нашъ поэтъ съ большимъ стараніемъ приноровился къ этимъ ихъ потребностямъ. Вспомнимъ о встрѣчѣ коня Адониса съ невѣсть откуда взявшейся кобылой (стр. 44 сл.); на ходъ дѣйствія она никакого вліянія не имѣетъ, на Адониса этотъ лошадиный эротизмъ такъ же мало дѣйствуетъ, какъ и божественный эротизмъ самой Венеры. Но англійскіе спортсмены безъ сомнѣнія оцѣнили эту идиллію изъ конской жизни съ ея роскошными описаніями рѣзваго скакуна и его брыкливой подруги, и не одинъ благородный лордъ мысленно сравнивалъ коня и Венеру нашего поэта съ обѣими главными радостями своей жизни, своей лошадью и своей любовницей. А затѣмъ—охота, охота псовая, это увлеченіе англійской, какъ и всякой другой, знати, охота на зайцевъ въ описаніи Венеры (стр. 113 сл.), облава на вепря въ описаніи самого поэта (стр 147 сл.)—нѣтъ, Шекспиръ зналъ, что дѣлалъ: прекрасно знакомый со вкусами своей публики, онъ писалъ съ безошибочнымъ разсчетомъ:

VI.

Когда же, однако, написалъ онъ свою поэму? Онъ посвятилъ ее своему высокому покровителю, графу Соутгемптону, въ 1593 г., со знаменательнымъ эпиграфомъ изъ эллегіи Овидія (1, 15)

> Пошлое—черни удѣлъ; а мнѣ Аполлонъ златокудрый
> Пусть Касталійской воды полные кубки нальетъ!

какъ „первый плодъ своего воображенія“ (the first heir of my invention). Между тѣмъ, къ 1593 г. Шекспиръ написалъ уже цѣлый рядъ драмъ—тогда „Венера и Адонисъ“ уже далеко не была первымъ плодомъ его воображенія. Шекспирологи несогласны между собой, слѣдуетъ ли признать за поэмой болѣе раннее происхожденіе, или же понимать слово invention въ такомъ смыслѣ, чтобы оно обнимало только поэмы, но не драмы. Послѣднее безъ натяжки невозможно; въ пользу перваго предположенія говоритъ между прочимъ слѣдующее обстоятельство. Читателю памятна потѣшная сцена изъ „Генриха IV“, гдѣ Фальстафъ, разыгрывая роль строгаго короля, судитъ его повѣсу сына, принца Генриха. Тутъ поэтъ влагаетъ ему въ уста слѣдующую тираду, приводящую въ восторгъ персоналъ истчипской харчевни:

> Уйдите лорды, съ грустной королевой;
> Ея грозныя шлюзы полны слезъ

(т. II ст. 156 наст. изд.). Очевидно, поэтъ пародируетъ здѣсь чей то напыщенный стиль; но чей? Какъ видно изъ стр. 160 нашей поэмы—свой собственный: „здѣсь она опускаетъ вѣки, которыя, подобно шлюзамъ, задерживали хрустальную струю, которая съ ея прекрасныхъ двухъ щекъ стекала на сладкое ложе ея лона“. А если поэтъ въ этотъ ранній періодъ своего творчества, когда онъ писалъ Генриха IV, уже иронизировалъ надъ вычурнымъ стилемъ своей поэмы — то позволительно предположить, что она была создана имъ много раньше и была дѣйствительно, какъ онъ намъ говоритъ, первымъ плодомъ его воображенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ отзывъ зрѣлаго Шекспира указываетъ намъ правильную точку зрѣнія для критики. Мы должны видѣть въ „Венерѣ и Адонисѣ“ юношеское произведеніе великаго поэта, радоваться тѣмъ проблескамъ генія, которые въ немъ есть, объ излишествахъ же судить снисходительно, зная, что онъ осудилъ ихъ самъ въ эпоху своего разцвѣта.

Ѳ. Зѣлинскій.

TO THE RIGHT HONORABLE
Henrie VVriothesley, Earle of Southampton, and Baron of Tichfield.

Right Honourable, I know not how I shall offend in dedicating my vnpolisht lines to your Lordship, nor how the worlde will censure mee for choosing so strong a proppe to support so vveake a burthen, onelye if your Honour seeme but pleased, I account my selfe highly praised, and vowe to take advantage of all idle houres, till I have honoured you vvith some graver labour. But if the first heire of my invention prove deformed, I shall be sorie it had so noble a god-father: and never after eare so barren a land, for feare it yeeld me still so bad a harvest, I leave it to your Honourable survey, and your Honor to your hearts content vvhich I wish may always answere your own vvish, and the vvorlds hopefull expectation.

Your Honors in all dutie,

William Shakespeare.

Посвященіе „Венеры и Адониса" герцогу Саутгемптонскому.

Его Милости Генриху Райотсли

Герцогу Саутгемптонскому и барону Тичфильдскому.

Ваша Милость!

Я сознаю, что поступаю очень дерзновенно, посвящая мои слабыя строки Вашей Милости. Свѣтъ меня осудитъ за соисканіе столь сильной опоры, когда моя ноша столь легковѣсна, но если Ваша Милость подаритъ мнѣ свое благоволеніе, я буду считать это высочайшей наградой и даю обѣтъ пользоваться всѣми моими свободными часами и неустанно работать до тѣхъ поръ, пока не создамъ въ честь Вашей милости какого нибудь болѣе серьезнаго творенія. Но если этотъ первенецъ моей фантазіи окажется уродомъ, я буду сокрушаться о томъ, что у него такой благородный крестный отецъ, и никогда болѣе не буду воздѣлывать столь неплодовитую пользу для того, чтобы снова не собрать столь плохой жатвы. Я предоставляю это мое дѣтище на разсмотрѣніе Вашей Милости, и желаю Вашей Милости исполненія всѣхъ Вашихъ желаній на благо міра, возлагающаго на Васъ свои надежды.

Покорный слуга Вашей Милости

Вильямъ Шекспиръ.

ВЕНЕРА и АДОНИСЪ.

Vilia miretur vulgus; mihi flavus Apolo
Pocula Castalia plena ministret aqua.
(Ovid, I Am. XV).

Едва лишь съ утромъ плачущимъ простился
Въ послѣдній разъ багряный солнца ликъ,
Ужъ Адонисъ къ охотѣ снарядился.
Любя ее, онъ страсть клеймитъ привыкъ.
Венера вслѣдъ задумчиво стремится,
Чтобъ обольстить и страстью насладиться.

„О, цвѣтъ полей! Ты алыхъ розъ румянѣй—
Она твердитъ.—Прекраснѣе трикратъ
Меня и нимфъ и всѣхъ земныхъ созданій!
Въ тебя изливъ красу и ароматъ,
Сама природа выдала безъ лести,
Что ты умрешь и міръ погибнетъ вмѣстѣ.

Природы перлъ, смири коня! Уздою
Къ лукѣ сѣдла склони его главу.
За эту милость я тебѣ открою
Блаженство тайнъ сладчайшихъ на яву.
Здѣсь нѣтъ змѣи. Сойди въ траву густую.
Сядь здѣсь, со мной... Тебя я зацѣлую...

Но устъ твоихъ пресытить я не въ силахъ.
Среди даровъ ихъ голодъ истомитъ,
Кровь то къ губамъ прильнетъ, то вспыхнетъ въ жилахъ.
Въ одномъ лобзаньи вѣчность пролетитъ,
И въ мигъ одинъ сольется ихъ десятокъ.
Весь лѣтній день для игръ подобныхъ кратокъ".

Его слегка увлаженную руку—
И мужества и силы образецъ—
Она беретъ, лелѣя страсти муку,
Зоветъ росой, бальзамомъ... Наконецъ,
Молчанье такъ въ ней силу распалило,
Что съ лошади она его стащила.

Въ одной рукѣ держа узду коня,
Она другой красавца привлекала.
Нечувствуя любовнаго огня,
Смущенный, онъ досадовалъ не мало.
Она пылала страстью. Отъ стыда
Онъ красенъ былъ, но холоднѣе льда.

Ужъ дикій сукъ обвитъ уздой наборной—
О, какъ любовь проворна и ловка!—
На мѣстѣ конь. И съ силою упорной
Роняетъ навзничь юношу рука;
Такъ ей самой хотѣлось быть склоненной,
Подвластенъ онъ, хотя и не влюбленный.

Она ложится рядомъ съ нимъ небрежно.
И пышность бедръ и локти ихъ оплотъ.
Она ему ланиты треплетъ нѣжно.
Бранится онъ,—она смыкаетъ ротъ
И говоритъ, волнуясь и цѣлуя:
„Молчи, иль устъ тебѣ не разомкну я!"

Онъ отъ стыда горитъ. Она слезами
Невинный жаръ стремится потушить,
Обвѣять золотыми волосами,
Какъ вѣеромъ, и—влагу осушить.
Безстыдной онъ зоветъ ее съ укоромъ.
Но поцѣлуй враждуетъ съ разговоромъ.

Какъ голодомъ томимая орлица
Терзаетъ клювомъ перья, мясо, кость
И бьетъ крыломъ, пока трепещетъ птица
Пока въ груди и голодъ есть и злость,—
Такъ цѣловать она его готова.
Окончила и начинаетъ снова.

Онъ принужденъ терпѣть. Но, непреклонный,
Лежитъ, въ лицо ей тягостно дыша.
Его дыханье струйкой благовонной
Она зоветъ и пьетъ его спѣша,
Жалѣетъ, что лицо не садъ цвѣточный,
Чтобъ освѣжиться влагой непорочной.

И Адонисъ, какъ голубь въ крѣпкой сѣти,
Въ ея объятьяхъ пламенныхъ лежитъ.
Но этотъ гнѣвъ и всѣ упреки эти
Его лицо лишь красятъ, какъ и стыдъ.
Дождь надъ рѣкой пролившись, часто топитъ
Прибрежіе и волны вдаль торопитъ.

Она все молитъ вкратчиво и дивно
И повѣсть уху дивному поетъ.
То онъ краснѣетъ, хмурясь непрерывно,
То въ бѣшенствѣ блѣднѣетъ въ свой чередъ.
И такъ и сякъ онъ по-сердцу ей равно:
Краснѣетъ—милъ; блѣднѣетъ и подавно.

Какъ ни взгляни, онъ все любимъ сердечно.
Она своей безсмертною рукой

Клянется быть грудь съ грудью съ нимъ
хоть вѣчно,
Пока онъ самъ не тронется мольбой,
Ея слезамъ и ласкамъ не уступитъ
И поцѣлуемъ долгъ свой не окупитъ.

Онъ послѣ этой клятвы поднимаетъ
Свой подбородокъ. Ну, точь-въ точь—нырокъ.
Лишь взглядъ чужой,—и вновь онъ въ глубь
ныряетъ.
Такъ Адонисъ отъ страсти недалекъ,
Но лишь уплату взять она желаетъ,
Моргаетъ онъ и губы отдаляетъ.

Никто еще отъ зноя нестерпимо
Не жаждалъ такъ, какъ жаждала она.
Спасенье тутъ и все-жъ недостижимо.
Средь полныхъ водъ пылать она должна.
Она кричитъ: „О сжалься! Вѣдь прошу я,
Кремень упорный, только поцѣлуя.

Какъ я теперь, моей любви когда то
Молилъ самъ богъ войны! А онъ во вѣкъ
Не гнулъ упругой выи, супостата
Казня вездѣ и обращая въ бѣгъ.
Но, плѣнникъ мой, мой рабъ, онъ умоляя
Искалъ того, что взять молю тебя я.

У алтарей моихъ свои доспѣхи
Повѣсилъ онъ: копье и шлемъ и щитъ.
Онъ научился для моей утѣхи
Пѣть, танцовать, смѣяться безъ обидъ.
Онъ съ знаменемъ разстался, съ барабаномъ.
Я слала полемъ битвъ, а ложе—станомъ.

Такъ всепобѣднаго я побѣдила
Онъ былъ въ плѣну средь розовыхъ цѣпей.
Пусть твердой волѣ сталь его служила,
Онъ самъ служилъ веселости моей.
Не будь же гордъ и не кичися силой,
Сразивши ту, кто бога битвъ сразила.

Къ губамъ моимъ прильни губами. Знаю,
Мои не такъ прекрасны, но горятъ.
Мой поцѣлуй въ твоемъ я потеряю.
О, подними чего свое и взглядъ!
Въ моихъ зрачкахъ твоя краса. Два взгляда
Слились въ одинъ;—такъ слить и губы надо.

Закрой глаза, коль цѣловаться стыдно.
Закрою я. День будетъ ночь для насъ.
Давай играть: насъ никому не видно.
Любовь пируетъ только глазъ на глазъ.
Фіалки, что вокругъ благоухаютъ,
Не выдадутъ; онѣ не понимаютъ.

Пухъ на твоей губѣ прелестной—знамя
Незрѣлости, но все-жъ заманчивъ ты.
Лови мгновенье; случай—это пламя.
Не жги въ себѣ цвѣтущей красоты.
Цвѣты, когда ихъ въ блескѣ не скрываютъ,
Гніютъ одни и быстро увядаютъ.

Будь я стара, морщиниста, слезлива,
Вся скрючена, горбата и слаба,
Костлява, неотесана, визглива,
Суха, больна, презрѣнна иль груба,—
Тогда тебѣ я не чета. Но видишь—
Я совершенна... Нѣтъ, ты не обидишь!

Мое чело морщинъ совсѣмъ не знаетъ.
Глаза блестящи, сѣры... говорятъ!
Моя краса съ весною разцвѣтаетъ,
Я такъ пышна, и соки такъ горятъ!
Коснись руки,—она въ твоей послушно
Растаять можетъ: такъ нѣжна, воздушна.

Вели болтать, я слухъ твой очарую.
Какъ фея, я ношуся налегкѣ,
И распустивши волосы, танцую,
Не оставляя слѣдъ свой на пескѣ.
Духъ пламенный, любовь, она стремится
Не внизъ, а вверхъ, паденья не боится.

Здѣсь первоцвѣты—ложе для богини;
Склонясь на нихъ, я все-жъ ихъ не мну.
Два голубя меня способны нынѣ
Умчать хоть-бъ въ надзвѣздную страну.
Но если такъ легка любовь—царица,
О, юноша, тебѣ-ль ей тяготиться!

Ужель твой ликъ ты любишь только самъ!
Ужель рука одной другой любима!
Такъ дай отказъ любви своей мольбамъ,
Свою свободу спрячь неуловимо.
Такъ самъ себя въ ручьѣ Нарцисъ сгубилъ:
Онъ тѣнь свою, увидѣвъ, полюбилъ.

Для свѣта факелъ, жемчугъ для ношенья,
Краса для нѣги, сласти для ѣды.
Жизнь для себя лишь—злоупотребленье.
У травъ—цвѣты, а у деревъ—плоды.
Красасъкрасой,посѣвъсъ посѣвомъсвязанъ.
Ты былъ рожденъ и самъ рождать обязанъ.

Ея законъ—чтобъ ты плодился въявѣ,
Въ потомствѣ жилъ, когда ужъ станешь тлѣнъ.
Плодовъ земли касаться ты не вправѣ,
Коль не далъ самъ землѣ плодовъ взамѣнъ.
Ея законъ—любить и размножаться,
Въ потомствѣ жить, когда ты станешь тлѣнъ.

Твоимъ подобьемъ въ мірѣ будутъ дѣти.
Въ могилѣ—прахъ, а духъ безсмертный въ
свѣтѣ*.
Потъ оросилъ усталую царицу.
Отъ нихъ ушла привѣтливая тѣнь.
Горящимъ взоромъ, правя колесницу,
Смотрѣлъ Титанъ на сладостную сѣнь.

О, еслибъ на его полдневномъ мѣстѣ
Былъ Адонисъ, а онъ съ Венерой вмѣстѣ!

И Адонисъ въ слѣпомъ негодованьѣ,
Насупивъ бровь, наморщивши чело,—
Какъ будто мгла затмила все сіянье,
Вскричалъ въ отвѣтъ досадливо и зло:
„Фи, о любви довольно ужъ покуда!
Мнѣ солнце жжетъ лицо. Бѣгу отсюда!"—

„О горе мнѣ! Такъ юнъ и безпощаденъ!
Какой предлогъ ничтожный, чтобъ уйти!
Отъ влажныхъ вздоховъ станетъ зной прохладенъ,
А чтобъ лицо отъ жаркихъ стрѣлъ спасти,
Я тѣнь создамъ своими волосами;
А загорятся, потушу слезами.

Сіяя съ неба, солнце жжетъ побѣдно.
Я межъ тобой и имъ покоюсь тутъ.
Но мнѣ лучей сіянье не вредно.
Твои глаза сильнѣе солнца жгутъ.
Не будь безсмертна я, такъ несомнѣнно
Межъ двухъ свѣтилъ сгорѣла бы мгновенно.

Ты твердъ, какъ сталь и какъ кремень—упоренъ.
Нѣтъ, что кремень! Его хоть дождь дробитъ.
Сынъ женщины—ты чувству непокоренъ,
Но какъ тебя отказъ не тяготитъ?
Будь мать твоя какъ ты, о непривѣтный!
Она бы умерла совсѣмъ бездѣтной.

Кто я, что мной ты такъ пренебрегаешь?
Какой бѣдой грозитъ тебѣ любовь?
Иль въ поцѣлуѣ губы ты теряешь?
Отвѣть нѣжнѣе, иль не прекословь.
Дай поцѣлуй одинъ мнѣ. Я не спрячу,
Верну его и дамъ хоть два въ придачу.

Фи, мертвая картина! Камень сущій!
Обманчивый раскрашенный кумиръ!
О, монументъ, лишь взоръ къ себѣ влекущій!
Не женщиной ты вызванъ въ этотъ міръ.
Ты не мужчина, видъ одинъ, не болѣ:
Цѣлуютъ тѣ всегда по доброй волѣ".

И высказавъ все это, въ нетерпѣньи
Она молчитъ: сковала страсть языкъ.
Ланиты, взоръ, все выдаетъ смятенье.
Судья любви, она не клеветникъ.
И приговоръ не смѣя вынесть, снова
То говорить, то зарыдать готова.

Она качаетъ головой и страстно
Его хватаетъ за руку, глядитъ
То на него, то на землю,—напрасно,
Хотя рукой, какъ лентой онъ обвитъ.
Когда-жъ совсѣмъ онъ вырваться желаетъ,—
Она кольцомъ объятья замыкаетъ.

И говоритъ: „Тебя я за оградой
Слоновой кости, здѣсь уберегу.
Ты—мой олень, я роща, такъ обрадуй,
Пасись вездѣ, на хо́лмахъ и лугу,
И на устахъ, коль мало пастбищъ въ чащѣ,
И дальше, гдѣ источники есть слаще.

Ты все найдешь для нѣги и для счастья—
Пушистый мохъ, равнины, цвѣтники,
Покатые холмы и отъ ненастья
Въ убѣжищѣ кудрявомъ—уголки.
Коль роща я, будь мой олень горячій,
Тебя тамъ не встревожитъ лай собачій".

Едва съ насмѣшкой онъ взглянулъ,—явила
Двѣ ямочки улыбка на щекахъ.
Когда любовь умретъ, ея могила
Должна быть въ нихъ; но лежа какъ въ цвѣтахъ,
Тамъ, гдѣ сіяетъ прелесть ея вѣчно,
Любовь не можетъ умереть, конечно.

Тѣ ямочки, тѣ нѣжныя пещеры
Раскрыли пасть, любви ея грозя.
Все тяжелѣе искусъ для Венеры,
Убитаго убить еще нельзя.
Законъ любви любви царицу губитъ;
Венера презирающаго любитъ.

Что ей сказать? Что дѣлать? Убѣжденья
Истощены, а скорбь сильнѣй гнететъ
Онъ требуетъ изъ рукъ освобожденья.
Часы ушли, и Адонисъ уйдетъ.
Она кричитъ: „О, сжалься! Ты обязанъ!"
Онъ прочь бѣжитъ, туда, гдѣ конь привязанъ.

Вдругъ, изъ сосѣдней рощи кобылица,
Почуявши красавца жеребца,
Къ нему, сильна и молода, стремится
И ржетъ и вся трепещетъ до крестца.
И крѣпковыйный конь метнулся съ силой,
Порвалъ узду и гордо мчится къ милой.

Онъ шею гнетъ. То скачетъ, то вдругъ станетъ.
И рветъ подпругу тканую, шутя.
Онъ грудь земли копытомъ звонко ранитъ
И прахъ ея взвивается, блестя.
Зубами онъ дробитъ мундштукъ изъ стали,
То одолѣвъ, чѣмъ мощь одолѣвали.

Прядя ушьми и гриву распуская
На гордой шеѣ пышнымъ бунчукомъ,
Ноздрями воздухъ пьетъ онъ, выпуская
Его назадъ дымящимся клубкомъ,
И взоръ его огнемъ мятежнымъ блещетъ,
И дико страсть съ отвагой въ немъ трепещетъ.

ВЕНЕРА И АДОНИСЪ

Картина Тиціана (Tiziano Vecellio, 1477–1576).

То онъ идетъ, какъ будто рысь считая,
Такъ гордо сдержанъ, величаво тихъ,
То вдругъ взовьется, спину выгибая,
Какъ бы сказать желая: „Какъ и лихъ!
И это все единственно творится,
Чтобъ видѣла вотъ эта кобылица".

Что для него гнѣвъ всадника, укоры
И льстивое „ну-ну" и—„стой! Куда!"
Что удила и колющія шпоры,
Цвѣтной чепракъ и сѣдла, и узда!
Онъ лишь одной возлюбленною занятъ.
Ничто другое гордый взоръ не манитъ.

Стараяся коня изображенье
Прекраснаго и сильнаго создать,
Зоветъ на помощь мастеръ вдохновенье,
Но мертвымъ ли живое поучать!
Такъ этотъ конь отвагой, силой, статью
И быстротой—превосходилъ всю братью.

Круглокопытый, плотный и пригожій,
Былъ онъ глазастъ, грудастъ и тонконогъ;
Широкій крупъ, шерсть—шелкъ на нѣжной кожѣ;
Малоголовъ, короткоушъ и строгъ.
Такихъ коней и нѣтъ, и не бывало.
Лишь всадника ему не доставало.

Зашевелится ль перышко,—пугливо,—
Онъ встанетъ... Мигъ и мчится по чертѣ.
Бѣжитъ ли онъ, летитъ ли горделиво;
Свистъ вѣтра слышенъ въ гривѣ и въ хвостѣ;
Онъ волосы вздымаетъ безъ усилья,
Какъ легкія и перистыя крылья.

Взирая на возлюбленную съ страстью,
Онъ ржетъ; она ему отвѣтно ржетъ.
Какъ женщина, гордясь своею властью,
Она его любовью небрежетъ,
Сторонится съ насмѣшкою холодной
И избѣгаетъ ласки благородной.

Печально несчастливецъ опускаетъ
Свой пышный хвостъ на жаркій крупъ крыломъ
И тѣмъ его немного освѣжаетъ...
Докучныхъ мухъ онъ злобно ловитъ ртомъ.
А кобылица, видя, какъ онъ бѣшенъ,
Ласкается, и скоро конь утѣшенъ.

Разсерженный хозяинъ хочетъ снова
Его схватить. Но кобылица вдругъ,
Пугается намѣренья лихого,
Бѣжитъ сама и вслѣдъ за нею—другъ.
Оставленъ Адонисъ. Они несутся
Быстрѣй воронъ, что вслѣдъ за ними вьются.

И Адонисъ, надувшись темной тучей,
Сѣлъ, проклиная буйнаго коня,
Къ ея услугѣ вновь счастливый случай,
Хотя она устала отъ огня.
Влюбленные твердятъ, что сердце втрое
Несчастнѣе, тая страданье злое.

Печь горячѣй, когда она закрыта.
Рѣка сильнѣй, плотиной заперта.
Не то-ли грусть, когда въ безмолвьи скрыта!
Любовь смирнѣй, когда у ней уста!
Но чуть защитникъ сердца онѣмѣетъ,—
Разбитое, теряется, хирѣетъ.

Онъ близостью ея воспламенился:
Такъ пламеннѣе уголь на вѣтру.
Нахмурился, надвинулъ шлемъ, смутился
И на землю глядитъ, какъ поутру,
Вниманья на нее не обращая
И все-жъ невольно сбоку замѣчая.

О, что за диво поглядѣть, какъ съ лаской
Подкрадывалась къ юношѣ любовь!
Какъ на лицѣ смѣнялась краска краской,
Какъ въ ней играла и боролась кровь!
То вдругъ блѣдна, а то румянецъ хлынетъ
Зарницею... Освѣтитъ и покинетъ.

Вотъ на колѣни пламенно и нѣмо
Предъ юношей склоняется она,
Одной рукой его касаясь шлема,
Другой—щеки, которая нѣжна
Такъ, что на ней слѣдъ пальцевъ остается,
Какъ на снѣгу, когда рука коснется.

О, поединокъ взглядовъ! Не обидѣть
Ея глаза должны—молить его.
Его глаза хотятъ не видѣть,
Ея глаза все молятъ одного...
Роль хора дивно слезы исполняли
И пантомиму всю истолковали.

Его рука въ рукѣ богини нѣжной:
Лилейный плѣнникъ въ замкѣ снѣговомъ,
Холодный мраморъ въ пѣнѣ бѣлоснѣжной.
Другъ бѣлизной равняется съ врагомъ.
О, поединокъ силы и желанья,
Плѣнительный, какъ горлицъ воркованье!

И вновь языкъ, глашатай думъ призывный,
Твердитъ: „Вѣнецъ земли и бытія,
Будь мною ты, а я—мужчина дивный,
Ты—раненъ въ сердцѣ, а здорова я,
За взглядъ одинъ тебя-бъ я исцѣлила,
За нѣжнѣй взглядъ, хотя-бъ затѣмъ—могила".
„Не щупай руку!—онъ кричитъ:—довольно!"
„Верни мнѣ сердце. Я боюсь, оно
Къ словамъ любви утратитъ слухъ невольно,
Твоимъ глухимъ навѣкъ закалено.

Оно любовныхъ вздоховъ не услышитъ
Все по винѣ того, кѣмъ нѣжно дышитъ".

„Пусти! оставь! кричитъ онъ. Какъ не стыдно!
Я потерялъ охоту... Нѣтъ коня,
Изъ за тебя все это, очевидно!
Уйди, оставь здѣсь одного меня.
Всѣ мысли къ одному летятъ, какъ птицы,—
Какъ увести коня отъ кобылицы".

Она въ отвѣтъ: „Твой конь и кобылица
Внимаютъ страсти: такъ и суждено.
Желаніе въ любви должно излиться,
Иначе сердце будетъ сожжено.
Предѣлъ есть морю, страсти нѣтъ предѣла,
Такъ мудрено-ль, что конь умчался смѣло?

Онъ, къ дереву привязанный уздою,
Стоялъ, какъ кляча. Увидалъ ее
И разорвалъ съ презрѣньемъ и враждою
Ничтожное препятствіе свое,
Все сбросилъ онъ, какъ гнусную личину,
Освободивъ свой ротъ и грудь и спину.

Кто, милую увидѣвъ обнаженной,
Бѣлѣй простынь, такъ будетъ слабъ душой,
Что, жадно взоръ насытивши влюбленный,
Не усладитъ всѣ органы красой?
Слабъ до того, что даже не посмѣетъ
Стать у огня, когда похолодѣетъ.

Позволь коня, красавецъ, предъ тобою
Мнѣ оправдать: учися у коня
Ловить восторгъ. Будь я совсѣмъ нѣмою,
Онъ дѣйствіемъ научитъ за меня.
Учись любить. Ученье такъ несложно;
Разъ изучивъ, забыть ужъ невозможно".

„Любви не знаю я и не желаю!
Будь вепрь любовь,—за ней бы гнался я.
При ней—долги,—я въ долгъ не принимаю.
Презрѣнье—вотъ любовь къ любви моя.
Жизнь въ смерти—въ этомъ все ея призванье.
Въ ней смѣхъ и плачъ слились въ одно дыханье.

Кто сметанное платье одѣваетъ?
Кто почку рветъ, не выждавъ лепестокъ?
Знай, кто рости незрѣлому мѣшаетъ,
Навѣрное погубитъ весь ростокъ.
Кто кобылицу обратаетъ рано,
Погубитъ въ ней красу и крѣпость стана.

Разстанемся! Не жми мнѣ руку: больно.
Брось праздную, пустую болтовню.
Оставь атаку, сердце своевольно,
Въ немъ мѣста нѣтъ любовному огню.
Брось клятвы, лесть и слезы: все притворно.
Брешь не пробить, коль сердце такъ упорно"

„Какъ! У тебя языкъ! О, лучше-бъ было
Его не знать, иль слухъ утратить мнѣ!
Мнѣ грудь сирена—рѣчь твоя пронзила.
И было тяжко, а теперь—вдвойнѣ.
О, диссонансъ блаженный! Рѣзкость рая!
Для уха пѣснь, для сердца рана злая!

Будь я безъ глазъ,—имѣя уши, все-же
Любила-бъ я, красу твою цѣня.
Будь я глуха, твой внѣшній обликъ тоже
Затронулъ-бы всѣ чувства у меня.
Будь лишена я слуха, даже зрѣнья,—
Есть для любви еще прикосновенье.

Но будь я лишена и осязанья,
Безъ этихъ чувствъ осталось бы одно:
Моей любви довольно обонянья,
Чтобъ было ей все существо полно.
Твое лицо—источникъ ароматный,
Поитъ любовью запахъ благодатный.

Какое-бъ вкусу далъ ты наслажденье,
Кормилецъ чувствъ другихъ! Какъ не желать,
Чтобъ вѣчно длился пиръ, чтобъ подозрѣнье
Дверь ревности не смѣло открывать,
И появленье гостьи нежеланной
Не нарушало праздникъ ихъ вѣнчанный!"

Открылась дверь рубиновая, снова
Давая путь плѣнительнымъ рѣчамъ.
Такъ пурпуръ зорь пророчески сурово
Вѣщаетъ вихрь, несчастье пастухамъ,
Смерть моряку, погибель птицѣ, звѣрю,
Стадамъ, полямъ—ужасную потерю.

Тревожный знакъ замѣченъ ею: строже
Тишь передъ грозой. Желая зарычать,
Волкъ скалитъ зубы. Лопается кожа
На ягодѣ, предъ тѣмъ, какъ запятнать.
Ей мысль его раскрылась прежде рѣчи:
Звукъ выстрѣла стремительнѣй картечи.

Она въ безсильи падаетъ отъ взгляда:
Взглядъ оживляетъ и мертвитъ любовь.
Для жгучихъ ранъ въ улыбкѣ есть услада
Благословенъ, кто ей излѣченъ вновь.
Жива-ль она? Довѣрчивый трепещетъ.
Ей треплетъ щеку, и румянецъ блещетъ.

Растерянный, забылъ онъ все, что было;
Забылъ укоръ и выговоры онъ:
Любви уловка все предотвратила.
Хвала ему, что такъ вооруженъ!
Въ травѣ она покоилась безъ слова.
Его дыханье жизнь даритъ ей снова.

ВЕНЕРА И АДОНИСЪ.

Картина Рубенса (Rubens) 1577—1640.

Ее онъ за носъ тянетъ, губы грѣетъ,
То схватитъ пульсъ, то пальцы ей согнетъ,
То щеки треплетъ. Словомъ, какъ умѣетъ
Бѣду отвлечь старается... И вотъ,
Ее цѣлуетъ. Все Венера слышитъ,
Но, чтобъ продлить блаженство, еле дышитъ.

Два голубыхъ окна она раскрыла:
Ночь скорби снова стала яснымъ днемъ.
Такъ всей природѣ радуется сила,
Лишь солнце встанетъ въ блескѣ золотомъ,
И, какъ лазурь освѣщена лучами,
Ея лицо освѣщено очами.

Въ его лицѣ лучи ихъ утопали,
Какъ будто въ немъ свой свѣтъ она нашла
Четыре свѣта ярче не сіяли,
Но ихъ смущалъ суровый гнѣвъ чела,
А взоръ ея, сквозь блескъ слезы, влюбленный,
Свѣтилъ, какъ мѣсяцъ, влагой отраженный.

„Гдѣ я? На небѣ? На землѣ? Не знаю.
Въ огонь, иль океанъ погружена?
Который часъ? День, вечеръ-ли встрѣчаю?
Желанна-ль смерть, иль жизни я полна?
Жила я,—жизнь, какъ смерть меня томила,
А умерла,—меня живитъ могила.

Вѣдь ты убилъ меня, убей-же снова.
Свои глаза и сердце научилъ
Ты презирать любовь мою сурово
И тѣмъ бездушно сердце умертвилъ.
Мои глаза покрылъ-бы сумракъ ночи,
Не будь уста твои добрѣй, чѣмъ очи.

О, пусть они цѣлуются за это!
Пусть пурпуръ ихъ не блекнетъ никогда,
И сохранитъ всю свѣжесть ихъ разцвѣта,
Чтобъ отгонять заразные года,
И пусть включитъ астрологъ въ предсказанье,
Что прогнало чуму твое дыханье.

Твои уста моимъ—печать святая.
Какой контрактъ для нихъ изобрѣсти?
Себя продать готова для тебя я,
Но будь купцомъ и щедро заплати.
Чтобы скрѣпить покупку безъ изъятья,
Жду на мои уста твою печать я.

Я поцѣлуевъ тысячу вручаю.
Ты оплати одинъ по одному.
Подобный счетъ пустякъ тебѣ... я знаю—
Уплатишь ихъ, тогда конецъ всему.
Будь неуплатой долгъ удвоенъ,—право,
И двѣсти сотъ тебѣ одна забава“.

„Царица, если любишь хоть немного,—
Незрѣлостью строптивость объясни.
Я раньше самъ себя провѣрю строго.
Рыбакъ не станетъ трогать мелкотни.
Созрѣвши, слива падаетъ; до срока
Она кисла, пріятна лишь для ока.

Смотри, живитель міра, утомленный,
На западѣ кончаетъ день труда.
Кричитъ сова. Ужъ поздно. Отдыхъ сонный
Спѣшатъ вкусить и птицы, и стада,
И облака, скрывъ сводъ небесный тьмою,
Зовутъ и насъ къ разлукѣ и покою.

Спокойной ночи. Этимъ же привѣтомъ
Откликнись ты,—я поцѣлуй свой дамъ“.
„Спокойной ночи“.—Онъ съ ея отвѣтомъ
Свои уста прижалъ къ ея устамъ.
Она беретъ его въ объятья смѣло.
Лицо съ лицомъ слилося, съ тѣломъ—тѣло.

Онъ, задыхаясь, быстро отнимаетъ
Росу небесъ—коралловый свой ротъ.
Безцѣнный вкусъ уста ея ласкаетъ,
Но жажда ихъ тѣмъ болѣе гнететъ.
Они на землю падаютъ, цѣлуясь.
Она, желая, онъ лишь повинуясь.

Тогда она беретъ добычу страстно,
Но жадности не можетъ утолить.
Ея уста въ его впилися властно.
Свой выкупъ онъ обязанъ уплатить.
Но ненасытнѣй коршуна желанье:
Всю влагу пьетъ изъ устъ ея лобзанье.

Почуявъ прелесть грабежа, готова
Она добычу обобрать до тла.
Горитъ лицо, покрыто влагой снова.
Вся кровь кипитъ, и страсть ея смѣла.
Въ забвеніи, съ стыдомъ румянымъ вмѣстѣ,
Она не помнитъ разума и чести.

Въ ея объятьяхъ слабый, распаленный,
Какъ птица, прирученная вполнѣ,
Дикарь-олень, погоней утомленный,
Иль—какъ дитя въ невольномъ полуснѣ,
Онъ ей покоренъ, а она хватаетъ
Все то, что можетъ, но не что желаетъ.

И твердый воскъ смягчаетъ пальцевъ нѣжность,
Чуть-чуть коснись, на немъ оставишь слѣдъ.
Отвага побѣждаетъ безнадежность.
Гдѣ есть любовь,—границъ свободѣ нѣтъ.
Любовь не трусъ, у цѣли не блѣднѣетъ,
Въ ней отъ преградъ настойчивость смѣлѣетъ.

Уйти она отъ гнѣва и укоровъ,
Ей нектаръ пить изъ устъ бы не пришлось,
Любви-ль бѣжать отъ злобныхъ словъ и взоровъ?
Изъ-за шиповъ не рвать-ли пышныхъ розъ?

Будь красота хоть подъ семью замками.
Любовь сорветъ ихъ сильными руками.

Она его удерживать не можетъ
Изъ жалости. Онъ проситъ отпустить.
Венера Адониса не тревожитъ,
Прощаясь, молитъ сердце лишь хранить.
Клянется лукомъ Купидона свято,
Что сердце онъ уноситъ безъ возврата.

„Красавецъ мой, я проведу уныло
Всю эту ночь. Любовь не дастъ мнѣ спать.
Увидимся-ли завтра мы, мой милый?
Увидимся-ль? Даешь свою печать?
„О, нѣтъ! Съ друзьями связанъ я обѣтомъ—
На вепря въ лѣсъ отправиться съ разсвѣтомъ".

„На вепря"? Блѣдность щеки ей покрыла,
Какъ розу—полотно, она дрожитъ,
Руками шею обхватила;
Сковавъ его, она на немъ виситъ
И на спину съ нимъ вмѣстѣ упадаетъ
Онъ прямо на животъ ей угождаетъ.

Теперь любви—завѣтная арена.
Для жаркой схватки рыцарь на конѣ.
Ей грезится ужъ пламенная сцена;
Онъ хоть на ней, но съ нею не вполнѣ.
Ея страданье хуже мукъ Тантала:
Элизіумъ обнявъ, имѣть такъ мало!

На виноградъ рисованный слетаясь,
Бѣдняжки птицы только тѣшатъ глазъ,
Измучатся, вполнѣ не наслаждаясь,—
Такъ и она вотще къ любви рвалась,
Не видя въ немъ желаемаго пыла,.
Лобзаньями она его налила.

Напрасно все. Не сбудутся желанья.
Всѣ ухищренья слабы для препонъ.
Ея мольбы достаточны воздаянья,
Она—вся страсть и все-жъ безстрастенъ онъ.
„Ой",—онъ кричитъ, „ты давишь точна лава,
Зачѣмъ? Пусти! Ты не имѣешь права!"

„О, мальчикъ мой, тебя-бы отпустила
Ужъ я давно... Но этотъ вепрь... Повѣрь,
Нужна совсѣмъ окрѣпнувшая сила,
Чтобы копьемъ пронзенъ былъ страшный звѣрь.
Свои клыки огромные онъ точитъ,
Какъ ножъ мясникъ, когда зарѣзать хочетъ.

На выгнутой спинѣ его, какъ пики,
Щетина иглъ—защита въ злой бѣдѣ.
Его глаза блестящи, страшны, дики,
Могилы роетъ рыломъ онъ вездѣ.
Онъ въ ярости преграды не выноситъ
Что ни ударъ, врага клыками коситъ.

Его бока щетинисты, упруги.
Ты не пронзишь ихъ тоненькимъ копьемъ,
И грудь его и шея, какъ въ кольчугѣ,
Онъ въ бѣшенствѣ поспоритъ силой съ львомъ.
Тернистые кустарники, какъ слуги,
Предъ нимъ тогда сторонятся въ испугѣ.

Онъ ни во что твой дивный ликъ не ставитъ,
Твой дивный ликъ, любви живой кумиръ,
Глаза и ротъ и руки,—все, что славитъ
За красоту и совершенство міръ,
Вепрь, одолѣвъ тебя,—о, видъ ужасный!—
Все розорветъ, сомнетъ, какъ лугъ прекрасный.

Пусть онъ въ своей берлогѣ остается:
У злобы съ красотою счетовъ нѣтъ.
Зачѣмъ искать опасности? Живется
Тѣмъ хорошо, кто чтитъ друзей совѣтъ.
Ты назвалъ вепря. Я затрепетала
За жизнь твою, и сердце горе сжало.

Вѣдь ты замѣтилъ, какъ я поблѣднѣла!
Вѣдь ты прочелъ въ глазахъ невольный страхъ?
Я на землю упала, помертвѣла,
Ты на груди лежалъ въ моихъ рукахъ
И чувствовалъ въ груди моей біенье.
Не мнилось-ли тебѣ землятрясенье?

Тамъ, гдѣ любовь,—на стражѣ ревность злая,
И въ мирный часъ коварно, то и знай,
Тревогу и мятежъ подозрѣвая,
Она кричитъ: „Измѣна! Убивай!"
Покой любви она безумно рушитъ:
Такъ сильный дождь и вѣтеръ пламя тушитъ.

Развѣдчикъ злой, шпіонъ, доносчикъ ярый,
Противный червь, грызущій вешній цвѣтъ,
О, сплетница, о, ревность, знамя свары,
Предвѣдѣнье, а чаще—злой навѣтъ,—
Она стучитъ мнѣ въ сердце и пророчитъ,
Что смерть отнять возлюбленнаго хочетъ.

Передъ глазами—страшная картина:
Взбѣшенный вепрь... Поверженный клыкомъ,
Ты на спинѣ, въ крови... Близка кончина,
И на цвѣты струится кровь ручьемъ,
И, чувствуя, кого они теряютъ,
Цвѣты головки грустно опускаютъ.

Что сталось бы въ подобный мигъ со мною,

Когда боюсь намека одного!
Кровь сердца бьетъ горячею волною
И ужасъ вѣщимъ дѣлаетъ его;
И, если завтра ты пойдешь на звѣря,
Мнѣ скорбь твердитъ, что ждетъ меня потеря.

Но если такъ охота неизбѣжна,
Гонись за робкимъ зайцемъ, за лисой
Пронырливой, козелей быстробѣжной;
Преслѣдуй ихъ въ обрызганной росой
Густой травѣ. На лошади горячей
Несись имъ вслѣдъ со сворою собачьей.

Когда тобою вспугнутъ вдругъ зайчишка.
Замѣть, какъ онъ скрываясь отъ бѣды,
Быстрѣе вѣтра мчится прочь, трусишка,
Скрывается и путаетъ слѣды,
Бросается въ проломы стѣнъ, проходитъ
По лабиринтамъ и врага изводитъ.

Въ стада овецъ вбѣгаетъ онъ порою.
Чтобъ обмануть ихъ запахомъ собакъ,
Иль къ кролику метнется землерою,
И тутъ молчитъ запыхавшійся врагъ;
А то бѣжитъ къ оленямъ онъ въ кочевки!
Страхъ будитъ умъ, опасность—всѣ снаровки.

Тамъ, гдѣ смѣшалъ онъ запахъ свой съ другими,
Сбитъ съ толку нюхъ разгоряченныхъ псовъ;
Смолкаетъ лай. Но вотъ открыто ими,
Что спутанъ слѣдъ. На сотни голосовъ
Тогда они взываютъ. Вторитъ эхо,
Какъ будто тамъ еще одна потѣха.

Тѣмъ временемъ зайчишка на пригоркѣ,
На заднихъ лапахъ. Слухъ настороженъ:
Оплошны-ли враги его, иль зорки?
Вотъ громкій шумъ опять услышалъ онъ.
Ахъ, съ чѣмъ тогда сравнится духъ печальный?
Такъ звонъ больной внимаетъ погребальный.

Какъ жалокъ онъ въ безпомощной тревогѣ!
Какъ онъ бѣжитъ, зигзагами кружа!
Терновникъ злой до крови ранитъ ноги.
Чуть шорохъ, тѣнь—и замеръ онъ, дрожа.
Бѣду сдавить тотъ можетъ, кто несчастенъ,
Но раздавить совсѣмъ никто не властенъ.

Лежи спокойно, слушай продолженье
И не борись. Теперь тебѣ не встать.
Чтобъ отвратить отъ вепря, поученье—
Хоть не къ лицу мнѣ,—я должна читать,
И такъ и сякъ сравненья подбирая:
Въ любви печаль угадана любая.

Ахъ, да! На чемъ же я остановилась?
„Не все-ль равно... Пусти и вотъ весь сказъ,
Минула ночь". „Такъ что-же?" „Все затмилось;
Меня друзья ждутъ дома. Послѣдній часъ.
Я упаду". Она въ отвѣтъ: „Напрасно:
Любовь во тьмѣ все видитъ очень ясно.

А упадешь, земля, влюбившись, значитъ,
Твой поцѣлуй старается украсть.
Сокровище и честныхъ озадачитъ
И къ воровству у нихъ пробудитъ страсть.
И въ облакахъ Діаны ликъ волнуемъ:
Ну, какъ обѣтъ нарушитъ поцѣлуемъ.

Причину тьмы луна мнѣ объяснила:
То Цинтія стыдится за мечты.
Предательство природа совершила,
Укравъ съ небесъ всѣ формы красоты;
Въ нихъ отлила тебя она безпечно,
Чтобъ затмевать луну и солнце вѣчно.

И даже Парки получили взятки,
Чтобы природы трудъ затормозить,
Чтобъ красоту смѣшать и недостатки,
Уродствомъ совершенство исказить,
И красоту подвергнуть злобной власти
Безумія и гибельной напасти.

Горячка, немочь, злыя лихорадки,
Слѣпое помѣшательство, чума,
Болѣзнь въ костяхъ, чьи злобные припадки
Бунтуютъ кровь, а мозгъ скрываетъ тьма,
Пресыщенность, отчаянье, печали
За образъ твой природѣ „смерть" сказали.

Изъ недуговъ малѣйшій побѣждаетъ
Въ бореніи минутномъ красоту,
Благоуханье, краски прелесть ту,
Которая и чуждый взоръ ласкаетъ.
Лишь заблеститъ горячій лучъ побѣдно,
Она растаетъ быстро и безслѣдно.

На зло безплодной дѣвственности, блѣднымъ
Весталкамъ, чуждымъ страсти огневой,
Монахинямъ себялюбивымъ—вреднымъ,
Желающимъ уменьшить родъ людской,
Будь свѣточемъ, расходующимъ масло,
Чтобъ въ сумракѣ лампада не погасла.

Что это тѣло? Жадная могила.
Потомство хоронящая въ себѣ.
Его судьба на жизнь благословила,
А ты идешь наперекоръ судьбѣ.
Міръ презирать тебя за это вправѣ:
Твое упорство—гибель свѣтлой славѣ.

Въ самомъ себѣ погибнешь ты безцѣльно:
Несчастье злѣй, чѣмъ братская война.
Страшнѣй самоубійства безпредѣльно
Дѣтоубійства мрачная вина.

Ѣотъ ржавчина сокровище безплодно,
А золото въ ходу ростетъ свободно".

Но Адонисъ въ отвѣтъ: „Съ напраснымъ жаромъ
Ты воскресила прежній разговоръ.
Свой поцѣлуй я, видно, отдалъ даромъ.
Теченью ты идешь наперекоръ.
Клянусь я тьмой, кормилицей порока,
Возненавижу я тебя глубоко.

Имѣй ты двадцать тысячъ языковъ,
Одинъ краснорѣчивѣе другого,
Хотя-бъ нѣжнѣй сирены пѣло слово,
Мнѣ все равно, я глухъ для этихъ словъ.
На стражѣ уха сердце крѣпче стали,
Чтобъ лживыя слова не обольщали.

Чтобъ въ тайники души моей кристальной
Плѣнительный напѣвъ ихъ не проникъ,
Чтобъ не погибло сердце въ тотъ же мигъ,
Утративши покой, въ опочивальнѣ.
Нѣтъ, нѣтъ, царица, сердце спитъ глубоко
Здоровымъ сномъ, покуда одиноко.

Все, что сказала ты, опровержимо.
Проторена къ опасности тропа.
Я не любовь кляну неумолимо,
А то, что такъ любовь твоя слѣпа.
„Все для потомства". Это—ль оправданье!
Разсудокъ—сводня, похоть—приказанье.

Лишь сладострастье потное явилось,
Любовь съ земли исчезла съ этихъ поръ.
Подъ обликомъ любви оно сокрылось
И красоту пятнаетъ, какъ позоръ.
О, злой тиранъ! Она все губитъ въ нѣгѣ,
Какъ гусеница свѣжіе побѣги.

Какъ солнце за дождемъ—любовь желанна.
Но сладострастье послѣ солнца—мгла.
Весна любви всегда благоуханна,
А сладострастье—холодъ въ дни тепла.
Любовь неутомима и правдива,
А то—грѣшно, прожорливо и лживо.

Еще бъ я могъ прибавить, да не смѣю:
Ораторъ зеленъ, проповѣдь ветха.
Съ моимъ стыдомъ, съ досадою моею
Я ухожу подальше отъ грѣха.
Отъ словъ твоихъ, исполненныхъ разврата,
Такъ и пылаютъ уши виновато".

Тутъ изъ объятій выскользнулъ онъ живо,
Изъ дивныхъ рукъ, державшихъ на груди,
Чрезъ темный лугъ бѣжитъ нетерпѣливо,
Любовь лежать оставивъ позади.
Вотъ метеоръ, блеснувъ, исчезъ въ просторѣ:
И отъ Венеры милый скрылся вскорѣ.

И взоръ ея слѣдитъ за нимъ безмолвно:
Такъ съ берега слѣдятъ за кораблемъ,
Пока его не скроютъ, пѣнясь волны,
Навстрѣчу тучъ бѣгущія гуртомъ.
И, наконецъ, все то, что взору мило,
Черна, какъ смоль, глухая ночь покрыла.

Поражена утратой сердца нѣжной,
Сокровище сронившая въ потокъ,
Она одна, какъ путникъ безнадежный,
Въ глухомъ лѣсу сгубившій огонекъ.
Такъ горестно во тьмѣ она лежала,
Утративъ то, что ей въ пути сіяло.

Она себя бьетъ въ сердце: сердце стонетъ,
И всѣ пещеры повторяютъ стонъ,
И страсть вдвойнѣ одна другую гонитъ,
Взволновано звуча со всѣхъ сторонъ.
И двадцать разъ кричинъ она: „О, горе!"
И двадцать разъ рыдаетъ эхо, вторя.

Она въ отвѣтъ тоскливо пѣснь слагаетъ.
Любовь безумна въ мудрости,—умнѣй
Въ безуміи, она преображаетъ
Юнца въ раба, а стариковъ—въ дѣтей.
Кончаетъ пѣснь она стенаньемъ горя,
И хоромъ ей рыдаетъ эхо, вторя.

И пѣснь ея всю ночь звучала внятно.
Часы влюбленныхъ кратки и длинны:
Имъ весело, такъ вѣрно всѣмъ пріятно.
Среди такихъ забавъ повторены
Ихъ розсказни, и въ грезахъ безпримѣрныхъ
Кончаются безъ слушателей вѣрныхъ.

Съ кѣмъ эту ночь бѣдняжка скоротаетъ?
Живетъ одно лишь только эхо тамъ,
Какъ половой крикливый, отвѣчаетъ,
Потворствуя капризнымъ острякамъ.
Она промолвитъ: „Такъ"—„Такъ"—эхо вторитъ,
А если „нѣтъ" и съ „нѣтъ" оно не споритъ.

Проснувшись, жаворонокъ голосистый
Несется въ высь, омывшися въ росѣ,
И будитъ день. Съ его груди серебристой
Восходитъ солнце въ пламенной красѣ
И такъ холмы и рощи озаряетъ,
Что зелень ихъ, какъ золото, сіяетъ.

Венера шлетъ ему привѣтъ прекрасный:
„О, покровитель свѣта, божество!
Звѣзда горитъ твоею силой ясной,
Ты ей даришь свой блескъ, какъ волшебство.
Но въ мірѣ смертный есть; онъ обаяньемъ
Затмитъ тебя, какъ ты другихъ—сіяньемъ".

И въ рощу миртъ она спѣшитъ отъ свѣта,
Дивясь тому, что день уже высокъ,
А отъ него ни вѣсти, ни привѣта.

Не слышны-ли хоть псы его, иль рогъ?
Вотъ лай собакъ она внимаетъ вскорѣ,
На крикъ бѣжитъ съ надеждою во взорѣ.

Но на пути хотятъ кусты и травы
Обнять ее, лицо поцѣловать.
Вкругъ бедръ они свиваются лукаво,
Приходится объятья разрывать.
Такъ лань спѣшитъ съ набухшими сосцами
Дѣтенка накормить между кустами.

Тревожный лай: въ опасности собаки.
Какъ путникъ, перепуганный змѣей,
Свернувшійся спиралью въ полумракѣ,
Стоитъ, дрожитъ, отъ страха самъ не свой,—
Такъ вой собакъ все сердце ей тревожитъ,
Пугаетъ умъ и духъ тоскою гложетъ.

Сомнѣнья нѣтъ, ужъ это не потѣха:
Тамъ грозный вепрь, медвѣдь, иль дерзкій левъ.
Собачій лай все ближе, ближе эхо.
Одна другой трусливѣй, присмирѣвъ,
Передъ врагомъ, поднявшимъ эту гонку,
Онѣ отъ страха пятятся въ сторонку.

Въ ея устахъ звучитъ ужъ крикъ зловѣщій;
Онъ черезъ слухъ и въ сердце ей проникъ.
И блѣдный страхъ, холодный злой и вѣщій,
Сковалъ ей вдругъ всѣ чувства и языкъ.
Такъ, потерявъ полковника, солдаты
Бѣгутъ позорно, ужасомъ объяты.

Вся трепеща, стоитъ она въ волненьи.
Но робкихъ чувствъ разсѣявши туманъ,
Твердитъ себѣ, что то—воображенье,
Что весь испугъ—пустой самообманъ:
Что нечего напрасно бить тревогу.
Вепрь въ этотъ мигъ выходитъ на дорогу.

Въ пурпурныхъ пятнахъ ротъ его вспѣненный,
Какъ будто кровь смѣшалась съ молокомъ.
Вновь страхъ ее терзаетъ изступленный,
Влечетъ впередъ невѣдомымъ путемъ;
То вдругъ назадъ она рванется снова
И вепря умертвить сама готова.

На тысячи путей она стремится;
Возьметъ одинъ и тотчасъ—на другой.
Волнуется, спѣшитъ и суетится.
Мозгъ опьянѣлъ отъ страха, какъ шальной,
Онъ мыслей полнъ, но мысль не избираетъ,
Хватается за все и все бросаетъ.

Вотъ песъ одинъ сокрылся въ глушь съ поляны.
Она кричитъ: „Что твой хозяинъ? Гдѣ"
Другой себѣ вылизываетъ раны—
Единственное средство при бѣдѣ;
И къ третьему стремится съ восклицаньемъ,—
Тотъ отвѣчаетъ жалобнымъ стенаньемъ.

Когда ужасный этотъ стонъ смолкаетъ,—
Съ отвислыми губами, черный, злой,
Его товарищъ къ небу завываетъ,
А этому отвѣтствуетъ другой.
Поджавъ хвосты, они трясутъ ушами,
Съ которыхъ кровь на землю льетъ ручьями.

Какъ смертные страшатся, замирая,
Всѣхъ знаменій, видѣній и чудесъ,
Явленья ихъ испугомъ наблюдая
И видя въ нихъ пророчество небесъ,
Такъ и она отъ страха замираетъ,
Взываетъ къ смерти, стонетъ и рыдаетъ.

„Уродъ-тиранъ, кащей, червь гнусномерзкій"
Она ругаетъ смерть. „Разлучникъ злой!
Зачѣмъ ты отнялъ, скаля зубы звѣрски,
Того красу, дыханье, кто живой
Красою розу надѣлялъ, дыханьемъ
Фіалку наливалъ благоуханьемъ.

Онъ умеръ. О, какое преступленье
Сразить красу такую, ароматъ!
Но для того, чтобъ видѣть, надо зрѣнье,
А ты разишь безумно наугадъ.
Ты въ старость мѣтишь, а стрѣла не кстати
Летитъ и глядь—ужъ въ сердцѣ у дитяти.

Предупреди ты юношу, и вскорѣ
Онъ голосомъ тебя-бы превозмогъ.
Проклятьемъ встрѣтятъ Парки это горе.
Ты вмѣсто плевелъ вырвала цвѣтокъ.
Онъ цѣлью былъ стрѣлы любви блаженной,
Не черной смерти мрачной и презрѣнной.

Ты слезы льешь... Иначе—что-же это!
Зачѣмъ тебѣ смертельный этотъ стонъ?
Зачѣмъ глаза, для всѣхъ источникъ свѣта,
Ты ввергнула въ ненарушимый сонъ?
Теперь къ тебѣ природа равнодушна:
Ты лучшій цвѣтъ похитила бездушно".

И тутъ съ глухимъ отчаяніемъ вѣки
Она сомкнула: двѣ преграды слезъ,
Стекающихъ, какъ горестныя рѣки,
Къ ея груди каналами изъ розъ.
Но черезъ нихъ пробился дождь сребристый
И раскрываетъ снова взглядъ лучистый.

О, какъ глаза ея дружны съ слезами:
Они въ слезахъ видны, а слезы—въ нихъ.
Два хрусталя мѣняются лучами,
И сохнетъ скорбь отъ вздоховъ неземныхъ.

УМИРАЮЩІЙ АДОНИСЪ.

Статуя Микель-Анджело (Michelangelo Buonarotti, 1475—1564).

ВЕНЕРА И УМИРАЮЩІЙ АДОНИСЪ.

Картина итальянскаго художника Турки (Alessandro Turchi, 1582—1649).

И юноша, лежавшій съ ней, убитый,
Исчезъ изъ глазъ, какъ легкій паръ весной.
Изъ теплой крови, на землю пролитой,
Расцвѣлъ цвѣтокъ пурпурный съ бѣлизной:
То Адониса блѣдныя ланиты
Казались кровью алою облиты.

Она склоняетъ голову, внимая
Дыханье Адониса—ароматъ.
Онъ будетъ жить въ груди ея сіяя,
Но смерть его ужъ не отдастъ назадъ.
Она срываетъ стебель: сокъ зеленый—
То капли слезъ души неосквернённой.

О, бѣдный цвѣтъ, таковъ тебя создавшій:
Ты нѣжный сынъ,—отецъ нѣжнѣй тебя,
Онъ, въ слабой грусти слезы проливавшій,
Желалъ, какъ ты, цвѣсти лишь для себя.
Въ его крови тебѣ отрадно кануть,
Но на груди моей милѣе вянуть,

Тутъ, какъ въ отцовской ласковой постели,
Отъ крови—кровь, по праву всѣмъ владѣй,
Покойся какъ въ цвѣтущей колыбели,
А сердце будетъ нянею твоей,
И каждый мигъ, цвѣтокъ любви, тоскуя,
Тебя лелѣять буду я, цѣлуя.

Такъ міръ она бросаетъ утомлено.
Вотъ пара серебристыхъ голубей
Запряжены, и въ вышинѣ бездонной
Летитъ она все дальше и быстрѣй,
Полетъ свой правя въ Патмосъ: тамъ царица
Отъ смертныхъ глазъ спѣшитъ навѣкъ сокрыться.

А. М. Ѳедоровъ.

LVCRECE.

LONDON.
Printed by Richard Field, for Iohn Harriſon; and are
to be ſold at the ſigne of the white Greyhound
in Paules Church-yard. 1594.

(Заглавный листъ перваго изданія «Лукреція» оригинальная величина).

ЛУКРЕЦІЯ.

I.

Съ „Венерой и Адонисомъ" принято сопоставлять „Лукрецію"; виною этому самъ поэтъ, который посвятилъ эту послѣднюю поэму тому же графу Саутгемптону, и притомъ всего годомъ позже, и написалъ ее лирикоэпическими строфами, съ виду очень схожими съ шестистишными строфами той, первой поэмы. Тѣмъ не менѣе это сопоставленіе несправедливо: если внѣшнія примѣты сближаютъ „Лукрецію" съ „Венерой и Адонисомъ", то по своему внутреннему достоинству она предваряетъ съ одной стороны „Коріолана" и „Цезаря", съ другой—„Отелло" и „Цимбелина". Передъ нами не юношескій опытъ, а зрѣлое, самоувѣренно величавое произведеніе.

Съ Лукреціей шутить нельзя было. Это—первообразъ римской матроны, героиня супружеской вѣрности и цѣломудрія, святая и подвижница. Да именно святая; когда бл. Августинъ, не признававшій другой добродѣтели кромѣ христіанской, назвалъ добродѣтели язычниковъ „скрытыми пороками"—язычники выставили противъ него Лукрецію, и онъ страстно и безуспѣшно пытался, въ своей Civitas Dei, низвести ее съ того пьедестала, который воздвигло для нея удивленіе всѣхъ вѣковъ римской исторіи. Возрожденіе съ радостью вернуло ей прежній ореолъ; живописцы изображали ее наравнѣ съ ветхозавѣтной Сусанной, а поэты восторгались ею предпочтительно передъ всѣми библейскими и христіанскими героинями. Англія отстала отъ материка, но наверстала свое упущеніе какъ разъ въ эпоху Шекспира: въ 1568 г. появилась баллада, „Скорбная жалоба Лукреціи", въ 1569 „баллада о смерти Лукриссіи" (sic)", въ 1576 еще стихотвореніе на ту же тему. Четвертымъ и лучшимъ было наше.

II.

Источниками Шекспира были два римскихъ писателя, Ливій и Овидій... Правда, тотъ критикъ, о которомъ была рѣчь во введеніи къ предыдущей поэмѣ, и здѣсь облегчилъ себѣ литературно-историческій анализъ дешевымъ и удобнымъ предположеніемъ, что въ „Лукреціи" Шекспира „только имена античны" (стр. 43); на самомъ же дѣлѣ достаточно сравнить слова, которыми обезчещенная Лукреція встрѣчаетъ своего мужа у Кивія (кн. I, гл. 58 „другой мужчина оставилъ отпечатокъ на твоемъ ложѣ, Коллатинъ") со строфой 232 у Шекспира, чтобы убѣдиться, что въ нашей поэмѣ античнаго больше, чѣмъ одни имена. Ливій передаетъ легенду о Лукреціи, какъ историческій фактъ съ величавой простотой историка, въ послѣднихъ главахъ своей первой книги исторіи Рима; Овидій его подробно описываетъ въ своемъ поэтическомъ „Мѣсяцесловѣ" по поводу ежегоднаго праздника, справлявшагося 24 февраля подъ именемъ Regifugium (кн. II 685 сл.). Изъ его описанія Шекспиръ заимствовалъ зародыши психологическаго и поэтическаго развитія фабулы. Считаемъ поэтому не лишнимъ передать легенду именно въ той формѣ, въ какой она читается у него—отчасти его словами, отчасти сокращая его разсказъ:

«Бѣгство царя разсказать предстоитъ мнѣ. Оно дало имя
Дню, что шестымъ отъ конца въ мѣсяцѣ нашемъ стоитъ.
Названъ Тарквиніемъ былъ послѣдній въ ряду вѣнценосцевъ
Рима не праведный мужъ, хоть и отважный въ бою.

Разсказывается хитрость, посредствомъ которой его сынъ Секстъ Тарквиній завладѣлъ Габіями, затѣмъ—оракулъ Феба о престолонаслѣдіи, разгаданный однимъ только Брутомъ, родственникомъ царя, скрывавшимъ глубокій умъ подъ личиной простоты, наконецъ—осадка Ардеи.

Стихла война; ардеаты боятся довѣриться полю,
Тѣшится играми станъ, праздно гуляетъ солдатъ.
Царь угощаетъ бойцовъ молодыхъ; за богатой трапезой
Тотъ, что царемъ былъ рожденъ, рѣчь имъ такую ведетъ:

«Вотъ неподатливый городъ лѣнивой томить насъ войною,
«Не дозволяя къ роднымъ намъ возвратиться бо-гамъ;
«Чисто ль тѣмъ временемъ ложе, товарищи, наше? И такъ же ль
Наши лебедки о насъ въ вѣрныхъ тоскуютъ мечтахъ?»
Каждый тутъ хвалитъ свою; разгораются бурные споры;
И въ языкахъ и въ сердцахъ пламенемъ пышетъ вино.
Вдругъ поднимается тотъ, что Коллатіей былъ возвеличенъ:
«Бросьте слова!» говоритъ, «вѣрьте лишь дѣлу; друзья.
«Ночь впереди; осѣдлаемъ коней, на столицу нагрянемъ!»
«Вѣрно!» кричитъ молодежь. Вотъ осѣдлали коней,
Вотъ они въ Римѣ. Не медля во дворъ они царскій въѣзжаютъ,
Видятъ—помѣхи имъ нѣтъ: стража покинула постъ;
Видятъ—невѣстка царя за трапезою ночь коротаетъ:
Грудь утопаетъ въ цвѣтахъ, въ кубкахъ искрится вино.
Послѣ нея торопливо къ Лукреціи ѣдутъ. За прялкой
Бодрствуетъ та, возлѣ ногъ коробы съ шерстью стоятъ.

Она прядетъ и разговариваетъ со своими дѣвушками: не слыхали ли чего о войнѣ? Какъ долго тянется она! Только бы не палъ въ бою ея смѣлый супругъ, Коллатинъ...

Слезы слова прерываютъ; изъ рукъ выскользаетъ работа;
Грустно чело опустивъ, взоръ потупляетъ она.
Какъ ее краситъ печаль, какъ красятъ стыдливыя слезы!
Вѣрнымъ зерцаломъ души былъ ея ликъ молодой.
«О не кручинься, я здѣсь!» восклицаетъ супругъ. Встрепенулась
Вмигъ—и повисла на немъ сладкою ношей она.
Юный царевичъ межъ тѣмъ нечестивою страстью пылаетъ,
Умъ его меркнетъ, огонь скрытый бушуетъ въ груди,
Все ему нравится: цвѣтъ бѣлоснѣжный, коса золотая,
Станъ ея стройный и ласкъ непринужденныхъ краса,
Рѣчи, и голосъ... и то, что соблазнъ передъ нею безсиленъ.
Слабость надежды сама страсть разжигаетъ его
Трижды успѣлъ ужъ пропѣть предвѣстникъ зари голосистый,
Съ бѣшеной скачки ночной въ станъ возвратились друзья,
Тотъ не владѣетъ собой. Предъ очами витаетъ далекій
Образъ красы и сильнѣй память волнуетъ его.
«Такъ ты сидѣла... такой былъ нарядъ... такъ нить выводила...
«Незаплетенная такъ грудь окаймляла коса...
«Такъ ты на мужа смотрѣла... такія слова говорила,
«Такъ зарумянилась вдругъ... такъ улыбнулась ему».
Какъ послѣ бури морской, хоть утихла ужъ мощь урагана,
Все-жъ отъ недавныхъ вѣтровъ ходитъ и пѣнится валъ,
Такъ у безумца того, хоть далекъ ужъ предметъ вожделѣній,
Все же отъ мысли одной страстно вздымается грудь.
Весь онъ въ огнѣ, его мучитъ неправедной похоти жало,
Силой и кознями онъ чистому ложу грозитъ.
Только... удастся ли дѣло? «На все я готовъ!» говоритъ онъ.
«Богъ ли, судьба ль надо мной имъ я ввѣряю себя».

Онъ вторично ѣдетъ въ Коллатію; Лукреція принимаетъ его ласково, какъ родственника своего мужа, и угощаетъ.

Скоро окончился ужинъ; ужъ сонъ себѣ требуетъ дани;
Ночь воцарилась, и всѣ въ домѣ потухли огни.
Тихо Тарквиній встаетъ, позолоченный мечъ обнажаетъ,
Тихой крадется стопой въ теремъ стыдливой жены.
Вотъ онъ у ложа... «Ни слова, Лукреція! мечъ надъ тобою!»
«Сынъ я царя твоего—любитъ Тарквиній тебя!»
Жертва безмолвствуетъ: силы и голосъ оставили члены,
Умъ помутился, едва держится въ тѣлѣ душа;
Трепетъ объялъ ее всю... такъ въ стойлѣ порой одинокомъ,
Чувствуя гибель, овца въ пасти у волка дрожитъ.
Гдѣ ей спасенье? Въ борьбѣ? Ненадежна для женщины сила.
Въ крикѣ? Холодный булатъ голосу путь преградилъ.
Въ бѣгствѣ? Желѣзныя длани Тарквинія грудь ей сжимаютъ—
Чистую грудь, что чужой раньше не знала руки!
Тотъ ее молитъ, дары ей сулитъ, угрожаетъ ей карой—
Тщетны посулы, мольбы, тщетны угрозы его...
«Нѣтъ, не уйдешь!» говоритъ онъ, «позоръ твою смерть запятнаетъ;
«Хоть я и грѣшникъ» тебя въ лживомъ грѣхѣ уличу—
«Конюхъ, убитый съ тобой, оскверненіе ложа докажетъ...
Страхомъ стыда сражена, бѣдная жертва сдалась.
О, не ликуй, побѣдитель! погубитъ васъ эта побѣда,
Страшною карой твой родъ вскорѣ искупитъ ту ночь.
День наступилъ. Та на ложѣ сидитъ съ расплетенной косою—
Такъ собирается мать сына въ огнѣ хоронить.
Въ станъ за супругомъ своимъ и за старцемъ-отцомъ посылаетъ—
Быстро на жалобный зовъ къ ней поспѣшаютъ они.
Видятъ печальный нарядъ «что случилось? зачѣмъ эти слезы?
Кто предается землѣ? что огорчило тебя?»
Долго молчала она, покрываломъ свой ликъ осѣняя,

Неудержимымъ ключемъ слезы текли изъ очей.
Тщетно супругъ и отецъ утѣшаютъ ее, о довѣрьи
Просятъ... невѣдомый страхъ сердце обоимъ щемитъ.
Трижды пыталась она... наконецъ, послѣ страшныхъ усилій
Не подымая очей, такъ начинаетъ разсказъ:
«Пусть же и это зачтется Тарквинію! Собственной рѣчью,
«О горемычная!—свой я раскрываю позоръ».
И разсказала, по скольку могла; предъ концомъ лишь признанья
Голосъ въ слезахъ потонулъ, краска покрыла лицо.
Оба прощаютъ ей грѣхъ подневольный; она жъ отвѣчаетъ:
«Въ этомъ прощеньи сама я отказала себѣ».
Молвила скрытый кинжалъ въ свое вѣрное сердце вонзила—
Брызнула кровь, и къ ногамъ пала отцовскимъ она.
Долго надъ тѣломъ ея, пораженные общею скорбью,
Санъ свой высокій забывъ, плакали мужъ и отецъ.
Вотъ къ нимъ является Брутъ; уличая облыжное имя,
Онъ вырываетъ кинжалъ изъ полумертвой груди,
И поднимая булатъ, благородной окрашенный влагой,
Съ ясной грозой на челѣ, молвитъ безстрашную рѣчь.
«Внемли, святая! Клянусь этой храброй и чистою кровью,
«Духомъ клянуся твоимъ, высшей святынею мнѣ:
«Кара лихого царя съ отверженнымъ родомъ настигнетъ
«Время, чтобъ доблесть изъ тьмы ликъ обнаружила свой.
Точно услышавъ обѣтъ, она вдругъ шевельнула очами
Тихимъ движеньемъ главы благословила его.
Вотъ на кострѣ ужъ сложили жену съ богатырской душою—
Слезы [текутъ въ ея честь, слышится ропотъ глухой—
Рана зіяетъ въ груди. Крикъ Брута сзываетъ квиритовъ;
Страшный властителя грѣхъ онъ раскрываетъ толпѣ.
Съ родомъ Тарквиній бѣжитъ; получаютъ годичную почесть
Консулы; такъ для царей день наступилъ роковой.

III.

Пріятно и интересно съ этимъ разсказомъ эпическаго поэта сравнить эпиколирическое твореніе Шекспира. Уже одна форма ставила особыя требованія: если овидіевскій дистихъ, требовавшій для каждаго двустишія законченной мысли, самъ собою наводилъ поэта на эпиграмматическую краткость и мѣткость, то семистишная станца Шекспира съ такимъ же правомъ требовала широкаго развитія поэтическихъ идей, обстоятельныхъ опасеній, пространныхъ анализовъ. Психологія, къ которой былъ такъ склоненъ вдумчивый умъ Шекспира, заняла первое мѣсто; а это повело къ нѣкоторому сосредоточенію дѣйствія. Во-первыхъ, нашъ поэтъ начинаетъ свой разсказъ не со сцены въ палаткѣ Тарквинія, а съ одинокой поѣздки Секста Тарквинія въ Коллатію (и вотъ причина, почему онъ, въ посвященіи графу Соутгемптону называетъ свой даръ «поэмой безъ начала»). Во-вторыхъ, онъ слегка измѣнилъ фабулу Овидія. У того Коллатинъ показываетъ Сексту свою жену ночью за пряжей—у Шекспира неблагоразуміе счастливаго супруга состоитъ лишь въ томъ, что онъ хвалитъ свое счастье пѣредъ предателемъ-другомъ. Секстъ влюбляется въ Лукрецію со словъ ея мужа, главнымъ образомъ потому, что онъ называлъ ее цѣломудренной (стр. 2, ср. у Овидія: «нравится... то, что соблазнъ передъ нею безсиленъ»). Выгода этой новой обстановки заключается въ томъ, что тѣ воспоминанія о Лукреціи, которыя у Овидія смущаютъ молодого Тарквинія въ станѣ, у Шекспира перенесены въ тѣ минуты борьбы страсти съ разсудкомъ, которыя непосредственно предшествуютъ преступленію (особ. стр. 42). Вмѣстѣ съ тѣмъ эта новая обстановка сближаетъ «Лукрецію» съ «Цимбеллиномъ»; Имогена, Постумъ, Якимо—вотъ имена нашихъ героевъ въ этой пьесѣ. Правда, разница есть: Якимо—не влюбленный, а фанфаронъ, имъ руководитъ не любовь, хотя бы и чувственная, а тщеславіе; оттого то онъ и довольствуется внѣшними знаками побѣды. Напротивъ, Тарквиній—влюбленный, вѣрный инстинктъ любви не дозволяетъ ему допустить ту ошибку, въ которую впадаетъ Якимо, вздумавшій очернить Постума передъ Имогеной—онъ хвалитъ Коллатина (стр. 16), и этими разсчитанными похвалами пріобрѣтаетъ если не любовь, то дружбу его нѣжной жены.

Но это, сравнительно, мелочи. Психологическій анализъ души Тарквинія, котораго Шекспиръ значительно облагородилъ, данъ въ двухъ картинахъ—до и послѣ преступленія. Тамъ борьба между разсудкомъ и страстью, между чистой родственной любовью и мрачной чувственной влюбленностью... у Овидія ея нѣтъ, всѣ сомнѣнія Тарквинія сводятся къ мысли о возможной неудачѣ. Тѣмъ не менѣе образецъ монолога Тарквинія (стр. 28—40) Шекспиръ нашелъ у Овидія: это—знаменитый монологъ Медеи, въ началѣ VII книги «Превращеній», той Медеи, которая ссудила ему столько красокъ для «Макбета»—Другое

дѣло—картина душевнаго состоянія Тарквинія послѣ нечестиваго дѣла. Когда невинность Лукреціи была побѣждена (поэтъ удержалъ тутъ овидіево сравненіе съ овечкой, стр. 97) — Тарквиній не чувствуетъ себя удовлетвореннымъ; „онъ выигралъ то, что желалъ бы вновь потерять". Стоитъ много разъ прочесть это мѣсто (стр. 99—107); оно принадлежитъ къ самымъ глубокимъ у Шекспира. Овидій отпускаетъ своего преступнаго героя, напутствуя его пророчествомъ о потерѣ царства—у Шекспира внѣшней карѣ предшествуетъ нравственное самоосужденіе виновнаго: „нужно, чтобы пьяная страсть изрыгла то, что ее насытило, прежде чѣмъ увидѣть свою собственную отверженность".

Drunken Desire mus vomit his recipt
Ere be can see gis own abomination.

Русскій читатель охотно припомнитъ тутъ схожую картину изъ „Воскресенія" Толстого.

Предатель ушелъ: Лукреція осталась одна. Она проклинаетъ ночь, проклинаетъ случай, проклинаетъ время... въ ея жалобахъ много поэзіи, онѣ напоминаютъ порой причитанія оскорбленнаго Лира, но намъ кажется, что простое изображеніе молчаливой Лукреціи у римскаго поэта здѣсь болѣе умѣстно.

passis sedet illa capillis,
Ut solet ad nati mater itura rogum.

Она посылаетъ за мужемъ... тутъ хорошо и вѣрно представлено боязливое состояніе ея духа, ея невольное подозрѣніе, что всѣ знаютъ о ея позорѣ. До стана не такъ близко; несмотря на наивный адресъ „въ Ардею, моему господину, болѣе чѣмъ спѣшное" (стр. 191), пройдетъ не мало времени, пока ее лисьмо приведетъ Коллатина къ ней. Овидій просто пропускаетъ это время; Шекспиръ пожелалъ его заполнить. У Лукреціи оказывается картина, изображающая послѣдніе дни Трои, онъ его разсматриваетъ и питаетъ свое горе ея созерцаніемъ (стр. 196—226). Страдалица Гекуба—это она; предатель Синонъ—это Тарквиній. Критики ставили вопросъ, какая современная картина могла служить образцомъ для поэта; намъ же не думается, чтобы живописецъ XVI вѣка могъ сопоставить на одной картинѣ столь несовмѣстимыя хронологически сцецы, какъ битва Ахилла и смерть Пріама, споръ Аякса и предательство Синона. Нѣтъ; содержаніе своихъ сценъ поэтъ заимствовалъ отчасти изъ „Превращеній" Овидія, но главнымъ образомъ изъ II книги Энеиды Вергилія, самую же мысль заполнить паузу ожиданія созерцаніемъ такой картины—мысль очень оригинальную—ему подсказалъ тотъ же Вергилій. У него къ I кн. Эней, дожидающійся прихода Дидоны, открываетъ въ общественной палатѣ барельефы, изображающіе сцены изъ троянской войны, и ихъ видъ вызываетъ съ его стороны возгласъ, который на неподражаемомъ языкѣ римскаго поэта гласитъ такъ sunt lacrimae rerum! Вотъ это то „sunt lacrimae rerum"—основное настроеніе Лукреціи передъ разсматриваемой картиной.

Въ послѣднихъ сценахъ поэтъ опять очень близко слѣдуетъ Овидію: разспросы отца и мужа (стр. 229), троекратная попытка Лукреціи говорить (230), прощеніе присутствующихъ (245), ея собственный отказъ (245, сравни 234), ея самоубійство (247) плачъ мужа и отца (248 сл.), откровеніе Брута (260), его клятва (263—особенно близко), развязка (265)—все мы тутъ находимъ. О подражаніи Ливію уже была рѣчь. Кое что, впрочемъ, измѣнено и вставлено, но не особенно удачно. У Овидія Лукреція съ первыхъ же словъ называетъ Тарквинія, планъ мести возникаетъ въ душѣ Брута, появленіе котораго только благодаря этому является достаточно мотивированнымъ и эффектнымъ; у Шекспира она сначала связываетъ присутствующихъ клятвой, „рыцарей ихъ присяга обязываетъ доставлять удовлетвореніе оскорбленнымъ дамамъ" (стр. 242)—а затѣмъ уже называетъ оскорбителя, такъ что клятва Брута оказывается уже излишнимъ повтореніемъ. Затѣмъ: Овидій не передаетъ разсказа Лукреціи, содержаніе котораго намъ уже извѣстно—Шекспиръ, напротивъ, влагаетъ ей въ уста подробный пересказъ случившагося (стр. 232—236), впадая этимъ въ ошибку, которую древніе называли „диссологіей". По другого рода причинѣ намъ не нравятся и жалобы отца и мужа Лукреціи (стр. 251—258)—онѣ въ своей неестественности непріятно напоминаютъ намъ причитанія королевы Маргариты въ Ричардѣ III". Наконецъ... но здѣсь мы можемъ только поставить вопросъ: откуда взялъ поэтъ странную „этіологію" яркой и водянистой крови въ стр. 250? Она и по формѣ напоминаетъ „этіологическіе" миѳы у Овидія: *и съ тѣхъ поръ*, точно оплакивая горе Лукреціи, оскверненная кровь являетъ водянистую влагу, но кровь чистая все остается багровой,

какъ будто она краснѣла за ту, которая была заражена".

And ever since, as pitying Lucrece'woes
Corrupted blood some watery token shows,
And blood untainted still does red abide,
Blushing at that, which is so putrified.

Такъ и Овидій объясняетъ двойной, алый и бѣлый, цвѣтъ плодовъ шелковицы: это—дань состраданія безвременно погибшимъ Пираму и Тизбеѣ. Позволительно ли предположить, что этотъ патетическій разсказъ, играющій такую роль въ „Снѣ въ лѣтнюю ночь" повліялъ на поэта и здѣсь?

IV.

При всемъ томъ „Лукреція" стоитъ много выше „Венеры и Адониса": она представляетъ не одинъ только литературно-историческій, но и значительный литературно-художественный интересъ. Врядъ ли можно сомнѣваться, что она возникла въ томъ же 1594 г., въ какомъ поэтъ посвятилъ ее графу Соутгемптону, чтобы эта „поэма безъ начала" свидѣтельствовала объ его къ нему любви „безъ конца". Она много зрѣлѣе того юношескаго произведенія; это видно и по стилю, гораздо болѣе свободному отъ лишнихъ эпитетовъ, вычурныхъ сравненій, рискованныхъ гиперболъ и прочей „драгоцѣнной" безвкусицы. Интересно, между прочимъ, что поэтъ исправилъ здѣсь, осмысливъ его, то сравненіе вѣкъ со шлюзами, которое въ своемъ нагомъ видѣ, какимъ оно читается въ „Венерѣ", вызвало его собственный здоровый смѣхъ въ „Генрихѣ IV" (см. выше, предис. къ „Венерѣ и Адонису"). Анахронизмы, конечно, встрѣчаются и здѣсь: какъ въ той ранней поэмѣ Венера разсказываетъ своему любимцу не только про весталокъ, но даже про монахинь (стр. 126), такъ и здѣсь вѣрныя супруги посылаютъ мужьямъ „очень спѣшныя" письма, рыцари клянутся защищать честь благородныхъ дамъ, пушки грохочутъ (строфа 149), и красавицы роняютъ свои перчатки (стр. 46). Но эта беззаботность была свойственна поэту до конца его жизни.

Вмѣстѣ съ „Венерой" наша „Лукреція"—единственные образчики эпико-лирической поэмы у Шекспира; если тамъ было еще очень замѣтно вліяніе моралитетовъ и аллегоріи, то здѣсь мы стоимъ на твердой почвѣ дѣйствительности, расплывчатость отвлеченныхъ понятій замѣнена отчетливыми контурами жизненныхъ, правдивыхъ характеровъ. Современники оцѣнили по заслугамъ нашу поэму: она была издана почти столько же разъ, сколько и „Венера и Адонисъ"; для потомковъ же она стала образцомъ, вліяніе котораго можно прослѣдить вплоть до 19 вѣка. Дѣйствительно, романтическія поэмы Байрона, столь мощно отразившіяся и на нашей литературѣ—не что иное, какъ послѣдніе отпрыски посаженнаго Шекспиромъ дерева „Косаръ" и „Гяуръ" имѣютъ своей родоначальницей нашу „Лукрецію".

Ѳ. Зѣлинскій.

Его Милости Генриху Райотсли.

Герцогу Соутгемптонскому
и барону Тичфильдскому.

Моя любовь къ Вашей Милости безпредѣльна, и этотъ отрывокъ безъ начала выражаетъ только часть ея. Только доказательства Вашего лестнаго расположенія ко мнѣ, а не достоинство моихъ неумѣлыхъ стиховъ даютъ мнѣ увѣренность въ томъ, что Вы примете мое посвященіе. То, что я совершилъ, принадлежитъ Вамъ, что я долженъ еще совершить, тоже Ваше. Вы собственникъ всего, что я имѣю, такъ какъ я всецѣло преданъ Вамъ. Если бы достоинства мои были болѣе велики, и выраженія моей преданности были бы лучшими. Но во всякомъ случаѣ, какого бы ни было мое твореніе, оно приносится какъ данъ Вашей Милости, которой я желаю долгой жизни, еще болѣе удлиненной всевозможнымъ счастьемъ.

Вашей Милости покорный слуга
Вильямъ Шекспиръ.

ЛУКРЕЦІЯ.

Отъ боевой Ардеи осажденной,
Крылами льстивой похоти носимъ,
Отъ войскъ своихъ Тарквиній мчится въ Римъ.
Въ Коллатіумъ свой пламень затаенный
Несетъ онъ, сладострасный, чтобы имъ
Обвѣять грудь подруги Коллатина:
Лукреція прекрасна и невинна.

„Невинна". Этимъ Коллатинъ разжегъ
Нечаянно въ немъ знойныя желанья,
Хваля ея румянецъ, нѣжность щекъ,
На небѣ грезъ царившихъ, средь сіянья
Красавицъ звѣздъ, чье чистое мерцанье
Внушало, озаряя ночи тьму,
Благоговѣнье свѣтлое ему.

Тарквинію въ шатрѣ его походномъ
Открылъ свой кладъ минувшей ночью онъ:
Сокровищемъ онъ свыше награжденъ.
Онъ хвастался, что образъ благородный
Его подруги въ памяти народной
Возвысить могъ бы славу королей.
Онъ только смертный и владѣетъ ей.

О, какъ недолго счастье насъ ласкаетъ!
Приходитъ вмигъ и также вмигъ уйдетъ,
Какъ та роса, что, серебрясь, блистаетъ,
Лишь только солнце на небо взойдетъ.
Оно ужъ глохнетъ раньше, чѣмъ цвѣтетъ.
И красота и честь въ мгновенной власти
Безсильны противъ горя и напасти.

Краса сама собою благодатна.
Глаза людей не замкнуты ничѣмъ.
Зачѣмъ хвалить, что и безъ словъ понятно
И рѣдкостно? О, Коллатинъ, зачѣмъ
Ты хвастался подругою, межъ тѣмъ,
Похвальнѣй скрыть ревниво достоянье
Отъ воровского взгляда и желанья!

Быть можетъ, хвастовство такою властью
Царю внушило дерзостный порывъ.
Нерѣдко слухъ питаетъ сердце страстью.
Такъ, о своемъ богатствѣ объявивъ,
И зависть вдругъ къ сокровищу внушивъ,
Тѣмъ уязвилъ онъ гордость властелина:
Перлъ для царей и вдругъ—у Коллатина!

А если и не то и не другое,—
Такъ мысль его поспѣшность разожгла.
Все,—честь, дѣла и санъ и все святое
Онъ позабылъ и мчится, какъ стрѣла,
Залить огонь, сжигающій до тла.
О, лживый пылъ, раскаяньемъ клейменный!
Твой ключъ забьетъ и сохнетъ, утомленный.

Въ Коллатіумъ явился царь коварный.
Онъ встрѣченъ тамъ достойнѣйшей изъ женъ.
Въ ея лицѣ румянецъ свѣтозарный
Прекрасной добродѣтелью плѣненъ:
Лишь добродѣтель засіяетъ,—онъ
Еще нѣжнѣй; а красота засвѣтитъ—
И добродѣтель блѣдностью отвѣтитъ.

Но красота въ блистательномъ сраженьи
Отъ голубей Венеры помощь ждетъ,
И добродѣтель у нея беретъ
Ея румянецъ: въ пылкомъ восхищеньи
Вѣкъ золотой ей сдѣлалъ подношенье;
И для ланитъ румянецъ—алый щитъ:
Онъ отъ стыда ихъ блѣдность защититъ.

Весь этотъ споръ двухъ королевъ державныхъ:
Красы и добродѣтели—возникъ
Съ начала міра; въ ихъ лучахъ тщеславныхъ
Лукреціи сіяетъ дивный ликъ.
Но честолюбье побуждаетъ равныхъ
Къ сраженію, и мощь ихъ такъ сильна,
Что каждая порой оттѣснена.

И битву розъ безмолвную и лилій
Тарквиній видѣлъ: вѣроломный взоръ
Включилъ и онъ въ ихъ споръ и безъ усилій
Сдается въ плѣнъ. Увы, его позоръ
Не торжество для гордыхъ, а укоръ.
Пусть лучше врагъ трусливый убѣгаетъ:
Надъ нимъ побѣда ихъ не привлекаетъ.

Теперь Тарквиній видитъ, что языкъ
Ея супруга—скряга настоящій:
Онъ похвалой унизилъ дивный ликъ,
Всѣ похвалы красой превосходящій.
Лукрецію увидѣвъ, онъ постигъ,

Что свой восторгъ не выразить словами,
И расточилъ хвалы свои—глазами.

Но, демона плѣнившая святая,
Не прозрѣвала вѣроломныхъ ковъ:
Кто чистъ, тотъ тьмы не видитъ, самъ сіяя;
Такъ птицы, не видавшія силковъ,
Ловушекъ не боятся. Но таковъ
Обычай: гостя, скрывшаго подъ маской
Злой умыселъ, она встрѣчаетъ лаской.

Царь скрылъ его своимъ высокимъ саномъ:
Презрѣнный грѣхъ подъ царственнымъ плащемъ.
Казалось, онъ былъ чуждъ позорнымъ планамъ;
Но глазъ восторгъ тревожнымъ огонькомъ
Ихъ выдавалъ. Все охватилъ кругомъ,
Въ богатствѣ бѣдный, низкій въ изобильи,
Томился онъ желаніемъ въ безсильи.

Но ей темны очей его намеки.
Ихъ смыслъ она постигнуть не могла;
Хрустальныхъ книгъ таинственныя строки
Она душой невинной не прочла.
Крючки, приманки... Нѣтъ, не поняла
Тѣхъ глазъ она его не осуждала:
Какъ будто солнце передъ нимъ сіяло.

О Коллатинѣ вся его бесѣда.
Ея супругъ въ Италіи гремитъ;
Его вѣнчаетъ лаврами побѣда,
Ему война безсмертіе даритъ.
Лукреція восторженно молчитъ
И только руки къ небу воздымаетъ;
Боговъ за всѣ удачи прославляетъ.

Въ своихъ словахъ отъ избранной имъ цѣли
Далекъ Тарквиній, проситъ извинить
За посѣщенье. Тучи не посмѣли
Пророчествомъ ей сердце омрачить.
Приходитъ ночь, чтобъ страхомъ все затмить
И наложить на міръ свои печати,
Скрывая день въ угрюмомъ казематѣ.

И вотъ ужъ ждетъ Тарквинія постель,
Онъ утомленъ: за полночь длился ужинъ.
Но передъ нимъ—негаснущая цѣль.
Въ немъ кровь кипитъ, хоть тѣлу отдыхъ нуженъ.
Свинцовый сонъ идетъ къ тому, съ кѣмъ друженъ.
Всѣ отдохнуть стремятся отъ трудовъ,
Всѣ, кромѣ душъ мятежныхъ и воровъ.

Одинъ изъ нихъ, Тарквиній, возлежалъ,
Обдумывая замыселъ опасный.
Его свершить рѣшилъ онъ, хоть дрожалъ
За дерзкій планъ, безумный и ужасный.
Но страхъ порой толчекъ къ успѣху властный,
И, если смерть грозитъ за дивный кладъ,
Пусть смерть идетъ, но нѣтъ пути назадъ.

Кто къ многому стремится, поневолѣ
Свое, чужое ставитъ наугадъ,
И чѣмъ надежда алчнѣе и болѣ,
Тѣмъ меньше жизнь даетъ ему наградъ.
И выигравъ, не станетъ онъ богатъ:
Уходитъ все на выплату по счетамъ,
Богачъ-бѣднякъ становится банкротомъ.

Задача всѣхъ—въ преклонныя лѣта
Обставить жизнь богатствомъ и покоемъ:
Изъ за того борьба и суета.
На этомъ мы все наше счастье строимъ:
Такъ яму мы себѣ-же сами роемъ.
Честь—для богатствъ, и все для нихъ губя,
Со всѣмъ мы губимъ вмѣстѣ и себя.

Рискуя только ради ожиданья,
Собой мы сами быть перестаемъ.
О, слабость! О, безстыдныя желанья!
Имѣя, все желать. Такъ отдаемъ
Мы все, что есть, въ безуміи своемъ;
Стремяся увеличить, уменьшаемъ,
И нѣчто вдругъ въ ничто мы обращаемъ.

Тарквиній упоенный, безшабашный,
Ступилъ на этотъ путь. Для страсти—честь.
Онъ для себя—себя предатель страшный.
Онъ для любви готовъ себя известь.
Гдѣ-жъ справедливость жалкому обрѣсть!
Онъ отдается самъ предъ цѣлымъ свѣтомъ
Злословію и гибельнымъ навѣтамъ.

Ночь мертвая подкралась, и смежилъ
Тяжелый сонъ всѣ очи. Тучи кроютъ
Сіянье звѣздъ. Ни звука. Безпокоютъ
Лишь крики совъ призывами съ могилъ,
Да волки торжествующіе воютъ.
Невинность спитъ. Но въ этотъ мертвый часъ
Злодѣйство, похоть не смыкаютъ глазъ.

И сладострасный царь встаетъ съ постели.
Наброшенъ плащъ. И страхъ и похоть въ немъ
Въ бореніи; одно толкаетъ къ цѣли,
Грозитъ другое гибелью кругомъ.
Но честный страхъ сталъ похоти рабомъ
И уступаетъ страсти гнуснымъ чарамъ,
Сраженъ желанья гибельнымъ ударомъ.

Царь о кремень мечемъ ударилъ: рой
Горячихъ искръ исторгъ холодный камень.
Отъ нихъ зажегъ онъ факелъ восковой;
Для похотливыхъ глазъ его звѣздой
Горитъ его колеблющійся пламень,

И мыслитъ царь: „Изъ камня добылъ мечъ
Огонь,—такъ я хочу ее зажечь".

Опасность онъ рисуетъ, весь блѣднѣя,
Обдумываетъ мерзостный свой планъ,
Пугаясь самъ и самъ его лелѣя.
Онъ всѣ напасти видитъ сквозь туманъ:
Мечъ—страсти, вотъ теперь его тиранъ;
Онъ обнаженъ; и царь съ тревогой явной
Оцѣниваетъ замыселъ безславный:

„О, благородный факелъ, не мрачи
Сіянья той, чей дивный ликъ свѣтлѣе,
И погаси печальные лучи.
Умри о, мысль, пятнать ее не смѣя.
Въ честь божества на алтарѣ скорѣе
Зажги огонь, и бѣлыхъ розъ любви
Безумными желаньями не рви.

О, рыцарство! О, честный гербъ! Позоръ!
Могиламъ предковъ злое порицанье.
Всѣхъ мерзкихъ бѣдъ безбожное сліяньe!
Рабомъ мечты сталъ воинъ. О, укоръ
Для мужества! Надъ честью приговоръ!
Мое паденье низко и безстыдно
И на лицѣ, какъ маска, будетъ видно.

Умру, но стыдъ переживетъ меня,
Въ моемъ гербѣ бѣльмомъ онъ будетъ грязнымъ,
И, выходку позорную казня,
Герольдъ отвѣтитъ словомъ безобразнымъ,
Какъ я любилъ. И, прахъ отца кляня,
Меня мое потомство устыдится
И заклеймитъ меня не побоится.

Что я найду, осуществивъ желанья?—
Мечту, вздохъ, пѣну радости пустой.
За побрякушку вѣчность въ воздаянье,
За мигъ дни зла; для ягоды одной,
Кто сгубитъ виноградникъ золотой!
И есть-ли нищій, за прикосновенье
Къ вѣнцу царя готовый на мученье?

О еслибы мой планъ хоть въ сновидѣньи
Увидѣлъ Коллатинъ!—За мною вслѣдъ,
Воспрянувъ, онъ рванулся-бъ въ изступленьи,
Чтобы прервать потокъ грозящихъ бѣдъ:
Глумленіе надъ бракомъ, злой навѣтъ,
Пятно для юныхъ, мудрому забота,
Невинности погибель безъ оплота.

Когда меня за гнусность, злобы полный,
Ты обвинишь, я упаду во прахъ
Ослѣпну я и задрожу, безмолвный,
И обольется кровью сердце. Страхъ
Сильнѣй вины. Не можетъ въ попыхахъ,
Онъ ни бѣжать, ни защищаться ложью
И смерть зоветъ съ мучительною дрожью.

Убей онъ сына моего, измѣной
Вонзи кинжалъ свой въ царственную грудь,
Не будь роднымъ мнѣ, другомъ мнѣ не будь,—
Я могъ бы свой поступокъ дерзновенный
Хоть защитить, иль совѣсть обмануть
И объяснить все жаждою отмщенья.
Но за позоръ я не найду прощенья.

О, если всѣ объ этомъ преступленьѣ
Узнаютъ!.. Ненавистно... Не должно
Въ любви быть ненависти. Въ униженьѣ
Я буду умолять ее. Одно
Страшнѣй всего—отказъ. Но все равно.
Сильнѣй разсудка воля. Кто смирится
Предъ старостью, тотъ пугала боится".

Межъ совѣстью и волею горящей
Безумецъ въ колебаньи устаетъ,
Отъ добрыхъ мыслей, онъ бѣжитъ дрожащій,
И подстрекаетъ злобныя впередъ.
И наконецъ, ужъ близится исходъ.
Все свѣтлое исчезло съ безпокойствомъ,
Все неизмѣнное кажется геройствомъ.

Онъ говоритъ: „Она коснулась нынѣ
Моей руки, смотрѣла мнѣ въ глаза,
Когда я говорилъ о Коллатинѣ,
Страхъ за него смѣняла въ ней слеза,
Въ лицо бросалась краска, какъ гроза.
То розой на снѣгу она алѣла,
То будто снѣгъ, лишенный розъ, блѣднѣла.

Ея рука въ моей рукѣ дрожала,
И благородный страхъ то волновалъ,
То грустью ей вонзался въ грудь, какъ жало,
Но я ея сомнѣнья разогналъ,
И нѣжный крикъ такъ дивно прозвучалъ,
Что будь Нарцисъ цвѣтущій недалеко,
Онъ бросился бъ влюбленный въ глубь потока.

Зачѣмъ же здѣсь увертки, оправданья?
Нѣмѣютъ всѣ при звукахъ красоты,
Ничтожества страдаютъ за желанья;
Цвѣтокъ любви не любитъ темноты.
Любовь! Меня ведешь, какъ кормчій, ты.
Кого зоветъ на подвигъ это знамя,—
Будь даже трусъ, въ немъ вспыхнетъ смѣло пламя.

Прочь, глупый страхъ! Долой всѣ разсужденья!
Почтенье, разумъ, ждите сѣдины.
Гдѣ глазъ мой, тамъ и сердце безъ боренья.
Печаль и поза мудрости нужны.
Ихъ гонятъ прочь лучи моей весны.
Желанье—вождь; красавица—награда,
И для нея погибнуть сердце радо.

Какъ заглушаютъ плевелы пшеницу,
Страхъ похотью тлетворной заглушенъ.
Съ сомнѣньемъ, съ жаромъ похоти блудницы
Ужъ крадется, прислушиваясь, онъ,
Какъ слугами коварными, смущенъ
То тѣмъ, то этимъ шаткимъ убѣжденьемъ.
То—передъ миромъ, то предъ нападеньемъ.

Небесный образъ мысль его ласкаетъ,
Но Коллатинъ съ нимъ крѣпко обрученъ.
Взглядъ на нее всѣ мысли омрачаетъ,
А тотъ, что на супруга обращенъ,
Велитъ бѣжать, бѣжать отсюда вонъ,
Волнуетъ сердце доблестнымъ призывомъ;
Но, лживое, осталось сердце лживымъ.

И низменныя силы, подстрекнуты
Отважнымъ видомъ своего вождя,
Вступаютъ въ страсть, какъ въ часъ—его минуты,
И гордость ихъ растетъ; за нимъ слѣдя,
И платитъ дань съ избытками, ведя
Его впередъ, къ Лукреціи, къ постели.
Такъ римскій вождь спѣшитъ къ завѣтной цѣли.

Замки межъ спальней и его стремленьемъ
Разрушены. Ужъ больше нѣтъ преградъ.
Но двери, отворяясь, скрипятъ,
Пророча зло, предупредить хотятъ
О немъ, пища, ночные звѣри—ласки.
Онъ все идетъ и гонитъ страхъ огласки.

Дверь неохотно силѣ уступаетъ.
Сквозь скважины и щели погасить
Стремится факелъ вѣтеръ и бросаетъ
Свой ѣдкій дымъ въ лицо и заградить
Желаетъ путь,—и зло остановить.
Но сердца жаръ раздутъ желаньемъ бурнымъ,
И факелъ весь горитъ огнемъ пурпурнымъ.

Онъ видитъ, озаряемую свѣтомъ,
Лукреціи перчатку на полу.
Схвативъ ее съ циновки, объ иглу
Онъ палецъ укололъ и видитъ въ этомъ
Живой намекъ—не поддаваться злу;
Онъ говоритъ ему: „Пойми меня ты,—
Лукреціи уборы даже святы".

Увы, его препятствія не властны
Остановить: ихъ смыслъ легко найти:
Дверь, вѣтеръ,—все, что было на пути,
Что задержать старалося напрасно,—
Случайности. Порой часамъ идти
Подобныя препятствія мѣшаютъ,
Пока минуты долгъ не отсчитаютъ.

„Такъ, мыслитъ онъ, всѣ эти проволочки—
Морозы съ наступленіемъ весны;
Они порой задерживаютъ почки,
Но послѣ нихъ такъ пѣсни птицъ звучны!
Сокровища съ трудомъ сопряжены:
Морякъ-купецъ приходитъ въ край желанный
Чрезъ скалы, рифы, бездны, ураганы.

Вотъ онъ подходитъ къ двери, что скрываетъ
Лазурь небесъ завѣтныхъ грезъ его.
Лишь слабая щеколда отдѣляетъ
Отъ наслажденья, счастье и всего,
Въ чемъ видитъ онъ желаній торжество.
Онъ такъ ослабъ, что къ небесамъ взываетъ,
Какъ будто небо злому потакаетъ.

Но средь мольбы безплодной къ силѣ вѣчной,
Чтобы она затѣѣ помогла
Осуществить порывъ мечты сердечной,
Его трясетъ отъ дрожи: „Я для зла
Сюда пришелъ, онъ шепчетъ: за дѣла
Подобныя, за тяжкій грѣхъ растлѣнья
Ждетъ казнь небесъ, не даръ благословенья.

Да будутъ мнѣ любовь съ судьбой богами!
Рѣшимость укрѣпляетъ волю мнѣ.
Мысль только сонъ, пока живетъ мечтами.
Есть отпущенье тягостной винѣ.
Любовь растопитъ страсть въ своемъ огнѣ.
Небесный глазъ сокрылся. Тьма ночная,
Прикроетъ стыдъ за наслажденьемъ рая".

Такъ онъ сказалъ. И вотъ, рукой порочной
Щеколду отперъ; дверь раскрылъ ногой.
Голубка спитъ передъ совой полночной.
Измѣнникъ не открытъ. Передъ змѣей
Сторонятся, замѣтивъ издалека.
Но жало зла во снѣ не видитъ око.

Вотъ подло онъ проникъ въ покой, обходитъ
Красавицы постель; и жадный глазъ
Вращается и сердце властно водитъ.
Покорное, какъ ударитъ часъ,
Рукѣ отдастъ настойчивый приказъ,
И облако, скрывавшее ревниво
Луну, рука отброситъ торопливо.

Насъ огненное солнце ослѣпляетъ,
Въ глаза ударивъ прямо изъ-за тучъ;
Тарквиній, пологъ распахнувъ, мигаетъ
И щурится. Быть можетъ, такъ могучъ
Свѣтъ красоты, иль стыдъ слѣпитъ, какъ лучъ,
Но онъ закрылъ глаза свои мгновенно,
Какъ бы увидѣвъ солнце дерзновенно.

О, еслибъ имъ и умереть въ затменьѣ!
Злодѣйство не шагнуло бъ чрезъ порогъ,
И Коллатинъ съ Лукреціей бы могъ
Вкушать на ложѣ чистомъ наслажденье.
Увы, глаза открылись, и порокъ
Украдетъ у Лукреціи, коварный,
Восторгъ душу святой и лучезарный.

Она щекою на руку склонилась;
Такъ поцѣлуй подушки утаенъ;
Та на двое печально раздѣлилась,
Чтобъ своего достигнуть съ двухъ сторонъ.
Межъ двухъ холмовъ головки сладокъ сонъ.
Она лежитъ невиннымъ изваяньемъ,
А гнусный взоръ скользитъ по ней съ желаньемъ.

Рука другая свѣсилась съ постели:
На зелени покрова бѣлизна,—
Какъ маргаритка въ зелени, въ апрѣлѣ;
Въ испаринѣ, какъ въ жемчугахъ она.
Какъ златоцвѣты, очи въ нѣгѣ сна
Скрываются до утра въ ихъ темницѣ,
Чтобъ день красой обвѣять сквозь рѣсницы.

О, скромность дивная! О, шаловливость!
Какъ золото, колышетъ волоса
Дыханіе. На полѣ смерти—живость,
Вторженье смерти въ жизни чудеса.
И жизнь и смерть во снѣ ея краса.
Какъ будто между ними не боренье,
Но въ жизни—смерть, а въ смерти—вдохновенье.

Два міра—грудь невинна и упруга:
Шары слоновой кости съ голубымъ.
Знакомо имъ лишь иго ихъ супруга;
Они ему принадлежатъ, онъ имъ.
Тарквиній вновь тщеславіемъ палимъ:
Какъ узурпаторъ гнусный, неуклонно
Владѣльца ихъ онъ хочетъ свергнуть съ трона.

Все, что онъ видитъ,—ощущаетъ знойно.
Все, что подмѣтитъ,—алчетъ опьяненъ.
Все жадный взоръ волнуетъ безпокойно;
Въ изнеможеньѣ страсти, изумленъ,
Съ несказаннымъ восторгомъ видитъ онъ
Кораллы губъ и жилки голубыя
И кожи блескъ, и формы неземныя.

Какъ жертвою играетъ левъ рычащій,
Побѣдой острый голодъ утоливъ,
Стоитъ Тарквиній надъ душою спящей,
Страсть созерцаньемъ пламеннымъ смиривъ,
Онъ подавить не воленъ свой порывъ.
Ты, глазъ, смирить безумье страсти въ силахъ,
Но кровь за то огнемъ струится въ жилахъ.

Рабы всегда въ сраженьѣ мародеры,
Сторонники злодѣйствъ и мятежа.
Въ крови, смѣясь, они купаютъ взоры,
Ни матери, ни дѣти ихъ, дрожа,
Не остановятъ плачемъ грабежа.
Такъ сердце бьетъ тревогу и къ атакѣ
Готовится при первомъ быстромъ знакѣ.

Мужайся сердце подъ горящимъ глазомъ!
Глазъ видитъ руку, и его рука
Гордясь такою честью и приказомъ,
Нагой груди касается слегка.
Владѣнья сердца... круглый холмъ... Пока
Рука на немъ,—изъ жилокъ кровь сбѣжала,
И въ башенкахъ блѣдно и тихо стало.

Вся кровь теперь въ убѣжищѣ священномъ,
Гдѣ мирно спитъ царица и, вопя,
Доносятъ ей о дѣйствіи презрѣнномъ
Съ стенаніемъ, волнуясь и хрипя.
Она глаза открыла, но, слѣпя,
Огонь въ глаза ударилъ нестерпимо,
Дохнувъ въ нее волною ѣдкой дыма.

Въ глухую полночь робкое созданье
Ужасной грезой вдругъ пробуждено.
Предъ ней видѣнье страшное, оно
Всѣ члены ей приводитъ въ содроганье.
О, ужасъ! Но ужаснѣе одно:
Видѣніе, что ей со сна явилось,
Въ дѣйствительность предъ взоромъ обратилось.

Охваченная ужасомъ, въ мгновенье
Она, какъ птичка, на смерть пронзена,
Не смѣетъ глазъ поднять на привидѣнье.
Но признаками комната полна:
Смятенный мозгъ ихъ создаетъ безъ сна,
И видя, что глаза боятся свѣта,
Ихъ ужасами мучаетъ за это.

Его рука на груди обнаженной:
Для стѣнъ слоновой кости—злой тиранъ.
Подъ нею сердце, только осажденный,
Безумно бьется до смертельныхъ ранъ.
Рука сильна. О, яростный тиранъ!
Войти онъ глубже хочетъ... глухъ къ пощадѣ...
Хотя бы брешь пришлось пробить въ оградѣ.

Его герольдъ языкъ трубитъ призывно.
„Переговоръ!“ Она полумертва,
Надъ простыней свой подбородокъ дивный
Приподняла и, вся дрожа, едва
Произнесла прерывисто слова:
Зачѣмъ онъ здѣсь? Какъ смѣлъ онъ въ часъ полночный
Явиться къ ней съ надеждою порочной?

„Румянецъ твой такъ нѣженъ"—ей открыто
Онъ говоритъ—„что лиліи блѣдны
Отъ зависти и розы смущены.
Онъ оправданье страсти и защита,
Онъ знамя мнѣ для пламенной войны.
О, крѣпость съ неприступными стѣнами,
Ты предана твоими-же глазами!

Я все сказалъ. Зачѣмъ роптать упорно!
Тебѣ краса служила западней.
Моей любви должна ты быть покорна.
Она тебя для радости земной
Мнѣ отдала. Я грежу ей одной.
Ужъ совѣсть пылъ желанія гасила,—
Твоя краса все снова оживила.

Предвижу я всѣ бѣды покушенья:
Съ шипами роза пышная цвѣтетъ.
Повсюду жало охраняетъ медъ.
Всѣ доводы дало мнѣ размышленье,
Но воля имъ не внемлетъ и влечетъ.
У воли есть для красоты лишь зрѣнье,
Законъ и долгъ ничто для вожделѣнья.

Я въ глубинѣ души моей измѣрилъ
Всю бездну зла, позора и стыда.
Но гдѣ страстей бушующихъ узда?
Безсиленъ тотъ, кто страсти сердце ввѣрилъ.
Возмездье мнѣ—презрѣнье и вражда.
Но какъ мое стремленье ни позорно,
Я выполнить рѣшилъ его упорно".

Сказалъ, и римскій мечъ взвился высоко,
Какъ надъ совою соколъ и покрылъ
Холодной тѣнью жертву и грозилъ
Вонзить въ нее согнутый клювъ—жестоко,
Когда она поднимется. Безъ силъ
Внимала птичка клекоту злодѣя,
Подъ злымъ мечемъ отъ ужаса блѣднѣя.

„Лукреція! Ты дашь мнѣ наслажденье.
Откажешь,—силу я употреблю.
Я, взявъ тебя, убью, и умерщвлю
Безславнаго раба, и ради мщенья,
Къ тебѣ въ объятья мертвыя свалю,
Чтобъ уничтожить съ жизнью знамя чести
И поклянусь, что васъ засталъ я вмѣстѣ.

Твой мужъ тогда, все пережившн, станетъ
Пятномъ для глазъ, мишенью для остротъ.
Твоихъ родныхъ позоръ твой въ сердца ранитъ,
Безъ имени потомство возрастетъ,
Презрѣнное, твой образъ проклянетъ,
И мнимый грѣхъ толпѣ мальчишекъ звонкой
На долго станетъ злою побасенкой.

Но уступи,—и я твой другъ всегдашній.
Безвѣстный грѣхъ, какъ мысль безъ дѣла—сонъ;
Благая цѣль оправдываетъ шашни.
Нерѣдко ядъ, умѣренно включенъ
Въ простую смѣсь, въ которой таетъ онъ,
Не только убиваетъ зло отравы,
Но создаетъ лекарства и приправы.

Для мужа, для дѣтей склонись къ моленьямъ.
Для нихъ позоръ страшнѣе, чѣмъ чума.
Его пятно не смоешь искупленьемъ,
Наслѣдство злѣй, ужаснѣе клейма,
Которое рабамъ даетъ тюрьма,
Противнѣй чѣмъ уродство отъ рожденья:
Природа тамъ, а здѣсь—грѣхопаденье".

Тутъ онъ съ смертельнымъ взоромъ василиска
Смолкаетъ, выпрямляется и ждетъ.
Она, какъ лань, захваченная низко
Въ пустынѣ, гдѣ защиты не найдетъ,
Гдѣ хищный звѣрь и рыщетъ и реветъ,
Его напрасно молитъ: звѣрь бездушенъ,
Не долгу, а желанью онъ послушенъ.

Когда грозятъ сѣдыя тучи міру,
Вершины горъ скрывая въ темнотѣ,—
Изъ нѣдръ земли, подобные зефиру,
Восходятъ вздохи къ горней высотѣ.
И гонятъ тучи въ синей пустотѣ:
Такъ дивный голосъ усмирилъ злодѣя:
Плутонъ внимаетъ музыкѣ Орфея.

Съ безсильной мышкой ночью котъ играетъ.
Та мучится подъ лапою скользя,
Но скорбь ея въ немъ ярость разжигаетъ.
Насытить бездну вздохами нельзя.
Закрыта къ сердцу свѣтлая стезя.
Дождь продолбить порою можетъ камень,—
Отъ слезъ сильнѣе сладострастный пламень.

Ея глаза устремлены съ мольбою
Въ морщины безсердечныя. То вдругъ,
Въ святую рѣчь вольется вздохъ съ слезою,—
Они еще милѣе... То испугъ
Ей голосъ обрываетъ, и вокругъ
Она глядитъ и начинаетъ снова,
Чтобъ произнесть желаемое слово.

И заклинаетъ Зевсомъ всемогущимъ,
Любовью къ мужу, рыцарствомъ, слезой,
Закономъ, правдой, свѣтомъ вездѣсущимъ
И дружбою, и небомъ, и землей,—
Пусть онъ вернется въ временной покой
И покорится чести неподкупной,
А не велѣнью похоти преступной.

„Не воздавай такой цѣною черной
За все гостепріимство, не мути
Священный ключъ съ водою благотворной:
Погубленнаго снова не спасти.
До выстрѣла добычу отпусти.
Тотъ не стрѣлокъ, кто пулею жестоко
Сражаетъ самку бѣдную до срока.

Мой мужъ—твой другъ. О, пощади для друга!
Ты самъ могучъ,—помилуй для себя.
Я слабая, а сѣть твоя упруга.
Вѣдь ты не лживъ. Оставь, не погубя.
Ужель ничто всѣ вздохи для тебя?
Когда мужчину можно тронуть плачемъ,
Внемли стенаньямъ и слезамъ горячимъ.

Все это здѣсь, волною океана
Какъ объ утесъ гранитный въ сердце бьетъ,
Чтобы мольбой растрогать великана
И уронить въ пучину вѣчныхъ водъ,
Гдѣ весь растаетъ онъ и пропадетъ.
Не камень ты, а состраданье кротко.
Ему ничто желѣзная рѣшетка.

Ты принятъ мной съ почетомъ, какъ Тарквиній,—
Въ его личинѣ ты его позоръ.
Всѣмъ силамъ неба жалуюсь я нынѣ.
Ты царственному имени укоръ,
Не тотъ, кого въ тебѣ призналъ мой взоръ,
А если тотъ, не царь, не богъ надъ нами:
Тѣ и собой и міромъ правятъ сами.

Какой позоръ на старость безобразно
Готовишь ты, когда весна съ пятномъ.
Ты—вѣтвь царей и такъ преступенъ грязно,
Что жъ совершишь, поставленный царемъ?
Не смыть злодѣйствъ, творимыхъ подъ щитомъ
Преступнаго и дерзкаго вассала.
Скрыть зло царя вселенной будетъ мало.

Несчастенъ царь, который чтимъ изъ страха.
Счастливъ, кого боятся всѣ, любя.
Преступники, грозитъ которымъ плаха,
Съ презрѣніемъ укажутъ на тебя.
Одумайся и не губи себя:
Царь подданнымъ зерцало, книга, знанье,
Онъ всѣмъ примѣръ, урокъ и назиданье.

Ужель ты будешь школою растлѣнья?
Для подданныхъ—собранье гнусныхъ дѣлъ,
Зерцало лжи, грѣха и преступленья,
Безчестія и низости предѣлъ.
Ужель безчестье—будетъ твой удѣлъ?
Ты предпочтешь безславіе дивной славѣ,
А слава станетъ сводницею вьявѣ.

Ты принялъ власть, такъ будь того достоинъ,
Кто далъ ее, и управляй собой.
Не обнажай меча, какъ подлый воинъ,
Лишь зло карай, а не твори разбой.
Какъ ты исполнишь долгъ великій свой,
Когда порокъ тебя возьметъ порукой
И скажетъ: царь мнѣ послужилъ наукой.

О, какъ въ другихъ ужасно гнусность встрѣтить,
Которую ты въ прошломъ сдѣлалъ самъ.
Не всѣмъ дано свою вину отмѣтить
И совѣсти повѣрить голосамъ.
Что сдѣлалъ ты, то въ ближнемъ зло и срамъ,
Достойный смерти. Глубоко паденье
Тѣхъ, кто къ себѣ питаетъ снисхожденье.

Къ тебѣ, къ тебѣ взываю я мольбою,
А не къ желанью злому твоему;
Да будетъ царь, достоинство съ тобою—
Ты обратись за помощью къ нему,
А гнусный планъ да скроется во тьму!
Ты тучу тьмы въ глазахъ своихъ разсѣешь
И все поймешь, меня-же пожалѣешь“.

„Довольно!“ онъ вскричалъ. „Напрасны чары.
Отъ нихъ мое желаніе растетъ.
Отъ вѣтра искры гаснутъ, а пожары
Еще сильнѣй. Источникъ, что несетъ
Въ морскую глубь струи безвкусныхъ водъ,
Лишь увеличитъ ихъ просторъ зеленый,
Но не измѣнитъ вкусъ горько-соленый“.

Она ему сказала: „Предназначенъ
Тебѣ вѣнецъ, ты также океанъ,
Но вотъ потокъ-развратъ, могучъ и мраченъ,
Ворвался въ кровь, и если зло, обманъ
Въ тебя вольются, ими обуянъ,
Ты, океанъ, не ихъ поглотишь вскорѣ,
А загрязнишься самъ на всемъ просторѣ.

Ты будешь рабъ рабовъ, они владыки.
Ты жизнь для нихъ, они — твой склепъ глухой,
Ты, въ благородствѣ низокъ, тѣ—велики
Въ презрѣніи. Ничтожество собой
Не смѣетъ гнуть величье. Головой
Могучій кедръ не никнетъ до бурьяна,
Но чахнетъ тотъ въ подножьи великана“.

„Довольно!“—онъ прервалъ. „Клянусь богами,
Тебя я дольше слушать не хочу.
Моею будь. Нѣтъ?—Станемъ мы врагами,
Я, вмѣсто ласкъ, насильемъ отплачу,
И, овладѣвъ тобою, я вручу
Твой трупъ объятіямъ холопа грязнымъ,
Убитаго на ложѣ безобразномъ“.

Такъ онъ сказалъ, и наступилъ ногою
На факелъ свой: свѣтъ съ похотью—враги.
Смѣлѣе зло, окутанное тьмою.
Тиранъ сильнѣй, когда вокругъ—ни зги.
Ягненка волкъ схватилъ, въ глазахъ круги.
Но скоро волкъ его-же шерстью бѣлой
Задушитъ крикъ отчаянья несмѣлый.

Ея-жъ бѣльемъ ночнымъ онъ замыкаетъ
Ея уста и заглушаетъ крикъ.
Слезами чистой скорби омываетъ
Свой сладострастьемъ воспаленный ликъ.
Позорный грѣхъ на ложе къ ней проникъ.
О, если-бъ можно смыть его слезами,
Лились-бы слезы жгучіе годами!

Утраченное ей дороже жизни.
Онъ отнялъ то, что радъ-бы потерять.
Мигъ близости ведетъ къ борьбѣ опять,
Блаженства мигъ—къ безсмѣнной укоризнѣ.
На похоти—презрѣнія печать.
Ограблены невинности богатства.
Бѣднѣе похоть послѣ святотатства.

Какъ песъ, иль соколъ, жертвой пресыщенный,
Теряетъ легкость, ловкость и чутье,
И пропускаетъ часто, полусонный,
Любимую добычу: такъ свое
Желаніе насытивши, ее
Онъ въ эту ночь беретъ и оставляетъ,
Прожорливостью волю возбуждаетъ.

Бездонный грѣхъ, который не измѣритъ
Живая мысль. Желаніе пьяно.
Но прежде, чѣмъ себя оно провѣритъ,
Исторгнетъ все, что имъ поглощено.
Когда полно гордынею оно,
Узда не сладитъ съ похотью горячей
И ждетъ, когда та станетъ жалкой клячей.

Тогда устало, съ вялыми щеками,
Нахмуривъ брови, слабая бредетъ
Нетвердымъ шагомъ, съ мутными глазами,
Оплакивая дѣло, какъ банкротъ.
Въ ней сила есть, и похоть совѣсть гнетъ:
Здѣсь пиръ ея. Когда-жъ опуститъ крылья,
Прощенья проситъ, плача отъ безсилья.

Случилось такъ и съ властелиномъ Рима,
Столь жадно добивавшимся утѣхъ.
Онъ самъ себѣ судья неумолимо,
Онъ самъ себѣ безславіе за грѣхъ,
Алтарь души разрушенъ, и со всѣхъ
Сторонъ летитъ насмѣтная забота
И требуетъ суроваго отчета.

Отвѣтствуетъ душа: ея клевреты
Въ позорномъ бунтѣ стѣны потрясли,
Нарушили священные завѣты,
Земнымъ страданьямъ грубо обрекли
И сдѣлали рабынею земли.
Въ предвѣдѣньи она все это знала,
Но противъ воли злой не устояла.

Всю ночь его терзаютъ думы эти.
Плѣненный побѣдитель! Для него
Жестокой раной стало торжество,
Не облегчитъ ничто ея на свѣтѣ.
Безъ силъ добыча бѣдная его,
Она несетъ ярмо его желанья,
Онъ—тяжкій грузъ преступнаго сознанья.

Онъ, робкій песъ, ползетъ трусливымъ гадомъ.
Она, ягненокъ раненый, дрожитъ.
Онъ самъ себя презрѣніемъ казнитъ,
Она ногтями тѣло рветъ съ нимъ рядомъ.
Онъ, весь въ поту отъ ужаса, бѣжитъ,
Минувшее блаженство проклиная.
Она горитъ, терзается, рыдая.

Такъ онъ уползъ, раскаяньемъ придавленъ.
Она одна. Позоръ ея тюрьма.
Онъ ждетъ зари, угрюмъ и обезславленъ
Она взываетъ къ небу, чтобы тьма
Не покидала міра. „Ночь нѣма.
А свѣтъ дневной все скажетъ, все отвѣтитъ
И мой позоръ въ глазахъ открытыхъ встрѣтитъ".

И кажется, что всѣмъ позоръ тотъ ясенъ,
Какъ ясенъ имъ и оттого глаза
Хотятъ, чтобъ мракъ былъ вѣченъ и ужасенъ,
Чтобъ страшный грѣхъ таился, какъ гроза,
Иначе все, все выдастъ днемъ слеза.
Какъ влага сталь ѣсть ржавчиной упорной,
Она въ лицѣ оставитъ слѣдъ позорный.

Она клянетъ покой, отдохновенье.
Да поразитъ ей очи слѣпота!
И слышитъ сердца страшное біенье,
Велитъ ему оставить грудь. Пусть та,
Которая душой своей чиста,
Возьметъ его. Такъ ужасъ ночи тайной
Она клянетъ съ тоской необычайной.

„О, ночь, убійца мира! Образъ ада!
Позорно свитокъ! Скопище стыда!
Подмостки, гдѣ злодѣйство и вражда!
Ночь—хаоса зловѣщаго ограда!
Притонъ безславья! Мерзости орда!
Закутанная сводня! Воръ! Измѣна!
Пещера смерти! Похоти арена!

Ночь гнусная, пропитанная ядомъ.
Ты это мнѣ безславье принесла.
Останови временъ теченье взглядомъ

И пусть затмитъ таинственная мгла
Восходъ зари, когда она свѣтла.
А встанетъ солнце,—ликъ его могучій
Спѣши покрыть отравленною тучей.

Наполни утро смраднымъ испареньемъ.
Скорѣй, чѣмъ солнце на полдень взойдетъ,
Ты зарази весь воздухъ ихъ гніеньемъ
И омрачи сіяющій восходъ.
Пускай навѣки солнце пропадетъ
Въ ихъ душныхъ складкахъ мутныхъ и свинцовыхъ,
И все потонетъ въ сумеркахъ суровыхъ.

Когда-бъ Тарквиній былъ не сыномъ ночи,
А ей самой, онъ вѣчной темнотой
Затмилъ-бы блескъ серебряный и очи
Закрылъ ея служанкамъ надъ землей.
Сокрылся-бъ звѣздъ горящій въ небѣ рой,
И я-бъ нашла наперсницъ въ вѣчной ночи.
Далекій путь съ подругами короче.

Но кто со мной раздѣлитъ стыдъ безмѣрный,
Заломитъ руки съ никнущимъ челомъ,
Безславіе покроетъ дружбой вѣрной?
Я исхожу серебрянымъ дождемъ
Соленыхъ слезъ, пролитыхъ здѣсь тайкомъ.
Мѣшая слезы, рѣчи и стенанья,—
Свидѣтелей безмѣрнаго страданья.

О, ночь, горнило бѣшенаго дыма,
Сокрой мой ликъ отъ глазъ пытливыхъ дня.
Здѣсь, подъ твоимъ покровомъ я, стеня,
Лежу, позоромъ смята нестерпимо.
Не оставляй-же тьмой своей меня,
Чтобъ этотъ грѣхъ, свершенный въ тьмѣ унылой,
Былъ поглощенъ какъ черною могилой.

Не дай мнѣ стать для дня предметомъ сплетенъ.
Въ его сіяньѣ, на челѣ моемъ
Окажется позоръ мой всѣмъ замѣтенъ,
И всѣ прочтутъ, какъ въ сумракѣ ночномъ
Поруганъ бракъ насиліемъ и зломъ,
И каждый неучъ о моемъ позорѣ
Прочтетъ въ моемъ смущенномъ, скорбномъ взорѣ.

Чтобы дитя потѣшить, няня сказку
Разскажетъ о Лукреціи, и въ ней
Тарквиній будетъ пугаломъ дѣтей,
Его позоръ, укоромъ мнѣ, какъ смазку,
Употребитъ ораторъ для рѣчей,
И менестрель вину передо мною
Тарквинія сплететъ съ моей виною.

О, если-бы осталось имя чистымъ
Для Коллатина, для любви его!
Но не щадитъ злословье никого,
И загноитъ дыханіемъ нечистымъ
Другую вѣтвь, другое существо,
Которое въ моемъ грѣхѣ невинно,
Какъ я была чиста для Коллатина.

Позоръ незримый! Скрытое глумленье!
Неосязаемая рана! Шрамъ
На гордости чела. Мое паденье
О, Каллатинъ, клеймо твоимъ чертамъ.
Тарквиній знаетъ это. Часто срамъ
Извѣстенъ только тѣмъ, кто самъ причина.
Тарквиній опозорилъ Коллатина!

О, Коллатинъ! ты честь мнѣ ввѣрилъ свято.
Увы, она насильемъ отнята.
Мой медъ пропалъ навѣки, безъ возврата...
Моя ячейка въ улеѣ пуста:
Оса въ него забралась, до чиста
Пожрала медъ, который охраняла
Твоя пчела и друга ожидала.

Но развѣ я причиною безчестья?
Лишь для тебя Тарквиній принятъ мной.
Онъ отъ тебя явился съ хитрой лестью
И свѣтлой добродѣтели хвалой.
Онъ гостемъ былъ. Подъ маскою густой
Кто дьявола въ увидѣлъ въ немъ, коль скоро
Избралъ онъ добродѣтель для позора.

Зачѣмъ червямъ вползать въ цвѣтокъ душистый,
Кукушкѣ яйца класть въ чужомъ гнѣздѣ,
И жабѣ отравлять источникъ чистый?
Зачѣмъ скрываться злобѣ и враждѣ
Въ незлобномъ сердцѣ, чуждой имъ средѣ,
Иль—нарушать царямъ ихъ приказанья.
Но совершенства нѣтъ безъ поруганья.

Старикъ-скупецъ, богатство сберегая,
Испытываетъ тягостный недугъ,
Едва глядитъ на полный свой сундукъ,
Но, Тантала собой напоминая,
Онъ не пропуститъ гроша мимо рукъ.
Увы, богатствъ несмѣтное обилье
Не исцѣлитъ подагру и безсилье.

Богатства есть, но старику нѣтъ прока.
По смерти къ дѣтямъ деньги перейдутъ.
Тѣ расточатъ наслѣдіе широко:
Отецъ ихъ слабъ, ключемъ въ нихъ силы бьютъ.
Проклятое они не сберегутъ.
Сокровище, которыхъ съ чувствомъ жгучимъ
Желаемъ мы,—ничто, когда получимъ.

Строптивый вѣтеръ носится весною,
А плевелы растутъ среди цвѣтовъ.
Змѣя шипитъ, гдѣ птицы гнѣзда вьютъ.

Гдѣ добродѣтель, зло стоитъ съ косою.
Нѣтъ благъ, чтобъ мы могли сказать: Вотъ тутъ
Все наше. Зло сопровождаетъ случай;
Онъ все беретъ, иль покрываетъ тучей.

Твои вины не счесть, о, случай злобный!
Предателю даешь въ измѣнѣ власть,
Ягненка ты толкаешь въ волчью пасть,
Ты ловишь мигъ для гнусности удобный.
Закону, вѣрѣ, разуму упасть
Способствуешь. Въ твоей угрюмой клѣти
Грѣхъ ловитъ души въ гибельныя сѣти.

Весталка нарушаетъ всѣ обѣты
И воздержанье таетъ на огнѣ.
Ты развращаешь честность въ тишинѣ.
Ты любострастникъ, сводня, воръ отпѣтый!
Ты клеветникъ и по твоей винѣ
Медъ часто переходитъ въ желчь, сіянье—
И радость—въ тьму и горькое страданье.

Въ позоръ открытый — тайна наслажденья.
Въ невольный постъ обжорства скрытый пиръ.
Надутый титулъ—въ рубище изъ дыръ,
А сладость рѣчи въ горькое смущенье
Твое тщеславье жадно, какъ вампиръ.
О случай, ты ославленъ такъ надменно,
И все-жъ толпа бѣжитъ къ тебѣ презрѣнно.

Когда-же ты несчастнымъ будешь другомъ
И поведешь по ясному пути,
Дашь облегченье смятому недугомъ,
Захочешь душу плѣнную спасти?
Явись и распри злыя прекрати.
Къ тебѣ взываютъ нищій и несчастный,
Но ихъ минуетъ случай полновластный.

Врачъ задремалъ; болящій умираетъ.
Жретъ угнетатель, плачетъ сирота.
Судья пируетъ, а вдова рыдаетъ.
Чума растетъ,—охотой занята
Комиссія. Для блага все тщета,
А зависти, убійству и измѣнѣ
Часы—паши на жизненной аренѣ.

Когда нужда и добродѣтель просятъ
Тебя на помощь, тысячи преградъ
Мѣшаютъ имъ и далеко относятъ.
Ты дорогъ имъ, а злу и мести радъ
Исполнить даромъ все, что повелятъ.
Ждала я Коллатина,—случай вора
Тарквинія послалъ мнѣ для позора.

Въ тебѣ одномъ вина убійства, кражи,
Предательства, подлоговъ, клеветы,
Преступныхъ клятвъ, продажности и даже
Кровосмѣшенья мерзостнаго! Ты
Пособникъ ихъ. Средь шумной суеты
Съ начала міра до его скончанья
Сопровождать ты будешь ихъ дѣянья.

Чудовищное время! Ночи черной
Зловѣщій спутникъ! О, гонецъ заботъ,
Рабъ наслажденій лживыхъ, вьючный скотъ
Порока! Стражъ печали непокорной.
О, пожиратель юности! Ты тотъ,
Кто отнялъ честь мою! Тебя я знаю—
Гляди о, время, какъ я умираю!

Ты далъ часы для мира и забвенья,
А твой приспѣшникъ-случай предалъ ихъ.
Онъ счастіе разбилъ безъ сожалѣнья,
Мнѣ цѣпь сковалъ изъ горестей земныхъ.
О, время! Ты смирять должно бы злыхъ,
Уничтожать дѣянья лжи и мрака,
А не губить святое ложе брака.

Хвала временъ согласье межъ царями.
Дай правдѣ свѣтъ, личину съ лжи сорви.
Клейми старье, день пробуждай лучами,
Полночный міръ, храня, благослови.
Дѣла злодѣйствъ безтрепетно прерви,
Разрушь дворцы кичливые съ размаха
И башни ихъ покрой налетомъ праха.

Точи червями памятникъ надменный,
Питай забвенье ветошью, марай
Страницы книгъ, мѣняя смыслъ ихъ бренный.
Воронамъ перья выщипли. Ломай
Трухлявый дубъ, а отпрыскъ охраняй.
Куетъ и бьетъ пусть молотъ твой чугунный,
И колесо вертится подъ фортуной.

Пусть станетъ бабкой женщина внучачамъ.
Дитя—мужчиной, а мужчина имъ.
Убей убійцу тигра и ручнымъ
Единорога сдѣлай съ львомъ косматымъ.
Пускай обманщикъ давится своимъ
Обманомъ, пахарь надъ землей хлопочетъ,
И капля камень пусть долбитъ и точитъ.

Стремясь впередъ, ты зло творишь на свѣтѣ,
Но лишь одно мгновеніе назадъ—
И всѣ долги, наслѣдіе столѣтій,
Забудутся и все пойдетъ на ладъ.
Милльоны душъ тебя благословятъ.
Ночь ужаса! Вернись лишь на мгновенье,—
Я спасена была бы отъ крушенья.

О, вѣчности уродливый приспѣшникъ,
Тарквинія останови бѣдой,
Преслѣдуй злой и гибельной враждой,
Чтобъ эту ночь въ терзаньяхъ проклялъ грѣшникъ!

ЛУКРЕЦІЯ ВЪ ИЗОБРАЖЕНІЯХЪ ХУДОЖНИКОВЪ ВОЗРОЖДЕНІЯ.

Картина Альбрехта Дюрера (Albrecht Dürer 1471—1528).

ЛУКРЕЦІЯ ВЪ ИЗОБРАЖЕНІЯХЪ ХУДОЖНИКОВЪ ВОЗРОЖДЕНІЯ.

Картина Луки Кранаха (Lukas Cranach, 1472—1553).

ЛУКРЕЦІЯ ВЪ ИЗОБРАЖЕНІЯХЪ ХУДОЖНИКОВЪ ВОЗРОЖДЕНІЯ.

Картина Пальмы Старшаго (Palma Vecchio, 1480–1528).

ЛУКРЕЦІЯ ЪЪ ИЗОБРАЖЕНІИ [illegible]

Картина [illegible]

ЛУКРЕЦІЯ ВЪ ИЗОБРАЖЕНІЯХЪ ХУДОЖНИКОВЪ ВОЗРОЖДЕНІЯ.

Картина Пальмы Старшаго (Palma Vecchio, 1480–1528).

ЛУКРЕЦІЯ ВЪ ИЗОБРАЖЕНІЯХЪ ХУДОЖНИКОВЪ ВОЗРОЖДЕНІЯ.

Картина Тинторетто (Ленинград, 1519–1594)

ЛУКРЕЦІЯ ВЪ ИЗОБРАЖЕНІЯХЪ ХУДОЖНИКОВЪ ВОЗРОЖДЕНІЯ.

Картина нидерландской школы 1530 г.

ЛУКРЕЦІЯ ВЪ ИЗОБРАЖЕНІИ ХУДОЖНИКОВЪ ВОЗРОЖДЕНІЯ.

Картина Каньячи (Cagnacci, 1601—1681).

ЛУКРЕЦІЯ И ТАРКВИНІЙ СЕКСТЪ.

Картина Луки Джордано (Luca Giordano, 1632 -1705).

Пусть я въ своей винѣ не виновата,
Но жизнь моя за мой позоръ расплата.

Не осквернитъ тебя прикосновенье,
Подъ замысломъ позоръ не утаю.
Чтобъ скрыть ночную тайну преступленья,
Не распишу обиду я свою.
Я все скажу,—подобныя ручью,
Изъ глазъ польются слезы, какъ признанья,
И смоютъ грязь и стыдъ повѣствованья".

Тѣмъ временемъ скончала Филомела
Печальница свой жалобный мотивъ.
Ночь величаво въ адъ сошла. Алѣла
Заря, сіяньемъ кроткимъ освѣтивъ
Всѣхъ, кто внималъ восторженный призывъ.
Лукреція одна себя корила,
Что видитъ свѣтъ, что спальня не могила.

Возставшій день сквозь щель бросаетъ взгляды,
Какъ-бы за ней, рыдающій слѣдитъ.
„О, око всѣхъ очей!"—она твердитъ:—
Зачѣмъ проникъ въ окно мое? Не надо
Мое чело такъ жечь! Пускай блеститъ
Твое сіянье спящимъ. Что за дѣло
Дню до того, что ночь свершить посмѣла!"

Такъ все ее волнуетъ непрерывно.
Живое горе чутко, какъ дитя
И, какъ дитя, капризно и наивно.
Былое горе сносится шутя.
Смягчаетъ время горести, летя.
А новое—пловецъ плохой; небрежно
Ныряетъ въ глубь и тонетъ безнадежно.

Такъ и она попутно рѣчь заводитъ,
Въ глубъ горестей своихъ погружена.
Свою бѣду ужаснѣй всѣхъ находитъ,
Всѣмъ, что предъ ней, волнуется она.
И все мрачнѣй страданья глубина:
То скорбь ея не знаетъ словъ, то сразу
Слова бѣгутъ и фраза гонитъ фразу.

Безпечны пташекъ утреннія трели,
Но скорбь ея безумнѣе отъ нихъ.
Онѣ до дна доходятъ и тяжелѣ
Становятся въ веселомъ хорѣ ихъ.
Желаннѣе для скорби скорбь другихъ,
Печаль сноснѣй, когда идетъ съ ней рядомъ
Такая-же подруга съ скорбнымъ взглядомъ.

Двойная смерть—тонуть предъ берегами,
Предъ пищей—муки голода страшнѣй,
И рана передъ пластыремъ больнѣй;
Скорбь тяжелѣй передъ ея вратами.
Тѣмъ горе тише, чѣмъ оно вольнѣй.
Останови—и будетъ наводненье;
Оно преградъ не терпитъ и стѣсненья.

„О, схороните, пташечки, подъ пухомъ
Въ своихъ зобахъ серебристый звонъ руладъ
Пускай онѣ меня не веселятъ.
Я не могу внимать имъ чуткимъ ухомъ.
Не до гостей веселыхъ, если адъ
Въ душѣ хозяйки. Тяжкія печали
Съ отчаяньемъ судьбу свою сковали.

О, Филомела! Пѣснь о похищеньѣ
Поешь и ты. Прійди, въ моихъ кудряхъ
Найдешь пріютъ, какъ въ ласковыхъ лѣсахъ
И я, съ землей, рыдающей отъ пѣнья,
За каждый звукъ пролью слезу въ потьмахъ.
Ты вспоминаешь съ нѣжностью Терея;
Я вспомяну съ проклятіемъ злодѣя.

Покуда ты, чтобъ боль не утихала,
Касаться будешь къ колющимъ шипамъ,
Я остріе смертельнаго кинжала
Направлю въ грудь; и, дрогнетъ ли онъ самъ,
Иль на него паду я,—голосамъ
Двухъ нашихъ душъ въ одинъ аккордъ согласный
Дано излить порывъ сердецъ несчастный.

О, птичка! Днемъ тебѣ какъ будто стыдно
При людяхъ пѣть. Умчимся вдаль съ тобой,
Въ пустыню, гдѣ дорогъ и тропъ не видно,
Гдѣ ни жары, ни холодъ ледяной
Не тронутъ насъ. И пусть напѣвъ ночной
Звучитъ звѣрямъ. Звѣрями люди стали.
Пусть хоть звѣрей смягчитъ напѣвъ печали".

Подобно съ перепугу бѣдной лани,
Не знающей, гдѣ ей себя спасти,
Иль страннику, сошедшему съ пути,
Ея душа въ безвыходномъ туманѣ.
Что лучше—жить, иль въ тѣсный гробъ сойти?

Жизнь для нея позоръ и поношенье,
А въ смерти есть какъ будто искупленье.

„Убить себя? Но развѣ оскверненье,
Коснувшись тѣла, душу обойдетъ?
Не трудно жить, утративъ полъ-имѣнья,
Ужаснѣе, когда совсѣмъ банкротъ.
Какая мать, коль смерть у ней возьметъ
Одно дитя, сама убьетъ другого,
Чтобы не знать волненья никакого?!

Что, наконецъ, дороже, духъ или тѣло,
Когда они божественно чисты?
О чемъ-бы я скорѣе пожалѣла,
Будь эти блага грубо отняты
У Коллатина и небесъ? Листы
Березы чахнутъ, сохнетъ сокъ порою,
Коль содрана кора: такъ и съ душою.

Ея покой нарушенъ, домъ враждебно
Разбитъ, разграбленъ, храмъ ея врагомъ

Опустошенъ, поруганъ непотребно.
Ужель сочтется тягостнымъ грѣхомъ,
Когда сама я сдѣлаю проломъ
Въ твердынѣ опозоренной и смѣло
Смятенный духъ освобожу изъ тѣла.

Но не хочу я умереть, доколѣ
Не знаетъ Каллатинъ причины зла.
Пусть мститъ тому, по чьей презрѣнной волѣ
Должна разстаться съ жизнью я была.
Тарквинію, пока не умерла,
Я завѣщаю кровь, его отраву,—
Она ему принадлежитъ по праву.

Ножу, который ранитъ это тѣло,
Я завѣщаю сгубленную честь,
Тому, кто жизнь позора гордо, смѣло
Въ могильный мракъ рѣшается унесть
Сгубить одно,—другое пріобрѣсть.
Презрѣніе убью я величаво
И изъ позора возродится слава.

Что откажу тебѣ я въ завѣщаньѣ,
Мой властелинъ? Да будетъ смерть моя
Тебѣ и слава и предначертанье.
Какъ я себѣ сама была судья,
Ты будь надъ нимъ и поступи, какъ я.
Твой другъ, себя, какъ врагъ, я убиваю
И мщу ему и честь свою спасаю.

Сырой землѣ я завѣщаю тѣло—
Въ послѣдней волѣ, душу небесамъ,
Тебѣ, супругъ, рѣшимость я отдамъ,
А честь—ножу, что сердце ранитъ смѣло,
Позоръ тому, кто опозорилъ самъ,
И тѣмъ возстановленье доброй чести,
Кто вѣренъ мнѣ и преданъ былъ безъ лести.

Ты, Коллатинъ, исполни завѣщанье.
Когда его получишь, я умру
И смертью я клеймо стыда сотру:
Такой конецъ искупитъ поруганье.
Мужайся, сердце; я тебя беру
Слугой руки, когда умрете вмѣстѣ,
Обоихъ смерть побѣдой будетъ чести".

Задумавъ этотъ заговоръ жестокій,
Смахнувъ слезу жемчужную съ очей,
Она зоветъ прислужницу, и къ ней
Та поспѣшаетъ съ вѣрностью глубокой:
Хоть мысль быстра,—крылатый долгъ быстрѣй.
Ей кажутся Лукреціи ланиты,
Какъ бѣлымъ снѣгомъ, блѣдностью покрыты.

Прислужница съ почтительнымъ поклономъ
Привѣтствуетъ Лукрецію; она
Страданьемъ госпожи поражена,
Но разспросить о горѣ затаенномъ
Не смѣетъ. Почему затемнена
Лазурь очей солеными слезами,
И свѣтъ двухъ солнцъ померкъ подъ облаками?

Подобно двумъ чистѣйшимъ водоемамъ,
Слоновой кости, женщины стоятъ;
Въ душѣ одной—страданій цѣлый адъ,
Другая плачетъ въ горѣ незнакомомъ.
О, нѣжный полъ! Готовъ онъ, даже радъ
Лить слезы тамъ, гдѣ скорбь чужая дышитъ;
Ее вдали онъ чуткимъ сердцемъ слышитъ.

Оно у женщинъ—воскъ, а у мужчины—
Холодный мраморъ, и на воскѣ онъ,
Какъ хочется ему, запечатленъ.
Въ немъ бѣдствій ихъ и радостей причины,
Весь слабый полъ сильнѣйшимъ угнетенъ.
Виновенъ воскъ... Виновенъ только тѣмъ онъ,
Что силою на немъ оттиснутъ демонъ.

Онѣ подобны мягкостью равнинѣ,
Гдѣ каждый гадъ замѣтенъ и червякъ.
Но злые духи прячутся въ мужчинѣ,
Какъ въ чащѣ лѣса, кутаясь во мракъ.
Сквозь ихъ хрусталь замѣтенъ каждый знакъ:
Мужчина все скрываетъ гордой маской,
А женщина сама себѣ оглаской.

Нельзя судить цвѣтокъ, зимой измятый,
Суди лишь зиму, смявшую цвѣтокъ.
Что погибаетъ, то не виновато,
Виновно то, что губитъ. Пусть въ упрекъ
Не ставятъ слабой женщинѣ порокъ.
Мужчины обольщеньями и властью
Приводятъ ихъ къ позору и несчастью.

Лукреція—примѣръ. Насилье ночью
Погибель за собою повлекло.
За гибелью—позоръ грозилъ воочью,
Онъ несъ съ собой ея супругу зло.
Съ такой бѣдой бороться тяжело.
Ее-же смертный страхъ сковалъ цѣпями.
Легко торжествовать надъ мертвецами.

И говоритъ Лукреція покорно:
„О дѣвушка прекрасная, къ чему
Ты слезы льешь? Вѣдь горю моему
Ты не поможешь ими благотворно.
Когда бъ онѣ, о, милая, всю тьму
Въ моей душѣ разсѣять были въ силѣ,
Меня давно бы слезы облегчили.

О, дѣвушка, скажи мнѣ"... Вздохъ печальный
Ее прервалъ. „Когда покинулъ домъ
Тарквиній?" „Госпожа моя, о немъ

Не знаю я. Еще была я въ спальнѣ,
А ужъ его здѣсь не было. Въ своемъ
Невѣдѣньи себя-бъ я упрекала,
Когда-бъ съ зарею нынче я не встала.

Но, госпожа, своей служанкѣ вѣрной
Простите смѣлость: что васъ такъ томитъ?"
„Молчи! Хотя-бъ о горести безмѣрной
Сказала я,—разсказъ не облегчитъ:
Предъ скорбью рѣчь безсильная молчитъ.
Что передъ этой адской пыткой слово!
Все сердце въ ней расплавиться готово.

Подай бумагу мнѣ, перо, чернила.
Нѣтъ, не трудись, здѣсь все есть у меня.
Да... что еще?... Ахъ, да! Пускай коня
Одинъ изъ слугъ сѣдлаетъ, что есть силы
Летитъ, мое довѣріе цѣня,
Съ письмомъ къ нему, возлюбленному другу...
Я напишу сейчасъ письмо супругу".

Служанка удалилась. Въ размышленьѣ
Склонилась надъ бумагой госпожа.
Перо—въ рукѣ. Она спѣшитъ, дрожа.
Излить тоски и мысли столкновенье.
То мысль тупа, а то острѣй ножа.
Какъ у дверей толпа, онѣ тѣснятся
Одна другую гонитъ, суетятся.

И пишетъ наконецъ она: „Супругу
Достойному привѣтъ и миръ! Когда
Увидѣть недостойную супругу
Желаетъ онъ, пускай спѣшитъ сюда.
Всѣ о тебѣ тоскуютъ, какъ всегда.
Моя тоска безмѣрна, необъятна,
А рѣчь, увы, безсильна, непонятна".

Но бремя чувствъ и тягости страданья
Она сокрыть желаетъ до него.
Тогда слова и вздохи и стенанья
Яснѣй позоръ разскажутъ, и того,
Что для людей въ узорахъ буквъ мертво,
Живою рѣчью искренно коснется.
Быть можетъ, онъ тогда не отвернется.

Когда печаль мы видимъ передъ собою,
Она полнѣй и грубже понята.
Что видитъ глазъ, для слуха пустота.
Весь человѣкъ охваченъ мукой злою,
А слухомъ только часть воспринята,
Потока шумъ порой звучнѣе моря,
И вѣтеръ словъ относитъ волны горя.

Готова надпись: „Спѣшное, въ Ардею,
Супругу моему". Слуга ужъ ждетъ.
Она велитъ скакать ему скорѣе,
Какъ птица ускоряетъ свой отлетъ,
Когда ненастье съ сѣвера дохнетъ.
Но мысль идетъ при этомъ спѣхѣ вяло.
Порою, крайность—крайности начало.

Поклонъ отвѣсивъ госпожѣ степенно,
Гонецъ глядитъ. Письмо онъ въ руки взялъ,
Ни „да", ни „нѣтъ" въ отвѣтъ ей не сказалъ
И удалился спѣшно и смиренно.
Кто виноватъ, навѣрно замѣчалъ
Во взорахъ всѣхъ своей винѣ укоры.
Лукрецію смутили эти взоры.

Свидѣтель Богъ, румянцемъ заливало
Его лицо лишь только оттого,
Что онъ слуга былъ стараго закала,
Не вѣдалъ, что такое хвастовство:
Лишь дѣло важно было для него,
И будучи слугой простымъ и честнымъ,
Не прибѣгалъ онъ къ фокусамъ словеснымъ.

Но пылъ его въ ней вызвалъ подозрѣнье,
И пламенемъ зардѣлись лица ихъ.
Онъ, мнилось ей, ужъ зналъ о преступленьѣ,
И не сводила глазъ она своихъ
Съ его лица, а онъ краснѣлъ отъ нихъ.
Чѣмъ больше онъ краснѣлъ, тѣмъ ей казалось—
Пятно позора ярче разгоралось.

Ей чудилось, что время онъ теряетъ,
Хоть онъ едва ступилъ черезъ порогъ.
Какъ ей часы убить,—она не знаетъ,
Но поздно ныть и плакать отъ тревогъ.
Печальный вопль отъ вопля изнемогъ.
Она на мигъ прервала причитанья,
Чтобъ иначе излить свои страданья.

И вспомнила Лукреція картину:
Пріамовъ градъ на ней изображенъ.
Предъ Троей грековъ станъ; они въ руину
Все обратить грозятъ и Илліонъ,
Вершиной уходящій въ небосклонъ,
Написанный такъ вдохновенно, словно
Съ нимъ небо цѣловалося любовно.

Превосходя природу, тамъ искусство
Вдохнуло жизнь въ мельчайшіе мазки,
И въ каждой каплѣ краски было чувство,
Какъ бы въ слезѣ, пролитой отъ тоски
Вдовой по мужѣ. Крови ручейки
Какъ-бы дымились, и мерцали очи,
Какъ уголья подъ пепломъ въ мракѣ ночи.

Тамъ землекопъ могилу рылъ солдатамъ,
Облитый потомъ въ прахѣ и пыли.
А съ башенокъ, за грознымъ супостатомъ
Глаза троянъ слѣдили издали,
Изъ амбразуръ, и зрители могли
Прочесть въ глазахъ вопросъ души печальный:
Такъ былъ искусенъ мастеръ геніальный.

Свѣтилась ярко опытность и сила
Въ чертахъ вождей отважныхъ и сѣдыхъ.
Стремительность горѣла въ молодыхъ;
И здѣсь и тамъ тащился трусъ уныло.
Художникъ такъ искусно созвалъ ихъ,
Что всѣ могли, казалось, видѣть смѣло
И блѣдность лицъ и жалкій трепетъ тѣла.

Черты Аякса и Улиса были
Воплощены такъ дивно-мастерски,
Какъ будто въ краскахъ нравы ихъ сквозили
И раскрывались сердца тайники:
Такъ у Аякса въ бѣшенствѣ зрачки
Горѣли; у Улиса въ нихъ сквозила
Премудрость, снисходительная сила.

Такъ Несторъ говорилъ краснорѣчиво,
Какъ будто грековъ къ битвѣ ободрялъ.
Онъ такъ жестикулировалъ красиво,
Что всю толпу невольно увлекалъ,
И бородой онъ, мнилось, помавалъ,
И тихое дыханіе струилось,
И рѣчь на немъ къ лазури возносилась.

Ловя совѣты мысли вдохновенной,
Толпа вокругъ сомкнулася кольцомъ;
И каждый слушалъ съ трепетнымъ лицомъ,
Какъ будто увлекаемый сиреной.
Тотъ былъ высокъ, тотъ малъ предъ мудрецомъ,
А головы иныя за толпою
Какъ будто поднималися порою.

Одна рука—на головѣ другого.
А носъ того, тѣмъ ухомъ заслоненъ...
Вонъ тотъ надутый, красный, оттѣсненъ.
Съ устъ этого сорваться брань готова.
Не будь боязни потерять хоть слово,
Вотъ-вотъ за мечъ ухватятся сурово.

Воображенью пищи здѣсь не мало,
Но все живой иллюзіей полно.
Вонъ тамъ—копье Ахилла замѣняло;
Онъ за толпой, но мощное, оно
Въ его рукѣ, и все воплощено.
Такъ руки, ноги, головы натуры
Возсоздавали ясно ихъ фигуры.

А на стѣнахъ, вкругъ осажденной Трои,
Когда самъ Гекторъ выступилъ на бой,
Стоятъ троянки—матери толпой:
Тамъ въ бой идутъ ихъ сыновья герои,
И дѣлятся они между собой
Той горделивой материнской силой,
Въ которой страхъ сквозитъ за образъ милый.

Гдѣ бой кипѣлъ, съ прибрежія Дардана
До Самоиса кровь текла рѣкой,
И тутъ война кипѣла неустанно:
Клубясь, волна сшибалася съ волной
И билась въ берегъ дикій и крутой
И отступала прочь, и вновь сшибалась,
И пѣною на отмель разливалась.

Вотъ подошла Лукреція къ картинѣ.
Тамъ есть лицо, земныхъ скорбей вѣнецъ;
И много лицъ печальныхъ видитъ нынѣ.
Но гдѣ-же то, страданья образецъ?
И вотъ, нашла Гекубу, наконецъ.
Предъ ней—Пріамъ; онъ гордымъ Пирромъ раненъ,
У ногъ его въ крови и бездыханенъ.

Такъ геній отразилъ въ своей картинѣ
Гнетъ времени и гибель красоты,
Страданье въ каждой впадинѣ, въ морщинѣ.
Отъ прошлаго ни свѣта, ни черты.
Кровь почернѣла. Холодъ пустоты—
Въ источникѣ, служившемъ этимъ жиламъ.
Гекубы жизнь, какъ въ замкѣ, въ тѣлѣ хиломъ.

Лукреція на тѣнь печали дико
Глядѣла, горя злобную напасть
Соизмѣряя съ той, которой крика
Не доставало, чтобъ враговъ проклясть.
У генія не божья мощь и власть.
Лукреція винить его готова,
Что не далъ онъ ни стона имъ, ни слова.

Какъ жалокъ ты, о инструментъ безгласный!
Я голосъ мой въ твою печаль вдохну,
Волью бальзамъ въ Пріама, прокляну
Убійцу—Пирра, и пожаръ ужасный
Залью слезами. Я ножомъ проткну
Твоимъ врагамъ коварнымъ злыя очи
Да будутъ греки въ мракѣ вѣчной ночи!

Ты укажи мнѣ тварь, причину боя.
Ея красу ногтями я сгоню.
Твоя, Парисъ, виною похоть, Трою
Предавшая враждебному огню.
Твои глаза въ пожарѣ я виню.
Отецъ и сынъ и мать и дочь—расплата
За тяжкій грѣхъ безумнаго разврата.

Зачѣмъ единоличнымъ наслажденьемъ
Быть общихъ бѣдъ виною суждено?
Пусть казнь падетъ во слѣдъ за преступленьемъ
На голову того, кѣмъ свершено.
Зачѣмъ страдать новиннымъ заодно?
Зачѣмъ паденье одного роняетъ
Весь городъ, и народъ въ немъ погибаетъ?

Смотри,—здѣсь палъ Пріамъ, а тамъ рыдаетъ

Гекуба. Гекторъ мертвъ, безъ чувствъ Троилъ.
Въ потокахъ крови дружба утопаетъ.
Кипитъ война... Тамъ умеръ... Здѣсь—убилъ.
Грѣхъ одного сражаетъ бездну силъ.
Когда Пріамъ презрѣлъ бы похоть сына—
Была-бы Троя въ славѣ,—не руина.

Оплакиваетъ горе на картинѣ
Лукреція. Какъ колоколъ, оно
Легко звонитъ, лишь разъ оживлено,
Оно зоветъ лить слезы о кончинѣ.
Такъ обо всемъ, что красками дано,
Лукреція рыдаетъ, сообщая
Свой голосъ имъ, а горе занимая.

Она на все глядитъ прилежнымъ взглядомъ,
Съ несчастными несчастія полна.
Вотъ бѣдный плѣнникъ шествуетъ съ отрядомъ
Фригійскихъ пастуховъ въ цѣпяхъ... Видна
Тревога въ немъ, но радость въ ней ясна.
Онъ къ Троѣ направляется послушно,
Терпѣнье въ немъ къ несчастьямъ равнодушно.

Художникъ проявилъ здѣсь все умѣнье,
Чтобы придать притворству честный видъ;
Спокоенъ взглядъ, въ глазахъ слеза блеститъ;
Чело въ бѣдѣ не знаетъ униженья,
И съ блѣдностью въ щекахъ румянецъ слитъ,
Чтобъ жаръ стыда не выдалъ преступленья,
А блѣдность—вѣроломнаго волненья.

Но, словно демонъ въ лжи закоренѣлый,
Облекся онъ въ личину доброты,
Прикрывъ, какъ шлемомъ, злобныя черты.
Сама-бы ревность думать не посмѣла,
Что вѣроломство, злоба, клеветы
Лазурный день затмило тучей черной,
Свѣтлѣйшій ликъ втоптали въ грѣхъ позорный.

То былъ, искусно такъ изображенный,
Клятвопреступникъ мерзостный Синонъ.
Его волшебной сказкою плѣненный,
Погибъ Пріамъ и ею-же сожженъ,
Палъ величавый свѣтлый Илліонъ,
А звѣздочки, увидѣвши въ печали
Ихъ зеркало разбитымъ, исчезали.

Разсматривая дивное творенье,
Она бранила мастера, что онъ
Лицу Синона придалъ выраженье,
Которымъ образъ Правды оскорбленъ,
По красотѣ—и святъ и чистъ Синонъ.
Художникъ что-то исказилъ нежданно,
Иль самъ себѣ противорѣчилъ странно.

„Не можетъ быть, чтобы столько думъ таилось
Въ подобномъ взглядѣ—думалося ей.
Но вотъ предсталъ Тарквиній передъ ней—
„Не можетъ быть“ на „можетъ“ измѣнилось,
И былъ таковъ печальный смыслъ рѣчей:
„Увы, нерѣдко въ красотѣ священной
Скрываются черты души презрѣнной.

Какъ здѣсь Синонъ изображенъ,—устало,
Печаленъ, кротокъ, изнуренъ трудомъ
Иль горестью, ко мнѣ явился въ домъ
Тарквиній; все въ немъ сердце оживляло,
Хотя внутри порокъ пылалъ огнемъ.
Какъ принятъ былъ Пріамомъ тотъ, такъ мною
Тарквиній принятъ, сжегшій мою Трою.

Смотрите, какъ отъ слезъ Синона лживыхъ,
Пріамъ рыдаетъ. О, Пріамъ! Доживъ,
До старости, наивенъ ты, правдивъ,
Вѣдь каждая слеза изъ глазъ красивыхъ—
Троянца кровь: въ ней и огонь и взрывъ
Жемчужины изъ гнусныхъ глазъ Синона,
Отъ васъ погибнутъ стѣны Илліона!

Свои контрасты дьяволы изъ ада
Заимствуютъ: подъ пылкостью ихъ—рожь,
Но и пожаръ подъ снѣгомъ ихъ найдешь.
Подобное сліяніе имъ надо,
Дабы глупцы считали правдой ложь.
Пріамъ подавленъ лживостью Синона.
Вода грозитъ сжечь стѣны Илліона!

Тутъ ей такая ярость овладѣла,
Что изъ груди терпѣнье рвется вонъ.
Ногтями рветъ она Синона тѣло,
Какъ будто то Тарквиній, не Синонъ.
Ее себѣ противной сдѣлалъ онъ.
Но вотъ она очнулась, восклицая:
„Безумна я, бездушное терзая!“

Приливомъ и отливомъ ея горя
И время, наконецъ, утомлено.
То хочется, чтобъ стало вдругъ темно.
То, чтобъ заря взошла... И съ ними споря,
Ей кажется, что все удалено.
Она устала, но заснуть нѣтъ силы;
А время все ползетъ, ползетъ уныло.

Но время пронеслось неуловимо
Передъ картиной. Горести свои
Она въ чужихъ топила въ забытьи.
Подобье мукъ свои сносило мимо.
Мысль, что другіе страждутъ нестерпимо,
Порой способна душу облегчить,
Но никого не въ силахъ излѣчить.

Но вотъ вернулся Коллатинъ съ друзьями
Вслѣдъ за гонцомъ. Лукреція блѣдна—
Вся въ траурѣ, встрѣчаетъ ихъ она—
Ея глаза обведены кругами,
Какъ радугой; ихъ синева полна
Предвѣстьемъ бурь, которыя въ лазури
Минувшія затмить грозятся бури.

И Коллатинъ, замѣтивъ мракъ ужасный
Въ ея лицѣ растерянно глядитъ.
Опухшіе глаза кроваво-красны,
Поблекъ румянецъ радостный ланитъ.
Безмолвно передъ нею онъ стоитъ:
Такъ старые друзья, сойдясь далече
Отъ родины, теряются при встрѣчѣ.

Касаяся руки похолодѣлой,
Онъ говоритъ: „О, милая, отвѣть,
Что ты дрожишь? Какое горе смѣло
Сразить тебя и трауромъ одѣть?
И отчего румянецъ могъ сгорѣть?
Открой мнѣ горе, что тебя тревожитъ,
И твой супругъ разсѣять зло поможетъ.

Три тяжкихъ вздоха вылетаютъ ранѣ
Печальныхъ словъ, чтобъ горю дать исходъ,
И, наконецъ, она понять даетъ,
Что честь ея поругана въ обманѣ...
Она желаетъ все сказать, и вотъ
Ей Коллатинъ и спутники готовы
Внимать безмолвны, грустны и суровы.

Въ своемъ гнѣздѣ прибрежномъ лебедь бѣлый
Предсмертный стонъ имъ выразить спѣшитъ.
„Нельзя стереть позорный слѣдъ обидъ,
Безсиленъ мой языкъ окаменѣлый
Излить всю скорбь, которая язвитъ.
Въ душѣ моей безмѣрно больше муки,
Чѣмъ могутъ передать слова и звуки.

Скажу одно, мой повелитель: силой
Чужой на брачномъ ложѣ возлежалъ
Гдѣ отдыхалъ ты часто подлѣ милой
И голову усталую склонялъ.
Вообрази все то, чѣмъ запятналъ
Меня злодѣй: насилье, поруганье
И ты поймешь Лукреціи признанье.

Въ глухой тиши, съ мечомъ блестящимъ, гадомъ
Прокрался онъ въ пріютъ мой. Въ тьмѣ ночной
Дышалъ его зловѣщій факелъ чадомъ.
Онъ говорилъ: „Проснись, дѣли со мной
О, римлянка, восторгъ любви земной,
А нѣтъ,—тебѣ и близкимъ и любимымъ
Грозитъ позоръ мечомъ неумолимымъ.

Когда тебѣ склониться неугодно
Къ моей любви, я тайно умерщвлю
Грязнѣйшаго холопа, заколю
Тебя и буду клясться всенародно,
Что васъ засталъ на ложѣ. Я куплю
Себѣ такой цѣной на вѣки славу!
Тебѣ—позоръ и вѣчную отраву!

Я, вся въ слезахъ, кричать была готова.
Онъ мечъ приставилъ къ сердцу моему,
Клялся, что если только я ему
Не покорюсь, произнесу хоть слово,
Онъ умертвитъ меня, и обниму
Я трупъ раба убитаго, и въ Римѣ
Лукреціи позорно будетъ имя.

Врагъ былъ силенъ; я—слабое созданье,
Слабѣй отъ страха. Хищный мой судья
Мнѣ приказалъ молчать, и тщетно я
Пытался найти увѣщеванье.
Но красота несчастная моя
Безумца ослѣпила. Безпощаденъ
Къ ворамъ судья, коль ими обокраденъ.

О, научи, молю я, оправданью!
Дай отыскать убѣжище отъ зла!
Пусть кровь моя грязна отъ поруганья,
Моя душа безгрѣшна и свѣтла,
Она подругой тѣла не была.
Не уступая гибельнымъ соблазнамъ
Она чиста въ своемъ жилищѣ грязномъ".

Тутъ жертва безнадежная утраты
Стоитъ, склонивъ въ унынiи чело,
Скрестивши руки, ужасомъ объятый...
Уста—какъ воскъ... Онъ дышитъ тяжело
Дыханіе какъ будто бы сожгло
Его слова. Онъ хочетъ что-то внятно
Произнести,—слова текутъ обратно.

Такъ и въ пролеты, скованные аркой,
Врывается стремительный потокъ
И бьется дико въ каменный ихъ бокъ
И вспять бѣжитъ, какъ будто въ схваткѣ жаркой.
Такъ вздохъ его, мучительно глубокъ,
Изъ сердца вонъ все горе вырвать хочетъ...
Рванется... мигъ,—и вновь въ груди клокочетъ.

Безмолвное страданье ей понятно.
Въ ней жажда мести вспыхнула огнемъ.
„О, мой супругъ! Страдаемъ мы вдвоемъ!"
Воскликнула она, „и необъятна
Моя печаль! Потокъ сильнѣй съ дождемъ.
Твой гнѣвъ снести мнѣ тягостно и больно:
Для жгучихъ слезъ и пары глазъ довольно.

Но для меня, который ты лелѣемъ
Такъ нѣжно былъ, молю, тому отмсти,

Кто сталъ себѣ, тебѣ и мнѣ злодѣемъ.
Представь, что зло идетъ и защити
Лукрецію. Меня ужъ не спасти,
Но пусть умретъ предатель. Замедленье
Питаетъ лишь вражду и преступленье.

Но раньше чѣмъ о, рыцари, злодѣя
Я назову,—должны вы клятву дать
Отмстить ему, измѣну покарать.
Хвала тому, чей мечъ, не сожалѣя,
Предательство стремится наказать.
Храня обѣтъ, обязанъ рыцарь свято
За женщину возстать на супостата!"

И римляне въ святомъ порывѣ рвенья
Ей дали клятву смѣло отомстить,
Какъ честь велитъ и долгъ и уваженье.
„Какъ звать его?" Но имя сообщить
Она все медлитъ. „Какъ могу я смыть"—
Вновь вопрошаетъ ихъ она тревожно—
„Насиліе, свершенное безбожно?"

„Скажите мнѣ, на сколько я виновна?
Всѣ ужасы повелѣвали мнѣ
Ему покорной быть безпрекословно.
Но можетъ-ли душа моя вполнѣ
Стряхнуть позоръ, не по моей винѣ?
Источникъ очищается отъ яда,
Могу-ль я смыть печать грѣха и ада?"

И отвѣчаютъ ей единогласно:
„Кто чистъ душой—и тѣломъ чистъ всегда".
Съ безрадостной улыбкою тогда
Она лицо склонила, и такъ ясно
На ней горитъ пятно ея стыда.
„Нѣтъ. Никогда для слабаго созданья
Не буду я примѣромъ оправданья!"

Тогда со вздохомъ, душу разрывавшимъ,
„Тарквиній... Онъ"... она произнесла
И больше говорить ужъ не могла.
Но скоро снова съ сердцемъ, трепетавшимъ
Отъ горести, всѣ силы собрала
И крикнула: „О, римляне! Онъ это
Велитъ вонзить мнѣ въ сердце сталь стилета!"

Съ послѣднимъ словомъ ножъ она вонзила
Въ грудь чистую, и гибельная сталь
Безгрѣшный духъ ея освободила
Изъ той тюрьмы, которую не жаль
Покинуть ей; его несетъ печаль
За облака, откуда нѣтъ возврата—
Послѣдній вздохъ весенняго заката.

Самъ Коллатинъ окаменѣлъ со свитой.
Они молчатъ: всѣхъ ужасъ оковалъ.
На трупъ своей Лукреціи, убитый
Отчаяньемъ, отецъ, ея упалъ,
А Брутъ извлекъ губительный кинжалъ
Изъ алаго фонтана, и забила
Рѣкою кровь и месть въ ней говорила.

И, клокоча, какъ два живыхъ потока,
Она лилась и тѣло обвила
Со всѣхъ сторонъ, какъ островъ одинокій,
Пустой средь волнъ. Одна струя была
Красна, чиста, невинна и свѣтла.
Другая-же застыла мутной пѣной,
Загрязнена Тарквинія измѣной.

Вокругъ пятна застывшей крови черной
Образовался свѣтлый ободокъ,
Оплакивавшій злобный этотъ рокъ,
Лукрецію сгубившій и тлетворный.
Съ тѣхъ поръ всегда, какъ горестный намекъ
Воспоминанья, капли крови нѣжной
Горятъ стыдомъ за грязь струи мятежной.

„О, дочь моя!" старикъ Лукрецій въ мукѣ
Взывалъ, дрожа. „Та жизнь, что отняла
Ты у меня,—моей она была!
Родителей безсмертье—дѣти, внуки...
Гдѣ буду жить, коль ты ужъ умерла?
Не тотъ исходъ природа обѣщала.
Конецъ для насъ,—преемникамъ начало.

О, зеркало разбитое недавно! Недавно
Въ немъ старость обновлялася моя!
Померкло отраженіе, и я
Въ немъ свой скелетъ увидѣлъ явно.
Ты сорвала всю радость бытія
Съ своихъ ланитъ, и умеръ безъ возврата
Мой прежній ликъ, сіявшій въ нихъ когда то.

О, время! Прекрати свое теченье,
Когда намъ суждено переживать
Погибель сильныхъ, слабыхъ продолженье.
Лишь старымъ пчеламъ надо умирать,
А юнымъ—жить. Воскресни, образъ милый!
Не я, а ты заплачешь надъ могилой!"

Но Коллатинъ какъ бы отъ сна очнулся.
Лукреція онъ проситъ дать ему
Излить всю скорбь и горе одному.
Безъ чувствъ на трупъ упалъ онъ и коснулся
Лицомъ потока крови... Смерти тьму
Позналъ на мигъ. Но скоро ожилъ снова,
Чтобъ мстить за смерть Лукреціи сурово.

Глубое отчаянье сковало
Его языкъ, но жгучихъ словъ потокъ
Власть нѣмоты и горя превозмогъ.
Слова текутъ, но звуки ихъ ни мало
Не облегчаютъ сердца отъ тревогъ.
Они звучатъ стремительны, невнятны,
Страданіемъ полны и непонятны.

Лишь иногда сквозь зубы вдругъ прорвется —
„Тарквиній!“ Онъ какъ будто растерзать
Стремится имя подлое. Опять
Назадъ потокъ отчаянія льется...
Но хлынулъ дождь. Тогда отецъ и зять
Рыдаютъ вмѣстѣ, сѣтуя и споря:
Отецъ иль мужъ несчастнѣе отъ горя?“

Тотъ и другой зовутъ ее своею.
Но что мертво, тому возврата нѣтъ.
„Она моя!“ кричитъ отецъ. „Нѣтъ, ею
Я обладалъ!“ звучитъ ему въ отвѣтъ.
„Здѣсь скорбь моя и право и завѣтъ.
Да будутъ мной оплакана кончина!
Вся скорбь о ней—отрада Коллатина“.

„О, возгласилъ отецъ. Я жизнь ей ввѣрилъ.—
Она ее такъ рано прервала
И поздно“.—„Ахъ, она моей была!“
Воскликнулъ мужъ. „Сокровище довѣрилъ
Я ей одной,—она его взяла.
Супруга!“ „Дочь!“ Стенанье наполняло
Всю комнату, и эхо въ ней рыдало.

Но вотъ, при видѣ скорби ихъ ревнивой,
Извлекъ кинжалъ изъ страшной раны Брутъ.
Воспрянулъ умъ живой и горделивый.
Онъ понялъ важность тягостныхъ минутъ
И всталъ межъ нихъ. Не острый римскій шутъ,
Служившій всѣмъ, какъ при дворцѣ, забавой,
А гордый рыцарь съ рѣчью величавой.

Чтобы прервать печальныхъ слезъ потоки,
Онъ сразу сбросилъ маску шутовства,
Скрывавшую искусно умъ глубокій.
„Встань, римлянинъ!“ звучатъ его слова.
„Я, жалкій шутъ, хочу безъ хвастовства
Вернуть твой умъ и опытный и гордый
Къ спокойствію и силѣ ясной, твердой.

О, Коллатинъ! Отвѣть мнѣ, развѣ горе
Смягчаетъ горе? Рана—раны жаръ?
И развѣ, нанося себѣ ударъ,
Ты за жену, погибшую въ позорѣ,
Отмстишь? Все это слабость и угаръ.
Жена твоя была несправедлива,
Убивъ себя, а зло осталось живо.

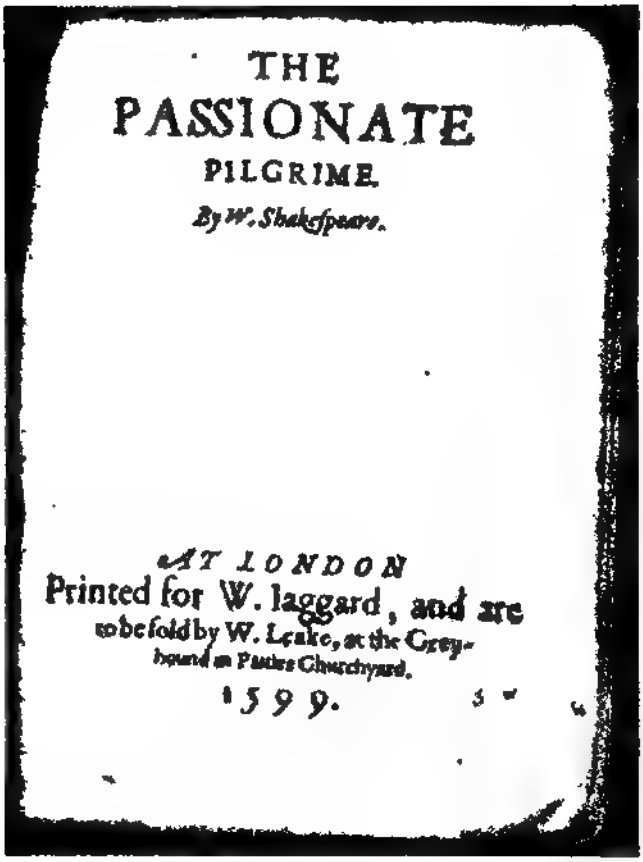
Возстань, отважный римлянинъ! Слѣдами
Не разслабляй души своей! Склони
Со мной колѣна здѣсь передъ богами:
Да разрѣшатъ, всесильные, они
Избавить Римъ, несчастный въ эти дни
Отъ грязнаго и мерзостнаго сора
Руками, на которыхъ нѣтъ укора.

Клянуся Капитоліемъ и кровью
Поруганной, и небомъ голубымъ,
И солнцемъ, полнымъ жизнью и любовью,
Законами, которымъ вѣренъ Римъ!
Клянусь душой Лукреціи и имъ,
Ея ножомъ кровавымъ, мстить жестоко
За смерть жены, не вѣдавшей порока!“

И въ грудь себя ударивъ, въ подтвержденье
Поцѣловалъ кинжалъ кровавый онъ.
И тотъ обѣтъ былъ всѣми повторенъ
И, совершивъ колѣнопреклоненье,
Вновь Брутомъ былъ обѣтъ произнесенъ;
И всѣ его произнесли двукраты,
И клятвы мести дружной были святы.

И, выполнивъ обѣтъ свой величавый,
Они рѣшили Риму показать
Лукреціи погибшей трупъ кровавый.
И Римъ рѣшилъ Тарквинія изгнать;
И изгнанъ былъ, какъ подлый низкій тать,
Навѣки сынъ царя неумолимо
Изъ вѣчныхъ стогновъ царственнаго Рима.

А. М. Ѳедоровъ.


THE
PASSIONATE
PILGRIME.
By W. Shakespeare.

AT LONDON
Printed for W. Iaggard, and are
to be sold by W. Leake, at the Grey-
hound in Paules Churchyard.
1599.

«Пиратское» изданіе «Страстнаго Пилигрима».

Юношескія и приписываемыя Шекспиру поэмы.

Кромѣ „Венеры и Адониса" и „Лукреціи" Шекспиру приписываются еще 2 небольшія манерныя вещи, «Жалоба влюбленной» (Lover's Complaint) и „Страстный Пилигримъ" (Passionate Pilgrime).

Написанная въ условно „пастушескомъ" стилѣ, „Жалоба влюбленной" появилась въ 1609 г. въ такъ наз. „воровскомъ" изданіи Торпа шекспировскихъ сонетовъ, о которомъ см. въ предисловіи къ сонетамъ. По метру „Жалоба", примыкаетъ къ „Лукреціи", по стилю къ манерѣ извѣстнаго поэта 1580-хъ гг. Спенсера и если она дѣйствительно писана Шекспиромъ, то въ очень ранніе годы. Литературнаго интереса она, во всякомъ случаѣ, никакого не имѣетъ. Что касается „Страстнаго Пилигрима", то онъ попалъ въ число произведеній Шекспира благодаря безграничному нахальству тогдашнихъ книгопродавцевъ. Наиболѣе беззастѣнчивые изъ нихъ не только наживались на чужихъ произведеніяхъ, не платя авторамъ ни гроша, но позволяли себѣ еще такую продѣлку: стоило какому-нибудь писателю прославиться, чтобы тотчасъ же нашелся ловкій книжный хищникъ, который входилъ въ соглашеніе съ какимъ-нибудь мелкимъ писакой и произведенія этого писаки печатались съ именемъ прославленнаго писателя. Благодаря огромной популярности Шекспира, его имя сдѣлалось излюбленнымъ предметомъ литературной фальсификаціи. Особенно часто оно стояло на обложкѣ новыхъ пьесъ либо одно, либо въ компаніи съ какимъ-нибудь четвертостепеннымъ драмодѣломъ. Въ этомъ, между прочимъ, одинъ изъ источниковъ происхожденія длиннаго ряда псевдошекспиров-

скихъ пьесъ. Позднѣйшимъ изслѣдователямъ и издателямъ-комментаторамъ, которые работали въ эпоху болѣе опрятныхъ книгопродавческихъ нравовъ имя Шекспира на обложкѣ казалось совершенно незыблемымъ основаніемъ для того, чтобы приписать данное произведеніе великому писателю, какъ бы слабо оно ни было само по себѣ. А въ дѣйствительности имя Шекспира на обложкѣ сплошь да рядомъ было только мошенническою приманкою. Среди издателей-хищниковъ шекспировскаго времени особенно выдавался своею печальною предпріимчивостью Вильямъ Джагардъ (Jaggard). Въ 1599 г. онъ, между прочимъ, выпустилъ въ свѣтъ сборникъ стихотвореній, давъ ему титулъ „Влюбленный Пилигримъ В. Шекспира". (См. предыдущую страницу). На самомъ дѣлѣ шекспировскаго тутъ было только 2 изъ ходившихъ по рукамъ сонетовъ и три пѣсенки изъ его напечатанной уже тогда другими литературными пиратами комедіи. „Безплодныя усилія любви". Остальное принадлежитъ частью перу нѣкоего Ричарда Барнфильда, частью другимъ авторамъ, какъ это будетъ указано въ примѣчаніяхъ. По своему обыкновенію, мало интересовавшійся славою Шекспиръ не протестовалъ противъ наглости Джагарда и только гораздо позднѣе—изъ предисловія къ книгѣ „Apology for actors" (1612) извѣстнаго поэта Томаса Гейвуда, съ которымъ Джагардъ продѣлалъ такую же штуку, мы узнаемъ, что продѣлка очень огорчила Шекспира. Далеко не относительно всѣхъ стихотвореній, вошедшихъ въ составъ „Страстнаго Пилигрима", удалось установить, кѣмъ они написаны. Вотъ почему „Страстный Пилигримъ" до сихъ поръ включается въ собраніе сочиненій Шекспира. Съ вышеприведенными оговорками, считаемъ и мы не лишнимъ включить этотъ сборникъ въ наше изданіе.

Въ 1601 г. Робертъ Честеръ издалъ сборникъ „Love's Martyr or Rosalin's Complain" съ загадочною цѣлью дать „аллегорическое изображеніе истинной любви и вѣрности Феникса и Голубки". Въ сборникѣ, кромѣ стиховъ Честера, имѣются стихотворенія извѣстнѣйшихъ современныхъ писателей Марстона, Чэпмена, Бенъ Джонсона и Шекспира. Шекспировское (входитъ въ собраніе его соч. подъ заглавіемъ „Фениксъ и Голубка") заключаетъ въ себѣ всего 67 стиховъ. Въ крайне загадочныхъ выраженіяхъ здѣсь описываются похороны Феникса и Голубки, которыхъ при жизни соединялъ въ одно союзъ чисто духовнаго свойства. Заключается ли тутъ какая нибудь философско-политическая аллегорія, оплакивается ли чья-нибудь смерть—сказать невозможно. Но во всякомъ случаѣ эта стихотворная загадка не представляетъ никакого поэтическаго интереса.

С. Венгеровъ.

ЖАЛОБА ВЛЮБЛЕННОЙ.

I.

Съ высокаго холма внималъ я, какъ уныло
Мнѣ эхо чей-то стонъ тоскливый доносило,—
Сливаясь съ жалобой въ рыданіи двойномъ.
И дѣвы наконецъ узрѣлъ я ликъ печальный.
Она рвала письмо на части за письмомъ,
И перстень разломать старалась обручальный,
И бурею тоски смущала все кругомъ.

II.

Простой уборъ ея, сплетенный изъ соломы,
Отъ солнца защищалъ усталыя черты,
Въ которыхъ, сквозь туманъ печали и истомы,
Виднѣлися слѣды поблекшей красоты.
Работу юности еще не стерло время;
Не скрыли сѣть морщинъ и злого горя бремя
Недавней прелести увядшіе цвѣты.

III.

Къ глазамъ своимъ она порою подносила
Расшитый буквами завѣтными платокъ.
На шелковую ткань струился слезъ потокъ,
Что заставляла течь ея страданій сила.
Она читала вновь узоры лживыхъ строкъ,
И изливала скорбь и тягость чувствъ мятежныхъ
То въ вопляхъ горестныхъ, то въ стонахъ безнадежныхъ.

IV.

Порой въ ея очахъ темнѣла вдругъ гроза,
Какъ будто небеса разрушить угрожая;
Порой, разсѣянность тупую выражая,
На землю бѣдные, усталые глаза
Глядѣли пристально; то взглядъ впередъ кидали;
Порой вокругъ они въ смущеніи блуждали,
И смѣшивались въ нихъ раздумье и слеза.

V.

Ея густыхъ волосъ невольный безпорядокъ,
Убранство длинныхъ косъ—все выдавало въ ней
Отсутствіе заботъ о красотѣ своей.
Вдоль блѣдныхъ щекъ ея вились однѣ изъ прядокъ;
Другія, сѣткою захвачены плотнѣй,
Не вырывались прочь—хоть въ узелъ свой небрежный
Едва завязаны рукою были нѣжной.

VI.

Бездѣлки цѣнныя: янтарь, жемчугъ, хрусталь
Она кидала прочь, въ рѣки глубокой нѣдра;
И влагу горькихъ слезъ—примѣшивала щедро
Ко влагѣ быстрыхъ струй—безмѣрная печаль,
Порой монарху такъ щедротъ своихъ не жаль.
Для дерзкой роскоши, что все имѣть желаетъ
И жаль для нищеты, что хлѣба умоляетъ.

VII.

Записокъ перечтя краснорѣчивый пыль,
Со вздохомъ ихъ она бросала въ глубь теченья;
И драгоцѣнныя ломала украшенья,
И какъ въ могилу ихъ—кидала въ вязкій иль.
И письма вынула, написанныя кровью,
Завернутыя въ шелкъ внимательной любовью,
Чью тайну милую печати воскъ хранилъ.

VIII.

Она, цѣлуя ихъ, и вся въ слезахъ, твердила:
„Кровь, кровь невѣрныхъ клятвъ! И ты здѣсь лжешь сама:
О, вѣрно не были-бъ и мрачныя чернила
Чернѣй, чѣмъ лжи твоей клятвопреступной тьма!...“
И разорвавъ листки, рыдающая дѣва
Все содержаніе завѣтнаго письма
Вмигъ уничтожила несдержанностью гнѣва.

IX.

На берегу рѣки спокойно пасъ стада
Почтенный человѣкъ. Онъ знатенъ былъ когда-то,
Но кинулъ пышный свѣтъ—гдѣ прежде жилъ богато—

Познавъ тщету его. И проводилъ года,
Слѣдя какъ быстрыхъ дней сплываетъ череда...
Онъ къ дѣвѣ подошелъ, и полонъ состраданья,
Просилъ открыть ему, о чемъ ея рыданья.

X.

На посохъ опершись, онъ сѣлъ невдалекѣ
И снова сталъ просить бѣдняжку—безъ смущенья
Повѣдать старику причину удрученья.
И если въ силахъ онъ помочь ея тоскѣ—
Онъ радъ ей принести, чѣмъ можетъ, облегченье.
Заранѣ у него ни въ чемъ отказа нѣтъ;
Вѣдь милосердіе—преклонныхъ свойство лѣтъ.

XI.

„Отецъ мой!“ говоритъ она, глуша рыданье:
„Вы видите во мнѣ несчастное созданье.
Но не подъ игомъ лѣтъ я сдѣлалась такой:
Я рано отцвѣла, измучена тоской.
Еще могла-бъ я быть цвѣткомъ очарованья,
Когда-бъ не отдала я душу, полюбя
Другого болѣе, чѣмъ самое себя!..

XII.

Но горе, горе мнѣ! Вняла я лести сладкой,
Красавца-юноши чарующимъ рѣчамъ.
О, какъ онъ былъ хорошъ! Глаза всѣхъ дѣвъ—украдкой
Приковывалъ восторгъ къ плѣнительнымъ чертамъ.
Я думаю, любовь, оставшися безъ крова,
Вселилася въ него, и далъ ей новый храмъ
Своею красотой—обожествленье снова!...

XIII.

О, кудри темныя, о, эта красота!
Играло шелкомъ ихъ зефира дуновенье.
Казалось ласкою одно прикосновенье
Тѣхъ прядей, падавшихъ на нѣжныя уста.
При взглядѣ на него, вкушая наслажденье
И блеска райскаго предчувствуя видѣнья,
Душа была уже сіяньемъ залита!

XIV.

Лица его едва коснулась возмужалость,
И тѣнь, прелестную на нѣжный бархатъ щекъ
Чуть пробивавшійся, едва бросалъ пушокъ.
И умиленная подкрадывалась жалость:
Хотя еще сильнѣй къ себѣ онъ этимъ влекъ—
Но проходилъ вопросъ: что больше сердцу мило?
Что лучше? Такъ какъ есть, иль какъ недавно было?..

XV.

Хоть голосъ былъ его и нѣженъ и красивъ—
Когда-бъ его задѣлъ мужчина, оскорбивъ—
То онъ бы сталъ грозой—но вешней, ароматной,
Что намъ апрѣльскій дождь приноситъ благодатный,
Грозой, чей такъ хорошъ бушующій порывъ.
Въ немъ юность—гордое умѣнье быть суровымъ
Таила подъ своимъ чарующимъ покровомъ.

XVI.

Какъ ѣздилъ онъ! Подъ нимъ, казалось, кровный конь
Въ покорности ему лишь видѣлъ наслажденье.
То гордой поступью онъ шелъ, на заглядѣнье,
То бралъ препятствія, то мчался какъ огонь.
И у иныхъ тогда являлись разсужденья:
Отъ ѣздока-ли конь пріобрѣталъ свой пылъ,
Иль на конѣ ѣздокъ красивѣй вдвое былъ?..

XVII.

Но скоро вслѣдъ затѣмъ склонялись всѣ рѣшенья
Къ тому, что для него не нужны украшенья,
И не ему—уборъ, а онъ, наоборотъ,
Всему вокругъ себя жизнь прелести даетъ.
Всѣ драгоцѣнности онъ затмевалъ красою,
А недостатки ихъ—онъ скрашивалъ собою
И придавалъ имъ блескъ невиданныхъ красотъ.

XVIII.

Искусствомъ говорить владѣлъ онъ вдохновенно:
Лишь отомкнетъ уста—ужъ ждетъ его успѣхъ.
Смутить-ли, убѣдить, плѣнить—умѣлъ онъ всѣхъ.
Онъ находилъ слова, чтобъ превратить мгновенно.
Улыбку—въ горечь слезъ, рыданья—въ звонкій смѣхъ.
И смѣлой волею—всѣ чувства, думы, страсти
Поймавъ въ ловушку словъ, въ своей держалъ онъ власти.

XIX.

И такъ онъ властвовалъ, царилъ всегда одинъ

Въ сердцахъ у всѣхъ кругомъ: у женщинъ, у мужчинъ,
И было радостью—и молодымъ и старымъ—
Покорной свитою служить любимымъ чарамъ.
Для всѣхъ мечтаній онъ былъ полный властелинъ:
Ловили мысль его, угадывали взгляды—
И подчинить ему желанья были рады.

XX.

Иные думали прогнать души тоску,
Храня портретъ его въ благовѣньи жаркомъ...
Не такъ ли иногда скитальцу-бѣдняку
Фантазія даетъ роскошнѣйшимъ подаркомъ
Имъ видѣнный дворецъ иль замокъ съ чуднымъ паркомъ...
И счастливъ можетъ быть безумецъ тотъ полнѣй,
Чѣмъ самъ владѣлецъ ихъ—съ подагрою своей?...

XXI.

Такъ дѣвы многія—тая свое мечтанье—
Считали, что онѣ его душѣ близки,
Не взявши отъ него пожатія руки!...
Меня—до той поры свободное созданье—
Искусства съ юностью плѣнило сочетанье...
И цвѣтъ души ему я отдала, сгубя,
Лишь жалкій стебелекъ оставивъ для себя.

XXII.

Но я не увлеклась примѣромъ дѣвъ несчастныхъ:
О нѣжности его не умолялъ мой взглядъ;
И я не слушала его моленій страстныхъ.
Спасая честь свою, бѣжала чаръ опасныхъ...
Я видѣла сердецъ истекшихъ кровью рядъ—
Служившихъ лишь ему минутною забавой,
Алмазу этому фальшивому—оправой.

XXIII.

Увы! Кому мѣшалъ чужой примѣръ пойти
На встрѣчу къ намъ судьбой назначенной печали?...
И тамъ, гдѣ счастья ждешь, кого бы испугали
Всѣ тѣ опасности, что встрѣтишь на пути?..
Гдѣ воли нѣтъ къ борьбѣ—совѣтомъ не спасти:
Тамъ, гдѣ владѣетъ страсть совѣтъ нерѣдко болѣ
Нашъ притупляетъ умъ, не помогая волѣ!

XXIV.

И награжденіемъ бываетъ намъ плохимъ,
Когда мы нашу кровь насильно укротимъ,
Поддавшись чьимъ-нибудь разумнымъ убѣжденьямъ,
Изъ страха предъ бѣдой—разставшись съ наслажденьемъ.
Вкусить запретный плодъ—желанье манитъ насъ;
И тщетно разумъ нашъ кричитъ: „въ послѣдній разъ!“
И гибелью грозя—пугаетъ насъ паденьемъ.

XXV.

Я знала, что въ себѣ всю ложь онъ воплотилъ;
Я знала о его безчисленныхъ обманахъ,
О нанесенныхъ имъ преступной клятвой ранахъ.
Я знала, что онъ ложь улыбкой золотилъ,
Что онъ свои цвѣты въ чужихъ садахъ ростилъ;
Что въ письмахъ и словахъ таилъ одни соблазны;
Что сердца низкаго желанья—были грязны.

XXVI.

Я знала это все—и защищалась я,
Пока инымъ путемъ онъ не повелъ осады.
„Не бойся-же меня, любимая моя!“
Такъ онъ мнѣ говорилъ. „Здѣсь я молю пощады!
Тебѣ, одной тебѣ—любовь, а не обманъ.
Да, правда, былъ не разъ на пиръ любви я званъ,
Но самъ ни отъ кого не требовалъ отрады.

XXVII.

Все то, что знаешь ты—лишь бредъ пустой игры,
То не души моей, а крови заблужденья;
Ихъ не любовь родитъ, а жажда наслажденья,
Гдѣ обѣ стороны невѣрны,—не добры.
Позоръ находитъ тотъ, кто ищетъ самъ паденья.
Такъ чѣмъ упреки тѣхъ, и чѣмъ ихъ стыдъ—сильнѣй,
Тѣмъ менѣе вины на сторонѣ моей.

XXVIII.

Я видѣлъ красоту—тебѣ я лгать не смѣю;
Но такъ какъ ты—никто плѣнить меня не могъ,
Никто такъ сердца мнѣ мечтою не зажогъ.
Я многимъ скóрбь дарилъ — но самъ не знался съ нею.
Сердца—я какъ рáбовъ рядилъ въ свою ливрею,
Но гордою душой свободенъ былъ я самъ,
И лишь повелѣвалъ покорнымъ мнѣ сердцамъ.

XXIX.

Взгляни, что женщины несли мнѣ цѣнной данью:
Вотъ перловъ бѣлизна, рубиновъ алыхъ кровь...
Онѣ мечтали мнѣ внушить свою любовь
И подсказать отвѣтъ сердецъ ихъ ожиданью;
Чтобъ блѣдность жемчуговъ, кровавый цвѣтъ камней,
Ихъ соотвѣтствуя стыду или страданью—
Открыли тайну мнѣ завѣтную полнѣй.

XXX.

Вотъ—видишь—локоны; ихъ въ талисманъ сплетая,
Въ ихъ мягкомъ шелкѣ нить мелькаетъ золотая,
Мнѣ дѣвы нѣжныя въ слезахъ дарили ихъ,
Камнями цѣнными свой даръ обогащая.
Для камня каждого служилъ оправой стихъ,—
Который объяснялъ въ изысканномъ сонетѣ,
Какими свойствами владѣли камни эти.

XXXI.

Взгляни-же, милая! Вотъ царственный алмазъ—
Эмблема красоты и твердости для насъ.
Зеленый изумрудъ, несущій излѣченье
Въ густыхъ лучахъ своихъ—для помраченныхъ глазъ.
Сафиръ синѣй небесъ, опалы и топазъ...
И камня каждаго таинственно значенье:
Въ немъ тонкая хвала, — улыбка, — огорченье...

XXXII.

Трофеи нѣжныхъ чувствъ, задумчивыхъ сердецъ,
Желаній пламенныхъ—мнѣ вручены судьбою
Не для того, чтобъ я сбиралъ ихъ, какъ скупецъ,
Но чтобы отдалъ все, навѣкъ, съ самимъ собою—
Тебѣ, тебѣ—мое начало и конецъ.
Разъ я для нихъ алтарь—тебѣ, моей богинѣ,
Тобою освященъ, несу ихъ въ жертву нынѣ.

XXXIII.

Приблизь-же руку ты прелестную свою,
Которой бѣлизна превыше восхваленья.
Мои сокровища тебѣ передаю.
Они освящены всей нѣжностью моленья!
Прими меня жрецомъ, служащимъ лишь тебѣ;
Возьми мои дары, внемли моей мольбѣ:
Съ дарами и меня возьми безъ раздѣленья.

XXXIV.

Смотри: вотъ это—даръ монахини святой.
Цвѣты передъ ея склонились красотой!
Вельможи, богачи—руки ея прелестной
Искали при дворѣ, но сердцемъ холодна
Ихъ съ равнодушіемъ отвергла всѣхъ она
И въ тихій монастырь ушла, чтобъ въ кельѣ тѣсной
Служить иной любви, служить любви небесной.

XXXV.

Но развѣ доблестъ—въ томъ, чтобъ кинуть безъ труда
То, чѣмъ и не могли владѣть мы никогда,
Отъ нелюбимаго уйти безъ сожалѣнья,
Или бороться тамъ, гдѣ нѣтъ сопротивленья?
Она-же ставила высоко честь свою,
Забывъ, что не борьба спасла ее въ бою
Отъ раны гибельной—а хитрость отступленья.

XXXVI.

Прости мнѣ похвальбу, но милая! Когда
Я встрѣтился святой... она мнѣ покорилась.
Изъ за религіи была она чужда
Любви... но предо мной душа ея смирилась.
Отъ жизни въ монастырь спасаясь навсегда,
Хотѣла заглушить она свою природу.
И что-жъ? Чтобъ все познать, стремилась на свободу.

XXXVII.

О, дай же мнѣ сказать, что у тебя за власть!
Разбитыя сердца свою вливали страсть
Въ волну моей души; а я—потокъ мятежный—
Въ твой океанъ несу струи любви безбрежной.
Я, покорившій ихъ—я побѣжденъ тобой.
Пусть холодность твою замѣнитъ страстью нѣжной
Всѣхъ этихъ пылкихъ чувствъ бушующій прибой.

XXXVIII.

Святой отшельницы смутилъ я жизнь, къ несчастью;
Она молилася и умерщвляла плоть,
Но встрѣтила меня—и чувства побороть
Не въ силахъ ужъ была, охваченная страстью,

Любовь всесильная! Передъ твоею властью
Обѣты, совѣсть, долгъ—все склонится въ борьбѣ.
Ты—все, и все кругомъ принадлежитъ тебѣ.

XXXIX.

Предъ бурнымъ натискомъ твоимъ—какая малость
Примѣровъ выцвѣтшихъ и правилъ обветшалость!
Разъ сердце пламенемъ горитъ въ твоемъ огнѣ,
Какъ робко держатся преграды въ сторонѣ!
Богатство, слава, страхъ, законъ, родство—все шутка.
Девизъ твой—ни стыда, ни правилъ, ни разсудка.
Но ты-жъ за скорбь свою и наградишь вполнѣ!

XL.

Смотри! Всѣ тѣ сердца, что сила роковая
Любви—вручила мнѣ, клянутъ мою судьбу;
При видѣ мукъ моихъ, тоскуютъ, изнывая,
И шлютъ тебѣ со мной и вздохи, и мольбу.
О, прекрати свою жестокую борьбу,
Склонись къ моей любви, внемли души страданью,
И клятву въ вѣрности прими ты вѣчной данью!

XLI.

Сказавши это мнѣ, онъ опустилъ глаза
(До той поры въ лицо онъ устремлялъ мнѣ взгляды);
Сдержаться онъ не могъ, и за слезой слеза
Струилась вдоль ланитъ, какъ горные каскады.
И какъ изъ-за стекла таинственной преграды
Алѣетъ пламенемъ румянецъ свѣжихъ розъ—
Румянецъ щекъ его пылалъ сквозь влагу слезъ.

XLII.

Отецъ мой! Цѣлый адъ волшебства чаръ опасныхъ
Въ жемчужинѣ о д н о й слезы его сокрытъ;
Такъ сердце камнемъ будь—и то не устоитъ
Передъ п о т о к о м ъ слезъ изъ глазъ его прекрасныхъ.
И ледъ какой груди не будетъ имъ разбитъ?
Въ немъ холодъ чистоты и страсти зарожденье,
И пламя будитъ онъ, хоть въ немъ и охлажденье.

XLIII.

О, страсть притворная! Склонивъ меня во прахъ,
Она въ волнахъ своихъ мой разумъ утопила,
Невинной чистоты покровъ я уронила,
Разсудокъ прогнала и позабыла страхъ.
И стала передъ нимъ, какъ онъ, въ слезахъ, въ смятеньи.
Но разница, увы, была у насъ въ слезахъ:
Его—несли мнѣ смерть, мои—ему спасенье!..

XLIV.

Уловки хитрости соединялись въ немъ
Съ притворствомъ рѣдкаго, тончайшаго искусства.
Онъ то блѣднѣлъ, какъ воскъ, то вспыхивалъ огнемъ,
То, не окончивъ словъ, онъ вдругъ лишался чувства.
И быстро до того мѣнялъ свой видъ притомъ,
Что было-бы нельзя не вѣрить тѣмъ страданьямъ,
Слезамъ, и блѣдности, и искреннимъ рыданьямъ.

XLV.

О, сердца-бъ не нашлось, чтобъ въ гибельную сѣть
Онъ не сумѣлъ завлечь путемъ очарованья!
И онъ губилъ того, кѣмъ онъ хотѣлъ владѣть,
Подъ маской доброты, любви и состраданья!..
Какъ онъ громилъ все то—чего онъ жаждалъ самъ!
Пѣлъ чистотѣ хвалы, стремился къ небесамъ...
А втайнѣ—пламенѣлъ надеждой обладанья.

XLVI.

Но искусителя—сіяніемъ своимъ
Скрывалъ небесный блескъ любви его покрова.
Злой духъ—прекраснъ былъ, какъ свѣтлый херувимъ.
Невинность не могла въ немъ различить иного.
Кто не мечталъ о томъ, что будетъ такъ любимъ?
Я пала!.. Но, увы... спросить себя готова:
Что, если-бъ это все со мной случилось снова?

XLVII.

О, этотъ влажный блескъ предательскихъ очей,
Преступный жаръ ланитъ, ложь вздоховъ и рѣчей!
Обманъ, что утолялъ тоску сердечной жажды...
Что, если въ жизни вновь онъ явится моей
И снова вкрадется къ обманутой однажды?..
Увы... боюсь, что я опять не устою
И жизнь ему отдамъ въ безуміи мою.

Т. Щепкина-Куперникъ.

СТРАСТНЫЙ ПИЛИГРИМЪ.

I.

Предъ краснорѣчьемъ взора неземного
Земной обѣтъ безсиленъ,—и меня,
Изъ-за тебя нарушившаго слово,
Нельзя судить, презрѣніемъ казня.
Хотѣлъ бѣжать отъ женщинъ я,—но нынѣ
Не имъ,—тебѣ служу, богиня, вновь!
Земной обѣтъ я далъ земной святынѣ,
Тебѣ-жъ несу небесную любовь.
Обѣтъ мой—паръ, а клятвы—дуновенье;
Отъ солнца паръ разсѣется, какъ дымъ,
Но солнце—ты, и клятвопреступленье
Озарено сіяніемъ твоимъ.
Кто-жъ былъ-бы въ силахъ, клятву соблюдая,
Лишить себя навѣкъ блаженства рая.

II.

У ручейка сидѣла Цитерея
Съ Адонисомъ, красавцемъ молодымъ,
Влюбленнымъ взоромъ юношу лелѣя,
Богиня страсти млѣла передъ нимъ,
Забавя слухъ чарующею сказкой,
Прельщая глазъ чудесной наготой,
Съ его стыдомъ она боролась лаской,
То тамъ, то здѣсь касаяся рукой.
Но, не испытанъ въ чарахъ обольщенья,
Понять богиню юноша не могъ,
И безучастный, чуждый искушенья,
Сидѣлъ въ тѣни, насмѣшливо жестокъ.
Тогда упала навзничь Циретея,
А онъ, глупецъ... онъ убѣжалъ робѣя!

III.

Пускай любовь внушаетъ намъ измѣну,
Но я клянусь, что вѣренъ буду я!
Моей любви обѣтъ имѣетъ цѣну,
Въ томъ красота ручается твоя.
Въ твоихъ глазахъ—источникъ вдохновенья,
Въ твоихъ чертахъ науки смыслъ сокрытъ,
И тотъ мудрецъ, кто нѣмъ отъ восхищенья,
Твою красу душой боготворитъ.
Но жалокъ тотъ, кто предъ твоей красою
Не склонится восторженно челомъ!
Ты все звучишь гармоніей святою
Въ очахъ—заря, въ устахъ—Господній громъ.
Прости-жъ меня за то, мой другъ прелестный,
Что гимнъ земной пою красѣ небесной!

IV.

Едва лучъ солнца высушилъ росу
И стадо въ тѣнь укрылось, отдыхая,
Какъ у ручья, подъ ивою, въ лѣсу
Киприда ждетъ красавца, изнывая.
Сюда ходилъ нерѣдко въ сѣнь вѣтвей
Адонисъ грустный утромъ на купанье...
Какъ жаръ силенъ!.. Но жарче и сильнѣй
Томитъ богиню встрѣчи ожиданье.
Но чу! Онъ здѣсь... онъ сбросилъ плащъ... и вотъ
Стоитъ нагой, вѣтвями осѣненный!
Лучъ солнца жгучъ!.. Но жарче солнца жжетъ
Богини взоръ, къ красавцу обращенный.
И мальчикъ въ воду кинулся скорѣй!
Богиня-жъ мнитъ: „зачѣмъ я не ручей?“

V.

Моя любовь капризна, хоть прекрасна,
Нѣжнѣй голубки, но не такъ вѣрна,
Ея душѣ довѣриться опасно,
Мягка, какъ воскъ, какъ сталь, тверда она.

Лилеи блѣдной чище и красивѣй...
Но кто-же, кто измѣнчивѣй и лживѣй?!
Какъ много клятвъ звучало въ тишинѣ!
Боясь любви, но дорожа любовью,
Уста къ устамъ—она шептала мнѣ
Слова любви, проникнувъ къ изголовью.
Они казались правдою... И что-жъ?
Всѣ эти ласки, клятвы, слезы—ложь!
Ее любовь сжигала, пламенѣя,
Она-жъ съ любовью вмѣстѣ, не жалѣя,
Сожгла и храмъ, который создала,
И говоря о вѣрности, лгала!
Любви-ль ждала, иль жаждала разврата,
Бѣдна душой,—ничтожностью богата?!

VI.

Былъ чудный день, когда на холмъ крутой
Блѣднѣй голубки нѣжной и смущенной
Взошла богиня съ тайною мечтой
Застать красавца въ рощѣ отдаленной.
Звучитъ рожокъ... Со сворою собакъ
Приходитъ онъ, разгоряченъ охотой,
И вотъ богиня съ ласковой заботой
Твердитъ ему: „когда-то точно такъ
„Здѣсь юноша охотился прекрасный,
„Случилась съ нимъ смертельная бѣда:
„Онъ кабаномъ былъ раненъ,—видъ ужасный!—
„Сюда въ бедро,—вотъ посмотри... сюда!..“
И всѣ красы богиня обнажаетъ...
Но юноша стыдливо убѣгаетъ!..

VII.

Ты слишкомъ рано, роза, отцвѣла,
Не расцвѣтя весеннею порою;
Жемчужина востока, ты тускла;
Сразила смерть тебя своей косою.
Такъ часто вихрь срываетъ, налетѣвъ,
Незрѣлый плодъ съ погнувшихся деревъ.
И плачу я, хоть плакать нѣтъ причины:
Досталось мнѣ наслѣдство,—но его
Я не искалъ и отъ твоей кончины
Не ожидалъ я ровно ничего.
Пошли-же мнѣ, любимый другъ, прощенье:
Я унаслѣдовалъ... твое презрѣнье!

VIII.

Адониса поближе усадивъ,
Рѣчь повела влюбленная Венера
О томъ, какъ Марсъ, почтеніе забывъ,
Къ ней бросился, и, видно, для примѣра,
Сама къ красавцу бросилась, шепча:
„Такъ Марсъ привлекъ меня въ свои объятья“,—
(И юношу къ себѣ прижала); „такъ съ плеча
„Сорвалъ завязки!.. Что могла сказать я?!
„Такъ цѣловалъ, къ устамъ моимъ припавъ...“
И обожгла Адониса лобзаньемъ.
Но онъ вскочилъ, стыдливо не понявъ
Ея намековъ, вызванныхъ желаньемъ.
О, если-бъ такъ ласкала ты меня,
Пока-бы самъ бѣжать не вздумалъ я!

IX.

Съ юностью старость не можетъ
Мирно ужиться вдвоемъ;
Юности грусть не тревожитъ,
Старость груститъ о былом.
Юность—цвѣтущее лѣто,
Дряхлая старость—зима.
Юность свѣтла и согрѣта,
Въ старости—холодъ и тьма.
Юность полна увлеченій,
Старость полна опасеній.
Юность стремится впередъ
Броситься въ битву отважно,
Старость медлительно-важно
Поступью тихой бредетъ.
Старость, тебя не терплю я!
Юность безумно люблю я!
Грезы ея хороши!..
Старость тяжелое бремя...
Что-же теряешь ты время,
Милый пастухъ мой,—спѣши!

X.

Да, красота пустой, ничтожный даръ!
Она—цвѣтокъ, который увядаетъ,
Она—стекло, которое ударъ
Дробитъ, и лакъ, который блескъ теряетъ.
Глядишь—богатство, тѣшившее насъ
Уже мертво и не прельщаетъ глазъ.
Не возвратить того, что протекло:
Цвѣтокъ увялъ,—и нѣтъ ему спасенья,
Стекло разбито,—чѣмъ склеить стекло?
Померкшій ликъ не заблеститъ отъ тренья.
Такъ красоты исчезнувшій обманъ
Не возродить усиліемъ румянъ.

XI.

„Доброй ночи, спокойнаго сна!“
(Ихъ, къ несчастью, не знаю давно я)
Мнѣ съ улыбкой сказала она,
Кѣмъ лишенъ я и сна и покоя.
„Будь спокоенъ и вновь приходи!“
Быть спокойнымъ?—Съ тревогой въ груди?!

Улыбнулась она на прощанье,—
И терзаетъ вопросъ роковой:
Это свѣтлая-ль радость свиданья
Иль язвительный смѣхъ надо мной?
Такъ въ любви я не знаю отрады
И за муки не вижу награды.

XII.

Поэзіи и музыки союзъ!
Для нашихъ душъ союзъ вдвойнѣ священный;
Мнѣ милъ языкъ стиховъ и юныхъ музъ,
Тебѣ—языкъ созвучій вдохновенный.
Въ благоговѣньѣ съ трепетной душой,
Внимаешь ты аккордамъ арфы рая,
Въ нихъ бытія восторги познавая,
Я упиваюсь пѣсней неземной.
Касаясь струнъ, тебя игрой созвучій
Возноситъ Фебъ къ далекимъ небесамъ,
Мнѣ—говоритъ напѣвъ его могучій
То, что не могъ-бы высказать я самъ.
Одинъ источникъ музыки и пѣнья;
Для насъ они—связующія звенья.

XIII.

Три дочери у лорда; прелестнѣй всѣхъ—одна;
Въ учителя красотка всѣмъ сердцемъ влюблена,
Но рыцаря-красавца увидѣла она
И стала колебаться.
Она боролась долго... Что дѣлать? Какъ ей быть?
Учителя-ль покинуть, красавца-ль позабыть,
Одно изъ двухъ,—но что-же? Легко-ль вопросъ рѣшить
Неопытной дѣвицѣ!
А выбрать все-же надо... Задача свыше силъ,
И вотъ она рѣшилась, хоть каждый сердцу милъ:
Красавецъ былъ отвергнутъ, учитель избранъ былъ.
Слезами не поможешь.
Наука побѣдила оружіе въ бою!
Завоевалъ учитель красавицу свою.
Вотъ сила дарованья!.. Бай-баюшки-баю!..
А тутъ конецъ всей пѣснѣ.

XIV.

Порой безоблачно-счастливой
(Любви знакомъ лишь мѣсяцъ май),
Амуръ—ребенокъ шаловливый—
Цвѣтокъ замѣтилъ невзначай.
Цѣлуя, нѣжа и лаская,
Его баюкалъ вѣтерокъ,
А муръ же бѣдный, изнывая,
Глядѣлъ съ восторгомъ на цвѣтокъ
И думалъ съ завистью: „мнѣ больно,
„Что не могу я быть тобой,
„Мой вѣтерокъ, и своевольно
„Съ цвѣтами тѣшиться игрой!
„Зачѣмъ-же розѣ далъ я слово,
„Что не коснусь другихъ цвѣтовъ?!
„Того, кто юнъ, гнететъ сурово
„Такой обѣтъ сильнѣй оковъ.
„Шепталъ я розѣ увѣренья
„И клятвы въ вѣрности, любя!
„Но нѣтъ большого преступленья
„Нарушить ихъ изъ за тебя.
„Самъ Зевесъ поклялся-бъ что Юнона
„Арапа чернаго чернѣй,—
„Со ступеней сошелъ-бы трона
„И жилъ-бы волею твоей".

XV.

Приключилась бѣда,
Не тучнѣютъ стада,
Все прошло безъ слѣда,
Стало жертвой нѣмого забвенья,
Вѣры въ счастіе нѣтъ,
И любовный привѣтъ
Средь волненій и бѣдъ
Не приноситъ душѣ утѣшенья.
Пѣсни счастья замолкли, навѣкъ отзвеня,
Потому что она позабыла меня;
Тамъ, гдѣ раньше встрѣчалъ я на чувства отвѣтъ,
Прозвучало теперь безпощадное „нѣтъ".
О быломъ сожалѣя,
Шлю проклятья судьбѣ я...
Злобный рокъ! Ты виновенъ одинъ!
Убѣдился теперь я
Въ томъ, что ядъ лицемѣрья—
Въ сердцѣ женщинъ,—не въ сердцѣ мужчинъ.
Угнетаетъ печаль:
Все умчалося вдаль,
Мнѣ прошедшаго жаль,
И отчаянье сердце тревожитъ.
Я забытъ, одинокъ,
Непреклонно-жестокъ,
Тяготитъ меня рокъ.
Хуже быть, несомнѣнно, не можетъ.
Звукъ пастушьей свирѣли печаленъ, какъ стонъ,
Бубенцы въ погребальный сливаются звонъ.
Вѣрный песъ мой, сочувствуя, грустно притихъ
И уныло у ногъ растянулся моихъ.
Только жалобно воетъ,
Знать, его безпокоитъ
Мой убитый, разстроенный взглядъ.

Изъ лѣсовъ, изъ долины,
Съ горныхъ склоновъ, съ вершины,
Точно раненыхъ вопли летятъ.

Не лепечутъ ручьи,
Не поютъ соловьи,
И головки свои
Клонятъ долу цвѣты, умирая.
Стадо, сбившись въ кружокъ,
Тихо спитъ; пастушокъ
Горько плачетъ; въ лѣсокъ
Робко скрылась дріада лѣсная.
Все, что раньше служило забавою намъ,—
Пѣсни, пляски, прогулки зарей по лѣсамъ,—
Все промчалось, чѣмъ жизнь намъ казалась мила,
Потому что любовь умерла, умерла!..
Богъ съ тобой, дорогая,
Ты не знала, играя,
Ни участія, ни сожалѣнья!..
Коридонъ-же едва-ли,
Кромѣ слезъ и печали,
Можетъ въ жизни обрѣсть утѣшенье.

XVI.

Какъ жадно я взираю на востокъ!
Считаю сердцемъ каждый часъ; съ зарею
Настанетъ утро; отъ ночныхъ тревогъ
Воспряну я для отдыха душою.
Пѣснь Филомелы издали слышна...
Ахъ, почему не жавронокъ она!?

Привѣтъ зарѣ шлетъ жаворонка пѣнье
И гонитъ ночь... А ночь скучна... длинна...
Приноситъ день для взора—утѣшенье,
Для сердца миръ: опять придетъ она,
Недаромъ-же вчера при разставаньѣ
„До завтра!“ я услышалъ на прощанье.

Будь здѣсь она!.. Прошла-бы скоро ночь,
Теперь минуты кажутся часами...
Зажгися день! Пусть мракъ уходитъ прочь.
И солнца лучъ сверкаетъ надъ цвѣтами.
Гони-же тьму! продлись сегодня, день!
А завтра пусть царитъ ночная тѣнь!

XVII.

Если ты влюбленнымъ взглядомъ
Дѣву выберешь порой,
Пусть разсудокъ трезвымъ складомъ
Направляетъ выборъ твой.
Чаще пользуйся совѣтомъ
Тѣхъ, кто смыслитъ въ дѣлѣ этомъ.

Брось искусственность; подчасъ
Ложь дѣла твои затянетъ;
Блескъ красивыхъ, громкихъ фразъ
Сердца женщинъ не обманетъ.
„Я люблю васъ“ безъ затѣй,
Откровенно молви ей.

Коль отвергнетъ предложенья
И въ сердцахъ подыметъ крикъ,
То безъ всякаго сомнѣнья,
Пожалѣетъ черезъ мигъ
И вернуть захочетъ разомъ,
Что потеряно отказомъ.

Если плачемъ и борьбой
Встрѣтитъ пылкія стремленья,—
Отговоркою такой
Усыпитъ свои сомнѣнья;
„Будь мужчиной я—исходъ
„Несомнѣнно-бъ былъ не тотъ“.

Исполняй ея желанья,
Щедрымъ будь,—пускай молва
Хвалитъ ей твои дѣянья,
Всѣ поступки и слова.
Мѣтко пуля золотая
Бьетъ, всѣ стѣны пробивая!

Будь довѣрчивъ! Не мѣшай
Прихоть выполнить любую;
А измѣнитъ,—выбирай
Безъ стѣсненія другую.
Потерпи, и скоро вновь
Возвратишь ея любовь.

Подъ наружной, свѣтской маской
Скрыта хитрость милыхъ дамъ,
И поэтому съ опаской
Относися къ ихъ словамъ.
Пусть мужчина взглядъ усвоитъ:
Женщинъ „нѣтъ“ не много стоитъ.

Ихъ раскаянье въ грѣхахъ
Лишь подъ старость угнетаетъ,
Хоть твердятъ онѣ, что страхъ
Согрѣшить любви мѣшаетъ.
Дѣвы, будь все это такъ,
Межъ собой вступали-бъ въ бракъ.

Впрочемъ, что я! Слишкомъ много
Разсказала пѣснь моя,
Упрекнуть за это строго
Можетъ милая меня!
Все, что было женской тайной,
Здѣсь я выболталъ случайно.

XVIII.

Какъ-то въ свѣтлый майскій день
Пріютился я подъ сѣнь
Стройныхъ миртовыхъ деревъ.
Птичекъ радостный напѣвъ,
Игры мирныя звѣрьковъ,

Ароматъ лѣсныхъ цвѣтовъ
Гнали прочь куда-то вдаль.
Только пѣсня соловья,
Скорбной жалобой звеня,
Раздавалася съ тоской
Въ рощѣ тихой и нѣмой.
„Фью... фью... фью“... пѣлъ соловей;
„Тéрью... тéрью“... средь вѣтвей
Пѣснь свою онъ продолжалъ.
Этой пѣснѣ я внималъ
И не могъ безъ грустныхъ слезъ
Впомнить все, что перенесъ.
„Тщетно, тщетно“, думалъ я,
Птичка бѣдная моя,
Хочешь ты забыть печаль!
Никому тебя не жаль.
У деревьевъ чувства нѣтъ;
Утѣшительный привѣтъ
Горькой жалобѣ своей
Ты найдешь-ли у звѣрей?
Умеръ, умеръ, бѣдный Панъ!
Въ плѣнъ друзей завлекъ обманъ;
Потѣшая праздный взглядъ,
Въ клѣткахъ всѣ они сидятъ,
А собраться по судьбѣ
Позабыли о тебѣ.
Птичка бѣдная моя,
Какъ похожъ я на тебя:
И меня ужъ много лѣтъ
Позабылъ весь бѣлый свѣтъ.

XIX.

Въ годы счастья къ намъ съ тобой
Льнули ближніе толпой,
А теперь, въ годину бѣдъ,
Имъ до насъ и дѣла нѣтъ.
Слово—вѣтеръ средь полей;
Нелегко найти друзей.
Если деньги есть въ мошнѣ,
Всякій будетъ другомъ мнѣ,
Но изсякнетъ ихъ запасъ,—
Кто поможетъ въ горькій часъ?
Если ты соришь казной,—
Опьяняютъ похвалой,
И становишься ты вмигъ
Благороденъ и великъ.
Коль пороченъ,—въ краткій срокъ
Ты извѣдаешь порокъ.
Ласки женщинъ ждешь?—смѣлѣй!..
Будетъ каждая твоей.
Но нахмурится судьба—
И конецъ всему! гурьба!—
Прихлебателей уйдетъ!..
Нѣтъ, твой вѣрный другъ лишь тотъ,
Кто по мѣрѣ силъ вездѣ
Поддержать готовъ въ нуждѣ;
Кто въ безсонный часъ ночной,
Какъ и ты, груститъ порой,
И съ тобою понесетъ
Бремя всѣхъ твоихъ заботъ,
Облегчая твой недугъ,—
Тотъ не льстивый врагъ, а другъ!

В. Мазурквичъ.

Фениксъ и Голубка.

Пусть будетъ царственный глашатай
Та птица, что живетъ одна,
Родной Аравіи вѣрна;
Чью пѣсню чтитъ весь родъ пернатый.

Но ты, посланникъ хриплый, блѣдный,
Предтеча демона и зла
И агоніи вождь побѣдный,
Въ ихъ рой не вмѣшивай крыла.

И птицы хищныя не смѣютъ
Примкнуть къ обряду. Лишь орлы,
Цари воздушной свѣтлой мглы
Пускай при погребеньи рѣютъ.

Священникъ въ бѣломъ стихарѣ
Пусть лебедь будетъ; онъ, незлобный,
Кончину чуетъ. На зарѣ
Споетъ онъ реквіемъ надгробный.

Ты, черный воронъ трехвѣковый,
Одинъ дыханіемъ несешь
Питомцу трауръ свой суровый.
Ты первый въ шествіи пойдешь.

Начало антифона свято:
Любовь и вѣрность стали сномъ.
Голубка съ фениксомъ вдвоемъ
Въ огнѣ исчезли безъ возврата.

Они любили. Ихъ слила
Любовь живая воедино.
Одна лишь жизнь чиста, невинна
У двухъ любовниковъ была.

Два разныхъ сердца отдѣляло
Лишь разстоянье, но не даль.
Голубку съ фениксомъ едва-ль
Не чудо свѣтлое сливало.

Ихъ свѣтъ любовный озарялъ.
Во взглядѣ феникса встрѣчала
Она свой ликъ, и повторяла
Того, кто передъ ней сіялъ.

Подобны, но не однородны
Въ два имя то заключено,
Что нераздѣльно и свободно,
Не два, но также не одно.

И самъ собою съ толку сбитый,
Вдвойнѣ разсудокъ видѣлъ свѣтъ:
Единство въ двойственности слитой
И въ solo пламенный дуэтъ.

Нѣтъ у любви ума, помимо
Того, что можетъ вмѣстѣ слить,
То, что раздѣльно и дѣлимо,
—И нѣтъ, да и не можетъ быть.

И двумъ звѣздамъ любви могучей:
Голубкѣ, фениксу, скорбя,
Сложила дружба гимнъ пѣвучій,
Роль хора взявши на себя.

—

НАДГРОБНЫЙ ГИМНЪ.

Здѣсь, возвышенно чиста,
Опочила красота,
Пепломъ вѣрность стала.
Смерть—для феникса пріютъ;
И голубки сердце тутъ
Вѣчный сонъ пріяло.
Ихъ дѣтей не видѣлъ свѣтъ.
То не знакъ безсилья, нѣтъ!
Оба чисты были.
Вѣрность есть,—она не та,
Умерла и красота—
Здѣсь онѣ почили.
Всѣ, кто сердцемъ добръ и тихъ,
Помолитесь за святыхъ
Птичекъ на могилѣ.

А. М. Ѳедоровъ.

SHAKE-SPEARES

SONNETS.

Neuer before Imprinted.

AT LONDON
By *G. Eld* for *T. T.* and are
to be folde by *John Wright*, dwelling
at Chriſt Church gate.
1609.

Заглавный листъ перваго изданія Сонетовъ.

СОНЕТЫ.

I.

Съ тѣхъ поръ какъ во второй половинѣ XVIII вѣка поэтическую геніальность Шекспира безповоротно признало общественное мнѣніе всего цивилизованнаго міра, — на всѣхъ языкахъ, преимущественно на нѣмецкомъ и англійскомъ, изъ года въ годъ стала расти безконечная литература о Шекспирѣ и его произведеніяхъ. Съ самаго начала среди этого громаднаго потока оказался одинъ незыблемый камень преткновенія.

Неутомимые изслѣдователи могли обсудить и выяснить малѣйшую подробность въ драмахъ Шекспира, сосчитать строки, риемы, открыть происхожденіе именъ даже третьестепенныхъ дѣйствующихъ лицъ,—но одинъ вопросъ стоялъ предъ ними вѣчной загадкой,—и какъ разъ самый важный и завлекательный.

Кто былъ Шекспиръ, какъ человѣкъ, какъ нравственная личность? Какія идеи можно назвать его убѣжденіями, изъ какихъ чувствъ слагалось счастье и горе его сердца? На эти вопросы, нѣтъ ясныхъ, достовѣрныхъ отвѣтовъ.

Драмы, по своему существу,—родъ поэзіи самый не благодарный для опредѣленія личности поэта. Чьими словами онъ говоритъ, чьей судьбѣ принадлежитъ его не творческое только, а личное участіе? — Отвѣты тѣмъ труднѣе, чѣмъ глубже и разностороннѣе талантъ драматурга.

Не то—лирическое произведеніе. Оно—субъективно по преимуществу, оно—плодъ *случая и настроенія*, слѣдовательно,—страница автобіографіи или исповѣди.

И вотъ среди произведеній Шекспира оказалось, повидимому, не малое количество такихъ страницъ, — сто пятьдесятъ четыре лирическихъ стихотворенія.

Можно бы ожидать, что томительные толки шекспирологовъ за Шекспиромъ-человѣкомъ должны прекратиться или, по крайней мѣрѣ, не казаться больше безнадежными. Предъ нами—руководящій свѣтъ, зажженный рукою самого поэта.

Такъ многіе и поняли значеніе шекспировскихъ сонетовъ,—и что особенно любопытно,—рѣшительными сторонниками автобіографическаго значенія сонетовъ явились даровитые поэты разныхъ національностей.

Гете слѣдуетъ поставить во главѣ,—по времени и по рѣшительности заявленій. По его мнѣнію, — въ сонетахъ Шекспира нѣтъ ни одной буквы, которая не была бы пережита, перечувствована и выстрадана поэтомъ.

Еще изящнѣе выразился Вордсвортъ: сонеты—ключъ, отмыкающій шекспировское сердце. Несомнѣнно,—такъ же думалъ и Викторъ Гюго. Его сынъ перевелъ произведенія Шекспира. Въ статьѣ о сонетахъ онъ не только призналъ автобіографическое содержаніе этихъ стихотвореній, но даже извлекъ изъ нихъ цѣлый законченный романъ, будто бы пережитый Шекспиромъ. Нельзя сомнѣваться, что этотъ именно взглядъ принадлежалъ и самому отцу переводчика, краснорѣчиво рекомендовавшему публикѣ трудъ своего сына.

У этихъ трехъ поэтовъ, столь искренно оцѣнившихъ сонеты Шекспира, нашлись единомышленники и среди ученыхъ и среди другихъ поэтовъ. Было даже заявлено, что поэты лучше критиковъ способны понимать поэтовъ [1].

И тѣмъ не менѣе поэтическое пониманіе шекспировскихъ сонетовъ оказалось далеко не для всѣхъ убѣдительнымъ,—и прежде всего потому, что пониманіе это было подсказано скорѣе художественнымъ воображеніемъ и взволнованнымъ чувствомъ, чѣмъ спокойной и внимательной критикой предмета.

Достаточно одного факта: Шекспиръ оставилъ намъ *сонеты*,—и сомнѣніе въ подлинности ключа, будто бы отмыкающаго его сердце, — является неизбѣжно. Иначе придется доказать, что Шекспиръ, какъ авторъ сонетовъ, — представляетъ среди всѣхъ сонетчиковъ своего времени—единственное исключеніе и какъ человѣкъ, и какъ писатель. Но доказать это нѣтъ возможности, — благодаря тѣмъ же сонетамъ. Они и подъ перомъ геніальнаго драматурга не утратили своего обычнаго характера, пережившаго во всей неприкосновенности

не одно столѣтіе и не одну сотню сочинителей разныхъ національностей. Формула и манера оказались сильнѣе генія и личности,—вѣрнѣе, ни геній, ни личность Шекспира и не пытались ихъ переиначивать, не ставя передъ собой иныхъ цѣлей, кромѣ традиціонныхъ.

Среди всѣхъ родовъ поэзіи нѣтъ болѣе искусственнаго, разсудочно-придуманнаго, чѣмъ сонеты,—одинаково—и въ содержаніи и въ формѣ.

Сонетъ возникъ въ утонченно-аристократической тепличной атмосферѣ провансальской рыцарской жизни, среди жеманно-сентиментальнаго культа дамъ, риторически-разукрашенныхъ восторговъ и вздоховъ трубадуровъ. Сонетъ долженъ былъ выражать не столько самое чувство, сколько пользоваться чувствомъ, какъ отвлеченнымъ понятіемъ, для болѣе или менѣе удачнаго риѳмованнаго разсужденія.

Въ провансальскихъ замкахъ необыкновенно много разговаривали о всемъ, что касалось любви. Устраивались даже особые парадные диспуты о любовныхъ вопросахъ,—„суды любви",—и, естественно, чисто-формальное краснорѣчіе, риторика по правиламъ—блестящая и виртуозная, но холодная и безсильная,—душила непосредственный порывъ искренняго чувства и устраняла его изъ области изящной поэзіи, какъ нѣчто дикое, безформенное, для просвѣщеннаго свѣтскаго поэта унизительное.

И именно на этомъ полѣ слѣдуетъ искать первоисточникъ междоусобицы, съ такой силой впослѣдствіи изображенной Мольеромъ. Это—междоусобица искусственной риторической лирики и подлинной сердечной лирической поэзіи,—и Мольеръ имѣлъ всѣ основанія—и историческія и теоретическія—представить эту междоусобицу, какъ борьбу двухъ принципіальныхъ враговъ—искренней народной пѣсенки и жеманнаго придворнаго сонета.

Провансальская поэзія нашла себѣ вторую родину,—въ Италіи. Здѣсь, при дворахъ владѣтелей разныхъ наименованій—откровенныхъ или по-республикански замаскированныхъ, въ родѣ флорентійскихъ Медичи, расцвѣло старое искусство трубадуровъ,—излагать стихами метафизику любви. Сонетъ давно успѣлъ усвоить опредѣленную внѣшнюю форму, стать стихотвореніемъ съ извѣстнымъ количествомъ строкъ, съ обязательнымъ чередованіемъ риѳмъ,—въ общемъ точно формулированной ораторской рѣчью въ честь возлюбленной. Знатные господа имѣли къ своимъ услугамъ оды, знатныя дамы—сонеты, и на итальянской почвѣ содержаніе сонета съ теченіемъ времени становилось все болѣе отвлеченнымъ, метафизичнымъ. И все равно какъ въ панегирикѣ и одѣ для историка было бы опрометчивымъ отыскивать истинное изображеніе лицъ и событій, такъ для психолога—одна изъ труднѣйшихъ, часто неразрѣшимыхъ задачъ по узорамъ и краскамъ сонета установить дѣйствительныя отношенія лицъ.

И задача становилась тѣмъ запутаннѣе, чѣмъ больше было у автора основательныхъ или своевольныхъ притязаній на тонкость ума и стиля. Именно въ Италіи, научившей потомъ писать сонеты испанцевъ, французовъ и англичанъ, производство сонетовъ стало занятіемъ чрезвычайно изысканнымъ, со всевозможными хитростями книжной учености и философическаго резонерства. О поэзіи и чувствѣ здѣсь не могло быть и рѣчи,—по самой простой причинѣ.

Обычный предметъ воспѣваній—любовь—у итальянскихъ сонетчиковъ превратился въ мистическое представленіе, полу-католическаго, полу-платоновскаго состава, не имѣвшее соотвѣтственнаго образа въ доступной человѣку дѣйствительности.

Предметъ восторговъ по прежнему назывался женскимъ именемъ,—но въ изображеніяхъ поэта было бы столь же безполезно искать психологіи и біографіи реальнаго лица, какъ географически опредѣлять мѣстоположеніе Утопіи.

Классическимъ образцомъ для всѣхъ сонетистовъ остался Петрарка съ его безнадежно-любимой, недосягаемо-совершенной, неуловимо-призрачной Лаурой. Его филигранная, нерѣдко чисто-техническая работа надъ всевозможными сонетами, имѣющими отношеніе къ предмету его всесторонне обдуманныхъ восторговъ, не могла не убѣдить всякаго читателя въ двухъ истинахъ: о любви можно писать очень красиво и очень мило, на самомъ дѣлѣ не любя, стихи сочинять можно съ большимъ успѣхомъ безъ всякаго участія чувства, вдохновенія,—съ однимъ умѣньемъ—владѣть литературнымъ языкомъ. Въ общемъ, обѣ истины сводились къ одной: если поэты родятся, то сонетисты—дѣлаются.

И они, дѣйствительно, начали дѣлаться въ громадномъ количествѣ. Въ Италіи, во Франціи и въ Англіи считали десятками и сотнями людей, „писавшихъ по-петрар-

ковски". Такъ именно выражается одинъ изъ современниковъ Шекспира—Габріель Гарвей. Выраженіе — въ устахъ автора, искреннее и хвалебное, на самомъ дѣлѣ—для сонетистовъ, какъ поэтовъ—уничтожающее.

Всѣ они писали по какому-нибудь, вполнѣ откровенно заимствовали, переводили, подражали, передѣлывали. Въ Италіи въ XVI вѣкѣ упражнялось около семисотъ сонетистовъ. Въ Англіи во времена Шекспира ихъ числилось до трехъ-сотъ. Высчитано, что въ теченіе только шести лѣтъ, съ 1591 по 1597 годъ, въ печати появилось тысяча двѣсти любовныхъ сонетовъ. Только въ печати,—громадное количество ходило еще въ рукописяхъ и до нашего времени не дошло[2]. Такое изобиліе, несомнѣнно, доказываетъ легкость работы, вырожденіе сонета въ литературный шаблонъ.

Такъ это и было.

II.

Со временъ Петрарки для автора сонетовъ установилась опредѣленная программа. Предметомъ его стихотворческаго мастерства должна быть непремѣнно неудачная любовь. Красавица вѣчно манитъ надеждой и вѣчно повергаетъ въ отчаяніе. Таковъ безвыходный драматизмъ судьбы сонетиста. Дамѣ, къ которой обращенъ сонетъ, полагалось обязательно быть жестокой, а автору сонетовъ безнадежно и платонически страдающимъ. Это отнюдь не доказывало дѣйствительныхъ страданій. Одинъ изъ англійскихъ сонетистовъ—Джильсъ Флетчеръ, откровеннѣе другихъ, прямо заявлялъ въ предисловіи къ сборнику своихъ сонетовъ: пожалуй, кто-нибудь сочтетъ его влюбленнымъ, потому что написалъ любовные сонеты,—ничего подобнаго: „всякій можетъ писать о любви и не быть влюбленнымъ, все равно какъ—о земледѣліи, ни разу не державши плуга въ рукахъ".

И на самомъ дѣлѣ,—труднѣе, пожалуй, было даже влюбиться, чѣмъ написать сонетъ. Въ особенности знакомство съ французскимъ и итальянскимъ языками могло замѣнить для поэта—и талантъ и страсть. Компиляторство сонетистовъ доходило до того, что они даже о своей мнимой оригинальности заявляли читателямъ чужими стихами. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ англійскихъ сонетистовъ Драйтонъ гордо говоритъ о себѣ: „Я не украшаю себя остроуміемъ другихъ поэтовъ". И именно это заявленіе слово въ слово заимствовано у другого современнаго сонетиста,—Филиппа Сиднея, открыто укорявшаго своихъ собратьевъ въ поддѣльныхъ чувствахъ, въ повальной чисто-словесной подражательности Петраркѣ. Тотъ же—Габріель Гарвей, восторженный поклонникъ Петрарки и писаній „по-петрарковки", объ англійскихъ сонетахъ, безъ всякихъ ограниченій, высказывается такъ: „Любовные сонеты, гдѣ въ самыхъ разукрашенныхъ словахъ выражается самое рыцарственное настроеніе,—не больше какъ искусные продукты ловкихъ перьевъ"[3].

Но помимо любовныхъ сонетовъ—существовалъ другой родъ столь же искусственный,—сонеты съ другими темами. Возникли они вполнѣ естественно,—въ той самой атмосферѣ свѣткости и аристократизма, гдѣ вообще расцвѣло производство сонетовъ.

Въ этой атмосферѣ поэтъ не считался за почтенную особу, хотя его талантъ или искусство и признавалось нелишней принадлежностью комфорта и веселаго времяпровожденія. Поэтъ работалъ на господъ такъ же, какъ всякій другой человѣкъ третьяго сословія—ремесленникъ или художникъ. Его не уважали, его не цѣнили, а ему покровительствовали, къ нему снисходили. Онъ имѣлъ дѣло не съ публикой, какъ представитель высшихъ духовныхъ силъ, а подобострастно искалъ вниманія покровителей и отъ нихъ ждалъ всяческаго поощренія. И пока высшія сословія оставались единственными цѣнителями искусства, культурно и матеріально правоспособными,—писатель неизбѣжно является кліентомъ богатаго и знатнаго читателя-господина. Отсюда—посвященія,—одно изъ характернѣйшихъ явленій стараго, аристократическаго періода литературы.

Авторъ, въ самыхъ изысканныхъ и стремительныхъ выраженіяхъ, свидѣтельствовалъ своему покровителю всевозможныя чувства преданности и благоговѣнія. Вошло въ обычай, чтобы прозаическое посвященіе сопровождалось столь же восторженнымъ стихотворнымъ посланіемъ. Сонетъ, по своей природѣ, какъ нельзя больше оказался приспособленнымъ для подобной цѣли.

Посвященіе—панегирикъ, стихотвореніе должно быть одой. Можно бы и сочинить просто оду, но ода полагается на торжественные случаи, по какому-нибудь публичному поводу, сонетъ,—ода частнаго, интимнаго характера. Риторическое содер-

жаніе сонета, способное воспринять какія угодно ухищренія досужей техники, предоставляло сочинителямъ обширный просторъ для ихъ настроеній кстати. И рядомъ съ любовнымъ, кавалерскимъ сонетомъ, возникъ клiентскiй сонетъ,—чрезвычайно популярный въ шекспировской Англіи.

Одинъ и тотъ же сочинитель могъ быть и кавалеромъ и кліентомъ, — исключительно въ зависимости отъ одного своего покровителя. Онъ могъ писать любовные сонеты по желанію своего господина, въ честь предмета его увлеченія, — и уже отъ себя сочинять сонеты во славу самого господина. Кліентскіе сонеты, скорѣе по тону заслужившіе наименованія служительскихъ, считались также сотнями во времена Шекспира. И если ихъ по количеству все-таки меньше, чѣмъ любовныхъ, — объясняется это не высшимъ качествомъ жанра, а тѣмъ, что любовные сонеты писались и литераторами и знатными господами, а литераторы писали эти сонеты и за свой и за чужой счетъ.

Естественно,—и кліентскій сонетъ явился такимъ же шаблономъ, какъ и любовный. Герой сонета — высокоблагородное лицо, непремѣнно моложе своего пѣвца, юноша цвѣтущій красотой, а самъ пѣвецъ—много переживший Одиссей, хотя бы ему было лѣтъ около тридцати. Покровитель—весна, кліентъ—осень или зима,—таковъ этикетъ. Дальше идутъ—другія, нравственныя качества. Они должны быть всѣ въ превосходной степени. Знатный господинъ бросилъ благосклонный взглядъ на литератора,—и за это въ сонетахъ онъ—недосягаемое совершенство. Онъ долженъ быть безсмертенъ. Это беретъ на себя уже самъ поэтъ. Онъ обезпечиваетъ своему доброму господину вѣчную славу въ потомствѣ, порукой—его стихи. Это такой же необходимый элементъ формулы, какъ молодость и доблести покровителя. Ты жалуешь мнѣ благосклонность, я тебѣ—безсмертіе, обычная сдѣлка между худороднымъ сонетистомъ и высокопоставленнымъ любителемъ сонетовъ.

Таковъ общій для всѣхъ обязательный планъ. Существовали и другія темы, не столь распространенныя,—но отнюдь не индивидуальныя.

Сонетистъ-кліентъ могъ весьма легко встрѣтить въ лицѣ покровителя юношу, не расположеннаго къ узамъ брачной жизни. Для семьи юноши это нерасположеніе, естественно, являлось большимъ горемъ. И вотъ задача—убѣдить молодого любителя свободныхъ удовольствій жениться въ интересахъ своего благороднаго рода. У сонетиста не было основаній не сочувствовать этой важной задачѣ,—тѣмъ болѣе, что она могла внушить нѣсколько новыхъ варьяцій по части восторговъ предъ молодостью и красотой юноши [4].

Варьяціи извѣстныя; разъ ты красивъ,—ты долженъ оставить на землѣ свое живое изображеніе. Дѣти увѣковѣчиваютъ отца. Они сосредоточиваютъ въ себѣ его достоинства и даютъ имъ новую жизнь въ то время, когда родителя постигаютъ старость и смерть.

Наконецъ, самый важный варьянтъ—знатный покровитель могъ снизойти до пріятельскихъ отношеній съ литераторомъ. Сонетистъ могъ воспѣвать друга и дружбу, не разставаясь съ своими чувствами кліента. И его работа чрезвычайно выигрывала. Если любовный сонетъ многимъ обязанъ платоновскимъ идеямъ объ особаго рода любви „безъ наслажденія"—выраженіе самого Платона, то дружескій сонетъ могъ почерпнуть въ античной литературѣ сколько угодно матеріала. Дружба у античныхъ философовъ считалась благороднѣйшимъ источникомъ личнаго счастья. Одни стоики посвятили этому предмету множество самыхъ краснорѣчивыхъ размышленій, — и усердному сонетисту оставалось только перелагать въ стихи выточенныя бойкія изреченія Сенеки одного и того же смысла: „Другъ—второе я", „Два друга—одна душа въ двухъ тѣлахъ".

Такъ постепенно расширялась область сонета,—и расширеніе неуклонно шло въ одномъ направленіи: поэзія все больше исчезала и уступала мѣсто риторикѣ и резонерству. Въ стихахъ стали рѣшать головоломные вопросы философіи и религіи. Появился особый родъ духовныхъ сонетовъ, и они соревновали съ проповѣдями столь же успѣшно, какъ кліентскіе сонеты съ панегириками. Сборники такъ и назывались: Духовные сонеты въ честь Бога и его святыхъ. Одинъ изъ современниковъ Шекспира, Генрихъ Локъ, передѣлалъ въ стихи Экклезіастъ и приложилъ къ своей передѣлкѣ рядъ сонетовъ о страданіяхъ Христа и нѣсколько сонетовъ, внушенныхъ ему его „чувствительной совѣстью". И подобные сонеты насчитывались также сотнями. Шекспиръ имѣлъ полное основаніе, одновременно съ пѣснями въ честь жестокой возлюбленной, благороднаго покровителя и безгранично обожаемаго

обергофмейстеромъ и въ его высшемъ завѣдываніи находились театры. Это могло уполномочить издателей драматическихъ произведеній популярнѣйшаго автора, посвятить ихъ графу.

Вдохновителемъ сонетовъ Вилліамъ Пемброкъ врядъ ли могъ быть по очень простой причинѣ. Сонеты если не всѣ, то большая часть, существовали уже въ 1598 г. Въ одномъ изъ сонетовъ (104) говорится, что тотъ знаетъ своего друга-покровителя уже три года,—слѣдовательно, по крайней мѣрѣ, съ 1594 года. Въ это время Вилліаму Герберту было около 14 лѣтъ,—и въ Лондонъ онъ прибылъ впервые только въ 1598 году. Какъ онъ могъ при такихъ условіяхъ стать предметомъ необыкновенно изысканныхъ восхваленій и любовныхъ восторговъ?

Графъ Соутгэмптонъ — болѣе сильный кандидатъ. Правда,—съ перваго шага встрѣчается нѣкоторое затрудненіе. Имя графа безъ титула—Henry Wriothsly, — зачѣмъ Шекспиръ переставилъ начальныя буквы? Но исторически извѣстенъ только одинъ знатный покровитель Шекспира,— графъ Соутгэмптонъ. Ему поэтъ посвятилъ свои обѣ поэмы. И вообще графъ занималъ въ литературѣ исключительное положеніе. Хорошо образованный, съ художественнымъ вкусомъ, щедрый и рыцарственный—онъ былъ предметомъ самыхъ восторженныхъ восхваленій современныхъ поэтовъ. Писатели называли его своимъ свѣтомъ и жизнью. Столь же горячо они прославляли и его красоту, объявляли его образцомъ стариннаго рыцарства—по доблести, добросердечію и внѣшней привлекательности.

Все это соотвѣтствуетъ шекспировскому изображенію друга-покровителя. Соотвѣтствуетъ и возрастъ Соутгэмптона,—онъ былъ всего на девять лѣтъ моложе поэта. Соотвѣтствуютъ положенію графа, по мнѣнію изслѣдователей, и тѣ сонеты, гдѣ поэтъ усиленно убѣждаетъ своего знатнаго друга жениться и имѣть сына для продолженія благороднаго рода. Графъ былъ не женатымъ, когда писались сонеты.

Все это для многихъ не доказываетъ, чтобы сонеты были посвящены Торпомъ Пемброку или Соутгэмптону, а только, что вдохновителемъ ихъ былъ тотъ или другой графъ. Эти два разныхъ вопроса и притомъ, не допускающіе, чтобы Торпъ могъ назвать мистеромъ какого бы то ни было лорда, вполнѣ допускаютъ, что самъ поэтъ писалъ сонеты въ честь того или другого графа.

Но и касательно Соутгэмптона имѣется затрудненіе. Если онъ и покровитель и другъ поэта,—тогда, значитъ, его надо признать соперникомъ поэта въ любви.

Въ сонетахъ разсказывается цѣлое романическое приключеніе; героиня—нѣкая черноволосая женщина,—не отличающаяся ни красотой, ни добродѣтелями, герой самъ поэтъ, безнадежно влюбленный, и его молодой другъ, счастливый побѣдитель. Является новый вопросъ: кто эта брюнетка?

Опредѣленныхъ данныхъ — никакихъ, и все дѣло въ томъ, кому посчастливится извлечь изъ старой англійской хроники женское имя, болѣе или менѣе подходящее къ загадкѣ сонетовъ. Независимо отъ имени,— Франсуа Виктора Гюго составилъ цѣлую драму, изъ шекспировскихъ сонетовъ, расположивъ ихъ въ желательномъ порядкѣ. Драма не лишена интереса,—но она цѣликомъ на отвѣтственности французскаго переводчика.

Оказывается, Шекспиръ пережилъ съ брюнеткой чрезвычайно многообразную трагедію. Во первыхъ, она измучила его, какъ кокетка, совершенно равнодушная къ его высшимъ духовнымъ качествамъ и готовая подарить свою благосклонность какому нибудь свѣтскому франту. Другая драма—желаніе поэта вѣрить въ цѣломудріе своей мучительницы, не смотря на самыя убѣдительныя доказательства противнаго. Такъ вѣдь часто страсть заставляетъ человѣка видѣть ангела чистоты въ лицѣ куртизанки! Наконецъ, третья и самая ужасная драма: счастливымъ соперникомъ поэта оказывается его обожаемый другъ. Послѣ мукъ неизвѣстности, ревности, послѣ колебаній между оскорбленной страстью и самоотверженной дружбой—поэтъ навсегда отказывается отъ возлюбленной и всю силу чувства сосредоточиваетъ на другѣ.

Подтвержденіемъ всѣхъ этихъ моментовъ трагедіи являются сонеты, хотя и нельзя доказать, что они были написаны шагъ за шагомъ, подъ вліяніемъ настроеній, образовавшихъ столь цѣльную и стройную психологическую канву. Но злокозненная брюнетка и ея интрига съ другомъ поэта якобы не подлежатъ сомнѣнію.

Если другомъ признать Соутгэмптона,— остается его любовная исторія съ Елизаветой Вернонъ, двоюродной сестрой графа Эссекса. Исторія окончилась бракомъ—безъ вѣдома королевы, за что графъ поплатился тюремнымъ заключеніемъ. Отождествить Елизавету Вернонъ съ черноволосой дамой

сонетовъ—нѣтъ никакой возможности. Съ Пемброкомъ вопросъ становится легче.

У Пемброка было приключеніе съ фрейлиной Елизаветы, Маріей Фиттонъ,—чрезвычайно веселой дѣвицей. Отважные критики, обладающіе извѣстнымъ запасомъ воображенія, поспѣшили создать цѣлый романъ между поэтомъ и этой фрейлиной. Съ ней будто бы Шекспиръ прошелъ школу женской великосвѣтской любви и измѣны [10].

На самомъ дѣлѣ, — мы можемъ только предполагать, что Шекспиръ могъ встрѣчать Марію Фиттонъ при дворѣ. Кромѣ того, ея сохранившіеся портреты доказываютъ, что она отнюдь не была брюнеткой, а если не блондинкой,—по крайней мѣрѣ, шатенкой съ сѣрыми глазами [11]. И вообще Марія Фиттонъ была привлечена къ шекспировскому вопросу пемброкистами,—лишь бы чѣмъ-нибудь обставить весьма шаткую гипотезу.

Таковы результаты изысканій изслѣдователей, вѣровавшихъ въ автобіографическое содержаніе сонетовъ. Ни одинъ изъ вопросовъ не получилъ сколько-нибудь удовлетворительнаго рѣшенія. Безнадежность поисковъ навела другихъ критиковъ на мысль, — совершенно иначе понимать сонеты, не искать въ нихъ ни исторіи, ни психологіи,—развѣ только за очень немногими исключеніями.

Наиболѣе умѣренные представители этого направленія, видятъ въ Шекспирѣ, какъ авторѣ сонетовъ, очень искуснаго послѣдователя современной моды. На сонеты былъ спросъ, — и, естественно, Шекспиръ принялся сочинять ихъ, пользуясь общераспространенными мотивами сонетоманіи. Только изрѣдка приходилось ему коснуться событій и чувствъ, его лично касавшихся,—напримѣръ, исторія съ измѣной черноволосой дамы, вѣроятно, достояніе его личнаго опыта. Все остальное или навѣяно, или прямо заимствовано.

Болѣе крайніе отрицатели автобіографическаго значенія сонетовъ ищутъ въ нихъ или сатиру, т. е. пародію на сонетистовъ, или аллегорію, т. е. стихотворное обсужденіе разныхъ олицетворенныхъ нравственныхъ понятій,—о любви идеальной и любви чувственной. Другіе видѣли въ сонетахъ разработку библейскихъ мотивовъ, третьи, наконецъ, считали ихъ плодомъ заказной работы: Шекспиръ, по желанію Соутгэмптона, воспѣвалъ его романъ съ Елизаветой Вернонъ [12]. На доказательство нѣкоторыхъ этихъ идей потраченъ большой запасъ учености, — но въ общемъ литература о сонетахъ не встрѣтила признательности даже у самыхъ сдержанныхъ шекспирологовъ. Доуденъ, перечитавъ множество нѣмецкихъ и англійскихъ изслѣдованій, сѣтовалъ до какой степени мало они помогли ему понять сонеты, и заявлялъ, что напрасно потратилъ трудъ и время.

Несомнѣнно, — самъ Шекспиръ еще обиднѣе отозвался бы о ретивыхъ воздѣлывателяхъ столь безплодной нивы. Онъ самъ произнесъ простой судъ надъ тѣмъ, что потребовало у другихъ столько усидчивости и глубокомыслія.

IV.

Если бы до насъ не дошли подлинные сонеты Шекспира, а только извѣстіе, что Шекспиръ писалъ сонеты, ученымъ потребовалось бы немало труда доказать правдоподобность извѣстія.

Именно отъ Шекспира меньше всего можно было бы ожидать сонетовъ, по крайней мѣрѣ, какъ серьезныхъ произведеній, предназначенныхъ раскрыть его сердце. Миресъ, восхваляя сонеты, и, можетъ быть, не безъ ироніи пользуясь эпитетомъ „сахарный", перечисляетъ двѣнадцать пьесъ Шекспира,—среди нихъ только одна трагедія,—остальныя хроники изъ англійской исторіи и комедіи, потомъ „Венеціанскій купецъ" далеко не изъ лучшихъ драмъ Шекспира, и „Титъ Андроникъ", который даже не всѣми приписывается Шекспиру. Поэтъ находился въ первомъ періодѣ своей дѣятельности и не брезгалъ, по злобному, но справедливому выраженію Грина, разукрашивать себя „чужими перьями". Настоящаго Шекспира еще не было въ литературѣ, дѣйствовалъ очень бойкій передѣлыватель, подражатель, послушный и ловкій исполнитель предписаній современной моды.

Въ результатѣ, комедіи, поэмы и сонеты—для избранныхъ любителей, среди которыхъ вербовались покровители и меценаты; историческія хроники—для народа, самой многочисленной театральной публики. Аристократическій вкусъ требовалъ не вдохновенія, не моральной правды, а фразистаго щегольства и разнаго рода сценическихъ хитростей. Шекспиръ все это и исполнялъ въ большомъ количествѣ. Въ комедіяхъ нѣтъ той геніальной психологіи, какую мы знаемъ по шекспировскимъ трагедіямъ. Всѣ дѣйствующія лица — и мужчины и женщины — общія мѣста, даже не типы, олицетворенныя формулы любовнаго увле-

ченія,—для женщинъ очень благороднаго и постояннаго, для мужчинъ — большей частью—легкомысленнаго и эгоистическаго. Вниманіе автора сосредоточено здѣсь не на чувствахъ, а на словахъ. Цѣлыя сцены—словесные турниры, часто при очень искусственномъ остроуміи и самой натянутой игрѣ словъ. Но таковъ спросъ былъ тамъ, гдѣ сонетъ считался высшей формой лирической поэзіи.

Какъ самъ Шекспиръ относился къ этому спросу?

Его настоящаго таланта нѣтъ въ комедіяхъ,—но духъ его чуется въ ихъ тонѣ. Онъ видимо забавляется и любовью, и краснорѣчіемъ влюбленныхъ. Для него это не живые люди и не серьезныя рѣчи, а нарядныя, необыкновенно болтливыя куклы, приведенныя въ движеніе театральныхъ дѣлъ мастеромъ для потѣхи жеманной, художественно-неразвитой, но неизбѣжной публики. И Шекспиръ пишетъ даже особую комедію—сплошь изъ однихъ издѣвательствъ надъ любовными увлеченіями краснорѣчивыхъ дамъ и особенно кавалеровъ—„Сонъ въ лѣтнюю ночь", гдѣ заставляетъ шаловливыхъ эльфовъ забавляться высокопарными чувствами утонченныхъ господъ. И это издѣвательство—обычное отношеніе Шекспира къ той формѣ любви, какая разыгрывается на сценѣ его комедій и какая воспѣвалась въ современныхъ сонетахъ.

Когда мы сопоставимъ комедіи Шекспира и его сонеты,—мы немедленно убѣдимся, что эти произведенія одного порядка и во мнѣніи самого Шекспира какъ поэта и какъ человѣка занимали одно и то же мѣсто.

Сюжеты комедій всѣ заимствованы, часто они просто драматическое изложеніе чужой повѣсти; мотивы сонетовъ — такая же композиція. Всѣ пріемы объясненій въ любви или въ дружбѣ—ходячая риторическая монета сонетистовъ. Даже тѣ мотивы, какіе, повидимому, должны бы составлять личное достояніе поэта,—оказываются общественной собственностью, напримѣръ, столь точно описанная Шекспиромъ „черная дама". Черный цвѣтъ женскихъ волосъ и глазъ занимаетъ Шекспира и въ комедіяхъ: „Безплодныя усилія любви" и „Сонъ въ лѣтнюю ночь" и вездѣ въ одномъ смыслѣ: вопреки разсудку и природѣ „черныя" женщины кажутся влюбленнымъ несравненными красавицами. Это противорѣчіе оказалось благодарной темой для философскихъ и лирическихъ размышленій.

Прежде всего—англійскій языкъ даетъ поводъ написать цѣлый сонетъ. По-англійски одно и то же слово fair—значитъ и прекрасная и бѣлокурая, слѣдовательно не-бѣлокурая, т. е. черноволосая—не-красавица по значенію самого слова (son. 127). А между тѣмъ поэту именно такая женщина кажется красивѣе всѣхъ. Почему? На это есть причина, какую нелегко понять читателю,—и по существу и по формѣ выраженія. „Черные глаза" красавицы носятъ трауръ по тѣмъ, кто, не родившись красивыми (или бѣлокурыми), клевещетъ на природу поддѣльнымъ эффектомъ, производя впечатлѣніе красоты [13].

Это такъ хитроумно, что даже не всѣми переводчиками переведено сполна [14]. Игра словами возобновляется и въ другомъ сонетѣ (132). Поэтъ снова заявляетъ, что глаза его возлюбленной въ траурѣ,—пусть же этотъ трауръ будетъ по немъ,— это значитъ красавица его жалѣетъ. Не менѣе тонокъ также сонетъ, объясняющій чисто-физически, почему въ дѣйствительности некрасивая женщина кажется поэту красивой (148). Это потому, что поэтъ не спитъ и плачетъ,—и этого желаетъ лукавая возлюбленная, чтобы онъ изъ-за слезъ не разглядѣлъ ея отталкивающихъ недостатковъ—O cunning Love! With tears thou Keep'st me blind!

Въ одномъ изъ сонетовъ, обращенныхъ къ другу, поэтъ пользуется чрезвычайно характерными выраженіями: „Я начинаю съ самимъ собой формальную тяжбу (a lowful plea): настоящая гражданская война (civil war) между моей любовью и ненавистью (son. 35). Лучшей характеристики нельзя изобрѣсти для сонетовъ драматическаго содержанія.

Они—въ полномъ смыслѣ юридическія произведенія, употребляются даже юридическіе термины „сторона", „адвокатъ". Съ одной стороны — здравый смыслъ, общественное мнѣніе, съ другой—страсть, чувственное ослѣпленіе. Я знаю и въ то же время вѣрю противоположному (son. 138), пять чувствъ говорятъ, что не стоитъ любить, но обезумѣвшее сердце (on fouilsh heart) желаетъ быть рабомъ (son. 146) сердце знаетъ, что сердце влюбленной „пастбище всего міра", и тѣмъ не менѣе считаетъ это пастбище „укромнымъ уголкомъ" (son. 137). Таковы гражданскія войны, изображаемыя сонетами. Можно представить, на какое разстояніе шумъ этихъ войнъ долженъ изгнать и чувство и поэзію

Но еще лучше той же цѣли достигаетъ удивительное остроуміе и игра словъ. Здѣсь особенно любопытны два сонета (135, 136), написанные на слово will. Замѣчательны они потому, что нѣкоторымъ и даже очень почтеннымъ изслѣдователямъ послужили лишнимъ указаніемъ въ поискахъ за невѣдомымъ другомъ поэта. Изъ сонетовъ будто бы видно, что этого друга звали такъ же какъ и самого поэта—Вилліамъ[15]. На самомъ дѣлѣ, Шекспиръ забавляется игрой словъ: Will, уменьшительное отъ Вилліамъ,—имя поэта, и въ то же время will — слово съ разными значеніями, между прочимъ прихоть, желаніе въ смыслѣ чувственнаго настроенія. Шекспиръ и внушаетъ дамѣ—ко многимъ ея желаніямъ этого свойства — прибавить еще одно: ко многимъ will еще одного Will'я, т. е. самого поэта, и тогда поэтъ — Will — будетъ ея желаніемъ — ея will[16]. По-англійски это не лишено извѣстной виртуозности, но, разумѣется, въ самый рѣшительный ущербъ искренности и поэтичности и совершенно въ духѣ эвфуистическихъ поединковъ героевъ и героинь комедій.

Поединки эти навѣяны модой,—также и весь романъ съ „черной дамой". Трудный вопросъ, какъ черноволосая женщина можетъ казаться красавицей, — рѣшилъ до Шекспира одинъ изъ знаменитыхъ сонетистовъ—Филиппъ Сидней, и даже „глаза въ траурѣ" Шекспиръ заимствовалъ у него. Не является плодомъ его личнаго чувства и его чрезвычайно суровое негодованіе на жестокую красавицу. У сонетистовъ было въ обычаѣ самые выспренніе восторги чередовать съ уничтожающими воплями ненависти. Это имъ казалось вполнѣ драматичнымъ. Они изобрѣтали отчаянные эпитеты для своихъ безжалостныхъ мучительницъ, въ родѣ: „бѣшеная тигрица", „Медуза", „убійца", „тиранка". Любовная лесть и громы ненависти до такой степени неустанно шли другъ за другомъ, что это постоянство даже вызвало пародіи въ особыхъ сонетахъ-сатирахъ. И, что особенно любопытно, именно черноволосыя сирены удостоивались одинаково восторженныхъ комплиментовъ и жестокихъ нареканій. И Шекспиръ въ точности выполнилъ программу. И не только относительно е я, но и его, т. е. друга.

Въ одномъ изъ сонетовъ онъ ясно намѣтилъ усвоенную имъ традиціонную задачу: „у меня двѣ любви—утѣха и отчаяніе... мой свѣтлый ангелъ—истинно прекрасный мужчина, мой злой духъ — нарумяненная женщина" (son. 144). И касательно друга поэтъ использовалъ всю риторику, какая имѣлась въ ходячемъ репертуарѣ сонетистовъ. Многія подробности онъ прямо изъ чужихъ сонетовъ перевелъ въ свои: напримѣръ, сравненіе мозга поэта съ записной книжкой, посвященной другу (son. 122); „гражданская война" между глазами и сердцемъ изъ-за того,—чье достояніе составляетъ другъ,—воспроизведеніе таковой же междоусобицы у другихъ сонетистовъ (son. 46, 47); укоризны по адресу цвѣтовъ, заимствовавшихъ свои прелести у идеально-прекраснаго друга,—вызваны, несомнѣнно, не столько красотой друга, сколько изяществомъ чужихъ сонетовъ (son. 99). Что касается комплиментовъ другу,—здѣсь Шекспиръ, вѣроятно, превзошелъ всѣхъ соперниковъ. Именно хвалебные сонеты въ честь друга до такой степени риторичны, искусственно взвинчены, что подозрѣніе насчетъ пародіи и сатиры является невольно. Во всякомъ случаѣ, о почтительномъ отношеніи самого поэта къ изображаемымъ чувствамъ не можетъ быть и рѣчи. Доказательствъ сколько угодно,—едва ли не всѣ сонеты. Если бы ихъ можно было счесть искренними, свободнымъ изліяніемъ подлиннаго чувства, — пришлось бы глубоко пожалѣть о сердцѣ, отмыкаемомъ подобнымъ ключемъ.

У сонетистовъ было въ обычаѣ писать по адресу друзей стихи, скорѣе умѣстные для женщины и то не совсѣмъ требовательной по части литературнаго тона. Другу XVI вѣка ничего не стоило написать своему избраннику о томъ, какъ изнывалъ предъ его портретомъ и не могъ на него наглядѣться. Шекспиръ своего друга находитъ красивѣе Адониса и даже Елены (son. 53). Что касается нравственнаго преклоненія предъ другомъ,—ему нѣтъ границъ.

Другъ для поэта—весь міръ: онъ—все его искусство thou art all my art (son. 78, 38); онъ для него выше всего общественнаго мнѣнія, онъ до такой степени господствуетъ надъ умомъ поэта, что внѣ его—вся вселенная кажется поэту мертвой (son. 112); другъ для поэта равносиленъ жизни,—до такой степени, что другъ даже не можетъ терзать его своимъ непостоянствомъ, поэтъ умретъ немедленно при первыхъ же признакахъ охлажденія (son. 92); достойно восхвалить такого героя нѣтъ возможности: его совершенства обширны какъ океанъ—your worth wide as the ocean is

(son. 80) и самая лучшая похвала сказать ему: „вы—есть вы“ (son. 84). Но и этого мало. Всѣ похвалы, какія только въ минувшія времена расточались въ честь дамъ и кавалеровъ, все, что когда либо говорилось о высшей красотѣ,—все это не больше какъ пророчество о другѣ поэта, наброски его образа (son. 106). Если правда, что ничего нѣтъ новаго, все существующее—уже раньше существовало,—поэтъ хотѣлъ бы перенестись въ далекое прошлое и взглянуть, какіе восторги древнему міру внушило такое поразительное чудо, какимъ является другъ поэта (son. 59).

Естественно, скромность самого поэта предъ этимъ чудомъ — несказанна. Слова друга производятъ на него непостижимое дѣйствіе: пусть другъ обвинитъ его въ чемъ угодно,—онъ немедленно подтвердитъ его обвиненіе, пусть онъ скажетъ, что поэтъ—хромъ, и поэтъ тотчасъ захромаетъ (son. 59). [17] Онъ до такой степени проникнутъ сознаніемъ своихъ недостатковъ, что обѣщаетъ даже не узнавать публично своего друга изъ страха скомпрометировать его (son. 46). Поэтъ мирится и съ рѣдкими свиданіями,—для него другъ—будто сокровище для богача, а богачъ, какъ, извѣстно, не желаетъ ежечасно созерцать казну, чтобы не притупить наслажденія (son. 52). Поэтъ, очевидно, до такой степени заострилъ свой стихъ, что онъ готовъ дать противоположный, отнюдь не желательный смыслъ.

Такое же странное впечатлѣніе оставляютъ сонеты ревности. „Черная дама“ соблазнила друга поэта и заставила его рѣшать тягостную задачу: разорвать ли съ другомъ или благословить его на счастье съ измѣнницей. Эта тема, по словамъ основательнѣйшихъ изслѣдователей сонетовъ, не встрѣчается въ сонетахъ елизаветинскаго времени,—она принадлежитъисключительно Шекспиру [18]. Доказываетъ ли это, однако, что дилемма пережита поэтомъ лично? Та же тема разрабатывается въ комедіи „Два Веронца“. Здѣсь также одному изъ друзей приходится рѣшаться на самоотверженный шагъ — уступить другу любимую дѣвушку. Но та же тема внесена и въ книгу Лилли: „Анатомія остроумія“—общепризнанное руководство хорошаго тона въ XVI вѣкѣ. Не свидѣтельствуетъ ли этотъ фактъ о томъ, что дилемма шекспировскихъ сонетовъ одинъ изъ любовно-риторическихъ тезисовъ эпохи Возрожденія? И это согласно съ духомъ эпохи. Она возвела дружбу на сверхъестественную высоту, создала настоящій культъ друга „второго я“,—чѣмъ же она могла освятить этотъ культъ, какъ не величайшей, возможной для человѣка жертвой?

А какая жертва можетъ быть тягостнѣе—отреченія отъ чувства любви и ревности ради дружбы? И Шекспиръ, вводя этотъ мотивъ въ свои сонеты, только доходилъ до крайняго предѣла на томъ самомъ пути, гдѣ онъ разсѣялъ столько изумительныхъ цвѣтовъ преданнаго и даже самоуничижительнаго краснорѣчія.

И Шекспиръ дѣйствительно не пожалѣлъ красокъ. Послѣ обязательныхъ жалобъ на коварство своего „злого духа“,—поэтъ начинаетъ пѣсню самоотреченія. Сначала онъ заявляетъ: его величайшее горе не въ томъ, что она принадлежитъ ему, хотя поэтъ и очень любилъ ее, а въ томъ, что онъ принадлежитъ ей. Но здѣсь же скрывается и утѣшеніе. „Если, разсуждаетъ поэтъ, я теряю тебя, — моя потеря становится выигрышемъ моей возлюбленной, а если я ее теряю, мой другъ выигрываетъ отъ моей потери. Если я теряю васъ обоихъ, вы оба находите другъ друга и, слѣдовательно, ради меня, вы возлагаете на меня, этотъ крестъ. И вотъ что меня утѣшаетъ: Мой другъ и я одно. Сладкое обольщеніе! Значитъ она любитъ только меня“ (son. 42).

Все это переложено въ сонеты и все это можно бы принять за иронію,—но все это совершенно въ тонѣ другихъ сонетовъ. Въ одномъ изъ нихъ Шекспиръ признаетъ друга лучшей частью самого себя и поэтому затрудняется какъ слѣдуетъ воспѣвать его (son. 39). Эта часть пригодилась и теперь, когда пришлось какъ слѣдуетъ, соблюдая приличіе — With manners, уступить другу свою возлюбленную.

Мы не можемъ опредѣлить, въ какомъ отношеніи эта драма, имѣющая комическую развязку, стоитъ къ другому, очень важному дѣлу между поэтомъ и его другомъ,—къ вопросу о женитьбѣ друга. Въ семнадцати первыхъ сонетахъ, открывающихъ сборникъ,—поэтъ убѣждаетъ друга жениться. Это, несомнѣнно, наиболѣе привлекательная и искренняя группа сонетовъ. Искренность чуется тамъ, гдѣ Шекспиръ касается грустной темы о скоротечности жизни, молодости, красоты. Можно указать сонетъ—безусловно поэтичный, немногословный, простой, полный граціозной меланхоліи (son. 12). Но всюду на первомъ мѣстѣ—физическая красота юноши и вопросъ объ ея увѣковѣченіи въ потом-

ствѣ,—и послѣ дѣйствительно-лирическихъ аккордовъ неизмѣнно раздается условная шаблонная нота оффиціальнаго сонетиста.

Какимъ образомъ подъ шумъ этихъ нотъ Шекспиръ могъ сообщать тайны своей души и даже могъ ли онъ думать объ этомъ, сочиняя сонеты?

V.

Одна изъ вполнѣ опредѣленныхъ личныхъ идей, какія можно извлечь изъ сонетовъ Шекспира,—его отношеніе къ правдѣ и поэзіи сонетовъ. Если блестящіе герои его комедій—явленіе для него не серьезное, люди, непремѣнно кончающіе „комически" даже при самыхъ, повидимому, „трагическихъ" чувствахъ, то точно такимъ же образомъ относится онъ и къ внѣшней формѣ, въ какой выражаются эти чувства. Форма эта—сонетъ. Шекспиръ не желалъ пропустить случая—посмѣяться и надъ сонетистами, и надъ ихъ работой. Для него утонченность фразъ, изысканность, риторика—безусловно ненавистные пустяки. На нихъ его герои основываютъ свой протестъ противъ современной моды подражать иноземному, противъ „пестраго", изолгавшагося вѣка. Не сценѣ Шекспира въ стихахъ занимаются игрой словъ или невмѣняемые педанты въ родѣ Олоферна и Мольволіо, или праздные спеціалисты любовныхъ приключеній, въ родѣ героевъ комедіи „Безплодныя усилія любви" и „Много шуму изъ ничего". Они постоянно твердятъ о сонетахъ. У нѣкоторыхъ хватаетъ иронiи настолько, чтобы эти свои произведенія обзывать „плодами разстроеннаго мозга", другіе даже, въ родѣ Меркуціо, доходятъ до постоянной сатиры надъ „жеманными сумасбродами съ приторными восклицаніями" и осмѣливаются даже посмѣиваться надъ Петраркой, такимъ „удальцомъ на риемы".

Но въ царствѣ хорошаго тона это явленія исключительнаго здраваго смысла,—большинство разгуливаетъ съ рукописями собственнаго сочиненія и повѣряетъ свою тоску, заключенную въ стихи, даже неодушевленнымъ предметамъ.

Все это обычные спутники „комической" любви. Совершенно иная любовь та, какую поэтъ считаетъ настоящимъ, глубокимъ чувствомъ. Это знаютъ герои трагедій—Джульетта, Гамлетъ, Отелло.

Джульетта убѣждена, что истинному чувству не дано высказываться въ громкихъ выраженіяхъ и она съ перваго же слова прерываетъ Ромео, готоваго, по примѣру модныхъ воздыхателей, разразиться залпомъ напыщенныхъ клятвъ. Гамлетъ до глубины души возмущается риторикой Лаэрта на могилѣ Офелiи, и Шекспиръ въ уста этого близкаго своему сердцу героя вложилъ вообще все свое возмущеніе противъ всяческой фальши въ жизни и искусствѣ. Будто съ умысломъ онъ заставляетъ датскаго принца сталкиваться съ жеманствомъ и словесной шумихой всюду — и среди народа, въ сценѣ съ могильщиками, и при дворѣ—съ Лаэртомъ и Озрикомъ. „Нашъ вѣкъ помѣшанъ на остротахъ",—говоритъ онъ по поводу могильщика, играющаго словами. Озрикъ заставляетъ его замѣтить: „Онъ и за грудь матери не принимался, я думаю, безъ комплиментовъ. Онъ какъ и многіе того же разбора, въ которыхъ влюбленъ пустой вѣкъ, поймали только наружность разговора, родъ шипучаго газа". Въ лицѣ герцога героя „Двѣнадцатой ночи", Шекспиръ вывелъ своего рода Альцеста по части художественныхъ вкусовъ. Герцогъ старинную простую пѣсню предпочитаетъ „краснымъ словамъ", плѣняющимъ „нашъ пестрый вѣкъ".

Гдѣ фраза—тамъ ложь, и прямодушные, честные герои Шекспира сами заявляютъ, что имъ невѣдомо это искусство. Между Генрихомъ V и Оттело ничего нѣтъ общаго, какъ влюбленными,—но какъ люди они одинаково не искусны въ риторикѣ чувства. Въ хроникѣ даже французы издѣваются надъ сонетами, а англійскій король крайне сурово отзывается о „молодцахъ съ безконечной болтовней, которые умѣютъ такъ подрiемовать себя къ расположенію женщинъ". „Всякій краснобай хвастунъ",—замѣчаетъ король. Поэтому искренній, дѣйствительный герой и не искусенъ „въ кудрявыхъ фразахъ".

Отвращеніе Шекспира къ „кудрявымъ фразамъ" тѣмъ глубже, что оно результатъ одного изъ самыхъ яркихъ чувствъ поэта—негодованія на чужебѣсіе. Почти не касаясь современной общественности, Шекспиръ допустилъ исключеніе, вывелъ Чайльдъ Герольда XVI вѣка—меланхолика Жака, привезшаго въ родную Англію изъ веселыхъ путешествій по чужимъ краямъ немощное томленіе духа и неизбѣжную риторику опустошеннаго сердца. Подъ пару ему — еще болѣе красочный продуктъ заграничной культуры — гидальго Армадо, фанатикъ „пышныхъ фразъ", „вѣрный рыцарь моды".

Сонеты являлись самымъ моднымъ привознымъ товаромъ, и всякому поэту, желавшему имѣть читателей въ „свѣтѣ", необходимо было пуститься въ домашнее производство ходкаго продукта. И Шекспиръ, по примѣру другихъ, началъ усердно чеканить фальшивое золото поэзіи, ни на минуту лично не заблуждаясь насчетъ истиннаго качества своей работы. Несомнѣнно, фактическіе поводы у него существовали,—и наиболѣе естественный поводъ—отношенія къ покровителю-другу. Но былъ ли это графъ Соутгэмптонъ, которому Шекспиръ посвятилъ свои поэмы, или другое знатное лицо,—сонеты отнюдь не характеризуютъ ни дѣйствительныхъ чувствъ поэта, ни дѣйствительныхъ взаимныхъ положеній. Все это—сочиненія на тему, независимую отъ настроеній отдѣльнаго сочинителя. Это еще болѣе приложимо къ любовнымъ сонетамъ,—здѣсь и героиня, по внѣшности и нравственнымъ свойствамъ,—рѣзко вырисованная копія.

Но и усиленная подражательность не мѣшала, конечно, такому поэту, какъ Шекспиръ, обнаруживать въ частностяхъ большое изящество стиля и, несмотря на оковы формулы, силу чувства Граціозна картина, гдѣ поэтъ сравниваетъ свою возлюбленную съ хозяйкой, бросающей своего ребенка—чтобы догнать убѣгавшую домашнюю птицу: покинутый ребенокъ—это самъ поэтъ—тщетно кричитъ и тянется къ матери, а та ловитъ бѣглянку—соперника поэта—(son. 143). Столь же изящно и чувство, съ какимъ поэтъ смотритъ на клавиши, къ которымъ прикасаются пальцы его возлюбленной, онъ завидуетъ имъ; и уста его, которымъ слѣдовало бы быть на мѣстѣ клавишей, краснѣютъ отъ дерзости и пр. (son. 128).

Относительно чувства—еще болѣе яркіе образцы. Сонеты писались въ теченіе многихъ лѣтъ. Въ одномъ иносказательно говорится о смерти Елизаветы (son. 107), слѣдовательно о событіи 1603 года. Миресъ сообщаетъ о сонетахъ въ 1588 году; въ сонетахъ говорится о трехгодичномъ знакомствѣ съ другомъ,—можно, поэтому, предполагать, что сонеты писались по крайней мѣрѣ съ 1594 года,—всего въ теченіе почти десяти лѣтъ. Въ такой промежутокъ времени поэту пришлось пережить, несомнѣнно, не мало горькихъ опытовъ,—тѣмъ болѣе, что эти годы—самый горячій періодъ его житейской борьбы. Недаромъ, меланхолическія ноты въ сонетахъ, мы видѣли,—самыя искреннія и именно этотъ періодъ закончился созданіемъ „Гамлета".

Грустное настроеніе безпрестанно прорывается даже въ комедіяхъ,—и уже во „Снѣ въ лѣтнюю ночь" мы слышимъ: „все свѣтлое такъ быстро въ жизни гаснетъ". Естественно—это раздумье проникло и въ сонеты. Только видимая странность рѣчи насъ не должна здѣсь вводить въ заблужденіе: за этой странностью, по обычаю времени, вполнѣ удобно можетъ скрываться сонетный шаблонъ.

Напримѣръ, сонетъ, очень похожій на исповѣдь и заслужившій поэтому большое сочувствіе шекспирологовъ: въ немъ поэтъ возмущается противъ чувственной страсти и это возмущеніе одно изъ самыхъ обычныхъ темъ сонетистовъ. (son. 129). И понятно, почему. Сонетисты притязали на платоническую любовь, „святую любовь", по ихъ выраженію, — и обязаны были въ стихахъ возставать противъ „земного" вожделѣнія. Это—любимая задача у риторовъ возрожденія обсуждать относительныя качества духовной и тѣлесной любви, и Шекспиръ далъ свой образчикъ,—и даже не одинъ, а два: въ поэмѣ „Венера и Адонисъ"—Адонисъ мечетъ громы въ томъ же направленіи.

Не подлежитъ сомнѣнію искренность настроенія въ четырехъ сонетахъ,—и только они могутъ быть признаны строго-автобіографическими и это ясно съ перваго взгляда.

Въ трехъ изъ этихъ сонетовъ Шекспиръ говоритъ о самомъ жгучемъ для него вопросѣ, о своемъ общественномъ положеніи—актера. Исторически вполнѣ точно онъ называетъ его „отверженнымъ"—my outcast state (son 29), потомъ онъ чрезвычайно сильно описываетъ его и столь же вѣрно, съ точки зрѣнія англійскаго общественнаго мнѣнія XVI вѣка. Ему приходится жить на счетъ публики и поэтому на его имени лежитъ клеймо и его „природа" запачкана ремесломъ, будто рука красильщика (son. 111). Въ третьемъ сонетѣ поэтъ говоритъ о практическихъ результатахъ своего ремесла: онъ метался изъ стороны въ сторону, являлся шутомъ, пренебрегалъ своими личными чувствами, торговалъ тѣмъ, что дороже всего (son. 110).

Это звучитъ искреннимъ покаяніемъ. Наконецъ, четвертый сонетъ (66) будто итогъ всего, что такъ горько передумано и такъ больно перечувствовано. Это монологъ Гамлета: быть или не быть, только съ за-

ключеніемъ въ стилѣ сонета. Не „сознаніе“ мѣшаетъ поэту умереть, а жалость—оставить „свою любовь одну“.

И остальные сонеты оканчиваются также по правилу,—но подлинное значеніе ихъ, какъ лирическихъ стихотвореній—тѣмъ и подчеркивается, что эти заключенія кажутся искусственной прицѣпкой, вынужденнымъ комплиментомъ. Въ общемъ предъ нами—любопытное сопоставленіе.

Въ „Гамлетѣ“ очень искусно, но настойчиво поставленъ мучившій Шекспира вопросъ объ актерскомъ званіи. Высокопросвѣщенный принцъ принимаетъ ихъ отъ всего сердца, зато Полоній намѣренъ принять ихъ „по заслугамъ“. Въ XVI вѣкѣ—для актеровъ это значило безъ всякихъ заслугъ, и принцъ немедленно читаетъ поученіе чванному глупцу. Это параллель для трехъ сонетовъ, изображающихъ „отверженное состояніе“. И быть или не быть—повтореніе четвертаго сонета—общаго изображенія нравственной смуты и муки человѣческой жизни.

И сколько въ этой картинѣ несомнѣнно личныхъ мукъ Шекспира, какъ художника, и какъ невольнаго сонетиста!

Онъ жалуется на то, что заслуга принуждена нищенствовать, нищета поневолѣ разыгрываетъ веселыя роли, глупость въ образѣ учености, властвуетъ надъ искусствомъ...

Какъ все это должно быть прочувствовано поэтомъ, до глубины души ненавидящимъ въ искусствѣ всякое нарушеніе „границъ естественнаго“, по выраженію Гамлета, и вынужденнаго „пестрымъ вѣкомъ“ щеголять въ модномъ уборѣ „сахарнаго“ сонетиста! И развѣ это не значило, на строгій судъ самого поэта, являться шутомъ, заставлять молчать собственныя чувства, торговать самымъ дорогимъ, т. е. искусствомъ?

И поэтъ, въ исключительную минуту накопившейся обиды, рѣшился говорить это тѣмъ самымъ читателямъ, которые ждали отъ него кудрявыхъ фразъ въ модномъ вкусѣ. И предъ нами снова любимый герой поэта—Гамлетъ; ему по временамъ становится невыносимымъ,—изображать предъ чуждымъ и враждебнымъ ему міромъ добродушнаго забавника и резонера,—и онъ тогда кричитъ этому міру: „ты хочешь играть на мнѣ, ты хочешь проникнуть въ тайны моего сердца, ты хочешь испытать меня отъ низшей до высшей ноты... Назови меня какимъ угодно инструментомъ—ты можешь меня разстроить, но не играть на мнѣ“.

Ив. Ивановъ.

---

1. Augustin Filon. Les sonnets de Shakespeare. Revue des deux Mondes, 1901, II, 800.
2. Sidney Lee. William Shakespeare. Leipzig, 1901, 428.
3. I b. 95 etc.
4. Cp. Dowden. The sonnets of Shakespeare. Introduction, L. LI.
5. Sidney Lee, 97.
6. Особенно 20-й сонетъ (A woman's face with Nature's own hand printed hast thou...) казался соблазнительнымъ. Ср. F. V. Hugo. Oeuvres comp. de Shakespeare. XV, 318. A. Filon. 798.
7. Въ изданіи 1793 года, I, p. 7.
8. Мнѣніе нѣм. ученаго Barnstorff'a. Ср. Dowden. XL. Н. И. Стороженко. О сенетахъ Шекспира въ автобіографическомъ отношеніи, Москва, 1900, 15.
9. Мнѣніе Sidney Lee, очень тщательно обставленное. 84—5, 314—390.
10. Брандесъ.
11. Sidney Lee. 113, 401.
12. Ср. Sidney Lee 113, 401. Dowden, XXIX XXXI; A. Filon, 813; Стороженко 11 16.
13. Ср. Therefore my mistress'eyes are raven black,
Her eyes so suited and they mourners seem
At such who, not born fair, no beauty lack,
Slandering creation with a false esteem.
14. Напр., во франц. переводѣ (Sen. IX).
15. Dowden (XXXV, LI, 236) убѣжденъ, что другъ Шекспира Вилліамъ.
16. Такого толкованія держатся Ф. В. Гюго нѣмецкіе переводчики, между ними Боденштедтъ, и S. Lee, написавшій особое разсужденіе объ этихъ сонетахъ (402—414).
17. О хромотѣ говорится и въ 37 стихѣ и это заставило нѣкоторыхъ комментаторовъ утверждать, что Шекспиръ на самомъ дѣлѣ былъ хромымъ,—а между тѣмъ поэтъ только измышлялъ фигуру, которая особенно ярко могла бы показать скромность его настроеній предъ другомъ.
18. Sidney Lee, 141.

СОНЕТЫ.

1.

Отъ избранныхъ существъ потомства мы желаемъ,
Чтобъ роза красоты цвѣла изъ рода въ родъ,
Чтобъ старому, когда къ землѣ онъ пригнетаемъ,
На смѣну возникалъ такой же юный всходъ.
А ты, въ себя лишь взоръ блестящій устремляя,
Его огонь живишь изъ нѣдръ своихъ же благъ,
И, гдѣ обиліе, тамъ голодъ порождая,
Нещаденъ къ прелести своей, какъ лютый врагъ.
Ты, міра лучшій цвѣтъ и вѣстникъ несравненный
Ликующей весны,—хоронишь отъ людей
Въ сомкнутой завязи свой жребій драгоцѣнный
И разоряешься отъ скупости своей:
Не объѣдай же міръ чрезъ мѣру и чрезъ силу,
Чтобъ все его добро не унести въ могилу.

В. Лихачовъ.

2.

Когда глубокіе слѣды сорокалѣтья
Цвѣтущій долъ твоей красы избороздятъ
И нищенскій покровъ изъ жалкаго веретья
Замѣнитъ юности блистательный нарядъ,
Тогда то на вопросъ: что сдѣлалъ ты съ красою?
Гдѣ всѣ сокровища безпечно-добрыхъ дней?—
Постыдной было бы, нелѣпой похвальбою
Отвѣтить: всѣ они во впадинахъ очей.
Не большею ли ты себя покрылъ-бы славой,
Когда бъ отвѣтить могъ: „Прекрасное дитя,
Мой долгъ вамъ уплативъ, мнѣ дастъ на старость право“,—
Кто возразилъ бы, вновь твой образъ обрѣтя?
Вотъ, отъ чего твое воспрянуло бы тѣло;
Вотъ, что остывшую бы кровь твою согрѣло.

В. Лихачовъ.

3.

Ты видишь въ зеркалѣ свое изображенье?
Скажи ему: пора подобное создать;
Иначе у земли ты совершишь хищенье,
У юной матери отнимешь благодать.
Гдѣ та красавица, чья дѣвственная нива
Такого пахаря отвергла бы, какъ ты?
Найдется ли глупецъ, чтобъ скрыть себя-любиво
Во мракѣ гробовомъ наслѣдье красоты?
Для матери твоей ты зеркало такое жъ,
Она въ тебѣ апрѣль свой дивный узнаетъ:
Сквозь стекла старости въ родныхъ чертахъ откроешь
Ты также золотой звѣзды своей восходъ.
Но, если хочешь ты посмертнаго забвенья,
То умирай тогда одинъ—безъ отраженья.

В. Лихачовъ.

4.

О расточительный! зачѣмъ въ расцвѣтѣ юномъ
На самаго себя изводишь ты свой кладъ?
Природа не даритъ, а въ долгъ даетъ красу намъ,
И торовата къ тѣмъ, кто также тороватъ.
Прекрасный скопидомъ, зачѣмъ добро чужое,
Тебѣ врученное, считаешь ты своимъ?
Безумный ростовщикъ, зачѣмъ тебѣ такое
Богатство, если жить ты не даешь другимъ?
Вѣдь въ ростовщичество съ самимъ собой играя,
Красавецъ, ты себя обманываешь самъ:
Нашъ бренный міръ на зовъ природы покидая,
Какой, скажи, итогъ ты завѣщаешь намъ?
Краса твоя пойдетъ въ одинъ съ тобою ящикъ,
А не останется, какъ твой душеприказчикъ.

В. Лихачовъ.

5.

Ты самые часы, чьей силой властной
Краса весны такъ дивно расцвѣла,—
Какъ злой тиранъ, разрушатъ видъ прекрасный
И уничтожатъ всѣ свои дѣла.
Не хочетъ время ждать! Отрада лѣта,
Глядишь, смѣнилась скучною зимой,
Замерзла жизнь, нѣтъ ни листа, ни цвѣта,
И спитъ краса подъ снѣжной пеленой.

Да, если бъ сокъ цвѣтовъ мы въ плѣнъ не брали,
Чтобъ сохранить слѣды весны въ стеклѣ,—
Съ красой бы всѣ дѣла ея пропали,
Была бъ она забыта на землѣ;
Сокъ извлеченъ,—и есть предѣлъ утратѣ:
Хоть нѣтъ цвѣтовъ,—есть жизнь въ ихъ ароматѣ!

Н. Холодковскій.

6.

Спѣши сберечь для насъ цвѣтникъ благоуханный,
Пока суровая зима не подошла;
Наполни сладостью сосудъ, тобой избранный,
Пока въ себѣ самой краса не умерла.
Вѣдь ты ростовщикомъ того не называешь,
Кому должникъ свой долгъ отъ сердца отдаетъ:
Другого лишь себя ты міру оставляешь,
А за добавочныхъ—добавочный почетъ.
И счастье личное ты въ десять разъ умножишь,
Коль, вмѣсто одного, создашь десятерыхъ:
Отъ смерти понести какой ущербъ ты можешь,
Продолживъ бытіе въ наслѣдникахъ своихъ?
Такъ не упрямься же: съ твоею ли красою
Червямъ лишь кормомъ стать подъ сѣнью гробовою!

В. Лихачовъ.

7.

Когда могучее свѣтило намъ съ востока
Являетъ ясный ликъ, съ восторгомъ на него
Взираетъ каждое въ тотъ мигъ земное око,
Привѣтствуя лучей побѣдныхъ торжество;
Когда, какъ юноша въ цвѣту, на холмъ небесный
Взбирается оно, все въ золотомъ огнѣ,—
Имъ ослѣпленные, мы клонимъ взоръ, чудесный
Подъемъ его слѣдя по синей крутизнѣ;
Когда же съ высоты полудня ковыляетъ
Оно по старчески на отдыхъ и покой,—
Вниманья нашего оно не привлекаетъ
И одиноко путь доканчиваетъ свой:
Вотъ такъ же и тебя на склонѣ міръ забудемъ,
Коль старости твоей лелѣять сынъ не будетъ.

В. Лихачовъ.

8.

Твой голосъ—музыка: такъ почему же внемлешь
Ты музыкѣ съ тоской? Вѣдь нѣга къ нѣгѣ льнетъ;
А ты пріятное нерадостно пріемлешь
И не бѣжишь того, что скорбь тебѣ несетъ?
Аккорды стройные твой чуткій слухъ терзаютъ;
Но ихъ гармонія—лишь ласковый упрекъ.
Они, звуча въ одно, тебѣ напоминаютъ,
Что, внѣ гармоніи земной, ты одинокъ.
Ты слышалъ ли, какъ двѣ струны, въ согласномъ строѣ,
Свободно льющейся мелодіей звучатъ?
Такъ и отецъ, и мать, и ихъ дитя, всѣ трое,
Одну и ту же пѣснь въ сердцахъ своихъ таятъ;
И говорятъ тебѣ нѣмые звуки эти:
Кто одинокъ—того, какъ будто, нѣтъ на свѣтѣ.

В. Лихачовъ.

9.

Не страхъ ли, что вдову ты здѣсь въ слезахъ покинешь,
Тебя принудилъ дать безбрачія обѣтъ?
Напрасно! Если ты отъ насъ бездѣтнымъ сгинешь,
Вдовою по тебѣ останется весь свѣтъ.
Онъ, какъ вдова, о томъ скорбѣть и плакать станетъ,
Что отпечатокъ твой утраченъ для него;
Вдова же, въ дѣтскіе глазенки только взглянетъ,
Вновь обрѣтетъ черты супруга своего.
Не разоряетъ міръ добытыхъ благъ возврата:
Самъ промотаешься—другихъ обогатишь;
Но изжитой красѣ нѣтъ на землѣ возврата:
Растратишь безъ толку—весь міръ красы лишишь.
Движеніямъ любви то сердце непокорно,
Которое себя изводитъ такъ позорно.

В. Лихачовъ.

10.

Сознайся—стыдъ и срамъ!—собою беззаботно
Пренебрегая, ты не любишь никого;
Другимъ себя любить позволишь ты охотно,
Но тщетно ждать любви отъ сердца своего.
Питаешь къ людямъ ты такое отвращенье,
Что даже возстаешь на самого себя,
И сокрушить готовъ прекрасное строенье,
Которое хранить обязанъ ты любя.
Одумайся, чтобъ могъ и я сказать иное;

Краса лишь для любви должна служить
жильемъ:
Гдѣ доброта въ лицѣ, тамъ кстати ль сердце
злое?
Хоть самому себѣ не будь лихимъ врагомъ!
Хоть для меня, прошу, создай еще такого,
Въ которомъ видѣть бы я могъ тебя
второго!

В. Лихачовъ.

11.

Какъ вянуть будешь ты день ото дня, такъ
будешь
День ото дня цвѣсти ты въ отпрыскѣ своемъ;
Ту кровь, что въ юности отдать себя при-
нудишь,
Своею назовешь, самъ ставши старикомъ.
Вотъ, въ чемъ и разумъ нашъ, и красота,
и сила;
А внѣ—безуміе, безсилье, вѣчный мракъ:
Тогда и время бы свой ходъ остановило,
И родъ людской тогда не вдолгѣ бы изсякъ.
Кто на землѣ рожденъ не для продленья
рода,
Уродливъ, грубъ, суровъ,—тотъ гибни безъ
слѣда;
Но, видя, какъ щедра къ избранникамъ
природа,
Дары ея сберечь ты долженъ навсегда:
На то въ тебѣ и знакъ ея печати явленъ,
Чтобъ міру въ оттискахъ былъ подлин-
никъ оставленъ.

В. Лихачовъ.

12.

Часовъ ли мѣрные удары я считаю,
За днемъ ли, тонущимъ во тьмѣ ночной,
слѣжу,
Съ земли увядшую ль фіалку поднимаю,
На кудри ль въ сѣдинѣ серебряной гляжу,
Иль вижу съ тощими, безъ зелени, вѣтвями
Деревья, въ лѣтній зной убѣжище для стадъ,
Иль, безобразными бѣлѣя бородами,
Поблекшихъ травъ копны передо мной
лежатъ,—
Въ раздумьи о тебѣ исполненъ я заботы,
Что и тебя, въ твой часъ, раздавитъ бремя
лѣтъ:
Урочной смерти всѣ обречены красоты—
И ихъ напутствуетъ другихъ красотъ рас-
цвѣтъ;
Отъ Старца грознаго, съ его косой не
сытой,
Одно потомство намъ лишь можетъ
быть защитой.

В. Лихачовъ.

13.

О, если бъ ты собой остался! Но, безцѣнный,
Не больше, чѣмъ живешь, ты можешь быть
собой;
Спѣши, пока душа еще въ одеждѣ бренной,
Другому передать прекрасный обликъ свой.
На срокъ лишь получилъ ты ссуду красотою;
Въ безсрочную бъ тогда ты обратилъ ее
И послѣ смерти бы своей вновь сталъ собою:
Твой сынъ бы сохранилъ подобіе твое.
Кто опрометчиво допуститъ до крушенья
Свой домъ, имѣя въ немъ надежнѣйшій
оплотъ
Отъ леденящаго безвременно вторженья
Губительной зимы? Кто жъ больше, какъ
не мотъ!
Былъ у тебя отецъ: мой милый, отчего же
И сыну твоему не говорить того же?

В. Лихачовъ.

14.

Не по звѣздамъ небесъ дано мнѣ жизнь
читать;
А все же думается мнѣ: я астрологъ.
Не то, чтобъ горе могъ, иль радость
предсказать,
Чтобы, предвидѣть моръ, погоду, голодъ
могъ!
Мнѣ не подъ силу знать и быстрый ходъ
минутъ,—
Дождемъ, или грозой ихъ мощный рокъ
снабдитъ,
Властитель будетъ-ли онъ счастливъ тамъ
иль тутъ—
О томъ небесный сводъ мнѣ мало говоритъ!
Я черпалъ мысль мою лишь изъ твоихъ очей:
По звѣздамъ тѣхъ очей я мысленно читалъ,
Что вѣрность и краса въ твоихъ дѣтей
пройдутъ,
Лишь отъ тебя пройдутъ; въ тебѣ я ихъ
сыскалъ...
А ежели не такъ, то, правды не тая,
Красѣ и вѣрности смерть предвѣщаю я!

К. Случевскій.

15.

Когда я вижу,—каждое растенье
Лишь краткое мгновеніе цвѣтетъ,
И высшій мигъ прекраснаго цвѣтенья—
Вліянье звѣздъ и внѣшній переходъ;
Когда я вижу,—родъ людской живетъ,
Какъ злакъ полей, исполненъ самомнѣнья,
И падаетъ съ обманчивыхъ высотъ
Въ пустыню пропасть смерти и забвенья;
Тогда отъ нихъ, съ томительною думой

Я на тебя переношу свой взоръ.
Ты юнъ, а время съ тлѣніемъ. какъ воръ,
Готово ночью мрачной и угрюмой
Смѣнить твой день. Но я стремлюсь, любя,
Отвоевать у времени тебя.

А. Ѳедоровъ.

16.

Но почему въ борьбѣ съ слѣпыхъ тираномъ
Не ищешь ты надежнаго пути?
Тебя летучимъ рифмамъ не спасти.
Ты чувствуешь себя теперь тираномъ:
Ты счастливъ; ты въ саду благоуханномъ
Цвѣты души заботливо взрасти;
Въ нихъ образъ твой; въ портретѣ не найти
Такого сходства съ обликомъ желаннымъ.
Вся жизнь твоя вольется въ тѣ черты.
Ея нельзя передъ глазами свѣта
Ни передать въ созвучіяхъ сонета,
Ни въ краскахъ, полныхъ дивной красоты.
Но, жертвуя собой, воскреснешь ты
Въ своихъ твореньяхъ съ славою поэта.

А. Ѳедоровъ.

17.

Повѣрятъ ли когда моимъ стихамъ,
Тебѣ хвалу поющимъ вдохновенно?
Они – лишь склепъ, гдѣ хороню я самъ
То, что въ тебѣ сіяетъ неизмѣнно.
Когда-бъ я могъ сложить свой гимнъ смиренно
Твоей красѣ и пламеннымъ очамъ,—
Сказало-бы потомство: „лжетъ онъ самъ:
То—ликъ небесъ, а на землѣ все тлѣнно".
И желтые отъ времени листки
Возбудятъ только смѣхъ, какъ старики
Болтливые, въ которыхъ толку мало.
Мой стихъ сочтутъ за строфу мадригала.
Но будь твое созданіе въ живыхъ,—
Ты въ немъ безсмертенъ и въ стихахъ моихъ.

А. Ѳедоровъ.

18.

Я съ лѣтнимъ днемъ сравнить тебя готовъ,
Но онъ не столь безоблаченъ и кротокъ;
Холодный вѣтеръ не щадитъ цвѣтовъ,
И жизни лѣтней слишкомъ срокъ коротокъ:
То солнце насъ палящимъ зноемъ жжетъ,
То ликъ его скрывается за тучей...
Прекрасное, какъ чудный сонъ, пройдетъ,
Коль повелитъ природа или случай,
Но никогда не можетъ умереть
Твоей красы плѣнительное лѣто,
Не можетъ смерть твои черты стереть
Изъ памяти забывчиваго свѣта.
Покуда кровь кипитъ въ людскихъ сердцахъ,
Ты не умрешь въ моихъ живыхъ стихахъ.

С. Ильинъ.

19.

О время! Когти льва, чуть старъ, тупи нещадно,
Земныя существа землѣ и предавай,
У тигра зубы рви изъ пасти кровожадной
И феникса въ крови его же сожигай;
Чредою лѣтъ и зимъ надъ міромъ пролетая,
Будь міру вѣстникомъ и радостней и бѣдъ,
Рази красу, когда поникнетъ, увядая,—
На преступленье лишь одно тебѣ запретъ:
Попутно не клейми зловѣщими чертами
Прекрасное чело любимца моего;
Какъ образецъ красы, грядущимъ вслѣдъ за ними
Въ наслѣдіе оставь не тронутымъ его.
А повредишь ему—я этотъ вредъ поправлю
И друга юношей въ стихахъ своихъ прославлю.

В. Лихачовъ.

20.

Прекрасный женскій ликъ природой вдохновенной
Тебѣ души моей царю-царицѣ данъ;
Какъ женщина, таишь ты въ сердцѣ драгоцѣнный
Источникъ нѣжности,—но чуждъ ему обманъ;
Правдивые глаза сіяютъ женскихъ ярче
И кроютъ блескомъ все, на что устремлены;
Мужъ позавидуетъ, что твой румянецъ жарче:
Ты мука для него и гибель для жены.
Природа женщиной задумала сначала
Тебя создать; но ты плѣнилъ ее собой—
И у меня она тебя отвоевала,
Вооруживъ совсѣмъ ненужной мнѣ красой.
Такъ пусть любовь твоя послужитъ мнѣ наградой,
А женщинамъ краса останется усладой.

В. Лихачовъ.

21.

Ни мало не влечетъ меня къ себѣ та лира,
Что вдохновляется искусственной красой
И, ослѣпленная сіяніемъ кумира,
Поетъ избранницу восторженной хвалой,

Въ порывѣ дерзостномъ ее уподобляя
То солнцу, то лунѣ, то первенцамъ-цвѣтамъ,
И все прекрасное на помощь призывая,
Что небо и земля являютъ щедро намъ.
Тому, кто въ пѣсняхъ лжи, какъ и въ любви, не знаетъ,
Повѣрьте, что его прелестный другъ ни въ чемъ
Прелестнѣйшимъ сынамъ земли не уступаетъ,
Хотя небеснаго сіянья нѣтъ на немъ;
Пускай усердствуютъ лжецы напропалую,
А я вѣдь пѣснями своими не торгую.

О. Лихачовъ.

22.

Что старъ я, зеркало меня въ томъ не увѣритъ,
Пока ты съ юностью ровесникъ; но, когда
Свой путь крылатое морщинами отмѣритъ
И на твоемъ лицѣ,—повѣрю я тогда.
Твоею прелестью одѣлъ, какъ пеленою,
Я сердца своего завѣтныя мечты;
Оно—въ твоей груди, твое же взято мною:
Могу ли постарѣть я ранѣе, чѣмъ ты?
Побереги жъ себя, и ибо мнѣ радѣя,
Какъ буду я беречь себя изъ-за тебя,
Сокровище, въ груди хранимое, лелѣя
Съ неменьшей нѣжностью, чѣмъ нянюшка—дитя.
Не думай, что, когда мнѣ смерть закроетъ вѣки,
Ты сердца сохранишь: я взялъ его на вѣки.

В. Лихачовъ.

23.

Какъ роль свою, робѣя, забываетъ
Актеръ на сцену въ первый разъ вступивъ,
Какъ въ гнѣвѣ насъ невольно силъ лишаетъ
Чрезмѣрно сильный ярости приливъ,—
Такъ я, изъ страха, что не дашь ты вѣры
Словамъ любви, самъ забываю ихъ,
И рѣчь моя слабѣетъ, хоть безъ мѣры
Сильна любовь: превыше силъ моихъ!
Дозволь же книгъ моихъ цвѣтистой рѣчи
Быть толмачемъ нѣмымъ любви моей:
Она достойна, вѣрю, лучшей встрѣчи,
Чѣмъ рѣчь изъ устъ, столь блѣдная предъ ней!
Пойми, что въ книгѣ страсть безмолвно пишетъ:
Разумная любовь очами слышитъ!

Н. Холодковскій.

24.

Художникомъ мой глазъ внезапно сталъ, въ груди
На сердцѣ начертавъ твое изображенье.
Я рамой для него служу и, погляди,
Какое полное даетъ онъ впечатлѣнье!
Коль хочешь ты взглянуть на точный свой портретъ,
Чрезъ самого творца проникни въ мастерскую;
Она въ груди моей; какъ въ окна, яркій свѣтъ
Шлетъ солнце чрезъ глаза твои во тьму ночную.
Обязаны глаза услугою глазамъ:
Моими—въ сердцѣ ликъ начертанъ твой,—и тамъ
Твои глаза глядятъ мнѣ въ грудь, и какъ въ оконце,
Увидя образъ твой, сквозь нихъ смѣется солнце.
И все-жъ рисуетъ глазъ лишь то, что видитъ онъ,—
А душу познавать возможности лишенъ!

В. Мазуркевичъ.

25.

Пускай обласканный счастливою звѣздою
Гордится титуломъ и блескомъ славныхъ дѣлъ,
А мнѣ, лишенному даровъ такихъ судьбою,
Мнѣ почесть высшая досталася въ удѣлъ.
Любимцы королей, какъ ноготки, хвастливо
Подъ солнцемъ царственнымъ вскрываютъ лепестки,
Но въ ихъ гордынѣ—смерть... Одинъ лишь взглядъ—и живо
Теряютъ пышный видъ минутные цвѣтки.
Герои многихъ битвъ, увѣнчанные славой,
Изъ книги почестей исчезнутъ безъ слѣда,
И блескъ былыхъ побѣдъ утратятъ навсегда,
Разбитые хоть разъ врагомъ въ борьбѣ кровавой.
Но я любимъ, любя, и жребій мой цѣню:
Онъ не измѣнитъ мнѣ, и я не измѣню.

В. Мазуркевичъ.

26.

У совершенствъ твоихъ я въ рабскомъ подчиненьѣ,
И вотъ пишу письмо тебѣ, владыка думъ,
Затѣмъ, чтобъ доказать мое расположенье,
А вовсе не затѣмъ, чтобъ выказать мой умъ.
Привязанность моя такъ велика, что словомъ
Не выразитъ ея разсудокъ бѣдный мой;
Любовь моя нага,—одѣнь ее покровомъ,
И, снисходя ко мнѣ, въ душѣ своей укрой.

Придетъ пора, когда звѣзда моя въ сіяньѣ
Опуститъ на меня свой благосклонный взглядъ,
И этимъ привлечетъ ко мнѣ твое вниманье,
Даря нагой любви приличный ей нарядъ.
Тогда то прозвучатъ любви моей признанья!
До тѣхъ-же поръ бѣжать я буду испытанья!

В. Мазуркевичъ.

27.

Я въ мирномъ снѣ ищу успокоенья
Отъ будничныхъ заботъ и суеты,
Напрасно все. Не спитъ воображенье;
Спокойно тѣло,—бодрствуютъ мечты.
Онѣ къ тебѣ стремятся, другъ далекій,
Широкою и властною волной.
Застлалъ мнѣ взоръ полночи мракъ глубокій,
Какъ взоръ слѣпого, черной пеленой.
Но я не слѣпъ. Передо мной витаетъ
Твой милый образъ, Освѣщая ночь,
Онъ какъ звѣзда во тьмѣ ея блистаетъ,
Съ ея лица морщины гонитъ прочь.
Итакъ, днемъ члены отдыха не знаютъ,
А ночью мысли къ другу улетаютъ.

С. Ильинъ.

28.

Могу-ли я теперь извѣдать счастье снова,
Лишенный отдыха и благостнаго сна,
Коль ночью бремя дня гнететъ меня сурово,
А днемъ—ночной тоской душа удручена.
Враждуютъ съ давнихъ поръ и день и ночь другъ съ другомъ,
Но въ заговоръ они вступили межъ собой.
Чтобъ истерзать меня томительнымъ недугомъ,—
Одинъ—работою, другая-же—тоской.
Тоской о томъ, что я стремлюсь съ тебѣ напрасно,
И говорю я дню,—коль солнца въ небѣ нѣтъ,
То вмѣсто солнца, ты средь тучъ сіяешь ясно,
А ночи,—что во тьмѣ звѣздой ты льешь свой свѣтъ.
Но ежедневно день гнететъ меня работой
И еженощно ночь томитъ меня заботой.

В. Мазуркевичъ.

29.

Отвергнутый людьми, отвергнутый судьбою,
Оплакиваю я удѣлъ печальный мой,
Тревожу небеса безплодною мольбою
И, глядя на себя, кляну свой жребій злой.
Завидуя тому, кто полонъ упованья,
Я жажду хоть на мигъ зажечь въ душѣ моей
Стремленья одного пожеланья,
Имѣть черты того, иль этого—друзей.
За эту мысль порой себя я презираю,
Но греза о тебѣ бодритъ тогда меня,
И съ пѣсней радостной душой я улетаю,
Какъ жавронокъ, съ земли въ лазурь, къ сіянью дня.
И не отдамъ любви, тобою вдохновенной,
За долю свѣтлую властителя вселенной.

В. Мазуркевичъ.

30.

Когда наединѣ я мыслью пробѣгаю
Тяжелой длинный рядъ пережитыхъ потерь,
О сколькихъ близкихъ мнѣ я тяжело вздыхаю,
О сколькихъ радостяхъ, несбыточныхъ теперь.
И плачу я о тѣхъ, кто въ холодѣ могилы
Нашелъ себѣ покой отъ жизненныхъ скорбей
И снова предо мной исполненные силы
Встаютъ знакомые мнѣ образы людей.
И снова предо мной мои воспоминанья,
И безконечный рядъ пережитыхъ невзгодъ
И слезы прошлыя и прошлыя страданья,
Я съ вами вновь свожу нашъ позабый счетъ,
И если въ этотъ мигъ тебя я вспоминаю,
Забыто прошлое, я слезы отираю.

Графъ Ив. Мамуна.

31.

Твоя пріяла грудь всѣ мертвыя сердца;
Ихъ въ жизни этой нѣтъ, я мертвыми ихъ мнилъ;
И у тебя въ груди любви ихъ нѣтъ конца;
Въ ней всѣ мои друзья, которыхъ схоронилъ.
Надгробныхъ пролилъ я близъ мертвыхъ много слезъ,
Передъ гробами ихъ какъ дань любви живой!
Благоговѣйно имъ, умершимъ, въ дань принесъ;
Они теперь въ тебѣ, они живутъ съ тобой.
И смотришь ты теперь могилою живой,
На ней и блескъ, и свѣтъ скончавшихся друзей,
Я передалъ ихъ всѣхъ душѣ твоей одной,
Что многимъ я давалъ, то отдалъ только ей.
Ихъ лики милые въ себѣ объединя,
Имѣешь также ты своимъ—всего меня!

К. Случевскій.

32.

Когда въ блаженный часъ отъ жизни отойду,
И ты переживешь меня и невзначай
Прочтешь мои стихи, что въ римфу я кладу,
Ты неумѣлости стиха не замѣчай!
Съ годами уровень людскихъ умовъ растетъ;
Писанья лучшія въ законный срокъ придутъ!
Но ты люби мой страхъ; вѣдь въ немъ любовь живетъ,
Любовью, мнится мнѣ, меня не превздойдутъ!
И въ благосклонности къ нему скажи скорѣй,
Что если бъ я, твой другъ, я былъ еще въ живыхъ,
И дожилъ до иныхъ, на много лучшихъ дней—
То сталъ бы я писать не хуже всѣхъ другихъ.
Когда бъ не умеръ я, твой другъ, я лучше бъ сталъ—
Они стихомъ берутъ, а я любовью взялъ!

К. Случевскій.

33.

Не разъ я видѣлъ, какъ восходъ багряный
Вершины горъ властительно ласкалъ,
И цѣловалъ зеленыя поляны,
И въ блѣдныхъ рѣчкахъ золотомъ сверкалъ;
Иль солнца ликъ блестящій, ярче злата,
Покрову тучъ давалъ себя затмить
И, крадучись, незримый, до заката
Старался взоръ свой недовольный скрыть.
Такъ для меня въ часъ утренній, ликуя,
Сіяло солнце сердца моего,—
Увы, на краткій часъ! Съ тѣхъ поръ, тоскуя,
За мглою тучъ не вижу я его...
Что-жъ! Солнце неба меркнетъ столь безславно
Предъ тучами: земное—и подавно.

Н. Холодковскій.

34.

Зачѣмъ обѣщанъ былъ мнѣ свѣтлый, ясный день
И безъ плаща тобой я посланъ былъ въ дорогу?
Затѣмъ ли, чтобы тучъ суровыхъ злая тѣнь
Затмила образъ твой, будя въ душѣ тревогу?
Мнѣ мало, коль твой взоръ обсушитъ сквозь туманъ
Дождь на лицѣ моемъ, омоченномъ грозою...
На что лѣкарство мнѣ, полезное для ранъ,
И все жъ безсильное надъ скорбью и тоскою!
Раскаянье твое, участіе и стыдъ
Не могутъ даровать желанное забвенье...
Тѣмъ, кто несетъ, какъ я, тяжелый крестъ обидъ,
Печаль обидчика—плохое утѣшенье.
Но плачешь ты, любя, и жемчугъ этихъ слезъ
Искупитъ все, что я страдая, перенесъ.

В. Мазуркевичъ.

35.

О томъ, что сдѣлано, напрасно не тоскуй!
У розы есть шипы, есть тучи въ небѣ чистомъ,
Есть тина въ глубинѣ рѣчныхъ, прозрачныхъ струй,
Гнѣздится гадкій червь порой въ цвѣткѣ душистомъ.
Ошибки всѣмъ сродни—и ошибаюсь я,
Стараясь подыскать подобныя сравненья.
Чтобъ только какъ нибудь мнѣ оправдать тебя,—
И большія готовъ простить я прегрѣшенья.
Я чувственность хочу разсудкомъ объяснить;
Твой обвинитель сталъ твоимъ же адвокатомъ,
И въ тяжбу самъ съ собой я вынужденъ вступить.
Такъ въ сердцѣ, горечью и злобою объятомъ
Любовь и ненависть ведутъ немолчный споръ.
Ограбившій меня,—любимый милый воръ.

В. Мазуркевичъ.

36.

Позволь мнѣ сознавать, что мы съ тобой вдвоемъ
Любовью связаны и чувствами едины;
Но пусть пятно стыда лежитъ на мнѣ одномъ,
А ты храни себя отъ горя и кручины.
Хотя враждебный намъ неумолимый рокъ
Не въ силахъ наложить на чувства наши путы,
Но все же крадетъ онъ—безжалостно жестокъ,
У счастія любви блаженныя минуты.
Я буду молчаливъ: съумѣю уберечь
Любовь мою къ тебѣ отъ вражескаго взора,
И ты скрывай ее отъ всѣхъ, чтобъ не навлечь
Напрасно на себя упрековъ и позора.
Я такъ тебя люблю, что даже мысль одна
О томъ, что свѣтъ тебя осудитъ, мнѣ страшна.

В. Мазуркевичъ.

37.

Подобно старику, глядящему съ отрадой
На сына бодраго въ расцвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Униженный судьбой, считаю я усладой
Привязанность твою и дружескій привѣтъ.
Умъ, знатность, красота, богатство—все съ тобою!
Все то, что назвалъ я, и даже, можетъ быть,
Я большія въ тебѣ достоинства открою,
Чтобъ и любовь мою къ нимъ также пріобщить.
Тогда не буду я ни бѣденъ, ни униженъ;
Замѣтенъ и богатъ защитою твоей,
Какъ къ солнцу, къ твоему величію, приближенъ,
Я буду озаренъ огнемъ твоихъ лучей.
Вотъ почему въ тебѣ ищу я совершенства,—
Оно послужитъ мнѣ источникомъ блаженства.

В. Мазуркевичъ.

38.

У музы ли моей не хватитъ для стиховъ
Предмета, если ты даруешь имъ дыханье,
Настолько чудное, что для простыхъ листовъ
Бумаги тягостно такое содержанье?
О, благодарна будь себѣ, себѣ одной
Когда въ моихъ стихахъ ты что нибудь отмѣтишь,
И кто настолько нѣмъ, чтобы не пѣть со мной,
Когда сама какъ мысль высокая ты свѣтишь?
Десятой музой будь, будь выше въ десять разъ
Тѣхъ старыхъ девяти знакомыхъ всѣмъ поэтамъ
И пѣсни чудныя внуши имъ въ добрый часъ,
Чтобы не старались тѣ пѣсни въ мірѣ этомъ.
Пусть съ музой слабою стяжалъ успѣхъ и я,
Здѣсь трудъ созданья мой, а слава вся твоя.

Лейтенантъ С.

39.

О, какъ же я тебя достойно воспою,
Когда ты часть моя и лучшая, я знаю?
И какъ я оцѣнить могу хвалу мою
Когда, хваля тебя, себя я восхваляю?
Хотя бы для того намъ лучше врозь дышать,
Чтобъ не смыкались мы любви единымъ кругомъ,
Разлука, можетъ быть, поможетъ мнѣ воздать
То, что воздать тебѣ возможно по заслугамъ.
Какимъ мученіемъ была бъ, разлука, ты,
Когда бы твой досугъ безмолвный и унылый
Не оставлялъ свободу для мечты?
Съ ней часъ невидимо проходитъ легкокрылый,
И ты, разлука, вновь двоихъ разъединя,
О томъ даешь мнѣ пѣть, что не вблизи меня.

Лейтенантъ С.

40.

Возьми себѣ все то, что я люблю, мой другъ!
Но къ прежнему всему не много то прибавитъ:
Вѣдь, все, что могъ бы дать тебѣ любви досугъ,
Уже давно тебя и нѣжитъ, и забавитъ.
Я не могу сердиться на тебя,
Что ты въ дѣлахъ любви владѣешь лучшей долей;
Но грѣхъ тебѣ, когда, влекомый злою волей,
Берешь, что послѣ прочь бросаешь отъ себя
Я извиню тебѣ покражу, похититель,
Когда ты оберешь и всю мою обитель,
Хотя щипки любви бываютъ тяжелѣй
Всей желчности людской и ярости ихъ всей.
О, сладострастье, зло златящее лучами,
Убей меня, но быть не можемъ мы врагами!

Н. Гербель.

41.

Грѣхи любви, что совершаешь ты,
Изъ сердца вырвавъ образъ мой влюбленный,
Естественны для юной красоты,
Со всѣхъ сторонъ соблазномъ окруженной.
Красивъ ты: ласки нравятся твои;
Ты нѣженъ—ты поддашься обольщенью.
И если ищетъ женщина любви,
Сынъ женщины-льотвѣтитъ ей презрѣньемъ?
Но все таки будь сдержаннѣй порой.
Брани красу и сердца легковѣрность,
Ты вовлеченъ вѣдь ими въ грѣхъ двойной,
И знай, ты дважды нарушаешь вѣрность:
Ея—красой своею соблазня,
Свою-же тѣмъ, что позабылъ меня.

Пл. Красновъ.

42.

Она твоя—я не о томъ горюю,
Хотя люблю ее я горячо.
Что ты ея,—объ этомъ слезы лью я:
Тебя утратить мнѣ больнѣй еще.
Измѣнники! васъ все-жъ я извиняю.
Ты полюбилъ ее за то, что я
Ее люблю; она-жъ, тебя лаская,
Нѣжна къ тебѣ, конечно, для меня.
Тебя утрачу—выигрышъ подруги;
Утрачу ли ее—ты пріобрѣлъ.
Теряю я; но вы нашли другъ друга,
И ради васъ мнѣ крестъ мой не тяжелъ.
Вѣдь другъ и я—одно, и я лелѣю
Въ душѣ мечту, что я любимъ лишь ею.

Пл. Красновъ.

43.

Закрывъ глаза мои, міръ лучшій вижу я:
Я цѣлый день людей лишь чуждыхъ мнѣ встрѣчаю,
Во снѣ же, дивномъ снѣ, гляжу я на тебя
И взоръ мой пламенный въ мракъ ночи устремляю.
О ты, чьей тѣнью тьма ночей озарена,
Чья тѣнь невидящимъ очамъ блеститъ привѣтомъ,
Какой счастливый блескъ придала бы она
Сіянью дня своимъ могучимъ свѣтомъ!
О какъ бы восхитилъ меня твой яркій свѣтъ,
Когда бы на тебя взглянулъ я въ день веселый,
Коль и во тьмѣ ночей твой легкій силуэтъ
Рисуется слѣпымъ очамъ сквозь сонъ тяжелый!
Мрачнѣе ночи день, пока ты не со мной,
И ночь свѣтлѣе дня, коль снится образъ твой.

Н. Брянскій.

44.

Когда бы мыслью плоть была моя—
Не зналъ бы я преграды разстоянья!
На зло ему тогда къ тебѣ бы я
Изъ дальнихъ странъ примчался на свиданье!
Пусть отъ тебя въ далекой сторонѣ
Я отдѣленъ морями и землею:
Проворна мысль! и ей легко вполнѣ
Летѣть туда, гдѣ хочетъ быть съ тобою.
Но мысль, что я не мысль,—меня гнететъ,
Что не могу я въ даль переноситься,
Но, какъ дитя, увы! земли и водъ,
Я обреченъ лишь плакать и томиться.
И, кромѣ горькихъ слезъ, нѣтъ ровно ничего
Отъ грубыхъ тѣхъ стихій для горя моего.

Н. Брянскій.

45.

Другія двѣ стихіи, гдѣ бы я
Ни находился—тѣ всегда съ тобою:
То воздухъ—мысль моя, огонь—любовь моя,
Онѣ, свободныя, несутся съ быстротою.
Когда же отъ меня онѣ умчатся въ даль
Къ тебѣ, красавица, съ привѣтомъ страсти нѣжной,
Безъ этихъ двухъ стихій одна печаль
Мнѣ суждена, да гнетъ тоски безбрежной,
И я—мертвецъ; но лишь онѣ назадъ
Ворнутся вновь—и съ ними жизнь вернется!
Вѣсть добрую о милой сообщатъ
И сердце радостью зажжется.
Но я спѣшу къ тебѣ ихъ снова отослать,
И грустенъ, и унылъ вмигъ становлюсь опять.

Н. Брянскій.

46.

Глаза и сердце полны пререканья—
Какъ совершить дѣлежъ красы твоей:
Отъ сердца очи право созерцанья
Хотятъ отнять, а сердце отъ очей.
Твой образъ сердце сохранять желаетъ,
Чтобъ въ тайникѣ отъ глазъ скрывался онъ,
Противникъ же то право отрицаетъ,
Твердя, что въ немъ твой образъ отраженъ!
Чтобъ споръ рѣшить, свершенье приговора
Я поручилъ собранью думъ моихъ;
Вотъ что присуждено, согласно мнѣнью ихъ,
На долю сердца, и на долю взора:
Во власть глазамъ твой внѣшній отданъ видъ,
А сердцу—внутренній твой міръ принадлежитъ.

Н. Брянскій.

47.

Союзъ съ глазами сердце заключило—
Всегда, во всемъ другъ другу помогать,
Коль алчетъ взоръ увидѣть образъ милый
Иль сердце отъ тоски начнетъ вздыхать.
Коль твой портретъ глаза мои чаруетъ,
То сердце дѣлитъ съ ними этотъ пиръ,
У сердца очи въ свой чередъ пируютъ,
Какъ полнъ тобой его мечтаній міръ.
Какъ твой портретъ, моя любовь связала
Насъ цѣпью неразрывною съ тобой.
Вѣдь не уйдешь моихъ ты мыслей далѣ;
Ты, значитъ, въ нихъ; онѣ жъ всегда со мной.
И даже если сплю, твой образъ дивный
Чаруетъ взоръ и сердце непрерывно.

Пл. Красновъ.

48.

Сбираясь въ путь далекій, я убралъ
Всѣ вещи, что не взялъ съ собою вмѣстѣ,
И чтобы воръ ихъ дерзкій не укралъ,
Ихъ заперъ подъ замокъ въ недежномъ мѣстѣ.
Ты-жъ лучшее сокровище мое,—
Мое блаженство и мое мученье,—
Въ сравненьи съ чѣмъ все прочее ничто,
Оставлено ворамъ на расхищенье.
Не заперъ я на ключъ, въ сундукъ, тебя...

Лишь тамъ, гдѣ нѣтъ тебя и все жъ ты вѣчно,—
Въ груди моей,—храню тебя любя.
И можешь ты уйти отсель безпечно...
Ахъ, могутъ у меня тебя украсть;
Изъ-за тебя и честный можетъ пасть.

Пл. Красновъ.

49.

Съ порою той—не дай ей Богъ настать!—
Когда, мои увидѣвъ недостатки,
Меня начнешь ты строго осуждать,
Любовь свою истративъ безъ остатка;—
Съ порою той, когда ты отвратишь
Свой солнце-взоръ, когда-то благосклонный,
Любовь свою въ презрѣнье обратишь,
Найдешь къ холодности предлогъ законный;—
Съ порою тою нынѣ я борюсь,
Грѣхи свои заранѣ признавая.
На судъ тебѣ охотно отдаюсь
И правоту твою благословляю.
Имѣешь право ты меня забыть:
Вѣдь нѣтъ причинъ тебѣ меня любить.

Пл. Красновъ.

50.

Свой дальній путь свершаю я лѣниво,
Вѣдь отдыхъ, что меня въ концѣ его
Манитъ,—я знаю,—мнѣ шепнетъ тоскливо:
„Ахъ, сколько миль до друга твоего!“
Едва плетется конь, моей печалью,
Какъ тяжестью какой-то, утомленъ,
Какъ будто чуетъ онъ, что этой далью,
Что между насъ растетъ,—я удрученъ.
Въ бока его я шпоры не вонзаю,
И если сгоряча толкну ногой,
То стону тяжкому коня внимаю
Съ такою же болѣзненной тоской.
Напомнитъ онъ, что ждетъ меня томленье,
Что позади и жизнь, и наслажденье...

Пл. Красновъ.

51.

Любовь прощаетъ медленность коня,
Когда съ тобой я долженъ разлучаться,
Зачѣмъ спѣшить? Что можетъ гнать меня?
Спѣшить пора, какъ буду возвращаться.
Тутъ извиненій конь мой не найдетъ...
Все будетъ мнѣ медлительнымъ казаться.
Отъ шпоръ моихъ и вѣтеръ не уйдетъ,
Когда бъ я на спинѣ его могъ мчаться.
Коню-ль мои желанія догнать?
Должно меня нести любви стремленье;
Не можетъ плоть за нею поспѣвать,—
И вотъ коню находитъ извиненье
Любовь: едва плелся онъ отъ тебя;
Пущу его и полечу любя.

Пл. Красновъ.

52.

Я—какъ богачъ, котораго приводитъ
Къ сокровищу завѣтный изъ ключей:
Смотрѣть свой кладъ не каждый часъ онъ ходитъ,
Чтобъ радость сдѣлать рѣже, но сильнѣй.
Такъ праздниковъ торжественныхъ веселье
Раздѣлено по рѣдкимъ днямъ въ году;
Такъ лучшіе изъ перловъ въ ожерельѣ
Нанизаны не сплошь въ одномъ ряду.
Такъ часто время и тебя скрываетъ,
Какъ рѣдкій перлъ иль праздничный нарядъ:
Тѣмъ слаще видѣть мнѣ тебя бываетъ!
Благодарить за все тебя я радъ.
Съ тобою быть—блаженство обладанья;
Тебя не видѣть—счастье ожиданья!

Н. Холодковскій.

53.

Скажи мнѣ, изъ чего ты, другъ мой, сотворенъ.
Что цѣлый рой тѣней причудливыхъ кидаешь?
Вѣдь каждый лишь одной здѣсь тѣнью наделенъ,
А ты вокругъ себя всѣхъ тѣни совмѣщаешь.
Адониса-ль фигуру начертать—
Получимъ бѣдное подобіе съ твоею;
Елену-ли какъ перлъ искусства изваять—
Въ одеждѣ греческой ты будешь сходенъ съ нею!
Ты въ образѣ твоемъ весну съ собой несешь,
А пышной зрѣлостью ты лѣто продставляешь;
Въ красѣ всѣхъ внѣшнихъ формъ черты твои найдешь,
Во всякомъ образѣ благомъ тебя узнаешь,
Но не сравниться никому съ тобой
Ни постоянствомъ сердца, ни душой.

Н. Брянскій.

54.

О, красота еще прекраснѣе бываетъ,
Когда огонь рѣчей въ ней искренность являетъ!
Прекрасенъ розы видъ, но болѣе влечетъ
Къ цвѣтку насъ ароматъ, который въ немъ живетъ.
Пышна царица горъ, лѣсовъ, садовъ и пашенъ,
Но и шиповникъ съ ней помѣрится на видъ:
Имѣетъ онъ шипы и листьями шумитъ

Не хуже, чѣмъ она, и въ тотъ же цвѣтъ
окрашенъ.
Но такъ какъ сходство ихъ въ наружности
одной,
То онъ живетъ одинъ, любуясь самъ собой,
И вянетъ въ тишинѣ; изъ розы-жъ добываютъ
Нѣжнѣйшіе духи, что такъ благоухаютъ.
Такъ будешь жить и ты, мой другъ, въ
моихъ стихахъ,
Когда твоя краса и юность будутъ—прахъ.

Н. Гербель.

55.

Ни гордому столпу, ни царственной гробницѣ
Не пережить моихъ прославленныхъ стиховъ,
И имя въ нихъ твое надежнѣй сохранится,
Чѣмъ на дрянной плитѣ, игралищѣ вѣковъ.
Когда война столпы и арки вкругъ низложитъ
И памятники въ прахъ разсыплются въборьбѣ,
Ни Марса мечъ, ни пылъ войны не уничтожатъ
Свидѣтельства, мой другъ, живого о тебѣ.
И, вопреки враждѣ и демону сомнѣній,
Ты выступишь впередъ—и похвала всегда
Съумѣетъ мѣсто дать тебѣ средь поколѣній,
Какія будутъ жить до страшнаго суда.
Итакъ, покамѣстъ самъ на судъ ты не предстанешь,
Въ стихахъ ты и въ глазахъ вѣкъ жить
не перестанешь.

Н. Гербель.

56.

Возстань, любовь моя! Вѣдь, каждый увѣряетъ,
Что возбудить тебя труднѣй, чѣмъ аппетитъ,
Который, получивъ сегодня все, молчитъ,
А завтра—чуть заря—протестъ свой заявляетъ.
Уподобись ему—и нынче же, мой другъ,
Скорѣй насыть глаза свои до пресыщенья,
А завтра вновь гляди и чувствомъ охлажденья
Не убивай въ себѣ любви блаженной духъ.
Пусть промежутокъ тотъ на то походитъ
море,
Что дѣлитъ берега, куда съ огнемъ во взорѣ
Является что день влюбленная чета,
Чтобъ жарче съ каждымъ днемъ соединять уста.
Иль уподобься ты днямъ осени туманнымъ,
Что дѣлаютъ возвратъ весны такимъ желаннымъ.

Н. Гербель.

57.

Твой вѣрный рабъ, я всѣ минуты дня
Тебѣ, о мой владыка, посвящаю.
Когда къ себѣ ты требуешь меня,
Я лучшаго служенія не знаю.
Не смѣю клясть я медленныхъ часовъ,
Слѣдя за ними въ пыткѣ ожиданья,
Не смѣю и роптать на горечь словъ,
Когда мнѣ говоришь ты: „до свиданья“.
Не смѣю я ревнивою мечтой
Слѣдить, гдѣ ты. Стою—какъ рабъ угрюмый—
Не жалуясь и полнъ единой думой:
Какъ счастливъ тотъ, кто въ этотъ мигъ
съ тобой!
И такъ любовь безумна, что готова
Въ твоихъ поступкахъ не видать дурного.

Валерій Брюсовъ.

58.

Избави Богъ, судившій рабство мнѣ,
Чтобъ я и въ мысляхъ требовалъ отчета,
Какъ ты проводишь дни наединѣ.
Ждать приказаній—вся моя забота!
Я твой вассалъ. Пусть обречетъ меня
Твоя свобода на тюрьму разлуки:
Терпѣніе, готовое на муки,
Удары приметъ, голову склоня.
Права твоей свободы—безъ предѣла.
Гдѣ хочешь, будь; располагай собой,
Какъ вздумаешь; въ твоихъ рукахъ всецѣло
Прощать себѣ любой проступокъ свой.
Я долженъ ждать,—пусть въ мукахъ изнывая,—
Твоихъ забавъ ничѣмъ не порицая.

Валерій Брюсовъ.

59.

Быть можетъ, правда, что въ былое время,—
Что есть,—все было; новаго—здѣсь нѣтъ,
И умъ, творя, безплодно носитъ бремя
Ребенка, раньше видѣвшаго свѣтъ.
Тогда, глядящія въ вѣка былые,
Пусть хроники покажутъ мнѣ твой ликъ,
Лѣтъ за пятьсотъ назадъ, въ одной изъ
книгъ,
Гдѣ въ письмена вмѣстилась мысль впервые.
Хочу я знать, что люди въ эти дни
О чудѣ внѣшности подобной говорили.
Мы стали ль совершеннѣй? иль они
Прекраснѣй были? иль мы тѣ жъ, какъ были?
Но вѣрю я: прошедшіе года
Такихъ, какъ ты, не знали никогда!

Валерій Брюсовъ.

60.

Какъ волны набѣгаютъ на каменья,
И каждая тамъ гибнетъ въ свой чередъ,
Такъ къ своему концу спѣшатъ мгновенья,
Въ стремленьи неизмѣнномъ—все впередъ!
Родимся мы въ огнѣ лучей безъ тѣни
И въ зрѣлости бѣжимъ; но съ той поры
Должны бороться противъ злыхъ затменій,
И время требуетъ назадъ дары.
Ты, Время, юность губишь безпощадно,
Въ морщинахъ искажаешь блескъ красы!
Все, что прекрасно, пожираешь жадно,
Ничто не свято для твоей косы.
И все жъ мой стихъ переживетъ столѣтья:
Такъ славы стоитъ, что хочу воспѣть я!

Валерій Брюсовъ.

61.

Твоей-ли волею тяжелыя рѣсницы
Я не могу сомкнуть во мглѣ нѣмыхъ ночей?
Ты-ль прерываешь сонъ, пославъ мнѣ вереницы
Похожихъ на тебя плѣнительныхъ тѣней?
И твой-ли духъ ко мнѣ летитъ въ ночи безмолвной,
Сгарая ревностью, не знающею сна,
Чтобъ бредъ подслушать мой, измѣны скрытой полный?
О нѣтъ, твоя любовь на это не властна.
Моя, моя любовь лишила сновидѣній
Усталые глаза, умчала мой покой;
Могучая, она какъ благодатный геній,
Какъ зоркій сторожъ твой—вездѣ, всегда со мной.
Твой миръ она хранитъ. А ты—по волѣ рока—
Такъ близко ты къ другимъ, такъ отъ меня далеко!

Ф. Червинскій.

62.

Владѣетъ мной порокъ самовлюбленья,
Мой духъ и плоть равно повинны въ немъ;
И нѣтъ тому пороку исцѣленья,
Такъ въ сердцѣ вкоренился онъ моемъ.
Мнѣ кажется, что нѣтъ лица чудеснѣй,
И что никто такъ дивно не сложенъ,
Что въ мірѣ всѣхъ я лучше и прелестнѣй—
Вотъ до чего я самъ въ себя влюбленъ.
Когда же въ зеркалѣ увижу я случайно
Себя изношеннымъ подъ бременемъ годовъ,
Пойму тогда, въ чемъ этой страсти тайна,
Что не ко мнѣ относится любовь,
Что не себя во мнѣ, тебя я восхваляю,
Красой твоей весны мой возрастъ украшаю.

Н. Брянскій.

63.

Чтобъ никогда предметъ моей любви
Не сталъ такимъ, какъ я, годами истомленный,
Въ морщинахъ на челѣ и съ холодомъ въ крови,
Чтобы совершивъ свой путь опредѣленный,
Не стали бы зимой весны его года,
Чтобъ солнце чаръ его не потускнѣло
И не зашло, похитивши съ собой
Его весны сокровища,—я смѣло
Борцомъ иду, поры противникъ той,
На встрѣчу старости сухой и безпощадной,
Чтобъ не скосить ничѣмъ, ни даже смертью жадной,
Красы твоей, мой другъ, изъ памяти людской.
Она средь этихъ строкъ, какъ сказочная фея,
Въ сонетахъ будетъ жить, цвѣтя и зеленѣя.

Н. Брянскій.

64.

Когда я вижу, какъ волшебные уборы
Срываетъ время съ древности сѣдой,
И башни рушатся, высокія какъ горы,
И въ рабствѣ мѣдь у ярости слѣпой;
Когда я вижу, какъ въ береговое царство
Врываясь, океанъ бушуетъ и реветъ,
Какъ алчная земля, исполнена коварства,
Захватываетъ сонмъ необозримыхъ водъ,
Какъ распадаются могучіе народы,
Какъ царства пышныя въ развалинахъ лежатъ—
Я скорбно думаю, что мстительные годы
Ее, мою любовь, отнимутъ и умчатъ.
О, эта мысль—какъ смерть! Не плакать я не въ силахъ,
Что все мнѣ близкое—все скроется въ могилахъ.

Ф. Червинскій.

65.

Ни море, ни земля, ни камень и ни сталь
Не въ силахъ отразить твои, о смерть, угрозы—
И красота-ли ихъ сильнѣе—красота-ль,
Чья такъ же власть слаба, какъ ландыша и розы?
Какъ можетъ устоять весенній вѣтерокъ
Предъ гибельной волной слѣпого урагана?
Пожретъ и сокрушитъ сѣдыхъ временъ потокъ
И сумрачный гранитъ и влагу океана.
Мучительная мысль! Безсиленъ человѣкъ
Спасти единый перлъ отъ васъ, нѣмые годы!

Какою силою остановить вашъ бѣгъ?
Кто помѣшаетъ вамъ губить красу природы?
На чудо лишь, мой другъ, ничтожно ихъ вліянье:
Чернила вѣчное дадутъ тебѣ сіянье.

Ф. Червинскій.

66.

Тебя, о смерть, тебя зову я, утомленный.
Усталъ я видѣть честь, поверженной во прахъ,
Заслугу—въ рубищѣ, невинность—оскверненной,
И вѣрность—преданной, и истину—въ цѣпяхъ.
Глупцовъ, гордящихся лавровыми вѣнками,
И обезсловленныхъ, опальныхъ мудрецовъ,
И дивный даръ небесъ, осмѣянный слѣпцами,
И злое торжество пустыхъ клеветниковъ.
Искусство—робкое предъ деспотизмомъ власти,
Безумья жалкаго надменное чело,
И силу золота, и гибельныя страсти,
И Благо—плѣнникомъ у властелина Зло.
Усталый, льнулъ-бы я къ блаженному покою,
Когда-бы смертный часъ не разлучалъ съ тобою.

Ф. Червинскій.

67.

О, для чего онъ будетъ жить безславно
Съ безчестіемъ, съ заразой и грѣхомъ!
Вступать въ союзъ и имъ служить щитомъ?
Зачѣмъ румяна спорить будутъ явно
Съ его румянцемъ нѣжнымъ и тайкомъ
Фальшивыхъ розъ искать себѣ тщеславно,
Когда цвѣтутъ живыя розы въ немъ?
Зачѣмъ теперь живетъ онъ своенравно,
Когда природа, обнищавъ, ему
Дала всю кровь, живетъ съ него доходомъ
И бережно лелѣетъ потому,
Что хвастаться желаетъ предъ народомъ,
Какихъ богатствъ хранилищемъ была,
Когда во дни счастливые цвѣла.

А. Ѳедоровъ.

68.

Его лицо—рисунокъ благородный
Минувшихъ дней, когда краса жила
И умирала, какъ цвѣтокъ природный:
Поддѣлка ей невѣдома была,
Сребристыхъ косъ съ покойницъ не брала
Себѣ она, чтобы прической модной
Украсить жизнь чужого имъ чела.
Но воскресилъ мой другъ красою сродной
Духъ древности. Онъ изъ весны чужой
Не создавалъ фальшиваго разцвѣта,
Онъ не творилъ надъ мертвыми разбой.
Храня его для гибнущаго свѣта,
Природа всѣмъ показываетъ въ немъ,
Что красотой считалося въ быломъ.

А. Ѳедоровъ.

69.

Въ глазахъ людей, то, что въ тебѣ сіяетъ,
Не требуетъ добавочныхъ красотъ.
Уста—душа народа, и народъ
Тебѣ хвалу правдивую слагаетъ.
Твоей красы и врагъ не отрицаетъ.
Но этотъ хоръ, что гимнъ тебѣ поетъ,
Глядитъ въ глубь души твоей, и вотъ
Ее твоимъ дѣяньемъ измѣряетъ.
И пышному цвѣтку, казня его
За то, что встрѣченъ лаской благосклонной,
Лишь запахъ плевелъ душный и зловонный
Они придать стремятся, оттого,
Что предъ красой твой ароматъ безспорно
Ничтоженъ: ты вѣдь выросъ безпризорно.

А. Ѳедоровъ.

70.

Пускай тебѣ сопутствуетъ глумленье,—
За красотой злословье вслѣдъ идетъ,
За прелестью, какъ воронъ злой, съ высотъ
Слѣдитъ зловѣщимъ окомъ подозрѣнье.
Чѣмъ лучше ты,—злословье, безъ сомнѣнья,
Язвитъ сильнѣй: червь любитъ нѣжный плодъ,
А твой разцвѣтъ прекрасенъ. Ты впередъ
Отважно шелъ чрезъ бездны искушенья
Въ дни юности и побѣдилъ. Но все жъ
Твоя побѣда гордая не можетъ
У зависти преступный вырвать ножъ!
Пусть подозрѣнье миръ твой не встревожитъ,
Тогда пріими властительный вѣнецъ
И будь владыкой царства всѣхъ сердецъ.

А. Ѳедоровъ.

71.

О, если я умру, не дольше слезы лей,
Чѣмъ длится будетъ звонъ суровый погребальный,
Когда онъ возвѣститъ, что злобный міръ печальный
Покинулъ я, уйдя въ обитель злыхъ червей.
При видѣ этихъ строкъ—покинь воспоминанье

О дружеской рукѣ, что начертала ихъ.
Я такъ тебя люблю, что и въ мечтахъ твоихъ
Я не желаю жить, коль принесетъ страданье
Тебѣ мысль обо мнѣ. О, да, скажу я вновь:
При видѣ строкъ моихъ—когда навѣкъ угасну—
Ты друга имени не называй всечастно!
Пусть съ жизнію моей уйдетъ твоя любовь,
Не то нашъ мудрый свѣтъ зло смѣхомъ покараетъ
Тебя за то, что насъ и смерть не разлучаетъ.

И. Гриневская.

72.

О, другъ мой, чтобы міръ не жаждалъ объясненія
За что ты любишь такъ, и мертваго, меня,
Меня ты позабудь, забудь безъ сожалѣнья,
Во мнѣ нѣтъ ничего, чтобъ могъ при свѣтѣ дня
Ты міру показать. Прибѣгнуть къ лжи прекрасной
Придется, другъ, тебѣ, чтобъ мнѣ хвалу воздать,
Что правда въ скупости воздать мнѣ не согласна.
Въ уборѣ чуждомъ мнѣ я не хочу предстать!
Чтобы любовь твоя, мой другъ, предъ свѣтомъ цѣлымъ
За всѣ хвалы твои неправдой не слыла—
Пусть имя бѣдное мое угаснетъ съ тѣломъ,
Чтобы позора мгла меня не стерегла.
Я дѣлъ моихъ стыжусь! какъ я—ты ихъ осудишь.
Что низкое ты чтилъ—стыдиться вѣчно будешь.

И. Гриневская.

73.

Во мнѣ ты видишь, другъ, то время года,
Когда рветъ вѣтеръ желтый листъ вѣтвей,
Когда уныло стонетъ непогода,
Гдѣ прежде пѣлъ такъ сладко соловей.
Во мнѣ, мой другъ, ты видишь свѣтъ прощальный
На западѣ погаснувшаго дня.
Тотъ свѣтъ—предвѣстникъ полночи печальной,
Угрюмой смерти близкая родня.
Во мнѣ огня ты видишь угасанье...
Онъ умереть не хочетъ подъ золой,
Но вырваться смѣшны его старанья:
Его задушитъ пепла мертвый слой.
Во мнѣ ты это видишь, и разлуку
Предчувствуешь, и крѣпче жмешь мнѣ руку...

С. Ильинъ.

74.

Но примирись съ моей безжалостной судьбой.
Пусть смерть меня сразитъ, тогда исчезну я,
А пѣсни всѣ мои останутся съ тобой,
И ты поймешь ихъ смыслъ, что въ нихъ вся жизнь моя.
И что я посвятилъ тебѣ въ моихъ стихахъ,
Отыщешь въ пѣсняхъ все—и усладишь твой слухъ.
Владѣй моей душой. Отходитъ къ праху прахъ,
Но лучшее—твое, и лучшее—мой духъ.
Итакъ, утратишь ты осадокъ бытія,
Добычею червей напрасно дорожа:
Для памяти твоей плоть низменна моя,
Негоднѣйшій трофей злодѣйскаго ножа.
И то, что въ ней жило, вотъ чѣмъ цѣнна она:
То пѣснь моя, тебѣ навѣки отдана.

Петръ Быковъ.

75.

Ты, другъ, для думъ моихъ, что пища для живыхъ,
Иль вешніе дожди для жаждущихъ полей.
Чтобъ твой покой сберечь, въ борьбѣ я не затихъ,
Воюю, какъ скупецъ, изъ-за казны своей.
Сокровищемъ кичась, страшится онъ порой,
Чтобъ хищникъ-время вдругъ богатства не раскрылъ,—
И я то жажду быть наединѣ съ тобой,
То радъ, что цѣлый свѣтъ мое блаженство зналъ.
Чуть вижу я тебя—насыщена душа,
Отсутствіемъ—томлюсь, чтобъ на тебя взглянуть,
Не вѣдая другихъ блаженствъ, лишь тѣмъ дыша,
Отрадой той, что мнѣ ты проливаешь въ грудь.
Вотъ такъ то я томлюсь, то пресыщенъ теперь,
То пожираю все, то стражду отъ потерь.

Петръ Быковъ.

76.

Зачѣмъ отъ новизны далекъ мой скромный стихъ,
Не ищетъ перемѣнъ и смѣны въ жизни дня?

Зачѣмъ я не хочу ни словъ, ни формъ иныхъ,
Хоть время и летитъ, лишь старое храня?
Зачѣмъ пишу одно, всѣ вымыслы любя
Облечь въ знакомый всѣмъ нарядъ, или языкъ?
И каждою строкой я выдаю себя,
И открываю словъ и смысла ихъ родникъ?
О, знай, другъ дорогой, лишь о тебѣ, пишу,
Вся суть моихъ стиховъ одна—ты и любовь.
И въ новомъ старый стихъ опять преподношу,
И новый пересказъ даю о старомъ вновь.
Какъ старый солнца лучъ сверкаетъ новизной,
Такъ и мой стихъ твердитъ слова любви одной.

Петръ Быковъ.

77.

Ты въ зеркалѣ узришь всю убыль красоты,
Часы подскажутъ счетъ растраченныхъ минутъ,
Изъ книжки записной урокъ получишь ты,
Когда ея листки твой духъ передадутъ.
То зеркало, твои морщины отразивъ,
Зіяющихъ могилъ тебѣ напомнятъ рядъ,
А тѣнь часовъ слѣдя, поймешь временъ призывъ,
Что, крадучись какъ воръ, дни къ вѣчности летятъ.
Что въ памяти своей не можешь удержать,
То книжки этой ввѣрь, ея пустымъ листкамъ—
И вскормленныхъ дѣтей, что бросилъ мозгъ, опять
Тогда признаетъ здѣсь и приметъ духъ твой самъ.
И вотъ, когда листки задумаешь прочесть,
Ты пользу обрѣтешь—и это книжки честь.

Петръ Быковъ.

78.

Ты музой былъ моей. Тобой однимъ согрѣтый,
Такую красоту обрѣлъ мой легкій стихъ—
Что вслѣдъ за мной идутъ другіе всѣ поэты
И по моимъ слѣдамъ несутся перья ихъ.
Твой взоръ нѣмымъ давалъ способность пѣснопѣнья,
Недвижнаго глупца въ высь уносилъ твой взоръ,
Ученыхъ окрылялъ и, съ властью Провидѣнья—
Талантъ онъ обрекалъ въ величія уборъ.
Гордясь мной болѣе, чѣмъ прочими пѣвцами,
Имъ далъ ты лишь твой блескъ. Созданье я твое;
Твоими чистыми, горячими лучами
Проникнуто насквозь все существо мое.
Искусство ты мое, а я твое созданье
Мое невѣжество вознесъ ты въ сферу знанья

И. Гриневская.

79.

Когда я звалъ тебя одинъ, тогда звучали
Одни мои стихи чудесно, дорогой!
Но муза въ недугѣ моя, полна печали,
Теперь принуждена здѣсь мѣсто дать другой.
Для пѣсенъ въ честь тебя, о другъ мой, я согласенъ,
Должно бы взять перо побѣдное въ борьбѣ;
Ты полонъ нѣжныхъ чаръ, плѣнителенъ, прекрасенъ.
Поэтъ твой лишь крадетъ все, что даетъ тебѣ.
О, въ добродѣтель, другъ, тебя онъ наряжаетъ.
Но слово то онъ взялъ изъ добрыхъ твоихъ дѣлъ
И красоту со щекъ твоихъ же похищаетъ,
Всѣмъ обладаешь ты, что онъ въ стихахъ воспѣлъ.
О другъ мой, не нужна ему твоя уплата:
Все, что тебѣ онъ далъ—все отъ тебя же взято.

И. Гриневская.

80.

Нѣтъ, не могу я пѣть. Мой духъ изнемогаетъ!
Сильнѣйшаго твоя плѣняетъ красота.
Иной въ хвалу тебѣ стихи теперь слагаетъ
Предъ силою его—нѣмы мои уста.
Но чарды всѣ твои, какъ океанъ, безбрежны.
Въ стихи мощной ихъ и судно, и ладья
Свободно могутъ плыть. И челнъ мой безмятежно
Направлю по волнамъ глубокимъ смѣло я.
Мнѣ помоги; пущусь впередъ я, какъ бывало,
Какъ онъ, что носится въ бездонныхъ глубинахъ,
О, если разобьюсь—такъ чтожъ?—челнокъ я малый,
Великій онъ корабль въ безчисленныхъ снастяхъ.
Пусть къ цѣли онъ придетъ. Пусть погружусь въ пучину.
Случится худшее: другъ, отъ любви я сгину.

И. Гриневская.

81.

Рука моя ль тебѣ надъ гробомъ строфы сложитъ,
Иль будешь ты въ живыхъ, когда сгнію въ землѣ—
Но славу, другъ, твою смерть унести не можетъ,
Хотя бъ исчезнулъ я на вѣкъ въ могильной мглѣ.
Вѣкъ имя будетъ жить твое здѣсь въ поднебесной,
Когда же я умру—умру я навсегда.
Я лягу, какъ и всѣ—въ могилѣ безъизвѣстной,
Твой гробъ найдетъ привѣтъ въ грядущіе года!
И памятникъ надъ нимъ—то будетъ стихъ мой нѣжный!
Грядущихъ въ міръ людей глаза его прочтутъ!
И о тебѣ уста гармоніей безбрежной
Заговорятъ, когда всѣ сущіе умрутъ.
Ты вѣчно будешь жить. Перо мое могуче!
Гдѣ мощнѣй дышетъ грудь—слышнѣй мое созвучье.

И. Гриневская.

82.

Ты съ музою моей не скованъ бракомъ вѣчнымъ;
Иныхъ пѣвцовъ хвалы свободенъ слушать ты.
Пускай дано воспѣть стихамъ ихъ безконечнымъ
Труды твои, твои прекрасныя черты.
Какъ ты красивъ умомъ, такъ ты прекрасенъ тѣломъ,
Ты выше всѣхъ моихъ похвалъ и вновь искать
Ты долженъ строфъ такихъ, чтобы въ полетѣ смѣломъ
Могли бы на крылахъ они тебя поднять.
Ищи. Но въ часъ, когда поблекнутъ выраженья,
Что духъ риторики твоимъ пѣвцамъ даетъ,
Въ простыхъ словахъ моихъ, правдивыхъ,—отраженье
Вся красота твоя, какъ въ зеркалѣ, найдетъ.
Румяна грубыя ихъ блѣднымъ лицамъ годны
А для тебя они не нужны, другъ, безплодны.

И. Гриневская.

83.

Я видѣлъ: не нужны щекамъ твоимъ румяна;
На красоту твою я ихъ не налагалъ.
И выдумокъ пѣвцовъ, красиваго обмана
Не ищешь ты, мой другъ,—всегда я полагалъ.
И потому всегда я медлилъ похвалами;
Ты жизнію своей то можешь показать,
Что ни одно перо звучнѣйшими строфами
Не въ силахъ было бы достойно описать.
Молчанье ставишь въ грѣхъ мнѣ. Въ немъ я вижу силу.
Молчаньемъ красотѣ обидъ не наношу,
Желая дать ей жизнь—всѣ роютъ ей могилу,
И потому я нѣмъ. Похвалъ ей не пишу.
Есть больше чаръ въ одномъ изъ глазъ твоихъ прекрасныхъ,
Чѣмъ въ строфахъ двухъ твоихъ поэтовъ сладкогласныхъ.

И. Гриневская.

84.

Краснорѣчивѣй кто? Кто выразить съумѣетъ
Хвалу превыше той, что ты, о другъ мой, *ты?*
Въ тебѣ одномъ все есть, въ тебѣ одномъ то зрѣетъ,
Что служитъ мѣрою твоей же высоты.
Перо, что вознести предметъ свой не съумѣло,
Какъ жалко то перо! Но тотъ, кто каждый разъ
Разскажетъ о тебѣ, что *ты*—все *ты*—тотъ смѣло—
Возвыситъ до небесъ правдивый свой разсказъ.
Пусть рабски сниметъ онъ, что въ чистомъ очертаньи
Написано въ тебѣ. Природы ясныхъ словъ
Пусть онъ не затемнитъ, и это возсоздаянье
Подниметъ стиль его превыше облаковъ
Одно есть зло въ тебѣ: напрасныя заботы
Умножить тьмой похвалъ твои же всѣ красоты.

И. Гриневская.

85.

О, муза бѣдная—ея совсѣмъ не слышно:
Притихла и молчитъ, пока звучатъ кругомъ
Хвалы, что золотымъ сражаются перомъ
И всѣми музами украшены такъ пышно!
Я мысли чудныя на днѣ души держу,
Другія между тѣмъ, готовятъ пѣснопѣнья;
А я—на каждый гимнъ, свидѣтель вдохновенья—
Какъ дьякъ неграмотный, одно „аминь“ твержу.
Внемля хваламъ тебѣ, скажу лишь: „вѣрно вѣрно!.“
А сколько мысленно прибавить бы готовъ!
Но вѣрь—хоть у меня и нѣтъ красивыхъ словъ—

Что выше всѣхъ другихъ любовь моя безмѣрно.
Цѣни въ другихъ—стиховъ изысканныхъ родникъ;
Во мнѣ же—грезъ нѣмой, но пламенный языкъ!

Т. Щепкина-Куперникъ.

86.

Не гордый ли корабль стиховъ его, чья цѣль
Тобою завладѣть, мой дивный кладъ, виною,
Что столько думъ въ мозгу—думъ, погребенныхъ мною,
Могилой сдѣлавшихъ свою же колыбель?
Иль это духъ его (что духи вдохновили
Превыше смертнаго) всю мощь во мнѣ убилъ?
О нѣтъ, всѣ козни чаръ ночныхъ и темныхъ силъ,
Его сподвижниковъ—мой стихъ бы не смутили.
Не онъ! Не домовой, что по ночамъ его
Тайкомъ напичкивалъ умомъ и дарованьемъ.
Не имъ принадлежитъ побѣды торжество,
Что боленъ страхомъ я, что занемогъ молчаньемъ.
Но ты... его стихи украсилъ твой привѣтъ—
И мой слабѣетъ стихъ, и словъ ужъ больше нѣтъ.

Т. Щепкина-Куперникъ.

87.

Прощай! Ты для меня безцѣнное владѣнье,
Но стала для тебя яснѣй твоя цѣна—
И хартіи твоей приносятъ письмена
Отъ власти временной моей освобожденье,
Изъ милости твоей—владѣлъ лишь я тобой;
Чѣмъ могъ я заслужить такое наслажденье?
Но права на тебя мнѣ не дано судьбой:
Безсиленъ договоръ, напрасно принужденье.
Мои достоинства невѣрно оцѣня,
Отдавши мнѣ себя въ минутномъ заблужденьи—
Свой драгоцѣнный даръ, по строгомъ обсужденьи,
Теперь ты хочешь взять обратно у меня...
Такъ! Я владѣлъ тобой въ блаженномъ сновидѣньи:
Во снѣ я былъ король. Сталъ нищимъ въ пробужденьи!

Т. Щепкина-Куперникъ.

88.

Когда захочешь ты смѣяться надо мной,
Иль оцѣнить меня, взглянувши гнѣвнымъ окомъ—
Найдя достоинство въ правительствѣ жестокомъ,
Самъ на себя тогда возстану я войной.
Чтобъ откровенностью помочь тебѣ своею,
Всѣ слабости мои могу я перечесть;
Пороки всѣ мои—такъ очернить съумѣю,
Что, кинувши меня, пріобрѣтешь ты честь,
И это будетъ мнѣ великая отрада.
Въ тебѣ—моя любовь. То горе, что приму,
Та боль, что сердцу я доставлю своему—
Дастъ счастье для тебя; вотъ мнѣ вдвойнѣ награда!
Чтобъ правда на твоей осталась сторонѣ—
Взять на себя вину согласенъ я вполнѣ!

Т. Щепкина-Куперникъ.

89.

Скажи, что твой разрывъ со мной произошелъ
Лишь по моей винѣ: услышишь подтвержденье!
Что гнетъ моихъ грѣховъ твоей душѣ тяжелъ:
Твое безропотно снесу я осужденье.
И знай, что ты меня не въ силахъ очернить
(Свою измѣнчивость желая объяснить),
Какъ самъ себя готовъ казнить я безъ пощады.
Ты хочешь такъ? Изволь. Чужими станутъ взгляды;
Знакомство кончится; моя забудетъ рѣчь
О миломъ имени—чтобъ было невозможно
Мнѣ выдать прежнюю любовь неосторожно,
И тѣмъ отъ клеветы его не уберечь.
Клянусь, что самъ себя я погублю; вотъ видишь—
Не долженъ *я* любить, кого *ты* ненавидишь.

Т. Щепкина-Куперникъ.

90.

Такъ пусть же ненависть является твоя;
Но ужъ скорѣй, пока судьба ко мнѣ жестока.
Соединись и ты съ преслѣдованьемъ рока
И придави меня—пока несчастенъ я.
Когда же властвовать печаль не будетъ мною,
Ты на меня тогда не нападай тайкомъ,
И тучъ не нагони—вслѣдъ за дождливымъ днемъ
Настигнувъ бурею нежданною ночною.
Покинешь ты меня?.. Покамѣсть я борьбой
Измученъ не въ конецъ—рази безъ сожалѣнья;
Такъ раньше всѣхъ другихъ приму безъ промедленья
Ужаснѣйшій ударъ, мнѣ посланный судьбой.

И все, что горемъ мнилъ—душѣ, тоской объятой
Покажется ничѣмъ передъ твоей утратой.

Т. Щепкина-Куперникъ.

91.

Кто гордъ своимъ умомъ, кто знатностію рода;
Кто—гордъ богатствами, кто—силою своей;
Иного къ пышности нелѣпой тянетъ мода;
Кто любитъ соколовъ, борзыхъ, или коней.
Въ любимой прихоти—для каждаго блаженство
Превыше остальныхъ. Но всѣ ихъ не цѣня,
Въ одномъ я нахожу всѣ сразу совершенства:
Твоя любовь таитъ все вмѣстѣ для меня.
Твоя любовь—цѣннѣй чѣмъ знатное рожденье,
Богаче роскоши, нарядовъ и утѣхъ.
Все, чѣмъ гордится міръ—даетъ ея владѣнье.
Принадлежишь ты мнѣ—и я счастливѣй всѣхъ.
Но можешь это все отнять ты словомъ властнымъ...
И вотъ когда навѣкъ я сдѣлаюсь несчастнымъ!..

Т. Щепкина-Куперникъ.

92.

Ты можешь отъ меня уйти! Но знаю я,
Что все-жъ владѣть тобой я буду до могилы.
Вѣдь отъ твоей любви зависитъ жизнь моя,
И пережить ее мнѣ не достало-бъ силы.
Меня не устрашитъ страданій тяжкихъ рядъ,
Вѣдь съ первымъ же изъ нихъ—навѣки жизнь порвется;
Итакъ мнѣ никогда зависѣть не придется
Отъ прихоти твоей,—и этому я радъ.
Не огорчитъ меня любви твоей утрата,
А просто жизнь моя погаснетъ вмѣстѣ съ ней,
И какъ въ твоей любви я находилъ когда-то,
Такъ счастіе найду и въ смерти я своей.
Но въ мірѣ красоты безъ пятенъ не бываетъ...
И тайно иногда измѣна поражаетъ.

Т. Щепкина-Куперникъ.

93.

Итакъ, я буду жить, довѣрчиво вполнѣ,
Какъ мужъ обманутый! Любви минувшей ласка
Любовью все еще казаться будетъ мнѣ,
Когда твоихъ очей еще со мною ласка:
Хоть сердце отъ меня такъ далеко ушло!
Увы... въ твоихъ глазахъ нѣтъ выраженья злобы.
Да, у другихъ давно все выдать ихъ могло-бы;
Капризы, мрачный видъ и хмурое чело...
Но небо иначе создать тебя съумѣло;
И только прелести полны твои черты.
Какія-бъ ни были въ душѣ твоей мечты—
Въ глазахъ всегда любовь и нѣжность безъ предѣла.
Но съ Евы яблокомъ краса твоя сходна,
Когда не властвуетъ въ ней чистота одна.

Т. Щепкина-Куперникъ.

94.

Кто властенъ дѣлать зло, въ комъ есть къ нему стремленье
И кто порывъ къ нему способенъ заглушить,
Чья воля—сталь, предъ кѣмъ безсильно искушенье—
Всѣ милости небесъ тотъ вправѣ получить.
Онъ многоцѣнными дарами обладаетъ,
Не расточая ихъ. Онъ самъ свой властелинъ.
Не слабый рабъ страстей. Живетъ и умираетъ
Лишь для себя цвѣтокъ—и все жъ онъ перлъ долинъ.
Но чуть подкрадется къ нему недугъ нежданный—
И плевелъ кажется свѣжѣе, чѣмъ цвѣтокъ.
Роняетъ красота вѣнецъ свой златотканный,
Чуть прикоснется къ ней предательски порокъ.
И роза пышная и лилія лѣсная
Красу и ароматъ теряютъ, увядая.

Ф. Червинскій.

95.

Въ какія прелести свой грѣхъ ты заключаешь
Какимъ чарующимъ ты дѣлаешь порокъ,
Которымъ честь свою безпечно ты пятнаешь,
И гадкій червь грязнитъ раскрывшійся цвѣтокъ...
Но кто бы могъ, скажи, съ усмѣшкой и презрѣньемъ
Позорить жизнь твою и дни твоихъ утѣхъ?
Лишь назовутъ тебя—и смолкнетъ осужденье,
И привлекательнымъ казаться станетъ грѣхъ...
О замокъ прелести! какъ сердце онъ плѣняетъ,
Хотя внутри его порокъ и пустота.
Такъ грязное пятно мгновенно превращаетъ
Въ очарованіе живая красота.

Но бережно владѣй сокровищемъ твоимъ—
Въ дурныхъ рукахъ и ножъ становится тупымъ.

Г. Галина.

96.

Одни твердятъ, что молодость твоя—
Достоинство, краса; другіе—недостатокъ.
Но все къ тебѣ идетъ и любятъ всѣ тебя,
Всѣ, начиная съ насъ до взрослыхъ, до ребятокъ.
Какъ дикій камешекъ на пальцѣ королевы
Безцѣненъ, такъ твои ошибки и дѣла,
Все то, что ты творишь, не вызываетъ зла.
А привлекаетъ всѣхъ, какъ вешніе посѣвы,
Какъ много бъ обмануть могъ хищный волкъ овецъ
Прикинувшись овцой, и сколько бъ ты сердецъ
Успѣла захватить, прикрывшись обаяньемъ;
Но нѣтъ, зачѣмъ обманъ: я такъ люблю тебя,—
Ты—мой, и я въ тебѣ уберегу себя,
И образъ свѣтлый твой мнѣ будетъ достояньемъ.

М. Ѳедоровъ.

97.

Какой студеной, хмурою зимою,
Какой завѣсой непроглядной тьмы
Я окруженъ былъ въ дни, когда съ тобою,
Разлучены, другъ нѣжный, были мы.
Пора межъ тѣмъ стояла золотая:
Смѣняя лѣто, осень плодъ несла,
Обильный плодъ, что отъ красавца мая
Она весной веселой зачала.
Но сиротливой жалкой нищетою
Казалась мнѣ вся эта благодать.
Всю жизнь, всю радость ты унесъ съ собою.
И даже птицы громко щебетать
Не смѣли въ рощахъ, иль печальнымъ пѣньемъ
Листву пугали стужи приближеньемъ.

С. Ильинъ.

98.

Весна цвѣла,—былъ отъ тебя вдали я;
Апрѣль нарядный красками сверкалъ,
Во все вливалась юности стихія,
И самъ Сатурнъ смѣялся и плясалъ.
Но пѣсни птицъ, цвѣтовъ благоуханья,
Краса луговъ,—все было чуждо мнѣ;
Я сладкаго не ощущалъ желанья
Сорвать цвѣтокъ, воспѣть хвалу веснѣ;
Я презиралъ красу лилеи блѣдной,
Румяныхъ розъ я не ласкалъ, любя!
Вся прелесть ихъ,—я зналъ,—лишь списокъ бѣдный
Съ ихъ образца единаго—тебя!
Казалось мнѣ, что вкругъ—зима! Мечтами
Съ тобою весь, я лишь шутилъ съ цвѣтами.

Н. Холодковскій.

99.

Я раннюю фіалку такъ бранилъ:
„О милый воръ! Какъ смѣлъ ты ароматы
Съ любимыхъ устъ украсть? Изъ милыхъ жилъ
Какъ смѣлъ взять кровь, которой такъ богаты
Твои ланиты, въ цвѣтѣ юныхъ силъ?“
Въ честь рукъ твоихъ я порицалъ лилею,
Бранилъ душицу въ честь твоихъ кудрей;
Изъ розъ одна краснѣла; передъ нею
Другая снѣга сдѣлалась бѣлѣй.
А третьей цвѣтъ ни красный былъ, ни бѣлый:
Румянецъ твой похитила она
И бѣлизну! Но за грабежъ столь смѣлый
Червякъ ее всю источилъ до дна.
И всѣ цвѣты,—такъ думалъ я въ печали,—
Красу иль сладость у тебя украли.

Н. Холодковскій.

100.

Забывъ свои мечты куда ты скрылась муза?
Нельзя молчать о томъ, въ чемъ для тебя же власть!
Теряя сердца пылъ для низкаго союза,
Ты свѣтишь лишь тому, чего алкаетъ страсть...
Опомнись и вернись къ забытымъ пѣснопѣньямъ!
Пусть слаще зозвучитъ напѣвовъ нѣжный строй!
Къ испытанной любви съ воскресшимъ вдохновеньемъ
Мы вмѣстѣ поспѣшимъ прибойною волной.
На милый взглянемъ ликъ, которымъ сердце полно:
Не виденъ-ли на немъ упорный слѣдъ заботъ?
О, муза,—если да, то ты не будь безмолвна
И ѣдкою строфой осмѣй судьбины гнетъ!
И друга ты прославь, пока еще есть время,
Пока не налегло плиты могильной бремя.

Кн. Эсперъ Ухтомскій.

101.

О, муза, не лѣнись! И такъ виновна ты,
Чуждаясь истины, красою облеченной...
Любовь одна живитъ твои мечты,
И вѣщія слова у пѣсни окрыленной,

Напрасно скажешь ты: началамъ неземнымъ
На что созвучій строй, плѣнительныя сказки?
На что рѣзецъ и кисть красотамъ вѣковымъ?
Суровой истинѣ не нужны блескъ и краски
И другу моему ничто—твоя хвала,
Но обезсмерть его пѣвучимъ величаньемъ,
Чтобъ въ будущихъ вѣкахъ воспѣтаго чела
Не смѣлъ коснуться рокъ жестокимъ увяданьемъ.
...Но какъ намъ сохранить безцѣнныя черты
Въ зарницахъ истины и звучной красоты?

Кн. Эсперъ Ухтомскій.

102.

Чѣмъ глубже любимъ мы, тѣмъ чаще страсть таю
И крѣпнетъ съ каждымъ днемъ привязанность нѣмая;
Но людямъ прокричать, что нѣжитъ грудь твою,
Способна только чернь холодная, слѣпая.
Лишь на зарѣ любви я звалъ тебя порой
Къ душистымъ цвѣтникамъ весеннихъ пѣснопѣній,
Въ томительной ночи, насыщенной грозой,
Все рѣже говоритъ любви призывный геній.
Такъ падаетъ напѣвъ средь знойной темноты
У любящей лѣса, грустящей Филомелы,
Когда гудятъ въ роякъ безсонные кусты
И всюду ароматъ свои вонзаетъ стрѣлы.
...Да, какъ она молчитъ,—молчать хочу и я,
Боясь, что досадитъ тебѣ любовь моя.

Кн. Эсперъ Ухтомскій.

103.

Волшебныхъ красокъ мало у тебя,
О муза бѣдная! Воспѣтая тобою
Такъ властно хороша, что сознаю, скорбя,
Твое безсиліе предъ этой красотою.
Не порицай меня—я смолкну навсегда:
Ты въ зеркало взгляни—тамъ блещетъ образъ юный
Такою прелестью, что полонъ я стыда
За блѣдные стихи—и обрываю струны,
Такъ было бы грѣшно твой образъ исказить!
Вѣдь цѣль одна въ дали мерцаетъ предо мною—
Твои черты, твой взглядъ и духъ твой отразить
Въ стихахъ, сіяющихъ нетлѣнной красотою
Но больше красоты, чѣмъ я даю въ стихахъ,
Ты видишь каждый день въ безмолвныхъ зеркалахъ.

Ф. Червинскій.

104.

Ты старымъ для меня не можешь быть, мой другъ.
Теперь, какъ прежде, ты приковываешь взоры.
Холодныхъ три зимы, опустошивши лугъ,
Стряхнули трижды съ рощъ ихъ лѣтніе уборы,
Осеннимъ сумракомъ смѣнялись три весны
И были три живыхъ и цвѣтоносныхъ мая,
Тремя іюнями нещадно сожжены
Съ тѣхъ поръ, какъ свѣжестью и прелестью блистая,
Ты встрѣтился со мной. Такимъ остался ты...
Но красота—увы!—все жъ движется незримо,
Какъ стрѣлка на часахъ. Быть можетъ лгутъ мечты,
Что лишь твоя краса съ годами недвижима,
Внемли жъ, грядущее: еще ты не родилось,
А лѣто красоты померкло и затмилось.

Ф. Червинскій.

105.

О пусть не назовутъ моей любви къ нему
Служеньемъ идолу за то, что тѣ же вѣчно
Хвалы въ стихахъ моихъ. Вѣдь это потому
Что онъ, мой вѣрный другъ, добръ такъ же безконечно
Сегодня, какъ вчера. Такъ неизмѣненъ онъ,
Что стихъ мой, образа любимаго эмблема,
Поетъ все объ одномъ, однимъ лишь вдохновленъ:
Прекрасенъ, добръ, правдивъ—вотъ строкъ пѣвучихъ тема.
Правдивъ, прекрасенъ, добръ. Порядокъ этихъ словъ,
Оттѣнки смысла ихъ слегка я измѣняю—
Тогда какой просторъ созвучіямъ стиховъ!
О, истина, добро и красота—я знаю—
Вы дружны не всегда здѣсь, въ сумракѣ земномъ—
Но нынѣ вы всѣ три вѣнцомъ сплелись въ одномъ.

Ф. Червинскій.

106.

Когда я занятъ древнихъ хроникъ чтеньемъ
И нахожу хвалу красавицъ тамъ,
Иль старый стихъ читаю, съ восхваленьемъ
Красы умершихъ рыцарей и дамъ,—
Я вижу, какъ тогда хвалить умѣли
Красу рукъ, ногъ, и всѣ лица черты,

И мнится мнѣ: достойно бы воспѣли
Они красу, какой владѣешь ты.
Такъ, о тебѣ пророчествуя сладко,
Поэзія красу превознесла!
Но гимны тѣ—лишь слабая догадка:
Ты выше, все жъ, чѣмъ древнихъ вся хвала.
Когда умѣли пѣть,—тебя не знали;
Пришелъ твой вѣкъ,—и пѣсни слабы стали!

Н. Холодковскій.

107.

Ни собственный мой страхъ, ни духъ, что міръ тревожитъ,
Міръ, замечтавшійся о будущности дѣлъ,
Любви моей года опредѣлить не можетъ,
Хотя бы даже ей готовился предѣлъ.
Смертельный мѣсяцъ мой прошелъ свое затменье,
И прорицатели смѣются надъ собой,
Сомнѣнія теперь смѣнило увѣренье,
Оливковая вѣтвь приноситъ миръ благой.
Благодаря росѣ, ниспавшей въ это время,
Свѣжѣй моя любовь и смерть мнѣ не страшна,
Я буду жить на зло въ стихѣ, тогда какъ племя
Глупцовъ безпомощныхъ похитить смерть должна,
И вѣчный мавзолей въ стихахъ тобой внушенныхъ
Переживетъ металлъ тирановъ погребенныхъ.

К. Фофановъ.

108.

Что можетъ мозгъ создать, изобразить чернила,
Какъ можетъ передать мой духъ восторгъ любви,
Что новаго сказать; гдѣ творческая сила,
Чтобъ выразить любовь и качества твои?
Ничто, мой юноша прекрасный, но—порою
Все то же самое молитвою святою:
Твоя любовь во мнѣ, въ тебѣ моя любовь.
То вѣчная любовь, ея не разрушаетъ
Стремленье времени завистливымъ серпомъ,
Передъ морщинами она не отступаетъ
И старость дѣлаетъ навѣкъ своимъ пажомъ,
Предчувствуя, что мысль любви родится тамъ,
Гдѣ внѣшностью любовь подобна мертвецамъ.

К. Фофановъ.

109.

О, нѣтъ не говори, что сердцемъ предъ тобою
Я измѣнилъ, хотя слабѣй въ разлукѣ пылъ.
Скорѣй разстануся безъ страха самъ съ собою,
Но не съ душой, что я въ тебѣ похоронилъ.
Любовь моя—очагъ, и если я скитаюсь,
То возвращаюсь вновь къ нему, какъ пилигримъ;
Самъ приношу воды, съ дороги омываюсь,
Стирая пятна, пыль,—и грѣюсь передъ нимъ.
И если есть во мнѣ тѣ слабости, такъ трудно,
Такъ горячо у всѣхъ вольнующія кровь,
То и тогда не вѣрь, чтобъ могъ я безразсудно
Растратить безъ тебя всю страсть и всю любовь,—
И вѣрь—вселенную я ни во что не ставлю,
Тебя, о роза, я одну люблю и славлю.

К. Фофановъ.

110.

Въ исканьѣ новизны бродя то здѣсь, то тамъ,
Я обезцѣнилъ все, что сердцу было свято,
Противорѣчилъ я поступками словамъ
И промѣнялъ друзей, любимыхъ мной когда-то.
Да, заблуждался я! Отъ правды былъ далекъ,
Но молодость мою вернули заблужденья.
Конецъ ошибкамъ! Въ нихъ мнѣ жизнь даетъ урокъ;
Люблю тебя сильнѣй за всѣ мои мученья!
Прими мою любовь и ею завладѣй!
Клянусь тебѣ, она продлится безконечно,
И друга, вѣрнаго, какъ богъ, въ любви моей,
Не стану больше я испытывать безпечно.
Такъ пріюти жъ меня, чтобъ могъ я отдохнуть,
Склонясь порой къ тебѣ на любящую грудь.

В. Мазуркевичъ.

111.

Вини мою судьбу за все, въ чемъ я неправъ,
За все, что есть во мнѣ презрѣннаго и злого!
Корысть публичности мой воспитала нравъ,
Судьба-же не дала мнѣ ничего дурного.
Поэтому-то я презрѣньемъ заклейменъ;
Какъ краскою маляръ, отмѣтила позоромъ
Меня судьба моя, и путь мой омраченъ...
О, сжалься надо мной и не терзай укоромъ!

Дай обновиться мнѣ! Готовъ я, какъ больной,
Изъ уксуса питье принять для излѣченья,—
Мнѣ горечь не страшна, и кары нѣтъ такой,
Который бы не снесъ я ради исправленья.
О пожалѣй меня! Достаточно, мой другъ,
Лишь жалости твоей, чтобъ облегчить недугъ.

В. Мазуркевичъ.

112.

Отмѣченъ я клеймомъ злословья и позора;
Утѣхой служитъ мнѣ одна любовь твоя,
И не боюся я людского приговора,
Увѣренный вполнѣ, что цѣнишь ты меня.
Ты для меня—весь міръ! Хвалы и порицанья
Мнѣ дороги тогда, коль сказаны тобой;
Нѣтъ въ свѣтѣ никого, кто бъ силой увѣщанья
Склонилъ мой гордый духъ идти стезей иной.
Для лести и хулы закрытъ мой слухъ змѣиный,
О мнѣніи другихъ забота мнѣ чужда;
Къ нимъ въ сердцѣ у меня презрѣнье и вражда!
Полнъ мыслью о тебѣ, живя мечтой единой,
Всѣмъ существомъ моимъ сроднился я съ тобой!
Міръ безъ тебя—ничто, окутанное тьмой.

В. Мазуркевичъ.

113.

Съ тѣхъ поръ, какъ я тебя покинулъ, не гляжу
Я болѣе на міръ тѣлесными очами;
Мой взоръ въ душѣ моей; онъ, правившій шагами,
Теперь почти потухъ, и я во тьмѣ брожу.
Не можетъ вызвать глазъ въ умѣ изображенья
Того, что видитъ онъ; ни птица, ни цвѣтокъ,
Не оставляетъ въ немъ хотя-бъ на краткій срокъ,
Какъ мимолетный сонъ, живого впечатлѣнья.
Что-бъ ни увидѣлъ я: вершины снѣжныхъ горъ,
Ворону, голубя, красу или уродство,
День, ночь и даже то, въ чемъ нѣтъ ни капли сходства
Съ тобой, къ твоимъ чертамъ мой пріурочитъ взоръ.
Сочувствіемъ къ тебѣ полна нелицемѣрнымъ,
Такъ вѣрность дѣлаетъ мой зоркій глазъ невѣрнымъ.

В. Мазуркевичъ.

114.

Ужели же мой умъ, живущій лишь тобой,
Впивать способенъ лесть, властителей отраву?
Иль долженъ я признать, что глазъ мой лжетъ по праву,
Тобою наученъ алхиміи такой,
Что-бъ чудищъ превращать въ небесныя созданья,
Подобныя тебѣ по красотѣ своей,
Зло превращать въ добро волшебной силой знанья,
Чуть попадетъ оно подъ быстрый лучъ очей.
Да, это вѣрно; лесть умѣло взоръ мой ловитъ,
Пить склоненъ эту лесть мой умъ, какъ царь, подчасъ,
Наклонности его прекрасно знаетъ глазъ
И въ чашѣ вкусное питье ему готовитъ.
Пускай въ напиткѣ ядъ,—не такъ великъ ужъ грѣхъ!
Отраву эту глазъ самъ выпьетъ раньше всѣхъ.

В. Мазуркевичъ.

115.

Написанныя мной когда-то строки лгали,
Что будто-бы нельзя любить тебя сильнѣй,
Въ невѣдѣньѣ своемъ я думалъ, что едва-ли
Способенъ былъ души горѣть еще яснѣй.
Страшася времени, я зналъ, что обѣщанья
Покорствуютъ вполнѣ случайности простой,
Что время губитъ все,—красу и упованья,
Колеблетъ мощь царей, мѣняетъ мыслей строй;
И вправѣ былъ тебѣ сказать я безъ обмана:
„Сильнѣе, чѣмъ теперь, я не могу любить".
Вѣдь будущность тогда скрывалась средь тумана,
О настоящемъ лишь я въ силахъ былъ судить.
Мой другъ! Любовь—дитя, питаемое нами.
Она растетъ по днямъ и вырастетъ съ годами.

В. Мазуркевичъ.

116.

Ничто не можетъ помѣшать сліянью
Двухъ сродныхъ душъ. Любовь не есть любовь,
Коль поддается чуждому вліянью,
Коль отъ разлуки остываетъ кровь.
Всей жизни цѣль, любовь повсюду съ нами,
Ея не сломятъ бури никогда,
Она во тьмѣ, надъ утлыми судами

Горитъ, какъ путеводная звѣзда.
Бѣгутъ года, а съ ними исчезаетъ
И свѣжесть силъ, и красота лица;
Одна любовь крушенья избѣгаетъ,
Не измѣняя людямъ до конца.
Коль мой примѣръ того не подтверждаетъ,
То на землѣ никто любви не знаетъ.

С. Ильинъ.

117.

Казни меня за то, что скупъ я былъ во всемъ,
Чѣмъ могъ бы отплатить за всѣ твои заботы,
Что не было во мнѣ старанья и охоты
Беречь любовь твою; виновенъ я и въ томъ,
Что повѣрялъ другимъ все то, что сердцу мило,
И не было мнѣ правъ, тобою данныхъ, жаль.
На встрѣчу бурѣ злой поставилъ я вѣтрило,
Угнавшей отъ тебя челнокъ мой утлый вдаль.
Сочти виной мое упрямство, заблужденья,
Къ нимъ недовѣріе ревнивое прибавь,
Подъ выстрѣлы очей разгнѣванныхъ поставь,
Лишь не стрѣляй въ меня словами возмущенья.
Раскаяньемъ своимъ доказываю я,
Какъ дорога душѣ моей любовь твоя!

В. Мазуркевичъ.

118.

Чтобъ разбудить порой лѣнивый аппетитъ,
Закуской острою его мы побуждаемъ,
Когда же чувствуемъ, что намъ болѣзнь грозитъ,
Ее лѣкарствомъ мы заранѣ прогоняемъ.
Такъ точно пресыщенъ твоею красотой,
Я горькихъ соусовъ рѣшилъ къ блюдамъ прибавить,
И счастіемъ своимъ, какъ недугомъ, больной,
Болѣзнью вызванной здоровье поисправить.
Но хитростью своей наказанъ я вдвойнѣ:
Любовь нельзя лѣчить искусственнымъ недугомъ,
Зломъ замѣнивъ добро, и вижу я съ испугомъ,
Что раньше былъ здоровъ, теперь же плохо мнѣ,
Узналъ я, что тому лѣкарство не поможетъ,
Кого болѣзнь, тобой внушенная, тревожитъ.

В. Мазуркевичъ.

119.

Со страхами въ душѣ надежды чередуя,
Коварныхъ слезъ сиренъ не мало выпилъ я,
Постигая ихъ въ ретортахъ бытія,
И падалъ, пораженъ, побѣду торжествуя.
Какъ заблуждался я, когда мечталъ порой,
Что счастье высшее даруетъ мнѣ побѣда!
Какъ пламенѣлъ мой взоръ и тѣшился игрой
Видѣній призрачныхъ болѣзненнаго бреда!
Благодѣянье зла! Я убѣдился въ немъ!
Приноситъ зло добру нерѣдко улучшенье;
Потухшая любовь, пылавшая огнемъ,
Прекраснѣй и сильнѣй горитъ по возрожденьи,
Такъ послѣ мукъ вернулъ я счастіе опять,
Чтобъ трижды большее блаженство въ немъ познать.

В. Мазуркевичъ.

120.

Меня влечетъ къ тебѣ размолвка прежнихъ дней;
Страданья прошлыя и прошлыя печали
Мою вину даютъ мнѣ чувствовать сильнѣй,
Вѣдь сердце у меня не изъ каленой стали.
И если отъ моей страдаешь ты вины,
Какъ отъ твоей сносилъ когда-то я мученья,
Позналъ ты, другъ мой, адъ; страданія сильны,
Но я, тиранъ, забылъ объ этомъ, безъ сомнѣнья.
Напомни мнѣ о нихъ моихъ терзаній ночь,
Тебѣ-бъ отвѣдать далъ бальзама я бокалъ
Смиренія, чтобъ грусть ты могъ-бы презозмочь,
Какъ нѣкогда ты самъ мнѣ сердце врачевалъ.
Но пусть искупитъ все взаимная вина!
Нашъ обоюдный грѣхъ смягчить она должна.

В. Мазуркевичъ.

121.

Ужъ лучше низкимъ быть, чѣмъ слыть имъ и напрасно
Упреки въ низости выслушивать порой,
Лишать себя забавъ невинныхъ ежечасно,
Изъ страха, что грѣхомъ ихъ можетъ счесть другой.
Зачѣмъ-же признавать судомъ непогрѣшимымъ
Случайный взглядъ людей, ошибочный вполнѣ?
Они грѣшатъ какъ я, и мнѣніемъ нетерпимымъ
Привыкли очернять все то, что мило мнѣ.
Нѣтъ, буду самъ собой! а тотъ, кто судитъ строго
Дѣянія мои, грѣшитъ, навѣрно, самъ;
Къ лицу-ль подобный судъ морали ихъ убогой:

И ради своего спокойствія она
Въ уплату принести тебя ему должна.

А. М. Ѳедоровъ.

127.

Въ былыя времена смуглянка не считалась
Красавицею; ей названье красоты
Присвоить никогда не удавалось,
Теперь она у ней заимствуетъ черты.
Съ тѣхъ поръ, какъ всякій сталъ рукой природы право
Присвоивать шутя, уродство украшать
Поддѣлкой грубою,—красы не распознать,
Она опошлена и изгнана лукаво.
Поэтому глаза возлюбленной моей,
Какъ ворона крыло, черны и идутъ къ ней—
То трауръ по тому, кто въ свѣтъ родился чернымъ,
Но не лишенъ красы въ сіяніи притворномъ.
Печаль такъ краситъ ихъ, что всѣ твердятъ одно:
Чтобъ быть красивой, стать подобной ей должно.

А. М. Ѳедоровъ.

128.

Порой о, музыка, когда играешь ты
На этомъ деревѣ благословенно-дивномъ,
Которое звучать заставили персты,
Чаруя слухъ своимъ аккордомъ переливнымъ,—
Я клавишамъ тогда завидую, любя:
Онѣ твою ладонь цѣлуютъ то и дѣло.
Увы, уста мои, для коихъ жатва зрѣла,
За дерзость дерева краснѣютъ близъ тебя.
Всѣмъ существомъ своимъ они бы помѣнялись
Съ его кусочками, къ которымъ прикасались
Твои персты; они блаженнѣй устъ живыхъ,
Обрѣзки мертвые! Но пусть они счастливы;
Дай пальчики твои лобзать имъ шаловливо,
А губы нѣжныя оставь для губъ моихъ.

А. М. Ѳедоровъ.

129.

Потворство похоти ведетъ къ позорной тратѣ
Души. Для своего каприза похоть всѣхъ
Ведетъ на подлость, ложь, убійство лютость, грѣхъ.
А чуть утолена—презрѣніе въ расплатѣ.
За нею гонятся безумно, но, поймавъ
Желаемое,—всѣ безумно ненавидятъ.
Одну приманку въ ней заброшенную видятъ,
Дабы лишить ума того, кто ждетъ забавъ.
Она въ желаніи дика, какъ въ обладаньи.
Имѣвъ, имѣя и готовая имѣть,
Она до крайности доходитъ. Мигъ сліянья
А послѣ горести; мигъ радости, а впредь—
Ничтожная мечта. Для міра путь извѣстный
Но всѣхъ приводитъ въ адъ его соблазнъ небесный.

А. М. Ѳедоровъ.

130.

Глаза ея сравнить съ небесною звѣздою
И пурпуръ нѣжныхъ устъ съ коралломъ—не дерзну,
Со снѣгомъ грудь ея не споритъ бѣлизною
И съ золотомъ сравнить нельзя кудрей волну,
Предъ розой пышною роскошнаго востока
Блѣднѣетъ цвѣтъ ея плѣнительныхъ ланитъ,
И ѳиміама смолъ Аравіи далекой
Амброзія ея дыханья не затмитъ,
Я лепету ея восторженно внимаю,
Хоть пѣсни соловья мнѣ кажутся милѣй,
И съ поступью богинь никакъ я не смѣшаю
Тяжелой поступи красавицы моей.
Все жъ мнѣ она милѣй всѣхъ тѣхъ, кого толпою
Льстецы съ богинями равняютъ красотою.

Графъ Ив. Мамуна.

131.

Такая, какъ ты есть, тиранъ ты, какъ онѣ,
Чья красота ведетъ къ жестокости холодной.
Ты знаешь хорошо, какъ ты желанна мнѣ;
Изъ лучшихъ перловъ перлъ ты самый благородный.
Сознаюсь, многіе твердятъ, что образъ твой
Не вызоветъ у нихъ порывъ любви глубокой,
Ихъ мнѣніе назвать ошибкою жестокой
Я не дерзну, хотя, клянусь въ томъ головой,
Для подтвержденія, что клятвы тѣ святыя,
При видѣ твоего прекраснаго лица,
За вздохомъ вздохъ меня волнуетъ безъ конца,
И вздохи тяжкіе—свидѣтели прямые,
Что ты въ моихъ глазахъ прекрасна чернотой.
Не образъ, а дѣла клеймятся клеветой.

А. М. Ѳедоровъ.

132.

Люблю твои глаза и грустный ихъ привѣтъ.
Узнавъ, что ты меня казнишь пренебреженьемъ
Они въ знакъ траура одѣлись въ черный цвѣтъ
И на печаль мою взираютъ съ сожалѣньемъ.
Востока блѣднаго не краситъ такъ заря,
Такъ неба мирнаго не краситъ Весперъ ясный

Одинъ въ вечерній часъ надъ западомъ горя,
Какъ эти грустные глаза твой ликъ прекрасный.
Такъ пусть въ твоей груди, беря примѣръ съ очей,
И сердце гордое исполнится печалью.
Печаль тебѣ къ лицу. Все въ красотѣ твоей
Прелестнѣй быть должно подъ траурной вуалью.
Я черной звать готовъ богиню красоты.
Уродливыми всѣхъ, кто созданъ не какъ ты.

Л. Вилькина.

133.

Да будетъ проклято то сердце, что мое
Заставило стонать отъ раны, нанесенной
И мнѣ и другу. Ахъ, довольно бы съ нея
И одного, такъ нѣтъ, еще закрѣпощенный!
Изъ-за жестокихъ глазъ я потерялъ себя,
А ты еще сильнѣй привязываешь друга.
Покинутъ я тобой и имъ, и три недуга
Несу въ одной груди. О, заточи, губя,
Въ тюрьму своей пустой желѣзной груди это
Больное сердце! Пусть заложникомъ оно
За сердце друга тамъ на вѣкъ заключено!
Кто-бъ ни держалъ меня, оно, вдали отъ свѣта,
Ему охраною. Не будь строга ко мнѣ.
Увы! Я плѣнникъ твой со всѣмъ, что есть во мнѣ.

А. М. Ѳедоровъ.

134.

Да, вотъ теперь я самъ сознался, что онъ твой;
Что я въ залогѣ самъ у твоего желанья,
Но жертвовать собой готовъ я въ воздаянье
Того, кто мнѣ служилъ отрадою живой.
Но не согласна ты, а онъ не хочетъ воли.
Онъ добръ, а ты жадна. Онъ только за меня
Ручался, но теперь онъ связанъ самъ до боли.
Ты жъ, красоту свою, какъ ростовщикъ цѣня,
Готова все взыскать за долгъ непоправимый
Такъ опрометчиво воспользовавшись имъ,
Я друга потерялъ по промахамъ моимъ,
А ты обоихъ насъ имѣешь, ты любима—
Мы оба у тебя во власти, я и онъ—
Онъ платитъ за меня, и все-же я плѣненъ.

А. М. Ѳедоровъ.

135 *).

Пусть обращаются ко всѣмъ ея желанья,
Есть у тебя твой Вилль; чтобъ прославлять тебя,
Я съ волею своей соединю тебя.
Не согласишься-ль ты, чья воля приказанье,
Дозволить волю мнѣ съ твоею волей слить?
Неужто воля всѣхъ другихъ тебѣ милѣе,
Мою-жъ не хочешь ты согласіемъ почтить?
Вѣдь море отъ дождей становится сильнѣе.
Такъ волей награжденъ, не хочешь-ли ты къ ней
Прибавить имя Вилль. Одно мое стремленье—
Усилить воли мощь лишь волею своей.
Не дай же осаждать твое уединенье
Просителямъ, равно хорошимъ и дурнымъ,
И дай лишь имя Вилль желаніямъ твоимъ.

А. М. Ѳедоровъ.

136.

О, если гнѣвъ въ душѣ твоей лишь потому
Что я сближаюсь съ ней, отвѣтъ душѣ незрячей,
Что я—твой вѣрный Вилль—желанье, а ему
Къ душѣ доступенъ путь. Призывъ любви горячей
Ей возвѣсти, скажи, что Вилль обогатитъ
Желаньями алтарь любви твоей; а съ ними
Его желаніе въ толпѣ другихъ слетитъ
И тихо проскользнетъ украдкой межъ другими.
Пусть я войду въ толпѣ несчитаннымъ, хотя
Я долженъ быть зачтенъ въ завѣтной книгѣ тоже.
Считай меня ничѣмъ, но для тебя, дитя,
Я буду чѣмъ нибудь. Тогда всего дороже,
Покажется твое желанье для тебя.
Меня полюбишь ты, лишь имя полюбя.

А. М. Ѳедоровъ.

137.

Безумная любовь! Слѣпецъ! Не ты-ль затмила
Мои глаза! Они не видятъ, хоть глядятъ.
Открывши красоту, ты и пріютъ открыла,
Но съ худшимъ лучшее смѣшала заурядъ.
Когда глаза мои, обмануты пристрастно,
Бросаютъ якорь въ портъ, гдѣ всякій людъ снуетъ.
Зачѣмъ изъ глазъ моихъ ты дѣлаешь приводъ,
Который сердца мысль опутываетъ властно.
Зачѣмъ для сердца то сіяетъ алтаремъ,
Что—площадь для толпы. Зачѣмъ глаза, все видя,
Твердятъ упорно „нѣтъ“, и ложь возненавидя,
Правдивость лживому лицу даютъ. Во всемъ

*) Здѣсь и въ слѣдующемъ сонетѣ игра словъ: Will означаетъ—1) сокращенное имя Шекспира Вилльямъ и 2) воля, желаніе.

Предъ истиной мои глаза и сердце грѣшны,
За то осуждены страдать во лжи кромѣшной.

А. М. Ѳедоровъ.

138.

Когда клянется мнѣ возлюбленная въ томъ,
Что все въ ней истина,—я вѣрю ей, хоть знаю,
Что это ложь: пускай сочтетъ меня юнцомъ
За то, что я притворствъ ея не понимаю.
Увы, напрасно я себѣ воображаю,
Что обманулъ ее,—мой возрастъ ей знакомъ.
Но солгала она, и сталъ я простакомъ.
Такъ правду гонимъ мы! Но для чего скрываю
Я то, что постарѣлъ, она же—ложь свою?!
Любовь! Всего милѣй ей видъ довѣрья нѣжный.
А старости въ любви подсчетъ годовъ прилежный
Не нравится—и вотъ, я лгу. На ложь мою
Она мнѣ также лжетъ, и съ чувствомъ безразсуднымъ
Мы ложью льстимъ своимъ порокамъ обоюднымъ.

А. М. Ѳедоровъ.

139.

О, не тревожъ меня напрасными мольбами!
Прошедшихъ слезъ моихъ тебѣ не искупить
Доканчивай скорѣй, не взглядами—словами!
И силою сражай: къ чему тебѣ хитрить.
Скажи, что ужъ давно не милъ тебѣ я болѣ,
Но на другихъ при мнѣ такъ нѣжно не гляди.
Нѣтъ, не лукавь со мной! Твоей я отдалъ волѣ
Свою судьбу; я слабъ: скорѣе, не щади.
Я все тебѣ прощу и даже точно зная,
Какъ трепетно твой взглядъ ловилъ я каждый мигъ,
Ты, отъ него заботливо спасая,
Все имъ, жестокая, лелѣяла другихъ.
Но только не томи тяжелымъ ожиданьемъ,
И разомъ ты убей меня съ моимъ страданьемъ.

Графъ Ив. Мамуна.

140.

Будь столь-же мудрою, какъ ты ко мнѣ жестока.
Пренебреженіемъ терпѣнья не язви,
Иль скорбь найдетъ слова для горестей любви
Повѣдать, какъ тобой истерзанъ я жестоко.
О, если бы тебѣ, любовь моя, я могъ
Внушить, чтобъ не любя, ты о любви мнѣ пѣла,
Лгала, какъ мудрый врачъ больному лжетъ умѣло,
Когда ему грозитъ могилой близкій рокъ.
Знай, я въ отчаяньи могу сойти съ ума
Въ безумьи порицать тебя сурово стану.
А злобный, лживый міръ повѣрить радъ обману
И правдою сочтетъ злословье. Ты сама
Скорей прерви его; гляди въ глаза покорно,
Хотя бы сердце вдаль стремилося упорно.

А. М. Ѳедоровъ.

141.

Я нѣжно васъ люблю, но сердцемъ, не глазами:
Лишь недостатки зритъ мой неподкупный взоръ,
А сердце любитъ ихъ. Все то что въ васъ, что съ вами
Оно клялось любить глазамъ наперекоръ.
Спокойный голосъ вашъ мнѣ слуха не чаруетъ,
Блаженства не сулитъ пожатье вашихъ рукъ,
И чувственный восторгъ мнѣ крови не волнуетъ,
Когда наединѣ васъ жду, мой строгій другъ.
Но сердце ни уму, ни чувствамъ не подвластно.
Его желаніе—одной лишь вамъ служить.
И, гордость позабывъ, безропотно и страстно
Любить я осужденъ, пока дано мнѣ жить.
Въ страданіяхъ моихъ одна лишь есть отрада:
Любовь—мой грѣхъ; въ любви позналъ я муки ада.

Л. Вилькина.

142.

Любовь—мой грѣхъ. Твоя святая добродѣтель—
Лишь ненависть къ грѣху, съ которымъ я любилъ.
Сравни себя со мной—сама себѣ свидѣтель
И убѣдишься ты, что я не заслужилъ
Упрекъ; а если заслужилъ, то ужъ конечно,—
Не отъ тебя. Свою пурпурную красу
Не разъ твои уста пятнали безсердечно,
Несли такой же грѣхъ, какой и я несу.
Моя любовь къ тебѣ законна, какъ законна
Твоя любовь къ тому, кто взоръ твой приковалъ.
Но въ сердцѣ жалость ты посѣй, чтобъ выросталъ
Посѣвъ и жалость самъ могъ вызвать благосклонно.

А если ты сама не дашь, что ждешь на вѣру,
Откажутъ и тебѣ по твоему примѣру.

А. М. Ѳедоровъ.

143.

Взгляни, хозяюшка стремится торопливо
Поймать вдали птенца, который ускользнулъ.
Она оставила ребенка сиротливо,
Гоняется за тѣмъ; но маленькій всплакнулъ,
За матерью бѣжитъ, остановиться молитъ;
Она же ничего не слышитъ, занята
Желаніемъ поймать того, кто своеволитъ.
Такъ гонишься и ты за тѣмъ, что, какъ мечта,
Летаетъ предъ тобой. Я жъ за тобою, плача,
Бѣгу, младенецъ твой, далеко позади.
О, если ждетъ тебя въ погонѣ той удача,
Вернись ко мнѣ тогда, прижми къ своей груди,
И приласкай, какъ мать; за всѣ твои желанья
Молиться буду я—утѣшь мои рыданья.

А. М. Ѳедоровъ.

144.

Отчаянье и радость утѣшеній—
Два духа, два любви моей крыла.
Онъ—бѣлокуръ, мужчина, добрый геній;
Она—злой духъ, лицомъ мрачна, смугла.
Чтобъ въ адъ меня скорѣй увлечь, духъ черный
Склонилъ къ разлукѣ добраго со мной,
И, соблазняя наглостью упорной,
Старается, чтобъ сталъ и онъ иной.
Быть можетъ, ангелъ мой уже низринутъ,—
Не знаю, но могу подозрѣвать.
И если я обоими покинутъ,
То ангелъ мой въ аду. Увы, узнать
Могу тогда ту правду, что хоронятъ,
Когда злой демонъ ангела прогонитъ.

А. М. Ѳедоровъ.

145.

„Я ненавижу“ тихо мнѣ шептали
Ея уста—любимыя уста,
Которыя создать могла лишь Красота.
Жестокія—они словами убивали,
Но жалость нѣжная проникла въ душу къ ней
И сердце тронуло любви моей страданье.
Тогда уста ея въ порывѣ состраданья,
Съ обычной кроткостью своей,
Прибавили еще два маленькія слова...
И ночь души моей смѣнилъ прекрасный день,
Исчезла темная тоскующая тѣнь,
И радость свѣтлая ко мнѣ вернулась снова.
Съ улыбкой тѣ уста поправили себя;
„Я ненавижу—не тебя“...

Г. Галина.

146.

Зачѣмъ, душа, покорно ты страдаешь,
Перенося позорный плѣнъ страстей,
И дорогой цѣною покупаешь
Ты красоту земной тюрьмы своей?
Ты тратишь жизнь на это украшенье,
А жить, душа, такъ мало намъ дано...
Твой пышный домъ не убѣжитъ отъ тлѣнья;
Червямъ же, право, будетъ все равно.
Нѣтъ, нѣтъ, душа, не будь рабою тѣла,
Но отъ него богатство отнимай,
На счетъ его красы питаясь смѣло,
Себѣ права на вѣчность покупай.
Ты пищи тлѣнной смерти не оставишь,
И смерть погибнуть съ голоду заставишь.

С. Ильинъ.

147.

Моя любовь съ горячкой злою сходна:
Ей надо то, что только длитъ недугъ.
Что аппетитъ больной захочетъ вдругъ,
И это только ей всего дороже.
Мой разумъ, врачъ любви моей, взбѣшенъ,
Что не считалась съ строгимъ предписаньемъ.
Безпомощнымъ меня оставилъ онъ.
Страсть—смерть, и ей врачъ не поможетъ знаньемъ.
Утративъ разумъ, я не излѣчимъ,
Безуменъ отъ тревоги постоянной.
Мои слова и мысли—бредъ туманный,
Безуменъ я и дикъ и чуждъ другимъ.
Вѣдь я клялся, что ты свѣтла, красива,
А ты, какъ адъ, какъ ночь, мрачна и лжива.

А. М. Ѳедоровъ.

148.

О, горе! Для чего глаза такіе мнѣ
Поставила любовь! Ихъ зрѣніе фальшиво.
А если—нѣтъ,—ты мой разсудокъ, слѣпъ на диво,
И ложно для него, что ясно имъ вполнѣ.
Вѣдь если дивна ты,—о чемъ глаза твердятъ—
Какъ можетъ свѣтъ сказать, что это не красиво.
Иль правы люди всѣ, мое же зрѣнье лживо?
Ахъ, можетъ быть! Вѣдь ихъ потоки слезъ слѣпятъ,

Томитъ безсонница. И солнца лучъ не свѣтитъ,
Пока не сгонитъ тучъ. Лукавая любовь!
Ты ослѣпляешь взглядъ слезой и не замѣтитъ
Онъ, даже прояснѣвъ отъ слезъ тумана вновь
Коварства твоего и низостей постылыхъ.
Все видя, разглядѣть онъ будетъ ихъ не въ силахъ.

А. М. Ѳедоровъ.

149.

Какъ ты могла сказать, жестокая, что я,
Ужъ не люблю тебя! Изъ-за тебя враждуя
Съ самимъ собой, въ тоскѣ тираня самъ себя—
Дружу-ль я съ тѣмъ, кого клеймишь ты, негодуя?
И угождаю-ль тѣмъ, кто вызоветъ твой гнѣвъ?
Когда нахмуришься,—не мщу-ль себѣ сурово?
Мое достоинство услужливо готово
Упасть къ твоимъ ногамъ, все,—гордость, стыдъ, презрѣнье.
Все сильное во мнѣ склоняется послушно
Предъ слабостью твоей; движеньемъ глазъ однимъ
Ты мной повелѣвать способна равнодушно.
О, презирай меня! Я понялъ все! любимъ
Тобою только тотъ, кто видитъ, что безстрастенъ.
А я? Я ослѣпленъ и долженъ быть несчастенъ.

А. М. Ѳедоровъ.

150.

Кто одарилъ тебя такою силой властной,
Чтобъ слабостью своей меня порабощать
И дѣлать лживымъ взоръ испытанный и ясный,
Заставивъ свѣту дня ночь—тьму предпочитать?
Откуда у тебя все зла очарованье,—
Что худшимъ изъ твоихъ поступковъ придаетъ
И привлекательность, и нѣгу, и сіянье?
Все зло въ тебѣ меня сильнѣй добра влечетъ.
Кто научилъ меня любить тебя заставить
За то, что ненависть должно бы пробудить,
Но пусть презрѣнное, любя, готовъ я славить,
Не презирай меня съ другими. Полюбить
Способенъ былъ я то, что людямъ ненавистно,
Тѣмъ больше я любви достоинъ безкорыстно.

А. М. Ѳедоровъ.

151.

Ужъ черезъ чуръ юна любовь, чтобъ стать
Сознательной, хоть въ ней зерно сознанья.
Поэтому не надо порицанья,
О, милая, иначе ты опять
Окажешься виновной. Совращаешь
Вѣдь ты меня. А я? Я—самъ себя.
Моя душа вѣщаетъ, что любя,
Стать можетъ плоть счастливою. А знаешь,
Довольно ей приманки и такой!
При имени твоемъ она бодрится
И на тебя, какъ на добычу, мчится;
Тебѣ готова жертвовать собой.
Не недостатокъ совѣсти заставилъ
Меня любовью звать то, что я славилъ.

А. М. Ѳедоровъ.

152.

Ты знаешь, поступилъ въ любви я вѣроломно—
Но въ вѣроломствѣ ты виновнѣе вдвойнѣ.
Ты клятву прежнюю нарушила нескромно,
И ненависть опять смѣнила страсть ко мнѣ.
Но брошу-ли въ тебя за это осужденье,
Когда я двадцать клятвъ нарушилъ для тебя.
Я съ клятвой обличалъ тебя и обличенья
Я клятвой вновь и вновь опровергалъ, любя.
Всѣмъ въ добротѣ твоей клялся я со слезами,
Клялся въ твоей любви и вѣрности твоей.
Чтобъ образъ твой сіялъ, я самъ ослѣпъ глазами
Иль клясться заставлялъ себя, какъ фарисей.
Клялся и больше лгалъ чѣмъ ты, что ты прекрасна,
И клятвой гнусность лжи я подтверждалъ безстрастно.

А. М. Ѳедоровъ.

153.

Свой факель уронивъ, красавецъ Купидонъ
Заснулъ. Одна изъ дѣвъ Діаны подхватила
Огонь любви и вмигъ свѣтильникъ опустила
Въ холодный ключъ воды, но не погасъ тамъ онъ.
Изъ пламени любви священный ключъ мгновенно.
Впиталъ безсмертный жаръ на вѣчные года.

И стала для людей цѣлительна вода
Отъ злобныхъ болѣстей, жестокихъ, какъ измѣна.
Зажегши факелъ вновь отъ глазъ, любимыхъ мною,
Для пробы мальчикъ имъ меня коснулся вдругъ.
Я исцѣленья ждалъ душой моей больною
Отъ теплыхъ водъ, куда тянулъ меня недугъ,
Но исцѣленья нѣтъ. Ключъ животворный льется
Въ очахъ возлюбленной, гдѣ пламя вновь смѣется.

А. М. Ѳедоровъ.

154.

Малютка—богъ любви, однажды, факелъ свой
На травку положивъ, забылся сномъ безпечно;
Тѣмъ временемъ къ нему подкрался рѣзвый рой
Нимфъ, давшихъ клятву дѣвственности вѣчной.
И мигомъ факелъ тотъ, въ сердцахъ будившій пылъ,
Похитили онѣ во имя обѣщаній;
Такъ нашъ уснувшій богъ восторженныхъ желаній
Рукою дѣвственницъ обезоруженъ былъ.
Тотъ факелъ бросили онѣ въ родникъ холодный,
И отъ огня любви онъ тотчасъ теплымъ сталъ—
Людскихъ страданій всѣхъ цѣлитель превосходный...
Но я въ немъ, страсти рабъ, купался... и узналъ,
Что, правда, пылъ любви и воду согрѣваетъ,
Вода же въ свой чередъ любви не охлаждаетъ.

И. Брянскій.

Вильямъ Шекспиръ.

ОЧЕРКЪ

С. А. Венгерова.

ВИЛЬЯМЪ ШЕКСПИРЪ.

ОЧЕРКЪ.

I.

„Скудость“ біографическихъ свѣдѣній о Шекспирѣ.

Біографическія свѣдѣнія о величайшемъ драматургѣ христіанскаго періода жизни человѣчества, несомнѣнно, далеко не соотвѣтствуютъ той безграничной славѣ, которою окружено его имя. Благодаря этому, главнымъ образомъ, могла возникнуть нелѣпая и пошлая въ своей основѣ Шекспиръ-Бэконовская теорія, которая не хочетъ примириться съ тѣмъ, чтобы какой-то ничтожный актеръ могъ написать такія великія произведенія.

Но скудость біографическихъ свѣдѣній о Шекспирѣ и значеніе этой скудости несомнѣнно преувеличены.

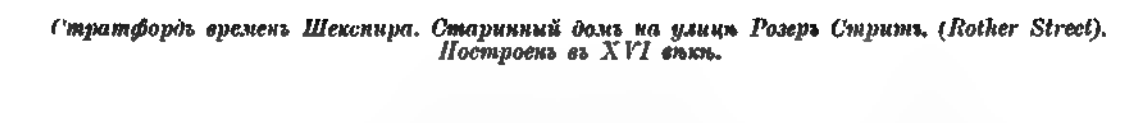
Рѣдкая, въ самомъ дѣлѣ, біографія великаго драматурга не начинается съ цитированія извѣстныхъ словъ Стивенса, одного изъ первыхъ по времени серьезныхъ шекспирологовъ:

„Все, что извѣстно съ нѣкоторою степенью достовѣрности относительно Шекспира—это то, что онъ родился въ Стратфордѣ на Авонѣ, тамъ женился и прижилъ дѣтей, отправился въ Лондонъ, гдѣ былъ сначала актеромъ, писалъ поэмы и драмы, вернулся въ Стратфордъ, сдѣлалъ завѣщаніе, умеръ и былъ похороненъ“.

Считается, что эти слова, сказанныя стотридцать лѣтъ тому назадъ, въ значительной степени сохраняютъ свою силу вплоть до нашихъ дней. И дѣйствительно, фактовъ, непосредственно касающихся Шекспира, со временъ Стивенса почти что не прибавилось.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, безпримѣрная тщательность, съ которою Шекспиромъ занимались и продолжаютъ заниматься прямо цѣлыя сотни изслѣдователей не могла остаться безплодной. Изучена до послѣднихъ мелочей та обстановка, въ которой сложилась жизнь и литературная дѣятельность Шекспира. И то, что среда, затѣмъ историческія и литературныя условія эпохи *могли* дать Шекспиру, извѣстно теперь превосходно. А то, что крылось въ индивидуальныхъ условіяхъ его великаго генія, вообще не подлежитъ констатированію. Какъ ни плодотворенъ самъ по себѣ историческій методъ изученія писателей въ связи съ фактами ихъ біографіи, этотъ методъ почти теряетъ свое значеніе въ примѣненіи къ такимъ необычайнымъ проявленіямъ творческаго генія человѣчества, какъ Шекспиръ. Безграничная глубина проникновенія въ душу человѣка, составляющая основную черту Шекспира, по самому существу своему не можетъ находиться въ какомъ-бы то ни было соотвѣтствіи съ тѣми реальными условіями мелко-буржуазнаго прозябанія, въ которомъ проходила личная жизнь этого изобразителя душевныхъ движеній царей, полководцевъ и всемірно-историческихъ героевъ. Если бы мы даже знали каждый шагъ жизни Шекспира въ Стратфордѣ, гдѣ онъ прожилъ весь тотъ періодъ, когда складывается духовный обликъ человѣка, то это ни мало не подвинуло бы насъ къ объясненію великой загадки нарожденія такого необычайнаго дарованія въ такихъ обыкновеннѣйшихъ житейскихъ условіяхъ. Стратфордъ существовалъ не одно столѣтіе до Шекспира и продолжаетъ существовать три вѣка послѣ него и не далъ ни одного даже второстепеннаго писателя,—ясно, слѣдовательно, что въ условіяхъ жизни этого городишки не было ничего такого, чтобы благопріятствовало развитію литературныхъ наклонностей.

Такъ же какъ самъ Шекспиръ создалъ вѣчные, *общечеловѣческіе* типы, такъ же какъ онъ самъ переносилъ дѣйствіе своихъ драмъ въ самыя различныя эпохи



Стратфордъ временъ Шекспира. Старинный домъ на улицѣ Розеръ Стритъ. (Rother Street). Построенъ въ XVI вѣкѣ.

пристраиваться въ качествѣ „слугъ" (servants) къ какому-нибудь знатному лорду, но и вообще къ драматической литературѣ. Уважали авторовъ поэмъ, ученыхъ, знатоковъ древности, но драма считалась низшимъ родомъ искусства, и такое выдающійся ревнитель просвѣщенія, какъ Бодлэй, пожертвованія котораго положили основаніе знаменитой „Бодлеанѣ" (библіотекѣ оксфордскаго университета), поставилъ условіемъ, чтобы на жертвуемыя имъ деньги не пріобрѣтались драмы и „тому подобная дрянь".

При такомъ отношеніи къ дѣятелямъ театра, вполнѣ понятно, почему современники, столь внимательно слѣдившіе за ходомъ событій въ жизни всѣхъ многочисленныхъ вельможъ Елизаветинскаго двора, не удѣляли ровно никакого вниманія низменной въ общемъ представленіи сферѣ театральныхъ фигляровъ. Вслѣдъ за самымъ виднымъ изъ новѣйшихъ біографовъ Шекспира — Голиуэль-Филипсомъ (Halliwel-Phillips), справедливо указываетъ другой извѣстнѣйшій шекспирологъ Доуденъ въ своемъ предисловіи къ такъ называемому Ирвинговскому изданію Шекспира, что еще меньше, чѣмъ о Шекспирѣ, сохранилось точныхъ свѣдѣній о знаменитѣйшихъ современныхъ ему драматургахъ: Марло и Флетчерѣ. И на этомъ основаніи Доуденъ приходитъ къ формулировкѣ, которой давно бы пора вытѣснить слова Стивенса:

„Мы должны удивляться по отношенію къ Шекспиру не тому, что мы такъ *мало*, а тому, что мы такъ *много* о немъ знаемъ".

Важно еще подчеркнуть, что мнимая скудость данныхъ о Шекспирѣ обусловливается тѣмъ, что шекспирологія проявила необычайно-строгое критическое отношеніе въ провѣркѣ біографическихъ свѣдѣній о великомъ драматургѣ. Она, напр., не считаетъ достаточно достовѣрными тѣ факты, которые сообщилъ первый обстоятельный біографъ Шекспира—Роу. Лѣтъ восемьдесятъ послѣ смерти Шекспира Роу на основаніи показаній старожиловъ, собранныхъ актеромъ Бетертономъ, составилъ связный разсказъ о молодыхъ годахъ великаго стратфордца, напечатанный въ изданномъ Роу въ 1709 г. собраніи сочиненій Шекспира, вмѣстѣ съ

другими собранными Роу преданіями о жизни Шекспира. Біографія Роу долго являлась безспорнымъ и обильнымъ источникомъ, до тѣхъ поръ, пока въ концѣ XVIII в. во всѣхъ странахъ не начался тотъ величайшій интересъ къ Шекспиру, который Гете характеризовалъ словами: «Shakespeare und kein Ende». Стали добиваться абсолютно точныхъ, документально подтверждаемыхъ данныхъ и Роу былъ признанъ собраніемъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ анекдотовъ. Если съ такою же строгостью отнестись ко всѣмъ инымъ жизнеописаніямъ дѣятелей прошлаго—то можно съ увѣренностью сказать, что значительнѣйшая часть литературно-біографическаго матеріала испытаетъ судьбу написаннаго съ величайшею любовью къ истинѣ труда Роу.

Главнѣйшія изысканія наиболѣе авторитетныхъ біографовъ Шекспира могутъ быть сведены къ слѣдующимъ даннымъ:

II.

Семья Шекспира.

Фамилія Шекспиръ когда-то была очень распространена во всей Англіи. Этимологическое значеніе ея—потрясатель (Shake) копья (Speare или Spere). По-русски это соотвѣтствовало бы фамиліи *Копьевъ*. Фамилія видимо указываетъ на военное происхожденіе и косвенно какъ бы подтверждаетъ дворянскія притязанія отца Шекспира. Впервые въ документахъ имя Шекспира встрѣчается въ связи съ однимъ мало почтеннымъ, но до извѣстной степени военнымъ дѣяніемъ—въ 1248 г. Вильгельмъ Shakespeare или Sakespere былъ повѣшенъ за разбой. Чрезвычайно распространена была фамилія Шекспиръ въ графствѣ Варвикъ (гдѣ находится Стратфордъ). Еще въ XVII столѣтіи въ 34 городкахъ и деревняхъ этого графства жили семьи, носившія фамилію Шекспиръ. Характерно, что особенно было распространено среди Шекспировъ имя Вильямъ. Этимъ, можетъ быть, объясняется то, что совершенно неправильно приписывалось позднѣйшимъ преданіемъ Вильяму Шекспиру-драматургу много такого, что въ дѣйствительности относится къ какому-нибудь другому, ничѣмъ не интересному Вильяму Шекспиру.

Стратфордъ временъ Шекспира. Хорошо сохранившійся домъ Катерины Роджерсъ, по мужу Гарвардъ, сынъ которой Джонъ переселился въ Америку и тамъ основалъ въ 1634 Гарвардовскій университетъ. Домъ, построенный въ концѣ XVI вѣка, принадлежитъ къ числу лучшихъ въ городкѣ.

Съ полною достовѣрностью мало можно сказать не только о дальнихъ предкахъ Шекспира, но даже о дѣдѣ его. Правда, отецъ драматурга, когда въ 1596 г. хлопоталъ о дарованіи ему дворянскаго герба, утверждалъ, что отцу его, значитъ, дѣду Вильяма король Генрихъ VII за военныя заслуги далъ земельное помѣстье въ графствѣ Варвикъ. Вѣрно-ли, однако же, это утвержденіе— документально доказать нельзя. Но, повидимому, нельзя сомнѣваться, что Шекспиръ происходилъ изъ хорошей іоменской, т. е. мелкошляхетской семьи и что не меньше 4—5 поколѣній его предковъ владѣли довольно значительными однодворческими угодьями. Въ 1389 г. нѣкій Адамъ Шекспиръ получилъ за военныя заслуги земли въ ленъ въ лежащемъ недалеко отъ Стратфорда Бэдсли-Клинтонѣ (Baddesley Gliton). Принимаютъ, что онъ былъ прадѣдъ Ричарда Шекспира, который въ началѣ XVI в. жилъ въ Вроксголѣ, въ томъ же Варвикскомъ графствѣ. Другой Ричардъ Шекспиръ, видимо очень близкій родственникъ Вроксгольскихъ Шекспировъ, жилъ въ качествѣ арендатора въ Снитерфильдѣ, деревнѣ, отстоящей на 5 верстъ отъ Страт-

Домъ, въ которомъ родился Шекспиръ, въ 1769 г.

форда. Почти нельзя сомнѣваться, что это былъ дѣдъ великаго писателя. Въ 1550 г. онъ снялъ въ аренду ферму у Роберта Ардена. Черезъ 10 лѣтъ онъ умеръ и аренда перешла къ сыну его Джону. По этому поводу имущество Ричарда Шекспира подверглось оцѣнкѣ и стоимость опредѣлена была въ 35 фунт., т. е. по нынѣшнему около 350 р. Но сравнивая тогдашнія цѣны на жизненные припасы и другіе предметы, политико-экономы пришли къ выводу, что въ то время цѣнность денегъ была приблизительно въ 8—9 разъ больше. Такимъ образомъ, имущество, доставшееся Джону, можно оцѣнить въ $2^1/_2$—3 тысячи.

Джонъ Шекспиръ былъ, видимо, одинъ изъ 3 сыновей Ричарда. Изъ нихъ одинъ—Томасъ—былъ уважаемый и зажиточный землевладѣлецъ въ Снитерфильдѣ. Другой братъ—Генрихъ Шекспиръ тоже жилъ въ Снитерфильдѣ, былъ сначала довольно богатъ, но потомъ дѣла его пошли все хуже и онъ умеръ въ 1596 г. совершенно разорившись.

Если нельзя съ безусловною достовѣрностью установить генеалогію Шекспира-отца, за то уже личную жизнь его можно прослѣдить съ большою обстоятельностью. Онъ принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ общественной жизни Стратфорда и въ городскихъ актахъ сохранилось множество слѣдовъ этой дѣятельности. Въ 1551 г. Джонъ Шекспиръ оставилъ Снитерфильдъ, гдѣ родился, и перебрался въ Стратфордъ. Здѣсь онъ завелъ торговлю сельско-хозяйственными продуктами, продавая хлѣбъ, шерсть, солодъ, мясо, шкуры. Въ нѣкоторыхъ документахъ онъ фигурируетъ какъ „перчаточникъ", но, вѣроятно, онъ только продавалъ кожу для выдѣлки перчатокъ. По преданію онъ былъ также мясникомъ. Въ общемъ, это былъ человѣкъ весьма оборотливый и ловкій. Дѣла его шли отлично, и по мѣрѣ того, какъ онъ богатѣлъ, онъ удостоивался разныхъ почетныхъ общественныхъ должностей: надзирателя за доброкачественностью пива и пищевыхъ продуктовъ, члена магистрата, городского казначея и др. Одинъ годъ онъ былъ даже мэромъ городка (High bailiff). Обязанъ онъ былъ всѣмъ этимъ почетомъ исключительно своей дѣловитости, потому что образованіе его было не то, чтобы очень большое. Если въ архивѣ Стратфордскаго городского управленія и имѣются доказательства того, что онъ умѣлъ писать,

Домъ, въ которомъ родился Шекспиръ, по гравюрѣ 1806 года.

то, все-таки, большинство документовъ онъ скрѣплялъ не подписью, а какимъ-нибудь знакомъ.

Въ 1557 г. Джонъ Шекспиръ очень выгодно женился на Мэри Арденъ, младшей дочери Роберта Ардена, состоятельнаго владѣльца мызы Вильмкотъ (упоминаемаго въ „Укрощеніи Строптивой") подъ Стратфордомъ. Родъ Арденовъ принадлежалъ къ среднему дворянству (джентри). Мэри была любимѣйшей дочерью Ардена, и къ ней перешла значительнѣйшая часть наслѣдства. Этому обстоятельству біографы Шекспира придаютъ извѣстное значеніе, потому что Робертъ Арденъ былъ ревностный приверженецъ тогда очень преслѣдуемаго католичества. Надо поэтому полагать, что разъ онъ такъ любилъ Мэри, предпочтительно передъ женою и 6 дочерьми, то между прочимъ оттого, что находилъ въ ней сочувствіе своимъ убѣжденіямъ. Кромѣ ея возможной приверженности къ католицизму, для характеристики матери Шекспира извѣстно только то, что она видимо не получила никакого образованія, такъ какъ на документахъ, гдѣ требовалась ея подпись, имѣется только знакъ.

III.

Дѣтство Шекспира.

Въ 1558 г. Мери Шекспиръ родила дочь Іоганну, въ 1562 г. вторую дочь Маргариту, но обѣ онѣ умерли въ младенчествѣ. Въ концѣ апрѣля 1564 г. родилось третье дитя—Вильямъ. Вполнѣ точно день рожденія великаго драматурга не установленъ. По преданію, долго живущему въ его потомствѣ, онъ родился въ тотъ же день, когда 52 года спустя умеръ—23 апрѣля. Крещеніе его въ главной Стратфордской церкви — Св. Троицы (Holy Trinity) занесено подъ 26 апрѣля стараго стиля, тогда еще не отмѣненнаго въ Англіи. Всякому туристу, посѣщающему эту главную цѣль литературнаго паломничества въ Стратфордъ (здѣсь погребенъ Шекспиръ), прежде всего бросается въ глаза поставленная у входа деревянная пергаментная метрическая книга. Это настоящая „книга живота" Шекспира и его близкихъ—тутъ записи и о рожденіи его, и о смерти, и о

фордъ какъ-бы стоитъ незначительнымъ клочкомъ среди полей, а тогда смѣсь „города" съ деревней была, очевидно, еще сильнѣе. Улица, на которой прошла самая впечатлительная пора жизни Шекспира, имѣла особенно деревенскій характеръ: она потому называлась улицею Генли, что въ сущности это была дорога, которая вела въ сосѣдній городокъ Генли.

Несомнѣнно, слѣдовательно, и безъ всякихъ индивидуальныхъ свѣдѣній о Шекспирѣ, что выросъ онъ, какъ и всякій деревенскій мальчикъ, рѣзвясь и бѣгая по полямъ и лѣсамъ. Этимъ объясняется то превосходное знаніе природы, которымъ поражаютъ произведенія Шекспира. Спеціалисты ботаники, садоводы, зоологи и энтомологи составили длиннѣйшіе перечни травъ, деревьевъ, плодовъ, птицъ, насѣкомыхъ, о которыхъ Шекспиръ говорилъ, хотя и мимоходомъ, но съ необыкновенною точностью и мѣткостью характеризаціи. Точность усвоенія и вообще-то составляетъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ сторонъ во все углубляющагося генія Шекспира. Моряки, напримѣръ, совершенно поражены тѣмъ точнымъ знаніемъ столь чуждаго ему морского дѣла, которое онъ проявилъ въ „Бурѣ". Ему, очевидно, достаточно было однихъ разговоровъ съ какими-нибудь моряками, чтобы превосходно усвоить все существенное. Тѣмъ проникновеннѣе, конечно, изображеніе того, что онъ самъ вычиталъ изъ великой книги природы. Чарующая поэзія картинъ природы у Шекспира (особенно богатъ ими „Сонъ въ лѣтнюю ночь") глубоко пережита и перечувствована; въ нихъ всегда видно не только знаніе, но и глубокая любовь. Оттого, между прочимъ, даже въ такихъ условныхъ произведеніяхъ его, какъ миѳологическая поэма „Венера и Адонисъ", мало той „пастушеской" сентиментальности, которою отличаются „сельскія", созданныя по классическимъ образцамъ, произведенія его современниковъ.

Несомнѣннымъ отголоскомъ почти деревенскаго быта, среди котораго прошла юность Шекспира, является и тотъ яркій отпечатокъ фольклора, который лежитъ на всѣхъ его произведеніяхъ. Они полны намековъ на многочисленные веселые обряды и повѣрья, которые отличаютъ Англію на рубежѣ перехода отъ дававшаго просторъ фантастическому элементу католицизма къ мрачному пуританству, съ такою неумолимостью вышучиваемаго Шекспиромъ (особенно въ „Двѣнадцатой ночи", фигура Мальволіо). Еще не наступилъ святошескій режимъ аскетическихъ сектъ XVII вѣка, изгнавшихъ изъ Англіи „бѣсовскія" навожденія „языческихъ" переживаній, еще живъ былъ духъ той „веселой старой Англіи" (Old merry England), который сообщаетъ столько заразительной жизнерадостности и искрящагося смѣха тѣмъ пьесамъ и отдѣльнымъ сценамъ, гдѣ Шекспиръ не предается своимъ пессимистическимъ настроеніямъ. Одновременно съ обрядами и повѣрьями, въ памяти Шекспира живо запечатлѣлись постоянно мелькающія въ его драмахъ старыя народныя пѣсни и баллады, чуждыя уже большимъ городамъ, но еще распѣваемыя странствующими пѣвцами по базарамъ мелкихъ городовъ и селъ.

Къ числу дѣтскихъ впечатлѣній Шекспира, несомнѣнно, принадлежатъ и отголоски вѣковой кровавой распри Алой и Бѣлой Розы. Стратфордъ находится въ центрѣ графства, носящаго имя одного изъ самыхъ

Пріемная комната (Parlour) и кухня въ домѣ, гдѣ родился Шекспиръ.

...ается, что эта комната была спальней молодого Шекспира.

Здѣсь преподавалась мудрость вѣка — классическіе языки и литература. Шекспиръ не принадлежалъ къ числу особенно прилежныхъ учениковъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ его другъ и великій почитатель — извѣстный писатель Бенъ-Джонсонъ, сообщающій, что изъ школы Шекспиръ вынесъ „немного латыни и еще менѣе греческаго языка“ („Small Latin, and less Greek)“. Однако классическихъ цитатъ не мало разсѣяно въ произведеніяхъ Шекспира, особенно раннихъ, и къ числу того немногаго, что осталось непосредственно отъ великаго писателя, относится экземпляръ Овидія (въ Бодлеянской библіотекѣ), принадлежавшій Шекспиру и носящій его автографъ на заглавномъ листкѣ. Самое преподаваніе классической премудрости, оче-

торыхъ его произведеній, которые онъ изъ англійскихъ источниковъ почерпнуть не могъ. Если, напримѣръ, совершенно несомнѣнно, что съ Плутархомъ, давшимъ ему чрезвычайно обильный матеріалъ для римскихъ трагедій („Юлій Цезарь“, „Антоній и Клеопатра“, „Коріоланъ“) Шекспиръ познакомился по англійскому переводу, то есть нѣсколько драмъ его и при томъ такихъ знаменитыхъ, какъ „Венеціанскій купецъ“ и „Отелло“, фабула которыхъ заимствована изъ итальянскихъ новеллъ Джовани („Pecorone“) и Чинтіо („Hecatommithi“), на англійскій языкъ не переведенныхъ. Не исключена, правда, возможность того, что содержаніе этихъ итальянскихъ новеллъ Шек-

Задній фасадъ дома, гдѣ родился Шекспиръ.

по фотографіи 1863, дающей лучшее представленіе о фасадѣ. Вечеръ сам. въ которомъ разведены всѣ упоминаемыя у Шекспира растенія, разросся и въ значительной степени заслоняетъ домъ.

спиръ могъ узнать отъ кого-нибудь изъ своихъ многочисленныхъ свѣтскихъ знакомыхъ. Нѣкоторыя въ книгахъ ненаходимыя подробности итальянской жизни, изображенной имъ многократно, онъ даже навѣрное могъ знать только по устнымъ разсказамъ лицъ, путешествовавшихъ по Италіи. Мѣстный колоритъ итальянской жизни такъ ярокъ у Шекспира, что создалась даже цѣлая теорія о томъ, что Шекспиръ—въ какой-нибудь труппѣ славившихся тогда англійскихъ актеровъ — въ молодости побывалъ въ Италіи. На самомъ дѣлѣ, Шекспиръ, конечно, никогда не былъ въ Италіи, иначе онъ не заставилъ бы Валентина изъ „Двухъ Веронцевъ" отправляться изъ Вероны въ Миланъ морскимъ путемъ, или Проспера изъ „Бури" садиться на морской корабль въ миланской „гавани". Яркость мѣстнаго колорита итальянскихъ драмъ Шекспира представляетъ собою, такимъ образомъ, только одно изъ многочисленныхъ проявленій необыкновеннаго дара его все усваивать и органически перерабатывать. Этимъ же путемъ могъ онъ по устной передачѣ усвоить сюжеты, взятые изъ итальянскихъ новеллъ. Но, все таки, точное сравненіе содержанія новеллъ-первоисточниковъ и заимствованныхъ изъ нихъ драмъ, совпаденіе многочисленныхъ и притомъ очень

Музей и библіотека въ домѣ, гдѣ родился Шекспиръ

мелкихъ подробностей, почти не оставляетъ сомнѣнія, что Шекспиръ имѣлъ передъ глазами, при созданіи этихъ драмъ, книгу.

Лѣтъ въ 14 — 15 кончалась школьная наука. Шекспиръ, несомнѣнно, сталъ помогать отцу, дѣла котораго въ это время становились все хуже и хуже. Было ли это слѣдствіемъ увеличенія семейства — послѣ Вильяма родились еще три сына и 2 дочери, — или общаго экономическаго кризиса, пережитаго Стратфордомъ въ концѣ XVI вѣка, но только прежнее благосостояніе таетъ. Закладывается и затѣмъ пропадаетъ полученная за женою земля, закладывается и продается другое имущество, недавній почетный представитель городского самоуправленія неисправно даже платитъ налоги, попадаетъ въ заключеніе за долги, перестаетъ ходить въ церковь, боясь встрѣчи съ кредиторами. Чѣмъ именно помогалъ молодой Вильямъ отцу — съ точностью сказать трудно. По одному преданію, онъ яко-бы помогалъ отцу въ ремеслѣ мясника, по другому—былъ школьнымъ учителемъ въ сосѣднихъ деревняхъ, по третьему—служилъ клеркомъ у юриста. Послѣднее считаетъ очень вѣроятнымъ извѣстный шекспирологъ Фэрниваль, находя въ этомъ объясненіе не только изумляющаго юристовъ точнаго знанія англійскаго права, разсѣяннаго въ драмахъ Шекспира, но и замѣчательнаго изображенія душевныхъ болѣзней въ „Гамлетѣ", „Лирѣ" и др. Психіатры считаютъ это изображеніе безусловно точнымъ, и такъ какъ Шекспиръ во всякомъ случаѣ не былъ врачемъ, то близкое знакомство съ душевными заболѣваніями всего скорѣе могло быть пріобрѣтено въ конторѣ юриста. Однако же, всего вѣроятнѣе, что и знаніе права и вѣрное природѣ изображеніе тогда еще ложно понимаемыхъ душевныхъ болѣзней—все то же проявленіе геніальной способности великаго сердцевѣда вдумываться въ каждое положеніе до того, что оно исчерпывается въ самыхъ сокровенныхъ глубинахъ своихъ.

III.

Женитьба.

Въ 18 съ небольшимъ лѣтъ (въ ноябрѣ 1582 г.) Шекспиръ совершаетъ чрезвычайно-рискованный съ житейской точки зрѣнія шагъ: онъ женится на старшей его 8 годами Аннѣ Гесуэ (Hathavay), дочери довольно состоятельнаго однодворца изъ лежащей въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Стратфорда мѣстности Шотери.

Условія, при которыхъ Шекспиръ совершилъ этотъ мало-практическій шагъ, очень обстоятельно можно прослѣдить по документамъ, и едвали слѣдуетъ сомнѣваться въ томъ, что бракъ былъ вынужденный. Свадебный обрядъ совершенъ безъ участія родителей Шекспира и съ обходомъ нѣкоторыхъ обычныхъ формальностей со стороны родственниковъ невѣсты, а черезъ 6 мѣсяцевъ—въ маѣ 1583 г.—у Шекспира родилась дочь Сузанна.

Установлено, правда, что въ Англіи того времени не считалось особенно зазорнымъ жениху вступать въ права мужа тотчасъ послѣ обрученія. Въ драмахъ самого Шекспира можно найти тому доказательства. Такъ, Клавдіо въ „Мѣрѣ за мѣру" оправдывается тѣмъ, что если онъ и „завладѣлъ ложемъ" своей Юліи, то „послѣ честнаго обрученія". Но именно изъ тѣхъ экстренныхъ обстоятельствъ, при которыхъ состоялось вѣнчаніе, несомнѣнно, что „честнаго обрученія" не было. А когда Шекспиръ писалъ „Бурю" (1610) и былъ отцомъ двухъ дочерей, изъ которыхъ одну только что выдалъ замужъ, а другую собирался выдавать, онъ съ явно-субъективною страстностью заставилъ Просперо обратиться къ жениху его дочери Миранды съ такимъ напоминаніемъ:

Но если до того, пока обрядъ
Священникомъ вполнѣ не совершится,
Ты дѣвственный развяжешь поясъ ей,
То никогда съ небесъ благословенье
На вашъ союзъ съ любовью не сойдетъ...
О, нѣтъ! раздоръ, презрѣнье съ ѣдкимъ взоромъ
И ненависть безплодная тогда
Насыпятъ къ вамъ на брачную постель
Негодныхъ травъ, столь ѣдкихъ и колючихъ,
Что оба вы соскочите съ нея.

Въ этихъ словахъ, не безъ извѣстной доли основанія, хотятъ видѣть доказательство, что семейнаго счастія неравный бракъ не принесъ. Въ другихъ пьесахъ Шекспира можно найти указанія того, что онъ считалъ бракъ нормальнымъ только тогда, когда невѣста моложе жениха. Въ „Двѣнадцатой ночи", напр., герцогъ говоритъ:

Жена должна избрать себя постарше,
Тогда она прилѣпится къ супругу
И будетъ царствовать въ груди его

Главная улица современнаго Стратфорда Чепль Стритъ (Chapel Street). На переднемъ планѣ старинная постройка Елизаветинскаго времени—«Пять крышъ» (Five gables), съ главнымъ Стратфордскимъ отелемъ «Shakespeare Hôtel»; на заднемъ планѣ старая ратуша и примыкающая къ ней грамматическая школа, въ которой учился Шекспиръ. У поворота въ улицу налѣво—остатки Нью-Плэса, дома, въ которомъ жилъ послѣдніе годы жизни и умеръ Шекспиръ.

Музей въ домѣ, гдѣ родился Шекспиръ. Школьный пюпитръ (Desk), по преданію принадлежавшій Шекспиру.

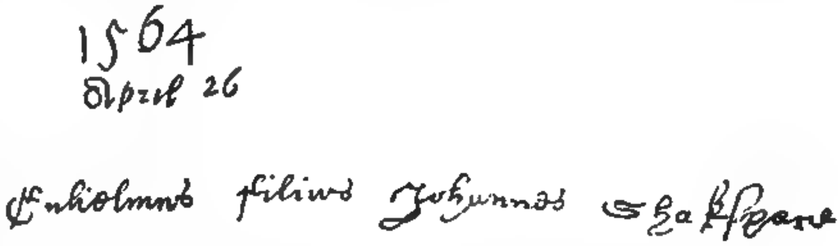
Наконецъ, собственно для характеристики самой Анны Гэсуэ, нѣкоторые хотятъ усмотрѣть автобіографическое значеніе въ одной изъ самыхъ раннихъ пьесъ Шекспира—„Комедіи ошибокъ", гдѣ рѣчь идетъ, между прочимъ, о ревнивыхъ женахъ.

Помимо, однако, этихъ косвенныхъ и недостаточно-доказательныхъ намековъ, важно отмѣтить, что легкомысленный бракъ Шекспира во всякомъ случаѣ не оказалъ сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на его личную жизнь, и—что въ данномъ случаѣ, конечно, всего важнѣе—не оказалъ ровно никакого вліянія на его литературную дѣятельность. Если Шекспиръ вскорѣ поѣдетъ въ Лондонъ, то во-первыхъ потому, что помимо собственной семьи, онъ никогда не перестанетъ ревностно заботиться объ улучшеніи матеріальнаго положенія отца, а главное потому, что необъятныя силы созрѣвающаго генія начинаютъ клокотать и рвутся на широкую арену дѣятельности. А переѣхавши въ Лондонъ, Шекспиръ морально почти перестаетъ существовать для оставшейся въ Стратфордѣ семьи, которую посѣщаетъ разъ или два въ годъ. На склонѣ лѣтъ онъ, правда, возвращается и навсегда поселяется въ родномъ гнѣздѣ, но уже пора творчества почти миновала тогда и все великое было дано человѣчеству. Едва ли можно считать простою случайностью, что дѣтей Шекспиръ имѣлъ только въ первые 3 года брака—кромѣ Сузанны у него въ 1585 г. родились два близнеца—сынъ Гамнетъ (англійская форма имени Гамлетъ) и дочь Юдиѳь, изъ которыхъ, къ великому огорченію отца, сынъ умеръ ребенкомъ въ 1596 г.

Можно было бы говорить о пессимистическомъ вліяніи брака Шекспира на его литературную дѣятельность, если бы онъ являлся въ ней женоненавистникомъ. Но въ дѣйствительности, во всей всемірной литературѣ нѣтъ писателя, въ произведеніяхъ котораго женщина была бы окружена такимъ ослѣпительнымъ сіяніемъ самыхъ привлекательныхъ качествъ, какъ у Шекспира. „Укрощеніе Строптивой" въ счетъ не должно итти, потому что въ ней почти нѣтъ личнаго творчества: это простая передѣлка, съ самыми незначительными измѣненіями, чужой пьесы. Къ тому же и въ

этой, въ сущности только добродушно-насмѣшливой, а вовсе не злой буффонадѣ, героиня только недостаточно дисциплинирована, а въ основѣ своей она добрая и любящая жена. Изъ дѣйствительно отрицательныхъ и притомъ чисто-женскихъ типовъ можно указать развѣ только на вѣроломную Крессиду („Троилъ и Крессида") и на распутницу Тамору въ юношескомъ и, можетъ быть, Шекспиру вовсе и не принадлежащемъ „Титѣ Андроникѣ", да на Клеопатру, которая, однако, въ концѣ концовъ, вполнѣ искупаетъ свою вину героическою смертью. Другіе отрицательные женскіе типы—неблагодарныя дочери Гонерилья и Регана изъ „Лира", преступно-честолюбивая лэди Макбетъ, кровожадная королева Маргарита („Генрихъ VI")—представляютъ собою воплощеніе не спеціально-женскихъ чертъ характера, а общечеловѣческихъ, свойственныхъ обоимъ поламъ страстей и пороковъ. Зато апоѳеозомъ однѣмъ только женщинамъ свойственныхъ достоинствъ являются такія лучезарныя воплощенія самоотверженной любви, какъ Корделія, Дездемона, Имогена („Цимбелинъ"), Юлія („Два веронца"), Герміона („Зимняя сказка") и много другихъ героинь во второстепенныхъ пьесахъ; такіе обаятельно-поэтическіе образы какъ Офелія, Джульетта, Миранда („Буря"), Пердитта („Зимняя сказка").

Но если галлерея идеальныхъ женщинъ Шекспира вполнѣ освобождаетъ Анну Гэсуэ отъ какихъ-бы то ни было нареканій, то еще менѣе она, несомнѣнно, повинна въ томъ, что эта галлерея является такимъ апоѳеозомъ женщины. Оригиналомъ для обязательныхъ героинь Шекспира, конечно, не была крестьянка изъ Шотери, перезрѣлая и не находившая охотниковъ для своихъ прелестей даже въ моментъ перваго знакомства съ нею Шекспира и приближавшаяся къ 40 годамъ въ періодъ наиболѣе интенсивной поры творчества великаго писателя. Знакомство съ женщинами Шекспиръ пріобрѣлъ въ эпоху лондонской жизни, когда онъ вращался въ самыхъ различныхъ слояхъ общества. Главнымъ же образомъ, конечно, свѣтлые женскіе образы Шекспира взяты изъ тайниковъ собственныхъ мечтаній поэта. Если всѣ героини Шекспира въ основныхъ очертаніяхъ своего характера и заимствованы изъ тѣхъ же литературныхъ источниковъ, которые дали ему фабулы его драмъ, то Шекспиръ углубилъ эти характеры собственнымъ поэтическимъ прозрѣніемъ и волшебно озарилъ свѣтомъ жившаго въ его душѣ поэтическаго идеала.



Запись въ метрической книгѣ Стратфордской церкви св. Троицы о рожденіи Шекспира.

Древняя купель въ Стратфордской церкви св. Троицы. Вѣроятно, что въ ней былъ крещенъ Шекспиръ.

IV.

Шекспиръ и сэръ Томасъ Люси.

Около 1585—86—87 гг. Шекспиръ оставляетъ Стратфордъ и уѣзжаетъ въ Лондонъ. Къ числу вѣроятныхъ мотивовъ отъѣзда—необходимости изыскать средства для поддержки собственной и отцовской семьи и желанія приложить свои пробуждающіяся силы къ чему-нибудь крупному и яркому, преданіе прибавляетъ еще одинъ, несомнѣнно имѣющій за собою извѣстную фактическую подкладку. Первый біографъ великаго драматурга—Роу сообщаетъ, что Шекспиръ, „какъ это часто бываетъ съ молодыми людьми, попалъ въ дурное общество, между прочимъ занимавшееся браконьерствомъ, и вмѣстѣ съ товарищами онъ не разъ охотился за дичью въ Чарльзкотскомъ паркѣ близъ Стратфорда, принадлежавшемъ сэру Томасу Люси. За это онъ подвергся преслѣдованію со стороны владѣльца, по мнѣ-

нію Шекспира слишкомъ суровому. Чтобы отомстить, Шекспиръ сочинилъ на него балладу. И хотя эта баллада—можетъ быть, первая поэтическая попытка Шекспира—потеряна, но, судя по разсказамъ, она преисполнена такой ѣдкости, что Люси удвоилъ свои преслѣдованія, которыя дошли до того, что Шекспиръ долженъ былъ бросить семью и всѣ свои дѣла въ Варвикшайрѣ и спастись въ Лондонъ".

По другому старому разсказу, принадлежащему умершему въ 1708 г. глостерскому священнику Дэвису, сэръ Люси „часто подвергалъ побоямъ и тюремному заключенію" молодого браконьера, „за что тотъ впослѣдствіи изобразилъ его въ видѣ дурака-судьи".

Этотъ эпизодъ браконьерства Шекспира и преслѣдованій владѣльца великолѣпнаго Чарльзкотскаго замка по настоящее время пользуется большою извѣстностью. Пробовали оспаривать достовѣрность разсказа Роу тѣмъ, что въ XVI вѣкѣ въ Чарльзкотѣ еще не было охотничьяго парка. Но у сэра Люси было много другихъ лѣсныхъ угодій кругомъ Стратфорда и это не можетъ служить препятствіемъ къ тому, чтобы признать за разсказомъ большую долю правдоподобія. Несомнѣнно, во-первыхъ, что Шекспиръ былъ страстнымъ спортсменомъ—объ этомъ свидѣтельствуетъ одна изъ ранніхъ его литературныхъ попытокъ—поэма „Венера и Адонисъ", показывающая въ немъ превосходнѣйшаго знатока охоты и лошадинаго спорта. Вполнѣ вѣроятно, поэтому, что вообще шибко жившій Шекспиръ предавался любимой всей тогдашней молодежью (въ томъ числѣ и университетской) „шалости"—браконьерству, которое, правда, тогда уже преслѣдовалось, но общественнымъ мнѣніемъ не клеймилось. Но правдоподобіе превращается почти въ увѣренность благодаря отмѣченному еще Дэвисомъ литературному воспроизведенію сэра Люси. И во II части „Генриха" IV" и въ „Виндзорскихъ Кумушкахъ" фигурируетъ одинъ и тотъ же глупый, старый судья, Шалло, т. е. Пустозвонъ или Безмозглый, который все жалуется, что у него воруютъ дичь. „Въ Генрихѣ IV" специфическія черты сходства Шалло и реальнаго сэра Люси еще не ясно выражены. Но въ „Виндзорскихъ Кумушкахъ" нападеніе ведется уже совершенно открыто. И въ дѣйствительномъ гербѣ сэра Люси и въ гербѣ Шалло имѣются luces—щуки, которыя въ коверкающемъ англійскія слова произношеніи одного изъ дѣйствующихъ лицъ „Виндзорскихъ Кумушекъ" — валисца Эванса превращаются въ „lowses", т. е. вшей. И такъ какъ, въ добавокъ, по англійски слово coat обозначаетъ и платье и поле герба, то получается забавнѣйшій каламбуръ: вмѣсто того, чтобы сказать—щуки очень идутъ къ старому гербу,—Эвансъ на своемъ коверкающемъ нарѣчіи говоритъ: вши очень идутъ къ старому платью. Этотъ каламбуръ, видимо, создалъ Люси комическую извѣстность и что ударъ попалъ въ цѣль, можно судить потому, что въ Чарльзкотской библіотекѣ изъ всѣхъ современныхъ изданій отдѣльныхъ пьесъ Шекспира отыскалось только одно—„Виндзорскія Кумушки".

Знакъ вмѣсто подписи Джона Шекспира. (Изъ документовъ въ архивѣ Стратфордскаго городского управленія.

Если припомнить, что въ сохранившихся о немъ отзывахъ Шекспиръ рисуется намъ человѣкомъ очень добродушнымъ и корректнымъ, то становится яснымъ, что у него вышло когда-то очень крупное столкновеніе съ владѣльцемъ Чарльзкотта, разъ онъ не забылъ его даже чрезъ 10—12 лѣтъ и на высотѣ славы.

V.

Шекспиръ-актеръ.

О первыхъ 5—7 годахъ пребыванія Шекспира въ Лондонѣ, именно до 1592 г., нѣтъ сколько-нибудь точныхъ свѣдѣній, хотя, конечно, нѣтъ никакого сомнѣнія относительно того, что онъ сразу-же пристроился къ театральному дѣлу. Англійскій театръ переживалъ въ концѣ XVI вѣка эпоху поразительно-быстраго и блестящаго расцвѣта. Этотъ расцвѣтъ соотвѣтствуетъ

Домъ матери Шекспира—Мэри Арденъ въ Вильмкоте, близъ Стратфорда.

общему подъему бившей ключемъ національной жизни того времени. Богатое удачами царствованіе Елизаветы высоко подняло національное сознаніе Англіи, самое блестящее удовлетвореніе которому— истребленіе испанской „Непобѣдимой Армады"— относится какъ разъ къ первымъ годамъ лондонской жизни Шекспира. Одного такого событія, освободившаго угнетенныя сердца отъ грозной и, казалось, неустранимой страшной опасности было достаточно, чтобы поднять и безъ того жизнерадостное настроеніе шумной и веселой столицы, уже тогда вмѣщавшей огромное по тому времени количество 300.000 жителей. Нравъ самой Елизаветы, веселая жизнь которой находится въ такомъ маломъ соотвѣтствіи съ напыщеннымъ прославленіемъ въ одахъ, драмахъ и т. д. ея непреклонной „дѣвственности", тоже, конечно, много содѣйствовалъ общей погонѣ за наслажденіемъ. Елизавета „сама жила и давала жить другимъ". Въ почти лихорадочной жаждѣ развлеченій, которой одолѣваемая, но еще не побѣжденная суровымъ пуританствомъ Англія предавалась теперь, театръ занималъ, конечно, одно изъ первыхъ мѣстъ. Еще недавно актеры стояли на самой послѣдней ступени общественной лѣстницы, приравнивались къ нищимъ и бродягамъ и были почти внѣ закона. Теперь они, правда, тоже должны были становиться подъ патронатъ какого-нибудь очень знатнаго вельможи и считаться его слугами (Servants), но это-то и гарантировало имъ безопасность и благоденствіе. Вмѣсто наскорс-сколоченныхъ подмостковъ или крошечной, перевозимой на колесахъ сцены, появляются постоянныя театральныя зданія и число этихъ театровъ растетъ въ поражающей прогрессіи. Въ 1576 г. былъ построенъ первый постоянный лондонскій театръ, въ первые годы лондонской жизни Шекспира ихъ было уже не менѣе 3, а затѣмъ число все росло и въ первой четверти XVII вѣка дошло до 19-ти; цифра при 300.000 населеніи огромная даже для нашего времени.

Самые театры, однако, весьма мало соотвѣтствуютъ позднѣйшимъ понятіямъ и примитивностью ихъ устройства объясняется многое во внѣшнихъ особенностяхъ и архитектоникѣ шекспировскихъ пьесъ. Не было тогда ни декорацій, ни костюмовъ, не было женщинъ-исполнительницъ и женскія роли игрались молодыми актерами. Отсюда та легкость, съ которою Шекспиръ перебрасываетъ мѣсто дѣйствія изъ Рима въ Египетъ, изъ Египта въ Грецію, изъ Англіи во Францію и т. д., или заставляетъ летать по воздуху эльфовъ и вѣдьмъ; та активная роль, которую играетъ у Шекспира многоголовая по-смыслу его пьесъ толпа, наконецъ, безпрерывное введеніе на сцену знаменитыхъ и, конечно, кровопролитныхъ битвъ, съ тысячами участниковъ. Для инсценированія всей этой ставящей въ такое затрудненіе современныхъ режиссеровъ сложной обстановки, въ то время ровно ничего не требовалось: достаточно было либо словеснаго заявленія актера, либо дощечки съ соотвѣтствующею надписью, и воображеніе зрителя все дополняло.

Но собственно сценическое искусство стояло очень высоко и по живой театральной традиціи такіе исполнители, какъ знаменитый товарищъ Шекспира трагикъ Бэрбеджъ (Burbadge) или Алэнъ, Фильдъ и др. не уступали въ талантѣ самымъ выдающимся дѣятелямъ позднѣйшей англійской сцены.

Въ чемъ первоначально выражалась причастность Шекспира къ театру, трудно сказать съ полною опредѣленностью, но неясность тутъ только относительно подробностей, а въ общемъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, онъ быстро занялъ виднѣйшее положеніе въ театральномъ мірѣ. По одному преданію, Шекспиръ началъ съ того, что присматривалъ за лошадьми посѣтителей театра—въ то время каретъ еще не было и болѣе состоятельные люди пріѣзжали верхомъ. По другому, вполнѣ правдоподобному, преданію онъ былъ чѣмъ-то вродѣ помощника суфлера, вызывая очередныхъ актеровъ.

Но несомнѣнно, что Шекспиръ очень быстро послѣ пріѣзда въ Лондонъ сталъ настоящимъ актеромъ, потому что уже въ 1592 году брошюра Четля (см. дальше), говоритъ о немъ, какъ о „прекрасномъ представителѣ театральной профессіи". Въ сохранившихся спискахъ актеровъ имя Шекспира поминается всегда изъ первыхъ, а издатели собранія его сочиненій (1623)— Кондель и Юмингъ, товарищи его по сценѣ, говорятъ о немъ, какъ объ отличномъ актерѣ, принимавшемъ участіе во всѣхъ написанныхъ имъ драмахъ. Какія, однако, роли онъ исполнялъ — точныхъ указаній нѣтъ. Но, видимо, великій драматургъ принадлежалъ, какъ исполнитель только къ числу театральныхъ „полезностей", такъ какъ въ сохранившихся преданіяхъ объ его актерской дѣятельности называются только роли

Замокъ Варвикъ. Большой залъ.

второстепенныя—духа убитаго короля въ „Гамлетѣ", старика Адама въ „Какъ вамъ это нравится" и какой-то королевской роли, которую онъ игралъ въ присутствіи Елизаветы.

Но Шекспиръ во всякомъ случаѣ очень близко принималъ къ сердцу актерскіе интересы не только потому, что самъ всю сознательную часть жизни провелъ въ театральной обстановкѣ, а и потому—что придавалъ театру весьма важное общественно-моральное значеніе. Если въ 111-мъ сонетѣ, онъ, намекая на свое актерское званіе, говоритъ о немъ съ большою горечью, какъ о чемъ-то такомъ, что покрыло его имя позоромъ, то эта горечь, очевидно, есть выраженіе того негодованія, съ которымъ Шекспиръ относился къ исчезавшему, но еще не исчезнувшему вполнѣ пренебреженію высшихъ классовъ къ сценическимъ дѣятелямъ. Въ самомъ центральномъ изъ великихъ его произведеній—„Гамлетѣ"—любимѣйшій его герой—самъ Гамлетъ съ такимъ энтузіазмомъ говоритъ о театрѣ, какъ объ учрежденіи, въ которомъ „отражается вся природа" и въ которомъ „добро, зло, время и люди должны видѣть себя, какъ въ зеркалѣ", что несомнѣнно устами Гамлета авторъ здѣсь высказалъ самыя завѣтныя собственныя свои мысли.

Рѣчь Гамлета къ актерамъ является также первостепеннымъ источникомъ для характеристики взглядовъ Шекспира на сценическое искусство. Поразительно здѣсь, что въ вѣкъ изощреннѣйшей изысканности онъ настойчиво предостерегаетъ актера отъ того, „чтобы не переступать за границу естественнаго", потому что „все, что изысканно, противорѣчитъ намѣренію театра, цѣль котораго была, есть и будетъ—отражать въ себѣ природу". Великій реалистъ гнѣвно ополчается на актеровъ, которые „разрываютъ страсть въ клочки, чтобы гремѣть въ ушахъ райка, который не смыслитъ ничего, кромѣ неизъяснимой нѣмой пантомимы и крика. Такого актера я въ состояніи бы высѣчь за его крикъ и натяжку".

VI.

Первые успѣхи.

Къ 1592 году относится одинъ весьма любопытный и важный эпизодъ литературной біографіи Шекспира, важный тѣмъ, что здѣсь мы изъ устъ *врага* узнаемъ о томъ

крупномъ успѣхѣ, который весьма скоро выпалъ на долю молодого провинціала, поѣхавшаго искать счастья въ столицѣ. Этимъ врагомъ и задыхающимся отъ ярости ненавистникомъ является умирающій даровитый Гринъ, одинъ изъ самыхъ крупныхъ предшественниковъ Шекспира на пути расцвѣта англійской драмы. Человѣкъ безпутнѣйшаго, какъ и большинство тогдашнихъ писателей, образа жизни, доведшій себя до того, что онъ умиралъ въ полнѣйшей нищетѣ, Гринъ почувствовалъ передъ смертью потребность публично покаяться и издалъ въ 1592 г. брошюру, „На грошъ мудрости, пріобрѣтенной милліономъ раскаянія" (A Croats-worth of Wit bought with a Millon of Repentance). И вотъ тутъ онъ, мимоходомъ, дѣлаетъ бѣшеный наскокъ на Шекспира. Обращаясь къ 3 друзьямъ-драматургамъ, изъ которыхъ двое знаменитые Марло и Нэшъ, а третій—либо Пиль, либо Лоджъ, онъ предостерегаетъ ихъ противъ тѣхъ, „которые берутъ наши слова себѣ въ ротъ", противъ „шутовъ, носящихъ наши цвѣта".

„Не вѣсть откуда выскочившая ворона важно щеголяетъ въ нашихъ перьяхъ. *Сердце тигра въ оболочкѣ актера* (Tygers heart wrapt in a players hide), она воображаетъ, что можетъ вымотать изъ себя бѣлый стихъ не хуже вашего, а будучи всего только *Иваномъ на всѣ руки* (Johannes fac totum) воображаетъ себя единственнымъ потрясателемъ сцены (Shake-scene) всей страны"...

Не можетъ быть никакихъ сомнѣній относительно того, о какой „воронѣ" въ чужихъ перьяхъ тутъ идетъ рѣчь.

„Сердце тигра въ оболочкѣ актера"—есть прямая пародія стиха изъ только что поставленной тогда Шекспиромъ съ огромнѣйшимъ успѣхомъ третьей части „Генриха VI", гдѣ королева Маргарита характеризуется какъ *сердце тигра въ оболочкѣ женщины* (Tygers heart wrapt in a woman's hide).

Иванъ на всѣ руки—намекъ на разнообразную дѣятельность Шекспира въ качествѣ автора, актера и отчасти директора театра. А въ каламбурѣ съ „потрясателемъ сцены"—„потрясатель копья" (Shakespeare) почти названъ по имени.

Называя Шекспира вороной въ чужихъ перьяхъ, Гринъ до извѣстной степени былъ правъ—„Генрихъ VI", какъ и всѣ вообще драмы Шекспира, несомнѣнно заимствованъ и по сюжету, и по отдѣльнымъ деталямъ. А то, что Шекспиръ отъ себя внесъ въ эту слабую первую драматическую попытку свою, было слишкомъ незначительно, чтобы заставить забыть фактъ заимствованія, которое мы такъ охотно прощаемъ Шекспиру въ другихъ пьесахъ его, гдѣ геній его изъ грубого камня „заимствованнаго" сюжета создаетъ безсмертные образцы художественнаго ваянія.

Но общій грубый тонъ выходки Грина былъ совершенно незаслуженъ, и Шекспиръ очень скоро получилъ блестящее удовлетвореніе. Тотъ же самый писатель и издатель Четль, который издалъ брошюру Грина, еще въ томъ-же 1592 г. напечаталъ свою книгу „Kind Hart's Dreame" и въ предисловіи публично каялся въ томъ, что содѣйствовалъ появленію въ свѣтъ озлобленной выходки только что скончавшагося Грина. Не называя Шекспира по имени, но имѣя въ виду нападеніе Грина, Четль выражаетъ крайнее сожалѣніе, что содѣйствовалъ его обнародованію:

„Ибо я получилъ возможность убѣдиться, что онъ (Шекспиръ) въ одинаковой степени выдается и своею скромностью, и своимъ искусствомъ въ профессіи актера. Кромѣ того, многіе почтенные люди съ похвалою отзываются о честности его характера, такъ же, какъ объ изящной граціи его писанія".

Нѣтъ основанія сомнѣваться въ искренности Четля, но если даже допустить, что оно почему либо только вынужденное, то и тогда мы имѣемъ тутъ яркое свидѣтельство, что уже на первыхъ порахъ Шекспиръ занялъ очень видное и почетное положеніе въ литературно-театральномъ мірѣ Лондона.

VII.

Слава и благосостояніе.

Если инцидентъ съ Гриномъ является дрогоцѣннѣйшимъ біографическимъ матеріаломъ для начала литературной карьеры Шекспира, то вторымъ яркимъ этапнымъ пунктомъ его біографіи долженъ считаться отзывъ о Шекспирѣ, принадлежащій очень извѣстному въ свое время ученому магистру кембриджскаго унив. Фрэнсису Миресу (Meres). Отзывъ этотъ представляетъ собою также чрезвычайно важный источникъ для установленія хронологіи шекспировскихъ пьесъ.

Миресъ издалъ въ 1598 г. книжку афоризмовъ о морали, религіи, литературѣ подъ заглавіемъ „Palladis Tamia" („Сокровищница мудрости"), гдѣ, между прочимъ, трактуетъ о современныхъ англійскихъ пи-

Замокъ Кенильвортъ въ XVII столѣтіи. Гравюра Голлара (Hollar) 1656 г.

сателяхъ и въ томъ числѣ о Шекспирѣ. Всего 6 лѣтъ отдѣляетъ книгу Мереса отъ памфлета Грина, но какой огромный шагъ по пути къ безсмертію сдѣлала за этотъ короткій періодъ „ворона въ чужихъ перьяхъ".

Уже не самъ Шекспиръ „воображаетъ" себя „потрясателемъ" англійской сцены, а другіе прямо провозглашаютъ его первымъ изъ англійскихъ драматурговъ.

„Точно также, какъ душа Евфорба", говоритъ Миресъ, „продолжала жить, по мнѣнію древнихъ, въ Пиѳагорѣ, сладкая, остроумная душа Овидія живетъ въ сладостномъ. какъ медъ Шекспирѣ. Доказательствомъ могутъ служить его „Венера и Адонисъ", его „Лукреція", его сладкіе какъ сахаръ сонеты (неизданные, но извѣстные его друзьямъ). Какъ Плавтъ и Сенека считаются лучшими представителями комедіи и трагедіи въ латинской литературѣ, такъ *Шекспиръ лучшій изъ англійскихъ писателей въ этихъ обоихъ родахъ сценическихъ произведеній.* Въ области комедіи доказательствомъ тому служатъ его „Два веронца", „Комедія ошибокъ", „Безплодныя усилія любви", Вознагражденныя усилія любви", „Сонъ въ Иванову ночь" и „Венеціанскій купецъ"; въ области трагедіи—„Ричардъ II", „Ричардъ III", „Генрихъ IV", „Король Джонъ", „Титъ Андроникъ" и „Ромео и Джульетта". Какъ Эпій Столъ сказалъ, что музы говорили бы языкомъ Плавта, если бы захотѣли говорить по-латыни, такъ я скажу, что захоти музы говорить по-англійски, онѣ бы усвоили себѣ тонко-отточенную рѣчь Шекспира".

Параллельно огромному литературному успѣху Шекспира, росло и его матеріальное благосостояніе. О нуждѣ уже нѣтъ и рѣчи. Онъ и самъ богатѣетъ и помогаетъ отцу выпутаться. Источникомъ этого богатства всего менѣе послужилъ литературный гонораръ, въ то время совершенно ничтожный.

По сообщенію Роу, начало благосостоянію Шекспира положилъ знатный вельможа Елизаветинскаго двора лордъ Соутгэмптонъ (Southampton), которому Шекспиръ въ 1593 г. посвятилъ первенцовъ своей музы—„Венеру и Адониса" (1593) и „Лукрецію" (1594). Польщенный графъ будто бы отблагодарилъ поэта 1000 фн. Это сообщеніе явно недостовѣрно. Что Соутгэмптонъ чѣмъ-нибудь вещественнымъ выказалъ свое удовольствіе—не можетъ быть сомнѣнія: это было вполнѣ въ нравахъ того времени, но колоссальная сумма, сообщенная Роу, конечно, страшно преувеличена.

Вполнѣ достовѣрными источниками обогащенія Шекспира могутъ считаться его несомнѣнная дѣловитость и крупные заработки въ качествѣ актера и отчасти антрепренера. Недавній легкомысленный и страстный юноша быстро превратился въ настоящаго дѣльца. Въ извѣстномъ намъ памфлетѣ Грина есть такая загадочная фраза. Противопоставляя „воронѣ" въ чужихъ перьяхъ Марло, Нэша и Лоджа или Пиля, Гринъ говоритъ имъ: „никто изъ васъ не станетъ ростовщикомъ" (usurer). Не слѣдуетъ придавать чрезмѣрнаго значенія этой полемической выходкѣ и понимать ее буквально. Но, конечно, она указываетъ на то, что уже очень рано въ Шекспирѣ ясно опредѣлилась практическая жилка.

Цѣлый рядъ другихъ документальныхъ доказательствъ свидѣтельствуетъ о томъ, что Шекспиръ умѣлъ хорошо помѣщать нажитыя деньги. До послѣдней степени поражаетъ всякаго, кто цѣнитъ въ Шекспирѣ то, что онъ ярче кого бы то ни было во всемірной литературѣ воспроизвелъ душевную жизнь избранныхъ натуръ, когда узнаешь объ его операціяхъ не только по покупкѣ и пріобрѣтенію лично для себя домовъ и земли, но и по пріему въ залогъ чужихъ владѣній и вообще по займамъ. Въ 1605 г., уже будучи, значитъ, творцомъ „Гамлета" и „Юлія Цезаря", Шекспиръ становится откупщикомъ городскихъ доходовъ родного Стратфорда! Это было очень прибыльное дѣло, но, какъ всякій откупъ, было связано со всякаго рода судебными воздѣйствіями на неисправныхъ плательщиковъ, съ принудительными взысканіями съ людей несостоятельныхъ и т. д.

Главный источникъ благосостоянія Шекспира—доходы его, какъ актера, были очень значительны. Къ тому времени недавно стоявшіе на одномъ уровнѣ съ нищими и бродягами, актеры зарабатывали огромныя суммы. Ежегодный доходъ знаменитаго Бэрбеджа доходилъ до 300 фн., на нынѣшнія деньги не менѣе 25000—30000 руб. Шекспиръ зарабатывалъ меньше, но все-таки уже въ концѣ 1590-хъ гг., онъ имѣлъ около 130 фн., т.-е., примѣняясь къ тогдашнимъ экономическимъ условіямъ, около 8000—9000 руб. А въ началѣ 1600-хъ гг. доходы его еще значительно увеличиваются, потому что онъ становится пайщикомъ театра „Глобусъ".

Шекспиръ почти всю свою жизнь принад-

Развалины замка Кенильворта въ настоящее время.

лежалъ къ труппѣ, носившей имя „слугъ" лорда камергера. Въ то время актеры, становясь, по требованію закона, подъ патронатъ какого-нибудь знатнаго покровителя, всегда составляли тѣсно сплоченныя многочисленныя труппы. Главныхъ труппъ было пять. Документально можно прослѣдить, что Шекспиръ уже съ 1594 г. примыкалъ къ той, которая первоначально была извѣстна въ качествѣ „слугъ" графа Лейстера, затѣмъ со смертью послѣдняго, въ 1588 г., носила послѣдовательно на своихъ плащахъ гербы лорда Стрэнджа, графа Дэрби и, наконецъ, лорда-камергера (Lord Chamberlain) Гэнсдона (Hunsdon). Съ вступленіемъ на престолъ въ 1603 г. Іакова I, труппа, и безъ того первенствовавшая между всѣми остальными, освобожается отъ патронатства частныхъ лицъ и получаетъ названіе королевской. Шекспиръ до самой смерти находился въ самыхъ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ главарями труппы—первымъ трагикомъ своего времени Ричардомъ Бэрбеджемъ, Филиппсомъ и будущими издателями перваго собранія его сочиненій—знаменитаго in folio 1623 г.—Юмингомъ (Heming) и Конделемъ. Труппа большею частью играла въ такъ называемомъ „Театрѣ", построенномъ отцомъ Бэрбеджа на берегу Темзы, за городской чертой—лондонскій муниципалитетъ продолжалъ пренебрежительно относиться къ актерамъ, не пускалъ ихъ въ городъ, и они должны были ютиться въ трущобномъ мѣстѣ, рядомъ съ забавами для самой низкой черни и публичными домами. Играла также труппа Шекспира и Бэрбеджа въ театрѣ „Розы" и „Театрѣ Занавѣса" (Curtain Theatre), а въ 1599 г. „Театръ" былъ снесенъ и на его мѣстѣ и частью изъ того же матеріала былъ построенъ знаменитый „Глобусъ", просуществовавшій до 1613 г., когда онъ сгорѣлъ во время представленія „Генриха VIII". „Глобусъ" былъ построенъ въ формѣ восьмиугольника и самъ Шекспиръ называетъ его въ прологѣ къ „Генриху V"—„деревяннымъ *O*". Онъ былъ очень вмѣстителенъ—при полномъ сборѣ число зрителей доходило до 2000 человѣкъ—и доходы распредѣлялись на компанейскихъ началахъ между главными членами труппы. За 10 лѣтъ участія Шекспиръ получилъ съ „Глобуса" не менѣе 600 фн., т. е. по нынѣшнему отъ 40—50000 р.

VIII.

Годы полнаго развитія генія.

Несомнѣнно привязанный къ родинѣ, Шекспиръ уже первые свои заработки употреблялъ на то, чтобы обзавестись въ Стратфордѣ недвижимостью. Такъ въ 1597 г. онъ покупаетъ самый большой домъ въ Стратфордѣ, носившій названіе „Новаго мѣста" („New Place"). Въ этомъ домѣ поселяется его семья, здѣсь онъ самъ живетъ во время все учащающихся съ первыхъ лѣтъ новаго столѣтія побывокъ, здѣсь проводитъ остатокъ жизни и здѣсь же умираетъ. Недвижимая собственность его далеко не ограничивается Нью Плэсомъ. За него онъ заплатилъ сравнительно еще немного—60 фн. А въ 1602 году все растущее благосостояніе даетъ ему возможность купить земли подъ Стратфордомъ за 220 фн. (по нынѣшнему около 20000 р.). Конечно, онъ становится первымъ лицомъ въ городѣ и по желанію наиболѣе вліятельныхъ горожанъ беретъ въ 1605 г. въ аренду городскіе доходы (десятину) за огромную сумму 440 фн. (по нынѣшней 40—45000 р.). Земельная собственность уже по самому существу своему присоединяла іомена Шекспира къ джентри, т. е. среднему дворянству. Но онъ захотѣлъ и легализировать свое положеніе и въ 1597 г. начинаются хлопоты о гербѣ. Хлопоталъ, какъ это было принято тогда, отецъ, но старался, конечно, Джонъ Шекспиръ не о себѣ, а о славномъ сынѣ своемъ, который не забывалъ стараго отца и съ лихвою вернулъ ему утраченные достатки. Хлопоты тянулись нѣсколько лѣтъ, но благодаря связямъ Шекспира съ самыми вліятельными вельможами увѣнчались успѣхомъ и въ 1599 г. Шекспиръ получилъ гербъ—щитъ, съ копьемъ въ діагонали, и надъ щитомъ соколъ, опять съ копьемъ въ лапѣ: стиль „потрясателя копья", такимъ образомъ, строго выдержанъ.

Не однѣ удачи, конечно, сопровождали жизненный путь великаго писателя. Въ 1596 г. его потрясла смерть единственнаго сына Гамнета (Гамлета). Литературное выраженіе печали объ этой утратѣ нѣкоторые изслѣдователи пробовали находить въ „Королѣ Джонѣ", въ полномъ глубочайшей скорби рыданіи королевы Констанціи надъ трупомъ принца Артура. Но это едва-ли вѣрно, потому что, повидимому, „Король Джонъ" написанъ раньше—около 1594 г. Въ 1601 г. умеръ отецъ Шекспира и опять, какъ нѣкоторые изслѣдователи хотятъ тутъ установить

«Старая веселая Англія (Old Merry England)» Майскіе обряды и увеселенія; Мавританскій танецъ (Morris Dance), деревянная лошадка, монахъ Тукъ, клоуны, музыканты и т. д. (Живопись на окошкѣ стариннаго дома Джорджа Толлета въ Бетли (Betley) въ Стаффордшайрѣ). Гравюра изъ Беллевскаго изд. Шекспира (1785).

связь съ глубочайшею скорбію по отцѣ, которая составляетъ узелъ трагическаго положенія Гамлета. Однако, и это сопоставленіе можетъ разбиться объ то, что сюжетъ „Гамлета“ (1602) заимствованъ изъ старой пьесы (1589) Кида. Въ 1607 г. умеръ въ Лондонѣ младшій братъ Шекспира Эдмундъ, тоже актеръ. Добрыя братскія чувства сказались въ томъ, что въ память усопшаго звонилъ большой колоколъ ближайшей къ „Глобусу“ церкви Спасителя въ Соутворкѣ, что стоило Шекспиру не мало—1 фунтъ, т. е. по нынѣшнему рублей 80. Въ 1608 г. умерла мать Шекспира.

Нѣкоторые изслѣдователя Шекспира, придающіе чрезмѣрное значеніе роли личныхъ переживаній Шекспира въ исторіи его творчества, считали себя вправѣ предположить какія то очень мрачныя событія въ жизни великаго писателя, относящіяся къ самымъ послѣднимъ годамъ XVI столѣтія и къ первымъ годамъ XVII столѣтія. Этимъ они хотятъ объяснить мрачную и мизантропическую окраску пьесъ, написанныхъ между 1599—1609 гг.: „Какъ вамъ это понравится“ (As you like it), „Юлія Цезаря“, „Гамлета“, „Троила и Крессиды“, „Отелло, „Мѣра за мѣру“, „Макбета“, „Лира“, „Тимона Аѳинскаго“. Едва ли, однако, есть возможность поддерживать эту точку зрѣнія въ настоящее время, когда новѣйшая шекспирологія собрала такъ много, хотя и очень мелкихъ фактовъ, но въ общемъ вполнѣ обрисовывающихъ намъ великаго писателя со стороны его очень великой практичности. Какія это, спрашивается, особенныя несчастія могли такъ мрачно настроить Шекспира? Смерть отца въ 1601 г.? Но вѣдь смерть единственнаго сына не помѣшала ему создать черезъ годъ самое жизнерадостное изъ своихъ произведеній — эпопею Фальстафа. Могли, конечно, имѣть мѣсто какія нибудь такія интимныя событія душевной жизни Шекспира, которыя не оставили никакого слѣда въ біографическихъ извѣстіяхъ о немъ, вродѣ, напримѣръ, таинственной „Черной дамы“ сонетовъ (см. дальше). Но какъ же, однако, сочетать въ одно представленіе міровую скорбь и разбитыя иллюзіи съ тѣмъ, что одновременно съ „Гамлетомъ“ Шекспиръ съ присущею ему осмотрительностью и тщательностью былъ занятъ пріобрѣтеніемъ новой земельной собственности? Какъ, наконецъ, соединить въ одно *личное* представленіе величественную безнадежность „Отелло“, „Мѣры за мѣру“, „Макбета“, „Лира“ съ такимъ мелко-суетливымъ и не совсѣмъ чистоплотнымъ занятіемъ, какъ относящійся какъ разъ къ тѣмъ-же годамъ откупъ городскихъ поборовъ (церковной десятины)? Очевидно, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ смѣшивать въ одно представленіе Шекспира-человѣка, Шекспира-дѣльца съ Шекспиромъ-художникомъ. Очевидно, что Шекспиръ-художникъ жилъ въ своемъ особомъ волшебномъ мірѣ, гдѣ-то на недосягаемой высотѣ, куда голоса земли не доходятъ, гдѣ художественное прозрѣніе его освобождается отъ условій времени и пространства.

Но если, повидимому слѣдуетъ совершенно отвергнуть гипотезу мрачныхъ событій въ личной жизни Шекспира, какъ источникъ мрачнаго періода его творчества, то, становясь на точку зрѣнія психологическаго воздѣйствія общественныхъ событій на всякаго впечатлительнаго человѣка, нельзя не усмотрѣть нѣкоторой связи этого періода съ потрясающими событіями мрачнаго конца царствованія Елизаветы († 1603). При дворѣ устарѣвшей, но все еще крайне тщеславной, какъ женщина, и неустарѣвшей думать о любовныхъ успѣхахъ 70-лѣтней „дѣвственницы“ разыгралась теперь страшная трагедія гибели графа Эссекса. Недавній всесильный фаворитъ, потерявъ милость своей покровительницы, задумалъ совершенно безумное возстаніе, которое кончилось полнѣйшею неудачею. Эссексъ поплатился головою (1601), но не легко досталось Елизаветѣ подписаніе смертнаго приговора. Замерла теперь совершенно недавняя веселая придворная жизнь. И Шекспиръ такъ тѣсно соприкасался съ этой жизнью, что охватившая придворныя сферы тоска до извѣстной степени является даже событіемъ личной его жизни. Но больше всего должно было произвести тягостное впечатлѣніе на Шекспира то, что Эссексъ вовлекъ въ свое безумное предпріятіе человѣка, которому Шекспиръ былъ чрезвычайно обязанъ—графа Соутгэмптона. Онъ, несомнѣнно, былъ ревностнымъ покровителемъ Шекспира, онъ ввелъ его въ высшія сферы общества, съ общеніи съ которыми—тогдашняя аристократія была также аристократіей ума и высшей образованности—писатель-самоучка пополнялъ недостатки своего школьнаго образованія. И вотъ страшное зрѣлище мимолетности скоропреходящаго земного величія, неблагодарности, всегда особенно ярко дающей себя знать, когда кто нибудь сваливается съ

Грамматическая школа, въ которой учился Шекспиръ (наружный фасадъ).

большой высоты, разрушеніе самыхъ, повидимому, крѣпкихъ узъ, смрадъ придворнаго предательства и интригъ—все это не могло пройти безслѣдно для необыкновенно-впечатлительнаго и воспріимчиваго писателя. Къ тому же онъ вообще находился теперь въ томъ критическомъ возрастѣ, когда молодость отцвѣла, вкусъ къ радостямъ жизни притупился, а примиренность и уравновѣшенность старости еще не пріобрѣтена.

IX.

Послѣдніе годы.

Скоро, впрочемъ, Шекспиръ пріобрѣтетъ эту уравновѣшенность, и она отразится на трехъ послѣднихъ произведеніяхъ — такъ называемыхъ „романтическихъ“ пьесахъ его—„Цимбелинѣ“, „Зимней сказкѣ“ и „Бурѣ“, написанныхъ между 1609—12 гг. Шекспиръ оставляетъ теперь театръ и окончательно поселяется въ кругу семьи въ Стратфордѣ.

Безоблаченъ былъ закатъ его жизни. Въ 1607 г. онъ удачно выдалъ замужъ старшую дочь Сузанну за доктора Голя и скоро сталъ дѣдушкой. Состояніе было округлено; поэтъ мирно доживалъ свой вѣкъ, окруженный славой, семейными радостями и всѣми удобствами жизни.

Сношеній съ Лондономъ Шекспиръ окончательно не порывалъ. Дѣлецкая жилка была такъ сильна, что онъ не устоялъ противъ того, чтобы въ это время выгодно купить домъ въ Лондонѣ. Не забывали его и лондонскіе пріятели—актеры и писатели и не разъ посѣщали удалившагося на покой товарища. По мѣстному преданію, смерть Шекспира была результатомъ горячки, схваченной на пирушкѣ, которую онъ устроилъ въ честь пріѣхавшихъ къ нему изъ Лондона друзей, поэтовъ Бенъ Джонсона и Драйтона. Трудно, конечно, сказать, сколько въ этомъ преданіи правды, но самое возникновеніе такого преданія не лишено нѣкотораго значенія и даетъ извѣстное основаніе заключить, что, удалившись въ Стратфордъ, творецъ Фальстафа велъ жизнь не аскетическую.

Шекспиръ умеръ 23 апрѣля 1616 г. Незадолго до смерти онъ въ два пріема составилъ обстоятельное завѣщаніе, рисующее его съ самой симпатичной стороны. Никто изъ сколько-нибудь близкихъ людей не былъ

забытъ и даже бѣднымъ города Стратфорда было оставлено 10 фунтовъ, т. е. рублей 800—1000. Изъ друзей кому оставлено на память золотое кольцо, кому серебряная чаша и т. д. Вся же родня получила богатое наслѣдство, сестра, напримѣръ, кромѣ вещей и дома, 22 фунта. Младшей дочери Юдиѳи оставлялось въ приданое цѣлыхъ 150 фунтовъ (12—15 тыс. руб.), а главными наслѣдниками были назначены зять д-ръ Голь и его жена Сузанна. Одно только лицо на первый взглядъ не только обойдено, но даже прямо оскорблено—собственная жена завѣщателя. Ей оставлялась всего лишь „вторая по добротѣ кровать". Этотъ странный пунктъ завѣщанія цѣлыя столѣтія подавалъ поводъ къ самому превратному толкованію: въ немъ усматривали недопускающее сомнѣній доказательство дурной супружеской жизни. Но теперь все это представляется въ совершенно иномъ освѣщеніи. Дѣло въ томъ, что о женѣ не было никакой надобности дѣлать спеціальныхъ распоряженій, такъ какъ ей *по закону* причиталась $^1/_3$ часть всего имущества. А „*вторая* по добротѣ кровать", повидимому, есть проявленіе теплаго чувства: первая, лучшая кровать въ домѣ тогда назначалась для гостей, вторая же—это супружеское ложе. Лучшимъ доказательствомъ того, что ни о какой обидѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи, служитъ послѣдняя воля пережившей Шекспира семью годами († 1623) вдовы его: она просила похоронить себя рядомъ съ мужемъ.

X.

Иконографія Шекспира.

Шекспиръ оставилъ своимъ наслѣдникамъ достаточно крупное наслѣдство, чтобы быть похороненнымъ съ великою честью; могила его у самаго алтаря внутри той-же самой главной стратфордской церкви во имя св. Троицы (Holy Trinity), гдѣ его 52 года до кончины крестили.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ у ближайшей къ могилѣ стѣны стратфордской церкви былъ поставленъ бюстъ Шекспира. Работы не особенно искуснаго скульптора монументщика, голландца Джонсона или Янсена, стратфордскій бюстъ имѣетъ, однако, интересъ достовѣрности, и повидимому, сдѣланъ даже по маскѣ, снятой съ мертваго Шекспира. Бюстъ былъ раскрашенъ, что оскорбляло эстетическое чувство знаменитаго комментатора Шекспира Мэлона (Malone) и онъ устроилъ такъ, что въ 1793 г. бюстъ былъ весь выкрашенъ въ бѣлую краску. Но въ 1863 г. удалось возстановить первоначальную окраску, и посѣтитель стратфордской церкви можетъ въ настоящее время видѣть, что у Шекспира были свѣтлокаріе глаза и каштановаго цвѣта волосы и бородка или вѣрнѣе клочекъ волосъ на подбородкѣ.

Другое, имѣющее право считаться достовѣрнымъ изображеніе Шекспира—это гравюра Дройшюта (Droishout), приложенная къ первому изданію соч. 1623 г. Съ художественной точки зрѣнія гравюра тоже невысокаго достоинства, но въ обращеніи къ читателю Бенъ-Джонсонъ удостовѣряетъ, что черты покойнаго переданы вѣрно. Однако, сходство между Стратфордскимъ бюстомъ и гравюрой Дройшюта не велико, если не считать лысины во весь черепъ, жидкихъ усовъ и небольшого клочка волосъ на подбородкѣ, который въ Елизаветинскія времена носили вмѣсто бороды. Стратфордскій бюстъ представляетъ собою голову очень плотнаго человѣка съ туповатымъ обрюзгшимъ выраженіемъ лица и очень подходила бы для статуи Фальстафа. Гравюра Дройшюта, напротивъ того, даетъ черты очень тонкія. 22-лѣтнему Дройшюту было 15 лѣтъ, когда умеръ Шекспиръ, и онъ, конечно, не съ натуры работалъ. Въ 1892 г. Эдуарду Флоуеру удалось открыть въ Стратфордѣ старинный портретъ, съ обозначеніемъ „Willam Shakespeare 1609", до такой степени похожій на гравюру Дройшюта, что всѣми компетентными людьми теперь принято, что именно съ этого портрета молодой и еще неопытный художникъ и дѣлалъ свое воспроизведеніе.

Нѣкоторыя, весьма впрочемъ слабыя, основанія считаться изображеніемъ Шекспира имѣетъ портретъ, принадлежавшій епископу Элійскому (такъ наз. „Ely-Palace-portrait") и видимо писанный въ началѣ XVII вѣка.

Несравненно большею извѣстностью, чѣмъ выше названные, пользуется такъ называемый „Чандосскій" портретъ (Chandos Portrait). Его приписывали кисти друга Шекспира — знаменитаго трагика Ричарда Бэрбеджа, который, дѣйствительно, былъ талантливымъ портретистомъ. Но это едва ли имѣетъ какое-нибудь основаніе, потому что портретъ находится въ рѣшительномъ противорѣчіи съ стратфордскимъ бюстомъ и гравюрою Дройшюта, которые—правда, при маломъ искусствѣ, во всякомъ случаѣ искренно стремились къ точности изображенія. Чандосскій портретъ

Грамматическая школа, въ которой учился Шекспиръ (задній фасадъ и площадка для игры).

придалъ Шекспиру бороду, вдѣлъ большія серьги въ уши, значительно облагородилъ лысину. Въ общемъ онъ чрезвычайно эффектенъ, чѣмъ объясняется какъ его популярность въ публикѣ, такъ и то, что всѣ позднѣйшіе портреты XVIII и XIX столѣтій взяли себѣ въ образецъ именно этотъ недостовѣрный оригиналъ. Идеально-красивый Шекспиръ большинства гравюръ, обращающихся въ публикѣ, своимъ чуднымъ, вдохновеннымъ видомъ гораздо больше соотвѣтствуетъ идеальному понятію о геніѣ, чѣмъ о реальномъ Шекспирѣ.

Еще меньше, чѣмъ Чандосскій портретъ, имѣетъ какое-либо значеніе рядъ другихъ старыхъ портретовъ Шекспира—такъ назыв. „Фельтоновскій", тоже якобы кисти Бэрбеджа, „Янсеновскій", „Стратфордскій", „Сюстовскій" („Soest" или „Zoust-Portrait" и др., о которыхъ будетъ сказано дальше въ особой замѣткѣ.

Наконецъ, безчисленны попытки навязать общественнымъ учрежденіямъ и коллекціонерамъ разнаго рода „подлинные" Шекспировскіе портреты. Одна только основанная въ 1856 г. національная портретная галлерея въ Лондонѣ отвергла болѣе 60 предложеній. Въ 1849 г. докторъ Людвигъ Бекеръ купилъ въ Майнцѣ у старьевщика маску (находится теперь въ Дармштадтѣ и извѣстна также подъ именемъ „Кессельштадтской"), относительно которой не исключена возможность, что она снята съ мертваго Шекспира и что по ней сдѣланъ стратфордскій бюстъ.

XI.

Поэмы Шекспира.

Литературное наслѣдіе Шекспира распадается на двѣ части далеко неравнаго достоинства: стихотворную (поэмы „Венера и Адонисъ", „Лукреція", сонеты) и драматическую.

Въ общемъ, стихотворенія Шекспира, конечно, не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ его геніальными драмами. Но сами по себѣ взятыя, они носятъ отпечатокъ незауряднаго таланта и если бы не тонули въ славѣ Шекспира-драматурга, одни вполнѣ могли бы доставить и дѣйствительно доставили автору большую извѣстность: мы знаемъ, что ученый Миресъ видѣлъ въ Шекспирѣ-стихотворцѣ второго Овидія. Кромѣ отзыва Миреса, есть цѣлый рядъ отзывовъ другихъ современниковъ, говорящихъ о „новомъ Катуллѣ" съ величайшимъ восторгомъ.

Поэма „Венера и Адонисъ" напечатана въ 1593 г., когда уже Шекспиръ былъ извѣстенъ какъ драматургъ, но самъ авторъ называетъ ее своимъ литературнымъ первенцемъ и потому весьма возможно, что она или задумана или частью даже написана еще въ Стратфордѣ. Въ всякомъ случаѣ, отзвуки родины явственно даютъ себя знать. Въ ландшафтѣ живо чувствуется мѣстный средне-англійскій колоритъ; въ немъ нѣтъ ничего южнаго, какъ требуется по сюжету; предъ духовнымъ взоромъ поэта несомнѣнно были родныя картины мирныхъ полей Варвикшайра, съ ихъ мягкими тонами и спокойной красотою. Чувствуется также въ поэмѣ превосходный знатокъ лошадей и отличный охотникъ. Сюжетъ въ значительной степени взятъ изъ „Метаморфозъ" Овидія, а кромѣ того, очень много заимствовано и изъ соч. „Scillaes Metemorphosis" современнаго писателя Лоджа, незадолго до того (1589) появившагося.

Разработана поэма со всею безцеремонностью Ренесанса, но, въ сущности, и безъ фривольности. И въ этомъ то и сказался, главнымъ образомъ, талантъ молодого автора, помимо того, что поэма написана звучными и живописными стихами. Если старанія Венеры разжечь желанія въ Адонисѣ поражаютъ позднѣйшаго читателя своею откровенностью, то вмѣстѣ съ тѣмъ они не производятъ впечатлѣнія чего-нибудь циничнаго и не подлежащаго художественному воспроизведенію. Передъ нами страсть, настоящая, бѣшенная, помрачающая разсудокъ и потому поэтически-законная, какъ все, что ярко и сильно.

Гораздо манернѣе, хотя и стройнѣе, вторая поэма—„Лукреція", напечатанная въ слѣдующемъ (1594) году и посвященная тому-же графу Соутгэмптону. Сюжетъ въ деталяхъ своихъ частью взятъ изъ „Fastes" Овидія, частью изъ обработки античной легенды у Чосера и частью изъ „Compleint of Rosamond" современнаго поэта Даніэля. Въ новой поэмѣ уже не только нѣтъ ничего разнузданнаго, а напротивъ, все, какъ и въ античной легендѣ, вертится на самомъ изысканномъ пониманіи вполнѣ условнаго представленія о женской чести. Оскорбленная (Секстомъ) Таркиніемъ Лукреція не считаетъ возможнымъ жить послѣ похищенія ея супружеской чести, и въ длиннѣйшихъ монологахъ излагаетъ свои чувства. Блестящія, но и въ достаточной степени натянутыя метафоры, аллегоріи и антитезы лишаютъ эти монологи

Грамматическая школа, въ которой учился Шекспиръ. Классная комната. По преданію, Шекспиръ сидѣлъ въ лѣвомъ углу около полокъ.

дѣйствительной прочувствованности и придаютъ всей поэмѣ риторичность.

Однако, всякая изысканность тогда очень нравилась, и „Лукреція" имѣла потомъ такой же успѣхъ, какъ „Венера и Адонисъ". Спросъ на обѣ поэмы былъ такъ великъ, что книгопродавцы, которые одни въ то время извлекали пользу изъ литературнаго успѣха, такъ какъ литературной собственности для авторовъ тогда не существовало, печатали изданіе за изданіемъ. При жизни Шекспира „Венера и Адонисъ" имѣла 7 изданій, „Лукреція"—5.

Шекспиру приписываются еще 2 небольшія манерныя вещи: „Жалоба влюбленной" (Lover's Complaint) и „Страстный пилигримъ" (Passionate Pilgrim).

Первая изъ нихъ—написанная въ условно „пастушескомъ" стилѣ „Жалоба влюбленной" появилась въ 1609 г. въ так. наз. „воровскомъ" изданіи Торпа шекспировскихъ сонетовъ (см. дальше). По метру „Жалоба" примыкаетъ къ „Лукреціи", по стилю къ манерѣ извѣстнаго поэта 1580-хъ гг. Спенсеру, и потому, если она дѣйствительно писана Шекспиромъ, то въ очень ранніе годы.

Что касается сборника стиховъ „Страстный пилигримъ", то онъ попалъ въ число произведеній Шекспира благодаря безграничному нахальству тогдашнихъ книгопродавцевъ. Наиболѣе беззастѣнчивые изъ нихъ не только наживались на чужихъ произведеніяхъ, не платя авторамъ ни гроша, но позволяли себѣ еще такую продѣлку: стоило какому-нибудь писателю прославиться, чтобы тотчасъ же нашелся ловкій книжный хищникъ, который входилъ въ соглашеніе съ какимъ-нибудь мелкимъ писакой и произведенія этого писаки печатались съ именемъ прославленнаго писателя. Благодаря популярности Шекспира, его имя сдѣлалось излюбленнымъ предметомъ литературной фальсификаціи. Особенно часто оно стояло на обложкѣ новыхъ пьесъ либо одно, либо въ компаніи съ какимъ-нибудь четверто-степеннымъ драмодѣломъ. Въ этомъ одинъ изъ источниковъ происхожденія длиннаго ряда псевдошекспировскихъ пьесъ. Позднѣйшихъ наслѣдователямъ и издателямъ-компиля-

торамъ, которые работали въ эпоху болѣе опрятныхъ книгопродавческихъ нравовъ, имя Шекспира на обложкѣ казалось совершенно незыблемымъ основаніемъ для того, чтобы приписать данное произведеніе великому писателю, какъ бы слабо оно ни было само по себѣ. А въ дѣйствительности имя Шекспира на обложкѣ сплошь да рядомъ было только мошенническою приманкою.

Среди такого рода издателей хищниковъ шекспировскаго времени особенно выдавался своею печальною предпріимчивостью Вильямъ Джагардъ (Jaggard). Въ 1599 г. онъ, между прочимъ, выпустилъ въ свѣтъ сборникъ стихотвореній, давъ ему титулъ „Страстный Пилигримъ, В. Шекспира". На самомъ дѣлѣ шекспировскаго тутъ было только 2 изъ ходившихъ по рукамъ сонетовъ и три пѣсеньки изъ его напечатанной уже тогда другими литературными пиратами комедіи „Безплодныя усилія любви". Все остальное, въ томъ числѣ сентиментально-пастушескія и галантныя строфы, до сихъ поръ входящія въ собранія сочиненій Шекспира подъ именемъ „СтрастнагоПилигрима", принадлежитъ перу нѣкоего Ричарда Барнфльда и др. По своему обыкновенію, Шекспиръ не протестовалъ и только гораздо позднѣе изъ предисловія къ книгѣ „Apology for actors" (1612) извѣстнаго поэта Томаса Гейвуда, съ которымъ Джагардъ продѣлалъ такую же штуку, мы узнаемъ, что продѣлка очень огорчила Шекспира.

Школьный учитель («педантъ») Елизаветинской эпохи. Изъ латинской комедіи «Pedantius», игранной въ Кэмбриджѣ около 1590 г. (книга напеч. 1631 г.).

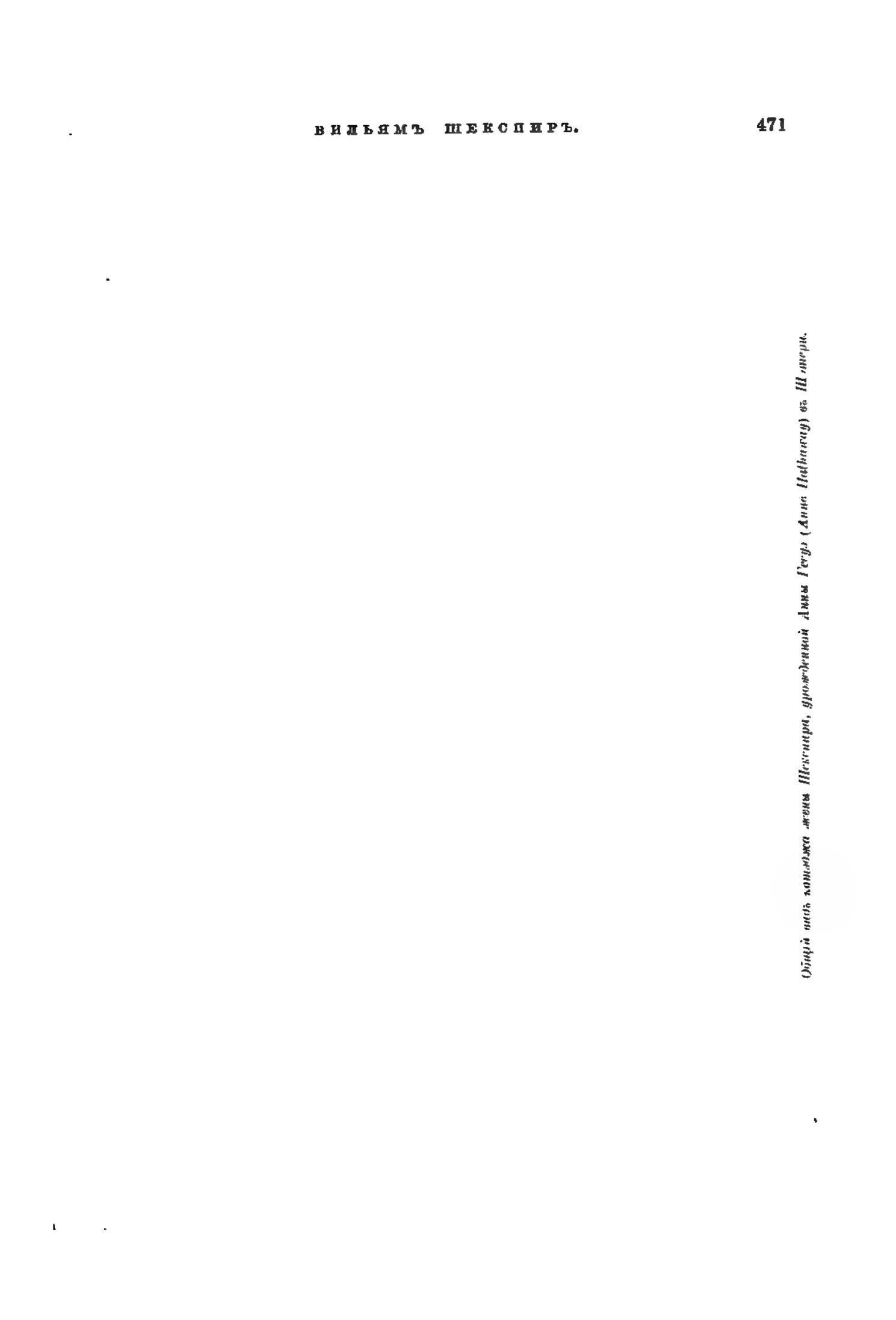
Въ 1601 году Робертъ Честеръ издалъ сборникъ Love's Martyr or Rosalin's Complaint съ загадочною цѣлью дать „аллегорическое изображеніе истинной любви и вѣрности Феникса и Голубки". Въ сборникѣ, кромѣ стиховъ Честера, имѣются стихотворенія извѣстнѣйшихъ современныхъ писателей: Марстона, Чэпмэна, Бенъ Джонсона и Шекспира. Шекспировское (входитъ въ собраніе его соч. подъ заглавіемъ „Фениксъ и Голубка") заключаетъ въ себѣ всего 67 стиховъ, очень вычурныхъ и изысканныхъ. Въ крайне загадочныхъ выраженіяхъ здѣсь описываются похороны Феникса и Голубки, которыхъ при жизни соединялъ въ одно союзъ чисто духовнаго свойства. Заключается ли тутъ какая-нибудь философско-политическая аллегорія, оплакивается ли чья-нибудь смерть—сказать невозможно. Но во всякомъ случаѣ эта стихотворная загадка не представляетъ никакого поэтическаго интереса.

XII.

Сонеты.

Продолжаетъ оставаться вплоть до нашихъ дней загадкой, несмотря на безчисленныя изслѣдованія, самая знаменитая часть стихотворнаго наслѣдія Шекспира—его сонеты. Литературная судьба сонетовъ чрезвычайно замѣчательна. Современникамъ они казались „сладкими, какъ сахаръ". Этого было достаточно, чтобы разжечь книгопродавческіе аппетиты и мы знаемъ, что пиратъ-Джагардъ нѣсколько сонетовъ тиснулъ въ своемъ воровскомъ изданіи „Страстнаго пилигрима" (1599). Другіе сонеты попадаются при нѣкоторыхъ другихъ хищническихъ изданіяхъ пьесъ Шекспира, а въ 1609 г. пиратъ Торпъ (Thorpe) совершаетъ нѣчто непонятное съ позднѣйшей точки зрѣнія. Въ то время литературная собственность признавалась не за авторомъ, а за владѣльцемъ *рукописи*. И вотъ Торпъ достаетъ полный экземпляръ вращавшихся въ литературныхъ кругахъ сонетовъ Шекспира и въ 1609 г. издаетъ ихъ.

Однако, его ожиданія нажиться не оправдались. Сонеты, видимо, не понравились, потому что слѣдующее изданіе ихъ появилось только въ 1640 г. А затѣмъ ихъ до такой степени забываютъ и игнорируютъ, что такой



Общій видъ комнаты жены Шекспира, урожденной Анны Гетъ (Anna Hathaway) въ Шотт.

добросовѣстный человѣкъ, какъ знаменитѣйшій комментаторъ Шекспира и издатель классическаго собранія его сочиненій (1773) Стивенсъ не захотѣлъ ихъ перепечатать. Онъ считалъ шекспировскіе сонеты аффектированно-педантическимъ и просто скучнымъ вздоромъ и позднѣе выразился, „что самый строгій парламентскій законъ не могъ бы даже принудительнымъ путемъ доставить читателей“ сонетамъ.

И ихъ дѣйствительно просто перестали читать или читали до такой степени невнимательно, что нѣкоторые издатели-редакторы соч. Шекспира ничтоже сумняшеся заявляли, что въ сонетахъ воспѣвается возлюбленная Шекспира, а одинъ даже увѣрялъ, что королева Елизавета.

Только значительно позднѣе, въ концѣ XVIII в., извѣстный комментаторъ Шекспира Мэлонъ обратилъ вниманіе литературнаго міра на то, что въ первыхъ 126 сонетахъ даже нѣтъ рѣчи о женщинѣ, а воспѣвается мужчина, и только въ послѣднихъ 26 появляется и женщина.

Но уже съ первыхъ лѣтъ XIX вѣка пренебреженіе къ сонетамъ замѣняется отношеніемъ діаметрально-противоположнымъ, начало которому положилъ знаменитый поэтъ Вордсвортъ. Онъ восторженно отозвался о поэтическомъ значеніи сонетовъ, а кромѣ того усмотрѣлъ въ нихъ автобіографическій отпечатокъ и считалъ, что „этимъ ключемъ отпирается сердце поэта“.

Съ легкой руки Вордсворта интересъ къ сонетамъ становится заразительнымъ. Многіе десятки изслѣдователей съ жаромъ отдаются заманчивой задачѣ замѣнить недостатокъ фактическихъ данныхъ объ интимной жизни Шекспира изученіемъ этой яко бы лѣтописи его сердечныхъ переживаній. Но страстность интереса къ сонетамъ внесла въ изслѣдованіе ихъ столько легкомыслія, легковѣрія и тенденціозности, что до извѣстной степени вопросъ о сонетахъ становится на одну доску съ фантазіями пресловутаго Шекспиръ-Бэконовскаго вопроса.

Въ основномъ, разногласія изслѣдователей сонетовъ распадаются на два главныхъ направленія: одни *все* въ нихъ считаютъ автобіографическимъ, другіе, напротивъ того, усматриваютъ тутъ чисто-литературное упражненіе въ модномъ стилѣ, не отрицая, впрочемъ, автобіографическаго значенія нѣкоторыхъ подробностей.

Въ основѣ очень заманчивой автобіографической теоріи лежитъ совершенно правильное наблюденіе, что сонеты Шекспира—не простое собраніе отдѣльныхъ стихотвореній. Каждый сонетъ заключаетъ въ себѣ, конечно, нѣчто законченное, какъ цѣльное выраженіе одной какой нибудь мысли. Но если читать сонетъ за сонетомъ, то несомнѣнно видно, что они составляютъ рядъ группъ и что въ предѣлахъ этихъ группъ одинъ сонетъ какъ-бы является продолженіемъ другого. Такъ, первые 26 сонетовъ убѣждаютъ какого-то молодого, знатнаго и очень красиваго юношу жениться, дабы не пропала его красота и продолжала бы жить въ его дѣтяхъ. Рядъ сонетовъ прославляетъ этого юношу за то, что онъ оказываетъ поэту просвѣщенное покровительство, въ другой группѣ идутъ горькія сѣтованія на то, что другіе поэты завладѣли покровительствомъ высокаго патрона. Въ отсутствіе поэта покровитель завладѣлъ его возлюбленной, но онъ это ему прощаетъ.

Съ разными перерывами обращеніе къ знатному юношѣ заканчивается въ 196-мъ сонетѣ, послѣ чего начинаетъ фигурировать смуглая дама, съ черными какъ смоль волосами и черными глазами. Эта бездушная кокетка измѣнила поэту и завлекла его друга.

Но кто-же такой вельможный юноша и кто бездушная кокетка?

Тутъ-то въ большей или меньшей степени и начала работать фантазія изслѣдователей и, перемѣшивая достовѣрное съ полнѣйшимъ произволомъ въ буквальномъ толкованіи поэтическаго символизма, въ концѣ концовъ совершенно дискредитировала автобіографическую теорію. Изъ умѣренныхъ изслѣдователей и обогатившихъ шекспирологію цѣнными соображеніями приверженцевъ автобіографической теоріи можно назвать Гервинуса, Ульрици, Фэрниваля, Свинбэрна, Доудена и среди русскихъ ученыхъ отчасти Н. И. Стороженко. Яркимъ-же образчиковъ увлеченій этой теоріи можетъ служить огромная глава о сонетахъ въ книгѣ Брандеса.

Съ поражающимъ легкомысліемъ Брандесъ развилъ и разукрасилъ догадки одного изъ новѣйшихъ изслѣдователей и издателей сонетовъ Тэйлера (Tyler, 1890), который, принявъ давно высказанное нѣкоторыми предположеніе, что въ юношѣ-покровителѣ Шекспиръ вывелъ красавца-фаворита Елизаветы графа Пемброка, усматриваетъ кромѣ того въ „черной“ дамѣ по-

Входъ въ коттэджъ жены Шекспира Анны Гэуэ (Anne Hathaway) въ Шотери. У двери м-съ Бэкеръ, послѣдняя представительница рода Гэуэ, умершая въ 1899 году.

слѣднихъ сонетовъ извѣстную своими похожденіями придворную даму Мэри Фиттонъ. И вотъ, пользуясь чисто-литературными пріемами сонетовъ, Брандесъ далъ цѣлый романъ о связи Шекспира съ Фиттонъ и въ горькомъ чувствѣ, оставленномъ ея измѣной, видитъ источникъ мрачнаго періода шекспировскаго творчества начала 1600-хъ гг. Чтобы показать полную выдуманность этого романа, помимо того, что въ подтвержденіе его нѣтъ ни одного положительнаго факта, совершенно достаточно указать, что мнимый оригиналъ „черной" дамы, Мэри Фиттонъ на отыскавшемся дѣйствительномъ портретѣ ея — свѣтлая блондинка.

Научное значеніе имѣетъ теперь только взглядъ на сонеты, какъ на одно изъ проявленій литературной моды, эпидемически овладѣвшей литературными кружками въ концѣ XVI в., подъ вліяніемъ знакомства съ литературою итальянской и французской. Впервые высказанный въ 1850 г. извѣстнымъ издателемъ Шекспира Чарльзомъ Найтомъ (Knight), этотъ взглядъ затѣмъ получилъ поддержку со стороны такихъ высоко-авторитетныхъ, а главное научно-осторожныхъ шекспирологовъ, какъ Стоунтонъ, Дайсъ (Dyce) и Деліусъ. Изъ новѣйшихъ сочиненій установленіе тѣснѣйшей связи между сонетами Шекспира и сонетной литературой того времени блистательно проведено въ самой авторитетной въ настоящее время біографіи Шекспира, принадлежащей Сидни Ли (1898). Сравнительное сопоставленіе сонетовъ Шекспира съ сонетами другихъ англійскихъ сонетистовъ, особенно Даніэля, съ полною очевидностью показало, что множество мотивовъ, поэтическихъ мыслей и сравненій Шекспиръ заимствовалъ у своихъ предшественниковъ съ тою же легкостью, съ какою онъ заимствовалъ и сюжеты своихъ драмъ. Правда, какъ и въ драмахъ, онъ значительно углубилъ содержаніе своихъ заимствованій и придалъ имъ такой блескъ, что занялъ первое мѣсто въ ряду англійскихъ сонетистовъ. Но во всякомъ случаѣ объ автобіографичности уже не можетъ быть тутъ рѣчи.

Всего характернѣе, конечно, что вся знаменитая „черная" дама, съ ея „черною" измѣною и проклятіями поэта по ея адресу цѣликомъ взята изъ сонетовъ извѣстнаго Филиппа Сидни, который въ свою очередь, взялъ ее у сонетистовъ французскихъ и итальянскихъ.

Но можетъ быть убѣдительнѣе и сильнѣе всякихъ ученыхъ доводовъ противъ любовной теоріи происхожденія сонетовъ Шекспира говоритъ простое эстетическое чувство. Какъ восторженно ни относиться къ ихъ художественнымъ совершенствамъ, нельзя однако отрицать, что это произведенія очень разсудочно-отточенныя и условныя. И вотъ думается: Шекспиръ, безсмертный пѣвецъ любви и страсти во всѣхъ ея видахъ, такъ потрясающій зрителя изображеніемъ чужой любовной горячки, неужели-же онъ собственное глубокое горе выразилъ бы въ такихъ холодныхъ, придворно-галантныхъ формахъ?

Отвергая автобіографичность мнимаго романа Шекспировскихъ сонетовъ, научно-осторожная критика нимало, однако-же, не думаетъ отвергать автобіографичность нѣкоторыхъ отдѣльныхъ чертъ ихъ. Такъ, напр., въ той горечи, съ которою Шекспиръ говоритъ о пренебреженіи къ актерскому званію, конечно, сказалось личное чувство. Точно также вполнѣ реальное лицо герой „мужскихъ" сонетовъ. Не прибѣгая ни къ какимъ аллегоріямъ, Шекспиръ весьма опредѣленно прославляетъ молодого знатнаго покровителя своего и мецената. Онъ его не называетъ по имени, но мы знаемъ, что около 1594 г., когда возникаютъ первые сонеты, у Шекспира былъ одинъ только покровитель Соутгэмптонъ, и все, что говорится о немъ въ сонетахъ, вполнѣ совпадаетъ съ біографическими данными о молодомъ графѣ. Если Шекспиръ говоритъ о своемъ покровителѣ въ такомъ нѣжно-восторженномъ тонѣ, что невнимательные издатели XVIII в. усмотрѣли тутъ любовное объясненіе женщинѣ, то это потому, что такова была манера сонетнаго жанра. Къ тому же слова „любовь" (love) и „возлюбленный" (lover), такъ часто попадающіяся въ „мужскихъ сонетахъ" Шекспира, въ то время имѣли значеніе просто дружбы. Такъ Брутъ въ переводахъ „Юлія Цезаря" начинаетъ свою рѣчь возгласомъ: „Римляне! Сограждане! Друзья", а въ подлинникѣ вмѣсто „друзья" употреблено „lover".

XIII.

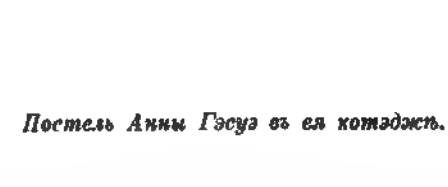
Трудность установить хронологію Шекспировскихъ пьесъ.

Установленіе хода драматической дѣятельности Шекспира представляетъ чрезвычайныя затрудненія вслѣдствіе того, что мы тутъ лишены главнаго въ такихъ случаяхъ

ляются въ печати и самая ранняя изъ драмъ Шекспира—„Титъ Андроникъ", и отдѣленныя отъ нея на 4—5 лѣтъ „Венеціанскій купецъ", и лѣтъ на 8-мъ „Много шуму изъ ничего". Единственный выводъ, который, слѣдовательно, можно тутъ сдѣлать—это то, что данная пьеса возникла *не позже* года ея изданія.

Но для большинства пьесъ Шекспира даже эта чисто-отрицательная скудная дата отпадаетъ, потому что только около половины ихъ появилось при жизни великаго писателя, а цѣлыхъ 20 пьесъ впервые были напечатаны въ посмертномъ folio 1623 г.

Гораздо болѣе цѣнныя указанія даютъ свидѣтельства современниковъ. Въ ряду ихъ первое мѣсто занимаетъ не разъ цитированное нами мѣсто изъ „Palladis Thamia" Мереса. Тутъ мы имѣемъ прочное основаніе для хронологіи цѣлыхъ 12 пьесъ—всѣ онѣ созданы не позже появленія книги Мереса, т. е. 1598 г. Одна изъ названныхъ Мересомъ пьесъ — „Вознагражденныя усилія любви" (Lovelabours Wonne) съ этимъ именемъ не сохранилась. Названная вслѣдъ за „Безплодными усиліями любви" (Love labors lost), она, вѣроятно, составляетъ pendant къ этой пьесѣ и по имѣющему извѣстное правдоподобіе предположенію нѣкоторыхъ изслѣдователей, можетъ быть, дошла до насъ подъ заглавіемъ „Конецъ дѣлу вѣнецъ" (All's well that ends well).



Постель Анны Гэсуэ въ ея котэджѣ.

Изъ другихъ серьезныхъ свидѣтельствъ чрезвычайно цѣнны записи въ дневникахъ юриста Мэннингэма о первомъ представленіи „Двѣнадцатой ночи" въ 1601 г., доктора Формана о представленіи „Зимней сказки" въ 1611 г., письмо Томаса Лоркина о первомъ представленіи „Генриха VIII" въ 1613 г. и другіе.

Даютъ, кромѣ того, не мало для хронологіи шекспировскихъ пьесъ многочисленные намеки въ нихъ на современныя событія. Если судьбѣ угодно было сдѣлать изъ Шекспира писателя, стоящаго внѣ времени и пространства, то это произошло совершенно помимо его воли. Самъ же онъ, напротивъ того, всегда старался примѣняться къ публикѣ едва-ли не каждаго вечера и щедрою рукою разсыпалъ намеки на злобу дня. И вотъ по нимъ-то, поскольку удалось ихъ понять, иногда можно датировать пьесу. Если въ „Макбетѣ", относимомъ къ 1605 г., пророчески говорится о соединеніи „двухъ державъ и 3 скипетровъ", то, конечно, потому, что это соединеніе произошло, когда на престолъ въ 1603 г. взошелъ Іаковъ I. Событія 1609—1610 гг. отразились въ „Бурѣ", событія начала 1590-хъ гг. въ „Безплодныхъ усиліяхъ любви", событія 1599 г. въ „Генрихѣ V". и т. д.

Несомнѣнно, что до извѣстной степени руководствомъ къ хронологическомураспредѣленію пьесъ могутъ служить и эстетическіе признаки. Ясно, во-первыхъ, что уже одна высота художественнаго совершенства и зрѣлости, до которыхъ Шекспиръ дошелъ въ „Гамлетѣ" и „Лирѣ", не даетъ возможности отнести ихъ къ одному творческому періоду съ слабыми комедіями, которыми молодой Шекспиръ дебютировалъ на литературномъ поприщѣ. Но и помимо этого слишкомъ общаго критерія, достаточнаго развѣ только для дѣленія на десятилѣтія, есть еще рядъ литературныхъ признаковъ чисто-внѣшняго свойства. Такъ, раннія произведенія очень обильны латинскими цитатами и учеными сравненіями. Въ то время писатели больше гордились ученостью, чѣмъ талантомъ и молодому дебютанту хотѣлось показать, что и онъ кое что знаетъ. Обильны раннія произведенія Шекспира и разными изысканными выраженіями, игрою словъ, погонею за внѣшнимъ остроуміемъ. Все это было въ литературномъ стилѣ времени, и неокрѣпшій геній Шекспира не могъ отъ него уйти, но все это исчезаетъ въ великихъ произведеніяхъ зрѣлаго періода, столь простыхъ и естествен-

ныхъ въ своемъ желаніи дать дѣйствительную картину того, что происходитъ въ скрытой глубинѣ человѣческаго сердца.

XIV.

Метръ Шекспира.

Неожиданно - блестящіе результаты для уясненія эволюціи творческихъ пріемовъ Шекспира дало изученіе такой, казалось бы, совершенно-внѣшней вещи, какъ метръ Шекспира. Многимъ, незнакомымъ съ цѣлью изученія шекспировскаго метра, кажутся какимъ-то жалкимъ буквоѣдствомъ подробнѣйшіе разсчеты англійскихъ шекспирологовъ (Walker, Bathurst, Ingram, Furnivall, англо-русскій шекспирологъ Р. И. Бойль и особенно Fleay), сколько въ каждой пьесѣ риемованныхъ строкъ, сколько нериемованныхъ, сколько стиховъ съ ударенiемъ на послѣднемъ слогѣ, сколько съ ударенiемъ на предпослѣднемъ слогѣ и т. д.

Но въ дѣйствительности эта литературная статистика дала самые поразительные результаты. Оказывается, что метръ Шекспира-это есть органическое выраженіе внутренняго художественно-психологическаго процесса. *Съ углубленіемъ художественной манеры Шекспира совершенно мѣняется у него метръ.* Отъ вычурности шекспировскій метръ тоже переходитъ къ полной простотѣ. Вначалѣ художественные пріемы Шекспира полны изысканности и модной манерности и соотвѣтственно поэтому крайне изысканно и нарядно его стихосложеніе. Молодой писатель не довольствуется скромнымъ бѣлымъ стихомъ, нужна литературная побрякушка, и въ первыхъ пьесахъ риемованныя строки преобладаютъ надъ бѣлыми стихами. Въ самой изысканной изъ пьесъ Шекспира „Безплодныхъ усиліяхъ любви" 1028 риемованныхъ стиховъ и 579 нериемованныхъ. Но вотъ геній Шекспира все больше и больше склоняется къ простотѣ и художественной искренности и стѣсняющая свободный полетъ чувства риема постепенно исчезаетъ. Въ заключительномъ аккордѣ великой художественной дѣятельности—въ „Бурѣ" всего только 2 риемованныя строчки на 1458 нериемованныхъ!

Такому же органическому упрощенiю по-

Чарлькотъ по гравюрѣ 1739 г. (Dugdale Antiquities of Warwickshire).

«Упавшая загородка» (Tumble-down Stile) по дорогѣ въ Чарлькотъ. По преданію, здѣсь былъ застигнутъ Шекспиръ какъ браконьеръ.

степенно подпадаютъ другія частности метра.

Въ первыхъ пьесахъ почти нѣтъ слабыхъ (weak) окончаній, т. е. неударяемыхъ, кончающихся союзомъ, нарѣчіемъ, вспомогательнымъ глаголомъ—это считалось небрежностью; въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Шекспиръ не обращаетъ ровно никакого вниманія на слабыя окончанія и число ихъ доходитъ до 33%.

Въ первыхъ пьесахъ начинающій драматургъ внимательно смотритъ за тѣмъ, чтобы бѣлый стихъ былъ образцомъ пятистопнаго ямба, т. е. заключалъ бы въ себѣ ровно 10 слоговъ, но въ позднѣйшихъ его настолько поглощаетъ забота о наилучшемъ выраженіи мысли, что онъ не стѣсняется прибавить и лишній слогъ: въ ранней „Комедіи ошибокъ“ нѣтъ ни одного стиха въ 11 слоговъ, въ послѣднихъ число ихъ доходитъ до 25%

Наконецъ, въ раннихъ своихъ пьесахъ Шекспиръ очень зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы было какъ можно меньше такъ называемыхъ „run-on-lines“, т. е. переходовъ мысли изъ одного стиха въ другой. Въ „Безплодныхъ усиліяхъ любви“, въ „Комедіи ошибокъ“ каждый стихъ, или каждые 2 стиха, представляютъ собою нѣчто вполнѣ законченное. Но, конечно, это страшные тиски для сколько нибудь глубокой мысли, и Шекспиръ совершенно отбрасываетъ ихъ въ великихъ трагедіяхъ. Мысль начинаетъ занимать четыре, пять, шесть строкъ, сколько понадобится и число „run-on-lines“ растетъ въ геометрической прогрессіи: въ первыхъ комедіяхъ ихъ 3 на 23 строки, въ послѣднихъ 21 на 24, т. е. нѣчто діаметрально противоположное.

Вотъ въ какой прямо-таки можно сказать, органической зависимости находится метръ Шекспира отъ внутренней эволюціи, отъ художественнаго роста великаго писателя. Получается совершенно точный біологическій признакъ, дающій право сказать безъ всякой натяжки, что по метру литературный изслѣдователь можетъ съ такою-же увѣренностью опредѣлять возрастъ шекспи-

Большая зала въ Чарлькотѣ.

Царедворецъ въ настоящее время.

ровскихъ пьесъ, съ какою опредѣляетъ ботаникъ возрастъ дерева по ежегоднымъ кольцамъ, дѣлающимъ стволъ все болѣе и болѣе могучимъ и величественнымъ.

XV.

Хронологическая послѣдовательность пьесъ Шекспира.

И вотъ на основаніи комбинаціи всѣхъ указанныхъ выше признаковъ можно составить довольно точную таблицу хронологической послѣдовательности пьесъ Шекспира. Въ ней возможны ошибки, но небольшія, такъ что группировкѣ онѣ помѣшать не могутъ. Если не считать запутаннаго вопроса о времени возникновенія „Троила и Крессиды", то въ нижеслѣдующемъ перечнѣ разногласія между изслѣдователями не идутъ дальше 1—2 лѣтъ.

1)	„Титъ Андроникъ"	около 1591
2)	„Король Генрихъ VI", часть I	1591
3)	„Два веронца" (Te two gentlemen of Verona)	около 1591
4)	„Комедія ошибокъ"	1591
5)	„Генрихъ VI", ч. II	1592
6)	„Безплодныя усилія любви" (Love's Labour's Lost)	1592
7)	„Ромео и Джульетта"	1592
8)	„Генрихъ VI", ч. III"	1592
9)	„Усмиреніе Строптивой"	1594
10)	„Король Ричардъ III"	1594
11)	„Венеціанскій Купецъ"	1595
12)	„Сонъ въ Иванову ночь" (A Midsumer-Night's Dream)	1595
13)	„Король Джонъ"	1596
14)	„Король Ричардъ II"	1596
15)	„Король Генрихъ IV", часть I	1597
16)	„Конецъ дѣлу вѣнецъ" (All's Well that ends well) раньше	1598
17)	„Король Генрихъ IV", часть II	1598
18)	„Много шуму изъ ничего" (Much Addo about Nothing)	1599
19)	„Король Генрихъ V"	1599
20)	„Виндзорскія Кумушки" (The Merry Wives of Windsor)	1600
21)	„Двѣнадцатая ночь или какъ вамъ угодно" (Twelfth Night, Or What you Will)	1601
22)	„Какъ вамъ это понравится" (As you like it)	1601
23)	„Гамлетъ, принцъ Датскій"	1602
24)	„Юлій Цезарь"	1603
25)	„Мѣра за мѣру"	1603
26)	„Отелло, венеціанскій мавръ"	1604
27)	„Король Лиръ"	1604—05
28)	„Макбетъ"	1606
29)	„Тимонъ Аѳинскій"	1607
30)	„Антоній и Клеопатра"	1608
31)	„Периклъ"	1608
32)	„Троилъ и Крессида	1609
33)	„Коріоланъ"	1609
34)	„Зимняя сказка"	1610
35)	„Цимбелинъ"	1610—11
36)	„Буря"	1611
37)	„Король Генрихъ VIII"	1613

Названныя пьесы вошли въ составъ перваго изданія—in folio 1623 г. и съ тѣхъ поръ включаются во всѣ собранія сочиненій Шекспира. Возникаютъ, однако, весьма основательныя сомнѣнія относительно того, всецѣло-ли принадлежатъ Шекспиру нѣкоторыя изъ нихъ. По всей вѣроятности, въ „Генрихѣ VI" онъ только приложилъ руку къ чужому произведенію; „Титъ Андроникъ", можетъ быть, вовсе ему не принадлежитъ; видимо въ сотрудничествѣ съ Вилькинсомъ написаны „Тимонъ Аѳинскій" и „Периклъ"; въ „Троилѣ и Крессидѣ" вѣроятно, принимали участіе Марстонъ и, наконецъ, едва ли можетъ быть сомнѣніе относительно того, что въ „Генрихѣ VIII" Шек-

ТЕАТРЪ ВРЕМЕНЪ ШЕКСПИРА.

Этотъ драгоцѣнный при всей своей примитивности рисунокъ (находится въ библіотекѣ Лейденскаго университета) принадлежитъ голландцу Іоганну Девиту, посѣтившему Лондонъ въ 1596. Онъ ярко выясняетъ главную особенность театра того времени; сцена находится посрединѣ театра, поэтому немыслимы декораціи. Актеры появляются изъ дверей задней части сцены. Надъ сценой возвышается балконъ, откуда часто говорятъ дѣйствующія лица Шекспировскихъ пьесъ (Джульета, отецъ Дездемоны и др.). Зрители помѣщаются частью въ ложахъ (sedilia), а большею частью кругомъ сцены (см. рисунокъ на 483 стр.).

пиръ принималъ лишь самое назначительное участіе, а большая часть этой весьма слабой пьесы написана Флетчеромъ и, можетъ быть, Мэссенджеромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, есть драмы, не вощедшія въ folio 1623 года, но, можетъ быть, все-таки, написанныя Шекспиромъ, и длинный рядъ псевдо-шекспировскихъ пьесъ, созданныхъ спекуляціей на его имя. Изъ такъ называемыхъ „сомнительныхъ" пьесъ въ собранія сочиненій Шекспира, претендующія на большую полноту, обыкновенно включаются мѣстами дѣйствительно отмѣченныя печатью крупнаго таланта драмы „Эдуардъ III" и „Два знатныхъ родича" („Two noble Kinsmen"). Псевдо-шекспировскими считаются: „Лондонскій блудный сынъ" (London Prodigal), „Исторія о Томасѣ лордѣ Кромвеллѣ", „Сэръ Джонъ Ольдкэстль, лордъ Кобгэмъ", „Вдова Пуританка", „Іоркширская трагедія", „Трагедія о королѣ Локринѣ", „Арденъ Фэвершэмъ", „Рожденіе Мерлина", „Муцедоръ", „Прекрасная Эмма" („Fair Em").

Гербъ сэра Томаса Люси. (3 щуки).

XVI.

Психологическое единство творчества Шекспира.

Если незначительны разногласія между шекспирологами относительно хронологической послѣдовательности пьесъ Шекспира, то, въ общемъ, они мало расходятся теперь и въ группировкѣ ихъ. Было время, когда пьесы Шекспира группировали по сюжетамъ и получалась группа комедій, группа трагедій, хроники изъ англійской исторіи, римскія трагедіи. Эта группировка вполнѣ искуственна и, соединяя въ одно пьесы разныхъ эпохъ, разныхъ настроеній и разныхъ литературныхъ пріемовъ, ни въ чемъ не уясняетъ эволюціи творческихъ настроеній Шекспира. Одна только хронологическая группировка дѣйствительно поучительна, давая картину хода духовной жизни великаго писателя и измѣненій его міровоззрѣнія. Съ тою же ошибкою на 1—2 года можно приблизительно установить, что творческое настроеніе Шекспира прошло 4 стадіи, пережило 4 періода.

Намъ кажется, что стоитъ вдуматься въ послѣдовательность этихъ эпохъ, чтобы придти къ двумъ важнымъ выводамъ:

1) Шекспиръ вовсе не представитель объективнаго творчества по преимуществу, какъ принято его характеризовать; напротивъ того, все его творчество есть лѣтопись его собственныхъ переживаній.

2) Въ смѣнѣ творческихъ настроеній Шекспира, повидимому столь разнообразныхъ, есть, все таки, психологическое единство, опять таки какъ результатъ того, что передъ нами не объективное сочиненіе на разныя тэмы, а живая лѣтопись души, закономѣрное развитіе духа великаго философа жизни.

Испоконъ вѣку принято усматривать въ сочиненіяхъ Шекспира вершину объективнаго отношенія къ воспроизводимому. Бѣлинскій въ самой ранней изъ своихъ статей („Литературныя мечтанія"), когда онъ считалъ художническое безстрастіе главнымъ достоинствомъ писателя, заставляетъ Шекспира „взять равную дань и съ добра и съ зла"; драмы Шекспира, изъ которыхъ „каждая есть міръ въ миніатюрѣ", говорятъ зрителю: „такъ было, а, впрочемъ, мнѣ какое дѣло".

Такое отношеніе къ Шекспиру какъ бы подтверждается еще и безконечнымъ разнообразіемъ темъ, имъ разработанныхъ, разнообразіемъ страстей, имъ изображенныхъ, разнообразіемъ эпохъ, привлекшихъ его творческое вниманіе. Можетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, идти рѣчь о какомъ либо отраженіи личности писателя, который съ одинаковою силою поэтическаго пафоса изображалъ и воплощеніе страсти Отелло и воплощеніе рефлексіи Гамлета, преступную совѣсть Макбета и страданія жертвы чужой безсовѣстности Лира, Яго и Кассіо, Брута и Антонія?

Такимъ образомъ, какъ будто и сомнѣнія не можетъ быть относительно того, что творчество Шекспира лишено субъективнаго элемента, что Шекспиръ только одною своею необыкновенною способностью вдумываться въ чужую психологію достигъ такого великаго мастерства.

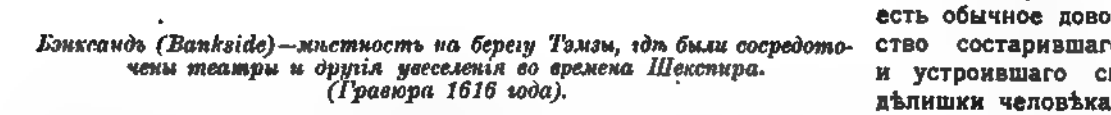
Но субъективность бываетъ двухъ родовъ. Есть субъективность непосредственная, лирическая. Представителями ея являются по преимуществу поэты, передающіе намъ непосредственно тѣ настроенія, кото-

ТЕАТРЪ ВРЕМЕНЪ ШЕКСПИРА.

Старая гравюра въ лондонской «Rischgitz Collection». Изображаетъ одинъ изъ театровъ начала XVII вѣка—Red Bull Playhouse и дополняетъ рисунокъ на стр. 481. И здѣсь сцена посрединѣ театра, а кромѣ того изображены и помѣщающіеся кругомъ сцены зрители.

рыя они переживаютъ. Но есть субъективность и другого рода, которая выражается въ интересѣ къ явленіямъ опредѣленнаго разряда, въ выискиваніи того, что особенно соотвѣтствуетъ потребности даннаго момента душевной жизни, во вниманіи къ тому, что бередитъ или успокаиваетъ душевныя раны этого момента.

И вотъ, если съ точки зрѣнія *выбора* жизненныхъ и историческихъ явленій для воспроизведенія взглянуть на творчество великаго драматурга, то предъ нами развернется вполнѣ цѣльная симфонія отзвуковъ его душевныхъ переживаній и обрисуется естественная смѣна переливовъ



Бэнксандъ (Bankside)—мѣстность на берегу Тэмзы, гдѣ были сосредоточены театры и другія увеселенія во времена Шекспира. (Гравюра 1616 года).

той окраски, въ которой являлась жизнь предъ созерцавшимъ ее высокимъ духомъ Шекспира.

Было время, когда жизнь захватывала Шекспира только со стороны сладкихъ чаръ своихъ, вначалѣ высокопоэтическихъ, какъ мимолетное видѣніе любви Ромео и Джульеты, затѣмъ просто жизнерадостныхъ, какъ у Фальстафа. Но подъ приманкой ароматныхъ цвѣтовъ наслажденія тонкое чувство творца Гамлета очень скоро распознало запахъ гнили и разложенія, и мрачное настроеніе Гамлетовскаго періода раскрыло зрителю Шекспировскаго театра весь ужасъ нашего бытія. Умъ менѣе разносторонній ограничился бы этимъ мрачнымъ міропониманіемъ, мянящимъ къ себѣ своею стройностью и нравственнымъ ригоризмомъ. Но въ Шекспирѣ было слишкомъ много жизненныхъ силъ, чтобы удовлетвориться однимъ инертнымъ отрицаніемъ. Вотъ почему онъ, въ концѣ концовъ, изжилъ пору отчаянія, и творчество его закончилось гармоническимъ аккордомъ послѣднихъ „романическихъ“ пьесъ. Здѣсь снова жизнь полна очарованія, но уже не для насъ, а для нашихъ преемниковъ въ жизни, которые въ свою очередь послѣ поры очарованія пройдутъ весь ужасный циклъ разочарованія, чтобы въ концѣ концовъ успокоиться на мысли о круговоротѣ мірового процесса.

Если подвести все это подъ философскую схему, то передъ нами полное воплощеніе въ художественной формѣ великаго закона развитія мірового процесса, установленнаго Гегелемъ. Предъ нами тезисъ, антитезисъ и синтезисъ пониманія сущности жизни.

А если говорить менѣе мудреными словами, то передъ нами схема душевной жизни великаго мудреца. Онъ былъ очарованъ жизнью, пока въ немъ кипѣли молодыя силы; онъ почувствовалъ горькій привкусъ жизни, когда угаръ первыхъ упоеній прошелъ; онъ примирился съ темною стороною жизни, когда въ его собственномъ домѣ снова расцвѣла молодая жизнь. Но это примиреніе не есть обычное довольство состарившагося и устроившаго свои дѣлишки человѣка.

Это та мудрость, которая сквозь мелкую суету жизни увидѣла очертанія вѣчности.

Такова общая схема душевной жизни Шекспира. Конечно, не Шекспира—дѣльца, а Шекспира—творца, когда онъ, переставая принадлежать самому себѣ, безгранично высоко подымался надъ интересами мышьей бѣготни повседневной жизни.

Присмотримся теперь къ нѣкоторымъ деталямъ этой схемы.

XVII.

Періодъ очарованія жизнью.

Первый періодъ приблизительно обнимаетъ годы 1590—1594. По литературнымъ пріемамъ его можно назвать *періодомъ подражательности*. Шекспиръ еще весь во власти своихъ предшественниковъ. Если „Титъ Андроникъ“ дѣйствительно имъ написанъ, то комическіе ужасы трагедіи—прямое и непосредственное отраженіе ужасовъ пьесъ Кида и Марло, получившихъ въ неокрѣпшемъ талантѣ молодого писателя еще болѣе нелѣпое развитіе. Вліяніе манернаго Лили и такъ называемаго эвфуизма сказывается въ вычурности стиля

ШЕКСПИРОВСКІЙ ТЕАТРЪ «ГЛОБУСЪ».

перваго періода. Но уже просыпается и собственный геній. Въ спорномъ, но все-же хоть въ малой степени принадлежащемъ Шекспиру, „Генрихѣ VI" ненужныхъ ужасовъ уже меньше, а въ „Ричардѣ III" ужасы уже органическая необходимость, нужная для обрисовки страшной личности главнаго героя.

По *настроенію* первый періодъ можно назвать періодомъ идеалистической *вѣры въ лучшія стороны жизни.* Съ увлеченіемъ наказываетъ молодой Шекспиръ порокъ въ своихъ историческихъ трагедіяхъ и съ восторгомъ воспѣваетъ высокія и поэтическія чувства—дружбу, самопожертвованіе и въ особенности любовь. Есть въ первомъ періодѣ и произведенія почти безразличныя, именно передѣланная изъ Плавта „Комедія Ошибокъ". Грубый комизмъ, грубыя остроты этой, въ общемъ, очень слабой пьесы, главнымъ образомъ, назначены для потѣхи райка, и только на эпизодической личности молодой Люціаны лежитъ нѣкоторый отпечатокъ обаянія шекспировскихъ женщинъ. Но основную окраску первому періоду даютъ пьесы, гдѣ молодость автора сказалась въ томъ ореолѣ, которымъ онъ окружаетъ молодое чувство. Какъ ни искусственны „Безплодныя усилія любви", какъ ни вычуренъ тотъ турниръ придворнаго остроумничанія, который разыгрывается дѣйствующими лицами, все-же заразительно дѣйствуетъ бьющая ключемъ граціозная жизнерадостность этой веселой компаніи, которая не сомнѣвается, что жизнь полна чуднаго очарованія, если самъ любишь и находишь взаимность. Еще больше прославленія любви и вѣры въ ея волшебную силу въ „Двухъ веронцахъ". И тутъ всѣ главные герои молоды, и тутъ въ центрѣ жизни поставлено трепетное ожиданіе счастливой взаимности. По обаянію молодой страсти „Два веронца" какъ бы предвѣстники драгоцѣннѣйшей жемчужины перваго періода, „Пѣсни пѣсней" новой европейской литературы—„Ромео и Джульетты", дальше которой не можетъ идти апоѳеозъ любви. Ничего не значитъ, что налетѣвшій ураганъ страсти сокрушилъ молодыхъ любовниковъ у самаго предверія ихъ еле обозначившейся жизни, ничего не значитъ, что, говоря заключительными словами трагедіи, „разсказа нѣтъ печальнѣй и грустнѣй". Это, все-таки, пѣснь торжествующей любви, и страстный юноша въ томъ возрастѣ, когда объятія любимой женщины представляются высшимъ благомъ жизни, всегда съ энтузіазмомъ скажетъ, что для дня такой любви и жизни не жаль. Волшебный ореолъ, который Шекспиръ съумѣлъ придать своимъ любовникамъ, при всей трагичности, дѣлаетъ ужасъ „печальнаго разсказа" сладкимъ, и собственныя имена героевъ трагедіи вотъ уже 3 вѣка продолжаютъ быть нарицательнымъ обозначеніемъ высшей поэзіи страсти.

XVIII.

Фальстафовскій періодъ.

Какъ-бы на порогѣ *второго періода* творческой дѣятельности Шекспира, приблизительно обнимающаго годы 1594—1601, стоитъ одно изъ знаменитѣйшихъ его произведеній „Венеціанскій купецъ". Въ немъ еще не мало подражательности. Внѣшними чертами главный герой этой странной „комедіи"—жидъ Шейлокъ находится въ генетической связи съ главнымъ героемъ „Мальтійскаго Жида" Марло—ужаснымъ Варравой. Но въ этой же пьесѣ геній Шекспира уже могуче обнаружилъ свою самостоятельность и съ необыкновенною яркостью проявилъ одну изъ наиболѣе удивительныхъ способностей своихъ—превращать грубый, неотесанный камень заимствуемыхъ сюжетовъ въ поражающую совершенствомъ художественную скульптуру. Сюжетъ „Венеціанскаго купца" взятъ изъ ничтожнаго разсказа, вычитаннаго у посредственнаго итальянскаго новелиста XVI вѣка Джіовани Фіорентино. Но съ какою глубиною вдумался Шекспиръ въ этотъ пустой анекдотъ, съ какимъ поражающимъ умѣніемъ уяснить себѣ всѣ послѣдствія извѣстнаго положенія проникъ онъ въ самую сердцевину вопроса и наконецъ съ какою художественною свободою отнесся къ своей задачѣ. Пушкинъ прекрасно понялъ Шекспира, когда прославлялъ его „вольное и широкое изображеніе характеровъ". Благодаря этой художественной разносторонности, имя Шейлока въ одно и то же время и стало нарицательнымъ обозначеніемъ исторической связи еврейства съ деньгами, и вмѣстѣ съ тѣмъ во всей огромной литературѣ, посвященной защитѣ еврейства нѣтъ ничего, что было бы ярче, убѣдительнѣе, сильнѣе, *человѣчнѣе* знаменитаго монолога Шейлока: „Да развѣ у жида нѣтъ глазъ? развѣ у жида нѣтъ рукъ, органовъ, членовъ, чувствъ, привязанностей, страстей"? и т. д.

Остаткомъ настроенія перваго идеалистическаго періода въ „Венеціанскомъ купцѣ", кромѣ подражанія Марло, является вѣра въ дружбу, столь самоотверженнымъ

РИЧАРДЪ БЭРБЕДЖЪ (Richard Burbage).

Самый знаменитый актеръ (трагикъ) эпохи Шекспира и товарищъ его по труппѣ. Портретъ его въ Дэльичской картинной галлереѣ (Dulwich College), подъ Лондономъ. Портретъ приписывается кисти самою Бэрбеджа.

представителемъ которой выступаетъ Антоніо. Переходъ ко второму періоду сказался въ отсутствіи той поэзіи молодости, которая такъ характерна для перваго періода. Герои *еще* молоды, но уже порядочно пожили, и главное для нихъ въ жизни наслажденіе. Героиня пьесы—Порція пикантная, бойкая бабенка, но уже нѣжной прелести дѣвушекъ „Двухъ Веронцевъ", а тѣмъ болѣе Джульеты въ ней совсѣмъ нѣтъ.

Беззаботное, веселое пользованіе жизнью и добродушное жуированіе—вотъ главная черта второго періода, центральною фигурою котораго является третій безсмертный типъ Шекспира—сэръ Джонъ Фальстафъ, постоянный гость таверны „Кабанья голова". Много вливаетъ въ себя эта „бочка съ хересомъ", но всего менѣе онъ обыкновенный кабацкій засѣдатель. Это настоящій поэтъ и философъ веселаго чревоугодничества, у котораго стремленіе къ искрящейся жизни духа, къ блеску ума столь же сильно, какъ и жажда ублаготворенія животныхъ потребностей. Фейерверкъ его геніальнаго добродушно-циническаго остроумія столь же для него характеренъ, какъ и чревоугодничество. Не будь онъ такимъ, онъ не былъ бы въ состояніи увлечь за собою ни мало не испорченнаго принца Галя изъ дворца въ кабакъ.

Съ большою долею правдоподобія устанавливаютъ связь между Фальстафіадою и турнирами веселаго остроумія, происходившими въ срединѣ 1590-хъ гг. въ литературно-артистическихъ кабачкахъ, среди которыхъ особенно славилась таверна „Сирены" (Mermaid). Здѣсь собирались писатели, актеры и приходила аристократиче-

ская молодежь. Предсѣдательствовалъ ученый Бэнъ Джонсонъ, но его, по преданію, всегда отодвигало на второе мѣсто блестящее остроуміе Шекспира.

Гораздо менѣе удачно желаніе привести въ связь Фальстафа съ типомъ хвастливаго воина, извѣстнаго еще древности. Фальстафъ, конечно, вретъ и хвастаетъ, но исключительно для краснаго словца, для того, чтобы потѣшить компанію. Уличатъ—ничего, это его ни мало не смущаетъ, потому что личной карьеры онъ никогда не дѣлаетъ и дальше того, чтобы достать деньги на вечерній хересъ, его заботы не идутъ. Лучшимъ доказательствомъ этого отсутствія личнаго элемента въ цинизмѣ Фальстафа—да иначе онъ былъ бы обыкновеннымъ мошенникомъ по нѣкоторымъ своимъ пріемамъ добывать деньги—можетъ служить неудача „Виндзорскихъ кумушекъ". Фигура Фальстафа привела въ такой восторгъ „дѣвственную" королеву Елизавету, которая, не морщась, выслушивала всѣ неслыханно-непристойныя остроты „толстаго рыцаря", что она выразила желаніе опять увидѣть Фальстафа на сценѣ. Шекспиръ исполнилъ ея желаніе, въ нѣсколько недѣль написавши „Виндзорскихъ кумушекъ", но первый и послѣдній разъ захотѣлъ морализировать, захотѣлъ „проучить" Фальстафа. Для этого онъ извратилъ самую сущность безпечно-безпутной, ни о чемъ не думающей, даже о самомъ себѣ, натуры Фальстафа и придалъ ему хвастливое самомнѣніе. Типъ былъ разрушенъ, Фальстафъ утрачиваетъ всякій интересъ, становится смѣшонъ и отвратителенъ, а комедія представляетъ собою малохудожественный водевиль, съ натянуто смѣшными и неправдоподобными подробностями, да вдобавокъ еще съ прѣснымъ нравоученіемъ.

Гораздо удачнѣе попытка снова вернуться къ Фальстафовскому типу въ заключительной пьесѣ второго періода „Двѣнадцатой ночи". Здѣсь мы въ лицѣ сэра Тоби и его антуража имѣемъ какъ бы второе изданіе сэра Джона, правда, безъ его искрящагося остроумія, но съ тѣмъ же заражающе добродушнымъ жиръ-ствомъ. Сэръ Тоби, какъ и Фальстафъ, человѣкъ въ всякомъ случаѣ, искренній и терпѣть не можетъ пышныхъ фразъ. Поэтому онъ съ наслажденіемъ принимаетъ участіе въ забавномъ дураченіи надутаго ханжи Мальволіо, подъ личиною добродѣтельныхъ фразъ въ сущности обдѣлывающаго свои дѣлишки. Въ лицѣ Мальволіо Шекспиръ зло вышутилъ пуританство, и это, конечно, характерно для періода его творческой жизни, который художественно наиболѣе ярко выразился въ созданіи Фальстафа.

Отлично также вкладывается въ рамки „Фальстафовскаго" по преимуществу періода грубоватая насмѣшка надъ женщинами въ „Усмиреніи Строптивой". Съ перваго взгляда мало, конечно, вяжется съ „Усмиреніемъ Строптивой" почти одновременно созданная граціознѣйшая поэтическая феерія „Сонъ въ Иванову ночь", гдѣ такъ ароматно и сочно отразилась молодость, проведенная въ лѣсахъ и лугахъ. Но вдумаемся, однако, сколько нибудь глубже въ центральное мѣсто пьесы, въ истинно-геніальный эпизодъ внезапнаго прилива страсти, съ которою Титанія осыпаетъ ласками ослиную голову Основы. Какъ не признать тутъ добродушную, но безспорно насмѣшливую символи-

ДВОРЕЦЪ ВЪ ГРИНВИЧѢ.

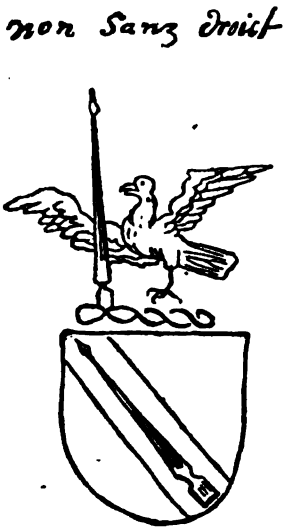
Здѣсь труппа, къ которой принадлежалъ Шекспиръ, часто давала свои представленія.

ЭДУАРДЪ АЛЭНЪ (Edward Alleyn).

Знаменитый актеръ и руководитель труппы, къ которой принадлежалъ Шекспиръ. Портретъ его въ Дэльунчской картинной галлерей (Dulwich College), подъ Лондономъ.

зацію безпричинныхъ капризовъ женскаго чувства?

Органическій связанъ „Фальстафовскій" періодъ съ серіею историческихъ хроникъ Шекспира даже помимо того, что Фальстафъ фигурируетъ въ двухъ главныхъ пьесахъ этой серіи—„Генрихъ IV" и „Генрихъ V". Историческія хроники изъ англійской исторіи—это та часть литературнаго наслѣдія Шекспира, гдѣ онъ меньше всего принадлежитъ всѣмъ вѣкамъ и народамъ. Здѣсь Шекспиръ—съ головы до ногъ типичный средній англичанинъ. Когда переживаешь періодъ столь реалистическаго упиванія элементарными благами жизни, то государственные идеалы не заносятся въ облака. Единственное мечтательное лицо хроникъ—Ричардъ II безжалостно погибаетъ подъ ударами практика Болингброка, съ любовью очерченнаго авторомъ, между тѣмъ какъ къ жалкому Ричарду онъ едва чувствуетъ пренебрежительное состраданіе. А Генрихъ V—это уже прямо апоѳеозъ кулака. Онъ завоевалъ Францію, и этого достаточно, чтобы сдѣлать туповатаго увальня истиннымъ любимцемъ автора.



Гербъ Шекспира въ подлинной дворянской грамотѣ его.

XIX.

Гамлетовскій періодъ.

Пріѣлась, однако, вскорѣ фальстафовщина, не могъ художникъ такой тончайшей душевной организаціи долго пить изъ кубка наслажденія, не ощутивъ горечи на днѣ его. Есть что-то символизирующее творческое настроеніе самого Шекспира, когда онъ заставляетъ воцарившагося и вошедшаго въ сознаніе своихъ высокихъ обязанностей Генриха V отстранить отъ себя надѣявшагося процвѣсть Фальстафа и безжалостно при всѣхъ сказать своему недавнему собутыльнику: „Я тебя не знаю, старикъ". Перестаетъ знать и Шекспиръ такъ недавно еще всецѣло владѣвшее имъ безпечальное отношеніе къ жизни. Наступаетъ *третій періодъ* въ его художественной дѣятельности, приблизительно обнимающій годы 1601—1609, періодъ глубокаго душевнаго мрака, но вмѣстѣ съ тѣмъ періодъ созданія величайшихъ литературныхъ произведеній новаго человѣчества.

Первое предвѣстіе измѣнившагося настроенія и міропониманія сказалось въ комедіи „Какъ вамъ это понравится" (As you like it), въ психологіи утомленнаго жизнью меланхолика Жака. И все растетъ эта меланхолія, сначала только тихо тоскующая, но быстро затѣмъ переходящая въ порывы самаго мрачнаго отчаянія. Все покрывается для умственнаго взора великаго художника черною пеленою; онъ во всемъ сомнѣвается; ему кажется, что „распалась связь временъ", что весь міръ провонялъ, какъ тухлая рыба; онъ не знаетъ, стоитъ-ли вообще жить. Предъ нами развертывается страшная драма противорѣчій реальной жизни съ высшими стремленіями въ „Гамлетѣ"; отчаявшійся художникъ даетъ намъ картину крушенія лучшихъ политическихъ идеаловъ въ „Юліи Цезарѣ"; показываетъ въ „Отелло" ужасы, скрытые подъ розами любви; даетъ потрясающее изображеніе неблагодарности самыхъ близкихъ людей въ „Лирѣ" и неблагодарности толпы въ „Коріоланѣ"; показываетъ на очень хорошихъ по существу людяхъ губительное обаяніе земного величія въ „Макбетѣ". Но не въ одномъ земномъ отчаялся такъ глубоко задумавшійся надъ цѣлью бытія художникъ. Вещь самая страшная для человѣка XVI столѣтія, да еще англичанина—онъ усумнился даже въ загробной жизни; для него безсильны утѣшенія религіи.

И вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ безграничномъ отчаяніи было скрыто самое благотворное зиждущее начало. Огромное душевное волненіе привело въ движеніе всѣ силы великаго дарованія, дало окончательное развитіе орлиному полету его художественнаго генія. Какъ буря заставляетъ океанъ выбросить на радость людямъ таящіеся на днѣ его лучшіе перлы, такъ и здѣсь глубина отчаянія подняла со дна все лучшее, что было заложено въ душу избранника. Органически нуждаясь въ душевномъ лѣкарствѣ—иначе жить было нечѣмъ, а тѣмъ болѣе говорить,—Шекспиръ Гамлетовскаго періода создаетъ рядъ самыхъ благородныхъ образовъ, когда-либо данныхъ всемірною литературою. Какъ въ сказкѣ, то же самое копье, которое такъ глубоко ранило его тоскующее сердце, и вылѣчило

ЛИТЕРАТУРНО-ТЕАТРАЛЬНЫЯ ТАВЕРНЫ ШЕКСПИРОВСКОЙ ЭПОХИ.

Существовавшая еще въ началѣ XIX ст. таверна «Сокола» (Falcon Tavern), недалеко отъ того мѣста, гдѣ былъ театръ «Глобусъ». Здѣсь, по преданію, часто бывали Шекспиръ и другіе актеры.
(Гравюра 1805 года въ лондонской «Rischgitz Collection»).

его. Съ однимъ презрѣніемъ къ людямъ ничего великаго не создашь. Нуженъ восторгъ, нужно глубокое убѣжденіе, что какъ ни скверенъ міръ, но есть въ немъ и праведники, изъ-за которыхъ спасается градъ нашего бытія. Пусть правъ Гёте, впервые давшій ключъ къ пониманію натуры Гамлета, какъ слабость воли при яркомъ сознаніи долга, пусть Гамлетъ только страстенъ, но нерѣшителенъ, глубокъ, но лишенъ свѣжести непосредственности. Но кто же не подпадаетъ подъ обаяніе его высокаго духа, кто въ духовномъ сообществѣ съ нимъ не становится лучше и чище? А что уже говорить о лучезарныхъ явленіяхъ Корделіи и Дездемоны, о бѣдной Офеліи! Всѣ онѣ сотканы изъ какого-то тончайшаго эѳира поэзіи, всѣ погибаютъ, потому что не могутъ вмѣстить въ себѣ зло жизни и сколько-нибудь приспособиться къ ней. Даже злодѣйская чета Макбетовъ погибаетъ отъ избытка совѣсти. А сколько еще остается высокихъ сердецъ среди второстепенныхъ лицъ великихъ трагедій, въ особенности въ „Лирѣ".

Цѣлая галлерея волшебно-нѣжныхъ и самоотверженныхъ женщинъ и благороднѣйшаго духа мужчинъ, созданная въ мрачную полосу третьяго періода, показываетъ, что пессимистическое настроеніе художника было порождено не только созерцаніемъ зла міра. Оно имѣетъ свой источникъ и въ томъ, что въ душѣ его, подъ вліяніемъ думъ о смыслѣ жизни, создался очень высокій идеалъ назначенія человѣка. Онъ былъ такъ строгъ къ міру, потому что хотѣлъ его видѣть совершеннымъ.

Настоящая мизантропія проступаетъ только въ „Тимонѣ Аѳинскомъ", и величайшаго въ мірѣ художника постигла неудача: человѣко-ненавистникъ Тимонъ не удался Шекспиру, характеръ его мало мотивированъ. Очевидно, одна злоба не заключаетъ въ себѣ творческаго начала. „Тимонъ Аѳинскій"—это какъ бы злокачественный нарывъ, вызванный душевною тоскою художника.

XX.

Періодъ примиренія съ жизнью.

И если мы обратимъ вниманіе на то, что „Тимонъ Аѳинскій" относится къ самому концу мрачнаго періода, къ 1609 г., мы, чтобы продолжать медицинское сравненіе, будемъ имѣть основаніе видѣть въ „Тимонѣ" какъ бы вскрытіе нарыва мизантропіи, изъ которой теперь совершенно удалился гной человѣконенавистничества. Наступаетъ свѣтлый періодъ примиреннаго исканія душевнаго мира и спокойствія.

Переходомъ къ этой полосѣ шекспировскаго творчества можно считать „Антонія и Клеопатру" и „Перикла". Въ „Антоніи и Клеопатрѣ", талантливый, но лишенный всякихъ нравственныхъ устоевъ хищникъ изъ „Юлія Цезаря" окруженъ истинно-поэтическимъ ореоломъ, а полупредательница Клеопатра геройскою смертью въ значительной степени искупаетъ свои прегрѣшенія. Особенно же ощутительно начало новаго настроенія въ „Периклѣ", гдѣ явственно проступаетъ главный мотивъ 4-го періода—отечески-нѣжное созерцаніе жизни сквозь призму любви къ дѣтямъ и вообще семейнаго чувства.

4-й періодъ, если не считать весьма слабаго участія Шекспира въ „Генрихѣ VIII", обнимаетъ всего только 3—4 года и 3 пьесы—такъ назыв. „романтическія драмы". Изъ нихъ „Цимбелинъ" и „Зимняя сказка" принадлежатъ къ пьесамъ второстепеннымъ и только въ „Бурѣ" геній Шекспира опять сказался во всемъ блескѣ своей обобщающей силы, создавъ одностороннее, но необыкновенно яркое воплощеніе некультурности черни въ лицѣ пьянаго дикаря Калибана.

Въ пьесахъ 4-го и послѣдняго періода все обстоитъ благополучно, тяжелыя испытанія вводятся только для того, чтобы слаще была радость избавленія отъ бѣдствій. Клевета уличается, невинность оправдываетъ себя, вѣрность получаетъ награду, безуміе ревности не имѣетъ трагическихъ послѣдствій; любящіе соединяются въ счастливомъ бракѣ.

Въ этомъ оптимизмѣ нѣтъ, однако, нечего приторнаго, потому что чувствуется истинная примиренность. Мудрецъ изжилъ личныя чувства; онъ видитъ нарожденіе новаго поколѣнія, которое будетъ любить, будетъ счастливо, будетъ хоть на время очаровано жизнью. Онъ видитъ, что жизнь есть, такимъ образомъ, круговоротъ свѣтлыхъ и мрачныхъ явленій и искренно примиряется съ нею. Онъ перестаетъ возиться съ собственною психологіею, его занимаетъ только счастье близкихъ ему молодыхъ существъ. Поэтическія дѣвушки, созданныя теперь—Морина изъ „Перикла", Пердита изъ „Зимней сказки", Миранда

изъ „Бури"—это уже не восторги любовника, какъ Джульета, не упоеніе мужа, какъ Дездемона, а тихое любованіе счастливаго отца.

Чрезвычайно заманчиво желаніе многихъ шекспирологовъ видѣть автобіографическую символизацію въ заключительной сценѣ „Бури", этой послѣдней самостоятельной пьесы Шекспира.

Изгнанный врагами миланскій герцогъ, а затѣмъ ставшій волшебникомъ Просперо устроилъ съ помощью своихъ чаръ счастливый бракъ дочери и возвращается на недобровольно покинутую родину. Достигнувъ всѣхъ завѣтныхъ цѣлей, Просперо отказывается отъ своего владычества надъ подвластнымъ ему міромъ волшебныхъ духовъ. „Отъ этихъ силъ теперь я отрекаюсь",—восклицаетъ онъ.—„Лишь одного осталось мнѣ желать: мнѣ музыки небесной нужны звуки". Для осуществленія своего отреченія онъ уничтожаетъ самый источникъ своей волшебной власти, жезлъ и книгу съ магическими заклинаніями:

«Я раздроблю тогда мой жезлъ волшебный,
И въ глубь земли зарою я его.
А книгу такъ глубоко потоплю,
Что до нея никто не досягнетъ».

Рѣшеніе это совершенно неожиданно и совершенно не нужно для хода пьесы. Но оно получаетъ яркій смыслъ, если увидѣть тутъ рѣшеніе бросить литературную дѣятельность, которая обняла весь кругъ человѣческихъ страстей, человѣческихъ страданій и радостей. Шекспиръ тоже величайшій волшебникъ, ему подвластны величайшія чары слова, при помощи которыхъ онъ, какъ Просперо, то насылалъ на души самыя страшныя бури, то навѣвалъ человѣчеству золотые сны. Но все это уже сдѣлано. Чародѣй-творецъ все испыталъ, все изобразилъ, все истолковалъ, ему нечего больше сказать. Книга жизни прочитана и можно ее закрыть.

XXI.

Шекспировская Библіографія.

Литература о Шекспирѣ колоссальна и самыя обстоятельныя шекспировскія библіографіи, отказываясь отъ регистраціи журнальныхъ статей, ограничиваются перечнемъ *книгъ*. Впрочемъ, превосходные *годовые* списки журнальныхъ статей за послѣднія десятилѣтія (Cohn'a) можно найти въ ежегодникахъ нѣм. шекспировскаго общества. Въ богатѣйшей Shakespeariana—Британскаго музея въ Лондонѣ насчитывается около 4000 книгъ. Въ 1868 г. открыта была въ Бирмингэмѣ спеціально шекспировская библіотека, въ 1879 г. сгорѣвшая, но съ 1882 г. вновь возродившаяся. Она широко понимаетъ свои задачи, собираетъ все, что служитъ къ уясненію сочиненій Шекспира и насчитываетъ болѣе 11000 №№. Каталоги Shakespeariana британскаго музея (1897) и Бирмингэмской библіотеки (законченъ въ 1903 г.) даютъ спеціалисту шекспировскую библіографію во всемъ ея объемѣ, здѣсь же указаны только основныя ея очертанія.

Изданія сочиненій. Въ основу всѣхъ изданій по необходимости приходится класть, при всей его недостовѣрности, знаменитое in folio 1623 года, изданное товарищами Шекспира—актерами Юмингомъ и Конделемъ. Оно является первоисточникомъ 19 пьесъ. Незначительное число сохранившихся экземпляровъ (около 160) довело цѣну ихъ до неслыханной суммы 20—25 тысячъ рублей, и, чтобы дать возможность ученымъ пользоваться этимъ драгоцѣннѣйшимъ источникомъ, первое фоліо неоднократно переиздавалось въ новѣйшее время фотографическимъ путемъ: въ 1864—65 гг. вышли изд. Стаунтона, въ 1876 г. (въ уменьшенномъ видѣ) Голиуэля-Филиппса, въ 1902 г. до полной иллюзіи доведенное фототипическое воспроизведеніе, съ предисловіемъ Сидни Ли. Въ 1862—71 году Голіуэль-Филипсомъ, въ 1880—89 году Фэринвалемъ издано также факсимиле отдѣльныхъ пьесъ, вышедшихъ in 4^0 при жизни и вскорѣ послѣ смерти Шекспира. Почти повтореніемъ перваго in folio является второе in folio 1632 г.; третье in folio 1663 года присоединило рядъ псевдо-Шекспировскихъ драмъ. Повтореніемъ 3-го изданія было 4-е in folio 1685 г. Первое сколько-нибудь критическое изданіе принадлежитъ первому біографу Шекспира Николаю Роу (Rowe; 1709 въ 6 т., 1714 въ 9 т. in 8^0). Изъ перечисляемыхъ здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ другихъ изданій XVIII в. представляетъ, при всѣхъ своихъ ошибкахъ, интересъ изд. Попа (1725, 6 т.; 1728 въ 10 т.; 1735, 1768); превосходно изд. Теобальда (1733, 7 т.; 1740, 1752, 1772, 1773); цѣнны изд. Гэнмера (1744), еп. Варбуртона (1747, 8 т.); Джонсона (1765, въ 8 т.; 1768); Кэпеля (Capell, 1768 въ 10 т.); первостепенное значеніе имѣютъ изд. Стивенса (1773, въ

10 т.; 1778, 1785, 1793 въ 15 т.) и Мэлона (Malone, 1790 въ 10 т.). Сводомъ всѣхъ догадокъ и комментаріевъ лучшихъ изслѣдователей является такъ наз. „Variorum edition" 1803 г. Рида (21 т.). Исправленное второе „Variorum edition" появилось въ 1813 г., третье (редактированное Босвелемъ по замѣткамъ Мэлона)—въ 1821 г. По типу „Variorum" было предпринято въ 1871 г. американцемъ Фэрнесомъ (H. Howard Furness) замѣчательнѣйшее изданіе „New Variorum editon", которое является настоящею шекспировскою энциклопедіею. Но Фэрнесъ умеръ, въ 30 лѣтъ успѣвши издать только 12 томовъ (11 пьесъ). Изъ изданій XIX в. крупное научное значеніе имѣютъ много разъ повторенныя изданія Александра Дайса (1857), Стаунтона (1868—70); выдающагося нѣмецкаго шекспиролога Деліуса (1854), такъ наз. Кэмбриджское изд. Кларка и Альдиса Райта, и такъ называемое „Bankside edition", съ 1888 года выпускаемое нью-іоркскимъ Шекспировскимъ обществомъ подъ редакціей Эпльтона Моргана (вышло 21 томъ). Среди болѣе 200 различныхъ полныхъ собраній соч. Шекспира можно еще отмѣтить изд. Гарнеса (1825); Сингера (1826); Чарльза Найта (замѣчательное своими историческими иллюстраціями „Pictorial Edition", 1838—43), Барри Корнуэля (1839—43, иллюстрир.), Пэнъ-Кольера (неудачная, частью основанная на недобросовѣстности, попытка дать новый текстъ), Голиуэль-Филиппса (монументальное иллюстр. изд. въ 15 т., 1853—61); американца Грэнтъ-Уайта (1857—65), „Leopold Shakespeare" (1876; замѣчательно предисл. Фэрниваля), такъ назыв. „Henry Irving edition" (1888—90); „Temple Shakespere" Голанца (1894—96), „Oxford edition" Крэга (1894), „Eversley Shakespeare" Герфорда (1899) и др. Число изданій все растетъ и нѣтъ года, чтобы не появлялось 2—3 новыхъ.

Переводы. Отдѣльныя пьесы переведены почти на всѣ языки; не исключая малайскаго, нарѣчій индостанскаго и т. п. Полныя собранія сочиненій имѣются на *франц.* (всѣ прозаическія: Летурнера, 1776—82; его же въ исправленіи Гизо, 1821 и 1860—62; Мишеля, 1839; Ларошa, 1839—43; Монтегю, 1867—72; лучшій—сына Виктора Гюго. Франсуа Виктора Гюго, 1859—66, и др.); *нѣмецкомъ* (прозаическіе переводы Виланда, 1762—66, и Эшенбурга, 1775—82; классическій стихотворный переводъ Шлегель-Тика, 1797—1833; вытѣсняющій его теперь превосходный переводъ при участіи Боденштедта, Фрейлиграта и Гейзе, 1867—71; Фосса, 1818—29; Бенды, 1825—26; Кернера, 1836; Бетгера, 1836—37; Ортлеппа, 1838—39; Келлера и Раппа, 1843—46; Мольтке, 1865; Кауфмана, 1830—31); *итальянскомъ* (Микеле Леони, 1819—22; прозаич. Карло Рускони, 1831; Каркано, 1875—82); *голландскомъ* (прозаич. Кока, 1873—80; стихотвор. Бургердика, 1884—88); *польскомъ* (превосходный переводъ подъ ред. Крашевскаго, 1875); *венгерскомъ* (1824, 1889—92); *чешскомъ* (1856—73); *шведскомъ* (Гагберга, 1848—51); *датскомъ* (1807—18, и лучшій Лембке, 1845—50); *финскомъ* (Каяндера, 1879 и позднѣе); *испанскомъ* (1885). По интересу къ Шекспиру послѣ Англіи, Америки и Германіи непосредственно слѣдуетъ Россія. Ниже мы даемъ обстоятельнѣйшій библіографическій обзоръ Н. Н. Бахтина подъ назв. „Шекспиръ въ Россіи". Здѣсь же отмѣтимъ только главное. Уже въ 1748 г. появляется Сумароковскій „Гамлетъ", передѣлка грубой франц. передѣлки Дюсиса. Въ 1770—80-хъ гг. въ журналахъ и отдѣльно русская публика знакомится съ „Ромео и Джульетой", „Ричардомъ III", „Юліемъ Цезаремъ". Екатерина II приспособляла къ сценѣ „Короля Джона" и „Виндзор. Кумушки". Въ началѣ XIX в. Шекспировскія пьесы составляютъ замѣтную часть репертуара. Но особенно часты становятся переводы въ 1830-хъ и 40-хъ гг., благодаря широкой популярности, доставленной Шекспиру въ Россіи геніальною игрою Мочалова. Въ настоящее время число отдѣльно переведенныхъ пьесъ огромно. Первое полное собраніе сочиненій Шекспира предпринято въ 1830-хъ годахъ въ прозѣ В. Х. Кетчеромъ. Надъ своимъ дуватымъ, но точнымъ переводомъ Кетчеръ работалъ 30 лѣтъ. Еще болѣе замѣчательнымъ подвигомъ является *единоличный* стихотворный переводъ всего Шекспира, законченный въ 1897 г. А. Л. Соколовскимъ и тоже потребовавшій 30 лѣтъ. Онъ обладаетъ литературными достоинствами, но не точенъ и растянутъ, при чемъ прибавляетъ не только отдѣльныя слова, но и образы, и сравненія. Въ 1865—68 гг. Гербель вмѣстѣ съ Некрасовымъ издалъ Шекспира въ стихотворномъ переводѣ лучшихъ нашихъ переводчиковъ. Изданіе Гербеля получило широкое распространеніе (5 изд.). Въ 1893 г. редакціей „Живописн. Обозр." изданъ прозаич. переводъ подъ ред. П. А. Каншина (2 изд., 1902). Съ 1902 г. выходитъ на-

Тика; въ 1830—1850-хъ гг. Гейне, Ретчера, Гервинуса, Ульрицы; позднѣе Рюмелина, Сиверса, Крейсига, Людвига, Фризена, Бультгаупта, Фишера, Тенъ-Бринка, Эхельгейзера и др. обогатили шекспирологію рядомъ въ высокой степени замѣчательныхъ толкованій. Но нѣмцы же внесли массу философско-эстетическаго произвола, и многія „глубокія" соображенія самыхъ вдумчивыхъ нѣмецкихъ шекспирологовъ безжалостно разбиваются болѣе внимательнымъ обращеніемъ съ подлинными фактами. Трезво-историческое изученіе Шекспира сосредоточено въ послѣднія десятилѣтія въ превосходныхъ ежегодникахъ нѣмец. Шекспировскаго общества (34 т.). Изъ англійскихъ писателей много сдѣлали для оцѣнки творчества Шекспира Кольридъ, Вордсвортъ, Гэзлитъ, мистриссъ Джемсонъ, позднѣе Доуденъ (1875), Лойдъ (1875), Бэнсъ (1894), Льюисъ, Свинбэрнъ и д. Центромъ научнаго изученія сочиненій Шекспира въ Англіи явилось въ 1870-хъ гг. „Ново-Шекспировское общество" подъ руководствомъ заслуженнаго филолога Фэрниваля, издавшее много цѣннаго и важнаго. Изъ французовъ, писавшихъ о Шекспирѣ можно назвать Гизо, Мезьера (1860—65), Тэна, Дармстетера. Очень популярна блестяще написанная, но легкомысленная книга о Шекспирѣ извѣстнаго датскаго критика Брандеса (1895). Изъ разнаго рода пособій по изученію Шекспира слѣдуетъ еще отмѣтить „Шекспировскій Словарь" Александра Шмидта (2 изд., 1886), „Шекспировскую грамматику „Абота, „S. Library" Гэзлита (источники, откуда Шекспиръ взялъ свои сюжеты); Simrock, Quellen des S." (2-е изд., (1872), „Шекспировскія конкорданціи" Кларка (1864) и Бартлета (1894). На русскомъ языкѣ слѣдуетъ отмѣтить вдохновенныя статьи Бѣлинскаго о „Гамлетѣ", статьи 1840-хъ и 50-хъ гг. Василія Боткина, предисловія Дружинина къ „Лиру" и „ Ричарду III", статьи Тургенева („Гамлетъ и Донъ-Кихотъ"), Тихонравова (1864), Спасовича. Серьезное научное значеніе имѣютъ только превосходные труды Н. И. Стороженка: „Предшественники Шекспира" (1872), „Робертъ Гринъ" (переведено на англ. яз.) и рядъ замѣчательныхъ статей его, собранныхъ въ книгѣ „Этюды о Шекспирѣ" (1902). Объемистая книга Чуйко (1889) написана диллетантски и не стоитъ на высотѣ задачи. Въ „Biogr. Библ". Павленко появилась интересная книжка И. И. Иванова (1896). Спеціально для настоящаго изданія написаны этюды Аничкова, Арсеньева, Батюшкова, Бойля, Брауна, Зин. Венгеровой, С. Венгерова, Юрія Веселовскаго, Горнфельда, Дашкевича, Зѣлинскаго, Иванова, Кирпичникова, Всев. Миллера, Морозова, Л. Полонскаго, Радлова, М. Н. Розанова, Спасовича, Стороженко, Шепелевича, Шестова.

С. Венгеровъ.

Виньетка (въ полную величину) изъ пьесы Вильяма Алибастера «Рожана» (1632). Изображаетъ театръ начала XVI вѣка и подтверждаетъ то, что дано рисунками на стр. 481 и 483.

ШЕКСПИРЪ-БЭКОНОВСКІЙ ВОПРОСЪ.

ФРЭНСИСЪ БЭКОНЪ.

ОЧЕРКЪ

Проф. Н. И. СТОРОЖЕНКА.

Шекспиръ-Бэконовскій вопросъ.

— —

Жителямъ большихъ городовъ, вѣроятно, случалось наблюдать не разъ довольно курьезное явленіе: на площади стоитъ небольшая кучка людей, о чемъ-то горячо разговаривающихъ и указывающихъ пальцами на небо. Проходитъ полчаса, часъ и кучка, постепенно увеличиваясь, превращается въ толпу людей, вперившихъ глаза въ небо и словно ожидающихъ чего-то... Судя по ихъ оживленнымъ жестамъ, можно заключить, что недавно на небѣ произошло нѣчто замѣчательное, — либо пролетѣлъ метеоръ, либо посыпался съ неба цѣлый дождь падучихъ звѣздъ. Постоявъ нѣкоторое время въ безплодномъ ожиданіи, толпа мало-по-малу расходится, но никому изъ лицъ, ее составляющихъ, не приходитъ въ голову, что на небѣ ничего не было, что всѣ они были жертвами мистификаціи двухъ или трехъ шутниковъ, которые, проходя черезъ площадь, ради шутки, вперили глаза въ небо, постояли въ такой позиціи четверть часа и ушли, видя, что шутка удалась, что возлѣ нихъ начинаетъ собираться толпа зѣвакъ. Явленіе, подобное описанному, наблюдается въ настоящее время въ литературѣ по отношенію, такъ называемой, бэкона-шекспировской теоріи, утверждающей, что драмы, дошедшія до насъ съ именемъ Шекспира, писаны не имъ, но великимъ основателемъ реальной философіи „Бэкономъ. Разница разъѣ въ томъ, что въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ сознательнымъ обманомъ, а въ послѣднемъ съ безсознательнымъ самовнушеніемъ. Не ждите отъ теоріи, низвергающей съ пьедестала величайшаго драматурга новыхъ временъ, фактическихъ доказательствъ—ихъ нѣтъ, да для нея они и не существенны въ виду силы доказательствъ внутреннихъ, логическихъ. „Статочное ли дѣло“,—спра-

шиваетъ теорія,—„чтобы драмы, полныя такихъ возвышенныхъ, далекозаряющихъ идей, такого глубокаго прозрѣнія въ сущность государственной жизни и въ тайны человѣческаго сердца, могли выйти изъ-подъ пера полуобразованнаго актера, вращавшагося въ низменныхъ слояхъ общества и думавшаго только о томъ, чтобы сколотить деньги и удалиться на покой въ свой родной городокъ? Внутреннее содержаніе драмъ Шекспира исполнено такой глубины и разносторонности, что ихъ могъ написать не только самый геніальный, но и самый

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА ВЪ 1592 ГОДУ.

Портретъ ея, принадлежащій виконту Диллону (Viscount Dillon at Ditchley)
Изъ иллюстрированнаго изданія книги Сидни Ли (Sidney Lee) A Life of Shakespeare.

Покровитель Шекспира—Генри Райотесли (Henry Wriothesley), графъ Саутгэмптонъ въ зрѣломъ возрастѣ.

Портретъ Ванъ Зомера (Van Somer), нынѣ находящійся въ главномъ Шекспировскомъ музеѣ (Shakespeare Memorial) въ Стратфордѣ.

образованный человѣкъ своего времени, а такимъ человѣкомъ, безспорно, былъ Бэконъ, и если онъ скрылъ свое имя подъ псевдонимомъ Шекспира, то это произошло оттого, что, занимая высокое общественное положеніе, онъ не считалъ удобнымъ признать себя авторомъ произведеній, которыя въ то время почти не причислялись къ литературѣ, и въ которыхъ онъ высказалъ мысли и намеки, которые могли повредить его служебной карьерѣ". Таковы основныя положенія пресловутой бэконо-шекспировской ереси, которыя на разные лады повторяются въ массѣ книгъ и брошюръ, ежегодно появляющихся на книжномъ рынкѣ и жадно поглощаемыхъ людьми, мало знакомыми съ предметомъ, но сгорающими желаніемъ блеснуть оригинальностью и прослыть разрушителями литературныхъ кумировъ и предразсудковъ. Какъ увидимъ ниже, эта литературная ересь, получившая начало въ Америкѣ, первоначально распространялась по Америкѣ и отчасти Англіи; *ученые Германіи долгое время не считали ее заслуживающей опроверженія, и только въ послѣднія 10—15 лѣтъ стали обращать на нее вниманіе*; у насъ въ Россіи ее знали только по слухамъ, такъ что когда лѣтъ 15 тому назадъ покойный В. В. Чуйко помѣстилъ обстоятельную статью по бэконовскому вопросу (*Наблюдатель*, 1888. Февраль), статья эта могла служить скорѣе предосте-

THE
Tragicall Hiſtorie of
HAMLET
Prince of Denmarke

By William Shake-ſpeare.

As it hath beene diuerſe times acted by his Highneſſe ſeruants in the Cittie of London : as alſo in the two Vniuerſities of Cambridge and Oxford, and elſe-where

At London printed for N.L. and Iohn Trundell.
1603.

Первое изданіе «Гамлета», 1603 года.

реженіемъ, чѣмъ опроверженіемъ взглядовъ, имѣвшихъ тогда въ Россіи весьма немногихъ приверженцевъ. Съ тѣхъ подъ многое измѣнилось. Американская реклама, ежегодно раздувающая десятки плохихъ книгъ и брошюрокъ, сдѣлала свое дѣло. Теперь у насъ встрѣтите не мало лицъ, преимущественно изъ числа учащейся молодежи, которыя при словѣ Шекспиръ многозначительно ухмыляются, давая этимъ понять, что ихъ на мякинѣ не поймаешь, что имъ хорошо извѣстенъ le secret du polichinelle. Для такихъ лицъ были, безъ сомнѣнія, драгоцѣннымъ подаркомъ появившіеся и въ русской печати отзвуки извѣстной книги Бормана *Das Shakspeare Geheimniss* (Leipzig, 1894 г.). Раньше чѣмъ обратиться къ этой книгѣ, бросимъ общій взглядъ на бэконо-шекспировскую ересь до появленія книги Бормана.

Всякое геніальное произведеніе всегда заключаетъ въ себѣ нѣчто таинственное, пожалуй, даже сверхъестественное. Хотя бы мы знали всѣ тѣ вліянія, которымъ подвергался его авторъ при жизни, хотя бы мы изучили составные элементы самого произведенія, для насъ все-таки останется вѣчной загадкой та геніальная сила духа, которая соединяла всѣ эти элементы по напередъ задуманному плану въ одно художественное цѣлое. Степень загадочности, конечно, увеличивается, если скудость біографическихъ данныхъ не даетъ намъ возможности даже приблизительно возстановить исторію развитія таланта и ума изучаемаго художника. Сказанное прилагается къ произведеніямъ Шекспира въ большей степени, чѣмъ къ произведеніямъ другихъ писателей, ибо исторія литературы не знаетъ большаго несоотвѣтствія между тѣмъ, что намъ извѣстно объ авторѣ, и его произведеніями. Это несоотвѣтствіе давно приводило въ смущеніе нѣкоторыхъ критиковъ. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія Фармеръ въ своемъ *Essay on the Learning of Shakspeare* (London, 1767 г.) доказывалъ, что Шекспиръ былъ человѣкъ малообразованный и отказывался объяснить массу научныхъ свѣдѣній, встрѣчающихся въ его произведеніяхъ. Гораздо дальше пошелъ неизвѣстный авторъ статьи, помѣщенной въ *Chamber's Edinburgh Journal* за 1852 г., который смѣло поставилъ вопросъ *Кѣмъ были написаны драмы Шекспира?* (Who wrote Shakspeare?) и отвѣчалъ на него въ томъ смыслѣ, что у Шекспира состоялъ на жалованьи какой-то бѣднякъ ученый, который за извѣстную сумму и снабжалъ его своею ученостью. Отъ этой гипотезы до предположенія, что главнымъ сотрудникомъ Шекспира былъ Бэконъ—всего одинъ шагъ. Этотъ шагъ былъ сдѣланъ въ Америкѣ однофамилицей Бэкона миссъ Деліей Бэконъ въ ея статьѣ *Шекспиръ и его драмы*, помѣщенной въ американскомъ журналѣ *Putnam Monthly Magazine* за 1855 годъ (январь), которая поэтому и считается началомъ бэконо-шекспировской ереси. Миссъ Бэконъ была женщина даровитая и ученая, но крайне экзальтированная и истеричная и рѣшительно неспособная критически отнестись къ своимъ фантазіямъ. Усомнилась ли она въ Шекспирѣ подъ вліяніемъ книги Фармера и статьи неизвѣстнаго автора въ Chamber's Journal, или дошла до своей теоріи совершенно самостоятельно (первое вѣроятнѣе, такъ какъ она была очень начитана), какъ бы то ни было, но въ своей статьѣ она доказывала, что малообразованный Шекспиръ не могъ написать приписываемыхъ ему драмъ, что онѣ написаны цѣлымъ кружкомъ ученыхъ людей, во главѣ которыхъ стоялъ Бэконъ. Гипотезу свою она развила въ цѣлую теорію въ объемистой книгѣ подъ заглавіемъ *Философія пьесъ Шекспира разоблаченная* (The Philosophy of Shakspeare Plays unfolded L. 1857). По мнѣнію миссъ Бэконъ, философія эпохи Елизаветы дошла до насъ въ двухъ видахъ—въ формѣ философскихъ трактатовъ Бэкона и въ формѣ драмъ, приписываемыхъ Шекспиру. Послѣднія заключаютъ въ себѣ грандіозную систему политической философіи, которую Бэконъ счелъ болѣе удобнымъ изложить въ драматической формѣ. Иначе ему поступить было нельзя, потому что эти драмы не литературныя произведенія, но страшныя политическія проблемы. Въ эпоху Елизаветы Англія томилась подъ гнетомъ королевскаго деспотизма, отъ котораго и хотѣли избавить ее такіе великіе умы, какъ Бэконъ и Вальтеръ Рэлей. Не смѣя говорить прямо, они говорили загадками, языкомъ Эзопа; сцена была ихъ трибуной, а, Шекспиръ псевдонимомъ. Теорія эта казалась истеричной дамѣ до того вѣрной, что она не сочла нужнымъ приводить въ ея пользу сколько-нибудь солидныя доказательства. Этого мало: если на пути встрѣчались факты, способные ее пошатнуть, то миссъ Бэконъ устраняла ихъ съ дороги самымъ простымъ и безцеремоннымъ образомъ. Ей, напримѣръ, былъ хорошо

THE
Tragicall Hiſtorie of HAMLET,
Prince of Denmarke.

By William Shakeſpeare.

Newly imprinted and enlarged to almoſt as much againe as it was, according to the true and perfect Coppie.

AT LONDON,
Printed by I. R. for N. L. and are to be ſold at his ſhoppe vnder Saint Dunſtons Church in Fleetſtreet. 1604

Второе изданіе «Гамлета», 1604 года.

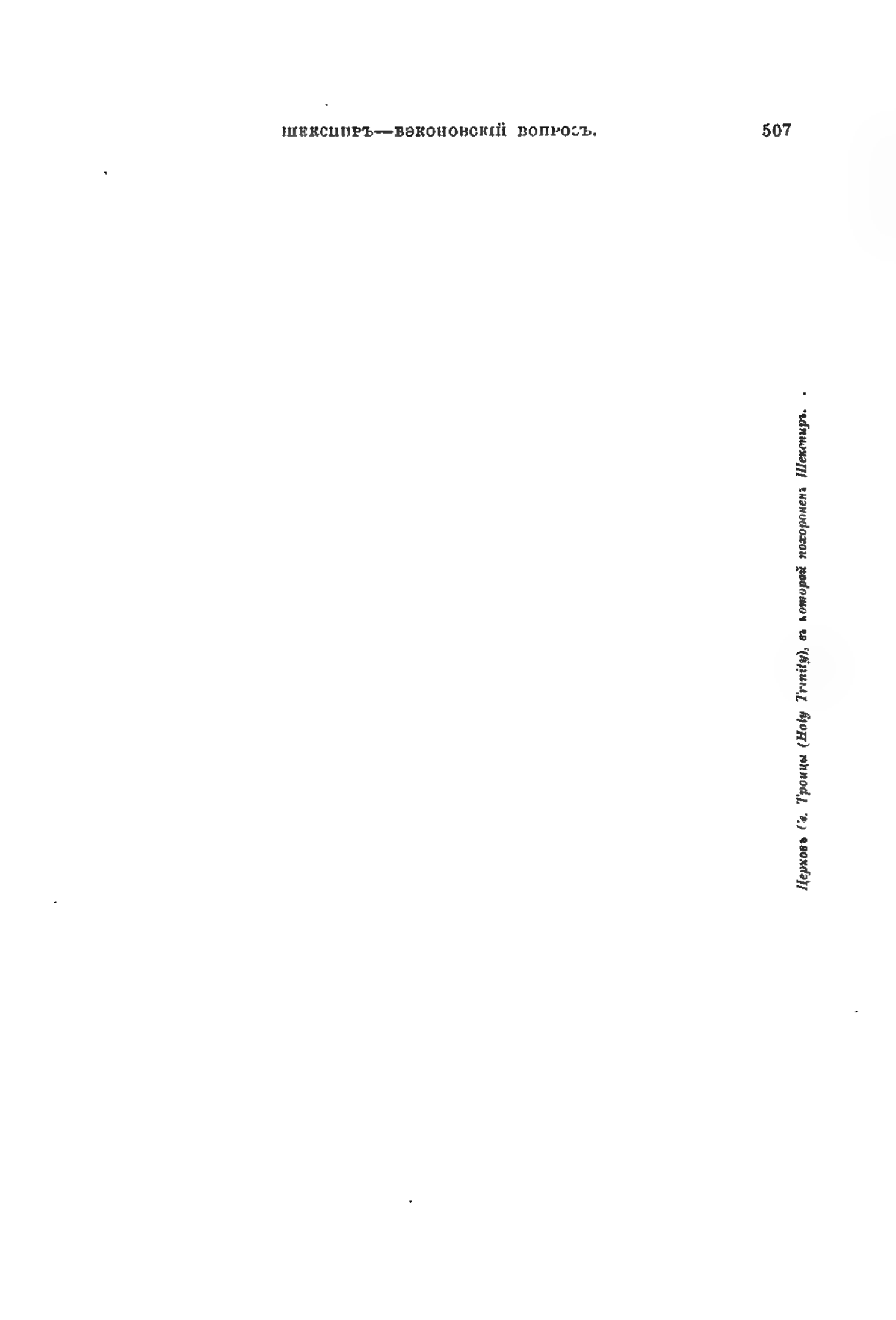
извѣстенъ восторженный отзывъ Бэнъ-Джонсона о Шекспирѣ, который ставилъ Шекспира даже выше древнихъ драматурговъ. Ни мало не задумываясь, она объясняетъ этотъ отзывъ тѣмъ, что Бэнъ-Джонсонъ былъ посвященъ въ тайну и что подъ видомъ Шекспира онъ прославлялъ покровительствовавшихъ ему Бэкона и Рэлея. Отсутствіе доказательствъ ее не смущало, ибо она была глубоко убѣждена, что рано или поздно они должны отыскаться—и тогда потомство ее оправдаетъ. На основаніи довольно неясныхъ намековъ въ письмахъ Бэкона, она пришла къ заключенію, что подъ могильнымъ камнемъ Шекспира сохраняются документы либеральнаго политическаго кружка эпохи Елизаветы, рѣшающіе вопросъ объ истинныхъ авторахъ шекспировскихъ драмъ. Съ цѣлью добыть эти документы бѣдная психопатка переплыла океанъ, прибыла въ Англію и поселилась въ Стратфордѣ. По цѣлымъ часамъ она сидѣла въ глубокой задумчивости въ церкви св. Троицы надъ могильной плитой Шекспира, пыталась даже приподнять ее (на плитѣ до сихъ поръ видны слѣды лома, образовавшіе съ двухъ сторонъ довольно большія расщелины), пока, наконецъ, не сошла съ ума и не была отвезена въ больницу для душевнобольныхъ, гдѣ и умерла въ 1859 г. Англійскіе критики отнеслись къ книгѣ миссъ Бэконъ съ снисходительной улыбкой, какъ къ произведенію больного мозга, за исключеніемъ, впрочемъ нѣкоего мистера Смита, который, прочтя статью, въ „Putnam Magazine“, сдѣлался ревностнымъ послѣдователемъ теоріи миссъ Бэконъ. Въ подтвержденіе ея взглядовъ, онъ въ скоромъ времени издалъ брошюру: *Былъ ли Бэконъ авторомъ шекспировскихъ драмъ?* (Was Lord Bacon the author ofshakspeare Plays? L. 1856). На предложенный самому себѣ вопросъ авторъ отвѣчалъ утвердительно, но, за отсутствіемъ фактическихъ доказательствъ, основывается на такъ-называемыхъ доказательствахъ внутреннихъ. По мнѣнію Смита, все что мы знаемъ о Шекспирѣ, не располагаетъ насъ вѣрить, чтобъ онъ могъ написать произведенія, исполненныя столь великихъ достоинствъ, и наоборотъ, все, что мы знаемъ о Бэконѣ, объ его геніальномъ умѣ и разносторонней учености, все это склоняетъ насъ къ увѣренности, что только имъ и имъ однимъ могли быть сочинены драмы, которыя онъ, по личнымъ соображеніямъ, счелъ удобнымъ приписать Шекспиру. Къ этому главному соображенію присоединяются у автора нѣсколько другихъ, столь же субъективныхъ и состоящихъ

Нью-Плэсъ—домъ гдѣ жилъ и умеръ Шекспиръ, (по гравюрѣ въ описаніи Стратфорда Whelera, вышедшемъ въ 1806 году). Реставрированный въ 1702 году онъ былъ снесенъ въ 1759 г. и на его мѣстѣ теперь разведенъ садъ.

Вещи, принадлежавшія Шекспиру и его женѣ, въ музеѣ, устроенномъ рядомъ съ Нью-Плэсомъ.

также въ драмахъ Шекспира, она изъ этого факта выводитъ заключеніе, что записная книжка Бэкона и драмы Шекспира писаны однимъ лицомъ и что этимъ лицомъ былъ, конечно, Бэконъ. Приведемъ на выдержку нѣсколько примѣровъ. Въ записной книжкѣ Бэкона, подъ № 249, стоитъ евангельское изреченіе: „*И оправдися премудрость отъ чада своихъ*", имѣющее тотъ смыслъ, что дѣти своими поступками должны доказывать свое происхожденіе отъ мудрости. Не найдя въ произведеніяхъ Шекспира ничего соотвѣтствующаго этому предмету, г-жа Поттъ сопоставляетъ его со всѣми тѣми мѣстами произведеній Шекспира, гдѣ встрѣчаются либо слово *дитя*, либо слово *наслѣдникъ*—сопоставленіе, вовсе не идущее къ дѣлу и вдобавокъ ничего не доказывающее, ибо евангеліе было настольной книгой у обоихъ писателей, но производящееизноженствомъ ссылокъ импонирующее впечатлѣніе на читателя-диллетанта, которому недосугъ провѣрять, кстати ли приведена цитата, или нѣтъ. Равнымъ образомъ, если предположить, что слова Розалинды: *Я не желаю бросать своихъ словъ собакамъ*, навѣяны извѣстнымъ евангельскимъ изреченіемъ: *Не бросайте святыни псамъ* (Мат., глава 7, ст. 6), то этимъ фактомъ болѣе чѣмъ странно доказывать принадлежность пьесы Бэкону, ибо Шекспиръ не хуже Бэкона могъ заимствовать эти слова изъ евангелія. Пойдемъ дальше. Подъ № 43 Бэконъ приводитъ изреченіе изъ Adagia Эразма *Semper Virginis furiae*. Изъ объясненія Эразма къ этому изреченію видно, что онъ не имѣлъ намѣренія обозвать всѣхъ дѣвицъ фуріями, а хотѣлъ только сказать, что въ противоположность ангеламъ, которые изображаются въ видѣ мужчинъ, фуріи, наоборотъ, изображаются въ видѣ женщинъ. Не принявши этого въ соображеніе, г-жа Поттъ, что называется, ни къ селу, ни къ городу, сопоставляетъ изреченіе Эразма съ двумя мѣстами изъ „Усмиренія Строптивой" и однимъ изъ „Много шуму изъ ничего". Въ первыхъ двухъ Катерина обзывается дикой кошкой (wild cat), а въ послѣднемъ, наоборотъ, Бенедиктъ удивляется, что такое прекрасное существо, какъ Беатриче, надѣлена такимъ бѣшенымъ характеромъ (possessed with a fury). Но у г-жи Поттъ встрѣчаются недоразумѣнія еще болѣе крупныя. Такъ, напримѣръ, приводя изъ книжки Бэкона французскую пословицу *Nourriture passe nature*, которую можно перевести изреченіемъ: *Привычка—вторая природа* или, точнѣе, *Привычка—сильнѣеприроды*, г-жа Поттъ считаетъ ее источникомъ одного мѣста въ „Периклѣ" (Актъ, I, сц. 4), гдѣ говорится о страшномъ голодѣ въ Тарсѣ, когда матери готовы были съѣсть своихъсобственныхъ дѣтей. Общаго между этими мѣстами нѣтъ ничего; въ первомъ говорится о привычкѣпобѣждающейприроду, а во второмъ—о голодѣ, который заставляетъ матерей забывать естественныя чувства любви къ дѣтямъ, а между тѣмъ сопоставленіе ихъ между собою предназначено служить доказательствомъ принадлежности „Перикла" Бэкону. Желаніе во что бы то ни стало отождествить Бэкона съ Шекспиромъ доводитъ г-жу Поттъ до самыхъ смѣшныхъ крайностей. Встрѣчая у Бэкона и у Шекспира такія простыя выраженія, какъ, напримѣръ: *О времена!* (O The Time!), *О Боже* (O the Lord!), *О небо!* (O the Heavens!) *Аминь* (Amen), она и ихъ считаетъ доказательствами принадлежности шекспировскихъ драмъ Бэкону. Особое значеніе придаетъ она найденному ею въ записной книжкѣ

Аллея, ведущая въ церковь св. Троицы, гдѣ погребенъ Шекспиръ (апрѣль).



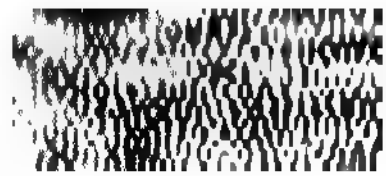
Церковь (с. Троицы (Holy Trinity), въ которой похоронена Шекспиръ.

сообщали выдержки изъ имѣющей выйти въ свѣтъ книги Доннели. Выдержки эти были настолько заманчивы и подобраны такъ искусно, что даже нѣкоторые англійскіе журналы (какъ, напр., The Nineteenth Century) поймались на эту удочку и увидѣли въ попыткѣ Доннелли нѣчто серьезное. Прошло три года, а книга Доннелли все еще не появлялась. Наконецъ, когда

НАДПИСЬ НА МОГИЛЬНОЙ ПЛИТѢ ШЕКСПИРА.

Добрый другъ ради Христа избѣгай
Тревожить прахъ заключенный здѣсь
Благословенъ да будетъ человѣкъ, который щадитъ эти камни
И проклятъ да будетъ тотъ, кто тревожитъ мои кости.

нетерпѣніе публики достигло крайней степени, вышли въ свѣтъ въ Лондонѣ два объемистыхъ тома подъ заглавіемъ *Великая тайная азбука* *), которые вызвали всеобщее недоумѣніе и разочарованіе. Оказалось, что первый томъ не заключаетъ въ себѣ ничего новаго, кромѣ сопоставленій нѣсколькихъ новыхъ мѣстъ изъ сочиненій Бэкона и драмъ Шекспира и повторенія старыхъ и уже успѣвшихъ надоѣсть разсужденій о томъ, почему Бэкону естественнѣе считаться авторомъ шекспировскихъ драмъ, чѣмъ самому Шекспиру. Во второмъ томѣ Доннели подробно разсказываетъ, какимъ образомъ ему удалось придти къ своему открытію. Извѣстно, что Бэконъ любилъ употреблять въ своихъ письмахъ шифръ, имъ самимъ изобрѣтенный, ключъ отъ котораго онъ сообщилъ нѣкоторымъ изъ своихъ корреспондентовъ. Въ своемъ сочиненіи De Augmentis онъ подробно распространяется о пользѣ шифра и о шифрахъ, употребляемыхъ различными писателями. Зная это, Доннели рѣшился поискать, не откроется ли слѣдовъ этого шифра въ первомъ in folio шекспировскихъ драмъ? Поиски его увѣнчались успѣхомъ. Изучая in folio, Доннелли пришелъ къ убѣжденію, что Шекспиръ скрывалъ свою мысль подъ отдѣльными словами, напечатанными на страницахъ книги курсивомъ или между двумя тире. Если соединить эти слова на различныхъ страницахъ, то получатся фразы, которыя нельзя было помѣстить прямо въ текстѣ, ибо онѣ могли бы сильно компрометировать положеніе Бэкона при дворѣ, даже, пожалуй навлечь на него подозрѣніе въ государственной измѣнѣ. Вотъ одна изъ этихъ фразъ, въ которой, впрочемъ нѣтъ ничего подозрительнаго: „Мои надежды на возвышеніе уничтожаются; я не настолько безстыденъ, чтобы встрѣтить немилость съ безстыднымъ нахальствомъ". Чтобы довести до свѣдѣнія публики эту невинную фразу, не для чего было Бэкону прибѣгать къ шифру, а Доннелли ломать голову для его разъясненія. Къ какимъ курьезнымъ результатамъ можетъ привести примѣненіе бэконовскаго шифра — это было доказано однимъ англійскимъ критикомъ, который, примѣнивъ его къ произведеніямъ Диккенса, доказалъ, что романы Диккенса писаны Гладстономъ *).



Дошедшія до насъ подписи Шекспира, 1. На первой страницѣ завѣщанія, отъ 25 марта 1616. (Сомерсетъ-Гоузъ въ Лондонѣ).

Самымъ крупнымъ продуктомъ бэконов-

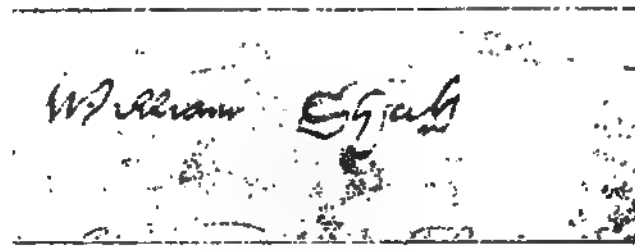
*) The Great Cryptogram Ignatius Donnelly. London. 1888. 2 vol.

*) Теорія Доннелли приведена ad absurdum въ брошюрѣ Никольсона, No Cipher in Shakspeare. London 1888. См. также брошюру Шиппера Shakspeare und dessen Gegner. Münster. 1895.

ской ереси послѣ книги Доннелли является сочиненіе Бормана *Шекспирова Тайна* (Das Chakspeare Geheimniss. Leipzig 1894). Борманъ поставилъ своей задачей раскрыть тѣсную связь между философіей Бэкона и драмами Шекспира, другими словами—найти—въ послѣднихъ отраженіе и иллюстрацію философскихъ и научныхъ воззрѣній Бэкона и вывести отсюда новыя заключенія въ пользу того, что авторомъ шекспировскихъ драмъ былъ Бэконъ. Весьма забавное впечатлѣніе производитъ тотъ торжественный тонъ, которымъ нѣкоторые падкіе на новизну журналисты пробовали возвѣщать значеніе труда Бормана. „Въ данное время",—говорилось въ одной русской статьѣ, — шекспиро - бэконовскій вопросъ можно считать уже почти рѣшеннымъ, благодаря появившемуся весьма недавно серьезному ученому труду Эдвина Бормана *Das Shakspeare Geheimniss*. Трудъ этотъ, помимо сгруппировки всѣхъ вѣскихъ доказательствъ, установленныхъ ранѣе другими авторами по данному вопросу, заключаетъ въ себѣ рядъ новыхъ доказательствъ. Задавшись цѣлью доказать воочію всѣмъ, что авторъ шекспировскихъ драмъ — Бэконъ, онъ указываетъ въ цѣломъ рядѣ примѣровъ полнѣйшую тождественность естественно-историческихъ взглядовъ Бэкона со взглядами, заключающимися въ драмахъ Шекспира. Отбросивъ разныя внѣшнія доказательства, онъ проникаетъ въ самый духъ произведеній Бэкона и Шекспира и неопровержимо параллельнымъ сопоставленіемъ доказываетъ, что идеи Бэкона положены въ основу шекспировскихъ драмъ. Притомъ, что особенно важно, и что представляетъ преимущество труда Бормана предъ трудами его предшественниковъ, это то, что онъ сравниваетъ и сопоставляетъ не отдѣльныя слова и фразы, выхваченныя изъ ученыхъ трактатовъ Бэкона и драмъ Шекспира, а цѣлыя произведенія неразрывно".

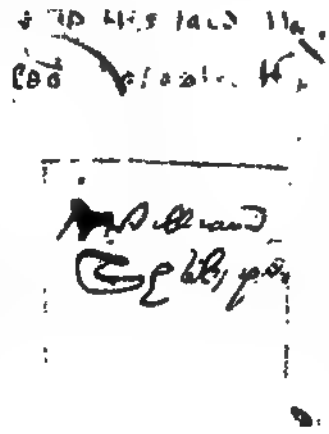
Нужно отдать справедливость журналисту въ томъ, что основную мысль Бормана онъ понялъ вѣрно. До сихъ поръ мы думали, что драмы Шекспира художественныя произведенія, но мы ошиблись; это аллегоріи, выражающія въ драматической формѣ философскія и научныя теоріи, а ихъ герои не живыя лица, а отвлеченныя понятія. По мнѣнію Бормана, въ комедіяхъ Шекспира трактуются различные естественно-научные вопросы; въ основѣ драматическихъ хроникъ лежатъ астрономическія и метеорологическія теоріи, а трагедіи служатъ драматической иллюстраціей взглядовъ Бэкона на человѣка, какъ существо физическое, нравственное и политическое.

Дошедшія до насъ подписи Шекспира.
2. На второй страницѣ завѣщанія (Сомерсетъ-Гоузъ въ Лондонѣ).



Дошедшія до насъ подписи Шекспира.
3. Окончательная подпись подъ завѣщаніемъ (By me William Shakspeare) мною Вильямомъ Шекспиромъ (Сомерсетъ-Гоузъ въ Лондонѣ).

Такъ, напримѣръ, *Буря* есть не что иное, какъ воплощеніе въ поэтическихъ образахъ бэконовской теоріи вѣтровъ, при чемъ веселый и бодрый Аріэль заключаетъ въ себѣ всѣ свойства сѣвернаго вѣтра, а лѣнивый и неуклюжій Калибанъ осуществляетъ собою все то, что говорится у Бэкона объ южномъ вѣтрѣ. Главный же герой пьесы, всемогущій волшебникъ Просперо, есть не что иное, какъ бэконовскій Панъ,—образъ, придуманный философомъ для осуществленія всего комплекса силъ природы. Послѣднее доказывается тѣмъ, что Панъ и Просперо снабжены одними и тѣми же признаками и одарены одинаковымъ могуществомъ. Панъ имѣетъ въ рукахъ своихъ посохъ, Просперо — волшебный жезлъ; Панъ изображается у Бэкона съ длинными волосами и бородой; такимъ же изображается обыкновенно Просперо на сценѣ, у Пана на плечахъ царская мантія; у Просперо—мантія волшебника; Панъ—богъ охоты; Просперо охотится на сценѣ; Панъ держитъ въ плѣну тифоновъ; Просперо властвуетъ надъ вѣтрами; Панъ—властитель и вождь (dux) танцующихъ нимфъ; Просперо—изгнанный миланскій герцогъ (Duke of Millaine) и т. д. Если въ „Бурѣ" драматизирована бэконовская теорія вѣтровъ, то въ основу комедіи *Потерянныя Усилія Любви* положена бэконовская теорія свѣта. Это видно изъ того, что главной темой разговора дѣйствующихъ лицъ служатъ мысли о свѣтѣ, цвѣтныхъ краскахъ, вліяніи свѣта, а въ общемъ во всей комедіи тридцать разъ встрѣчается слово *свѣтъ* и около шестидесяти разъ слова *глазъ* и *видѣть* и т. д. Пока Борманъ вращается въ сферѣ подобныхъ чисто-субъективныхъ воззрѣній и сопоставленій, спорить съ нимъ такъ же безполезно, какъ доказывать человѣку, страдающему дальтонизмомъ, прелесть неба во время солнечнаго заката. Но лишь только авторъ изъ области фантазіи вступаетъ на почву фактическихъ доказательствъ, теорія его сразу лопается по всѣмъ швамъ. Прочтя, напримѣръ, въ Энциклопедіи Бэкона, что одно изъ Desiderata науки будущаго состоитъ въ томъ, чтобы возбуждать и укрощать вѣтры, Борманъ видитъ въ Просперо представителя этой науки, тогда какъ на самомъ дѣлѣ герой комедіи Шекспира не ученый, а волшебникъ въ средневѣковомъ смыслѣ этого слова, повелѣвающій вѣтрами съ помощью тѣхъ же силъ, которыя находятся въ распоряженіи вѣдьмъ въ Макбетѣ. Видя въ Гамлетѣ отраженіе спиритической теоріи Бэкона, Борманъ останавливается на роли духа отца Гамлета, считая это лицо созданіемъ поэта (стр. 102), тогда какъ духъ фигурировалъ еще въ старинномъ дошекспировскомъ Гамлетѣ, о которомъ упоминаютъ Нашъ и Лоджъ. Не болѣе удачны филологическія догадки Бормана. Такъ, напримѣръ, онъ утверждаетъ (стр. 199), что Фальстафъ имѣетъ аллегорическое значеніе, что онъ есть олицетвореніе тяжелой, вялой и осѣдающей внизъ матеріи, о которой говоритъ Бэконъ въ своей Энциклопедіи, и доказываетъ это этимологіей слова Фальстафъ, которое, по его мнѣнію, состоитъ изъ Fall=падать и *staf*=матерія, но придуманная авторомъ этимологія не вѣрна, ибо въ англійскомъ языкѣ, какъ старинномъ, такъ и современномъ, слово *staff* значитъ не матерія, а палка (нѣм. stab), а матерія обозначается словомъ *stuff* (нѣм. stoff). Притомъ же, кому изъ занимающихся Шекспиромъ неизвѣстно, что Фальстафъ первоначально назывался у Шекспира Олдкэстлемъ, что это имя перешло къ Шекспиру изъ старинной пьесы о Генрихѣ V и что только впослѣдствіи Шекспиръ перекрестилъ его въ Фальстафа, нѣсколько видоизмѣнивъ для этого историческое имя



Дошедшія до насъ подписи Шекспира. 4. На купчей лондонскаго дома, пріобрѣт. въ 1612—1613 гг. (Библіотека лондон. ратуши).

„Я помню“,—говоритъ Бэнъ-Джонсонъ,—„что актеры часто ставили Шекспиру въ заслугу, что во всемъ имъ написанномъ онъ никогда не вычеркнулъ ни одной строки“. Я отвѣчалъ на это: „Лучше было бы, если бы онъ вычеркнулъ цѣлую тысячу“. Эти слова они объяснили моимъ нерасположеніемъ къ Шекспиру... Между тѣмъ я любилъ этого человѣка и чту его память. По истинѣ, это была честная, открытая и свободная натура. Онъ обладалъ превосходной фантазіей, болѣшими умственными способностями и даромъ изящно выражать свои мысли“ и т. д. Въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи, предпосланномъ первому in folio, Бэнъ-Джонсонъ выражается о Шекспирѣ въ болѣе восторженномъ тонѣ. Онъ восхищается не только его талантомъ, но и его искусствомъ, называетъ его чудомъ сцены, сладкимъ эвонскимъ лебедемъ и ставитъ его даже выше драматурговъ Греціи и Рима. Что же дѣлаетъ Борманъ? Онъ считаетъ первый отзывъ недостаточно яснымъ и думаетъ, что здѣсь говорится о Шекспирѣ, какъ переписчикѣ чужихъ произведеній, а второй относитъ къ Бэкону, о которомъ Бэнъ Джонсонъ однажды выразился, что онъ превзошелъ писателей Греціи и Рима. Также безцеремонно поступаетъ Борманъ съ свидѣтельствомъ перваго in folio произведеній Шекспира, изданнаго въ 1623 г. его товарищами-актерами Геминджемъ и Конделлемъ. Чтобъ вѣрнѣе обезпечить успѣхъ изданія, которое стоило не дешево, они вздумали посвятить его двумъ англійскимъ аристократамъ, лордамъ Пэмброку и Монгомерри. Посвященіе написано въ обычномъ тогда льстивомъ, лишенномъ всякаго достоинства, тонѣ. Актеры пишутъ, что своимъ изданіемъ они желали выразить благороднымъ лордамъ глубокую благодарность за оказанныя имъ милости, что, хотя издаваемыя ими бездѣлки (trifles) и недостойны вниманія такихъ высокопоставленныхъ лицъ, но что они позволяютъ себѣ питать надежду, что ихъ лордства, покровительствовавшія автору при жизни, окажутъ покровительство его произведеніямъ послѣ его смерти, и т. д. Кажется, изъ этихъ словъ, предпосланныхъ первому полному собранію сочиненій Шекспира, ясно, о комъ говорятъ актеры и чьи произведенія они желаютъ поставить подъ покровительство лордовъ Пэмброка и Монгомерри. Но чего не дѣлаетъ ослѣпленіе? Кто могъ бы повѣрить, что въ глазахъ Бормана это посвященіе послужитъ лишнимъ доказательствомъ принадлежности шекспировскихъ пьесъ Бэкону, во-первыхъ, потому, что Бэконъ очень заискивалъ передъ лордами Пэмброкомъ и Монгомерри, занимавшими высокое положеніе при дворѣ короля Іакова, а во-вторыхъ, потому, что Бэконъ однажды назвалъ свои, написанныя для придворныхъ празднествъ, фееріи (mas's) тоже бездѣлками (trifles).

Разсмотрѣвъ бэконовскую ересь въ самомъ крайнемъ ея выраженіи, мы считаемъ себя въ правѣ сдѣлать слѣдующій выводъ: теорія эта не имѣетъ за себя никакихъ фактическихъ данныхъ. За сорокъ лѣтъ своего существованія она не сумѣла привести въ свою пользу не только ни одного современнаго свидѣтельства, но даже ни одного намека. Лишенная фактической основы, она принуждена ограничиваться, такъ называемыми, внутренними доказательствами, основанными, главнымъ образомъ, на сличеніи произведеній Бэкона съ драмами Шекспира. До какой нелѣпости можно дойти въ этомъ направленіи, доказываетъ книга Бормана, который, сдѣлавъ изъ драмъ Шекспира иллюстрацію научныхъ истинъ, исказилъ науку и уничтожилъ въ самомъ корнѣ поэтическое творчество, лишивъ его самостоятельнаго значенія. Поклонники книги Бормана видятъ заслугу его въ томъ, что онъ сопоставляетъ между собой не отдѣльныя фразы, но цѣлыя произведенія Шекспира и Бэкона. На нашъ взглядъ заслуга Бормана состоитъ въ томъ, что онъ этимъ сопоставленіемъ привелъ бэконовскую теорію ad absurdum. Дальше идти некуда, ибо предположить, чтобы такой великій и глубоко реальный умъ, какъ Бэконъ, могъ хоть на минуту повѣрить въ пользу пропаганды научныхъ истинъ путемъ драматическаго дѣйствія—значило бы усомниться въ умѣ Бэкона. Притомъ же взглядъ на драмы Шекспира, какъ на аллегорическое истолкованіе научныхъ истинъ, подрываетъ бэконовскую теорію и съ другой стороны. Пока драмы Шекспира считались страшными политическими загадками, можно было понять, почему Бэконъ при жизни скрывалъ свое авторство; но если большинство драмъ Шекспира суть не болѣе, какъ замаскированныя научныя теоріи, то непонятно, почему такой самолюбивый человѣкъ, какъ Бэконъ, не упомянулъ о нихъ въ своемъ завѣщаніи, почему онъ еще при жизни не передалъ тайны своего авторства

кому-либо изъ своихъ друзей? Мы не разсчитываемъ на то, что, наученные горькимъ опытомъ, бэконіанцы отрезвятся, отвергнутъ взгляды Бормана и обратятся на путь истинный; мы знаемъ, что для огромнаго большинства своихъ послѣдователей бэконовская теорія не есть научный тезисъ, а предметъ вѣрованія, не допускающій критическаго къ себѣ отношенія, но мы въ правѣ разсчитывать на здравый смыслъ публики, которая, должна же, наконецъ, понять, что ее дурачатъ, и нагло дурачатъ, и перестать относиться серьезно къ эксцентрическимъ фантазіямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ наукой.

Н. Стороженко.

Бэконовскій шифръ.

Шекспиръ-Бэконовскій вопросъ прошелъ два фазиса. До 1889 года бэконіанцы ограничивались по преимуществу одними теоретическими домыслами въ своемъ дикомъ походѣ противъ Шекспира.

Но съ 1889 года для Бэконовскаго вопроса наступила новая эра: бэконіанцы объявили, что открыли шифръ, которымъ Бэконъ пользовался при писаніи своихъ драмъ, изданныхъ „подъ именемъ Шекспира“ и послѣ этого открытія утихшая было полемика противъ бэконіанцевъ разгорѣлась снова. Правда на первыхъ порахъ многіе серьезные шекспирологи рѣшили совсѣмъ не обращать вниманія на новый фазисъ Бэкономіи. Въ этомъ смыслѣ высказалось напр. Нѣмецкое Шекспировское Общество въ 20-мъ Jahrbuch'ѣ своемъ. Но уже въ 24-томъ Jahrbuch'ѣ извѣстный проф. Лео выступилъ съ очень рѣзкой статьей противъ американца Донелли, изобрѣтателя Бэконовскаго шифра, изобличая его въ обманѣ. Странно, однако, что среди всѣхъ обличительныхъ статей противъ Донелли въ Shakespeare Jahrbücher нѣтъ ни одной, въ которой обращено было-бы вниманіе на языкъ будто-бы-раскрытаго шифра. А между тѣмъ, именно филологическая критика наиболѣе ясно показываетъ шарлатанство Донелли. Очевидно, что если въ драмахъ, приписываемыхъ Шекспиру, открыли записи Бэкона, то они должны быть написаны на языкъ Бэконовскаго времени. Не могъ Бэконъ, напримѣръ, пользоваться словами, неизвѣстными въ его время, или же употреблять слова въ томъ смыслѣ, какой онѣ пріобрѣли черезъ долгое время послѣ смерти не только Шекспира, но и его самаго. Таково напр. слово „quality“. Во времена Шекспира оно обозначало актерскую профессію, и только въ концѣ XVII-го вѣка стало обозначать знатныхъ и имѣющихъ высокое положеніе въ обществѣ людей—въ этомъ смыслѣ оно употребляется и теперь. А между тѣмъ Донелли, приписывая Бэкону грубую брань противъ актера Шекспира, приводитъ затѣмъ дальнѣйшія слова философа, утверждающаго, что актеръ Шекспиръ копилъ деньги съ цѣлью возвыситься „to the ranks of the quality“ (до уровня знати). Эта фраза ясно доказываетъ выдуманность шифра, ибо Бэконъ не могъ употребить слово quality въ смыслѣ аристократизма.

Но, несмотря на это ясное доказательство поддѣлки шифра, бэконіанцы приняли теорію Донелли и стали пропагандировать ее, убѣждая своихъ сторонниковъ не качествомъ, а подавляющимъ количествомъ матеріала—хотя и совершенно вздорнаго. Имъ дѣйствительно удалось убѣдить въ своей правотѣ нѣкоторыхъ довѣрчивыхъ и недалекихъ людей. Такъ, напримѣръ, графъ Фитцтумъ фонъ-Экштедтъ, издалъ въ 1888 г., въ Штутгартѣ, книгу „Shakespeare und Shakespere“, въ которой пресерьезно доказывалъ, что имя драматурга было Shakespeare, а имя актера Shakespere. Графъ Фитцтумъ говоритъ объ „открытіи“ Донелли съ истиннымъ благоговѣніемъ и преклоняется передъ нимъ, какъ предъ великимъ авторитетомъ. „Мы должны ему вѣрить“, наивно говоритъ онъ, „потому что вѣдь онъ въ своемъ отечествѣ занимаетъ должность судьи“. Впрочемъ, кромѣ наивнаго нѣмецкаго графа, и люди похитрѣе поддались обману. Борманъ, который тоже повѣрилъ въ поддѣлку Донелли, не подвергая ее никакой критикѣ, пропагандировалъ его открытіе съ большимъ успѣхомъ. Онъ самъ выдалъ себѣ патентъ добросовѣстнаго изслѣдователя истины, и полуобразованная публика повѣрила ему, не подозрѣвая, что онъ надѣлалъ сотни самыхъ ужасныхъ ошибокъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, и что все это изобличено въ

спеціальныхъ изданіяхъ, посвященныхъ Шекспиру. Такимъ образомъ онъ спокойно извлекалъ выгоду изъ своихъ многочисленныхъ брошюръ, жалѣя только о томъ, что нѣмецкая публика менѣе щедро оплачиваетъ его труды, чѣмъ американцы выдумки Донелли.

Впрочемъ, Донелли, хотя онъ и хвастаетъ тѣмъ, что получилъ тридцать тысячъ долларовъ за открытый имъ Бэконовскій шифръ, уже не пользуется въ послѣднее время исключительнымъ вниманіемъ американской публики. Славу его затмили новые дѣятели по бэконовскому вопросу: д-ръ Оуэнъ изъ штата Детруа съ цѣлой свитой дамъ, изъ которыхъ наиболѣе прославилась м-ссъ Э. В. Галлопъ (E. W Gallup). Она окончательно отвлекла вниманіе публики отъ Донелли. Тотъ открылъ только одинъ шифръ Бэкона, а м-ссъ Галлопъ говоритъ о рядѣ шифровъ; она даже преподноситъ читателямъ цѣлую страницу словъ, составляющихъ ключъ, при помощи котораго каждый можетъ сдѣлать, какъ она увѣряетъ, столь-же замѣчательныя открытія, какъ она сама. Само собой разумѣется, что читатель, который вздумалъ-бы воспользоваться этими увѣреніями, убѣдился-бы, что мнимые ключи ни къ чему не приводятъ, если ими орудуетъ не сама м-ссъ Галлопъ. Но ея разсчетъ вполнѣ вѣрный: онъ основанъ на томъ, что всякій наивный читатель, сдѣлавъ напрасную попытку воспользоваться „ключемъ“ м-ссъ Галлопъ, приходитъ къ печальному выводу, что онъ недостаточно уменъ и проницателенъ, чтобы идти по ея слѣдамъ, и потому умолкаетъ, преклоняясь передъ ея авторитетомъ.

Книга м-ссъ Галлопъ вышла въ 1903 г. подъ заглавіемъ: „The Bilateral Cipher of Sir Francis Bacon discovered in his works and deciphered by m-rs Elisabeth Wells Gallup“. Предугадывая естественное желаніе читателя увидѣть черты лица женщины, сдѣлавшей столь великое открытіе, м-ссъ Галлопъ помѣстила на первой страницѣ книги свой портретъ. Книга дѣйствительно полна самыхъ необычайныхъ открытій. Прежде всего, она сообщаетъ, что Бэконъ—авторъ сочиненій Эдмунда Спэнсера, Шекспира, Пиля, Джонсона, Грина, Марло и Букстона (Anatomy of Melancoly)! Кромѣ того оказывается, что Бэконъ не только написалъ самъ всѣ эти произведенія, въ томъ числѣ шестьдесятъ драмъ, но и вписалъ въ нихъ особымъ шифромъ свою собственную біографію, а также біографію своего несчастнаго брата, графа Эссекса. Да, графъ Эссексъ оказывается братомъ Бэкона, а оба они сыновья графа Лэйстера и—королевы Елизаветы! Бѣдные историки совсѣмъ не знали до появленія книги м-ссъ Галлопъ, что въ то время, какъ Елизавета была заключена въ Тоуэръ королевой Маріей, Лэйстеръ былъ заключенъ въ ту же тюрьму; Елизавета, охваченная страстной любовью къ Лэйстеру, тайно обвѣнчалась съ нимъ. Первымъ ребенкомъ отъ его брака былъ Бэконъ, котораго отдали сэру Никласу Бэкону, воспитавшему его въ качествѣ своего роднаго сына. Вторымъ сыномъ отъ этого брака былъ графъ Эссексъ, котораго усыновила и воспитала Летиція Деверэ („маленькій восточный цвѣтокъ“ изъ „Сна въ лѣтнюю ночь“). Такимъ образомъ, Эссэксъ и Бэконъ были братьями и сыновьями Елизаветы. Однако, эти съ ногъ сшибательныя историческія открытія встрѣчаютъ нѣкоторыя докучныя возраженія. Такъ, напр., совершенно точно установлено, что Бэконъ родился въ 1561 году—эту дату едва-ли можетъ измѣнить даже шифръ м-ссъ Галлопъ и ея вдохновителя д-ра Оуэна. Время-же заключенія Елизаветы въ Тоуэръ тоже вполнѣ установлено—оно относится къ 1554 г. и длилось отъ февраля до мая. Но что значитъ для м-ссъ Галлопъ какія-то даты?

Исходя изъ своей основной лжи, разсказанной къ тому-же очень вяло и неинтересно, м-ссъ Галлопъ продолжаетъ нанизывать одну на другую цѣлый рядъ другихъ нелѣпостей, превращая бѣднаго Бэкона въ какую-то ноющую старуху, которая вѣчно жалуется на свои несчастія. Въ приписываемыхъ ему изліяніяхъ онъ повторяетъ сотни разъ свои жалобы на жестокосердную мать, которую называетъ французскимъ словомъ „mère“. Въ шестнадцать лѣтъ будто-бы онъ узналъ тайну своего рожденія отъ проболтавшагося слуги и вслѣдствіе этого его тотчасъ-же услали во Францію. Тамъ онъ страстно влюбился въ Маргариту, жену Генриха Наварскаго. Но даже любовь не измѣняетъ нытья, которое навязываетъ ему м-ссъ Галлопъ. Стиль Бэкона въ ея книгѣ можетъ сравниться по своей надоѣдливости только съ языкомъ самой м-ссъ Галлопъ, когда она считаетъ нужнымъ вести разсказъ отъ своего собственнаго имени, хотя въ сущности даже, нельзя назвать разсказомъ ея хаотическое накопленіе совершенно не

разработаннаго матеріала. То, что она называетъ біографіей Бэкона, изложено на двухъ страницахъ. Она заставляетъ Бэкона осуждать самого себя за свое предательское поведеніе по отношенію къ Эссексу во время суда надъ нимъ, но онъ говоритъ, что былъ принужденъ волей своей матери всячески добиваться обвинительнаго приговора надъ братомъ. М-ссъ Галлопъ, очевидно, не сознаетъ, что она чернитъ Бэкона придуманными ею оправданіями еще больше, чѣмъ историки, осуждающіе его поведеніе въ этомъ несчастномъ процессѣ. О другомъ, главномъ позорѣ жизни Бэкона она говоритъ слѣдующее: „Три года спустя его судили за взяточничество и приговорили къ тюремному наказанію и большому штрафу, но приговоръ былъ отмѣненъ, такъ какъ несправедливость его была слишкомъ очевидна, чтобы его можно было-бы привести въ исполненіе". Въ дѣйствительности же приговоръ не былъ отмѣненъ, и несправедливость его никогда не была доказана. Никто, кромѣ м-ссъ Галлопъ, не бралъ на себя смѣлости утверждать нѣчто подобное. Единственное извиненіе для Бэкона заключается въ томъ, что таковы были нравы его времени—и въ сущности, чѣмъ меньше говорить объ этой исторіи, тѣмъ лучше для памяти Бэкона.

Воспроизводя собственныя слова Бэкона, м-ссъ Галлопъ до извѣстной степени считаетъ нужнымъ передать ихъ въ орѳографіи XVI-го и XVII вѣка. Эта цѣль ей кажется вполнѣ достигнутой, когда она замѣняетъ апострофомъ букву „e" въ опредѣленномъ членѣ и „f" въ предлогѣ of, да перемѣняетъ иногда „y" на „ie"; по ея мнѣнію, этого достаточно, чтобы возсоздать англійскій языкъ времени Елизаветы. Если провѣрить, однако, подлинность Бэконовскаго языка въ ея изложеніи, то легко открыть множество словъ, не бывшихъ въ употребленіи въ XVI и XVII вѣкахъ. Но м-ссъ Галлопъ столь-же мало стѣсняется точностью языка, какъ и точностью историческихъ фактовъ. Извѣстно, что форма „its" только начинало выходить въ употребленіе во время Шекспира. Въ восьми случаяхъ, когда оно встрѣчается въ его послѣднихъ драмахъ, оно напечатано въ изд. in folio 1623 г. въ формѣ „it's". Въ болѣе раннихъ драмахъ встрѣчается только it'. И только позднѣйшіе издатели по невѣжеству передѣлали его въ its. М-ссъ Галлопъ, которая такъ любитъ апострофы, къ сожалѣнію, не знаетъ этой маленькой подробности и безъ всякаго зазрѣнія совѣсти вводитъ въ свой шифръ its. На страницѣ 38-й она воспроизводитъ шифръ изъ „Тита Андроника", по изданію 1611 года, а на предыдущихъ двухъ страницахъ шифръ изъ „Гамлета", составленъ тоже по изданію 1611 г. Но, очевидно, что если шифръ находился въ изданіи 1611 г., то онъ былъ и въ болѣе раннихъ изданіяхъ. И увы, на 38-й страницѣ она приводитъ слѣдующую шифрованную фразу изъ „Титъ Андроника": But knowing alsa that truth crushed dy *its* one strong enemy, errour...

Тутъ Бэконъ употребляетъ въ своемъ тайномъ шифрѣ слово, которое онъ не употреблялъ въ своихъ подлинныхъ произведеніяхъ и которое не было въ употребленіи въ его время. На страницѣ 107-й, гдѣ м-ссъ Галлопъ раскрываетъ шифръ, будто-бы найденный ею въ „Новомъ Органонѣ" помѣщена слѣдующая фраза: „That secrets of great value might safelie be entrusted to *its* keeping". „Новый Органонъ" помѣченъ 1620-мъ годомъ и появился непосредственно послѣ „Quip for an upstart Courtier" Грина, помѣченнаго также 1620 годомъ. М-ссъ Галлопъ не говоритъ, написалъ-ли Бэконъ свой шифръ спеціально для этого изданія—для этого у нея все-таки не хватаетъ беззастѣнчивости. На 27-й страницѣ опять слово „its" цитируется изъ Advancement of Learning, написаннаго въ 1605 г., т. е. ранѣе, чѣмъ оно появляется у какого-либо автора. Уже эта одна мелкая подробность ясно доказываетъ, что шифръ м-ссъ Галлопъ поддѣланъ самымъ не искусснымъ и шарлатанскимъ образомъ. Много другихъ словъ языка нашего времени, которая м-ссъ Галлопъ въ своей наивности вводитъ въ шифръ Бэкона, ясно доказываютъ, до чего весь этотъ шифръ выдуманъ.

Среди всей массы невѣжественныхъ поддѣлокъ, которыми полна книга м-ссъ Галлопъ, слѣдуетъ указать на одинъ перлъ. Она приписываетъ Бэкону слѣдующія слова о радостяхъ, которыя ожидаютъ того, кто въ будущемъ раскроетъ его шифръ и поймѣтъ его скрытыя мысли: „Gems rare and costive shine upon its sides": „Драгоцѣнные камни, рѣдкіе и costive сіяютъ вокругъ". Но, слово costive обозначаетъ болѣзнь желудка—а до сихъ поръ никто не предполагаетъ, что драгоцѣнные камни подвержены ей.

Если-бы оставалось еще какое нибудь сомнѣніе относительно поддѣлки шифра, то стоитъ только взглянуть на „двухсто-

ронній" шифръ м-ссъ Галлопъ, чтобы вполнѣ убѣдиться въ ея шарлатанствѣ.

Она беретъ его изъ девятой книги Бэконовскаго „De Augmentis":

A B C D E F
Aaaaa aaaab aaaba aaabb aabaa aabab

и т. д. Есть-ли надобность выписывать всю азбуку, чтобы доказать невозможность пользоваться подобнымъ двухстороннимъ шифромъ, а тѣмъ болѣе написать имъ ни много, ни мало шестьдесятъ драмъ и еще множество другихъ произведеній!

М-ссъ Галлопъ даетъ намъ представленіе о подобной драмѣ, напечатавъ по своему шифру „трагедію" Анны Болэйнъ". Но это ничто иное, какъ цѣлый хаосъ цитатъ изъ всѣхъ раннихъ и позднѣйшихъ драмъ Шекспира, нанизанныхъ на драму „Генрихъ VIII-й". Нужно отдать справедливость м-ссъ Галлопъ, что если цѣлью ея было изъять всю поэзію изъ драмъ Шекспира, то это ей вполнѣ удалось въ данномъ случаѣ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что Бэконовскій вопросъ, или, вѣрнѣе, Бэконовское безуміе, вошло въ новый фазисъ съ появленіемъ Донелли, и достигло вершины наглости въ книгѣ м-ссъ Галлопъ. Быть можетъ ея учитель, д-ръ Оуэнъ, превосходитъ ее въ этомъ отношеніи, но до сихъ поръ онъ не извѣстенъ далѣе своей родины.

Всѣ эти поддѣлыватели прежде всего полные невѣжды относительно всего, что касается поэзіи. Если кто либо читавшій произведенія Бэкона, все-же предполагаетъ, что онъ могъ быть авторомъ Шекспировскихъ драмъ, то онъ очевидно лишенъ представленія о томъ, что составляетъ сущность поэзіи. Очень поучительны въ этомъ отношеніи слова Ганса Гэнслера, сказанныя имъ при появленіи теоріи Донелли въ его книгѣ „Francis Bacon und seine geschichtliche Stellung". Breslau 1889.

Гэнслеръ ссылается на Шапфера, чтобы установить фактъ, что Бэконъ съ большимъ жаромъ проповѣдовалъ весьма прозаичныя истины и ссылается на Крэка, чтобы показать, что Бэконъ былъ риторомъ, а не поэтомъ. Затѣмъ онъ продолжаетъ отъ себя: „Есть два важныхъ качества, одинаково свойственныхъ и хорошему оратору, и истинному поэту—подъемъ духа и сила воображенія; эти качества отличаютъ ораторское искусство отъ всей остальной прозы и приближаютъ его къ поэзіи, причемъ въ другихъ отношеніяхъ ораторское искусство составляетъ отдѣльную, третью область, стоящую между прозой и поэзіей. Этими качествами Бэконъ обладалъ въ высочайшей мѣрѣ, и въ особенности его сила воображенія ввела въ заблужденіе многихъ критиковъ. Но также какъ Бэконовскій подъемъ, направленный всегда на отдѣльную цѣль, ничего общаго не имѣетъ съ божественнымъ огнемъ поэта, такъ и его силу воображенія не слѣдуетъ смѣшивать съ поэтической фантазіей. Сила воображенія проявляется у него въ быстрой смѣнѣ представленій, въ любви къ аналогіямъ, и главнымъ образомъ, въ неистощимомъ богатствѣ образовъ. Всѣ эти три момента формально совпадаютъ съ подобными же процессами въ душѣ поэта: въ первомъ пунктѣ, Бэнона можно сравнить столько же съ Шекспиромъ, какъ и съ Аріостомъ. Но что онъ все-таки не поэтъ, видно именно изъ его образовъ". Гансъ Гэнслеръ приводитъ много примѣровъ изъ произведеній Бэкона и приходитъ къ слѣдующему заключенію: „само собой разумѣется, что у Бэкона встрѣчаются отдѣльные поэтическіе образы, но дѣло не въ нихъ, а въ томъ, чтобы рѣшить вопросъ былъ-ли онъ поэтомъ по существу. Само собой разумѣется, что у и великихъ поэтовъ встрѣчаются образы, которые, если ихъ выдѣлить изъ связи съ цѣлымъ, не представляютъ ничего обособленно поэтическаго. Но у Бэкона именно самые оригинальные образы прозаичны по существу. Это образы, рождающіеся въ душѣ политехника,—и это вполнѣ соотвѣтствуетъ міросозерцанію писателя, обратившаго въ прозу то, что есть самаго поэтичнаго на свѣтѣ — древнюю миѳологію. Не понявъ этого, критики приняли воодушевленіе оратора за священный огонь поэта".

Во всей литературѣ по Бэконовскому вопросу, нѣтъ болѣе блестящей характеристики обоихъ авторовъ, чѣмъ именно въ этихъ словахъ Гэнслера. Вникнувъ въ ихъ смыслъ, нельзя уже болѣе поддаться обманамъ бэконіанцевъ. Слѣдуетъ еще обратить вниманіе на слѣдующія слова Гэнслера, опредѣляющія психологію Бэкона: „Не понимать, что этотъ демократъ и методическій педантъ, который презираетъ землю съ точки зрѣнія астронома, который хочетъ изъять изъ науки все чудесное, и все, что касается высшихъ цѣлей, хочетъ развѣять всѣ чувственныя фантазіи, который подходитъ съ анотомическимъ скальпелемъ ко всѣмъ явленіямъ, и воображе-

нію котораго ничего не говорили внѣшнія формы природы,—не понимать, что онъ по существу своему типичный прозаикъ, значитъ, не имѣть никакого представленія о поэзіи. Бэконовское механическое пониманіе природы также далеко отъ жизненной полноты, заключенной въ греческомъ словѣ „φυσις", какъ искусственныя минеральныя воды, теоретическимъ изобрѣтателемъ которыхъ онъ былъ, отъ священныхъ родниковъ древности".

Въ эпоху, когда полупомѣшанныя женщины и сумасбродные доктора и адвокаты изъ за океана довели увлеченіе Бэкономъ до предѣловъ, какихъ никогда не достигалъ культъ Шекспира, особенно важна вѣрная характеристика Бэкона.

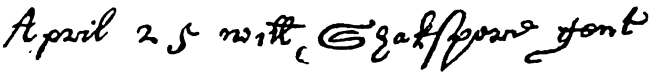
Гэнслеръ слѣдующимъ образомъ резюмируетъ свой взглядъ на Бэкона: „Бэконъ холоденъ къ природѣ, холоденъ къ людямъ, холоденъ самъ по себѣ. Этотъ внутренній холодъ и опредѣляетъ его душу. Онъ прозаикъ не только съ объективной точки зрѣнія, не только по своимъ взглядамъ, но прозаикъ до мелкаго дна своей души".

Нужно было, чтобы кто нибудь выступилъ съ протестомъ противъ все возрастающаго обаянія Бэкона, и Гэнслеръ сдѣлалъ это съ той рѣзкостью, которая хотя и можетъ показаться святотатственной полу-помѣшаннымъ бэконіанцамъ, но была необходимо нужна для того, чтобъ показать имъ все безуміе ихъ дѣйствительно святотатственнаго вторженія въ храмъ, священный для другихъ.

Р. И. Бойль [1]).

---

[1]) См. т. IV, стр. 68. Переводъ съ рукописи З. А. Венгеровой.



Запись о смерти Шекспира въ метрической книгѣ Стратфордской церкви св. Троицы.

Примѣчанія къ V тому.

Въ составленіи примѣчаній къ V тому принимали участіе: Р. И. Бойль, С. А. Венгеровъ и А. Г. Горифельдъ.

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ ШЕСТОЙ.

Часть I.

Стр. 9. *Дѣйствующія лица.*

Списокъ дѣйствующихъ лицъ появился впервые въ изданіи Роу (1709 г.). Отсутствіе его было особенно неудобно въ этой пьесѣ, гдѣ дѣйствующія лица, имѣющія не одно имя, появляются то подъ однимъ, то подъ другимъ. По недосмотру въ русскомъ текстѣ списка неправильное, но прежде общепринятое у насъ чтеніе *Салисбюри* напечатано въ скобкахъ не за правильнымъ *Сальсбери*, а за *Графомъ Суффолькъ*. Должно отмѣтить, что дяди короля Глостеръ и Бедфордъ—тѣ самые принцы Гемфри и Джонъ Ланкастерскій (сыновья Генриха IV), которые выступаютъ въ хроникѣ «Король Генрихъ IV» (томъ II, стр. 188).

Стр. 9. *Графъ Уорикъ.*

Ритсонъ обратилъ вниманіе на то, что выступающаго здѣсь Уорика, называемаго также Ричардъ Бьючемпъ, не слѣдуетъ смѣшивать съ появляющимся въ дальнѣйшемъ теченіи драмы графомъ Іорикомъ—Ричардомъ Невиль, получившимъ этотъ титулъ вслѣдствіе брака съ Анной Бьючемпъ. Этотъ фактъ, быть можетъ, былъ не замѣченъ самимъ Шекспиромъ.

Стр. 9. Бедфордъ: *Пусть облекутся въ трауръ небеса.*

По мнѣнію комментаторовъ Стивенса и Мэлона здѣсь авторъ имѣлъ въ виду не только метафорическое обращеніе къ настоящимъ небесамъ, но и театральный потолокъ (на сценическомъ языкѣ Шекспира—heavens—небеса), который въ то время при соотвѣтственномъ содержаніи пьесы завѣшивался чернымъ сукномъ.

Хрустальными косами потрясая.

Намекъ на прозрачные лучи хвоста кометы.

Стр. 9. Экзетеръ:

Мы въ трауръ, зачѣмъ же не въ крови
Скорбимъ о немъ?

То есть: почему мы еще не отомстили за него французамъ?

Его убившихъ чарами своими!

Въ подлинникѣ говорится о колдовскихъ стихахъ; о волшебной силѣ ихъ Шекспиръ могъ читать въ извѣстной ему книгѣ Реджинальда Скота «Discovery of Witchcraft» (Раскрытіе колдовства, 1584 г.).

Стр. 10. Бедфордъ... *Когда*

Грудныхъ дѣтей питать слезами будутъ.

То есть когда высохнутъ груди матерей.

Чѣмъ Цезаря созвѣздье съ Вероникой.

Въ подлинникѣ входящій гонецъ прерываетъ Бедфорда прежде, чѣмъ онъ успѣваетъ назвать другое созвѣздіе. «Веронику» (точнѣе «Волосы Береники») прибавили позднѣйшіе комментаторы.

Стр. 10. Гонецъ:

Въ гербѣ своемъ страна лишилась лилій
И половину поля потеряла.

Такъ какъ, потерявъ Францію, Англія лишилась также права носить въ своемъ гербѣ французскія лиліи, то отъ «поля» ея герба отрѣзана половина.

Стр. 10. Бедфордъ:

Во Франціи потѣшные огни
Зажгу я въ честь Георгія святого.

Зажженные имъ во Франціи города и села будутъ служить потѣшными огнями, какъ тѣ костры, которые принято зажигать въ Англіи въ честь ея національнаго героя, св. Георгія.

Стр. 11. Экзетеръ:

Припомните, милорды, поклялись
Вы Генриху дофина уничтожить.

Объ этой клятвѣ Глостера и Бедфорда разсказываетъ Голлиншедъ.

Стр. 12. Карлъ:

Ни въ небесахъ, до нынѣшняго дня,
Ни на землѣ—путь Марса неизвѣстенъ.

Путь планеты Марса былъ въ то время еще не опредѣленъ, и эта неизвѣстность его пути служила часто метафорическимъ выраженіемъ сомнительности военнаго счастія: «путь Марса неизвѣстенъ» ни на небѣ, гдѣ орбита его еще не вычислена, ни на землѣ, гдѣ всегда неизвѣстно, кто побѣдитъ.

Стр. 12. Алансонъ:

Землякъ нашъ повѣствуетъ Фрауссаръ.

Соотвѣтственныя цитаты изъ хроники выдающагося французскаго лѣтописца Фруассара (1338—1410) Шекспиръ нашелъ у Голлиншеда. Англію эпохи Эдуарда III Фрауссаръ зналъ лично.

Рождались лишь Роланды съ Оливье.

Роландъ и Оливье—два богатыря Карла Великаго, прославленію которыхъ посвящено много старыхъ французскихъ пѣсенъ.

Стр. 12. Ренэ:

Руки ихъ для боя
Заводятся, какъ мы часы заводимъ.

«Шекспиръ имѣлъ здѣсь въ виду часы съ человѣческой фигурой, которая отбивала рукою часы» (Деліусъ).

Стр. 12. *Батардъ Орлеанскій.*

Батардъ—побочный сынъ. Это не позорящее прозвище, а оффиціальное имя, которое незаконнорожденные потомки знатныхъ лицъ носили открыто.

Стр. 13. Орлеанскій:

Чѣмъ въ Римѣ былъ у девяти сивиллъ.

По преданію сивилла (прорицательница) изъ

Прилагаемъ **родословную таблицу потомства Эдуарда III**, необходимую для того, чтобы разобраться въ сложныхъ родственныхъ и династическихъ отношеніяхъ дѣйствующихъ лицъ историческихъ драмъ Шекспира:

Эдуардъ III. (1312—1377).

1. *Эдуардъ*, (Черный) принцъ Уэльскій (1330—1376). — **РИЧАРДЪ II.**
2. *Вильгельмъ Гэтфильдъ* † 1336.
3. *Ліонель*, герц. Кларенсъ — *Филиппа*. Отъ ея брака съ *Эдмундомъ Мортимеромъ*:— *Роджеръ Мортимеръ*, графъ Марчъ, † 1398. { *Анна*, въ бракѣ съ Ричардомъ, графомъ Кэмбриджъ. *Эдмундъ Мортимеръ*, графъ Марчъ, † 1425.
4. *Джонъ Гаунтъ*, герц. Ланкастеръ (1340—1399). Отъ его перваго брака съ *Бланкой* Ланкастеръ: — **ГЕНРИХЪ IV**; отъ его брака съ Маріей де-Богэнъ (1366—1413): { **ГЕНРИХЪ V.** Отъ его брака съ Екатериной Французской: — *Томасъ*, герц. Кларенсъ, † 1421. *Джонъ*, герц. Бедфордъ, † 1435. *Гомфридъ*, герц. Глостеръ, †1447. **ГЕНРИХЪ VI**, отъ его брака съ Маргаритой Анжу (1421—1471):— *Эдуардъ*, принцъ Уэльскій, въ бракѣ съ дочерью графа Уорика *Анной Невиль*.

Отъ его третьяго брака съ *Катариной Суинфордъ*. { *Томасъ*, герцогъ Экзетеръ. Кардиналъ *Бо(бю)форть*. *Джонъ Бо(бю)форть*, графъ Сомерсетъ: { *Джонъ*, герцогъ Сомерсетъ: — *Маргарита* (1441 — 1509), отъ ея брака съ *Эдмундомъ Тюдоръ* *): — **ГЕНРИХЪ VII**, въ бракѣ съ дочерью Эдуарда IV, Елизаветой Іоркъ.

Эдмундъ, герцогъ Сомерсетъ:— *Іоанна*, въ бракѣ съ *Яковомъ I* III-тландскимъ. { *Генрихъ*, герцогъ Сомерсетъ. *Эдмундъ*, герцогъ Сомерсетъ. *Маргарита*; отъ ея брака съ графомъ Стаффордъ. — *Генрихъ*, герцогъ Бэкингэмъ.

5. *Эдмундъ Лэнгли*, герцогъ Іоркъ (1342—1402). Отъ брака съ *Изабеллой де-Падильяъ*: { *Эдуардъ*, герц. Омерль, † 1415. *Ричардъ*, графъ Кэмбриджъ † 1415. Отъ брака съ *Анной Мортимеръ*: — *Ричардъ* Плантагенетъ, герцогъ Іоркъ, † 1460; отъ его брака съ *Цециліей Невиль*: { **ЭДУАРДЪ IV** (1412 — 1453); отъ его брака съ *Елизаветой* Вудваль (*лэди Грэй*): { *Елизавета*, въ бракѣ съ Генрихомъ VII. **ЭДУАРДЪ V** (1470—1483). *Ричардъ*, герцогъ Іоркъ (1474—1483). *Эдмундъ*, графъ Рутландъ. *Джорджъ*, герцогъ Кларенсъ (1449—1468); въ бракѣ съ Елизаветой Невиль. **РИЧАРДЪ III** (1452 — 1485), ранѣе герцогъ Глостеръ; отъ его брака съ *Анной Невиль*, вдовою принца *Эдуарда* Уэльскаго:— *Эдуардъ* (1473—1484).
6. *Томасъ Уиндзоръ* † 1348.
7. *Томасъ*, герцогъ Глостеръ (1356—1397): — *Гомфридъ*, графъ Бэкингэмъ.

*) Эдмундъ Тюдоръ, сынъ Уэльскаго дворянина Оуэна Тюдора, который женился на вдовѣ Генриха V, Екатеринѣ Французской.

г. Кумъ предложила римскому царю Тарквинію купить у нея девять книгъ съ предсказаніями о судьбахъ Рима. Царь отказался; сивилла, бросивъ въ огонь три книги, предложила ему купить за ту же цѣну остальныя шесть. По вторичномъ отказѣ Тарквинія она сожгла еще три — и онъ купилъ оставшіяся три за первоначальную цѣну. Книги хранились въ Капитоліѣ и были сожжены въ 405 г. по Р. Хр.

Стр. 13. Карлъ:

Мечъ Деборы въ рукахъ твоихъ.

Дебора или Девора — библейская пророчица, героиня, избавившая своимъ мужествомъ евреевъ отъ гнета хананейскихъ племенъ, которыя были разбиты евреями, какъ разсказано въ книгѣ Судей, гл. IV и V.

Стр. 11. Алансонъ:

Онъ съ истины покровы всѣ снимаетъ.

Точнѣе: «онъ исповѣдуетъ эту женщину вплоть до рубашки»; оттѣнокъ двусмысленности сохраненъ и въ переводѣ.

Стр. 14. Дѣва:

Для васъ второе лѣто зацвѣтетъ
Какъ только я приму въ войнѣ участье.

Въ подлинникѣ: «ждите лѣта св. Мартина и дней Гальціоны», такъ называется позднее лѣто, доходящее до дня св. Мартина (11 ноября).

Стр. 14. Дѣва: *Кораблю*
Надменному, который разомъ несъ
и Цезаря,
И счастіе его.

Въ «Жизни Цезаря» Плутарха нашелъ Шекспиръ извѣстный эпизодъ: Цезарь, переодѣтый рабомъ, чтобы незамѣтно пробраться къ своимъ войскамъ, ѣхалъ на кораблѣ. Буря загнала его изъ рѣки въ открытое море. «Кормчій не могъ идти дальше. Онъ приказалъ матросамъ повернуть судно и взять другой курсъ. Узнавъ объ этомъ, Цезарь открылся, взялъ изумленнаго встрѣчей съ нимъ кормчаго за руку и вскричалъ: «Другъ, смѣло впередъ, ничего не бойся,— ты везешь Цезаря, а вмѣстѣ съ Цезаремъ на кораблѣ и счастіе Цезаря!». Матросы забыли про бурю».

Стр. 14. Карлъ:

Былъ Магометъ голубкой вдохновленъ.

Во «Всемірной Исторіи» Вальтера Raleigh'a Шекспиръ прочелъ о томъ, какъ Магометъ, пріучивъ голубя клевать у него съ уха зерна пшеницы, убѣдилъ наивныхъ арабовъ, что голубь— посланецъ св. Духа, нашептывающій ему Его велѣнія.

Ни Константина матери Елень.

Мать императора византійскаго Константина св. Елена (211—327) пользовалась въ средніе вѣка большимъ почетомъ, какъ пророчица, распространительница христіанства и основательница праздника Воздвиженія Креста.

Ни дочерямъ Филиппа.

Въ «Дѣяніяхъ Апостольскихъ» (гл. 21, ст. 9) говорится о четырехъ дочеряхъ Филиппа, дѣвственницахъ пророчицахъ.

Стр. 15.

Епископъ Винчестерскій со слугами въ бурыхъ кафтанахъ.

Въ бурыхъ кафтанахъ ходили прислужники духовнаго суда; люди Глостера, какъ служители свѣтской власти, одѣты въ синее.

Стр. 15. Глостеръ.

Меня впустить, попъ бритый, не вельть ты.

Епископъ, какъ католическій священникъ, ходитъ съ тонзурой—выбритой макушкой.

Стр. 15. Глостеръ:

Распутницамъ грѣхи ихъ отпускаешь.

Лондонскіе публичные дома въ предмѣстьи Соутуаркъ были въ вѣдѣніи епископа винчестерскаго, получавшаго съ нихъ налогъ.

Тебя въ твою же шляпу я упрячу.

Насмѣшка надъ широкополой шляпой, которую носили и имѣли въ своемъ гербѣ кардиналы.

Стр. 15. Винчестеръ:

Здѣсь твой Дамаскъ.

По преданію Каинъ убилъ Авеля въ окрестностяхъ Дамаска.

Стр. 15. Глостеръ:

Гусь Винчестеръ.

Какъ и въ «Троплѣ и Крессидѣ» (д. V сц. 11) здѣсь винчестерскій гусь — обычный намекъ на распутницъ, состоящихъ въ вѣдѣніи епископа Винчестерскаго.

Стр. 15. Винчестеръ:

а принца устранить.

Принцемъ называется пока юный король Генрихъ, который еще не коронованъ.

Стр. 16. Мэръ.

За палками пошлю я.

«Палками» назывались лондонскіе городскіе сторожа, вооруженные дубинками.

Стр. 16. *Входятъ на стѣну оружейный мастеръ и сынъ его.*

На шекспировской сценѣ крѣпостной стѣны не было. Оружейный мастеръ съ сыномъ выходили на сцену и снизу наводили оружіе на возвышеніе, гдѣ стояли Сольсбери и Тальботъ. Эта сцена воспроизведена точно по Голиншеду.

Стр. 16. Тальботъ.

И сокрушитъ столбы изъ адаманта.

Адамантъ—у Шекспира—то магнитъ, то алмазъ, то—какъ здѣсь—баснословный камень необычайной твердости и крѣпости.

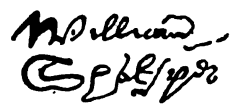
Стр. 17. Тальботъ:

Плантагенетъ! Исполню я.

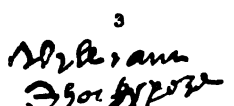
Тальботъ называетъ здѣсь графа Сольсбери Плантагенетомъ— по фамиліи короля, такъ какъ онъ—сынъ Эдуарда III и графини Сольсбери.

№1.

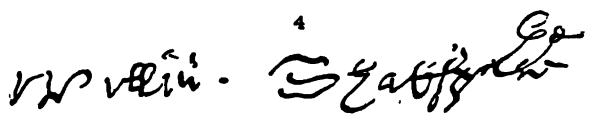
2



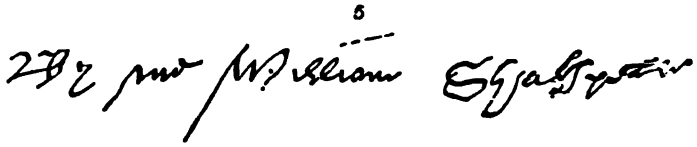
3



4



5



Сопоставленіе пяти дошедшихъ до насъ подписей Шекспира.

ГРАФЪ ПЭМБРОКЪ. (William Herbert, earl of Pembroke, † 1630).

Ему посвящено in folio 1623 года. Въ немъ неправильно усматривали героя мнимаго любовнаго романа Сонетовъ Шекспира

Стр. 17. Тальботъ:

Дельфинъ, акула, дѣва иль загадка

Въ подлинникѣ непереводимая игра словъ: «Pucelle or puzzel, dolphin or dogfish» т. е. дѣва или старая карга, дельфинъ или морская собака. Dolphin — двусмысленность, такъ какъ значитъ также — дофинъ.

Стр. 17. Тальботъ:

Колдунья, кровь пущу тебѣ

Существовало повѣрье, что тотъ, кто пуститъ вѣдьмѣ кровь, свободенъ отъ ея чаръ.

Стр. 18. Тальботъ:

Какъ Ганнибалъ не силою, но страхомъ Колдунья гонитъ насъ.

Намекъ на извѣстную военную хитрость Ганнибала, который спасся отъ римскихъ войскъ, пустивъ на нихъ стадо быковъ съ горящими вѣтвями на ротахъ.

Стр. 18. Карлъ. *Дочь Астреи.*

Астрея — въ рим. миѳологіи — богиня справедливости, дочь Юпитера и Ѳемиды, нѣкогда пребывавшая на землѣ, но еще въ желѣзномъ вѣкѣ покинувшая ее.

Твои слова—какъ Адонисовъ садъ.

Сады красавица Адониса, возлюбленнаго Венеры, упоминаются Плутархомъ. Изъ Плутарха-же взяты и дальнѣйшіе историко-миѳологическіе намеки:

Чѣмъ памятникъ Родопы изъ Мемфиса.

Гетера Родопа воздвигла въ свою честь въ Мемфисѣ гигантскую пирамиду.

Чѣмъ Дарія блистательный ковчегъ—

Драгоцѣнный ларецъ, отнятый Александромъ Македонскимъ у Дарія и служившій побѣдителю для храненія поэмъ Гомера, съ которыми онъ не разставался въ походахъ.

Не Сенъ-Дени, но Іоанна Дѣва.

Ср. Діонисій — покровитель Франціи, въ аббатствѣ Сенъ-Дени — усыпальница французскихъ королей (начиная съ Дагоберта I, ум. въ 638 г.).

Стр. 19.

Барабаны бьютъ похоронный маршъ.

Точнѣе: барабаны бьютъ глухо (чтобы непріятель не слышалъ). Весь этотъ эпизодъ, перенесенный Шекспиромъ къ осадѣ Орлеана, относится у Голиншеда къ взятію Манса.

Стр. 20. *Они бѣгутъ, бросивъ свое платье.*

Французы первоначально бросились въ ру-

To the Reader.

This Figure; that thou here ſeeſt put,
It was for gentle Shakeſpeare cut;
Wherein the Grauer had a ſtrife
with Nature, to out-doo the life:
O, could he but haue drawne his wit
As well in braſſe, as he hath hit
His face; the Print would then ſurpaſſe
All, that was euer writ in braſſе.
But, ſince he cannot, Reader, looke
Not on his Picture, but his Booke.

B. I.

Стихи друга Шекспира—знаменитаго поэта Бэнъ-Джонса, помѣщенные во главѣ изданія in folio 1623 года (воспроизведены въ полную величину). Буквальный переводъ:

Читателю:

Эта фигура, которую ты здѣсь видишь помѣщенной
Она была для (изображенія) благороднаго Шекспира рѣзана (гравирована)
Въ ней граверъ велъ (упорную) борьбу
Съ натурою, чтобы схватить жизнь
О, еслибы онъ только могъ изобразить его (высокій) умъ
Такъ-же хорошо на металлѣ, какъ онъ справился
Съ его лицомъ; гравюра превзошла бы тогда
Все, что когда-либо было гравировано на металлѣ
Но такъ какъ не было возможности это сдѣлать, (то), читатель, гляди
Не на (автора) портретъ, а на его книгу.

бахахъ къ стѣнамъ, держа въ рукахъ прочее платье: теперь они въ бѣгствѣ бросаютъ его.

Стр. 22. Графиня: *Я тогда прославлюсь.*
Какъ скиѳская царица смертью Кира.

Томирисъ, царица скиѳскаго племени Массагетовъ, мстя за убійство сына, убила царя Кира и опустила его отрубленную голову въ сосудъ съ кровью, дабы его кровожадность могла насытиться.

Что именемъ ею опытей пугаютъ.

Въ лѣтописи Галлія Шекспиръ читалъ, какъ французскія матери пугали ребятишекъ словами: «Тальботъ идетъ». Весь эпизодъ съ графиней Оверньской взятъ Шекспиромъ не въ лѣтописяхъ и перенесенъ на Тальбота.

Стр. 23.
Садъ Темпля.

Лорды разсуждали въ залѣ Темпля о притязаніяхъ линій Іоркской и Ланкастерской на престолъ и продолжаютъ свой споръ въ саду. Въ историческихъ сочиненіяхъ нѣтъ указаній на то, что знаменитыя эмблемы двухъ партій имѣютъ источникомъ случайность, изображенную Шекспиромъ; очевидно, это было предметомъ преданія, хорошо извѣстнаго зрителямъ.

Стр. 23.
Плантагенетъ: *я ль стоялъ за правду,*
Иль Сомерсетъ былъ правъ, со мною споря?

Плантагенетъ требуетъ, чтобы судьи рѣшили, что онъ правъ, или хоть признали, что Сомерсетъ неправъ.

Стр. 25. Сомерсетъ.

Прочь, благородный Вильямъ де-ла-Пуль.

Въ подлинникѣ онъ пренебрежительно называетъ его good William de la Poole, такъ какъ good есть эпитетъ, придаваемый простымъ дворянамъ (йоменамъ). Оттого Уорикъ возражаетъ.

И отъ такого корня быть не можетъ дворянчиковъ ничтожныхъ безъ герба.

Йомены въ противоположность высшему дворянству не имѣли шлема надъ гербомъ.

Стр. 25. Плантагенетъ.

Теперь ему благопріятно мѣсто

Темпль — старинное владѣніе рыцарскаго ордена Храмовниковъ — считался освященнымъ мѣстомъ, гдѣ воспрещено всякое насиліе.

Стр. 25. Плантагенетъ:

И въ памятную книгу васъ внесу.

Въ «Гамлетѣ» (д. I, сц. 5) уже встрѣчалось это указаніе на обычай шекспировскаго времени имѣть при себѣ записную книжку, куда вносились изреченія, имена и факты, которые необходимо было помнить.

Стр. 26. Мортимеръ:

Кто межъ заботъ состарился, какъ Несторъ.

Несторъ старѣйшій изъ греческихъ государей, осаждавшихъ Трою — образецъ разумной и свѣжей преклонной старости.

Стр. 26. Мортимеръ.

Вынесетъ смерть Эдмунда Мортимера

Эдмундъ Мортимеръ графъ Мартъ въ дѣйствительности умеръ тридцати трехъ лѣтъ отъ роду. Отъ ранней юности почти до смерти его держали — сперва Генрихъ IV, затѣмъ его преемникъ въ заточеніи, такъ какъ онъ прямой потомокъ сына Эдуарда III казался имъ опаснымъ. Здѣсь, какъ и въ «Генрихѣ IV» Шекспиръ смѣшиваетъ его съ старшимъ Эдмундомъ Мортимеромъ.

Стр. 29. Плантагенетъ.

Не то я на зло пойду ко благу средство.

Въ случаѣ несправедливаго отказа парламента, эта несправедливость будетъ для него предлогомъ и основаніемъ осуществить свои права силою.

Стр. 30. *Глостеръ пытается подать бумагу, но Винчестеръ вырываетъ ее и разрываетъ.*

Винчестеръ разрываетъ прошеніе Глостера, потому что, по правиламъ парламента, требуетъ устнаго и неподготовленнаго обсужденія и состязанія сторонъ.

Стр. 31. Глостеръ.

Ты, дядя моего побочный сынъ?

Дѣдъ Глостера Іоаннъ Гентскій лишь послѣ многихъ лѣтъ сожительства обвѣнчался съ своей женой Катариной Суинфордъ. Онъ имѣлъ отъ этого брака двухъ сыновей — герцога Эксетера, епископа Винчестерскаго и графа Сомерсета, сынъ котораго выступаетъ въ «Генрихѣ VI».

Стр. 31. Король Генрихъ:

И мнѣ въ тѣ годы столь юные извѣстно.

Королю было пять лѣтъ, когда былъ собранъ парламентъ для обсужденія несогласій между Глостеромъ и Винчестеромъ.

Стр. 33. Король Генрихъ:

Отнынѣ ты — свѣтлѣйшій герцогъ Іоркъ.

Такимъ образомъ Плантагенетъ получаетъ званіе, утраченное имъ вслѣдствіе казни его отца, осужденнаго за измѣну Генрихомъ V. Начиная съ этой сцены онъ называется въ пьесѣ уже не Ричардъ Плантагенетъ, а Іоркъ.

Стр. 33. Эксетеръ:

Генриха тою завоеванія,

Который въ Монмутѣ рожденъ, утратитъ Генрихъ.

Рожденный въ Виндзорѣ.

По словамъ лѣтописца, это предсказаніе было сдѣлано самимъ Генрихомъ V (родившимся въ Монмутѣ), когда онъ узналъ, что у него родился въ Виндзорѣ сынъ

ПЕРВЫЕ ИЗДАТЕЛИ ШЕКСПИРА.
(драматургъ Николай Роу (Rowe, 1673—1718).
Портретъ сэра Годфри Неллера (sir G. Kneller).

Стр. 31. Дядя.

Paysans pauvres gens de France.

То-есть, крестьяне, бѣдные французы. Голиншедъ разсказываетъ, что эта хитрость была примѣнена англичанами подъ городомъ Эвро, а не Іоанной д'Аркъ подъ Руаномъ.

Хльба не угодно ль вамъ?

Она намекаетъ на крестьянское платье, въ которомъ она съ войсками пробралась въ городъ.

Тамъ куколь былъ.

Насмѣшка Іоанны: куколь въ хлѣбѣ вызываетъ головокруженіе и ослабляетъ зрѣніе.

Парламенту привѣтъ. За кѣмъ же слово?

Англійскій парламентъ, собравшись, прежде всего избиралъ общаго оратора (спикера). Іоанна съ издѣвательствомъ спрашиваетъ совѣщающихся англичанъ, кого они выбрали въ спикеры.

Стр. 34. Тальботъ:

Я говорю не съ дерзкою Гекатой.

Геката—у римлянъ богиня ада, у Шекспира (также въ «Макбетѣ»)-владычица вѣдьмъ.

Стр. 35. Тальботъ:

Могила Сердца-Львинаго Ричарда.

Король англійскій Ричардъ Львиное Сердце убитъ въ Нормандіи и былъ погребенъ въ Руанѣ.

Стр. 35. Бедфордъ:

Что Нендрагонъ больной, въ своихъ носилкахъ
Явился въ бой.

Древнее англійское преданіе разсказываетъ это о Нендрагонѣ, отцѣ короля Артура, и о братѣ его Авреліѣ.

Стр. 36. Тальботъ:

Сдается мнѣ, что духъ ея заснулъ.

Тальботъ, считая Іоанну вѣдьмой, полагаетъ, что ей сопутствуетъ поддерживающій ее злой духъ.

Стр. 37. Бургундскій:

Какъ громомъ изъ орудій,
Возвышенною рѣчью я разбитъ.

О поразительномъ вліяніи Іоанны на герцога Бургундскаго въ лѣтописяхъ, которыми пользовался Шекспиръ, не говорится ничего: онъ однако очевидно зналъ о письмѣ ея къ герцогу, воспроизводимомъ довольно точно въ ея монологѣ.

Стр. 38. Король Генрихъ.

Въ дни юности моей, хотя не старъ
И нынче я, отецъ мнѣ говорилъ.

Мэлонъ напоминаетъ, что во время смерти отца Генриху VI было всего девять мѣсяцевъ.

Стр. 38. Король Генрихъ:

Присутствуйте вы при вѣнчаньѣ нашемъ.

Король собирается короноваться короной Франціи.

Стр. 38. Бассетъ:

Кто обнажитъ оружье, смерть тому.

Но [illegible] как [illegible] полагалась смертная [illegible] кто обнажитъ оружіе въ мѣстопребываніи короля.

Стр. 39. Тальботъ: *Но въ бурѣ при Патэ*

Издатели исправили текстъ изданія folio, гдѣ сказано *при Пуатье*, сообразно хроникѣ Голиншеда, который разсказываетъ, какъ герцогъ Бедфордъ сорвалъ съ Фастольфа орденъ за трусость въ битвѣ при Патэ, деревенькѣ въ области Босъ.

Стр. 40. Король Генрихъ.

Тогда и мнѣ въ укоръ вѣнецъ поставятъ.
Вѣдь и король Шотландіи вѣнчался.

Генрихъ прикалываетъ алую розу, не желая обращать ее въ эмблему враждующей партіи такъ же, какъ онъ одѣлъ корону, не обращая вниманія на то, что и злѣйшій врагъ Англіи, король шотландскій, тоже носитъ корону.

Стр. 41. Іоркъ:

Когда бъ я былъ увѣренъ...

Іоркъ не продолжаетъ, но хочетъ сказать, что если бы онъ былъ увѣренъ въ пристрастіи короля, приколовшаго алую розу Сомерсета, онъ принялъ бы свои мѣры.

(Уходитъ). Въ текстѣ сказано, что съ нимъ уходятъ также Уорикъ и Вернонъ.

Стр. 41. Командующій французскимъ войскомъ:

Онъ звучитъ.
Какъ колоколъ душѣ твоей смятенной.
А мой пробьетъ отходную тебѣ.

Барабанъ дофина звучитъ, какъ колоколъ, приготовляющій душу Тальбота къ кончинѣ, а барабанъ командующаго сыграетъ похоронный маршъ.

Стр. 45. Тальботъ:

Тогда за мной, и будь моимъ Икаромъ.

Въ подлинникѣ. Слѣдуй же за отчаяннымъ властелиномъ Крита, ты, Икаръ!. Этимъ намекомъ на Дедала, древняго царя Крита, который съумѣлъ сдѣлать своему сыну Икару крылья, но не смогъ научить его летать и тѣмъ погубилъ его. Тальботъ хочетъ сказать, что и онъ увлекаетъ сына на путь мужественнаго величія и гибели.

О, смерть,—пятномъ отмѣченная плача.

«Плача—опечатка вм. плѣна».

Въ подлинникѣ: «О торжествующая смерть, заклейменная плѣномъ». Тальботъ хочетъ сказать, что радуется славной смерти своей и сына, несмотря на то, что она омрачена неминуемымъ плѣномъ.

Смерть древняя, какъ зло ты шутишь въ мірѣ.

ПЕРВЫЕ ИЗДАТЕЛИ ШЕКСПИРА.

Знаменитый поэтъ Попъ (Alexander Pope, 1688—1744).
Портретъ сэра Годфрея Неллера (Godfrey Kneller).

Какъ и въ «Ричардѣ II», здѣсь смерть представляется шутомъ старой англійской сцены, издѣвающимся надъ стремленіями людей.

Стр. 45. Дофинъ:

Для плѣнниковъ у насъ темница — адъ.

То есть: мы не беремъ въ плѣнъ, а убиваемъ плѣнныхъ.

Стр. 45. Люси.

Гдѣ онъ, Тальботъ, [illegible].

Дальнѣйшее перечисленіе всѣхъ титуловъ Тальбота не могло быть взято Шекспиромъ изъ какой-либо книги. Они были перечислены въ надписи на его гробницѣ въ Руанѣ; неизвѣстно, какъ свѣдѣнія о ней были получены Шекспиромъ.

Стр. 47. Глостеръ:

Пролитые нашею кровью христіанскою.

Нашей значитъ не только англійскою, но вообще христіанскою.

Стр. 47. Эксетеръ:

Пожаловалъ онъ самъ кардинальскимъ [illegible]?

Поэтъ забылъ, что Винчестеръ уже въ первомъ актѣ названъ кардиналомъ. По мнѣнію Делиуса, [illegible] анахронизмомъ было прежнее замѣчаніе Глостера о кардинальскомъ санѣ епископа Винчестерскаго.

Стр. 47. Эксетеръ:

Съ короной опасно сравнивать шапку.

Шапка [illegible]

Стр. 47. Глостеръ:

[illegible] предложенья [illegible].

[illegible] Арманьяка.

Стр. 48. Карлъ:

[illegible] стала парижанъ.

[illegible] Парижа.

Стр. 48. [illegible]:

И властелина [illegible] раба.

[illegible]

Стр. 48. [illegible]:

Какъ будто [illegible] Цирцеи [illegible].

О волшебницѣ Цирцеѣ, остановившей Одиссея и обратившей его спутниковъ въ свиней, Шекспиръ упоминаетъ также въ Комедіи ошибокъ (д. V, сц. 1).

Стр. 49. Суффолькъ:

Въ знакъ мира я твою цѣлую руку.

Въ подлинникѣ сказано: «я цѣлую эти пальцы», и большинство комментаторовъ склоняется къ тому, что Суффолькъ цѣлуетъ *свою* руку, прежде чѣмъ коснуться ея. На обычай въ знакъ почтенія цѣловать свою руку Шекспиръ намекаетъ также во второй части Генриха VI (д. IV, сц. 1, см. примѣч. къ стр. 96) и Отелло (д. II, сц. 1).

Стр. 50. Суффолькъ:

Погибло все, легла [illegible] карта.

Въ подлинникѣ «a cooling card» — прохладительное лѣкарство. Въ «Много шума изъ ничего» оно упоминается подъ латинскимъ названіемъ Carduus Benedictus; въ переносномъ смыслѣ это выраженіе означаетъ тоже все охлаждающее жаръ любви. [illegible] холоднымъ пластыремъ Суффолькъ считаетъ воспоминаніе о женѣ.

Въ бракѣ свободной,
Коли свободенъ самъ король британскій.

То есть: если король [illegible] позволитъ жениться на васъ.

Стр. 53. Дѣва:

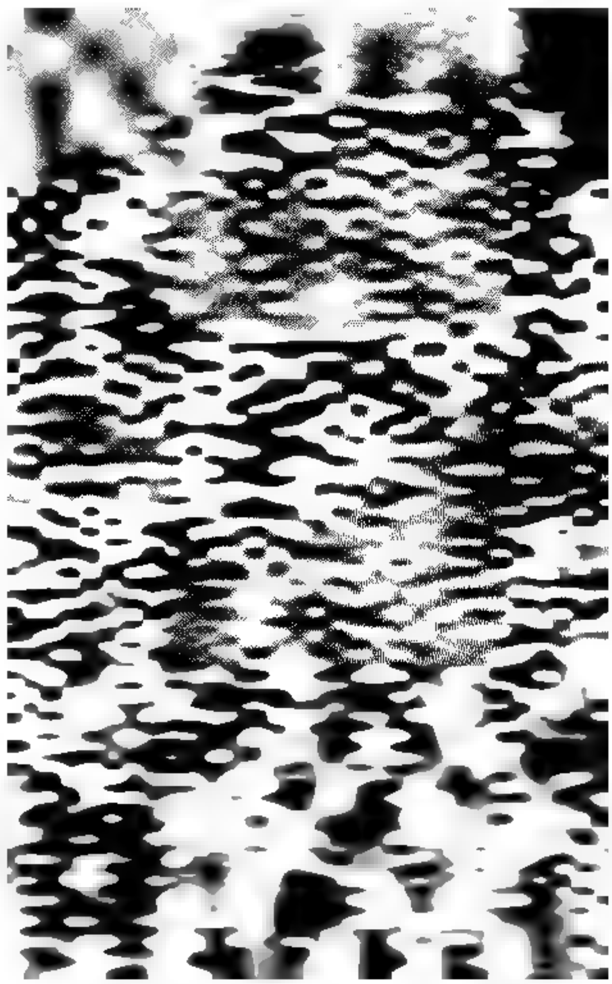
Беременна я, злобные убійцы.

Голиншедъ разсказываетъ, что Іоанна [illegible] сперва покаялась въ сношеніяхъ съ дьяволомъ и отказалась отъ колдовства и была приговорена къ пожизненному заключенію, но затѣмъ, вновь впавъ во власть злого духа, потеряла стыдъ и солгала, что она беременна, когда она была приговорена къ казни.

Стр. 53. Іоркъ:

Какъ? Алансонъ? Макіавелли этотъ?

Имя Макіавелли, итальянскаго писателя (1469—1527), благодаря политическому труду «Il Principe», сдѣлалось нарицательнымъ названіемъ коварнаго [illegible] забавнымъ анахронизмомъ [illegible] черезъ [illegible] Жанны д'Аркъ.



ПЕРВЫЙ БЮСТ ШЕКСПИРА

[illegible] Johnson (1709—1784) [illegible] Joshua Reynolds)

Стр. 54. Алансонъ:

Чело свое короною украсить.

Въ подлинникѣ онъ говоритъ о *coronet* — малой коронѣ, ниже короны.

Стр. 55. Глостеръ: *Помолвленъ съ другою онъ достойной принцессой.*

Генрихъ былъ въ это время помолвленъ съ дочерью графа Арманьяка.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ VI.

Часть II.

Стр. 57. *Дѣйствующія лица.*

Списокъ ихъ появился впервые въ изданіи Роу (1709). При именахъ герцоговъ Сомерсета, Суффолька и Букингама и лорда Клиффорда съ сыномъ присовокуплено: *сторонники короля.* При именахъ графовъ Сольсбери и Уорика прибавлено: *сторонники Іорка:* при имени лорда Скальса сказано: *комменданть Тоуэра.*

Стр. 57. Суффолькъ.

Вручаю я права на королеву.

По уполномочію короля, онъ замѣщалъ его при вѣнчаніи и теперь передаетъ ему свои права.

Стр. 58. Глостеръ:

Imprimis — т. е. во первыхъ. *Item* — равнымъ образомъ.

Стр. 58. Кардиналъ:

Далѣе между ними условлено, что провинціи Анжу и Мэнъ.

Молонъ указываетъ, что теперь эта фраза отличается нѣсколько отъ ея прежней редакціи. Но возможно, что кардиналъ передаетъ своими словами послѣднія слова Глостера.

Стр. 59. Глостеръ:

Бѣднягѣ, слогъ котораго напыщенъ.

Въ противорѣчьи съ тощимъ кошелькомъ.

О возвышенномъ слогѣ и пустомъ кошелькѣ короля Рене Шекспиръ читалъ у Голиншеда.

Стр. 60. Іоркъ:

Затѣмъ, что герцогомъ сталъ Суффолькъ,

Да задохнется онъ.

Въ подлинникѣ игра словъ между *Suffolk* и *be suffocate*—задохнуться.

Стр. 60. Глостеръ:

Пятнадцатую долю всѣхъ доходовъ

Потребовалъ Суффолькъ на содержаніе и переѣздъ ея.

Голиншедъ разсказываетъ, что маркизъ Суффолькъ потребовалъ въ парламентѣ пятнадцатую долю налоговъ, т. е. на каждаго плательщика была наложена на этотъ случай чрезвычайная [illegible] въ [illegible], что онъ платилъ.

Стр. 60. Сольсбери:

За гордостью пошло и честолюбье.

[illegible] *Гордость* — это Суффолькъ [illegible] *честолюбье* Букингамъ и [illegible]

Стр. 60. Сольсбери.

Братъ Іоркъ, твои въ Ирландіи дѣянья,

Въ которой ты порядокъ водворилъ.

Сольбери называетъ Іорка братомъ потому, что тотъ былъ женатъ на его сестрѣ, дочери графа Вестморлендскаго. Въ дѣйствительности, герцогъ Іоркскій лишь четырьмя годами позже сдѣлался правителемъ Ирландіи.

Стр. 61. Іоркъ: *И съ большимъ правомъ то же скажетъ Іоркъ.*

Съ большимъ правомъ, ибо — съ тѣхъ поръ умирающій Мортимеръ выяснилъ ему его права, Іоркъ считаетъ себя законнымъ наслѣдникомъ престола.

Стр. 61. Іоркъ:

Какъ головня Алтеи

Вцѣприлась въ сердце принца Калидона.

Жизнь Іорка также зависитъ теперь отъ господства надъ Англіей, Ирландіей и Франціей, какъ — въ древне-греческомъ миѳѣ — жизнь царевича каледонскаго Мелеагра была въ зависимости отъ того, сколько времени будетъ тлѣть головня, выхваченная его матерью Алтеей изъ костра: Алтея дала головнѣ разгорѣться — и сынъ ея погибъ въ мученіяхъ.

Стр. 61. Іоркъ:

Итакъ, приму я сторону Невилей.

Невиля — это Сольсбери и Уорикъ; первый — какъ и самъ Іоркъ — былъ по женѣ сродни Невилямъ.

Стр. 62. Герцогиня:

Гдѣ вы, сэръ Джонъ?

Герцогиня называетъ Юма *сэромъ* потому, что онъ священникъ; такъ называли въ средніе вѣка священнослужителей, хотя *сэръ* собственно означаетъ принадлежность къ рыцарству; такъ именуетъ Юма и Голиншедъ.

Стр. 63. Суффолькъ: *Жалоба на герцога Суффолька за то, что онъ огородилъ Мельфордскіе выгоны.*

Герцогъ отгородилъ обширные луга и захватилъ ихъ для своего пользованія; это типичная средневѣковая распря между владѣтельнымъ дворяниномъ и его крестьянами.

Стр. 63. Питеръ. *Жалоба на моего хозяина Томаса Хорнера.*

Голиншедъ разсказываетъ, что въ 1446 году одинъ оружейникъ, обвиненный въ государственномъ преступленіи по доносу своего служителя, долженъ былъ выйти съ нимъ на поединокъ, въ которомъ палъ, такъ какъ его друзья слишкомъ усердно пошли его передъ боемъ.

ПЕРВЫЕ ИЗДАТЕЛИ ШЕКСПИРА.

Эдуардъ Кэпелъ (Edward Capell, 1713—1781); съ медали Рубильяка (Roubillac, 1703—1762).

Стр. 64. Королева Маргарита. *Пока за дочь онъ графства не далъ Суффолькъ.*

Сама королева такимъ образомъ говоритъ, какъ бѣденъ былъ ея отецъ—лишь номинальный король многихъ владѣній, пока не получилъ за дочь герцогства Анжу и Мэнъ.

Стр. 64. Суффолькъ: *Разставилъ я силки ей, королева.*

Собственно: я смазалъ кусты для нея клеемъ: намекъ на извѣстный способъ ловли птицъ.

Стр. 64. Суффолькъ: *А что до Іорка — жалоба пустая*
Ему немного пользы принесетъ.

Жалоба, которую принесъ на оружейника Хорнера его служитель, повредитъ Іорку въ глазахъ короля, такъ какъ Хорнеръ говоритъ о правахъ Іорка на престолъ.

Стр. 64. Королева Маргарита: *Дай вѣеръ мнѣ. Что, милая, не можешь?*

Королева притворяется, будто приняла герцогиню за одну изъ своихъ фрейлинъ. Высочайшія пощечины были нерѣдкостью для придворныхъ дамъ того времени.

Стр. 65. Герцогиня. *Я заповѣди всѣ я написала бъ у тебя на кожѣ.*

Написать заповѣди на чьемъ-нибудь лицѣ въ тогдашнемъ языкѣ — исцарапать лицо всѣми десятью по числу заповѣдей пальцами.

Стр. 65. Глостеръ: *Покуда обойду я вокругъ двора.*

Въ подлинникѣ quadrangle — четырехугольникъ внутренняго дворцоваго двора.

Стр. 65. Іоркъ: *Лордъ Сомерсетъ меня замѣнитъ здѣсь*
Безъ оплачки, безъ войска и снарядовъ.

Іоркъ намекаетъ на случай, изображенный въ первой части Хроники Генриха VI (сц. IV), когда [illegible] Тальботъ, а лордъ Сомерсетъ оставилъ его безъ помощи.

Стр. 66. Питеръ. *[illegible]*

[illegible]

Стр. 66. Король:
Да будетъ такъ. — Во Францію регентомъ
Лорда Сомерсета мы назначимъ снова.

[illegible], что король играетъ совершенно пассивную роль и распоряженіе всѣмъ переходитъ въ руки Глостера. Лишь въ концѣ сцены король выступаетъ снова.

ПЕРВЫЕ ИЗДАТЕЛИ ШЕКСПИРА
Епископъ Глостерскій Варбуртонъ (William Warburton, Bishop of Gloucester, 1698—1779).

Стр. 67. *Болингброкъ и Соутвель читаютъ conjuro te и т. д.*

Въ текстѣ сказано: читаетъ Болингброкъ или Соутвель: исполнителямъ предоставлена свобода. Conjuro te значитъ заклинаю тебя: обычное начало многочисленныхъ въ то время формулъ заклинанія.

Стр. 67. Духъ: *Adsum.*

Adsum значитъ: я здѣсь.

Стр. 68. Духъ: *Но онъ переживетъ его, и самъ*
Умретъ потомъ насильственною смертью.

Характерная для подобнаго рода предсказаній умышленная неясность: неизвѣстно, кто кого переживетъ и кто умретъ насильственной смертью. На это ниже и намекаетъ Іоркъ, напоминая извѣстный двусмысленный отвѣтъ оракула царю эпирскому Пирру: *Aio te Aeacida Romanos vincere posse*, гдѣ неизвѣстно, кто кого побѣдитъ: Пирръ римлянъ или они его.

Стр. 68. Іоркъ: *Измышленниковъ забрать со скарбомъ всѣмъ.*

Въ этихъ словахъ видятъ указаніе на то, что Шекспиръ считалъ это вызываніе духовъ мошеннической продѣлкой Соутвеля съ помощниками.

Стр. 68. Іоркъ:
. . . И сбыться очень трудно
Пророчествамъ и трудно ихъ понять.

Деліусъ предлагаетъ иное, болѣе понятное чтеніе, по которому переводъ былъ бы: «И добыть предсказаніе трудно, и трудно понять». По другому чтенію выходитъ, что предсказанія добываются съ [illegible], а толкуются съ трудомъ.

Стр. 69. Королева:
Что соколу сегодня не подняться.

Въ текстѣ королева говоритъ не о соколѣ вообще, а называетъ опредѣленнаго сокола: *old Joan.*

Стр. 70. Глостеръ:
Tantaene animis coelestibus irae?

То есть: возможенъ ли гнѣвъ такой въ душѣ небесной?

Стр. 70. Кардиналъ: *Medice te ipsum.*

То есть: врачъ, исцѣлися самъ.

Себя, милордъ-хранитель, охраняй.

Protector значитъ покровитель, хранитель.

Стр. 70. *Входитъ мэръ Сентъ-Албанса со всей братией.*

Въ подлинникѣ *Brethren*—коллеги мэра, ольдермены, члены городского совѣта города Сентъ-Альбана.

Стр. 72. Симпкокъ: *Одинъ разокъ, лишь въ юности моей.*

Во всемъ этомъ разговорѣ о сливахъ есть непристойная двусмысленность, такъ какъ вареныя сливы были обычнымъ блюдомъ въ публичныхъ домахъ, на что намекн въ «Мѣрѣ за мѣру» (д. II, сц. 1).

Стр. 74. Глостеръ: *У васъ бьютъ даже города.*

Язвительная насмѣшка надъ Суффолькомъ, который заставилъ короля отдать французамъ взятые у нихъ города.

Стр. 76. Король: *На островъ Мэнъ, подъ стражей Джона Стэнли.*

Островъ Мэнъ былъ достояніемъ рода Стэнли, хотя состоялъ подъ верховенствомъ Англіи. Лишь въ XIX столѣтіи парламентъ лишилъ Стэнли, главою которыхъ состоитъ графъ Дерби, этой исключительной власти.

Стр. 77. Суффолькъ: *Въ зародышѣ снесъ Леоноры погибнетъ.*

Въ подлинникѣ in her youngest days, что толкуютъ различно. Одни переводятъ: «снесъ Элеоноры погибнетъ въ ея молодости», другіе «въ ея послѣдніе дни», третьи—«въ ея недавніе дни».

Стр. 77. *Хорнеръ ее сидитъ съ дубинкой, на которой повѣшенъ мѣшокъ съ пескомъ.*

Обычное орудіе простонародья на поединкахъ въ эту эпоху; холодное оружіе было привилегіей благороднаго сословія.

Стр. 77. 2-ой сосѣдь: *Пью чарку лиссабонскаго.*

Въ подлинникѣ—чарнеко—сладкое португальское вино изъ деревни Чарко подлѣ Лиссабона, часто упоминаемое современниками Шекспира.

Стр. 78. Хорнеръ: *А потому, Нитеръ, готовься получить заправскій ударъ.*

Въ изданіи quarto прибавлено: «Какъ Бэвисъ Соутгэмптонскій нанесъ Аскапарту». Богатыря Бэвиса графа Соутгэмптонскаго, сподвижника Вильгельма Завоевателя, побѣдившаго въ единоборствѣ великана Аскапарта, упоминаетъ и въ «Генрихѣ VIII» (д. I, сц. 1).

Стр. 78. Король: *Вину его доказываетъ смерть.*

Здѣсь Шекспиръ отступилъ отъ Голиншеда, который разсказываетъ, что оружейникъ былъ убитъ невинно, а клеветникъ, и убійца, его подмастерье, былъ впослѣдствіи и обличенъ и присужденъ къ казни.

Стр. 78. *Велитъ герцогиня въ бѣломъ саванѣ съ свѣчою въ рукѣ.*

На бумагѣ—въ стихахъ, какъ гласитъ примѣчаніе въ изданіи quarto—изложены вины герцогини.

Стр. 79. Герцогиня: *Но не страшись, пока въ силкахъ не будетъ.*

И не пытайся упредить враговъ.

Этотъ совѣтъ — какъ и предыдущее наставленіе герцогини — данъ, конечно, съ горькой иронією.

Стр. 82. Кардиналъ: *Онъ смертью злой, закону вопреки.*

Ничтожные проступки не карать ли?

Въ подлинникѣ кардиналъ обвиняетъ Глостера въ томъ, что онъ за незначительные проступки наказывалъ «необычайными казнями»,—и дѣйствительно въ жалобѣ, направленной противниками Глостера въ парламентъ въ Бюри, онъ обвиняется въ введеніи новыхъ, незаконныхъ способовъ смертной казни. Герцогъ опровергъ всѣ обвиненія, — разсказываетъ Голиншедъ, но его невинность уже не могла спасти его.

Стр. 82. Іоркъ: *Но имъ не отсылалъ. Чьмъ вызывалъ возстанья въ городахъ.*

Собирая въ Англіи деньги на уплату англійскимъ войскамъ во Франціи, Глостеръ не платилъ ихъ, и потому французскимъ городамъ удавалось освободиться отъ англійскаго владычества.

Стр. 84. Король:

Какой звѣздѣ завистливой обязанъ.

Это не метафорическое выраженіе: король вѣритъ въ пагубное вліяніе свѣтилъ на судьбу Глостера.

Стр. 85. Іоркъ: *Желтѣть ея—причинъ у Іорка больше.*

Такъ какъ по устраненіи короля Генриха—Глостеръ стоялъ бы между нимъ и англійскимъ престоломъ.

Стр. 85. Суффолькъ:

Молви слово и герцогу духовникомъ я буду.

То есть: приготовлю его я къ смерти. Кардиналъ отвѣчаетъ Суффольку такою же шуткой: онъ хотѣлъ бы, чтобы Глостеръ умеръ раньше, чѣмъ Суффолькъ станетъ священникомъ.

Стр. 86. Кардиналъ: *Въ Ирландіи вооружились керны.*

О мятежныхъ и дикихъ кернахъ—ирландскихъ бродягахъ и мужикахъ—была уже рѣчь въ «Макбетѣ».

Стр. 86. Іоркъ: *Стань, чьмъ желалъ, или смерти обреки*

ПЕРВЫЕ ИЗДАТЕЛИ ШЕКСПИРА.

Сэръ Томасъ Гэнмеръ (Hanmer, 1676—1746) съ портрета Неллера (sir G. Kneller).

ДЖОРДЖЪ СТИВЕНСЪ (George Steevens, 1736—1800).

Самый выдающійся изъ Шекспирологовъ 18 столѣтія (портретъ его въ Лондонской національной портретной галлереѣ).

То, что ты есть.

Деліусъ объясняетъ: привыкай къ мысли, что ты король; смотри на себя уже теперь какъ на то, чѣмъ ты хочешь стать, или забудь, что ты до сихъ поръ былъ герцогомъ.

Стр. 86. Іоркъ: *Подпрыгнулъ онъ, подобно мавру.*

Рѣчь въ этомъ сравненіи не о танцующемъ маврѣ, а о танцорѣ въ «мавританской пляскѣ» (morisco), популярной въ старой Англіи; въ этой пляскѣ танцоры привязывали къ ногамъ и рукамъ бубенчики. (См. рисунокъ на стр. 463).

Стр. 88. Іоркъ: *Со смертью лорда Гомфри (онъ умретъ).*

И Генриха паденьемъ мой чередъ.

То есть: за гибелью Глостера и устраненіемъ Генриха, ближайшій наслѣдникъ престола—я.

Стр. 87. Король: *Благодарю за это слово, Мэгъ.*

Въ изданіи folio король говоритъ не Мэгъ, а Нелль (сокращен. Элеонора, герцогиня Глостеръ); это, очевидно, описка Шекспира, или изд.

Стр. 88. Королева: *Иль, какъ ехидна, слуха ты лишенъ?*

Намеки на народное повѣрье о глухотѣ ехидны, см. также въ «Троилѣ и Крессидѣ» (д. II, сц. 2) и Соннетахъ (112).

Стр. 88. Королева: *Какъ нѣкогда, сводя съ ума Дидону, повѣствовалъ Асканій передъ ней.*

Намекъ на то мѣсто «Енеиды» Виргилія, гдѣ Амуръ, принявъ видъ сына Энея, Асканія, разсказываетъ царицѣ Дидонѣ о подвигахъ и доблестяхъ отца, чтобы разжечь въ ней любовь къ Энею.

Стр. 88. *Двери внутреннихъ покоевъ отворяются и виденъ Глостеръ, лежащій въ постели*

По изданію folio постель съ трупомъ Глостера выдвигаютъ на сцену.

Стр. 92. Суффолькъ: *Когда бъ они, какъ стоны мандрагоры, могли убить.*

Ср. примѣч. къ «Ромео и Юліи» (т. I, стр. 556).

Стр. 93. Королева: *Но какъ могу скорбѣть о нихъ.* Дословно: «Зачѣмъ скорблю о часѣ»... Стивенсъ объясняетъ: «о томъ единственномъ часѣ, который и безъ этой болѣзни осталось жить дряхлому кардиналу»; Мэлонъ даетъ другое объясненіе: «Зачѣмъ я скорблю о смерти Бьюфорта, потерѣ, которую я буду чувствовать всего одинъ часъ, тогда какъ потерю Суффолька я буду чувствовать вѣчно».

Не состязаюсь я съ облаками южными?

Южный вѣтеръ въ Англіи и оттого всегда у Шекспира—приноситъ сырость и дождь.

Стр. 95. Кардиналъ: *Какъ? Онъ воскресъ?*

Бьюфортъ видитъ передъ собою убитаго Глостера съ вставшими дыбомъ волосами.

Стр. 95. *На морѣ пальба.*

За сценой происходитъ морское сраженіе, въ которомъ Суффолькъ и его спутники попадаютъ въ плѣнъ къ разбойникамъ.

Стр. 95. Капитанъ: *Волки будятъ клячъ, влекущихъ ночь..*

Ласкающихъ могилы мертвецовъ.

По повѣрью, о которомъ не разъ упоминаетъ Шекспиръ, колесницу ночи влекутъ драконы, крыльями своими осѣняющіе могилы.

Стр. 96. Суффолькъ: *Подвязки орденъ видишь ты на мнѣ?*

«Вотъ мой Георгъ»—говоритъ онъ въ подлинникѣ: медаль съ изображеніемъ св. Георгія Побѣдоносца, которую Суффолькъ носитъ на груди какъ рыцарь ордена Подвязки, среди другихъ знаковъ этого ордена.

Стр. 96. Суффолькъ: *Что смертью мнѣ грозитъ,—вода иль море.*

Созвучіемъ *море* и *Уайтморъ* переводъ пытается передать игру словъ подлинника. Прорицатель, какъ мы видѣли, предсказалъ Суффольку смерть отъ воды—и графъ содрогается, услышавъ имя пирата—Вальтеръ, ибо по англійски Walter и water—вода произносится одинаково. Въ подлинникѣ онъ пытается отстранить опасность, говоря, что Уайтмора зовутъ не Вальтеръ, а Готье (это одно и то же имя).

Стр. 96. Суффолькъ *Ты не держалъ ли стремя у меня?*

Передъ этимъ пропущено: «Не цѣловалъ ли ты руку»—т. е. не мою, а свою, въ знакъ почтенія. (Ср. примѣч. къ стр. 49).

Стр. 96. Капитанъ: *Да, сэръ Поль, милордъ.*

Въ подлинникѣ капитанъ *не* называетъ Суффолька милордъ, а просто Поль, желая оскорбить его. *Поль?* съ негодованіемъ переспрашиваетъ Суффолькъ—*Поль? сэръ Поль? Лордъ?* отвѣчаетъ капитанъ: *нѣтъ, болото, лужа, грязь.* Надо замѣтить, что Poole—фамилія Суффолька пишется не такъ, какъ pool—лужа.

Стр. 96. Капитанъ: *Пресытился какъ честолюбецъ Силла.*

Тутъ опечатка — не Силла, а Сулла римскій диктаторъ.

Изъ за тебя мятежники нормандцы
Не признаютъ власть нашу.

То есть англійскіе коменданты нормандскихъ городовъ.

Стр. 97. Капитанъ: *Безвиннаго монарха убіеньемъ.*

То есть убійствомъ Ричарда II.

И хищной злой и гордой тираніей.

То есть Генрихомъ IV Ланкастерскимъ.

ПЕРВЫЕ ИЗДАТЕЛИ ШЕКСПИРА

Знаменитый комментаторъ Мэлонъ (E. Malone, 1741—1812) Гравюра Бартолоцци по портрету Рейнольдса (sir S. Reinolds).

И на своихъ знаменахъ полу-солнце
Возноситъ онъ, что засіять стремится.

Герцогъ Іоркскій усвоилъ себѣ гербъ короля Эдуарда III—на половину пробившееся изъ облаковъ солнце—съ девизомъ *Invitis nubibus*, то есть «противъ воли тучъ». Оттого «солнце Іорка»—излюбленное выраженіе его приверженцевъ (ср. первые стихи «Ричарда III»).

Нищенство и срамъ
И во дворецъ проникли королевскій.

Капитанъ намекаетъ на бѣдность и сомнительное поведеніе королевы, которую доставилъ Англіи Суффолькъ.

Стр. 97. Суффолькъ: *Дарулъ—прославленный Иллиріи пиратъ.*

Объ этомъ прославленномъ морскомъ разбойникѣ Шекспиръ читалъ въ сочиненіи Цицерона «De officiis», котораго въ его время имѣлось два англійскихъ перевода. Въ изданіи quarto говорится «Абрадасъ, извѣстный македонскій пиратъ».

Gelidus timor occupat artus.

То есть: леденящій трепетъ охватываетъ члены. Неизвѣстно, откуда Шекспиръ взялъ эту латинскую фразу.

Стр. 98. Суффолькъ: *Рабомъ убитъ былъ Туллій,*
Рожденный въ прелюбодѣяніи Брутъ—
Былъ Цезаря убійцей.

Туллій—Цицеронъ; о томъ, что Брутъ считался незаконнымъ сыномъ Цезаря, Шекспиръ не упоминаетъ ни словомъ въ своемъ «Юліѣ Цезарѣ»; быть можетъ, онъ не читалъ еще Плутарха, когда писалъ «Генриха VI».

Помпей отъ дикихъ палъ.

Шекспиръ забылъ, что Помпей Великій былъ убитъ въ Египтѣ Ахилласомъ и Септиміемъ.

Стр. 99. Кэдъ: *Кружки пива будутъ въ десять марокъ, а не въ три, какъ теперь.*

Точнѣе: трехъ-обручныя кружки будутъ съ десятью обручами; для пива употреблялись деревянныя кружки съ обручами.

Все въ государствѣ будетъ общимъ; мой конь будетъ пастись въ Чипсейдѣ.

Крестьянскія общины очень страдали оттого, что владѣльцы отгораживали луга для частнаго пользованія; оттого Кэдъ и обѣщаетъ, что даже Чипсэйдъ — многолюдная и оживленная улица лондонскаго Сити—будетъ обращена въ общинный лугъ.

Говорятъ, что пчела жалитъ,—а я говорю, что жалитъ воскъ.

Восковыя печати прикладывались къ долговымъ обязательствамъ и другимъ документамъ. Ср. также «Цимбелинъ» (д. III, сц. 2).

Стр. 99 Дикъ: *Это имя и пишутъ на заголовкахъ писемъ.*

Эммануилъ значитъ по древне-еврейски *Богъ съ тобой!* и этимъ словомъ начинались оффиціальныя посланія.

Стр. 99. Кэдъ: *Ты подписываешь свое имя буквами, или имѣешь свой знакъ.*

Свой знакъ для подписи на документахъ имѣли неграмотные.

Стр. 99. Кэдъ: *Встань, сэръ Джонъ Мортимеръ.*

До сихъ поръ Кэдъ именовалъ себя просто Джонъ Мортимеръ. Теперь, произведя себя въ рыцари, онъ, какъ полагается, присоединяетъ къ своему имени *сэръ*.

Стр. 100. Кэдъ: *Адамъ садовникъ былъ.*

То есть: всѣ мы равны, всѣ происходимъ отъ Адама, а онъ былъ только садовникъ.

Въ чье царствованіе ребятишки играли французскими кронами.

Въ подлинникѣ Кэдъ употребляетъ названіе игры, въ которой употреблялись игральныя марки; при Генрихѣ V побѣды надъ Франціей были якобы такъ велики, что англійскія дѣти употребляли въ игрѣ французскіе золотые.

Стр. 101. Кэдъ: *Пусть будетъ постъ вдвое длиннѣе, чѣмъ теперь, и ты получишь разрѣшеніе бить еженедѣльно по сотнѣ безъ одного.*

Во время поста воспрещалось бить скотъ; но Кэдъ для своего пріятеля удлинитъ постъ и даетъ ему привилегію бить въ теченіе поста по 99 головъ.

Стр. 101. Букингамъ: *Мой государь, спѣшите въ Киллингвортъ.*

Теперь Кенильвортъ, городъ (и замокъ) недалеко отъ Стратфорда (см. стр. 461).

Стр. 102. 2-й гонецъ: *Кэдъ овладѣлъ и Лондонскимъ мостомъ.*

Кэдъ, надвигающійся на столицу съ юга, изъ Кента, по словамъ вѣстника, уже занялъ южное предмѣстіе города Саутворкъ и овладѣлъ единственнымъ въ то время мостомъ черезъ Темзу; онъ былъ изъ дерева, и Кэдъ приказалъ поджечь его.

Стр. 102. *Онъ ударяетъ жезломъ о лондонскій камень.*

«Лондонскимъ камнемъ назывался камень, съ незапамятныхъ временъ лежавшій въ Канонъ-Стритѣ въ Лондонскомъ Сити; происхожденіе его неизвѣстно; его считаютъ римской милей; теперь онъ стоитъ у одной церкви. Согласно разсказу Голиншеда Кэдъ ударяетъ по немъ въ знакъ того, что завладѣваетъ городомъ.

Чтобы на счетъ города въ сточныхъ трубахъ текло одно красное вино.

Кэдъ говоритъ собственно не о сточныхъ трубахъ, а о городскихъ фонтанахъ. Въ подлинникѣ они называются pissing-conduit, какъ обозвалъ ихъ непристойный и грубый юморъ лондонскаго простонародья. Что обѣщаніе Кэда не преувеличеніе видно изъ примѣч. къ стр. 514 т. II (о завѣщаніи куртизанки мистрисъ Малль).

Пусть отправятся и разнесутъ Савойскій дворецъ.

Этотъ старинный королевскій дворецъ на берегу Темзы, сооруженный графомъ Савойскимъ Петромъ въ 1245 г. былъ, и по разсказу Голиншеда, разрушенъ не Кэдомъ, а вождемъ болѣе значительнаго народнаго движенія Уотомъ Тайлэромъ.

Стр. 102. Дикъ: *Я прошу только, чтобы законы Англіи исходили изъ нашихъ устъ.*

И здѣсь перенесено на Кэда то, что хроники разсказываютъ объ Уотѣ Тайлэрѣ.

Стр. 103. Гонецъ: *Вотъ лордъ Сэй, который... заставилъ насъ платить двадцать одинъ разъ по пятнадцатой и по шиллингу съ фунта.*

Лордъ Сэй въ виду чрезвычайныхъ потребностей двадцать одинъ разъ подрядъ заставилъ поданныхъ платить по одной пятнадцатой (вмѣсто десятой) изъ достоянія, да еще по шиллингу съ фунта стерлинговъ (по одной двадцатой).

Стр. 103. Кэдъ: *Ахъ ты, Сэй, кисейный лордъ.*

Въ подлинникѣ игра словъ: Say значитъ кисея. Кэдъ продолжаетъ: «нѣтъ ты саржа, ты коленкоръ».

Отдалъ Нормандію Monsieur Basimeu.

Послѣднее слово—исковерканная французская брань—baiser mon cul.

Наши предки не знали другихъ книгъ, кромѣ бирки, ты же ввелъ книгопечатаніе.

ПРАЗДНОВАНІЕ 200-ЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ ШЕКСПИРА ВЪ 1764 ГОДУ.

Устроенная знаменитымъ актеромъ Гаррикомъ процессія направляется къ дому, гдѣ родился Шекспиръ.

Джонсонъ отмѣчаетъ, хотя [illegible] анахронизмъ Шекспира: книгопечатаніе изобрѣтено черезъ [illegible] послѣ возстанія Када. Таковъ же анахронизмъ [illegible]:

Ты выстроилъ бумажную фабрику.

Стр. 104. Сэй: *[illegible] bona terra, mala gens.* То есть: хороша страна, да народъ плохъ.

. . . . . Цезарь
[illegible] говорить о Кентѣ,
Что это — самый просвѣщенный край.

Юлій Цезарь въ своихъ комментаріяхъ о Галліи [illegible] Шекспиръ въ переводѣ Артура Гольдинга (15[illegible]) говоритъ, что [illegible] (humanissimi) жители Кента.

Стр. 105. Кэдъ: *И [illegible] на каждомъ перекресткѣ.*

[illegible]

Стр. 10[illegible]. К[illegible]

[illegible]

Въ [illegible]

Стр. 106. Клиффордъ. *И встрѣчными всѣми кричать они мужикъ.*

Въ подлинникѣ *Villiago,* что нѣкоторые принимаютъ за испорченное французское villageois мужикъ. Другіе сопоставляютъ его съ итальянскимъ [illegible] vigliacco [illegible] довольно употребительнымъ у современниковъ Шекспира.

Стр. 107. Бевисъ: *[illegible] мозги [illegible].*

[illegible] сопоставленіе кормовъ и галлогласовъ мы видѣли въ „Макбетѣ“ (д. I, сц. 2), гдѣ и объясненіе (т. III, стр. 585, гдѣ опечатка: галлошасы).

Стр. 107. Кэдъ. *[illegible]*

[illegible]

Стр. 108. Кэдъ: *[illegible] Тюрин*

[illegible] Юпитера. Нѣкоторые [illegible] перемѣны [illegible] театральной цензуры. [illegible] что [illegible] упоминаніе [illegible] въ напыщенной рѣчи Када.

Дайте мнѣ [illegible] десять обѣдовъ.

Ten meals — точнѣе не десять обѣдовъ, а десять [illegible] Кэдъ самъ говоритъ, что не [illegible] дней.

Стр. 108. Айденъ:

Умри, злодѣй, ты матери проклятье.

Дейтонъ склоненъ думать, что рѣчь идетъ не

о матери Кэда, а о его родинѣ, Кентѣ, о которомъ упоминалъ только что Кэдъ.

Стр. 111. Іоркъ: *Подобно Ахиллесову копью,*
Цѣлить и ранить могутъ перемѣнно.

Извѣстно свойство копья Ахиллеса—ранить остріемъ, исцѣлять древкомъ. Эта миѳологическая «гомеопатія»—повѣрье очень распространенное на извѣстныхъ ступеняхъ развитія мысли («чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчись»).

У дѣтей спрошу сперва.

Въ подлинникѣ: «спрошу сперва у нихъ»; по мнѣнію Деліуса, «у нихъ», относится не къ дѣтямъ, а къ ирландскимъ войскамъ Іорка, на которыя онъ показываетъ съ угрозой.

Запятнанная кровью чужеземка, измѣнница Неаполя.

Такъ съ насмѣшкой называетъ онъ королеву, не измѣнявшую Неаполю, потому что онъ ей не принадлежалъ.

Стр. 111. Старый Клиффордъ: *Въ Бедламъ его! Онъ вѣрно обезумѣлъ.*

Уже въ 1246 г. въ Лондонѣ была устроена для душевно-больныхъ больница имени св. Маріи Виѳлеемской (of Bethlehem), донынѣ существующая подъ этимъ названіемъ.

Стр. 111. Іоркъ: *Они однимъ побряхиваньемъ цѣпи*
Всѣхъ этихъ злыхъ щенковъ перепугаютъ.

Въ гербѣ Невилей былъ изображенъ медвѣдь, прикованный цѣпью къ столбу. Такъ приковывали медвѣдей для того, чтобы травить ихъ собаками.

Стр. 114. Старый Клиффордъ: *La fin couronne les oeuvres.*

То есть: конецъ вѣнчаетъ дѣло—вѣроятно девизъ.

Стр. 114. Молодой Клиффордъ: *Какъ былъ Абсиртъ Медеею разрубленъ.*

Волшебница греческаго миѳа Медея, убѣгая отъ отца съ Язономъ, разрѣзала своего брата Абсирта на куски и бросала ихъ за собою, чтобы задержать преслѣдующаго отца.

Какъ въ древности Эней Анхиза несъ.

Троянскій герой Эней, уходя изъ погибшей Трои, несъ на плечахъ своего престарѣлаго отца Анхиза.

Стр. 114. Ричардъ:
Прославилъ смертью Сомерсетъ колдунью.

Въ подлинникѣ не колдунью, а колдуна. Рѣчь идетъ о предсказаніи Болингброка или Соутвелля о томъ, что герцогу Сомерсету страшны замки. Онъ и умираетъ въ «Замкѣ Сентъ-Альбанѣ», но не въ настоящемъ, а въ пивной, носящей это имя: обычная двусмысленность предсказаній.

Стр. 116. Ричардъ: *Какъ дивные ковры въ смиренномъ домѣ.*

Дословно: «какъ дорогіе ковры въ бѣдномъ домѣ».

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ VI.

Часть III.

Стр. 116. *Дѣйствующія лица.*

Списокъ ихъ появился впервые въ изданіи Роу (1709 г.).

Стр. 116. Іоркъ: *лорды Клиффордъ*
Со Стаффордомъ ударили въ нашъ центръ
И отъ меча простыхъ бойцовъ погибли.

Шекспиръ забылъ, что во второй части Генриха VI Клиффордъ палъ отъ меча Іорка, и слѣдуетъ здѣсь разсказу лѣтописца, отъ котораго отступилъ ранѣе.

Стр. 116. Норфолькъ: *Да будетъ такъ всѣмъ Гаунтовымъ потомкамъ.*

То есть Ланкастерамъ, потомкамъ Джона Гаунтскаго, герцога Ланкастерскаго (1340—1349).

Стр. 117. Уорикъ: *Вотъ короля трусливаго палаты.*

Конечно, рѣчь идетъ не о дворцѣ, а о палатахъ, гдѣ проявляется верховная власть короля—о парламентѣ.

Стр. 117. *(Солдаты уходятъ).*

Сообразно указанію изданія folio, они переходятъ на балконъ, расположенный въ глубинѣ шекспировской сцены.

Стр. 117. Уорикъ: *При Уорикѣ не шевельнетъ крыломъ.*

Въ подлинникѣ Уорикъ сравниваетъ себя съ охотничьимъ соколомъ: ни одинъ не взлетитъ—говоритъ онъ—пока Уорикъ шевелитъ своими бубенчиками.

Здѣсь посажу Плантагенета я.

Игра словъ между to plant—посадить—и Plantagenet.

Стр. 117. Король: *Братъ Экзетеръ моимъ орудьемъ будетъ.*

Въ подлинникѣ «кузенъ Экзетеръ». Король называетъ его такъ, потому что герцогъ Экзетеръ—потомокъ брата Ричарда II. Его не слѣдуетъ смѣшивать съ сыномъ Джона Гаунтскаго, также носившаго этотъ титулъ и въ это время уже умершаго.

Стр. 117. Іоркъ: *Мое наслѣдье—герцогство и графство.*

Ударенье на словѣ *наслѣдье*. Іоркъ получилъ отъ матери графство Марчъ и отъ отца герцогство Іоркское. Указаніе на мать особенно значительно, такъ какъ отъ нея-же (чрезъ Мортимеровъ) онъ ведетъ свои права на престолъ.

Стр. 118. Уорикъ: *Отцовъ у васъ убили и чрезъ городъ*
Прошли къ дворцу.

Подъ отцами подразумѣваются отцы Нортумберлэнда и Клиффорда.

Стр. 118. Король: *Отецъ твой былъ, какъ ты, лишь герцогъ Іоркъ.*

Это ошибка: отецъ Іорка былъ не герцогъ Іоркскій, а графъ Кэмбриджскій, казненный за измѣну прежде, чѣмъ герцогство могло перейти къ нему отъ его брата. Герцогомъ Іоркскимъ былъ дядя Іорка; послѣдній, какъ изображено и у Шекспира (Генрихъ VI, ч. I, д. III, сц. 1) получилъ это званіе самостоятельно.

Стр. 119. Уорикъ: *Но еслибъ тотъ и самъ отрекся, лорды,*
Наслѣдственной корона остается.

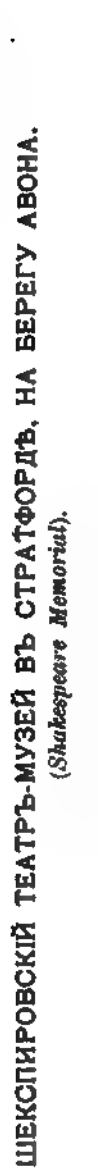
Если Ричардъ II и передалъ наслѣдіе произвольно избраннымъ преемникамъ, то вѣдь законное право преемства этимъ незаконнымъ актомъ не уничтожается.

Стр. 119. Король: *Лордъ Уорикъ, стой. Одно лишь только слово:*
Пожизненно пусть буду королемъ.

По свидѣтельству лѣтописца Галля, король не самъ предложилъ передать право наслѣдія Іоркской линіи: это было рѣшено лордами.

Стр. 120. Іоркъ: *Простите, государь, спѣшу въ мой замокъ.*

Его резиденціей былъ замокъ Сандалъ-Кэстль въ Іоркшайрѣ.



ШЕКСПИРОВСКІЙ ТЕАТРЪ-МУЗЕЙ ВЪ СТРАТФОРДѢ, НА БЕРЕГУ АВОНА.
(*Shakespeare Memorial*).

Стр. 120. Королева: *Начальствуетъ судами Фальконбриджъ.*

Томасъ Невиль, побочный сынъ лорда Фальконбриджа былъ Уорикомъ назначенъ вице-адмираломъ съ порученіемъ слѣдить за проливомъ, чтобы изъ Калэ въ Дувръ не переправились войска французскихъ сторонниковъ Генриха.

Стр. 121. Іоркъ: *Какъ? Ссорятся мой братъ и сыновья.*

Братомъ Іоркъ называетъ Монтегю, котораго Шекспиръ ошибочно считалъ зятемъ Іорка.

Стр. 122. Іоркъ: *Моимъ мечомъ! Ужель бояться ихъ?*

Іоркъ не хочетъ укрѣплять свой замокъ, считая, что для его защиты достаточно его меча.

Стр. 122. *Входитъ Рутлэндъ и его воспитатель.*

По хроникѣ, воспитателемъ Рутлэнда былъ священникъ сэръ Робертъ Аспалль.

Стр. 123. Рутлэндъ: *Di faciant, maudis sumta sit ista tuae.*

Стихъ изъ посланія Овидія: «Да сдѣлаютъ это боги твоей высшей хвалой».

Стр. 124. Іоркъ: *Дядья мои, меня спасая, пали.*

То есть сэръ Джонъ и сэръ Гюгъ Мортимеры.

Сосчитаны песчинки этой жизни.

Онъ сравниваетъ жизнь съ движеніемъ песочныхъ часовъ.

Стр. 124 Клиффордъ: *Но съ колесницы палъ здѣсь Фаэтонъ,*

И полдень ночь смѣнила.

Вѣроятно, изъ Метаморфозъ Овидія былъ извѣстенъ Шекспиру миѳъ о Фаэтонѣ, который попросилъ на одинъ разъ у своего отца Феба (солнца) колесницу, на которой тотъ совершаетъ свой ежедневный путь по небосклону: неопытный юноша не могъ сдержать могучихъ коней, погибъ, и ночь воцарилась на землѣ въ полдень.

Стр. 126. Королева: *Что жъ доблестнаго чудо-горбуна*

Не вижу я?

Рѣчь идетъ о Глостерѣ, котораго въ подлинникѣ королева фамиліарно называетъ Дики (Ричардъ) и «дурной примѣтой».

Стр. 126. Іоркъ: *Отецъ твой носитъ титулъ короля*

Неаполя и Іерусалима.

Въ подлинникѣ значится еще «и обѣихъ Сицилій»; все это были номинальные титулы короля Рене.

Стр. 126. Іоркъ: *О сердце тигра въ женской оболочкѣ.*

Это и есть тотъ стихъ, который пародируетъ Гринъ въ своемъ памфлетѣ (ср. Вступительную статью къ «Генриху VI», стр. 7).

Стр. 128. Эдуардъ:... *Отнынѣ на щитѣ*

Изобразить велю три свѣтлыхъ солнца.

Здѣсь Шекспиръ слѣдуетъ разсказу лѣтописи о происхожденіи трехъ солнцъ въ гербѣ Іорковъ. Такъ какъ по-англійски sun—солнце и son—сынъ произносятся почти одинаково, то Ричардъ, намекая на влюбчивость Эдуарда, отвѣчаетъ остротой: «нѣтъ, ужъ лучше трехъ дочерей: вы самокъ предпочитайте самцамъ». «Три луны» русскаго перевода—попытка передать эту игру словъ.

Стр. 129. *Входитъ гонецъ.*

Въ изданіи folio: «входитъ человѣкъ, трубя». Трубный звукъ былъ для шекспировской публики признакомъ вѣстника, прибывшаго издалека.

Стр. 129. Гонецъ: *Онъ словно тотъ, кто былъ надеждой Трои.*

То есть Гекторъ. И ниже (д. IV, сц. 8) король Генрихъ называетъ Уорика своимъ Гекторомъ.

Стр. 132. Король: *И счастливъ ли бываетъ сынъ, коль скоро*

Идетъ отецъ наживы ради въ адъ?

Король имѣетъ въ виду пословицу «счастливъ сынъ, отецъ котораго попалъ къ дьяволу», то есть: дѣти безнаказанно пользуются достояніемъ, а за грѣхи, съ которыми оно было накоплено, расплачивается въ загробной жизни отецъ. Король очевидно не согласенъ съ пословицей.

Стр. 133. Ричардъ: *Кому бы ты ни приходился сыномъ,*

Мать на лицо. Языкъ твой—материнскій.

То есть: несомнѣнно только кто твоя мать, а кто твой отецъ—неизвѣстно; на это же намекаетъ ниже Эдуардъ.

Прекраснѣе, чѣмъ ты, была Елена.

Хотя твой мужъ! бытъ можетъ, Менелай.

Стр. 133. Ричардъ: *Прикрытое англійской позолотой Неаполя желѣзо.*

Оскорбительный намекъ на то, что дочь номинальнаго неаполитанскаго короля явилась нищей въ Англію и здѣсь окружила себя роскошью.

Стр. 133. Эдуардъ: *Кронъ тысячу я далъ за жгутъ соломы,*

Чтобъ привести къ сознанью эту тварь.

Соломеннымъ жгутомъ при Шекспирѣ привязывало къ позорному столбу развратныхъ женщинъ.

Стр. 134. Эдуардъ: *Ждать не хочу я долѣ.*

Пусть тысячи падутъ сегодня въ полѣ.

Точнѣе: «Эти слова будутъ сегодня стоить жизни тысячамъ». То есть тѣ оскорбительныя, враждебныя слова, которыми обмѣнялись обѣ стороны.

Стр. 134. Ричардъ: *Своею кровью землю напоилъ твой братъ.*

Это выраженіе Шекспиръ повторяетъ въ V дѣйствіи, гдѣ Сомерсетъ сообщаетъ умирающему Уорику о гибели его брата Монтегію. Въ хроникахъ нѣтъ свѣдѣній о томъ, что въ сраженіи между Тоутономъ (а не Тоутомъ, какъ въ текстѣ) и Сакстономъ палъ еще одинъ братъ Уорика: былъ, правда, убитъ одинъ побочный сынъ графа Сольсбери.

Стр. 135. Ричардъ: *Нѣтъ, Уорикъ, звѣря, ты намѣтилъ другого,*

А этотъ волкъ затравленъ будетъ мной.

Любопытно, что Ричардъ повторяетъ здѣсь слова отца (также о Клиффордѣ—стр. 113):

Стой Уорикъ! Ты ищи другой добычи:

Я этого оленя самъ травлю.

Въ подлинникѣ сходства еще больше.

Стр. 135. Король: *То мчится бой въ ту сторону, какъ море, гонимое приливомъ.*

Шекспиръ нашелъ этотъ образъ у Голиншеда, который также сравниваетъ колебанія побѣды въ этомъ сраженіи съ приливомъ и отливомъ.

Стр. 136. Король: *По солнечнымъ часамъ, что были бъ мною устроены я съ точностью слѣдилъ бы.*

Изготовленіе деревянныхъ циферблатовъ для часовъ было побочнымъ промысломъ пастуховъ.

Стр. 136. *Входитъ сынъ, убившій своего отца.*

Эти сыноубійца и отцеубійца созданы Шекспиромъ подъ вліяніемъ Голиншеда, который говоритъ: «эта битва была противоестественная, ибо въ ней сынъ иногда убивалъ отца, братъ—брата, племянникъ—дядю и подданный господина».

Такъ наз. «Американскій фонтанъ» (American Fountain) въ Стратфордѣ. Сооруженъ въ честь Шекспира въ 1887 американцемъ Чайльдсомъ.

Стр. 136. Сынъ: *Плохъ вѣтеръ тотъ, что безполезенъ людямъ.*

Намекъ на пословицу: «плохъ только тотъ вѣтеръ, который никому не приноситъ пользы», что значитъ: какъ бы ни было извѣстное явленіе дурно для всѣхъ вообще, отдѣльнымъ людямъ оно бываетъ полезно. Такъ и здѣсь: война плоха, но можно обобрать убитаго.

Стр. 136. Сынъ: *Черты отца. О, Боже!*

Очевидно, онъ приподнялъ забрало отца.

Ст. 136. Король:

Покуда львы за логовище бьются,
Отъ ихъ вражды бѣда невиннымъ овцамъ.

Львы — Іорки и Ланкастеры, бьющіеся за тронъ, овцы ихъ подданные.

Какъ отъ войны междоусобной—очи
Пускай слѣпнутъ—сердце разорвется.

Точнѣе: пусть глаза станутъ слѣпы, какъ междоусобная война, и сердце пусть разорвется, какъ разрывается страна междоусобной войной.

Стр. 136. Отецъ: *Мой сынъ, тебѣ далъ жизнь*
я слишкомъ рано,
И отнялъ жизнь я эту слишкомъ поздно.

Отецъ хочетъ сказать, что если бы родилъ сына не такъ рано, тотъ не попалъ бы на войну, а убилъ сына слишкомъ поздно, потому что не успѣлъ узнать его; однако, по мнѣнію нѣкоторыхъ коммонтаторовъ, отецъ въ послѣднемъ случаѣ скорѣе сказалъ бы, что убилъ сына слишкомъ рано; по ихъ мнѣнію, отецъ хочетъ сказать, что если ужъ ему суждено было убить сына, то лучше бы онъ убилъ его въ малолѣтствѣ, а не взрослымъ.

Стр. 138. *Входитъ Клиффордъ раненый.*

Въ изданіи quarto прибавлено: «со стрѣлою въ горлѣ». Это вполнѣ соотвѣтствуетъ разсказу Голиншеда, по которому лордъ Клиффордъ въ бою снялъ вслѣдствіе жары шлемъ; въ этотъ моментъ тупая стрѣла ударила его въ горло—и онъ тотчасъ-же испустилъ духъ.

Стр. 138. Клиффордъ: *О еслибъ, Фебъ, ты огненныхъ коней не вѣрилъ Фаэтону.*

Опрометчивость Генриха, вручившаго бразды правленія Іоркамъ, сравнивается съ неблагоразуміемъ Феба, довѣрившаго колесницу солнца Фаэтону.

Стр. 139. Джоржъ: *Гдѣ воинъ Маргаретъ—твоя защита?*

Насмѣшка надъ мужскими замашками и замыслами королевы Маргариты.

Стр. 139. Уорикъ: *Поставить ее туда, гдѣ Іорка голова.*

То есть на воротахъ города Іорка.

Стр. 140. Ричардъ: *То герцогство ужъ слишкомъ роковое.*

О роковомъ значеніи герцогства Глостерскаго Шекспиръ зналъ изъ лѣтописи Голля. Оно дѣйствительно оказалось пагубнымъ для герцоговъ Томаса (сына Эдуарда III) и Гомфри (сына Генриха IV), которые были убиты; какъ извѣстно, предчувствіе не обмануло Ричарда;—онъ также былъ убитъ, но уже на престолѣ Англіи.

Стр. 140. *Входятъ два лѣсныхъ сторожа.*

Въ изданіи folio по ошибкѣ напечатано «входятъ Синкло и Гомфри»—очевидно, два актера шекспировской труппы.

Стр. 142. Король Эдуардъ: *Мужъ этой лэди сэръ Джонъ Грэй, убитъ.*

Въ изданіи folio сказано: Ричардъ Грей, но, такъ какъ хроники сообщаютъ, что сэръ Джонъ Грэй мужъ лэди Грэй, впослѣдствіи жены Эдуарда IV, дѣйствительно палъ въ битвѣ при Сентъ-Альбанѣ, то издатели исправляютъ въ текстѣ это имя. Надо только отмѣтить, что Джонъ Грэй сражался на сторонѣ Ланкастеровъ, а не Іорковъ.

Стр. 145. Король Эдуардъ: *Я холостой, но также волей Божьей имѣю ихъ.*

У Эдуарда дѣйствительно были незаконныя дочери.

Стр. 146. *Днемъ долье, чѣмъ длятся чудеса.*

По повѣрью чудеса длятся лишь девять дней; поэтому десятидневное чудо есть нѣчто совершенно необыкновенное.

Стр. 146. Глостеръ: *Я хаосу подобенъ,—медвѣженку,*
Что не умытъ и съ матерью не схожъ.

Намекъ на повѣрье, будто медвѣженокъ при рожденіи представляетъ собою безформенную массу и лишь мать, постоянно облизывая его, придаетъ ему видъ медвѣдя.

Стр. 146. Глостеръ: *Возьму другую Трою, какъ Синонъ.*

Синонъ—предатель, обманомъ котораго былъ ввезенъ пагубный деревянный конь въ осажденную Трою.

Стр. 146. Глостеръ: *Макіавель—школяръ передо мною.*

Въ прим. къ стр. 53 уже указано на анахронизмъ упоминанія о Макіавелли.

Стр. 147. *Сестра его (короля французскаго Людовика) Бона.*

Бона была не сестра Людовика XI, а сестра его жены.

Стр. 147. Маргарита: *Графъ Уорикъ нашъ.*

Въ подлинникѣ «нашъ графъ Уорикъ». Маргарита говоритъ такъ въ качествѣ королевы англійской.

Стр. 147. Маргарита: *Вотъ поднялась вторая буря.*

Это намекъ на предыдущія слова Людовика: *О, королева славная, снеси ты бурю терпѣливо.*

Стр. 148. Король Людовикъ: *Любезенъ-ли онъ вашему народу?*

Въ такомъ смыслѣ принимаетъ Мэлонъ выраженіе подлинника gracious. По мнѣнію Деліуса оно скорѣе означаетъ «осѣненный благодатью» (grace), свыше предназначенный (по мнѣнію народа) къ престолу. Подтвержденіемъ этого служитъ *отрицательный* отвѣтъ Уорика: «Тѣмъ болѣе, что Генрихъ былъ несчастенъ». Неудачи короля должны были служить для народа доказательствомъ, что это не настоящій избранникъ Божій.

Стр. 148. Уорикъ: . . . *Достоинъ онъ не зависти, но только сожалѣнья.*

Деліусъ иначе толкуетъ соотвѣтственное мѣсто подлинника: любовь Эдуарда къ Бонѣ не боится ненависти или злословія міра, но только презрѣнія со стороны Боны.

Стр. 149. Бона: *И этотъ слухъ склоняетъ умъ къ согласію.*

Точнѣе: «я такъ охотно слушала похвалы королю, что моему разсудку грозила опасность перейти въ любовь».

Стр. 149. Уорикъ: *Васъ поддержатъ способенъ вашъ отецъ.*

Джонсонъ принимаетъ эти слова за одну изъ обычныхъ насмѣшекъ Уорика надъ ничтожествомъ короля Рене. Деліусъ находитъ, что здѣсь иронія въ устахъ Уорика едва ли мыслима.

Стр. 150. Уорикъ: *Что онъ мою племянницу обидѣлъ.*

Объ этомъ фактѣ, болѣе въ драмѣ не затронутомъ, Голиншедъ разсказываетъ: «Однажды въ домѣ графа король Эдуардъ покусился на нѣчто весьма оскорбительное для графа; хотѣлъ ли онъ изнасиловать его дочь или племянницу, объ этомъ, ради чести ихъ обоихъ, разглашено не было». Безвременная смерть отца, на которую также намекаетъ Уорикъ, послѣдовала послѣ битвы при Векфильдѣ, когда онъ былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ графомъ Сольсбери и казненъ: его голова была также выставлена на воротахъ Іорка.

Стр. 150. Король Людовикъ: *Пусть отъ тебя*
узнаетъ, что Людовикъ
Шлетъ къ новобрачнымъ ряженыхъ на пиръ.

Принято было въ видѣ особой чести посылать на свадебное торжество замаскированныхъ; здѣсь Людовикъ подразумѣваетъ подъ ряженными своихъ солдатъ, которыхъ шлетъ въ Англію на помощь Маргаритѣ.

Стр. 150. Бона: *Скажи: ношу я ивовый вѣнокъ:*
Его вдовцомъ надѣясь видѣть вскорѣ.

Излюбленный образъ англійской народной пѣсни—ивовый вѣнокъ или вѣтвь ивы, какъ знакъ вдовства, скорби о далекомъ возлюбленномъ или вообще несчастной любви. Часто упоминается у Шекспира («Венеціанскій купецъ», д. V, сц. 1). Въ очевидной связи съ этимъ образомъ находится и предсмертная пѣсенка Дездемоны.

Стр. 151. Уорикъ: *Дочь старшую, мою отраду, съ нимъ соединю.*

Замужъ за принца вышла не старшая дочь Уорика Изабелла, а младшая Анна; эта ошибка исправлена въ «Ричардѣ III» (д. I, сц. 1); старшая вышла за герцога Кларенса.

Стр. 151. *Входятъ Эдуардъ со свитой.*

Изданіе folio, вообще дающее къ постановкѣ этой драмы болѣе подробныя указанія, чѣмъ обыкновенно, прибавляетъ: «четверо становятся съ одной стороны, четверо съ другой». То есть: король Эдуардъ стоитъ посрединѣ; съ одной стороны—Глостеръ, Кларенсъ, Сомерсетъ и Монтэгю; съ другой королева, Помброкъ, Стаффордъ и Гастингсъ.

Занятость Шекспировскаго театра-музея (Shakespeare Memorial) въ Стратфордѣ. (Королева Елизавета и ея свита у входа въ Шекспировскій театръ «Глобусъ»).

Стр. 152. Король Эдуардъ: *Оставивъ недовольства и насмѣшки.*

«Недовольства»—относится къ Кларенсу, «насмѣшки»—къ Глостеру.

Стр. 152. Гастингсъ: *Но Англіи ужель о томъ не знаешь? И такъ страшиться нечего..*

Эту мысль, высказанную также въ концѣ «Короля Джона» — Шекспиръ заимствовалъ изъ Boke of the Introduction of Knowledge» Эндрью Борда.

Стр. 152. Кларенсъ: *За эту рѣчь достоинъ Гастингсъ брака*
Съ наслѣдницею лорда Генгерфорда.

Когда мужская линія владѣтельнаго дома вымирала, то право распорядиться рукою наслѣдницы принадлежало въ нѣкоторыхъ государствахъ государю. Эдуардъ, какъ сообщаютъ хроники, дѣйствительно женилъ на наслѣдницѣ имени Генгерфордовъ не самого Гастингса, но одного изъ его сыновей.

Стр. 152. Королева Елизавета: *Я не была простого рода.*

По женской линіи она была въ родствѣ съ Генрихомъ V.

Стр. 154. *Равнина въ Іоркшайрѣ.*

Опечатка; въ текстѣ: «въ Уорикшайрѣ».

Стр. 155. Уорикъ; *И съ ловкостью въ шатеръ проникли къ Резу, чтобъ роковыхъ коней оракійскихъ вывесть.*

Въ «Иліадѣ» разсказано, что, согласно предсказанію, Троя не могла быть взята, пока кони союзника троянцевъ, оракійскаго царя Реза, не насытились хоть разъ троянскимъ кормомъ и не напились воды изъ Ксанѳа. Узнавъ объ этомъ, греки снарядили Одиссея и Діомеда, которые ночью во время сна убили Реза и 12 его стражниковъ и украли чудесныхъ коней.

Стр. 156. *Возвращаются Уорикъ и прочіе, несл въ креслѣ короля, который не одѣтъ.*

Согласно своему обѣту «не спать въ своей постели, покуда онъ иль Уорикъ не умрутъ» (стр. 155), Эдуардъ спалъ въ креслѣ, и такъ его застигли враги.

Стр. 158. Королева Елизавета: *Немедленно въ святилищѣ укроюсь.*

Освященное мѣсто считалось издавна убѣжищемъ, откуда никого тамъ укрывшагося нельзя извлечь силой.

Стр. 160. Соммерсетъ: *Графъ юный Генрихъ Ричмондъ, государь.*

Здѣсь—какъ и въ концѣ «Ричарда III»—Шекспиръ съ особенной настойчивостью противополагаетъ послѣднимъ Плантагенетамъ будущаго Генриха VII, родоначальника дома Тюдоровъ и дѣда Елизаветы. Права Генриха Ричмонда на англійскій престолъ не велики, несмотря на то, что—по предсказанію короля Генриха (заимств. у Голиншеда)—«чело его создано для вѣнца». Вдова Генриха V, Екатерина французская, вышла за уэльскаго дворянина Тюдора; ихъ сынъ Эдмундъ Тюдоръ получилъ отъ своего единоутробнаго брата графство Ричмондъ и женился на дочери герцога Джона Соммерсета, полу-законнаго потомка Джона Гаунта (изъ Ланкастеровъ). Сынъ этого Эдмунда Тюдоръ и Маргариты Соммерсетъ и есть Генрихъ VII; большія права на престолъ даетъ ему его бракъ съ дочерью Эдуарда IV, Елизаветой Іоркъ (ср. родословную таблицу).

Стр. 160. Король Эдуардъ:... *Остается намъ Вступить въ него, какъ въ герцогство свое.*

Городъ Іоркъ — главный городъ герцогства, которому носитъ свою фамилію Эдуардъ; онъ вступаетъ въ него, какъ въ свое безспорное достояніе.

Стр. 163. Уорикъ: *Проливъ благополучно переплывъ.*

То есть каналъ св. Георгія, отдѣляющій Англію отъ Ирландіи.

Стр. 164. Король Генрихъ: *Я не боюсь. Прославленъ я за втрогость.*

Наоборотъ, король говоритъ, что славится своей добротою.

Стр. 164. *За сценой крики: Іоркъ, Іоркъ.*

Ошибка. Крики за сценой: Ланкастеръ! Ланкастеръ!

Стр. 165. Уорикъ: *Сознавшись: кто возвелъ тебя и свергнулъ.*

Это гордое заявленіе напоминаетъ извѣстное прозвище Уорика—«дѣлатель королей».

Стр. 166. Уорикъ: *Не Атласъ ты для столь великой ноши.*

Атласъ—миѳическій гигантъ, поддерживающій небосводъ.

Стр. 166. Глостеръ: *Ты Генриха оставилъ во дворцѣ епископа.*

Дворецъ епископа лондонскаго былъ мѣстопребываніемъ короля Генриха, гдѣ Іорки схватили его.

Стр. 166. Король Эдуардъ; *Да, это такъ. Но все жъ ты—Уорикъ.*

То есть, несмотря на неудачи, постигшія короля Генриха, Уорикъ остается Уорикомъ—однимъ изъ первыхъ людей въ государствѣ.

Стр. 166. Кларенсъ: *Чьимъ Іевѳай, принесшій въ жертву дочь.*

Іевѳай—судья израильскій, побѣдившій аммонитянъ, но предъ походомъ давшій обѣтъ и во исполненіе его принесшій въ жертву всесожженія свою дочь (кн. Судей, гл. XI и XII).

Стр. 168. Уорикъ: *Чьимъ дерево Юпитера.*

Царю боговъ былъ посвященъ царь деревьевъ—дубъ.

Стр. 168. Король Эдуардъ: *Что встрѣтится съ блестящимъ солнцемъ раньше.*

Еще намекъ на солнце въ гербѣ Іорковъ:

Стр. 170. Король Эдуардъ: *Пустъ Оксфорда отправятъ въ замокъ Хэмсъ.*

Въ подлинникѣ Ham's castle; замокъ Нам (въ англ. чтеніи Хэмъ)—въ Пикардіи, въ сѣверо-западной Франціи.

Стр. 170. Маргарита: *Чтобъ свидѣться въ Іерусалимѣ свѣтломъ.*

То есть въ «небесномъ Іерусалимѣ»—въ загробной жизни.

Стр. 170. Глостеръ: *Могла-бы ты носить и нынѣ юбки*
И у Ланкастера не красть штановъ.

Если бы безвольный Генрихъ VI былъ такъ же смѣлъ и рѣшителенъ, какъ его сынъ, Маргарита могла бы не измѣнять своей женской природѣ и не брать на себя мужскія заботы своего мужа.

Стр. 170. Принцъ: *Для зимнихъ вечеровъ—Эзопа басни.*

Глостеръ говоритъ притчами, какъ греческій баснописецъ Эзопъ; но между ними есть еще одинъ пунктъ сходства, и этотъ ядовитый намекъ принца приводитъ Глостера въ бѣшенство: они оба горбаты.

Стр. 171. Глостеръ: *Тоуэръ! Тоуэръ!*

Эти слова Глостеръ обращаетъ въ сторону къ Кларенсу; смыслъ ихъ уяснятъ слѣдующая сцена.

Стр. 172. Король Генрихъ: *Какой родъ смерти Росцій разыграетъ?*

Августъ Вильгельмъ Шлегель (August Wilhelm von Schlegel, 1767—1845) знаменитый нѣм. критикъ и эстетикъ, главный создатель классическаго, «Шлегель-Тиковскаго» перевода Шекспира на нѣм. языкъ.

Росцій, знаменитый римскій трагикъ, упоминаемый также въ «Гамлетѣ» (д. II, сц. 2) считался у современниковъ Шекспира замѣчательнымъ артистомъ.

Стр. 172. Король Генрихъ: *Миносъ, летитъ мышавшій—твой отецъ.*

Миносъ, царь критскій, отецъ чудовища Минотавра, преслѣдовалъ Дедала и его сына Икара (см. пр. къ стр. 45) за то, что Дедалъ далъ Тезею возможность убить Минотавра.

Стр. 172. Король Генрихъ:... *и если*
Все прочее, что говорилось, вѣрно,
Явился съ тьмы...

Король хочетъ, но не успѣваетъ сказать, что Глостеръ родился ногами впередъ: примѣта, по которой тогда узнавали будущаго злодѣя.

Стр. 174. Глостеръ:
Ты проложи мнѣ путь, а ты исполни.

По мнѣнію Стивенса, при первомъ *ты* Глостеръ указываетъ на свою голову—создательницу его замысловъ; при второмъ на руку—ихъ исполнительницу.

ТИТЪ АНДРОНИКЪ.

Одновременно съ драмой «Титъ Андроникъ» ея издатель внесъ въ книгопродавческіе списки балладу близкаго содержанія, чтобы продать ее вмѣстѣ съ драмой. Это несомнѣнно та самая баллада, которую мы находимъ въ «Reliques of ancient english Poetry» Перси подъ заглавіемъ «Жалостная и трагическая исторія Тита Андроника». Баллада эта, взятая Перси изъ сборника «The Golden Garland of Princely Delights» представляетъ собою жалобу, вложенную поэтомъ въ уста Тита Андроника, павшаго отъ своей руки. Обращаясь къ «благороднымъ и воинственнымъ душамъ, не щадящимъ своей крови для отечества», онъ разсказываетъ имъ, что «въ теченіе долгихъ десяти лѣтъ онъ сражался за Римъ и получилъ въ награду одну лишь неблагодарность». Онъ жилъ въ Римѣ шестьдесятъ лѣтъ въ величайшемъ уваженіи и имѣлъ двадцать шесть сыновей, доблесть коихъ была его утѣшеніемъ. Съ ними онъ пошелъ на готовъ—и труденъ былъ этотъ походъ. Здѣсь онъ потерялъ двадцать трехъ сыновей, сохранивъ лишь трехъ, но зато счастье увѣнчало его труды: онъ привелъ въ плѣнъ царицу, ея сыновей и мавра, человѣка ужаснѣйшаго. Императоръ женился на царицѣ, которая была въ связи съ мавромъ и родила негритенка. День и ночь они думали лишь о пролитіи крови и о гибели Тита и его семьи. Онъ хотѣлъ уйти на покой и ждалъ успокоенія и утѣшенія въ старости лишь отъ своей единственной дочери. Она была невѣстой сына императора; гнусные сообщники императрицы убили его на охотѣ и бросили его тѣло въ яму.

Мавръ, проходя мимо этой ямы съ сыновьями Тита, столкнулъ ихъ туда, а затѣмъ призвалъ императора; они были обвинены въ убійствѣ и схвачены. Но еще худшимъ горемъ для Тита было то, что два сына императрицы обезчестили его дочь Лавинію и, чтобы она «не могла ни жаловаться письменно, ни вышить имена злодѣевъ иглою», отрѣзали ей языкъ и руки. Въ такомъ видѣ нашелъ ее братъ Тита, Маркъ; отецъ проливалъ больше слезъ, чѣмъ по двадцати тремъ своимъ убитымъ сыновьямъ. Увидя, что она ни можетъ ни говорить, ни писать, онъ разсыпалъ передъ нею песокъ, и она палкою «безъ помощи рукъ» написала на пескѣ: «Распутные сыновья надменной императрицы — виновники злодѣянія». «Я вырвалъ мои бѣлые волосы, я проклялъ часъ, когда родился, и я пожелалъ, чтобы еще въ колыбели была поражена рука, которая билась за славу Рима». Мавръ обѣщалъ Титу, что за его правую руку будутъ пощажены его сыновья—онъ далъ ее отрубить тутъ же, но получилъ ее обратно вмѣстѣ съ головами своихъ трехъ сыновей. Онъ впалъ въ отчаянье, посылалъ стрѣлы къ небу и взывалъ къ аду о мести. Императрица, считая его безумнымъ, явилась передъ нимъ съ сыновьями, переодѣтая въ видѣ Мести, Насилія и Убійства. Онъ оставилъ ее нѣкоторое время въ этомъ заблужденіи, пока его друзья не схватили ея сыновей и не привязали ихъ къ столбу. «Я перерѣзалъ имъ горло. Лавинія остатками своихъ рукъ держала сосудъ, куда текла ихъ кровь; я размололъ ихъ кости, чтобы сдѣлать изъ этого тѣста два пирога, которые подалъ императрицѣ въ праздничный день. И она съѣла мясо своихъ сыновей. Затѣмъ я зарѣзалъ свою дочь и, воткнулъ ножъ въ императрицу, потомъ убилъ императора, потомъ себя: такъ умеръ Титъ. Мавра закопали по поясъ въ землю—и онъ издохъ отъ голода: да пошлетъ то же Господь всѣмъ злодѣямъ.

Вопросъ о томъ, предшествуетъ ли баллада драмѣ, или наоборотъ, раздѣляетъ изслѣдователей. Одни считаютъ балладу болѣе раннею, потому что она отличается отъ драмы въ подробностяхъ, которыя не могъ бы изобрѣсти простой сочинитель балладъ. Деліусъ полагаетъ, что, наоборотъ, баллада написана по драмѣ, такъ какъ нѣкоторыя ея мѣста,—напр., фраза о томъ, что Титъ пускалъ стрѣлы въ небеса—совершенно не понятны тому, кто не знаетъ драмы. Онъ указываетъ, что баллада служитъ лишь признакомъ популярности драматическаго первенца Шекспира; она давала о немъ понятіе тѣмъ, кто не могъ видѣть «Тита Андроника» на сценѣ. Всѣ могли ее распѣвать—и въ собраніи Colden Garland» указанъ также мотивъ, на который ее пѣли.

Стр. 184. *Дѣйствующія лица.*

Списокъ ихъ появился въ изданіи 1709 г., гдѣ пьеса впервые раздѣлена на сцены; изд. folio дѣлитъ ее только на акты. Среди дѣйствующихъ лицъ пропущенъ «Молодой Луцій, мальчикъ, сынъ Луція».

Стр. 184. *Трибуны и сенаторы на верху.*

На шекспировской сценѣ они сидятъ на верхнемъ балконѣ, который долженъ изображать Капитолій. Сатурнинъ и Вассіанъ входятъ на нижнюю сцену.

Стр. 184. Сатурнинъ: *Правъ старшинства постыдно не поправь.*

Въ подлинникѣ age—возрастъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, въ смыслѣ старшинства; Деліусъ полагаетъ, что Сатурнинъ ссылается на свою юность, которая сама не въ силахъ отстоять свои права. Юношей называетъ его и Тамора.

Стр. 184. Вассіанъ: *Храните здѣсь вы въ Капитолій входъ.*

Очевидно, входъ въ Капитолій уже занятъ приверженцами Вассіана, чтобы соперники ихъ не могли прорваться наверхъ и овладѣть тономъ.

Стр. 184. Вассіанъ: *Пусть выборомъ заслуги озарятся.*

Сатурнинъ основываетъ свои права на законномъ преемствѣ. Вассіанъ хочетъ быть обязанъ лишь свободному избранію римлянъ, основанному на его заслугахъ.

Стр. 184. Маркъ Андроникъ: *Народъ, что представляемъ нами* и т. д

Маркъ Андроникъ — представитель народа, потому что онъ трибунъ, какъ видно изъ дальнѣйшаго дѣйствія; въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ это не обозначено.

Кѣмъ за его великія заслуги
Получено отъ римлянъ имя Пія.

Pius значитъ благочестивый.

Стр. 186. Сатурнинъ: *Откройте же ворота мнѣ.*

Ворота, ведущія въ Капитолій.

Стр. 186. *Вассіанъ и Сатурнинъ входятъ въ сенатъ и Капитолій.*

То-есть подымаются по лѣстницѣ на балконъ, находящійся на сценѣ.

Стр. 186. Титъ Андроникъ:

. . Присутствіемъ почти,
Защитникъ Капитолія великій,
Обрядъ, что здѣсь готовится.

Онъ призываетъ Юпитера, божественнаго покровителя Капитолія, освятить своимъ присутствіемъ обрядъ погребенія его сыновей въ семейномъ склепѣ Андрониковъ.

Допустишь ли сыновъ непогребенныхъ
Блуждать вдоль грозныхъ Стикса береговъ?

Древніе вѣрили, что души усопшихъ скитаются по берегамъ подземной рѣки Стикса, пока ихъ тѣла не преданы погребенію.

Стр. 186. Луцій: *Ad manes fratrum.*

То-есть: въ жертву братскимъ тѣнямъ.

Стр. 186. Тамора: *Постойте, братья римляне.*

Царица не называетъ римлянъ своими братьями: она обращается къ сыновьямъ Тита, называя ихъ «римскіе братья».

Стр. 187. Деметрій:

Троянская царица отомстила
Въ его шатрѣ фракійскому тирану.

Царица Гекуба выцарапала глаза фракійскому царю Полимнестору за то, что онъ убилъ одного изъ ея сыновей Полидора.

Стр. 187. Титъ: *Лавинія, переживи отца, твоя же добродѣтель вѣчность славы.*

Пусть добродѣтель Лавиніи будетъ долговѣчнѣе славы, которая вѣчна, и въ этомъ смыслѣ пусть сама Лавинія будетъ долговѣчнѣе отца.

Стр. 187. Маркъ: *Съ нимъ счастія Солона вы достигли.*

По мнѣнію Солона, переданному въ греческомъ преданіи, дѣйствительно счастливыми можно считать лишь умершихъ, ибо при жизни счастье всегда можетъ измѣнить человѣку.

Стр. 187. Маркъ:

Шлетъ палліумъ, что непорочно былъ.

Бѣлый плащъ—палліумъ—одѣвали въ Римѣ кандидаты (отъ candidus—бѣлый) на какую либо значительную должность.

Стр. 187. Титъ: *. . Завтра же сложу*
Я власть и жизнь, вамъ снова давъ заботу

Знаменитый нѣмец. писатель Тикъ (Ludwig Tieck 1773—1853), одинъ изъ создателей классическаго, «Шлегель-Тиковскаго» перевода Шекспира на нѣм. языкъ.

Эта новая забота необходимость найти новаго правителя.

Стр. 188. Лавинія:

. . . *Порукой благородство,*
Что эта рѣчь—лишь цезаря учтивость.

Не только внѣшняя учтивость—за которой можетъ скрываться и неискренность: Лавинія находитъ, что самое намѣреніе Сатурнина утѣшить Тамору, возведя ее на римскій престолъ, достойно его сана.

Стр. 189. Маркъ: *Suum cuique.*

То-есть: всякому свое. Оригинальна эта латинская фраза въ устахъ древняго римлянина, который вѣдь все время говоритъ по-латыни.

Стр. 189. Титъ:

Верни, изгнанникъ, цезарю невесту.

За этими словами слѣдуетъ реплика Луція, пропущенная въ переводѣ: «Убивайте, если угодно, но не для того, чтобы его (цезаря) женою стала та, которая обручена съ другимъ». Затѣмъ Луцій уходитъ. Во время этой сцены Сатурнинъ съ Таморой и ея спутниками входятъ на балконъ, откуда Сатурнинъ держитъ свои рѣчи.

Стр. 189. Тамора:

И матерью для юныхъ лѣтъ его.

Тамора напоминаетъ о томъ, что она много старше Сатурнина и можетъ быть ему матерью.

Стр. 190. Квинтъ: . . . *И его готовъ*
Онъ подтвердить повсюду, но не здѣсь.

Вѣроятно потому, что онъ не хочетъ обнажить мечъ при останкахъ брата или при отцѣ.

Стр. 190. Маркъ:

Похороненъ Аяксъ самоубійца,
О чемъ просилъ Лаэрта мудрый сынъ.

Если греки подъ Троей, по увѣщанію Одиссея, предали погребенію Аякса, то тѣмъ болѣе долженъ Титъ дать мѣсто убитому Муцію въ родовомъ склепѣ Андрониковъ.

Стр. 191. Тамора:

Патриціи, Лавинія, не бойтесь.

«Патриціи»—обращеніе къ сыновьямъ Тита.

Стр. 192. Сатурнинъ:

День нынѣшній, Тамора, день любви.

«День любви» — dies amoris — юридическій терминъ, означающій день, назначенный для мировыхъ соглашеній.

Стр. 192. Титъ:

Привѣтствовать мы будемъ съ добрымъ
утромъ
Васъ звономъ псовъ и звуками роговъ.

Въ подлинникѣ употреблено французское слово bon jour, употребленное въ тогдашней англійской рѣчи, какъ прежде у насъ.

Стр. 192. Ааронъ.

Плетей сюда, чтобъ помирить влюбленныхъ.

Въ подлинникѣ «Палокъ, палокъ»,—обычный въ шекспировской Англіи призывъ къ сторожамъ, вооруженнымъ палками, въ случаѣ уличныхъ свалокъ. Ср. Генрихъ VI» ч. I, д. I, сц. 3.

Стр. 192. Деметрій:

Нацѣпила напрасно мать тебѣ игрушку
мечъ.

Въ подлинникѣ «танцовальная рапира»—безопасный мечъ, который принято было при Шекспирѣ одѣвать во время танцевъ. Ниже Деметрій ловко совѣтуетъ Хирону не только вложить его въ ножны, но п р и к л е п и т ь для безопасности къ ножнамъ.

Стр. 193. Ааронъ:

. . *больше не взяла бы,*
Чтобъ при дворѣ покрыть себя позоромъ.

То-есть: Тамора не взяла бы больше милліона за позоръ, которымъ ей грозитъ ссора ея сыновей.

Стр. 194. Деметрій:

Вѣдь женщина она,
Ухаживать за нею, значитъ, можно.
А женщиной и владѣть возможно.

Мы встрѣчались уже съ этими словами въ I части «Генриха VI» (стр. 50), гдѣ онѣ переданы нѣсколько иначе. Такъ какъ послѣдній стихъ встрѣчается также въ «Планетомахіи» Грина (1585), то возможно, что эта была пословица.

Стр. 194. Деметрій:

. . . *На мельницѣ воды*
Побольше утечетъ, чѣмъ знаетъ мельникъ..
Разрѣзанъ хлѣбъ—стащить кусокъ легко.

Намекъ на двѣ пословицы: «у спящаго мельника уходитъ вода» и «не трудно стащить ломоть, когда хлѣбъ разрѣзанъ.

Стр. 194. Деметрій:

Носили Вулкановъ знакъ и лучшіе, чѣмъ онъ.

«Вулкановъ знакъ» на который мы уже встрѣчали намекъ также въ Антоніѣ и Клеопатрѣ» (д. I, сц. 3)—рога, которые поставила ему Венера, измѣнивъ ему съ Марсомъ.

Стр. 194. Ааронъ:

Что посвятила мести и насилью священ-
ный умъ.

«Священный»—съ ядовитой ироніей. Мэлонъ, однако, полагалъ, что sacred здѣсь значитъ не священный, но равно латинскому sacer—проклятый.

Стр. 194. Ааронъ:

Дворъ цезаря—подобенъ храму славы.

Въ подлинникѣ house of Fame—храмъ божества Молвы, который, въ изображеніи древнихъ, состоялъ весь изъ языковъ, глазъ и ушей.

Стр. 195. Деметрій: *Sit fas aut nefas.*

То-есть: «будь это законно или незаконно». Въ концѣ своей реплики Деметрій прибавляетъ еще одну латинскую фразу, пропущенную въ русскомъ текстѣ:

Per Styga per manes vcohr.

То есть: «хоть для того несусь я черезъ Стиксъ и царство мертвыхъ».

Стр. 195. *Сцена II.*

По основательному мнѣнію Джонсона, лишь этой сценой долженъ былъ бы начинаться второй актъ.

Стр. 195. Титъ:

. . . . *Чтобъ цезаря съ прекрасной*
Его супругой кто-нибудь разбудилъ.

Такимъ образомъ сцена эта происходитъ не только въ лѣсу, но и предъ императорскимъ дворцомъ: соединеніе, возможное на шекспировской сценѣ.

Стр. 195. Титъ:

Сегодня въ ночь я былъ во снѣ встревоженъ.

Встревоженъ снами, которые разогнало утро.

Ст. 195. Ааронъ:

На безпокойство тѣмъ, кто изъ шка-
тулки
Царицыной—получитъ эту помощь.

Золото, зарываемое Ааономъ, взято имъ изъ царицыной шкатулки и будетъ источникомъ непріятностей для того, кто его найдетъ.

Стр. 196. Тамора:

Скиталецъ принцъ съ Дидоной наслаждались.

«Скиталецъ-принцъ» — родоначальникъ римлянъ Эней, который, блуждая по разрушеніи Трои, сошелся съ карѳагенской царицей Дидоной.

Стр. 196. Ааронъ:

Царица, ты въ желаніяхъ своихъ
Подчинена Венерѣ, я Сатурну.

Планетѣ Сатурну приписывалось—въ противоположность разжигающей страсти Венерѣ — охлаждающее дѣйствіе на рожденныхъ подъ его знакомъ.

Зачѣмъ мои развившіяся кудри.

Онъ курчавъ, какъ всякій негръ,—и волосы его, вставъ дыбомъ, развились.

Царица, нѣтъ, то не Венеры знаки.

То есть - знаки, указывающіе на любовное возбужденіе.

Стр. 196. Ааронъ:

Его же Филомела лишится языка.

Онъ имѣетъ въ виду Лавинію. Миѳъ о Филомелѣ, на который въ Титѣ Андроникѣ много намековъ, былъ извѣстенъ Шекспиру изъ Овидія и заключается въ слѣдующемъ: обезчещенная мужемъ своей сестры Прокны ѳракійскимъ царемъ Терееемъ, который отрѣзалъ ей затѣмъ языкъ, чтобы она не могла разсказать о совершенномъ надъ нею злодѣяніи, Филомела повѣдала сестрѣ о своихъ несчастіяхъ, вышивъ на одеждѣ разсказъ о своей судьбѣ. Прокна нашла заключенную въ Парнасскомъ гротѣ Филомелу и, чтобы отомстить злодѣю, убила его любимаго сына Итиса, изготовила изъ него блюдо и подала отцу. Когда Терей узналъ объ этомъ, онъ хотѣлъ убить сестеръ, но боги обратили его въ удава, Прокну въ ласточку, а Филомелу въ соловья.

Стр. 196. Тамора:

Рогами я вѣнчала бы твой лобъ,
Какъ было съ Ахтеономъ.

Актеонъ—въ греч. миѳол.—былъ обращенъ Діаной въ оленя за то, что подсмотрѣлъ, какъ богиня купалась со своими нимѳами (или за то, что хвасталъ своимъ охотничьимъ искусствомъ). Его же собаки, не узнавъ превращеннаго хозяина, разорвали его.

Стр. 196. Вассіанъ:

. . . *твой черный киммеріецъ*
И честь твою запачкаетъ.

Киммерійцы (быть можетъ, отъ финикійск. kamar—темный) у древнихъ—баснословный народъ, живущій на крайнемъ западѣ у океана, гдѣ царитъ вѣчная тьма. Черными они не считались.

Стр. 197. Тамора:

привязать меня!
Къ зловѣщему они хотѣли тису.

Тисъ (taxus baccata) считался у древнихъ деревомъ смерти. Его сажали на кладбищахъ, вѣтви его служили для колдовства.

Стр. 197. Лавинія:

И ты ударь, Семирамида.

Полу-миѳической царицѣ Ниневіи Семирамидѣ приписываютъ въ сказаніяхъ не только громадные замыслы и дѣянія, но также необычайную жестокость и сладострастіе.

Пусть женскую найду у ней я жалость.

Этими словами она проситъ Хирона попросить за нее жестокую мать. Но Хиронъ отвѣчаетъ:

Какъ? Незаконнымъ сыномъ буду я?

То-есть: выказавъ мягкосердечіе, онъ оказался бы не настоящимъ сыномъ Таморы.

Стр. 198. Квинтъ:

Затмился взоръ... Что это означаетъ?

Въ подлинникѣ: «что это знаменуетъ?» Квинтъ видитъ въ внезапномъ ослабленіи своего зрѣнія зловѣщее предзнаменованіе.

Стр. 198. Марцій. *(Падаетъ въ ровъ).*

Марцій падаетъ въ ту самую яму, гдѣ лежитъ золото, положенное туда Ааропомъ, и трупъ Бассіана, положенный Деметріемъ.

Стр. 199. Марцій:

Кольцо, чей блескъ пещеру озаряетъ.

По мнѣнію Джонсона, Шекспиръ имѣлъ въ виду карбункулъ, которому приписывали способность свѣтиться въ темнотѣ.

Такъ озаренъ луною былъ Пирамъ,
Когда лежалъ залитый кровью дѣвы.

О судьбѣ влюбленныхъ Пирама и Тисбы Шекспиръ читалъ въ «Метаморфозахъ» Овидія. Придя на свиданіе ночью, Тисба встрѣтила льва и бѣжала отъ него, оставивъ насыщенному другой добычей звѣрю свое покрывало; левъ растерзалъ его и запачкалъ кровью. Явившись на то же условленное мѣсто и найдя здѣсь только окровавленное покрывало, Пирамъ рѣшилъ, что его возлюбленная погибла и закололся мечомъ. Въ этомъ видѣ нашла его возвратившаяся Тисба и также покончила съ собою.

Какъ пасть туманнаго Коцита.

Коцитъ—въ греч. миѳологіи—«рѣка плача и стенаній» въ подземномъ мірѣ.

Стр. 200. Тамора:

Нѣтъ, поднято Андроникомъ оно.

По указанію Деліуса, это отчасти противорѣчитъ первоначальному уговору Аарона съ Таморой, по которому она должна была завязать съ Бассіаномъ споръ, а сыновья ее поддержать; здѣсь она еще бросила письмо, чтобы Андроникъ нашелъ его и доставилъ ей.

Стр. 200. Маркъ:

Тебя Терей новѣйшій онозорилъ
И вырѣзалъ языкъ.
Лишь языка лишилась Филомела,
И вышиваньемъ выразила мысль.

Объяснено въ примѣч. къ стр. 196.

Стр. 202. Маркъ:

. . . Какъ раньше Церберъ
У ногъ пѣвца, у ногъ твоихъ заснулъ-бы.

Въ подлинникѣ говорится: «У ногъ оракійскаго пѣвца». Рѣчь идетъ объ Орфеѣ, который, спускаясь въ адъ за своей женой Эвридикой, усыпилъ грознаго стража преисподней, трехголоваго пса Цербера своимъ пѣніемъ.

Стр. 203. Титъ:

Столь чуждое, какъ небу—мрачный Лимбъ.

Лимбъ—собств. преддверіе ада, гдѣ были патріархи до тѣхъ поръ, пока Спаситель не вывелъ ихъ оттуда (limbus patrum). У Шекспира, который часто упоминаетъ о немъ («Генрихъ VIII», д. V, сц. 3, «Комедія ошибокъ», д IV, сц. 2 и др.)—это самый адъ.

Стр. 205. Титъ:

. . . И опускаю долу
Развалину печальную.

Такъ, вѣроятно, называетъ Титъ остатокъ своей обрубленной руки.

Стр. 204. Маркъ: *Братъ, говори лишь о возможномъ*

Это относится къ предыдущему восклицанію Тита:

Иль вздохами затмилъ небесный сводъ.

Стр. 205. *Сцена II.*

Эту сцену мы находимъ впервые въ изданіи folio: въ предыдущихъ, предназначенныхъ для сцены изданіяхъ quarto, ея еще нѣтъ. Но единство языка и стиля доказываетъ, что она была не прибавлена позднѣе Шекспиромъ, но устранена актерами, такъ какъ она нужна лишь для характеристики и задерживаетъ дѣйствіе.

Стр. 205. Титъ: *А ты—картина бѣдствій.*

Въ подлинникѣ—«карта бѣдствій», потому что въ Лавиніи, какъ на географической картѣ, можно найти всякое человѣческое бѣдствіе.

Стр. 208. Титъ:

Энея ль принуждать, чтобъ вновь Трои
И скорбь свою—передавалъ онъ дважды?

Напоминать бѣдной Лавиніи о рукахъ все равно, что заставлять Энея повторять его разсказъ о гибели Трои; извѣстно знаменитое начало этого разсказа въ «Энеидѣ»:

Infandum regina jubes renovare dolorem.

То-есть: «невыразимое страданіе заставляешь ты обновить, царица».

Стр. 206. Титъ:

. . . Ничею, за исключеньемъ слезъ,
Не пьетъ она—отъ горя накипѣвшихъ,
Разсолодѣвшихъ на ея щекахъ.

Страданія Лавиніи—какъ бы солодъ, посредствомъ котораго слезы на щекахъ ея обращаются въ ея напитокъ.

Стр. 207. Титъ:

Корнелія такъ сыновьямъ своимъ
Усердно не читала.

Корнелія — знаменитая римлянка, мать Грак-

ФРІДРИХЪ БОДЕНШТЕДТЪ. (1819—1892).

Знаменитый нѣм. поэтъ и главный инициаторъ новѣйшаго нѣмецкаго перевода Шекспира.

ховъ, своимъ воспитаніемъ положившая основы ихъ самоотверженному и глубокому патріотизму.

Стр. 208. Титъ: *Туллія «Ораторъ».*

То-есть «Orator», сочиненіе Марка Туллія Цицерона о краснорѣчіи.

Стр. 208. Мальчикъ: *Троянская Гекуба отъ скорби помѣшалась.*

О безуміи царицы троянской Гекубы упоминается также въ «Цимбелинѣ» (д. IV, сц. 2).

Стр. 208. Титъ:

Открой ихъ всѣ, дитя.
Но ты его начитаннѣй, ученѣй.

Эти слова обращены опять къ Лавиніи, которую, конечно, не могутъ удовлетворять книги, читаемыя мальчикомъ.

Стр. 208. Мальчикъ:

Овидія «Метаморфозы», дѣдъ.

О знакомствѣ Шекспира съ жизнью и сочиненіями Овидія свидѣтельствуютъ еще: «Напрасныя усилія любви» (д. IV, сц. 3), «Какъ вамъ угодно» (д. III, сц. 3), «Усмиреніе строптивой» (д. I, сц. 1); въ «Генрихѣ VIII», ч. III (д. 1, сц. 3) мы встрѣтили уже цитату изъ «Героидъ» Овидія.

Стр. 208. Титъ:

Она листы перевернуть спѣшитъ.

Нѣкоторые указываютъ на кажущуюся несообразность: безрукая Лавинія переворачиваетъ листы книги. Но у нея сохранились обрубки рукъ—и она касается ими страницъ книги. Титъ и приказываетъ мальчику помочь ей.

Стр. 208. Титъ:

Трагическій разсказъ о Филомелѣ,
Насилія коварнаго Терея?

Ср. примѣч. къ ст. 169.

Стр. 208. Титъ: *Stuprum—Chiron—Demetrius.*

То-есть: «Изнасилованіе — Хиронъ — Деметрій».

Стр. 209. *Magni dominator poli,*
Tam lentus audis scelera? Tam lentus rides?

Нѣсколько измѣненный стихъ изъ «Ипполита», трагедіи Сенеки: «Великій міра властелинъ, столь терпѣливо внемлешь ты злодѣйствамъ? Столь терпѣливо улыбаешься ты имъ?».

Стр. 200. Маркъ:

И ты, надежда Гектора изъ Рима.

Какъ надеждой троянскаго Гектора былъ его малолѣтній Астіанаксъ, такъ для римскаго Гектора Луція надеждой является его сынокъ, маленькій Луцій.

Какъ Юній Брутъ съ супругомъ и отцомъ.

Ср. предисловіе къ поэмѣ «Лукреція», особенно стр. 354.

Стр. 209. Титъ:

Песокъ размечетъ, какъ листы сивиллъ.

Какъ извѣстно, листы книги сивиллъ, — предсказательницъ судебъ Рима—исчезли и лишь часть ихъ сохранилась.

Стр. 209. Мальчикъ:

Рабовъ негодныхъ римскаго ярма.

Сыновья Таморы—рабы Рима, какъ и прочіе его плѣнники.

Стр. 209. Титъ:

А я и Луцій ко двору
Представимся, и намъ почетъ окажутъ.

Титъ притворяется и возбуждаетъ въ братѣ подозрѣніе, что лишился разсудка.

Стр. 210. Деметрій:

Integer vilae scelerisque purus
Non eget Mauri jaculis nec arcu.

Стихъ изъ оды Горація (кн. I, XXII). Въ переводѣ Порфирова:

Тому, кто въ жизни безпорочной
Далекъ отъ беззаконныхъ дѣлъ,
Ни Маврскихъ дротиковъ не надобно, ни лука
Съ колчаномъ ядовитыхъ стрѣлъ.

Стр. 210. Ааронъ:

Но пусть она покоится въ тревогѣ.

Точнѣе: «пусть она сохраняетъ спокойствіе въ своемъ безпокойствѣ»; здѣсь и выше («Будь на ногахъ императрица наша») онъ намекаетъ на то, что Тамора лежитъ въ родахъ.

Стр. 212. Ааронъ:

Ни Энцекладъ съ ордой Тифона грозной,
Алкидъ великій, или богъ войны.

Тифонъ—могучій великанъ греческой миѳологіи, побѣжденный Зевесомъ; Алкидъ—Геркулесъ.

Стр. 212. Ааронъ:

Покрытыя известкой бѣлой стѣны.

Такъ называетъ негръ бѣлыхъ сыновей Таморы.

Цвѣтъ черный—самый лучшій изъ цвѣтовъ,
Такъ какъ другихъ цвѣтовъ не принимаетъ.

По мнѣнію Аарона, черную краску нельзя закрасить другими.

Предательскій оттѣнокъ! Тайны сердца
И помысловъ—онъ краской выдаетъ.

Чуждая негру способность бѣлаго человѣка краснѣть была бы очень неудобна Аарону при его коварствѣ.

Мой сынъ и я—гдѣ понадежнѣй сядемъ.

Ааронъ не довѣряетъ сыновьямъ Таморы, пока не знаетъ ихъ намѣреній.

Стр. 213. Титъ. *Terras Astraea reliquit.*

Стихъ изъ «Метаморфозъ» Овидія: «Астрея покинула землю». По разсказу Овидія, Астрея—богиня справедливости—покинула землю въ желѣзномъ вѣкѣ и съ тѣхъ поръ сіяетъ на небосклонѣ въ видѣ созвѣздія Дѣвы.

До средоточья земли ... ою и ломомъ.
Проройте всю лопат...

Такъ какъ Астреи-справедливости нѣтъ ни на землѣ, ни на морѣ, то Титъ ищетъ ее въ средоточьи земли, у владыки преисподней, Плутона.

Военныя суда всѣ осмотрите.

Цезарь Сатурнинъ могъ спрятать справедливость на военномъ суднѣ; поэтому ниже слѣдуетъ:

Злой цезарь могъ услать ее туда.

Стр. 213. Титъ:

Ну, Публій, что? Нашли его, друзья?

Титъ представляетъ себѣ, что его племянникъ уже добрался до преисподней и нашелъ тамъ Публія.

Стр. 214. Титъ:

. . И вытащу за пятки
Возмездіе изъ ахеронскихъ волнъ.

Ахеронъ — «озеро кипящее гены» — древнее названіе рѣки въ Греціи, протекающей по наной мѣстности и исчезающей въ океана. озерѣ-болотѣ. Греческая миѳологія не счи- Ахеронъ съ его притокомъ Коцитс... исподнюю.

Ad Iovem—для тебя. Ad Apol...
Ad Martem—это будетъ для ме... древнихъ

Юпитеръ, Аполлонъ, Марсъ и ни... бищахъ, Меркурій, Сатурнъ — здѣсь не тольк... свѣтилъ, но и имена божествъ. Имя... приводитъ мысль Тита къ Сатурнину, ... онъ не посылаетъ стрѣлы, ибо его стрѣ...

Знаменитый нѣмец. историкъ литературы и шекспирологъ Гервинусъ (Gervinus, 1805—1871).

мольбы; пускать эти стрѣлы къ императору все равно, что стрѣлять въ воздухъ.

. . . У Тельца
Ты рогъ одинъ отбилъ своей стрѣлою.

Титъ принимаетъ упавшую на землю стрѣлу за часть созвѣздія Тельца, отбитую выстрѣломъ. Маркъ не противорѣчитъ и продолжаетъ мысль безумца:

Телецъ отшибъ у Овна оба рога.

«Царицынъ негодяй», т. е. ея любовникъ Ааронъ нашелъ ихъ и поднесъ императору.

Стр. 214. Поселянинъ: *Поставщикъ висѣлицъ?*

Игра словами: поселянинъ принимаетъ слово Juppiter (Юпитеръ) за схожее gibbetmaker (строитель висѣлицъ).

Стр. 216. *(Входитъ Эмилій).*

Въ изданіяхъ quarto и folio онъ здѣсь называется Nuntius Emilius, т. е. посолъ Эмилій. Эти латинскія обозначенія (Exit, Dramatis personae, manent omnes, cum aliis, solus и т. п.) обычны въ шекспировскомъ англійскомъ театрѣ и ведутъ происхожденіе отъ средневѣковыхъ латинскихъ мистерій.

Стр. 218. Ааронъ:

Такъ вѣрно, какъ и то, что картой взятку
Берутъ въ игрѣ.

Поговорка: вѣрно, какъ карта въ игрѣ.

И это—вновь такъ вѣрно, какъ и то,
Что кровный песъ всегда за грудь хватаетъ.

Тоже поговорка, взятая изъ области травли быковъ. Натравленныя собаки хватали ихъ сразу за голову (такъ и въ подлинникѣ).

Стр. 219. Ааронъ:

Обманомъ я у Тита отнялъ руку.

Онъ намекаетъ на гнусную уловку (д. III, сц. 1), посредствомъ которой онъ убѣдилъ Тита, что за его отрубленную руку императоръ помилуетъ его сыновей.

Стр. 220. Луцій:

Взять дьявола! Нѣтъ, умереть отъ петли
Не долженъ онъ.

Въ подлинникѣ: «снять дьявола»: Ааронъ говорилъ, стоя на лѣстницѣ, ведущей на висѣлицу.

Стр. 220. *Входятъ переодѣтые: Тамора, Хиронъ, Деметрій.*

Изъ дальнѣйшаго видно, какъ они «переодѣты»: они изображаютъ Месть, Убійство, Насиліе.

Стр. 220. *Титъ открываетъ дверь своей ком-*[illegible]

Въ подлинникѣ говорится о «рабочей комнатѣ». На шекспировской сценѣ ее изображалъ все тотъ же балконъ. Ремарки на стр. 221: Титъ *уходитъ* и *входитъ* обозначаютъ именно тотъ моментъ, когда онъ спускается по внутренней лѣстницѣ.

Стр. 220. Титъ:

. . . Все то, что совершу—
Здѣсь я вписалъ кровавыми чертами.

Въ этихъ словахъ нѣкоторые видятъ указаніе, что рукопись Тита написана его кровью.

Стр. 221. Титъ:

Отъ восхода Гиперіона на востокъ.

Гиперіонъ — въ греч. миѳологіи — названіе Геліоса—солнца.

Стр. 222. Титъ:

И отомщу ужаснѣй я, чѣмъ Прогна.

О Прогнѣ см. пр. къ стр. 196.

Стр. 223. Титъ:

. . . пиръ кровавый,
Ужаснѣйшій, чѣмъ пиршество центавровъ.

Шекспиръ читалъ у Овидія о томъ, какъ на свадебномъ пиру царя лапиѳовъ Пиріѳоя перепившіеся центавры хотѣли похитить невѣсту, но были перебиты.

Стр. 223. Сатурнинъ:

Ужели въ небѣ солнце не одно?

Увидя Луція, Сатурнинъ хочетъ этимъ сказать: неужели въ Римѣ есть повелитель кромѣ меня?

Стр. 223. Титъ.

. . . За то, что стала жертвой
Она стыда, насилья и позора?

Это ошибка Шекспира: дочь римлянина Виргинія не сдѣлалась жертвой насилія, такъ какъ отецъ убилъ ее, чтобы спасти отъ этой участи.

Стр. 224. Маркъ:

Какъ предокъ нашъ, когда Дидонъ...

И такъ далѣе.

Рѣчь идетъ о разсказѣ Энея. Ср. примѣч. къ стр. 209.

Стр. 224. Маркъ:

Скажи, какой Синонъ околдовалъ
Нашъ слухъ.

Опечатка: не Синопъ, а Синонъ, хитрый грекъ, выдумавшій деревяннаго коня, который погубилъ Трою; выдавъ себя за перебѣжчика, онъ склонилъ сердце престарѣлаго Пріама, а затѣмъ предалъ его. Разсказъ о немъ извѣстенъ Шекспиру изъ «Энеиды» (ч. II, 1—250).

Стр. 225. Маркъ:

Да здравствуетъ нашъ римскій цезарь
Луцій!

Маркъ Андроникъ въ качествѣ трибуна говоритъ отъ имени народа.

ДВА ЗНАТНЫХЪ РОДИЧА.

(The two noble Kinsmen).

Стр. 234. Прологъ.

Отъ тѣхъ краевъ, гдѣ вьется По какъ лента,
До береговъ серебрянаго Трента.

То-есть отъ Италіи до Англіи. Трентъ рѣка въ Англіи.

Что Робинъ Гудъ серьезнѣй ихъ стократно.

Робинъ Гудъ — герой древне-англійскихъ народныхъ балладъ, въ XV вѣкѣ соединенныхъ въ одну эпопею. Альманахи при Шекспирѣ нерѣдко печатали эти баллады, но литературными кругами онѣ цѣнились невысоко.

Стр. 235. *За Гименеемъ нимфа съ распущенными волосами и въ вѣнкѣ изъ колосьевъ. За нею Тезей между двумя нимфами въ вѣнкахъ изъ колосьевъ; затѣмъ Ипполита, невѣста, съ распущенными волосами, въ сопровожденіи Пиритоя и другого лица, держащаго надъ нею вѣнокъ.*

По англійскому обычаю того времени, невѣста шла къ вѣнцу съ распущенными косами, а надъ ея головой держали вѣнокъ изъ колосьевъ. Иногда, вмѣсто вѣнка изъ колосьевъ, свадебный вѣнокъ дѣлали изъ цвѣтовъ.

Хоръ воздушныхъ духовъ—птички.

Въ подлинникѣ: «angel of the air», т. е. ангелъ воздуха. Такъ называли птицъ. Это выраженіе встрѣчается у Деккера въ «Virgin Martyr», а также въ «Sad Shepherd» Бенъ Джонсона (актъ II-й, сц. 2-я).

Стр. 235. Первая королева:

Мужья которыхъ пали жертвой злобы
Жестокаго Креона.

Креонъ, царь Ѳивскій, послѣ знаменитаго похода «семи противъ Ѳивъ». не позволившій похоронить убитыхъ.

Стр. 236. Тезей:

Твой мужъ—король былъ славный Капаней.

Капаней—одинъ изъ семи героевъ, принявшихъ участіе въ походѣ противъ Ѳивъ. Онъ палъ во время приступа, пораженный молніей Зевса, за то, что поклялся взять городъ хотя бы противъ воли боговъ. При сожженіи праха его, его жена Эвадна бросилась въ костеръ и сгорѣла вмѣстѣ съ супругомъ.

Стр. 236. Тезей:

Самъ Геркулесъ, мой родственникъ.

Оба они внуки Кроноса, дѣти братьевъ: Геркулесъ—Зевса, Тезей—по нѣкоторымъ преданіямъ—Посейдона.

Стр. 236. Тезей:

Молись у ногъ Беллоны шлемоносной.

Беллона—римская богиня войны.

Стр. 238. Тезей:

У береговъ Авлиды меня ты встрѣтишь.

Авлида мѣстечко на берегу восточной Греціи въ области Беотіи; изъ этого порта отплыли греки въ троянскій походъ.

Стр. 259. Джерольдъ:

Какъ калидонскій вепрь предъ Мелеагромъ.

Мелеагръ — миѳическій герой древней Этоліи, спасшій родную страну отъ страшнаго вепря, насланнаго Артемидой за то, что отецъ Мелеагра Ойней не принесъ ей жертвы.

Стр. 260. Джерольдъ: *Quousque tandem?*

По-латыни: «доколѣ наконецъ».

Стр. 261. Джерольдъ: *Dii boni!*

По-латыни: «Благіе боги!»

Qui passa.

По-итальянски: «Кто идетъ?»

Et opus exegi quod nec Iovis via nec ignis...

По-латыни: «И создалъ я твореніе, которое ни гнѣвъ Юпитера, ни огонь...».

Стр. 262. Джерольдъ: *Cum multis aliis.*

По-латыни: «со многими другими».

Intrate filii!

По-латыни: «войдите, сыновья!»

Dii deaeque omnes!

По-латыни: «всѣ боги и богини!»

Стр. 266. Паламонъ:

. . Заклинаю
Тебя душой кузена твоего.

То-есть Геркулеса, о «двѣнадцати славныхъ подвигахъ» котораго говорится ниже.

Стр. 271. Женихъ:

Иль свѣтлою Иридой, къ намъ съ небесъ
Слетѣвшею...

Ирида въ греч. миѳол.—божество радуги.

Стр. 272. Дочь тюремщика:

Ихъ оскопятъ и сдѣлаютъ пѣвцами.

Кастраты въ качествѣ пѣвцовъ были очень популярны въ Европѣ вплоть до начала прошлаго вѣка; еще въ началѣ XVII столѣтія посланіе папы Климента VIII признало кастрацію для этой цѣли дѣломъ богоугоднымъ («ad honorem Dei»).

ПРОФЕССОРЪ ДЕЛІУСЪ (Nicolaus Delius, 1813—1888).
Знаменитый нѣм. шекспирологъ, одинъ изъ самыхъ авторитетныхъ издателей Шекспировскаго текста.

Стр. 273. Эмилія:

Такъ рѣзвый и прекрасный Ганимедъ
Воспламенилъ любовной страстью Зевса.

Ганимедъ—прекрасный юноша, сынъ царя Троя, похищенный Зевсомъ на небеса.

Нѣжнѣе онъ округленъ, чѣмъ Пелопса плечо.

Пелопсъ—царь и національный герой древней Фригіи,—будучи мальчикомъ, былъ предложенъ въ пищу богамъ, собравшимся на пиръ у отца его Тантала: но небожители раскрыли обманъ и воскресили Пелопса, причемъ съѣденная часть плеча была замѣнена вставкой изъ слоновой кости. Затѣмъ юный Пелопсъ росъ на Олимпѣ среди боговъ и былъ любимцемъ Посейдона.

. Такъ нѣкогда Нарциссъ
Былъ мраченъ и печаленъ, хоть божественъ.

О Нарциссѣ см. прим. къ стр. 339.

Стр. 278. Аркитъ:

Зеленый цвѣтъ Нептуна превращаетъ
Въ багровый...

Война, смѣшивая зеленыя волны моря съ кровью, дѣлаетъ ихъ багровыми.

Сдуваешь яства со стола Цереры.

Война уничтожаетъ пашни: назначеніе римской богини Цереры заключалось въ охранѣ посѣва во всѣ моменты его развитія.

Стр. 278. Паламонъ:

Холодная охотница сама и т. д.

Сама Діана однажды измѣнила своему обѣту безстрастія, когда влюбилась въ красавца Эндиміона.

Стр. 280. Докторъ: *Videlicet.*
По-латыни: «то есть».
Стр. 281. Докторъ: *ipso facto.*
По-латыни: «на самомъ дѣлѣ».

ЭДУАРДЪ III.

(Edward III).

Обычныя въ нашихъ примѣчаніяхъ сопоставленія съ другими пьесами Шекспира и его современниковъ перенесены въ предисловіе къ пьесѣ.

Изъ многочисленныхъ примѣровъ очень свободнаго обращенія пьесы съ географическими данными особенное вниманіе обращаетъ на себя перенесеніе въ Англію знаменитаго *шотландскаго* замка Роксборо.

Въ исторической части пьесы военныя событія длиннаго промежутка 1340—1346 гг. скомканы на пространствѣ одного года.

ВЕНЕРА И АДОНИСЪ.

(Venus and Adonis).

Стр. 338. *Его слегка увлаженную руку.*

Влажность руки, которая здѣсь знаменуетъ жизненную силу, обыкновенно является у Шекспира признакомъ щедрости, любовной преданности, плодородія («Отелло», д. III, сц. 4, «Антоній и Клеопатра», д. I, сц. 2).

Стр. 339.

Такъ самъ себя въ ручьѣ Нарциссъ сгубилъ:
Онъ тѣнь свою, увидѣвъ, полюбилъ.

Точнѣе: «И погибъ, цѣлуя свою тѣнь въ ручьѣ». Овидій («Метаморфозы», III, 339—510), въ передачѣ котораго Шекспиръ читалъ и миѳъ о Нарциссѣ, разсказываетъ, что этотъ прекрасный юноша, никогда никого не любившій, влюбился въ свое отраженіе въ ручьѣ и не могъ оторваться отъ него, отчего и умеръ и обратился въ цвѣтокъ, носящій его имя.

Стр. 340.

Сіяя съ неба, солнце жжетъ побѣдно...

Точнѣе: солнце только тепло, а не жжетъ, какъ только что утверждалъ Адонисъ.

Судья любви, она не клеветникъ.

Будучи судьей въ дѣлахъ любви, Венера не можетъ быть судьею въ своемъ дѣлѣ.

Она кольцомъ объятья замыкаетъ.

Въ подлинникѣ опредѣленнѣе: «Она переплетаетъ свои лилейные пальцы»; свои объятія она называетъ ниже «оградой слоновой кости».

Когда любовь умретъ, ея могила
Должна быть въ нихъ.

Точнѣе: Эти ямки вырылъ Амуръ, и если бы онъ погибъ, онъ могъ бы быть погребенъ въ нихъ, зная, что, покоясь здѣсь, онъ будетъ жить и не сможетъ умереть.

Убитаго убить еще нельзя.

Такъ какъ Венера и раньше была безумна, то она не можетъ стать еще безумнѣе.

Стр. 341.

Но чуть защитникъ сердца онъмѣетъ,—
Разбитое теряется, хиретъ.

«Защитникъ сердца»—языкъ. Въ подлинникѣ онъ прямо названъ адвокатомъ, а сердце—кліентомъ.

Роль хора дивно слезы исполняли
И пантомиму всю истолковали.

Сравненіе взято изъ тогдашняго театра, гдѣ одинъ актеръ, замѣняя древній хоръ, объяснялъ смыслъ пантомимы (какъ напр. въ театрѣ на сценѣ въ «Гамлетѣ»).

Стр. 342.

Твое лицо—источникъ ароматный,
Поитъ любовью запахъ благодатный.

Точнѣе: «Благоуханное дыханіе Адониса исходитъ изъ его устъ, точно искусственный ароматъ изъ дистилляціонной реторты.

Кормилецъ чувствъ другихъ.

Въ подлинникѣ: «остальныхъ четырехъ» (чувствъ кромѣ вкуса).

Стр. 343.

Два голубыхъ окна она раскрыла.

Въ подлинникѣ «подняла». По объясненію Деліуса—эти голубыя окна—вѣки, усѣянныя голубыми жилками.

И сохранитъ всю свѣжесть ихъ расцвѣта,
Чтобъ отгонять заразные года.

Свѣжесть устъ Адониса должна подобно свѣжимъ ароматнымъ растеніямъ, которыя ставили тогда для этой цѣли въ комнатѣ, прогнать заразу въ годы, которымъ грозитъ повѣтріе. И астрологъ, предсказавшій заразу, объясняетъ, что она изгнана оздоровляющимъ дыханіемъ Адониса.

Какой контрактъ для нихъ изобрѣсти?

Какую сдѣлку заключить для того, чтобы ты запечатлѣлъ ее своимъ поцѣлуемъ? Это сравненіе съ печатью продолжается въ концѣ строфы, гдѣ алыя уста Венеры сравниваются съ краснымъ сургучемъ, къ которому Адонисъ долженъ приложить свою печать, чтобы сдѣлка была въ порядкѣ.

Стр. 344.

Ея страданье хуже мукъ Тантала:
Элизіумъ обнявъ, имѣть такъ мало.

Элизіумъ — рай древнихъ — здѣсь олицетвореніе прекраснаго существа. Танталъ—царь фригійскій, за свои преступленія, согласно Гомеру, терпѣлъ въ аду несказанныя муки голода и жажды, стоя среди воды и подъ вѣтвью съ плодами.

На виноградъ рисованный слетаясь,
Бѣдняжки птицы только тѣшатъ глазъ.

Намекъ на извѣстный разсказъ о древне-греческомъ живописцѣ Зевксисѣ, который нарисовалъ виноградъ съ такой обманчивой точностью, что птицы клевали картину.

На вынутой спинѣ его,
Какъ пики, щетина игл.

Описаніе вепря заимствовано въ существенныхъ чертахъ у Овидія.

Стр. 345.

Причину тьмы луна мнѣ объяснила:
То Цинтія стыдится за мечты.

Цинтія одно изъ именъ Діаны луны. Она скрывается во тьму, чтобы не соблазниться Адонисомъ и не нарушить свой обѣтъ дѣвственности.

Монахинямъ себялюбивымъ—вреднымъ.

Одинъ изъ наиболѣе забавныхъ анахронизмовъ великаго поэта: Венера, говорящая о монахиняхъ.

Стр. 346.

Отъ словъ твоихъ, исполненныхъ разврата,
Такъ и пылаютъ уши виновато.

На пословицу, по которой горятъ уши, которыя слышатъ то, чего слышать не должны, намекъ также въ «Много шума изъ ничего» (д. III, сц. 1).

Какъ половой, крикливый, отвѣчаетъ,
Потворствуя капризнымъ острякамъ.

Для объясненія этого стиха Стивенсъ удачно указываетъ на сцену между принцемъ Генрихомъ, Пойнсомъ и лакеемъ Фрэнсисомъ въ I части «Генриха IV» (д. II, сц. 4).

Стр. 347.

Онъ цѣлью былъ стрѣлы любви блаженной,
Не черной смерти, мрачной и презрѣнной.

Мэлонъ видитъ въ этихъ стихахъ намекъ на разсказъ о божествахъ Любви и Смерти, которыя по ошибкѣ перепутали свои стрѣлы.

Стр. 348.

У ней для скорби образовъ обилью:
Всѣ спорятъ, кто скорбь подойдетъ.

Разные виды выраженія страданія соперничаютъ точно въ борьбѣ, кто лучше выразитъ скорбь Венеры.

Какъ будто вѣтеръ, скрытый подъ землей,
Наружу рвется, буйствуя опасно.

Такое же объясненіе землетрясенія—отчасти въ тѣхъ же словахъ—мы находимъ въ I части «Генриха IV» (д. III, сц. 1).

Стр. 349.

Теперь излишни шляпы и вуали.

Стр. 367.

Чума растетъ,- охотой занята комиссія.

Бѣдствіе распространяется, въ то время, какъ должностныя лица, обязанныя заботиться о его прекращеніи, заняты своими забавами.

Стр. 369.

Ты вспоминаешь съ нѣжностью Терея.

Ср. прим. къ стр. 169.

Стр. 370.

Подобно двумъ чистѣйшимъ водоемамъ,
Слоновой кости, женщины стоятъ.

Сравненіе плачущихъ съ обычными въ то время фонтанами-изваяніями, изъ глазъ которыхъ сочится вода, часто встрѣчается у Шекспира.

Стр. 371. *А рѣчь, увы, безсильна, непонятна.*

Слѣдующая строфа, по недоразумѣнію, пропущена въ русскомъ переводѣ; вотъ ея прозаическій переводъ: «Она запечатываетъ письмо, лишь смутно передающее ея опредѣленное горе. Изъ этой краткой записочки Коллатинъ можетъ узнать ея страданіе, но не его истинную сущность: она не можетъ ему раскрыть истину, чтобы онъ не заподозрилъ худшаго зла, пока не омылъ своего оскорбленія кровью».

Стр. 371.

Передъ Троей грековъ станъ; они въ руину
Все обратить грозятъ и Иліонъ.

Иліонъ—укрѣпленное средоточіе Трои, ея кремль.

Стр. 372.

Вотъ тамъ—копье Ахилла замѣняло.

Копье Ахилла было изображено на картинѣ такъ живо и естественно, что было ясно, кто, скрытой въ толпѣ, держитъ его въ рукѣ.

Гдѣ бой кипѣлъ, съ прибрежія Дардана
До Самоиса кровь текла рѣкой.

Дарданъ—городъ въ древней Троѣ у береговъ Геллеспонта, который отъ него получилъ свое нынѣшное названіе Дарданеллы. Симоисъ (а не Самоисъ, какъ въ текстѣ) или вѣрнѣе Симоэнтъ—рѣка въ Троѣ, протекавшая у самаго города.

Стр. 373.

Клятвопреступникъ мерзостный Синонъ.

См. примѣч. къ стр. 224.

А звѣздочки, увидѣвши въ печали
Ихъ зеркало разбитымъ.

«Зеркало звѣздъ»—Иліонъ, крѣпость Троп, который былъ такъ блестящъ, что въ немъ отражались звѣзды. Шекспиръ читалъ объ этомъ въ «Ludgate's Troy Book», которою пользовался для «Тронла и Крессиды».

Вода грозитъ сжечь стѣны Иліона.

Это вода—лживыя слезы Синона, бывшія причиной того пожара, который сжегъ Трою.

Стр. 374.

Въ своемъ гнѣздѣ прибрежномъ лебедь бѣлый
Предсмертный стонъ ихъ высказать спѣшитъ.

Намекъ на повѣрье о предсмертной «лебединой пѣснѣ».

Стр. 376.

Извлекъ кинжалъ изъ страшной раны Брутъ.
Воспрянулъ умъ живой и горделивый.

До сихъ поръ Брутъ для безопасности притворялся передъ Тарквиніями дурачкомъ; теперь онъ схоронилъ свою притворную глупость въ ранѣ Лукреціи—и изъ нея возсталъ его разумъ.

ЖАЛОБА ВЛЮБЛЕННОЙ (A Lover's Complaint).

Стр. 379.

Ея густыхъ волосъ невольный безпорядокъ
Убранство длинныхъ косъ.

Точнѣе: «ея волосы, не разбросанные, но и не связанные въ узелъ».

Бездѣлки цѣнныя: янтарь, жемчугъ, хрусталь,
Она кидала прочь.

Въ подлинникѣ говорится, что корзиночка дѣвушки была отдѣлана янтаремъ, хрусталемъ и гагатомъ.

Стр. 380.

Отъ ѣздока-ли конь пріобрѣталъ свой пылъ,
Иль на конѣ ѣздокъ красивый вдвое былъ?

Точнѣе: «коню ли шли его движенія благодаря всаднику, или искусство всадника зависѣло отъ прекраснаго коня».

Стр. 381.

Служившихъ лишь ему минутною забавой,
Алмазу этому фальшивому—оправой.

Въ подлинникѣ: «опытъ воздвигъ для меня оплотъ, могущій оградить меня отъ его уловокъ и изобличить этотъ фальшивый камень и его любовное бѣшенство».

Стр. 382.

Приблизь-же руку ты прелестную свою,
Которой бѣлизна превыше восхваленья.

Въ подлинникѣ: «которой бѣлизна колеблетъ воздушные вѣсы хваленій».

Цвѣты передъ ея склонялись красотой.

Мэлонъ указалъ, что «цвѣты» здѣсь значатъ «благородные, придворные и поклонники», цвѣтъ молодой знати.

Святой отшельницы смутилъ я жизнь къ несчастью;
Она молилася и умерщвляла плоть.

Вмѣсто *пип*—монахиня, отшельница, нѣкоторыя изданія удерживаютъ текстъ изд. quarto—*sun*—солнце, что противорѣчитъ общему смыслу подлинника.

СТРАСТНЫЙ ПИЛИГРИММЪ (A passionate pilgrim).

Подлинный текстъ начинается съ двухъ сонетовъ, которые вошли въ циклъ сонетовъ подъ нумерами 138 и 144. Сонетъ I, которымъ начинается русскій переводъ, появился ранѣе изданія «Страстнаго пилигримма» въ первомъ изданіи «Безплодныхъ усилій любви» (д. IV, сц. 3). Такимъ образомъ на стр. 151 т. I нашего изданія читатель найдетъ другой переводъ этого стихотворенія; тамъ его читаетъ Лонгвиль.

Стр. 384. *У ручейка сидѣла Цитерея.*

Цитерея—Венера. Полагаютъ, что этотъ сонетъ, равно какъ III и IV, относящіеся къ тому же сюжету, Шекспиръ написалъ ранѣе поэмы «Венера и Адонисъ».

Сонетъ III, въ подлинникѣ написанный не принятымъ для сонетовъ александрійскимъ стихомъ, также входитъ въ «Безплодныя усилія любви» (д. IV, сц. 2).

Стр. 385. *Былъ чудный день, когда на холмѣ крутой.*

Слѣдующій стихъ этого сонета пропалъ.

Застать красавца въ рощѣ отдаленной.

Д-РЪ ФЭРНИВАЛЛЬ (Frederick, James Furnivall Ph. D., р. 1825).
Выдающійся англійскій филологъ и шекспирологъ, основатель «Ново-Шекспировскаго общества» (New Shakespeare Society).

Въ подлинникѣ Адониса, что дѣлаетъ яснѣе положеніе.

Ты слишкомъ рано, роза, отцвѣла

Мэлонъ считаетъ это стихотвореніе погребальнымъ плачемъ Венеры надъ Адонисомъ.

Сонетъ VIII (*Адониса поближе усадивъ*), напечатанный въ 1596 г. въ другомъ сборникѣ, приписанъ былъ Б. Гриффину.

Стр. 386: Сонетъ XII, въ подлинникѣ помѣщенный между V и VI, появился въ 1598 г. въ другомъ сборникѣ, гдѣ озаглавленъ: «Другу м-ру Р. Л. въ похвалу музыкѣ и поэзіи».

Мнѣ милъ языкъ стиховъ и юныхъ музъ;
Тебѣ—языкъ созвучій вдохновенный.

Въ подлинникѣ: «тебѣ милъ Доуландъ. . . . мнѣ — Спенсеръ». Доуландъ — лютнистъ королевы Елизаветы, знаменитый музыкантъ того времени. Спенсеръ — извѣстный поэтъ Елизаветинской Англіи.

Стихотвореніе XIII, XIV, XV, XVII, XVIII, XIX (стр. 388, въ текстѣ по ошибкѣ тоже XVIII; и одно пропущенное (между XVII и XVIII — приведено ниже) объединены въ первомъ изданіи подъ общимъ заглавіемъ: «Сонеты на разные музыкальные мотивы» (Sonnets to Sundry Notes of Music). Oldys сообщаетъ, что они дѣйствительно были положены на музыку Джономъ и Томасомъ Морлеемъ.

Стихотвореніе XIV появилось первоначально также въ «Безплодныхъ усиліяхъ любви», а затѣмъ за подписью Шекспира въ Englands Helicon, гдѣ оно озаглавлено «Пѣсня страстнаго пастуха».

Стихотвореніе XIV появилось впервые съ нотами въ сборникѣ мадригаловъ съ подписью

Ignot и подъ заглавіемъ «Пѣсня неизвѣстнаго пастуха».

Стр. 387.

Коридонъ же едва ли,
Кромѣ слезъ и печали.

Пастушокъ Коридонъ—одно изъ дѣйствующихъ лицъ пасторальныхъ эклогъ Виргилія.

Стихотвор. XVIII, напечатанное въ England's Helicon, подписано *Ignoto*. Въ текстѣ «Страстнаго Пилигрима» ему предшествуетъ пропущенное въ переводѣ (потому что оно еще извѣстно какъ стихотвореніе Марло), стихотвореніе слѣдующаго содержанія: «Живи со мною и будь моей любовью, и мы упьемся всѣми наслажденіями, какія могутъ дать холмы и долины, потоки и поля и горы. Мы будемъ сидѣть на скалахъ и смотрѣть на пастуховъ съ ихъ стадами, на мелкіе ручьи, у которыхъ птички звонко поютъ свои мадригалы. Здѣсь изъ тысячи благоуханныхъ букетовъ я приготовлю тебѣ розовое ложе, шляпу изъ цвѣтовъ и корсажъ, увитый листьями мирты, поясъ изъ соломы и пуговки изъ плюша, коралловыя застежки. Если это можетъ соблазнить тебя, приди жить со мною и будь моей любовью. *Отвѣтъ возлюбленной*: Если бы міръ и любовь были юны, если бы правда была на устахъ всякаго пастуха, эти наслажденія соблазнили бы меня жить съ тобою и быть твоей любовью».

Стихотв. XVIII появилось въ 1598 г. въ сборникѣ Rickard Barnefield's Encomium of Lady Pecunia, а затѣмъ въ England's Helicon за подписью *Ignoto*.

Стр. 388. «*Тéрью... тéрью*»... *средь вѣтвей*.

Нѣкоторые шекспирологи въ звукахъ «терью... терью» (therеu) усматриваютъ звукоподражаніе (Schmidt, Shakespeare-Lexicon); другіе полагаютъ, что соловей (Филомела) взываетъ «Терей! Терей» (Thereus), о которомъ см. примѣч. къ стр. 169.

Умеръ, умеръ бѣдный Панъ.

Ошибка переводчика. Надо: «умеръ царь Пандіонъ». Такъ звали отца Филомелы и Прокны.

Послѣднее стихотвореніе изъ цикла «Страстнаго пилигримма (XVIII, на стр. 388) носитъ также № XVIII, такъ какъ нѣкоторые издатели присоединяютъ его къ предыдущему.

ФЕНИКСЪ И ГОЛУБКА.

Въ сборникѣ Честера (см. стр. 378) стихотвореніе это посвящено памяти сэра Джона Сольсбери.

Стр. 388.

Ты, черный воронъ трехвѣковый,
Одинъ дыханіемъ несешь
Питомцу трауръ твой суровый.

«Трехвѣковый потому, что воронъ живетъ, по повѣрью, три птичьихъ вѣка. Дальнѣйшее—намекъ на то, что воронъ убиваетъ своихъ дѣтенышей.

СОНЕТЫ.

Въ расположеніи сонетовъ современные издатели слѣдуютъ первому изданію, гдѣ порядокъ ихъ представляется совершенно случайнымъ; ни въ чемъ не видно стремленія распредѣлить ихъ по содержанію или по хронологіи. Несмотря на это, нѣтъ недостатка въ попыткахъ приписать обдуманную связь этому произвольному распредѣленію. Такъ, напримѣръ, Эрмитэджъ Броунъ видитъ въ сонетахъ шесть отдѣльныхъ автобіографическихъ поэмъ съ законченнымъ содержаніемъ. Однако, уже во второмъ изданіи сонетовъ (1640) мы встрѣчаемъ совершенно иное расположеніе. Зато здѣсь сонеты или ихъ небольшія группы имѣютъ заглавія—не всегда, впрочемъ, подходящія: «Слава красоты» (сон. 67—69), «Истинное восхищеніе» (сон. 53—54), «Жизнь и смерть» (сон. 145) и т. п.

Стр. 406: Сонетъ 2.

Вотъ, отъ чего твое воспрянуло-бы тѣло;
Вотъ что остывшую-бы кровь твою согрѣло.

Точнѣе: «Ты увидишь свою кровь теплой въ твоемъ ребенкѣ, когда она будетъ холодна въ твоемъ собственномъ тѣлѣ».

Стр. 407. Сонетъ 10 тѣсно связанъ съ предыдущимъ.

Одумайся, чтобъ могъ и я сказать иное.

Здѣсь поэтъ впервые говоритъ отъ своего лица или вѣрнѣе отъ лица того, въ духѣ котораго обращены къ молодому другу эти увѣщанія жениться.

Стр. 408. Сонетъ 11.

Тогда и время бы свой ходъ остановило,
И родъ людской тогда не вдомъ бы изсякъ.

Точнѣе: «Если бы всѣ поступали такъ, какъ ты, время угасло бы и міръ исчезъ бы въ шестьдесятъ лѣтъ».

На то въ тебѣ и знакъ ея печати явленъ.

Въ подлинникѣ: «Она вырѣзала для тебя свою печать, разсчитывая, что ты будешь дѣлать оттиски, чтобы не пропалъ подлинникъ».

Иль безобразными бѣлыя бородами,
Поблекшихъ травъ копны передо мной лежатъ.

Поэтъ сравниваетъ убираніе сноповъ на носилкахъ съ погребальнымъ шествіемъ, а ихъ разстрепанную зелень—съ торчащей сѣдой бородой покойника.

Отъ старца грознаго, съ его косой несытой,
Одно потомство намъ лишь можетъ быть защитой.

Мы можемъ быть безсмертны и безопасны отъ «Времени съ косой», лишь продолжая жить въ нашемъ потомствѣ, которое—продолжаетъ подлинникъ—устоитъ противъ него, когда ты будешь унесенъ имъ».

Сонетъ 13.

Кто опрометчиво допуститъ до крушенья
Свой домъ, имѣя въ немъ надежнѣйшій оплотъ.

Точнѣе: «кто даетъ разрушиться столь прекрасному дому, когда хозяйственная заботливость можетъ съ честью охранить его отъ зимнихъ бурь и неукротимой ярости вѣчнаго холода смерти!»

Сонетъ 15.

И высшій мигъ прекраснаго цвѣтенья—
Вліянье звѣздъ и внѣшній переходъ.

Дейісъ читаетъ въ первомъ стихѣ не state, а stage (сцена) и объясняетъ сообразно съ этимъ: «міръ есть сцена, игру которой можетъ уяснить лишь вліяніемъ звѣздъ».

И падаетъ съ обманчивыхъ высотъ
Въ пустую пропасть смерти и забвенья.

Точнѣе: «и сбрасывающій съ себя внѣшній блескъ, такъ что изглаживается память о немъ».

Стр. 409.

. . *Но я стремлюсь любя,*
Отвоевать у времени тебя.

Точнѣе: «и въ борьбѣ со временемъ, пока оно грабитъ и старитъ тебя, я любовью тебя обновляю».

Сонетъ 16.

Но жертвуя собой, воскреснешь ты
Въ своихъ твореньяхъ.

Профессоръ ЭДУАРДЪ ДОУДЕНЪ (Edward Dowden, р. 1843).

Одинъ изъ наиболѣе выдающихся современныхъ англійскихъ шекспирологовъ.

болѣзни: уксусъ считался продохранительнымъ средствомъ отъ заразительныхъ болѣзней.

Для лести и хулы закрыть мой слухъ
змѣиный.

Мы уже встрѣчали у Шекспира сходные намеки на повѣрье о глухотѣ змѣй.

Сонетъ 113 тѣсно связанъ съ 114.

Такъ вѣрность дѣлаетъ мой зоркій глазъ
невѣрнымъ.

То-есть моя вѣрная душа, переполненная тобою, становится неспособной точно воспринимать что либо, кромѣ тебя—и оттого я могу заблуждаться.

Сонетъ 114.

Пускай въ напиткѣ ядъ,—не такъ великъ
ужъ грѣхъ!
Отраву эту глазъ самъ выпьетъ раньше
всѣхъ,

Глазъ сравнивается съ придворнымъ служителемъ, который подаетъ властелину кушанье и обязанъ предварительно самъ испробовать его: если оно отравлено, онъ терпитъ отъ этого первый.

Стр. 428.

Больнымъ вызванной здоровье поисправить.

Въ подлинникѣ прямо указана эта искусственная болѣзнь: это пріемъ слабительнаго.

Стр. 429. Сонетъ 122.

Твой даръ, врученный мнѣ, твое изображенье.

Рѣчь идетъ въ подлинникѣ не объ изображеніи, а о записной книжкѣ, полученной поэтомъ отъ друга. Поэтому также дальнѣйшій стихъ.

Но могъ ли бъ долго такъ портретъ существовать?

гласитъ дословно: «эта бѣдная книжка не можетъ вмѣстить такъ много»:

Н. В. Гербель перевелъ всѣ 154 сонета. Чтобы дать о нихъ представленье, редакція взяла изъ нихъ пять, не дѣлая при этомъ выбора, такъ какъ сонеты переведены приблизительно одинаково.

Сонетъ 124 связанъ съ сонетомъ 125.

Любовь моя ведетъ свою политику.

Точнѣе: «моя любовь не боится политики».

Зачѣмъ на мнѣ возноситъ нарядный балдахинъ.

Въ подлинникѣ прибавлено «надо мною»; несеніе балдахина надъ высокопоставленной особой было однимъ изъ символовъ ея сана.

Сонетъ 126 имѣетъ въ подлинникѣ всего 12 стиховъ и уклоняется отъ сонетной формы также въ расположеніи рѣмъ.

Стр. 430. Сонетъ 127.

Въ былыя времена смуглянка не считалась
Красавицею.

Объясненіе см. на стр. 400. Съ этого стихотворенія начинаются сонеты, обращенные уже не къ мужчинѣ, а къ женщинѣ.

Печаль такъ краситъ ихъ, что всѣ твердятъ одно:
Чтобъ быть красивой, стать подобной ей должно.

То-есть быть грустной, а не черной.

Сонетъ 128 въ раннихъ изданіяхъ имѣетъ заглавіе: Upon her playing upon the virginals (на ея игру на вирджиналѣ, т. е. спинетѣ или клавикордахъ.

Въ стихѣ:

На этомъ деревѣ благословенно дивномъ—

рѣчь идетъ о клавіатурѣ спинета, тогдашняго первообраза фортепіано.

Сонетъ 131.

Что ты въ моихъ глазахъ прекрасна чернотой.
Не образъ, а дѣла клеймятся клеветой.

Точнѣе: «но ты ни въ чемъ не черна, кромѣ своихъ дѣлъ, и вотъ гдѣ, думается, источникъ общаго злословія».

Стр. 431. Сонеты 133 и 134 связаны по содержанію.

Стр. 432. Сонетъ 138—первое стихотвореніе въ «Страстномъ пилигримѣ» изд. 1599 г. (съ именемъ Шекспира); здѣсь же находимъ сонетъ 144.

Стр. 436. Сонетъ 144.

Отчаяніе и радость утѣшеній
Два духа, два любви моей крыла.

Точнѣе: «у меня двойственная любовь: утѣшеніе и отчаяніе,—сходныя съ двумя духами, искушающими меня».

Стр. 435. Сонеты 153 и 154—очень сходныя—даже въ подробностяхъ—варіаціи одного мотива.

Шекспиръ въ русской литературѣ.

(Библіографическій очеркъ).

I.

Книги и статьи о Шекспирѣ.

1775.

Письмо Англомана (*Н. И. Плещеева*) къ одному изъ Членовъ Вольнаго Россійскаго Собранія.—«Опытъ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Московскомъ университетѣ, часть II» М. 1775 стр. 257—260. Это предисловіе къ помѣщенному далѣе переводу «Монолога» Гамлета. *А. Б. (А. А. Барсовъ).* Отвѣтъ на письмо Англомана. Тамъ-же стр. 262—267.

1786

Н. М. Карамзинъ. Поэзія. (Стихотвореніе).

1787.

Н. М. Карамзинъ. Предисловіе при переводѣ трагедіи В. Шекспира «Юлій Цезарь», М. 1787. стр. 3—7.

1791—92.

(Н. М. Карамзинъ).—въ «Московскомъ Журналѣ». См. XVIII-е письмо изъ Германіи, 1892 г., ч. IV, гл. 2. Перепечатано въ «Письмахъ русскаго путешественника» М. 1797 и позднѣе.

1796.

(И. И. Дмитріевъ). Судъ о Шекспирѣ. Съ французскаго).—«Пріятное и полезное препровожденіе времени». М. 1796. Часть 9-ая, № 4, стр. 49—56.

Его же. Жизнь Шекспирова.—*Тамъ же*, №№ 8, 14 и 15, стр. 114—128, 209—222, 225—231.

1802.

Корифей или Ключъ литературы. Книга II. Мельпомена (Трагедія, стр. 46—47. Дополненія къ трагикамъ, стр. 176—178). Книга III. Талія (Драма, стр. 32—33. Комедія, стр. 104—106).

1805.

Анекдотъ о Шекспирѣ. (Изъ Abeille du Nord)—«Московскій Курьеръ», ч. II, № 29, стр. 37—38).

Н. Грамматинъ. (Съ Англинскаго). О Шекспирѣ.—«Утренняя заря», кн. III, стр. 121—125.

1807.

Александръ Дюваль. Влюбленный Шекспиръ—комедія въ 1 дѣйствіи. Пер. съ фр. Дмитрій Языковъ. Спб. 1807.

1808.

Я. (Д. И. Языковъ). Шекспиръ.—«Драматическій Вѣстникъ», ч. 1, № 21, стр. 174—176.

Англинскія трагедіи (Изъ Suite des souvenirs de Félicie L.) Тамъ же ч. III, № 75, стр. 169—175.

1810.

Шекспиръ.—«Цвѣтникъ» ч. V, № 1, стр. 85—90.

1816

Шатобріанъ. Шекспиръ. Съ франц.—У.—«Вѣстникъ Европы», ч. LXXXIX, № 17 и 18. Сентябрь, стр. 80—109.

1825.

В. Кюхельбекеръ. Шекспировы духи. Драматическая шутка въ двухъ дѣйствіяхъ. Спб. 1825 in 8 X+32 стр. Пьеса въ стихахъ; предисловіе стр. I—X. говоритъ «объ Оберонѣ, Титаніи, Пукѣ, Аріелѣ, Калибанѣ, созданіяхъ Шекспира». Рецензія: «Моск. Телеграфъ» ч. 6, Ноябрь, № XXII, стр. 197—200.

Корнель, Шекспиръ и Альфіера (съ французскаго).—«Московскій Телеграфъ», ч. I, февраль, № III, стр. 203—207.

Непомуценъ Лемерсье. Замѣчанія о хорошихъ и дурныхъ нововведеніяхъ въ драматическую поэзію.—Тамъ же, ч. 4, іюль, №№ XIII и XIV, стр. 30—43 и 119—129.

1827.

Гизо. Характеристика трагедій Шекспировыхъ. (Изъ жизни Шекспира). Единство дѣйствія. Съ франц. *Сомовъ.* «Сынъ Отечества», ч. 113, № IX. (Отд. II, Иностранная словесность, стр. 45—63. Ср. 1828 г.

1828.

(С. Шевыревъ) Chefs-d'oeuvre de Shakespeare, traduits conformément au texte, par feu Brugère

Baron de Sorsum. (Избранныя творенія Шекспира; переводъ Брюгіера, Барона де Сорсумъ. Парижъ) «Московскій Телеграфъ», ч. 21, № 11. Іюнь, стр. 339—364. Переводъ изъ Le Catholique; О Шекспирѣ. «Макбетъ» и «Коріоланъ».

Нѣмецкая литература.—Тамъ же, ч. 22, № 13, іюль, стр. 91—93. О нѣмецкихъ изданіяхъ Шекспира (въ подлинникѣ) и иллюстраціяхъ къ нему.

Гизо. О поэзіи Драматической и Шекспирѣ. (Извлечено изъ жизни Шекспира, напечатанной при новомъ изданіи твореній Шекспира на французскомъ языкѣ). Перев. *П.*—«Атеней», ч. 1, № 4, стр. 1—32. Ср. 1827 годъ.

1830.

Фридрихъ Шлегель. Исторія древней и новой литературы. Спб., 1830, часть II. (О Шекспирѣ—глава XII, стр. 143—150).

Графъ Альфредъ де Виньи. Письмо къ Лорду***, Графу*** (Съ французскаго перев. *Т.*)—«Моск. Телеграфъ». ч. 36, № 24, декабрь, стр. 423—463. Письмо «о драматической реформѣ», служившее предисловіемъ къ французск. переводу «Отелло».

Ив. Кронебергъ. Объ историческихъ трагедіяхъ Шекспира — «Московскій Телеграфъ», ч. 31, № 4, стр. 488—494. Перепечатана въ его «Брошюркахъ» (см. ниже, № II, стр. 32—44) и «Минервѣ» 1835.

Брошюрки, издаваемыя *Ив. Кронебергомъ* № II Харьковъ, 1830, стр. 44—48. Гомеръ и Шекспиръ. Макбетъ. Купецъ Венеціанскій. Историческія пьесы Шекспира (см. выше). Сновидѣніе въ лѣтнюю ночь.—См. ниже, «Минерва» 1835 г.

Объ историческихъ драмахъ Шекспира—«Атеней», ч. 4, ноябрь и декабрь, стр. 127—177. О пьесахъ: «Ричардъ II», «Король Іоаннъ», «Ричардъ III», «Генрихъ IV», «Генрихъ V» и «Генрихъ VI».

1831.

Брошюрки, издаваемыя *Ив. Кронебергомъ*. № IV Харьковъ 1831. Макбетъ — стр. 5—83. Статья не была окончена; перепечатана въ 1835 г. въ «Минервѣ».

Тоже, № VII. Харьковъ, 1831. Отрывки: Зимняя сказка Шекспира, Король Лиръ, Король Ричардъ II—д. V, явл. 3. Стр. 28—37.

Баронъ Экштейнъ. О драматической поэзіи въ Англіи до Шекспира и о Шекспировской Драмѣ—«Московскій Телеграфъ», ч. 40, №№ 13 и 14. Іюль. стр. 63—93 и 214—242.

1833.

А. Н—ко: О переводѣ Шекспира—«Сѣверная Пчела», № 70. Фельетонъ. Смѣсь стр. 277—278. О предпринятомъ новомъ переводѣ Шекспира *В. Якимова*, издающемся Сирдинымъ. Вып. I «Лиръ», «Венеціанскій купецъ».

Жизнеописаніе Шекспира.—«Сынъ Отечества». т. XXXVII, № XXIX и XXX стр. 168—199.

Шекспиръ какъ Драматикъ. Перев. съ нѣмецкаго *Арсеньева*.—Тамъ же, т. XXXIX, № XLIII и XLIV, стр. 145—169.

А. С. Пушкинъ. Замѣтки 1833, IV, «Шайлокъ, Анджело и Фальстафъ, Шекспира». Сочиненія Пушкина.

1835.

Ив. Кронебергъ. Шекспиръ.—«Минерва» Ивана Кронеберга. Харьковъ, часть вторая», стр. 119—208. *Содержаніе.* Историческія пьесы Шекспира, стр. 119—127. «Сонъ въ лѣтнюю ночь», стр. 128—132. «Зимняя сказка», стр. 133—134. «Макбетъ», стр. 135—208. См. 1830 г.

Допросъ Шекспира, обвиняемаго въ воровствѣ.—«Библіотека для чтенія», т. VIII. Смѣсь стр. 75—81.

Шекспиръ по *Гете.*—«Московскій наблюдатель», ч. II, май, кн. I, стр. 34—53.

1837.

Шатобріанъ. Шекспиръ Изъ Essai sur la littérature anglaise.—«Сынъ Отечества», ч. CLXXXVI. Отд. II. Науки и искусства, стр. 302—318 и 438—459. 1) Вѣкъ Шекспира. 2) Поэты и писатели, современники Шекспира. Жизнь Шекспира. Шекспиръ въ числѣ пяти или шести высшихъ геніевъ.

Новая драма.—«Московскій Наблюдатель», ч. 12, май, книжка II. «Журнальныя Отмѣтки», стр. 259—261.

Ph. Chasle. Драматическіе нравы XVI столѣтія. Перев. *М. Строевъ.* Тамъ же, стр. 215—245. § I. Входъ въ театръ. (Генрихъ VIII, трагедія Шекспира. Театръ Глоба снаружи и пр. д. § II. Внутренность театра. § III, Зрители, § IV. Первое дѣйствіе. («Генрихъ VIII», и пр.) § V. Подробности нравовъ.)

Жизнь Шекспира. Приключеніе изъ его жизни. Его любовныя похожденія. Его меланхолія. Обвиненія противъ его характера. Сонеты. Ричардъ III.

СИДНИ ЛИ. (Sidney Lee, p. 1859).
Авторъ самой авторитетной теперь англ. біографіи Шекспира.

П. А. Плетневъ, Шекспиръ.—«Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду», № 46, стр. 430—434 и «Сочиненія и переписка» П. А. Плетнева, изд. Я. Грота. Спб. 1885. Томъ I, стр. 298—299. Разборъ трехъ переводовъ: «Отелло» Ив. Панаева, «Макбета» М. Вронченко и «Гамлета» Н. Полевого.

Приключеніе Шекспира.—«Фантастическія чудеса» повѣсти и разсказы Бальзака, Гете, Проспера, Дино» М. 1837.

1838.

Проф. Иванъ Давыдовъ. Чтеніе о словесности. Курсъ четвертый М. 1838. «Чтеніе LV». Драма Англійская и Испанская. - Стр. 199—236.

англійскій (1599 г.). Генрихъ VI, король англійскій. Первая, вторая и третья части (1589 — 1591 г.). Жизнь и смерть Ричарда III (1597 г.). Генрихъ VIII (1601 г.).

Статья 3. Комедіи: Венеціанскій купецъ. Виндзорскія проказницы (1601 г.). Буря (1611 или 1612).

Эдмондъ Кинъ. Тамъ же т. XVII, кн. 10 (Отд. IV. Современное. II. Театръ, музыка и искусства. (Ст. 19—30).

Эдмондъ Кинъ и мистриссъ Сиддонсъ.—«Пантеонъ», т. XIV, кн. 4 (Отд. IV. Современное. II. Театръ, музыка, искусства. Стр. 13 — 20) и т. XV, кн. 5, стр. 5—9.

А. Разинъ. Уильямъ Шекспиръ. «Журналъ для дѣтей», № 30 (Стр. 476 — 480). Перепечатано въ «Историческихъ разсказахъ и біографіяхъ». Чтеніе для дѣтей старшаго возраста. А. Е. Разина. Изд. М. О. Вольфа. Спб. 1860 и 1870. Стр. 90—97.

1855.

В. Н. Б—нъ. (Боткинъ). Первые драматическіе опыты Шекспира. — «Современникъ» т. L, № III. Мартъ (Отд. II, стр. 1 — 36). По *Гервинусу* (продолженіе; начало см. 1853 г.). Содержаніе: 1) Титъ Андроникъ и Периклъ. 2) Генрихъ VI. 3) Комедія ошибокъ и Укрощеніе строптивой. Перепечатано въ «Сочиненіяхъ» В. Боткина. Спб. 1891 г., т. II. (Пантеонъ Литературы, 1891 г., т. I).

1856.

В. Б. (В. П. Боткинъ). Героическое значеніе поэта. (Изъ *Т. Карлейля*). «Современникъ»; т. LV, № 2. Февраль. (Отд. II. Стр. 92—104). Перепечатано въ «Сочиненіяхъ» Боткина. Спб. 1891 т. II. (Пантеонъ Литературы 1890 г. № 10).

А. В. Дружининъ. Пэйнъ Колльеръ, комментаторъ Шекспира, и новое важное открытіе, имъ сдѣланное.—«Библіотека для Чтенія» т. 140, Ноябрь (отд. II. Науки. Стр. 1—249. Перепечатано въ «Собраніи сочиненій А. В. Дружинина. Спб. 1865 т. V. (Стр. 534 — 555). Рецензія «Журн. Минист. Нар. Просв. 1857 г. ч. XCIV. № 6. Стр. 194—196.

Я. Т. (Я. Туруновъ). Сочиненія Шекспира, изданныя и объясненныя докт. *Деліусомъ*. Поэмы и сонеты Шекспира во французскомъ переводѣ. Шекспиръ—мифъ! Стихотворенія современника Шекспира. «Русскій Инвалидъ», № 235 (Фельетонъ).

О впечатлѣніи трагедіи древней и новой. Рѣчь *С. Лебедева*, произнесенная 20 іюня 1855 года, въ торжественномъ собраніи, по случаю 8-го выпуска студентовъ Главнаго Педагогическаго Института.—«Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», № 9 ч. LXXXVII. (Стр. 141—171) и отдѣльный оттискъ: Спб. 1855. 8 д. л. 31 стр. Разборъ трагедій: «Ричардъ III» и «Макбетъ».

Написалъ ли актеръ Вильямъ Шекспиръ всѣ драмы, которыя извѣстны подъ его именемъ.—«Пантеонъ», т. XXVI, кн. 3. (Отд. XI. Современное. V. Мелкія извѣстія. Стр. 47).

Е. В. Феоктистовъ. Вильменъ о предшественникахъ Шекспира. «Русскій Вѣстникъ», т. V, Октябрь, книга 2 (№ 20. Отд. II. Стр. 282—293).

Аполлонъ Григорьевъ. О правдѣ и искренности въ искусствѣ. «Русская Бесѣда» № 3. Перепечатано въ Сочиненіяхъ Ап. Григорьева. Спб. 1875. Томъ I.

1857.

Е. П. Новиковъ. Шекспиръ въ трагедіи его: Юлій Цезарь. «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», ч. XCV — XCVI, №№ 9, 11, 12. Авторъ даетъ сначала краткія біографіи Шекспира и Вольтера и характеристику ихъ творчества, затѣмъ сравниваетъ трагедію Шекспира съ трагедіей Вольтера: «Смерть Цезаря».

Случай изъ жизни Шекспира. — Общезанимательный Вѣстникъ», № 1. Стр. 21—23.

Н. Г. Чернышевскій. Лессингъ, его время, жизнь и дѣятельность. Спб. 1857. Раньше печаталось въ «Современникѣ» 1856—57 гг. Перепечатано въ книгѣ «Эстетика и поэзія». Спб. 1892.

Стратфордъ на Авонѣ (Съ англійскаго). О Шекспирѣ.—«Библіотека для Чтенія», № 7, т. CXLIV. (Стр. 80—99).

Матеріалы для Шекспировой литературы. — «Русскій Инвалидъ» № 174.

«Исторія вліянія Шекспира на французскій театръ». *А. Лакруа.* (Рецензія).—«Современникъ», № 2, т. LXI. Стр. 355—357.

1858.

Орестъ Миллеръ. О нравственной стихіи въ поэзіи. Спб. 1858.

П. П. Два слова о Шекспирѣ.—«Общезанимательный Вѣстникъ» № 8, стр. 390—392.

Неизвѣстный портретъ Шекспира. «Иллюстрація», т. I, № 23, стр. 363.

К. Званцовъ. Дебютъ г. Айра-Элдриджа въ Отелло Шекспира. — «Театральный и Музыкальный Вѣстникъ», № 45, стр. 530—531.

—Айра-Элдриджъ. I. Отелло. II. Венеціанскій купецъ. Тамъ же, № 46, стр. 542 — 546.—III. Біографическій очеркъ. — Тамъ-же, № 47, стр. 555 — 558. IV. Король Лиръ. V. Макбетъ.— Тамъ же, № 48. стр. 565 — 567. Отдѣльно: Спб. 16 д. л. 34 стр. См. 1861 г.

—Король Лиръ. — Тамъ-же, №№ 49 и 50, стр. 577—579 и 589 — 591. О первомъ представленіи «Короля Лира» въ переводѣ А. В. Дружинина въ Александринскомъ театрѣ, въ бенефисъ Самойлова,

—Бенефисъ г. Айра-Олриджа.—Тамъ-же, № 51, стр. 602—603.

1859.

П. Шпилевскій. Влюбленный Шекспиръ, комедія въ I д. «Театральный и Музыкальный Вѣстникъ», т. I, № 6. — «Театральная лѣтопись». Бенефисъ г. Мартынова, стр. 48.

С. Яковлевъ. Уильямъ Шекспиръ. «Дѣтскій Журналъ», издаваемый Б. Залѣсскимъ, т. II, кн. 5. стр. 60—81.

Вл. И. Родиславскій. Шекспиръ въ русскихъ переводахъ.—Тамъ-же, кн. 6, стр. 141—149.

С. Уваровъ. Марло, одинъ изъ предшественниковъ Шекспира. — «Русское Слово», №№ 2 и 3, стр. 5—53 и 221—284.

1860.

М. Л. Михайловъ. Современники Шекспира. д. Джонъ Фордъ.—«Русское Слово», VIII (Августъ. Отд. II. Иностранная литература, стр. 76—94). По книгѣ *Боденштедта* (Er. Bodenstedt): Shakespeare's Zeitgenosssen und ihre Werke. In Charakteristiken und Uebersetzungen. Zweiter Band, John Ford. Berlin. 1860).

А. Линниченко. Курсъ исторіи поэзіи для воспитанницъ женскихъ институтовъ и воспитанниковъ гимназій. Кіевъ, 1860. О Шекспирѣ стр. 299 — 313.

Вильямъ Шекспиръ. Кое-что о его жизни и твореніяхъ. Меркурій Модъ, № 4, стр. 61—63.

Шекспиръ (Изъ лекцій *Авг. Шлегеля*).—«Искусства», № 5.

1861.

Женскіе типы Шекспира: Офелія и Джульетта—Разсвѣтъ, т. XII, № 12. (Библіографія, стр. 1—20). По поводу книгъ: 1) Гамлетъ, перев. Кронеберга. Изд. 2-е. М. 1861. 2) Ромео и Джульетта, перев. И. Росковшенко. М. 1861.

К. Званцовъ. Аира-Эльдриджъ. Очеркъ его жизни и представленій. Одесса. 1861. 8 д. л. 29 стр.

Перепечатка статьи 1858 г.

1862.

Гарусовъ. Очерки литературы древнихъ и новыхъ народовъ. Выпускъ I. Поэзія драматическая М. 1862. Шекспиръ и его драма, имѣющая всемірное значеніе—стр. 118—144. 2-е изданіе см. 1890 г.

Новое открытіе въ Шекспировской драмѣ. «Библ. Чтенія», № 3, т. CLXX, стр. 43—56.

Значеніе Шекспира по толкованію *Гервинуса.*—«Отечественныя Записки», № 6.

А. Н. Баженовъ. Ольриджъ на Московской сценѣ.—«Московскія Вѣдомости», № 234. Ольриджъ въ пьесахъ: «Отелло», «Венеціанскій купецъ» и «Лиръ».—Перепечатано въ «Сочиненіяхъ» Баженова (см. 1869 г., т. I).

Куно-Фишеръ. Исторія новой философіи 4 т. Перев. Н. Н. Страхова. Спб. 1862—64.

1862—1875.

Гервинусъ. Шекспиръ. Перевелъ со второго изданія *Константинъ Тимофѣевъ.* 3 т. Спб. 1864—1872.—Изд. книгопр. Д. Ѳ. Ѳедорова, 2-е. 4 т. 1878. Цѣна 8 руб. Первое изданіе выходило выпусками (т. I, вып. 1—4; т. II, вып. 5—8) и не было закончено (вышелъ т. III. и 1-й вып. т. IV въ 1875 г.). Приводимъ содержаніе изд. 1878 г.

Томъ I. Предисловіе. (Стр. 9—16). Введеніе (17—50). Шекспиръ въ Стратфордѣ (51—70). Описательныя поэмы Шекспира (71—85). Шекспиръ въ Лондонѣ и на сценѣ (86—88). Драматическая поэзія до Шекспира (89-147). Сцена (148—178). *Первыя* драматическія попытки Шекспира (179—250). Титъ Андроникъ и Перикль, Генрихъ VI, Комедія ошибокъ и Укрощеніе строптивой. *Второй* періодъ драматической поэзіи Шекспира (251—364): *Эротическія пьесы* (Два веронца, Напрасныя усилія любви и Все хорошо, что хорошо кончилось, Сонъ въ лѣтнюю ночь).

Томъ II. Эротическія пьесы (Ромео и Джульетта, Венеціанскій купецъ. Стр. 1—73). *Историческія* пьесы (Ричардъ III, Ричардъ II, Генрихъ IV, ч. 1 и 2, Генрихъ V, Король Іоаннъ. Стр. 92—273). *Комедіи* (Виндзорскія кумушки, Какъ вамъ угодно. Много шуму изъ пустого, Двѣнадцатая ночь, или Что хотите. Стр. 282—383).

Томъ III. Шекспировы *сонеты.* (Стр. 5—58). *Третій* періодъ драматической дѣятельности Шекспира (59—133): Мѣра за мѣру, Отелло, Гамлетъ, Макбетъ, Король Лиръ (74—326).

Томъ IV. Цимбелинъ. Троилъ и Крессида, Юлій Цезарь, Антоній и Клеопатра, Коріоланъ, Тимонъ Аѳинскій, Буря. Зимняя сказка, Генрихъ VIII (5—299). Шекспиръ (300—376). Его вѣкъ (377—392). Нравственный духъ его сочиненій (393—403). Драматическіе роды (404—426). Основныя черты его нравственнаго воззрѣнія (427—473).

Рецензіи на Гервинуса: 1862 г. 1) «Отеч. Записки», № 6, 2) «Библіот. для Чтенія», № 3, 3) *Н. Х-ій.* «Сѣверная Пчела», № 103. *1864 г.*; 4) *Д. Аверкіевъ.* «Эпоха», № 5. 5) «Книжн. Вѣстникъ», № 1. *1866 г.*: 6) «Недѣля», № 21.

1863.

Шекспиръ. *Андрей Филоновъ.* Русская христоматія, съ примѣчаніями. Томъ III. Драматическая поэзія. Спб. 1863, стр. 266—359. Кромѣ отрывковъ изъ «Гамлета» и «Короля Лира», сюда вошли слѣдующія статьи и замѣтки: 1) Біографія Шекспира. Исчисленіе трагедій и комедій Шекспира. Характеръ его трагедій. (Отзывы *Гервинуса, Карлейля, Карамзина, Вольтера, Фридриха Великаго.*) Изданія Шекспира. Сочиненія и статьи о Шекспирѣ. Переводы Шекспира, стр. 266—273. 3) Характеристика Гамлета. Изъ *Гервинуса* (перев. г-жи *Никитенки*), *Вольтера, Гизо,* стр. 315—331. 3) Король Лиръ (изъ *Дружинина, Гизо*). Сравненіе «Короля Лира» съ «Эдипомъ въ Колонѣ» (изъ *Гарусова*). (Стр. 347—359).

Слѣдующія изданія «Русской христоматіи (т. III) вышли въ 1865, 1869, 1874, 1883 и 1898 гг. (см. 1808 г.

1864.

a) Газетныя статьи.

О замѣчательныхъ портретахъ Шекспира, находящихся въ Россіи. «Голосъ», № 75.

Всемірное значеніе Шекспира. «Голосъ», № 111.

Ив. Тургеневъ. Праздникъ въ честь Шекспира (Фельетонъ). «С.-Петербургскія Вѣдомости», № 89, стр. 359.

А. Галаховъ. Шекспиръ въ Россіи (Фельетонъ). Тамъ-же, стр. 359—360.

И. Говоровъ. Шекспиръ въ новой исторіи англійской литературы *Тэна.* (Фельетонъ). Тамъ-же, № 88, стр. 355-356.

Трехсотлѣтній юбилей Шекспира.—Театральныя афиши и Антрактъ. М. 1864 Вторникъ, 28 января (Смѣсь, стр. 5—6).

Гейне. «Шекспировскія женщины». (Съ нѣм. А. Плещеевъ). I. Офелія. II. Дездемона. Тамъ-же, Воскресенье 9 февраля. III. Екатерина Аррагонская. IV. Анна Боленъ. Тамъ-же, № 10 февраля.

П. К. Празднованіе трехсотлѣтія для рожденія Шекспира. Тамъ-же, Суббота 11 апрѣля.

(*А. Н. Баженовъ*). Апотеозъ Шекспира. (Разговоръ въ стихахъ). Тамъ-же. Перепечатано въ «Сочиненіяхъ и переводахъ» Баженова. М. 1870, часть II.

Б. Родиславскій. Русскіе переводы. Тамъ-же ср. 1869 г.

И. М. Празднованіе трехсотлѣтней годовщины дня рожденія Шекспира. Тамъ-же, 30 апрѣля.

Памяти Шекспира. Тамъ-же, 24 іюля.

А. Д. Спектакль въ Лондонѣ, въ 1613 году.—Тамъ-же, Четвергъ 12 ноября.

Послѣдній Шекспировскій праздникъ въ Англіи.—«Сѣверная Почта», № 95.

b) Журнальныя статьи.

(Въ алфавитномъ порядкѣ журналовъ).

Петербургская сцена. Предвкусіе Шекспировскаго праздника. «Библіотека для Чтенія», т. 182, Мартъ, стр. 73—74.

Общественныя замѣтки. Юбилей Шекспира въ Петербургѣ. Тамъ-же. Апрѣль и Май, стр. 27—34.

Генрихъ Гейне о Шекспирѣ. «Журналъ для родителей и наставниковъ, т. I № 12 (отд. II, стр. 225—242). Предисловіе и переводъ изъ книги Schakospeares Mädchen und Frauen mit Erläuterungen von Heine» введенія и двухъ характеристикъ 1. Юлія (Ромео и Юлія). 2. Корделія (Король Лиръ).

Шекспиръ. (По *Тэну*)—«Заграничный Вѣстникъ». т. II, вып. 4 и 5, стр. 67—98,, 297—324).

Значеніе Шекспира по толкованію *Гервинуса*. Мнѣніе англичанъ о Гервинусѣ, какъ истолкователѣ Шекспира — «Отечественныя Записки», т. LIII, № 3, стр. 179—216. Статья изъ «Westminster Review», написанная по поводу перевода 1863 г. книги Гервинуса о Шекспирѣ на англійскій языкъ.

Готорнъ. Родина Шекспира и миссъ Бэконъ. (Изъ Очерковъ Англіи). Тамъ-же, № 4, стр. 653—671. Изъ книги Готорна: «Our old Home». Здѣсь говорится о миссъ Деліи Бэконъ, какъ авторѣ книги: «The Philosophy of the Plays of Shakespeare unfolded (London 1857), (См. выше Бэконъ-Шекспировскій вопросъ).

Годовщина рожденія Шекспира. Шекспировскій праздникъ. Переписка *Виктора Гюго* съ шекспировымъ комитетомъ въ Лондонѣ. «Русская Сцена», т. II. № 3 (Театральная и музыкальная лѣтопись; стр. 95—98).

А. Галаховъ. Шекспиръ въ Россіи.—«Русская Сцена», т. II, № 4. (Исторіи театра и музыки, стр. 70—85). См. выше «Спб. Вѣдомости».

А. Сѣровъ. По случаю трехсотлѣтняго юбилея Шекспира (Письмо къ Аполлону Григорьеву). — Тамъ-же стр. 86—98.

Юбилей Шекспира.—Тамъ-же (Театральная и музыкальная лѣтопись, стр. 161—183).

Имя Шекспира. Тамъ-же, стр. 242.

Генрихъ Гейне. Виліамъ Шекспиръ (переводъ Ѳ. Устрялова). «Русская Сцена», т. III. № 5 (Исторія театра и музыки, стр. 1—37). Предисловіе къ статьѣ Г. Гейне о «Дѣвушкахъ и женщинахъ Шекспира».

Переводъ Шекспира.—Тамъ-же (Театр. и муз. лѣтоп., стр. 63—64). О переводѣ Шекспира на франц. языкъ. Фр. Гюго.

Представленіе «Отелло» въ Америкѣ.—Тамъ-же, стр. 74—75.

Потомки Шекспира.—«Рус. Сцена», т. III, № 6 (театр. и муз. лѣтопись, стр. 161).

А. К. Ольриджъ на Ростовской сценѣ.—«Русская Сцена», т. III, № 7 (Театральное обозрѣніе, стр. 14—119).

Викторъ Гюго. Глава изъ книги. «Виліамъ Шекспиръ». Извлеченіе *Н. М.* «Русская Сцена), т. V, № 9. Исторія театра и музыки стр. 9—24). Извлеченіе изъ главы: Шекспиръ. Его жизнь.

Собраніе Шекспирова общества. Школа въ память Шекспира. «Рус. Сцена», т. V, № 9 (Театр. обозрѣніе, стр. 94).

Викторъ Гюго. Шекспиръ. Переводъ *Г. Щербачева* (отрывокъ).—«Русская Сцена», т. VI, № 12 (Исторія театра и музыки, стр. 25—86).

Н. Тихонравовъ. Шекспиръ.—Русскій Вѣстникъ, т. 50, № 4 (Апрѣль, стр. 735—752). Отдѣльный оттискъ. М. 1864, 18 стр. Рѣчь, прочитанная въ публичномъ собраніи Московскаго университета 23 апрѣля, по случаю трехсотлѣтней годовщины рожденія Шекспира.—Перепечатана въ «Сочиненіяхъ Н. Тихонравова (см. 1898 г.).

Дм. Аверкіевъ. Вильямъ Шекспиръ.—«Эпоха», №№ 5 и 6, стр. 218—246 и 193—221). *Статья I.* I. Г. Гервинусъ о Шекспирѣ. («Шекспиръ» Гервинуса. Перевелъ съ 2-го изданія К. Тимофѣевъ. Спб. 1864). II. Шекспировское торжество въ Петербургѣ. («Шекспиръ въ Россіи» рѣчь А. Д. Галахова. Рѣчь И. С. Тургенева о Шекспирѣ), *Статья II.* III Викторъ Гюго о Шекспирѣ. (William Shakespeare par V. Hugo. Paris 1864. IV. Вильямъ Шекспиръ. (The plays and poems of W. Shakespeare. «Sonnet de Shakespeare. Francois Vutor Huge traducteur. Paris. 1857).

c) Книги.

1. Гейне. Женщины и дѣвушки Шекспира (1838). Перев. *Ѳ. Н. Устрялова. Гейне*: 1) Сочиненія. Подъ редакціею П. И. Вейнберга Изд. Базунова. Спб. 1864. Томъ III. 1) Изд. 2-е. Спб. 1875. Томъ III. 2) Полное собраніе сочиненій, подъ ред. П. В. Быкова. Изд. товарищества М. О. Вольфъ. Томъ VII. Спб. 1900, стр. 131—259. Служило приложеніемъ къ журналу «Новый Міръ» за 1899—1900 гг.

Трагедіи. Крессида, Кассандра, Елена (Троилъ и Крессида). Виргилія (Коріоланъ). Порція (Ю. Цезарь). Клеопатра (Антоній и Клеопатра). Лавинія Т. Андроникъ). Констанца (Король Іоаннъ). Лэди Перси (Генрихъ IV). Принцесса Екатерина (Генрихъ V) I. д'Аркъ, Маргарита (Генрихъ VI, ч. I). Королева Маргарита (Генрихъ VI, ч. II и III). Лэди Грэй (Генрихъ VI, ч. III). Лэди Анна (Ричардъ III). Королева Екатерина, Анна Буллонъ (Генрихъ VIII). Лэди Макбетъ. Офелія. (Гамлетъ). Корделія (Король Лиръ) Джульетта (Ромео и Джульетта). Дездемона (Отелло) Джессика. Порція (Венеціанскій купецъ). (*Комедіи*).

1865.

Переводная драматическая литература въ 1864 г.—Эсхилъ.—Шекспиръ.—Пособіе для изученія его. «Русская Сцена», т. I, № 1 (Современное обозрѣніе. Пріобрѣтенія нашего театра въ 1864 г., глава II, стр. 57—63).

Викторъ Гюго. Послѣ смерти (Изъ книги «Виліамъ Шекспиръ»). Переводъ М. И. М—вой—«Русская Сцена, т. I, № 3, стр. 533—548).

Зритель. Трагикъ Ольриджъ и его представленія въ Казани (Письмо къ редактору)—«Русская Сцена», № 4—5 Современное театральное обозрѣніе, стр. 97—113).

(А. Н. Баженовъ). Продолжать-ли?—Театральныя афиши и Антрактъ, № 30 (5 февраля, стр. 4—5). Перепечатано въ «Сочиненіяхъ» Баженова, т. I (см. 1869 г.).

А. Д. (А. Н. Баженовъ). 11 (23) апрѣля.—Тамъ-же, № 42. (11 апрѣля, стр. 2—3). Перепечатано въ «Сочиненіяхъ» Баженова, т. I (см. 1859 г.).

Отто Бухвальдъ. О воплощеніи духа въ «Макбетѣ и «Гамлетѣ». Перев. *О. Г.* Тамъ-же №№ 64. и 65.

Мери и Чарльзъ Ламбъ. Шекспиръ, разсказанный дѣтямъ. Переводъ съ англійскаго. М. 1865. 12. Стр. 8+240. Ц. 50 коп. Буря. Сонъ въ лѣтнюю ночь. Зимняя сказка. Много шуму изъ ничего. Какъ вамъ это нравится. Два веронца. Шейлокъ, Венеціанскій купецъ. Макбетъ. Все хорошо, что имѣетъ хорошій конецъ. Комедія ошибокъ. Цимбелинъ. Гамлетъ, принцъ датскій. Мѣра за мѣру. Отелло. Обѣщанный *второй* выпускъ не вышелъ въ свѣтъ.—См. 1900 г.

Рецензіи: 1) Антрактъ 1865 г. № 67. 2) Учитель 1866 г. № 5—6. 3) Библіографич. Указатель 1869 г. № 7—8. 4). Что читать народу? Спб. 1884 (Отд. IV, стр. 143).

1866.

Литературная лѣтопись. II. Иностранная литература. «Отечественныя Записки», т. 169 (Ноябрь, книжка первая, стр. 65—73). Отзывъ о 7 англійскихъ книгахъ: 1) Сочиненія Уильяма Шекспира, изданныя Уильямомъ-Джорджемъ Клэркомъ и Уил-

Ал. Райтомъ (W. G. Clarke and W. A. Wright). Томъ IX. 1866. 2) Произведенія Шекспира, изданныя Р. Г. Райтомъ (R. G. Wright). Томъ I. 1865. 3) Жизнь и геній Уильяма Шекспира, Ричарда Гранта Райта (R. G. Wright). 1865. 4) Шекспиръ: его внутренняя жизнь, сказавшаяся въ его твореніяхъ, Джона Герода (l. A. Heraud). 1865. 5). Сочиненія Уильяма Шекспира. Текстъ просмотрѣнъ Александромъ Дайсомъ (A. Dyce). 8 томовъ. Второе изданіе. 1864—65. 6) Біографія и библіографія Шекспира, Генри Бона (H. G. Bohn). 1864. 7) Жизнь и геній Шекспира, Томаса Кеннея (Th. Kenney). 1864.

Шекспиръ подъ перомъ *Гюго* и *Ламартина*.—«Голосъ», № 172.

(А. Н. Баженовъ). По поводу близкаго будущаго. Антрактъ, № 31 (14 августа). О постановкѣ пьесъ Шекспира.—Перепечатано въ «сочиненіяхъ» Баженова, т. I (см. 1869 г.).

Историческія драмы. (Введеніе къ «хроникамъ»). Полное собраніе драматическихъ произведеній Шекспира, изд. Н. В. Гербеля. Спб. 1866. Томъ II. Перепечатано въ слѣдующихъ изданіяхъ 1876 г. (т. II, стр. 247—268) 1880 г. (т. II, стр. 5—26). 1887 г. (т. II, стр. 5—25), 1899 г. (т. II, стр. 5—25).

1867.

В. Сафоновъ. Причина возможной неудачи нѣкоторыхъ піесъ Шекспира на нашей сценѣ.—«Антрактъ», № 38, стр, 2—3.

Тэнъ. Исторія англійской литературы. Переводъ подъ ред. В. Чуйко и А. Шеллера. Спб. 1867. (Приложеніе къ «Женскому Вѣстнику» 1867—68 г.).

1868.

П. Н. Полевой. Вилліамъ Шекспиръ. Біографическій очеркъ. При собраніи сочиненій Шекспира, изд. Н. В. Гербеля, т. IV. Спб. 1868, стр. I—LXI. Перепечатано въ слѣдующихъ изданіяхъ: 1876 г. т. I; 1880 г. т. I, стр. 1—48; 1887 г. т. I, стр. 5—52; 1899 г. т. I, стр. 5—52. Также въ изданіи «Школьный Шекспиръ» (Гамлетъ 1876 г., стр. I—LXXII).

Заслуга Сервантеса и Шекспира въ психіатріи.—«Архивъ судебной медицины и общественной гигіены», № 4 (Декабрь. Отд. V. Извѣстія и смѣсь, стр. 48—49). Переводъ замѣтки изъ «Annales medico-psychologiques» 1868, о докладѣ *Бріерра-де-Буамена* (см. подъ 1871 г., и о статьѣ доктора *Кгллога*.

Шекспиръ. «Семейные вечера» (Отдѣлъ для старшаго возраста) №№ 6, 8 и 9, стр. 360—366, 498—505, 524—530).

Портреты Шекспира. Шекспиръ.—«Воскресный Досугъ», т. XI, № 272, стр. 344—347.

1869.

Первое изданіе Шекспировыхъ драмъ. Современная лѣтопись (Воскресныя прибавленія къ «Московскимъ Вѣдомостямъ»). № 32, стр. 16.

Театральныя представленія временъ Шекспира.—«Живописный Сборникъ», т. VI, № 6, стр. 178—182.

Н. Стороженко. Шекспировская критика въ Германіи. «Вѣстникъ Европы», т. V, кн. 10, стр. 823—869 и т. VI, кн. 11, стр. 306—346. Перепечатано въ «Опытахъ изученія Шекспира». М. 1902 г., стр. 1—128.

Н. Боевъ. Замѣтка изъ путевой жизни. «Заря», № 12 (стр. 16—44. Шекспиръ, Шиллеръ, Вагнеръ. Отъ Майнца до Кельна).

Hense. Dr. C. C. Dir. Poetische Personification in griechischen Dichtungen mit Berücksichtigung lateinischer Dichter und Shakespeares. 1-r. Th. Halle. 1868. (XXXII. 286. 8°). *Рецензія*. (изъ Litter. Centralbe., 1869 г., № 26). «Журналъ Министерства Народнаго просвѣщенія» ч. CXLV, октябрь (отд. II, стр. 410—411).

1869—1870.

А. Н. Баженовъ. Сочиненія и переводы. 2 т. М. 1869—1870.

Т. І. Замѣтка о московскомъ театрѣ. XVI. Ольриджъ на Московской сценѣ. (Стр. 178—186).—См. 1862 г.

Самойловъ на Московской сценѣ III. (Лиръ) IV. (Гамлетъ). (Стр. 284—298).

Продолжать-ли? (Стр. 438—444). См. 1865 г.

11 (23) апрѣля. (Стр. 453—458). См. 1865 г.

Двѣ замѣтки. I—II. (Стр. 525—526). Еще пьеса Шекспира на нашей сценѣ. (Стр. 526—532).—О пьесѣ «Много шуму изъ ничего».

Двѣ замѣтки. I (стр. 532—533).—Объ «Укрощеніи строптивой».

Бенефисъ г. Полтавцева. (Стр. 541—551).—О пьесѣ «Все хорошо, что хорошо кончится».

По поводу представленія на Московской сценѣ «Виндзорскихъ проказницъ». (Стр. 607—617).

По поводу близкаго будущаго. Стр. 618—654).—См. 1866 г.

Московскій театръ. I. Спектакль въ присутствіи американцевъ. «Укрощеніе строптивой». (Стр. 655—659).

Малый театръ. I. Классическія піесы въ прошломъ октябрѣ мѣсяцѣ. (Стр. 701).—О пьесѣ «Все хорошо, что хорошо кончится».

По поводу бенефиса г-жи Карской. (Стр. 802—808). О пьесѣ «Двѣнадцатая ночь».

Т. 2. Апотеозъ Шекспира—см. 1864 г.

1870.

Гете. Вильгельмъ Мейстеръ, часть II (годы странствованій). Перев. П. Н. Полевого. Собраніе сочиненій Гете. Спб. 1870. Томъ VI. Перепечатано въ позднѣйшихъ изданіяхъ сочиненій Гете: 1878 г. (т. V) и 1893 г. (т. IV).

1871.

Чернышовъ. Отношенія массы къ Шекспиру.—«Одесскій Вѣстникъ», № 123, стр. 1027. Разсужденіе о пригодности «Гамлета» для народнаго театра.

Бюстъ Шекспира.—«Иллюстрированная Газета», т. XXVII, № 15, стр. 247.

Бріеръ-де-Буамонъ. Типы умопомѣшательства въ драмахъ Шекспира. (Изъ журнала: Annales médico-psychologiques»). «Архивъ судебной медицины и общественной гигіены», кн. 4. Декабрь. (Отд. II. Судебная медицина, стр. 80—106). Главнымъ образомъ говорится о «Макбетѣ», «Гамлетѣ» и «Королѣ Лирѣ».

Тэнъ. Развитіе политической и гражданской свободы въ Англіи въ связи съ развитіемъ литературы. Перев. подъ ред. Рабинина и Головина. Спб. 1871. Томъ I. (Книга II. Глава 4).

1872.

Николай Стороженко. Предшественники Шекспира. Эпизодъ изъ исторіи Англійской драмы въ эпоху Елисаветы. Томъ первый: Лилли и Марло. Спб. 1872. Стр. 293+72+III. Ц. 2 руб. *Рецензіи*:

1) Бесѣда, кн. 8 (стр. 48—50). 2) Вѣстникъ Европы, кн. 7 (на обложкѣ). 3) Russiche Revue, кн. 2 (стр. 213—215). Изъ намѣченнаго къ изданію второго тома вышла въ 1878 г. лишь часть его, «Робертъ Гринъ».

А. В. «Shakspere and typography. *W. Blades*. London. 1872». (Рецензія). «Бесѣда», № 10, стр. 82.

1873.

С. И. С—ій (Сычевскій). Шекспиръ и Оффенбахъ.—«Одесскій Вѣстникъ», № 95. Поэтическій Гарибальди.—Тамъ-же. № 142.

1874.

Петръ Вейнберъ. Новости западныхъ литературъ.—«С.-Петербургскія Вѣдомости», № 147. (Патріотическіе походы нѣмцевъ противъ Шекспира).

Каррьеръ. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры. Перев. Е. Корша. Изд. К. Солдатенкова М. 1874. Томъ IV.

1874—1875.

С. И. Сычевскій. Уильямъ Шекспиръ. «Одесскій Вѣстникъ» 1874 г. №№ 154, 158, 170, 180, 188, 221, 271, 281.—1875 г. №№ 23, 38, 44, 63 и 66. Публичныя лекціи, читаемыя авторомъ (редакторомъ «Херсонскихъ Губернскихъ Вѣдомостей») въ Херсонѣ (съ 24 марта по 7 апрѣля 1874 г.); отдѣльное изданіе, см. 1892 г.

1875.

Одуаръ. Спиритизмъ. Міръ духовъ, или Жизнь послѣ смерти. Переводъ съ французскаго Самариной. Спб. 1875 г.

Въ этой книжкѣ имѣется курьезная глава подъ заглавіемъ: «Шекспиръ-спиритъ» (стр. 129—134).

В. Лебедевъ. Знакомство съ Шекспиромъ въ Россіи до 1812 года. «Русскій Вѣстникъ», т. 120, Декабрь (стр. 755—798).

Вилліамъ Шекспиръ.—Англійскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Составилъ *Ник. Вас. Гербель*. Спб. 1875. (Стр. 38—43). Біографическій очеркъ, и далѣе (стр. 44—138) отрывки изъ 19 драмъ и комедій Шекспира.

А. Реньяръ. Рецензія на книгу *E. Dowden'a* «W. Shakespeare» (1875)—«Вѣстникъ Европы», 1875 г. № 7.

1876.

Шекспиръ и современная англійская сцена. (Письмо изъ Лондона).—«С.-Петербурскія Вѣдомости» 1876 г. № 130.

Е. Онимусъ. Драмы Шекспира и современная психіатрія. («Знаніе», X, октябрь, стр. 14—43). Статья изъ «Revue des deux mondes», 1 avr., 1876.

А. Н. Шекспиръ и сценическое искусство его времени—«Нива», № 43. (Стр. 725—726).

1876—78.

В. А. Лебедевъ. Литературныя вліянія и заимствованія. Шекспиръ въ Англіи, Франціи, Германіи и Россіи. «Филологическія Записки» 1876 г. вып. III—IV. (Стр. 1—22, 23—36); 1877 г. вып. III (стр. 37—60); 1878 г. вып. III. (Стр. 61—91).

I. Шекспиръ въ Англіи. Мнѣніе *Вагнера* о Шекспирѣ. II. Шекспиръ во Франціи. Отзывы *Вольтера*. Передѣлки *Дюси*. Критика *Мерсье*. Отзывъ *Кузена*. III. Шекспиръ въ Германіи. Англійская труппа въ Германіи. Отношенія къ Шекспиру *Готшеда*, *І. Е. Шлегеля*, *Лессинга*, *Николаи*, *Виланда*, *Гердера*, *Гете*, *Шиллера*, *Гервинуса* (стр. 1—36). IV. «Гамлетъ» Сумарокова, (стр. 37—60). V. Подражаніе Шекспиру Екатерины II. («Расточитель». Шаманъ Сибирскій. Историческое представленіе изъ жизни Рюрика. Начальное Управленіе Олега. Разборъ мнѣнія *Щебальскаго*. «Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье» (Виндзорскія кумушки). Содержаніе и разборъ этой пьесы. Мнѣніе *Галахова*. (Заключеніе). (Стр. 61—91). Обѣщаннаго продолженія (о Карамзинѣ и др.) не появлялось.

1877.

С. Весинъ. Разборъ произведеній иностранной литературы, указанныхъ въ программѣ реальныхъ училищъ, и Хрестоматія съ задачами для устнаго и письменнаго изложенія прочитаннаго. Спб. 1877. «Юлій Цезарь» (стр. 11—17) и «Макбетъ» (стр. 17—19).

Рудольфъ Жене. Шекспиръ, его жизнь и сочиненія. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей *А. Н. Веселовскаго*, преподавателя словесности Московской 2-й женской гимназіи, съ предисловіемъ и примѣчаніями *Н. Н. Стороженка*, доцента Московскаго университета. Съ портретомъ Шекспира и его факсимиле. Изд. Мамонтова. М. 1877 8°. Стр. XIV 368. Ц. 2 р. 50 к.

Н. С. Предисловіе. Вступленіе.—Отдѣлъ I. Жизнь Шекспира и состояніе англійскаго театра въ его время. Отдѣлъ II. Драмы Шекспира (Англійскія изданія и критика текста. Произведенія перваго періода. Циклъ драматическихъ хроникъ отъ Ричарда II до Ричарда III; Генрихъ VIII и Король Іоаннъ. Произведенія средняго періода. Трагикомедіи. Драмы изъ античной жизни. Три высоко-художественныя трагедіи: Лиръ, Макбетъ и Отелло. Буря). Заключеніе.

Рецензія: «Вѣстникъ Европы», № 8 (на обложкѣ).

Е. Сысоева. Очерки и разсказы. Книга для юношества. Томъ первый. Спб. 1877. (Шекспиръ Біографическій очеркъ, стр. 111—124).

«Задушевное Слово» для старшаго возраста, № 3.

Д. Аверкіевъ. О драмѣ «Русскій Вѣстникъ» 1877 г. № 8 и 1880 г. № 5. Отдѣльное изданіе см. 1893 г.

1878.

Александръ Доуденсъ. Шекспиръ. Безплатная премія журнала «Живописное Обозрѣніе» за 1879 г. Спб. 1878. Стр. 34 in folio. Съ 5 гравюрами на отдѣльныхъ листахъ. Цѣна 40 к.

Рецензія: Отечественныя Записки». 1880 г. № 2.

Н. Стороженко. Робертъ Гринъ, его жизнь и произведенія. Критическое изслѣдованіе. М. 1878. Стр. 205+36. Ц. 1 р. 50 к.

Рецензіи: 1) «Вѣстникъ Европы», 1879 г., кн. 1 (на обложкѣ). 2) Тамъ-же, кн. 2 (стр. 800—808). 3) Академикъ *А. Н. Веселовскій*, тамъ же, кн. 8 (стр. 552—580). 4) «Критическое Обозрѣніе», 1879 г., № 3 (стр. 14—18. 5) Отвѣтъ *Н. И. Стороженко* на рецензію А. Н. Веселовскаго,—тамъ-же, № 18 (стр. 17—25).

Особая глава посвящена отношеніямъ Грина къ Шекспиру.

1879.

Карлъ Фехтеръ. (Некрологъ.—«Театральная Библіотека», № 2. (Западныя сцены, стр. 161—163). Фехтеръ—извѣстный исполнитель «Гамлета».

С. К—ъ. Шекспиръ (по новѣйшимъ изслѣдованіямъ). «Свѣтъ и Тѣни», №№ 20, 22, 24 и 25. (Стр. 117—118, 120—121 и 123—124). По книгѣ *Dépret* «Chez les Anglais».

На родинѣ Шекспира. «Нива № 22. (Разныя извѣстія, стр. 438). О празднествахъ въ память 350-лѣтія со дня рожденія Шекспира.

Генри Ирвингъ. Замѣтки актера о Шекспирѣ.—«Еженедѣльное Новое Время», т. I, № 1—2 (стр. 56—59). О «Гамлетѣ».

P. Stapfer. «Shakespeare et l'antiquité». *Рецензія*:—«Русскій Вѣстникъ», № 1.

1880.

Докторъ *Юліусъ Фрей*. Шекспиръ въ Венгріи. «Еженедѣльное Новое Время», т. V. № 60. (Стр. 501—504).

Георгъ Инльсонъ. Нѣсколько словъ о Шекспирѣ. Драматическія произведенія Шекспира. Изд. А. Гатцука. Вып. I. М. 1880. (Стр. III—IX).

Франсуа Гюго. Трагическіе любовники въ трагедіяхъ Шекспира. Комментаріи. Съ предисловіемъ отъ редакціи. «Театральная библіотека», № 1, стр. 1—66. I. Антоній и Клеопатра, стр. 3—17. II. Ромео и Юлія, стр. 18—59. Передѣлка Гаррика, стр. 59—66.

Два Гамлета. Тамъ-же, № 2, стр. 1—42.

Эдуардъ Даудент (профессоръ англійской литературы въ дублинскомъ университетѣ, вице-президентъ «Новаго Шекспировскаго Общества»). Шекспиръ, критическое изслѣдованіе его мысли и его творчества. Переводъ Л. Д. Черновой Спб. 1880. Стр. XVI+449+III. Ц. 2 р. Изд. 2-е. Одесса. 1898. Ц. 2 р. Предисловіе переводчицы. Предисловіе къ 3-му изданію. Предисловіе къ 1-му изданію. I. Шекспиръ и вѣкъ королевы Елизаветы. II. Развитіе мысли и творчества Шекспира. III. Первая и вторая трагедія: Ромео и Джульетта; Гамлетъ. VI. Драмы изъ англійской исторіи. V. Отелло. Макбетъ. Лиръ. VI. Драмы изъ римской исторіи. VII. Юморъ Шекспира. VIII. Послѣднія пьесы Шекспира.

Рецензіи: 1) *Н. Стороженко*. «Критическое Обозрѣніе», 1879 г., № 4, стр. 28—32. 2) «Дѣло», 1880 г., № 5. 3) «Вѣстникъ Европы», 1880 г., № 3. 4) «Недѣля», 1898 г., № 50.

І. Шерръ. Всеобщая исторія литературы. Изд. 3-е, испр. и дополн., О. И. Бакста. Томъ II. Спб. 1880, стр. 2* 41. Между прочимъ тутъ помѣщена стихотворная характеристика, написанная *Ч. Симмонсомъ* (на стр. 39—40).

1881.

А. Страхова. Вильямъ Шекспиръ. «Игрушечка», № 48, стр. 1579—1590.

«*A. Ch. Swinburne* W Shakespeare». Рецензія *А. Ренъяра*. «Вѣстникъ Европы», № 1.

1882.

П. Слѣпышевъ (кажется *Петръ Лавровичъ Лавровъ*). Шекпиръ въ наше время. «Устои» №№ 9 и 10, стр. 61—99.

Т. Сальвини въ трехъ Шекспировскихъ роляхъ. 1) Отѣлло. 2) Гамлетъ, принцъ Даніи. 3) Макбетъ. «Развлеченіе», №№ 14—16, стр. 221—224, 241 - 244 и 260.

Владиміръ Зотовъ. Исторія всемірной литературы въ общихъ очеркахъ, біографіяхъ, характеристикахъ и образцахъ. Томъ IV. Спб. 1882, стр. 380—448.

Содержаніе. Шекспиръ. Жизнь Шекспира. Сочиненія Шекспира. Театръ при Шекспирѣ. Пьесы Шекспира. «Два веронскіе дворянина». Комедія ошибокъ». «Напрасныя заботы любви». «Титъ Андроникъ». «Периклъ». «Усмиреніе строптивой». «Много шума изъ ничего». «Историческія хроники». «Генрихъ IV». «Ричардъ III». «Мѣра за мѣру». «Виндзорскія проказницы». «Сонъ въ Ивановскую ночь». «Ромео и Джульетта». «Макбетъ». «Отелло». «Гамлетъ». Послѣдователи Шекспира.

Н. Стороженко. Критическій отзывъ объ «Ежегодникѣ нѣмецкаго шекспировскаго общества». (Shakespeare's Jahrbuch). «Заграничный Вѣстникъ», кн. 8, стр. 75—80.

1883.

Г. Э. Лессингъ. Гамбургская драматургія. Перевелъ съ нѣмецкаго *И. И. Рассадинъ*. Съ предисловіемъ, примѣчаніями разныхъ комментаторовъ и алфавитнымъ указателемъ. Изданіе К. Г. Солдатенкова. М. 1883.

Объ игрѣ актера («Гамлетъ» III, 2) стр. 27—28. Привидѣнія у Шекспира, стр. 56—58. Переводъ Шекспира, сдѣланный Виландомъ, стр. 78—79. «Ричардъ III», стр. 359—410.

Театралъ. Матеріалы для исторіи русскаго искусства. П. С. Мочаловъ, какъ истолкователь Шекспировскихъ ролей, и критики его игры. (Матеріалы для его біографіи). «Искусство», № 7, 9 и 10, стр. 71—73, 98—99 и 109—110.

А. К. Памяти Шекспира. «Искусство», № 16, стр. 182—184.

1884.

А. Сахарова. О Шекспирѣ. (По *Р. В. Эмерсону*). «Искусство», № 54, стр. 720—723.

С. Преображенская. Изъ дѣтства Шекспира.—«Дѣтскій Отдыхъ», №№ 6—7, стр. 245—269, 341—365.

Е. Григорьева. Вилліамъ Шекспиръ. «Дѣтское Чтеніе», т. XLII, №№ 4—5, стр. 2—43, 111—153. См. 1896 г.

А. Крымскій. Браконьеръ. Эпизодъ изъ жизни Шекспира.—«Задушевное Слово» (Журналъ для дѣтей старшаго возраста), т. VIII, № 55, стр. 487—488.

Г. Фойтъ. Возрожденіе классической древности или Первый вѣкъ гуманизма. 2 т. М. 1884—1885.

М. Карьеръ, Шекспиръ и Кальдеронъ. Поэзія. Спб. 1884.

1885.

Домъ Шекспира. «Нива», № 41 (Смѣсь, стр. 987—988.

Альбомъ цитатъ. Спб. 1885. 12. д. 160 стр.—Спб. 1887. 12 д. 160 стр. Ц. 1 руб.

Ирвингъ (Бродриббъ), англійскій актеръ, въ роли Гамлета; статья Онслоу Форда. «Историческій Вѣстникъ», т. XXII. Декабрь, стр. 691.

Штернъ. Всеобщая исторія литературы. Спб. 1885.

1886.

В. Чуйко. Портреты Шекспира. «Новь», т. XII № 24, стр. 219—240.

А. Н. Веселовскій. Новыя книги по народной словесности. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, ч. CCXLIV, мартъ (критика и библіографія, стр. 205—208).—Отзывъ о статьѣ *Бойля* (Boyle): Shakespeare's Wintermärchen und Sturm». Programmschrift der St. Annen-Schule. St.-Petersburg. 1885.

С. А. Варшеръ. Литературный противникъ Шекспира. «Русская Мысль», № 8. Статья о Бенъ-Джонсонѣ. См. 1896 г.

Сергѣй Тимофеевъ. Шекспиръ и Пушкинъ. (Опытъ историко-литературнаго анализа трагедіи «Борисъ Годуновъ»). «Дѣло», № 5, стр. 230—252.

Н. Стороженко. Англійская драма до смерти Шекспира. «Всеобщая исторія литературы», подъ редакціею А. И. Кирпичникова. Спб. 1886. Вып. XX.

Перепечатано при изданіи сочиненій Шекспира въ переводѣ П. А. Каншина (1893 г.).

М. А. Оксъ. Правовыя идеи въ художественно-поэтическихъ произведеніяхъ, въ частности у Шекспира. (Чтеніе М. А. Окса въ Одесскомъ юридическомъ Обществѣ). Од. 1886, 8°. 16 стр.

Касается главнымъ образомъ Шейлока».

В. Острогорскій. Выразительное чтеніе. Изд. 2-е. Спб. 1886. (См. 1891 и 1898 г.).

Русскій Архивъ 1886 г., № 3. Статья о Н. Х. Кетчерѣ.

1887.

Сергѣй Тимофеевъ. Вліяніе Шекспира на русскую драму. Историко-критическій этюдъ. Изданіе типографіи А. А. Карцева. М. 1887. 8°. 149 стр. Ц. 1 руб.

Рецензія И. Л. В. «Историч. Вѣстникъ», № 8, стр. 450.

С. А. Варшеръ. День въ англійскомъ театрѣ временъ Шекспира. «Русская Мысль», №; 10. См. 1896 г.

В. Гюго. Первоначальныя отношенія къ Шекспиру въ Англіи и Франціи. Перев. Д. Доппельмайеръ. «День , № 10.

Ѳ. Булгаковъ. «Новое Время», № 3929 и 4233.

1) О книгѣ *Eugen Reichel* «Shakespeare-Literatur» (1887), касающейся вопроса объ авторствѣ Бэкона.

2) О книгѣ *Ignatius Donnely* «Thegreat Cryptogram. Francis Bacon's Cipher in the so called Shakespeare's plays» (1888).

Мак-Гаханъ.— Новости», № 256.

О той же книгѣ *Доннели.*

С. А. Варшеръ. Англійскіе драматурги, современные Шекспиру и школа Шекспира.—«Всеобщая исторія литературы», подъ ред. А. И. Кирпичникова. Спб. 1887. Вып. XXI—XXII.

1888.

«Сѣверный Вѣстникъ», №№ 2 и 6.

Рецензіи на книги Рейхеля и Доннели (см. выше 1887 г. статьи Ѳ. Булгакова).

П. П.—«Историческій Вѣстникъ», т. XXXI, № 1, стр. 237. Рецензіи на пьесы Шекспира въ изданіи «Дешевой Библіотеки» Суворина (Гамлетъ, Король Лиръ, Макбетъ и Отелло).

В. Чуйко. Кто писалъ драмы Шекспира?— Тамъ-же, т. XXXIV, № 10, стр. 215.

Стратфордъ. Церковь св. Троицы, гдѣ похороненъ Шекспиръ. В. Шекспиръ (съ гравюры Дрейтоута, изъ изд. 1623 г.). Тамъ-же, стр. 223 и 229.

В. Чуйко. Былъ или не былъ Шекспиръ?—«Наблюдатель , № 2, стр. 59.

Максъ Кохъ, профессоръ Марбургскаго университета. Шекспиръ. (Жизнь и дѣятельность его. Современные ему—литература и культурный строй. Съ приложеніемъ подробнаго библіографическаго указателя). Переводъ съ нѣмецкаго *А. М. Гуляева*, съ предисловіемъ, примѣчаніями и дополненіями *Н. И. Стороженко*, профессора Московскаго университета. Изданіе В. Н. Маракуева. М. 1888. Стр. V+472+VI. Цѣна 2 руб.

Рецензіи: 1) «Русское Богатство», № 2.

2) «Пантеонъ Литературы», № 3.

3) *К. К.* (*Арсеньевъ*). – «Вѣстникъ Европы», № 6.

4) «Сѣверный Вѣстникъ», № 9.

1889.

Памятникъ Шекспиру въ Стратфордѣ «Нива», № 1, (Смѣсь, стр. 27).

Коклент. Мольеръ и Шекспиръ. Перев. *А. Вс—кой.*—«Театральный, музыкальный и художественный журналъ «Артистъ», кн. 4 (Декабрь, стр. 52 – 63).

В. В. Чуйко. Шекспиръ, его жизнь и произведенія. Съ 33 гравюрами. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1889. Стр. 632+VIII. Цѣна 5 руб.

Рецензіи:

1) «Пантеонъ Литературы», № 1.

2) «Вѣстникъ Европы , № 2. (На обложкѣ).

3) «Сѣверный Вѣстникъ», № 3.

4) *Н. Стороженко.* Дилетантизмъ въ Шекспировской критикѣ. Русская Мысль, № 10. Стр. 26—44) и «Опыты по изученію Шекспира» Н. Стороженка. М. 1902. (Стр. 222—253).—Отвѣтъ *В. Чуйко* въ «Новомъ Времени», № 4925.

«Сѣверный Вѣстникъ» № 2.

Рецензія на сочиненіе графа Vitztum von Eckstädt «Shakespeare and Shakespere» (1888).

А. Сальниковъ. Мысли Шекспира. (Изреченія и афоризмы). Спб. 1889 д. 162 стр. Ц. 1 р. 25 коп. См. 1897 г.

Вильямъ Шекспиръ. Драма въ 5 актахъ и 6 картинахъ. Приспособлена для русской сцены *Е. Л.* и *Д. Незвановымъ.* Изд. С. Напойкина. М. 1889. 4 д. 94 стр. («Литографированное изданіе).

1890.

Гарусовъ. Очерки литературы древнихъ и новыхъ народовъ. Изданіе 2, испр. и значительно дополн. Книга I. Спб. 1890. (Стр. 141—189. Шекспиръ. Всемірное значеніе его драмъ). См. 1862 г.

Ив. Ивановъ. Культурные типы. «Театральный, музыкальный и художественный журналъ «Артистъ». №№ 10—11 (Годъ II, кн. 3 – 4. Стр. 34—42, 43—52). О Генрихѣ V и Гамлетѣ.

Н. Стороженко. Разборъ игры Росси въ пьесахъ Шекспира.—«Артистъ», № 7.

Э. Дауденъ. Житейская мудрость Шекспира.— «Русская Мысль», № 1.

С. Уманецъ. Героини Калидасы и Шекспира.— «Историческій Вѣстникъ», № 3.

1890—1893.

Василій Петровичъ Боткинъ. Сочиненія. Изданіе журнала «Пантеонъ Литературы». Спб. 1891. Томъ II. (Статьи по литературѣ и искусствамъ. Письма) Томъ II вошелъ въ составъ книжекъ «Пантеона Литературы» 1890 г. №№ 10—12 и 1891 г. №№ 1—2. Шекспира касаются статьи:

1) О герояхъ и героическомъ въ исторіи. Сочиненіе *Т. Карлейля.* II. Героическое значеніе поэта.— Данте; Шекспиръ. (Стр. 50—63). См. 1856 г.

2) Шекспиръ (Стр. 64—255): I. Литература и театръ въ Англіи до Шекспира, стр. 64—128 (см. 1853 г.). II. Первые драматическіе опыты Шекспира стр. 129—162. (см. 1855 г.). III. Генрихъ VI— стр. 162—164. (о Шекспирѣ въ перев. Н. Кетчера, вып. VII—VIII). IV. Ретшеръ о Ромео и Юліи»— стр. 164—170. V. Женщины, созданныя Шекспиромъ—стр. 170—204. (см. 1842 г.) VI. Шекспиръ, какъ человѣкъ и лирикъ—стр. 204—225. (См. 1841 г.) VII. Четыре новыя драмы, приписываемыя Шекспиру (Статья Ретшера) стр. 225—255. (См. 1840 г.).

То же «Томъ III.» Спб. 1893. Статьи по музыкѣ. Дополненія. IV. О Шекспирѣ въ переводѣ Кетчера (стр. 164—166). Томъ III вошелъ въ составъ книжекъ «Пантеона Литературы» за 1893 г. №№ 1—2 и 4. Рецензія на переводъ Кетчера—въ № 4.

1891.

Н. Стороженко. Прототипы Фальстафа. «Театральный, музыкальный и художественный журналъ «Артистъ», № 15 (Сентябрь Стр. 48—57). Перепечатано въ «Опытахъ по изученію Шекспира . Н. Стороженка М. 1902 (Стр. 193—221).

Э. Матернъ. Шекспиръ на сценѣ Мюнхенскаго театра.—Тамъ же (Стр. 82—89).

Альфредъ Бизе. Историческое развитіе чувства природы. Спб. 1891. (Приложеніе «Русскаго Богатства» 1890—91 гг.).

Т. Карлейль. Герои и героическое въ исторіи. Спб. 1891.

Ц. Балталонъ. Пособіе для литературныхъ бесѣдъ. Спб. 1891. Ц. 40 коп. Изд. 2-е. Спб. 1893. Ц. 45 к. Изд. 4-е М. 1902.

1892.

В. Чуйко. Англійская драма до Шекспира.—«Живописное Обозрѣніе», № 50 (Стр. 406—408).

Catherine de С. Корифен современной французской сцены. I. Мунэ Сюлли—«Театральный, музыкальный и художественный журналъ Артистъ» № 21 (Годъ 4-й. Книга 3-я. Стр. 66—73). Съ приложеніемъ портрета Мунэ-Сюлля въ роли Гамлета.

С. И. Сычевскій. Уильямъ Шекспиръ. Лекціи. Съ портретомъ С. И. Сычевскаго, предисловіемъ *С. П. Сычевской* и біографіей С. И. Сычевскаго *П. Герцо-Виноградскаго.* Одесса. 1892. 8 д. л. Стр. XI+145. Ц. 1 р. См. 1874—75 гг.

Рецензіи 1892 г.

1) *М. М.* — «Книжный Вѣстникъ», № 6.

2) «Библіографъ», № 6—7.

3) *Д. С.* — «Русское Богатство», № 9.

1893 г.:

4) «Недѣля», № 10.

5) «Русская Мысль», № 2.

6) *И. Ивановъ.* «Русскія Вѣдомости», № 144.

1893.

В. Чуйко. Источники Шекспира. — «Живописное Обозрѣніе», №№ 4, 8, 14, 17, 22, 27, 31, 36, 39, 43 и 47. Примѣчанія къ томамъ 1—11 сочиненій Шекспира въ переводѣ П. А. Каншина (къ т. 12 не было).

Гёте. Шекспиръ — и безъ конца Шекспиръ! (1813). Перев. П. И. Вейнберга.—«Собраніе сочиненій» Гёте. Спб. 1893, томъ VII.

Д. В. Аверкіевъ. О драмѣ. Критическое разсужденіе. Изданіе тщательно пересмотрѣнное и значительно дополненное. Спб. 1893. Ц. 1 р. 50 к. См. 1877 г.

НИКОЛАЙ ИЛЬИЧЪ СТОРОЖЕНКО.

(Prof. Nicolaus Storoschenko). Проф. Московск. университета, самый выдающійся въ Россіи знатокъ Шекспира, род. 1836.

1894.

Викторъ Острогорскій. Выразительное чтеніе. Изданіе 3-е испр., и допол. М. 1894 (Глава IV. Примѣры разборовъ. 3) Монологъ принца Генриха изъ драматической хроники Шекспира «Король Генрихъ IV», часть 1-я, дѣйствіе 1-е, сцена 2-я. Пер. Соколовскаго. Стр. 77 — 83. 4) Сцена изъ «Гамлета» Шекспира (Дѣйствіе V-е. Сцена первая). Пер. Кронеберга. — Стр. 83 — 106). См. 1886 г. и 1888 г.

Гейнрихъ Бультхауптъ. Шекспиръ и натурализмъ. Пер. *И. Д. Городецкаго.* «Артистъ», № 41 (Годъ 6-й. Книга 9-я, Сентябрь. Стр. 65—75).

А. Ефратовъ. Общедоступная книга для учащихся. Шекспиръ и его трагедіи: «Макбетъ», «Отелло» и «Гамлетъ». Книжка первая (снабжена портретомъ и краткою біографіей Шекспира). Баку 1894. 16 д. л. 132 стр. Ц. 40 коп.

Н. Кожевникова. Краткій очеркъ жизни и дѣятельности В. Шекспира. Съ 9 фототипіями. М. 1894. Ц. 1 р.. 75 коп. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ).

Рецензія—*I.*—«Русскія Вѣдомости», № 156.

Въ книгу вошло изложеніе 8 драмъ Шекспира (Антоній и Клеопатра, Гамлетъ, Коріоланъ, Король Лиръ, Макбетъ, Отелло, Ромео и Джульетта, Юлій Цезарь).

А. Л. Соколовскій. Шекспиръ и его значеніе въ литературѣ. «Шекспиръ въ переводѣ и объясненіи А. Л. Соколовскаго». Спб. 1894. Томъ I.

И. Тэнъ. В. Шекспиръ. I. Введеніе. Біографія Шекспира. Его стиль. Международная библіотека № 9). Одесса. 1894. 12 д. л. 36 стр. Ц. 15 коп.—Изд. 2-е, I. Юровскаго. Одесса. 1898. 8 д. л. 92 стр. Ц. 15 коп.

Рецензія — «Книжный Вѣстникъ» 1898 г.

Кто писалъ Шекспира?—«Историческій Вѣстникъ»—т. LV, № 2. Историческія мелочи. Стр. 552—567).

Шекспиръ и его изображенія. — Тамъ же, т. LVII, № 12. (Стр. 872—885).

И. Эйзенъ. Шекспиръ или Бэконъ?—«Литературныя приложенія Нивы», № 12. Стр. 697. См. въ 1895 г. статью Н. И. Стороженко.

1895.

Н. Стороженко. Модная литературная ересь.—«Міръ Божій», № 11. По поводу статьи Эйзена (см. 1894 г.). Перепечатано въ «Опытахъ по изученію Шекспира» Н. И. Стороженко. М. 1902. Стр. 359—382.

Проф. І. Колеръ. Шекспиръ съ точки зрѣнія права (Шейлокъ и Гамлетъ). Перев. съ нѣмецкаго. Спб. 1895. 8 д. 3+190 стр. Ц. 1 руб.—Изд. 2-е, Конторовича. Спб. 1899. 8 д. 194 стр. Ц. 80 коп.

I. Венеціанскій купецъ. Драма долгового права.

II. Гамлетъ. Драма кровавой мести.

Рецензіи:

1) «Семья» 1895 г. № 41.

2) «Саратов. Листокъ» 1896 г. № 66.

Новое о Шекспирѣ. «Историческій Вѣстникъ» № 10.

Жюссеранъ. Исторія англійскаго народа. Спб. 1895.

Пелиссье. Шекспировская драма во Франціи—«Французская литература» XIX вѣка, Пелиссье. М. 1895.

Г. Брандесъ. В. Шекспиръ. Перев. М-н-ва.—«Сѣверный Вѣстникъ». № 8.

Его же. Молодость Шекспира.—«Русскія Вѣдомости», №№ 140 и 149.

Шекспиръ какъ дѣлецъ (по Брандесу)—«Историческій Вѣстникъ», № 7. Стр. 217.

1896.

С. Васильевъ. Театральная хроника. Сезонъ 1895—1896 гг. Изданіе С. Разсохина. М. 1896.

Статьи о театрѣ за время съ 1 сентября 1895

по 1 мая 1896 года, печатавшіяся въ газетѣ «Русское Слово». Шекспира касаются главы: VII. «Гамлетъ въ первый разъ на театрѣ Корша. Венефисъ г. Трубецкаго (Стр. 26 — 63). XV. Малый театръ. «Король Лиръ». Бенефисъ г. Горева (Стр. 125—133). XX. Юбилейный бенефисъ Росси. (Стр. 166 — 170. О «Гамлетѣ») XXVI. Двѣ встрѣчи съ Кокленомъ Старшимъ (Стр. 203—209. Объ «Укрощеніи Строптивой»).

Тенъ-Бринкъ. Шекспиръ. (Публичныя лекціи). I. Поэтъ и человѣкъ). Перев. П. Вейнбергъ.—«Искусство и Наука». (Журналъ для юношества) № 1. Стр. 98 — 114. Отдѣльное (полное) изданіе въ 1898 г.

Л. Черскій. Изъ дѣтской жизни Шекспира.—«Всходы». № 23 Стр. 51—88. Отдѣльное изданіе въ 1899 г.

Н. Тарновскій. Домъ Шекспира. (Очеркъ).—«Задушевное Слово» (Журналъ для дѣтей старшаго возраста), №№ 35—36 (т. XXXIII, №№ 9—10. Стр. 129—132, 146—148).

С. А. Варшеръ. Англійскій театръ временъ Шекспира. (Вопросы науки, искусства, литературы и жизни № 1) М. 1896. 12 д. л. Стр. IV+72 Ц. 25 к. Двѣ публичныя лекціи, напечатанныя въ «Русской Мысли» (въ 1886 и 1887 гг.): 1) День въ англійскомъ театрѣ временъ Шекспира. 2) Литературный противникъ Шекспира (т.-е. Бенъ-Джонсонъ).

Шекспиріана. «Историческій Вѣстникъ», № 9.

Е. Н. Григорова. Вилліамъ Шекспиръ. Для юношескаго возраста. Съ портретомъ и рисунками М. 1896. д. л. 94 стр. Ц. 75 к.

Рецензіи:

1) «Педагогическій Листокъ», № 3.

2) «Вѣстникъ воспитанія», 1897 г. № 4.

Энрико Ферри. Преступники въ искусствѣ, переводъ съ французскаго Н. Л. Москва. 1896. Ц. 20 коп. О Макбетѣ, Гамлетѣ, и Отелло—на стр. 32—39.

Шелли. Въ защиту поэзіи. Сочиненія Шелли. Переводъ съ англійскаго К. Д. Бальмонта. Выпускъ 4-й. М. 1896. Стр. 95—98, 110—115.

Э. Дауденъ. Житейская мудрость Шекспира—«Читатель», № 42. Стр. 41 и слѣд. См. 1890 г.

Ив. Ивановъ. Спектакли Э. Росси — «Русская Мысль», №№ 2—3.

В. В. Чуйко. Гомеръ и Шекспиръ. «Наблюдатель», № 5. Стр. 300 и слѣд.

И. И. Ивановъ. Шекспиръ, его жизнь и литературная дѣятельность (Очеркъ). Съ портретомъ Шекспира, гравир. въ Лейпцигѣ Геданомъ. (Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова). Спб. 1896. 12 д. 106 стр. Ц. 25 коп.

Рецензіи 1896 г.

1) «Недѣля», № 49.

1897 г.:

2) «Образованіе», № 1.

3) «Историческій Вѣстникъ», № 1.

Юрій Веселовскій. Путешествіе Шекспира.—«Русскія Вѣдомости», № 60.

Изложеніе романа Леона Додэ. Перепечатано въ «Литературныхъ очеркахъ» Ю. Веселовскаго. М. 1900.

1897.

Трайль. Общественная жизнь Англіи. Томъ III. М. 1897. Ц. 2 р. 50 к.

Н. И. Стороженко. Шекспиръ и Бѣлинскій.—«Міръ Божій», № 3. Стр. 127—140. Перепечатано въ «Опытахъ по изученію Шекспира». Н. Стороженко. М. 1902. Стр. 254—274.

Шекспиръ. Мысли и афоризмы. Составилъ *А. Н. Сальниковъ.* Изд. 2-е, В. П. Губинскаго. Спб. 1897. 8 д. 95 стр. Ц. 30 коп. — Изд. 3-е, В. И. Губинскаго. Спб. 1901. 8 д. 94 стр. Ц. 25 коп. См. 1889 г.

Ю. Веселовскій. Рецензія на книгу Г. Брандеса «Shakespeare als Mensch und als Christ. 1897».—«Семья», № 26.

Георгъ Брандесъ. Вилліамъ Шекспиръ. Историко-литературная монографія. Переводъ съ нѣмецкаго *М. А. Энгельгарта.* Спб. 1897. 8 д. 351 стр. (Приложенія «Вѣстника иностранной литературы» за 1897 г.). Другой переводъ см. 1899 г.

Н. Тихомировъ. Драматическій стиль Шекспира «Филологическія Записки», вып. 5—6.

Т. Полнеръ. Л. Барнай какъ комментаторъ Шекспира. «Русская Мысль», №№ 4 и 5.

И. Ивановъ. Лебединыя пѣсни Шекспира. — «Русская Мысль», № 12. Отзывъ «Сѣверн. Вѣстн.» 1898 г. № 2 (Журнальное Обозрѣніе).

Рецензіи на книгу F. Boas: «Shakespeare and his predecessors. 1896». 1) Міръ Божій, № 1; 2) *И. Ивановъ.*—«Образованіе», № 1. Первое изданіе книги Боаса вышло еще въ 1876 году.

Рецензія на книгу Boswell-Stone, «Shakespeare's Holinshed. 1897». — «Русскія Вѣдомости». № 187. «Историческій Вѣстникъ» 1897 г. № 4. Стр. 293 и 294. Двѣ замѣтки: 1) Шекспиръ какъ стрѣлокъ въ Англіи. (О книгѣ *W. L. Ruston:* Shakespeare an archer» 1897). 2) О статьѣ *Lusserand:* «Shakespeare an France sous l'ancien regime», въ журналѣ «Cosmopolis» 1896 г. №№ 11—12.

Тамъ же, № 11. Стр. 688. О книгѣ *W. Ralfe:* «Shakespeare the boy 1897».

Тамъ же, № 8. Стр. 600.

О книгѣ *Sidney Lee:* «A life of Shakespeare 1898».

1898.

«Міръ Божій» № 12. (Рецензія на книгу *Сидни Ли* см. 1897 г. рецензіи въ «Ист. Вѣстн.»).

С. Рапопортъ. Евреи на англійской сценѣ.—«Восходъ», № 4.

І. Шерръ. Иллюстрированная всеобщая исторія литературы. М. 1898. Томъ II. — Изд. 2-е. 1902. Томъ II.

Л. Шестовъ. Шекспиръ и его критикъ Брандесъ. Спб. 1898. 8 д. 282 стр.

Рецензіи 1900 г.

1) «Рус. Богат.», № 1.

2) *З. Венгерова.* «Образованіе», № 1.

3) *Р. Гебгардъ.* См. статьи о «Гамлетѣ» (1899).

К. Вейзеръ. Исторія англійской литературы. Перев. съ нѣм. Изд. А. Суворина. (Научная дешевая библіотека). Спб. 1898. Ц. 60 коп.

Эд. Дауденъ.—см. 1880 г.

И. Тэнъ.—см. 1894 г.

Фрэнсисъ Джэкоксъ. Косвенное участіе въ преступленіи. «Живописное Обозрѣніе», № 7. Стр. 139 и слѣд.

Король современныхъ артистовъ. — «Вѣстникъ Иностранной литературы», № 1. Статья о Г. Ирвингѣ.

Актеръ-романтикъ. — «Русская Мысль», № 3, Статья о Мочаловѣ.

П. Житецкій. Очерки изъ исторіи поэзіи. Кіевъ 1898.

Глава XII. Предшественники Шекспира. Стр. 183—191.

Глава XIII. Трагедіи Шекспира «Макбетъ» и «Король Лиръ» Стр. 192—229.

М. Каррьеръ. Драматическая поэзія. Переводъ *В. А. Яковлева.* Спб. 1898. Національная драма

англичанъ и испанцевъ (стр. 106—119). Параллели: Врачъ своей чести, Оттело (стр. 120—130); Ромео и Юлія у Грота, Лопе и Шекспира. Стр. 142—147.

Истинный портретъ Шекспира.—«Семья», № 9 Стр. 12.

Ос. Мишель. Шекспиръ и Бекон.—«Всемірная Иллюстрація», т. LIX, № 4 (За границей. Стр. 78—80).

Д. А. Коропчевскій. Дѣтскіе годы Шекспира. (Культурно-историческій очеркъ).—«Дѣтское Чтеніе» т. III. Іюль и Августъ (Отд. II. Стр. 11—22, 75—87). Шекспиръ въ цѣпяхъ.—«Всходы», № 3. Стр. 121—124.

Е. Дюрингъ. Великіе люди въ литературѣ. Критика современной литературы съ новой точки зрѣнія. Перев. съ нѣмецк. *Ю. М. Антоновскаго.* Спб. 1898 (Глава III).

Девесъ. Женскіе типы Шекспира. Переводъ съ нѣмецкаго *А. Страхова.* Съ предисловіемъ профессора Московскаго университета *Н. И. Стороженко.* Съ приложеніемъ статьи Даудена «Женскіе типы Шекспира». (Переводъ съ англійскаго *М. П. Малаєъ*). Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1898. 8°. Стр. XII+312. Ц. 2 руб. Предисловіе Н. Стороженко.—Введеніе. Повѣствовательныя поэмы. (Венера. Лукреція). Женскіе типы въ пьесахъ перваго періода. Женскіе типы второго періода. Женскіе типы третьяго періода. Заключеніе.—Приложеніе. Статья Даудена.

Рецензіи:

1) «Недѣля», № 19.
2) «Русская Мысль», № 7.
3) *П. Коганъ.* «Образованіе», № 9.
4) «Русское Богатство», № 10.
5) «Міръ Божій», № 11.

Тенъ-Бринкъ. Шекспиръ. Лекціи. Переводъ П. И. Вейнберга. Изд. Л. Пантелѣева. Спб. 1898. 8 д. Стр. IV+151. Ц. 75 коп.

1) Поэтъ и человѣкъ (см. 1896 г.). 2) Хронологія произведеній Шекспира, 3) Шекспиръ, какъ драматургъ. 4) Шекспиръ, какъ комическій писатель. 5) Шекспиръ, какъ трагическій поэтъ.

Рецензіи: 1) Недѣля, № 28.
2) «Міръ Божій», 5 стр. 62—65.
3) «Рус. Мысль», № 7.
4) «Рус. Богат.», № 10.
5) *М. Плотниковъ.* «Образованіе», № 10.

Тенъ-Бринкъ. Лекція о Шекспирѣ. Съ нѣмецк. *И. Д. Городецкій.* М. 1898. Ц. 40 коп.

Рецензіи: 1) «Недѣля», № 28.
2) *В. Л.* «Кавказъ», № 114.
3) «Литер. прилож. Нивы», № 5.
4) «Рус. Мысль», № 7.
5) «Рус. Богат.», № 10.
6) *М. Плотниковъ.* «Образов.» № 10.

Шекспиріана. «Историческій Вѣстникъ», № 2.

Я. Гротъ. Труды. I. Спб. 1898. См. 1844 г.

Шекспиръ. *Андрей Филоновъ.* Русская хрестоматія, съ примѣчаніями. Часть III. Изданіе 6-е, исправленное и дополненное. Спб. 1898, стр. 223—394.

1-е изданіе этой книги вышло въ 1863 г. (см. 1863 г.). Кромѣ отрывковъ изъ «Гамлета», «Короля Лира» и «Макбета», сюда вошли слѣдующія статьи и замѣтки: 1) Біографія Шекспира. Исчисленіе трагедій и комедій Шекспира. Характеръ его трагедій (слова *Гервинуса, Карлейля, Н. М. Карамзина* и др.). Изданіе Шекспира Сочиненія и статьи о Шекспирѣ. Переводы Шекспира, стр. 223—231. 2) Характеристика Гамлета. Слова *Гервинуса* (перев. г-жи *Никитенки*). Слова *Вольтера.* Слава *Гизо*, стр. 302—319. 3) Король Лиръ. Слова *А. В. Дружинина* и *Гизо*, стр. 358—367.

Викторъ Острогорскій. Выразительное чтеніе. Изд. 4-е, значит. дополн. М. 1898, стр. 174—200.

Примѣрные разборы образцовъ (тѣхъ же, что въ изд. 1886 и 1894 г.).

1899.

Эдуардъ Энгель. Вильямъ Шекспиръ. Перевелъ съ нѣмецкаго *Ѳ. Чернигоецъ.* Изданіе А. С. Суворина. «Научная дешевая библіотека». Спб. 1899, стр. III+143. 12°. Ц. 60 коп. Книжка снабжена иллюстраціями. *Содержаніе.* Предисловіе. 1) Введеніе. 2) Жизнь Шекспира. 3) Произведенія Шекспира. 4) Поэтическое дарованіе Шекспира. 5) Шекспиръ, какъ художникъ. 6) Образованность и источники Шекспира. 7) Современники о Шекспирѣ и судьба его произведеній въ Англіи. 8) Шекспиръ въ Германіи и Франціи. 9) Загадочные вопросы относительно Шекспира 10) Баконовское навожденіе.

Рецензіи 1899 г.: 1) «Живоп. Обозрѣніе», № 44.
2) *П. Коганъ.* «Образованіе», № 11.

1900 г.: 3) «Сынъ Отечества», № 65.

В. Гюго. Жизнь Шекспира. Перев. *М. С. Саарбекова.*—Знамя», № 16 и 17, стр. 187—204.

І. Колеръ. См. 1895 г.

Материнская любовь въ трагедіяхъ Шекспира. «Нива», № 3, стр. 60.

Н. И. Стороженко. Психологія любви и ревности у Шекспира. «Вѣстникъ Европы», кн. 9, стр. 153—172. Перепечатано въ «Опытахъ по изученію Шекспира». Н. Стороженко. М. 1902, стр. 275—301. *Отзывы:* 1) «Рус. Вѣстн.», № 10. 2) «Научн. Обозрѣніе», № 10.

Л. Черскій. Дѣтскіе годы Шекспира М. 1899. 8 д. л. 48 стр. Ц. 30 коп. Изд. Клюкина.

Рецензіи 1899 г. 1) «Нов. Время», № 8557. (Иллюстриров. прилож.).

1900 г. 2) «Вѣстн. воспитанія», № 1. См. 1896 г.

Г. Гейне. Дѣвушки и женщины Шекспира. Переводъ *Н. Брянскаго.*—«Собраніе сочиненій Г. Гейне, подъ ред. П. И. Вейнберга». Спб. 1899. Томъ V.

1899—1901.

Георгъ Брандесъ. Шекспиръ, его жизнь и произведенія. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Переводъ *В. М. Спасской* и *В. М. Фриче*, подъ редакціей *Н. Н. Стороженка*, съ предисловіемъ и примѣчаніями редактора. М. 1899—1901. 2 тома 8 д. л. Т. I. VI+383 стр. Т. II. 455 стр. Ц. руб.

Рецензіи: 1) «Новый Міръ», 1899 г. № 1 (на 1-й т.).
2) «Русское Богатство», 1900 г. № 1 (на 1-й т.).
3) *А. Я.*—«Вѣстникъ книгопродавцевъ», 1901 г. № 30 (на 2-й т.).
4) «Русская Мысль», 1901 г. № 7.
5) *Е. Дегенъ.*—«Міръ Божій», 1901 г. № 8.

1900.

«Безумный другъ Шекспира». — «Правительственный Вѣстникъ», №№ 248 и 253. По поводу столѣтія со дня рожденія П. С. Мочалова.

Ив. Ивановъ. Исторія пошлости. «Библіотека Театра и Искусства», вып. I, стр. 14—27. Замѣтка о Фальстафѣ.

Адольфъ Гербергъ. Шекспиръ о войнѣ. (Перев. съ нѣм.).—«Театръ и Искусство», №№ 29—31, стр. 516, 531—532, 546—548.

Ив. Ивановъ: Поэзія любви у Шекспира.—Тамъ-же, №№ 42—43, стр. 728—741, 758—761.

А. Купель. О творчествѣ Мочалова.—Тамъ же, №№ 44—46, 778—780, 798—801, 818—820.

Ел. Родиславская. Дѣтскіе годы Шекспира. Біографическій очеркъ, «Родникъ», №№ 8—9, стр. 151, 168, 227—245.

Тизлтонъ Дайеръ. Народныя повѣрья у Шекспира. Вѣдьмы.—«Новое Время», № 8607 (Иллюстрированное приложеніе, стр. 8—11).—Духи. Переселеніе душъ.—Тамъ-же, № 8627, стр. 9—10—Демонологія и бѣсовское навожденіе.—Тамъ-же, № 8674, стр. 11—12.

Ч. Мэбонъ. Еврей въ англійской поэзіи и драмѣ. (Порев. *С. Федоровичъ*)—«Книжки Восхода» № 7.

И. Зимотинъ. Раннія романтическія вліянія въ русской литературѣ. III. Вліяніе Оссіана, Шекспира, восточной поэзіи.—«Русскій Филологическій Вѣстникъ», № 3—4.

М. Дубинскій. Женщина въ жизни великихъ и знаменитыхъ людей.—Приложеніе «Вѣстника Иностранной Литературы» 1900 г. (№ 6).

Всемірные сатирики и юмористы.—Тоже (№№ 7 и 8).

Н. Стороженко. О сонетахъ Шекспира въ автобіографическомъ отношеніи. Рѣчь на университетскомъ актѣ 12 января 1900 года.—«Рѣчь и отчетъ Московскаго университета» М. 1900. Стр. 1—39, и отдѣльный оттискъ. М. 1900. Стр. 39.

Перепечатано въ «Опытахъ по изученію Шекспира». Н. Стороженка. М. 1902. Стр. 302—342.

Мери и Чарльзъ Ламбъ. Шекспиръ, разсказанный дѣтямъ. Перев. *М. Карнѣева.* Съ иллюстраціями. Изд. 2-е. Спб. 1900. Ц. 50 коп. См. 1865 г.

1901.

Томмазо Сальвини.—«Новый журналъ иностранной литературы», т. III, № 7. Стр. 37—64.

Отзывъ Коклэна о Мольерѣ и Шекспирѣ. «Русскій Вѣстникъ», № 4.

С. Рапопортъ. Дамское литературное открытіе—«Новости», № 338. Вопросъ о Шекспирѣ—Бэконѣ.

П. Коганъ. Н. И. Стороженко.—«Русская Мысль» № 10.

А. Н. Сальниковъ.—См. 1889 и 1897 г.

1902.

Краткій очеркъ научно-литературной и общественной дѣятельности Н. И. Стороженко.—«Подъ знаменемъ науки» (Юбилейный сборникъ въ честь Николая Ильича Стороженка. Изданный его учениками и почитателями). М. 1902. Стр. I—XXIX.

Н. Стороженко. Опыты изученія Шекспира. Изданіе учениковъ и почитателей. М. 1902. 12 д. л. 410 стр. Ц. 1 р. 50 коп. Содержаніе:

1) Шекспировская критика въ Германіи.—См. 1869 г.
2) Макбетъ (1889 г.).
3) Прототипы Фальстафа.—См. 1891 г.
4) Диллетантизмъ въ Шекспировской критикѣ (В. Чуйко: «Шекспиръ» 1889).
5) Шекспиръ и Бѣлинскій.—См. 1897 г.
6) Психологія любви и ревности у Шекспира.—См. 1899 г.
7) Сонеты Шекспира въ автобіографическомъ отношеніи—См. 1900 г.
8) Драмы, приписываемыя Шекспиру. I. Іоркширская трагедія.
9) Модная литературная ересь—См. 1895 г.
10) Школьный Шекспиръ (Рецензія на «Гамлетъ» въ перев. Н. А. Полевого, изд. П. Полевымъ).
11) Драматическія сочиненія Шекспира (Переводъ Н. Кетчера).

Рецензіи 1902 г.:

1) *Ж—ій.* Курьеръ, № 35.
2) Литер. Вѣстникъ, № 2.
3) Шекспиръ и его критики (по Н. И. Стороженко)—«Новый Журналъ иностранной литер.», № 3 1903 г.
4) *И. Ж.*—«Русская Школа», № 3.

Ц. Балталонъ.—См. 1891 г.

Около Шекспира.—«Вѣстникъ Иностранной Литературы», № 2. (Заграничная хроника. IV. Литература и печать. Стр. 360—362). Объ изслѣдованіи американки г-жи *Галлупъ*: Двухбуквенный шифръ Бэкона».

Е. Студенская. Шекспиръ и Бэконъ.—«Новый Журналъ иностранной литературы», № 4. О томъ-же.

В. Верещагинъ. Руководство къ теченію избранныхъ произведеній всемірной литературы. Часть первая. Гомеръ. Софоклъ. Данте. Сервантесъ. Шекспиръ. Мольеръ. Спб. 1902. Вилльямъ Шекспиръ (стр. 159—169). Драма въ Англіи до Шекспира (стр. 173—191). Шекспировскій театръ (192—200) Періоды драматической дѣятельности Шекспира (стр. 200—206). Значеніе Шекспира (206—213). Три типа драмы (стр. 221—226).

Л. С. Юность въ пьесахъ Шекспира.—«Вѣстникъ воспитанія», №№ 2 и 3. Стр. 169—192 и 88—106):

1) Ромео и Джульетта. Гамлетъ.
2) Зимняя сказка. Цимбелинъ. Буря.

Какъ ошпкали Шекспира.—Нувеллистъ». Музыкально-театральная газета, № 12 Стр. 10. О представленіи «Укрощенія строптивой» въ 1871 г. на сценѣ Малаго театра, по воспоминаніямъ *Ив. Захарьина (Якунина).*

Ю. Бѣляевъ. Актеры и пьесы. (Впечатлѣнія) Спб. 1902 Ц. 1 руб.

1) «Много шуму изъ ничего» (Стр. 14—22).
2) Мочаловъ (Стр. 35—45).
3) Сальвини-Лиръ. Стр. 98—111).
4) Дездемона (Стр. 166—174).

Эмерсонъ. Сочиненія. Томъ II. Представители человѣчества. V. Шекспиръ, или поэтъ.—Приложеніе «Новаго журнала иностранной литературы», №№ 8 и 9 (Стр. 71—82. Отд. изд. въ 1903 г.

В. Г. Лондонскіе театры при Шекспирѣ.—«Новое Время», № 9617. (Иллюстрир. приложеніе. Литерат. хроника Стр. 7)—По «Revue de Paris», 15-го дек.

Гамильтонъ Райтъ Мэби. Этическое значеніе трагедіи Шекспира. Переводъ *А. Веселовской.*—«Подъ знаменемъ науки». Сборникъ въ честь Н. И. Стороженка стр. 64—73. Глава изъ новѣйшей американской біографіи Шекспира—William Shakespeare, poet, dramatist and man, by Hamilton Wright «Тамъ, же, Mabie, New york. 1900.

М. Розановъ. Одинъ изъ современниковъ Шекспира.—«Тамъ же, стр. 726—737. О Томасѣ Гейвудѣ.

1903.

Шекспиръ на японской сценѣ.—«Міръ Божій», № 6. (Отд. II. Изъ иностранныхъ журналовъ. Стр. 58—61).

Театръ временъ Шекспира.—«Нива». Ежемѣсячныя литературныя и популярно-научныя приложенія, № 6. Страница 309—311. Смѣсь.

Г. де Визева. Личность Шекспира.—«Вѣстникъ и Библіотека Самообразованія», № 5 Стр. 233—235.

В. Доманицкій. Шекспировскій фондъ и Рус-

ско-украинска Выдавныча Спилка.—«Кіевская Старина», т. LXXX, Мартъ Стр. 141—148.

Объ изданіи 10 драмъ Шекспира въ малорусскомъ переводѣ П. А. Кулиша.

II.

Собранія сочиненій Шекспира.

въ русскомъ переводѣ.

I. **Василій Якимовъ.** Король Лиръ и Купецъ Венеціанскій. Спб. 1833. Ц. 1 р. 50 коп.

Рецензіи: 1) *А. Н—ко.* О переводѣ Шекспира. Сѣверная Пчела 1833 г. № 70 (Фельетонъ стр. 277—278). О предстоящемъ выходѣ въ свѣтъ новаго изданія Смирдина (Вып. I. Лиръ и Венеціанскій купецъ).

2) *К.*—Тамъ же, №№ 116—117 (стр. 461—463, 465—466).

3) Московск. Телеграфъ 1833 г. ч. 51 (стр. 152—160).

4) Молва 1833 г. № 97.

II. Шекспиръ. Пер. съ англ. **Н. Кетчеръ.** 4 ч. М. 1841—43. 12 д. л. Ц. 7 р. 50 к.

Переводъ 84 драмъ прозаическій, выходилъ съ 1841 по 1850 г. выпусками, по одной драмѣ въ каждомъ; четыре выпуска составляли томъ. Такъ вышло 16 вып. (4 тома); потомъ въ 1850 г. вышли вып. 17 («Два Веронца») и 18 («Антоній и Клеопатра»), и на этомъ первое изданіе прекратилось. Второе изданіе имѣло заглавіе:

Драматическія сочиненія В. Шекспира. Перев. (въ прозѣ) съ англійскаго Н. Кетчера, выправленный и пополненный по найденному *Пэнъ-Коллеромъ* старому экземпляру in folio, 1623 г. Изданіе К. Солдатенкова и Щепкина. 9 ч. М. 1858—79. Ц. по 1 р. за томъ (т. IX 2 руб.).

Часть 1. 1841. 2-е изд. 1863. (1. Король Іоаннъ. 2. Ричардъ II. 3 и 4. Генрихъ IV, ч. 1 и 2).

Часть 2. 1841. 2-е изд. 1863. (5. Генрихъ V. 6, 7 и 8. Генрихъ VI, ч. 1, 2 и 3).

Часть 3. 1842. 2 изд. 1864. (9. Ричардъ III. 10. Генрихъ VIII. 11. Комедія ошибокъ. 12. Макбетъ).

Часть 4. 1843. 2-е изд. 1863. (13. Укрощеніе строптивой. 14. Коріоланъ. 15. Все хорошо, что хорошо кончится. 16. Отелло).

Часть 5. 1850. (Вып. 17 и 18; см. выше въ примѣчаніи). 2-е изд. 1858. 3-е изд. 1863. (17. Тимонъ Аѳинскій. 18. Два веронца. 19. Юлій Цезарь. 20. Антоній и Клеопатра).

Часть 6. 1866. (21. Зимняя сказка. 22. Троилъ и Крессида. 23. Виндзорскія проказницы. 24. Ромео и Джульетта).

Часть 7. 1873. (25. Крещенская ночь. 26. Гамлетъ. 27. Тщетный трудъ любви. 28. Мѣра за мѣру).

Часть 8. 1877. (29. Король Лиръ. 30. Много шуму по пустому. 31. Цимбелинъ. 32. Какъ вамъ угодно).

Часть 9. 1879. (33. Буря. 34. Купецъ Венеціанскій. 35. Въ ночь на Ивана сновидѣнье. 36. Титъ Андроникъ. 37. Периклъ).

Рецензіи:

1841 г.: 1] *Л. Л.*—Сѣверная Пчела, № 203.

2) Библіотека для Чтенія, т, 48.

3) *Ф. Мецовъ.* Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ. ч. 32. № 6 (Стр. 1—4. На вып. 2—4).

4) *В. П. Боткинъ.* Отеч. Записки, т. 17. № 8. (Отд. VI. Стр. 47—49. На вып. 1—2) и въ «Сочиненіяхъ» Боткина Спб. 1894 т. III. (Пантеонъ Литературы 1893 г. № 4).

5) и 6) Отеч. Записки, т. 18. № 10 (Отд. VI. Стр. 40 — 41. На вып. 3) п. т. 19. (Отд. VI. Стр. 3—7).

1842 г. 7) *К. Б.*—Литерат. Газета, № 3 (На ч. 1).

8) *Межевичъ*—Сѣверная Пчела, № 172.

9) А. *Студитскій.* Москвитянинъ, ч. 5. № 9. Стр. 203—220. На вып. 1—9).

10) Отеч. Записки, т. 20 № 1 (Отд. VI. Стр. 46—47. На вып. 6).

11) *В. П. Боткинъ.* тамъ же, т. 21. № 4 (Отд. VI Стр. 32—33. На вып. 7—8) и въ «Сочиненіяхъ» В. Боткина. Спб. 1891. т. II (Пантеонъ Литературы 1891 г., т. I. Стр. 162—163).

12 и 13) Отеч. Записки, т. 22. № 6 (Отд. VI, Стр. 35. На вып. 9) и т. 24 (Отд. VI. Стр. 35. На вып. 10).

1843 г.: 14) Отеч. Записки. т. 27 № 3.

1847 г.: 15) Современникъ, т. 2 № 3.

1848 г.: 16) *К. П.*—С.-Петерб. Вѣдомости № 178.

17) Литерат. Газета, № 33 (На вып. 15).

18) Отеч. Записки, т. 59. № 8.

1849 г.: 19) Современникъ, т. 17 № 10.

20) Москвитянинъ, № 17. кн. 1.

1851 г.: 21) *В. Гаевскій.* Библіотека для Чтенія, т. 106, № 3 (Отд. V. Стр. 18—30).

1858 г.: 22) *Е. К.*—Атеней, № 29.

23) *М. Лонгиновъ.*—Московск. Вѣдом., № 73.

24) *К. Полевой.*—Сѣверная Пчела, № 173.

25) Современникъ, т. 70. № 7 (на ч. V).

1859 г.: 26) Отеч. Записки, № 1 (на ч. V).

1860 г.: 27) *Н. Стороженко.* Критическое Обозрѣніе. № 5 (Стр. 237 — 245 на ч. I—IX) и въ «Опытахъ изученія Шекспира» Н. Стороженка. М. 1902 (Стр. 398—410).

III. Полное собраніе драматическихъ произведеній Шекспира, въ переводѣ русскихъ писателей. Изд. **Н. А. Некрасова и Н. В. Гербеля.** — 4 т. Спб. 1865—68 8°. Ц. по 3 р. 50 к. за томъ, 2-е изданіе. 4 т. Спб. 1876—77. Ц. 14 руб.

Переводы 34 драмъ въ стихахъ и прозѣ, согласно съ подлинникомъ. Примѣчанія *П. Н. Полевого* по издан. Пэйнъ Кольера, Найта, Н. Дрэка и шекспировскаго общества. Изданія 1-е и 2-е тожественны: изданіе 3-е уже одного Н. В. Гербеля, съ измѣненнымъ заглавіемъ и новымъ распредѣленіемъ матеріала. Содержаніе:

Томъ I XLVI + 478 + 1 стр. 1865. 2-е изд. VIII + 466 стр. 1876.

В. П. Боткинъ. Литература и театръ въ Англіи до Шекспира. 1) Коріоланъ, А. В. Дружинина. 2) Отелло, П. И. Вейнберга. 3) Сонъ въ Иванову ночь, Н. М. Сатина. 4) Юлій Цезарь, Д. Л. Михайловскаго. 5) Король Лиръ, А. В. Дружинина. 6) Много шуму изъ ничего, А. И. Кронеберга. 7) Макбетъ. А. И. Кронеберга. 8) Тимонъ Аѳинскій, П. И. Вейнберга. 9) Двѣнадцатая ночь или Что угодно, А. И. Кронеберга.

Томъ II. VI + 500 стр. 1866.—2-е изд. 440 стр. 1876.

10) Гамлетъ, принцъ датскій, А. И. Кронеберга. 11) Буря. Н. М. Сатина. 12) Троилъ и Крессида, А. Л. Соколовскаго. 13) Ромео и Юлія. Н. П. Грокова. 14) Усмиреніе своенравной, А. П. Островскаго.

Историческія драмы. Введеніе къ «хроникамъ».

15) Король Джонъ. А. В. Дружинина. 16) Король Ричардъ II, А. Л. Соколовскаго. 17) Король Генрихъ IV (ч. 1 и 2), А. Л. Соколовскаго.

Томъ III. V + 505 + 1 стр. 1867.—2-е изд. 446 + 1 стр. 1876.

18) Король Генрихъ V. А. Л. Соколовскаго. 19) Король Генрихъ VI (ч. 1, 2 и 3), А. Л. Соколовскаго. 20) Король Ричардъ III. А. В. Дружинина. 21) Король Генрихъ VIII, П. И. Вейнберга. 22) Венеціанскій Купецъ, П. И. Вейнберга. 23) Какъ вамъ угодно. П. И. Вейнберга. 24) Антоній и Клеопатра, Л. Корженевскаго.

Томъ IV. LXI + 495 + 1 стр. 1868.—2-е изд.—1877.

П. Н. Полевой. Вильямъ Шекспиръ (Біографическій очеркъ), 25) Зимняя сказка, А. Л. Соколовскаго. 26) Конецъ всему дѣлу вѣнецъ, П. И. Вейнберга. 27) Цимбелинъ, Ѳ. Б. Миллера. 28) Титъ Андроникъ, А. И. Рыжова. 29) Два веронца, В. Ѳ. Миллера. 30) Виндзорскія проказницы, П. И. Вейнберга. 31) Мѣра за мѣру, О. В. Миллера. 32) Комедія ошибокъ, П. И. Вейнберга. 33) Периклъ, князь Тирскій, А. Л. Соколовскаго. 34) Безплодныя усилія любви, П. И. Вейнберга.

Полное собраніе сочиненій В. Шекспира въ переводѣ русскихъ писателей. 3-е дополненное и исправленное изданіе подъ редакціей *Н. В. Гербеля.* 3 т. Спб. 1880. 8°. Ц. 10 руб. 4-е изданіе. 3 т. Спб. 1887—88. 8°. Ц. 12 руб. (Съ 36 гравюрами 18 руб.) 5-е изданіе, подъ редакціей *Д. Л. Михаловскаго.* 3 т. Спб. 1899. 8°. Ц. 10 руб. (Съ 36 гравюрами, въ переплетѣ 21 руб.

Изданія 3-е, 4-е и 5-е имѣютъ одинаковое расположеніе матеріала (см. ниже).

Въ 3-мъ изданіи (въ т. III) помѣщены слѣдующіе новые переводы (сравнительно съ двумя предыдущими изданіями): 1) Ромео и Джульетта, А. Л. Соколовскаго: 2) Антоній и Клеопатра, А. Л. Соколовскаго; 3) Сонеты, Н. В. Гербеля; 4) Поэмы: Венера и Адонисъ, А. Л. Соколовскаго: Лукреція, Страстный пилигримъ и Жалоба влюбленнаго—Н. А. Холодковскаго.

Въ 4-мъ изданіи всѣ переводы А. Л. Соколовскаго замѣнены новыми, а именно: 1) въ т. I Зимняя сказка, К. К. Случевскаго; 2) въ т. II. Ричардъ II. Д. Л. Михаловскаго; Генрихъ IV, П. А. Каншина; Генрихъ V, Д. Л. Михаловскаго; Генрихъ VI, кн. Д. Цертелева; Троилъ и Крессида, П. А. Каншина; 3) въ т. III. Ромео и Джульетта, Д. Л. Михаловскаго; Антоній и Клеопатра, его же; Периклъ Н. А. Холодковскаго; Венера и Адонисъ (поэма) его же.

Въ 5-мъ изданіи перемѣнъ (сравнительно съ 4-мъ) не было, только «Тимонъ Аѳинскій» помѣщенъ въ т. III, а «Кріоланъ» въ т. II.

Томъ I. 584 стр. 1880—595 стр. 1887—601 стр. 1899—602 стр.

П. Н. Полевой. В. Шекспиръ (Біографич. очеркъ). 1) Буря. 2) Два веронца. 3) Виндзорскія проказницы. 4) Мѣра за мѣру. 5) Много шуму изъ ничего. 6) Безплодныя усилія любви. 7) Сонъ въ Иванову ночь. 8) Комедія ошибокъ. 9) Венеціанскій купецъ. 10) Какъ вамъ угодно (какъ вамъ это понравится). 11) Усмиреніе своенравной. 12) Конецъ всему дѣлу вѣнецъ. 13) Зимняя сказка.

Томъ II. 656 стр. 1880. 656 стр. 1887.—680 стр. 1899, 680 стр. Историческія драмы.

14) Король Джонъ. 15) Ричардъ II. 16) Генрихъ IV, въ 2-хъ ч. 17) Генрихъ V. 18) Генрихъ VI, въ 3-хъ ч. 19) Ричардъ III. 20) Генрихъ VIII. 21) 12-я ночь. 22) Троилъ и Крессида. 23) Тимонъ Аѳинскій. 24) Титъ Андроникъ.

Въ изд. 1899 г. вмѣсто «Тимона Аѳинскаго» помѣщенъ «Кріоланъ».

Томъ III. 647 стр. 1880.—663 стр. 1888.—681 стр. 1899.

В. П. Боткинъ. Литература и театръ въ Англіи до Шекспира. 25) Ромео и Джульетта. 26) Макбетъ. 27) Гамлетъ. 28) Король Лиръ. 29) Отелло. 30) Кріоланъ. 31) Юлій Цезарь. 32) Антоній и Клеопатра. 33) Цимбелинъ. 34) Периклъ.—Сонеты.—Поэмы.

Въ изд. 1899 г. послѣ «Ромео и Джульетта» помѣщенъ «Тимонъ Аѳинскій», а «Кріоланъ» выпущенъ.

Рецензіи:

1865 г.; 1) Антрактъ, № 67.
2) Голосъ, № 164.
3) Русскій Инвалидъ, № 127.
4) Книжный Вѣстникъ, № 9.
5) *Incognito.* — Отеч. Записки, № 15. Августъ кн. 2 (Стр. 500—512).

1866 г.: 6) Голосъ, № 63.
7) *М. Н. Лонгиновъ.* Соврем. Лѣтопись, № 20.
8) С.-Петерб. Вѣдомости, № 26.

1867 г.: 9) Magazin für die Litteratur des Auslandes, № 24.

1869 г.: 10) Голосъ, № 88.
11) Русскій Инвалидъ, № 106.
12) Иллюстрир. Газета, т. 21. № 28.
13) Вѣстникъ Европы, № 5.

1876 г.: 14) Вѣстникъ Европы, № 3 (на обложкѣ).

1880 г.: 15) *В. П. Буренинъ.* — Новое Время, № 1701.
16) Современность, № 56.
17) Вѣстникъ Европы, № 12 (на обложкѣ).
18) Русская Рѣчь, № 6.

1888 г.: 19) Русская Мысль, № 9.
20) Сѣверный Вѣстникъ, № 9.

IV. Полное собраніе сочиненіе В. Шекспира въ русскомъ переводѣ (въ стихахъ) **В. Костомарова.** 2 ч. Спб. 1865. 12 д. л. 174+197 стр.

Часть I. Король Іоаннъ. Ц. 50 коп.

Часть II. Король Ричардъ II. Ц. 65 коп.

Рецензія—Книж. Вѣстникъ 1865 г. № 13.

V. Въ 1878, 1879 и 1880 г. журналъ **«Живописное Обозрѣніе»** далъ, въ видѣ безплатной преміи, слѣдующіе три выпуска (какъ бы начало иллюстрированнаго собранія сочиненій Шекспира):

1) *Ал. Доуденсъ.* Шекспиръ. Съ 5 гравюр. на деревѣ. Спб. 1878. Стр. 34 2°. Ц. 40 коп.

2) Веселыя Виндзорскія кумушки. (Прозаич. пер. *В. И. Шульгина.* Стихи *П. И. Вейнберга.* Вступит. статья *В. В. Чуйко).* Съ 5 гравюр. на деревѣ Спб. 1876. Стр. 39. 2°. Ц. 75 коп.

3) Цимбелинъ. (Пер. *Н. И. Шульгина.* Вступит. статья *В. В. Чуйко).* Спб. 1880. Стр. 43. 2°.

VII. Драматическія произведенія Вильяма Шекспира. (Иллюстрированныя драмы, въ лучшихъ переводахъ). Изд. **А. Гатцука.** 7 вып. М. 1880—1889. 4°. 436 стр.

Это изданіе служило приложеніемъ «Газеты А. Гатцука» за 1880—1889 годы.

Вып. I. 1. Гамлетъ принцъ датскій. (Перев. Н. Маклакова). 2. Юлій Цезарь. Перев. П. Козлова). М. 1880. IX + 124 стр. Ц. 1 р. 50 коп. Со статьею *Г. Инльсона* о Шекспирѣ.

Вып. II. Кріоланъ. (Перев. Н. Маклакова). М. 1881. Стр. 125—192. Ц. 85 к.

Вып. III. Отелло. (Перев. Н. Маклакова). М. 1882. Стр. 193—263. Ц. 85 к.

Вып. IV. Король Лиръ. Перев. С. А. Юрьева. М. 1884. Стр. 265—316. Ц. 1 р. 25 к.

Вып. V. Макбетъ. Перев. С. А. Юрьева. М. 1885. Стр. 317—364.

Вып. VI. Сонъ въ лѣтнюю ночь. Перев. С. А. Юрьева. М. 1889. Стр. 365—404. Ц. 1 р.

Вып. VII. Буря. Перев. С. А. Юрьева. М. 1889. Стр. 405—436. Ц. 1 р.

VII. Дешевая библіотека, изд. **А. С. Суворина.** Съ 1896 по 1901 годъ вышло 9 пьесъ; № 39. Гамлетъ, Н. А. Полевого. № 44. Король Лиръ, А. В. Дружинина. № 47. Отелло, П. И. Вейнберга. № 53. Макбетъ, А. И. Кронеберга. № 58. Король Ричардъ III, А. В. Дружинина. № 89. Коріоланъ, А. В. Дружинина. № 199. Венеціанскій купецъ П. И. Вейнберга. № 217. Ромео и Джульетта. П. А. Кускова. № 323. Король Іоаннъ, Дм. Е. Мина. Цѣна по 25 коп.

Рецензія *П. П.* См. 1888.

VIII. Шекспиръ въ переводѣ **П. А. Козлова.** Драмы. I. Периклъ П. Юлій Цезарь. Спб. 1889. 8 д. л. 204 стр. Ц. 1 р. 50 коп.

IX. Трагедіи Шекспира для сцены и чтенія. **Алексѣя Московскаго.** I. Гамлетъ. Спб. 1889 Ц. 40 к.—Изд. 2-е. 1891. Ц. 20 коп. II. Отелло. Спб. 1894. Ц. 20 коп.

X. Полное собраніе сочиненій В. Шекспира, въ прозѣ и стихахъ (?) перевелъ **П. А. Каншинъ.** Біографическій очеркъ В. Шекспира написанъ Н. И. Стороженко. Примѣчанія П. И. Вейнберга, П. А. Каншина и др. Изданіе С. Добродѣева. 12 т. Спб. 1893. 12 д. л. Ц. 3 руб. — (2-е изданіе). 12 т. Спб. 1894. 8 д. л. Ц. 6 руб.

Переводъ прозаическій. Очеркъ Н. И. Стороженко взятъ изъ «Всеобщей исторіи литературы» В. Ѳ. Корша и А. П. Кирпичникова. Вступительные этюды *В. Чуйко*, подъ заглавіемъ: «Источники Шекспира», помѣщались въ журналѣ Живописное Обозрѣніе 1893 г. (№№ 4, 8, 14, 17, 22, 27, 31, 36, 39, 43 и 47, всего въ одиннадцати №№; примѣчаній къ тому XII не было). Первое изданіе служило безплатнымъ приложеніемъ «Живописнаго Обозрѣнія» 1893 г. (въ видѣ 12 ежемѣсячныхъ книжекъ). Въ это изданіе впервые вошли 3 «сомнительныя» драмы Шекспира («Іоркширская трагедія», «Эдвардъ III» и «Два благородныхъ родственника») его «Завѣщаніе» и стихотвореніе «Фениксъ и голубка».

Томъ I. Съ прилож. портрета и 7 рис. 1) Гамлетъ. 2) Ромео и Джульетта. 3) Отелло. *Н. И. Стороженко.* Біографія Шекспира.

Томъ II. Съ прилож. 4 рис. 4) Цимбелинъ. 5) Король Лиръ. 6) Макбетъ. 7) Іоркширская трагедія.

Томъ III. Съ прилож. 4 рис. 8) Король Іоаннъ. 9) Эдвардъ III. 10) Ричардъ II.

Томъ IV. Съ прилож. 4 рис. 11) Генрихъ IV, ч. 1 и 2. 12) Генрихъ V.

Томъ V. Съ прилож. 4 рис. 13) Мѣра за мѣру. 14) Тимонъ Аѳинскій. 15) Зимняя сказка. Лукреція (поэма).

Томъ VI. Съ прилож. 3 рис. 16) Ричардъ III. 17) Венеціанскій купецъ. 18) Троилъ и Крессида.

Томъ VII. Съ прилож. 3 рис. 19) Генрихъ VI, ч. 1, 2 и 3.—Венера и Адонисъ (поэма).

Томъ VIII. Съ прилож. 4 рис. 20) Два вероница. 21) Генрихъ VIII. 22) Титъ Андроникъ.—Сонеты.

Томъ IX. Съ прилож. 2 рис. 23) Коріоланъ. 24) Юлій Цезарь. 25) Антоній и Клеопатра. Жалобы влюбленной. Фениксъ и голубка.

Томъ X. Съ прилож. 5 рис. 26) Веселыя виндзорскія жены. 27) Крещенскій сочельникъ или Что хотите. 28) Сонъ въ Иванову ночь. 29) Буря.

Томъ XI. 30) Много шуму изъ ничего. 31) Усмиреніе строптивой. 32) Комедія ошибокъ. 33) Периклъ принцъ Тирскій.—Страстный пилигримъ.

Томъ XII. Съ прилож. 5 рис. 34) Напрасный трудъ любви. 35) Все хорошо, что хорошо кончается. 36) Какъ вамъ угодно. 37) Два благородныхъ родственника. Завѣщаніе.

То же. Изданіе А. Ф. Іогансона (иллюстрированное). 4 т. Кіевъ. 1902 — 1903. Цѣна (по подпискѣ) 5 руб. и 7 р. 50 к. (на лучшей бумагѣ) Изданіе еще не закончено.

Рецензіи:

1893 г.: 1) Новое Время, № 6091.

2) *А. О—нъ.* Макулатурная литература.—Русская жизнь, №№ 59 и 248.

3) Наблюдатель, № 12.

1902 г.: Книжный Міръ, № 2.

XI. Шекспиръ въ переводѣ и объясненіяхъ **А. Л. Соколовскаго.** 8 т. Спб. 1894—1898. Ц. 1 р. 25 к. за томъ (все 10 руб.).

Прежде чѣмъ выпустить это изданіе, А. Л. Соколовскій издалъ, въ 1883 — 1885 гг., отдѣльно 5 драмъ въ своемъ переводѣ, а именно: 1) «Гамлетъ». 1883. 2) «Король Лиръ». 1884. 3) «Макбетъ». 1884. 4) «Юлій Цезарь». 1885. 5) «Сонъ въ лѣтнюю ночь». 1885. Первыя три драмы, кромѣ полнаго изданія, имѣли еще другое, приспособленное для класснаго чтенія (полное изданіе стоило по 1 руб., классное по 85 коп.). Изданіе 1894 — 1898 г. снабжено множествомъ примѣчаній. Нынѣ оно перешло въ собственность А. Ф. Маркса.

Томъ I. Вступительная статья: Шекспиръ и его значеніе въ литературѣ. Трагедіи: 1) Отелло. 2) Король Лиръ. 3) Макбетъ.

Томъ II. Трагедіи: 4) Гамлетъ. 5) Ромео и Джульетта. 6) Тимонъ Аѳинскій.

Томъ III. Драмы: 7) Венеціанскій купецъ. 8) Мѣра за мѣру. 9) Цимбелинъ. 10) Зимняя сказка. 11) Периклъ.

Томъ IV. Трагедіи изъ древняго міра. 12) Троилъ и Крессида. 13) Коріоланъ. 14) Юлій Цезарь. 15) Антоній и Клеопатра.

Томъ V. Драматическія хроники: 16) Король Іоаннъ. 17) Король Ричардъ II. 18) Король Генрихъ IV (ч. 1 и 2-я). 19) Король Генрихъ V.

Томъ VI. Драматическія хроники. 20) Король Генрихъ VI. (ч. 1, 2 и 3-я). 21) Король Ричардъ III. 22) Король Генрихъ VIII.

Томъ VII. Комедіи: 23) Сонъ въ лѣтнюю ночь. 24) Виндзорскія проказницы. 25) Укрощеніе своенравной. 26) Много шуму изъ пустяковъ. 27) Двѣнадцатая ночь. 28) Два вероница.

Томъ VIII. Комедіи: 29) Буря. 30) Какъ вамъ угодно. 31) Конецъ вѣнчаетъ дѣло. 32) Напрасные труды любви. 33) Комедія ошибокъ. Сомнительная пьеса: 34) Титъ Андроникъ.

Рецензіи:

1894 г.: Недѣля, № 44.

Новое Время, № 6710.

1897 г.: Недѣля, №№ 6 и 47. (Стр. 90 и 1509, на 6-й и 7-й томы).

Пл. Красновъ. Шекспиръ—на русскомъ языкѣ.—Книжки Недѣли. № 3 (на 1—6 томы).

1898 г.: *В. П. Буренинъ.* Новое Время. № 7917.

Вѣстникъ Европы, № 4. (На обложкѣ).

Р. Сементковскій.—Литературныя приложенія «Нивы», № 5.

В. Чуйко.—Сѣверный Вѣстникъ, № 6—7.

1902 г.: *Евг. Ан—въ.* Міръ Божій, № 12.

Вѣстникъ Европы, № 11. На обложкѣ).

Переводу А. Л. Соколовскаго въ 1901 г. присуждена Академіей Наукъ полная Пушкинская премія. По рецензіи Н. И. Стороженка. Эта рецензія еще не напечатана.

XII. Библіотека великихъ писателей. Подъ редакціею **С. А. Венгерова.** Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. 5 т. 1902—1903. Ц. 5 руб. за томъ.

Рецензіи:
1902 г.: 1) *Евг. Ан—въ.* Міръ Божій, № 12 (на 1-й т.).
2) Иллюстрированное изданіе сочиненій Шекспира. Новый Журналъ Иностранной Литературы, № 12 (на 1-й т.).
3) *Бор. Городецкій.* Историч. Вѣст. № 12.
4) Рус. Вѣд. № 277.
5) *Д. П. Сильчевскій.* Бирж. Вѣд.
6) 1903 г.: Вѣстникъ Европы, № 2. (На обложкѣ). (На 1-й т.) № 7 (на обложкѣ).
7) *Е. А.* Міръ Божій, № 6. (Стр. 64—68. На томы 2—3).
8) *Проф. Л. Шепелевичъ.*—Образованіе, № 3. (Стр. 108—111) (на т. 1—2).
9) *Пл. Краснов.* — Извѣстія по литературѣ, наукамъ и библіографіи, № 8—9. (За мѣсяцъ. Стр. 88—89) (на т. 1—3).
10) Jahrbuch der Deutschen Shakespeare Gesellschaft. Bd. 39.
11) The Bookman. October.
12) Times Literary Supplement., December, 4 p. 354.
13) Kunst für Alle. Januar.
14) Русское Богатство № 11.

III.

Отдѣльныя произведенія Шекспира.

Прим.: подъ рубрикою *А.* приводятся критическія статьи и замѣтки о нихъ. Подъ *В* перечень русскихъ переводовъ.
Въ рубрикѣ *А.* ссылки на годъ (напр. см. 1839 г.) относятся къ отд. I нашей библіографіи («Книги и статьи о Шекспирѣ»).
Въ рубрикѣ *В.* переводы въ прозѣ обозначены стоящимъ въ скобкахъ словомъ «Прозаич.».
Полные переводы перенумерованы въ хронологическомъ порядкѣ.
Римскія цифры при отрывкахъ обозначаютъ N дѣйствія, а арабскія N сцены (напр. I. 2 — дѣйствіе I, сцена 2-я, или изъ сцены 2-й).
Указанія на собранія сочиненій Шекспира въ русскомъ переводѣ сдѣланы сокращенно: указывается издатель (напр. изд. Гербеля. Н. Кетчера. А. Сокол., П. Каншина, изд. Гатцука), томъ или выпускъ и годъ изданія.

1. Драматическія произведенія.

АНТОНІЙ И КЛЕОПАТРА.

А.

Жоржъ-Зандъ—см. 1839 г.
Гейне см. 1864 и 1899 г.
Франсуа Гюго см. 1880 г.
Н. И. Стороженко. Русскія Вѣдомости 1887 г. Январь. По поводу постановки трагедіи на сценѣ Малаго театра въ Москвѣ.
Элеонора Дузе, Сѣверный Вѣстникъ 1891 г. № 8.
Ѳ. Ф. Зѣлинскій, въ настоящемъ изд. т. IV. 1903.

В.

I. *(Леонтьевъ).* Антоній и Клеопатра (Прозаич.) Приложеніе № 1 къ «Репертуару русскаго театра» 1840 г. № 9. 8 д. л. 2 ст. 49 стр.
Разборъ.—*В. Бѣлинскій.* 1) Отечеств. Записки 1840 г. № 10. 2) Полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго подъ ред. Венгерова. Спб. 1901, т. V. Стр. 403. Отзывъ одобрительный.
II. *Н. Х. Кетчеръ.* То же (Прозаич.) ч. V изд. 1850. вып. 18; 1858 и 1863 г.
III. *А. Фетъ.* То-же.—Русское Слово 1859 г. № 2 (Отд. I. Стр. 54 и слѣд.).
Рецензіи:
1) *А. Г—фовъ.* Театръ и музыкальн. вѣстникъ 1859 г. № 26.
П. Вейнбергъ — см. ниже разборъ перевода Д. Л. Михаловскаго. Отзывъ неодобрительный.
Ѳ. Устряловъ. Отрывки I. 5; III. 6, 11; V. 2.—Сочиненія Г. Гейне, т. III (изд. 1864 г., стр. 161—167, и 1875 г.) и т. VII (изд. 1900 г.).
IV. *Л. Корженевскій.* Антоній и Клеопатра.—Изд. Гербеля, т. III (1867 и 1877 г.).
V. *С. А. Юрьевъ.* То же (Прозаич., приспособл. для постановки на сцену). Театральная Библіотека 1879 г. № 4.
VI. *А. Л. Соколовскій.* То же.—Изд. Гербеля, т. III (1880 г.) и Сокол., т. IV (1895 г.).
VII. *С. А. Юрьевъ.* То же — Эпоха 1836 года №№ 7—12.
VIII. *Д. Л. Михаловскій.* То же.—Изд. Гербеля.—т. III (1888 и 1899 г.).
Разборъ *П. И. Вейнберга:* Шестое присужденіе Пушкинскихъ премій. (Трагедіи Шекспира «Антоній и Клеопатра» и «Ричардъ II» въ переводахъ Д. Л. Михаловскаго). 1) Журналъ Министр. Народн. Просвѣщ. 1890 г. Декабрь. (Соврем. лѣтопись, стр. 57 — 62). 2) Сборникъ отдѣленія рус. яз. и словесности Имп. Акад. Наукъ, т. 52. 1891. 3) Приложеніе № 1 къ «Запискамъ Имп. Акад. Наукъ», т. 66. Спб. 1891.
А. Н. Островскій. Двѣ сцены (III. 9 и 10)—Сборникъ общества любителей россійской словесности на 1891 г. М. 1891.
IX. *П. А. Каншинъ.* Антоній и Клеопатра (Прозаич.) т. IX. (изд. 1893 и 1894 г.) 1902—03).
X. *Н. Минскій* и *О. Чюмина*, въ настоящемъ изданіи т. IV. Спб. 1903.
Кромѣ того, прозаическія изложенія: 1) Antonio e Cleopatra. Драматическій репертуаръ Элеоноры Дузе. Изд. В. К. Травскаго. Антоній и Клеопатра, трагедія въ 5 дѣйств. Сокращенное либретто Спб. 1891. (Изд. 2-е). Стр. 16. 2) Въ книгѣ *Н. Кожевниковой* см. 1891 г.

БЕЗПЛОДНЫЯ УСИЛІЯ ЛЮБВИ.

А.

Ипполитъ Люка см. 1839 г.
В. Зотовъ—см. 1845 г. и 1882 г.
П. Морозовъ—настоящ. изд., т. I (1902 г.).

В.

I. *П. И. Вейнбергъ.* Безплодныя усилія любви—1) Изд. Гербеля, т. IV (1868 и 1877 г.). т. I (1880, 1887 и 1889 г.); 2) Настоящ. изд., т. I (1902 г.).
II. *Н. Х. Кетчеръ.* Тщетный трудъ любви. (Прозаич.) ч. VII (изд. 1873 г.).
III. *П. А. Каншинъ.* Напрасный трудъ любви (Прозаич.) т. XII (изд. 1893 и 1894 г.) и изд 1902—03 г.
IV. *А. Л. Соколовскій.* Напрасные труды любви—т. VIII (1898 г.).

БУРЯ.

В. Кюхельбекеръ—см. 1825 г.
Дамскій Журналъ 1827 года, ч. 18, № 10 (Стр. 199).

О передѣлкѣ кн. *А. А. Шаховскаго:* «Буря, волшебно-романтическое зрѣлище, взятое изъ твореній Шекспира въ стихахъ и прозѣ, въ 3 дѣйствіяхъ».

Де-Понжервиль—см. 1839 г.

Пантеонъ 1850 г. т. IV (Отд. VI. Стр. 14—16 и Отд. VIII. Стр. 40—42).

О либретто *Скриба* къ оперѣ Галеви «Буря».

Гизо—см. 1854.

М. Кулишеръ. Просперо и Калибанъ. Вѣстникъ Европы 1883 г. № 5 (Стр. 409—418),—Отзывъ *А. К*, въ «Искусствѣ» 1883 г. № 19. (Стр. 218—219).

А. Н. Веселовскій—см. 1886 г.

Л. Пальминъ. Гусляръ 1889 г. № 1. (Стр. 12).

А. Бассаргинъ.—Московскія Вѣдомости 1901 г. № 30.

Пьеса шла въ переводѣ Сатина.

Л. С.—см. 1902 г.

Ив. Ивановъ, въ настоящемъ изданіи, т. IV. Спб. 1903.

В.

Два отрывка (I. 2; II; 2) Корифей 1803 г. кн. 2 (Стр. 98—107). Съ предисловіями (на стр. 98—100 и 104—105).

Н. М. Карамзинъ. Надгробная надпись (Прозаич. Отрыв. IV. 1). Сочиненія 1814 г. т. V.

Изъ 2-го дѣйствія. — Сынъ Отечества 1838 г. т. VI (Отд. VI. Стр. 65).

I. *Н. М. Сатинъ.* Буря. М. 1840. Ц. 1 руб. (Отрывокъ I. 2, «Просперо и Аріель», за подписью *С****,—въ Библіот. для Чтенія 1837 г. т. XXII. № 6. Отд. I. Стр. 90 — 95). Перепечатано въ изд. Гербеля, т. II (1866 и 1876 г.) и т. I (1880, 1887 и 1899 г.); въ настоящемъ изданіи напечатано съ нѣкоторыми измѣненіями.

Рецензіи 1841 г.: 1) Сынъ Отечества, №№ 46—52 (Стр. 165—191)—изложеніе драмы.

2) Литерат. Газета, № 11.

3) *S.*—Москвитянинъ, ч. II, № 4.

4) Отеч. Записки, т. XIII.

II. *М. Г. (Гамазовъ).* Буря (Прозаич.; лирическіе отрывки въ стихахъ). Пантеонъ 1840 г. ч. I. № 3.

Разборъ—*В. Бѣлинскій.* 1) Отечеств. Записки, 1840 г. № 5. 2) Полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго: Спб. 1901, т. V. Стр. 277. Подъ ред. Венгерова. Отзывъ одобрительный.

Л. Мей. Дѣйствіе I.—Модный Магазинъ, 1864 г. № 10 (Стр. 145) и полное собраніе сочиненій Л. А. Мея. Спб. 1887, т. III.

III. *Н. Х. Кетчеръ.* Буря (Прозаич.) — ч. IX (изд. 1879 г.).

IV. *С. А. Юрьевъ.* Буря. — 1) Гусляръ, 1889 г. №№ 1—7. 2) Изд. Гатцука, вып. VIII (1889 г.)

V. *П. А. Каншинъ.* Буря (Прозаич.)—т. X (изд. 1893 и 1894 г.) и изд. 1902—03 г.

VI. *А. Л. Соколовскій.* Буря — т. VIII (изд. 1898 г.).

Кромѣ того, прозаическія изложенія:

1) Въ рецензіи на перев. Сатина, Сынъ Отеч., 1841 г. №№ 46—52.

2) Въ книгѣ *Ламбъ*, см. 1865 и 1900 г.

3) Семейные Вечера (для юношества). 1875 г. № 8.

4) Сказки и разсказы *А. Владиміровой* для дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ. Спб. 1880.

ВЕНЕЦІАНСКІЙ КУПЕЦЪ.

А.

Нынѣшнее состояніе драматическаго искусства во Франціи. (Съ франц.). — Московскій Телеграфъ 1830 г. ч. 34. №№ 15 и 16 (Стр. 340—377 и 472—509). О переводѣ *A. de Vigny* «Le Maure de Venise».

А. де Впньи—см. 1830 г.

А. С. Пушкинъ—см. 1833 г.

Графъ Юлій де-Рессегье—см. 1839 г.

Пантеонъ 1841 г. ч. I. кн. 6 см. 1841 г.

Откуда Шекспиръ взялъ своего Венеціанскаго купца?

Тамъ-же, ч. IV, кн. 11 12 (Калейдоскопъ стр. 136—139).

Шейлокъ . . . . въ оригиналѣ. — Литературная Газета, 1842 г. № 48 (Стр. 985).

Источникъ Венеціанскаго купца Шекспира.—Репертуаръ и Пантеонъ 1847 г. т. VI (Смѣсь, стр. 33—38).

Гизо—см. 1854 г.

К. Званцовъ. Айра-Элдриджъ—см. 1858 г.

А. Г. Еврей Шейлокъ въ драмѣ Шекспира.—Сіонъ 1861 г. №№ 21—22. По поводу представленій Айра Ольдриджа.

А. Н. Баженовъ. Ольдриджъ—см. 1862 и 1869 г.

Гейне—см. 1864 и 1899 г.

Кіевлянинъ, 1866 г. № 75.

Диккеръ. Шейлокъ. — Приложеніе къ Гакармелю, 1866 г. № 7 (Стр. 32—33).

Марія Сакеръ. Шекспиръ и наши публицисты.—День, 1869 г. № 33 (Стр. 547 и 549) и Недѣльная Хроника Восхода, 1882 г. № 16.

Фонъ III. Римскій закладъ.—День, 1870 г. № 3 (Стр. 44—45).

Перестановка лицъ въ трагедіи «Венеціанскій купецъ».—Вѣстникъ русскихъ евреевъ, 1871 г. № 41. (Стр. 1289—1292).

Вѣчный студентъ. Шекспиръ на Казанской сценѣ. Камско-Волжская Газета, 1872 г. № 2.

Руд. ф. Іерингъ. Борьба за право. Юридическій Вѣстникъ, 1874 г.

Иерингъ. То же. Переводъ П. П. Волкова. М. 1874. Ц. 75 к.

Гейне о еврейскомъ вопросѣ. — Еврейскія Записки, 1881 г. № 6.

Г. Гретцъ. Шейлокъ въ легендѣ, въ драмѣ и въ исторіи. Восходъ, 1881 г. № 5.

Н. Самуэли. Шейлокъ и Натанъ. — Восходъ, 1883 г. № 11—12.

Я. Ромбро. — Недѣльная хроника Восхода 1884 г. № 11.

М. А. Оксъ—см. 1886 г.

Герцо-Виноградскій. Недѣльная хроника Восхода, 1887 г. № 16.

S. Юристы о Шейлокѣ. Восходъ 1887 г. № 11.

О Р. ф. Іерингѣ и Колерѣ.

А. Волынскій. — Недѣльная хроника Восхода 1888 г. № 2.

Александръ Веселовскій. Боккачіо, его среда и сверстники. Томъ I. Спб. 1893.

Р. ф. Іерингъ. Борьба за право. 1) Перев. С. Гинзбурга. Кіевъ. 1893. Ц. 60 коп. 2) Перев. О. Верта. Подъ редакц. М. И. Свѣшникова. Спб. 1895. 90 стр. Ц. 60 коп. 3) Перев. І. Юровскаго. (Международная Библіотека, № 36). Спб. 1895. Ц. 25 коп. Рецензія. Недѣля, 1896 г. № 12.

І. Колеръ—см. 1895 г.

З. Венгерова. Шейлокъ и его источники.—Сбор-

никъ въ пользу начальныхъ еврейскихъ школъ. Спб. 1896.

Юрій Бѣляевъ. Театральныя замѣтки. I. Шейлокъ. Сѣверъ. 1897 г. № 6. (Стр. 183—188).

А. Амфитеатровъ. Шейлокъ. — Театръ и Искусство, 1897 г.

С. Рапопортъ. Евреи на англійской сценѣ. IV. Шекспиръ и Бомонтъ-Флетчеръ.—Восходъ, 1898 г. № 4.

Ан.—Русская Мысль, 1898 г. № 11.

Р. Ф. Іерингъ. Борьба за право? Перев. С. Ершова. Изд. маг. «Книжное дѣло». М. 1900. 8 д. 94 стр. Ц. 30 коп.

Н. А. Полетаевъ. Шекспиръ и Іерингъ, или Что такое борьба за право? Спб. 1900. 8 д. 66 стр. Ц. 40 коп.

С. Л. Цинбергъ. Происхожденіе Шейлока. Спб. 1901. Ц. 25 коп.

(Изъ «Книжекъ Восхода» 1901 г. №№ 7—8).

Рецензія: *С. М.*—Научное Обозрѣніе, 1903 г. № 1.

Л. Шепелевичъ—настоящ. изд., т. I (1902 г.).

В. В. Стасовъ. Шейлокъ. Спб. 1904.

В.

I. *Василій Якимовъ.* Купецъ Венеціанскій (Спб. 1833)—см. Собранія сочиненій Шекспира.

II. *Н. Павловъ.* Венеціанскій купецъ (Прозаич.) Отечественныя Записки, 1839 г. т. V. № 9 (Отд. III. (Стр. 255).

Ев. Уш—въ. Отрыв. V. 1.—Шехеразада 1859 г. т. I. № 11. (Стр. 329).

III. *Ап. Григорьевъ.* Шейлокъ, венеціанскій жидъ. Драматическое представленіе въ 5 дѣйств. (Передѣл. для сцены).—Драматическій Сборникъ, 1860 г. № 1 Отд. I. Стр. 1—52) и отдѣльно; Спб. 1860. Ц. 75 к.

Роль Шейлока. Представлена на Одесскомъ театрѣ г-мъ Айра Альдриджемъ. Од. 1861.

Роль Шейлока. Кіевъ. 1861.

Ѳ. Устряловъ. Отр. I. 1, 3; IV. 1.—Сочиненія Г. Гейне, т. III (изд. 1864 г., стр. 240—246 и 1875 г.) и т. VII (изд. 1900 г.).

IV. *П. И. Вейнбергъ.* Венеціанскій купецъ. 1) Въ изд. Гербеля, т. III (1867 и 1877 г.) и т. I (1880, 1887 и 1899 г.). 2) Драматическій репертуаръ Эрн. Росси. Изд. 2-е, исправленное. Спб. 1877. Стр. 45. Ц. 75 коп. 3) Изд. А. Суворина (Дешевая Библіотека № 199). Спб. 1898. 12 д. л. XXVIII+172 стр. Ц. 25 к. (Съ предисловіемъ и замѣтками Шлегеля, Р. Гранта Уайта и Дрэка по поводу «Венеціанскаго купца»). 4) Настоящ. изд., т. I (1902 г.).

V. *Н. Х. Кетчеръ.* Купецъ Венеціанскій (Прозаич.)—ч. IX (изд. 1879 г.).

VI. *Н. Шепелевъ.* Венеціанскій купецъ.—Русское Обозрѣніе, 1892 г. №№ 8—9.

VII. *П. А. Каншинъ.* То же (Прозаич.—т. VI (изд. 1893 и 1894 г.) и изд. 1902—1903 г.

VIII. Шейлокъ (Венеціанскій купецъ), драма въ V дѣйств. (Прозаич.). Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ. 1893. 16 д. л. 173 стр. Ц. 25 коп.

IX. *А. Л. Соколовскій.* Венеціанскій купецъ—т. III (изд. 1895 г.).

Кромѣ того, прозаическія изложенія: 1) Венеціанскій купецъ.—Подснѣжникъ, 1858 г. № 4. 2) Въ книгѣ *Ламбъ*—см. 1865 г. и 1900 г. 3) Венеціанскій купецъ, пересказанный *Густ. Ниритцемъ* (Розовая библіотека, № 21. Изд. М. О. Вольфа). Спб. 1873. Ц. 30 коп. 4) *Ив. Гр.* Венеціанскій купецъ.—Дѣтское Чтеніе, 1880 г. № 1. 5) Шейлокъ, венеціанскій жидъ, или счастье въ сундучкѣ. Изд. И. А. Морозова. М. 1883. Ц. 5 коп.

6) *Н. Полочанинова.* Шейлокъ.—Семейные Вечера (для юношества) 1889 г. № 6. 7) Репертуаръ Росси. Шейлокъ, венеціанскій жидъ. Въ сокращенномъ изложеніи. Спб. 1890. Ц. 20 коп. 8) То же. Тифлисъ. 1890. Ц. 30 коп. 9) Репертуаръ Мейнингенской труппы, № 10. Изд. Виктора Крылова, Венеціанскій купецъ. Спб. 1890. Ц. 35 коп. 10) *С. П.* Венеціанскій купецъ.—Мірокъ 1902 г. № 5.

ВЕСЕЛЫЯ ВИНДЗОРСКІЯ КУМУШКИ.

А.

А. С. Пушкинъ. (Фальстафъ)—см. 1833 г.

Эд. Менгеше—см. 1839 г.

Филаретъ Шаль. (Фальстафъ)—см. 1840 г.

Гальгуэль. (Два Фальстафа)—см. 1843 г.

В. Зотовъ—см. 1847 г. и 1882 г.

Гизо—см. 1854 г.

Гервинусъ (перев. А. Д.) «Антрактъ» 1866 г. № 13. Стр. 2—6.

А. Н. Баженовъ. По поводу представленія на нашей (Московской) сценѣ «Виндзорскихъ проказницъ». «Антрактъ» 1869 г. №№ 15 и 32 и «Сочиненія и переводы» А. Н. Баженова. М. 1869. т. II. Стр. 607—617.

В. В. Чуйко—при переводѣ *Н. И. Шульгина* (1879 г.).

Н. И. Стороженко. (Прототипы Фальстафа)—см. 1891 г. и 1902 г.

Ив. Ивановъ. «Артистъ», 1891 г. № 12.—Еще см. 1900 г. (о Фальстафѣ).

Ѳ. Браунъ. Настоящ. изд., т. II (1902 г.).

В.

1. «*Императрица Екатерина II*». Вольное слабое переложеніе изъ Шекспира, комедія «Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье» (Прозаич.). Спб. 1786. 8 д. л. 104 стр. — Перепечатано въ «Россійскомъ Ѳеатрѣ» 1787 г. ч. XIV. (Стр. 5—106) и въ разныхъ изданіяхъ сочиненій Имп. Екатерины (1849 г. т. II, стр. 366—434; изд. Маркса 1893 г., въ Сборникѣ Нивы 1893 г. № 8; изд. ред. «Сѣвера» 1893 г. т. II, въ Библіотекѣ Сѣвера 1893 г. № 5; изд. подъ ред. А. Н. Пыпина, Спб. 1901 г. т. II).

Разборъ—*В. А. Лебедева:* 1) Шекспиръ въ передѣлкѣ Имп. Екатерины—«Русскій Вѣстникъ» 1878 г. № 3 и 2) «Филологич. Записки» 1878 г. вып. III—см. 1878 г.

II. Виндзорскія кумушки, комедія въ 5 дѣйст., переведена для сцены (Прозаич.). М. 1838. 12 д. л. Ц. 2 руб. (Съ предисловіемъ. Передѣлано по переводамъ Гизо и Шлегеля).

Рецензіи:

1) «Современникъ» 1838 г. т. XII (Стр. 106—107).

2) «Сынъ Отечества» 1838 г. т. IV (Отд. IV. Стр. 128).

3) *В. Бѣлинскій.*—«Московскій Наблюдатель» 1839 г. ч. I, кн. 2 (Отд. V. Стр. 67—71) и Сочиненія В. Бѣлинскаго, подъ ред. Венгерова, Спб. 1901. т. IV (Стр. 89—92).

III. Виндзорскія кумушки, комико-фантастич. опера съ танц., въ 3 дѣйств., передѣл. *Мозенталемъ* изъ комедіи Шекспира. Спб. 1859. Ц. 20 коп.

IV. *О. В. Мильчевскій.* Веселыя виндзорскія барыньки.—«Русская Сцена» 1865 г. № 4—5.

V. *Н. Х. Кетчеръ.* Виндзорскія проказницы

(Прозанч.)—ч. VI (изд. 1866 г., стр. 229—329).

VI. *П. И. Вейнбергъ.* То же—изд. Гербеля, т. IV (1868 и 1877 г.) и т. I (1880, 1887 и 1899 г.) и Настоящ. изд., т. II (1902 г.).

VII. Веселыя Виндзорскія кумушки. (Прозанч. переводъ *Н. И. Шульгина.* Стихи *П. И. Вейнберга.* Вступит. статья *В. В. Чуйко).* Безплатная премія журнала «Живописное Обозрѣніе» за 1879 г. Спб. 1879. 4 д. л. 39 стр. Ц. 75 к.

Съ рисунками М. Зичи, Е. Грютцнера и Г. Макарта и съ 2 очерками: 1) Сэръ Джонъ Фальстафъ и Веселыя Виндзорскія кумушки (стр. 3—17) и 2) Передѣлка «Виндзорскихъ кумушекъ» Екатериною II (стр. 18—19).

VIII. *П. А. Каншинъ.* Веселыя виндзорскія жены (Прозанч.)—т. X (изд. 1893 и 1894 г.) и изд. 1902—1903 г.

IX. *А. Л. Соколовскій.* Виндзорскія проказницы—т. VII (1897 г.).

ВСЕ ХОРОШО, ЧТО ХОРОШО КОНЧАЕТСЯ.

А.

Юлія де-Фонтенель—см. 1839 г.

Гервинусъ (перев. А. Ш.)—«Антрактъ» 1865 г., №№ 156—158.

А. Н. Баженовъ. 1) Бенефисъ г. Полтавцева.—«Антрактъ» 1865 г., №№ 162—164; 3) Малый театръ. I.—«Антрактъ» 1866 г., № 42. Обѣ замѣтки перепечатаны въ «Сочиненіяхъ и переводахъ» А. Н. Баженова, М. 1869 г., т. I (стр. 541, 551 и 701).

З. Венгерова. Настоящ. изд., т. II (1902 г.).

В.

I. *Н. Х. Кетчеръ.* Все хорошо, что хорошо кончается (Прозанч.) т. IV, (изд. 1843 г., вып. 14, и 1864 г.).

II. *П. И. Вейнбергъ.* Конецъ всему дѣлу вѣнецъ. Изд. Гербеля, т. IV (1868 и 1876 г.) и т. I (1880, 1887 и 1899 г.) и настоящ. изд., т. II (1902 г.).

III. *П. А. Каншинъ.* Все хорошо, что хорошо кончается (Прозанч.) т. XII (изд. 1893 и 1894 г.) изд.—1902—1903 г.

IV. *А. Л. Соколовскій.* Конецъ вѣнчаетъ дѣло—т. VIII (1898 г.).

Кромѣ того, прозаическія изложенія: 1) Въ книгѣ «Ламбъ»—см. 1865 и 1900 г. 2) Все хорошо, когда конецъ хорошъ. Разсказъ изъ сочиненій Шекспира. Изд. И. А. Морозова. М. 1883. 12 д. л. 36 стр. Ц. 10 к.

ГАМЛЕТЪ.

А.

Англоманъ (М. И. Плещеевъ)—см. 1775 г.

В. А. Жуковскій. Отрывокъ изъ письма о Саксоніи (Въ 1821 году). «Московскій Телеграфъ» 1827 г. ч. XIII, № 1 (отд. I. Стр. 20—32). Мнѣнія Тика и Жуковскаго.

Ш. (С. П. Шевыревъ). Характеръ Гамлета (Изъ «Гетева» романа «Вильгельмъ Мейстеръ», гл. 3 и 13, кн. IV). «Московскій Вѣстникъ» 1827 г. ч. I, № 3 (стр. 217—226).

Г. Орловъ въ роли Гамлета.—«Сѣверная Пчела» 1833 г. № 105. Мнѣніе Дюсиса о «Гамлетѣ».

Кн. В. О. Русскій театръ въ С.-Петербургѣ.—«Литературныя прибавленія къ «Русскому Инвалиду» 1837 г. № 45 (стр. 437—440). Объ игрѣ Каратыгина.

В. Бѣлинскій: 1) Московскій театръ. Мочаловъ въ роли Гамлета. Статья I.—«Сѣверная Пчела» 1838 г. № 4. (Продолженія не было). Ср. «А. М.» Письмо изъ Москвы. Сынъ Отечества, 1838 г. № 2.

2) Мочаловъ въ роли Гамлета. «Московскій Наблюдатель» 1838 г. т. XVI, Мартъ, кн. 1—2; апрѣль, кн. 1 (стр. 98—144, 277—301, 402—464).

3) Г. Каратыгинъ на московской сценѣ, въ роли Гамлета. Тамъ же, т. XVI, мартъ, кн. 1.

4) Литературное объясненіе. (Письмо къ редактору). Тамъ же, т. XVI, мартъ, кн. 2-. Отвѣтъ на замѣтку А. М. (по поводу 1-й статьи; см. выше)

Всѣ 4 статьи въ «Полномъ собраніи сочиненій» В. Бѣлинскаго, подъ ред. Венгерова. Спб. 1901, т. III (стр. 186—189, 190—283, 300—302 и 317—322) Ср. статью Н. Стороженко въ 1897 г.

В. М-чъ (Межевичъ). Гаррикъ въ роли Гамлета.—«Московскій Наблюдатель», 1838 г. т. XVII (смѣсь, стр. 135—144).

Карлъ Кинъ въ роли Гамлета.—Тамъ же, 1839 г. ч. I (смѣсь, стр. 8—9).

Леонъ Галеви см. 1839 г.

Мочаловъ на харьковской сценѣ (7-е и 9-е представленія). «Литерат. прибавл. къ Русск. Инвалиду» 1859 г. т. II, № 27 (стр. 519—523 и 523—524).

Амлетъ, древнее датское сказаніе (по Эленшлегеру). «Литературная Газета» 1841 г. № 43 (стр. 169—171).

Два Гамлета. «Репертуаръ и Пантеонъ», 1842 г. т. XVII (смѣсь, стр. 27—28). О французскихъ переводахъ Гамлета».

В. П. Боткинъ. (Офелія)—см. 1841 г. и 1891 г.

О. Сенковскій. Гамлетъ. «Библіотека для Чтенія» 1844 г. т. 45.

Откуда Шекспиръ заимствовалъ сюжетъ Гамлета.—«Репертуаръ и Пантеонъ» 1845 г. т. IX, кн. 2 (смѣсь, стр. 636—638).

«Амлетъ» *Эленшлегера.* 1) «Финскій Вѣстникъ» 1847 г. №№ 2, 3, 2) «Репертуаръ и Пантеонъ» 1847 г. т. III (стр. 71—78).

«Гамлетъ» Шекспира по понятію Гете. «Пантеонъ и Репертуаръ», 1848 г. т. I, № 1 (отд. II, стр. 8).

А. Андреевъ. Гамлетъ. «Пантеонъ» 1850 г. т. II, кн. 3 (отд. V, стр. 12—13). Игра г. Леонидова (въ Москвѣ).

Ѳ. Кони. Сцены изъ «Гамлета» (Бенефисъ г-жи Жулевой). «Пантеонъ» 1850 г. т. III, кн. 6 (отд. V, стр. 5—8).

Ап. Григорьевъ. Замѣтки о Московскомъ театрѣ.—«Отечественныя Записки» 1850 г. т. 69, № 4. Отзывъ А. Дружинина, XIV письмо Иногороднаго подписчика въ «Современникѣ» 1850 г. и «Собраніи сочиненій» А. В. Дружинина, Спб. 1865. Томъ VI (стр. 323).

Ап. Григорьевъ. Лѣтопись Московскаго театра П. Г. Полтавцевъ въ роли Гамлета. «Москвитянинъ» 1851 г. ч. IV, № 11, отд. II, стр. 237—248).

А. Б. «Пантеонъ» 1851 г. т. III, кн. 5 (отд. V стр. 25—26).

Ольдъ-Никъ. Эмель Девріентъ въ роли Гамлета. «Пантеонъ» 1851 г. т. IV, кн. 8 (отд. IV стр. 15—16).

Ѳ. Кони. Максимовъ въ «Гамлетѣ». «Пантеонъ» 1853 г. т. XII, кн. 12 (Отд. III, стр. 2—19).

Статья затрогиваетъ множество вопросовъ, касающихся Гамлета.

Гизо—см. 1854 г.

А. П. Дебютъ г. Котомина въ роли Гамлета.—«Музыкальный и Театральный Вѣстникъ» 1856 г. № 9. (Стр. 167—168).

П. М. Шпилевскій.—Тамъ же № 16 (О русскомъ театрѣ, на стр. 309—310 объ игрѣ Максимова въ «Гамлетѣ»).

Лудвигъ Бёрне. Гамлетъ (1829). Перев. К. Званцева. «Тамъ же», 1859 г. № 21 (Стр. 211—216).

Мнѣніе *Гервинуса* о Гамлетѣ.—«Тамъ же», 1860 г. № 20.

Гервинусъ, Гамлетъ.—«Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія». 1860 г. ч. CV (Отд. II. Стр. 43—83).

А. А. Григорьевъ. Гаазе въ роли Гамлета.—«Драматическій Сборникъ» 1860 г.

И. С. Тургеневъ. Гамлетъ и Донъ-Кихотъ.—«Современникъ» 1860 г. № 1. (Стр. 239—255) и Собранія сочиненій И. С. Тургенева.

Разборъ *А. Львова*, см. ниже (1862 г.).

Женскіе типы Шекспира—см. 1861 г.

Характеристика Гамлета—см. 1863 г. и 1893 г. (Хрестоматія *Филонова*).

К. А. Тимофѣевъ. Критико-эстетическіе очерки. I. Гамлетъ, принцъ датскій. Спб. 1862. Ц. 20 коп.

Рецензіи:

1) «Отеч. Записки» 1862 г. № 12.

2) «Книжный Вѣстникъ» 1862 г. № 11.

А. Львовъ. Гамлетъ и Донъ-Кихотъ и мнѣніе о нихъ Тургенева. Спб. 1862. 8 д. л. 170 стр. Ц. 75 коп.

Рецензія—«Книжный Вѣстникъ», 1863 г. № 17.

Гейне Офелія—см. 1864 г. (Два перевода) и 1899 г.

(А. Н. Баженовъ). Самойловъ на Московской сценѣ. IV—V.—«Антрактъ» 1864 г. 26 и 29 мая и въ «Сочиненіяхъ и переводахъ» А. Н. Баженова. М. 1869 ч. I (Стр. 284—298).

Р. Темный. Орловскій театръ.—«Русская Сцена» 1864 г. № 2 (Стр. 88—92).

Первообразъ Гамлета.—Тамъ же, № 3 (Стр. 98—100).

О. Бухвальдъ, см. 1865 г.

Мыслящій реалистъ о Гамлетѣ Шекспира.—«Отечественныя Записки» 1865 г. № 17 (Сентябрь кн. 1). Полемика съ «Русскимъ Словомъ».

В. С. (Съ нѣмецк.) Гамлетъ и пирогъ изъ гуся. «Театральныя афиши и Антрактъ» 1865 г. № 27.

А. Ярославцевъ. О личности Гамлета въ Шекспировской трагедіи. Въ память 300-лѣтняго юбилея Шекспира. Спб. 1865 г. 58 стр. Ц. 25 коп.

Рецензія—«Голосъ» 1865 г. № 116.

Жоржъ Зандъ. Гамлетъ. (Этюдъ). Перев. А. Н-а. «Петербургскій Коммиссіонеръ» 1866 г. № 150.

А. Плещеевъ. Письмо къ редактору.—«Антрактъ» 1867 г. № 39.

Л. Бёрне. Гамлетъ Шекспира. Сочиненія Л. Берне, изд. п. р. П. И. Вейнберга. Спб. 1870, т. II.—2-е изд. Спб. 1896, т. II.

Чернышевъ—см. 1871 г.

Вріеръ де Буамонъ см. 1871 г.

«Гамлетъ» Шекспира на Воронежской сценѣ.—«Донъ» 1872 г. № 77.

Зритель. «Гамлетъ» на сценѣ Владимірскаго театра.—«Владимірскія губернскія вѣдомости 1873 г. № 6.

Генри Маудсли. Гамлетъ (Психологическій очеркъ). «Знаніе» 1874 г. № 9 (Стр. 22—61).

Гравюры Е. Делакруа.—«Модный Магазинъ» 1875 г. № 38.

Франсуа Гюго. Гамлетъ.—«Московское Обозрѣніе» 1877 г. №№ 31—32. «Гамлетъ» и «Отелло» на Тифлисской сценѣ.—Обзоръ 1878 г. № 306.

К. Фихтеръ см. 1879 г.

Н. Морской. Новое изслѣдованіе о «Гамлетѣ».—«Еженедѣльное Новое Время» 1879 г. т. II. Стр. 431—438. О книгѣ *Alexandre Buckner* «Hamlet le Danois» Paris. 1878.

Генри Ирвингъ. см. 1879 г.

Франсуа Гюго. см. 1880 г.

Ан. Кремлевъ. О тѣни отца Гамлета. Казань. 1881 г. Ц. 40 коп.

Рецензія *Rt.*—«Рус. Богатство» 1882 № 2.

П. Гнѣдичъ. Гамлетъ, его постановка и переводы «Русскій Вѣстникъ» 1882 г. № 4.

Т. Сальвини.—см. 1882 г.

А. П. Сальвини.—«Заграничный Вѣстникъ» 1882 г. № 3.

Рецензіи на малорусскій переводъ «Гамлета». *М. П. Старицкаго* (Кіевъ, 1882):

1) «Заря» 1882 г. № 226.

2) «Кіевлянинъ» 1882 г. № 232.

Лессингъ,—см. 1883 г.

В. Спасовичъ. Шекспировскій Гамлетъ. (Одна изъ лекцій, читанныхъ въ Варшавѣ). «Искусство» 1883 г. № 44—46 и въ «Сочиненіяхъ» Спасовича. Спб. 1889. Т. I.

Л. Бёрне. Гамлетъ Шекспира. Спб. 1886. Цѣна 25 коп.

В. Островскій см. 1886, 1894 и 1898 г.г.

П. Боборыкинъ. Французскій Гамлетъ.—«Новости» 1887 г. № 191. О переводѣ *Ришпена.*

А. Ярышкинъ. Адамьенъ въ роли Гамлета. Одесса. 1887.

В. Чуйко. Ивановъ-Корельскій въ роли Гамлета. «Россія» 1887 г. № 1 (1 сентября).

Зритель. Новѣйшіе исполнители Гамлета.—«Лучъ» 1888 г. №№ 8—9.

Ив. Ивановъ. Пѣсни Офеліи и могильщика.—«Артистъ» 1889 г. кн. 4. (Стр. 172—173).

Ив. Ивановъ. См 1890 г.

«Недѣля» 1890 г. № 38. (Стр. 1205). Рецензія на книгу *Спаньера* «Der Papist Shakespeare in Hamlet». 1890.

А. Воскобойниковъ. Гамлетъ.—«Русское Богатство» 1890 г. № 8.

Гамлетъ въ русскихъ переводахъ.—«Книжки Недѣли» 1891 г. № 11.

Коровяковъ. Гамлетъ въ русской литературѣ и на русскомъ театрѣ. «Правительствен. Вѣстникъ» 1891 г. № 220 и «Риж. Вѣстникъ» 1891 г. № 280.

Ив. Ивановъ. Отелло и Гамлетъ.—«Артистъ» 1891 г. № 12.

Ив. Ивановъ. «Гамлетъ» (въ перев. П. Гнѣдича). Тамъ же, № 17.

Г. «Гамлетъ» въ новой постановкѣ. Тамъ же. № 17. (Стр. 137—141).

Д. К—въ. Какъ понимаютъ Гамлета французы?—«Русскій Вѣстникъ» 1891 г. № 12. О книгѣ Henry Bekk'a «Истинный Гамлетъ».

Catherine de C. Мунэ-Сюли—см. 1892 г.

Г. Гастроли г. Южина въ «Гамлетѣ».—«Артистъ» 1892 г. № 21. (Мартъ. Стр. 138—139).

П. Скуратовъ. Актеръ о Гамлетѣ. «Художникъ» 1892 г. № 5.

П. Гнѣдичъ. Къ постановкѣ трагедіи «Гамлетъ». «Артистъ» 1892 г. № 22.

А. Евфратовъ, см. 1894 г.

Фр. Паульсенъ. Гамлетъ какъ трагедія пессимизма. («Международная Библіотека № 22). Одесса. 1894. Ц. 15 коп.

Рецензія.—«Рус. Богатство» 1895 г. № 7.

І. Колеръ,—см. 1895 г.

Пл. Красновъ. Офелія Шекспира и Офелія Фета. «Трудъ» 1895 г. № 8.

Г. Брандесъ. Гамлетъ. Перев. В. М. С. «Русская Мысль» 1895 г. №№ 8—9.

Разборъ *Л. Шестова* см. 1898 г. Возраженіе *Р. Гебгарда* см. ниже (1899 г.).

С. Васильевъ, см. 1896 г.

Э. Ферри, см. 1896 г.

Г. К. Сальвини-сынъ.—«Недѣля» 1896 г. № 48.

Г. Рѣшетниковъ. О Гамлетѣ.—«Театралъ» 1896 г. №№ 85, 87, 89, 91—93, 95 и 97.

Н. Тихомировъ. Критическій разборъ взгляда *Ульрици* на характеръ Гамлета.—«Филологич. Записки» 1897 г. вып. 3.

Дёринъ. Возрастъ Гамлета.—«Русскія Вѣдомости» 1897 г. № 281.

О возрастѣ Гамлета.—«Новый Журналъ Иностранной Литературы» 1897 г. № 5.

А. Delbrück. Гамлетъ и его душевное состояніе. Перев. А. Цацкина. Харьковъ 1897. Ц. 25 коп.

З. В. Рецензія на книгу: *Kuno-Fischer*. «Shakespeare's Hamlet». 1896.—«Вѣстникъ Европы» 1897 г. № 1.

С. Махаловъ. Фантазія на трагедію «Гамлетъ» Шекспира.—Сборникъ «Братская помощь армянамъ» М. 1897. Изд 2-е М. 1898.—См. ниже (1899 г.).

Докторъ *В. Б—ковъ*. Къ психологіи литературнаго типа Гамлета.—«Научное Обозрѣніе» 1898 г. №№ 1—2.

Р. Гебгардъ. Гамлетъ. «Театръ и Искусство» 1899 г. №№ 8—39. (По поводу мнѣній *Г. Брандеса* и *Л. Шестова*—см. выше 1895 г.).

С. Махаловъ. Фантазія на трагедію «Гамлетъ». М. 1899. Ц. 1 р. 50 к. *Рецензіи 1899 г.*

1) «Новости», № 292.

2) *В. Г—ко*.—«Новое Время», № 8529 (иллюстрированное приложеніе).

3) *В. М—ичъ*.—«Сѣверн. Курьеръ», № 29 (иллюстрированное приложеніе).

4) «Семья», № 47.

1900 г.:

5) *В—въ В—ъ*.—«Книжн. Новости», № 2—4.

6) *Г. Гебгардтъ*. «Театръ и Искусство», № 16.

7) *Е. Деленъ*.—«Міръ Божій», № 1.

8) «Русское Богатство», № 1.

Докторъ *В. Л. Косаковскій*. Личность Гамлета съ точки зрѣнія современной психіатріи. (Публичная лекція). Кишиневъ. 1899. 8 д. л. 45 стр. Ц. 25 к.

М. М. П. Гамлетъ нашего времени. (Гастроли Цаккони).—«Жизнь» 1899 г. № 1.

Сарра Бернаръ о Гамлетѣ. «Новое Время» 1899 г. № 8385. (Иллюстриров. прил.).

Сарра Бернаръ въ роли Гамлета.—«Вѣстникъ Иностр. Литер.» 1899 г. № 6.

О роли Гамлета.—«Новый Журналъ Иностр. Литературы» 1899 г. № 9.

Женщины-Гамлеты. Мозаика «Новаго Міра» 1899 г. № 13.

Прозаикъ. Муне Сюлли въ Гамлетѣ.—«Сѣверный Курьеръ» 1899 г. № 23.

М. Н. Два слова о Гамлетѣ (Муне Сюлли).—«Образованіе» 1900 г. № 1.

Г.—овъ. Рецензія на книгу: *G. Friedrich*. «Hamlet und seine Gemüthskrankheit» 1899. «Сѣверный Курьеръ» 1900 г. № 129.

Н. Россовъ. О Гамлетѣ—«Новое Время» 1900 г. № 8869 (Иллюстрир. прилож.).

Л. Бёрне. Драматургія (1829 г.). № 80 «Гамлетъ» Шекспира.—Полное собраніе сочиненій Л. Берне. Изд. П. П. Сойкина. Спб. 1900 т. III (Стр. 859—869).

К. Р. Трагедія о Гамлетѣ, принцѣ датскомъ.

II. Гамлетъ на сценѣ. Спб. 1900. 8 д. 224 стр.

III. Примѣчанія и Критика. Спб. 1901. 8 д. 359 стр.

» »—Фототипическій альбомъ. Имп. Эрмитажный театръ 17 февр. 1900 г. Цинкографическое воспроизведеніе декорацій, костюмовъ, персонажей и сценъ (57 листовъ, 87 рисунковъ). Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1901. Ц. 4 руб.

Рецензіи—*О.*—«Нов. Время», 1901 г. № 9072.

С. Москаленко. Поддѣльная сцена въ трагедіи «Гамлетъ». Спб. 1901. Ц. 30 к. (изъ «Библіотеки Театра и Искусства» 1901 г. Вып. I).

Рецензіи:

1) *А.*—«Москов. Вѣдомости» 1901 г. № 222.

2) Ежемѣс. Сочиненія 1901 г. № 4.

Жоржъ Зандъ. Гамлетъ. Перев. Р. Хинъ. «Сборникъ на помощь учащимся женщинамъ». М. 1901.

З. Венгерова.—«Новости» 1901 г. № 320. Гастроли г-жи Зандрокъ.

М. Фришмутъ. Еще о Гамлетѣ.—«Критическіе очерки» М. Фришмутъ. Спб. 1901.

Рецензія: «Новый Журналъ Иностр. Литер.» 1902 г. № 3.

Л. С. см. 1902 г.

Загадка Гамлета.—«Новый Журналъ Иностр. Литер.» 1902 г. № 3.

Трехсотлѣтіе «Гамлета».—«Вѣстникъ Иностр. Литер.» 1902 г. № 8. (Стр. 350—352).

Б. Варнеке. Гамлетъ и актеры. (По поводу 300-лѣтняго юбилея «Гамлета») «Театръ и Искусство» 1902 г. № 50 (Стр. 952—954).

Мнѣніе Гончарова о Гамлетѣ.—«Новое Время» 1902 г. № 9361 (Иллюстрир. приложеніе). Изъ книги *К. Р.* (см. выше 1900 г.), неизданныя замѣтки *Гончарова* объ игрѣ Нильскаго въ «Гамлетѣ».

Ф. Паульсенъ. Шопенгауэръ, Гамлетъ, Мефистофель. Три очерка изъ исторіи пессимизма. Пер. съ нѣм. С. Н. Зелинской. Изд. Г. К. Таценко. Кіевъ. 1902. Стр. 163. Ц. 1 руб.

Рецензіи 1902 г.:

1) «Рус. Мысль», № 9.

2) *А. Р—въ*. «Міръ Божій», № 10.

3) «Рус. Богатство», № 11.

А. Суворинъ. О переводахъ «Гамлета». «Новое Время» 1902 г. № 9360.

С. Г. Москаленко. Другъ Гамлета Горацio.—«Научное Обозрѣніе» 1903 г. № 1 (Стр. 265—269).

М. Н. Розановъ. Настоящ. изд., т. III (1903 г.).

В.

І. *Александръ Сумароковъ*. Гамлетъ. Спб. 1748 г.—М. 1781. «Россійскій Ѳеатръ» 1786 г. ч. I (стр. 159—238). Полное собраніе всѣхъ сочиненій А. П. Сумарокова. М. 1787. ч. III (стр. 59).

Разборы:

1) *Г. И. Лаговскій*. А. П. Сумароковъ. Пантеонъ 1851 г. т. III, кн. 3. (Отд. III. Стр. 19—22).

2) *В. А. Лебедевъ*, см. 1877 г. и «Театръ и Искусство» 1900 г. №№ 50—51.

М. Петровъ. Гамлетово размышленіе о смерти (прозаич.). «Вечера» 1772 г.—Изд. 2-е, 1788.—«Учитель, или Всеобщая система воспитанія». М. 1789. (Съ нѣмецкаго).

Англоманъ (М. И. Плещеевъ). Переводъ монолога III. 1 («Иль жить, или не жить, теперь рѣшиться должно»). «Опытъ трудовъ вольнаго россійскаго собранія». М. 1775, ч. II. (Стр. 160—261). Пе-

реводъ съ англійскаго, бѣлымъ александрійскимъ стихомъ.

(П. Карабановъ). Вольное подражаніе монологу трагедіи «Гамлета», сочиненной Шекспиромъ (Не сё ль ничтожество?... (д. III, явл. 1). «Лекарство отъ скуки и заботъ». 1786, ч. I, № 17 (стр. 195—199) и «Стихотворенія» П. Карабанова. М. 1812. (Стр. 37—40). Риѳмованный александр. стихъ.

М. Веревкинъ. (Прозаич. III. 1). «Наставникъ, или Всеобщая система воспитанія». Спб. 1789. (Съ нѣмецкаго).

II. *С. Висковатовъ.* Гамлетъ, трагедія въ 5 д. Подражаніе Шекспиру, въ стихахъ. Спб. 1811. Изд. 2-е. Спб. 1829. Стихотворная обработка (александровскимъ стихомъ) по *Дюсису.*

Рецензія—«Моск. Телеграфъ» 1830 г. ч. 38, № 8. (Стр. 497—504).

III. *М. В. (М. Вронченко).* Гамлетъ, траг. въ 5 д. Перев. съ англ. Спб. 1828. Ц. 2 руб. Отрывки (III. 3—8) и монологъ (III. 1) въ «Московск. Телеграфѣ» 1827 г. ч. 184, № 23 и 1828 г. ч. 21. (За подписью *В. О.*).

Рецензія—«Моск. Телегр.» 1828 г. ч. 24, № 24 (стр. 496—497).

IV. *Николай Полевой.* Гамлетъ, принцъ датскій. Драматическое представленіе. Много изданій:

1) М. 1837. Стр. 207. Ц. 1 р. 50 к.

Рецензіи:

а) *Плетневъ*—см. 1837 г.

б) «Библіот. для Чтенія» 1837 г. ч. 21. (Отд. VI, стр. 45—49).

в) *В. Бѣлинскій.*—«Московскій Наблюдатель» 1838 г. № 17 (май, кн. 1, стр. 80—97).—Семь статей Бѣлинскаго. М. 1898. Полное собраніе сочиненій В. Бѣлинскаго, подъ редакціей Венгерова. Спб. 1901. Т. III (стр. 336—349).—Въ прежнемъ изданіи Бѣлинскаго (въ ч. II) въ неисправномъ видѣ.

г) Возраженіе В. Бѣлинскому. *И. Кронебергъ.*—Литерат. прибавл. къ «Русск. Инвалиду» 1839 г. Т. II, № 10 (стр. 189—196).

д) *А. И. Кронебергъ.* Гамлетъ, исправленный г-номъ Полевымъ.—«Литературн. Газета» 1840 г. №№ 49—50. (Стр. 1116—29 и 1140—45).

2) «Репертуаръ» 1840 г. № 3.

Рецензія—В. Бѣлинскій «Отечеств. Записки» 1840 г. № 4 и Полное собраніе сочиненій В. Бѣлинскаго, подъ ред. Венгерова. Спб. 1901. Т. V (стр. 232 и слѣд.); въ прежнемъ изданіи (М. 1859 и М. 1863 г.) въ ч. IV (стр. 71—74 и 74—78).

3) Драматическія сочиненія и переводы Н. А. Полевого. Спб. 1843. Ч. III и отдѣльно: Спб. 1843 Ц. 1 р. 50 к.

Рецензія—«Отечеств. Записки». 1843 г. т. 26. (Отд. VI, стр. 64).

4) «Библіотека школьныхъ классиковъ». Изданіе П. Н. Полевого. «Школьный Шекспиръ» (біографія Шекспира. Гамлетъ. Критическія статьи Бѣлинскаго и Тургенева о Гамлетѣ). Спб. 1876. 8 д. л. LXXVII+ +177 стр. съ 10 рис. Ц. 1 руб. 50 коп.—2-е изданіе Спб. 1891. Ц. 1 руб.

Содержаніе: 1) Предисловіе. 2) *П. Полевой.* В. Шекспиръ, біографич. оч. (см. 1868 г.). 3). Сказаніе о Гамлетѣ въ его первоначальномъ видѣ. 4) Гамлетъ, перев. Н. А. Полевого. 5) и 6) *Бѣлинскій.* «Мочаловъ въ роли Гамлета» и «Изложеніе содержанія и разборъ Гамлета». 7) *И. Тургеневъ.* Гамлетъ и Донъ-Кихотъ. 8) Примѣчанія.

Рецензіи: а) *Н. Стороженко.*—«Учебно-воспитательная библіотека», изд. учебнымъ отдѣломъ Моск. Техн. Общ. 1878 г., т. II (стр. 120—129), и «Опыты по изученію Шекспира» Н. И. Стороженко. М. 1902. (Стр. 383—397).

б) «Дѣтскій Садъ» 1876 г. №№ 7—8.

в) *А. В.* «Сѣверн. Вѣстникъ» 1877 г. № 4.

г) «Педагогич. Листокъ» 1892 г. № 2.

5) «Дешевая Библіотека», № 39. Изд. А. С. Суворина. Съ дополненіями и варіантами по переводамъ Вронченко, Кронеберга, Кетчера и Соколовскаго и характеристиками Гамлета *Гёте, Шлегеля Джонсона, Кольриджа, Мезьера* и др. Спб. 1886. 12 д. л. XXXIX+1+181 стр. Ц. 25 коп.—Изд. 2-е. 1887. Изд. 3-е. 1889.—Изд. 4-е. 1893.—Изд. 5-е. Спб. 1898. 12 д. л. XL+142 стр. Ц. 25 коп.

Рецензіи:

а) «Дѣло» 1886 г. № 5.

б) *Г. Миловидовъ.* «Филологическія Записки» 1886 г. № 6.

в) *П. П.* «Историч. Вѣстникъ» 1888 г. № 1.

6) «Всеобщая Библіотека», № 2. Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Іогансона. Кіевъ. 1896. II+120 стр. Ц. 15 коп. Изд. 2-е. Кіевъ. 1900. 16 д. л. 124 стр. Ц. 15 коп.

Рецензіи:

а) «Семья» 1896 г. № 23.

б) «Русское Обозрѣніе» 1896 г. № 10. Обстоятельный разборъ.

М. Строевъ. Отрывки: 1) «Галатея» 1839 г. ч. II, 2) III. 3.—«Московскій Наблюдатель» 1839 г. ч. II.—(Отд. I, стр. 9—20).

V. *А. Кронебергъ.* Гамлетъ. Харьковъ. 1844. 8°. 220 стр. Ц. 1 р. 50 к.—Изд. 2-е. М. 1860.—Перепечатано въ изд. Гербеля, т. II (1868 и 1876 г.) и т. III (1888, 1887 и 1899 г.) и настоящ. изд., т. III (1903 г.). Отрывокъ (III. 3—4) въ «Молодикѣ» на 1843 г. ч. I.

Рецензіи 1844 г. 1) *В. Бѣлинскій.*—«Отеченств. Записки» № 4 и Сочиненія В. Бѣлинскаго. М. 1860 г. ч. 9 и изд. 2-е. М. 1875. ч. 9.

2) «Библіотека для Чтенія», т. 65.

3) «Литературная Газета», № 32.

4) «Русскій Инвалидъ», № 99.

5) «Современникъ», т. 34.

1861 г. 1) *Леон. Книжникъ* Петерб. Вѣстникъ № 23.

2) Разсвѣтъ, № 12 (см. 1861 г.).

Конст. Званцовъ. Монологъ Гамлета (въ концѣ 2-го акта). Театральный и Музыкальный Вѣстникъ 1859 г. № 1. (Стр. 7—8).

П. Поповъ. Быть иль не быть? (Монологъ Гамлета, III. 1).—Ярославскія губернскія вѣдомости, 1860 г. № 27.

VI. *М. А. Загуляевъ.* Гамлетъ, принцъ датскій. 1) Изд. Ф. Стелловскаго. Спб. 1861. Ц. 1 руб.—Приложеніе къ «Русскому Міру» 1861 г. №№ 98, 100, 102, (Стр. 1—41). 2) Драматическій Сборникъ 1862 г. кн. II.—3) Драматическій репертуаръ Э. Росси. Изд. 2-е, вновь исправл. Спб. 1877. 8 д. л. 74 стр. Ц. 75 коп.

Ѳ. Устряловъ. Отрыв. IV. 7.—Сочиненія Г. Гейне, т. III. (изд. 1864 г., стр. 223 и 1875 г.) и т. VII (изд. 1900 г.).

VII. *Н. Х. Кетчеръ.* (Прозаич.) ч. VII (изд. 1873 г.).

Ю. Нелединскій-Мелецкій. Монологъ изъ Гамлета съ Вольтерова перевода (III. 1. «Рѣшиться надлежитъ въ минуту мнѣ сію»).—«Стихотворенія» Ю. Нелединскаго-Мелецкаго. Спб. 1876. (Стр. 143—144) и «Русская Поэзія» С. А. Венгерова, вып. VII.

VIII. *А. М. Данилевскій.* Гамлетъ, принцъ Датскій. Перев. въ прозѣ съ нѣмецкаго, по *А. В. Шлегелю.*

1) Витебскъ. 1878. 8 д. 112+1 стр. Ц. 1 руб. Изд. 2-е, исправл. Ревель. 1894. 8 д. л. 140 стр. Ц. 75 коп. 2) Спб. 1888. 8. д. л. 134 стр.

IX. *Н. В. Маклаковъ* — изд. Гатцука, вып. I (1880 г.).

X. *А. Л. Соколовскій.* Гамлетъ, принцъ Датскій, трагедія. Спб. 1883. 151 стр. Ц. 1 руб. То же, для класснаго чтенія. Ц. 85 к. — Тоже въ изд. всего Шекспира въ пер. Соколовскаго. т. II (1894 г.).

Рецензіи. 1) *В. Ермиловъ.* Россія 1883 г. № 13; 2) *Г.* Русск. Вѣстн., 1883 г. № 12.

3) *К. К.*—Вѣстн. Европы, 1883 г. № 1.

С. Мельниковъ. Отрывки (III. 1, 19. I. 2, 19)—Волжскій Вѣстникъ, 1884 г. №№ 20 и 39.

Н. Вильде. Пѣсни Офеліи и могильщика,—Артистъ, 1889 г. № 4 (Съ нотами).

XI. *Алексѣй Московскій.* Трагедіи Шекспира для сцены и чтенія. I. Гамлетъ, принцъ Датскій. Переводъ и примѣненіе къ условіямъ современной сцены. Съ предисловіемъ и характеристикою героя. Изд. Авг. Дейбнера. Спб. 1889 XV+1+128 стр. Ц. 40 к.—Изд. 2-е, исправл. Спб. 1891. IX+128 стр. 16 д. л. Ц. 20 коп.

Рецензіи 1889 г. 1) Новости, № 164.

2) Живописное Обозрѣніе, № 10.

1893 г. 1) Педагогич. Листокъ, № 2.

С. А. Юрьевъ. Монологъ Гамлета (III. 1). Сборникъ общества любителей россійской словесности на 1891 г. М. 1891.

XII. *И. П. Гнѣдичъ.* Гамлетъ, принцъ датскій. Съ сокращеніями, согласно требованіямъ сцены. 1) Спб. 1891. 8 д. л. 135 стр. 40 экз. (не для продажи).—2) М. 1892 8°. VII+56 стр. Ц. 1 р. 50 к. — Изъ Артиста 1892 г. № . 19—21 и Дневника Артиста 1892 г. №№ 1—4.

Рецензіи 1891 г. 1) *В. Баскинъ*,—Всемірн. Иллюстрація т. II, № 18.

2) *С. Васильевъ.*—Русское Обозрѣніе, № 11.

3) *Ив. Ивановъ.*—Артистъ, № 17.

1893 г. 4) Русскій Вѣстникъ, № 6 (Стр. 345. Новости литературы).

XIII. *П. Каншинъ.* (Прозаич.) т. I. (изд. 1893 и 1894 г.) и изд. 1902—1903 г.

XIV. *Д. В. Аверкіевъ.* Гамлетъ, принцъ датскій. Переводъ съ изд. 1623 г. М. 1895. 8 д. л. 170 стр. Ц. 1 руб. (Приложеніе къ Русскому Обозрѣнію, 1895 г. №№ 1—4).

Переводъ провѣренъ по подлиннику профессоромъ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ.

XV. *К. Р.* Трагедія о Гамлетѣ, принцѣ Датскомъ. I. Переводъ. Спб. 1899. 8 д. л. 461 стр. II. Гамлетъ на сценѣ. Спб. 1900.—III. Примѣчанія и критика. Спб. 1890 — 1902. Ц. 4 руб. (Съ фототипическимъ альбомомъ — 7 руб.). Отрывокъ (III. 4) въ «Пушкинскомъ сборникѣ». Спб. 1899.

Рецензіи **1900** г. 1) Новости, № 334.

2) *Сигма.* Новое Время, № 8615.

3) Биржевыя Вѣдомости, № 329.

4) *В. М. Дорошевичъ.* Россія, № 578.

5) *Ю. Бѣляевъ.* Новое Время, № 8897.

6) *Homo Novus* (А. Р. Кугель).—Театръ и Искусство, № 49.

1902 г. 1) Литерат. приложенія Нивы, № 4.

2) *А. Суворинъ.* Новое Время, № 9360.

3) По поводу рецензіи Суворина. *В. Гердъ.* Письмо въ редакцію.—Тамъ же, № 9363.

4) *В. А. Лебедевъ.*—Педагогич. Сборникъ, № 11 (стр. 301—310).

5) *Н. Бахтинъ.* Къ библіографіи «Гамлета» въ русской литературѣ. Литературный Вѣстникъ, № 3.

Р. И. Бойль. Настоящее изд. т. V. Спб. 1904.

С. Аполлоновъ. Быть или не быть? (III. 1). — «Стихотворенія» С. Аполлонова М. 1900. Риѳмованное переложеніе «по Кронебергу».

Н. Карабчевскій. Монологъ Гамлета. («Ступайте съ Богомъ! Я одинъ») — «Для декламаціи» С. Елисѣева. Спб. 1902.

Н. Толстой. Гамлетъ. Сцены I—IV. М. 1902. Ц. 50 коп.

Въ книгѣ *Г. Нелюбина.* «К. Р. Критико-біографическій этюдъ. Спб. 1902 (на стр. 227 — 247) собрано 18 переводовъ монолога Гамлета «Быть иль не быть» (а именно: А. П. Сумарокова, С. Висковатова, М. Вронченко, Н. Полевого, Н. Кетчера, А. Кронеберга, П. Попова, М. Загуляева, А. М. Данилевскаго, Н. Маклакова, М. П. Старицкаго, А. Л. Соколовскаго, С. Мельникова, А. Месковскаго, В. В. Чуйко, П. П. Гнѣдича, П. А. Каншина, Д. В. Аверкіева).

Прозаическія изложенія: 1) Въ книгѣ *Ламбъ*—см. 1865 и 1902 г. 2) Гамлетъ, принцъ датскій, или Месть за измѣну. Разсказъ, взятый изъ сочиненій Шекспира. Изд. И. А. Морозова. М. 1883. 16 д. л. 35 стр. Ц. 5 коп. 3) То же. Репертуаръ Росси въ сокращенномъ изложеніи. Спб. 1890. Ц. 20 коп. 4) То же. Тифл. 1890. Ц. 30 коп. 5) Въ книгѣ *Н. Кожевниковой*—см. 1894 г.

Рецензія на изд. И. Морозова *А. К.* — «Что читать народу?» Спб. 1884. (Отд. IV Стр. 147).

ДВА ЗНАТНЫХЪ РОДИЧА.

А.

В. Шулятниковъ.—Театралъ, 1896 г. №№ 86 и 88.

Р. И. Бойль. Настоящее изд., т. V. Спб. 1904.

В.

I. *П. А. Каншинъ.* Два благородныхъ родственника (Прозаич.) т. XII. (изд. 1893 г. и 1894 г.) и изд. 1902—1903 г.

II. *Н. А. Холодковскій.* Два знатныхъ Родича, настоящее изданіе, т. V. Спб. 1904.

ДВА ВЕРОНЦА.

А.

Шарль Кокереръ, см. 1839 г.

В. Зотовъ, см. 1845 и 1882 г.

Вс. Миллеръ, настоящ. изд., т. I (1902 г.).

В.

I. *Н. Х. Кетчеръ.* Два веронца (Прозаич.)—ч. V (изд. 1850 вып. 17; 1858 и 1863 г.).

II. *Вс. Ѳ. Миллеръ.* То же.—Изд. Гербеля, т. IV 1868 и 1877 г.) и т. I (1880 — 1887 и 1899 г.) и настоящ. изд., т. (1902 г.).

III. *П. Каншинъ.* То же (Прозаич.) — т. VIII (изд. 1893 и 1894 г.) и изд. 1902—1903 г.

IV. *А. Л. Соколовскій.* То же—т. II (1897 г.).

Кромѣ того, прозаическое изложеніе въ книгѣ *Ламбъ*—см. 1865 и 1900.

ДВѢНАДЦАТАЯ НОЧЬ ИЛИ ЧТО ВАМЪ УГОДНО.

А.

Элиза Вояръ—см. 1839 г.

Гервинусъ (извлеченіе А. Д.) — Театральныя афиши и Антрактъ, 1865 г. № 42.

Гервинусъ (извлеченіе В. Р.)—Антрактъ, 1867 г. № 34.

(А. Н. Баженовъ). По поводу бенефиса г-жи Карской. — Тамъ же, № 36 и въ «Сочиненіяхъ и переводахъ» А. Н. Баженова. М. 1869 т. I (Стр. 802—808).

В. Родиславскій. Московскій театръ.—Тамъ же, № 38.

А.—Артистъ, 1890 г. № 11 (Стр. 143—147. Театръ г. Корша).

Ив. Ивановъ. Артистъ, 1893 г. № 31.

А. Горнфельдъ настоящ. изд., т. II. (1902 г.).

В.

I. *А. Кронебергъ*. Двѣнадцатая ночь, или Что угодно.— Отечественныя Записки, 1841 г. т. XVII. № 7. (Отд. III. Стр. 1 и слѣд.). Въ изд. Гербеля. т. I (1865 и 1876 г.) и т. II. (1880, 1887 и 1899 г.) и въ настоящ. изд., т. (1902 г.).

II. *Н. Х. Кетчеръ*. Крещенская ночь, или что хотите (Прозаич.) - ч. VII (изд. 1873 г.).

III. *А. Л. Соколовскій*. Двѣнадцатая ночь, или Что угодно.

1) Текстъ, редактированный для сцены. Спб. 1888.

2) т. VII (изд. 1897 г.).

IV. *П. А. Каншинъ*. Крещенскій сочельникъ, или Что хотите (Прозаич.)—т. X. (изд. 1893 и 1894 г.) и изд. 1902—1903 г.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА.

А.

Ив. Кронебергъ—см. 1831 и 1835 г.

Луиза Колле—см. 1839 г.

А. Н. Веселовскій—см. 1886 г.

Ив. Ивановъ, Лебединыя пѣсни Шекспира. — Русская Мысль, 1897 г. № 12.

Л. С.—см. 1902 г.

О представленіи перевода А. Л. Соколовскаго на сценѣ Василеостровскаго театра: 1) Ю. Бѣляевъ, Новое Время, 1902 г. № 9551; 2) *М. Г.* и *Е. Ин.*— Новости, 1902 г. №№ 263 и 266; 3) *П-овъ* — Звѣзда 1902 г. № 40.

О представленіи перевода П. П. Гнѣдича на сценѣ Александринскаго театра. 1) *Solus*. Новости, 1903 г. № 99; 2) *Смоленскій*—Биржевыя Вѣдомости, 1903 г. № 178; 3) Новое Время, 1903 г. №№ 9729 и 9734.

В.

I. *Н. Х. Кетчеръ*. Зимняя сказка (Прозаич.)— ч. VI (изд. 1866 г.).

II. *А. Л. Соколовскій*. То же въ изд. Гербеля, т. IV (1868 и 1877 г.) и т. I (1880 г.) и изд. А. Сокол. т. III. (1895 г.).

III. *К. К. Случевскій*. То же—въ изд. Гербеля, т. I. (1887 и 1899 г.).

IV. *П. А. Каншинъ*. То же — т. V (изд. 1893 и 1894 г., и изд. 1902—1903 г.

Кромѣ того, прозаическія изложенія: 1) Въ книгѣ *Ламбъ* см. 1865 и 1900 г. 2) *В. Острогорскій* въ Дѣтскомъ Чтеніи, 1877 г. № 12 и въ его книгѣ: «Изъ міра великихъ преданій» (1-е изд. въ 1883 г.; 8-е изд.—М. 1899). 3) Репертуаръ Мейнингенской труппы. Послѣдовательный, по сценамъ, пересказъ *В. Александрова* (Крылова). Изд. моск. театр. библіотеки Е. Н. Разсохиной. М. 1885. Ц. 35 к.

Рецензія на пересказъ Острогорскаго *А. Г.*— «Что читать народу?» Спб. 1884 (Отд. IV. Стр. 144 145).

ІОРКШИРСКАЯ ТРАГЕДІЯ.

А.

В. Чуйко. По поводу «Іоркширской трагедіи»— Дѣло 1887 г. № 4. Возраженіе: Издатель, *(И. Дурново)*. Мой отвѣтъ г. Чуйко. Тамъ же, № 5.

Н. Стороженко. Драмы, приписываемыя Шекспиру. I. Артистъ, 1895 г. № 45 и «Опыты изученія Шекспира» Н. Стороженко. М. 1902. Стр. (343—358).

В.

1. *П. Каншинъ*. Іоркширская трагедія. Съ предисловіемъ *В. Крестовскаго* (псевдонимъ).—Дѣло, 1887 г. № 1.

2. *П. Каншинъ*. То же (Прозаич.)—т. II. (изд. 1893 и 1894 г.) и изд. 1902—1903 г.

3. *П. П. Гнѣдичъ*. Трагедія въ Іоркширѣ. (Прозаич.) Театралъ, 1895 г. № 31.

Переводъ сокращенный.

КАКЪ ВАМЪ ЭТО НРАВИТСЯ.

А.

Эмиль Деманъ - см. 1839 г.

В. Зотовъ—см. 1847 г.

Е. Аничковъ—въ настоящ. изд., т. III (1903 г.).

В.

I. *П. И. Вейнбергъ*. Какъ вамъ будетъ угодно (съ 1887 г.—Какъ вамъ это понравится) — въ изд. Гербеля, т. III (1867 и 1877 г.) и т. I (1888, 1887 и 1899 г.) и въ настоящ. изд., т. III (1903 г.).

II. *П. Х. Кетчеръ*. Какъ вамъ угодно (Прозаич.)— ч. VIII (изд. 1878 г.).

III. *И. А. Каншинъ*. То же. (Прозаич.)—т. XII. (изд. 1893 и 1894 г.) и изд. 1902—03 г.

IV. *А. Л. Соколовскій*. То же— т. VIII (1898 г.). *Л. У.* Сонетъ (Подражаніе Шекспиру): «Вся жизнь игра...»—«Русская Мысль» 1898 г. № 3.

Кромѣ того, прозаическія изложенія: 1) Въ книгѣ *Ламбъ* — см. 1865 и 1900 г. 2) Что вамъ угодно. «Репертуаръ Мейнингенской труппы». Послѣдовательный, по сценамъ, пересказъ... *В. Александрова (Крылова)*. Изд. моск. театр. библіотеки Е. Н. Разсохиной. М. 1885.

КОМЕДІЯ ОШИБОКЪ.

А.

Графиня де-Бради—см. 1839 г.
В. Зотовъ—см. 1845 и 1882 г.
В. П. Боткинъ (по *Гервинусу*)—см. 1855 г.
Лондонская хроника. Театръ. — «Искусство» 1883 г. № 6. (Стр. 63—64).
Ѳ. Зѣлинскій—настоящ. изд., т. I (1902 г.).

В.

I. *Н. Х. Кетчеръ*. Комедія ошибокъ (Прозаич.)—т. III (изд. 1842 г., вып. 11, и 1864 г.).
II. *П. И. Вейнбергъ*. То же 1) въ изд. Гербеля т. IV (1868 и 1877 г.) и т. I (1880, 1887 и 1899 г.); 2) въ хрестоматіи П. И. Вейнберга «Ученье—свѣтъ» Спб. 1883; 3) въ настоящ. изд., т. I (1902 г.).
III. *Н. Ханеневъ*. Комедія ошибокъ или Братья-близнецы (передѣлка). Собраніе драматическихъ піесъ. Н. Ханенева. Нижн. Новг. 1889, т. I.
IV. *П. А. Каншинъ*. Комедія ошибокъ (Прозаич.), т. XI (изд. 1893 и 1894 г.) и изд. 1902—03 г.
V. *А. А. Соколовскій*. То же т. VIII (1898 г.).
Кромѣ того, прозаическія изложенія: 1) Въ книгѣ *Ламбъ*—см. 1865 и 1900 г.; 2) Два близнеца или Комедія ошибокъ. Изд. И. А. Морозова. М. 1883. Ц. 5 коп.; 3) *С. Преображенская*. — Дѣтскій Отдыхъ 1886 г. № 11.

КОРІОЛАНЪ.

А.

С. Шевыревъ—см. 1828 г.
Шарпантье—см. 1839 г.
«Отечественныя Записки» 1841 г., т. 14 (Смѣсь, стр. 127).
Гейне—см. 1864 г. и 1899 г.
Ф. Веревскій. — «Филологическія Записки» 1891 г. вып. I.
О представленіи піесы въ перев. А. Доужинина въ Москвѣ: 1) *Exter*. — «Московс. Вѣдом.» 1902 г. № 35; 2) *Я. Ф — инъ*. «Курьеръ» 1902 г. № 32; 3) *И.*—«Рус. Вѣдом.», 1902. № 31.

В.

I. (*Леоновъ*). Коріоланъ въ IV (sic) дѣйств. (Прозаич.)—«Репертуаръ» 1841 г. № 2 (Отд. I. Стр. 1—34).
Переводъ сокращенный.
Рецензія—«Москвитянинъ» 1842 г., ч. III. № 6 (Стр. 357—359).
II. *Н. Х. Кетчеръ*. То же (Прозаич.) — ч. IV (изд. 1843 г., вып. 15, и 1864 г.).
Рецензія — *К. П.* — «С.-Петерб. Вѣдомости» 1848 г. № 178.
III. *А. Дружининъ*. То же. 1) «Библіотека для Чтенія» 1858 г. № 12. (Отд. I Стр. 1—151) 2) Изд. Гербеля, т. 1 (1865 и 1876 г.), т. II (1880 и 1887 г.), и т. III (1899 г.). 3) Собраніе соч. А. В. Дружинина, т. III. Спб. 1865. (Стр. 177, 324). 4) Европейскіе классики въ русскомъ переводѣ, подъ редакціею П. И. Вейнберга, вып. II. Спб. 1874 8 д. л. 232+1 стр. Ц. 50 коп. 5) Дешевая библіотека. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1889.—2-е изд. Спб. 1893. 12 д. л. XV+157 стр. Ц. 25 коп.

Рецензіи на изд. 1874 г. 1) «С.-Петерб. Вѣдом.» 1874 г. № 291. 2) «Голосъ» 1875 г. № 244. 3) «Варшавскій Дневникъ» 1876 г. № 8.
IV. Коріоланъ, историч. трагедія въ IV дѣйств. (Прозаич.). М. 1877. 8 д. л. 55 стр. Ц. 75 коп.
V. *Н. Маклаковъ*. То же—изд. Гатцука, вып. II (1881).
VI. *П. Каншинъ*. То же (Прозаич.) т. IX (изд. 1893 и 1894 г.) и изд. 1902—03 г.
VII. *А. Л. Соколовскій*. То же—т. IV (1895 г.).
Кромѣ того, прозаическія изложенія: 1) *А. Мунтъ*. «Дѣтское Чтеніе» 1876 г. 2) Въ книгѣ *Н. Кожевниковой*—см. 1894 г.

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ IV (2 ЧАСТИ).

А.

«Дамскій Вѣстникъ» 1827 г. ч. 19 № 13. (Стр.27). О пьесѣ кн. *А.А.Шаховскаго*: «Фальстафъ», комедія съ пѣніемъ и танцами въ 1 д., заимств. изъ Шекспира.
Атеней 1830 г. ч. 4—см. 1830 г.
А. С. Пушкинъ (Фальстафъ)—см. 1833 г.
Эрнестъ Фуине—см. 1839 г.
Филаретъ Шаль (Фальстафъ)—см. 1840 г.
«Два Фальстафа» см. 1843 г.
«Москвитянинъ» 1851 г. ч. III № 7/8 (Отд. II Стр. 73—74). О передѣлкѣ *Лаубе*.
Гизо—см. 1854 г.
Гейне—см. 1864 и 1899 г.
В. Зотовъ—см. 1882 г.
В. Острогорскій—см. 1886, 1894 и 1898 г.
Н. Стороженко—см. 1891 и 1902 г.
Ив. Ивановъ (Фальстафъ)—см. 1900 г.
Ѳ. Браунъ настоящ. изд., т. II (1902 г.).

В.

А. Петровъ. Отрыв. изъ 2-ой части (III. 1—IV, 2. Прозаич., съ нѣмецкаго). Учитель, или Всеобщая система воспитанія. М. 1789 (ч. I. Стр. 101—103).
М. Веревкинъ. То же. Наставникъ, или Всеобщая система воспитанія. Спб. 1789 (ч. I. Стр. 268—274).
I. *Н. Х. Кетчеръ*. Генрихъ IV (Прозаич.)—ч. I (изд. 1841 г., вып. 3 и 4, и 1862 г.).
II. *А. Л. Соколовскій*. Король Генрихъ IV, часть I.—«Библіотека для Чтенія» 1860 г. т. 159. № 5.—Обѣ части въ изд. Гербеля, т. II (1866, 1876 и 1880 г.) и изд. А. Соколовскаго, т. V (1896 г.).
Ѳ. Устряловъ. Отрыв. изъ 1-ой части (II. 3) и 2-ой части (IV. 4). Сочиненія Г. Гейне, т. III (изд. 1864 г. стр. 185 и 205, и 1875 г.) и т. VII (изд. 1900 г.).
III. *П. А. Каншинъ*. Король Генрихъ IV — въ изд. Гербеля, т. II (1887 и 1899).
IV. *П. А. Каншинъ*. Генрихъ IV (Прозаич.)—т. IV (изд. 1893 и 1894 г.) и изд. 1902—03 г.
К. Р. Отрыв. изъ 2-ой части (IV. 4).—«Русское Обозрѣніе» 1894 г. т. 26, № 3 и «Третій сборникъ стихотвореній К. Р.». Спб. 1900.
V. *З. Венгерова* и *Н. Минскій*. Король Генрихъ IV—настоящ. изд. т. II (1902 г.).

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ V.

А.

Атеней 1830 г. ч. 4—см. 1830 г.
А. *Вилье*—см. 1839 г.
Гизо—см. 1854 г.
Гейне—см. 1864 и 1899 г.
Ив. Ивановъ—см. 1890 г.
П. Морозовъ настоящ. изд., т. II (1902 г.).

В.

А. *Петровъ*. Отрыв. IV. 3. (Съ нѣмецкаго. Прозаич.).—Учитель или Всеобщая система воспитанія. М. 1789. (ч. I. Стр. 99).
М. Веревкинъ. (То же).—Наставникъ или Всеобщая система воспитанія. Спб. 1789. ч. I.
I. Н. *Х. Кетчеръ*. Генрихъ V (Прозаич.) ч. II (изд. 1841 г., вып. 5, и 1863 г.).
II. А. *Л. Соколовскій* Карлъ Генрихъ V—изд. Гербеля, т. III (1867 и 1877 г.) и т. II (1880 г.) и изд. Соколовскаго, т. V (1896 г.).
III. *Д. Л. Михаловскій*. То же, изд. Гербеля, т. II (1887 и 1899 г.).
IV. *П.* А. *Каншинъ*. То же (Прозаич.)—т. IV (изд. 1893 и 1894 г.) и изд. 1902—03 г.
V. А. *Ганзенъ*. То же—настоящ. изд. т. II. (1902 г.).

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ VI (3 ЧАСТИ).

А.

Атеней 1830 г. ч. 4—см. 1830 г.
Ф. Шателенъ, *Дюпати* и *К. Делавинъ* см. 1839 г.
Гизо—см. 1854 г.
В. П. Боткинъ (по Гервинусу) — см. 1855 и 1891 г.
Гейне—см. 1863 г. и 1899 г.
Е. В. Аничковъ, настоящее изд. т. V.

В.

I. *Н. Кетчеръ*. Генрихъ VI (Прозаич.) ч. II (изд. 1841 г., вып. 6—8, и 1862 г.).
Д. Аверкіевъ. Отрыв. изъ 3-ей части (I. 4)—«Эпоха» 1864 г. № 5 (Стр. 234—241).
Ѳ. Устряловъ. Отрыв. изъ 1-ой части (V. 3), 2-ой части (III. 2) и 3-ей части (I. 4). Сочиненія Г. Гейне, т. III (изд. 1864 г., стр. 191, 194 и 196, и 1875 г.) и т. VII (изд. 1900 г.).
II. *А. Л. Соколовскій*. Король Генрихъ VI—въ изд. Гербеля, т. III (1867 и 1877 г.) и т. II (1880 г.) и изд. Соколовскаго, т. VI (1897 г.).
III. Князь *Д. Н. Цертелевъ*. То же—въ изд. Гербеля, т. II (1887 и 1899 г.).
IV. *П. А. Каншинъ*. То же (Прозаич.)—т. VII (изд. 1893 и 1894 г.) и изд. 1902—03 г.
V. *О. Н. Чюмина*. Настоящее изд. т. V.
Она-же. Отрыв. (II. 4) — «Петербургская Жизнь» 1901 г. № 576.

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ VIII

А.

Кронебергъ. О Генрихѣ VIII. — «Телескопъ» 1832 г. ч. 10.
Ph. Chasle см. 1837 г.
А. Пишо—см. 1839 г.
Гизо—см. 1854 г.
Гейне—см. 1864 г. (Катерина Аррагонская и Анна Боленъ) и 1899 г.
Ю. А.—«Русская Мысль» 1903 г. № 3 (Отд. II. Стр. 269—273. Малый театръ).
Л. Шепелевичъ, *С. Венгеровъ* и *Р. Бойль*, наст. изд. т. IV.

В.

А. Петровъ. Отрыв. III. 2. (Съ нѣмецк. Прозаич.). Учитель или Всеобщая система воспитанія, М. 1789. ч. I (Стр. 99—111).
М. Веревкинъ. То же—Наставникъ или Всеобщая система воспитанія. Спб. 1789. ч. 1.
I. *Н. Х. Кетчеръ*. Генрихъ VIII (Прозаич.)—ч. III (изд. 1842 г., вып. 10, и 1864 г.).
II. *П. И. Вейнбергъ*. То же. «Современникъ» 1864 г. т. 104, № 9 и изд. Гербеля, т. III (1867 и 1877 г.) и т. II (1880, 1887 и 1899 г.). Наст. изд. т. V.
III. *П. А. Каншинъ*. То же (Прозаич.) т. VIII. (изд. 1893 и 1894 г.) и изд. 1902—03 г.
IV. *А. Л. Соколовскій*. То же т. VI (1897 г.).

КОРОЛЬ ІОАННЪ.

А.

Атеней 1830 г. ч. 4—см. 1830 г.
Л. Колле—см. 1839 г.
Гизо—см. 1854.
Л. Шепелевичъ—настоящ. изд., т. II (1902 г.)

В.

I. *Н. Х. Кетчеръ*. Король Іоаннъ (Прозаич.)—ч. I (изд. 1841 г., вып. 1, и 1862 г.).
II. *Вс. Костомаровъ*. То же.—Полное собраніе сочиненій Шекспира, перев. Вс. Костомарова. Спб. 1865, ч. I. Ц. 50 коп.
III. *А. В. Дружининъ*. Жизнь и смерть короля Джона (Король Джонъ). 1) «Современникъ» 1865 г. т. 109. № 7 (Отд. I. Стр. 69—162). 2) Собраніе сочиненій А. В. Дружинина. Спб. 1865. т. III. Стр. 497—588). 3) Изд. Гербеля, т. II (1866, 1876, 1880, 1887 и 1899 г.). 4) Настоящ. изд., т. II (1902 г.).
IV. *Дмитрій Минъ*. Король Іоаннъ. 1) «Русскій Вѣстникъ» 1882 г. т. 160, № 7 и отдѣльно: М. 1882. Стр. 90. 2) «Дешевая библіотека». Изд. А. С. Суворина. Спб. 1901. Ц. 25 коп.
Рецензіи *В. Г.* — «Новое Время» 1901 г. № 9105 (Иллюстрир. прилож.).
V. *П. А. Каншинъ*. То же (Прозаич.) т. III (изд. 1895 и 1894 г.) и изд. 1902—03 г.
VI. *А. Л. Соколовскій*. То же—т. V (1896 г.).

КОРОЛЬ ЛИРЪ.

А.

Ив. Кронебергъ—см. 1831 г.
Леру-де-Линкоа—см. 1839 г.
Гизо—см. 1864 г.
А. В. Дружининъ при переводѣ (1858 г.).
К. Званцовъ. Айра-Элдриджъ, IV—см. 1858 г.
Гервинусъ. Король Лиръ. «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1859 т. ч. CI (Отд. II. Стр. 241—276).

А. Н. Баженовъ (Ольриджъ)—см. 1862 и 1869 г.

А. Филоновъ см. 1863 и 1898 г.

Г. Гейне—см. 1861 г. (Два перевода) и 1899 г.

(А. Н. Баженовъ). Самойловъ на Московской сценѣ. III (Лиръ).—«Антрактъ» 1864 г. 18 и 24 мая и въ «Сочиненіяхъ и переводахъ» А. Н. Баженова. М. 1869. ч. I (Стр. 284—298).

О томъ же (игра Самойлова): 1) *Н. Н.*—«Московскія Вѣдомости» 1864 г. № 108. 2) *Викторъ Александровъ* — «С.-Петербургскія Вѣдомости» № 38.

Бріеръ де-Буамонъ—см. 1871 г.

Е. Т. *** — «Вѣстникъ Европы» 1877 г. № 6. Объ игрѣ Росси.

А. Кремлевъ. Характеръ современной критики, «Театральная Библіотека» 1880 г. № 2. (По поводу отзыва «Новаго Времени» 1879 г. № 1378 объ игрѣ Самойлова).

А. Ярославцевъ. Личность Корделіи въ траг. «Король Лиръ». — «Семейное Чтеніе» 1880 г. (Прилож. газеты «Современность») №№ 42, 45—47.

К. В. (М. П. Драгомановъ). Корделія — замарашка.—«Вѣстникъ Европы» 1884 г. № 11.

Н. Р. Сальвини о Лирѣ. — «Изящная Литература» 1884 г. № 3.

Поклонникъ Мельпомены «Россія» 1885 г. № 1. Игра Поссарта.

Г. Брандесъ. Король Лиръ (Перев. В. М. С.)—«Русская Мысль» 1895 г. № 7.

С. Васильевъ—см. 1896 г.

П. Звѣздичъ. Духовный наслѣдникъ Росси.—«Семья» 1897 г. № 43. Игра Цакконе.

Ц. Житецкій—см. 1898 г.

З. Венгерова.—«Новости» 1901 г. № 74. Игра Сальвини.

Ю. Бѣляевъ. Сальвини-Лиръ.—«Новое Время» 1901 г. №№ 8997—8998;—см. 1902 г.

А. Басаргинъ. Сальвини... — «Московск. Вѣдомости». 1901 г. № 102.

Альджернонъ Чарльзъ Суинбернъ. Король Лиръ (Критическія замѣтки). — «Новый Журналъ Иностранной Литературы» 1903 г. т. I. № 3 (стр. 229—234).

И: И. Стороженко. — настоящ. изд. т. III (1903 г.).

В.

I. *Николай Г. (Н. И. Гнѣдичъ).* Леаръ, трагедія въ 5 д., взятая изъ твореній Шекспира. Перев. съ франц. прозою. Спб. 1808.

Съ предисловіемъ. Свободное подражаніе *Дюсису.*

Разборъ А. Король Леаръ. — «Драматич. Вѣстникъ» 1808 г. ч. I. №№ 2—4. (Стр. 17—22, 25—32, 33—34).

Н. М. Карамзинъ. Монологъ Лира (III 2 Прозаич.). Сочиненія Карамзина. Спб. 1814. т. 4.

М. Вронченко. Дѣйствіе I. — «Московскій Телеграфъ» 1832 г. ч. 47 № 20 (Отд. I. Стр. 472 и слѣд.).

II. *Василій Якимовъ.* Король Лиръ и Купецъ Венеціанскій. Спб. 1833. Ц. 1 р. 50 к. — Отрыв. (д. I) въ «Московск. Телеграфѣ» 1832 г. ч. 44.

Рецензіи см. выше. Собранія соч. Шекспира.

III. *А. В. Дружининъ.* Король Лиръ. 1) «Современникъ» 1856 г. т. 60. № 12. 2) Спб. 1858. — Изд. 2-е. Спб. 1859. Ц. 1 руб. (Съ примѣчаніями и объясненіями). 3) Роль Лира, короля Британіи (Представлена на Одесскомъ театрѣ г-мъ Айра-Альдрижомъ). Од. 1861. — То же. Кіевъ 1861.—То же. Саратовъ. 1861. 4) Собраніе сочиненій А. В. Дружинина. Спб. 1865. т. III. 5) Изд. Гербеля. т. I (1865 и 1876) и т. III (1880, 1888 и 1899 г.). 6) Драматическій репертуаръ Э. Росси. Спб. 1877. Ц. 75 к. 7) Дешевая Библіотека. № 44. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1886. 12 д. л. XXVI+124+VIII стр. Ц. 25 к.—Изд. 2-е 1887. Изд. 3-е. 1891. — Изд. 4-е. 1896. — Изд. 5-е. Спб. 1901. 12 д. л. XXVIII + 116 стр. Ц. 25 к. (Съ предисловіемъ и замѣчаніями о трагедіи и ея характерѣ *Кольриджа, Шлегеля, Бокиилля, Джемисона и Дружинина*). 8) Настоящ. изд. т. III (1903 г.).

Рецензіи: 1) «С.-Петерб. Вѣдомости» 1857 г. № 15.

2) на изд. 1858 г.—*К. Званцовъ*—«Театральн. и Музыкальн. Вѣстникъ, №№ 49—50.

3) на изд. «Дешев. библіот.»—а) *Н. П.*—Систематич. обзоръ русской народной учебной литературы» Спб. 1895 b) *П. П.*—«Историч. Вѣстн.» 1888 г. № 1.

IV. *В. М. Лазаревскій.* Король Лиръ. Спб. 1864 Ц. 1 р. 50 к.

Рецензіи 1864 г. 1) *В. Зайцевъ*—«Рус. Слово» № 12.

1865 г. 2) «Книжн. Вѣстникъ», № 1.

3) «Отечеств. Записки», № 2.

4) «Голосъ», № 116.

V. *Н. Х. Кетчеръ.* То же (Прозаич.)—ч. VIII (изд. 1877 г.).

VI. *С. А. Юрьевъ.* То же.—1) «Русская Мысль» 1882 г. №№ 6 — 9. (Приложеніе, стр. 1 — 170) и отдѣльно: М. 1882. 170 стр. Ц. 1 р. 50 к. 2) Изд. Гатцука, вып. IV (1884 г.).

Рецензія *О.*—«Вѣстникъ Европы» 1882 г. № 11 (Стр. 442—449).

VII. *А. Л. Соколовскій.* То же. Спб. 1884. Ц. 1 р. (Изд. для чтенія въ классѣ—Ц. 85 коп.) и въ изд. Соколовскаго, т. I (1884 г.).

VIII. *П. А. Каншинъ.* То же. (Прозаич.) т. II (изд. 1893 и 1894) и изд. 1902—03 г.

IX. *А. Слѣпцовъ.* То же. Съ поясненіями (и рисунками). Спб. 1899. 8 д. л. 182 стр. Ц. 40 коп. (Журналъ «Книжка за книжкой» 1899 г. № 5 и слѣд.). Изд. 2-е. Спб. 1903. Ц. 40 коп.

«Упрощенный» переводъ.

Х. Н. Голововановъ. То же. М. 1900. 8 д. 167 стр.

Л. Афанасьевъ. — «Родившись плакалъ ты...» (Отрыв. изъ д. IV). — «Вѣстникъ Иностр. Литер.» 1900 г. № 5 и «Стихотворенія» Л. Афанасьева. Спб. 1901 т. II.

Кромѣ того, прозаическія изложенія:

1. Король Лиръ. Изъ Шекспировскихъ разсказовъ *Чарльза Лема.* — «Разсвѣтъ» 1859 г. т. IV. № 12. (Стр. 491—502).

2) *Ч. Ламбъ*—см. 1865 г. и 1900 г.

3) *Викторъ Острогорскій.* Старый король Лиръ. (Король Лиръ). «Дѣтское Чтеніе» 1869 г. № 7 и книги В. Острогорскаго: «Юнымъ читателямъ». Спб. 1872 и «Изъ міра великихъ преданій?». Спб. 1883.—Изд. 8-е. М. 1899.

Рецензія *А. Г.* «Что читать народу?» (Спб. 1884. (Отд. IV. Стр. 144—146).

4) Король Лиръ. «Семейные Вечера» (для старшаго возраста) 1875 г. № 8.

5) *Г. О. (Ю. Говоруха Отрокъ).*—«Родникъ» 1883 г. № 1.

6) *Съткова (Катенькампъ).* «Старикъ Никита и его три дочери». М. 1885. Ц. 10 коп.

Рецензіи: 1) «Рус. Мысль», 1885 г. № 11.

2) «Воспитаніе и Обученіе» 1887 г. № 3.

7) Король Лиръ (по *Чарльзу — Ламбу*). Съ 9 картин. Изд. «Народн. Библіотеки». М. 1885 8 д.

л. 24 стр. Ц. 8 коп.—Изд. 2-е М. 1888. д. л. 27 стр. Ц. 8 коп.

Рецензіи: 1) «Рус. Мысль» 1886 г. № 2.

2) «Воспитаніе и Обученіе» 1886. № 3.

«Обзоръ дѣтской литературы» изд. Вс. Гаршинымъ и Гердомъ. Спб. 1889.

4) «Что читать народу»? Томъ II (Стр. 254).

8) *А. Канаевъ*. Король Лиръ. Съ 10 рисунк. Спб. 1888 Ц. 15 коп.

Рецензія — *Н. П.* «Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы». Спб. 1895.

9) Репертуаръ Э. Росси (въ сокращенномъ изложеніи). Король Лиръ. Тифлисъ. 1890. 12 д. л. 53 стр. Ц. 30 коп. — Изд. В. К. Травскаго. Спб. 1890. 16 д. л. 48 стр. Ц. 20 коп.

10) H. Re Lear. (Король Лиръ). Драматическій репертуаръ Андреа Маджи. Изд. В. К. Травскаго. Спб. 1892. 8 д. л. 16 стр. Ц. 20 коп.

11) *Н. Кожевникова*. см. 1894 г.

12) Король Лиръ. Содержаніе пьесъ репертуара Л. Варная. — Турнэ 1896 г. Изд. газеты. «Театр. извѣстія» М. 1897. 12 д. л. 22 стр.

13) Король Лиръ (Re Lear). Сокращ. либретто. Спб. 1898. 8 д. л. 6 стр. Ц. 15 коп.

14) *В. Лукьянская*. Три дочери британскаго короля Лира. М. 1900. 161 стр.

15) Лѣсной бродяга, повѣсть. Сказка о королѣ «Лирѣ» и королевнѣ Ласковнѣ, разсказъ. Изд. Т. Губанова. Кіевъ 1902. 16 д. л. 144 стр. Ц. 20 к.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ II.

А.

Атеней 1830 г. ч. 4—см. 1830 г.

Ив. Кронебергъ см. 1831 г.

Гизо—см. 1854 г.

К. Арсеньевъ—настоящ. изд., т. II (1902 г.)

В.

Отрыв. (I. 1—6). — «Санктпетербургскій Вѣстникъ» 1831 г. т. III №№ 29 и 31 (стр. 48, 100 и 134).

Ив. Кронебергъ. Отрыв.—въ рецензіи *В. Бѣлинскаго*—въ «Отеч. Запискахъ» 1839 г. т. 7 и въ «Полномъ собраніи сочиненій» В. Бѣлинскаго. Спб. 1901. т. IV (Стр. 410—412).

I. *Н. Х. Кетчеръ*. Ричардъ II (Прозаич.)—ч. I (изд. 1841 г., вып. 2, 1869 г.).

Дм. Минъ. Монологъ короля Ричарда II передъ его смертью въ темницѣ (Отрыв. V. 5). «Русскій Вѣстникъ» 1864 г. т. 50 № 4 (Отд. I. Стр. 753—754).

II. *Вс. Костомаровъ*. Король Ричардъ II.—Полное собраніе сочиненій Шекспира, перев. В. Костомарова. Спб. 1865. ч. II. Ц. 65 коп.

III. *А. Л. Соколовскій*. То же. 1) «Современникъ» 1865 г. т. CVIII. № 6. 2) Изд. Гербеля, т. II. (1866, 1876 и 1880 г.). 3) Изд. Соколовскаго, т. V (1896 г.).

IV. *Д. Л. Михаловскій*. То же—изд. Гербеля, т. II (1887 и 1899 г.).

Разборъ *П. И. Вейнберга* см. «Антоній и Клеопатра», перев. Д. Л. Михаловскаго.

V. *П. А. Кашинъ*. То же (Прозаич.)—т. III. (изд. 1893 и 1894 г.) и изд. 1902—03 г.

VI. *Н. А. Холодковскій*. То же, настоящ. изд., т. II. (1902 г.).

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ III.

А.

Атеней 1830 г. ч. 4 см. 1830 г.

Бенефисъ г. Брянскаго. — «Сѣверная Пчела» 1833 г. № 27 (Фельетонъ).

Пьеса шла въ переводѣ Я. Г. Брянскаго (въ стихахъ, съ прозаическаго французскаго перевода).

О томъ же. Тамъ же. №№ 35—36 (Смѣсь).

Ph. Chasle см. 1837 г.

Леонъ де-Вайльи—см. 1839 г.

Ѳ Кони.—«Репертуаръ и Пантеонъ» 1847 года т. 5. Отзывъ о представленіи перевода Я. Г. Брянскаго.

Гизо—см. 1854 г.

С. Лебедевъ.—см. 1855 г.

Видѣніе Ричарда III (д. V)—«Общезанимательный Вѣстникъ» 1858 г. № 8 (Стр. 486—490). Объ игрѣ Гаррика.

А. В. Дружининъ—при переводѣ (1862 г.).

Гейне—см. 1864 и 1899 г.

В. Зотовъ—см. 1882 г.

Лессингъ—см. 1883 г.

Г. Брандесъ. Король Лиръ (перев.—В. М. С.)—«Русская Мысль» 1895 г. № 5.

Ив. Ивановъ.—«Русская Мысль» 1897 г. № 3.

П Морозовъ—настоящ. изд., т. I (1902 г.).

В.

I. Жизнь и смерть Ричарда III, короля Англинскаго. Трагедія г. Шекспера. Перев. съ французз. языка прозою. Нижн. Новгор. (1783). Спб. 1787.

Въ предисловіи—мнѣніе *Вольтера*.

С. С. Отрыв.—«Минерва» 1806 г. ч. I (Стр. 164).

Бур—ій. Отрыв. Тамъ же, ч. II. (Стр. 197).

Г. Мейстеръ (Росковшенко). Отрыв. (I. 4; IV. 2. 3). Литературныя прибавл. къ «Русск. Инвалиду» 1838 г. № 28 (Стр. 544).

М. Отроевъ. Отрыв. — «Галатея» 1839 г. ч. V № 43 (Стр. 521).

II. *Н. Х. Кетчеръ*. Ричардъ III (Прозаич.) ч. III (изд. 1842 г., вып. 9, 1864 г.).

III. *Григорій Данилевскій*. Жизнь и смерть короля Ричарда III. Съ критическимъ предисловіемъ и съ перечнемъ актеровъ, выполнявшихъ роли въ этой драмѣ. Спб. 1850. Ц. 1 руб. То же (Король Ричардъ III)—въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1850 г. т. 100—101. №№ 3—4 и 6—и въ «Сочиненіяхъ» Данилевскаго, т. VI (изд. 1884, 1877 и 1890 г.), т. VIII (изд. 1893 г. и т. XX (изд. 1901 г., приложеніе къ «Нивѣ»).

Предисловіе—по Гервинусу.

Рецензія: *Г.* — «Москвитянинъ» 1851 г. № 5 (стр. 189—100).

IV. *А. В. Дружининъ*. Король Ричардъ III. Отрыв. (I. 1—2, V. 2—4)—въ «Современникѣ» 1860 г. т. 79. № 2 (Отд. I. Стр. 623). Полный переводъ: 1) «Современникъ» 1862 г. т. 93. № 5 (Приложеніе, стр. 1—170) и отдѣльно: Спб. 1862. Ц. 75 коп. 2) Въ «Сочиненіяхъ» А. В. Дружинина. Спб. 1865 т. III. 3) Въ изд. Гербеля, т. III (1867 и 1877 г.) и т. II (1880, 1887 и 1899 г.). 4) Дешевая Библіотека. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1888 12 д. л. XXXVI+144 стр. Ц. 25 коп.—Изд. 2-е. Спб. 1894. 12 л. XXXVI+137 стр. Ц. 25 к. (Съ предисловіемъ, выдержками изъ хроникъ Голиншеда и Галла и мнѣніями критиковъ *Шлегеля* и *Дрека*). 5) Настоящ. изд., т. I (1902 г.).

V. *П. А. Каншинъ.* То же—т. IV (изд. 1893 и 1894 г.) и въ изд. 1902—03 г.
VI. *А. Л. Соколовскій.* То же, т. VI (1897 г.).

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ III.

А.

В. П. Боткинъ (по Ретшеру)—см. 1840 и 1891 г.
Р. И. Бойль, въ настоящ. изд. т. V.

В.

I. *П. А. Каншинъ.* Эдуардъ III. (Прозаич.)—т. III (изд. 1893 и 1894 г.) и изд. 1902—03 г.
II. *В. Лихачевъ*, настоящ. изд. т. V.

МАКБЕТЪ.

А.

С. П. Шевыревъ—см. 1828 г.
Вальтеръ Скоттъ. Двѣ главы изъ Исторіи Шотландіи. Глава вторая. Исторія Макбета. «Московскій Телеграфъ» 1828 г. ч. 21. № 11. Іюнь (Стр. 323—338).
Мысли о «Макбетѣ» — «Литературная Газета» 1830 г. № 7.
Ив. Кронебергъ—см. 1830, 1831 и 1835 г.
Д. О. Сюливанъ—см. 1839 г.
Макбетъ. — «Современникъ» 1839 года т. 15. (Стр. 18).
Откуда Шекспиръ заимствовалъ содержаніе своего Макбета. Репертуаръ русскаго театра 1840 г. кн. 10 (Смѣсь. Стр. 15—16).
Исторія Макбета—см. 1841 г.
Рунебергъ. Макбетъ—христіанская ли трагедія? «Альманахъ въ память 200-лѣтняго юбилея Имп. Александровскаго университета», изд. Я. Гротомъ. Гельсингфорсъ. 1842.
«Макбетъ» въ переводѣ Эмиля Дешана.—«Пантеонъ» 1848 г. № 10 и 11. (Отд. VII. Стр. 85—86).
В. Г. (В. Гаевскій). Нѣсколько словъ о «Макбетѣ» Шекспира. «Библіотека для Чтенія» 1849 г. т. 98. № 11 (Отд. II. Стр. 99).
А. Мурфи—см. 1850 г.
П. Ч—въ. Макбетъ.—«Пантеонъ» 1853 г. т. VIII Кн. 3 (Отд. IV. Стр. 21).
Гизо—см. 1854 г.
С. Лебедевъ—см. 1855 г.
В. Поповъ. Леди Макбетъ «Общезанимательный Вѣстникъ» 1857 г. № 20 (Стр. 711—716).
К. Званцовъ—см. 1858 г.
Сказка изъ драмы «Макбетъ».— «Воскресный Досугъ» 1863 г. № 5 (Стр. 71).
Гейне—см. 1864 и 1899 г.
О. Бухвальдъ—см. 1865 г.
О методѣ чтенія поэтическихъ произведеній. Методъ Экарта. Учитель 1865 г. № 7—8 (Стр. 259—261).
Бріеръ-де-Буамонъ—см. 1871 г.
С. Весинъ—см. 1877 г.
Н. Успенскій (перев. съ англ.). Макбетъ.—«Семейное Чтеніе» (Прилож. къ газетѣ «Современность») 1880 г. № 13 (Стр. 7).
В. Зотовъ—см. 1882 г.
Т. Сальвини—см. 1882 г.
А. П. Сальвини. «Заграничный Вѣстникъ» 1882 г. № 4.
Съюдонсъ. Роль лэди Макбетъ.—«Дневникъ театрала» 1889 г. №№ 1—2.
Z. Г-жа Сегонъ-Веберъ въ роли Макбетъ.—Тамъ же, № 4.
Н. И. Стороженко. Макбетъ—«Артистъ» 1889 г. №№ 2—4 и отдѣльно: М. 1890. Еще см. 1902 г.
Ристори. Изученіе роли лэди Макбетъ. «Артистъ» 1890 г. № 5 (Мемуары Ристори).
Ив. Ивановъ.—«Артистъ» 1890 г. № 6.
Рисунокъ барона М. П. Клодта—«Вѣдьма».—Тамъ же, № 10.
Полнеръ. Гаррикъ въ «Макбетѣ» (1747 г.)—«Русская Мысль» 1890 г. № 4.
С. Тимофѣевъ. — «Русскія Вѣдомости» 1890 г. № 14.
А. Евфратовъ—см. 1894 г.
Э. Ферри—см. 1896 г.
Г. Брандесъ. Макбетъ (перев. В. М. С.)—«Русская Мысль» 1896 г. № 5.
П. Житецкій—см. 1898 г.
Мемуары *Ристори.* Изученіе роли лэди Макбетъ. «Библіотека Театра и Искусства» 1902 г. т. V. Вып. III (Стр. 81—88).
А. Кирпичниковъ, настоящ. изд., т. III (1903 г.).

В.

I. *А. Ротчевъ.* Макбетъ. Спб. 1830. Ц. 5 руб. Отрывки: 1) I. 1, 3, 4; II. 4, 5; V. 1.—«Московскій Телеграфъ» 1829 г. ч. 28 (Отд. I. Стр. 417); 2) «Радуга» на 1830 г. (Стр. 56); 3) II. 4, 5; V. 1. «Невскій альманахъ» на 1830 г. (Стр. 308); 4) II. 3, 4; IV. 2. 4. «Театральный альманахъ» на 1830 годъ (Стр. 40—61 и 158).
Стихотворная передѣлка по *Шиллеру.*
Рецензіи 1830 г.: 1) «Литер. Газета», № 66 (т. II. Стр. 244—245).
2) «Московск. Телегр. ч. 36. № 21 (Стр. 79—82).
1831 г.: 3) *П. Волковъ.* Эхо, № 3. (Стр. 89—94).
II. *М. В. (М. Вронченко).* Макбетъ. Спб. 1837. Стр. 142. Ц. 1 р. 50 к.
Отрывки: 1) I. 1. «Московскій Телеграфъ» 1833 г. ч. 51. № 11 (Отд. I. Стр. 364; 2) III. 4.—«Литерат.прибавленія къ «Русскому Инвалиду» 1837 г. № 4 (Стр. 31); 3) Роль Макбета. Кіевъ. 1861. Новое изданіе: «Русская классная библіотека», изд. подъ ред. А. Н. Чудинова Спб. 1901. Ц. 40 коп.
Рецензіи 1837 г.: 1) *П. М.* «Сѣверная Пчела», № 212.
2) *Клетневъ*—см. 1837 г.
III. *Н. Х. Кетчеръ.* То же. ч. III (изд. 1842 г., вып. 12, и 1863 г.).
I. *А. И. Кронебергъ.* Отрывки: 1) I. 1.—«Московскій Телеграфъ» 1833 г. № 11; 2) «Надежда» Харьковъ. 1836 (Стр. 124). 3) Роль Макбета, исполняемая господиномъ Айра Альриджемъ. М. 1862 г.
Полный переводъ: 1) «Петербургскій Сборникъ» 1846 г. 2) Изд. А. С. Великанова. М. 1862. Ц. 75 к. 3) Въ изд. Гербеля, т. III (1880, 1888 и 1899 г.). 4) «Дешевая библіотека» № 53. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1888. 12 д. л. LIV+98 стр. Изд. 3-е. Спб. 1869. Изд. 4-е. Спб. 1900. Ц. 25 коп. Съ предисловіемъ и мнѣніями о «Макбетѣ» *Кольриджа, Галлама, Найта, Гензе, Мезъера, Рюмелина.*
5) Настоящ. изд., т. III (1903 г.).
Рецензія (на изд. «Дешев. библіот.»). *П. П.* «Историч. Вѣстникъ» 1888 г. № 1.

V. *М. Лихонинъ.* То же.—«Москвитянинъ» 1854 г. т. I. № 1, 2 и отдѣльно: М. 1854. Ц. 1 р. 50 коп.

Рецензіи 1854 г. 1) «Пантеонъ», т. XIV, кн. 3 (Отд. V. Стр. 20—22). *А. Дружининъ.*—«Современникъ» («Письма иногор. подписчика», XXXVI) и Собраніе сочиненій Дружинина. Спб. 1865. т. VI. (Стр. 784).

В. Поповъ (Отрыв. I. 1).—«Общезанимательный Вѣстникъ» 1857 г. № 20 (Стр. 711).

М. Семперверо (Четвериковъ). Отрыв. (П. 1—, «Переводы въ стихахъ» М. Семперверо. М. 1860 (Стр. 109).

М. Лермонтовъ. Три вѣдьмы (изъ Шиллера).—Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. подъ ред. Н. В. Гербеля. Спб. 1860. т. VIII (Стр. 325) и въ позднѣйшихъ изданіяхъ сочиненій Лермонтова, начиная съ 1887 г. (въ изд. Маркса—Сборникъ «Нивы» 1891 г. № 7, т. I, стр. 95).

VI. *А. Эльканъ* Macbetto. Макбетъ, траг. въ 4 д. Итальянскій переводъ Монтанелли М. 1860. (Прозаич.). Ц. 50 коп.

VII. Макбетъ, траг. въ 4 актахъ. Переведена съ итальянскаго перевода Монтанелли. М. 1861. (Прозаическ.).

VIII. *Ѳ. Н. Устряловъ.* Отрыв. (I. 7. П. 2) Первое приложеніе «Вѣка» 1864 г. (Стр. 8—10). Полный переводъ: 1) Спб. 1862. Ц. 1 руб. 2) Драматическій репертуаръ Э. Росси. Изд. 2-е, вновь исправл. Спб. 1877. Ц. 75 коп.

Рецензія: *дъ* «Русское Слово» 1862 г. № 4.

IX. *С. А. Юрьевъ.* Макбетъ. 1) «Русская Мысль». 1884 г. №№ 1—5 (Приложеніе) и отдѣльно. М. 1884 8 д. л. 131+2 стр. Ц. 1 руб. 50 коп.

2) Изд. Гатцука, вып. V (1885).

Разборъ—*А. Н. Веселовскій.* Отчетъ о третьемъ присужденіи Пушкинскихъ премій.—Приложеніе № 2 въ «Запискамъ Академіи Наукъ» 1886 г. т. 54.

X. *А. Л. Соколовскій.* Макбетъ. 1) «Изящная Литература» 1884 г. №№ 1—2 (Приложеніе) и отдѣльно: Спб. 1884. Ц. 1 руб. (Для юношества Ц. 85 коп.). 2) Изд. Соколовскаго; т. I (1894 г.).

Рецензія «Что читать народу?» Томъ II (Стр. 254).

XI. *А. М. Данилевскій.* Макбетъ (Прозаич.). Спб. 1888. 8 д. л. 80 стр. Ц. 65 коп.

XII. *С. Малхасіанцъ.* То же. Тифлисъ. 1892. 8 д. л. 16+108 стр.

XIII. *П. А. Каншинъ.* То же (Прозаич.)—т. II (изд. 1893 и 1894 г.) и изд. 1902—03 г.

XIV. Князь *Д. Н. Цертелевъ.* То же. «Русскій Вѣстникъ» 1901 г. №№ 6—8.

Кромѣ того, произаческія изложенія: 1) Въ книгѣ *Ламбъ*—см. 1865 и 1900 г.

2) *Н. Успенскаго*—см. выше, отд. А. (1880 г.).

3) Въ книгѣ *Н. Кожевниковой* см. 1894 г.

4) Въ книгѣ *Ф. Василевскаго* «Руководство къ составленію ученическихъ сочиненій». Тифлисъ. 1899.

МНОГО ШУМУ ИЗЪ НИЧЕГО.

А.

К. Бонжуръ—см. 1839 г.

В. Зотовъ—см. 1847 и 1882 г.

Гервинусъ (перев. Е. Ч.)—«Театральныя афиши и Антрактъ» 1865 г. №№ 132—134.

(*А. Н. Баженовъ*). 1) Двѣ замѣтки.—Тамъ же, №№ 129 и 136. 2) Еще пьеса Шекспира на нашей сценѣ. Тамъ же, № 137.

Перепечатаны въ «Сочиненіяхъ и переводахъ» А. Н. Баженова. М. 1869. т. 1 (Стр. 525—532).

Эшенбургъ. Откуда Шекспиръ заимствовалъ сюжетъ для своей комедіи «Много шуму изъ ничего». Перев. М. Ш.—Тамъ же, № 150.

«Театральная Библіотека» 1880 г. № 1 (Стр. 163-164).

«Искусство» 1883 г. № 6 (Стр. 63—64 Лондонская хроника).

Ю. Бѣляевъ.—«Новое Время» 1901 г. № 9157 и въ книгѣ Бѣляева: «Актеры и пьесы» (см. 1902 г.).

Homo novus.—«Театръ и Искусство» 1901 г. № 37.

Е. Аничковъ—настоящ. изд., т. II. (1902 г.).

В.

I. *А. И. Кронебергъ.* Много шуму изъ ничего. 1) «Современникъ» 1847 г. т. 6. № 12 (Отд. I Стр. 229—302). 2) Въ изд. Гербеля, т. I (1865, 1876, 1880, 1887 и 1899 г.). 3) Настоящ. изданіе, т. II (1902 г.).

II. Много шуму изъ пустяковъ (Прозаич.). «Сынъ Отечества» 1849 г. № 5 (Отд. IV. Стр. 1—80).

III. *Н. Х. Кетчеръ.* Много шуму по пустому (Прозаич.) ч. VIII (изд. 1877 г.).

IV. *И. А, Каншизъ* Много шуму изъ ничего (Прозаич.) т. XI (изд. 1899 и 1894 г.) и изд. 1902—03 г.

V. *А. Л. Соколовскій.* Много шуму изъ-за пустяковъ т. VII (1897 г.).

Кромѣ того, прозаическія изложенія: 1) Въ книгѣ *Ламбъ*—см. 1865 и 1900 г.

2) Злой Донъ-Жуанъ или Много шуму изъ ничего. Изъ разсказовъ Шекспира. Изд. В. А. Морозова. М. 1883. 16 д. л. Ц. 5 коп.

МѢРА ЗА МѢРУ.

А.

А. С. Пушкинъ—см. 1833 г.

Луиза С. Беллокъ—см. 1839 г.

В. Зотовъ—см. 1848 и 1882 г.

А. В. Театральные курьезы и замѣтки. «Развлеченіе» 1868 г. № 39.

Мѣра за мѣру, пьеса 1604 г. «Русскій» 1868 г. №№ 58, 59, 61 и 64.

Ю. Веселовскій—настоящ. изд., т. III (1903 г.).

В.

В. Р. (*В. Родиславскій*) Отрыв.—Поэтическіе эскизы. Альманахъ стихотвореній. М. 1850.

I. *П. Альбертъ.* Мѣра за мѣру—«Русская Сцена» 1865 г. № 1 (Стр. 1—162).

II. *Ѳ. Б. Миллеръ.* То же. 1) Въ изд. Гербеля, т. IV (1868 и 1877 г.) и т. I (1880, 1887 и 1899 г.). 2) Въ «Стихотвореніяхъ» Ѳ. Б. Миллера, изд. 2-е М. 1879 г. т. IV. 3) Въ настоящ. изданіи, т. III (1903 г.).

III. *Н. Х. Кетчеръ.* То же (Прозаич.)—ч. VII (изд. 1874 г.).

IV. *П. А. Каншинъ.* То же (Прозаич) — т. V (изд. 1893 и 1894 г) и изд. 1902—03 г.

V. *А. Л. Соколовскій.* То же т. III (1895 г.).

Кромѣ того, прозаическое изложеніе въ книгѣ

Ламбъ (см. 1865 и 1900 г., и стихотворное изложеніе—поэма *А. С. Пушкина*: «Анджело» въ альманахѣ «Новоселье» 1834 г. ч. II и въ собраніяхъ сочиненій А. С. Пушкина.

—

ОТЕЛЛО.

А.

М—лъ Я—въ (М. Яковлевъ).—Благонамѣренный 1821 г. т. 14 (Прибавленіе къ X № Стр. 9—10).

Ардаліонъ Куріановъ. Тамъ же, 1822 г. ч. XVII № 3. (Стр. 99—108). Игра Брянскаго

С. Шевыревъ. Отелло. «Московскій Вѣстникъ» 1828 г. 9 (Стр. 417—441).

Баронъ *Экштейнъ* по поводу предыдущей статьи. Отелло Шекспира и Отелло Дюсиса. Тамъ же, ч. 22 № 13. Іюль. (Стр. 73—81).

А. де Виньи—см. 1830 г.

Н. С—ій.—«Сѣверная Пчела» 1833 г. № 96. Фельетонъ. (Г. Мочаловъ въ роли Отелло).

Литературныя прибавленія къ «Русск. Инвалиду» 1837 г. № 1. (Стр. 1—4). Игра Брянскаго.

А. В. Письмо въ редакцію о представленіи Отелло.—Тамъ же № 3.

Г. Письмо въ редакцію (по поводу замѣчаній *В. В. В.* въ «Сѣверной Пчелѣ» 1837 г. № 53).—Тамъ же № 16.

В. Красовъ. Стансы къ Дездемонѣ.—«Московскій Наблюдатель—1838 г. ч. 18.

Низаръ—см. 1839 г.

Л. Л. Дебютъ Г-жи Яковлевой въ роли Дездемоны. Литературныя прибавленія къ «Русскому Инвалиду» 1839 г. т. I, № 17. (Стр. 372—374).

Н. Othello, опера Россини.—Тамъ же, № 24.

Харьковскій театръ и Мочаловъ на Харьковской сценѣ. Восьмое представленіе. Отелло, перев. Дюсисомъ.—Тамъ же, т. 2, 1. № 26 (Стр. 523).

Отелло.—«Современникъ» 1840 г. т. 19.

А. Плещеевъ. Дездемона. — «Современникъ», т. 1. 23 (Стр. 241).

Гизо—см. 1854 г.

Берне (перев. К. Званцовъ). Письма изъ Парижа о Малибранъ (1831 г.). «Музыкальный и Театральный Вѣстникъ» 1856 г. №№ 33—34.

«Отелло» Россини.

К. Званцовъ см. 1858 г. (Двѣ замѣтки объ Айра-Элдриджъ).

К. Званцовъ.—«Театр. и музык. вѣстникъ» 1858 г. № 9 (Объ оперѣ Россини).

Н. И—въ. «Отелло» Россини и Шекспира.—«Иллюстрація» 1859 г. №№ 93 и 94.

А. Н. Баженовъ—см. 1862 и 1869 г.

Гейне—см. 1865. (Два перевода) и 1899 г.

R. (*Р. Г. Рейтцъ*). Отелло и Дездемона. — «Живописный Сборникъ» 1869 г. № 2 (Стр. 33—35).

Л. Ст—въ. Отелло (Литер. альбомъ).—«Нива» 1871 г. № 22 (Стр. 354).

Сальвини—см. 1882 г.

А. П. Сальвини. — «Заграничный Вѣстникъ» 1882 г. № 3.

Польскій театръ. Г. Лещинскій въ роли «Отелло» «Искусство» 1883 г. № 2 (Стр. 22).

—нъ. Сальвини въ роли Отелло.—«Русскій Вѣстникъ» 1890 г. № 7.

Ив. Ивановъ.—«Артистъ» 1891 г. № 12.

Я. Боткинъ. Преступный аффектъ какъ условіе невмѣняемости. М. 1893. Ц. 30 коп.

Рецензія—«Русская Мысль» 1893 г. № 9.

А. Евфратовъ—см. 1894 г.

Э. Ферри—см. 1896 г.

Г. Брандесъ. Отелло. 1) «Новое Время» 1896 г. №№ 7153 и 7160. (Иллюстриров. приложенія). 2) «Семья» 1896 г. №№ 8 и 9. 3) Перев. Т. Криль.—«Русская Мысль» 1896 г. № 2.

Рецензіи 1896 г.: 1) «Русск. Вѣдомости», № 51. 2) *А. Скопинскій*—«Русск. Обозрѣніе», № 4.

М. Карріеръ—см. 1898.

А К—ель и *Rectus.* — «Театръ и Искусство» 1900 г. №№ 7 и 8.

Ч. Леви. Трагедія «Отелло» въ исторіи. «Новый Журналъ Иностранной Литературы» 1901 г. № 1.

А. Волынскій въ его книгѣ: «Царство Карамазовыхъ. Н. С. Лѣсковъ». Замѣтки. Спб. 1901.

Т. Ардовъ.—«Россія» 1901 г. № 695.

Ю. Бѣляевъ. Сальвини. «Новое Время» 1901 г. № 8995.

Ю. Бѣляевъ. Сальвини. «Новое Время» 1902 г. № 9347; см. 1902 г.

Проф. *Михаилъ Покровскій.* Дидона Вергилія и Дездемона Шекспира. «Подъ знаменіемъ науки». М. 1902 (Стр. 472—478).

Э. Росси. Письмо 201. Моя постановка «Отелло» въ Ильдизъ-Кіоскѣ.—«Кавказскій Вѣстникъ» 1902 г. № 8—9 (Стр. 144—148).

М. Нордау. Три этюда чувства ревности. Въ книгѣ Нордау. «Современные французы».

Другой переводъ. Французскіе писатели новѣйшаго времени (перев. С. П. М.). Приложеніе «Нов. Журн. Иностр. Литер.» 1902 г. №№ 10—11 (Стр. 31—34).

Новый Отелло. Мозаика «Новаго Міра» 1903 г. № 97.

Л. Полонскій настоящ. изд., т. III. (1903 г.).

В.

I. (*Ив. Вельяминовъ*). Отелло, или Венеціанскій Мавръ (Прозаич.). Спб. 1808.

Съ французскаго перевода *Дюсиса.*

Отрыв. (III. 3. Прозаич.)—«Московскій Вѣстникъ» 1828 г. ч. X. Стр. 10).

И. Козловъ. Романсъ Дездемоны.—«Сѣверные Цвѣты» на 1831 г. (Стр. 23) и собранія стихотвореній Козлова (1840 г. ч. I. стр. 208; 1855 г. ч. II.; «Семейная Библіотека» 1891 г. № 15, стр. 33; «Сборникъ Нивы» 1892 г. № 3, стр. 244).

И. Ив. П—въ (И. Панаевъ). Отелло, Венеціанскій Мавръ. (Прозаич.). Перев. съ англ. Спб. 1836. VI+213 стр. Ц. 1 р. 15 к.

Съ французскаго.

Рецензіи 1837 г. 1) *Юръ-Сервентъ.*—«Сѣверная Пчела», № 227. 2) *П. Плетневъ*—см. 1837 г.

Межевичъ. (Сцена III. 4)—Литерат. прибавл. къ «Русскому Инвалиду»—1839 г. т. II, № 7 (Стр. 121).

III. (*А. Студитскій*). Отелло.—Репертуаръ 1841 г. № 9.– Отрывки д. III.—«Московскій Наблюдатель» 1839 г. ч. II. (Отд. I. Стр: 22—62) и «Сынъ Отечества» 1839 г. ч. XII (Отд. I. Стр. 53).

IV. *Н. Х. Кетчеръ.* Отелло (Прозаич.) ч. IV (изд. 1843 г., вып. 16, и 1863).

V. *В. Лазаревскій.* То же.—Репертуаръ и Пантеонъ 1845 г. т. 11 кн. 8. (Отд. I. Стр. 279 и слѣд.) и отдѣльно: Спб. 1845. Ц. 1 руб.

Рецензіи 1845 г.: 1) «Отеч. Записки», № 11. 2) «Современникъ», т. 40.

Роль Отелло изъ трагедіи Шекспира (Прозанч.). Представлена на Одесскомъ театрѣ г-номъ Айра Альдриджомъ. Одесса. 1861 8 д. л.

То же. (Прозанч.). Кіевъ. 1861. 12 д. л.

VI. *П. И. Вейнбергъ*. Отелло, венеціанскій мавръ. a) Отзывки: 1) «Современникъ» 1858 г. № 12.

2) Дѣйствіе IV. «Библіотека для Чтенія» 1859 г. т. 154. № 5 (Стр. 120 и слѣд.).

Рецензія—*А. Г—фовъ*. Театр. и Музык. Вѣстникъ» 1859 г. №№ 26, 47 и 49.

b) Сокращенный (для сцены) переводъ—«Библіотека для Чтенія» 1864 г. т. 182. № 4—5 (Отд. I. Стр. 1 — 160) и отдѣльно. Спб. 1864. 160 стр. Ц. 75 коп.

Рецензіи 1864 г.: 1) Книжн. Вѣстникъ. № 16 (стр. 311). 2) Голосъ № 334.

c) Полный переводъ: 1) въ изд. Гербеля. т. I (1865 и 1876 г.) и т. III (1880, 1888 и 1899 г.). 2) Изд. 4-е, вновь исправл. (Драматическій репертуаръ Э. Росси). Спб. 1877. 64 стр. Ц. 75 коп. 3) «Дешевая Библіотека» № 47. Изд. А. С. Суворина. Спб 1886. 12 д. л. XLVII + 140 + VIII стр. Ц. 25 к. Изд. 2-е. 1888.—Изд. 3-е. 1891.—Изд. 4-е. 1899. 12 д. л. LX + 135 стр. Ц. 25 коп. (Съ предисловіемъ и мнѣніями о характерахъ трагедіи Фернивала, Джонсона, Кольриджа, Маколея, Найта, Джемсонъ, Шлегеля, Кройссига, Рюмелина, Мезьера и др.). 4) Настоящ. изд. т. III (1903 г.).

Рецензія *П. П.* «Историч. Вѣстникъ» 1888 г. № 1.

Ѳ. Устрялов. Отрыв. (I. 3)—Сочиненія Г. Гейне, т. III. (изд. 1864 г., стр. 236, и 1875 г.) и т. VII (изд. 1900 г.).

VII. *Ил. Кусковъ*. Отелло, венеціанскій мавръ,—«Заря» 1870 г. № 4 и отдѣльно. Спб. 1870. 124 стр. Ц. 1 руб.

VIII. *Н. Маклаковъ*. То же изд. Гатцука, вып. III (1882 г.).

IX. *П. А. Каншинъ*. То же (Прозанч.) т. I (изд. 1893 и 1894 г.) и изд. 1902—03 г.

X. *Алексѣй Месковскій*. Отелло, негръ венеціанскій. (Трагедіи Шекспира для сцены и чтенія, II). Переводъ и примѣненіе къ условіямъ современной сцены. Съ приложеніемъ анти-критики. Спб. 1894. 8 д. л. II + 144 стр. Ц. 20 коп.

Рецензіи 1894 г.: 1) «Недѣля», № 44. 2) *Ив. Ивановъ*—«Артистъ», № 38.

XI. *А. Л. Соколовскій*—т. I. (изд. 1894 г.).

Кромѣ того, прозаическія изложенія:

1) Въ книгѣ *Лэмбъ*—см. 1865 и 1900 г.

2) Отелло, венеціанскій мавръ. Разсказъ, взятый изъ сочиненій Шекспира. Изд. И. А. Морозова. М. 1883. 12 д. л. 36 стр. Ц. 5 коп.

Рецензія *А. К.* «Что читать народу?» Спб. 1884. (Отд. IV. Стр. 147).

3) Репертуаръ Росси, въ сокращенномъ изложеніи. Отелло (Монологи Отелло приведены безъ сокращеній). Спб. 1890. Ц. 20 коп.

4) Отелло (Otello). Изд. В. К. Травскаго (Драматическій репертуаръ Андреа Маджи). Спб. 1892. 8 д. л. 15 стр. Ц. 20 коп.

5) Въ книгѣ *Н. Кожевниковой* см. 1894 г.

6) *А. Юрьева* (при участіи *Е. Вэръ-Чистяковой*). Отелло, венеціанскій арабъ, и прекрасная Дездемона, или: Безуміе ревности. Повѣсть въ 5 дѣйствіяхъ (по Шекспиру).—180 (изд. «Посредника»). М. 1895. 16 д. л. 215 стр. Ц. 30—15 коп.—То же. М. 1897. То же. М. 1902.

Рецензіи:

1) «Русскій Начальный Учитель» 1895 г. № 2.

2) «Русская Мысль», 1895 г. № 6.

3) *Е. Свѣшникова*.—«Образованіе» 1896 года № 5—6.

ПЕРИКЛЪ.

А.

В. Зотовъ. см. 1845 и 1882 г.

В. П. Боткинъ (по *Гервинусу*) — см. 1855 и 1891 г.

Ѳ. Зѣлинскій, въ наст. изд. т. IV.

В.

I. *А. Л. Соколовскій*. Периклъ—изд. Гербеля, т. IV (1868 и 1876 г.) и т. III (1880 г.) и изд. Соколовскаго, т. III (1895 г.).

II. *Н. Х. Кетчеръ*. То же (Прозанч.) — ч. IX (изд. 1879 г.).

III. *Н. А. Холодковскій*. То же изд. Гербеля, т. III. (1888 и 1899 г.).

IV. *П. А. Козловъ*. То же 1) «Колосья 1889 г. № 2 и отдѣльно. Спб, 1889. 2) Шекспиръ въ переводѣ П. А. Козлова. Спб. 1889. Ц. 1 р. 50 коп. 3) Полное собраніе сочиненій П. А. Козлова. Изд. 4-е М. 1897. т. IV. 4. 4) Настоящее изд., т. IV.

V. *П. А. Каншинъ*. То же (Прозанч.)—т. XI (изд. 1893 и 1894 г.) и изд. 1902—03 г.

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА.

А.

«Дамскій Журналъ» 1827 г. ч. 17 № 4 (Стр. 177—178). О передѣлкѣ *Ротчева*: «Ромео и Юлія» мелодрама съ хорами и балетами (по Шекспиру и оперѣ).

А. С. Пушкинъ. Примѣчаніе къ переводу сцены, изъ «Ромео и Юлія». «Сѣверные Цвѣты» на 1830 г. Перепечатано въ «Сочиненіяхъ Пушкина (Изд. общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ), подъ ред. П. О. Морозова, т. V. Спб. 1887. Стр. 62. См. также другія изданія.

Ф. Шаль—см. 1839 г.

В. Любичъ-Романовичъ—см. 1839 г.

В. П. Боткинъ. 1) См. 1841 и 1891 г. 2) *Ретшеръ* о «Ромео и Юліи» (Abhandlungen zur Philosopie der Kunst Vierte Abtheilung. 1. Romeo und Julia. 2. Kaufmann von Venedig, mit besonderer Beziehung auf die Kunst der dramatischen Darstellung entwickelt. Von. *D. N, T. Rötscher*. Berlin. 1842). Сочиненія В. П. Боткина. Спб. 1891. т. II (Стр. 164—170).

Гизо—см. 1854 г.

Женскіе типы Шекспира—см. 1864 г.

И. Росковшенко. Легенда о Ромео и Джульеттѣ.—«Московскія Вѣдомости» 1861 г. № 177.

Г. Гейне—см. 1864 г. (Два перевода) и 1899 г.

«Ромео и Юлія» на нѣмецкой сценѣ.—«Голосъ» 1873 г. № 30.

*Е. Т****. — «Вѣстникъ Европы» 1877 г. № 6. Игра Росси.

Фр. Гюго—см. 1880 г.

В. Зотовъ—см. 1882 г.

Д. Аверкіевъ. О драмѣ. Спб. 1892 г.

Ю. Бѣляевъ. Театральныя замѣтки. II.—«Сѣверъ» 1897 г. № 13. (Стр. 405—412).

М. Каррьеръ.—см. 1898 г.

С. Васильевъ.—«Московскія Вѣдомости» 1900 г. № 393.

И. «Русскія вѣдомости» 1900 г. № 293.

Л. С.—см. 1902 г.

Н. Дашкевичъ—настоящ. изд., т. I (1902 г.).

В.

(М. Сушкова) Монологъ Ромео, перев. съ англійскаго, изъ Шекспира.—«Вечера» 1772 г. ч. I («Вечеръ» 2-й. Стр. 14—16).—2-е изд. 1788.

Отрыв. II. 2).—«Сѣверные цвѣты» на 1829 г. (Отд. II. Стр. 194).

Отрыв. (III. 1).—«Сѣверные цвѣты» на 1830 г. (Отд. II. Стр. 108).

I. *И. Ростовшенко (Мейстеръ).* Ромео и Джульетта. 1) «Библіотека для Чтенія» 1839 г. т. 33, № 4 (Отд. I. Стр. 82 и слѣд. Подпись Мейстеръ). 2) Отдѣльное изданіе. М. 1861. Ц. 75 коп. (Подпись—Росковшенко).

Рецензіи 1861 г.: 1) «С.-Петерб. Вѣдомости», № 271. 2) *А. С.*—«Русская Рѣчь», № 80. 3) *Леонидъ Книжникъ*—«Петерб. Вѣстникъ», № 23.

II. *М. Катковъ.* Ромео и Юлія. а) Отрывки—въ «Московскомъ Наблюдателѣ» 1838 г. ч. 16 и 17 и 1839 г. ч. I и въ «Сынѣ Отечества» 1839 г. т. VIII. b) Полный переводъ—Пантеонъ 1841 г. № 1.

Рецензіи *В. Бѣлинскій:* 1) Отеч. Записки» 1841 г. т. XIV. № 2. 2) «Отеч. Записки» 1842 г. № 3.

III. *Н. П. Грековъ.* Ромео и Джульетта. а) Отрывки: 1) II. 2—4.—«Литерат. Газета» 1842 г. № 35 (стр. 709); 2) II. 1, 3. 6.—«Библіотека для чтенія» 1859 г. т. 153. № 1 (Отд. I Стр. 67); 3) I. 1.—«Московскій Вѣстникъ» 1860 г. № 52 (Стр. 851—853); 4) V. 3.—Первое приложеніе «Вѣка» 1861 г. (Стр. 11).

b) Полный переводъ: 1) «Свѣточъ» 1862 г. № 4 и отдѣльно: М. 1862. Ц. 1 р. 2) Въ изд. Гербеля. т. II). (1866 и 1876) г.).

М. Отрыв. (II. 1—2).—«Русскій Міръ» 1862 г. № 13 (Стр. 297).

Ѳ. Устряловъ. Отрыв. (II. 2.).—Сочиненія Гейне, т. III (изд. 1864 г. стр. 233 и 1875 г.) и т. VII (изд. 1900 г.).

IV. *Ап. Григорьевъ.* Ромео и Джульетта. 1) «Русская Сцена» 1864 г. № 8 (стр. 101—260) и отдѣльно: Спб. 1864. Ц. 1 руб.

2) Настоящ. изд., т. I (1902 г.).

V. *Н. Х. Кетчеръ.* То же (Прозаич.)—ч. VI (изд. 1866 г.).

VI. *Е. И. Г—а.* То же (Прозаич.). Спб. 1877. 8 д. л. 52 стр. Ц. 75 коп.

Передѣлка *Гаррика.*—«Театральная Библіотека» 1880 г. № 1 (Стр. 59—66).

Окончаніе «Ромео и Джульетта» въ передѣлкѣ Гаррика, причемъ стихи взяты изъ перевода Н. П. Грекова, а добавленія Гаррика переведены въ прозѣ съ французскаго перевода Фр. Гюго.

VII. *А. Л. Соколовскій.* Ромео и Джульетта—въ изд. Гербеля, т. III (1880 г.) и Соколовскаго т. II (1894 г.).

VIII. *Д. Л. Михайловскій.* Тоже въ изд. Гербеля, т. III (1888 и 1899 г.).

А. Тамбовскій. Любовь Ромео (Отрыв. изъ д. I). «Безграничное море любви», А. Тамбовскаго. Спб. 1890.

IX. *П. А. Кусковъ.* Ромео и Юлія. а) Отрыв.—«Заря» 1870 г. № 10. (Стр. 90).

b) Полный переводъ: «Дешевая Библіотека» № 217. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1891. 12 д. л. 159 стр. Ц. 25 коп. (Съ послѣсловіемъ Пл. Кускова: «Шекспиръ Гервинуса»).

Рецензіи: 1) «Недѣля» 1891 г. № 51.

2) *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.*—«Журналъ Минист. Нар. Просвѣщ.» 1892 г. ч. 284. № 11 (Отд. II стр. 190—203).

X. *Анатолій Кремлевъ.* Ромео и Джульетта. По тексту проф. Delius'a. Съ предисловіемъ и примѣчаніями. (Разрѣш. къ предст. 10 окт. 1892 г.).

XI. *П. А. Каншинъ.* То же (Прозаич.—т. I (изд. 1893 и 1894 г.) и изд. 1902—03 г.

XII. *Н. О. Бар-скій.* То же. Передѣлана для русской сцены. Спб. 1897. 8 д. л. 37 стр. Ц. 1 р.

П. Вейнбергъ. Отрыв. (I. 3—4).—«Подъ знаменемъ науки». М. 1902.

Кромѣ того, прозаическія изложенія: 1) Giulietia (Джульетта и Ромео). Сокращенное либретто. Составлено по плану котораго придерживался итальянскій переводчикъ, и сообразно mise en scène труппы Элеоноры Дузе. Изд. В. К. Травскаго. Спб. 1891. 8 д. л. 19 стр. Ц. 15 коп.

2) Въ книгѣ *Н. Кожевниковой* см. 1894 г.

СОНЪ ВЪ ИВАНОВУ НОЧЬ.

А.

В. Кюхельбекеръ—см. 1825 г.

Ив. Кронебергъ—см. 1830 и 1835 г.

Н. Полевой. «Московскій Телеграфъ» 1833 г. ч. 19.

Э. Дешанъ—см. 1839 г.

Францъ Листъ. Музыка Мендельсона къ пьесѣ... Перев. А. Сѣрова.—«Музык. и театр. вѣстникъ» 1856 г. № 12 (Стр. 220—224).

Бьернзенъ (B. Björnson). По поводу представленія «Сна въ лѣтнюю ночь» на норвежскомъ народномъ театрѣ. Перев. съ нѣм. А. Д. «Театральныя афиши и Антрактъ» 1865 г. № 122.

Вл. Зотовъ—см. 1882 г.

Ив. Ивановъ.—«Артистъ» 1889 г. №№ 1 и 3.

Н. Тамаринъ.—«Театръ и искусство» 1901 г. № 46.

Ю. Бѣляевъ.—«Новое Время» 1901 г. № 9221.—См. 1902 г.

Ѳ. Батюшковъ.—настоящ. изд., т. I (1902 г.).

В.

Ѳ. И. Тютчевъ. Два отрывка: 1) «Любовники, безумцы и поэты» (V. 1); 2) «Заревѣлъ голодный левъ» (V. 2. Пѣсенка Пука).—«Молва» 1833 г. № 8 и «Стихотворенія» Тютчева. Спб. 1854.—1868.—1900.

I. *И. Р. (И. Росковшенко-Мейстеръ).* Сонъ въ Иванову ночь. «Библіотека для Чтенія» 1841 г. т. 45. № 4.

II. *А. Вельтманъ.* Волшебная ночь, драматическая фантазія (Прозаич. передѣлка въ оперу). Въ альманахѣ «Литературный Вечеръ». М. 1844.

Рецензія—«Литерат. Газота» 1844 г. № 22.

III. *Н. Сатинъ.* Сонъ въ Иванову ночь. 1) «Современникъ» 1851 г. т. 29. № 10 2) Изд. Гербеля, т. I (1865, 1876, 1880, 1887 и 1899 г. 3) Настоящ. изд., т. I (1902 г.); съ нѣкоторыми измѣненіями.

Рецензія—*Г.*—«Москвитянинъ» 1851 г. ч. VI. № 22 (Стр. 370—375).

IV. *Ап. Григорьевъ.* Сонъ въ лѣтнюю ночь (Пере-

дѣлка). 1) «Библіотека для Чтенія» 1857 г. ч. 144. № 8. 2) «Драматическій сборникъ» 1860 г. № 4 и отдѣльно: Спб. 1860. Ц. 75 коп. (Съ предисловіемъ).

V. *Н. Х. Кетчеръ.* Въ ночь на Ивана сновидѣнья (Прозаич.) ч. IX (изд. 1879 г.).

IV. *А. Л. Соколовскій.* Сонъ въ лѣтнюю ночь. 1) Спб. 1885 г. Ц. 1 руб.

2) Въ изд. Соколовскаго, т. VII (1897 г.).

VII. *С. А. Юрьевъ.* То же—изд. Гатцука, вып. VI (1889 г.).

VIII. *П. А. Каншинъ.* Сонъ въ Иванову ночь (Прозаич.) т. X (изд. 1893 и 1894 г.) и изд. 1902—03 г.

Н. Никифоровъ. «Влюбленный юноша, безумецъ и поэтъ» (Отрыв. V. 1)—«Озимые всходы» Н. К. Никифорова. Спб. 1894.

Кромѣ того, прозаическое изложеніе въ книгѣ *Ламбъ*—см. 1865 и 1900 г.

ТИМОНЪ АѲИНСКІЙ.

А.

«Современникъ» 1841 г. т. 23. № 3.

Э. Радловъ—настоящ. изд., т. III (1903 г.).

В.

I. *Н. А. Полевой.* Тимонъ Аѳинскій. Вольные очерки изъ драматич. повѣсти (въ стих. и прозѣ). Альманахъ «Новоселье» 1846 г. ч. III.

II. *Н. Х. Кетчеръ.* То же (Прозаич.—ч. V (изд. 1858 и 1863 г.).

III. *П. И. Вейнбергъ.* То же 1) «Современникъ» 1864 г. т. CV. № 11—12 (Отд. I. Стр. 387—498) и отдѣльно: Спб. 1865. 8 д. л. 114 стр. Ц. 75 коп. 2) Изд. Гербеля, т. I. (1865 и 1876 г.) и т. II 1880—1887) и т. III (1889). 3) Настоящ. изд., т. III (1903 г.).

Рецензія Голосъ 1865 г. № 116.

IV. *П. А. Каншинъ.* То же (Прозаич.)—т. V (изд. 1893 и 1894 г.) и изд. 1902—03 г.

ТИТЪ АНДРОНИКЪ.

А.

Ф. Лебо—см. 1839 г.

В. Зотовъ см. 1845 и 1882 г.

В. П. Боткинъ—(по Гервинусу)—см. 1855 и 1891 г.

Гейне—см. 1864 и 1899 г.

«Библіографическія Записки» 1892 г. № 1. (Рецензія на соч. *A. Schröer.* Ueber Titus Andronicus. 1891).

Р. И. Бойль, въ настоящ. изд. т. V (1904).

В.

Ѳ. Устряловъ. Отрыв. (Монологи Лавиніи и Томары).—Сочиненія Гейне, т. III (изд. 1864 г. стр. 174—176 и 1875 г.).

I. *А. И. Рыжовъ.* Титъ Андроникъ—въ изд. Гербеля, т. IV (1868 и 1876 г.), т. II (1880 и 1887 г.) и т. III (1899 г.).

II. *Н. Х. Кетчеръ.* То же. (Прозаич.)—ч. IX (изд. 1899 г.).

III. *П. А. Каншинъ.* То же. (Прозаич.)—ч. VIII (изд. 1893 и 1894 г.) и изд. 1902—03 г.

IV. *А. Л. Соколовскій.* То же—т. VIII (1898 г.).

V. *О. Чюмина*, настоящ. изд. т. V (1904).

ТРОИЛЪ И КРЕССИДА.

А.

Пари—см. 1839 г.

Гейне—см. 1864 и 1899 г.

Р. И. Бойль, въ настоящ. изд. т. IV (1903).

В.

Н. И. Гнѣдичъ. Отрыв. (Прозаич.)—«Санктпетербургскій Вѣстникъ» 1812 г. ч. III. № 8 (Стр. 131).

I. Троилъ и Крессида (Прозаич.)—Репертуаръ и Пантеонъ 1843 г. т. III №№ 7—8.

II. *Н. Х. Кетчеръ.* То же. (Прозаич.)—ч. VI (изд. 1866 г.).

III. *А. Л. Соколовскій.* То же 1) Изд. Гербеля, т. II (1866, 1876 и 1880) г.); 2) изд. Соколовскаго, т. IV (1895 г.).

IV. *П. А. Каншинъ.* То же—изд. Гербеля, т. II (1887 и 1899 г.).

А. Тамбовскій. «Любовь, любовь! Ничего, кромѣ любви» (Пѣснь Пандара).—«Безграничное море любви» А. Тамбовскаго. Спб. 1890.

V. *П. А. Каншинъ.* Троилъ и Крессида (Проз.) т. VI (изд. 1893 и 1894 г.) и изд. 1901—03 г.

VI. *А. М. Ѳедоровъ*, настоящ. изд. т. IV (1903).

УСМИРЕНІЕ СВОЕНРАВНОЙ.

А.

Де-Монтиньи—см. 1839 г.

В. Зотовъ—см. 1847 и 1882 г.

В. П. Боткинъ (по Гервинусу).—см. 1855 и 1891 г.

А. Д. (по Гервинусу).—«Театральныя афиши и Антрактъ» 1865 г. №№ 21—22.

(А. Н. Баженовъ). 1) Двѣ замѣтки. I. Тамъ же, № 141. 2) Московскій театръ. I. Спектакль въ присутствіи американцевъ.—Тамъ же, 1866 г. № 32. Перепечатаны въ «Сочиненіяхъ и переводахъ» А. Н. Баженова. М. 1869. т. I (Стр. 532—533 и 655—659).

N.—«Современная Лѣтопись» 1871 г. № 38.

Г. Ленскій въ «Укрощеніи строптивой».—«Театральная Библіотека» 1879 г. № 2 (Отд. II. Стр. 144).

Прообразъ «Укрощенія строптивой».—«Нива» 1894 г. № 14 (Стр. 326).

С. Васильевъ. см. 1896 г.

Ан. «Русская Мысль» 1899 г. № 3, (Стр. 178). «Нувеллистъ» 1902 г. № 12.—см. 1902 г.

Зин. Венгерова—настоящ. изд., т. I (1902 г.).

В.

I. *Н. Х. Кетчеръ.* Укрощеніе строптивой (прозаич.)—ч. IV (изд. 1843 г., вып. 13, и 1863 г.).

II. Образумленная злая жена (прозаич.)—«Сынъ Отечества» 1849 г. № 1 (Отд. IV. Стр. 1—102).

III. *А. Н. Островскій.* Усмиреніе своенравной. 1) «Современникъ» 1865 г. т. CXI. № 11 (стр. 25—120). 2) Въ изд. Гербеля, т. II (1866 и 1876 г.) и т. I. (1880, 1887 и 1899 г.). 3) «Собраніе драматическихъ переводовъ Островскаго». Спб. 1886 г. т. II.

IV. *П. А. Каншинъ.* Усмиреніе строптивой (прозаич.)—т. XI (изд. 1893 и 1894 г.) и изд. 1902—03 г.

V. *А. Л. Соколовскій.* Укрощеніе своенравной—т. VII (1897 г.).

VI. *П. И. Гнѣдичъ.* Усмиреніе строптивой. а) Двѣ сцены (изъ д. II и V)—«Помощь пострадавшимъ отъ неурожая Самарской губерніи». М. 1900. b) Полный переводъ — отдѣльное изд. Спб. 1899. 8 д. л. IV+109 стр. Ц. 1 руб. и въ настоящ. изд. т. I (1902).

Рецензіи 1899 г. 1) «Правит. Вѣстн.», № 232. 2) «Сѣверный Курьеръ». № 22 (Иллюстр. прилож.). 3) «Литер. приложенія Нивы», № 12. 4) *Ставръ.*—«Россія», № 222. 5) «Правит. Вѣстн.», № отъ 24 окт. 1800 г. (6) *С. Васильевъ.*—«Москов. Вѣдом.», № 307. 7) «Недѣля», № 11.

ЦИМБЕЛИНЪ.

А.

«Современникъ» 1838 г. т. 13.

Поль Дюпоръ—см. 1839 г.

(Корфъ). «Современникъ» 1839 г. т. 14. № 2.

«Пантеонъ» 1841 г. № 6, см. 1841 г.

Первообразъ Шекспирова «Цимбелина».—«Репертуаръ» и «Пантеонъ» 1843 г. т. I № 2 (Смѣсь, стр. 215—221).

Гервинусъ. Цимбелинъ.—«Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1859 г. № 8, ч. CIII (Отд. II. Стр. 152—192).

А. В. Имоджена (по соч. м-ссъ *Джемссонъ*).—«Артистъ» 1891 г. № 17. Ноябрь (стр. 77—84).

Ив. Ивиновъ. «Артистъ» 1891 г. № 18. О переводѣ *С. А. Юрьева*, поднемъ не сценѣ, но не напечатанномъ (подъ заглавіемъ «Имогена»).

Л. С.—см. 1902 г.

Е. Аничковъ, въ настоящ. изд. т. IV. (1903).

В.

I. *А. Бородинъ.* Цимбелинъ—«Пантеонъ» 1840 г. ч. IV. № 11.

Разборъ *В. Бѣлинскій.* 1) «Отеч. Записки» 1841 г. т. XIV. № 1 (Отд. IV. Стр. 12). 2) «Полное собраніе сочиненій В. Бѣлинскаго», подъ ред. Венгерова. Спб. 1901 г. т. V, (Спб. 516—518) и прежнія изданія (М. 1860 ч. V, стр. 259).

II. *Григорій Данилевскій.* То же (съ нѣмецкаго). 1) «Библіотека для Чтенія» 1851 г. ч. CVIII. № 8 и отдѣльно: Спб. 1851. (Съ предисловіемъ отъ «переводчика», главнымъ образомъ по *Газлитту* и *Гервинусу*. 2) «Сочиненія Г. П. Данилевскаго». т. VI (изд. 1884 и 1887 гг.), т. VIII (изд. 1890 и 1893 г.) и т. 19 (изд. 1901 г., приложеніе къ «Нивѣ»).

III. *Ѳ. Б. Миллеръ.* То же 1) Изд. Гербеля, т. IV (1868 и 1877 г.) и т. III (1880, 1888 и 1899 г.). 2) «Стихотворенія» Ѳ. Б. Миллера, т. IV (М. 1879. Изд. 2-е). 3) Настоящ. изд., т. IV.

IV. *Н. Х. Кетчеръ.* То же (прозаич.)—ч. VIII (изд. 1878 г.).

V. *Н. И. Шульгинъ.* То же (прозаич.). Вступительная статья *В. В. Чуйко.* Изъ Декамерона *Боккачіо.* На родинѣ Шекспира. Безплатная премія журнала «Живописное Обозрѣніе» за 1880 г. Спб. 1880. 4 д. л. 43 стр. Ц. 50 коп.

Переводы стиховъ взяты изъ изд. Гербеля (перев. *Ѳ. Б. Миллера*).

А. Тамбовскій. Пороки женщинъ (Отрыв. II. 5). «Проклятіе любви» А. Тамбовскаго. Спб. 1893.

VI. *П. А. Каншинъ.* Цимбелинъ (прозаич.) т. II. (изд. 1893 и 1894 г.) и изд. 1902—03.

VII. *А. Л. Соколовскій.* То же—т. III (1895 г.).

Ѳ. Бергъ. Утренняя серенада (I. 3). Романсъ, музыка Шуберта.

Пл. Краснов. «Morgenständchen» Шуберта (I. 3). «Петербургская жизнь». 1900 г. № 402 и «Изъ западныхъ лириковъ» Пл. Краснова. Спб. 1901. 1901 г.

Кромѣ того, прозаическое изложеніе въ книгѣ *Ламбъ*—см. 1865 г. 1900 г.

ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ.

А.

Предисловіе *Н. М. Карамзина* при его переводѣ (1787).

А. Тастю—см. 1839 г.

Е. П. Новиковъ—см. 1857 г.

Гейне—см. 1864 г. и 1899 г.

С. Весинъ—см. 1877.

Юлій Цезарь и Брутъ. — «Живописное Обозрѣніе» 1888 г. № 39. (Стр. 203).

Фр. Джэкоксъ. Косвенное участіе въ преступленіи. Тамъ же, 1898 г. № 7.

Л. Шестовъ и *Ѳ. Зѣлинскій*—настоящее изд. т. III (1903 г.).

В.

I. *(Н. М. Карамзинъ).* «Юлій Цезарь», въ 5 д. Вилліама Шекспира. Переводъ съ англійскаго прозою. М. 1787. Переводъ сдѣланъ по *Летурнеру.* Предисловіе и 5 отрывковъ см. въ «Избранныхъ сочиненіяхъ» Карамзина, изд. *Л. Поливанова*, ч. I. М. 1884 г.

Разборы. 1) *В. Бѣлинскій.* Русская литературная старина. — «Телескопъ» 1835 г. т. XXIX и «Полное собраніе сочиненій В. Бѣлинскаго», подъ ред. Венгерова. Спб. 1901. Томъ III. (Стр. 24).

2) *Р. Р.* Карамзинъ какъ переводчикъ и цѣнитель Шекспира.—«Сѣверное Обозрѣніе» 1849 г. № 1.

3) *Л. Поливановъ.* О переводѣ «Ю. Цезаря» съ выдержками изъ оригинала для сличенія.—Избранныя сочиненія Карамзина, ч. I. М. 1884 г. (Стр. 510—512).

А. Петровъ. (Отрыв. IV. 3. Прозаич., съ нѣмецкаго). Учитель, или Всеобщая система воспитанія. М. 1789 ч. I (Стр. 99—111).

М. Веревкинъ. (То же).—Наставникъ, или Всеобщая система воспитанія. Спб. 1789. ч. I.

Отрыв.—«Любитель словесности» 1806 г. ч. I. (Стр. 98).

М. (М. Милоновъ). Отрыв. (прозаич.)—«Цвѣтникъ» 1810 г. ч. VIII № 11. (Стр. 157—178).

Б. Федоровъ Отрыв.—«Сынъ Отечества» 1823 г. ч. 87. (Стр. 32).

М. Строевъ. Отрыв.—«Галатея» 1840 г. № 15. (Стр. 249).

Дѣйствіе I. «Сынъ Отечества» 1843 г. № 1. (Отд. IV. Стр. 31).

II. *Н. Х. Кетчеръ.* «Юлій Цезарь» (прозаич.)—ч. V (изд. 1858 и 1864 г.).

III. *А. А. Фетъ.* То же.—«Библіотека для Чтенія» 1859 г. т. 154 № 3.

Рецензіи 1859 г. 1) *А. Г—фовъ*—«Театр. и музык. вѣстникъ», № 26. 2) *М. Лавренскій.* «Современникъ», № 6. (Стр. 255—288).

Ѳ. Устряловъ. Отрыв. (1. 2) — «Сочиненія Гейне», т. III (изд. 1864 г. стр. 157 и 1875 г.) и т. VII (изд. 1900 г.).

IV. *Д. Л. Михаловскій.* Юлій Цезарь. 1) «Современникъ» 1864 г. т. 101. № 2. Изд. Гербеля, т. I (1865 и 1876 г.) и т. III (1880, 1888 и 1899 г.).
V. *А. Л. Соколовскій.* То же. 1) Спб. 1885 г. Ц. 1 руб. 2) Изд. Сокол., т. IV (1895 г.).
VI. *П. А. Козловъ.* То же. 1) «Голосья» 1889 г. № 3. 2) Изд. Гатцука, вып. II (1880 г.). 3) Шекспиръ въ переводѣ П. А. Козлова. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к. 4) Полное собраніе сочиненій П. А. Козлова. Изд. 4-е. М. 1897 г. т. IV. 5) Настоящ. изд., т. III (1903 г.).
VII. *П. А. Каншинъ.* То же. (прозаич.)—т. IX (изд. 1893 и 1895 г.) и изд. 1902—03 г.
Кромѣ того, прозаическія изложенія: *Викторъ Александровъ (Крыловъ).* Юлій Цезарь. Послѣдовательный, по сценамъ, пересказъ содержанія пьесы. Изд. московской театральной библіотеки Е. Н. Разсохиной. (Репертуаръ пьесъ, исполняемыхъ Мейнингенскою труппою). М. 1885 г. Ц. 35 коп. 2) Въ книгѣ *Н. Кожевниковой*—см. 1894 г.

2.

Поэмы.

ВЕНЕРА И АДОНИСЪ.

А.

Левесъ—см. 1898 г.
Ѳ. Зѣлинскій, въ наст. изд., т. V (1904).

В.

I. *А. Л. Соколовскій.* Венера и Адонисъ — въ изд. Гербеля, т. III (1880 г.).
II. *Н. А. Холодковскій.* То же—въ изд. Гербеля, т. III (1888 и 1899 г.).
III. *П. А. Каншинъ.* То же (прозаич.) т. VII (1893 и 1894 г.).
IV. *А. М. Ѳедоровъ,* въ наст. изд., т. V (1901).

ЛУКРЕЦІЯ.

А.

Левесъ—см. 1898 г.
Ѳ. Зѣлинскій, въ наст. изд., т. V (1904).

В.

I. *Н. А. Холодковскій.* Лукреція—въ изд. Гербеля, т. III (1880, 1888 и 1899 г.).
II. *П. А. Каншинъ.* То же (прозаич.) — т. V (изд. 1893 и 1894 г.).
III. *А. М. Ѳедоровъ,* въ наст. изд., т. V (1904).

СТРАСТНЫЙ ПИЛИГРИМЪ.

А.

С. Венгеровъ, наст. изд., т. V (1904).

В.

I. *Н. А. Холодковскій.* Страстный пилигримъ—въ изд. Гербеля. т. III (1880, 1888 и 1899 г.).
II. *П. А. Каншинъ.* То же (прозаич.) — т. XI (изд. 1893 и 1894).
III. *В. А. Мазуркевичъ.* То же, наст. изд., т. V (1904).

ЖАЛОБА ВЛЮБЛЕННОЙ.

А.

С. Венгеровъ, наст. изд., т. V (1904).

В.

I. *Н. А. Холодковскій.* Жалоба влюбленной, въ изд. Гербеля, т. III (1880, 1888 и 1899 г.).
II. *П. А. Каншинъ.* Жалоба влюбленной (проз.)—т. IX (изд. 1893 и 1894 г.).
III. *Т. Л. Щепкина-Куперникъ.* Жалоба влюбленной. Настоящ. изд., т. V (1904).

ФЕНИКСЪ И ГОЛУБКА.

А.

С. Венгеровъ, наст. изд., т. V (1901).

В.

I. *П. А. Каншинъ.* Фениксъ и голубка (прозаич.)—т. IX (изд. 1893 и 1894).
II. *В. В. Чуйко.* То же (прозаич.) — въ книгѣ его «Шекспиръ». Спб. 1899 (стр. 201).
III. *А. М. Ѳедоровъ.* То же. Настоящ. изд., т. V (1904).

СОНЕТЫ.

А.

P. Chaslec—см. 1837.
Сонеты Шекспира. «Литературная Газета 1841 г. № 97. (Стр. 386).
В. П. Боткинъ—см. 1842 и 1891 г.
Н. В. Гербель. Предисловіе (стр. I—XIV) при его переводѣ «Сонетовъ» (1880).
Н. И. Стороженко—см. 1900 и 1902 г.
В. Р. Вопросъ о сонетахъ Шекспира.—«Новое Время» 1901 г. № 9042. (Иллюстриров. приложеніе, стр. 7—8. Изъ французскихъ журналовъ за апрѣль).
С. Ильинъ. Сонеты Шекспира. — «Вѣстникъ Европы» 1902 г. № 9. (Стр. 90—91).
Ив. Ивановъ, въ настоящемъ.

В.

В Межевичъ. Подражаніе Шекспиру (Въ альбомъ '****): «Не плачьте обо мнѣ» (сон. 71).—«Литературныя прибавленія къ «Русскому Инвалиду» 1839 г. т. I № 18.
Графъ И. Мамуна (А—м) «Когда, гонимый міромъ и судьбою» (сон. 29).—«Развлеченіе» 1859 г.

№ 41 и въ сборникѣ: «Подъ знаменемъ науки» М. 1902. (Стр. 328).

2) «Глаза ея сравнить съ небесною звѣздою» (сон. 130 .—Библіотека для Чтенія» 1864 г. № 4—5; «Русскій Вѣстникъ» 1875 г. № 1 и наст. изд.

3) «Какъ къ берегу волна несется за волной» (сон. 60). «Библіотека для Чтенія 1864 г. № 4—5.

4) «Когда наединѣ я мысли пробѣгаю» (сонетъ 30).—«Русскій Вѣстникъ» 1875 г. № 1 и наст. изд.

5) «О, не тревожь меня напрасными мольбами» (сон. 139). — «Русскій Вѣстникъ» 1876 г. № 2 и наст. изд.

6) «Нѣтъ, мраморныхъ гробницъ расписанныя плиты» (сон. 55) въ сборникѣ! «Подъ знаменемъ науки». М. 1902.

А. Вондеревъ. 33 сонета (прозаич.). «Литературныя прибавленія къ «Кіевскому Телеграфу» 1862 г. № 6.

Д. Аверкіевъ. «Когда въ немилости у счастья и людей» (сон. 29). «Эпоха» 1864 г. № 6.

Н. В. Гербель. Полное собраніе сонетовъ. 1) Спб. 1880. Ц. 50 коп. Рецензіи: 1) «Вѣстникъ Европы» 1880 г. № 4. 2) Отголоски 1880 г. № 12. 3) *Н. Стороженко.*—«Русскій Курьеръ» 1881 г. № 9.

2) Въ изд. Гербеля, т. III (1880, 1887 и 1899 г.).

3) Въ «Полномъ собраніи стихотвореній» Гербеля. Спб. 1882 г. т. II.

4) Пять сонетовъ напечатано въ наст. изданіи.

Вл. Зотовъ. «Ты будешь жить, мой другъ, въ потомствѣ вѣчно» (сон. 81)—въ «Исторіи всемірной литературы» В. Зотова Спб. 1882 г. т. IV. (Стр. 384).

В. Бенедиктовъ. Подражанія сонетамъ (сон. 153, 154, 121, 66, 27, 28, 146, 106, 59, 73, 72 и 74)—въ «стихотвореніяхъ» Бенедиктова. Спб. 1884 г. т. III.

Ѳ. Червинскій. 1) «Какъ волею вѣтровъ бушующія воды» (сон. 60). «Ласточка» 1884 г. № 18.

2) «Весной разстались мы...» (сон. 98).—Изящная Литература» 1885 г. № 1.

3) «Лучистый взглядъ зари...» (сон. 130).—«Живописное Обозрѣніе» 1886 г. № 7.

5—7) Три сонета (сон. 61, 66 и 64).—«Вѣстникъ Европы» 1890 г. № 9 и «Стихи» Ѳ. Червинскаго. Спб. 1891 г., а тоже въ наст. изд.

П. Кусковъ. 1) «Какъ мило сладкимъ ты...» (сон. 95) въ собраніяхъ: «Стихотворенія» П. Кускова. Спб. 1886 и его же: «Наша жизнь». Спб. 1889.

2) Сонеты 99, 97, 73, 74, 2, 27, 22, 138, 139, 140, 150, 131, 119, 148, 141, 129 (переводъ бѣлыми стихами, съ англійскимъ текстомъ en ragard)—тамъ же.

В. Гоппенъ. 1) «Я помню: пришлось мнѣ разстаться съ тобою» (сон. 98). — «Всемірная Иллюстрація» 1888 г. т. II № 10.

2) «Я видѣлъ заслугу...» (сон. 66) — тамъ же, № 24.

3) «О, знай же мѣру ты...» (сон. 140).—«Трудъ» 1840 г. № 17.

4) «Когда во тьмѣ она...» (сон. 138).—«Художникъ» 1892 г. № 5.

В. Шуфъ. 1) «Когда я предаюсь...» (сон. 30)—«Артистъ» 1891 г. № 14.

2) «Моя любовь сходна...» (сон. 147)—въ сборникѣ *Н. Стороженко:* «Опыты изученія Шекспира». М. 1902. (Стр. 333).

Н. Соколовъ. Три сонета (95, 29 и 139). «Петербургская Жизнь» 1893 г. № 34.

П. А. Каншинъ. Всѣ 154 сонета (прозаич.)—т. VIII (изд. 1893 и 1894 г.).

В. В. Чуйко. Сонеты 99 и 121 (прозаич.)—въ книгѣ В. Чуйко: «В. Шекспиръ» Спб. 1899 г. (Стр. 230—231).

Ѳ. Черниговецъ. «Когда, презрѣнный свѣтомъ и судьбой» (сон. 29)—въ книгѣ *Э. Энгеля:* «В. Шекспиръ». Спб. 1899 г. (Стр. 30).

С. *Ильинъ.* Сонеты (76, 22, 27, 31, 38, 41, 81, 97, 98, 116, 18, 25, 52, 60, 66, 30, 73, 130, 144 и 146).—«Вѣстникъ Европы» 1902 г. № 9. Въ настоящемъ изд. перепечатаны сон. 18, 27, 73, 47, 116, 146.

Л. Уманецъ. 1) «Читая хроники...» (сон. 106)—въ сборникѣ «Подъ знаменемъ науки». М. 1902 г.

2—3) «О лордъ моей любви!» (сон. 26) и «О сколько разъ, мой другъ...» (сон. 128)—въ книгѣ *Н. Стороженко:* «Опыты изученія Шекспира». М. 1902 г. (Стр. 324 и 332).

Въ настоящемъ изданіи 15 сонетовъ даны въ прежнихъ переводахъ *Н. В. Гербеля* гр. *Ив. Мамуны* и *С. А. Ильина.* Остальные 139 сонетовъ перевели для настоящаго изданія: *Вал. Брюсовъ, Н. Брянскій, П. В. Быковъ, Л. Н. Вилькина, Г. А. Галина, И. А. Гриневская, Пл. Н. Красновъ, В. С. Лихачовъ, В. А. Мазуркевичъ, К. К. Случевскій, Лейтенантъ С.*, кн. *Э. Э. Ухтомскій, К. М. Фофановъ, Н. А. Холодковскій, Ф. А. Червинскій, Т. Л. Щепкина-Куперникъ, А. М. Ѳедоровъ.*

Съ обозначеніемъ «стихотворенія» Шекспира напечатаны:

С. Степановъ. Поэтъ и роза.—«Библіотека для Чтенія» 1840 г. т. 38.

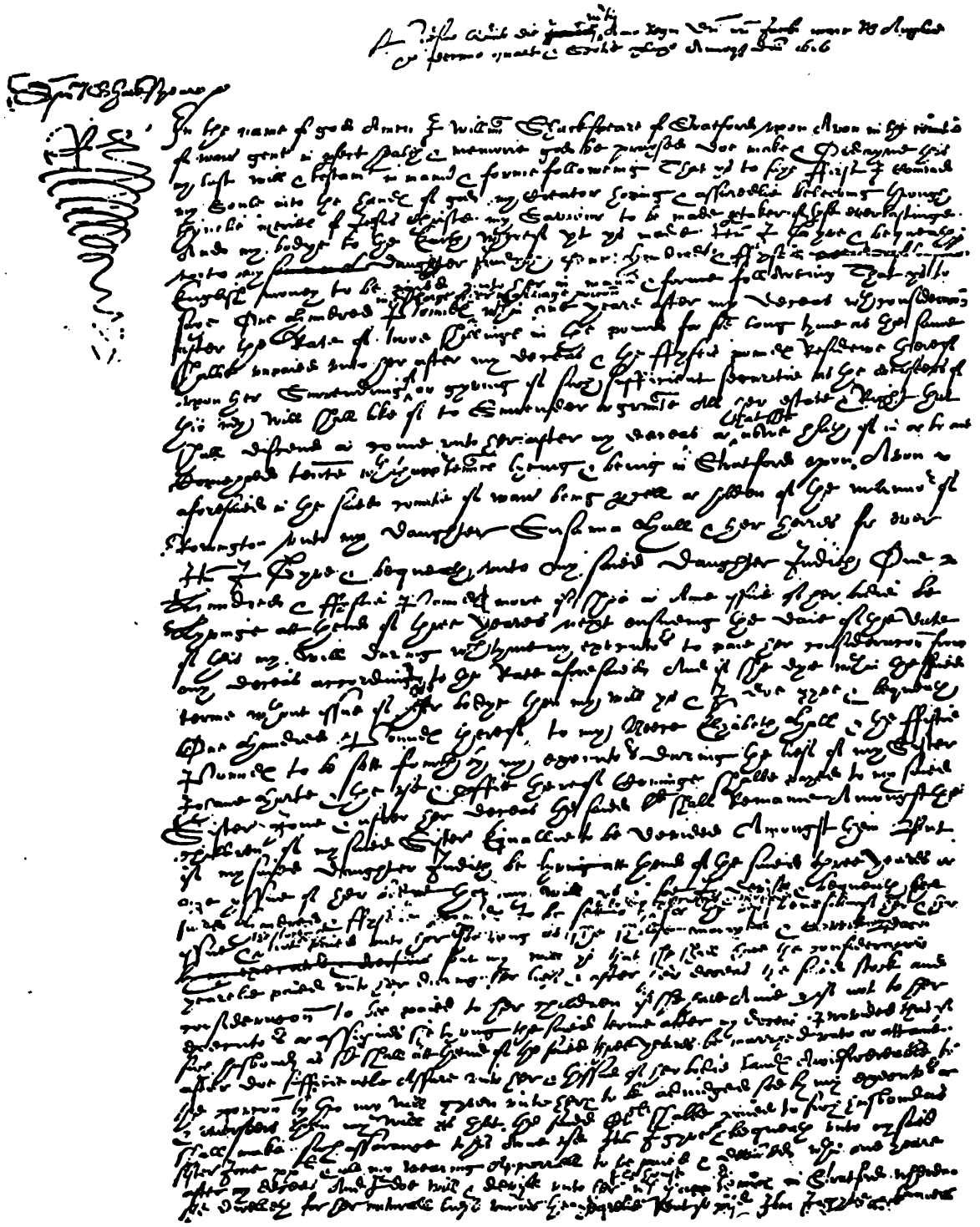
Г. «Пара страстно влюбленныхъ весенней порой». «Шутъ» 1879 г. № 40.

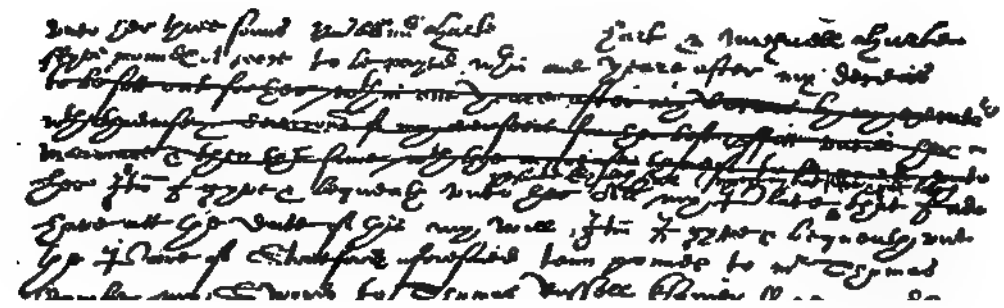
Н. Бахтинъ.

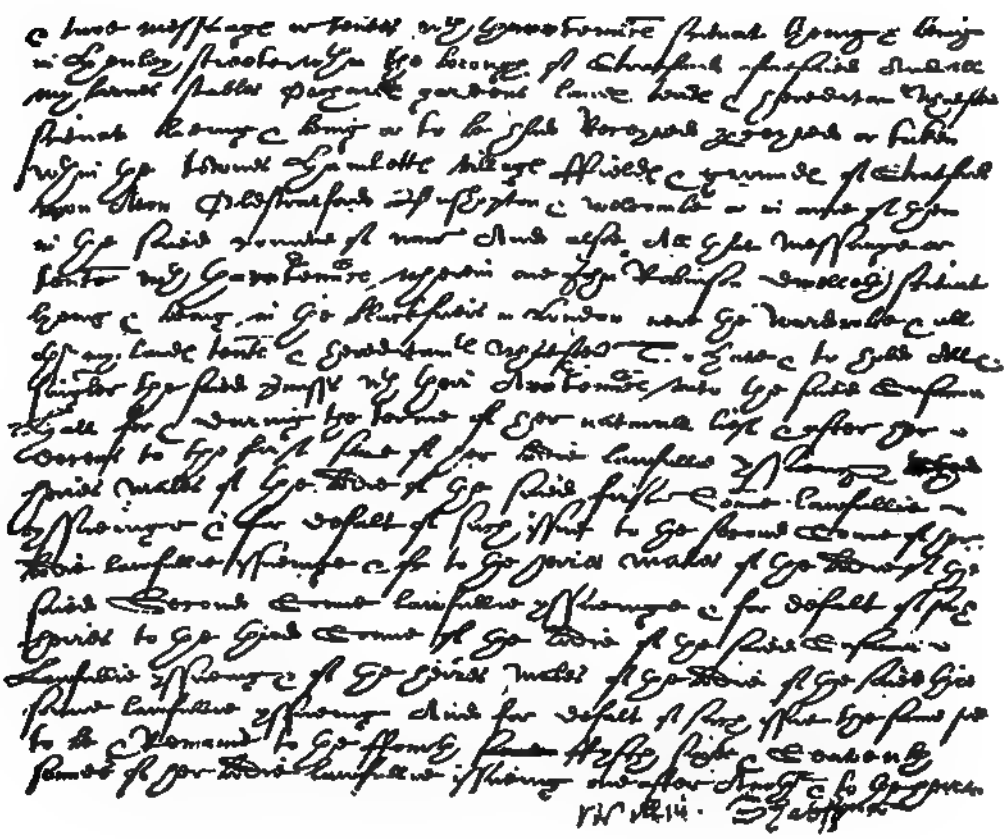
Отъ редакціи. Очеркъ Н. Н. Бахтина поражаетъ, въ общемъ, своею полнотою, но въ нѣкоторыхъ частяхъ не претендуетъ, однако, на полноту абсолютную. Почтенный составитель очерка едва ли что-нибудь упустилъ изъ появившагося въ отдѣльномъ изданіи и въ журналахъ. Но газетная литература послѣднихъ 20—25 лѣтъ не поддается сколько-нибудь обстоятельному регистрированію. Шекспиръ никогда не сходитъ съ репертуара и постоянно появляются въ ежедневной печати отчеты о представленіяхъ той или другой Шекспировской пьесы. Этого рода замѣтки въ десяткахъ столичныхъ и провинціальныхъ изданій Н. Н. Бахтинъ не заносилъ въ свои записи. *С. В.*

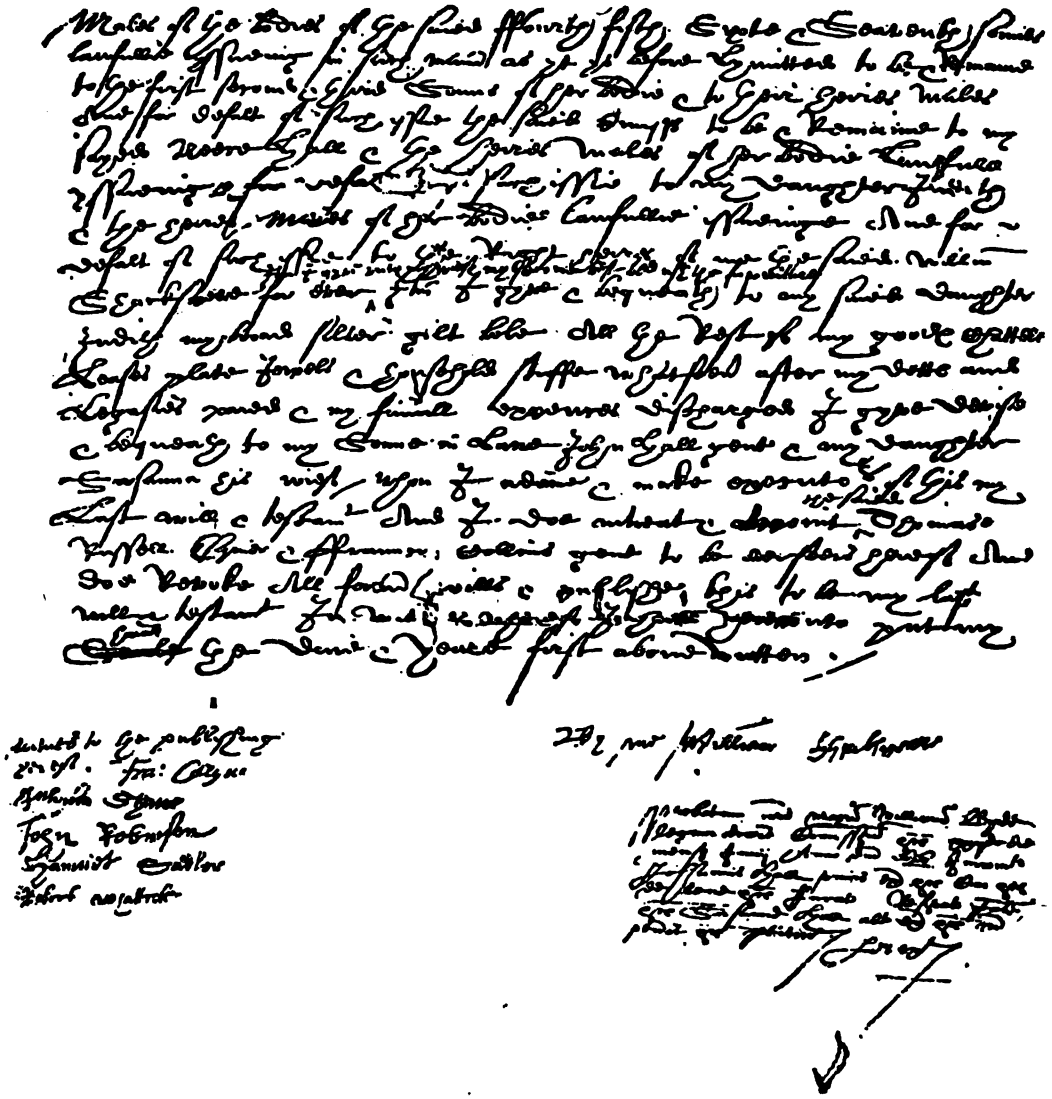
ЗАВѢЩАНІЕ ШЕКСПИРА

(*находится въ Сомерсетъ-Гоузъ, Лондонъ*).









ПЕРЕВОДЪ ЗАВѢЩАНІЯ ШЕКСПИРА *).

Vicesimo quinto die (Ianuarii) *Martii* anno regni domini nostri Iacobi, nunc regis Angliae & C., *decimo* quarto, et Scotiae XLIX, annoque Domini 1616.

(Въ двадцать пятый день (Января) Марта, въ лѣто царствованія государя нашего Іакова, нынѣ короля Англіи и пр., четырнадцатое, въ лѣто царствованія его въ Шотландіи 49-тое, въ лѣто же Господа нашего 1616-ое).

Во имя Бога аминь! Я, Вильямъ Шекспиръ, изъ Стратфорда на Авонѣ въ графствѣ Уорникъ, дворянинъ, будучи въ полномъ здравіи и памяти, благодаря Богу, дѣлаю сіе мое послѣднее завѣщаніе и изъявляю сію мою послѣднюю волю слѣдующимъ образомъ и въ слѣдующей формѣ, то есть: во-первыхъ, я поручаю душу свою Богу, Творцу моему, уповая и истинно вѣруя, что единственными заслугами Іисуса Христа, Спасителя моего, я могу стать причастникомъ жизни вѣчной, тѣло же свое я поручаю землѣ, изъ которой оно сотворено. Также я даю и завѣщаю (сыну и) дочери моей Юдиѳи сто пятьдесятъ фунт. ст. законной англійской монетой, которые должны быть выплачены ей слѣдующимъ образомъ и въ слѣдующей формѣ, то есть: сто фунт. ст. *въ уплату ея брачной доли* втеченіе одного года послѣ моей смерти, съ процентами въ размѣрѣ двухъ шиллинговъ на фунтъ ст., *которые* должны быть выплачиваемы ей до тѣхъ поръ, пока упомянутые 100 фунт. ст. не будутъ выплачены ей послѣ моей смерти, остальные же 50 фунт. ст. изъ поименованной суммы должны быть выплачены ей послѣ того, какъ она выдастъ или дастъ такое достаточное обезпеченіе, какое душеприказчики сего моего завѣщанія пожелаютъ, въ томъ, что она сдастъ или подаритъ все ея имущество и всѣ права, которыя перейдутъ *къ ней* по наслѣдству или поступятъ въ ея пользу послѣ моей смерти или которыя она имѣетъ теперь на одинъ арендный участокъ съ принадлежностями, лежащій и находящійся въ Стратфордѣ, на поименованномъ Авонѣ, въ вышеназванномъ графствѣ Уорникъ, участокъ, который является долею или владѣніемъ помѣстья Роуингтонъ, моей дочери Сусаннѣ Голлъ и ея наслѣдникамъ навсегда. Также я даю и завѣщаю упомянутой дочери моей Юдиѳи сто пятьдесятъ фунт. ст. еще, если она или какой-нибудь потомокъ ея будетъ живъ по истеченіи трехъ лѣтъ, непосредственно слѣдующихъ за днемъ подписанія сего моего завѣщанія; причемъ вчеченіе упомянутыхъ 3-хъ лѣтъ мои душеприказчики обязаны выплачивать ей проценты со дня моей смерти въ вышепоименованномъ размѣрѣ; буде же она умретъ втеченіе упомянутаго срока безъ потомства, моя воля такова, я даю и завѣщаю сто фунт. ст. изъ только что упомянутой суммы моей племянницѣ Елизаветѣ Холлъ, а 50 фунт. ст. должны быть удержаны моими душеприказчиками втеченіе жизни сестры моей Іоганны Гартъ, доходы же и проценты съ упомянутыхъ 50 ф. ст. должны быть выплачиваемы упомянутой сестрѣ моей Іоаннѣ, послѣ же ея смерти поименованные 50 фунт. ст. должны остаться за дѣтьми упомянутой сестры моей и должны быть раздѣлены поровну между ними; если же упомянутая дочь моя Юдиѳь будетъ жива по истеченіи поименованныхъ 3 лѣтъ или будетъ живъ кто-нибудь изъ ея потомковъ, то моя воля такова, и я предназначаю и завѣщаю, упомянутые 150 фунт. ст., которые должны быть отложены моими *душеприказчиками и попечителями* ради большей выгоды ея и ея потомковъ; *капиталъ* не *долженъ быть* выплаченъ ей, покуда она будетъ замужемъ и подъ властью мужа (моими душеприказчиками и попечителями); но моя воля такова, что ей ежегодно должны быть выплачиваемы проценты втеченіе ея жизни, послѣ же смерти ея упомянутые капиталъ и проценты должны быть выплачены ея дѣтямъ, если у нея будутъ таковые, если же нѣтъ, то ея душеприказчикамъ или уполномоченнымъ, если она будетъ жива въ упомянутый срокъ послѣ моей смерти. Если супругъ, за которымъ она будетъ замужемъ по истеченіи поименованныхъ 3 лѣтъ или въ какое-нибудь другое время (sic) послѣ сего, въ достаточной мѣрѣ обезпечитъ ее и ея потомковъ землями, соотвѣтствующими долѣ, предоставленной въ ея пользу настоящимъ завѣщаньемъ, и это будетъ признано моими душеприказчиками и попечителями, то моя воля такова, что упомятутые 150 фунт. ст. должны быть уплачены упомянутому супругу, давшему такое обезпеченіе, для его личнаго пользованія. Также я даю и завѣщаю упомянутой сестрѣ моей Іоаннѣ 20 фунт. ст. и все мое носильное платье, которые должны быть выплачены и выданы ей втеченіе одного года послѣ моей смерти; и я завѣщаю и предназначаю ей *домъ* съ принадлежностями въ Стратфордѣ, въ которомъ она живетъ, пожизненно, подъ условіемъ уплаты ею ежегодной ренты въ 12 пенсовъ. Также я даю и завѣщаю тремъ сыновьямъ ея, Вильяму Гартъ, , . . Гартъ и Михаилу Гартъ по пяти фунт. ст. каждому, которые должны быть выплачены втеченіе одного года послѣ моей смерти (деньги сіи должны быть отложены для нея втеченіе одного года послѣ моей смерти моими душеприказчиками по совѣту и по указаніямъ моихъ попечителей, ради большей выгоды ея, до ея замужества, а затѣмъ упомянутыя деньги съ процентами на нихъ должно выплатить (ей). Также я даю и завѣщаю (ей) *поименованной Елизаветѣ Голлъ*, всю мою серебрянную посуду, *за исключеніемъ моей широкой серебряной и позолоченной чаши*, которую я теперь имѣю въ день написанія настоящаго моего завѣщанія. Также я даю и завѣщаю бѣднымъ поименованнаго Страст-

*) Вычеркнутыя слова помѣщены въ скобкахъ; подчеркнутыя—напечатаны курсивомъ.

форда 10 фунт. ст.; Г-ну Томасу Комбъ мою саблю; Томасу Рессель эсквайру пять фунтовъ ст.; и Франсису Коллинсъ, изъ города Уоррикъ въ графствѣ Уоррикъ, дворянину, 13 фунт. ст., 6 шилл. 8 пенс., которые должны быть выплачены втеченіе одного года послѣ моей смерти. Также я даю и завѣщаю (Г-ну Ричарду Тайлеру старшему) *Гамлету Садлеру* 26 шилл. 8 пенс. на покупку ему кольца; *Вильяму Рэйнольдсу дворянину 26 шилл. 8 пенс. на покупку ему кольца;* крестнику моему Вильяму Уокеру 20 шилл. золотомъ; Антонію Нашу, дворянину, 26 шилл. 8 пенс.; и Г-ну Джону Нашу 26 шилл. 8 пенс. (золотомъ); товарищамъ моимъ *Джону Гэмингу Ричарду Бэрбэджу и Генриху Конделлю по 26 шилл. 8 пенс. каждому на покупку имъ колецъ.* Также я даю, завѣщаю и предназначаю дочери моей Сусаннѣ Голлъ, *дабы она лучше могла выполнить настоящее мое завѣщаніе и для приведенія его въ исполненіе,* всю ту главную усадьбу или домъ съ принадлежностями *въ вышеупомянутомъ Стратфордѣ,* называемые Новымъ Мѣстомъ въ которомъ я нынѣ живу, и двѣ усадьбы или два дома съ принадлежностями, расположенные, лежащіе и находящіеся на улицѣ Генли въ вышеупомянутомъ городѣ Стратфордѣ; и всѣ мои сараи, конюшни, фруктовые сады, сады, земли, дома и всѣ какія бы то ни было унаслѣдованныя мною имущества, расположенныя, лежащія и находящіяся или которыми я буду владѣть, которыя я получу, или которыя я предполагаю получить или пріобрѣсть въ городахъ, селахъ, деревняхъ, поляхъ и земляхъ въ Стратфордѣ на Авонѣ, въ Ольдстратфордѣ, Бошоптонѣ или Уэлкомбѣ или въ любомъ изъ городовъ, селъ, деревень въ вышеназванномъ графствѣ Уоррикъ. Также всю ту усадьбу или домъ съ принадлежностями, въ которомъ проживаетъ нѣкій Джонъ Робинсонъ, домъ расположенный, лежащій и находящійся въ Блэкфрайрсъ въ Лондонѣ, близъ Уордроба; всѣ мои другія земли, наемные дома и какія бы то ни было унаслѣдованныя мною имущества, упомянутыя помѣстья всѣ въ совокупности и каждое въ отдѣльности съ ихъ принадлежностями я завѣщаю поименованной Сусаннѣ Голлъ во владѣніе на срокъ пожизненный, послѣ же смерти ея я завѣщаю упомянутыя только что имущества первому законному сыну ея и законнымъ наслѣдникамъ мужескаго пола упомянутаго перваго сына ея; за неимѣніемъ же такого потомка, второму законному сыну ея и законнымъ наслѣдникамъ мужского пола упомянутаго второго сына ея; за неимѣніемъ же таковыхъ наслѣдниковъ, третьему законному сыну поименованной Сусанны и законнымъ наслѣдникамъ муж. пола упомянутаго третьяго сына ея; а за неимѣніемъ такого потомства, упомянутому выше имуществу быть и оставаться за четвертымъ (сыномъ), пятымъ, шестымъ и седьмымъ законными сыновьями ея, въ послѣдовательномъ порядкѣ и за наслѣдниками мужескаго пола упомянутыхъ 4-таго, 5-таго, 6-ого и 7-ого законныхъ сыновей ея такимъ образомъ, какимъ выше былъ ограниченъ способъ перехода упомянутаго имущества къ первому, второму и третьему сыновьямъ ея и ихъ наслѣдникамъ мужескаго пола; а за неимѣніемъ такого потомства, поименованнымъ помѣстьямъ быть и оставаться за упомянутой племянницей моей Голлъ и за законными наслѣдниками ея мужескаго пола; а за неимѣніемъ такого потомства, за дочерью моею Юдиеью, и за законными наслѣдниками ея мужескаго пола; за неимѣніемъ же такого потомства, прямымъ наслѣдникамъ моимъ, упомянутаго Вильяма Шекспира навсегда. *Также я даю и завѣщаю женѣ моей мою вторую по качеству кровать съ принадлежащей къ ней утварью.* Также я даю и завѣщаю поименованной дочери моей Юдиеи мою широкую серебряную и позолоченную чашу. Все прочее недвижимое мое имущество, мою собственность, арендуемыя мною имущества, серебряную посуду, драгоцѣнные каменья и какое бы то ни было движимое имущество, по уплатѣ моихъ долговъ и уплатѣ завѣщаннаго мною имущества и по израсходованію денегъ на мои похороны, я даю, предназначаю и завѣщаю моему зятю, Джону Голлу, дворянину и дочери моей Сусаннѣ, супругѣ его, которымъ я повелѣваю быть и которыхъ я назначаю душеприказчиками сего моего послѣдняго завѣщанія. И я прошу и назначаю *упомянутаго* Томаса Рёсселя эсквайра и дворянина Фрэнсиса Коллинсъ быть почечителями сего, и уничтожаю всѣ прежнія завѣщанья и объявляю, что сія есть моя послѣдняя воля и послѣднее мое завѣщанье. Во свидѣтельство сего я приложилъ къ сему мою (печать) *руку* числа и года вышеназваннаго.

Вилльямъ Шекспиръ.

Свидѣтели были:

Франсисъ Колинсъ,
Юліусъ Шоу,
Джонъ Робинсонъ.
Хамнетъ Садлеръ,
Роберть Уатткотъ.

Probatum coram magistro Willielmo Byrde, legum doctore commis & c. XXII die mensis Junii, anno Domini 1616, juramento Iohannis Hall, unius executorum & c. cui & c. de bene. & c. jurat. reservat. potestate. & c. Sussanee Hall, alteri executorum & c. cum venerit petitur & c. (Inv. ct.). (Латинская формула утвержденія завѣщанія 22 іюня 1616 у Вильяма Бирда, доктора правъ).

РИСУНКИ.

I.

РИСУНКИ ВЪ ТЕКСТѢ.

стр.

770. Гробъ Генриха V въ Вестминстерскомъ соборѣ. Рисунокъ *Сарджента* (Sargent) 11

771. Дѣва: Предстала мнѣ въ видѣньи Матерь Божья. Изъ иллюстрацій къ «Генриху VI» извѣстнаго современнаго англійскаго художника *Бэйэмъ Шоу* (Byam Shaw) 13

772. Тальботъ и графиня Оверпская. Картина извѣстнаго англійскаго художника *Опи* (John Opie, 1761 – 1807). (Большая Бойделевская Галлерея) 21

773. Тальботъ и Графиня Оверпская. Картина извѣстнаго англійскаго художника *Орчардсона* (Orchardson. род. 1835) 23

774. Тальботъ и Графиня Оверпская. Рисунокъ *Бэйэмъ Шоу* (Byam Shaw) 25

775. Алая и Бѣлая Роза. Картина англійскаго художника *Джозіа Бойделя* (Josiah Boydel, 1750—1817). (Большая Бойделевская галлерея) 26

776. Алая и Бѣлая Роза. Картина англійскаго художника *Пети* (J. Pottie, R. A., 1839 1893) 27

777. Умирающій Мортимеръ и Ричардъ Плантагенетъ. Картина извѣстнаго англійскаго художника *Гамильтона* (Wil Hamilton, R. A., 1751—1801) 29

778. Умирающій Мортимеръ и Ричардъ Плантагенетъ. Картина извѣстнаго англійскаго художника *Джемса Норскота* (James Nortchote, R. A., 1746—1838). (Малая Бойделевская Галлерея) 29

779. Алая и Бѣлая Роза. Рисунокъ англійскаго художника *Ватсона* (J. D. Watson) 29

780. Дворецъ Герцога Бедфордскаго въ Руанѣ. Рисунокъ *Сарджента* (Sargent) 31

781. Дворецъ Глостеръ (Humphrey Gloucester). Старинный портретъ изъ коллекціи *Горація Вальполя* (Horace Walpole) 33

782. Французскіе солдаты и дѣва переодѣтые крестьянами. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 35

783. Тальботъ-старшій и Тальботъ-младшій. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 46

784. Іоанна Д'Аркъ и злые духи. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 49

785. Іоанна Д'Аркъ и злые духи. Картина *Гамильтона* (W. Hamilton, R. A. (Малая Бойделевская Галлерея) 51

786. Генрихъ VI и его дворъ. Изъ иллюстрацій *Бэйэмъ Шоу* (Bayam Shaw) 53

787. Суффолькъ и Маргарита. Изъ иллюстрацій къ «Генриху VI» *Бэйэмъ Шоу* (Bayam Shaw) 55

788. Генрихъ VI привѣтствуетъ королеву Маргариту. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 59

789. Просители, ждущіе выхода короля. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 65

790. Вызываніе духа. Рис. *Джильберта* (Gilbert) . . 67

791. Марджери Джурданъ вызываетъ духа. Картина извѣстнаго англійскаго художника *Джона Опи* (John Opie, R. A., 1761—1807). (Большая Бойделевская галлерея) 69

792. Англо-Французскіе придворные костюмы XV вѣка. (Средневѣковой рисунокъ) 71

793. Аббатство Сентъ Альбанъ (St. Albans). Рисунокъ *Сарджента* (Sargent) 73

794. Королевская охота. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 75

Орнаментъ Рафаэлевскихъ ложъ въ Ватиканѣ.

стр.

795. Хромой Симпкоксъ. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 76
796. Плеть излѣчиваетъ хромоту Симпкокса. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) . . . 77
797. Уорикъ и Сольсбери признаютъ герцога Іоркскаго королемъ. Картина *Гамильтона* (Wil Hamilton, R. A.). (Малая Бойделевская галлерея) 79
798. Питеръ. Англійская гравюра XVIII вѣка 80
799. Покаяніе Герцогини Глостеръ. Рисунокъ извѣстнаго современнаго англійскаго художника *Чарльза Грина* (Ch. Green) . . . 81
800. Король Генрихъ VI въ собраніи Парламента. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 83
801. У постели убитаго Глостера. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 89
802. Кардиналъ Бьюфортъ (Beaufort) . 91
803. Прощаніе Суффолька и Маргариты. Рисунокъ *Гамильтона* (Wil. Hamilton, R. A.). (Изъ изданія Бэлля) 92
804. Прощаніе Суффолька и Маргариты. Картина *Гамильтона* (Wil. Hamilton, R. A.). (Малая Бойделевская галлерея) 93
805. Кардиналъ Бьюфортъ передъ смертью. Картина знаменитаго англійскаго живописца *сэра Джошуа Рейнольдса* (Joshua Reynolds, P. R. A. 1723 1792. (Малая Бойделевская галлерея) 94
806. Схваченный мятежниками Суффольк. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) . . . 97
807. Джонъ Кэдъ въ Лондонѣ. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 103
808. Мятежники несутъ на шестахъ головы лорда Сэя и его зятя. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 105
809. Кэдъ во главѣ мятежниковъ. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 107
810. Айденъ приноситъ Генриху VI голову Кэда. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 109
811. Клиффордъ уноситъ трупъ своего отца. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) . . 113
812. Михаилъ де-ла Поль Основатель графскаго и герцогскаго дома Суффольковъ, отецъ любимца Генриха VI и Маргариты. (Древняя статуя въ Суффолькской церкви) . 115
813. Рутлэндъ молитъ о пощадѣ. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 123
814. Клиффордъ, Рутлэндъ и его воспитатель. Картина извѣстнаго англійскаго живописца *Джемса Норскота* (James Northcoth, R. A., 1746—1838). Большая Бойделевская галлерея) 124
815. Маргарита издѣвается надъ Іоркомъ. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) . . . 125
816. Голова Іорка на шестѣ. Концовка *Джильберта* (Gilbert) 127
817. Войско Іорковъ. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 128
818. Маргарита указываетъ Генриху VI на голову Іорка. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 131
819. Ричардъ, сынъ Іорка (впослѣдствіи Ричардъ III). Рис. *Джильберта* (Gilbert) . 135
820. Отецъ, убившій сына, и сынъ, убившій отца. Картина *Джозіа Бойделя* (Josiah Boydell, 1750—1817). (Большая Бойделевская галлерея) 137
821. Концовка *Джильберта* (Gilbert) . . 140

стр.

822. Лѣсные сторожа и переодѣтый Генрихъ VI. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) . 141
823. Эдуардъ IV и лэди Грей. Рисунокъ *Гамильтона* (Wil. Hamilton, R. A.). (Малая Бойделевская галлерея) 143
824. Король Эдуардъ IV и лади Грей. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 145
825. Король Людовикъ и Уорикъ. Рисунокъ *Джильберта* ((Gilbert) 149
826. Король Эдуардъ IV въ Лондонскомъ Дворцѣ. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 153
827. Эдуардъ IV. Съ гравюры XVIII вѣка 154
828. Лэди Грей. Рисунокъ англо-русскаго художника *Степанова* (Francis Philipp Stepanow, 1778—1860). Изъ англійской галлереи женскихъ типовъ Шекспира 1840-хъ гг. 155
829. Уорикъ снимаетъ корону съ Эдуарда. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) . . 157
830. Уорикъ въ исполненіи Англійскихъ актеровъ XVIII вѣка. (Изъ изданія Бэля 1780-хъ гг.) 159
831. Освобожденіе Эдуарда IV. Картина англійскаго художника XVIII в. Миллера (Miller). (Большая Бойделевская галлерея) 161
832. Монгомери. Кто Эдуарда правъ не признаетъ—
Того зову со мной въ единоборство.
Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 163
833. Генриха VI уводятъ въ Тоуэръ. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 164
834. Уорикъ въ Ковентри. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 167
835. Принцъ Эдуардъ передъ королемъ Эдуардомъ VI. Картина *Гамильтона* (Wil. Hamilton, R. A.). (Малая Бойделевская галлерея) 171
836. Ричардъ у трупа заколотаго имъ Генриха VI. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 178
837. Эдуардъ IV и его новорожденный сынъ. Картина извѣстнаго художника *Норскота* (James Northcote, R. A., 1746—1838). (Большая Бойделевская галлерея) 174
838. Книжная рамка эпохи Ренесанса (Мастерская *Геронима Сонцино* въ итальянскомъ городѣ Фано 1507, по рисунку (Florio Vavassore) 175
839. Римъ въ концѣ Императорской эпохи. Реконструкція нѣмецкаго архитектора *Релендера* (Rehlender, p. 1845) 176
840. Рѣчь Сатурнина. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 185
841. Ааронъ. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 193
842. Англійская актриса XVIII вѣка Уэльсъ (M-rs Wells) въ роли Лавиніи. Рисунокъ извѣстнаго англійскаго художника *Гамильтона* (Wil. Hamilton, R. A., 1751—1801) 195
843. Похищеніе Лавиніи. Картина англійскаго художника *Вудфорда* (S. Woodforde, R. A., 1764—1817). (Малая Бойделевская Галлерея) 197
844. Титъ Андроникъ и лишенная языка Лавинія. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) . . 203
845. Лавинія называетъ имя осквернителя. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 207

стр.

846. Лавинія при чтеніи Энеиды. Картина англійскаго художника *Кирка* (Thomas Kirk, 1797) 211

847. Ааронъ защищаетъ своего ребенка. Картина *Т. Кирка* (Th. Kirk). Малая Бойделевская Галлерея 213

848. Поселянинъ. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 215

849. Древне-германская женщина (По типу подходитъ къ царицѣ Готовъ). Античная статуя во Флоренціи (Loggia dei Lanzi): такъ называемая «Туснельда» 216

850. Луцій во главѣ Готовъ. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 219

851. Трупъ Таморы отдается на растерзаніе звѣрямъ. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 225

852. Концовка эпохи Ренесанса, съ древне-римскими значками S P Q R (Senatus populusque Romani) 226

853. Концовка (Античная мозаика; Помпея) 233

854. Книжная рамка эпохи Ренесанса . 289

855. Заглавная страница перваго изданія «Венеры и Адониса» (оригинальная величина) 321

856. Посвященіе «Венеры и Адониса» герцогу Соутгемптонскому 337

857. Концовка (Античная мозаика; Помпея) 350

858. Заглавный листъ перваго изданія «Лукреціи» (оригинальная величина) 351

859. Концовка (Помпейская мозаика) . . 356

860. «Пиратское» изданіе «Страстнаго Пилигрима» 376

861. Заглавный листъ перваго изданія Сонетовъ 391

862. Концовка (Аллегорическая картина Франческо Альбани, 1578—1660) 435

863. Заставка (съ гербомъ Шекспира). Изъ книги Sno den Ward'a Shakespeare's Townand Times. 437

864. Деревенскій домъ Клифордъ Чемберсъ (Clifford Chambers) подъ Стратфордомъ. Во второй половинѣ XVI вѣка здѣсь жилъ нѣкій Джонъ Шекспиръ. Нѣтъ никакихъ доказательствъ того, чтобы это былъ отецъ поэта. Но въ общемъ, хорошо сохранившійся домъ даетъ представленіе о деревенскихъ постройкахъ временъ Шекспира 439

865. Стратфордъ временъ Шекспира. Старинный домъ на улицѣ Розеръ Стритъ. (Rother Street). Построенъ въ XVI вѣкѣ . . 440

866. Стратфордъ временъ Шекспира. Хорошо сохранившійся домъ Катерины Роджерсъ, по мужу Гарвардъ, сынъ которой Джонъ переселился въ Америку и тамъ основалъ въ 1634 году Гарвардовскій университетъ. Домъ, построенный въ концѣ XVI вѣка, принадлежитъ къ числу лучшихъ въ городкѣ 441

867. Домъ, въ которомъ родился Шекспиръ, въ 1769 году 442

868. Домъ, въ которомъ родился Шекспиръ по гравюрѣ 1806 года 443

869. Комната, въ которой, по преданію, родился Шекспиръ 444

870. Домъ на улицѣ Генли, въ которомъ, какъ предполагаютъ, родился Шекспиръ въ настоящее время 445

стр.

871. Пріемная комната (Parlour) и кухня въ домѣ, гдѣ родился Шекспиръ . . . 446

872. Верхняя комната въ домѣ, гдѣ родился Шекспиръ; предполагается, что эта комната была спальней молодого Шекспира 447

873. Задній фасадъ дома, гдѣ родился Шекспиръ, по фотографіи 1863 года, дающей лучшее представленіе о фасадѣ. Теперь садъ, въ которомъ разведены всѣ упоминаемыя у Шекспира растенія, разросся и въ значительной степени заслоняетъ домъ 448

874. Музей и библіотека въ домѣ, гдѣ родился Шекспиръ 449

875. Главная улица современнаго Стратфорда Чепль Стритъ. (Chapel Street). На переднемъ планѣ старинная постройка Елизаветинскаго времени — «Пять крышъ» (Five gables), съ главнымъ Стратфордскимъ отелемъ — «Shakespeare Hotel»; на заднемъ планѣ — старая ратуша и примыкающая къ ней грамматическая школа, въ которой учился Шекспиръ. У поворота въ улицу налѣво остатки Нью-Плэса, дома, въ которомъ жилъ послѣдніе годы жизни и умеръ Шекспиръ 451

876. Музей въ домѣ, гдѣ родился Шекспиръ. Школьный пюпитръ (Desk), по преданію принадлежавшій Шекспиру . . . 452

877. Запись въ метрической книгѣ Стратфордской церкви Св. Троицы о рожденіи Шекспира 453

878. Древняя купель въ Стратфордской церкви Св. Троицы. Вѣроятно, что въ ней былъ крещенъ Шекспиръ 453

879. Знакъ вмѣсто подписи Джона Шекспира. (Изъ документовъ въ архивѣ Стратфордскаго городского управленія) . 454

880. Домъ матери Шекспира Мэри Арденъ въ Вильмкотѣ, близъ Стратфорда 455

881. Замокъ Варвикъ. Большой залъ . . 457

882. Замокъ Кенильвортъ въ XVII столѣтіи. Гравюры Голлара (Hollar) 1656 года . 459

883. Развалины замка Кенильвортъ въ настоящее время 461

884. «Старая веселая Англія (Old Merry England)». Майскіе обряды и увеселенія: Мавританскій танецъ (Morris Dance), деревянная лошадка, монахъ Тукъ, клоуны, музыканты и т. д. (Живопись на окошкѣ стариннаго дома Джорджа Толлета въ Бетли (Botley) въ Стафордшайрѣ). Гравюра изъ Беллевскаго изд. Шекспира (1785) . . 463

885. Грамматическая школа, въ которой учился Шекспиръ (наружный фасадъ) . 465

886. Грамматическая школа, въ которой учился Шекспиръ (задній фасадъ и площадка для игръ) 467

887. Грамматическая школа, въ которой учился Шекспиръ. Классная комната. По преданію, Шекспиръ сидѣлъ въ лѣвомъ углу около полокъ 469

888. Школьный учитель («педантъ») Елизаветинской эпохи. Изъ латинской комедіи («Pedantius»), игранной въ Кэмбриджѣ около 1590 года (книга напечатана 1631 г.) 470

889. Общій видъ котэджа жены Шекспира, урожденной Анны Гесуэ (Anne Hathaway) въ Шотери 471

стр.

890. Входъ въ котэджъ жены Шекспира Анны Гэсуэ (Anna Hathaway) въ Шотери. У двери миссъ Бэкеръ, послѣднял представительница рода Гэсуэ, умершая въ 1899 году 473
891. Внутренность котэджа Анны Гэсуэ 475
892. Постель Анны Гэсуэ въ ея котэджѣ 476
893. Чарльзкотъ по гравюрѣ 1730 года. (Dugdale Antiquities of Warwikshire) . . 477
894. «Упавшая загородка» (Tumbledown Stile) по дорогѣ въ Чарльзкотъ. По преданію здѣсь былъ застигнутъ Шекспиръ, какъ броконьеръ 477
895. Большая зала въ Чарльзкотѣ . . . 478
896. Чарльзкотъ въ настоящее время . . 479
897. Театръ временъ Шекспира. Рисунокъ Іоганна Девита (Театръ Лебедя) . . . 481
898. Гербъ сэра Томаса Люси (3 щуки) . 482
899. Театръ временъ Шекспира (Red-Bull Playhouse) 483
900. Бенксайдъ (Bankside) — мѣстность на берегу Темзы, гдѣ были сосредоточены театры и другія увеселенія во времена Шекспира. (Гравюра 1616 года) 484
901. Шекспировскій театръ «Глобусъ» . 485
902. Ричардъ Бэрбэджъ (Richard Burbage). Самый знаменитый актеръ (трагикъ) эпохи Шекспира и товарищъ его по труппѣ. Портретъ его въ Дельуичской картинной галлереѣ, (Delwich College) подъ Лондономъ. Портретъ приписывается кисти самого Бэрбеджа. 487
903. Дворецъ въ Гринвичѣ. Здѣсь труппа, къ которой принадлежалъ Шекспиръ часто давала свои представленія. (По старой гравюрѣ) 488
904. *Эдуардъ Алэнъ* (Edward Alleyn). Знаменитый актеръ и руководитель труппы, къ которой принадлежалъ Шекспиръ. Портретъ его въ Дельуической картинной галлереѣ (Delwich College) подъ Лондономъ 489
905. Гербъ Шекспира въ подлинной дворянской грамотѣ его 490
906. Литературно-театральныя таверны Шекспировской эпохи. Существовавшая еще въ началѣ XIX ст. таверна «Сокола» . . 491
907. Шекспиръ-Голлъ въ Роуингтонѣ (Shakespeare Hall, Rowington, возлѣ Стратфорда. Здѣсь, по преданію, Шекспиръ писалъ «Какъ вамъ это понравится» (As you like it) . 492
908. Виньетка въ полную величину) изъ пьесы Вальяма Алабастера «Roxana» (1632). Изображаетъ театръ начала XVI в. и подтверждаетъ то, что дано рисунками на стр. 481 и 483 496
909. Фрэнсисъ Бэконъ 497
910. Мѣсто (противъ Старой Ратуши Guild Hall и граматической школы), гдѣ стоялъ домъ Шекспира—Нью-Плэсъ («New-Place»). Здѣсь онъ провелъ остатокъ жизни и умеръ. На мѣстѣ Нью-Плэса разведенъ садъ . 498
911. Королева Елизавета въ 1592 году. Портретъ ея принадлежащій виконту Дилону (Viscount Dillon at Ditchley). Изъ иллюстрированнаго изданія сочиненія Сидни Ли (Sidney Lee) «A life of Shakespeare») . 499
912. Покровитель Шекспира — Генри Райотсли (Henry Wriothesley) графъ Соутгэмптонъ въ зрѣломъ возрастѣ. Портретъ Ванъ Зомера (Van Somer), нынѣ находящійся въ главномъ Шекспировскомъ музеѣ (Shakespeare Memorial) въ Страттфордѣ 500

стр.

913. Первое изданіе «Гамлета», 1603 года. 501
914. Второе изданіе «Гамлета», 1604 года. 503
915. Нью-Плэсъ, домъ гдѣ жилъ и умеръ Шекспиръ, (по гравюрѣ въ описаніи Стратфорда Wheler'a, вышедшемъ въ 1806 году). Реставрированный въ 1702 году, онъ былъ снесенъ въ 1759 году и на его мѣстѣ теперь разведенъ садъ 504
916. Вещи, принадлежавшія Шекспиру и его женѣ въ музеѣ, устроенномъ рядомъ съ Нью-Плэсомъ 504
917. Уцѣлѣвшій старинный колодезь въ саду, разведенномъ на мѣстѣ Нью-Плэса . . 505
918. Аллея, ведущая въ церковь св. Троицы, гдѣ погребенъ Шекспиръ (апрѣль) . 506
919. Церковь св. Троицы (Holy Trinity), въ которой похороненъ Шекспиръ 507
920. Внутренность стратфордской церкви св. Троицы (Holy Trinity), гдѣ похороненъ Шекспиръ 508
921. Плита надъ могилой Шекспира и бюстъ его въ алтарѣ стратфордской церкви св. Троицы 509
922. Надпись на могильной плитѣ Шекспира 510
923. Дошедшія до насъ подписи Шекспира. 1. На первой страницѣ завѣщанія отъ 25 марта 1616. (Сомерсетъ-Гоузъ въ Лондонѣ) 510
924. Дошедшія до насъ подписи Шекспира. 2. На второй страницѣ завѣщанія. (Сомерсетъ-Гоузъ въ Лондонѣ) 511
925. Дошедшія до насъ подписи Шекспира. 3. Окончательная подпись подъ завѣщаніемъ. (By me William Shakspeare—мною Вильямомъ Шекспиромъ). Сомерсетъ-Гоузъ въ Лондонѣ) 511
926. Дошедшія до насъ подписи Шекспира. 4. На купчей лондонскаго дома, пріобрѣт. въ 1612 — 1613 гг. (Библіотека лондон. ратуши) 512
927. Дошедшія до насъ подписи Шекспира. 5. На закладной лондонскаго дома, пріобрѣтеннаго въ 1612 — 1613 году. (Британскій музей) 513
928. Запись о смерти Шекспира въ метрической книгѣ Стратфордской церкви св. Троицы 519
929. Сопоставленіе пяти дошедшихъ до насъ подписей Шекспира 522
930. Графъ Пэмброкъ (William Herbert, earl of Pembroke † 1630). Ему посвящено in folio 1623 года. Въ немъ неправильно усматривали героя мниmаго любовнаго романа Сонетовъ Шекспира 523
931. Стихи друга Шекспира — знаменитаго поэта Бэнъ-Джонсона, помѣщенные во главѣ изданія in folio 1623 года (воспроизведены въ полную величину) 524
932. Первые издатели Шекспира. Драматургъ *Николай Роу* (Rowe, 1673 - 1718). Портретъ сэра Годфри Неллера (Sir. G. Kneller) 525
933. Первые издатели Шекспира. Знаменитый поэтъ *Попъ* (Alexander Pope, 1688—1744). Портретъ *сэра Годфрея Неллера* (Godfrey Kneller) 526
934. Первые издатели Шекспира. Знаменитый критикъ и лексикографъ *Джонсонъ* (Samuel Johnson, 1709—1784). Съ портрета Рейнольдса (Sir Joshua Reynolds) . . 527

стр.

935. Первые издатели Шекспира. *Эдуардъ Кэпель* (Edward Capell, 1713—1781); съ медали Рубильяка (Roubiliac, 1703—1762) . 528
936. Первые издатели Шекспира. Епископъ Глостерскій, Варбуртонъ (William Warburton, Bishop of Gloucester, 1698—1779) . . 529
937. Первые издатели Шекспира. *Сэръ Томасъ Гекмеръ* (Hanmer, 1676—1746) съ портрета Неллера (sir G. Kneller) 530
938. Первые издатели Шекспира. Знаменитый комментаторъ *Мэлонъ* (E. Malone, 1741—1812). Гравюра Бартолоцци по портрету Рейнольдса (sir. I. Reynolds) 531
939. Празднованіе 200-лѣтняго юбилея Шекспира въ 1764 году. Устроенная знаменитымъ актеромъ Гаррикомъ процессія направляется къ дому, гдѣ родился Шекспиръ . 533
940. Шекспировскій театръ-музей въ Стратфордѣ, на берегу Авона. (Shakespeare Memorial) 535
941. Такъ наз. «Американскій фонтанъ» въ Стратфордѣ. Сооруженъ въ честь Шекспира въ 1887 г. американцемъ Чайльдсомъ . 537
942. Занавѣсъ Шекспировскаго театра-музея (Shakespeare Memorial) въ Стратфордѣ. (Королева Елизавета и ея свита у входа въ Шекспировскій театръ «Глобусъ») . . 539
943. *Августъ Вильгельмъ Шлегель* (August Wilhelm von Schlegel, 1767—1845). Знаменитый нѣм. критикъ и эстетикъ главный создатель классическаго, «Шлегель-Тиковскаго» перевода Шекспира на нѣм. языкъ . . 541
944. Знаменитый нѣмец. писатель *Тикъ* (Ludwig Tieck (1773—1853), одинъ изъ создателей классическаго, «Шлегель-Тиковскаго» перевода Шекспира на нѣм. языкъ 543
945. Фридрихъ *Боденштедтъ*. (1819—1892). Знаменитый нѣм. поэтъ и главный иниціаторъ новѣйшаго нѣмецкаго перевода Шекспира . 545
946. Знаменитый нѣмец. шекспирологъ *Гервинусъ* (Gervinus, 1805—1871) 547
947. Профессоръ *Деліусъ* (Nicolaus Delius, 1813—1888). Знаменитый нѣм. шекспирологъ . 549
948. *Александръ Дайсъ* (Alexander Dyce) 1798—1869. Издалъ самое авторитетное изъ комментированныхъ англійскихъ изданій Шекспира, появившихся въ XIX вѣкѣ 551
949. Д-ръ *Фэрнивалль* (Frederick Furnivall, ph. D., 1825). Выдающійся англійскій филологъ и шекспирологъ, основатель «New Shakespeare Society» 553
950. *Голиэль-Филипсъ* (Halliwel Philips (1820—1889). Одинъ изъ наиболѣе заслуженныхъ англ. біографовъ Шекспира . . 555
951. Профессоръ *Эдуардъ Доуденъ* (Edward Dowden, p. 1813). Одинъ изъ наиболѣе выдающихся современныхъ англійскихъ шекспирологовъ 557
952. *Сидни Ли*. (Sidney Lee, p. 1859). Авторъ самой авторитетной теперь англ. біографіи Шекспира 559
953. Николай Ильичъ *Стороженко*, профессоръ москов. университета, род. 1836 г. Самый выдающійся знатокъ Шекспира въ Россіи 569
954. Завѣщаніе Шекспира 1-я страница . 598
955. Завѣщаніе Шекспира 2-я страница . 599
956. Завѣщаніе Шекспира 3-я страница . 600
957. Орнаментъ Рафаэлевскихъ ложъ въ Ватиканѣ 603

II.

Автотипіи на отдѣльныхъ листахъ.

42. Король Генрихъ VI. Портретъ его въ лондонской національной портретной галлереѣ.
43. Гомфри Глостеръ, (Humphrey Gloucester). Портретъ его, кисти французскаго или фламандскаго живописца, видимо XVI вѣка, въ библіотекѣ города Аррасса въ сѣв. Франціи.
44. Ричардъ Глостеръ, (впослѣдствіи Ричардъ III). Портретъ его въ Лондонской національной портретной галлереѣ.
45. Эдуардъ III. Надгробная бронзовая статуя его въ Вестминстерскомъ соборѣ.
46. Черный Принцъ. Надгробная статуя его въ Кентерберійскомъ соборѣ.
47. Король Эдуардъ III и его семья. Томасъ Вудстокъ, младшій сынъ Эдуарда III. Эдуардъ III. Королева Филиппа. Эдуардъ, Черный Принцъ.
48. Мотивъ занавѣси въ древне-греч. стилѣ Л. С. Бакста. (Постановка «Эдипа» Софокла въ Александринскомъ театрѣ, январь 1904 г.).
49. Венера и Адонисъ. Картина *Тиціана* (Tiziano Vecelio, 1476—1576).
50. Венера и Адонисъ. Картина *Рубенса* (Rubens, 1577—1640).
51. Умирающій Адонисъ. Статуя *Микель-Анджело* (Michelangelo Buonarotti, 1475—1564.).
52. Венера и умирающій Адонисъ. Картина итальянскаго художника *Турки* (Alessandro Turchi, 1582—1648).
53. Лукреція въ изображеніи художниковъ возрожденія. Картина *Альбрехта Дюрера* (Albrecht Dürer 1471—1528).
54. Лукреція въ изображеніи художниковъ возрожденія. Картина *Луки Кранаха* (Lukas Cranach, 1472—1553).
55. Лукреція въ изображеніи художниковъ возрожденія. Картина *Содомы* (Sodoma, 1477—1549).
56. Лукреція въ изображеніи художниковъ возрожденія. Картина *Пальмы Старшаго* (Palma Vechio, 1480—1528).
57. Лукреція въ изображеніи художниковъ возрожденія. Картина *Тинторетто* (Tintoretto, 1519—1594).
58. Лукреція въ изображеніи художниковъ возрожденія. Картина индерланд. школы 1530 г.
59. Лукреція въ изображеніи художниковъ возрожденія. Картина *Каньячи* (Cagnacci, 1601—1687).
60. Лукреція и Тарквинскій Секстъ. Картина *Луки Джордано* (Luca Giordano, 1632—1705).
61. Джорджъ Стивенсъ (George Steevens, 1736—1800). Самый выдающійся изъ Шекспирологовъ 18 столѣтія (портретъ его въ Лондонской національной портретной галлереѣ).
62. Шекспиръ — дитя. Двѣ аллегорическія картины знаменитаго англ. живописца *Ромнея* (George Romney, 1734—1802).

I.

Природа и страсти ухаживаютъ за младенцемъ Шекспиромъ. (The Infant Shakespeare attended by Nature and the Passions).

II.

Трагедія и Комедія няньчатъ Шекспира. (Shakespeare Nursed by Tragedy and Comedy).
63. Шекспиръ и Анна Гесуэ. Картина *Томаса Брукса* (Thomas Brooks, R. A., род. 1818).
64. Шекспиръ браконьеръ. (Его приводятъ къ сэру Томасу Люси). Картина *Томаса Брукса* (Thomas Brooks, R. A., p. 1818).

65. Портретъ «Эли-Палэсъ» (Ely Palace Portrait). Можетъ быть писанъ въ 1603 году и можетъ быть служилъ оригиналомъ Дройшютовской гравюры.

66. Такъ называемая «Кассельштедская маска». Можетъ быть снята съ трупа Шекспира.

67. «Фельтоновскій» портретъ Шекспира (The Felton Shakespeare). Рисованъ на деревянной доскѣ. Его приписывали кисти товарища Шекспира Ричарда Бербеджа и видѣли въ немъ оригиналъ гравюры Дройшюта; что едва-ли вѣрно. Но, повидимому, портретъ написанъ не позже XVI в.

68. Такъ называемый «Д'Авенантовскій бюстъ» Шекспира. (D'Avenant Bust). (Вѣроятно относится къ серединѣ XVII столѣтія).

69. «Маршаловскій» портретъ (Marshal Portrait). Гравюра Вильяма Маршала (William Marshall, род. раньше 1591 г., умеръ послѣ 1649), очевидно по Дройшютовской гравюрѣ.

Чандоскій портетъ въ гравюрѣ Томаса Кука. (Thomas Kook, 1744—1818). Фотогравюру съ подлиннаго Чандоскаго портрета см. въ I т.

70. Старинная нѣмецкая копія Янсеновскаго или Сомерсетскаго портрета, можетъ быть писаннаго въ 1610 г. Принадлежитъ герцогу Ангальтскому (The Janssen Portrait in Germany). Фотогравюру съ подлиннаго портрета см. во II томѣ.

Чандоскій портретъ въ гравюрѣ Гемфри. (Ozia Humphrey, 1742—1810). Фотогравюру съ подлиннаго Чандоскаго портрета см. въ I т.

71. Такъ называемый «Стратфордскій» портретъ Шекспира. (Stratford-Potrait). Вѣроятно писанъ въ 18 вѣкѣ.

72. Шекспиръ, статуя въ Британскомъ музеѣ. Работы *Рубильяка* (Rubilliac, 1703—1762).

73. Памятникъ Шекспиру въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ («Уголокъ поэтовъ» — Poets Corner). Работы *Шимекерса* (Pieter Scheemaeckers, 1691, † послѣ 1769) по проекту *Кента* (William Kent, 1685—1748).

74. Знаменитый исполнитель Шекспировскихъ ролей Давидъ Гарикъ у бюста Шекспира. Портретъ кисти знаменитаго англ. художника *Гэнсборо* (Gainsborough, 1727 — 1788). Находится въ Стратфордской ратушѣ.

75. Мнимые портреты Шекспира.

а) «Бернскій» портретъ (Burn Portait).

б) «Гилилэндовскій» портретъ (Cilliland Portrait). Сталъ извѣстенъ въ 1827 г.

в «Зинковскій» портр. (Zincke Portrait). Приписывался другу Шекспира — актеру Бербеджу. Въ дѣйствительности, по Стратфордскому бюсту, сфабрикованъ около 1820 г. живописцемъ Зинкомъ (Paul Francis Zincke, род. раньше 1750 † 1830).

г) «Ашборнскій» портретъ. (Ashborne Portrait). Сталъ извѣстенъ въ серединѣ 19 столѣтія.

76. Мнимые портреты Шекспира.

а) «Ауріоловская Миніатюра» (Auriol Miniature).

б) Гиліардовская Миніатюра» (Hilliard Miniature).

в) «Бостонскій портретъ» (Boston Portrait). Находится въ Бостонскомъ музеѣ. На оборотѣ написано «Рисовалъ *Fede igo Zucchero* 1595». Но въ дѣйствительности Цукеро оставилъ Англію въ 1580 г.

«Цукеровскій» портретъ (Zucchero Portrait). Тоже приписывается кисти *Федериго Цукеро* (1542—1609), съ 1574 по 1584 жившаго въ Англіи, слѣдовательно уѣхавшаго, когда Шекспиру было 16 лѣтъ.

77. Мнимые портреты Шекспира.

а) «Зойстовскій» или «Сэстовскій» портретъ. (Zoust or Soesr Portrait). Гравюра — мецотинтъ Симона, появившаяся въ Англіи въ 1725 какъ снимокъ съ портрета, писаннаго жившимъ въ Англіи вестфальцемъ *Сестомъ* (Soest или Zoust, 1637 — 1680). Писанъ во всякомъ случаѣ не съ натуры.

б) «Дэнфордскій» портретъ (Dunford Portrait). Сталъ извѣстенъ въ 1814. Одинъ изъ самыхъ недостовѣрныхъ. Повидимому, спекулятивная поддѣлка.

78. «Стэсевскій» портретъ Шекспира (Staco Portrait). Принадлежитъ къ числу малодостовѣрныхъ.

79. Памятникъ Шекспиру въ Нью-Іоркѣ. (Статуя въ Central Park, работы президента американской національ. академіи *Джона Квинси Адамса Уорда* J. Q. A. Ward, род. 1830; поставлена въ 1872 г.).

80. Шекспиръ за работой (Shakespeare in his Study). Картина *Джона Фэда* (John Faed, 1820—1902).

81. Фонтанъ-памятникъ Шекспиру въ Лондонскомъ Лейстеръ-Скверѣ. (Leicester-Square). (Сооруженъ въ 1874 г.; статуя повторяетъ статую Рубильяка въ Вестминстерскомъ Соборѣ).

82. Памятникъ Шекспиру въ Стратфордѣ передъ главнымъ Шекспировскимъ музеемъ (Shakespeare Memorial). Работы *лорда Рональда Гоуэра* (Lord Ronald Gower). Открытъ въ 1888 г.

83. Новѣйшій памятникъ Шекспиру (1903). Статуя Берлинскаго художника *Отто Лессинга* (Otto Lessing, р. 1846), изготовленная для постановки въ Веймарѣ.

II.

Фототипіи и хромолитографіи.

38. Венера и Адонисъ. Картина *Рубенса*.

39. Покровитель Шекспира Генри Райотсли, графъ Соутгемптонскій, въ молодости. Современный портретъ его въ Вельбекъ Эби (Welbeck Abbey); коллекція герцога Портлэндскаго.

40. Обезоруженный купидонъ (Disarming of Cupid). Сонетъ 154. (Sonnet CLIV). Картина англ. живописца *Фроста* (W. E. Frost, R. A., 1810—1877).

41. Портретъ, открытый Эдгардомъ Флоуеромъ въ 1892 г., очень вѣроятно, что съ него дѣлана Дройшютовская гравюра.

42—43. Фотографическое воспроизведеніе въ полную величину заглавнаго листа in folio 1623 года, съ гравюрою Дройшюта.

44. Раскрашенный бюстъ Шекспира у могилы его въ Стратфордской церкви Св. Троицы (Stratford Bust). Поставленъ въ 1623 году.

45. Шекспиръ. Картина знаменитаго англ. живописца *Мадокса Броуна* (Ford Madox Browne, 1821—1893).

46. Шекспиръ и его друзья (Shakespeare and his friends). Картина *Джона Феда* (John Faed, 1820—1902). Кромѣ идеализированнаго Шекспира въ центрѣ, въ остальныхъ можно найдти извѣстное сходство съ графомъ Соутгемптономъ Эссексомъ, Бэнъ-Джонсономъ, Драйтономъ, Чэпмэномъ, Бьюментомъ, Флетчеромъ.

Ш[illegible]РЪ ДИТЯ.

[illegible] Ромнея (George Romney 1734–1802).

[illegible] ЗА МЛАДЕНЦЕМЪ ШЕКСПИРОМЪ.

[illegible] Nurse and the Passions.

ШЕКСПИРЪ и АННА ГЕСУЭ.
Картина Томаса Брукса (Thomas Brooks, R. A., род. 1818).

ШЕКСПИРЪ—БРАКОНЬЕРЪ. (ЕГО ПРИВОДЯТЪ КЪ СЭРУ ТОМАСУ ЛЮСИ).
Картина Томаса Брукса (Thomas Brooks, R. A., p. 1818).

РТРЕТЪ „ЭЛИ-ПЭЛЭСЪ“ (Ely Palace Portrait).

1603 году и, можетъ-быть, служилъ оригиналомъ Дройшютовской гравюры.

Franz-Pascal

Раскрашенный бюстъ Шекспира у могилы его въ Стратфордской церкви Св. Троицы (Stratford Bust). Поставленъ въ 1623 году

Iudicio Pylium, genio Socratem, arte Maronem
Terra tegit, populus maeret, Olympus habet.

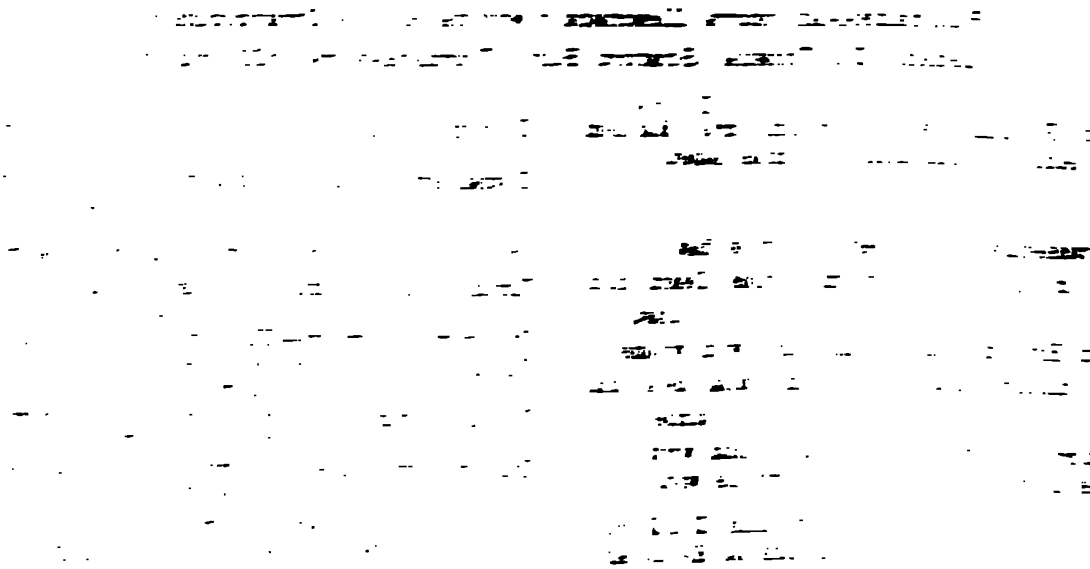
Stay passenger, why goest thou by so fast
Read, if thou canst, whom envious Death hath plast,
With this monument Shakspeare: with whome
Quick nature dide whose name doth deck that tombe
[illegible] he hath writt
[illegible] serve his witt.

Obiit Anno D[O] 1616.
Aetatis 53. die 23 Ap.

По мудрости Пилія (Нестора), по духу Сократа,
по искусству Морана (Виргилія)
Покрываетъ земля, оплакиваетъ народъ, имѣетъ (получаетъ) Олимпъ.

Стой прохожій, почему ты проходишь такъ быстро
Читай, если умѣешь, кого завистливая смерть заключила
Въ этотъ памятникъ—Шекспира, съ которымъ
Умерла и природа и имя котораго покрываетъ (украшаетъ) эту могилу.
Гораздо больше чѣмъ издержки на нее, смотри
все, что онъ писалъ
Дѣлаетъ современное искусство только странницею,
на которой отражается его духъ.

Скончался лѣта Господня 1616.
Въ возрастѣ 53 лѣтъ Апрѣля 23 дня.



Mr. WILLIAM

SHAKESPEARES

COMEDIES,
HISTORIES, &
TRAGEDIES.

Published according to the True Originall Copies.

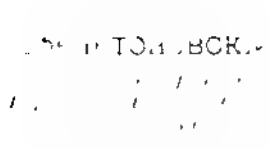
Старинная нѣмецкая копія Янсеневскаго или Самаркетскаго портрета, можетъ быть писаннаго въ 1610 г. Принадлежитъ герцогу Ангальтскому (The Jansen Portrait in Germany). Фотогравюру съ подлиннаго портрета см. во II томѣ (A photogravure from the Jansen- Portrait see vol. II).

ЧАНДОСКІЙ портретъ въ гравюрѣ ГЕМФРИ.
(Ozia Humphrey, 1742—1810).

Фотогравюру съ подлиннаго Чандоскаго портрета см. въ I т. (A photogravure from the Chandos Portrait see vol. I)

„МАРШАЛОВСКІЙ" портретъ (Marshall Portrait).
Гравюра Вильяма Маршала (William Marshall, род. раньше 1519 г., умеръ послѣ 1649), очевидно, по Дройшютовской гравюрѣ.

ЧАНДОСКІЙ портретъ въ гравюрѣ ТОМАСА КУКА.
(Thomas Cook, 1744—1818).
Фотогравюру съ подлинника Чандоскаго портрета см. въ I т. (Aphotogravure from the Chandos-Portrait see vol. I).



„ФЕЛЬТОНОВСКІЙ“ ПОРТРЕТЪ ШЕКСПИРА (The Felton Shakespeare).

Рисованъ на деревянной доскѣ. Его приписывали кисти товарища Шекспира Ричарда Бербеджа и видѣли въ немъ оригиналъ гравюры Дройшюта, что едва-ли вѣрно. Но, повидимому, портретъ написанъ не позже XVI столѣтія.

Такъ называемый «Д'Авенантовскій бюстъ» Шекспира (D'Avenant Bust).
(Вѣроятно относится къ срединѣ XVII столѣтія.)

СТАТУЯ ШЕКСПИРА ВЪ БРИТАНСКОМЪ МУЗЕѢ.
Работы Рубильяка (Roubilliac, 1703—1762).

Mr. WILLIAM

SHAKESPEARES

COMEDIES, HISTORIES, & TRAGEDIES.

Published according to the True Originall Copies.

„МАРШАЛОВСКІЙ“ портрет [illegible]

[illegible]

„ФЕЛЬТОНОВСКІЙ“ ПОРТРЕТЪ ШЕКСПИРА (The Felton Shakespeare).

Рисованъ на деревянной доскѣ. Его приписывали кисти товарища Шекспира Ричарда Бербеджа и видѣли въ немъ оригиналъ гравюры Дройшюта, что едва-ли вѣрно. Но, повидимому, портретъ написанъ не позже XVI столѣтія.

ПАМЯТНИКЪ ШЕКСПИРУ ВЪ ВЕСТМИНСТЕРСКОМЪ АББАТСТВѢ („Уголокъ поэтовъ“).

Работы Шимекерса (Pieter Scheemaeckers, 1691, † послѣ 1769) по проекту Кента (William Kent, 1685—1748).

Такъ называемый «Стратфордскій» портретъ Шекспира (Stratford-Potrait).
Вѣроятно, писанъ въ 18 вѣкѣ.

ЗНАМЕНИТЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ ШЕКСПИРСКИХЪ РОЛЕЙ ДАВИДЪ ГАРРИКЪ У БЮСТА ШЕКСПИРА.
Портретъ кисти знаменитаго анг. художника Гэнсборо (Gainsborough, 1727—1788). Находится въ Стратфордской ратуши.

„СТЭСЕВСКІЙ" ПОРТРЕТЪ ШЕКСПИРА (Stace Portrait).

Принадлежитъ къ числу малодостовѣрныхъ.

МНИМЫЕ ПОРТРЕТЫ ШЕКСПИРА.

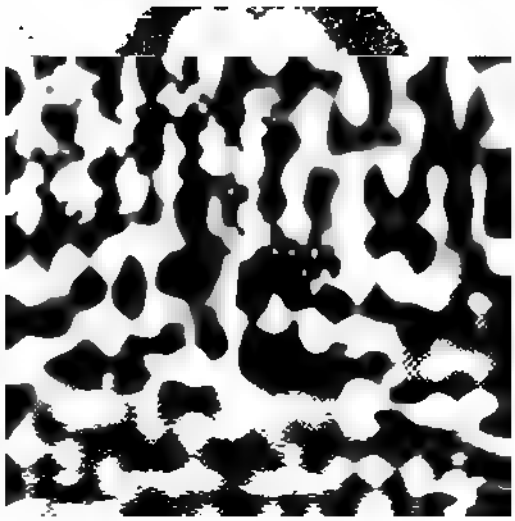
„ЗОУСТОВСКІЙ“ или „СЭСТОВСКІЙ“ портретъ ШЕКСПИРА.
(Zoust or Soest Portrait).

Гравюра—мецотинтъ Симона. Появилась въ Англіи въ 1725, какъ снимокъ съ портрета, писаннаго жившимъ въ Англіи вестфальцемъ Сестомъ (Soest или Zoust, 1637—1680). Писанъ, во всякомъ случаѣ, не съ натуры.

„ДЭНФОРДСКІЙ“ портретъ (Dunford Portrait) ШЕКСПИРА.

Сталъ извѣстенъ въ 1814. Одинъ изъ самыхъ недостовѣрныхъ. Повидимому, спекулятивная поддѣлка.

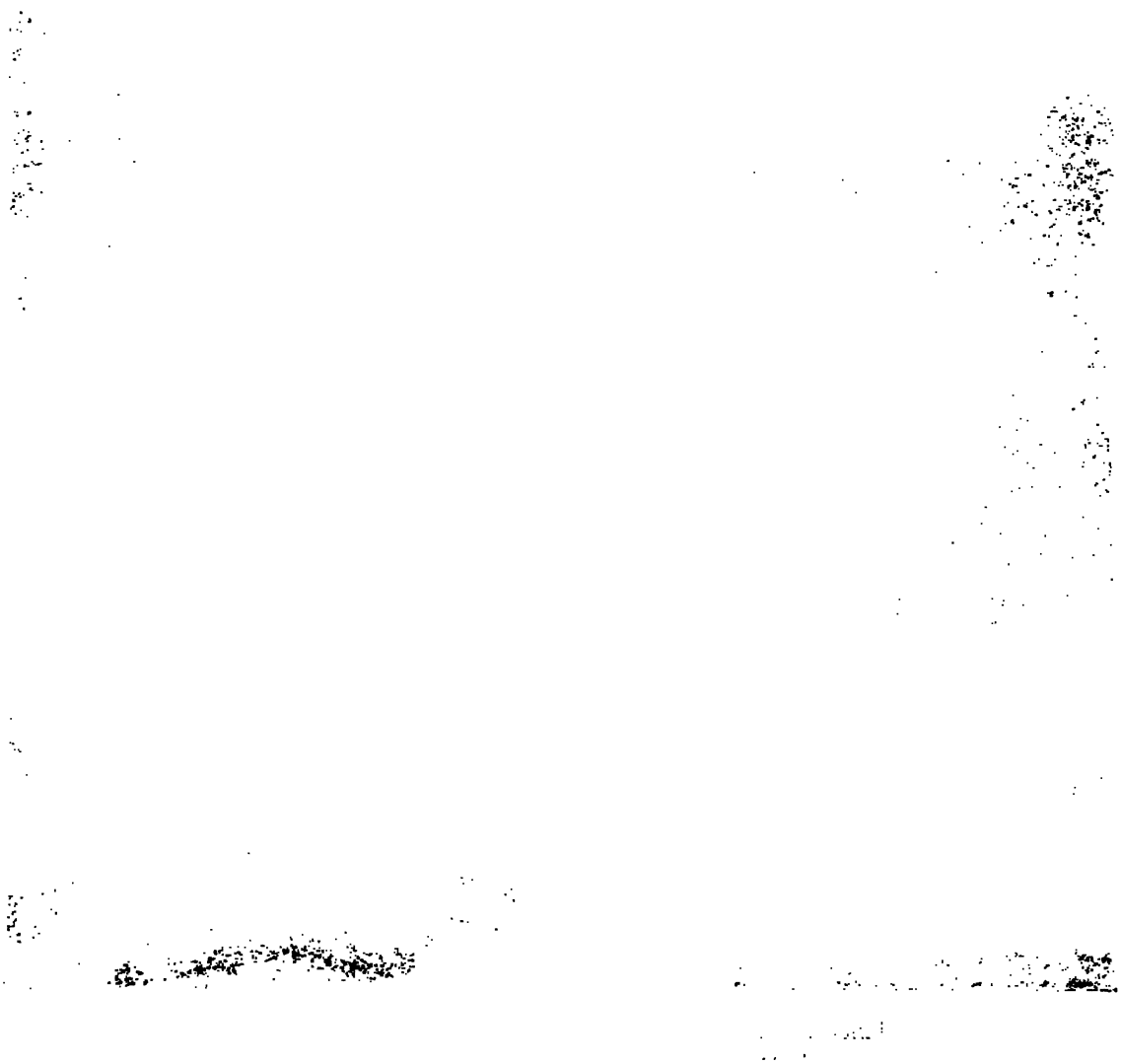
МНИМЫЕ ПОРТРЕТЫ ШЕКСПИРА.



[illegible] ПОРТРЕТЪ
(Gibbons Portrait)
[illegible]

„ЗИНКОВСКІЙ“ ПОРТРЕТЪ.
(Zincke Portrait).
Приписывался другу Шекспира — актеру [illegible] бюжу. Въ дѣйствительности, по Стратфорд[illegible]скому бюсту сфабрикованъ около 18[illegible] [illegible] вописцемъ Зинкомъ (Paul Francis Zincke, [illegible] раньше 1750, † 18[illegible]).

[illegible]РНСКІЙ“ ПОРТРЕТЪ.
(Ashborne Portrait).
[illegible] въ срединѣ 19 столѣтія.



ШЕКСПИРЪ ЗА РАБОТОЙ (Shakespeare in his Study).
Картина Джона Фэда (John Faed, 1820—1902).

Шекспир. Картина знаменитого англійск. живописца Мадокса Брауна. (Shakespeare by Ford Madox Brown, 1821—1893).

Картина знаменитого англійск. живописца Мадокса Брауна. (Shakespeare by Ford Madox Brown, 1821—1893).
Экземпляр.

ПАМЯТНИКЪ ШЕКСПИРУ ВЪ НЬЮ-ІОРКѢ.

(Статуя въ Central Park, работы президента американской національн. академіи Джона Квинси Адамса Уорда, J. Q. A. Ward, род. 1830; поставлена въ 1872 г.).

Фонтанъ-памятникъ Шекспиру въ Лондонскомъ Лейстеръ-Сквэрѣ. (Leicester-Square).
(Сооруженъ въ 1874 г., статуя повторяетъ статую Рубильяка въ Вестминстерскомъ Соборѣ).

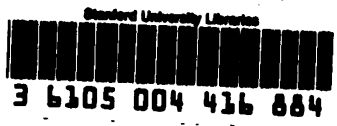
ПАМЯТНИКЪ ШЕКСПИРУ ВЪ СТРАТФОРДѢ,
ПЕРЕДЪ ШЕКСПИРОВСКИМЪ ТЕАТРОМЪ-МУЗЕЕМЪ (Shakespeare Memorial).
Работы современнаго англ. скульптора лорда Рональда Гоуэра (Lord Ronald Gower) Открытъ въ 1888 г.

НОВѢЙШІЙ ПАМЯТНИКЪ ШЕКСПИРУ (1903).

Статуя Берлинскаго художника Отто Лессинга (Otto Lessing, p. 1846), изготовленная для постановки въ Веймарѣ.

Оглавленіе V тома.

		стр.
I.	„Король Генрихъ VI". Новый переводъ О. Чюминой, съ предисл. прив.-доц. Е. В. Аничкова	1
II.	„Титъ Андроникъ". Новый переводъ О. Чюминой, съ предисл. Р. И. Бойля.	175
III	„Два знатныхъ родича". Новый переводъ проф Н. А. Холодковскаго, съ предисл. Р. И. Бойля	227
IV.	„Эдуардъ III". Новый переводъ В. С. Лихачова, съ предислов. Р. И. Бойля.	289
V.	„Венера и Адонисъ". Новый переводъ А. М. Ѳедорова, съ предисл. проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго.	331
VI.	„Лукреція" Новый перев. А. М. Ѳедорова, съ предисл. проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго	351
VII.	„Жалоба влюбленной". Новый переводъ Т. Л. Щепкиной-Куперникъ	379
VIII.	„Страстный Пилигримъ". Новый переводъ В. А. Мазуркевича	384
IX	„Фениксъ и голубка" Новый переводъ А. М. Ѳедорова	388
X.	„Сонеты". Съ предислов. прив.-доцента И. И. Иванова. 14 сонетовъ въ старыхъ переводахъ Гр. И. Мамуны, Н. Гербеля и С. Ильина, 140 въ новыхъ перев. П. Быкова, В. Брюсова, Н. Брянскаго, Л. Вилькиной, Г. Галиной, И. Гриневской, Пл. Краснова В. Лихачова, В. Мазуркевича, К. Случевскаго, Лейтенанта С., кн. Э. Ухтомскаго, К. Фофанова, Н. Холодковскаго, Ф. Червинскаго, Т. Щепкиной-Куперникъ. А. М. Ѳедорова	392
XI.	Вильямъ Шекспиръ. Очеркъ С. А. Венгерова	437
XII.	Шекспиръ-Бэконовскій вопросъ. Очеркъ проф. Н. И. Стороженка	497
XIII.	Бэконовскій шифръ. Р. И. Бойля	515
XIV.	Примѣчанія къ V-му тому: С. А. Венгерова, Р. И. Бойля, А. Г. Горнфельда.	520
XV.	Шекспиръ въ русской литературѣ. Библіограф. очеркъ Н. Н. Бахтина.	558
XVI.	Завѣщаніе Шекспира. Новый переводъ В. Д. Гарднера	598



STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

APR 7
JUN 08 1999
1999